Археология Подмосковья

Выпуск 5

Материалы научного семинара

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region

Proceedings of scientific seminar

Issue 5

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

Moscow
2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья

Материалы научного семинара

Выпуск 5

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

Москва
2009

УДК 902/903
ББК 63.4
А 87

Утверждено к печати на заседании Ученого совета Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А.В. Энговатова (отв. редактор), В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
д.и.н. Л.А. Беляев,
д.и.н. А.Н. Сорокин

А 87

Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 5.– М.: Институт археологии РАН, 2009.– 480 с. , цв. вкл.

Пятый выпуск сборника «Археология Подмосковья» продолжает публикацию материалов, полученных при исследовании Московской области и Москвы. В настоящий сборник вошли статьи, освещающие изучение таких важных памятников, как Рождественское, Мякининское и Болшевское селища. Статьи о раскопках в Твери, Нижнем Новгороде и Смоленске расширяют географические рамки сборника.

В первом разделе сборника представлены публикации средневековых древностей, во втором – раннего железного века. Некоторые статьи первого раздела посвящены археологии позднего средневековья и Нового времени, материальная культура которых еще только начинает изучаться.

Для археологов, историков, краеведов.

ISBN 978-5-94375-077-9

УДК 902/903
ББК 63.4

© Институт археологии РАН, 2009
© Коллектив авторов, 2009

Содержание

От редакции 9
Энговатова А.В. Современные тенденции в спасательной археологии Подмосковья (вместо предисловия) 11

Средневековые памятники

Гоняный М.И. Методика комплексных разведочных археологических исследований на средневековых селищах в Подмосковье 23
Гравес И.В., Галкин Ю.С., Низовцев В.А. Ландшафтный анализ формирования поселенческой структуры московского региона 43
Гольева А.А. Микробиоморфные исследования культурных слоев древних поселений Центральной России 55
Гольева А.А. Почвенные исследования средневековых валов Дмитрова, Ярославля и Ростиславля 72
Ершов И.Н. К проблеме атрибуции Акулининского идола 89
Вишневский В.И. Вышегород-на-Яхроме (исследования 1993 г.) 97
Чернов С.З., Волков И.В. Болшево-3 – древнерусское поселение XI века на верхней Клязьме 112
Коваль В.Ю. Археологическая керамология в России (эпоха средневековья) 137
Коваль В.Ю. Хронологическая стратификация памятника методами керамологии (на примере селища Мякинино-1) 142
Хижняков О.И. Гончарные клейма из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2 153
Захарова Е.П. Женский костюм и его детали по материалам Мякининского курганного могильника 163
Шполянский С.В. Раскопки селищ в пределах средневековой волости Перемышль в Подмосковье и некоторые общие вопросы динамики освоения региона в конце XII- первой половине XV вв. 170
Панченко К.И. Археологические исследования на селище XII–XIII веков Степаново 2 184
Столярова Е.К. Стеклянные украшения селища Степаново 2 197
Сарачева Т.Г. Ювелирные изделия и предметы христианского культа из раскопок средневекового селища Степаново-2 в Подмосковье 204
Зайцева И.Е. Предметы христианского культа из раскопок Серенска 213
Бадеев Д.Ю. Село Луцкое по письменным источникам и результатам археологических исследований 224
Векслер А.Г., Лихтер Ю.А. Браслеты и перстни, найденные при работах археологической службы г. Москвы (1989-2006 годы) 230
Осипов Д.О. Из истории великокняжеских и царских «потех» (по материалам раскопок в Московском Кремле) 237
Кутасов П.А. Предметы вооружения и снаряжения воина XVI–XVII вв. из археологических наблюдений в Ильинском проезде г. Москвы *251*
Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатенкова В.В. Средневековые ювелирные комплексы бывшего Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 2001-2006 гг.) ...268
Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Археологические исследования погоста XV-XVI вв. у с. Рождественно Одинцовского района Московской области *281*
Грибов Н.Н. Позднесредневековая белоглиняная керамика из Нижнего Новгорода 327
Смирнов А.Н. Дворцовый комплекс Б.Ф. Годунова в селе Вяземы 340
Патрик Г.К., Гусаков М.Г. Уникальный изразец из Смоленска 358
Высоцкий А.Л. Некрополь Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: уточнение исследовательской парадигмы 364
Щербаков В.В. Исследование Воскресенского погоста в 2007–2008 гг. 371

Памятники эпохи раннего железного века

Кренке Н.А. Начало исследований Дьякова городища 381
Гусаков М.Г. К вопросу о происхождении дьяковской культуры в свете гипотезы В.В. Седова 392
Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С. К вопросу об облике построек городищ Кузнечики и Щербинское 409
Лопатина О.А. Древнейшая керамика каширских городищ раннего железного века 417
Гусаков М.Г., Модестов Ф.Э. Круглые городища Смоленщины раннего железного века. К вопросу об их назначении 433
Медведь А.Н. Укрепления раннего железного века на городище Ростиславль (предварительные итоги исследований) 448
Тавлинцева Е.Ю., Лопатина О.А. Тигли и литейные формы Ростиславльского городища 455

Список сокращений 476
Сведения об авторах 478

Contents

From the editors 9
Engovatova A.V. Our days tendencies in the protective archaeology of the Moscow region (Instead of introduction) *11*

Medieval monuments

Gonyaniy M.I. Technique of the complex exploratory archaeological investigations on the medieval settlements of the Moscow region 23
Graves I.V., Galkin Yu.S., Nizovtsev V.A. The results of landscape analysis ofsettlement structure forming in Moscow region 43
Gol'eva A.A. Microbiomorphe investigations of the cultural layers of ancient settlements of the Central Russia 55
Gol'eva A.A. Soils investigations of the medieval ramparts of Dmitrov, Yaroslavl' and Rostislavl' 72
Ershov I.N. To the problem of Akulininskiy idol attribution 89
Vishnevskiy V.I. Vyshegorod-upon-Yahroma (investigations of 1993) 97
Chernov S.Z., Volkov I.V. Bolshevo-3 – the ancient Russian settlement of 11th century 112
Koval' V.Yu. Archaeological ceramology in Russia (The Middle Ages) 137
Koval' V.Yu. Site's chronological stratification by the methods of archaeological ceramology (in terms of the Myakinino-1 settlement) 142
Khijnyakov O.I. Potter's signs from the digs of the Myakinino-1 and Myakinino-2 settlements 153
Zakharova E.P. Feminine suit and its articles on the material from the Myakininskiy burial mound 163
Shpolyanskiy S.V. The excavations of the settlements in the bounds of the medieval volost' Peremyshl' in the Moscow region and some general questions of the dynamic of the region reclaiming at the 12th – the first half of 15th centuries 170
Panchenko K.I. Archaeological investigations on the 12th–13th centuries settlement Stepanovo 2 184
Stolyarova E.K. Glass ornaments from the Stepanovo 2 settlement 197
Saracheva T.G. Pieces of jewelry and Christian antiquities from the excavations of the medieval settlement Stepanovo 2 in the Moscow region 204
Zaitseva I.E. Items of the Christian worship from the excavations of Serensk 213
Badeev D.Yu. Village Lutskoye according to the writing sources and results of archaeological investigations 224
Veksler A.G., Lichter Yu. A. Bracelets and rings discovered in the course of works of Moscow archaeological service 230
Osipov D.O. From the history of grand duke's and tsar's "larks" (on the base of materials from archaeological excavations in Moscow Kremlin) 237
Kutasov P.A. Items of equipment and outfit of the 16th–17th centuries warrior from the archaeological observations in Il'inskiy passage (Moscow) *251*
Persov N.E., Saracheva T.G., Soldatenkova V.V. Medieval jewel's complex from old Zat'matskiy suburb in Tver' (on the basis of materials of 2001–2006) 268
Bogomolov V.V., Gonyaniy M.I., Zaidov O.N., Shebanin G.A., Shekov A.V Archaeological investigations of the churchyard of the 15th – 16th cc. near the village Rozhdestvenno of the Odintsovo district of the Moscow region *281*
Gribov N.N. Late medieval white-clay pottery from Nijniy Novgorod 327
Smirnov A.N. B. Godunovs palace complex in Vyazyomy 340
Patrik G.K., Gusakov M.G. Unique tile from Smolensk 358
Vysotskiy A.L. Necropolis of the Holy Trinity and St. Sergius Laura: specification of the investigational model 364
Scherbakov V.V. Investigations of the Voskresenskiy churchyard on the river Peremoika (left stream of the river Dubna) in 2007–2008 371

Monuments of the Early Iron Age

Krenke N.A. The beginning of the D'yakovo hillfort investigations 381
Gusakov M.G. To the problem of origination of D'yakovo culture in the light of V.V. Sedov supposition 392
Syrovatko N.A., Syrovatko A.S. To the question of the buildings appearance of the sites Kyznechiki and Scherbinskoe 409
Lopatina O.A. The ancient pottery from the Kashira hillforts of the Early Iron Age 417
Gusakov M.G., Modestov F.E. Round hillforts of the Early Iron Age (Smolenskiy region). To the question of its destination 433
Medved' A.N. The Early Iron Age fortifications on the Rostislavl' hillfort (on the basis of preliminary results) 448
Tavlintseva Ye.Yu., Lopatina O.A. Crucibles and moulds discovered at Rostislavl fortified settlement 455

The list of abbreviation 476
Information a bout the authors 478

От редакции

Пятый выпуск сборника «Археология Подмосковья» включает материалы докладов, заслушанных на шестом заседании Научного семинара «Археология Подмосковья», проведенном в Институте археологии РАН в феврале 2008 г.

Основную часть сборника составили статьи, посвященные результатам исследований средневековых памятников, проводившихся в последние годы отделом охранных раскопок Института археологии РАН, Государственным Историческим музеем, Москомнаследием и рядом региональных музеев на территории Московской области и Москвы. Особенное значение имеют публикации материалов таких ключевых памятников, как Рождественнского, Мякининского и Болшевского селищ, дающих новое представление о характере и датировках сельских поселений Подмосковья. Как и в предыдущих сборниках, нами уделяется внимание публикации результатов раскопок прошлых лет, в частности, проводившихся на городище Вышгород близ Дмитрова. Интерес специалистов привлекут работы, посвященные изучению отдельных категорий древностей: керамики, изделий из стекла, ювелирных украшений, предметов вооружения. Особое место занимают в сборнике статьи, подготовленные специалистами в различных областях естественных наук – почвоведения, ландшафтоведения. Результаты их исследований качественно изменяют представления археологов об исследуемых памятниках.

Как и прежде, географические рамки семинара не ограничиваются пределами Московской области. В новом выпуске сборника представлены материалы раскопок в Смоленске, Нижнем Новгороде, Твери. Руководители семинара убеждены – изучение Подмосковного региона невозможно в отрыве от соседних районов Центра Европейской России. Поэтому, только сравнивая материальную культуру смежных регионов, можно понять общие процессы, протекавшие на Руси в эпоху средневековья.

В сферу интересов семинара входят все эпохи, археологически представленные на Русской равнине: каменный век, эпоха бронзы, ранний железный век. В настоящем сборнике представлена серия статей, посвященных памятникам и категориям предметов материальной культуры раннего железного века (дьяковской и днепро-двинской археологических культур). Продолжая сложившиеся традиции семинара, мы публикуем также статьи, представляющие памятники позднего средневековья и Нового времени, интерес к которым особенно вырос в последние годы.

Энговатова А.В.
Коваль В.Ю.
Кузина И.Н.

А.В. Энговатова

Современные тенденции в спасательной археологии Подмосковья (вместо предисловия)

Представленные в этом сборнике статьи, по большей части, являются результатом спасательных археологических исследований. Это не случайно: в последнее десятилетие подавляющее большинство археологических исследований, проведенных на территории Подмосковья, носят спасательный характер.

Показательно, что и в прошлом веке многие крупные раскопочные проекты в Подмосковье были связаны с хозяйственным освоением этих территорий. Так, одни из первых масштабных научных раскопок на территории Подмосковья были проведены в зоне строительства канала имени Москвы (рис. 1). В начале 30-х годов на территории вокруг будущего канала проводились масштабные разведки и раскопки (*Бадер*, 1935) (рис. 2). Были исследованы несколько курганных групп (*Елизарова*, 1950), участок в кремле г. Дмитрова, несколько городищ (*Бадер*, 1950). Результаты этих работ были опубликованы в серии «Материалы и исследования по археологии СССР» в 1950 г. (№ 13) и до сих пор являются актуальными для исследователей.

Один из наиболее крупных археологических проектов на территории Подмосковья в 50-х годах прошлого века – раскопки Троицкого городища. Работы велись в связи со строительством Можайского водохранилища, и соответственно, также, носили спасательный характер (Троицкое городище, 1970).

В последнее десятилетие в связи с увеличением числа новостроечных проектов в Подмосковье резко возросло количество спасательных работ. Однако Московский регион не является в этом отношении исключением – такая тенденция характерна для всей территории России. Произошедшие за последние несколько десятилетий перемены наглядно иллюстрирует динамика выдачи Открытых листов (разрешений на раскопки) (цв. вкл. рис. I): резко увеличилось количество листов по формам № 4 и № 2, связанных именно со спасательными работами. Особенно показательны данные последних 3–4 лет (рис. 3) – среди общего количества археологических исследований около трех четвертей составляют работы спасательного характера (данные получены на основании учета количества выданных открытых листов отделом полевых исследований Института археологии РАН).

Однако не только и не столько потребности экономического развития определяет интенсивность спасательных работ в том или ином регионе. В десятку областей, где спасательные археологические работы проводятся наиболее активно, Подмосковье входит наряду с Тверской, Ростовской и Краснодарской областями, Ямало-Ненецким автономным округом, Нижегородской и Иркутской областями (рис. 4). В 2007 г. на Открытые листы по формам № 2 (работы на землеотводах) и № 4 (охранные раскопки) в Тверской области было сделано, соответственно, 80 и 48 заявок, в Ростовской – 79 и 54, в Ханты-Мансийском автономном округе – 60 и 35, в Московской области – 57 и 30, в Краснодарском крае – 55 и 39 заявок.

Что отражает список регионов, получивших наибольшее количество открытых листов на проведение спасательных работ? Можно выделить факторы активности и профессионализма органов охраны памятников и экономическое развитие региона. Причем решающее значение, как показывает практика, имеет первая составляющая. Это, например, подтверждается тем, что Тверская область не входит даже в двадцатку наиболее экономически развитых областей, тогда как, Ленинградская и Калужская развиваются быстрыми темпами, но спасательные работы проводятся в этих областях в объемах значительно меньших, чем в Тверской области.

В Подмосковье быстрое экономическое развитие региона сочетается с профессиональной активностью органов охраны памятников – благодаря этому область уверенно входит в пятерку регионов с наибольшим количеством спасательных археологических работ на территории России .

Как уже говорилось, значительное увеличение количества спасательных исследований тесно связано с подъемом экономики и, соответственно, ростом строительной активности, которую мы наблюдаем в последнее десятилетие в нашей стране. Кроме положительных тенденций, это создает и

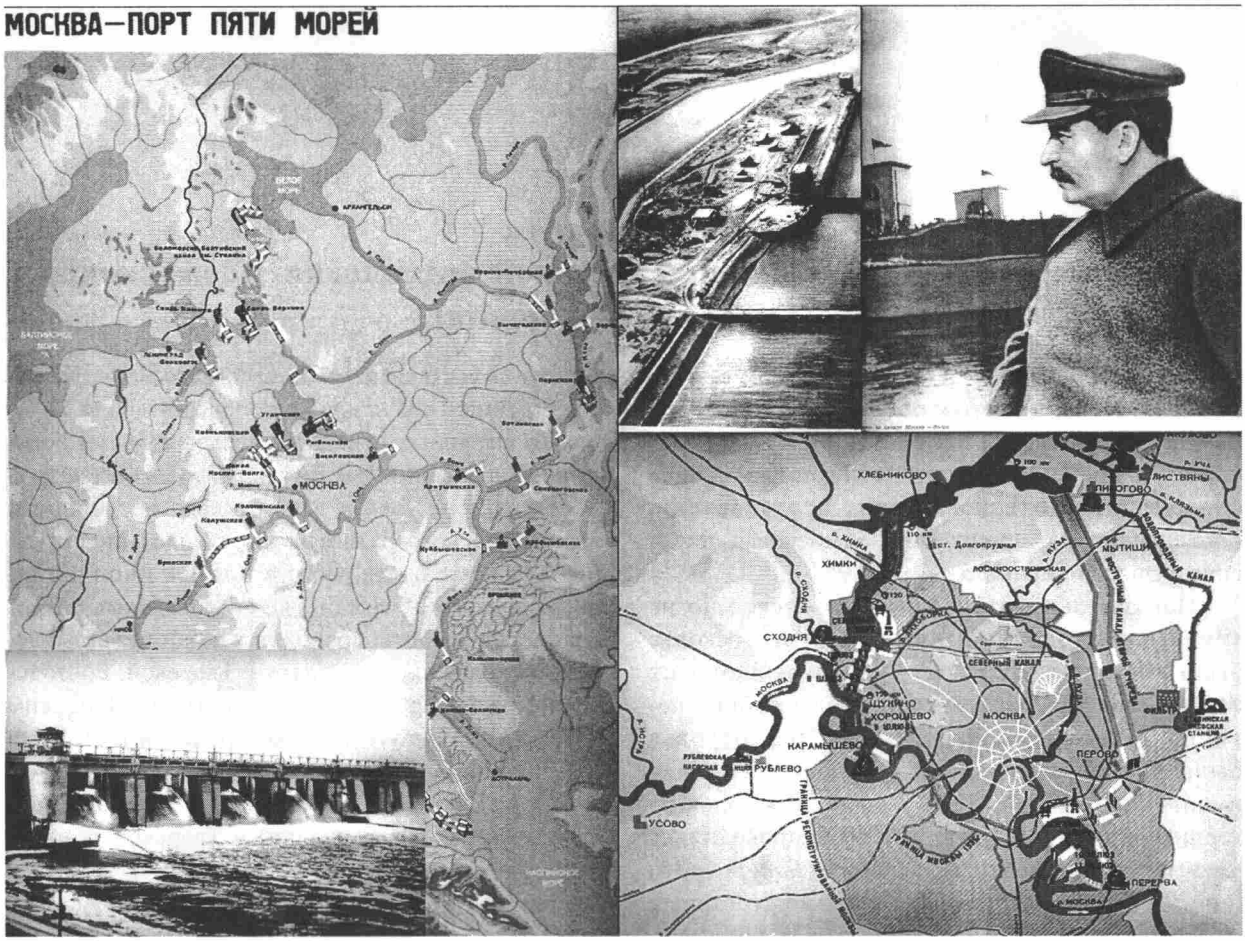


Рис. 1. Работы в зоне строительства канала им. Москвы

серьезные проблемы. К сожалению, в России на настоящий момент нет действенного механизма физического сохранения археологических объектов в случае их попадания в зону хозяйственного освоения. Процедура перевода участков, на которых расположены памятники археологии, в категорию земель историко-культурного назначения на практике не применяется. Фактически, при проектировании строительных работ перед нами встает альтернатива – либо спасательные раскопки, либо уничтожение памятника. В такой ситуации спасательные раскопки становятся чуть ли не единственным методом изучения, а значит и спасения культурного и археологического наследия. Ситуация в Подмосковье не является исключением.

Земля в Подмосковье к настоящему моменту по большей части уже продана частным землевладельцам, для которых приоритет владения частной собственностью определяет их отношение к памятникам. Фактически памятники расположены *под* и *внутри* этой частной собственности. Дополнительные обременения собственникам не нужны и они попросту не пускают специалистов-археологов на свои участки. Огромные территории сегодня стали полностью недоступны для исследований. Ситуация усугубляется еще и тем, что порядок доступа на памятники археологии законом определен не четко. В результате часть селищ и даже курганные могильники на территории частных земель в Подмосковье оказались разрушены. При этом промышленность, дорожное, газовое строительство, сооружение линий ЛЭП наносят, как показывает практика, значительно меньший вред памятникам. Это обусловлено самой системой согласования проектов крупного строительства: они регламентируются значительно строже и по этому в большинстве случаев удается либо полностью вывести памятник из зоны стройки, либо предусмотреть мероприятия по его охране.

На наш взгляд, огромным упущением является отсутствие узаконенной процедуры составления охранных обязательств владельцам участков, на землях которых расположены объекты археологии. Если удастся преодолеть этот юридический барьер, отпадет сама необходимость в проведении столь большого количества спасательных работ.

Часто декларируется, что спасательные работы фактически уничтожают памятники и только

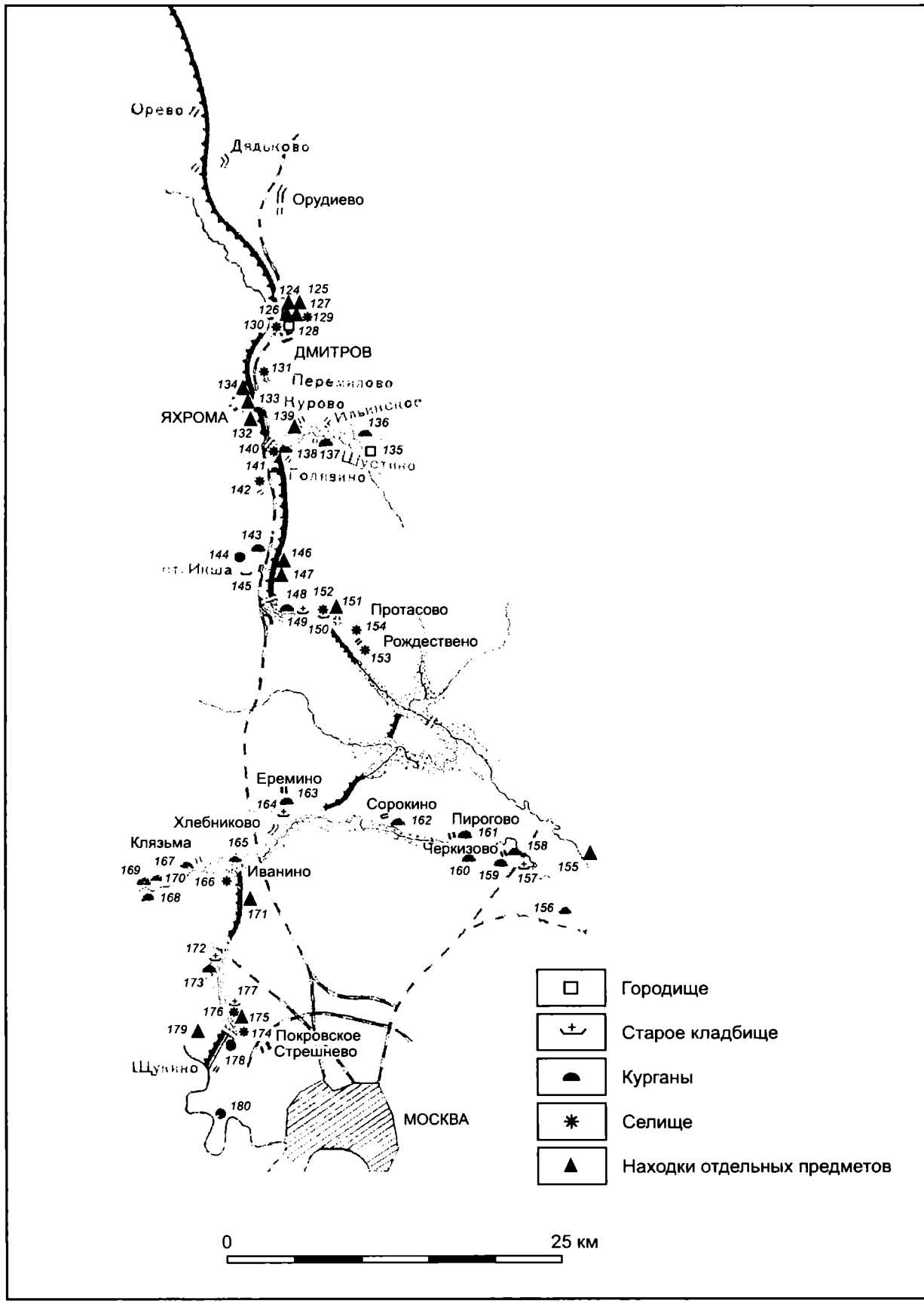


Рис. 2. Археологические памятники, обследованные в ходе спасательных работ в зоне строительства канала им. Москвы

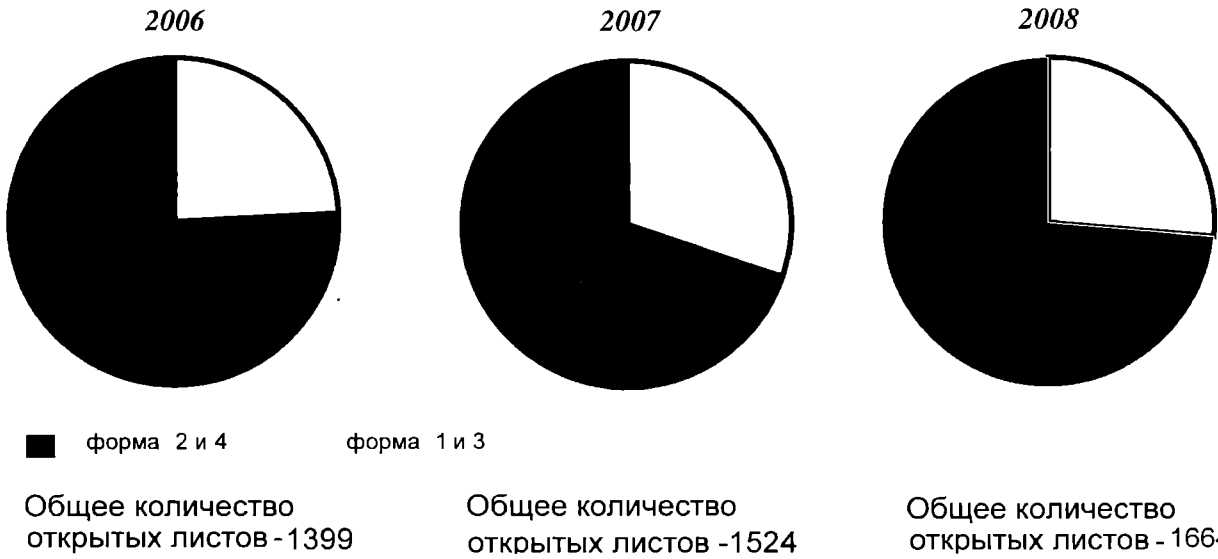


Рис. 3. Доля охранных археологических исследований в общем количестве полевых работ в 2006–2008 гг.

неспешное, вдумчивое исследование небольшими площадями дает научные результаты. В связи с этим хотелось бы рассмотреть подробнее, что, собственно, удалось сделать за последние годы в спасательной археологии, в частности, в Подмосковье, какие научные результаты были достигнуты.

Анализируя археологические работы в Подмосковье, в первую очередь нужно отметить, что разведочные работы на землеотводах привели к значительному увеличению количества поселений, состоящих на государственной охране. В последнее десятилетие выявлены сотни новых памятников. Особенно интенсивно обследовались районы в 50-километровой зоне вокруг Москвы (Одинцовский, Красногорский, Истринский, Пушкинский и другие районы). Судя по данным археологических карт (АКР) в 1990-е годы в Подмосковье было выявлено около трех тысяч памятников, что в несколько раз больше, по сравнению с сопредельными регионами (например, Калужской областью – около 800).

Необходимость проведения большого количества разведочных работ привела к усовершенствованию методики поиска средневековых селищ и определения их границ. Очень многое для этого было сделано М.И. Гоняным, широко использующим в своих исследованиях естественнонаучные методы – магниторазведку в сочетании с поиском металлических находок металлодетектором. Точная привязка к топографической основе всех выявленных разными методами объектов в сочетании с традиционной археологической методикой разведочных работ, позволяют более эффективно определять участки концентрации археологических объектов.

Высокая степень археологической исследованности территории в результате масштабных разведок привела к существенному расширению научных представлений об истории края. Без преувеличения можно сказать, что эти работы открыли эпоху исследования сельских поселений в Подмосковье.

Небольшие раскопки на Подмосковных селищах проводились еще с 20-х – 30-х годов прошлого века (*Виноградов*, 1926; *Юшко*, 2005. С. 297), но до начала 1990-х большой площадью (более 900 кв. м) было исследовано лишь одно подмосковное селище – Жуковское (раскопки А.Г. Векслера). В основном внимание уделялось работам в исторических городах и раскопкам курганов. Чуть ли ни единственным исследователем средневековых поселений долгое время была А.А. Юшко (1991). Однако ее работы по поиску летописных деревень и погостов строились в основном на сборе подъемного материала. Исследования средневековых селищ продолжил С.З. Чернов, собирая археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. (*Чернов*, 1991; 2005). Его работы также базировалась на сборе подъемного материала и небольших раскопках на селищах.

В последние десятилетия при спасательных археологических исследованиях получен материал более чем с 40 (!) селищ Подмосковья, причем большая часть этих памятников исследована почти полностью. Получен действительно огромный материал, в сотни раз по объему превышающий все, раскопанное на селищах ранее. Многократное увеличение источниковой базы позволило по-новому подойти ко многим проблемам, в т. ч. методического характера.

Например, необходимость в систематизации массового керамического материала, фактически, заставила археологов решать задачи его статистического учета. Поскольку существовавшие ранее системы статистики керамики были чрезвычайно

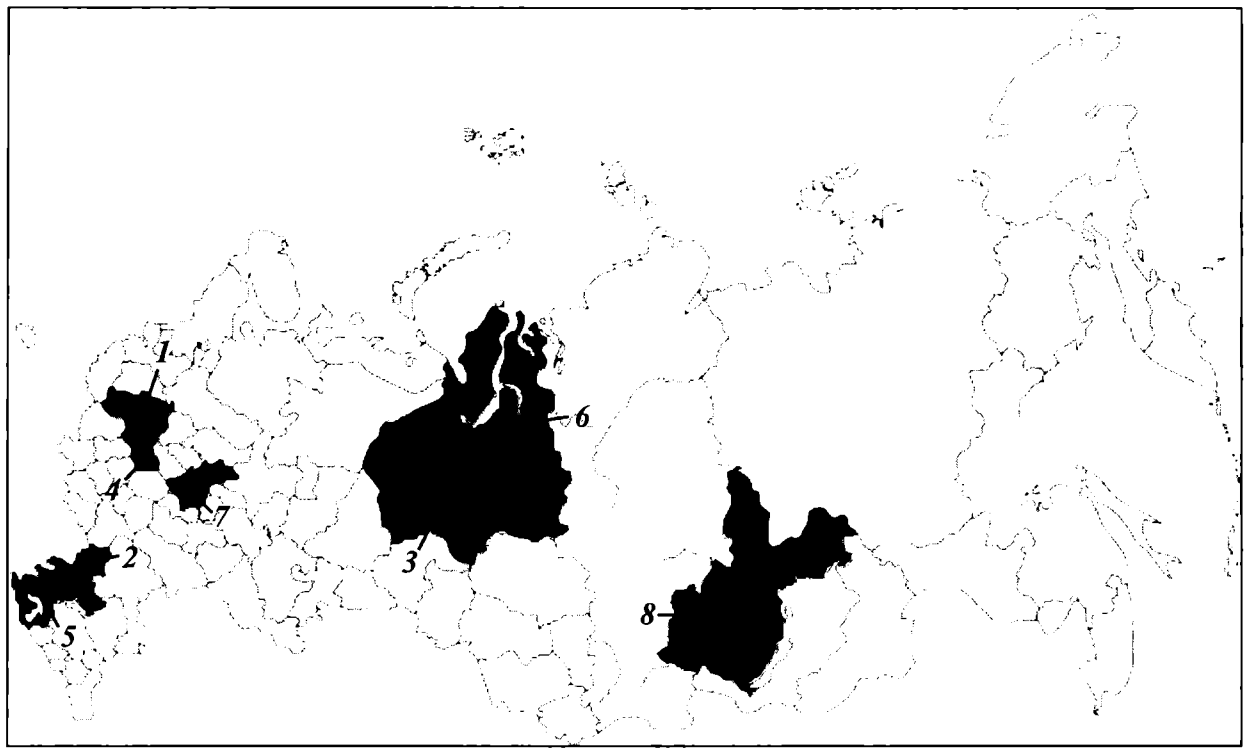


Рис. 4. Субъекты федерации, получившие наибольшее количество открытых листов на проведение охранных работ за 2007 г. (в скобках указано соотношение общего количества выданных открытых листов по форме 2 и 4 к количеству открытых листов по форме 4)

1 – Тверская обл. (80/48); *2* – Ростовская обл. (79/54); *3* – Ханты-Мансийский Автономный округ (60/35); *4* – Московская обл. (57/30); *5* – Краснодарский край (55/39); *6* – Ямало-Ненецкий Автономный округ (34/14); *7* – Нижегородская обл. (34/13); *8* – Иркутская обл. (30/6)

упрощенными и благодаря этому – малоинформативными, образовавшийся вал материала, требовавшего обработки, стимулировал поиск путей выхода из создавшейся ситуации. В результате были разработаны системы учета массового керамического материала, базировавшиеся, прежде всего на использовании признаков технологии формовки керамики исходя из наработок А.А. Бобринского, функционирующей в стенах Института археологии РАН. По разработанным В.Ю. Ковалем системам (2004) была проведена обработка средневековой керамики из раскопок сельских поселений Мякинино-1, Мякинино-2, Настасьино, Аносино-2, Перевицкий Торжок, Степаново-2, летописном Дмитрове. В результате удалось существенно продвинуться в понимании демографических процессов, протекавших в разных районах Подмосковья на протяжении эпохи средневековья. В верхнем Москворечье была открыта и впервые описана традиция производства белоглиняной керамики, принесенная сюда в середине XII в. южнорусским по своему происхождению населением, наладившим производство такой керамики предположительно в районе Звенигорода (*Коваль*, 2008. С. 27–32). О присутствии здесь южнорусского населения еще в XII в. ранее известно не было. Выявлено также нескольких локальных вариантов керамики XV–XVII вв., производство которых локализовано в Можайске, звенигородской округе и районе Химок. Исследование керамики Коломны (*Мазуров*, 2001, *Черкасов*, 2005. С. 54–74) и поселения Настасьино (в окрестностях Коломны) по новой методике привело к выявлению своеобразной керамической традиции, существовавшей в районе Коломны и оказавшей огромное влияние на керамическое производство центральных районов Руси в XVI–XVIII вв. В частности, удалось установить, что «московская», как считалось раньше, «белоглиняная гладкая» керамика XVI–XVIII вв. в действительности изготавливалась в Коломне, а в Москву и другие города попадала в результате торговых операций в рамках формировавшегося общероссийского рынка (*Коваль*, 2001; 2005). Изучение керамики Дмитрова позволило впервые построить керамическую шкалу для этого крупного древнерусского и позднесредневекового города (*Панченко*, 2007. С. 197–206; 2008), которая, как оказалось, существенно отличалась от керамики Москвы, в частности тем, что законсервировала на несколько столетий архаичные традиции. В са-

мое последнее время подробнейшим образом была исследована керамика целого ряда памятников северо-западного Подмосковья (*Гоняный, Шебанин, Шеков*, 2005. С. 184–210; *Цыбин*, 2007. С. 234–241).

Подводя итог, можно констатировать, что именно в результате масштабных работ последнего десятилетия начала формироваться «база данных» по керамике Подмосковья, которая позволила впервые осознать огромное разнообразие керамических традиций, развивавшихся на этой территории в эпоху средневековья – разнообразие, о котором еще в конце XX в. практически ничего известно не было. Сейчас можно ожидать, что в самом ближайшем будущем это позволит составить объемное представление о керамике Подмосковья в виде своеобразного «Атласа древней керамики».

Следует заметить, что объем керамического материала, необходимый для репрезентативности полученных по новым методикам статистических выводов, был обеспечен солидными масштабами раскопочных работ, производившихся с охранными целями. Полной противоположностью этому подходу являются попытки строить далеко идущие выводы о хронологии и демографических процессах на базе малочисленных серий случайных находок, получаемых при шурфовках или ограниченных по масштабам раскопах. Такие выводы не могут идти ни в какое сравнение по достоверности с материалом крупномасштабных исследований.

За последние годы на материалах охранных исследований начала формировать база данных изделий из цветного металла. В ее основу легли крупные коллекции из раскопанных селищ Мякинино-1, Мякинино-2, Степаново-2, Ознобишино-5, Настасьино и др. (*Сарачева, Сапрыкина*, 2004). Большое количество бронзовой пластики (украшений), предметов христианского культа существенно расширили наше представление о культурных связях жителей сельских поселений и технологии производства, применявшихся в то время («Цветные и драгоценные металлы...», 2008). Примечательно, что комплексы предметов личного благочестия (христианского культа), происходящие с селища Рождественно 1 XIV–XVI вв. (*Шполянская*, 2008. С. 267–275) и селища Настасьино (Средневековое поселение Настасино, 2004. С. 292) в настоящий момент одни из наиболее крупных на территории европейской части России.

В последнее время усилиями археологов на территории Подмосковья на государственный учет впервые стали ставить поселения XVII–XIX вв. Ранее эти памятники редко рассматривались как самостоятельные объекты – только если слои позднего периода встречались на поселении более раннего времени.

Среди поселений XVII–XIX вв. в последнее время были раскопаны, например: поселения Торопенки-1, Козино (раскопки О.В. Двуреченского 2005 и 2006–2008 гг.), Шебаново (раскопки С.Н. Булынкина 2008 г.), Духанино 1 (см. статью В.Н. Ковалевского в настоящем сборнике), Котово 2 (раскопки Г.Н. Белорыбкина 2008 г.), Жевнево 1 (раскопки Р.В. Клянина 2001 г.) и др. Проведенные исследования дали важные результаты. Поскольку данные, полученные археологическими методами, зачастую полностью отсутствуют в письменных источниках, необходимость подобных исследований очевидна. В то же время, интересно сопоставление имеющейся в архивах информации с данными, полученными в результате раскопок, как, например, на поселении Духанино 1 (исследования 2007–2008 гг.).

Несомненно, что возможность археологических раскопок «поздних» поселений (XVII–XIX вв.), напрямую связана с проведением спасательных археологических работ и, отчасти, стимулирована ими. Проведение спасательных исследований столь большими площадями на памятниках XVII–XIX вв. вряд ли были бы возможными, если бы это не было прописано в Законодательстве. В настоящее время ни один из научных фондов ни разу не финансировал исследования памятников поздней археологии в Европейской России. Вместе с тем, исследование объектов поздней археологии – археологии Нового времени – тенденция мировая. В Европе и Северной Америке проводятся многочисленные раскопки памятников этого периода и подавляющее большинство их также связано с новостроечными работами (см. обзор круглого стола «Археология позднего времени», опубликованный в журнале «Российская археология», № 1, 2005 г.).

Принципиально новый материал получен не только на поздних памятниках. За последние годы раскопано полностью (или большая часть площади) более десятка домонгольских селищ. В результате спасательных работ на таких памятниках как Дмитровское 1 (работы М.В. Цыбина 2005–2007 гг.), Ознобишино 5 (раскопки С.В. Шполянского 1995–1997 гг.), Большое Соврасово (раскопки М.И. Гоняного 2007 г.), Мякинино 1 и 2 (*Энговатова, Коваль*, 2007), Степаново 2 (см. статью К.И. Панченко в настоящем сборнике), Перевитский Торжок (раскопки К.И. Панченко 2007 г.), Кутьино 1а (раскопки С.В. Шполянского 2001–2002 гг.) и др. получены новые данные о жизни домонгольских поселений и истории славянской колонизации края.

В результате этих работ доказано, что некоторые домонгольские селища на территории

Подмосковья имели довольно крупные размеры (около десяти тысяч кв. м). К их числу относится поселение Мякинино 1, существовавшее на протяжении XII–XIII вв., о чем дополнительно свидетельствует количество насыпей в курганном могильнике – не менее 100.

Встречались селища небольшого размера, которые, видимо, были остатками однодворных или малодворных поселений. На поселении Аносино 1 раскопками исследована вся площадь селища. Оно представляло собой остатки однодворного поселения, существовавшего непродолжительное время (середина – вторая половина XII в.). Косвенным подтверждением тому может служить размещение в непосредственной близости от него всего двух курганов (видимо связанных с поселением). Площадь селища не превышала 400 кв. м (*Коваль, Хижняков*, 2005. С. 153–183).

Выросла база для исследований структуры домонгольских поселений и реконструкции жилищ этого времени (*Коваль*, 2007. С. 58–70). Данные, полученные в результате комплексных исследований с привлечением специалистов (палинологов, палеокарпологов и археозоологов), позволяют реконструировать хозяйство домонгольского поселения Подмосковья.

Огромный массив вещевого материала, полученного в результате охранных исследований, позволил по-новому взглянуть на некоторые аспекты материальной культуры. Например, почти на всех домонгольских селищах Подмосковья найдены обломки стеклянных браслетов (селища Мякинино 1 и 2, Степаново 2, Перевитский Торжок, Кутьино 1а, Ознобишино 5 и др.). Таким образом, до сих пор цитируемое в литературе положение В.В. Седова (1960) о том, что стеклянные браслеты являются признаком исключительно городской культуры, подлежит пересмотру.

Не менее интересны результаты, полученные при исследовании селищ XIV–XVI вв. В последнее время стало известно о более чем двух десятках памятников этого времени: Мякинино 1 и 2, Дмитровское 1 (раскопки М.В. Цыбина 2005–2007 гг.), Рождественно 1 (раскопки М.И. Гоняного, Г.А. Шебанина 2006–2008 гг.), Лукино 1 (раскопки М.И. Гоняного 2007–2008 гг.), Жуковка 2 (раскопки В.Н. Ковалевского 2004 г.), Лукино 2 (раскопки Г.Н. Белорыбкина 2007 г.), селище Городок 1 (раскопки С.И. Андреева 2008 г.) и др. (*Цыбин*, 2007; *Гоняный, Шебанин и др.*, 2005; *Булынкин, Гоняный и др.*, 2008). Принципиально изменились наши представления о локализации селищ XIV–XVI вв. благодаря обнаружению на высокой пойме Москвы-реки целой серии памятников (Мякинино 2, Жуковка 2 и др.). Ранее подобные места считались непригодными для жизни средневекового населения. Получены данные о размерах этих селищ, характере и конструкции жилых и хозяйственных помещений. Огромный вещевой материал дал возможность достоверно судить о керамическом производстве.

Спасательные работы сформировали профессиональные команды специалистов, способные провести квалификационные раскопки, обрабатывать и изучать материал. Причем помимо сотрудников Института археологии РАН, на селищах Подмосковья работали сотрудники Государственного Исторического музея, археологической службы Коломны, сотрудники Звенигородского и Сергиево-Посадского музеев. Уже несколько лет спасательными работами в Подмосковье занимаются археологи из Воронежа (М.В. Цыбин, В.Н. Ковалевский), Тулы (Г.А. Шебанин, А.В. Шеков и др.), Пензы (Г.Н. Белорыбкин).

Не менее интенсивная работа, связанная с сохранением археологического наследия, была проведена в исторических городах Подмосковья. Одним из примеров удачных долголетних спасательных работ в городе можно считать работы в подмосковной Коломне. С конца 1990-х годов усилиями А.Б. Мазурова была создана Коломенская археологическая служба. На протяжении более десятилетия большинство строительных проектов предварялось обязательными исследованиями (с 2002 г. службой руководит А.С. Сыроватко). В результате проведенных работ стали известные многие аспекты жизни древних жителей Коломны. Проведенные исследования, например, позволили В.В. Черкасову сделать вывод о собственной линии развития коломенского гончарства (с первой половины XIV в.), которая была наиболее близка южной и, в частности, поокской керамической традиции (*Мазуров*, 2001; *Черкасов*, 2005. С. 54–74).

Получены новые данные о монетной системе. Оказалось, что торговое население города в последней четверти XIV в. было знакомо с серебряной ордынской монетой: наряду с русской монетой в Коломне велись операции с золотоордынскими дирхемами. Найденные гирьки, а также весы для проверки веса законной монеты, указывают на большое количество серебра, обращавшегося в это время в городе (*Самошин, Мазуров, Сыроватко*, 2005. С. 77).

При исследовании представительной коллекции кожаной обуви Д.О. Осипов выявил определенное своеобразие Коломенской обуви. Были зафиксированы некоторые формы обувных деталей, которые появились в Коломне на столетие раньше, чем в Москве и Твери (*Осипов*, 2005. С. 45–52),

также были найдены следы сапожных мастерских конца XIII в.

Раскопками были изучены все основные составляющие части помещичьей усадьбы раннего типа (селище Котово 1), известные для Восточной Европы XVI в. по письменным источникам – остатки жилых домов с развитой планировочной структурой, гумна (пары овинов с примыкающим током), хлева (*Гоняный, Шебанин, Шеков*, 2005. С. 209).

Еще одним примером спасательных археологических работ, позволивших сохранить ценную научную информацию, являются работы в Троице-Сергиевой Лавре. Только благодаря охранным работам, предусмотренных Законодательством, были начаты работы внутри Лавры. Поскольку строительные и реставрационные работы ни на год не прекращаются в обители, а проведение чисто научных работ музеем не находит понимания у руководства Лавры, единственным способом сохранить научную информацию является участие в спасательных работах. За последние несколько лет, благодаря комплексным исследованиям с привлечением почвоведов, палеозоологов, ихтеологов, палинологов, антропологов получена новая информация о некрополях, хозяйстве и быте монастыря (*Энговатова, Богатенков*, 2004. С. 361–374; *Вишневский*, 2004. С. 375–386; *Энговатова, Зеленцова*, 2005. С. 78–87; *Вишневский, Цепкин*, 2005. С. 97–106; *Щербаков*, 2005. С. 107–110; *Вишневский*, 2007. С. 349–359; *Щербаков*, 2008. С. 285–298).

Аналогичные комплексные исследования были проведены в Можайске (раскопки Б.Е. Янишевского) (*Янишевский*, 2008; *Меньшиков*, 2008), Дмитрова (раскопки А.В. Энговатовой) (*Высоцкий, Хижняков*, 2004; *Столярова, Энговатова*, 2005; *Панченко*, 2007, 2008), Звенигорода (*Алексеев*, 2005), что позволило существенно расширить данные о средневековом периоде истории Подмосковья.

Благодаря масштабным спасательным археологическим работам на территории Подмосковья за последние годы в десятки раз увеличилась источниковедческая база для разных археологических эпох, что особенно заметно по материалам сельских памятников XII–XVII вв. В результате проведенных исследований получена качественно новая информация по истории развития ряда исторических городов – Коломны, Можайска, Дмитрова, Звенигорода. Все спасательные археологические работы проводятся на высоком методическом уровне, с обязательным привлечением почвоведов, палеозоологов, палинологов, антропологов и др., что позволяет получать комплексную информацию об исследованных в ходе работ объектах.

Одной из проблем, существующих в настоящее время в спасательной археологии Подмосковья, является отсутствие оперативности в публикации раскопанных памятников. Ежегодные сборники Научного семинара «Археология Подмосковья» призваны решить и отчасти решают задачу введения в научный оборот материалов спасательных исследований.

Литература

Алексеев А.В., 2005. Памятники древнерусского времени в окрестностях Звенигорода. Материалы к археологической карте // Археология Подмосковья. Вып. 2. М.

Бадеев Д.Ю., 2008. Изделия из кости и рога с селища Мякинино-1 // Археология Подмосковья. Вып. 4. М.

Бадер О.Н., 1935. Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 г. // Известия ГАИМК. Вып. 109. М.–Л.

Бадер О.Н., 1950. Краткий очерк археологических работ в зоне канала имени Москвы // МИА. № 13. М.

Булынкин С.Н., Гоняный М.И., Ковалевский В.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2008. Средневековое селище Захарово 1 на реке Беляна // Археология Подмосковья. Вып. 4. М.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., 2007. Находки стеклянных изделий на селище Мякинино 2 (из раскопок 1994–1995) // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.

Виноградов К.Е., 1926. Раскопки в бассейне р. Истры // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 111.

Вишневский В.И., 2004. Некрополь бояр Плещеевых в Троице-Сергиевом монастыре // Археология Подмосковья. М.

Вишневский В.И., 2007. Водопровод и канализация Троице-Сергиева монастыря в XVI–XVIII веках // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.

Вишневский В.И., Цепкин Е.А., 2005. Рыбная ловля и рыбный стол в Троице-Сергиевом монастыре (по материалам археологических работ 2000 года) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 2. М.

Высоцкий А.Л., Хижняков О.И., 2004. Археологические исследования на посаде города Дмитрова в 2002–2003 годах // Археология Подмосковья. М.

Гольева А.А., 2007. Почвенные исследования археологических памятников Мякинино // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.

Гольева А.А., 2007. Естественно-научные исследования археологических памятников Подмосковья // Археология Подмосковья. Вып. 3. М

Гоняный М.И., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2005. Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово 1 в Истринском районе Московской области // Археология Подмосковья. Вып. 2. М.

Двуреченский О.В., 2007. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верховного коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.

Елизарова Н.А., 1950. Шустинский курганный могильник // МИА. № 13. М.

Захарова Е.П., 2008. Мякининские курганы: планиграфия и хронология // АП. Вып. 4. М.

Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Коваль В.Ю., 2004. Исследование керамического материала // Энговатова А.В. и др. Средневековое поселение Настасьино // Тр. ПЭ. М. Т. 2.

Коваль В.Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула.

Коваль В.Ю., 2007. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // АП. Вып. 3. М.

Коваль В.Ю., 2008. Поливная керамика с рельефным декором на Руси // Археология Подмосковья. М.

Коваль В.Ю., 2008. Светлоглиняная керамика в Подмосковье: Звенигородский регион // АП. М. Вып. 4.

Коваль В.Ю., Хижняков О.И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре)к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке) // АП. Вып. 2. М.

Мазуров А.Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.

Меньшиков М.Ю,. 2008. Мастерская «бронника» на посаде Можайского Кремля (по результатам раскопок 2006 года) // АП. Вып. 4. М.

Осипов Д.О., 2005. Кожаная обувь из раскопок средневековой Коломны // АП. Вып. 2. М.

Панченко К.И., 2007. Клейма XII–XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове // АП. Вып. 3. М.

Панченко К.И., 2008. Археологические исследования в подмонастырской слободке города Дмитрова и керамические комплексы XVI–XVII веков // АП. Вып. 4. М.

Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2005. Кузнечное ремесло на сельских поселениях Подмосковья (по материалам селища Мякинино-1) // АП. Вып. 2. М.

Самошин С.И., Мазуров А.Б., Сыроватко А.С., 2005. Средневековые монетные гирьки и весы из раскопок в Коломне // АП. Вып. 2. М.

Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А., 2004. Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасино: Тр. ПЭ ИА РАН. Том 2. М.

Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. № 92. М.

Столярова Е.К., 2008. Стеклянные бусы Мякининской курганной группы // Археология Подмосковья. Вып. 4. М.

Столярова Е.К., Энговатова А.В., 2005. Об одном редком типе стеклянных находок из культурного слоя Дмитрова // АП. Вып. 2. М.

Средневековое поселение Настасино: Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2. М.

Сыроватко А.С., Ульянова Т.Н., Черкасов В.В., 2007. Раскопки средневекового селища Лысцово // АП. Вып. 3. М.

Сыроватко А.С., Чувиляева Ю.Н., 2007. Исследования на территории музея-усадьбы Ф.М. Достоевского «Даровое» // АП. Вып. 3. М.

Троицкоге городище. МИА. № 156. М., 1970.

Трусов А.В., 2005. Стоянка эпохи мезолита Мякинино // АП. Вып. 2. М.

Ульянова Т.Н., 2008. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII века) // АП. Вып. 4. М.

Хижняков О.И., 2008. Керамические изделия из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2 // АП. Вып. 4. М.

Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья, 2008. М.

Цыбин М.В., 2007. Средневековое селище Дмитровское-2 (некоторые результаты исследований 2005 года) // АП. Вып. 3. М.

Черкасов В.В., 2005. Керамика Коломны второй половины XIII – первой половины XIV века (к вопросу об изменениях в гончарстве Среднего Поочья в золотоордынскую эпоху) // АП. Вып. 2. М.

Черкасов В.В., 2008. Раскопки средневекового селища Цемгигант-2 // АП. Вып. 4. М.

Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.

Чернов С.З., 2005. Домен московских князей в городских станах 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. II. М.

Шполянская Д.В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков

Рождествено-1 (предварительное сообщение) // АП. Вып. 4. М.

Щербаков В.В., 2005. Новые находки красных изразцов XVII века в Троице-Сергиевой лавре // АП. Вып. 2. М.

Щербаков В.В., 2008. Расписные изразцы Троице-Сергиевой Лавры XVIII века (по материалам 2000–2002 годов) // АП. Вып. 4. М.

Юшко А.А., 1991. Московская земля XI–XIV вв. М.

Юшко А.А., 2005. Проблемные вопросы археологии Московской земли // Археология Подмосковья. Вып. 2. М.

Энговатова А.В., Богатенков Д.В., 2004. Исследования некрополя XIX века у храма Смоленской иконы Божьей Матери в Троице-Сергиевой лавре в 2003 году // Археология Подмосковья. М.

Энговатова О.В., Зеленцова А.В., 2005. Исследования участка кладбища XVI–XVII веков на территории Троице-Сергиевой лавры // АП. Вып. 2. М.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2007. Мякининский комплекс памятников археологии // АП. Вып. 3. М.

Янишевский Б.Е., 2008. Исследования древнего Можайска в 2005–2007 годах // АП. Вып. 4. М.

A.V. Engovatova

Our days tendencies in the protective archaeology of the Moscow region (Instead of introduction)

Summary

In the last decades the general extension of the protective archaeological excavations conducted in the Moscow region has demonstrated visible growth. According to the number of the Open certificates (form 2 and 4) that have been given in the last years by the Institute of Archaeology of RAS the Region could be undoubtedly considered as a most dynamically investigated. Owing to the protective works, 40 settlements – completely or by the broad squares – have recently been excavated in the Moscow region while by the beginning of the 1990th its number was equal to one. The results obtained in the course of excavations allowed enlarging the informational basis served for the studding of the settlement's history and culture.

Leading role in the realization of the protective works in the Moscow region belongs to the Institute of Archaeology of RAS worked in cooperation with a State historical museum and archaeological services from such towns as Tula, Voronezh, Pensa.

Средневековые памятники

М.И. Гоняный

Методика комплексных разведочных археологических исследований на средневековых селищах в Подмосковье

При изучении средневековых неукрепленных поселений археологи сталкиваются с рядом проблем, касающихся определения площади селищ, их планировки, мощности и насыщенности культурного слоя, датировки. В большинстве случаев культурный слой на подобных памятниках небольшой по мощности, распаханный или нарушенный в результате иной хозяйственной деятельности. Чаще всего это однодворные и малодворные селища, реже – сезонные промысловые или сельскохозяйственные поселения площадью 300–500 кв. м, однако встречаются объекты, занимающие территорию в десятки гектаров.

Нами разрабатываются методики комплексных археолого-геофизических исследований, которые позволяют, почти не нарушая культурного слоя памятников, получать о них разноплановую информацию.

Развернувшийся в Подмосковье в последние годы строительный бум ставит перед археологами задачу оперативно и по возможности точно определять площадь, хронологию и степень сохранности культурного слоя памятников. Раскопать поселения целиком часто не удается. Слабо изученными остаются окраинные участки, зоны хозяйственного освоения, прилегающие к памятникам. Поэтому важно установить границы объектов археологического наследия, обоснованно выделить периферийные территории, на которых возможно проведение исследований по методике археологического надзора за строительными работами.

Для определения границ и планировочных особенностей сельских неукрепленных памятников, уточнения этапов формирования жилой и хозяйственной застройки, выделения на их территории производственных зон нами разработана методика всестороннего обследования объекта, предшествующая раскопкам.

Обычно комплекс мероприятий начинается с планшетного сбора подъемного материала. Для этого на месте предполагаемого поселения фиксируются вешками, но не собираются находки, встречаемые на поверхности земли. Поисковиков (5–7 чел.) целесообразно выстраивать в шеренгу длиной 50 м и более с тем, чтобы визуально равномерно охватить намеченную территорию, как правило, большую, чем поселение. Подобная методика получила название линейно-группового поиска. Затем в местах концентрации находок мерными веревками размечаются поисковые планшеты, разделенные также веревками на отдельные ячейки, длина сторон которых 4, 5 или 10 м.

Повторно подъемный материал собирается и фиксируется по квадратам. Замечено, что в результате применения подобной методики сбора подъемного материала количество находок увеличивается в десятки раз.

На этом этапе можно локализовать участки концентрации подъемного материала – кусочков прокаленной глины и камней, угольков, костей животных, керамики и т. д. Опыт показывает, что чем меньше площадь ячеек, составляющих поисковый планшет, тем результативнее сбор подъемного материала. Удается локализовать зоны концентрации металлургических шлаков, места расположения печей, гончарных или металлургических горнов, подпольных ям различного назначения. Замеченные следы различного рода сооружений сразу же инструментально заносятся на топографический план памятника.

После завершения сбора находок площадь планшетов, участков между ними, окраины поселений обследуются с использованием детекторов металла. Максимальная глубина, на которой приборы локализуют металлические находки, достигает 0,15–0,2 м, т. е. не глубже пахотного горизонта. Обнаруженные артефакты привязываются при помощи теодолита и заносятся в поисковые планшеты, в свою очередь, привязанные к промаркированным реперам, зафиксированным на местности. Вбитые в землю и окопанные репера целесообразно дополнительно фиксировать при помощи приемников GPS.

В дополнение к перечисленным поисковым работам вокруг наметившейся территории памят-

ника следует провести закладку почвенных зондажей при помощи ручного бурения. Нами используются буры с наконечниками диаметром 100 и 150 мм. Более тонкий бур используется на тех участках, где культурный слой памятника начинает визуально читаться. Причем площади с ярко выраженными культурными напластованиями не бурятся вовсе. На окраинах селищ применяется бур большего диаметра: широкие скважины дают более точную информацию о наличии или отсутствии культурных напластований. Частота закладки буровых скважин – от 4 до 10 м. Крайние скважины, в которых присутствует культурный слой, также инструментально привязываются к топографическому плану памятника.

Для определения мощности, насыщенности, сохранности, стратиграфических особенностей культурных напластований на памятнике закладываются различные по площади шурфы.

Подобный порядок поисковых исследований позволяет локализовать наиболее информативные участки, выделить жилые, хозяйственные, а иногда и производственные зоны на памятниках.

После завершения разведочного археологического цикла работ в ряде случаев целесообразно проведение на памятниках магнито- и электроразведочных геофизических исследований. Эти методы, как правило, позволяют локализовать остатки бытовых и производственных печей, различные вымостки, зоны уплотненных грунтов, ямы различного назначения, заполненные культурным слоем. В итоге еще до начала раскопок исследователи получают хотя и предварительную, но достаточно интересную характеристику изучаемого объекта культурного наследия. Важно заметить, что подобные исследования наиболее результативны на однослойных распахиваемых памятниках.

По предлагаемой методике в последние годы в Подмосковье нами было обследовано более десятка средневековых сельских поселений, различных по площади, сохранности и насыщенности культурного слоя, функциональному назначению и существовавших с XI по XIX в. Не одинаков был и социальный статус населения, проживавшего на их территории.

Рассматриваемые ниже поселения расположены на землях, отведенных под застройку или иное хозяйственное использование. С охранными целями на них проводились разведочные исследования, а в ряде случаев и раскопки широкой площадью. Ознакомимся подробнее с их результатами.

На селище Софьино-1 удалось выполнить цикл археолого-геофизических разведочных работ: проведены планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла и ручное бурение; заложены три рекогносцировочных шурфа; выполнены геофизические магниторазведочные изыскания.

Селище Софьино-1 расположено в Подольском районе Московской области, в 0,4 км к юго-западу от западной окраины д. Софьино, на высокой террасе правого берега р. Пахры, на высоте 10–12 м над урезом воды. В 50 м к востоку от селища прослеживается сильно выположенная суходольная балка, выходящая в пойму правого пологого берега реки (цв. вкл. рис. II). Своей длинной осью селище протянулось с запада на восток на 90 м, при ширине 60 м. Понижение рельефа наблюдается в северо-восточном направлении в сторону излучины реки. Памятник удален от русла на 40 м.

До недавнего времени селище распахивалось, но сейчас задерновано. Следы распашки зафиксированы в верхней части культурного слоя и хорошо прослеживаются в буровых зондажах и шурфах (цв. вкл. рис. II; *II*). Шурфы 1 и 3, размером квадратный метр каждый, заложены в северной и западной частях памятника. Их стратиграфия одинакова: под дерном толщиной 0,05 м залегает темно-серый перепаханный до материка суглинок мощностью 0,25–0,3 м с включением кусочков прокаленной глины, угольков, немногочисленных обломков сероглиняной керамики с примесью мелкого и крупного песка, белоглиняной гладкой и мореной керамики.

Шурф 3, площадью 2 кв. м, попал в котлован углубленной в материк ямы, контуры которой определить не удалось, так как шурф был законсервирован. Пахотный горизонт толщиной 0,3 м сложен, как и в предыдущих шурфах, темно-серым суглинком, но с большим содержанием гумуса. Заполнение верхней части ямы состоит из не потревоженного распашкой темно-серого гумусированного пестроцветного суглинка с включением угля, прокаленной глины, костей животных, керамики. Из находок можно отметить железный черешковый нож. Керамический комплекс из зачистки верхнего горизонта ямы представлен красной грубой керамикой с линейным орнаментом. Венчики подобной посуды отогнуты наружу, их черновой край завернут внутрь сосуда в виде наплыва уплощенной формы или оформлен без утолщения.

Сероглиняная керамика с примесью крупного песка (25 фрагментов) в количественном отношении соразмерна с красной грубой. Стенки серой грубой посуды украшены линейным, реже – волнистым и зубчатым орнаментом. Верхние части этих горшков отогнуты наружу, а черновой край оформлен без утолщений. Единичны обломки керамики, изготовленной из беложгущейся глины с примесью крупного песка в формовочной массе.

Керамический комплекс, собранный из зачистки ямы, может датироваться концом XIII–XIV в.

С целью определения границ памятника проведен планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла на площади 11000 кв. м (цв. вкл. рис. II; *II*). Планшет прямоугольной формы был ориентирован по сторонам света: северный край – протяженностью 110 м, восточный – 100. Собраны 74 металлические находки, а также более 30 железных гвоздей и их обломков (цв. вкл. рис. III). В северо-западной части поискового планшета найдены 12 кусков металлического шлака, три выплеска цветного металла и семь обрезков листовой меди, что позволяет предположить – население поселка могло заниматься обработкой цветного и черного металла.

Достаточно частая находка – железные черешковые ножи. Их найдено 11 (рис. 1, *12, 13*). Из инструментов можно выделить токарный резец для обработки дерева. О развитии пашенного земледелия свидетельствует железный плужный лемех. Найдены фрагменты ножниц, рыболовного крючка, лезвийная часть топора, фрагмент кочедыка, железные пряжки. Предметы вооружения представлены всего одним наконечником стрелы (рис. 1, *8*). Он относится к типу бронебойных ромбовидных с расширением в середине длины пера, с упором для древка; сечение основания упора пера – ромбическое, черешка – квадратное; длина пера – 44 мм, ширина – 13, черешка – 23 мм. Рассматриваемый наконечник можно отнести к типу 43 (*Медведев*, 1966. С. 66) и датировать домонгольским временем.

Большой интерес представляют шесть железных наременных накладок (рис. 3, *1, 3–5*). Все изделия – из группы накладных. Крепились они с помощью штифтов, которые расковывались с тыльной стороны ремня. Одна из накладок относится к отделу Д (фигурных), типу плоских сложносоставных (по: *Руденко,* 2001. С. 36). Наша находка является, скорее всего, фрагментом накладки из трех розеток. Подобные сложносоставные накладки часто встречаются на болгарских памятниках во второй половине XIII–XIV в. Например, типологически близкое украшение найдено на Лаишевском поселении (*Руденко*, 1999. С. 94. Рис. 8, *20*), на селище XIV в. Вединец-1 на Куликовом поле (*Гоняный*, 2005. С. 89, 100. Табл. 8, *10*). Важно заметить, что сложносоставные накладки наиболее характерны для болгарских и русских древностей XIV в. Накладки прямоугольной и округлой формы с петлей для продевания колечка также в большинстве своем встречаются на памятниках XIV в. (*Гоняный,* 2005. С. 87). По классификации К.А. Руденко, наша находка относится к отделу Б – прямоугольные и квадратные, плоские (2000. С. 248).

К типу 4 отдела 6 можно отнести железную прямоугольную накладку с тремя отверстиями для штифтов. Ее размеры – 32х18 мм. Верхний край имеет округлое завершение, нижний – в виде «ласточкина хвоста» (рис. 3, *4*). Нижний край накладки с внешней стороны украшен пуансонными вдавлениями. Они подчеркивают фигурный нижний край украшения. На селище найден фрагмент типологически близкой накладки с округлым завершением и отверстиями для крепления.

Еще одна железная накладка имеет сердцевидную форму (рис. 1, *5*). Ее высота – 30 мм, максимальная ширина – 32 мм. Верхняя кромка имеет завершение в виде «ласточкина хвоста», края округлые, плавно переходящие в прямые стенки, соединяющиеся внизу. Поверхность накладки несколько выпуклая и делится на две половины вертикальной декоративной канавкой, выполненной зубилом. Крепилось изделие при помощи трех штифтов, пропускаемых в отверстия по краям щитка. По форме накладка напоминает седельные шайбы, встреченные, например, на селище XIV в. Вединец-1 на Куликовом поле (*Гоняный*, 2005. С. 90, 100. Табл. 8, *15–17*). Скорее всего, этим же временем датируется описанное изделие.

На селище встречена железная пряжка, не характерная для древнерусских памятников. По типологии К.А. Руденко, ее можно отнести к отделу Б (щитковые). Ремень крепился к подобным пряжкам с помощью щитка, неподвижно соединенного с рамкой. Наш экземпляр можно соотнести с типом 3. Круглая (плоская в сечении) рамка диаметром 19 мм соединяется с длинным прямоугольным щитком (25 мм), завершающимся узкой пластиной, загибающейся крючкообразно. С внешней стороны рамка украшена поперечными насечками, выполненными небольшим зубилом. Язычок пластинчатый, с сужающимся завершением. Эта пряжка является импортным изделием, попавшим на селище, скорее всего, из Волго-Камского региона.

Рассмотренные выше накладки и пряжка свидетельствуют о связях населения южного Подмосковья с Волжской Болгарией. Видимо, подобные предметы активно используются русским населением во второй половине XIII–XIV в. и являются составной частью материальной культуры этого времени.

Наряду с привозными предметами на памятнике найдены типично русские украшения. Это секировидная лопасть семилопастного кольца (рис. 3, *6*). На ее поверхности сохранился орнамент второго вида (по Т.В. Равдиной) в виде заштрихованной полосы, заходящей в каждую лопасть острыми

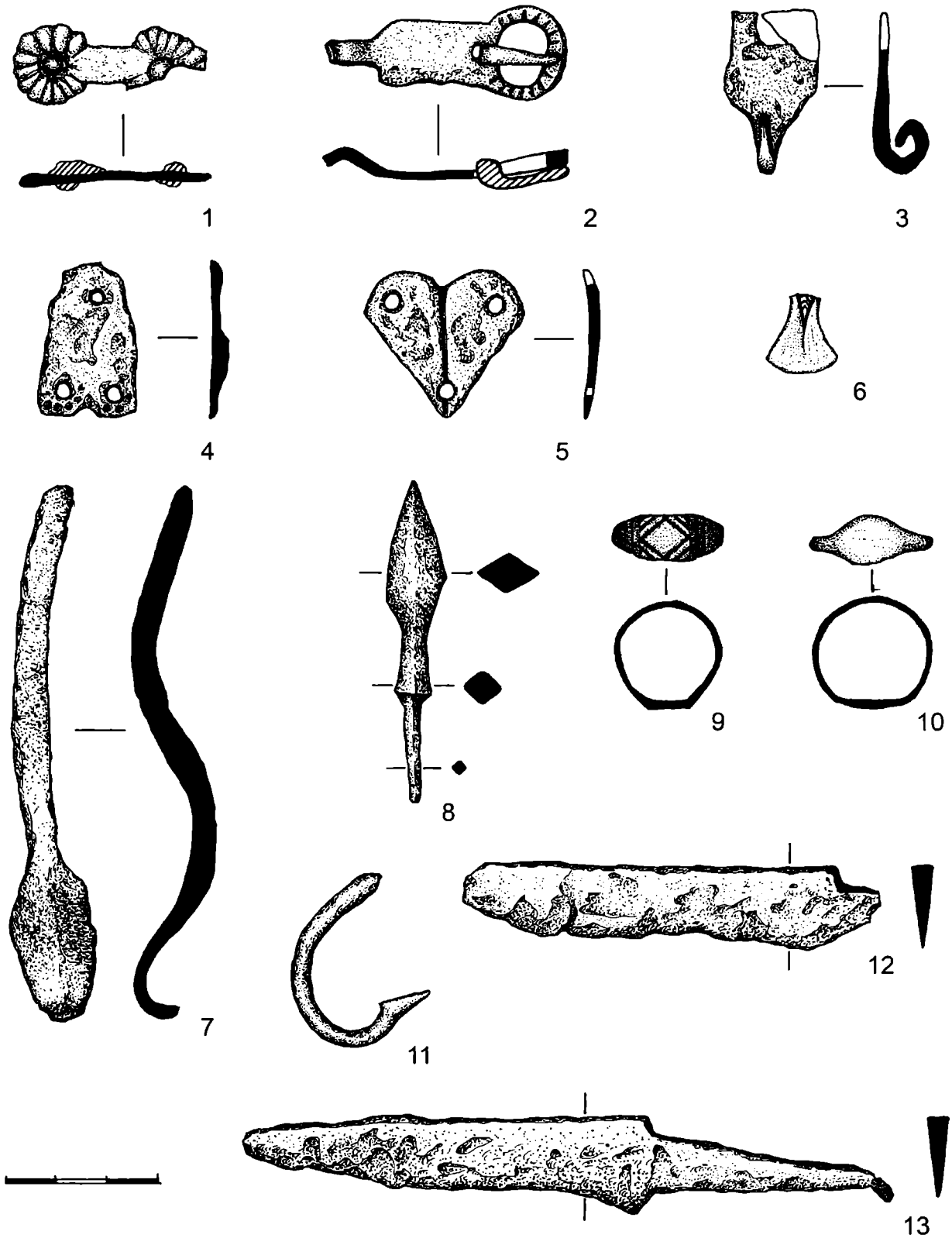


Рис. 1. Селище Софьино 1. Находки из черного и цветного металлов

1–5, 7, 8, 11–13 – железо; 6, 9, 10 – цветной металл 1, 3–5 – наременные накладки; 2 – пряжка рамчатая с неподвижным щитком; 6 – лопасть семилопастного височного кольца; 7 – токарный резец; 8 – наконечник стрелы; 9, 10 – щитковые перстни; 11 – фрагмент рыболовного крючка; 12, 13 – ножи черешковые

городками. Подобные височные кольца датируются второй половиной XII–XIII в. (*Равдина*, 1968. С. 140).

В подъемном материале встречены два литых бронзовых перстня. Один из них можно отнести к перстням с прямоугольными щитками. По форме он близок к пластинчатым широкосрединным литым. Его плоский щиток украшен геометрическим орнаментом в виде ромба, вписанного в два других ромба, углы которых остались за пределами щитка. Поле щитка с двух сторон ограничено двумя поперечными валиками, также отсекающими углы двух ромбов (рис. 1, *9*). Другой перстень – овальнощитковый, с сомкнутым обручем. Он отлит более небрежно и имеет неорнаментированный щиток (рис. 1, *10*). В Новгороде типологически близкие украшения встречаются в слоях конца XII – середины XV в. (*Седова*, 1981. С. 135–136).

Рассмотренные находки позволяют с определенной осторожностью датировать селище Софьино-1 концом XIII–XIV в. Однако в шурфах в перепаханном культурном слое обнаружены отдельные фрагменты белоглиняной гладкой и мореной керамики. В подъемном материале встречены девять предметов, которые датируются XVII–XIX вв. Это фрагмент конской подковы с шипом, свинцовая пуля, бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 2, *2, 5*), поясное кольцо, бронзовая литая накладка в форме рамки (рис. 2, *3, 4*), нижняя лопасть медного нательного семиконечного креста с гладким, без бортиков, оборотом (рис. 2, *1*). Нижний конец креста имеет заостренное килевидное расширение. Бортики обведены тонкой рамкой. На конце нижней ветви надпись «НИК» (Ника). Аналогичный крест найден при раскопках на Замковой горе в г. Мстиславле (*Леопардов, Чернев*, 1903. Табл. 1, *8*). Однотипный крест-тельник происходит из сборов на территории казацкой слободы Голиной (селище Голино-3) в районе Куликова поля, возникшей в первое десятилетие XVII в. и существовавшей на протяжении всего столетия (*Гоняный*, 1997. Л. 60. Рис. 52, *3*). Возможно, часть гвоздей и обломков ножей правомерно соотносить с более поздним временем, чем XIII–XIV вв.

На современном этапе исследований трудно сказать, существовало ли на рассматриваемой территории в XVII–XIX вв. поселение. Находки этого времени разбросаны на всей территории, занимаемой селищем XIII–XIV вв. Можно говорить об использовании прибровочной части участка правого берега р. Пахры в позднесредневековое и новое время.

Планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла позволил, на наш взгляд, достаточно точно обозначить границы селища (цв. вкл. рис. III). Основная масса находок концентрируется в северо-западной и центральной части поискового планшета. Именно в этой зоне зафиксирован наиболее гумусированный и насыщенный антропогенными включениями культурный слой. С целью более точного определения границ культурных напластований мы заложили 182 буровых зондажа с шагом 5 м вдоль веревочных магистралей разметки планшета с юга на север. Причем бурение велось от южного края планшета, где культурный слой отсутствовал. На линии Е бурение прекращалось, так как в лунках начинал читаться темно-серый суглинок с включением угольков и прокаленной глины. Далее скважины диаметром 0,15 и глубиной до 0,5–0,7 м закладывались по линии А/1–11. Здесь также культурный слой отсутствовал. Закладка зондажей к западу от поискового планшета дала отрицательный результат, так как на этой территории гумусовый горизонт почвы на глубину примерно 0,3–0,4 м был срезан механизированным способом в конце 1980-х годов.

По нашим наблюдениям, территория селища не распространялась далеко на запад от края планшета.

После завершения археологического цикла работ на наиболее информативной части памятника выполнены магниторазведочные исследования. Они проводились силами ЗАО «Геотехнология» под руководством М.Я. Каца[1]. Для магнитного поля селища Софьино-1 (планшет на цв. вкл. рис. II; III) характерно обилие точечных магнитных аномалий, затрудняющих интерпретацию полученных результатов. Процедура осреднения исходного магнитного поля с радиусом метр позволила освободиться от значительной части аномалий-помех.

Ярких локальных аномалий, фиксирующих крупные археологические объекты, здесь не обнаружено. Однако по ряду признаков магнитного поля территорию обследованной части поселения можно разделить на три зоны. Первая расположена в юго-восточной части планшета и характеризуется пониженным уровнем магнитного поля. Культурный слой здесь, вероятно, представлен лишь фрагментарно либо вовсе отсутствует (рис. 3).

С северо-запада эта часть планшета по четкой зоне градиента магнитного поля сопряжена с областью относительно повышенных значений. Это может свидетельствовать о лучшей сохранности и

[1] Автор благодарит участников геофизической экспедиции сотрудников ЗАО «Геотехнология» М.Я. Каца, А.Т. Пелевина, С.Б. Соколова за возможность публикации в статье результатов магниторазведочных работ на селищах Софьино-1 (Подольский р-н) и Лукино-3 (Истринский р-н).

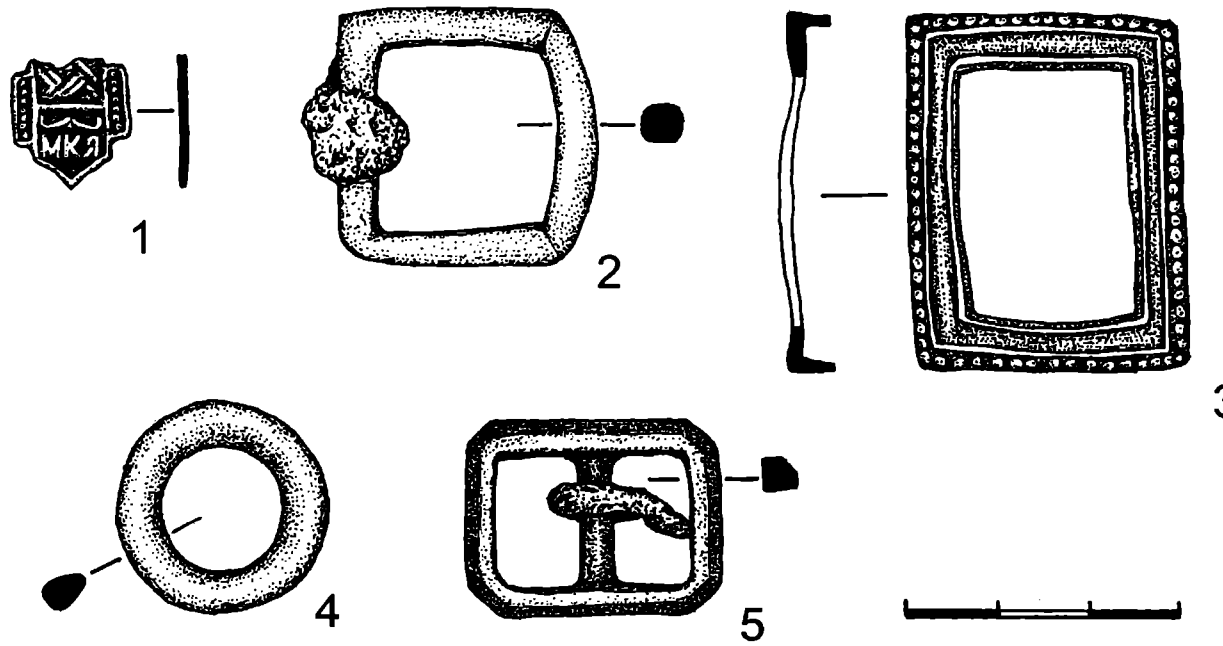


Рис. 2. Селище Софьино 1. Находки XVII–XIX вв. из цветного металла

1 – фрагмент нижней лопасти нательного креста; 2, 5 – пряжки; 3 – накладка рамкообразной формы, 4 – поясное кольцо

насыщенности культурного слоя. Далее, в северо-западной части поискового планшета, уровень магнитного поля повышается еще на 5–10 нТл. Это интерпретируется как переход в зону наибольшей насыщенности культурного слоя.

Результаты такой интерпретации хорошо согласуются с итогами планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла.

Анализируя результаты комплексных междисциплинарных археолого-геофизических исследований, отметим, что на предварительном уровне удалось определить границы распространения культурного слоя на селище Софьино-1. Его площадь около 0,5 га. Первый этап существования памятника можно отнести ко второй половине XIII–XIV в. В XVII–XVIII вв. на этом участке, очень удобном по своим топографическим условиям для заселения, возможно, возобновляется жизнь. Малочисленность находок и керамического материала времени второго этапа освоения не позволяет говорить определенно, было ли здесь поселение или, возможно, существовал сельскохозяйственный объект типа летника. Без раскопок решить этот вопрос сложно.

У д. Губкино в Ленинском районе Московской области обнаружено еще одно средневековое селище, на котором был проведен комплекс разведочных работ, позволивший определить его границы и возраст. Памятник располагается на пологом склоне правого берега р. Чечеры, непо-

далеку от ее впадения в р. Сосенку, в 40 м от русла, на высоте 5–11 м над уровнем воды. Его южная окраина тяготеет к прибровочной части надпойменной террасы, восточная граница приурочена к левому борту суходольной, сильно выположенной в результате распашки балки. Восточнее этого балочного понижения начинается д. Губкино, на западной окраине которой прослеживается сильно разрушенный культурный слой. Его границы и возраст определить не удалось, так как эта территория находится в частном владении и застроена коттеджами (цв. вкл. рис. IV). Таким образом, пригодной для археологических исследований оставалась лишь заовражная (в древности) западная часть поселения.

Первоначально этот земельный участок площадью около 1,5 га, где на пашне встречались отдельные фрагменты керамики, был визуально обследован по методике линейно-группового поиска.

Затем в его южной части собрали керамический материал, который маркировочными вешками был отмечен на местности. Это позволило приблизительно определить территорию памятника (около 0,5 га).

Небольшая керамическая коллекция (116 фрагментов) дала возможность предварительно датировать селище XV–XVIII вв. Ее краткая характеристика представлена в таблице 1.

На участке селища, локализованном в результате сбора керамичсского материала, разметили

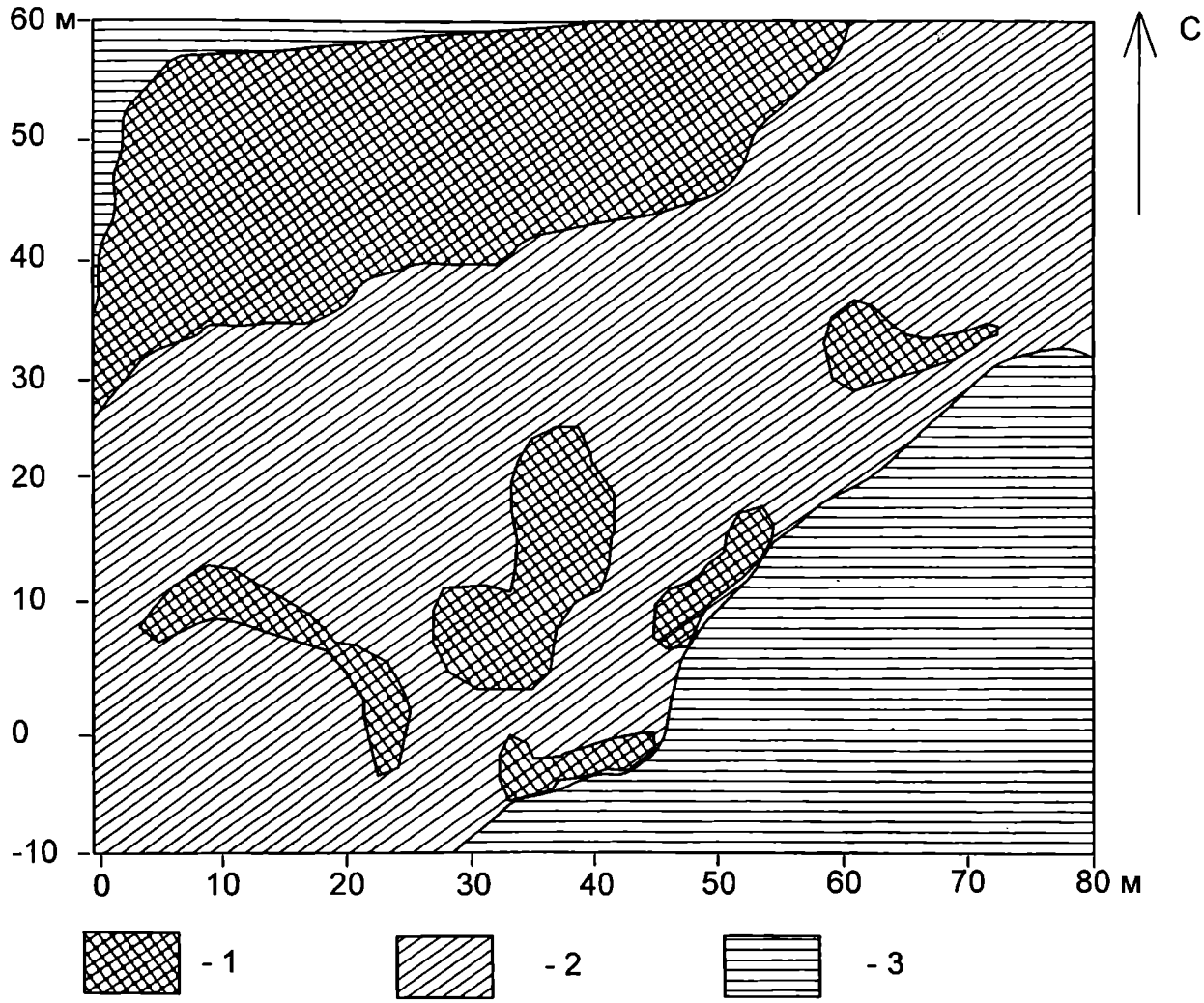


Рис. 3. Схема распространения культурного слоя на селище Софьино 1, построенная по результатам магниторазведочных исследований

1 – область максимальной насыщенности культурного слоя; 2 – область менее насыщенного культурного слоя; 3 – область, где культурный слой присутствует лишь фрагментарно

поисковый планшет площадью 6300 кв. м (90х70 м), ориентированный длинной стороной по линии запад-восток, с наибольшим отклонением западного фаса к югу (цв. вкл. рис. IV). Подобная ориентировка оказалась наиболее удобна для поисковых работ. Планшет, промаркированный и окопанный репер были инструментально привязаны к топографическому плану памятника и зафиксированы при помощи приемников GPS. После этого на селище провели планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла. Ширина поисковых магистралей – до 4 м. Каждая находка фиксировалась теодолитом и наносилась на план планшета, который, в свою очередь, был разбит на ячейки площадью 10х10 м.

Помимо этого, в границах поискового планшета пробурили около 160 почвенных зондажей диаметром 150 мм с шагом 5 м.

При закладке зондажей особое внимание уделялось окраинным территориям памятника. Здесь буровые разрезы диаметром 150 мм закладывались через 5 м. В центральной части селища, локализованной по цветности почвенного горизонта и концентрации находок, зондажи бурились через 10 м. В результате разведочных работ удалось выделить два участка концентрации керамики и темного гумусированного культурного слоя площадью около 1500 и 500 кв. м (цв. вкл. рис. V).

Скопления отделяются друг от друга полосой шириной 15–20 м, на поверхности которой отсутствовал керамический материал, реже встречались металлические находки, а культурный слой имел очень слабую цветовую окраску и насыщенность антропогенными включениями.

Эта зона совпадает с небольшим понижением местности, с неглубокой склоновой промои-

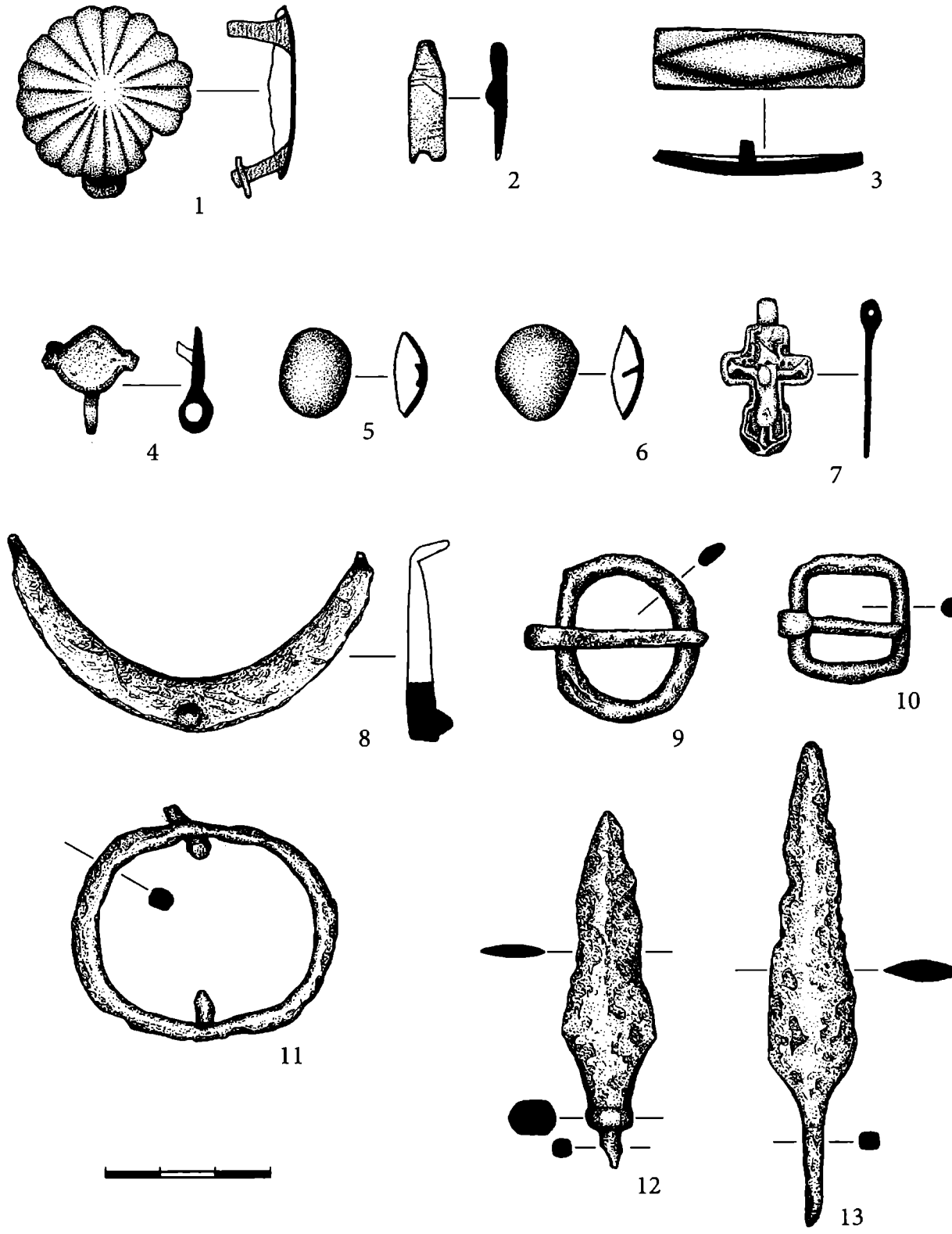


Рис. 4. Селище Губкино 1. Подъемный материал. Находки из цветного и черного металлов

1, 2 – бляхи; 3 – фрагмент наконечника ремня; 4 – бляха с петлей; 5, 6 – накладки на упряжь; 7 – крест-тельник; 8 – подкова сапожная; 9–11 – пряжки; 12, 13 – наконечники стрел. (1–7 – цветной металл; 8–13 – железо)

ной, в настоящее время слабо выраженной в рельефе. Общая площадь сохранившейся части памятника достигает 3600, а зона жилой и хозяйственной застройки – 2000 кв. м.

С целью определения мощности, сохранности и насыщенности культурного слоя в западной и восточной частях селища заложили два шурфа площадью квадратный метр каждый. Они подтвердили наше предположение о перепаханности культурного горизонта до материка.

Коллекция находок, собранных с использованием детекторов металла, насчитывает 146 предметов. Наиболее часто встречаются железные гвозди и их фрагменты (53 экз.) разных размеров и назначения, в основном – строительно-крепежные. Найдено шесть гвоздей-костылей с массивным стержнем и загнутой в одну сторону шляпкой. Железных черешковых ножей и их фрагментов найдено 15 (рис. 5, *1, 2*). Ножей с пластинчатой рукоятью на селище не обнаружено. Железных поковок – восемь, обрезков листовой меди – четыре. Эти категории предметов составляют небольшие серии и хорошо маркируют жилую и хозяйственную зону селища (цв. вкл. рис. V).

К скобяному набору относятся шесть дверных пробоев (рис. 5, *3*), звенья цепей (рис. 5, *6*), два дверных подпятника (рис. 5, *4*), четыре ключа от цилиндрических замков. Определить типы трех ключей сложно, так как они фрагментированы. Один можно отнести к типу Д – по форме стержня (рис. 5, *8*). Однако его завершение – бородка – расположено под углом 90?, как у ключей типа ВГ. В Новгороде ключи типа Д встречаются в слоях XIV – начала XV в. (*Колчин*, 1982. С. 160).

Находки из железа представлены двумя заклепками (рис. 5, *5*), кочедыком (рис. 5, *7*), фрагментами удил, сапожной подковкой (рис. 4, *8*), фрагментами двух конских подков с передним шипом. По классификации, предложенной О.В. Двуреченским, их можно отнести к I типу и датировать XV–XVII вв. (2004. С. 240). Железных пряжек найдено шесть, включая фрагменты. Они имеют округлые, квадратные и овальные в плане рамки размером 22х24 и 27х31 мм и подвижный язычок. Сечение рамок округлое или овальное (рис. 4, *9, 10*). Подобные пряжки могли использоваться для соединения ремней конской упряжи. Несколько отличается от них пряжка с вертикальной планкой, служащей осью для язычка. Ее размеры – 40х48 мм. Возможно, подобные изделия использовались и без подвижного язычка (рис. 4, *11*).

Предметы вооружения представлены двумя железными черешковыми наконечниками стрел. Один из них ромбовидный, уплощенный в сечении, с расширением в нижней трети пера (рис. 4, *12*). Длина пера – 60 мм, максимальная ширина – 18; имеется выраженный упор для древка, черешок обломан. Стрелы подобной формы бытуют на Руси в IX–XIV вв. Как было замечено О.В. Двуреченским, подобные наконечники (тип 6В) относятся к универсальным и используются на всей территории Московского государства до второй половины XVII в. (2007. С. 284).

Другой наконечник имеет треугольное, плоское в сечении перо, переходящее без упора для древка в квадратный в сечении черешок (рис. 4, *13*). Длина наконечника – 90 мм, пера – 65 мм, максимальная ширина – 16 мм. Подобные наконечники относятся к типу 16 и бытуют с конца XIV по XVII в. (*Двуреченский*, 2007. С. 288).

Редкая находка – приспособление для подвешивания котла (рис. 5, *9*).

Предметы из цветного металла представлены двумя свинцовыми пулями, медной пуговицей, шестью наременными бляхами, медным крестомтельником (рис. 4, *1–7*). Наиболее крупной, диаметром 34 мм, является розетковидная неорнаментированная литая бляха, состоящая из 18 округло-вытянутых выпуклых лепестков, смыкающихся основаниями в центральной части украшения (рис. 4, *1*). Для придания дополнительного объема щиток бляхи имеет изогнутую, выпуклую форму. Крепилось изделие при помощи двух шпеньков на оборотной стороне щитка. На одном из шпеньков сохранилась упорная шайба, необходимая для крепления к ремню. Типологически близкие бляхи, но с более сложным декором, выделены Г.Ф. Поляковой среди болгарских древностей в тип В-Vв-1 – розетковидные. Судя по их находкам в культурном слое Болгарского городища, они датируются золотоордынским временем (*Полякова*, 1996. С. 209, 220). Наше украшение отличается от болгарских более простой формой и декором. Предположительно, ее можно датировать XV–XVI вв.

Еще одна бляха с петлей для колечка имеет округло-ромбовидную форму щитка с небольшими выступами по краям (рис. 4, *4*). Размер неорнаментированного щитка – 11х12 мм. С оборотной стороны щитка на боковых выступах сохранились шпеньки для крепления. Подобные бляхи использовались для крепления боковых ремней конской упряжи. По классификации Г.Ф. Поляковой, подобные изделия относятся к типу В-I-1 и датируются золотоордынским временем (1996. С. 211, 222).

Еще одной находкой, имеющей аналогии среди болгарских древностей, является фрагмент наконечника ремня, украшенный рельефным ромбом вытянутой формы (рис. 4, *3*). Его выпукло-вогну-

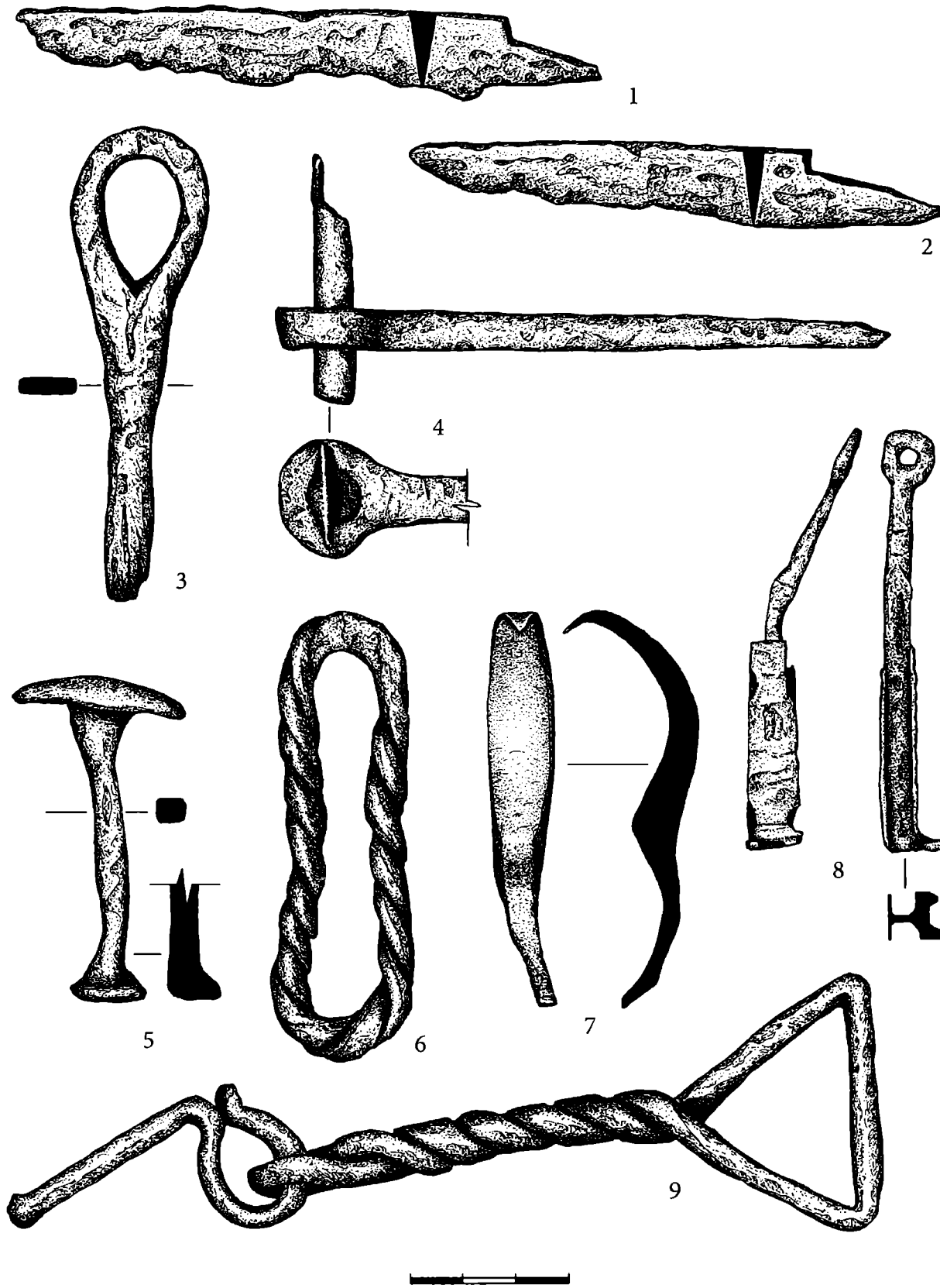


Рис. 5. Селище Губкино 1. Подъемный материал. Находки из черного металла

1, 2 – ножи черешковые; 3 – дверной пробой; 4 –подпятник дверной; 5 – заклепка; 6 – звено от цепи; 7 кочедык; 8 -- ключ от замка типа Е; 9 – цепь для подвешивания котла

тый щиток имеет изгиб в продольном сечении и шпенек для крепления с оборотной стороны. Г.Ф. Полякова относит подобные наконечники ремней к отделам В-VIII и В-IX и датирует золотоордынским временем (1996. С. 206–207, 220).

На селище найдена бляха прямоугольной формы размером 23х7 мм. Ее верхний край имеет приостренно-округлую форму, а в основании прослеживается округлый вырез. С оборотной стороны присутствует шпенек для крепления (рис. 4, *2*).

Две другие литые бляхи имеют скорлупообразную, округлую в плане форму. Их толщина – 0,8–1 мм, с оборотной стороны присутствует шпенек для крепления. Подобные бляхи использовались для украшения ремней конской упряжи в XVII–XVIII вв.

Культовые предметы представлены всего одним крестом-тельником. Он четырехконечный, литой, медный, с расширением на верхней ветви и килевидным расширением нижнего конца. Размеры – 30х17 мм. Лицевую сторону креста занимает рельефное изображение Распятия в углубленном ковчежце. Плавно изогнутая фигура Христа несет следы сильной затертости, но это не мешает отметить архаичность изображения. Никаких надписей на кресте нет, оборотная сторона гладкая.

Килевидное завершение нижнего конца вертикального ствола креста появляется в произведениях мелкой пластики на рубеже XIV–XV вв. Исследователи также замечают, что плавно изогнутое изображение фигуры Христа на Распятии появляется в иконографии со второй половины XV в. (*Даркевич, Пуцко*, 1981. С. 229).

Типологически близкий крест-тельник, обнаруженный на средневековом поселении Настасьино, согласно стратиграфии, датируется XV в. (*Сарачева, Сапрыкина*, 2004. С. 59, 266. Рис. 93, *20*). Интересно отметить, что в коллекции крестов-тельников, насчитывающей более 50 экз., собранной на селищах Голино-1 и -3, сопоставляемых с казацкими слободами последней четверти XVI–XVII в. (район Куликова поля), крестов подобной формы не встречено. Скорее всего, они бытовали ранее третьей четверти XVI в. Рассматриваемый нательный крест, по-видимому, можно датировать второй половиной XV – серединой XVI в.

Заканчивая обзор находок, собранных на селище Губкино-1, важно отметить их широкий хронологический диапазон. Присутствуют предметы золотоордынского времени XIV–XV вв. и находки XVI–XVIII вв. Важными для уточнения датировки селища являются две монеты: наиболее ранняя – серебряная денга, отчеканенная в 30–40-е годы XV в. во время правления московского великого князя Василия II (определение научного сотрудника отдела нумизматики ГИМ В.В. Зайцева); наиболее поздней является медная денга 1753 г.

Интересны сведения о д. Губкино, приведенные И.Е. Забелиным: «Губкино, на овраге да на пруде, упоминаемое в грамотах еще в половине XV в. В конце XVI столетия оно было во владении боярина кн. Дм. Ив. Хворостинина и сына его Юрия, а в 1628 г. куплено кн. Дм. Петр. Пожарским-Лопатою, который поставил здесь себе двор. В 1704 г. им владел стольник кн. Вас. Гр. Щербатов» (1873. С. 134).

Неподалеку от селища Губкино-1, на левом берегу р. Шишовки, левого притока р. Сосенки, археологическими методами обследовано еще одно средневековое селище Столбово-1. Разведочный цикл работ включал визуальный сбор подъемного материала по методу линейно-группового поиска, планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла, закладку почвенных зондажей при помощи ручного бура, шурфовку с целью изучения стратиграфии культурного слоя. Все полученные результаты нанесены на топографический план памятника, а также зафиксированы с помощью приемников GPS (цв. вкл. рис. VI).

Селище занимает пологий склон левого берега р. Шишовки, в 70 м от русла. Высота над урезом воды – 4–6 м. Площадка имеет уклон на северо-запад. Перепад высот на площади селища достигает метра. Поселение вытянулось полосой протяженностью 210 м и шириной 60–65 м с северо-востока на юго-запад, тяготея северной частью к долине р. Шишовки, южной – к увлажненной пологой балке и пойме левого берега реки. Селище как бы отрезало пониженную хорошо влагообеспеченную часть мыса в устьевой части балки (цв. вкл. рис. VI). Жизнь и хозяйственная деятельность жителей поселка сосредотачивались на площади двух участков: скопление 1 – 4500 кв. м и скопление 2 – 3900 кв. м. Скорее всего, здесь располагались крестьянские дворы с примыкающими к ним хозяйственными зонами. Территория между скоплениями бедна находками, керамика почти не встречается, культурный слой отсутствует.

Ярко выраженный гумусированный слой выделяется в виде темных пятен в центральной части каждого из скоплений. Площадь пятен – 1700 и 800 кв. м (цв. вкл. рис. VII). Интересно заметить, что скопления собранного на пашне керамического материала находятся поблизости этих пятен или накладываются на них. Металлические находки также чаще встречаются в зонах концентрации культурных напластований или тяготеют к ним.

На наш взгляд, представленные материалы дают возможность обоснованно определить площадь жилой и хозяйственной застройки се-

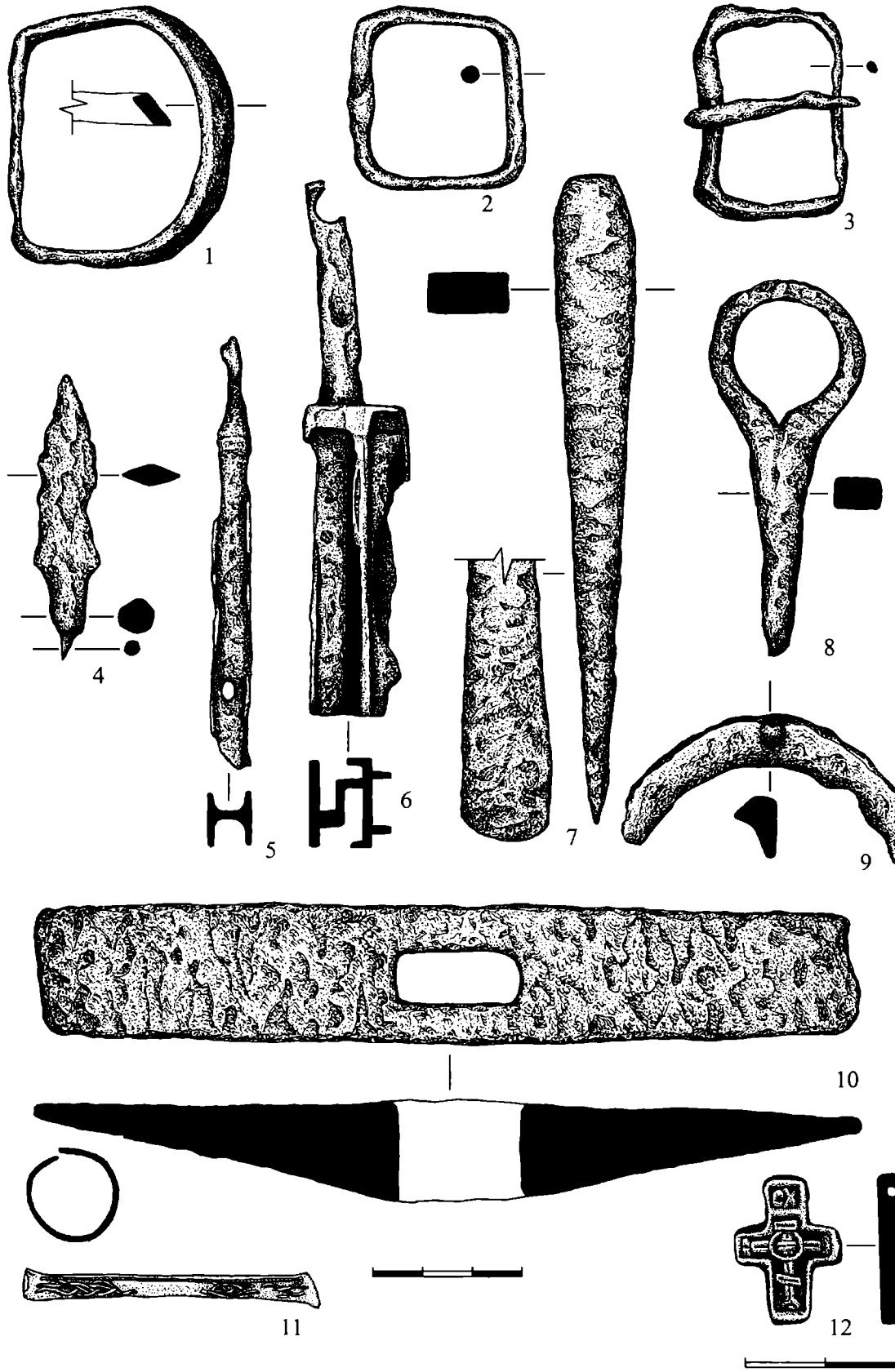


Рис. 6. Селище Столбово 1. Подъемный материал. Находки из черного и цветного металла

1–3 – пряжки; 4 – наконечник стрелы; 5, 6 ключи; 7 – зубило; 8 – пробой; 9 – подкова сапожная; 10 – молоток-кирка; 11 – фрагмент перстня; 12 крест-тельник. (1–10 – железо; 11, 12 – цветной металл)

лища, а также наметить наиболее информативные его участки.

С целью определения времени существования памятника рассмотрим коллекцию керамики и индивидуальных находок.

Собранный на селище керамический материал включает 699 фрагментов круговой посуды, среди которой преобладает белоглиняная с примесью мелкого песка в керамическом тесте – 545 фрагментов. Венчики этих горшков отогнуты наружу, а черновой край завернут внутрь, образуя уплощенные утолщения (15 фрагментов), или оформлен без утолщения (13 фрагментов). Шейка сосудов украшена прочерченными линиями, образующими поясок. Лишь на четырех верхних частях горшков прочерченный орнамент отсутствует.

Обнаружены 82 фрагмента белоглиняной грубой керамики. Как правило, это обломки кувшинов с загнутым внутрь и уплощенным или загнутым наружу в виде утолщения черновым краем.

Сероглиняной керамики с примесью среднего и крупного песка в тесте – 14 обломков. Венчики таких сосудов отогнуты наружу, черновой край в пяти случаях оформлен без утолщений, у двух фрагментов – отогнут наружу в виде козырька, еще у двух – завернут внутрь в виде уплощенного утолщения.

Небольшую серию составляет красная гладкая керамика (51 фрагмент). Одна стенка украшена линейным орнаментом, венчики трех других отогнуты наружу, а их край оформлен без утолщений.

В коллекции присутствуют пять обломков чернолощеной и два фрагмента краснолощеной керамики.

На наш взгляд, рассмотренная керамическая серия может датироваться XVI в.

В процессе сбора подъемного материала с использованием детекторов металла обнаружено 90 предметов из цветного и черного металла. Половину составили обломки ножей, гвоздей, металлургический шлак, железные поковки. Инструментально они привязаны к топографическому плану селища, но в коллекцию не взяты (цв. вкл. рис. VII). Остальные предметы найдены в одном экземпляре или представлены мелкими сериями (ножи – шесть штук, железные пряжки – шесть штук, дверные пробои – четыре штуки, фрагменты навесных замков – два).

Железных пряжек, у которых возможно определить форму рамки, – три экземпляра (рис. 6, *1–3*). При их описании будем придерживаться типологии, предложенной Г.А. Федоровым-Давыдовым (1966. С. 46). Все они относятся к отделу А – рамчатые, без специального приспособления для соединения рамки с пряжкой. К типу 1Б относятся две находки с прямоугольной и квадратной рамками округлого сечения (рис. 6, *2, 3*). Их размеры – 28х43 и 35х35 мм. Третья пряжка близка к типу 2 (сегментовидная) с сечением рамки в передней части в форме прямоугольника со скошенными краями. Ее размеры – 44х53 мм (рис. 6, *1*). Скорее всего, все пряжки были подпружными.

Предметы вооружения представлены одной находкой – ромбовидным наконечником стрелы с расширением в нижней трети пера, с упором для древка. Длина пера – 52 мм, максимальная ширина – 15 мм, сечение – ромбическое (рис. 6, *4*). Подобные наконечники известны с домонгольского времени и существуют до XVII в. По классификации О.В. Двуреченского, его можно соотнести с типом 15 (2007. С. 288).

Скобяной набор включает дверные пробои (рис. 6, *8*), фрагмент дверной петли с неподвижной осью, два ключа от цилиндрических замков типов Д и Е (рис. 6, *5, 6*). Бытуют подобные ключи с XIV по XVI в. (*Колчин*, 1982. С. 160, 162).

На памятнике встречены фрагменты двух конских подков с одним передним шипом, ледоходный шип и подковка сапожная с шипами для крепления (рис. 6, *9*).

Инструментарий представлен цельнометаллическим зубилом (рис. 6, *7*). Его длина – 130 мм, ширина лезвия – 17 мм, режущая кромка округлая. Обушковая часть сужается в сторону ударной площадки, сечение стержня прямоугольное. Фронтальные поверхности зубила плавно расширяются от обушка к лезвию с 8 до 17 мм. Лезвийная часть сработана слабо, угол заточки составляет 20°. Ударная часть несет следы слабой деформации – видимо, инструментом пользовались короткое время. Небольшие размеры, острый угол заточки позволяют предположить, что зубило использовалось для слесарно-ювелирных работ.

Аналогичный инструмент меньших размеров обнаружен при раскопках металлургической мастерской древнерусского времени, расположенной на селище Колесовка-1 в районе Куликова поля (*Наумов*, 1998. С. 13. Рис. 23, *2*).

Еще один инструмент, который мог быть связан с железоделательным производством, найден на площади скопления 1. Это молоток-кирка или кричный молоток (рис. 6, *10*). Он имеет длину 165 мм, ширину – 28 мм, максимальную толщину в средней части – 20 мм, размеры отверстия для ручки – 25х11 мм. У молотка одинаковые клиновидные бойки, скошенные по направлению к рукояти. Внешняя боковая поверхность плавно сужается к заостренным ударным лезвийным кромкам, торцевые плоскости параллельны, тыльная сторона немного выпуклая в средней

части. Подобной киркой древние металлурги могли «раскалывать горновые крицы и шлаки с целью отделения кусков, богатых железом, от шлаковых масс» (*Наумов*, 2004. С. 167).

Подобные инструменты встречаются на памятниках домонгольского времени, например, на селище Куликовка-4 в районе Куликова поля (*Гоняный и др.*, 2003. С. 236–237. Рис. 4, *8*). Известны они и в коллекциях более позднего времени среди находок на территории Тушинского лагеря (*Никитин*, 1971. С. 40, 57. Табл. 3, *2*).

Важно заметить, что на площади скопления 1 обнаружено несколько кусков металлургического шлака. Перечисленные находки дают основание предполагать, что жители селища могли заниматься металлургией.

Находки изделий из цветного металла на памятнике единичны. Это бронзовый наконечник ремня, фрагмент серебряного орнаментированного перстня и медный крест-тельник (рис. 6, *11, 12*). Скорее всего, перстень имел щиток, который утрачен. Обруч сохранившейся части украшения представляет собой прямоугольную пластину длиной 60, шириной 5 и толщиной 1,4 мм. По ее краям с внешней стороны были припаяны крученые филигранные нити, одна из которых сохранилась почти полностью, а другая едва читается. Вдоль пластины припаяна орнаментальная косичка, плетеная из трех серебряных нитей. Поперечные концы обруча немного раскованы – видимо, для удобства соединения со щитком. Внутренняя сторона гладкая и имеет едва заметные раковины, образовавшиеся при отливке изделия.

Крест-тельник – четырехконечный, с удлиненными верхним и нижним концами, с прямым завершением ветвей. В средокрестие вписан семиконечный прямолинейный Голгофский крест с венком. Нижний конец креста раздвоен – имитация пещеры со схематичным изображением головы Адама (рис. 6, *12*). На квадратном щитке верхней ветви – надпись «СХ». На наш взгляд, это зеркальное изображение букв «ХС» (Христос). На боковых лопастях по краям средокрестия вдоль бортика – неразборчивые буквы. Крест имеет внутреннее ушко (канал для шнурка диаметром миллиметр), расположенное в верхней ветви. Толщина креста в этой части достигает 3,5 мм. Нижний конец тоньше – 2,3 мм. Оборотная сторона тельника гладкая, со следами обработки напильником. Столь небольшие по размерам кресты – явление не частое. В качестве примера можно привести миниатюрный крестик, обнаруженный у д. Чевкино Рязанской обл., датируемый XVI в. (*Даркевич, Пуцко*, 1981. С. 230). Принимая во внимание иконографические особенности найденного креста, считаем, что его можно датировать XVI в.

Рассмотренные материалы, полученные при проведении разведочного археологического цикла работ, позволяют локализовать жилые и хозяйственные зоны, определить время существования селища, получить исходные материалы для составления программы последующих охранных раскопок объекта археологического наследия.

Заслуживают внимания результаты разведочного цикла исследований, проведенных на селище XIV – начала XVI в. Лукино-3 (Истринский р-н Московской обл.), расположенном на правом пологом склоне суходольной балки, выходящей в долину правого берега р. Разварни, в 45 м к юго-западу от русла, в 200 м к юго-западу от д. Лукино. Высота над урезом воды в реке – 4–6 м (цв. вкл. рис. VIII). До недавнего времени селище распахивалось, но сейчас слабо задерновано, что позволило собрать на поверхности небольшое количество керамического материала, применяя методику линейно-группового поиска. Визуально собранные находки, включающие 29 фрагментов красной гладкой, мореной, сероглиняной (с примесью мелкого песка в тесте) керамики, позволили лишь ориентировочно наметить границы селища и разметить планшет для сбора подъемного материала с использованием детекторов металла. Поисковый планшет прямоугольной формы площадью 3000 кв. м, полностью перекрывал территорию селища (2400 кв. м), обозначенную в результате визуального поиска (цв. вкл. рис. VIII). Детекторами металла удалось обнаружить 17 металлических предметов (кованые гвозди, фрагменты ножей, обломок серпа), которые группировались на площади около 1000 кв. м в центре поискового планшета.

С целью определения мощности, сохранности, насыщенности и границ культурных напластований было заложено три шурфа площадью квадратный метр каждый и 64 почвенных зондажа диаметром 150 мм и глубиной до 0,5 м. Во всех шурфах был зафиксирован перепаханный культурный слой толщиной 0,2–0,3 м. Зондажи позволили выделить зону относительной концентрации темно-серого перепаханного суглинка с включениями угольков, кусочков прокаленной глины, отдельных мелких фрагментов круговой керамики. Ее площадь составила немногим более 850 кв. м. Важно заметить, что большинство металлических находок и керамики обнаружено в зоне с повышенной гумусацией почвенного горизонта.

С целью уточнения границ жилой и хозяйственной зон, выявления антропогенных аномалий, связанных с подпольными и подпечными ямами, погребами, ледниками, характерными для сельских средневековых поселений, на селище прове-

дены геомагнитные исследования (работы выполнялись специалистами ЗАО «Геотехнология», руководитель М.Я. Кац) (*Кац и др.*, 2007). Поисковый планшет квадратной формы площадью 1600 кв. м был заложен в центральной части селища, в зоне концентрации металлических находок и гумусированного культурного слоя (цв. вкл. рис. VIII).

На участке геофизической съемки удалось выявить аномалии антропогенного характера (цв. вкл. рис. IX), которые были исследованы при раскопках (816 кв. м площади селища)[2]. Аномалии 1 и 2 связаны с котлованами жилых построек. Аномалии 3 и 4 вызваны магнитными свойствами крупных современных железных предметов. Линейная аномальная зона, выявленная к западу от ямы 3, связана с уплотненностью грунта под проселочной дорогой, ведущей к броду. К сожалению, небольшие по размерам ямы 1, 4, 5, 6 не вызвали отклонений в магнитном поле и остались незамеченными геофизиками.

Анализируя результаты проведенных исследований, считаем, что поставленная изначально задача локализации границ селища, выделения площади жилой и хозяйственной застройки памятника выполнена. Остатки жилых и основных хозяйственных построек изучены в процессе охранных раскопок, проведенных на месте будущего строительства.

Интересные материалы получены в результате комплексных археолого-геофизических исследований на селище конца XVII–XIX в. Духанино-1 (Степаньково), расположенном в Истринском р-не Московской обл.

Работы были нацелены на определение площади и границ, выделение участков расположения жилых, хозяйственных и производственных комплексов, уточнение датировки памятника. На сохранившейся части селища удалось локализовать четыре участка концентрации находок, которые, как показали раскопки, проведенные под руководством доцента ВГУ В.Н. Ковалевского, соответствовали остаткам господского дома, жилых и хозяйственных построек майора С.Ф. Щукина и дворов его крестьян (ЦИАМ.Ф. 743. Оп. 1. Д. 474).

Это селище упоминается в Писцовых книгах 1586 г. как пустошь Степанково (ПКМГ, 1872. С. 117), в источниках XVIII в. указывается сельцо Степанково Московского уезда Горетова стана (*Кусов*, 2004. С. 181).

В середине XIX в. деревня Степаньково насчитывала 15 дворов, располагалась в 56 верстах от столицы и в 28 верстах от уездного города Звенигорода, на дороге из Воскресенска в Клин (*Нистрем*, 1852. С. 402–403)[3].

Несомненно, что застройка д. Степаньково в XVI–XIX вв. располагалась и западнее исследованного нами участка. Отдельные фрагменты керамики этого времени встречаются среди развалин жилых и хозяйственных построек деревни, заброшенной в конце XX в. Возможность обнаружения и изучения сохранившихся культурных напластований XVI–XVIII вв. на этом участке отсутствует.

Детальные археологические разведочные работы были сосредоточены на напольной (не застроенной в XIX–XX вв.) части д. Степаньково (цв. вкл. рис. X). На этом участке площадью около 3 га проведен визуальный планшетный сбор подъемного материала, позволивший выделить четыре зоны концентрации находок керамики, печных изразцов, битого кирпича.

Затем на площади скоплений подъемного материала выполнили планшетный сбор находок с использованием детекторов металла (цв. вкл. рис. X, XI). Он позволил уточнить месторасположение дворов и интенсивность их застройки. Остальную часть селища обследовали с использованием детекторов металла по методике линейно-группового поиска.

После завершения археологического этапа на селище выполнили площадную магниторазведку силами геофизической экспедиции ЗАО «Геотехнология».

Селище расположено на пологом склоне левого берега р. Колоколенки, в 225 м к юго-востоку от запруженного русла (цв. вкл. рис. X). Высота над урезом воды составляет 8–15 м. Небольшой уклон дневной поверхности наблюдается в северо-западном направлении, к реке. До последнего времени северо-восточная часть памятника распахивалась, что повлекло за собой поверхностное разрушение культурного слоя (до 25 см). Шурфовка памятника позволила установить, что культурный слой сложен темно-серым гумусированным опесчаненным суглинком мощностью до 0,5 м. В его толще встречены обломки большемерных кирпичей, печина, угольки, фрагменты керамики.

Учитывая, что поисковые работы проводились весной, когда травостой был низким, удалось провести сбор подъемного керамического материала на площади около 3 га. Всего собраны 923 фрагмента сероглиняной, красноглиняной, белоглиняной, чернолощеной, мореной и поливной керамики. Важно отметить, что скопления керамики тяготеют к северо-восточной части памятника. Они

[2] Приношу благодарность археологу Р.В. Клянину, оказавшему большую помощь в проведении раскопок и написании научного отчета по результатам исследований на селище Лукино-3.

[3] Изучение архивных материалов выполнено архитектором В.В. Зубаревым.

концентрируются на четырех различных по площади и насыщенности участках (цв. вкл. рис. X; XI). На остальной территории памятника обломки посуды встречаются реже и не составляют скоплений. На участках концентрации керамического материала больше и вещевых находок. Особенно много железных кованых гвоздей и их обломков. Находки гвоздей, как правило, маркируют на поселениях расположение жилых и хозяйственных зон (цв. вкл. рис. XI).

Важно заметить, что вне отмеченных скоплений керамики металлические находки XVII–XIX вв. встречаются в единичных случаях, хотя найдено много современных железных предметов, связанных с деревней конца XIX–XX в. (проводилась их выборка и вынос с территории селища). Это было необходимо для успешного выполнения магниторазведочных работ.

Забегая вперед, хочется отметить, что обследование юго-западной части памятника геофизическими методами не выявило значительных аномалий антропогенного облика. Это хорошо коррелируется с результатами археологической разведки.

Косвенным подтверждением положительных результатов археолого-геофизических исследований, локализующих расположение объектов жилой и хозяйственной застройки в северо-восточной части селища, являются многочисленные закопушки «черных копателей». Именно к этой части памятника приурочена их активная деятельность. Вблизи многих грабительских разрушений встречены брошенные ими находки, в первую очередь, различные поковки и гвозди. Эти предметы инструментально привязаны нами к поисковым планшетам и топографическому плану селища.

Рассмотрим подробнее результаты поисковых исследований по скоплениям керамического материала.

Скопление 1 приурочено к северо-западной окраине селища (цв. вкл. рис. X, XI). Концентрация керамического материала наблюдается на площади 2100 кв. м в виде пятна овальной формы – 297 фрагментов круговой посуды, изготовленной из красножгущейся и беложгущейся глины. Обнаружены обломки чернолощеных и мореных сосудов. В основном это кувшины и миски. Изредка встречается поливная посуда. На площади скопления найден обломок рельефного изразца, зеркало которого украшено бело-желто-синей глазурью. Другой изразец – расписной, двухцветный – бело-синий. Поблизости от скопления 1 обнаружен фрагмент муравленого (зеленого) изразца. Там же найден навесной замок и свинцовая пуля (рис. 7, *1*). Из металлических находок можно также отметить фрагменты железной цепи и черешкового ножа, кричный молоток (рис. 7, *4, 5, 7*), медные пуговицы, медную со следами лужения бляху от сбруи (рис. 8, *6*), медное колечко, монету-полушку XVIII в., нательные крестики, медную пряжку с железным язычком (рис. 8, *3*), бронзовую пуговку (рис. 18, *2*), кусок свинца, железный сошник.

Эти предметы найдены на поисковом планшете площадью 3600 кв. м. Территория, где они чаще встречаются, достигает 2000 кв. м.

Магниторазведка обнаружила зону концентрации аномалий антропогенного характера. Они локализуются в западной части геофизического планшета на площади 1500 кв. м и тяготеют к центру скопления 1, выявленного археологами.

Скопление 2 расположено в 30 м к востоку от скопления 1 (цв. вкл. рис. X, XI). Оно невелико по площади – немногим более 500 кв. м. На его поверхности собрано 150 фрагментов круговой керамики, бутылочное стекло зеленого цвета, горловины стеклянных бутылок.

Наиболее интересные находки, собранные с использованием детекторов металла, сконцентрированы на участке площадью 400 кв. м и представлены дверными пробоями (рис. 7, *2, 3*), железным ружейным карабином (рис. 8, *1*), фрагментом удил (рис. 8, *7*), обломком серпа (рис. 7, *6*), железными гвоздями.

Скопление подъемного материала 3 (цв. вкл. рис. X, XI) расположено в 20 м к юго-востоку от описанного. Концентрация керамики, обломков кирпичей занимает участок трапециевидной формы площадью 1200 кв. м.

Сбор металлических находок с использованием детекторов металла проводился на площади 1500 кв. м. Находки концентрировались на участке 800 кв. м. Они представлены железными гвоздями разных размеров и назначения, железным ножом, медной пуговицей и серебряной монетой XIX в.

Найдено 240 фрагментов круговой керамики, изготовленной как из беложгущихся, так и из красножгущихся глин.

Результаты геофизической разведки подтверждают наличие на площади рассматриваемого скопления нескольких антропогенных аномалий. По своим физическим свойствам они интерпретируются как подпольные и погребные ямы. Остатков печей на территории скопления 3 не зафиксировано. Подпольные ямы группируются на площади 200 кв. м.

Скопление подъемного материала 4 (цв. вкл. рис. X, XI расположено в южной части селища. Подъемный керамический материал сосредоточен на площади около 2000 кв. м. Керамическим находкам сопутствуют обломки кирпича, фраг-

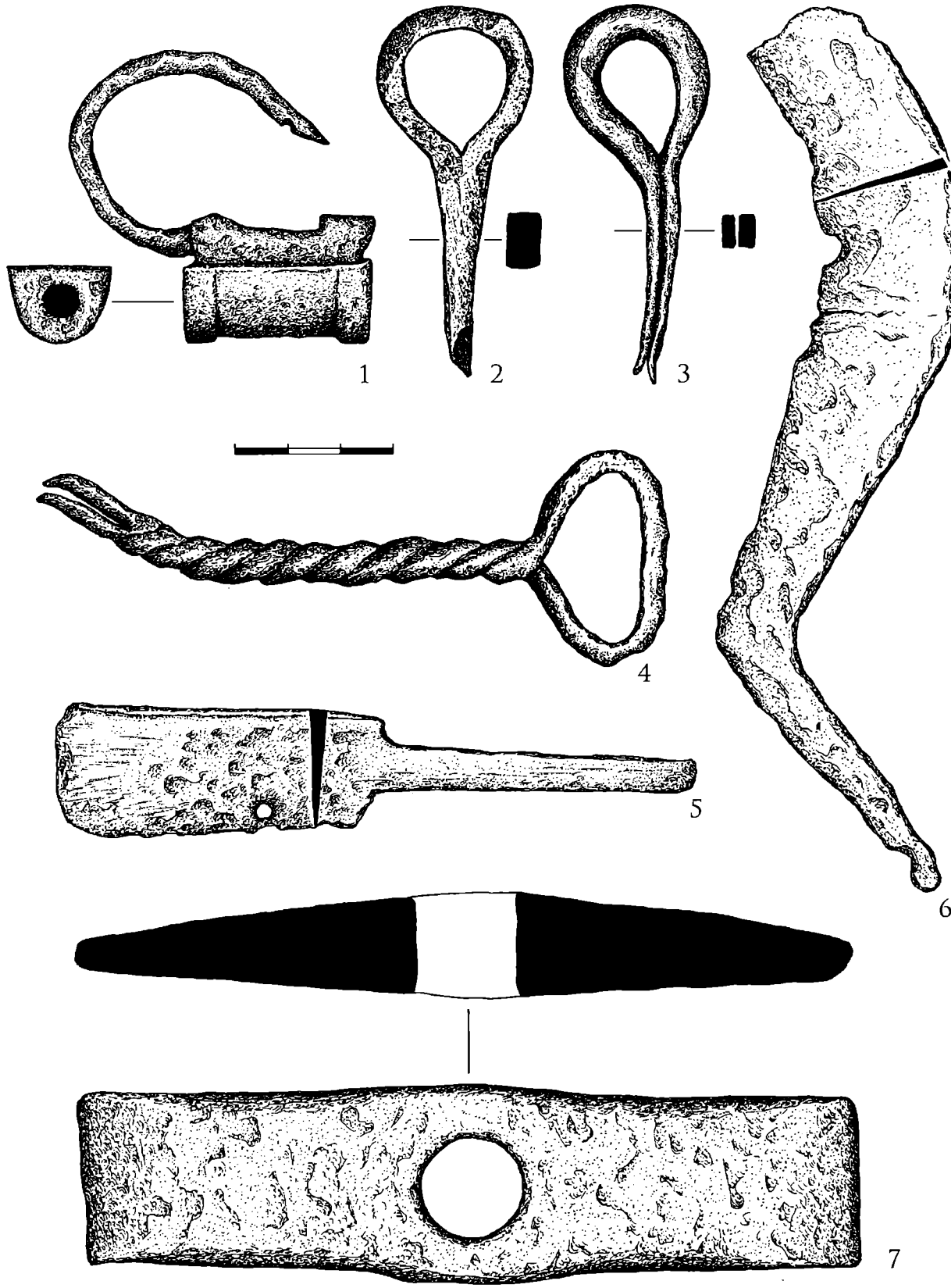


Рис. 7. Селище Духанино (Степаньково) 1. Подъемный материал. Находки из черного металла

1 – навесной замок; 2, 3 – пробои; 4 – фрагмент цепи; 5 – нож; 6 – фрагмент серпа; 7 – молоток-кирка

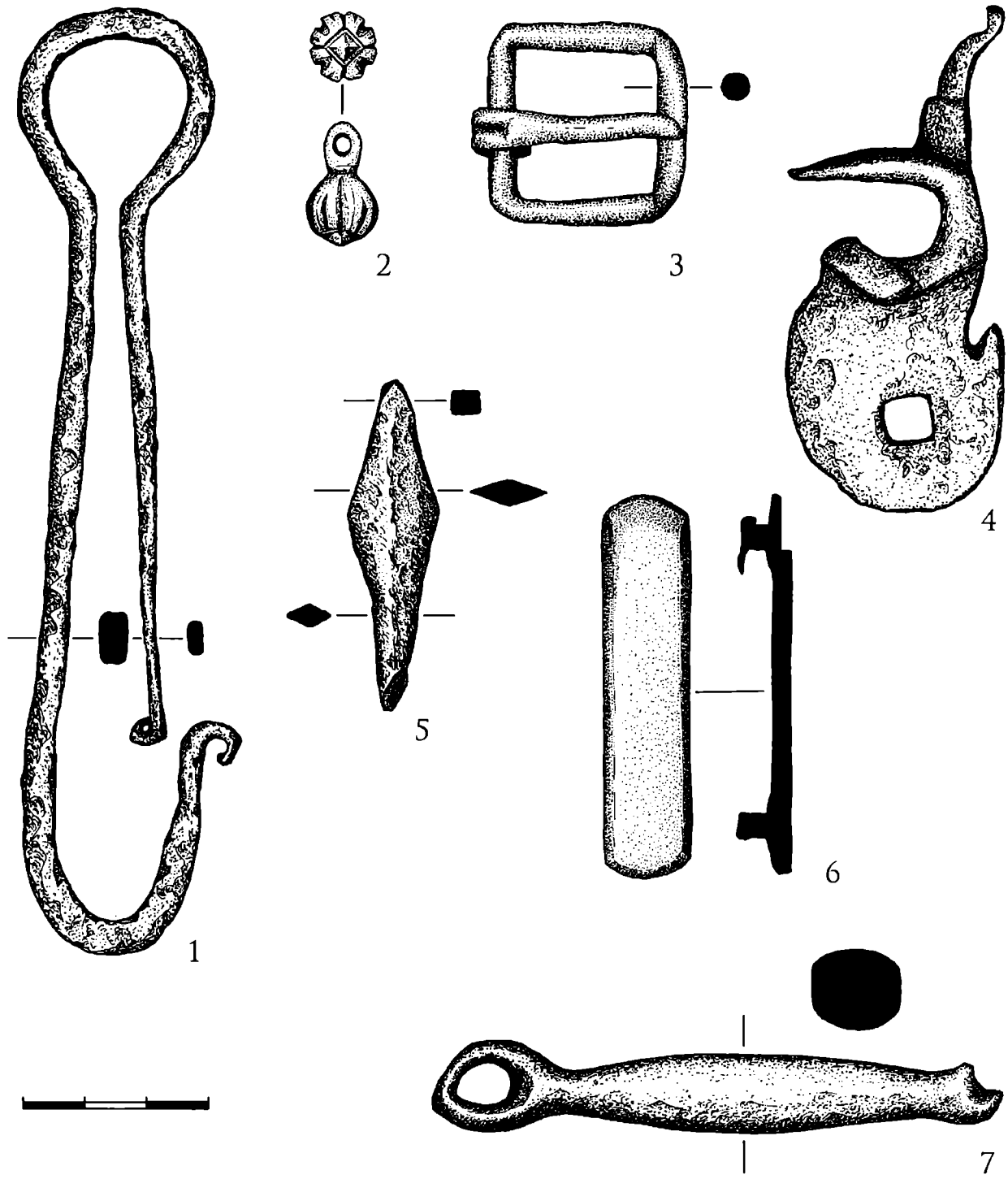


Рис. 8. Селище Духанино (Степаньково) 1. Подъемный материал. Находки из черного и цветного металлов

1 – карабин ружейный; 2 – пуговка-гирька; 3 – пряжка; 4 – фрагмент курка от ударно-кремневого ружейного замка; 5 – наконечник стрелы; 6 – накладка на сбрую; 7 – фрагмент удил. (1, 4, 5, 7 – железо; 2, 3, 6 – цветной металл)

менты рельефных полихромных и расписных печных изразцов с гладким зеркалом. Эти находки указывают на присутствие изразцовых печей в жилых помещениях построек, расположенных в этой части селища.

На площади скопления 4 обнаружено более 100 железных гвоздей различных размеров и назначения.

Наиболее интересные находки – фрагмент курка от ударно-кремневого замка (рис. 8, *4*), ножи, ключи, медная пуговица с железным ушком, небольшое зубило, железный наконечник стрелы (рис. 8, *5*), конская и сапожная подковы.

Керамический материал представлен 236 обломками посуды, изготовленной из беложгущихся и красножгущихся глин. В целом, на площади селища преобладает посуда из ожелезненных глин, небольшой процент составляет лощеная и мореная, а также поливная посуда.

Индивидуальные находки, собранные с использованием детекторов металла, концентрируются на площади около 1800 кв. м. На этой же территории геофизиками локализована серия аномалий, которые, скорее всего, правомерно соотносить с печами. К северо-западу расположена зона, в которой зафиксированы аномалии, по своей природе сходные с углубленными в материк частями наземных построек. Эта зона имеет протяженность с запада на восток 44 м, с севера на юг – 40 м. Детализация северо-западной части геофизического планшета выявила четыре крупных (до 3–4 м в поперечнике) ямы, которые, скорее всего, можно связать с подклетами жилых и хозяйственных построек. Таким образом, остатки выявленных сооружений группируются на площади 1700 кв. м. Раскопками в этой части селища изучены остатки господского дома начала XIX в., принадлежавшего майору С.Ф. Щукину.

Археолого-геофизическими методами обследована вся сохранившаяся площадь селища Духанино-1 (Степаньково). Установлено, что зона жилой и хозяйственной застройки памятника тяготеет к его северо-восточной части, где удалось выделить и на предварительном уровне изучить четыре участка концентрации археологического материала, а также ярко выраженного гумусированного культурного слоя.

Информация, полученная на разведочном этапе работ, дает представление об особенностях планировки и плотности застройки сохранившейся части памятника, что позволило правильно выбрать участки для проведения охранных археологических раскопок, предпринятых в 2007–2008 гг.

В заключение хочется отметить, что предложенная методика комплексных разведочных археологических исследований позволяет на предварительном уровне получить разноплановую информацию о конкретном памятнике. Разнообразные поисковые приемы должны дифференцированно применяться на памятниках с различным по сохранности и информативности культурным слоем. На наш взгляд, важные сведения дает планшетный сбор керамического материала и металлических находок. Поисковые исследования с использованием детекторов металла и последующей инструментальной фиксацией результатов позволяют получить данные о расположении жилых, хозяйственных и производственных зон на памятниках, спасти от рук «черных копателей» тысячи древних артефактов.

Закладка почвенных зондажей с применением ручного бура на окраинах поселений позволяет, почти не разрушая культурных напластований, уточнять границы объектов культурного наследия. Получаемые результаты являются основой для планирования и последующего проведения раскопок.

Принимая во внимание очень осторожное, а порой и критическое отношение многих археологов к итогам разведочных работ, хочется отметить, что информация, полученная в результате комплексных междисциплинарных разведочных исследований, является полноценным источником для изучения объектов археологического наследия.

Литература

Гоняный М.И., 1997. Отчет о результатах археологических разведок, проведенных в Кимовском районе Тульской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Гоняный М.И., 2005. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. М.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. №3.

Двуреченский О.В., 2004. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // Археология Подмосковья. М.

Двуреченский О.В., 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // АП. Вып. 3. М.

Забелин И.Е., 1873. Кунцево и древний Сетунский стан. Исторические воспоминания. М.

Кац М.Я., Пелевин А.Т., Соколов С.Б., 2007. Отчет о проведении охранных археолого-геофизических работ (магниторазведка) по обследованию селища Духанино-1 (Степаньково) XVII–XIX вв., расположенного в границах земельного участка с кадастровым номером 50:08:04 02 33:0001 по адресу: Московская область, Истринский район, Ермолинский с/о, в 1700 м западнее деревни Духанино // Архив Министерства культуры Московской области. М.

Колчин Б.Н., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.

Кусов В.С., 2004. Земли Московской губернии в XVIII в. Т. 1. М.

Леопардов Н., Чернев Н.,1903. Сборник символов с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Сер. 2. Вып. 2. Киев.

Медведев А.П., 1966. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.

Наумов А.Н., 1998. Отчет о работах в Туле и на Куликовом поле в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1.Т. 1.

Наумов А.Н., 2004. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII– середине XIV в. / Дисс. ... канд. ист. наук. М.

Никитин А.В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е1-34. М.

Нистрем К., 1852. Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. М.

Писцовая книга г. Коломны и уезда 1577–1578 гг. // ПКМГ. 1872. Ч. 1. Отд. 1. СПб.

Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.

Руденко К.А., 1999. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой хронологии Поволжья и Приуралья. Ижевск; Глазов.

Руденко К.А., 2000. Булгарские железные пряжки и накладки (X–XIV вв.) // Тр. ГИМ. Вып. 122.

Руденко К.А., 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань.

Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А., 2004. Средневековые ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. Тр. ПАЭ ИА РАН. Т. 2. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники. М.

M.I. Gonyaniy

Technique of the complex exploratory archaeological investigations on the medieval settlements of the Moscow region

Summary

The article is devoted to the results of archaeological and geophysical investigations in the medieval settlements of the Moscow region. Methods of visual compilation of the raising material, map-board compilation of the artifacts with the use of metal detectors with the following instrumental tying of the getting results in topographical plan of the significant site are considered. The results of the archaeological and geophysical investigations, aiming to the definition of the boundaries, the degree of saving the occupation layer, updates of the plan peculiarities and the density of rural monuments development are conduced.

The short characteristic of the pottery material and more interesting and informative findings are given. The results of the complex archaeological investigations let consider that the getting scientific information is the valuable origin for the investigating of the archaeological heritage.

И.В. Гравес, Ю.С. Галкин, В.А. Низовцев

Ландшафтный анализ формирования поселенческой структуры московского региона

Большой интерес для современной науки представляет проблема взаимного развития систем общества и природы, человека и ландшафта. В связи с этим комплексные ландшафтно-исторические исследования являются одним из наиболее перспективных направлений как в пространственно-временном изучении ландшафтов, так и в историческом изучении территорий на самых различных уровнях – от небольшого участка до региона. Особенно актуально исследование социоестественной истории ландшафтов старообжитых территорий, к которым относится территория Московского региона. При этом важно иметь в виду, что геоэкологическое состояние территорий древнего освоения является суммативным и отражает многовековое антропогенное воздействие. В таком случае необходимой составляющей исследований становится определение изначальной ландшафтной структуры, реконструкция природопользования, сети поселений и экологических проблем, возникавших в прошлом, при сопряженном ландшафтно-историко-археологическом изучении территории.

Ландшафтный анализ формирования и динамики поселенческой структуры базируются на комплексных исследованиях систем поселений как сложных ландшафтно-селитебно-хозяйственных образований. Под «поселенческой структурой» подразумевается единство группы людей, проживающих на данной местности, с их этническими особенностями и специфическими чертами духовной культуры, определенных построек, сооружений и природной составляющей (как правило, в той или иной мере измененной человеком), на которой расположены материальные элементы поселения. Эти три составных блока поселенческой структуры относятся к ее основным элементам. Природная составляющая (территориальный блок) является природно-ресурсным фундаментом системы поселений, образуя ее основу (*Гравес*, 2001).

Исследования по ландшафтному анализу систем поселений проводились на двух уровнях: региональном – изучалась территория Московского региона в целом, и локальном – изучались ключевые участки в крупном масштабе. В связи с междисциплинарной спецификой работы исследование осуществлялось с учетом специфики его «сквозного», ландшафтно-исторического характера. Применение комплексного ландшафтно-археологического и ландшафтно-исторического подхода предусматривает использование как ландшафтных, так и археологических и исторических методов исследования территории. Комплексные ландшафтно-археологические исследования являются одним из наиболее перспективных направлений не только в историческом ландшафтоведении, но и в археологическом изучении территорий на самых разных уровнях – от ключевого до регионального.

Важнейшей задачей полевых исследований выступили комплексные ландшафтно-археологические и ландшафтно-исторические исследования территорий, включавшие в себя обзорные маршруты, ландшафтное картографирование и профилирование ключевых участков, заложение опорных разрезов с отбором почвенных образцов, выявление контуров древних поселений и ареалов антропогенного влияния на природные территориальные комплексы (далее – ПТК) в определенные исторические срезы. В работу вошло детальное (крупномасштабное) исследование на ключевых участках с целью оценки как современных свойств основных ПТК в районах древних поселений, так и их реконструкция. Это позволило составить характеристику природных условий территорий, выявить их ландшафтные особенности, обозначить ландшафтную детерминированность средневековых поселений. На основе ландшафтно-эдафического подхода с привлечением палинологического и палеопедологического методов и метода радиоуглеродного датирования восстанавливается коренная ландшафтная структура и природные условия жизнедеятельности человека в конкретные исторические периоды. При этом учитываются основные изменения климатических условий соответствующего периода и их влияние на природопользование. Использование методов палеореконструкции позволяет не только описать природные условия и

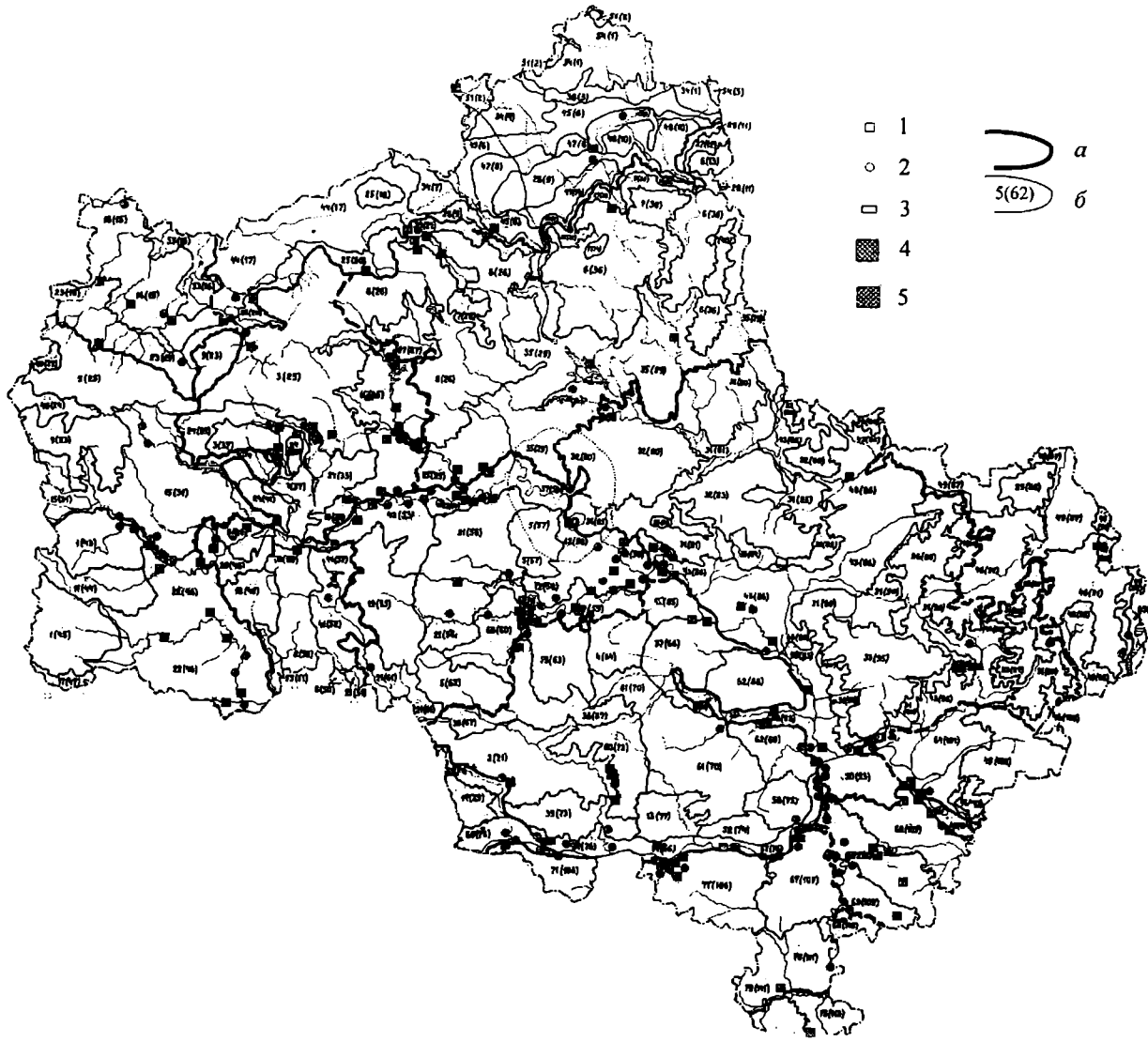


Рис. 1. Ландшафтная приуроченность поселений раннего железного века

Памятники материальной культуры (по: Атлас Московской обл., 2005): 1 – городище; 2 – селище; 3 – грунтовый могильник; 4 – памятники раннего железного века; 5 – памятники сер. – 2-й пол. I тыс. н. э.; *а* – границы физико-географических провинций; *б* – границы и номера ландшафтов (по: *Анненская и др.*, 1997)

характер природопользования территорий в различные исторические периоды, но и, в конечном итоге, помогает выявить ландшафтные предпосылки формирования и динамики поселенческой структуры (*Низовцев*, 1999). Рассматриваемый период включал периоды раннего железного века (рис. 1) и древнерусский IX–XIII вв. (рис. 2), а также период позднего средневековья XIV–XVII вв. (рис. 3).

Важным инструментом реализации ландшафтно-археологического подхода, а также пространственно-статистического анализа систем расселения является географическая информационная система (ГИС). Эффективность применения ГИС в ландшафтно-археологических исследованиях объясняется тем, что они служат не только в качестве инструмента для обработки, анализа, хранения и обобщения территориально «привязанного» материала, но и предоставляют ряд специфических дополнительных возможностей, из которых особенно ценной представляется быстрое и качественное сопоставление и сопряженный анализ разновременных и разномасштабных карт. Ландшафтно-поселенческие ГИС являются одной из разновидностей ландшафтно-исторических ГИС, в них сведения о поселениях в разные исторические периоды сопоставляются с характеристиками природной среды (*Марченко, Низовцев*, 2005). К основным составляющим (слоям) такой ГИС относятся разномасштабные ландшафтные карты и карты размещения поселений на различные исторические периоды. За первичную основу научной

обработки всех данных о сети поселений берется группировка населенных пунктов; комбинированная группировка по двум или более признакам с выявлением количественных соотношений; распределение всего населения территории по выделенным группам населенных мест. Применяется метод построения ранжированных рядов и рядов распределения для совокупности поселений на данной территории и метод соответствующих кривых. В значительной мере развивающими эти подходы можно назвать релятивистскую теорию центральных мест и рекурсивную геометрию. Первая теория близка по смыслу понятию демографического потенциала в гравитационной модели, только рассматривает его в парном взаимодействии. Наиболее эффективным с точки зрения усилий и результата, на наш взгляд, является построение карты демографического потенциала. Соответствующие карты были построены для территории Западного Подмосковья. Также были определены основные направления заселения, составлены представления о развитости системы поселений в рассматриваемом регионе в разные исторические периоды. Для исследования географии поселенческих систем строились модели по правилу Ципфа.

Ландшафтная структура Московского региона необычайно сложна и неоднородна по происхождению и природным условиям. Она является пограничной в климатическом и ландшафтном плане, на ее территории происходила неоднократная смена природных и исторических условий. Долгое время сама территория являлась экотонной областью взаимопроникновения различных материальных культур и этносов. На формирование литогенной основы большинства ландшафтов решающую роль оказали события четвертичного

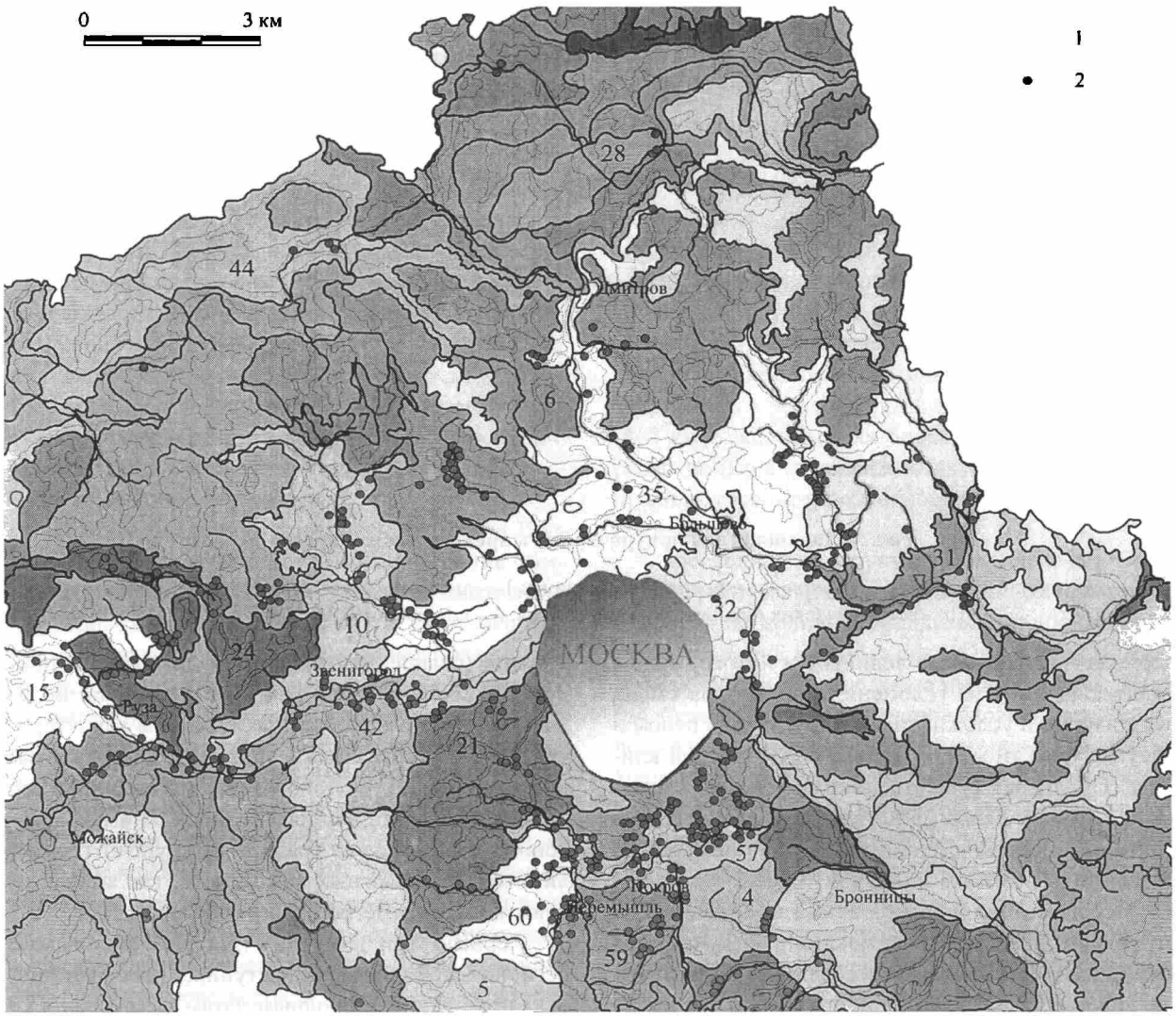


Рис. 2. Ландшафтная приуроченность поселений IX–XIII вв.

1 – границы местностей по ландшафтной карте Московской обл. (по: *Анненская и др.*, 1997); 2 – поселения ближнего Подмосковья IX–XIII вв. Цифрами обозначены номера видов ландшафтов (по: *Анненская и др.*, 1997)

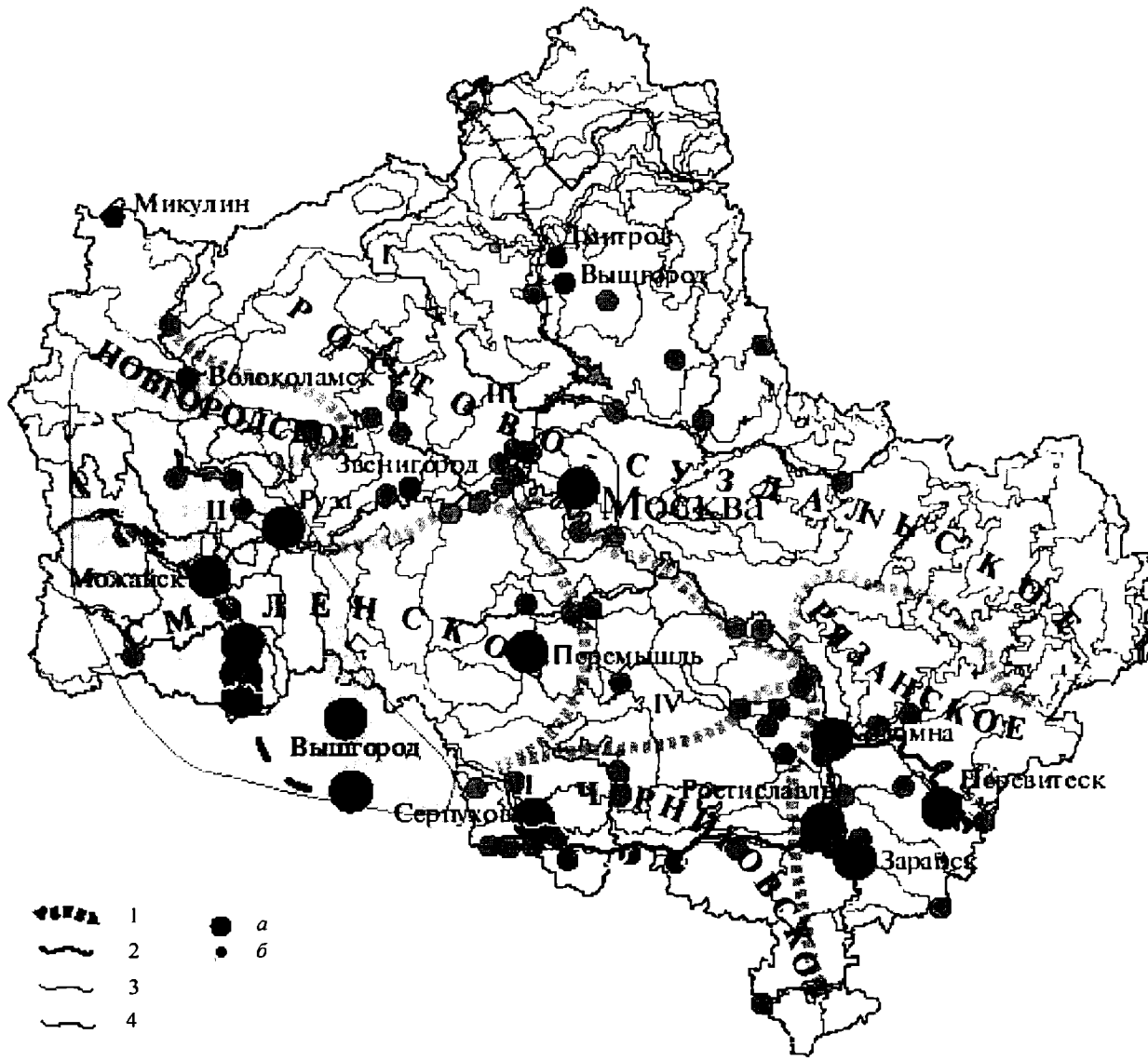


Рис. 3. Ландшафтная приуроченность древнерусских городов

а – крупные города; *б* – укрепленные поселения. Границы: 1 – княжеств (по: Юшко, 1991); 2 – физико-географических районов; 3 – ландшафтов; 4 – современной Москвы

периода - деятельность ледников и потоков талых ледниковых вод. В голоцене происходила смена ландшафтов и усложнение их структуры в целом и рисунка в частности, обусловленные сменой климата. Последнее существенное изменение климата произошло около 2500 лет тому назад. Оно и привело к полной смене прежних ландшафтов на современные (*Мамай и др.*, 1987).

Исследования формирования поселенческой структуры в железном веке показали четкую детерминированность системы расселения ландшафтными условиями. Это объясняется разной степенью соответствия ПТК различным видам природопользования, а, следовательно, и разной степенью освоения и заселения территории. На территориях ключевых участков выявлен большой набор видов урочищ (свыше 30) с широким диапазоном природных свойств и ресурсного потенциала. Большая пестрота разнообразных по своим характеристикам ПТК создавала в прошлом широкую вариабельность природопользования. Большинство систем поселений данного периода занимают экотонное положение на границе междуречных и долинных ландшафтных комплексов, где контактируют контрастные по своим свойствам ПТК.

Первый этап заселения (рис. 1) Московского региона в железном веке наступил, судя по единичным пока радиоуглеродным датам, на рубеже IX–VIII вв. до н. э. и пришелся на начало субатлантического климатического периода. К настоящему времени только в бассейне Москвы-реки выявлено 239 памятников железного века, в том числе 82

городища и 154 селища (*Кренке,* 2004). Вокруг поселений стали возводиться искусственные укрепления: насыпные валы с частоколом и, с незащищенных сторон, глубокие рвы. Почти все крупные поселения, возникшие в этот период, вошли в основу поселенческой структуры, просуществовавшую затем около 1500 лет. Большинство раннедьяковских памятников занимает порубежное положение между низменными землями речной долины и полосой примыкающих к ним коренных придолинных склонов. Особенности хозяйства в железном веке, по-видимому, требовали обязательного сочетания разнообразных ландшафтных компонентов, имевшихся лишь в долинах сравнительно крупных рек. Случаи, когда поселения оказывались удаленными от широкой долины крупных рек, единичны (городища Барвихинское, Коробовское) (*Гоняный, Кренке*, 1988).

В пределах низменных участков (поймы и низкие надпойменные террасы) речной долины обнаружены лишь мелкие памятники, занимающие удобные незаливаемые в половодье участки, привлекавшие людей в различные исторические периоды. Например, селище Дьякова-пойма имеет не менее пяти разновременных культурных комплексов. Расположение мелких селищ, вынесенных на оконечности мысов и прибровочные части водораздельных склонов и имеющих сравнительно значительные высотные отметки (около 30 м над уровнем реки), говорит о том, что такое их расположение было обусловлено удобством эксплуатации (по-видимому, земледельческой) придолинных участков междуречных равнин – «высоких территорий» коренного берега, ближайших к центральному поселению – городищу.

В VI–V вв. до н. э. плотность заселения Подмосковья резко возрастает. Лишь в бассейне Москвы-реки обнаружено около 150 памятников этого периода, составляющих около трети от реально существовавших (рис. 1), из которых более 60 являются крупными стационарными поселениями со значительным культурным слоем и, по большей части, со следами оборонительных укреплений – валами и рвами (АКР, 1995; 1996; 1997; 1998). Весьма вероятно, что такой рост населения региона – приблизительная численность может оцениваться в 10 000 человек (*Кренке,* 1987) – происходил не только за счет естественного прироста, но и в результате прихода новых поселенцев. В «позднедьяковское время», охватывающее первую половину I тыс. н. э. (скорее всего, и VII в. н. э.), структура расселения не меняется, оставаясь аналогичной той, что была зафиксирована для раннедьяковского времени. По-видимому, это объясняется тем, что еще на предшествующем этапе был достигнут уровень, близкий к предельной емкости территории (при соответствующем типе хозяйства и социальной структуры). Большинство позднедьяковских селищ, так же как и городищ, наследует места более ранних поселений. Памятники, основанные на новых местах, единичны. Например, селище Дьяково-южное, расположенное возле Дьякова городища, селище Терехово, находящееся напротив Кунцевского городища. Расчет расстояний между городищами (*Кренке, Низовцев*, 1997) показывает, что средняя дистанция между ними по прямой равнялась 5,4 км (минимальное значение – 2,7 км, максимальное – 10). Исключение составляют парные городища Спас-Тушинское 1 и 2, отстоящие друг от друга всего на километр. Таким образом, как правило, радиус округи каждого базового поселения приближался к 3 км.

Такое взаиморасположение поселений железного века в долине Москвы-реки, по мнению Н.А. Кренке (*Кренке, Низовцев,* 1997), свидетельствует о предпочтительности их интерпретации как стационарно-земледельческих. На это указывают результаты исследований структур расселения земледельцев, проведенные в Азии и Европе по этнографическим данным. Установлено, что расстояние от поселений до полей обычно не превосходило километра, чрезвычайно редко превышало 3–4 км. Археологи, изучавшие размеры ресурсных территорий древних земледельцев, пришли к сходным выводам: наиболее интенсивно эксплуатировалась территория в пределах часа ходьбы от поселения (4–5 км). Эксплуатация более отдаленных земель резко повышала «стоимость» продукции и, как правило, требовала возникновения промежуточных поселений.

Поселенческая структура имела ярко выраженный линейный характер, поселения располагались цепочкой по долинным зандрам и надпойменным террасам долин крупных рек – Оки, Москвы-реки, Пахры, Истры, а также более мелких – Рузы, Озерны, Северки. Среднее течение Москвы-реки являлось одним из наиболее густо заселенных районов. Например, среднее расстояние между городищами на территории современной Москвы составляло всего 5,5 км (*Кренке, Низовцев*, 1997). Городища располагались, как правило, на участках речных долин, обладающих очень сложной ландшафтной структурой и состоящих из большого количества разнообразных, а в некоторых случаях и контрастных по природным свойствам ПТК. Это позволяло дьяковским поселенцам вести «гибкое» комплексное хозяйство. Как правило, городища занимали труднодоступные места: мысы и

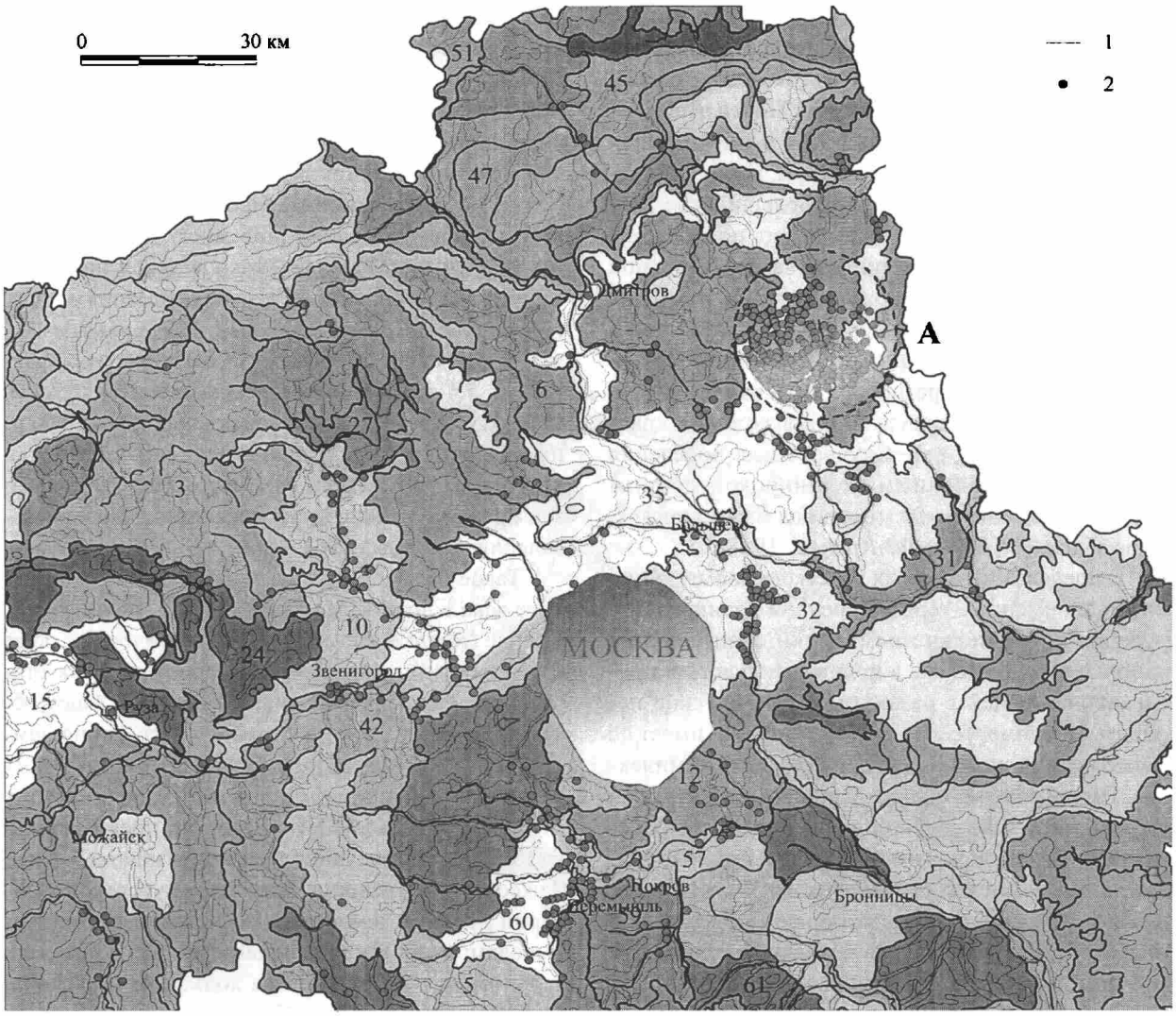


Рис. 4. Ландшафтная приуроченность поселений XIV–XVI вв.

А – район детального ландшафтно-археологического обследования. 1 – границы местностей по ландшафтной карте Московской обл. (по: *Анненская и др.*, 1997); 2 – поселения ближнего Подмосковья XIV–XVII вв. Цифрами обозначены номера видов ландшафтов (по: *Анненская и др.*, 1997)

стрелки между коренными берегами рек и впадающих в них крутосклонных балок и оврагов. В ряде случаев (Дьяково городище, Дунино городище, поселение в историко-мемориальной зоне ГИЗЛ «Горки») осваивались останцы долинных зандров с крутыми склонами. По современным представлениям (*Кренке*, 2007), особенность системы расселения в бассейне Москвы-реки в железном веке состояла в том, что в определенных ландшафтных условиях, на небольшой территории складывалась единая система, состоящая из селища и городища, связанных друг с другом, или «селитебно-хозяйственного комплекса».

Поселения и хозяйственные угодья железного века расположены в «приграничных» ПТК коренных склонов долин и присетьевых склонов надпойменных террас, останцах долинных зандров. Ведущим фактором является защищенность территории, ранние сроки готовности к севу и легкость обработки почв. Ярким примером может служить ключевой участок «Поречье», где под базовое укрепленное поселение-городище (Дунино городище в окрестностях г. Звенигорода) поселенцы выбрали останец высокого долинного зандра. Основная поверхность останца имела оптимальные размеры для небольшого поселения и отделялась от долинного зандра узкой перемычкой. В совокупности с крутыми склонами высотой 20–30 м это значительно облегчало проведение земляных работ по созданию валов и рвов. Такое местоположение было выгодно с точки зрения военно-стратегического и оборонительного значения. Развитие оползневых процессов свидетельствует о разгрузке на склоне грунтовых вод, которые могли служить источником водоснабжения для поселения. Участки долин вокруг поселений характеризуют-

ся сложной ландшафтной структурой, что обуславливает чрезвычайное разнообразие, а порой и контрастность природных условий. Это позволяло поселенцам того времени вести гибкое комплексное хозяйство. Требования к необходимости разнообразия природных условий связано с тем, что только оно обеспечивало выживание населения, производительные возможности которого были еще крайне невелики. Подобные местообитания позволяли вести многоотраслевое хозяйство, главной отраслью которого было земледелие. Основные поверхности низких долинных зандров обладали достаточно плодородными почвами с хорошим водно-воздушным режимом, что обеспечивало их раннюю готовность к весенним полевым работам. Легкий механический состав почв, даже при использовании примитивных орудий труда, позволял получать урожай различных сельскохозяйственных культур практически при любых погодных условиях (*Низовцев,* 1997).

Требования к ландшафтным условиям у славян, начавших заселять территорию Подмосковья в IX–X вв. (рис. 2), во многом были сходны с требованиями поселенцев железного века. Однако для славян преимущества военно-оборонительного характера уже не имели столь существенного значения. На первое место ими выдвигается требование к разнообразию природных условий. Что, вероятно, связано с ростом численности населения и его производительных возможностей и, следовательно, с необходимостью расширения хозяйственных угодий. Поселения этого периода располагались преимущественно на пологонаклонных поверхностях низких надпойменных террас, участках низких долинных зандров, редко – на придолинных склонах междуречных равнин, иногда – на высоких поймах, выходящих из режима затопления. Преобладающим типом сельских домонгольских поселений является приречный тип, коррелирующий с господствующим прибрежно-рядовым типом застройки. Это, очевидно, объясняется тяготением поселений данной поры к речным магистралям (рис. 2), что еще раз подтверждает выдвинутое многими исследователями предположение о связи домонгольских поселений с реками, как основными транспортными артериями, и близким соседством с удобными для земледелия угодьями. Благодаря почвенно-археологическим исследованиям на территории музея-заповедника «Царицыно» в Москве (долина р. Язвенка) (*Александровский, Кренке,* 1993) удалось определить места древних полей по наличию пахотных горизонтов под курганами, а также реконструировать схему землепользования: поселения располагались в основном близ берегов малых рек; склоны долин этих речек распахивались на площади в несколько сот метров от поселений; на заброшенных пашнях располагались некрополи – курганные могильники. Они возводились, как правило, выше селищ на придолинных склонах мореных и зандровых междуречных равнин. По расположению поселений и курганных могильников видно, что колонисты расселились небольшими хуторками (*Александровский, Кренке,* 1993). Обычно в среднем течении этих речек размещались более крупные и (или) долговременные поселения, которые насчитывали несколько дворов и сооружали некрополи в 10–20 курганов. Рядом с ними, часто в верховьях речек, существовали более мелкие (возможно, «отпочковавшиеся» от них) поселения в один-два двора с небольшими некрополями численностью до 10 курганов. Так постепенно осваивалась вся долина реки от истоков до устья (*Кренке,* 1987).

С XII в. происходит массовое расселение славян и интенсивное хозяйственное освоение этой территории, чему способствовало перемещение центра политической и хозяйственной жизни Киевской Руси на северо-восток и окняжение вятичей. В XI в. через среднее течение Москвы-реки пролег путь из Киева в Ростов, который пересекся в районе будущей столицы с ранним торговым путем из Новгорода через Волок Ламский в бассейн р. Оки. Все это предопределило бурный рост населения в этом районе в первой половине XII в. и превратило его в один из динамично развивающихся очагов древнерусской культуры («История Москвы...», 1997).

В домонгольский период только в бассейнах Москвы-реки, Клязьмы и по левобережью Оки насчитывалось 164 (известных) сельских поселения (*Юшко,* 1991). Одновременно в густо заселенных землях возникают центры сельскохозяйственных районов (*Розенфельдт,* 1976) и крупные города: Москва, Можайск, Серпухов, Дмитров, Волоколамск, Ростиславль, Перевитеск, Звенигород, Руза, Вышгород на Яхроме, Вышгород на Протве, Перемышль на Моче, Микулин, Зарайск. Анализ археологических памятников этого времени показывает, что в Московской земле существовало также свыше 70 укрепленных поселений (городищ) (АКР, 1994; 1995; 1996; 1997). Многие из них имели только оборонительные функции и прекратили свое существование еще в домонгольское время или во время татаро-монгольского нашествия.

В физико-географическом (ландшафтном) плане практически все древнерусские города занимают экотонное (рис. 3) положение по границам (или рядом с ними) как минимум двух, а чаще трех и более ландшафтов. Более того, за редким исклю-

чением, эти границы являются и границами более крупных физико-географических единиц – районов и даже провинций. Удивительным представляется тот факт, что на территории современной Московской области имеется всего пять мест, где пересекаются границы трех физико-географических провинций, и все они оказались «заняты» древнерусскими городами – Москвой, Коломной, Серпуховым, Волоколамском, Рузой. По всей видимости, этому обстоятельству можно найти следующее объяснение. В период раннего средневековья, когда производительные возможности еще не достигли высокого уровня развития, зависимость хозяйства от природных условий, напротив, была чрезвычайно большой. Древнерусские поселенцы, хотя и при главенствующей роли земледелия, вынуждены были вести комплексное многоотраслевое хозяйство. В первую очередь, это связано с тем, что в климатических условиях Подмосковья, при напряженном вегетационном периоде далеко не во все годы можно было получить гарантированные урожаи. Поэтому поселенцы выбирали и активно осваивали районы с наиболее разнообразными природными условиями (ими и являлись экотонные области) и, соответственно, с наибольшим богатством природных ресурсов (*Низовцев,* 1996).

Для территории этих городов в прошлом была характерна большая пестрота ландшафтных комплексов и, соответственно, почвенно-растительного покрова и обилие животного мира. Несмотря на то, что многие из них расположены в природной зоне смешанных (елово-широколиственных) или широколиственных лесов, здесь произрастали и таежные ельники, и сосновые боры, дубравы, липняки, вязовники. Разнообразие, а нередко и контрастность ландшафтных условий обусловлено, главным образом, особенностями литогенной основы (геологического строения и рельефа) и различиями местного климата самих ландшафтов. Подмосковные города возникали, в первую очередь, по рекам Оке, Москве и малым рекам на суглинистых пологонаклонных долинных зандрах и надпойменных террасах. Иными словами, земли, окружающие города, имели оптимальные для землепашцев того времени свойства: выровненные, хорошо дренированные поверхности, суглинисто-супесчаные почвы относительно высокой трофности с благоприятным для земледелия водно-воздушным режимом, «теплые» местообитания с ранними сроками готовности полей к весенним полевым работам (*Низовцев,* 1990).

Этап внутренней колонизации, начавшийся во второй половине XIII в. после татаро-монгольского нашествия (рис. 4), наряду с изменением типа крестьянского землевладения и ростом производительных возможностей, привел к освоению новых территорий и изменению структуры расселения, видов и территориальной организации хозяйства Центрального региона. Ярким проявлением этого процесса явилось заселение междуречных пространств (рис. 4), в результате которого, к примеру, прежде незаселенная Клинско-Дмитровская гряда в XIV–XV вв покрылась сетью поселений (*Чернов,* 1991). Это хорошо видно на примере окрестностей древнего города Радонежа (Московская обл.). Если в предыдущий древнерусский период основной массив селений был приурочен преимущественно к пологонаклонным поверхностям долинных зандров и надпойменных террас, то теперь начинают осваиваться мореные всхолмления и гряды (*Гравес и др.,* 2001).

Анализ размещения поселений в окрестностях древнего города Радонежа позволяет выделить некоторые особенности структуры расселения ближнего Подмосковья. Северо-восточную часть исследуемой территории занимают урочища возвышенного ландшафта конечно-мореных холмистых равнин. На остальной, большей, части территории распространены урочища водноледниковых равнин с моренными останцами по долинам рек Вори и Пажи. Доля ПТК данных ландшафтов в структуре расселения менялась во времени. Все поселения условно можно отнести к трем основным типам: 1) поселения на границе или в непосредственной близости к границе контрастных урочищ (например, мореная – зандровая равнина); 2) поселения на границе или в непосредственной близости к границе сходных урочищ (например, вершинная поверхность – склон холма); 3) поселения в одном урочище. Общей особенностью всех поселений является тяготение к источникам питьевой воды. Поселения первого типа приурочены преимущественно к долинам рек, второго и третьего — к склонам или вершинам эрозионных форм с постоянным или временным водотоком. Первый тип во многом сохраняет черты, присущие поселениям домонгольского периода, вторые два отражают типичные черты поселений, возникающих в период внутренней колонизации и освоения междуречий. Практически все поселения первого типа, как и домонгольские, приурочены к судоходным рекам или к естественным источникам воды. Большинство селищ располагается в прибровочной части надпойменных террас, имеющих ярко выраженный склон к реке, под смешанными широколиственными (с елью, липой и дубам) лесами. Наиболее ярким примером является древний город Радонеж. Окрестности Радонежа были привлекательны для поселенцев в период активного заселения водораздельных пространств во второй по-

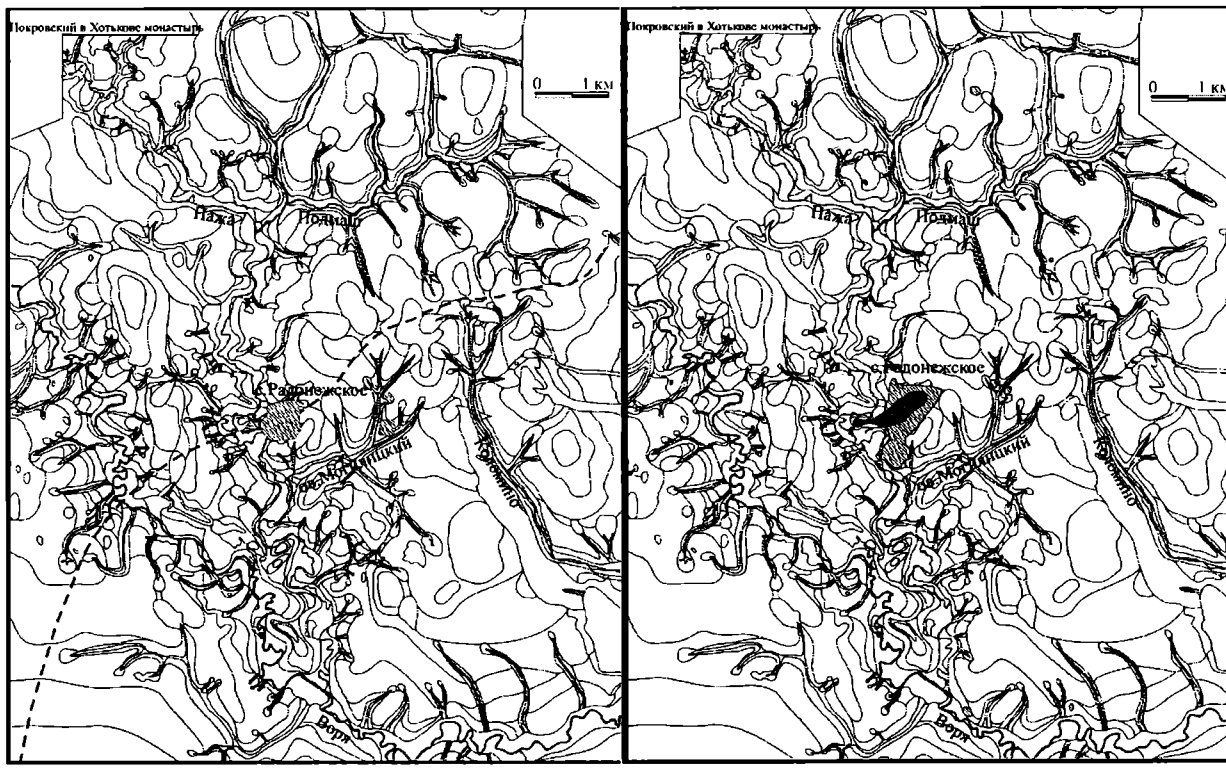


Рис. 5. Система поселений близ города Радонежа в 1300-1350 гг. (слева) и 1350–1400 гг. (справа). Пунктиром обозначена древняя Переяславская дорога

ловине XIII – XIV в. С этим процессом связано возникновение поселений второго и третьего типа. Для них характерна иная ландшафтная приуроченность. С прибровочной части надпойменных террас, берегов судоходных рек, межовражных мысов с источником воды неподалеку на территориях с контрастными природными условиями поселения перемещаются вглубь территории.

Освоение водораздельных пространств является следствием целого комплекса причин. К наиболее важным из них, вероятно, можно отнести изменение типа крестьянского землевладения и необходимость расширения хозяйственных угодий, связанную с ростом численности населения. Притягательными для земледелия становятся более плодородные почвы междуречных равнин, значительные массивы которых расположены на вершинных поверхностях и склонах мореных холмов. В освоении данной территории четко выделяются четыре периода, которые качественно отличаются друг от друга, представляя определенные стадии освоения междуречных равнин и выявляя характерные закономерности общего процесса расселения в рассматриваемое время.

Первый период приходится на конец XIII в. – 1350 г. (рис. 5). В 1336 г. с. Радонежское впервые упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты. Оно становится ядром освоения данной территории. Система расселения в этот период достаточно проста. Немногочисленные поселения располагаются вблизи древней Переяславской дороги, а также тяготеют к источникам воды (родники по днищам балочных форм). Близость или приуроченность к наиболее важным из сухопутных дорог является одной из особенностей средневековых поселений данного района в указанное время.

Во второй период (1350–1400 гг.) образуется город Радонеж (рис. 5). Месторасположение самого города отличалось выгодным военно-стратегическим положением: крутые склоны долины, ограничившие поверхность долинного зандра, образовывали его естественную защиту почти со всех сторон. Источник в подножье склона и близость реки обеспечивали водоснабжение; распространение на поверхности террасы пород легкого механического состава облегчало строительство; возвышенное положение обеспечило прекрасную обзорность окружающих территорий. На этот период приходятся первые поднятия поселений на вершинные поверхности и подножия мореных холмов. В то же время сохраняется и более ранний древнерусский тип освоения.

Третий период – 1400–1475 гг. (рис. 6). В это время складывается система расселения, характеризующаяся относительной равномерностью в расположении поселений. В результате значительного роста численности населения долинные ПТК уже практически полностью становятся

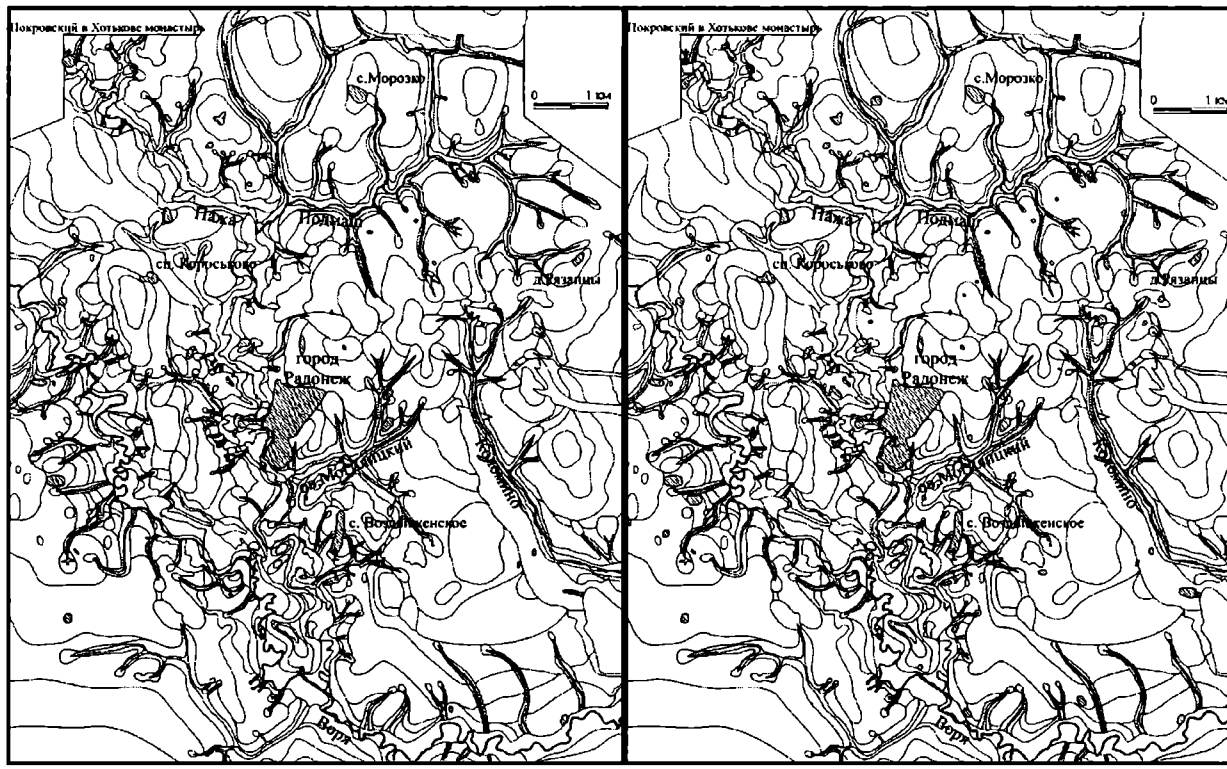


Рис. 6. Система поселений близ города Радонежа в 1400–1475 гг. (слева) и 1475–1600 гг. (справа)

занятыми, в связи с чем происходит активное освоение междуречных возвышенностей. Предпосылкой их освоения явился и тот факт, что поселенцы перестали быть привязанными к источникам воды, так как начали устраивать пруды на междуречьях. В этом районе мореные возвышенности осваивались также в силу того, что их вершинные поверхности были относительно «теплыми», хорошо дренированными и пригодными для земледелия. Одновременно возросли и экономические возможности, появились лопаты с железными оковками, облегчившие процесс освоения почв более тяжелого механического состава. Свою роль продолжает играть и древняя дорога, к которой тяготеет ряд селений.

В конце XV в. (четвертый период – 1475–1600 гг.) (рис. 6) образовался административный центр в с. Воздвиженское, существовавший одновременно с городом Радонежем. В этот период плотно заселяется вся восточная часть Радонежского княжества. После гибели части населения в результате мора 1570-х годов поселения северо-восточнее г. Радонежа пришли в упадок. В результате здесь образовались мелкие пустоши, которые использовались в качестве выгонов и под сенокосы. В юго-восточной части исследуемой территории продолжается освоение по традиционному древнерусскому типу. Возникает цепочка поселений вдоль нижнего течения рек Вори и Пажи по низким долинным зандрам и надпойменным террасам. По-прежнему заселяются возвышенные, слабоволнистые и плоские водноледниковые равнины с комплексом свойств, благоприятных для земледелия.

В целом период XIV–XVI вв. является переломным в хозяйственном освоении ландшафтов Центральной России: природопользование приобретает ярко выраженный экстенсивный характер. Это объясняется ростом населения и распространением в земледелии трехпольного севооборота с сошной обработкой почвы. Резко возрастает количество поселений (именно в это время отмечается пик мелких селений – деревень, починков и т. д.), начинают массово осваиваться ландшафты междуречных пространств. В ряде районов количество населенных пунктов достигает максимального показателя за всю историю региона. На каждое село в конце XV в. уже приходится до 20 и более деревень. Достигается предел аграрной освоенности в сложившейся поселенческой структуре.

Литература

АКР. М., 1994. Московская область. Ч. 1.

АКР. М., 1995. Московская область. Ч. 2.

АКР. М., 1996. Московская область. Ч. 3.

АКР. М., 1997. Московская область. Ч. 4.

Александровский А.А., Кренке Н.А., 1993. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. Вып. 208. М.

Гоняный М.И., Кренке Н.А., 1988. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры // СА. № 3.

Гравес И.В., 2001. Географический и исторический фактор расселения // Современные проблемы естествознания. Владимир.

Гравес И.В., Низовцев В.А., С.З. Чернов, 2001. Ландшафтные особенности размещения систем поселений на территории в окрестностях древнего Радонежа // Географическое краеведение. Владимир.

История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1997.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кренке Н.А., 2004. Среднее течение Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.

Кренке Н.А., 2007. Формирование культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки от бронзового века к средневековью // РА. № 1.

Кренке Н.А., Низовцев В.А., 1997. Человек и ландшафт на территории Подмосковья в железном веке // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М.

Мамай И.И., Низовцев В.А., Пучкова Э.И., 1987. Современное состояние Ландшафтов Московской области // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. № 6.

Марченко Н.А., Низовцев В.А., 2005. Ландшафтно-археологические геоинформационные системы // АП. Вып. 2. М.

Низовцев В.А., 1990. История хозяйственного освоения ландшафтов юго-западного Подмосковья. Домонгольский период // Ландшафты Московской области и Подмосковья, их использование и охрана. М.

Низовцев В.А., 1996. Ландшафтные предпосылки возникновения древнерусских городов Подмосковья // Человек в зеркале современной географии. Смоленск.

Низовцев В.А., 1997. История становления первых природно-хозяйственных систем Подмосковья // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М.

Низовцев В.А., 1999. Антропогенный ландшафтогенез: предмет и задачи исследования // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. № 1.

Розенфельдт Р.Л., 1976. Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения // Русский город. М.

Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.

Юшко А.А., 1991. Московская земля IX–XIV веков. М.

I. V. Graves, Yu. S. Galkin, V. A. Nizovtsev

The results of landscape analysis of settlement structure forming in Moscow region

Summary

The landscape structure of Moscow region is extremely complex and non-uniform by its origin and natural conditions. Formation of the lithogenic base of the majority of landscapes was mainly influenced by the Quarternary events, i.e. activity of glaciers and streams of melt water. In the Holocene the climate changes have resulted in the change of landscapes and complexification of their structure as a whole and their pattern in particular. The last essential change of climate occurred about 2500 years ago and led to the total replacement of ancient landscapes by the present-day ones.

At the turn of IX–VIII cc. BC there was the expansion of the tribes of the Iron Age (the D'yakovo culture) in Moscow region. The main types of anthropogenic landscape complexes of that time were settlements (small fortified and unfortified ancient settlements with adjoining permanent arable plots), located on the capes and spits between the banks of rivers and the gullies opening into them; and pastures which occupied floodplain and valley-gully natural-territorial complexes (pastoral floodplain forest-meadow). At the same time the most extensive original natural-anthropogenic landscape complexes with slash-and-burn cultivation and long period of fallow lands were formed, i.e. forest-pasture-arable with small-

leaved forests replacing the primary broadleaved-coniferous and complex nemoral pine forests.

The following stage of socio-natural history is the Slavic colonization of the region (the 8th – the 12th cc. AD). At the turn of the I – the II millennium the Slavs of Moscow region were engaged in agriculture, cattle breeding, hunting, fishery, apiculture and wood processing. Shifting cultivation was the predominant system of agriculture, and on the old arable lands and near large settlements the systems of crop rotation were introduced – two-field (summer crops-fallow) or three-field (summer crops-winter crops-fallow). The development of the three-field system of crop rotation became possible after a new agricultural crop appeared at the turn of the 9th – the 10th cc. – a winter rye. During that period the main area of arable lands was formed both in the river valleys and on well-drained moraine and outwash watersheds with loamy soils of higher fertility. Field cultivation has contributed to the move of ancient Russian settlers from river valleys to interfluve's landscapes with more diverse resource base.

The following stage is the internal colonization of the region, propagation of the three-field agriculture and formation of settlements on the interfluves. Specific anthropogenic landscape complexes of that time included «turnip-fields», «hemp-fields», «cabbage-gardens», gardens, and also «arable forests». At that time many urban landscapes with typical planning structure began to form. Practically all ancient Russian towns had the ecotone location on the boundaries (or near to them) of at least two, and more often three and more landscapes.

The 14th – the 16th cc. were the critical period of the economic development of landscapes in Moscow region: nature management became obviously extensive due to both the intensive growth of population and propagation of three-field crop rotation with plough cultivation. The number of settlements sharply increased and the watershed landscapes were widely developed. All this was accompanied by chaotic destruction of forests, decline in beaver hunting and apiculture. It was in that time that the base of the present-day settlement and land use structure was formed in the majority of areas of Moscow region. Large areas of arable cultural landscape complexes appeared. The lands were permanently ameliorated - fertilizers were applied, fields were turned into fallow lands to "rest" for some time etc. Specific monastic cultural landscapes have appeared. The first mining anthropogenic landscape complexes were formed, mainly in the areas of limestone extraction.

А.А. Гольева

Микробиоморфные исследования культурных слоев древних поселений Центральной России

В основе микробиоморфного исследования лежит комплексное изучение всего спектра микробиоморф: фитолитов, пыльцы и спор, панцирей диатомовых водорослей, спикул губок, растительного детрита, кутикулярных слепков и т. п. Их объединяет наличие характерной специфической морфологии, биологическая природа и микроскопическая (менее 0,1 мм) размерность. Организмы – источники микробиоморф – развиваются в достаточно узком диапазоне природных условий под воздействием конкретных факторов. Таким образом, каждая из микробиоморф характеризует эти условия и факторы почвообразования, осадконакопления, формирования культурных слоев, поскольку связана с определенным типом ландшафта и несет свою информационную нагрузку (табл. 1).

Микробиоморфный метод включает ряд частных анализов: фитолитный, споро-пыльцевой, диатомовых водорослей, детрита, спикул, углей, кутикулярных слепков, раковинных амеб. При комплексном подходе учитывается информационная роль каждого из них. Таким образом, микробиоморфный метод представляет совокупность частных анализов, проводимых по единой методике. Каждый вид микробиоморф в микробиоморфологии несет свою информационную нагрузку и играет определенную индикационную роль.

Фитолиты (*Phytoliths*). Микроскопические опаловые растительные камни, формирующиеся в растениях в процессе их жизнедеятельности. При внутриклеточном осаждении кремнезема формируются отдельности, повторяющие форму растительной клетки и обладающие специфической морфологией. Это свойство позволяет использовать фитолиты при реконструкции растительного покрова в качестве диагностического показателя.

Информативность фитолитов очень высока. Практически любые их признаки и свойства (форма, размер, цвет и т. д.) несут определенную информационную нагрузку (табл. 2). В отличие от пыльцы, фитолиты не летучи. Они характеризуют именно ту растительность, которая формировала данную почву.

При работе с фитолитами из почв становится возможным убедительно диагностировать фитоценоз или один из важнейших факторов почвообразования – растительный покров. Это очень важно, учитывая космополитичный характер произрастания многих растений. В данном случае в диагностике конкретного растения нет необходимости. В то же время, в процессе изучения фитолитов из археологических памятников перед исследователем стоит задача определить не только конкретное растение, но и его части, например, стебель или шелуху зерна. Учитывая повышенную концентрацию фитолитов в археологичееских объектах (сосудах, подстилках, вок-

Таблица 1. Информативность частных микробиоморф.

Микробиоморфы	Информационная значимость
Пыльца и споры	Состав и эволюция региональной флоры
Фитолиты	Состав и эволюция локальной флоры, индикация антропогенного воздействия, процессов эрозии
Диатомовые водоросли и спикулы губок	Свидетельство повышенного (застойного или проточного) гидроморфизма территории, характеристика водоема
Окремневшие кутикулярные слепки	Индикаторы поверхностных горизонтов, показатели быстрого погребения
Угли и древесина	Следы пожаров, естественных или антропогенных катаклизмов, культурных слоев, погребений, состав региональной древесной флоры, история различных древесных пород, ареалы леса
Детрит	Диагностика культурных слоев, поверхностных горизонтов, заболоченных и оторфованных горизонтов почв, локальной и региональной флоры

Таблица 2. Информативность фитолитного анализа.

Характеристика фитолитов		Информация
Цвет в основном	розоватый	Таежная зона
	бесцветный	Лесостепь
	желтоватый	Сухая степь, полупустыня
	черный	Обугленная растительность
Преобладающий размер	крупный	Пионерная растительность
	средний	Зрелый фитоценоз
	мелкий	Угнетенная растительность
Морфология отдельного зерна		**Диагностика от отдельного вида растения до фитоценоза в целом**
Количество	очень много	Искусственное образование (навоз, нанос); сапропель
	много, средне	Верхние горизонты почв
	средне, мало	Нижние горизонты почв
	очень мало	Эрозия, пашня, выпас
Содержание вытянутых форм (% от общего количества)	50–70	Автоморфные условия
	больше 70	Навоз
	меньше 50	Гидроморфные или аридные условия
Фитолитный комплекс		**Характеристика фитоценоза**
Несколько фитолитных комплексов в одном образце		Свидетельство смены растительного сообщества во времени

руг зернотерок и т.п.), эта задача вполне выполнима.

Диатомовые водоросли *(Diatomeae, Bacillariophyta).* Микроскопические водные организмы, одноклеточные, простейшие, поглощающие из воды растворенный кремнезем и аккумулирующие его в виде внешнего скелета (*Воронков, Кузнецов*, 1984. С. 1–350). С повышением влажности количество диатомовых водорослей в образце увеличивается. Следовательно, присутствие панцирей диатомовых водорослей свидетельствует о повышенном гидроморфизме (временном или постоянном, современном или прошлом).

Спикулы губок *(Spongia).* Жесткие губки имеют скелеты, состоящие из микроскопических спикул или игл (*Воронков, Кузнецов,* 1984. С. 1–350). Спикулы губок бывают вытянутой, преимущественно, округлой формы с полым центральным каналом (этот показатель является основным признаком, отличающим некоторые формы фитолитов от обломков спикул губок). Присутствие спикул губок в исследуемом образце, так же как присутствие диатомовых, указывает на его повышенное увлажнение. Спикулы губок наиболее распространены в аллювиальных почвах, куда попадают через паводки. Их количество во взятом на пробу образце является индикатором степени и длительности периода поемности изучаемого профиля.

Окремневшие кутикулярные слепки *(Cuticles).* Поглощенная корнями кремнекислота, помимо отдельных фитолитов, образует слой, расположенный между стенками эпидермиса и кутикулы. Он предотвращает избыточную транспирацию и придает растению дополнительную жесткость. Данный окремневший слой (для простоты названный нами кутикулярным слепком) представляет собой кремнеземистую копию поверхности эпидермальных клеток и отпечаток рисунка их соединений.

Попадая в почву вместе с опадом, кутикулярные слепки сохраняются в течение некоторого времени. В связи с тем, что они не являются объемными формами, а представляют собой тонкие пластинчатые обломки, степень сохранности в почвенных горизонтах у них невысока. Эти микробиоморфы быстро дробятся, растворяются, их присутствие отмечается только в самых поверхностных горизонтах. При быстром и достаточно мощном погребении кутикулярные слепки консервируются и являются надежным индикатором поверхностного горизонта.

Пыльца и споры *(Pollen, spores).* Одним из наиболее распространенных частных палеоботанических анализов является споро-пыльцевой. Он основан на изучении пыльцевых зерен и спор, которые в огромном количестве (сотни, тысячи, миллионы штук) продуцируются растениями в период цветения. Для многих родов растений они имеют специфическую форму и размеры, что позволяет использовать данные частицы для реконструкции растительного покрова территории (*Гричук, Заклинская,* 1948. С. 1–217; Палеопалинология, 1966. С. 1–351; *Сладков,* 1968. С. 1–271).

Практически во всех верхних горизонтах почв

встречаются пыльцевые зерна. Но сохранность пыльцы в почвах значительно ниже, чем в торфяниках, из-за высокой микробиологической и биохимической активности почв и деятельности почвенной фауны (*Walch et al.,* 1970. P. 39–44; *Havinga,* 1974. P. 449–453; 1985. P. 541–558). Поэтому пыльцевых зерен в почвах содержится значительно меньше (на несколько порядков). При этом семейства ряда растений могут полностью выпадать из споро-пыльцевого спектра из-за малой устойчивости их пыльцевых зерен, например, семейства злаковых, осоковых, ряда широколиственных пород деревьев (*Федорова,* 1953. С. 43–66; 1954. С. 57–128). Кроме того, определенные искажения данных споро-пыльцевого анализа возникают в результате жизнедеятельности почвенных животных.

При антропогенных воздействиях на почву (выпас, пашня) в споро-пыльцевом спектре преобладают деформированные, мятые, сплющенные, разорванные зерна, общее количество зерен невелико, что также можно учитывать в качестве одного из косвенных признаков при характеристике образца.

Сравнительный анализ фитолитного и споро-пыльцевого методов

Пыльцевой и фитолитный анализы являются самостоятельными, имеют свои области применения, однако в микробиоморфном методе они удачно дополняют друг друга (табл. 3). Так, если споро-пыльцевой анализ может давать подробную, вплоть до родов и видов, характеристику растительного покрова, то фитолитный, хотя и определяет отдельные растения, но в меньшей мере, в основном дает характеристику растительного сообщества в целом. Кроме того, травы и широколиственные леса формируют мало морфологически определяемых форм фитолитов, не отличающихся устойчивостью к выветриванию, а в злаках, осоках, наоборот, образуется большое количество устойчивых, морфологически четко диагностируемых форм. В то же время пыльца трав и деревьев определяется достаточно легко, а разнообразие злаков и осок выпадает из анализа в виду отсутствия индикационных форм.

В отличие от палинологических спектров, содержащих большую долю заносной пыльцы, смешанные фитолитные спектры (выделяемые в одном образце), представленные сочетанием разнородных фитокомплексов (лесных, луговых, пашенных), следует объяснять чередованием стадий развития растительности. Это связано с существенно меньшей миграционной способностью (летучестью) фитолитов по сравнению с пыльцой. Иначе говоря, фитолитный анализ позволяет реконструировать растительный покров конкретного места. Таким образом, если споро-пыльцевой метод дает усредненную характеристику растительности, как правило, для значительной площади, то фитолитный позволяет выявить локальную эволюцию растительности и пространственную изменчивость растительного покрова.

Результаты, полученные в ходе проведения споро-пыльцевого и фитолитного анализов лесных почв, позволяют делать предположения о сменах растительности на конкретных местообитаниях, чаще всего обусловленных не климатическими ритмами и общими закономерностями природных явлений, а локальными и случайными причинами или хозяйственным воздействием. Материалы такого рода не сопоставимы с палеогеографическими данными. Сопоставление пыльцевых и фитолитных спектров позволяет воссоздать уточненную экологическую историю ландшафта.

Угли и древесные остатки *(Charcoal).* Данные микробиоморфы встречаются в образцах, особенно в погребенных и антропогенных почвенных горизонтах, достаточно часто. Наличие крупных

Таблица 3. Взаимосвязь результатов палинологического и фитолитного анализов.

Информация	Пыльца	Фитолиты
Состав	пробкоподобное вещество	аморфный кремнезем
Продуктивность	огромное количество	большое количество
Летучесть	очень высокая	низкая
Хорошо диагностируются	деревья	злаки, осоки
Плохо диагностируются	злаки, осоки	деревья
Высокая сохранность и информативность	в торфяниках	в почвах
Низкая сохранность и информативность	в почвах	в торфяниках
Несколько комплексов в одном образце	один основной, другой заносный	свидетельство смены фитоценозов
Что характеризуют	средний состав растительности региона	локальное растительное сообщество

(макроскопических) углей является показателем погребения данного слоя. Чаще всего в образцах присутствуют микроскопические углистые остатки. Наличие их, не являясь индикатором, свидетельствует лишь о том, что данный почвенный слой когда-то подвергался пирогенным воздействиям. В случае же пахотных или огородных горизонтов это свидетельство внесения в почву золы в качестве удобрений или сжигания стерни. В городских почвах, в культурных слоях содержание этих микробиоморф очень велико. Следовательно, высокое содержание данных микробиоморф на глубине – это показатель того, что слой являлся поверхностным, возможно, непосредственно связанным с деятельностью человека (на его поверхности горела растительность или в него добавлялась зола).

Растительный детрит *(Plant detritus)*. Чаще всего бывает микроскопических размеров, встречается в основном в поверхностных горизонтах почв, но небольшие его количества могут отмечаться и в нижележащих горизонтах. Это остатки механических (арматурных) тканей растений с толстыми, часто одревесневшими, стенками клеток (*Хржановский,* 1982. С. 1–206; *Grosse-Braucktmann,* 1986. LP. 591–618). Механические ткани составляют как бы остов или каркас, поддерживающий все органы растения, противодействуя их излому или разрыву. Они высокопрочны и могут продолжительное время сохраняться в верхних горизонтах почв. Рисунок ткани достаточно специфичен, в ряде случаев позволяет определить растительное семейство.

Скорости формирования микробиоморф

В связи с большим разнообразием микробиоморф скорость образования каждого вида различна и колеблется в границах от нескольких часов и дней до нескольких месяцев и лет (табл. 4).

При этом практически нет таких условий существования ландшафтов, при которых ни встречались бы процессы формирования тех или иных микробиоморф.

Большая часть из них формируется за очень короткий промежуток времени (особенно по сравнению со временем формирования и функционирования почвы). Благодаря высокой сохранности большинства микробиоморф, информацию о факторах, способствовавших их сложению, можно «считывать» спустя длительные промежутки времени – десятки, сотни тысяч лет, а для отдельных компонентов, таких как пыльца, фитолиты, спикулы, диатомовые, – даже миллионы лет (*Wilding,* 1967. P. 66–67; *Palmer,* 1976. P. 1725–1734; *Glen et al,* 1985. P. 147–162; *Kurmann,* 1985. P. 217–275; *Rovner,* 1988. P. 155–163; *Kerp,* 1991. P. 548–565; *Болиховская,* 1995. С. 1–272; *Додонов и др.,* 1999. С. 80–91; *Golyeva, Terhorst,* 2003. P. 106–115).

Уникальная особенность микробиоморф заключается в том, что, относительно быстро формируясь и достаточно долго сохраняясь, они позволяют создавать природно-климатические и антропогенные реконструкции как глобальных и постепенных, так локальных и кратковременных этапов развития ландшафтов.

Микробиоморфный комплекс

Сопряженное использование анализов, входящих в микробиоморфный анализ, позволяет с большой полнотой судить об изменении растительности на почве и в ландшафте в целом, их локальных особенностях; влиянии антропогенного фактора, его интенсивности и длительности.

Таблица 4. Характеристика микробиоморф.

Микробиоморфы	Состав	Генезис	Время формирования	Период сохранности* (лет)
Пыльца	Белок	Растения	Один сезон	$n \cdot 10^6$
Фитолиты	Аморфный кремнезем	Растения	Один сезон	$n \cdot 10^6$
Диатомовые водоросли	Оксалат кальция, аморфный кремнезем	Простейшие	Дни, недели	$n \cdot 10^6$
Спикулы губок	Оксалат кальция, аморфный кремнезем, известняк	Животные	Недели	$n \cdot 10^6$
Кутикулярные слепки	Аморфный кремнезем	Растения	Один сезон	$n \cdot 10^3$
Детрит	Целлюлоза, лигнин	Растения	Годы	$n \cdot 10^3 - n \cdot 10^6$
Угли	Целлюлоза, лигнин	Растения и огонь	Часы	$n \cdot 10^6$
Корни	Целлюлоза, лигнин	Растения	Годы	$n \cdot 10^3 - n \cdot 10^6$
Раковинные амебы	Аморфный кремнезем	Простейшие	Дни, недели	$n \cdot 10^1$
Копролиты	Почва и органическое вещество	Животные	Дни	$n \cdot 10^3 - n \cdot 10^6$

* – при благоприятных условиях

Довольно часто в культурных слоях поселений отсутствуют пыльца, фитолиты, спикулы, диатомовые, зато обильно встречается растительный детрит. Это означает, что использовались растения или их части, которые не цвели и не образовывали фитолитов, например, большинство двудольных растений или древесина. Само поселение функционировало в сухих условиях, не заливалось водой. Таким образом, не только наличие микробиоморф, но и их отсутствие является важным информационным фактором.

В результате развития (эволюции) почвы и ландшафта создается самостоятельный набор разнообразных микробиоморф – формируется микробиоморфный комплекс. Проведя комплексное исследование микробиоморф, можно получить объективную и достаточно достоверную характеристику условий формирования и эволюции окружающего ландшафта.

Особенно важным является анализ микробиоморфных комплексов антропогенно-измененных почв прошлого. Поскольку для каждой почвы характерен свой микробиоморфный комплекс, любые изменения (естественные или искусственные) факторов почвообразования (влажности, растительного покрова) неизменно отражаются на составе и распределении микробиоморф, формируя специфические комплексы. Такие особенности ведения хозяйства, как использование органических удобрений (торф, навоз) или подсечное земледелие без внесения удобрений, не фиксируются никакими иными видами анализов, за исключением микробиоморфного. Зачастую, для создания различных искусственных насыпей (курганов, валов городищ) в верхний почвенный горизонт вносился ил (с целью придания сооружению большей прочности) или верхний горизонт частично уничтожался, например, за счет снятия дерна. Все это приводило к изменениям микробиоморфного комплекса почвы, которые позволяют проводить диагностику и реконструкцию типов воздействия на нее. Совокупность микробиоморфного комплекса каждого из горизонтов профиля почвы (или седимента) формирует стратиграфически выраженный микробиоморфный профиль, в котором отражена история эволюции ландшафта.

Информационная роль микробиоморфных комплексов культурных слоев (КС) поселений

С момента расселения на конкретной территории человек начинает приспосабливать ее под свои нужды. Степень и характер воздействия на ландшафт находятся в прямой зависимости от его удаленности от центра поселения: чем дальше освоенные земли, чем сложнее и дольше до них добираться, тем менее трудоемкие культуры выращиваются, тем меньше мелиоративных и агротехнических приемов используется. Соответственно, по мере роста поселения и приближения его границ к обрабатываемой территории характер ее эксплуатации изменяется за счет более интенсивного воздействия. Зная микробиоморфные комплексы объектов, можно определить антропогенное воздействие на погребенные почвы: распахивались они или нет, каким был тип землепользования (например, подсечный или огневой), вносились ли органические удобрения и зола. Каждый из вышеперечисленных способов воздействия на почву способствует формированию своего специфического комплекса микробиоморф, устойчивого во времени и диагностируемого спустя длительный период.

КС поселений, как правило, представляют собой при полевом обзоре темную гомогенную толщу, с трудом делимую на отдельные слои, если они не отмечены прослоями углей или щебня. Часто, особенно при работе с КС городов периода деревянного строительства, возникает необходимость определения: существовало ли на данном месте какое-либо строение или участок представлял собой двор, улицу, т.е. был открыт. Анализ микробиоморф позволяет ответить на данный вопрос. Образец с участка, где было дерево, содержит обилие древесного детрита и, как правило, большое количество пыльцевых зерен хорошей сохранности. В то же время, в образцах из других участков, содержащих фитолиты, травянистый детрит наравне с древесным, сохранность и количество пыльцевых зерен невелика.

Хорошие результаты получаются при использовании данных микробиоморфологии для характеристики как поселения в целом, так и его отдельных участков. На сегодняшний день установлено, что различные по хозяйственному использованию постройки и отдельные участки, например, хозяйственные дворы, сараи, загоны для скота, улицы, различные помещения (кухни, спальни, кладовые и т. д.) формируют самостоятельные и диагностически значимые комплексы микробиоморф (*Гольева,* 2000а. С. 12–17; 2000б. С. 70–77; 2003. С. 47–102; 2004. С. 24–34; 2008. С. 1–240). Это связано с тем, что каждый из этих объектов существенно различается в процессе эксплуатации по характеру и составу растительного материала, интенсивности и степени воздействия на него. Например, кладовые содержат много фитолитов шелухи зерна зла-

ков, семена культурных растений, спальни – древесный и травянистый детрит (микроостатки разнообразных подстилок и матов), сараи выделяются по обилию фитолитов соломы, травянистого детрита, часто пыльцевых зерен.

Рос ли на исходном участке лес, как он был сведен – вырубкой или выжигался; распахивался ли участок, каков был тип землепользования; были ли этапы запустения, забрасывания земли, и какова их продолжительность; существовали ли на конкретном месте какие-либо деревянные строения и каков характер использования как всего строения, так и отдельных его частей – на все эти вопросы сейчас можно дать ответ, используя материалы микробиоморфологии.

Для определения характера изменения антропогенных ландшафтов вокруг поселений проведено изучение разновозрастных почв и КС. Всего микробиоморфный метод был использован при исследовании более 40 различных поселений, существовавших в эпохи от палеолита до средневековья всех природных зон европейской части России, а также в Предкавказье, Закавказье, Западной Сибири, Словении, Казахстане, Туркменистане, Узбекистане. Широкий географический и хронологический охват изученных объектов позволил определить информативные возможности микробиоморфологии КС поселений.

В данной статье приведены результаты исследования двух крупных городов Центральной России – Владимира и Ярославля. Раскопки там носят охранный характер, они продолжаются, соответственно, продолжается и накопление материала. Представленные в статье материалы охватывают отдельные участки раскопок 2006 г.

Владимир, 2006 год[1]

Раскоп 1 (участок 1).

Микробиоморфным анализом было изучено четыре образца, взятых последовательной колонкой друг под другом. Основные результаты представлены в таблице 5, рисунках 1 и 2. Ниже приводятся описания образцов, выводы по каждому из них и заключение по всей изученной колонке.

45–50 см – культурный слой. Образец содержит большое количество древесного детрита лиственных и хвойных пород деревьев. Детрит не обуглен – древесина разлагалась естественным путем. Фитолитов много. Семь процентов от общего количества составляют формы, образующиеся в стеблях и листьях культурных злаков. Эта величина – наибольшая среди всех исследованных образцов – является достаточной для определения слоя как пахотного. В силу того, что зерно и солома отчуждались с поля, количество фитолитов культурных злаков (как и других сельскохозяйственных культур) не бывает высоким. Относительно высокое количество фитолитов других форм может быть связано с предыдущим периодом запустения, поскольку пахотный слой формировался в толще почвы пустыря. Выявлена одна спикула губки. Это диагност проточных вод. При исследовании почв, связанных с хозяйственной деятельностью человека, присутствие данных микробиоморф может указывать на полив участка речными водами.

Вывод по образцу. На данном месте была пашня по пустырю. Возможно, впоследствии здесь было поставлено деревянное строение, поскольку образец содержит обилие древесного детрита, и древесина разлагалась естественным путем.

50–55 см – погребенная почва. Образец характеризуется обилием обугленного древесного детрита лиственных пород деревьев. Фитолитов немного. По составу фитолитного спектра образец выделяется относительно высоким количеством (12%) форм, характерных для сорной флоры, т. е. растений пустырей, заброшенных огородов и пашен. Возможно, обилие обугленного детрита и фитолиты сорной флоры взаимосвязаны и отражают этап запустения, забрасывания участка после пожара.

Вывод по образцу. Согласно полученным данным, слой характеризуется как пустырь, заросший сорной флорой. Возможно, это произошло вслед-

Таблица 5. Владимир. Сравнительное содержание микробиоморф.

№	Глубина, см	Детрит	Аморф. органика	Спикулы губок	Фитолиты	Другие
1	45–50	+++	+	ед.	+++	Пыльца березы и разнотравья
2	50–55	+++	+	–	+	–
3	55–65	++	–	–	++	–
4	65–70	+++	+	ед.	+++	Корни

Примечание. Крестиками показано сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф: +++ – много; ++ – средне; + – мало; ед. – единично; «–» – отсутствуют.

[1] Работы проводились на ул. Володарского, 4, под руководством О.В. Зеленцовой, С.А. Зоца.

Рис. 1. Владимир. Содержание кремниевых микробиоморф в образцах

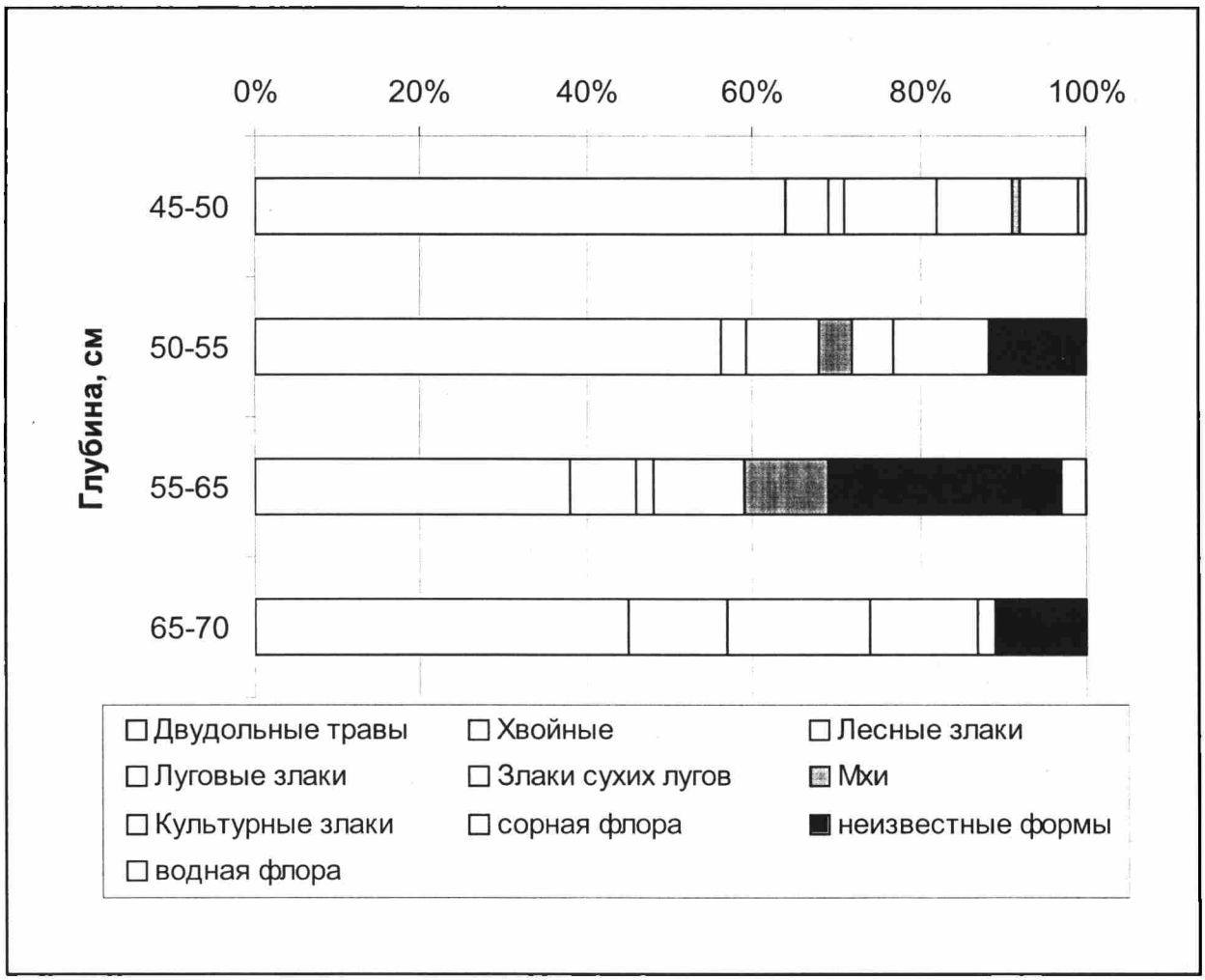


Рис. 2. Владимир. Распределение фитолитных групп

ствие какой-то катастрофы, поскольку образец выделяется обилием обугленного древесного детрита.

55–60 см – огородный горизонт. Образец содержит обугленный древесный и травянистый детрит, фитолиты. В нем также отмечено большое количество (28%) фитолитов какой-то одной специфической формы. Эта форма не образуется в злаках (культурных или дикорастущих) и не встречается в почвах. Скорее всего, это фитолиты какой-то овощной культуры. К сожалению, на сегодняшний день в мировой базе данных по фитолитам не содержится материалов по огородным культурам. Помимо содержания этих форм образец также интересен присутствием фитолитов водной флоры. В автоморфных почвах (развивающихся вдали от воды) подобных фитолитов быть не должно. Очевидно, данные формы были привнесены людьми, скорее всего, вместе с водой во время полива огорода.

Вывод по образцу. Микробиоморфный комплекс можно охарактеризовать как типично огородный. Вероятно, огород регулярно поливался речной водой.

65–70 см – остаточный подзолистый горизонт погребенной исходной почвы. Образец содержит большое количество растительного детрита и фитолитов, мало аморфной органики, корни растений и единично спикулы губок. Среди растительного детрита большую долю составляет древесный, в том числе хвойный детрит. Примерно половина всего детрита обуглена, но есть и не обугленные фрагменты.

Фитолитов больше, чем в вышележащих образцах. Это типично для агрогенных горизонтов, когда за счет регулярного перемешивания толщи происходит механическая миграция мелкозема (в том числе и фитолитов) в нижнюю часть перемешиваемого слоя. В фитолитном спектре много форм, характерных для игл хвойных и лесных злаков (12 и 17% соответственно). Присутствуют и формы луговых злаков. Наиболее интересно наличие фитолитов сорной флоры и специфических форм, которые не относятся к культурным злакам или типичным растениям данной природной зоны. Это однозначно фитолиты каких-то культурных растений, скорее всего, овощных, поскольку формы фитолитов в овощных культурах никем не исследовались.

Вывод по образцу. Возможно, данный образец отражает начальные этапы освоения территории – сведение леса (сжигание) для последующего агрогенного использования. Поэтому часть детрита обуглена. Сам образец можно охарактеризовать как переходный от агрогенного к подзолистому. Это нижняя часть агрогенного горизонта (плужная подошва), в которой как сохранились фитолиты предыдущей стадии развития, так и накопились новые, отражающие последующую антропогенную стадию, за счет перемешивания формы. Агрогенная стадия выявляется по наличию фитолитов сорной рудеральной флоры и присутствию неизвестных форм, скорее всего, принадлежащих овощным культурам, так как они не относятся ни к злакам (диким или культурным), ни к сорной флоре. Присутствие спикул губок может служить как реликтом более ранних стадий развития почвы, так и свидетельством того, что огород регулярно поливался речной водой. Большое количество фитолитов хвойных и лесных трав являются реликтами исходной природной стадии развития почвы.

Заключение по исследованной колонке. Исходно на данном месте преобладали хвойно-лиственные леса с хорошо развитым травянистым покровом. Сформировались типичные подзолистые почвы. Приход людей сопровождался уничтожением лесов (подсечно-огневым способом) с целью последующего сельскохозяйственного использования земель. Участок, скорее всего, исходно использовался под овощные культуры. Вероятно, почва регулярно поливалась речной водой.

Агрогенная деятельность, вероятно, была прервана какой-то катастрофой, поскольку слой запустения (образец 50–55см) характеризуется обилием обугленного древесного детрита. На данном месте сформировался пустырь с сорной флорой, не исключено, что впоследствии участок зарос и лиственными деревьями.

По прошествии какого-то времени участок вновь становится обжитым. На новом этапе хозяйствования здесь выращивались не овощные, а зерновые культуры, т. е. сменился тип землепользования.

Впоследствии на данном месте было возведено деревянное строение, простоявшее длительное время, на что указывает обнаружение в большом количестве микроостатков древесины, разложенной естественным путем.

Ярославль, 2006 год[2]

При раскопках 2006 г. были исследованы почвенные колонки стенок нескольких раскопов. Результаты микробиоморфного анализа представлены в таблице 6 и рисунках 3–8. Ниже приводится описание образцов, выводы по каждому из

[2] Работы проводились под руководством А.В. Энговатовой.

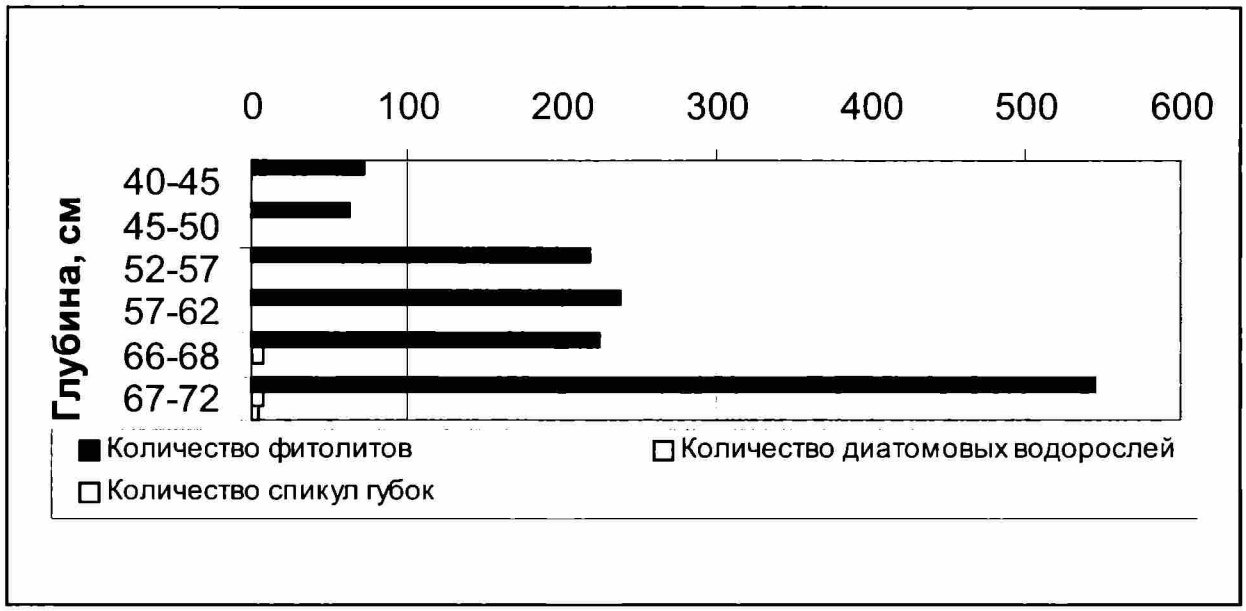


Рис. 3. Ярославль. Шурф 7, северная стенка. Содержание кремниевых микробиоморф в образцах

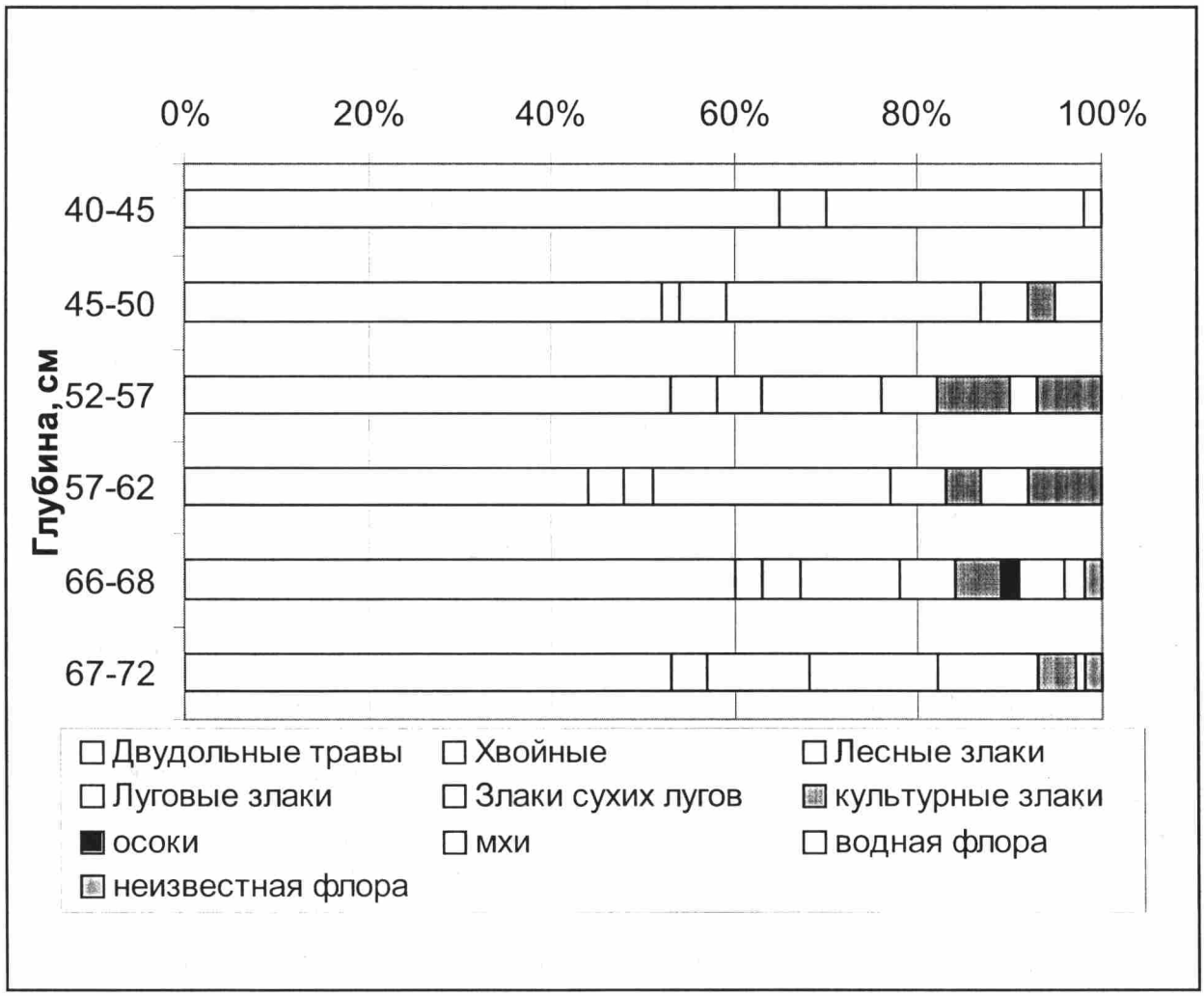


Рис. 4. Ярославль. Шурф 7, северная стенка. Распределение фитолитных групп

Таблица 6. Ярославль. Сравнительное содержание микробиоморф

Глубина, см	Детрит	Аморф. органика	Диатомовые водоросли	Спикулы губок	Фитолиты	Другие
Шурф 7, северная стенка						
40–45	+++	+++	–	–	++	–
45–50	++	+++	–	–	++	–
52–57	+++	+++	ед.	–	+++	–
57–62	+++	+++	ед.	ед.	+++	Корни
66–68	++	++	+	ед.	+++	–
67–72	++	++	ед.	ед.	+++	Корни
Участок 11, квадрат 225						
20–23	+++	+	ед.	–	+++	–
27–55	+++	+++	–	–	+	Гифы, споры
58–65	+++	+	+	–	+++	–
66–70	+++	+++	ед	–	+++	–
70–80	++	+++	+	–	+++	–
Шурф 5, юго-восточный угол						
18–22	+++	+++	+	–	+++	Корни, пыльца сосны
23–25	+++	+++	+	–	+++	Гифы, корни
Кротовина	+	+++	ед.	–	+++	Гифы, пыльца трав
Шурф 5, северо-западный угол						
7–11	+++	+++	+	–	+++	–
11–17	+++	+++	ед.	–	+++	Корни
17–20	+++	+++	ед.	–	++	–

Примечание. Крестиками показано сравнительное полуколичественное содержание биоморф: +++ – много; ++ – средне; + – мало; ед. – единично; «–» – отсутствуют.

них и итоговые выводы по каждой из рассмотренных колонок.

Шурф 7 (северная стенка) (рис. 3; 4)

40–45 см – верхняя часть первой погребенной почвы. Образец содержит большое количество обугленного древесного и травянистого детрита, фитолиты. В составе фитолитного комплекса значительная доля (28%) принадлежит формам, характерным для луговых злаков.

Вывод по образцу. Микробиоморфный комплекс типичен для верхней части луговой почвы.

45–50 см – нижняя часть первой погребенной почвы. Образец содержит небольшое количество мелкого растительного детрита, фитолитов. В составе фитолитного комплекса встречаются формы, характерные для культурных злаков (3%).

Вывод по образцу. Микробиоморфный комплекс типичен для нижних органогенных горизонтов почв, возможно распахиваемых.

52–57 см – верхняя часть второй погребенной почвы. Образец содержит крупный растительный детрит, много фитолитов, в небольшом количестве целые панцири диатомовых водорослей. В составе фитолитного комплекса встречаются формы, характерные для культурных злаков (8%), а также специфические формы, скорее всего, принадлежавшие каким-то огородным культурам (7%).

Вывод по образцу. Вероятно, исходно участок использовался под огородные культуры, а затем – под зерновые. Диатомовые водоросли, а так же фитолиты водной флоры, очевидно, связаны с регулярным поливом участка.

57–62 см – нижняя часть второй погребенной почвы. Образец содержит крупный растительный детрит, обилие фитолитов, в небольшом количестве обломки панцирей диатомовых водорослей, единично спикулы губок, а также корни трав. В составе фитолитного комплекса встречаются формы, характерные для культурных злаков (4%), а также специфические формы, скорее всего, каких-то огородных культур (8%).

Вывод по образцу. Микробиоморфный комплекс отражает нижнюю часть огородного горизонта почвы, где наблюдается аккумуляция фитолитов за счет перемешивания верхнего горизонта. Диатомовые водоросли и спикула губки, очевидно, связаны с регулярным поливом огорода.

66–68 см – верхняя часть третьей погребенной почвы. Образец содержит крупный растительный детрит, много фитолитов, в небольшом количестве целые панцири диатомовых водорослей, единично спикулы губок. В составе фитолитного комплекса встречаются формы, характерные для культурных зла-

ков (5%), а также специфические формы огородных культур (2%).

Вывод по образцу. Микробиоморфный комплекс типичен для верхних слоев пахотных горизонтов. Диатомовые водоросли и спикулы, а так же фитолиты водной флоры, очевидно, связаны с регулярным поливом пашни.

67–72 см – нижняя часть третьей погребенной почвы. Образец содержит крупный растительный детрит, обилие фитолитов, в небольшом количестве обломки панцирей диатомовых водорослей, единично спикулы губок, а также корни трав. В составе фитолитного комплекса встречаются формы, характерные для культурных злаков (4%), а также специфические формы огородных культур (2%).

Вывод по образцу. Микробиоморфный комплекс типичен для нижних пахотных горизонтов почв, так называемой плужной подошвы, где наблюдается аккумуляция фитолитов за счет перемешивания пахотного горизонта. Диатомовые водоросли и спикулы, а также фитолиты водной флоры, очевидно, связаны с регулярным поливом пашни.

Итоговые выводы по рассмотренной колонке образцов. Исходно участок использовался преимущественно под зерновые культуры, затем, скорее всего, под овощные, которые впоследствии вновь сменились зерновыми. Участок регулярно поливался речной водой. На заключительном этапе развития участок, скорее всего, некоторое время снова распахивался, а затем был заброшен и зарос луговой флорой.

Участок 11 (кв. 225) (рис. 5; 6)

20– 23 см – погребенный культурный слой. Образец содержит большое количество крупного обугленного древесного и травянистого детрита, фитолиты, единично целые панцири диатомовых водорослей. В фитолитном комплексе основную часть (26%) составляют фитолиты мхов. 13% приходится на формы, характерные для культурных злаков. При этом в составе комплекса отмечены формы, характерные для сухих лугов и водной флоры (18 и 8% соответственно).

Вывод по образцу. Образец имеет сложный состав. Возможно, здесь была пашня, регулярно поливаемая водой. Затем пашню забросили, и она заросла растениями, характерными для сухих мест обитания.

27– 55 см – культурный слой XV–XVI вв. Образец содержит большое количество травянистого детрита, аморфной органической массы, мало фитолитов, грибные гифы и споры мхов. В фитолитном комплексе 18% составляют формы, характерные для игл хвойных.

Вывод по образцу. Вероятно, слой отражает этап запустения, забрасывания территории, участок зарос лесным подростом, в составе которого были хвойные.

58–65 см – культурный слой между двумя углистыми слоями. Образец содержит большое количество обугленного древесного и травянистого детрита, обилие фитолитов, а также значительное количество целых и обломков панцирей диатомовых водорослей. В фитолитном комплексе значительная часть (34%) принадлежит мхам.

Вывод по образцу. Скорее всего, образец представлял собой заросший моховой и травянистой растительностью участок после пожара. Обилие фитолитов и панцирей диатомовых водорослей, возможно, связано с тем, что горящее дерево забрасывали

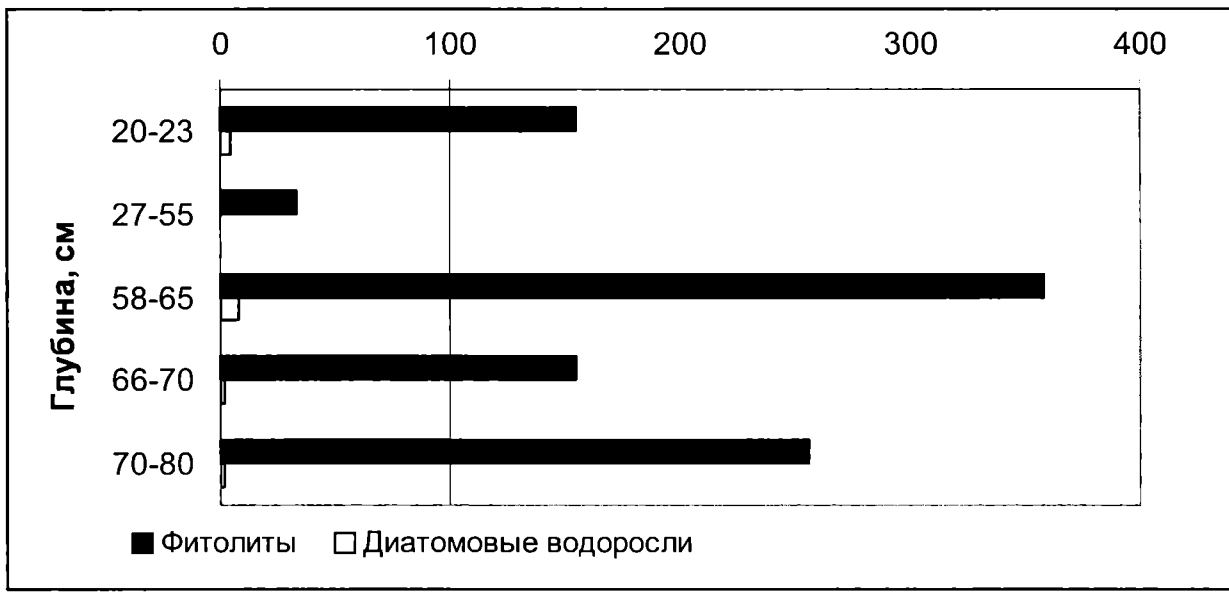


Рис. 5. Ярославль Участок 11, квадрат 225. Содержание кремниевых микробиоморф в образцах

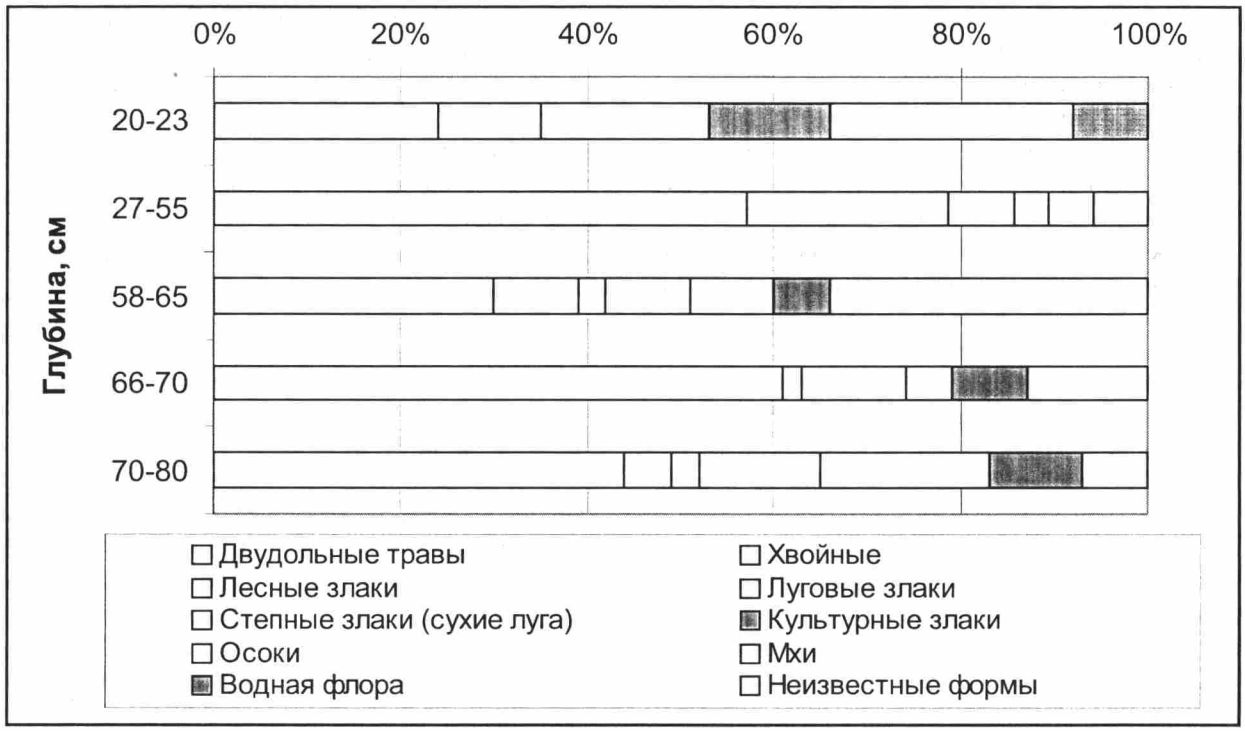


Рис. 6. Ярославль. Участок 11, квадрат 225. Распределение фитолитных групп

землей (верхней частью пахотного горизонта) и/ или же пожарище поливали водой. Все фиксируемые микрочастицы попали в слой вместе с водой.

66–70 см – огород и начало формирования КС. Образец содержит большое количество обугленного древесного и травянистого детрита, фитолитов, а также единично целые панцири диатомовых водорослей. В составе фитолитного комплекса в значительных количествах (13%) присутствуют специфические неизвестные формы огородных культур.

Вывод по образцу. Слой характерен для огородного горизонта.

70–80 см – пашня. Образец содержит обугленный древесный и травянистый детрит, много фитолитов, а также значительное количество обломков панцирей диатомовых водорослей. В составе фитолитного комплекса, практически в равных количествах (10 и 7% соответственно) присутствуют формы, характерные для культурных злаков и специфические неизвестные формы огородных культур.

Вывод по образцу. Слой характерен для пахотных горизонтов почв, регулярно поливаемых водой.

Итоговый вывод по рассмотренной колонке образцов. На данном месте выращивали зерновые культуры, которые впоследствии сменились огородными, т. е. пропашными культурами. Вероятно, был пожар, который заливался водой и/или засыпался грунтом близлежащего культурного слоя.

Участок в своем развитии проходил через стадию запустения, забрасывания, зарастания лесным подростом, в составе которого были хвойные.

Впоследствии участок вновь распахивался под зерновые культуры, поливался. Затем был заброшен и зарос травами сухих лугов.

Шурф 5 (юго-восточный угол) (рис. 7; 8)

18–22 см – культурный слой. Образец содержит большое количество обугленного древесного и травянистого детрита, обилие фитолитов, корни трав, единично пыльцу сосны, а также значительное количество целых панцирей диатомовых водорослей. В составе фитолитного комплекса, практически в равных количествах (7 и 8% соответственно) присутствуют формы, характерные для культурных злаков и какие-то специфические неизвестные формы огородных культур. Образец содержит 12% фитолитов луговых злаков и фитолитов мхов 25%. Относительно высокое содержание диатомовых водорослей не характерно для автоморфных почв. Очевидно, это результат полива, когда с водой поступают и микроскопические водные организмы, а также фитолиты водной флоры.

Вывод по образцу. Скорее всего, первоначально это был пахотный и/или огородный горизонт, который регулярно поливался. Впоследствии пашня (огород) была заброшена, участок зарос мхами и луговыми травами.

23–25 см – культурный слой. Образец содержит большое количество обугленного древесного и травянистого детрита, обилие фитолитов,

Рис. 7. Ярославль. Шурф 5, юго-восточный угол. Содержание кремниевых микробиоморф в образцах

Рис. 8. Ярославль. Шурф 5, юго-восточный угол. Распределение фитолитных групп

грибные гифы, корни трав, а также значительное количество целых и обломки панцирей диатомовых водорослей. По сравнению с обычными почвенными горизонтами фитолитов гораздо больше. В случае агрогенных (пахотных и огородных) горизонтов накопление фитолитов характерно для плужной подошвы – нижней части турбируемого горизонта. Накопление фитолитов в этом слое связано с механической миграцией при перемешивании слоя и абсолютным накоплением на границе рыхлого перемешиваемого и плотного нижележащего горизонтов. В составе фитолитного комплекса в равных количествах (по 12%) присутствуют формы, характерные для культурных злаков и какие-то специфические неизвестные формы, скорее всего, огородных культур. Высокое содержание диатомовых водорослей не характерно для автоморфных почв. Очевидно, это результат полива, когда с водой поступают и микроскопические водные организмы, а так же фитолиты водной флоры.

Вывод по образцу. Высокое количество фитолитов позволяет предположить, что это плужная подошва – нижняя часть турбируемого горизонта. Состав фитолитов указывает на то, что на участке выращивались как зерновые, так и огородные культуры. Большое количество диатомовых водорослей различной степени сохранности связано с регулярным поливом участка. Таким образом, исследуемый слой – это нижняя часть

огородного (и/или пахотного) горизонта, который регулярно поливался водой.

33–37 см – кротовина. Образец содержит большое количество аморфной органической массы и фитолитов, немного растительного детрита, единичные обломки панцирей диатомовых водорослей, а также грибные гифы и пыльцу двудольных трав и рудеральной флоры. В целом микробиоморфный комплекс типичен для органических почвенных горизонтов. Исключением является состав фитолитного комплекса. В нем значительную долю составляют формы, характерные для культурных злаков (29%). Следует заметить, что процентное содержание таких форм нетипично высоко даже для пахотных горизонтов почв. Очевидно, культурные злаки специально затаскивались животным по этому ходу.

Вывод по образцу. Образец отражает пахотный период развития территории за счет искусственной концентрации культурных злаков роющим животным.

Итоговый вывод по рассмотренной колонке образцов. На данном месте была пашня, сменившаяся огородом. Участок регулярно поливался.

В образце из кротовины наиболее полно сохранился комплекс, отражающий пахотный этап развития участка. Очевидно, активность грызунов напрямую связана с агрогенной стадией развития ландшафта. Впоследствии огород (пашня) был заброшен, участок зарос луговыми травами и мхом. Культурный слой поселения сформировался на заброшенном участке.

Шурф 5 (северо-западный угол) (рис. 9; 10)

7–11 см – культурный слой. Образец содержит большое количество растительного детрита, аморфной органической массы, фитолитов и немного целых и обломки панцирей диатомовых водорослей. В фитолитном комплексе относительно велико содержание луговых форм. Наиболее интересно наличие форм культурных злаков – 7%. Это процентное содержание позволяет сделать уверенный вывод о том, что данный слой являтся пахотным. В связи с тем, что культурные растения изымаются для потребления, в почву попадает очень небольшое количество фитолитов культурных злаков по сравнению с остальными формами.

Вывод по образцу. Микробиоморфный комплекс типичен для пахотного горизонта.

11–17 см – погребенная пахотная почва. Образец содержит большое количество растительного детрита, аморфной органической массы, немного фитолитов и единично – обломки панцирей диатомовых водорослей. Присутствуют корни трав. В фитолитном комплексе относительно велико содержание луговых форм – 22%. Есть формы, характерные для культурных злаков и сорной флоры.

Вывод по образцу. Микробиоморфный комплекс отражает последовательную смену растительных сообществ – луговая стадия заместилась на агрогенную (пахотную)

17–20 см – погребенная подзолистая почва. Образец содержит большое количество растительного детрита, аморфной органической массы, немного фитолитов и единично обломок панциря диатомовой водоросли. В фитолитном комплексе относительно велико содержание игл хвойных – 14%.

Вывод по образцу. Состав микробиоморфной фракции характерен для нижней части подзолистого горизонта. По распределению форм фитолитов можно заключить, что на начальных этапах развития формировался типичный для нашей природной зоны подзол под пологом смешанного хвойно-лиственного леса с хорошо развитым травянистым покровом.

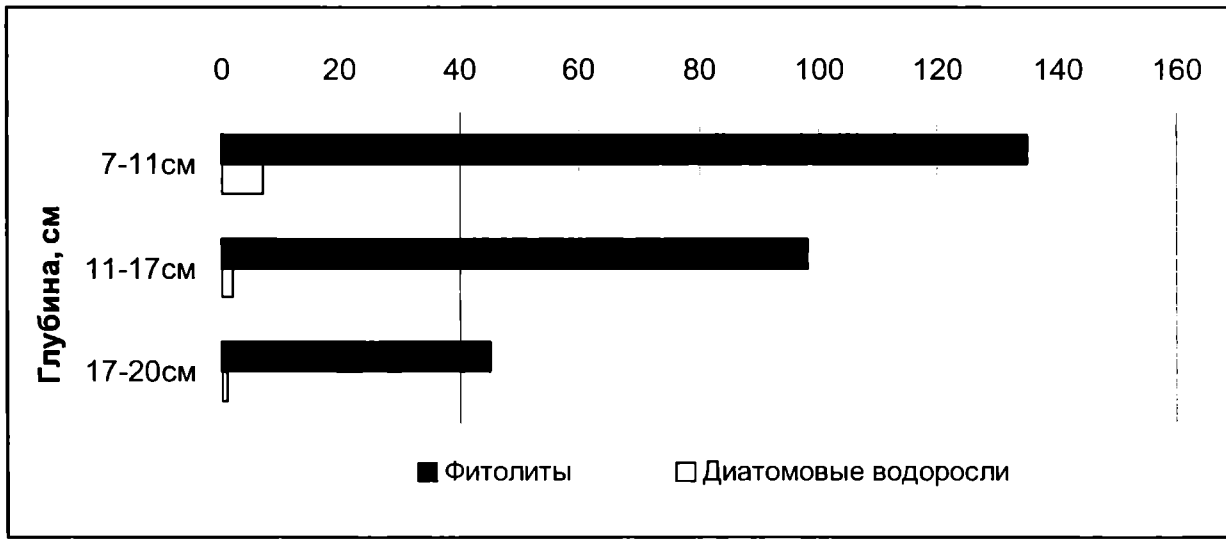


Рис. 9. Ярославль. Шурф 5, северо-западный угол. Содержание кремниевых микробиоморф в образцах

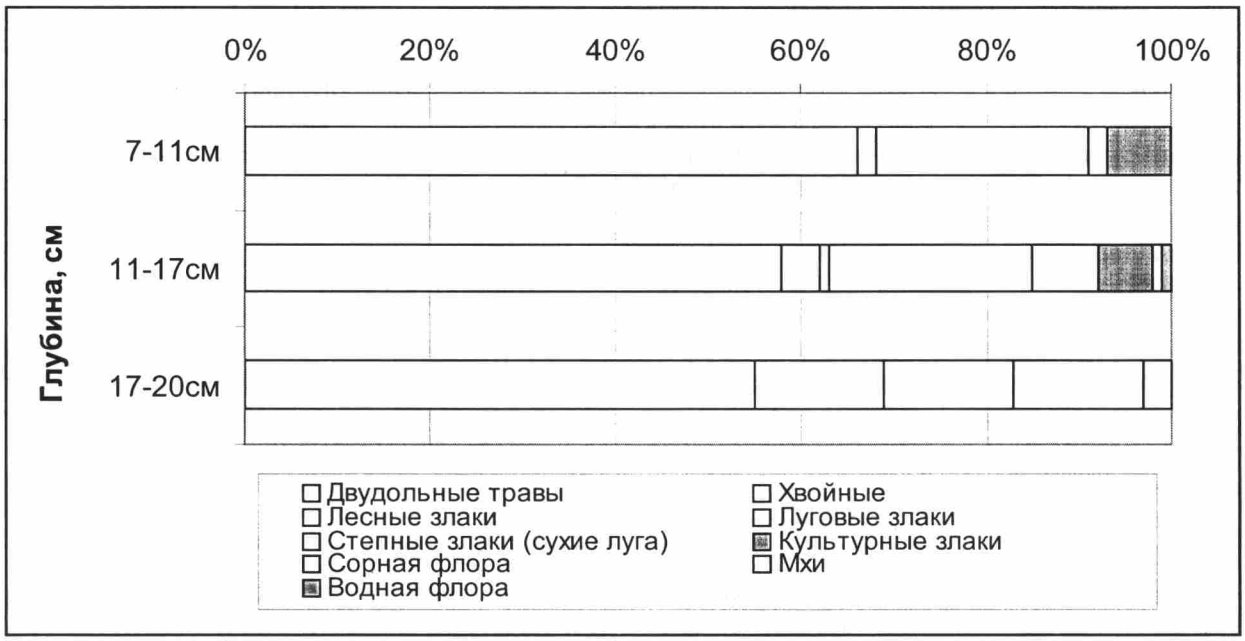


Рис. 10. Ярославль. Шурф 5, северо-западный угол. Распределение фитолитных групп.

Итоговый вывод по рассмотренной колонке образцов – исходным растительным покровом был смешанный лес с хорошо развитым травянистым ярусом. С приходом человека лес был вырублен, а участок – распахан. Агрогенная стадия развития участка фиксируется вплоть до фундамента собора.

Заключение

Как наглядно видно из приведенных примеров, культурный слой каждого памятника обладает индивидуальной «микробиоморфной памятью», формирующейся в процессе создания поселения, которая обладает высокой устойчивостью и сохраняется на протяжении тысячелетий.

Таким образом, при исследовании поселений можно изучать культурный слой в целом, а можно – по отдельным, составляющим его слоям (рис. 11). При работе с культурным слоем возможна реконструкция отдельных этапов развития поселения, а в ряде случаев (если слой маломощный) и определение природной среды периода функционирования поселения. Но часто это не удается сделать, поскольку в случае интенсивного обжи-

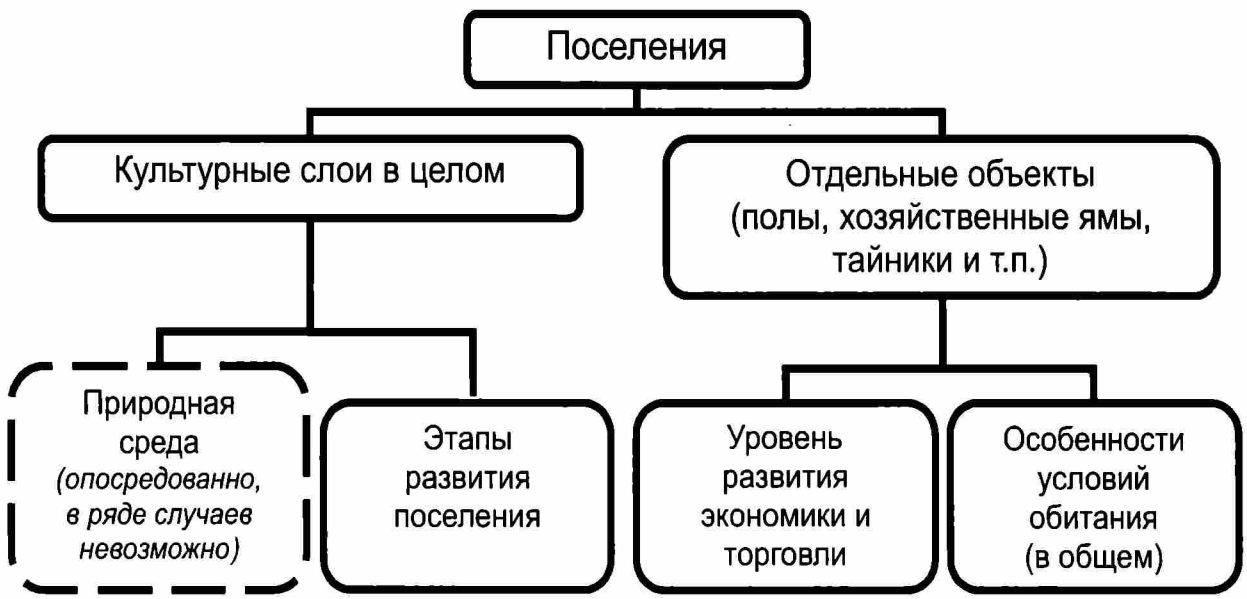


Рис. 11. Информационные возможности микробиоморфного анализа культурных слоев поселений

вания территории, хозяйственная деятельность полностью преобразует первоначальный почвенный покров или вообще уничтожает его.

При работе с отдельными объектами (полы жилищ, сараев, загонов для скота и т. п.) возможно определение, уточнение особенностей хозяйствования, на тот или иной период времени, используемой рессурсной базы, а в ряде случаев – и определение степени развития экономики и торговли в целом (*Гольева,* 2008. С. 180–186).

Таким образом, использование микробиоморфного анализа в археологических работах позволяет уточнять и расширять знания о природной среде, хозяйственных и бытовых особенностях проживавших на ней народов и их экономических связях.

Литература

Болиховская Н.С., 1995. Эволюция лессово-почвенной формации Северной Евразии. М.

Воронков М.Г., Кузнецов И.Г., 1984. Кремний в живой природе. Новосибирск.

Гольева А.А., 2000а. Палеоботанические методы исследования культурных слоев. Биоморфный анализ: спорово-пыльцевой, фитолитный и другие // Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений (лабораторные исследования). М.

Гольева А.А., 2000б. Результаты биоморфного анализа разновозрастных культурных слоев г. Москвы и городищ Центральной России // Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений (лабораторные исследования). М.

Гольева А.А., 2003. Информационные возможности биоморфного анализа для реконструкций природной среды древних обществ // Экология древних и современных обществ. Науч. конф. Тюмень.

Гольева А.А., 2004. Комплексные естественнонаучные исследования на городище Ростиславль Рязанский // АП.

Гольева А.А., 2008. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: генезис, география, информационная роль. М.

Гричук В.П., Заклинская Е.Д., 1948. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М.

Додонов А.Е., Симакова А.Н., Гольева А.А., 1999. Климато-стратиграфическое расчленение средне-позднеплейстоценовых лессов Средней Азии на примере лессово-почвенного разреза Дараи Калон (Южный Таджикистан) // Актуальные проблемы палинологии на рубеже третьего тысячелетия. М.

Палеопалинология. Т. 1. Л., 1966.

Сладков А.Н., 1968. Введение в спорово-пыльцевой анализ. М.

Федорова Р.В., 1953. Количественные закономерности распространения рыльцы древесных пород воздушным путем // Тр. ИГАН СССР. Вып. 52.

Федорова Р.В., 1954. Лесные фазы в растительном покрове Ергеней и Ставрополья в Позднем голоцене // Тр. ИГАН СССР. Вып. 63.

Хржановский В.Г., 1982. Курс общей ботаники. М.

Glen F.J., Willian J.C., Waksfield D., 1985. A preliminary analysis of opal phytoliths from the Eustis ash pit, Frontier country, Nebraska // J. TIR-QUA'82. Sump., Fort Worth, Tex., Oct. 4-6, 1982. Linkoln.

Golyeva A, Terhorst B., 2003. Biomorphic analysis of paleosoils in the Upper Pleistocene Loess-paleosoil sequence of Gunderding (Upper Austria) // Tubinger Geowissenschaftliche arbeiten. Reihe D. Geookologie und Quartarforschung. TGA. D 9.

Grosse-Brauckmann G., 1986. Analysis of Vegetative Plant Macrofossils. In Handbook of Holocene Palaeoecology and Palaeohydrology / Eds Berglund B.E., Wiley J. Chichester.

Kerp H., 1991. The Study of Fossil Gymnosperms by Means of Cuticular Analysis // Palaios. 5.

Kurmann M.H., 1985. An Opal Phytolith and Palynomorph Study of Extant and Fossil Soils in Kansas (USA) // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 49.

Havinga A.J., 1974. Problems in the Interpretation of Pollen Diagrams of Mineral Soils. Geol. Mijnb., 53.

Havinga A.J., 1985. A 20-year Experimental Investigation Into the Differential Corrosion Susceptibility of Pollen and Spores in Various Soil Types. Pollen et Spores. 26.

Palmer P.G., 1976. Grass Cuticles: New Paleoecological Tool for East African Lake Sediments / / Can. J. Bot. 54.

Rovner I., 1988. Macro-and Micro-ecological Reconstruction Using Plant Opal Phytolith Data from Archaeological Sediments // Geoarchaeology. 3.

Walch K.M., Rowley J.R., Norton N.J., 1970. Displacement of Pollen Grains by Earthworms. Pollen et Spores. 12.

Wilding L.P., 1967. Radiocarbon dating of biogenetic opal // Sci. V. 156. № 3771.

A.A. Gol'eva

Microbiomorphe investigations of the cultural layers of ancient settlements of the Central Russia

Summary

The basis of the microbiomorphe investigation consists of the complex analysis of the whole specter of the microbiomorphe: phitolits, pollen, spores and so on. All of them are united by the presence of the specific morphology, biological nature and microscopic (less than 0,1 mm) size. Organisms – sources of the microbiomorphe – develop in the narrow spectrum of natural conditions and under the influence of the certain factors. In such a way each of the microbiomorphe describes this conditions and factors of the soils-forming, the forming of the cultural layers (because of connection with the certain type of landscape) and carries its tasks.

А.А. Гольева

Почвенные исследования средневековых валов Дмитрова, Ярославля и Ростиславля

Валы городов, будучи сложными инженерными сооружениями, сохраняют огромный информационный объем о ландшафтах времени создания вала, возможных антропогенных преобразованиях природы, а также, собственно, и о самих особенностях строительства вала – какой (привозной или местный) материал использовался для насыпи, были ли между этапами длительные перерывы, использовались или нет какие-либо инженерные приемы, закрепляющие земляную насыпь, и многое другое.

В целом, исследование этих искусственных монументальных объектов на естественных или антропогенно преобразованных почвах, ведется по двум направлениям: изучение непосредственно насыпи, ее специфики и анализа погребенной под валом почвы (рис. 1).

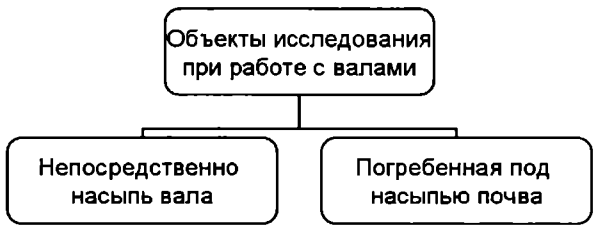


Рис. 1. Объекты исследований. Схема

В данной работе представлены итоги почвенных исследований средневековых валов трех городов: Дмитрова, Ярославля и Ростиславля[1], выявлены общие и отличительные черты, определена степень антропогенного изменения почв, на которых возводились эти оборонительные сооружения. Комплексный подход подразумевает использование нескольких естественно-научных методов, что позволяет существенно расширить получаемый информационный объем при одновременном повышении достоверности данных. В наших исследованиях использовались следующие методы: макроморфологический (детальное описание стратиграфических колонок в процессе раскопок, серию химических и физико-химических анализов, а так же микробиоморфный анализ (рис. 2).

Рис. 2. Методы исследований

Исследования по каждому городу приводятся отдельно. Рассматриваются особенности строения насыпей и специфика погребенных под ними почв.

Дмитров

56°20 44,3 N 37°31 09,0 E в тело полных срезов оборонительного вала, опоясывающего территорию кремля, позволивших провести сравнительный анализ полученного материала. Рассмотрим результаты исследований четырех врезок в вал дмитровского кремля, сделанных в разные годы археологических работ.

Первая врезка (раскопки 2001 г.)

Современная растительность – луг. Высота разреза 460 см.

Описание стенки насыпи вала сверху вниз

0–30 см [A1] – современный гумусовый горизонт с обилием корней трав, темно-серый, рыхлый. Переход вниз постепенный, заметный по уменьшению серого цвета и содержания корней. Нижняя граница диффузная, неясная.

30–90 см [AB] – переходный гумусово-иллювиальный горизонт. Цвет неоднородный – постепенный переход от серого вверху к бурому внизу горизонта. Плотнее предыдущего, корней практически нет. Нижняя граница ровная,

[1] Исследования проводились археологическими экспедициями Института археологии РАН. Руководители А.В. Энговатова (раскопки в Дмитрове и Ярославле), В.Ю. Коваль (раскопки в Ростиславле- Рязанском).

прямая, связана с появлением строительного мусора.

90–130 см (КС). Остатки строительного мусора в виде обломков кирпичей. Вмещающая масса комковатая, в основном бурого, местами серого цвета. Нижняя граница ровная, прямая, заметная по цвету.

130–150 см. Однородный темно-серый прослой. Возможно, это почва, погребенная под строительным мусором при очередной досыпке вала. Нижняя граница слоя ровная, прямая, а по стенкам вала – ступенчатая.

150–170 см. Серовато-бурая однородная плотная гумусированная глинистая насыпь вала.

170–200 см. Белесый прослой. Менее плотный, чем предыдущий, пылевато-песчаный.

200–270 см. Бурая плотная глинистая насыпь вала. Встречаются включения в виде древесных углей, камней различного размера.

270–300 см. Однородный серый гумусированный прослой. Содержит артефакты XV–XVI вв. Возможно, это погребенный гумусированный культурный слой, или дневная поверхность на момент начала этапа по досыпке вала.

300–320 см. Бурая однородная плотная глинистая насыпь вала.

320–350 см. Слой представляет собой чередование тонких темных и светло-бурых прослоев. Генезис слоя неясен. Возможно, это искусственные досыпки, связанные с этапами возведения вала.

350–445 см. Бурая однородная плотная глинистая насыпь вала.

445–450 см. Исходная поверхность – погребенный гумусированный культурный слой (далее – КС) темно-серого цвета, тонкослоистый, опесчаненный. Содержит керамику XII в. Нижняя граница горизонта ровная, резкая, хорошо заметная по исчезновению темного серого цвета.

450–460 см. Остаточный иллювиально-подзолистый горизонт исходной подзолистой почвы. Белесовато-бурый рыхлый песок.

Морфологические исследования показали, что вал возводился не на почве, а на хорошо выраженном культурном слое, скорее всего, слое огорода или пахоты. В нижней части агрогенного горизонта фрагментарно сохранились участки исходного железистого подзола, что позволяет реконструировать первичный (доантропогенный) ландшафт как лесной, хвойный.

Вся толща насыпи возводилась в три этапа. Первая (исходная) насыпь имеет мощность 175 см. Первоначально она создавалась за счет верхних почвенных горизонтов округи, но для верхних 20–50 см использовалась однородная глина, что значительно усилило прочность возводимой насыпи. Этот первичный вал просуществовал довольно длительное время (не менее нескольких столетий), поскольку на его поверхности сформировался хорошо выраженный гумусовый горизонт. Высокие значения валового фосфора в этом горизонте свидетельствуют не о почве, а культурном слое, т. е. вал активно посещался жителями.

Вторая насыпь (мощность 180 см) также создавалась за счет насыпания расположенных рядом почв и культурных слоев, что сформировало неоднородный слоисто-пятнистый характер рисунка насыпи. В данном случае интересен рисунок верхней границы новой насыпи вала – в виде белесоватых ступеней в боковых стенках разреза и линейные – в поперечной стенке. Подобный характер границы слоев не характерен для природных объектов. Скорее всего, это искусственно созданный прослой из блоков дерниины с целью закрепления поверхности вала от водной и ветровой эрозии.

Третья (современная) насыпь имеет мощность 130 см. Она возводилась из различного строительного мусора (обломков кирпичей) и перемешанных горизонтов почв. На вершине вала растут дерновинные травы, что способствует формированию хорошо выраженного гумусового горизонта в верхних 30 см насыпи.

Вторая врезка (раскопки 2003 г.)

Врезка в толщу вала с внутренней стороны

Отсчет по рейке снизу вверх. Высота врезки 300 см.

Этот участок вала возведен на естественном возвышении, образованном берегами озера (находилось с внутренней стороны вала). Снаружи к валу подходил берег реки. До создания вала на данном месте была постройка (возможно, жилище), которая фиксируется по прослоям дерева, угля и песка сразу под первичной насыпью.

300–240 см. XIX–XX вв. Современная насыпь из строительного мусора.

240–180 см. Бурая толща – досыпка вала во второй половине XVIII в.

175–160 см. Бурая глинистая досыпка с большим количеством щебня. Много червоходов. Присутствуют артефакты XVI в.

160–140 см. КС с керамикой, остатками древесины, обломками костей, камнями. Бурый песок. Возможно, это различный бытовой и строительный мусор, использовавшийся для досыпки вала, поскольку слой к бортам вала выклинивается.

140–130 см. Серый однородный слой с червоходами. Нижняя граница неровная за счет червоходов в песчаной толще. В данном слое и до глубины 88–100 см найдены артефакты второй трети XIII – середины XIV в.

130–103 см. Насыпь земли на вал – серые и бурые фрагменты почвенных горизонтов с мелкими углями внутри. На самом верху – слой светлого песка.

103–82 см. Глина ярко-бурого цвета с большим количеством камней – ядро вала.

82–75 см. Слой прокала – основание вала. В слое много крупного древесного угля, камней, кости. В данном слое и ниже найдены артефакты середины XII – первой трети XIII в. Характер прокала, его неоднородность позволяют предположить следующую последовательность создания ядра вала. На выровненную поверхность уложили стволы деревьев, их подожгли и горевшую древесину начали обкладывать глиной. Местами глина легла на древесину, которая по каким-либо причинам не загорелась, поэтому там присутствуют не древесные угли, а сгнившее дерево, пропитанное грибным мицелием. Там, где древесина прогорела, встречаются крупные куски древесных углей. Горевшее дерево прокалило глину, создав прочный каркас вала.

75–67 см. Однородный серовато-белесый песчаный слой. Предположительно, погребенный почвенный горизонт. В верхней части слоя присутствует маломощный (2 см) однородный серый слой с мелкими угольками и червоходами, возможно, остатки огорода. Нижняя граница постепенная за счет червоходов, верхняя – резкая, ровная, прямая.

67–60 см. Рыхлый светлый речной песок с окатанной галькой. Возможно, насыпан для выравнивания поверхности, поскольку мощность слоя сильно варьируется по простиранию.

60–55 см. Серый слой с бурыми прослоями (дресва), древесными углями, камешками.

55–35 см. Серия маломощных повторяющихся прослоев, формирующих волнообразный рисунок. Наблюдается чередование прослоев белесого, бурого, черного цветов. Бурый цвет прослоев обусловлен разложившейся древесиной. Черный слой – сгоревшая древесина. Нижняя граница слабо волнистая, местами резко выражена по разности цветов, местами размыта из-за мелких включений угольков. Их интенсивность уменьшается с глубиной.

35–0 см. Бурая плотная глинисто-суглинистая толща.

Исходной древней почвы нет, вернее нет верхней части почвенного профиля. Она не сохранилась, поскольку на данном месте находилась постройка, при создании которой верхние почвенные горизонты были срыты или перекопаны на значительную глубину. Сохранились лишь нижние иллювиальные горизонты с мелкими охристыми стяжениями железа, черными марганцовистыми конкрециями. В самой нижней части почвенного профиля нарастает сизая глеевая окраска песка за счет избыточного переувлажнения.

Третья врезка (раскопки 2003 г.) Раскоп 19 (северо-восточная стенка ворот)

Вал насыпан на озерные, озерно-аллювиальные песчаные отложения. В озерных отложениях есть тонкие органические прослойки темного цвета – разложившаяся древесина (щепа? доска?) – фрагменты гати – и отдельным черным пятном – сгоревший камыш.

Над ним, 20–25 см – серый слой, состоящий из горелой древесины, щепы, обилия керамики домонгольского времени, единично – щебня. Это слой бытового мусора (КС) вперемешку с речным (озерным) песком.

Сверху – маломощный (исходный?) вал из озерного песка и тонкой темной буро-серой прослойки на нем – период стабильной поверхности, начальных этапов почвообразования и формирования маломощной почвы.

Вал перекрыт значительной по ширине и высоте досыпкой с обилием глины, щебня, крупной гальки. Цвет досыпки неоднородный – встречаются участки белесого, серого, бурого цветов.

Выше – слой следующей досыпки из однородной плотной бурой глины. На нем – небольшая по мощности почва. Вероятно, на свежую насыпь сразу уложили «кирпичи» из дерна для закрепления насыпи. Поэтому нижняя граница между насыпью и дерниной резкая, ровная, заметная по цвету. Цвет дерновой обкладки – темно-серый. Рисунок нижней границы ровный по центру вала и ступенчатый на периферии. Светло-серый гумусовый горизонт сформировался уже на дернине.

В XX в. (1960–1962 гг.) в связи со строительством фабрики, расположившейся по соседству, происходила выборка грунта для ее фундамента. Грунт вывозили на вал, наращивая его мощность. Таким образом, была сформирована верхняя 50–80 см досыпка вала. Грунт, как и в предыдущем случае, был укреплен блоками дерна.

Вдоль стенки вала (вправо от центра) в толще озерных отложений была сделана прирезка.

0–14 см. Горизонт непосредственно под первой насыпью вала. Однородный серый песок с вкраплениями мелких углистых частиц и бурых рыхлых охристых стяжений оксида железа.

14–15 см – ровный черный золистый прослой из мелких углей.

15–30 см. Однородный белесый песок с бу-

рыми рыхлыми железистыми точками. Нижняя граница в виде карманов, переход постепенный по цвету.

30–48 см. Однородный ярко-бурый уплотненный песок. Внизу появляются и увеличиваются в размерах округлые, рыхлые железистые стяжения.

Ниже – озерные отложения в виде светло-бурого рыхлого песка.

Таким образом, вал создавался на насыпном песчаном грунте, поскольку участок расположен в низине, переувлажнен, а ранее вообще формировался за счет водных наносов и отложений. Возможно, был настил (мостки? гать?), который сгорел и на сгоревший слой был дополнительно насыпан песок для выравнивания участка под вал.

Четвертая врезка (раскоп 20)

Расположена напротив раскопа 19, выше него, поэтому следов водных отложений под валом нет.

В стенке вала, на участке, расположенном ближе к речному берегу вскрыты остатки разрушенной печи (жилище XII в.). Над жилищем – обилие древесных углей (сгоревшая крыша?).

Исходная почва песчаная, сформирована на однородных тонко сортированных древнеаллювиальных песках.

Погребенная почва

Верхний сантиметровый слой погребенной почвы фиксируется в виде резкого черного прослоя с четкими ровными резкими границами.

1–5 см. КС (?) Темно-серый слой. Нижняя граница волнистая, заметная по цвету.

5–9 см. Светло серовато-белесоватый прослой. Наблюдается очень постепенный диффузный переход вниз по окраске.

9–17 см. Погребенный белесый (подзолистый?) горизонт. Нижняя граница постепенная, заметная по нарастанию бурой окраски.

17–23 см. Погребенный иллювиально-железистый горизонт В. Бурый, уплотненный, ожелезненный. Нижняя граница постепенная, заметная по цвету.

23–40 см. Погребенный переходный к породе горизонт ВС. Светлый однородный песок с рыхлыми округлыми железистыми стяжениями.

Насыпь вала

На поверхности исходной почвы был насыпан вал. Вал создавался не одновременно, а с перерывами, за счет серии досыпок. Можно выделить пять досыпок (насыпей) в истории создания вала. Отсчет насыпей идет от поверхности исходной почвы к современной поверхности.

Насыпь 1. Основа насыпи – окрестные КС того времени. Они выделяются темно-черным, местами черным цветом, и локализованы в виде прослоев и отдельных линз. Так же использовался речной песок, который фиксируется в виде белесых песчаных линз. Основная масса насыпи – буроватый песок с охристыми пятнами – почвообразующая порода. Т. е. для строительства насыпи использовалась исходная порода – древнеаллювиальный песок.

Верхние 15–25 см первой насыпи представляют собой однородный буровато-серый горизонт ровного простирания по всей поверхности насыпи. Возможно, это остатки огородного горизонта.

Горизонт перекрыт тонкослоистым (чередование черных, бурых и серых прослоев) материалом общей мощностью 10–15 см. Толща содержит большое количество керамики XII–XIII вв., т. е. является КС этого временного среза.

Насыпь 2. Маломощная как по высоте, так и по простиранию.

В центре – оглиненная бурая нашлепка с максимальной высотой в центре – 13 см. На ней – пятнистый белесый с бурым и серым песок, общей мощностью 22–32 см. Верх данной насыпи перекрыт тонкослоистым маломощным (4–5 см) КС темно-серого цвета.

Насыпь 3. Общая мощность 120 см. Представляет собой однородную бурую моренную массу с включением большого количества гравия, крупной гальки.

На ней фиксируется чередование небольших по мощности (4 см) темных и более мощных (10 см) бурых прослоев. Общая мощность толщи – 30 см. Возможно, данный этап отражает процесс периодической досыпки грунта на уложенную первоначально дернину.

Темно серые слои дернины заметны по всему простиранию насыпи вала. Они имеют различную мощность – наименее мощные, часто диффузные в верхней части вала и более мощные, тонкослоистые – по склонам и в нижней части вала, то есть гумус смывался сверху вниз и там накапливался. Данная досыпка в крайнем правом углу раскопа заканчивается ступенькой – четко читаемой по вертикально стоящей обугленной древесине. Возможно, подобным образом происходило укрепление стенок вала.

Насыпь 4. Также состоит из морены, но более ярко-бурой. На ней – белесый прослой песка, снизу и сверху окаймленный тонкими темно-серыми прослоями мощностью 2 см каждый.

Насыпь 5. Современная досыпка из бурого песка с современной дерниной на поверхности вала.

Результаты химических анализов (табл. 1)

Согласно данным химических анализов, изменение содержания углерода и фосфора не всегда

Таблица 1. Химические свойства образцов из насыпи вала и погребенных почв (*отсчет глубин по рейке – обратный отсчет, в скобках – глубины от поверхности вала)

Образец, глубина, см	P_2O_5	$pH_{водн.}$	CO_2, % (по Козл.)	$C_{орг.}$, %, (по Тюрину)
Дмитров. Вал (первая врезка)				
Насыпь 3, 30–60	0,16	неопр.	неопр.	0,08
Насыпь 3, КС (гумусовый горизонт), 70–80	0,38			0,65
Насыпь 3, КС (гумусовый горизонт), 80–90	0,47			0,68
Насыпь 3, 90–130	0,27			0,55
КС (погребенный гумусовый горизонт), 130–150	0,33			0,64
КС, 150–170	0,30			0,90
Насыпь 2, 170–200	0,20			0,20
Насыпь 2, 270–200	0,34			0,46
КС (погребенный гумусовый горизонт), 270–300	0,50			1,60
Насыпь 1, КС (гумусовый горизонт), 350–360	0,45			1,43
Погребенный гумусовый горизонт [A1], 445–450	0,53			1,27
Погребенный иллювиальный горизонт [B], 450–460	0,17			0,25
Дмитров. Вал (вторая врезка) *Врезка в стенку вала с внутренней стороны**				
290–300 (0–10), современная поверхность	0,39	7,85	1,21	4,01
280–290 (10–20), насыпь вала	0,35	8,45	2,21	2,50
260–280 (20–40), насыпь вала	0,28	8,5	2,26	1,84
220–260 (40–80), насыпь вала	0,27	8,8	2,3	1,79
210–220 (80–90), насыпь вала	0,20	7,95	0,06	1,88
175–210 (90–125), насыпь вала	0,23	8,05	0,10	1,58
160–175 (125–140), бурый нанос	0,21	8,25	0,02	0,55
140–160 (140–160), КС	0,41	7,9	0,02	1,19
132–140 (160–168), погребенная почва (?)	0,57	7,95	0	0,78
100–132 (168–200), земляная насыпь вала	1,40	7,85	0,05	1,58
082–100 (200–218), ярко-бурая глина	0,51	8,2	0,63	0,22
072–082 (218–228), слой прокала	2,02	7,55	2,82	5,56
065–072 (228–235), погребенная почва (?)	0,39	7,9	0,03	1,16
060–065 (235–240), песчаный прослой	1,29	8,15	0,01	0,34
045–060 (240–255), серый слой	0,45	7,4	0,03	1,33
035–045 (255–265), серия прослоев	2,15	7,05	0,08	1,89
0–035 (265–300), бурая толща	0,84	7,15	0,04	1,06
(остаток исходного подзола)	0,15	7,45	0,01	0,23
Дмитров. Вал (третья врезка)				
Серый тонкий прослой на насыпи 1	0,20	8,2	0,02	0,66
100–110, серый прослой под валом	0,24	8,3	0,06	1,21
КС из гати	0,61	7,7	0,56	2,00
14–15, золистый прослой на контакте с [A2]	0,15	8,2	0,08	1,03
[A2] 20–25	0,03	8,3	0,08	0,07
[Bf] 30–40	0,10	7,7	0,04	0,08
Озерные отложения (ниже 48 см)	0,17	8,15	0,08	0,33
Дмитров. Вал (четвертая врезка)				
V насыпь. КС низ	0,56	7,9	0,24	1,60
IV насыпь, дерн	0,17	8,45	0,49	0,48
III насыпь, КС	0,30	8,5	0,32	0,79
II насыпь, КС	0,30	7,85	0,05	0,67
I насыпь (огород?)	0,16	7,8	0,03	0,39
I КС, верх	0,31	7,65	0,03	1,12
Сгоревшая масса (кровля) над печкой	0,77	8,3	2,61	2,92
Исходная поверхность, 1 см черного слоя	0,24	7,4	0,03	3,61
Исходная поверхность темно серого цвета (КС?) (1–5 см)	0,15	7,55	0,02	1,25
Серый грунт под домом XII в.	0,17	8,2	0,05	0,70
Ярославль. Рубленый город (уч. 1, р. 1)				
Слой в толще вала	0,33	7,4	1,23	0,05
0–2,5	0,38	7,15	5,35	0
2,5–3,0	0,13	7,5	0,31	0
3–6 (Аогор.1)	0,20	7,35	0,84	0
6–10 (Аогор.1)	0,32	7,4	0,56	0
10–19 (Аогор.2)	0,37	7,35	0,47	0
19–29(A пах)	0,29	7,4	0,19	0
30–40	0,26	7,45	0,16	0

коррелируют друг с другом, т.е. высокое содержание органического вещества не всегда сопровождаются повышенным содержанием валового фосфора. Это связано с различными формами органических соединений, содержащих данные элементы. В то же время наблюдаются и общие тенденции, так содержание обоих элементов возрастает в культурных слоях и гумусовых горизонтах почв, и уменьшается в насыпях, элювиальных и иллювиальных (то есть минеральных – безгумусных) горизонтах почв. Таким образом, данные химических анализов надежно и достоверно отделяют органогенные слои от минеральных. Можно заметить, что для гумусовых горизонтов почв характерно меньшее содержание углерода по сравнению с образцами из культурных слоев, но большее содержание фосфора. Это типично для объектов, расположенных на песках, где формируются почвы с невысоким содержанием гумуса. Фосфор, как более стабильный элемент разрушается и выносится медленнее, за счет чего и происходит относительное накопление его в верхних горизонтах почв.

Итоговые выводы

Практически все случайно выбранные участки раскопов вскрыли остатки жилищ в основании вала. Исключением явился раскоп 19, что не удивительно, учитывая древние озерные отложения и остатки гати в основании первой насыпи. Иными словами на месте раскопа 19 вал насыпался на очень влажный участок, где строить жилище было невозможно. В то время как, в расположенном напротив на более сухом участке раскопа 20 остатки жилища присутствуют (рис. 3).

Обнаруженное при раскопках 2003 г. мощное пятно прокала не встретилось более ни в одном раскопе. Это позволяет предположить различную технику возведения вала на разных его участках. Причины выявленного различия неясны, поскольку в данном случае вал также насыпался на достаточно сухом участке на месте жилища и огорода.

Во всех раскопах фиксируются несколько стадий создания насыпи. Можно считать различия в использованном материале как специальную строительную методику, повышающую прочность сооружения. Это значит, что не все контрастные границы насыпей следует трактовать как древние поверхности вала. Только одна из границ имеет ступенчатый рисунок на поперечных стенках и ровный горизонтальный на продольных. Границы «ступенек» отчетливо фиксируются по белесым прослоям мощностью 5–7 см. Обилие травянистого детрита, корней, фитолитов и пыльцы трав в толще этого прослоя однозначно свидетельствуют о том, что это – минерализовавшийся дерн, то есть действительно древняя поверхность вала. Ступенчатый рисунок дернины не типичен для естественных природных объектов, следовательно, дерн укладывали специально, чтобы уменьшить эрозионный снос (смыв) грунта насыпи вала.

Итак, анализ данных, полученных по серии раскопов – врезок в оборонительный вал г. Дмитрова показал, что можно говорить как об общей тенденции возведения вала – обкладка его блоками дерна для предотвращения эрозии, так и о частной – сжигание древесины в глиняной обмазке для создания прочной основы (ядра) вала.

Вал строился как на сухих, несколько возвышенных участках, так и на низких, переувлажненных.

Можно уверенно говорить, что границы раннего поселения были гораздо дальше. Непосредственно рядом с жилищами фиксируются огород-

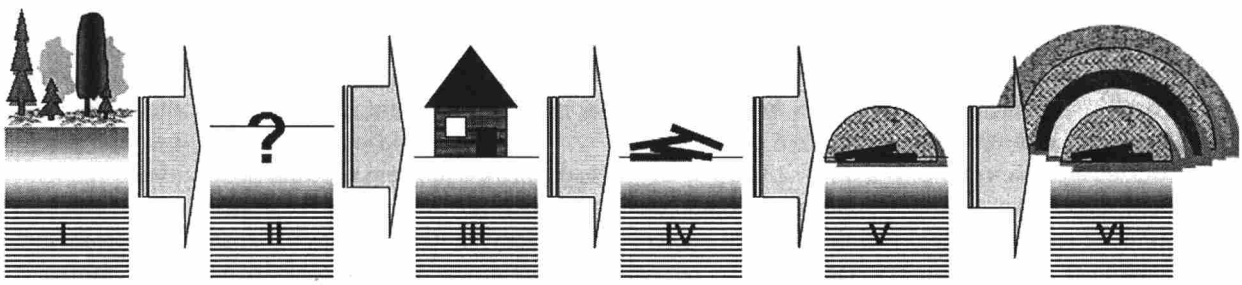


Рис. 3. Дмитров. Врезка вала, раскоп 20. Этапы преобразования ландшафта

I – доантропогенный, подзолистая почва на древнеаллювиальных отложениях под пологом смешанного леса; II – период начальной стадии преобразования ландшафта уничтожен последующей хозяйственной деятельностью; III – возведение деревянного строения; IV – пожар; V – начало создания вала, первая насыпь; VI – современный вид вала с пятью разновременными насыпями

ные и пахотные горизонты. Вал насыпался на культурные слои раннего поселения, в местах относительно плотной застройки.

Ярославль. Объект «Мэриотт». Исследования 2007 года

Участок 1 (квадрат 1А)

Насыпь вала

В основании вала фиксируется деревянная лага, уложенная на остаточный нижний почвенный горизонт В (иллювиальный горизонт). Мощность срезанного слоя исходной почвы около 80 см.

На контакте прослоя темно-бурого цвета (остатки досок?) и породы (светло-бурый песок) наблюдаются в большом количестве редкие рыхлые железистые пятна (конкреции). Очевидно, происходит современное формирование железистого прослоя – осаждения мигрирующего с растворами оксида железа при смене окислительно-восстановительного режима увлажнения грунта.

Выше темно-бурого прослоя – песок. На нем еще один слой дерева с угольками в верхней части и бурой разложенной массой внизу. Еще выше – клети вала. Основание одной из клетей имеет серый цвет.

Детальное изучение конструкционных особенностей насыпи вала на месте проведения раскопок позволило получить следующие выводы.

Исходно на данном месте был подзол, произрастала зональная таежная флора. Затем лес был сведен. Наличие угольков в погребенных горизонтах почвы указывает, что лес выжигался. Почва распахивалась. Непосредственно перед созданием вала земли были заброшены примерно на 80–100 лет, поскольку нижняя граница пахотного горизонта сохранилась фрагментарно. В длину вал создавался в несколько приемов, о чем говорят хорошо сохранившиеся следы последующий досыпки – следы увеличения протяженности насыпи.

Процесс создания вала был достаточно сложным. Первоначально на поверхность почвы насыпались слои из глины и песка. Далее на песчаном слое был создан настил, предположительно, из досок. Скорее всего, там, где по замыслу создателей первоначального вала должно быть его окончание (в длину), почва была срезана примерно на 80 см для усиления эффекта высоты самого вала. Этот срез и сформированная новая поверхность также были накрыты настилом. Настил из древесины вначале разлагался естественным путем (в его нижней части сохранился бурый древесный детрит). Впоследствии настил сгорел, поскольку всю его верхнюю часть составляет исключительно углистая масса.

При создании первичного деревянного настила, на границе между окончанием первичного вала и дальнейшим простиранием более низкого участка, за счет неравномерно срезанной почвы образовалось небольшое углубление. После пожара (когда настил сгорел), дождевые воды стали сносить в это углубление горелую массу, создавая тонкие прослои в нем, постепенно заполняя и нивелируя его.

Затем на оба участка – более высокий и пониженный был насыпан грунт, созданный за счет перемешивания различных почвенных горизонтов, что сформировало специфическую мелкопятнистую окраску этого слоя за счет комочков различного цвета. Этот насыпной грунт имел одинаковую мощность на всем протяжении и повторил искусственно созданный ранее перепад высот.

Возможно после этого было решено продлить вал, и на более низкий участок стал насыпаться грунт, при этом использовались нижние минеральные горизонты почв – этот грунт отличается по цвету от нижележащего и не имеет комковатой структуры. Сформировалась новая ровная поверхность, которая так же была перекрыта древесным настилом.

Фиксируемые клети вала были врезаны в выровненную площадку. Предназначавшийся для клети участок врезали в толщу вала до глубины практически нижнего горелого слоя. Саму клеть засыпали грунтом в последовательности, обратной созданию насыпи: сначала однородный материал из верхней части насыпной толщи, а затем пятнистый (мелкокомковатый) из нижнего слоя выравнивания. Далее клеть заполнили привозным однородным материалом почвообразующей породы.

Таким образом, морфологический анализ выявил этап длительного антропогенного освоения участка задолго до возведения вала. Сложный, многоступенчатый характер создания самого вала, позволил реконструировать отдельные этапы возведения этого оборонительного сооружения.

Ярославль. Рубленый город

Раскоп I (участок 1)

Вскрыт вал города. Вал состоит из серии слоев песка различного цвета. Вся толща вала лежит на каком-то относительно ровном темном (углистом?) прослое. Под ним – очень тонкий рыжий песок исходной породы.

Исследование погребенной под насыпью вала почвы

Северо-восточная стенка квадрата 4

За нулевую отметку при описании погребен-

ной почвы и отбора проб на анализы был взят уровень углистого прослоя – границы между погребенной почвой и насыпью вала.

0–2,5 см. Однородный рыхлый, влажный темный углистый прослой. Нижняя граница ровная резкая, хорошо заметная по цвету, фактуре материала слоев, плотности.

2,5–3,0 см. Белесый и бурый песок, который пятнами (линзами) формирует тонкий прослой с резкими границами. Нижняя граница ровная, резкая, хорошо заметная по цвету.

3–6 (8) см (погр. Аогор1). Темно-серый песок с хорошо выраженной фестончатой нижней границей, которая местами по ходам корней становится языковатой. Цвет горизонта связан с большим количеством мелких углистых частиц во всей толще. Более крупные частицы угля так же встречаются повсеместно, но там их гораздо меньше.

6 (8)–19 см (погр. Аогор2). Светло-серый песок с включениями комковатых вкраплений светло-бурого песка и мелких углистых частиц. Крупные частицы угля единичны, они встречаются во всей толще горизонта. Нижняя граница резкая, ровная по одной стенке и фестончатая по другой, что ясно указывает на агрогенное прошлое данного горизонта. Переход к следующему горизонту хорошо заметен по цвету и исчезновению мелкой угольной массы.

19–40 см (погр. Апах). Светлый, серовато-белесоватый песок. Углистых частиц нет. Нижняя граница ровная, резкая, линейная, хорошо заметная по цвету и нарастанию плотности.

30–55 см (Bfe). Охристый уплотненный песок – иллювиально-железистый горизонт исходного подзола (зональный тип почв на песках).

Вывод на основе морфологического анализа

Данный участок имеет длительную историю антропогенного использования. В стенке раскопа фиксируются три агрогенных горизонта: нижний пахотный и два верхних – огородные. При этом, поскольку нижняя граница верхнего огородного горизонта местами изменена корнями трав, следовательно, вал насыпался на заброшенный огород. Когда начались процессы почвообразования (гумусообразования), участок зарос травами, корни которых местами нарушили рисунок нижней границы (рис. 4).

Можно предположить, учитывая, что это песчаные почвы и все процессы протекают быстрее, чем в суглинистых почвах, что период запустения длился около 20–30 лет. Длительный этап хозяйствования практически полностью уничтожил исходную почву, сохранились лишь самые нижние горизонты, свидетельствующие о существовании ранее подзола – типичной зональной почвы на песках.

Значительные количества углистых частиц в обоих огородных горизонтах позволяют сделать вывод, что оба раза в почву вносилась зола в качестве удобрения.

Результаты химических анализов

Слои, связанные с органическими прослойками в толще вала, обогащены органическим углеродом, а минеральные слои им обеднены. Выделенные в поле огородные горизонты содержат больше органики, чем нижележащий пахотный слой. Нижний минеральный горизонт почвы обеднен органическим веществом, что характерно для нижних горизонтов почв региона.

Разрез не содержит минерального углерода –

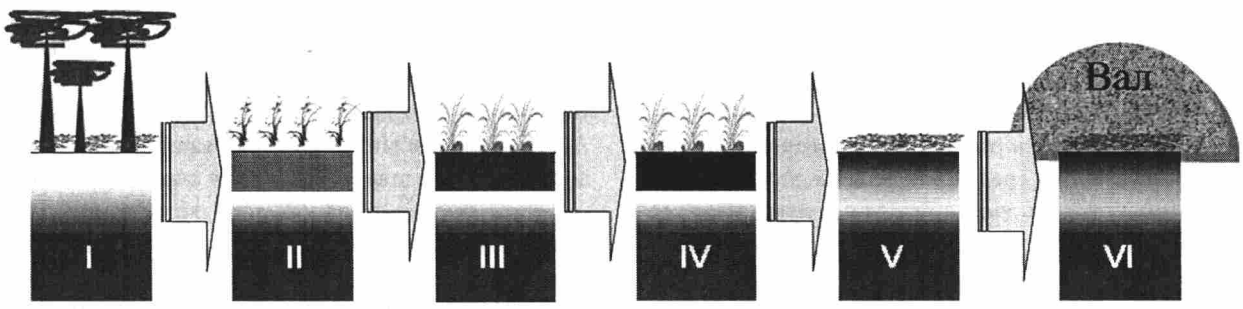


Рис. 4. Ярославль. Рубленный город. Разрез вала. Этапы преобразования ландшафта

I – доантропогенный, железистый подзол под пологом соснового леса; II – начало антропогенного преобразования – вырубка леса и распашка; III – смена типа хозяйствования – огородная стадия; IV – вторая огородная стадия; V – залежь (забрасывание земли), зарастание огорода луговой и сорной флорой; VI – создание городского вала на залежных землях

Таблица 3. Ростиславль. Раскоп 7.
Гранулометрический состав отдельных участков средневекового вала.

№ образ. (данные анализа в поле)	Содержание фракций в % (размер частиц в мм)					
	1,0–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	<0,001
	песок		пыль			ил
1 (суглинистая насыпь)	12,07	18,11	47,41	8,30	6,85	7,26
4 (глинистое ядро)	6,15	19,43	40,48	4,68	4,98	24,32

карбонатов. Это нормально для природных слоев – почвенных и агрогенных горизонтов, а также указывает, что при создании насыпи вала какие-либо минеральные досыпки с известняком не использовались.

Содержание валового фосфора типично для каждого из описанных слоев и горизонтов. Так органические прослойки вала обогащены этим элементом, а минеральные нет. Огородные горизонты обогащены валовым фосфором, что может быть связано с внесением высоких доз органических удобрений. При этом наблюдается уменьшение содержания валового фосфора в слое, непосредственно примыкающим к насыпи вала. По всей видимос-ти, насыпь создавалась на заброшенном огороде, заросшем травами, корневая система которых использовала запасы фосфора в горизонте. Пахотный горизонт и залегающий под ним иллювиальный почвенный горизонт содержат фосфора значительно меньше, хотя и выше, чем полагалось бы для почв. Скорее всего, как и для других участков Рубленого города и объекта «Мэриотт», ввиду легкого гранулометрического состава и отсутствия карбонатов, произошло быстрое насыщение фосфором огородного горизонта – его зафосфачивание. Остальной фосфор мигрировал вниз по профилю, где осел, создав слаборастворимые соединения с железом и алюминием. Это явление хорошо известно для современных огородных и пахотных почв – зафосфачивание агрогенных горизонтов способствует зафосфачиванию всей нижележащей почвенной толщи.

Выводы по данным химических анализов

Анализы подтвердили сделанные в поле выводы о длительном и различном агрогенном использовании земли перед возведением вала. Данный участок исходно использовался как пашня под зерновые культуры. Со временем, возможно связанным с разрастанием поселения, земли стали использоваться как огородные, т. е. произошла смена землепользования от зерновых к пропашным культурам. Под пропашные культуры вносились высокие дозы органических удобрений, в отличие от зерновых культур.

Вал насыпался за счет сгребания почвенных горизонтов округи. Какие-либо особые минеральные соединения не использовались.

Уменьшение величин валового фосфора в слое, залегающем непосредственно под насыпью вала, позволяет предположить, что насыпь создавалась на заброшенном огороде.

Следовательно, антропогенное освоение территории произошло существенно раньше начала строительства вала.

Ростиславль-Рязанский. Исследования 2006 года

Средневековый вал

(Раскоп VII, участок «Б»)

Насыпь вала

Выделяются две группы прослоек в насыпи вала – нижняя и верхняя. Нижняя, из более светлого (желтого) и плотного однородного материала. Выше, на отметках +133/+142 см – бурый прослой, возможно, разложившееся дерево. Верхняя часть насыпи более темная, созданная из желто-коричневого суглинка, в толще которого видны серии узких белесых вытянутых (или ступенчатых) прослоев.

В верхней части насыпи сформирована современная дерновая почва. Современная растительность – смешанный лес: сосна, липа, дуб, орешник, рябина.

В основании средневекового вала выделяется «ядро» из светло-желтого однородного плотного материала. Возможно, для него использовалась исходная подстилающая порода. Выше – переслои из более легкого суглинка. Проведенный анализ по определению гранулометрического состава показал, что желтая масса является крупнопылеватым средним суглинком, а вышележащая более темная толща – крупнопылеватым легким суглинком (табл. 3).

В обеих насыпях прослеживаются четкие полосы белесого цвета – остатки слоев дернины – маркеры определенных этапов возведения вала. Возможно, на определенных этапах возведения вала поверхность обкладывали дерном для прочности. Четких «ступенек» нет, только горизонтальные и наклонные полосы.

Погребенная почва

Вал лежит на однородном темно-сером горизонте мощностью не менее 12–15 см – погребенном пахотном горизонте. Об искусственном генезисе этого горизонта свидетельствует как более темный по сравнению с фоновыми почвами

Таблица 2. Ростиславль. Раскоп 7. Данные химических анализов

№ обр. по арх. ведом.	Морфологическая характеристика, глуб. (см)	$pH_{водн.}$	P_2O_5, %	$C_{орг.}$ %	CO_2 %
Раскоп VII. Средневековый вал					
Юго-западный борт					
1	Светло-серый горизонтальный прослой в толще верхней части насыпи (+194)	6,4	0,05	0,31	0,01
2	Светло-серый горизонтальный прослой в толще верхней части насыпи (+100)	6,65	0,06	0,24	неопр.
3	Верхняя насыпь буровато серого цвета (+105/+110)	6,1	0,08	0,19	
4	Нижняя насыпь буровато-желтого цвета (+40)	6,45	0,07	0,16	
5	Светло-серый горизонтальный прослой в толще нижней части насыпи (+28)	6,4	0,07	0,24	0,00
6	Светло-серая прослойка на поверхности погребенной почвы	7,55	0,08	0,68	неопр.
7	Верхняя часть погребенного агрогенного горизонта	8,05	0,08	0,67	
8	Нижняя часть погребенного агрогенного горизонта	8,05	0,08	0,69	
9	Верхняя часть погребенного подзолистого (?) горизонта	8,15	0,05	0,37	
10	Нижняя часть погребенного подзолистого (?) горизонта	8,15	0,05	0,33	
11	Переходный подзолисто-иллювиальный горизонт	7,95	0,05	0,41	
12	Иллювиальный горизонт	7,65	0,06	0,31	
Северо-западный борт раскопа					
13	Светло-серый горизонтальный прослой в толще верхней части насыпи (+200)	6,3	0,08	0,40	неопр.
14	Светло-серый горизонтальный прослой в толще нижней части насыпи (+ 120)	6,5	0,07	0,28	
15	Верхняя часть погребенного агрогенного горизонта	5,85	0,11	0,68	
16	Нижняя часть погребенного агрогенного горизонта	5,8	0,08	0,62	
17	Верхняя часть погребенного подзолистого (?) горизонта	5,9	0,04	0,43	
18	Нижняя часть погребенного подзолистого (?) горизонта	6,0	0,04	0,52	

цвет верхнего горизонта, так и резкая ровная нижняя граница, однозначно указывающая на агрогенный генезис толщи.

Ниже, под агрогенным, находится частично сохраненный подзолистый горизонт, его нижняя часть. Верхняя часть подзолистого горизонта была преобразована в пахотный горизонт. Под подзолистым расположен буроватый иллювиальный горизонт В. Переход в этому горизонту постепенный, диффузный, заметный по уменьшению белесого и нарастанию бурого цвета. Это характерный признак естественного почвообразования в нашей природной зоне.

Образцы на химические анализы отбирались по двум бортам раскопа – юго-западному и северо-западному (расстояние между колонками около 4 м).

Данные химических анализов

Юго-западный борт раскопа. Полученные данные по содержанию и распределению валового фосфора по всей исследованной вертикальной колонке лежат в пределах природных значений (табл. 2), т. е. каких-либо примесей культурных слоев в насыпях вала нет, использовались природные грунты и почвы. Выявляется некоторое увеличение количества валового фосфора для погребенных гумусированных слоев, но они незначительны и не типичны для непосредственно поверхностных горизонтов.

Величины почвенной кислотности следующие: слабо кислые в толще насыпей (образцы 1–5), нейтральные для образцов 6 и 12 и щелочные в большей части образцов из погребенной агрогенной почвы. Щелочные параметры агрогенной подзолистой почвы не характерны для нашей природной зоны и однозначно имеют диагенетический характер. Не исключено, что агрогенный горизонт в процессе эксплуатации удобрялся известью, которая подщелачивает почву. В любом случае выявленные щелочные значения pH водных почвенных растворов не характерны для природных почв и однозначно связаны с антропогенной деятельностью – распашкой и / или созданием насыпи.

Содержание органического углерода невелико: во всех образцах менее процента, но при этом наблюдается отчетливое увеличение углерода в погребенных гумусированных образцах по сравнению с минеральными. Повышенным количеством гумуса хорошо маркируется агрогенный горизонт по сравнению с нижележащим подзолистым. Минимальные значения органического углерода относятся к желтовато-бурой нижней насыпи, что естественно в теле насыпи, учитывая отсутствие сероватых тонов (признаков гумусированности).

Северо-западный борт раскопа. Содержание валового фосфора (табл. 2) соответствует природным параметрам, т. е. нет признаков добавления материала культурного слоя. Выявляется некоторое увеличение по фосфору в гумусированных образцах по сравнению с минеральными. Это типично для природных объектов. Максимальные величины (0,11%) определены для верхней части погребенного огородно-пахотного горизонта, ми-

Таблица 4. Ростиславль. Раскоп 7.
Сравнительное содержание микробиоморф (крестиками показано сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф: +++ много; ++ средне; + мало; ед. – единично; «–» – отсутствуют).

№ образ.	Детрит	Аморф. органика	Диатомовые водоросли	Спикулы губок	Фитолиты	Другие
2	+	+	–	–	+++	–
6	++	++	ед.	–	+++	Ед. пыльца трав, ели, споры мхов, папоротников
7	++	–	ед.	–	+++	Ед. пыльца трав
8	+++	–	–	–	+++	Ед. пыльца трав
9	++	–	–	–	+++	–
10	++	++	–	+	+++	Ед. корни трав
11	+++	++	–	ед.	++	Ед. деформ. пыльца культ. злака
12	+	+++	–	–	+	Ед. корни трав
14	++	+++	–	ед.	+++	Ед. пыльца трав
15	++	+	ед.	ед.	+++	Ед. пыльца трав
16	++	+	+	–	+++	–
17	+	+	–	ед.	+++	–
18	++	++	ед.	ед.	+++	–

Таблица 5. Ростиславль. Раскоп 7. Распределение кремниевых микробиоморф (шт/%) и диагностических групп фитолитов (%) (основные группы фитолитов: 1 – двудольные травы; 2 – иглы хвойных; 3 – лесные злаки; 4 – луговые злаки; 5 – степные злаки (сухие луга); 6 – осоки; 7 – мхи; 8 – водные растения).

№ образ.	Всего	Спикулы губок	Фитолиты	1	2	3	4	5	6	7	8
2	217/100	–	217/100	52	3	10	31	2	ед.	2	10
14	195/100	1/–	195/100	49	4	11	24	4	–	2	6

нимальные (0,04%) – в нижних минеральных горизонтах погребенной почвы.

Величина почвенной кислотности (pH) близка к нейтральной в толще вала, кислая – в погребенных почвенных горизонтах. Кислотность почвы несколько ослабевает с глубиной почвенного профиля, что характерно для природных почв. Полученные величины pH для погребенной почвы диаметрально противоположны данным, полученным для этой же почвы, исследованной в соседнем (ЮЗ) борту. Здесь почва кислая, там – щелочная. Эта проблема требует детального исследования, и возможные варианты объяснений выявленного противоречия будут даны в дальнейшем.

По содержанию органического углерода (гумуса) исследованная почва близка с рассмотренной для ЮЗ борта вала: повышенные величины в гумусированных образцах и пониженные в минеральных. При этом наблюдается сходная тенденция с изученной ранее колонкой – некоторое увеличение содержания гумуса в нижней части подзолистого горизонта или в верхней подзолисто-иллювиального. Такая потечность гумуса с последующей некоторой аккумуляцией на глубине у агрогенных почв встречается и в данном случае нормальна.

Микробиоморфный анализ

Исследование светло-серых горизонтальных прослоев в толще насыпи (табл. 4; 5)

Юго-западный борт раскопа

Образец № 2. Светло-серый горизонтальный прослой в толще верхней части насыпи: +100 см.

Образец содержит небольшое количество растительного детрита, аморфной органической массы, много фитолитов. В составе фитолитного комплекса велико содержание луговых форм фитолитов – 31% от общего количества.

Вывод по исследованному образцу. Микробиоморфный комплекс характерен для верхних горизонтов (дернины) луговых почв.

Северо-западный борт раскопа

Образец № 14. Светло-серый горизонтальный прослой в толще нижней части насыпи: + 120 см.

Образец содержит небольшое количество растительного детрита, много аморфной органической массы, фитолитов и единично – спикулу губки. В составе фитолитного комплекса велико содержание луговых форм фитолитов – 24% от общего количества.

Вывод по исследованному образцу. Микробиоморфный комплекс характерен для верхних горизонтов (дернины) луговых почв.

Итоговый вывод по прослоям.

Оба светло-серых горизонтальных прослоя: в верхней части насыпи юго-западного борта раскопа (+100 см) и нижней части насыпи северо-западного борта (+ 120 см) являются луговой дерниной.

Исследование двух колонок погребенной почвы

Первая колонка образцов (из юго-западного борта раскопа) (табл. 4; рис. 5–6)

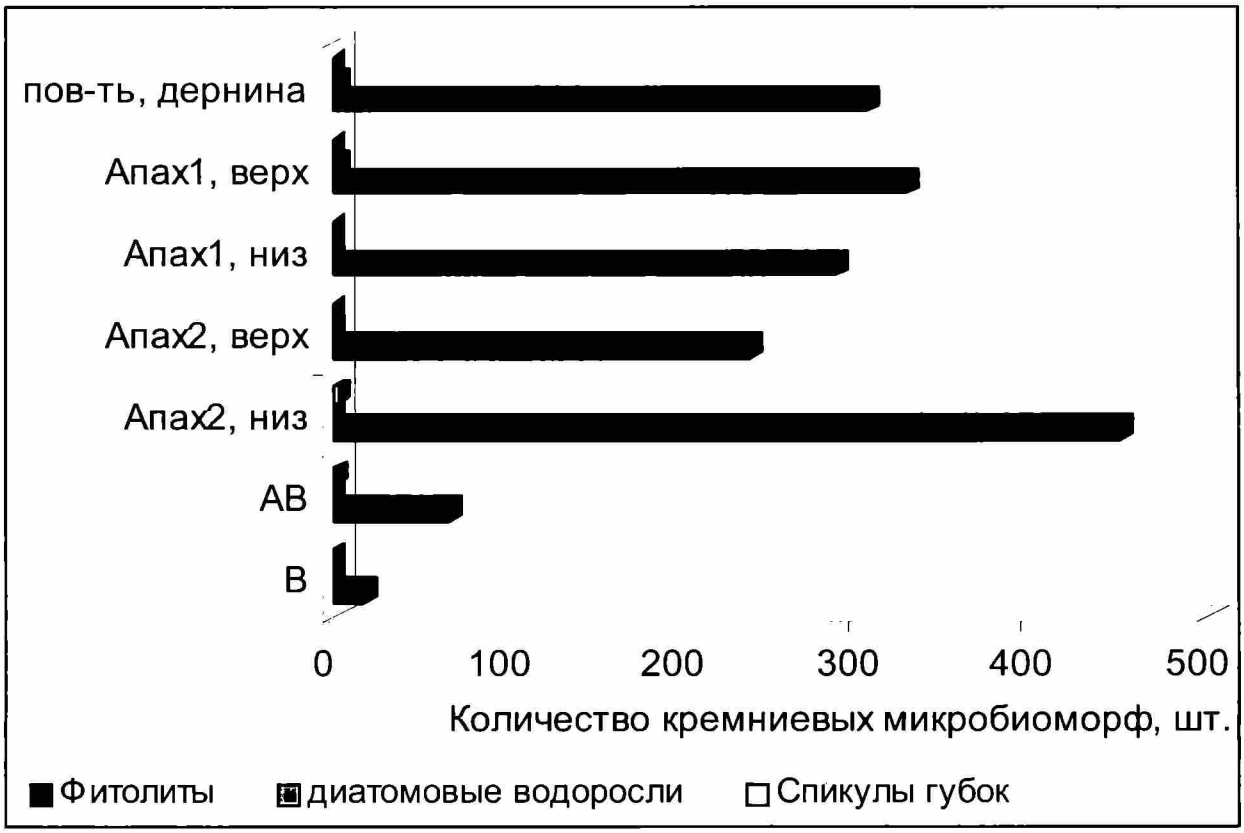


Рис. 5. Ростиславль. Средневековый вал. Юго-западный борт раскопа. Содержание кремниевых микробиоморф в погребенной почве

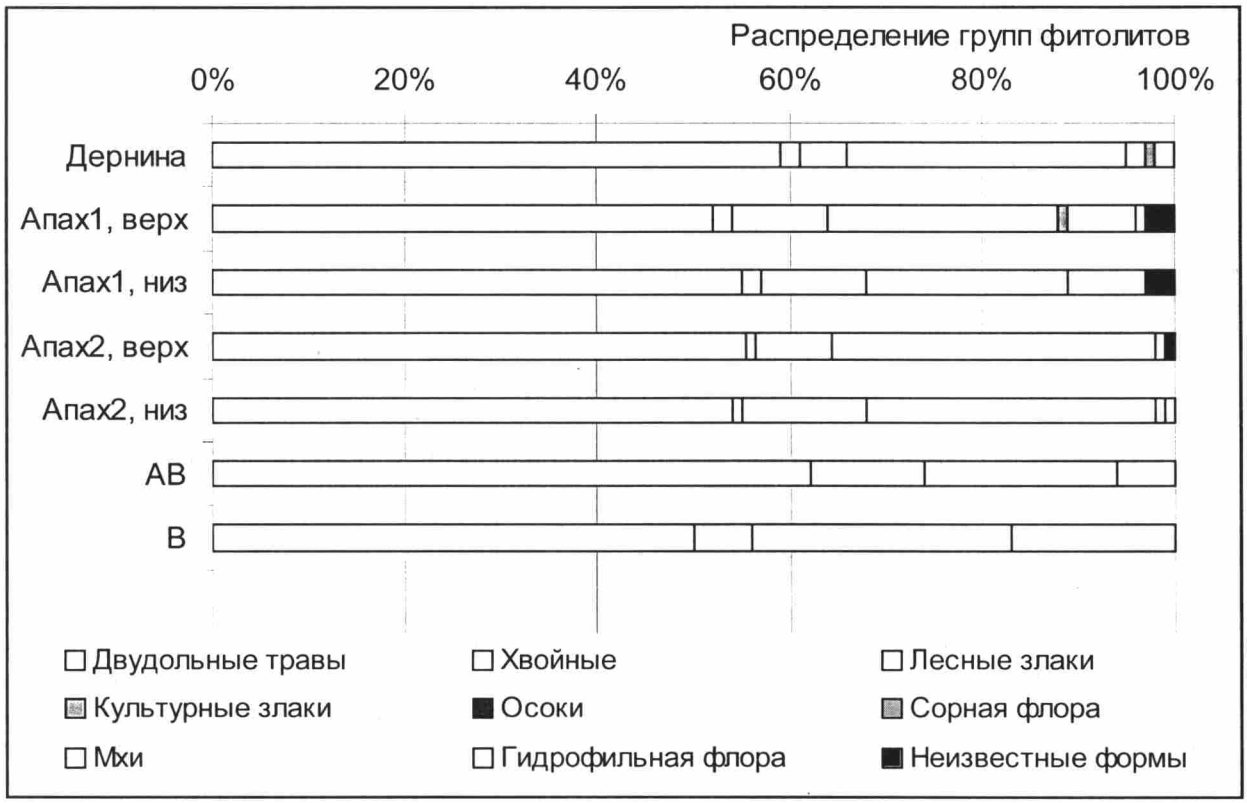


Рис. 6. Ростиславль. Юго-западный борт раскопа. Распределение групп фитолитов в погребенной почве

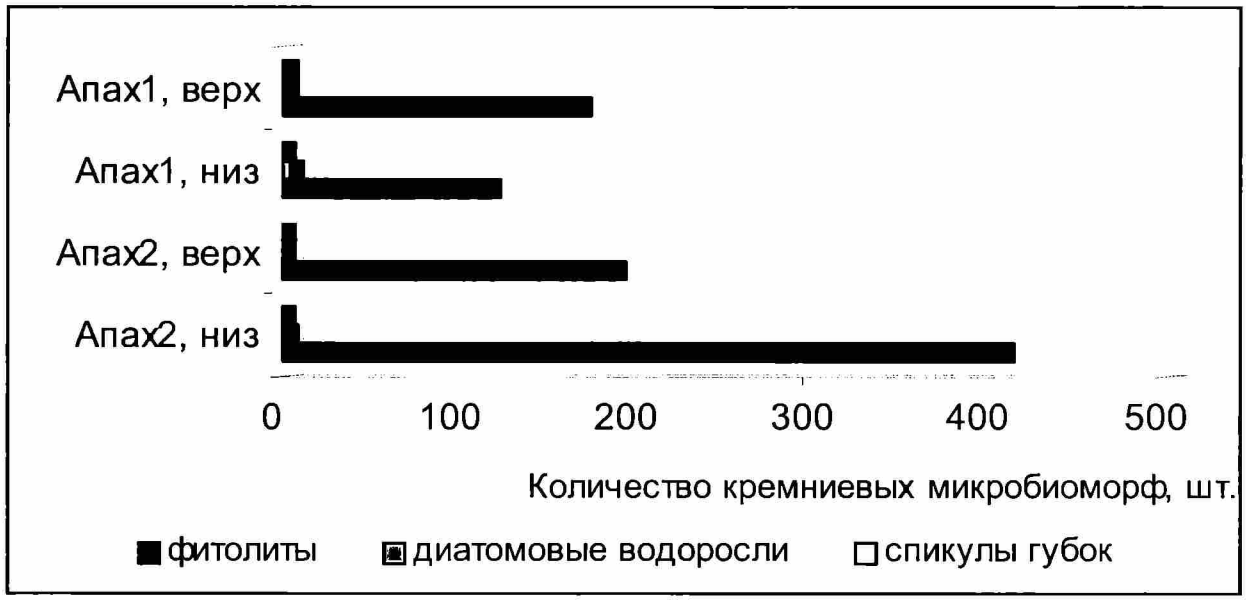


Рис. 7. Ростиславль. Средневековый вал. Северо-западный борт раскопа. Содержание кремниевых микробиоморф в погребенной почве

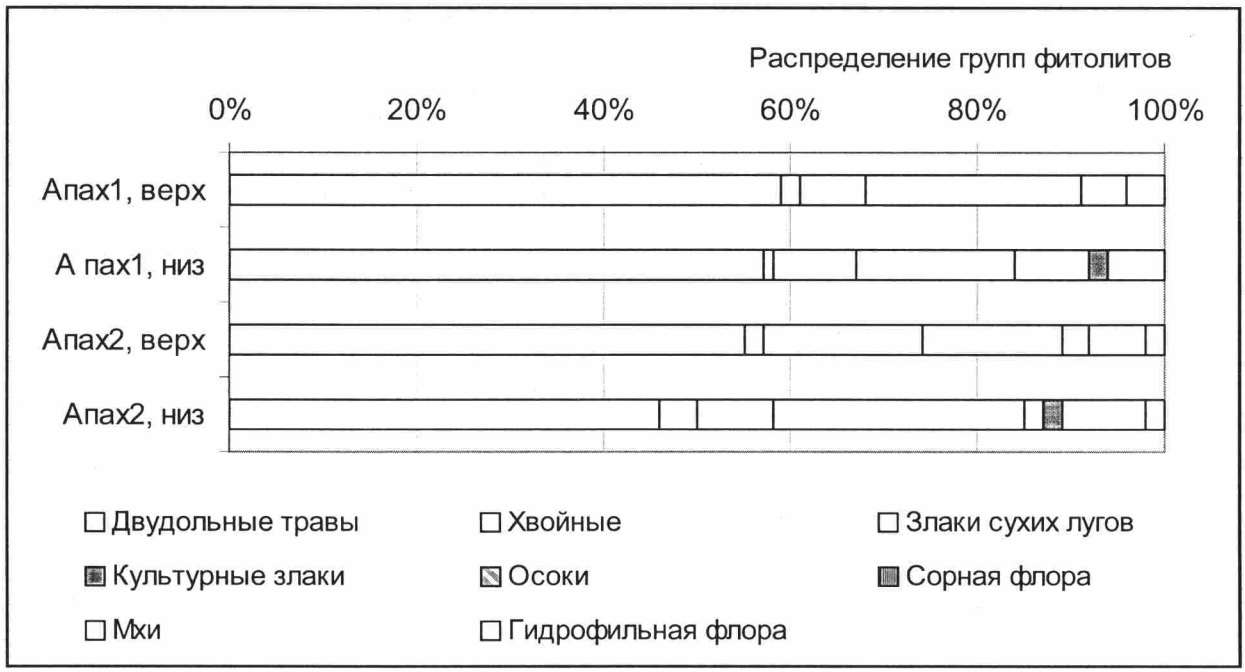


Рис. 8. Ростиславль. Северо-западный борт раскопа. Распределение групп фитолитов в погребенной почве

Образец № 6. Светло-серая прослойка на поверхности погребенной почвы.

Образец содержит небольшое количество растительного детрита, аморфной органической массы, много фитолитов и единично – панцири диатомовых водорослей, пыльцу разнотравья, ели, споры мхов и папоротников. В составе фитолитного комплекса велико содержание луговых форм фитолитов – 29% от общего количества.

Вывод по исследованному образцу. Микробиоморфный комплекс характерен для дернины луговой почвы.

Образец № 7. Верхняя часть погребенного агрогенного горизонта.

Образец содержит небольшое количество растительного детрита, много фитолитов и единично – панцири диатомовых водорослей. В составе фитолитного комплекса 24% составляют формы луговых злаков. Фитолиты культурных злаков единичны.

Вывод по исследованному образцу. Возмож-

но, на заключительных этапах развития пашня была заброшена, заросла луговыми травами.

Образец № 8. Нижняя часть погребенного агрогенного горизонта.

Образец содержит большое количество растительного детрита, много фитолитов и единично – деформированную пыльцу трав. В составе фитолитного спектра много луговых форм (21%), есть лесные (11%).

Вывод по про смотренному образцу. Микробиоморфный спектр характерен для средней части пахотного горизонта, где за счет перемешивания происходит некоторое обеднение горизонта микрочастицами.

Образец № 9. Верхняя часть погребенного подзолистого (?) горизонта.

Образец содержит небольшое количество растительного детрита, много фитолитов. В составе фитолитного комплекса много луговых злаков (34%), единично встречаются формы, характерные для сорной флоры.

Вывод по исследованному образцу. Возможно, были периоды забрасывания пашни, зарастания ее луговой и сорной флорой.

Образец № 10. Нижняя часть погребенного подзолистого (?) горизонта.

Образец содержит некоторое количество растительного детрита, аморфной органики, обилие фитолитов, небольшое количество спикул губок и корни трав. В составе фитолитного спектра много луговых форм (30%). В фитолитном комплексе встречаются лесные и хвойные формы. Скорее всего, это сохранившиеся частицы до антропогенной стадии развития ландшафта.

Выводы по исследованному образцу. Фитолитов слишком много для естественных горизонтов почв. Столь высокое количество этих микрочастиц встречается в нижней части пахотного горизонта, так называемой плужной подошве – границе рыхлого пахотного и более плотного нижележащего горизонтов. Спикулы губок и фитолиты водной флоры, скорее всего, связаны с регулярным поливом почвы речными водами.

Образец № 11. Переходный подзолисто-иллювиальный горизонт.

Образец содержит большое количество растительного детрита, аморфную органическую массу, фитолиты, единично спикулу губки и деформированные зерна трав, включая пыльцу культурных злаков. В составе фитолитного комплекса 20% общего количества приходится на луговые злаки.

Вывод по исследованному образцу. Образец характеризует природный фитоценоз, с преобладанием луговой растительности.

Образец № 12. Иллювиальный горизонт.

Образец содержит в основном аморфную органическую массу. Остальных микробиоморф (детрита, фитолитов) мало или единично (корни трав). В фитолитном комплексе высока доля лесных злаков (27%), есть формы хвойных и луговых растений (6 и 17% соответственно). Фитолитов мало, но комплекс в целом отражает природный состав флоры.

Вывод по исследованному образцу. Микробиоморфный комплекс характерен для природного фитоценоза – смешанного леса с хорошо развитым травянистым покровом.

Итоговые выводы по просмотренной колонке образцов

Исходно на данном участке был лес с хорошо развитым травянистым покровом и небольшой долей хвойных в составе древостоя. Лес был сведен, некоторое время почва была покрыта луговыми травами, затем участок распахали. Агрогенный этап, возможно, прерывался периодом запустения, забрасывания пашни, зарастания ее луговой и сорной флорой. Затем земли вновь осваивались, распахивались. Непосредственно перед созданием вала пашня была заброшена, заросла лугом, сформировался дерновый горизонт, на который и был насыпан вал.

Вторая колонка образцов (из северо-западного борта раскопа) (табл. 4; рис. 7– 8)

Образец № 15. Верхняя часть погребенного агрогенного горизонта.

Образец содержит небольшое количество растительного детрита, аморфную органику, много фитолитов и единично – панцири диатомовых водорослей и спикул губок. В составе фитолитного комплекса 23% составляют формы луговых злаков. Фитолиты культурных злаков единичны.

Вывод по исследованному образцу. Возможно, на заключительных этапах развития пашня была заброшена, заросла луговыми травами.

Образец № 16. Нижняя часть погребенного агрогенного горизонта.

Образец содержит некоторое количество растительного детрита, аморфной органики, много фитолитов и мало панцирей диатомовых водорослей. В составе фитолитного спектра много луговых форм (17%), есть лесные (9%), в то же время 2% от общего количества составляют формы, характерные для культурных злаков. Также в фитолитном комплексе встречаются лесные и хвойные формы. Подобный комплекс, где перемешаны многие формы, типичен для пахотных горизонтов, где происходит регулярное перемешивание всей массы горизонта.

Вывод по просмотренному образцу. Микробиоморфный спектр характерен для средней части пахотного горизонта, где за счет перемешивания происходит обеднение горизонта всеми микрочастицами. Диатомовые водоросли, как и фитолиты водной флоры, скорее всего, связаны с регулярным поливом участка речной водой.

Образец № 17. Верхняя часть погребенного подзолистого (?) горизонта.

Образец содержит небольшое количество растительного детрита, много фитолитов и единично – спикулу губки. В составе фитолитного комплекса содержание лесных злаков несколько превышает содержание луговых (17 и 15% соответственно). Фитолиты культурных злаков единичны.

Вывод по исследованному образцу. Возможно, были периоды забрасывания пашни, зарастания ее сначала луговыми травами, а затем лесным подростом.

Образец № 18. Нижняя часть погребенного подзолистого (?) горизонта.

Образец содержит некоторое количество растительного детрита, аморфной органики, обилие фитолитов и единично панцири диатомовых водорослей и спикулы губок. В составе фитолитного спектра много луговых форм (27%), есть лесные (8%), в то же время 2% от общего количества составляют формы, характерные для культурных злаков. В фитолитном комплексе встречаются лесные и хвойные формы. Скорее всего, это сохранившиеся частицы до антропогенной стадии развития ландшафта.

Выводы по исследованному образцу. Фитолитов слишком много для естественных горизонтов почв. Столь высокое количество этих микрочастиц встречается в нижней части пахотного горизонта, так называемой плужной подошве – границе рыхлого пахотного и более плотного нижележащего горизонтов. Спикулы губок и панцири диатомовых водорослей, как и фитолиты водной флоры, скорее всего, связаны с регулярным поливом почвы речными водами. Раньше на данном месте был смешанный лес.

Итоговые выводы по просмотренной колонке образцов

Очевидно, исходно на данном месте был смешанный лес с участием хвойных в составе древостоя. С приходом людей лес был сведен, участок распахан. Пашня хорошо поливалась речной водой. Были периоды забрасывания пашни, зарастания ее травами, но распашка спустя какое-то время возобновлялась. Затем земли забросили совсем и они заросли луговыми травами.

Общие выводы по обеим колонкам насыпи и почв под валом Ростиславля.

В обоих случаях выявлено по два пахотных горизонта: ранний, морфологически полностью исчезнувший, и более поздний, хронологически близкий к периоду создания вала. Горизонт, который в поле был отмечен как подзолистый, по данным исследованиям, является пахотным. Судя по отсутствию морфологических признаков ранней распашки, можно уверенно говорить, что пашня была заброшена не менее чем за 250–350 лет до вторичной распашки. Поскольку второй пахотный горизонт имеет четко выраженный рисунок своей нижней границы, период вторичного забрасывания пашни составил примерно 5–10 лет.

На основании микробиоморфного исследования можно реконструировать следующую последовательность развития участка: исходный смешанный лес был вырублен, некоторое время участок развивался под пологом луговой растительности. Затем земля была распахана. Периоды распашки сменялись этапами запустения, земли зарастали травами, в том числе сорными,

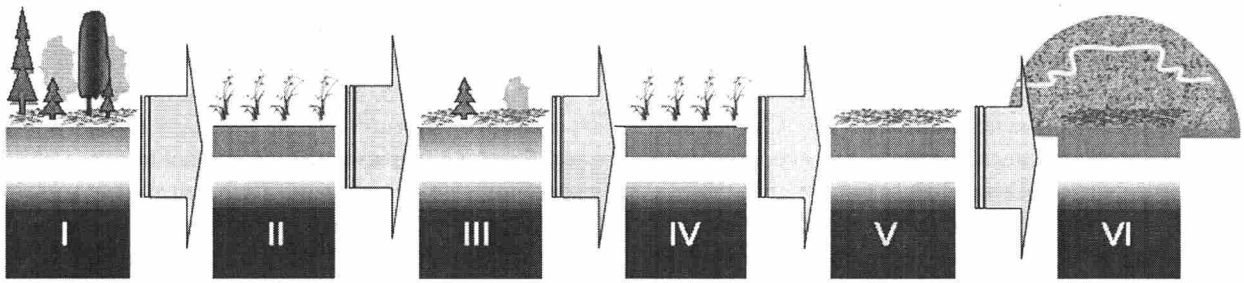


Рис. 9. Ростиславль. Средневековый вал. Этапы преобразования ландшафта

I – доантропогенный, дерново-подзолистая почва под пологом смешанного леса; II – начало антропогенного преобразования ландшафта – распашка; III – длительная залежь (забрасывание земли), зарастание пашни луговой флорой, восстановление лесного подроста, исчезновение четкой нижней границы пахотного горизонта; IV – вторая стадия распашки земель; V – кратковременная залежь, зарастание пашни луговой и сорной флорой; VI – создание оборонительного вала по залежным землям. Белой линией показана обкладка дерном ранней насыпи вала.

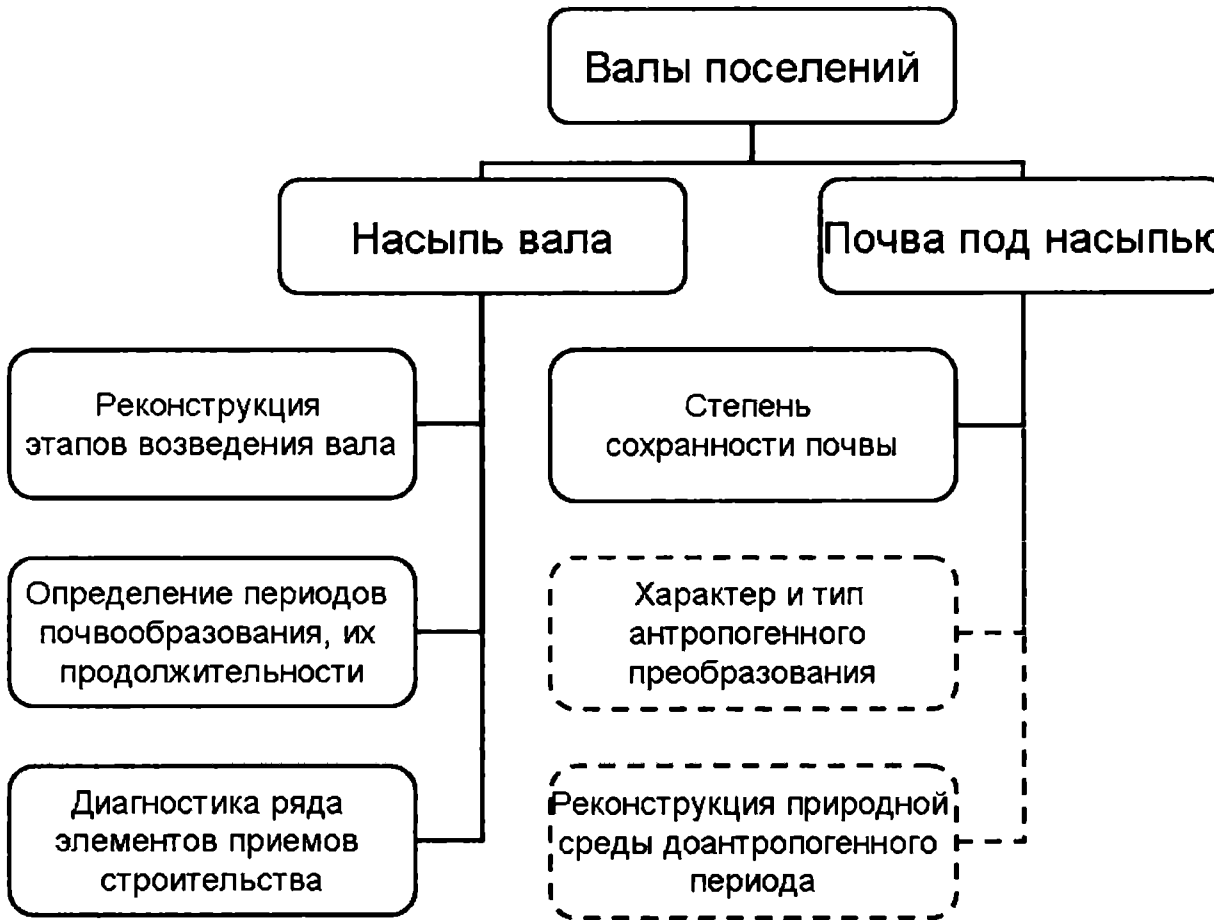


Рис. 10. Информационные возможности почвенных исследований при работе с валами

местами даже восстанавливался лесной подрост. Потом участок снова распахивался. Непосредственно перед возведением вала земли были вновь выведены из сельхозоборота. Вал насыпан на луговую дернину (рис. 9).

В толще вала луговая дернина регулярно использовалась для создания горизонтальных прослоев («ступеней»?) с вероятной целью закрепления склонов насыпи вала.

Итоговые выводы почвенных исследований средневековых валов

Проведенные исследования показали многообразие инженерных приемов, использованных в средневековье для создания валов (рис. 10). Как хорошо видно на примере врезок вала г. Дмитрова, даже один вал мог возводиться различными методами – ядро из прокала встречено в одном случае из четырех. Так же различны по строению и составу многочисленные досыпки на этом валу.

Как относительно часто встречающиеся, можно отметить прослои из дерна, которые укладывались на свеженасыпанную насыпь для защиты ее от эрозии.

И практически во всех случаях валы создавались на антропогенно преобразованных ландшафтах – пашнях, огородах и даже на разрушенных жилищах. Признаков трансформации ландшафта не было лишь в одном случае, когда вал перекрывал влажную ложбину. Таким образом, все валы создавались в пределах обжитых территорий.

Исследование почв, погребенных под валами, позволило получить уникальную информацию о хозяйственной деятельности, как в средневековье, так и в более раннюю эпоху. Так, для Ростиславля и Ярославля получены данные о предшествующих нескольких этапах распашки территории с последующими длительными периодами залежи, не менее 250–350 лет.

Именно в силу интенсивного антропогенного преобразования ландшафтов в средневековье, реконструкция непосредственно природных фитоценозов часто затруднена и носит предположительный характер на основании анализа уцелевших фрагментов нижних горизонтов почв.

A.A. Gol'eva

Summary

Soils investigations of the medieval ramparts of Dmitrov, Yaroslavl' and Rostislavl'

The article publishes results of the complex soils investigations of the mounds and buried soils of the medieval ramparts from the central Russian towns. In the course of investigations has been found out that both cultural layers and plowbale horizons using for the mounds formation were of the local or imported nature.

All investigated ramparts were built on the anthropogenically modified landscapes, in some cases (Dmitrov) – on the place of the destroyed and burnt constructions. The information obtained for the soils buried under the Rostislavl" and Yaroslavl" ramparts points for the several previous periods of the plowing with the long periods of rest (about 250–350 years) following it.

И.Н. Ершов

К проблеме атрибуции Акулининского идола

Так называемый Акулининский идол или каменное погрудное изваяние мужчины, обнаруженное в 1908 г. в окрестностях деревень Акулинино и Долматово Подольского уезда Московской губернии и отнесенное его первыми исследователями к славянским языческим идолам, ныне экспонируется в зале № 8 Государственного Исторического музея среди древностей вятичей (рис. 1, *б*).

Изображение Акулининского идола, наряду с прочими древнеславянскими каменными идолами, постоянно тиражировалось в трудах археологов-славистов. Однако вопросы аргументированной атрибуции изваяния специалистами практически не затрагивались. Так, в сводной работе И.П. Русановой и Б.А. Тимощука он даже не упоминается (2007. С. 30 и далее). Б.А. Рыбаков, поместив изображение идола в своей работе, конкретно о нем не обмолвился ни словом (1987. С. 235). Лишь В.В. Седов в одной из своих основных работ по археологии восточноевропейского славянства заметил, что изваяние, несомненно, принадлежит кругу древнеславянских идолов наряду со Збручским и другими идолами и прямо соотнес его с древностями вятичей (1982. С. 265. Табл. LXXY, *5*).

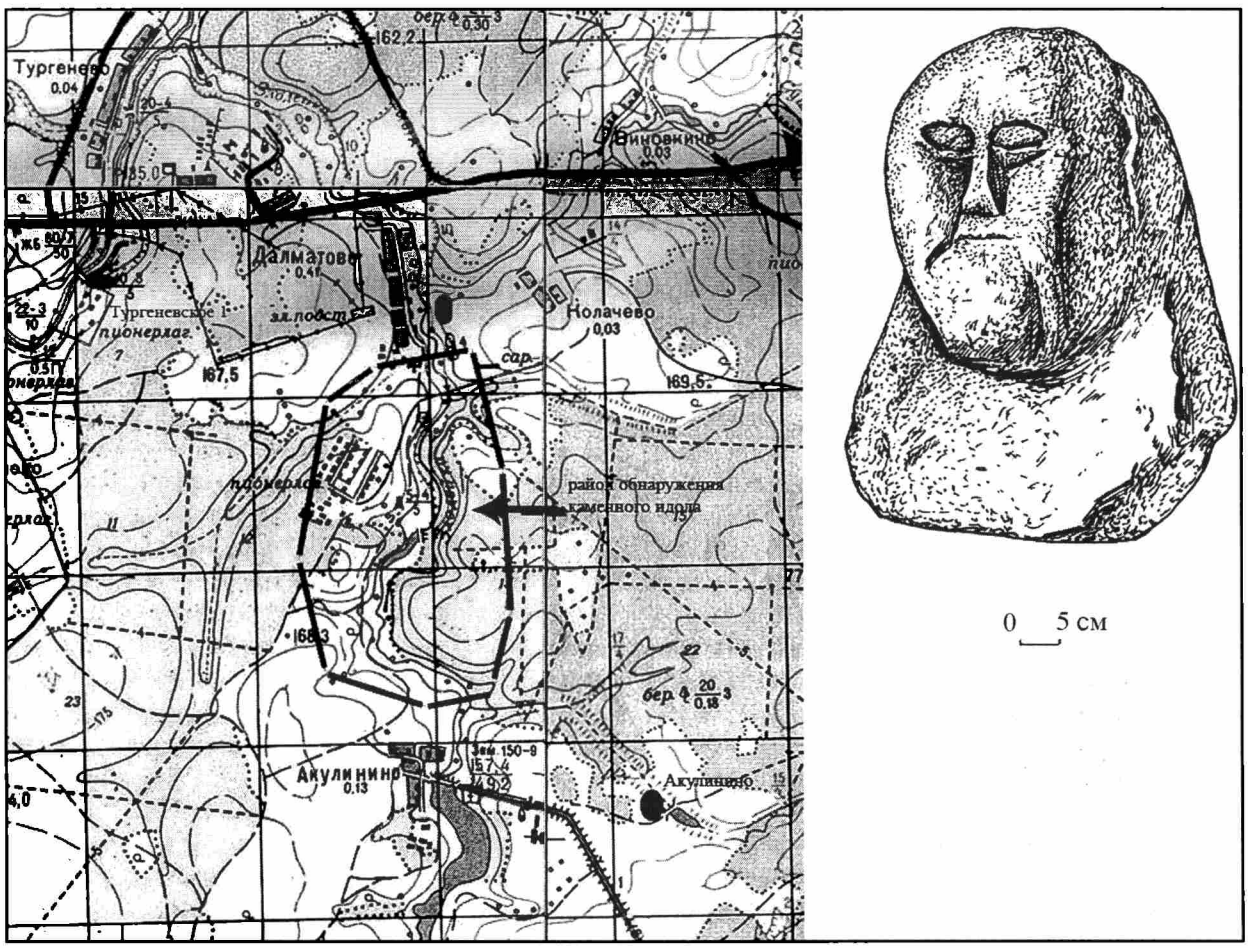


Рис. 1. Карта окрестностей деревень Долматово и Акулинино Подольского р-на Московской обл. и изображение Акулининского идола. (Жирным пунктиром выделен район обнаружения идола)

Точка зрения исследователя, однако, не была подкреплена ни аргументами хронологического и типологического характера, ни просто самыми общими соображениями относительно места это изваяния в контексте славянских древностей подобного рода.

На первый взгляд, дать иную, отличную от определения В.В. Седова, расширенную атрибуцию этой находки весьма затруднительно. Бассейн р. Рожайка (правый приток р. Пахры) является классическим регионом древнейшего этапа славянского (вятичского) заселения Подмосковья. Здесь были обнаружены и, несмотря на близость к мегаполису, сохранились до наших дней многочисленные курганные группы и поселения славян, датируемые XI–XIII вв. Общеизвестно, что первые раскопки курганов Подмосковья были произведены в середине XIX в. именно в этом регионе, у с. Покров, недалеко от впадения Рожайки (в XIX в. название реки произносили в мужском роде – «Рожай») в Пахру. В последующие годы курганы бассейна Рожайки довольно интенсивно раскапывались как археологами, так и местными любителями отечественной истории (например, владельцами близлежащих усадеб). Поэтому находка славянского изваяния в этом крайне насыщенном древнерусскими памятниками районе не должна была вызвать никаких сомнений в его подлинности. Более того, как хорошо показано в недавно опубликованной книге А.А. Формозова, подобные находки даже ожидались. Так, в 1768 г. путешественник академик Иоганн Петер Фальк отмечал, что «у Боровского переезда на правом берегу реки на холме, вышиною в шесть сажен, стоит столп, грубо выработанный из песчаного камня», а в 1904 г. у станции Удельная был найден каменный крест (XV в., по мнению А.А. Формозова), стоявший в поле, вероятно, на месте средневекового кладбища (*Формозов*, 2007. С. 32, 90). К середине XIX в. в научной среде сложилось представление о том, что принципиальной разницы между курганами Подмосковья и степи нет. Вероятно, по этой причине в 1865 г. археолог-дилетант Д.П. Сонцов уверенно предсказывал, что около Москвы могут встретиться надмогильные изваяния, подобные приднепровским (имелись в виду, очевидно, половецкие и скифские изваяния) (*Формозов*, 2007. С. 39).

В этом же культурном контексте надо рассматривать и многочисленные примеры установки новодельных идолов на тех курганах (настоящих или искусственных, так называемых парнасиках), которые находились на территориях усадебных парков и совершенно естественно включались в общую идеологическую схему садово-паркового искусства конца XVIII – XIX в. в качестве древностей (*Галиченко*, 2003. С. 119–132). Такие идолы могли стоять и в иных узловых точках паркового пространства, придавая ему вид благородной старины. Владельцы усадеб привозили с присоединенного юга (Малороссия, Новороссия, Крым) настоящие половецкие и скифские изваяния, которые устанавливались в парках не только в узловых точках зрительного восприятия, но и в совершенно неожиданных, скрытых местах, что вполне соответствовало духу парковой эстетики того времени. В дальнейшем это приводило к курьезным ситуациям. Известны случаи «обретения» достаточно компетентными в археологии людьми степных изваяний в качестве «подмосковных славянских идолов», имевшие место в 1860–1870 гг. в селах Кунцево и Зенино (бывшая часть имения Троицкое-Кайнарджи) (*Формозов*, 2007. С. 50).

Таким образом, находка Акулининского идола в начале XX в. не была и не могла быть событием чрезвычайным, напротив, она стала вполне ожидаемой – еще одной осязаемой частицей «нашей древности», столь недостающей усадебной культуре Подмосковья. Ведь, к примеру, в соседней Смоленской губернии и восточных районах Белоруссии, начиная со второй половины XIX в., в научные учреждения поступала информация о находках каменных идолов, некоторые из которых были обнаружены даже «на курганах» (*Алексеев*, 2006. С. 38–39).

Как показали результаты непродолжительной разведки этого региона, предпринятой группой археологов Московской экспедиции ИА РАН в августе 2007 г., потенциал Рожайки и ее притоков в отношении обнаружения в их течении новых памятников древнерусского времени до сих пор не исчерпан. Здесь открываются и могут быть открыты новые поселения древних славян. Однако существующая на сегодняшний день атрибуция Акулининского идола вызывает у нас сомнения, поэтому попробуем подробнее рассмотреть известную нам аргументацию и положить начало небесполезной научной дискуссии. Сомнения в определении Акулининского идола появились у нас при знакомстве с иллюстративным материалом, собранным в районе его обнаружения во время подготовки к археологическим разведкам в связи с реконструкцией ЦКАД.

Было проведено обследование района, означенного в литературе как «район обнаружения Акулининского идола» – «близ деревень Акулинино и Долматово в Подольском районе» (*Седов*, 1982. С. 265). Это среднее течение р. Злодейка (правого притока Рожайки), от д. Долматово на севере и Акулинино на юге (рис 1, *а*). Другие

Рис. 3. Акулининский идол в экспозиции ГИМа. Зал № 8

названия речки – «Злодеяна» (на карте гидронимов Московской губернии И.А. Здановского 1926 г.), «Злобля» или «Злобинка» (со слов жителя д. Долматово Е.В. Бабинина, опрошенного нами в августе 2007 г.). Протяженность участка реки между деревнями составляет около трех с половиной – четырех километров; левый берег довольно пологий, вдоль него расположено большинство современных поселений и полей. Правый на всем протяжении высок и обрывист. Местами высота крутого, заросшего смешанным елово-березовым лесом берега достигает уровня 20–25 м над водой. Под наиболее крутым участком берега, носящим местное название «гора Мороженая», почти напротив кладбища д. Долматово, в русле реки бьет ключ. Здесь река протекает по верху известняковых отложений, в ее русле лежат большие обломки известняковых плит вполне подходящих для изготовления изваяния размеров. По сообщению Е.В. Бабинина, в ближайшей округе имеется характерный топоним «поганое болото» (это верховое болото к западу от деревни). Подобное сочетание микротопонимики с наличием уникального участка природного ландшафта дает, казалось бы, весьма веские основания считать этот микрорегион местом, где могли функционировать языческие культовые объекты с идолами.

Акулининский идол – погрудное антропоморфное (мужское) изваяние, стоящее на подпрямоугольной каменной глыбе размерами около 35х25х12 – 14см (высота, ширина и толщина) (рис. 3). Хорошо выделена низко посаженная, без обозначенной шеи, массивная яйцевидная голова. Лоб невысокий округлый, на лице резными глубокими линиями выделены крупные миндалевидные глаза без зрачков, но с четко обозначенными припухлостя-

ми под ними, вертикальный, прямой, недлинный, расширяющийся книзу нос и довольно широкий прямой рот. Подбородок слегка сбит и выкрошен, но весьма массивен, с округлыми неглубокими линиями по внешнему контуру. Он занимает более трети высоты лица, налегая на грудь. С затылка голова не выделена и образует единый массив со слабо обработанной довольно плоской частью камня. По бокам головы, где должны быть ушные раковины, имеются плоские выступы, несоразмерно большие для того, чтобы считаться ушами. Эти мелкобугорчатые плоские выступы оставляют впечатление необработанности, недоделанности скульптуры. Даже по иллюстрации заметно, что со стороны плеч и внизу у основания изваяние как бы обколото и скруглено, создавая в целом некую завершенность общей округлости.

Однако при внимательном осмотре изваяния в экспозиции музея становится заметно, что с тыльной стороны и боков видны участки довольно плоской поверхности, оставляющие впечатление тщательно обработанных сторон ранее уже значительно обколотого белокаменного блока стандартных для XVIII–XIX вв. размеров. На них видны мелкие регулярные следы обработки инструментом. С другой стороны, подбородок изваяния сильно стерт, но эта стертость образовалась не естественным образом, как обычно происходит при длительном пребывании скульптуры на открытом воздухе. Скорее, она имеет характер углубления, точечной выбоины. На остальных частях лица какие-либо отчетливые следы стертости или выбоин отсутствуют, хотя материал изваяния мягкий, однородный по структуре и цвету поверхности — молочно-белого оттенка камень местного, пахринского происхождения. Скорее всего, он добыт не из поверхностных отложений песчаника (где он ноздреватый и желтый), а из более глубоких слоев, может быть, каменоломен. Однако о добыче камня в ближайших окрестностях ничего неизвестно. В современном карьере, находящемся в долине р. Злодейка, напротив д. Долматово, до недавнего времени разрабатывали лишь залежи мореного песка. Следов древних разработок не найдено ни на Злодейке, ни на Рожайке вплоть до места их слияния у с. Ильинское. Поверхность изваяния и в выбоинах (например, на подбородке), и со всех сторон, а также на разной глубине рельефа поверхности – одинаковая, равномерно белая, без затемнений и желтизны. По всей видимости, этот факт свидетельствует о том, что изваяние с самого момента своего изготовления не находилось на открытом воздухе. Сведений о реставрации или чистке изваяния, имевших место за последний десяток лет, в музее не имеется.

По мнению исследователей, погрудное изваяние, каким является Акулининский идол, едва ли могло находиться на своем изначальном месте – будь то вершина кургана или иная культовая площадка – в таком виде. Само по себе, оно слишком маленькое, а, принимая во внимание, что идол для устойчивости необходимо было еще хоть немного прикопать, он абсолютно потерялся бы на вершине кургана. Однако помещенный на какой-либо невысокий постамент, идол начинает восприниматься вполне естественно. Но уместно ли предполагать наличие постамента у славянского идола? Он мог быть только в том случае, если изваяние в качестве «древности» украшало чей-нибудь парк.

Можно предположить, что найдено не целое изваяние, а его верхняя часть, по каким-либо причинам отколотая от нижней. Наличие нижней части у подобных изваяний относится, скорее, к непреложным фактам, чем к редким случаям. Ведь большинство известных антропоморфных идолов, как славянских, так и степных (скифских и половецких) предстает пред нами либо в полный рост, либо в сидячем положении.

На фоне прочих известных языческих изваяний древних славян Акулининский идол выглядит как явление нетипичное. Большая часть обнаруженных идолов происходит либо из регионов древнейших славянских культур (имеются ввиду польские и западно-украинские изваяния, без проблем вписывающиеся в контекст горных местностей или расположенных на высотах, типа горы Слёнжи, святилищ), либо из хорошо изученных славянских культовых мест Западной Украины, либо с территорий кривичей и новгородских словен, древности которых имеют прочные корни в культурах западнославянских земель (*Русанова, Тимощук,* 2007. С. 28–36). Среди прочего на это указывают находки каменных изваяний, традиция камнеобработки, сохранившаяся после принятия христианства и прослеженная в изготовлении многочисленных каменных «путевых» и памятных крестов. Последняя особенность, по мнению Л.А. Беляева (1996. С. 10–11), является характерной чертой, разделяющей северо-запад (некогда словено-кривичский) и центр позднесредневековой Руси времени, когда развилась христианская традиция установки плоских намогильных плит с мелкой орнаментальной резьбой.

Б.А. Рыбаков приводит свою типологию языческих изваяний древних славян, выделяя среди них «идолов, изображающих мужчину с рогом изобилия в руках, фаллические и изображения без особых признаков» (1987. С. 232). По этой классификации, Акулининский идол относится к последней группе, в которой у автора, насколько можно судить, имеется, учитывая наше, два изваяния – Себежское и Акули-

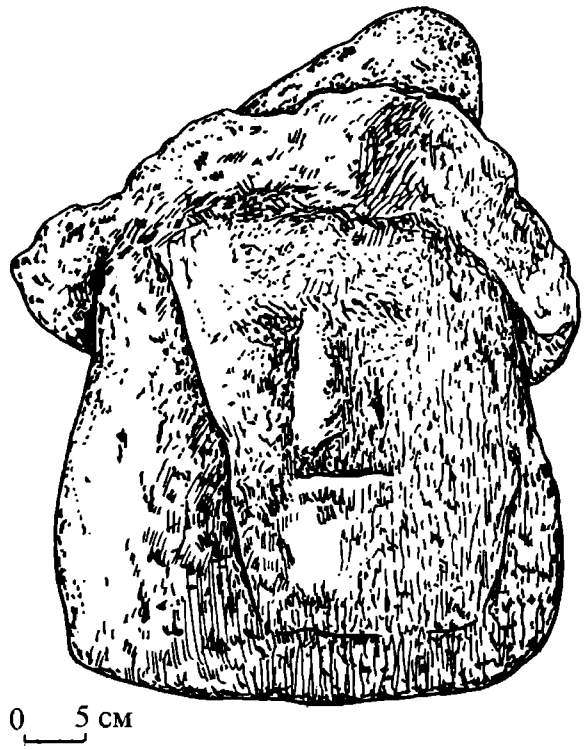


Рис. 2. Себежский идол

нинское. Но Себежское изваяние (рис. 2) имеет на голове хотя бы узнаваемую славянскую круглую шапку с опушкой и может быть условно отнесено ко второй группе. Акулининское же не обладает даже этим «особым признаком». Итак, группа 3 по классификации Б.А. Рыбакова состоит из одного лишь Акулининского идола, из чего следует, что оно не вписывается ни в одну из известных групп славянских изваяний. В связи с этим закономерен вопрос – является ли это изваяние древним или его нужно трактовать как искусную подделку? (Вспомним, что Акулининское изваяние к тому же слишком мало по размеру, чтобы соответствовать языческим идолам, и производит впечатление некой камерной, комнатной скульптуры.)

Если же обратиться к классификации славянских изваяний, предложенной Р.В. Забаштой (*Винокур, Забашта,* 1989. С. 65–76), окажется, что практически ни один из признаков – схематизм изображения, столпообразный силуэт, фронтальность постановки фигуры – также нельзя соотнести с Акулининским изваянием. Скульптурность, как справедливо указывают И.П. Русанова и Б.А. Тимощук (2007. С. 33), присуща лишь изваянию из Ставчан, принадлежность которого к кругу славянских древностей остается под вопросом, т. к. оно было найдено на поселении черняховского времени (впрочем, «славянские», по мнению тех же авторов, изваяния из Иванковцев найдены на таком же поселении) (*Брайчевский, Довженок,* 1967. С. 238–262).

Среди славянских изваяний практически не встречались экземпляры шириной менее 30 и толщиной менее 15 см. Заметим, что изображение изваяния, помещенное в работе В.В. Седова, имеет не совсем верный масштаб: судя по рисунку в книге, идол должен иметь ширину 35 см, толщину – более 25 см, а высоту – более 70 см. В реальности же его размеры меньшие почти в два раза (рис. 3).

Картографирование памятников древнеславянского языческого культа (*Русанова,* 1992. С. 51) наглядно демонстрирует тяготение подавляющего большинства идолов именно к регионам западного и северо-западного расселения славян. То же самое показывает локализация древнерусских письменных известий об идолах и кумирах, сводку которых можно найти в работе Ю.М. Золотова (1985. С. 234–236). Большинство мест, где, по сведениям летописи, стояли каменные идолы, находятся на Западной Украине, в Белоруссии, на Русском Севере, Верхней Волге (Ростов Великий, Ярославль, Устюжна, Галич Мерьский, Суздаль, Шуя) и Северо-Западе Руси (Новгород и окружающие его земли).

Если учитывать распространение самых архаичных славянских слов, обозначающих какие-либо статуарные изваяния божеств (исключив, естественно, слова «идол» и «кумир» как церковнославянизмы, а «баба» – как поздний тюркизм), то в первую очередь в глаза бросится довольно резкое различие между северо-западными и юго-восточными территориями Руси. Имеются в виду слова «болван» и «истукан». Из них первое плотно привязано к юго-востоку, будучи, скорее всего, ранним заимствованием из тюркско-аланской симбиотической культуры хазарского периода (VIII–IX вв.); оно прочно пребывало в южнорусской народной языковой и ритуально-игровой культуре вплоть до XIX столетия. Второе, будучи производным от глагола «истукати» (т. е. обозначая нечто вырезанное, выдолбленное, выстуканное из камня), больше тяготело к северо-западу, имея прочные лингвистические связи с другими местными диалектизмами, происходящими от тех же корней (*Черных,* 2001. С. 360).

Древнерусским словом, близким двум названным в смысловом отношении, является, по-видимому, лишь слово «столп», имеющее общеславянское распространение и глубокие индоевропейские корни (латинская «стела» является ближайшим родственником славянского «столпа»). Надо отметить, что ни в одном индоевропейском, в том числе и славянском языке, древняя этимология этих слов не подразумевает ни «бревно», ни «деревянный столб», означая лишь «застывание движения», «окаменевание», «превращение живого в застыв-

шее неживое». Предположительно, первоначальное значение этого корня, восходящего, по-видимому, к эпохе бронзы, по смыслу сводилось именно к «установке изваяния (памятного знака) в честь умершего сородича (или в честь предков)» (об этом сообщают и «Илиада», и хеттские тексты). Таким образом, оно было близко словам летописи, сказанным о погребальных обычаях вятичей: – «...ставят на *столпе* на путях...». А также напоминало описание установки столба с надписью, приведенное Ибн-Фадланом в рассказе о похоронах «знатного руса».

Следовательно, как при картографировании находок идолов, так и в процессе лингвистического разбора сегменты культур северо-запада и юго-востока Руси, связываемые с языческими идолами, различаются. На северо-западе употреблялось слово «истукан», тяготеющее, скорее, к сфере камнеобработки. На юго-востоке – «болван», нейтральное по отношению к материалу в силу того, что было позаимствовано для обозначения чужих, степных реалий. Общим же стало слово «столп», изначально также нейтральное к материалу, но этимологически несравнимо более архаичное, нежели достоверно известные славянские идолы IX–XIII вв.

Итак, можно утверждать, что каменные изваяния идолов, равно как и этнографически отмеченное в более позднее время почитание камней, не являются неотъемлемой частью культуры таких юго-восточных славянских племен, как радимичи, северяне и вятичи. Этот вывод противоречит категоричному заключению, сделанному Б.А. Рыбаковым, а затем и И.П. Русановой о том, что каменные идолы найдены «по всей славянской земле» (*Русанова,* 1992. С. 30). В силу каких-то не совсем ясных пока причин вятичи, равно как северяне и радимичи, по всей видимости, не сохранили традиции (или не имели ее вовсе?) установки каменных изваяний. Сам по себе вывод, конечно, не отрицает возможность того, что «идолы» у этих племенных образований имелись. Они были, но изготавливались из дерева или другого непрочного материала, о чем свидетельствуют данные летописей («Перун древян» в Киеве времен князя Владимира, идолы Волоса в Ярославле и других городах севера и северо-востока Руси) и многочисленные следы, обнаруженные в ходе раскопок, и оставленные на площадках славянских культовых объектов столбами. Однако ни святилищ, ни столбовых ям от деревянных идолов в ходе раскопок на территории именно этих летописных племен, насколько нам известно, найдено не было. Они зафиксированы лишь у смоленских кривичей и новгородских словен, но не обнаружены ни на землях вятичей, ни северян, ни радимичей.

Мы не рассматриваем результаты работ Б.А. Рыбакова во Вщиже, материалы которых, к сожалению, полностью утрачены. Критически следует отнестись и к результатам раскопок городища-святилища Воргол (*Москаленко*, 1966. С. 203–209). Культовое место этого памятника, скорее всего, относится ко времени дославянского населения. Об этом говорит как характер пятен – ям с золой (напоминают скифские зольники), так и вещи (в том числе серьга салтовского типа), относящиеся ко времени, предшествующему появлению здесь представителей славянской культуры. Центральную яму комплекса только с натяжкой можно классифицировать как столбовую (она слишком широка и не очень глубока для укрепления в ней столба-идола). К тому же, в ней, как и в остальных ямах, было обнаружено много находок.

Найденный на городище Старая Рязань, славянский четырехликий идол, относится, видимо, как и писали исследователи памятника (*Монгайт,* 1955. С. 191–193), к предметам финно-угорского круга. Культовый комплекс, обнаруженный на городище, также справедливо связывается с дославянским населением (*Розенфельдт,* 1974. С. 93–115). Показательно, что пограничные ранним славянам юго-востока южные степные культуры, начиная с постчерняховского и заканчивая половецким временем (V – середина XI в. н. э.), тоже не имели подобной традиции (*Попова,* 1976. С. 108–121). В последующее время никакого влияния половецкой камнеобрабатывающей традиции на культуру славянских соседей так же отмечено не было.

Естественно, проблемы, затронутые в двух последних абзацах, не являются темами данной заметки в силу своей обширности. Тем не менее, необходимо еще раз подчеркнуть, что обнаружение каких-либо славянских языческих каменных изваяний в регионе вятичских древностей, на наш взгляд, и в будущем будет являться большой неожиданностью.

Таким образом, имея в виду образцы славянских изваяний (западно-украинские и северорусские), находящиеся в ареале западных и северо-западных раннеславянских культур (*Русанова*, 1992. С. 50–67), можно отметить следующее. На Акулининском идоле голова имеет иной абрис и иную посадку на шею, рельефно выделяясь из массива каменного монолита. На ней отсутствует характерная круглая шапка, равно как и волосяной покров, но очень четко выделены мелкие детали лица, выпирающие скулы (придающие изваянию некоторую монголоидность). Общий абрис и габа-

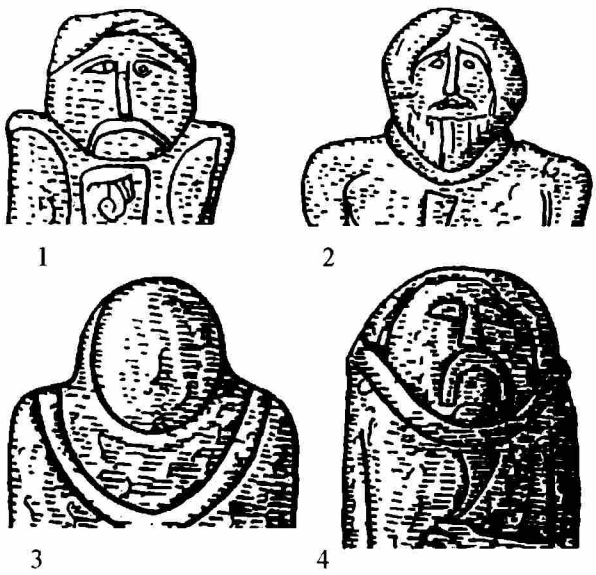


Рис. 4. Фрагменты изваяний скифской культуры

Места находок: 1 – Терновка; 2 – Буторы; 3 – Новая Одесса; 4 – Славянка

риты изваяния в общем не предполагают его столбообразности и монументальности, тогда как упомянутые славянские изваяния отличают именно эти черты. Весьма мало сходства наблюдается между Акулининским идолом и, к примеру, деревянными изображениями «божков», найденных в Новгороде (*Седов,* 1982. С. 286. Табл. LXXIII, *б, в*).

Если же предположить, что изваяние предстает перед нами частично разрушенным (обколоты бока и низ), то его гипотетическая реконструкция в виде ростовой скульптуры с четко выделенными остальными частями фигуры (грудь, руки, живот и ноги) будет выглядеть, на первый взгляд, довольно логично. Обратимся в поисках аналогий к более обширному кругу памятников. В нашем случае внимание к миру степных изваяний предскифского и раннескифского времени будет закономерно уже при первом сравнительном рассмотрении самих памятников («Степи...», 1989. С. 345. Табл. 40).

Типология и хронология скифских изваяний была разработана еще в 1970–1980-х годах советскими археологами-скифологами. К примеру, в упомянутом томе «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» один из ранних типов скифских изваяний характеризуется следующим образом: «Большинство же изваяний VII–VI вв. до н.э. имеет лица с крупными миндалевидными глазами, прямым, немного расширяющимся книзу носом, доходящим до усов подковообразной формы с опущенными вниз, ровно подрезанными концами» («Степи...»,1989. С. 105) (рис 4). Как видно, большая часть признаков, характеризующих облик раннескифского изваяния, таких как общий облик и яйцевидная форма головы, могут быть с равной степенью приложены и к Акулининскому идолу. Тем не менее, следует отметить, что на нем, даже если предполагать его фрагментированность (преднамеренно отколотый низ, руки и плечи), отсутствует весьма важная деталь, характерная для подавляющего большинства скифских изваяний, – шейная гривна (*Ольховский, Евдокимов,* 1994. С. 89–177). Раннескифские изваяния, как правило, имеют ровный уплощенный абрис в профиле, в то время как голова Акулининского идола отличается скульптурным объемным профилем. К тому же среди скифских изваяний вовсе нет таких небольших экземпляров.

Есть еще одна группа раннесредневековых изваяний кочевнического мира, внешне довольно близкая как раннеполовецким, так и раннескифским изваяниям – это раннетюркские идолы Алтая и Южной Сибири (рис 4, *б*). Абрис и форма головы и верхней части груди этих изваяний близки Акулининскому идолу, однако абрис рта и усов у этих изваяний весьма своеобразен. С чисто формальной точки зрения наиболее близкими к Акулининскому можно считать лишь раннескифские изваяния.

Итак, мы пришли к выводу о том, что Акулининский идол по всем своим параметрам никак не вписывается в ряд древнеславянских каменных изваяний, более того, он гораздо ближе к степным раннескифским изваяниям. Однако полагать, что это действительно привезенное в XIX в. с юга древнее степное изваяние, не представляется возможным по многим причинам. Вероятнее всего другое – это произведение какого-то, может быть, крепостного деревенского мастера, который изготовил идола по велению своего владельца с целью его последующей установки в усадебном парке в качестве «древности». В пользу этого говорит и общий облик изваяния, и следы плоских граней (белокаменного

Рис. 5. Фрагменты раннетюркских изваяний

блока?) на тыльной стороне и по бокам, и «свежесть» поверхности изваяния. Впоследствии, спустя несколько десятилетий, уже в пореформенное время, когда живая память о данном эпизоде исчезла из массива местной усадебной культуры, да и сама культура стала угасать, «идол» был кем-то случайно обнаружен и объявлен славянским.

Необходимо верно оценивать общественно-психологическую ситуацию, сложившуюся в среде образованного русского общества второй половины XIX – начала XX в., которая позволила воспринять находку Акулининского идола в Подмосковье как некую закономерность в длительной последовательности открытий и этапных исследований славянских древностей на коренной великорусской территории, начиная от работ В.Н. Татищева, Н.И. Карамзина и кончая первыми раскопками славянских древностей в Европе и России. Научное сообщество было готово воспринять такие находки и воспринимало их как нечто должное, невзирая на то, что некоторые из них впоследствии оказывались разоблаченными как фальшивки наподобие «Микоржинских идолов» или «Краледворской рукописи». В провинциальном российском обществе того времени в рамках общественного воодушевления и подъема интереса к древностям возникло, как можно уверенно полагать, множество преданий и легенд, касающихся объяснения местных топо- и гидронимов, истории тех или иных местных древних поселений, сооружений, предметов. Подобные «версии» местной истории до сих пор можно услышать даже среди музейных экскурсоводов. Этот эффект отчасти надо признать результатом резкого разрыва между новой европейской культурой, воспринятой российским дворянством, с одной стороны, и традиционной народной культуры, с другой.

Литература

Алексеев Л.В., 2006. Западные земли домонгольской Руси. Кн.1. М.

Беляев Л.А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.

Брайчевский М.Ю., Довженок В.И., 1967. Поселение и святилище в селе Иванковцы в Среднем Поднестровье // МИА. № 139. М.

Винокур І.С., Забашта Р.В., 1989. Монументальна скульптура словян // Археологія. № 1.

Галиченко А.А., 2003. Руины в садово-парковом искусстве Крыма // Тема руин в культуре и искусстве. Царицынский науч. вестн. Вып. 6. М.

Золотов Ю.М., 1985. Изваяния языческих богов на Руси // СА. № 1.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49. М.

Москаленко А.Н., 1966. Святилище на реке Воргол // СА. № 2.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.

Попова Е.А., 1976. Об истоках традиций и эволюции форм скифской культуры // СА. № 1.

Розенфельдт И.Г., 1974. Северный мыс городища Старая Рязань // Археология Рязанской земли. М.

Русанова И.П., 1992. Культовые места и языческие святилища славян VI–XIII вв. // РА. № 4.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 2007. Языческие святилища древних славян. М.

Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. (Археология СССР).

Формозов А.А., 2007. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.

Черных П.Я., 2001. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М. Т. 1.

I.N. Ershov

To the problem of Akulininskiy idol attribution

Summary

The article regards the problem of so called Akulininskiy idol attribution discovered in the beginning of the 20th c. in Podol'sk region of Moscow government and referred to the Slavs world finds by the Slavonic scholars. Analyzing traditional point of view on the problem of idol's dating author suggests the end of the 18th– the 19th c. as a correct age of the sculpture.

В.И. Вишневский

Вышегород-на-Яхроме (исследования 1993 года)

В документах XVI–XVII вв. неоднократно приводится упоминание Вышегородского стана, находившегося в Дмитровском уезде, выше г. Дмитрова, по р. Яхрома. Вышегород также упоминается среди дмитровских волостей в духовных грамотах Дмитрия Донского и его сына князя Юрия Дмитриевича Галицкого (ДДГ, 1950. С. 34, 74).

Ю.В. Готье высказал предположение, что свое название Вышегородский стан получил в связи с тем, что занимал территорию, расположенную выше г. Дмитрова (1937. С. 98–99). С.Б. Веселовский указывал, что «где-то на верховьях р. Яхромы находился исчезнувший бесследно городок Вышгород» (1936. С. 95).

В ходе археологических работ, проведенных О.Н. Бадером в 1933 г. в зоне строительства канала Москва–Волга на р. Яхроме выше г. Дмитрова, действительно, было обнаружено городище, являвшееся остатками исчезнувшего городка. При этом было отмечено, что на западной оконечности мыса дмитровскими краеведами были найдены фрагменты дьяковской сетчатой керамики, хотя самого слоя дьяковского времени обнаружить не удалось (*Бадер*, 1935. С. 28–38).

Городище, называемое «Барановой горой» (или «Баран-горой»), было обследовано П.А. Раппопортом наряду с другими древнерусскими крепостями. Им был составлен план памятника, проведены обмеры валов и склонов (рис. 1). Так, высота площадки над уровнем реки составила почти 40 м, северный склон, спускавшийся в пойму р. Яхрома, имел уклон около 20–25°, а южный, шедший в сторону р. Комариха, достигал 30°. Узкая часть гряды, шириной около 50 м, была перегорожена валом и рвом, защищавшим городище с напольной стороны. Дугообразный в плане вал достигал 2,5 м в высоту, глубина рва равнялась 1,7 м при ширине около 22 м. На валу был выделен округлый выступ диаметром около 6 м, выдвигающийся в сторону рва. Вал и ров с юго-западного конца не доходят до склона, образуя въезд шириной 7–9 м. Узкий конец гряды не использовался для расположения укрепления и был отрезан от укрепленной части рвом. По краям склонов, на площадке, валов нет. Длина площадки чуть больше 300 м, ширина – от 70 до 160 м. Все городище заросло лесом. Разведка показала, что толщина культурного слоя составляет около 20 см. На конце мыса, отрезанном от площадки, культурный слой не обнаружен. Собранный материал целиком относится к XIV–XV вв. (*Раппопорт,* 1956. С. 56).

Разведкой экспедиции Сергиево-Посадского музея-заповедника, в 1993 г. исследовавшей долину р. Яхромы выше с. Ильинского (рис. 2), было открыто четыре древнерусских селища и поздне-средневековый грунтовый могильник, а также был обследован курганный могильник, открытый в 1930-х годах О.Н. Бадером (*Вишневский*, 1994. С. 51–52; *Бушуев,* 1994. С. 14–15). Помимо этого был снят новый план городища Вышегород и произведено его дополнительное исследование для уточнения датировки и поисков дославянских древностей.

План 1993 г. в основном совпал с планом, сделанным П.А. Раппопортом (рис. 3). Высота площадки над уровнем воды составила 40 м, длина – 400, ширина – 150, ширина перешейка – 40, уклон береговой линии небольшой – всего 6 на 160 м. Помимо этого на северном склоне был отмечен углубленный на 1,0–1,5 м въезд на городище и находящийся рядом с дорогой, в 12 м от подножия, дугообразный вал длиной 30, шириной 7 и высотой 4 м. Этот вал может являться остатками первого рубежа обороны, защищавшего подступы к городищу со стороны реки, за которой располагался посад волостного центра.

На городище было заложено три шурфа. Шурф 1-М (мысовой) (2х4 м) выявил на западном мысу городища слой мощностью 0,4 м. В первом пласте были обнаружены два фрагмента круговой и фрагмент лепной керамики. Затем была вскрыта яма (видимые размеры 1х1,4 м), заглубленная в материк на 0,9 м, с большим количеством фрагментов расслоившейся неорнаментированной лепной керамики с примесью дресвы. Во втором пласте было собрано пять, в 3 – 31, в 4 – 140, в 5 – два, а в 6 – 13 фрагментов керамики. Среди них – два венчика с отпечатками веревочного штампа, шедшими по

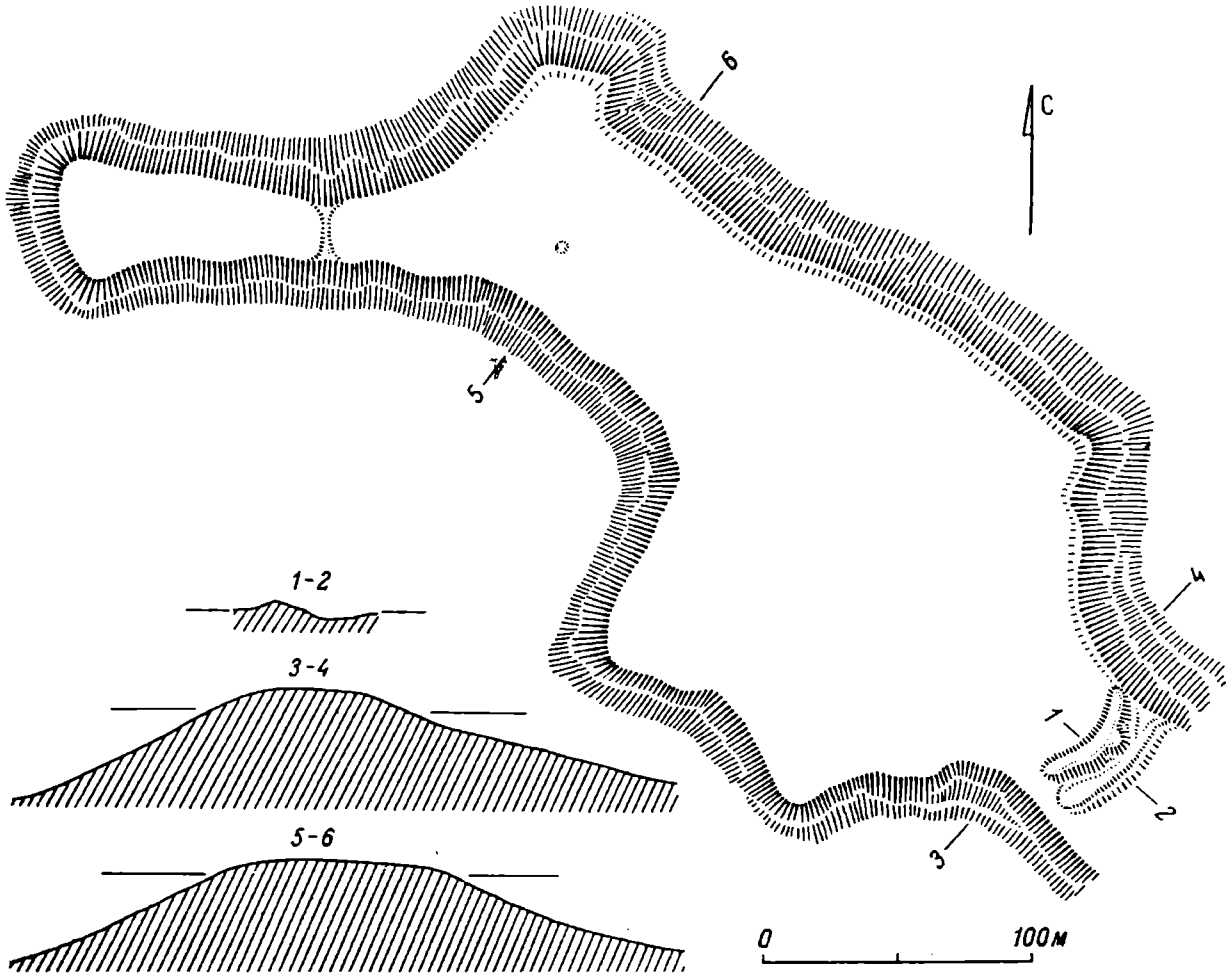


Рис. 1. Городище Вышегород-на-Яхроме («Баранова Гора»). План (по П.А. Раппопорту)

краю (рис. 4)[1]. Датировать такую посуду можно серединой – третьей четвертью I тыс. н.э. (*Розенфельдт*, 1974. С. 146). На дне ямы был найден крупный кремневый скребок, выполненный на отщепе (рис. 6, *1*), – находка, стандартная для дьяковских городищ (*Дубынин*, 1970. С. 25)

Шурф 1 (2х4 м) был заложен в юго-восточном краю площадки городища, на поляне вблизи вала. Культурный слой мощностью 0,35 м состоял из коричневой и серо-коричневой супеси, содержащей фрагменты круговой красноглиняной керамики, в том числе орнаментированной косой волной (рис. 5, *7*). Также был найден ключ типа Ж (по Б.А. Колчину) (рис. 6, *3*) конца XIV–XV в. (*Колчин*, 1959. С. 84. Рис. 70), фрагмент красноглиняной игрушки (возможно, нога) (рис. 6, *4*) и кремневый скребок на отщепе (рис. 6, *2*).

Шурф 2 (2х2 м) был заложен в 15 м к югу от шурфа 1. Был вскрыт слой коричневой супеси мощностью 0,3 м. Всего в шурфе было собрано 49 фрагментов красноглиняной гладкой и три фрагмента белоглиняной керамики (табл. 2, рис. 5).

Полученные материалы позволяют подтвердить уже установившуюся датировку городища (XIV–XV в.), а также говорить о существовании на нем позднедьяковского слоя. Таким образом, можно утверждать, что центр средневековой волости возник на месте племенного центра раннесредневекового финно-угорского населения (*Вишневский*, 1995а. С. 20–25).

На правом берегу р. Яхрома, напротив городища, были исследованы средневековые селище и могильник. Селище Пуриха-2 (Пуриха-3 по АКР) размером 90х270 м (20000 кв. м.) (рис. 2, *7*) располагается на большом выступе коренного правого берега р. Яхрома, напротив городища Вышегород (Баранова Гора), в 0,5 км к ССВ от городища и в 0,5 км к востоку от селища Пуриха-1 и курганного могильника Пуриха. Уклон береговой террасы значительный (15 на 50 м), высота центральной части селища от уреза воды в реке достигает 10–12м. Селище вытянуто вдоль Яхромы, примыкая к ней вплотную. Большая часть памятника задернована, высокий северный край зарос лесом. На селище было заложено два шурфа (рис. 7).

1 Рисунки выполнены Д.Н. Черевко.

Таблица. 1. Городище Вышегород. Шурф 1. Распределение типов керамики по пластам.

Пласты	1	2	Всего фр-тов	%
Красноглиняная гладкая	183	638	821	98
Красноглиняная ангобированная	1	–	1	0,1
Белоглиняная грубая	2	1	3	1,4
Чернолощеная	3	1	4	0,5
Всего фр-тов	189	640	829	100

Таблица 2. Городище Вышегород. Шурф 2. Распределение типов керамики по пластам.

Пласты	1	2	Всего фр-тов	%
Красноглиняная гладкая	27	22	49	94,2
Белоглиняная грубая	1	2	3	5,8
Всего фр-тов	28	24	52	100

Таблица 3. Селище Пуриха-2. Шурф 1. Распределение типов керамики по пластам.

Пласты	1	2	Всего фр-тов	%
Красноглиняная грубая	152	569	721	86,4
Красноглиняная гладкая	31	69	100	11,9
Красноглиняная ангобированная	1	-	1	0,1
Белоглиняная грубая	2	9	11	1,3
Чернолощеная	3	1	4	0,3
Всего фр-тов	189	648	839	100

Таблица 4. Селище Пуриха-2. Шурф 2. Распределение типов керамики по пластам.

Пласты	1	2	3	4	5	6	Всего фр-тов	%
Красноглиняная грубая	11	38	24	24	17	1	115	29
Красноглиняная гладкая	34	97	68	27	39	1	266	67,2
Краснолощеная	-	-	1	-	1	-	2	0,5
Белоглиняная грубая	1	1	-	1	-	-	2	0,5
Чернолощеная	2	3	2	1	-	1	9	2,3
Красноглиняная поливная	-	1	-	-	-	-	1	0,5
Всего фр-тов	48	140	95	53	57	3	396	100

Шурф 1 (2х4 м) был заложен у самой дороги, идущей через селище, в месте интенсивного выброса слоя в кротовинах. Культурный слой состоял из перепаханной темно-коричневой супеси с мелким гравием и фрагментами красноглиняной круговой керамики. Керамический комплекс состоял из красноглиняной грубой[2] (курганного типа) XII–XIII вв. (86,4%) (рис. 8) и красноглиняной гладкой XIV–XV вв. (11,9%) (рис. 9) керамики. Первая была представлена горшками с тонкими отогнутыми наружу венчиками (рис. 8, *3–9*), по плечикам и тулову которых шел линейный (25 %) (рис. 8, *11–14*) и волнистый (8%) орнамент (рис. 8, *1–2*). Встречены также фрагменты белоглиняной и чернолощеной керамики (табл. 3, рис. 9, *4*).

Найдены два фрагмента стеклянных браслетов: в первом пласте – фрагмент крученого браслета синего стекла с красной перевивающей нитью (рис. 8, *15*), во втором – крученого браслета синего стекла (рис. 8, *16*), а также обломок же-

[2] Терминология автора отличается от принятой в московской археологии, базируясь на визуально фиксируемых признаках керамики. Поэтому упоминаемую им «красноглиняную грубую» керамику не следует путать с аналогичным по названию типом керамики московской формализованной керамической шкалы (*прим. ред.*)

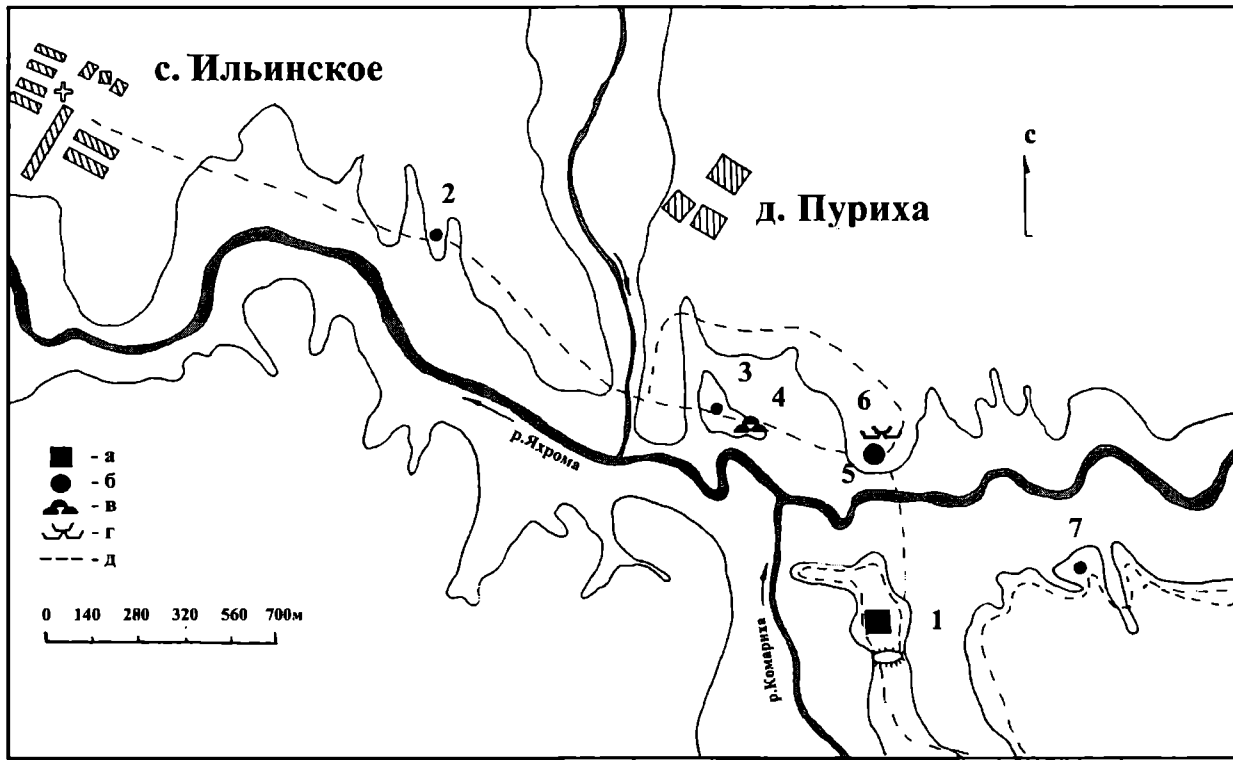


Рис. 2. Ситуационный план археологических памятников в долине р. Яхромы

1 – городище Вышегород-на-Яхроме (Ильинское городище по АКР); 2 – селище Ильинское-1; 3 – селище Пуриха-1 (Пуриха-2 по АКР); 4 – курганная группа Пуриха; 5 – селище Пуриха-2 (Пуриха-3 по АКР); 6 – грунтовый могильник Пуриха; 7 – селище Пуриха-3 (Пуриха-4 по АКР). (а – городище; б – селище; в – курганная группа; г – грунтовый могильник; д – маршрут разведки)

лезного ножа. В материке, представленном рыжим песком с гравием, были выявлены две столбовые ямы глубиной 0,1 и 0,2 м.

Шурф 2 (4х4 м) был заложен в 70 м к северо-востоку от шурфа 1, на возвышенной части селища. Здесь, кроме слоя селища, был обнаружен грунтовый средневековый могильник, размеры которого не установлены. Культурный слой мощностью 1,2–1,3 м перемешан с прорезавшими его погребениями и содержит фрагменты человеческих костей, осколки оконного стекла, железные гвозди XX в., керамику (табл. 4).

В пласте 1, практически сразу под дерном, были обнаружены надгробия, выполненные из валунных камней, а также три белокаменных надгробия конца XV – начала XVI в., не содержащие надписей, с треугольчатым орнаментом (рис. 10).

Надгробие 1 (рис. 11, *1*) являлось плитой неправильной прямоугольной формы длиной 1,42–1,46 м. Ширина изголовья достигала 0,54 м, ширина изножья – 0,44 м, толщина колебалась в пределах от 0,08 до 0,1 м. Плита была найдена на глубине 0,1–0,3 м от дневной поверхности. На лицевой поверхности прослеживается резной орнамент, состоящий из крупных треугольников, обрамлявших верхнее полукруглое клеймо, заполненное решеткой из крупных треугольников, и нижнее круглое с розеткой в центре. Все три тяги, соединяющие обрамление с нижним клеймом, прямые. Боковые грани гладкие, без орнамента.

Надгробие 2 (рис. 11, *2*) было найдено на глубине 0,15–0,2 м от дневной поверхности, в 4 м к северу от надгробия 1. Его длина составляет 1,22 м, ширина – 0,4 м, толщина – 0,07 м. Надгробие было расколото на девять фрагментов. На лицевой грани плиты прослеживался сильно потертый резной орнамент из мелких треугольников, обрамлявших полукруглые тяги, прямые тяги, верхнее полукруглое полностью стертое и нижнее круглое с розеткой, составленной из треугольников-лучей в центре, клеймо. Боковые грани гладкие, без орнамента.

Надгробие 3 (рис. 12) сохранилось как скопление фрагментов белокаменной плиты с орнаментом, состоящим из крупных треугольников (1,0х0,5 см) и круглым клеймом с розеткой из треугольников-лучей внутри.

На небольшой глубине найдены так называемые валунные надгробия – два плоских камня размером 40х35 см (надгробие 4) и 40х20 см (надгробие 5) (рис. 10).

В пластах 1и 2 были обнаружены два бронзовых креста.

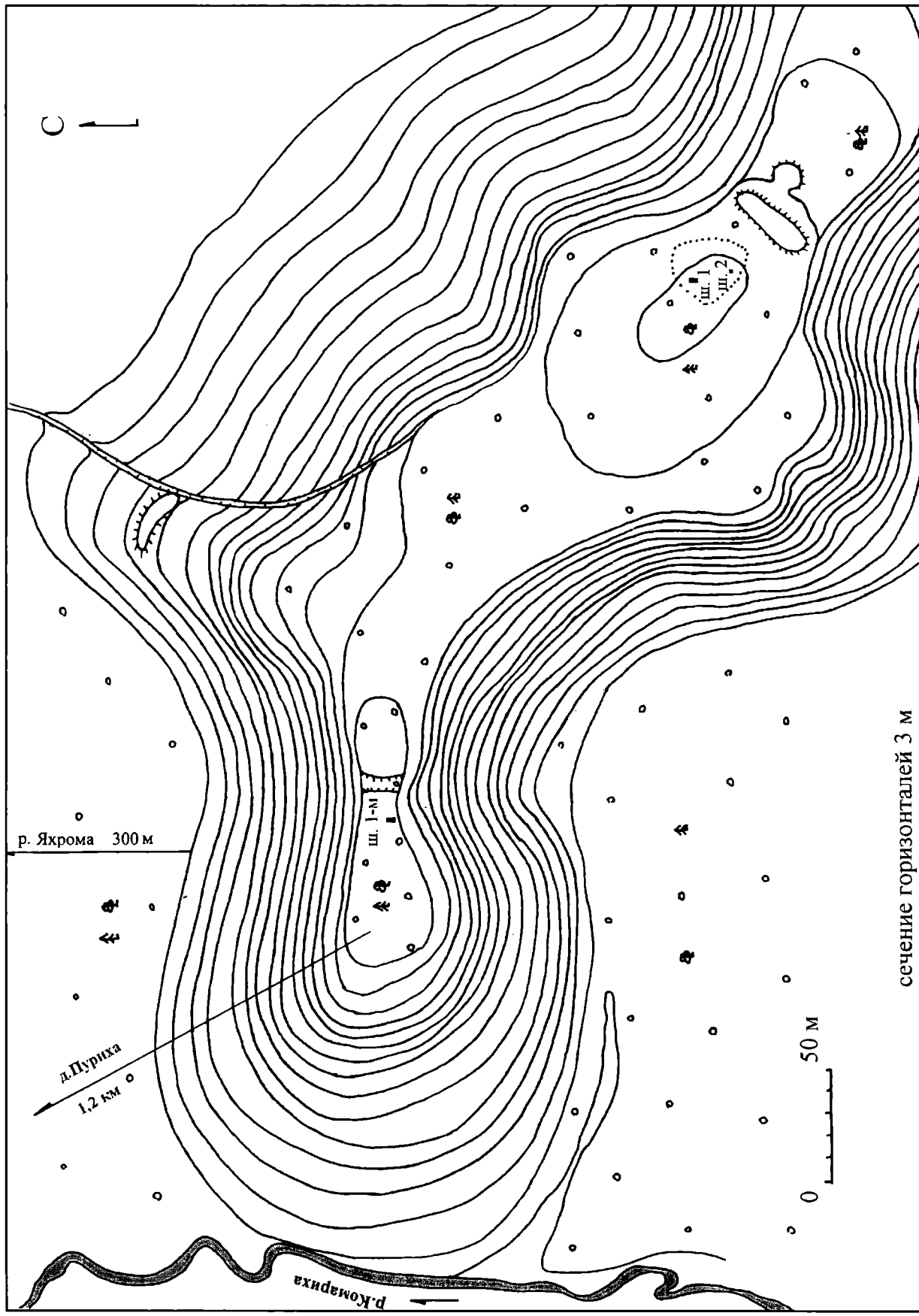


Рис. 3. Городище Вышегород-на-Яхроме. Середина I тыс. н. э., XIV–XVI вв. План

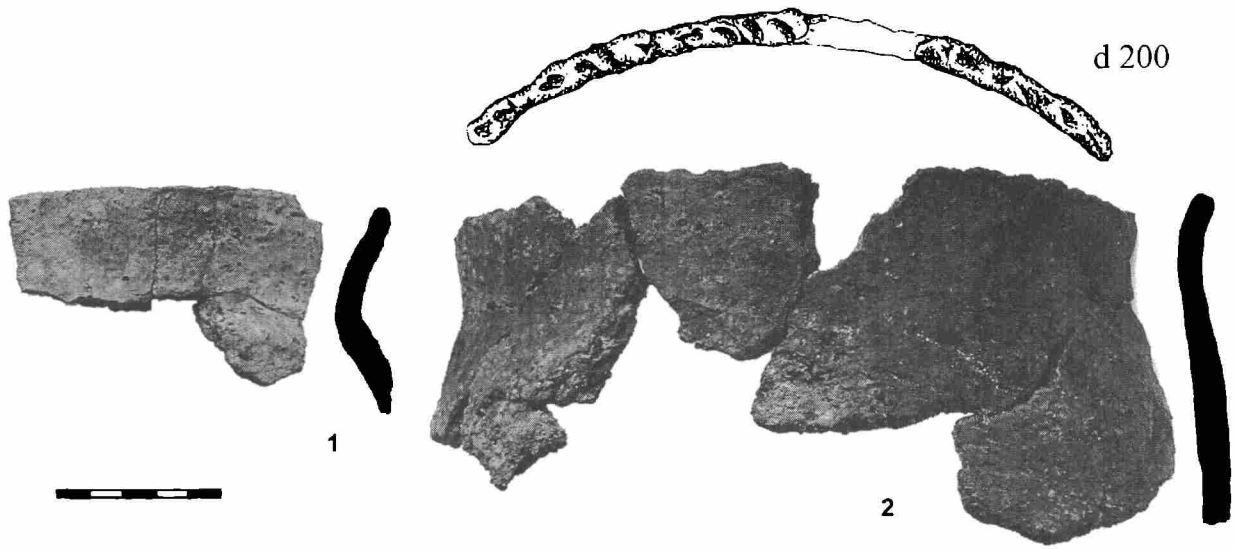


Рис. 4. Городище Вышегород-на-Яхроме. Шурф 1-М. Фрагменты лепной позднедьяковской посуды. Середина – 2-я половина I тыс. н. э.

1 – пласт 2; 2 – пласт 4

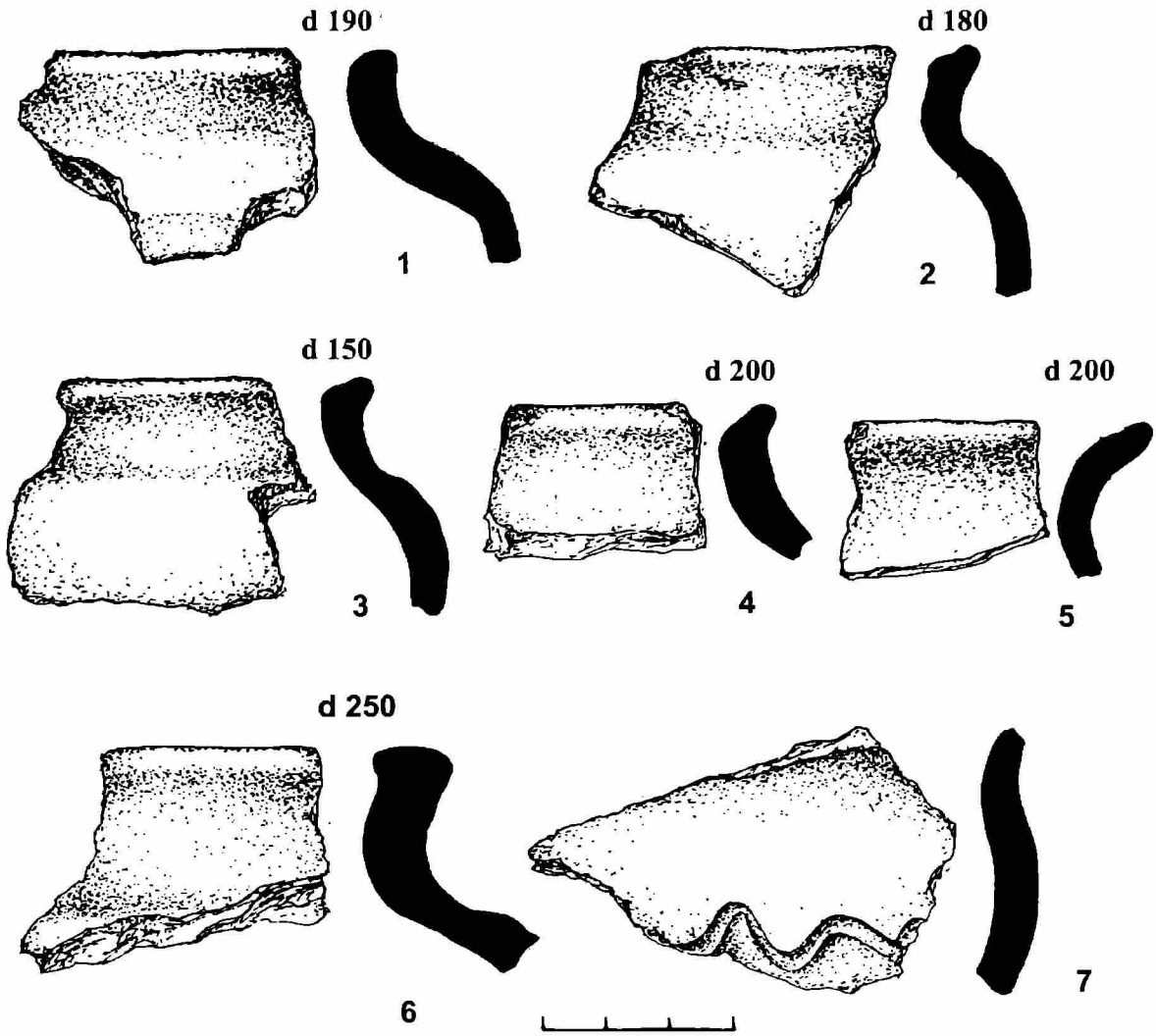


Рис. 5. Городище Вышегород-на-Яхроме. Фрагменты красноглиняной гладкостенной керамики XIV–XV вв.

Шурф 1 (1–5), шурф 2 (6–7)

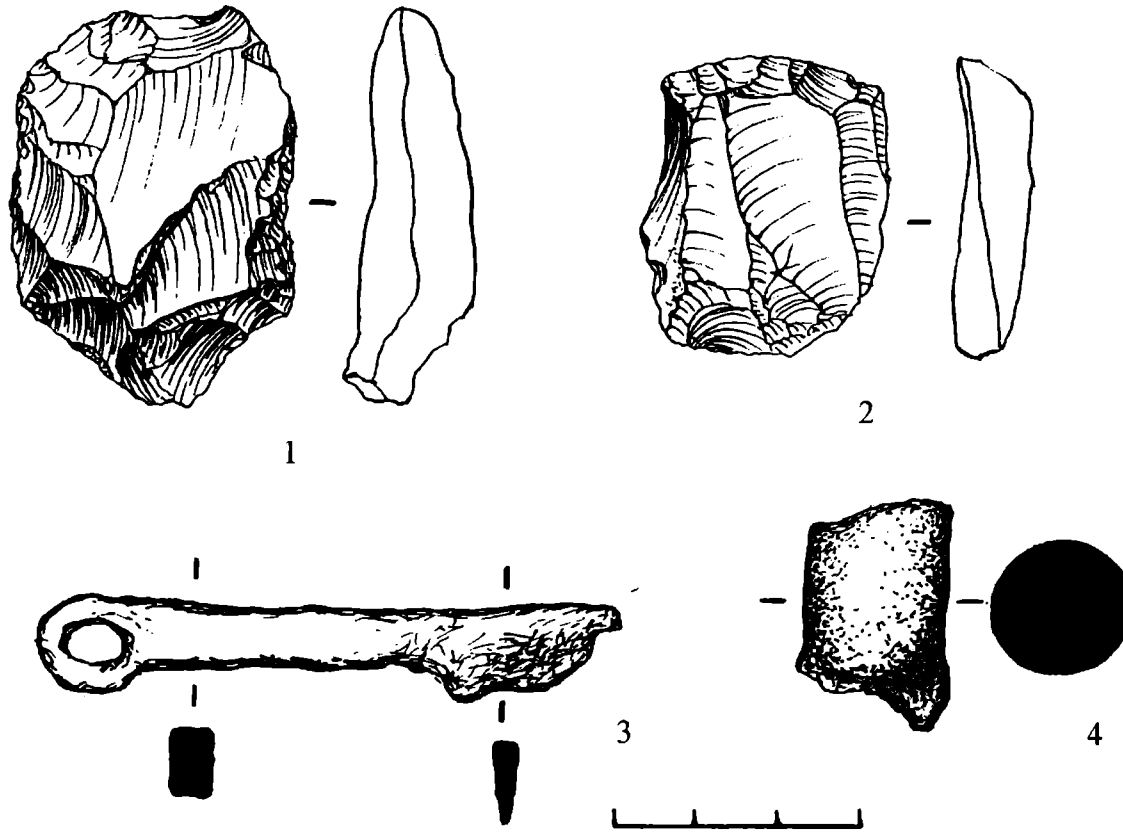


Рис. 6. Городище Вышегород-на-Яхроме. Шурф 1, пласт 2. Находки

1–2 – кремневые скребки; 3 – железный ключ, 4 – фрагмент керамической игрушки. (1 – шурф 1-М, пл. 6; 2 – шурф 2, пл. 2; 3 – шурф 1, пл. 2; 4 – шурф 1, пл. 2)

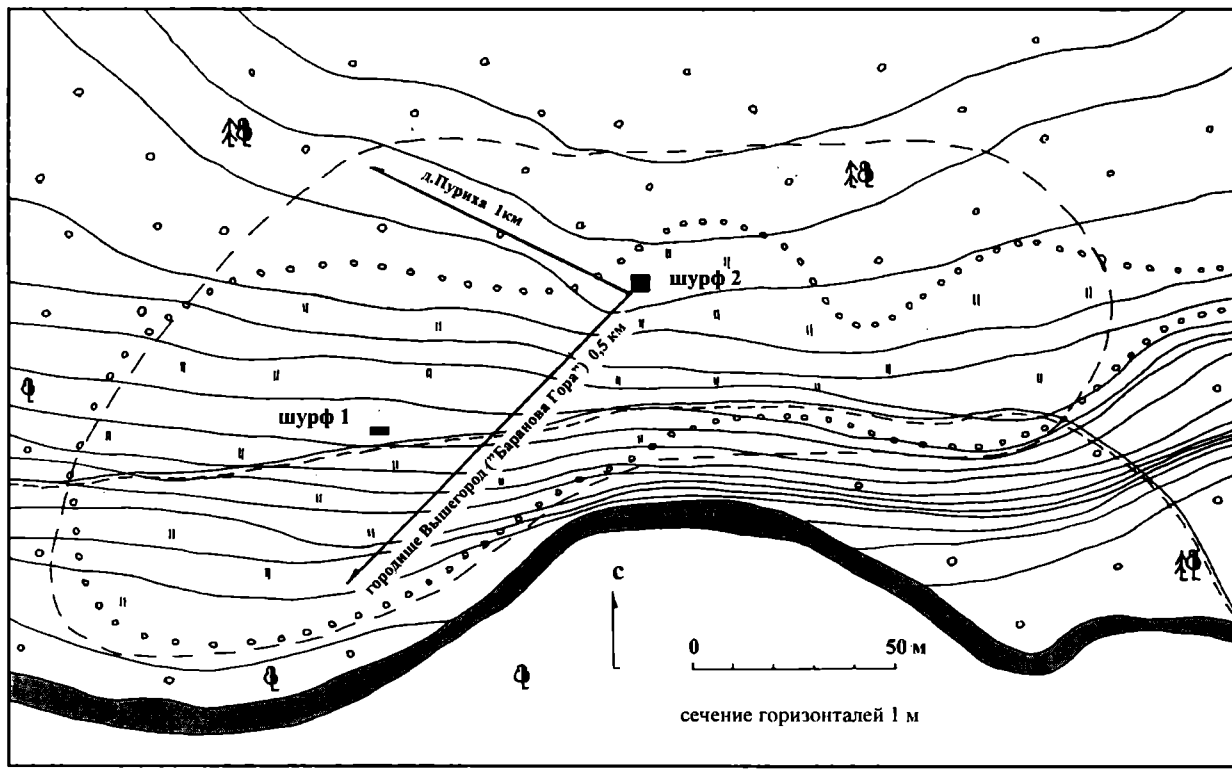


Рис. 7. Селище Пуриха-2. План

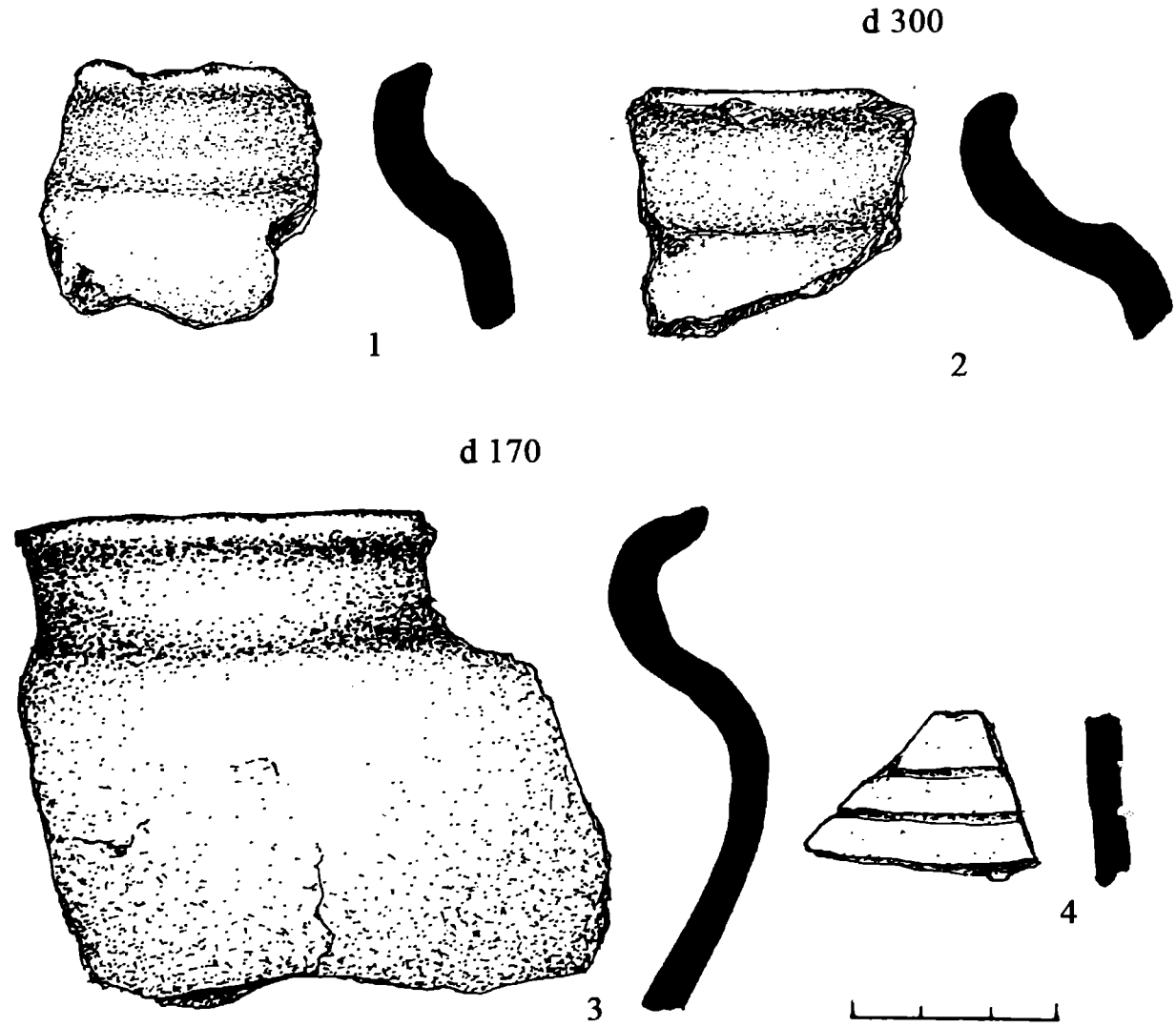


Рис. 9. Селище Пуриха-2. Шурф 1. Фрагменты красноглиняной керамики XIV–XVI вв.

1. Круглоконечный крест с рельефным изображением (рис. 13, *1*), на лицевой стороне которого в средокрестии помещалось распятие, с боков – предстоящие (Богоматерь, Иоанн Богослов, Николай, Лонгин Сотник), сверху – Ветхозаветная Троица, снизу – Никита, побивающий беса. На оборотной стороне в ромбическом средокрестии была изображена Богоматерь-Знамение, слева – Лука с быком, справа – Марк со львом, в других медальонах – анонимные святые и архангелы. Подобные кресты датируются XIV–XVI вв. Их находки происходят из слоев XVII в. в Мангазее (*Векслер, Беркович,* 2000. С. 202), в Старой Рязани такие кресты московского происхождения относятся к первой половине XV в. (*Даркевич, Пуцко,* 1981. С. 230).

2. Крест-энколпион, двустворчатый, круглоконечный, с круглыми медальонами на оконечностях и выступающими дугами в средокрестии, с рельефными изображениями (рис. 13, *2*). На лицевой стороне: в средокрестии помещено распятие, с боков – предстоящие. На оборотной стороне в средокрестии изображена фигура Николая Мирликийского в полный рост, в медальонах – поясные фигуры анонимных святых. Надписи не читаемы, кроме одной – по обеим сторонам ростовой фигуры святого в средокрестии – «Никола». Бортики ковчежца на внутренних сторонах створок спилены напильником. Подобные кресты имеют довольно широкую датировку – XIV–XVI вв. (*Алексеев,* 1974. С. 215. Рис. 2, *8*).

Кресты, скорее всего, происходят с деревянных крестов или голбцов, что вполне убедительно показано последними исследованиями средневековых некрополей (*Алексеев,* 2007. С. 342). С подобным использованием крестов, возможно, связано стачивание напильником бортиков ковчежцев энколпионов.

Всего было расчищено девять погребений, а

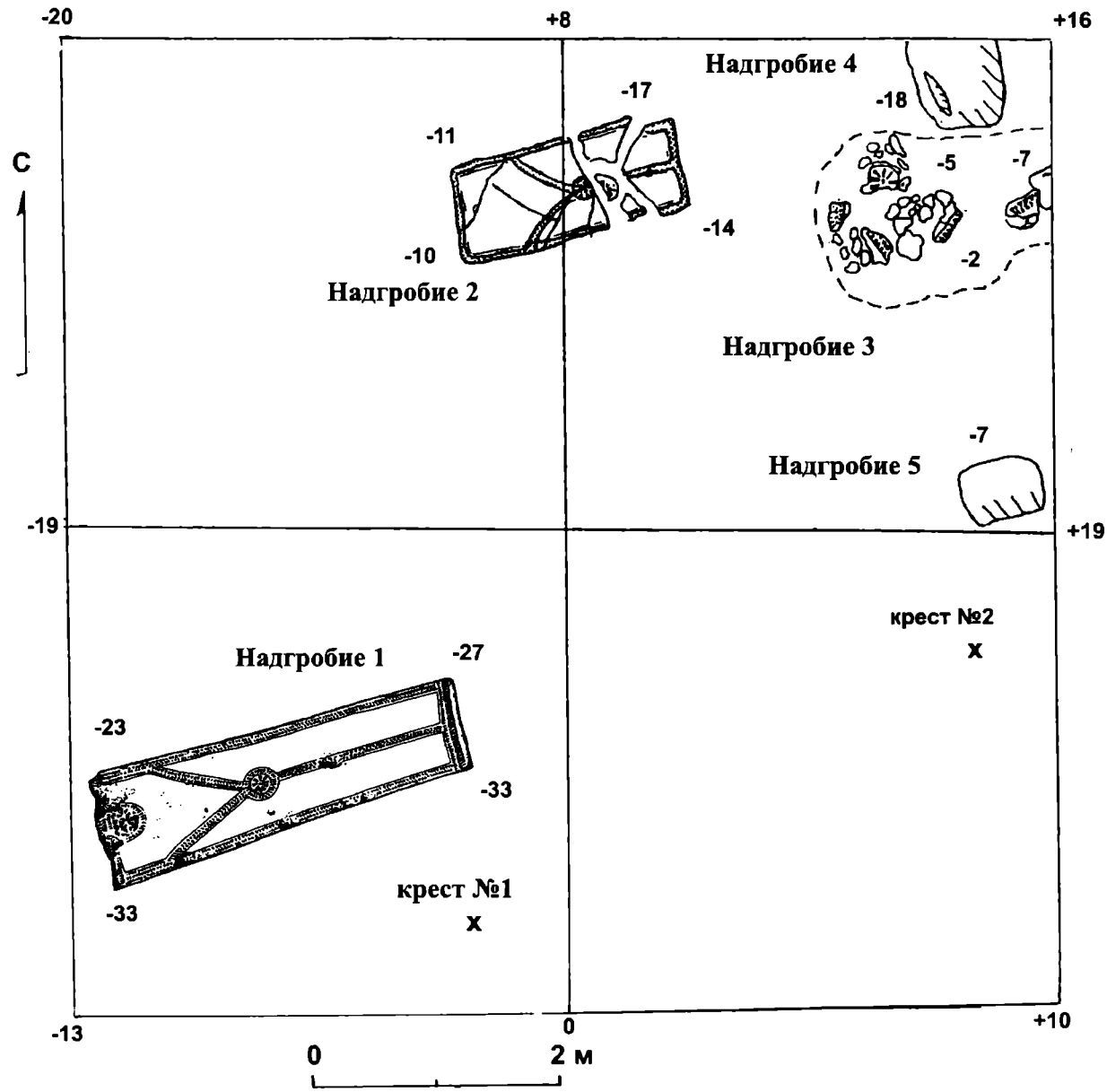


Рис. 10. Некрополь Вышегорода-на-Яхроме. Шурф 2. План 1–2 пластов. Надгробия XV–XVI вв.

также зафиксированы следы разрушенных погребений (в заполнениях ям собрано 15 нижних челюстей) (рис. 15).

Погребение 1 (мужчина 35–40 лет[3], азимут 249°) обнаружено на глубине 0,65–0,7 м от дневной поверхности, очертания ямы не прослежены. Восточная часть погребения уничтожена поздними могилами (рис. 15). Сохранилась лишь часть костяка, вытянутого на спине: череп, лежащий на затылке (челюсть отвалилась), 12 позвонков, частично ребра и правая плечевая кость. У левого виска стояла «слезница» (елейница) – поливной сосуд воронковидной формы с рифленой поверхностью, датируемая концом XV– началом XVI в. (рис. 14) (*Розенфельдт*, 1968. С. 49. Табл. 17, *1–16*), в которой находился железный кованый четырехгранный гвоздь. Находка гвоздя свидетельствует о том, что в погребальном обряде сочетались христианские (сосуд предназначался для елея, оставшегося после соборования) и языческие (гвоздь, обладающий магической силой железа, должен был запереть покойника) традиции (*Вишневский*, 1995а. С. 104–106). В Плесском некрополе такую функцию выполняли ножи, гвозди, иглы, наконечники стрел, шилья, подковы, замки, ключи, косы, серпы (иногда воткнутые в землю, иногда брошенные в могилу) (*Травкин*, 2007. С. 195–199).

Погребение 2 (азимут 270°) совершено на глубине метра от дневной поверхности, очертания могильной ямы не прослежены. Погребение двой-

[3] Определения проводились автором раскопок

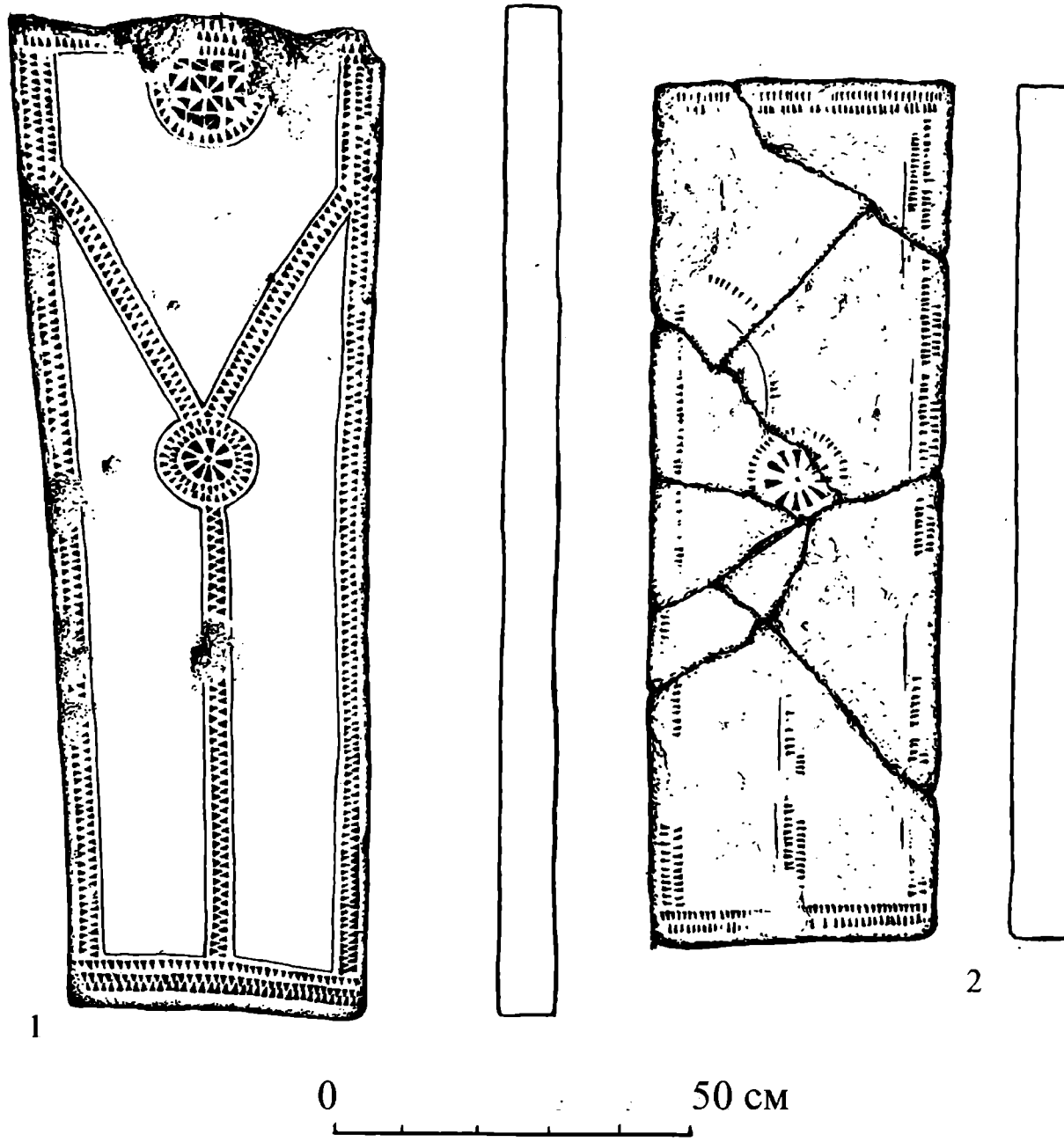


Рис. 11. Некрополь Вышегорода-на-Яхроме. Шурф 2. Надгробия 1 и 2

ное. Взрослый скелет (женщина 25 лет) вытянут на спине (рост 1,44 м), череп – на правом виске, челюсти сомкнуты, кости рук сложены: правая – кистью у левого плеча, левая – кистью на правой части таза, кости ступней повернуты вправо. Между ног взрослого помещался вытянутый на спине костяк ребенка (судя по молочным зубам, 1,5 лет), кости рук сложены на животе поперек туловища (кости сохранились частично).

Погребение 3 (азимут 270°) совершено на глубине метра от дневной поверхности, очертания ямы не прослеживаются, над и под костяком отмечены волокна древесного тлена, оставшиеся от гробовища. Скелет вытянут на спине (юноша 14–17 лет, черепные швы не срослись), череп лежал глазницами вверх, кисть правой руки покоилась на середине груди, кисть левой была согнута на правом локте.

Погребение 4 (азимут 235°) совершено на глубине 1,37 м от уровня дневной поверхности, очертания могильной ямы не прослежены, под костяком, на расстоянии от черепа до таза, прослежен слой древесного тлена. Костяк (мужчина 25 лет, ростом 1,54 м) вытянут на спине, череп глазницами вверх, челюсти сомкнуты, правая рука согнута кистью к левому локтю, кости левого предплечья смещены.

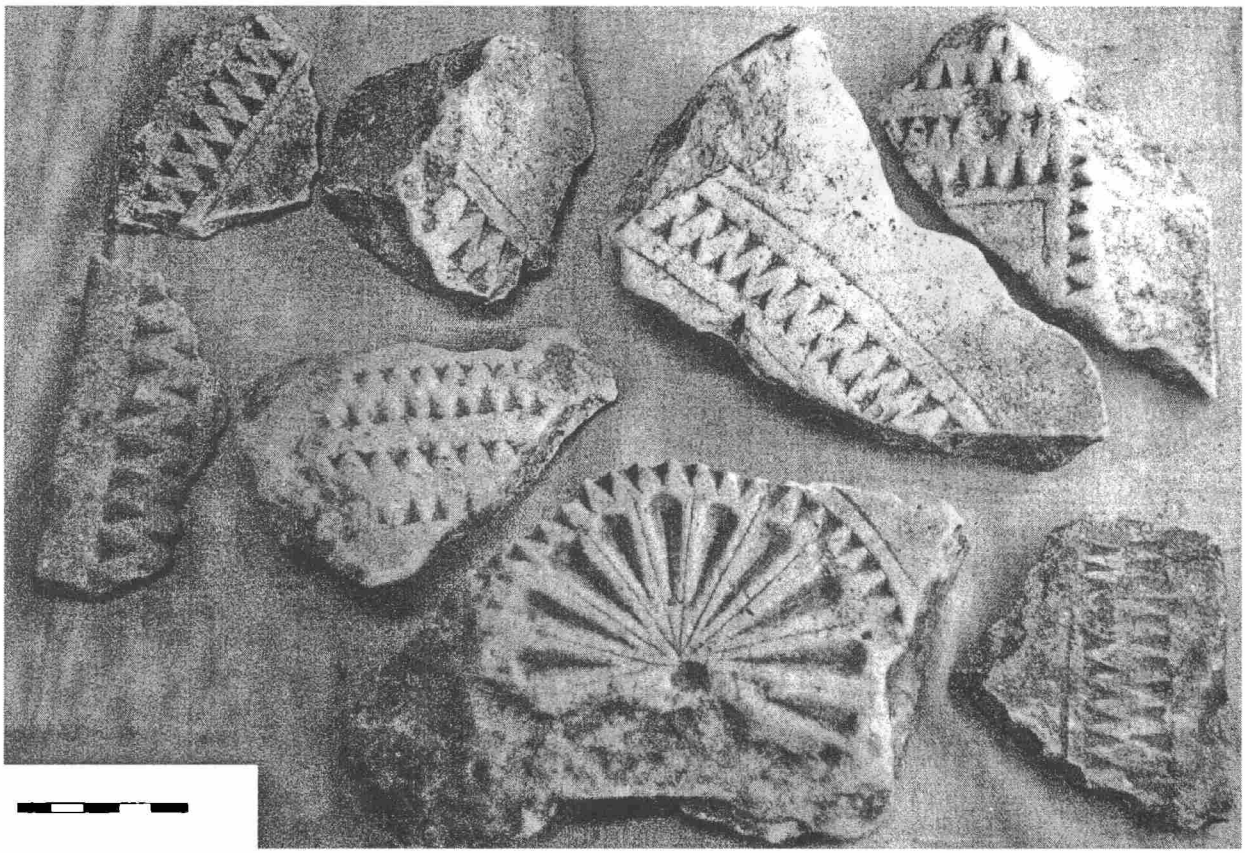


Рис. 12. Некрополь Вышегорода-на-Яхроме. Шурф 2. Фрагменты надгробия 3

Погребение 5 (азимут 270°) было совершено на глубине метра от дневной поверхности, могильная яма подпрямоугольной формы, шириной 0,6 м, уходила в западную стенку шурфа. В 5 см над костями прослежена прямоугольная рамка черного тлена – следы гробовища шириной 0,26 см, под костями зафиксирована прослойка черного тлена, выгнутая вниз (возможно, остатки долбленой колоды). От костяка сохранились только крупные кости ног.

Погребение 6 (азимут 245°), очертания могильной ямы которого не прослежены, было совершено на глубине метра от дневной поверхности и находилось под надгробием 1. Костяк был вытянут на спине: коренастый мужчина (чрезвычайно толстые трубчатые кости), ростом 1,52 м, 17–20 лет (не срослись кости крестца), череп разрушен в процессе рытья более поздней могилы.

Погребение 7 (азимут 245°), могильная яма которого прямоугольной формы, со скругленными углами, имела ширину 0,6 м и уходила в восточную стенку шурфа. Погребение было совершено на глубине 1,3 м от дневной поверхности. Костяк (мужчина 40 лет, рост 1,50 м) вытянут на спине, череп – на правом виске, челюсти сомкнуты. Левая рука согнута, кистью на левом плече, правая рука – кистью на левом бедре.

Погребение 8 (азимут 250°) – очертания и размеры могилы не прослежены. Костяк вытянут на спине (сохранились только кости ног), лежит на черном углистом слое тлена (рост 1,52 м, судя по длине бедренной кости, равной 41,5см).

В одной яме прямоугольной формы (размеры 0,8х1,8 м), ориентированной по линии ЮЗЗ-СВВ, у восточной стенки были обнаружены три черепа (других костей нет). Средний череп лежит теменем вниз, остальные – на затылке, глазницами вверх, при этом у всех черепов сохранились сомкнутые нижние челюсти (!). Маловероятно, чтобы посткраниальный скелет разрушился естественным путем. Возможно, здесь мы имеем дело с захоронением отделенных голов или с перезахоронением разрушенных погребений.

Керамический комплекс представлен красноглиняной грубой (в том числе курганного типа) керамикой XII–XIII вв. (29%) и красноглиняной гладкостенной XIV–XV вв. (67,1%) (табл. 4). Красноглиняная грубая керамика представлена горшками с тонкими, отогнутыми наружу венчиками (рис. 16, *1–2*), плечики и тулова которых были покрыты линейным (25%) и волнистым (8%) орнаментом (рис. 16, *3*). Красноглиняная гладкостенная керамика представлена горшками с чуть изогнутыми венчиками и резким уступом при переходе от венчика к

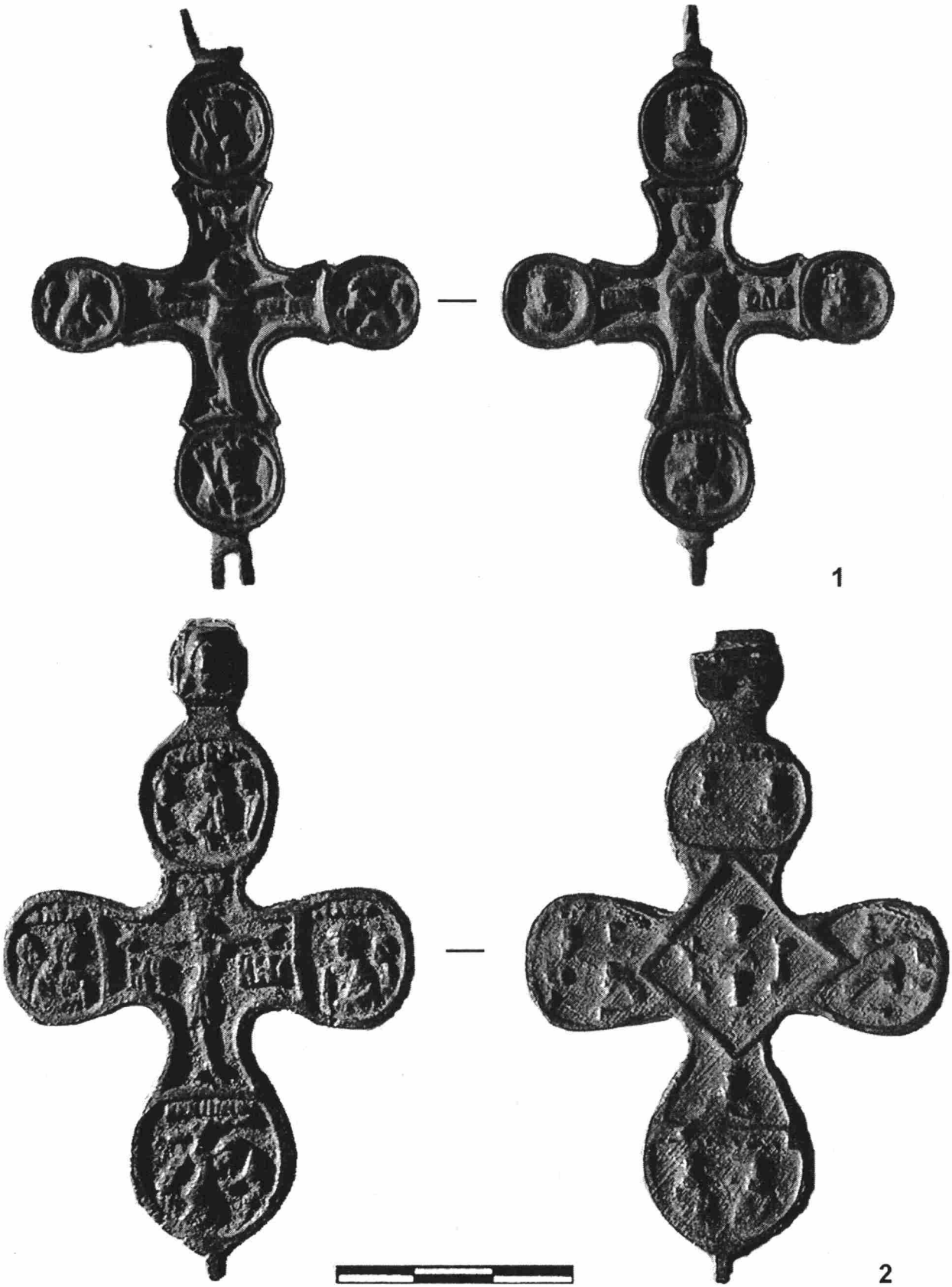


Рис. 13. Некрополь Вышегорода-на-Яхроме. Шурф 2. Бронзовые кресты XV–XVI вв.

Рис. 14. Некрополь Вышегорода-на-Яхроме. Шурф 2. Поливная «слезница» (елейница) из погребения 1

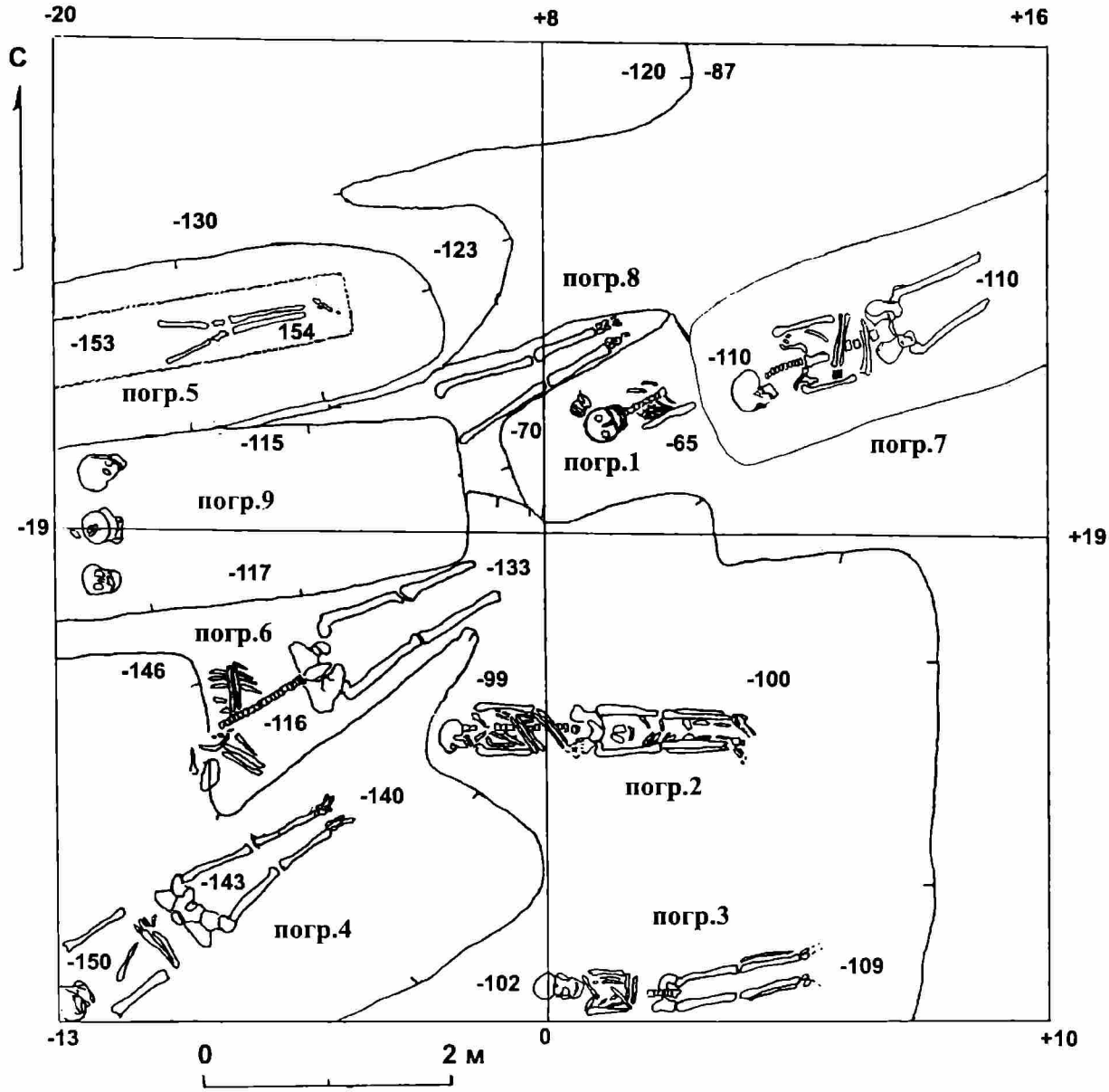


Рис. 15. Некрополь Вышегорода-на-Яхроме. Шурф 2. План зачистки материка. Погребения

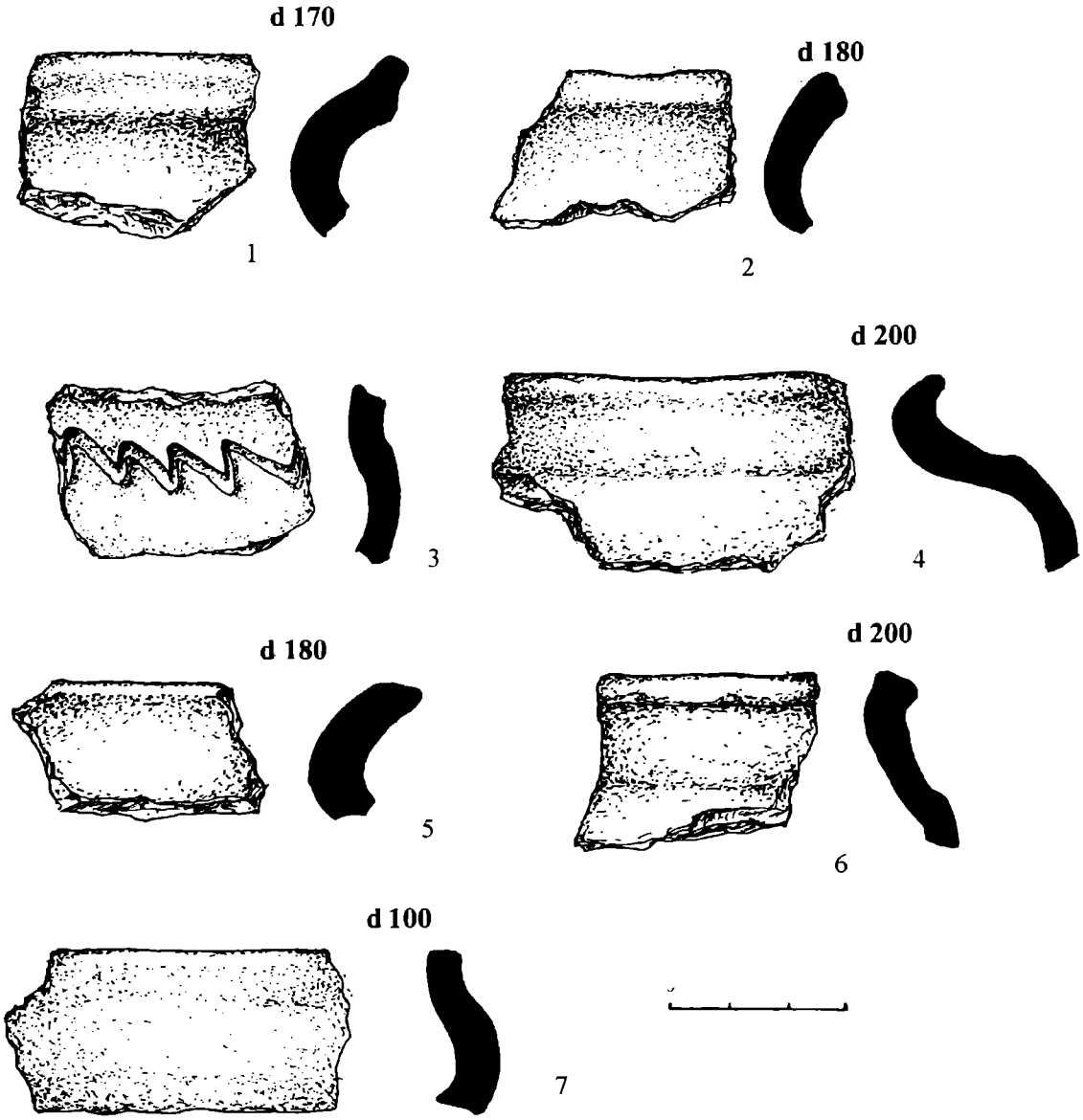


Рис. 16. Селище Пуриха-2. Шурф 2. Фрагменты керамики

1–2 – красноглиняная грубая XII–XIII вв.; 3–7 – красноглиняная гладкостенная XIV–XVI вв.

плечику (рис. 16, *4–7*). Встречаются также отдельные фрагменты краснолощеной, поливной и чернолощеной керамики (табл. 4).

Проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Центр древнерусской волости Вышегорода-Яхроме XIV–XVI вв. имел систему обороны, сочетавшую естественные укрепления (высокую площадку и крутые склоны) с искусственными, прикрывавшими два въезда в крепость: 1) с напольной стороны – вал и ров и с северного склона (со стороны посада) – вал на высоте 12 м от подножия городища.

2. На городище был обнаружен слой позднедьяковского времени – середины – второй половины I тыс. н.э., подтверждающие предположение о том, что на территории северного Подмосковья центры древнерусской администрации топографически совпадали с центрами родоплеменной структуры местного позднедьяковского (мерянского) населения, а древнерусские крепости возникали на месте укрепленных племенных центров финно-угров (*Вишневский*, 1995. С. 20–23).

3. Долина р. Яхромы имела довольно плотную сеть древнерусских поселений XII–XIII вв., что объясняет появление здесь центра княжеской администрации.

4. Селище Пуриха-2 напротив городища являлось, по-видимому, посадом Вышегорода, о чем говорят и размеры поселения, и нахождение рядом с ним могильников: курганного XII–XIII вв. и грунтового XIV–XVI вв.

Литература

Алексеев Л.В., 1974. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки из Белоруссии) // СА. № 3.

Алексеев А.В., 2007. Новые исследования в округе Звенигорода. Опыт локализации географической номенклатуры разъезжей грамоты 1504 года // АП. Вып. 3. М.

Алексеев А.В., 2008. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. М.; Звенигород.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 2. М., 1995.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4. М., 1997.

Бадер О.Н., 1935. Отчет о работах на строительстве канала Москва–Волга за 1932–1933 гг. // ИГАИМК. Вып. 109. М.; Л.

Бушуев А.Е., 1994. Некрополь Средневекового Вышегорода-на-Яхроме // Чтения, посвященные 840-летию Дмитрова. Тез. докл. Дмитров.

Векслер А.Г., Беркович В.А., 2000. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.

Веселовский С.Б., 1936. Село и деревня в Северо-восточной Руси XIV–XVI вв. // ИГАИМК. Вып.139. М.; Л.

Вишневский В.И., 1993. Отчет о разведках Сергиево-Посадского музея-заповедника в Талдомском и Дмитровском районах Московской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17809.

Вишневский В.И., 1994. Разведки Сергиево-Посадского музея-заповедника // АО–1993. М.

Вишневский В.И., 1995а. Новые археологические исследования центров средневековых волостей (Северное Подмосковье) // Плёсский сборник. Вып. 2. Ч. 1. Плес.

Вишневский В.И., 1995б. Язычество и христианство в Залесье (погребальный обряд средневековой провинции) // Церковная археология. Матер. I Всерос. конф. Ч. 1. СПб.; Псков.

Готье Ю.В., 1937. Замосковный край. М.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. № 3.

Дубынин А.Ф., 1970. Троицкое городище // МИА. № 156. М.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М.

Раппопорт П.А., 1956. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 62. М.

Розенфельдт И.Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Е1-39. М.

Травкин П.Н., 2007. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново.

V.I. Vishnevskiy

Vyshegorod-upon-Yahroma (investigations of 1993)

Summary

The expedition of the Sergiev-Posad open-air museum investigated in 1993 Vyshegorod-upon-Yahroma – the centre of medieval volost'. In the site (Vyshegorod citadel') was discovered the following: the occupation layer of the late D'yakovo time and the fortification mark unknown earlier – the bar on the north hillside. Over the river from the site there are "posad" (settlement Puriha-2, 12th – 16th cc.) and cemetery of the 15th – 16th cc. (white gravestones without inscriptions, bronze crosses).

С.З. Чернов, И.В. Волков

Болшево-3 – древнерусское поселение XI века на верхней Клязьме

Ранний этап древнерусской колонизации Московского края только начинает изучаться, поэтому у нас имеются лишь отдельные материалы, свидетельствующие о направлениях и особенностях колонизационных потоков, системе водно-волоковых путей и пунктах их контроля.

В связи с этим заслуживают особого внимания данные, полученные в 2007 г. на территории Болшевского археологического комплекса, расположенного в верхнем течении р. Клязьма. Анализ поселений, могильников и ландшафтной ситуации в районе показал, что именно отсюда в XII в. начинался Клязьминско-Яузский волок (*Чернов*, 2004. С. 228–277). Ядро Болшевского археологического комплекса образуют селище Болшево-3, расположенное на правом берегу р. Клязьма, и курганные могильники Болшево-2 и -3 середины XII – первой трети XIII в., лежащие на возвышенности в 200 м от него (рис. 1).

Селище Болшево-3 было выявлено в 2000 г. к северу от Колхозной площади и к югу от предприятия «Альфа-Лаваль». Культурный слой прослежен на пространстве в 120 м между мостом через Клязьму (ул. Кирова) и дамбой бывшего Шапкина моста, а также вглубь от реки до улицы Колхозной и к западу от нее. Памятник занимает пологую первую надпойменную террасу, отстоит от реки на 10–20 м и возвышается над урезом воды (139,95) на 2–7 м. Площадка селища имеет заметный уклон к реке, а общая площадь, на которой зафиксирован культурный слой, составляет 1,4 га (*Чернов*, 2000).

В 2000–2003 гг. на селище были заложены шурфы 2 (4 кв. м) и 3–7 (по 8 кв. м), причем в шурфах 2 и 5 был зафиксирован непотревоженный культурный слой древнерусского (XII–XIII вв.) периода (рис. 2). В остальных шурфах также встречался древнерусский керамический материал, что позволило определить площадь поселения XII–XIII вв. в 0,5–0,8 га. Кроме того, в шурфе 2 было обнаружено четыре фрагмента текстильной керамики, а в шурфе 9 – венчик баночного сосуда, украшенного вдавлениями, позволяющие предполагать, что в конце бронзового или начале раннего железного века эта территория посещалась людьми (*Чернов*, 2000; 2006).

Весной 2005 г. строительная фирма «Славяне» выкопала на селище котлован, в результате чего культурный слой был утрачен на площади 900 кв. м (рис. 2). Во избежание дальнейших разрушений осенью 2005 г. были начаты раскопки[1]. Первоначально были пройдены шурфы 8 (16 кв. м), 9 (8 кв. м) и 10 (16 кв. м) с целью составить представление о культурном слое на разных участках селища. В 2006 г. был заложен раскоп 1 (участок А – 102 кв. м) к югу от котлована и на северной окраине селища раскоп 2 (92 кв. м), а в 2007 г. – центральный раскоп, находившийся к востоку от котлована (раскоп 1, участки Б, В, Г – 232 кв. м). В результате общая исследованная площадь составила 510 кв. м.

Настоящая статья вводит в научный оборот материалы центрального раскопа (раскоп 1, участки Б, В, Г), на котором выявлено раннее ядро поселения (ямы 20, 22, 24)[2]. Раскопки начались с того, что к исследованному в 2006 г. участку А был прирезан участок Б (36 кв. м) (рис. 4). После снятия балласта открылся верхний слой, сложенный темно-серой супесью с углем и незначительными включениями кирпича, залегавший на материке. Его мощность составляла от 25 (в южной части раскопа) до 40–45 см (в восточной), что было обусловлено подрезкой слоя в ходе планировочных работ. Он был сформирован он в ходе вторичного освоения берега Клязьмы в конце XVII—XVIII в.[3] Об интенсивности этого ос-

---

[1] Авторы выражают благодарность И.Л. Максименко, И.Н. Кузиной, Д.В. Овчинникову, А.А. Журавлеву, Н.П. Колпакову, Т.С. Дьячкову и Е.В. Волковой, студентам Исторического факультета МГОУ и сотруднику краеведческого музея Б.Я. Ежову, который первым увидел в Болшево-3 ключевой памятник.

[2] Отдельные статьи будут посвящены постройке конца XI – первой половины XII в. (ямы 31 и 21), а также периферии поселения в XIII–XV и XVII–XVIII вв. (южный раскоп, раскоп 2, шурфы).

[3] В слое были обнаружен (рис. 4) обломок поливного расписного изразца (№ 1. Гл. -152 см), деньга 1750 г. (*Узденников*. 1985. № 2475) (№ 2. Гл. -204 см), серебряная копейка царя Михаила Федоровича 1630-х гг. (№ 3. Гл. -218 см), железная пряжка (№ 5. Гл. -208 см), колечко из медной проволоки (№ 6) и 15 копеек 1932 г. (№ 7).

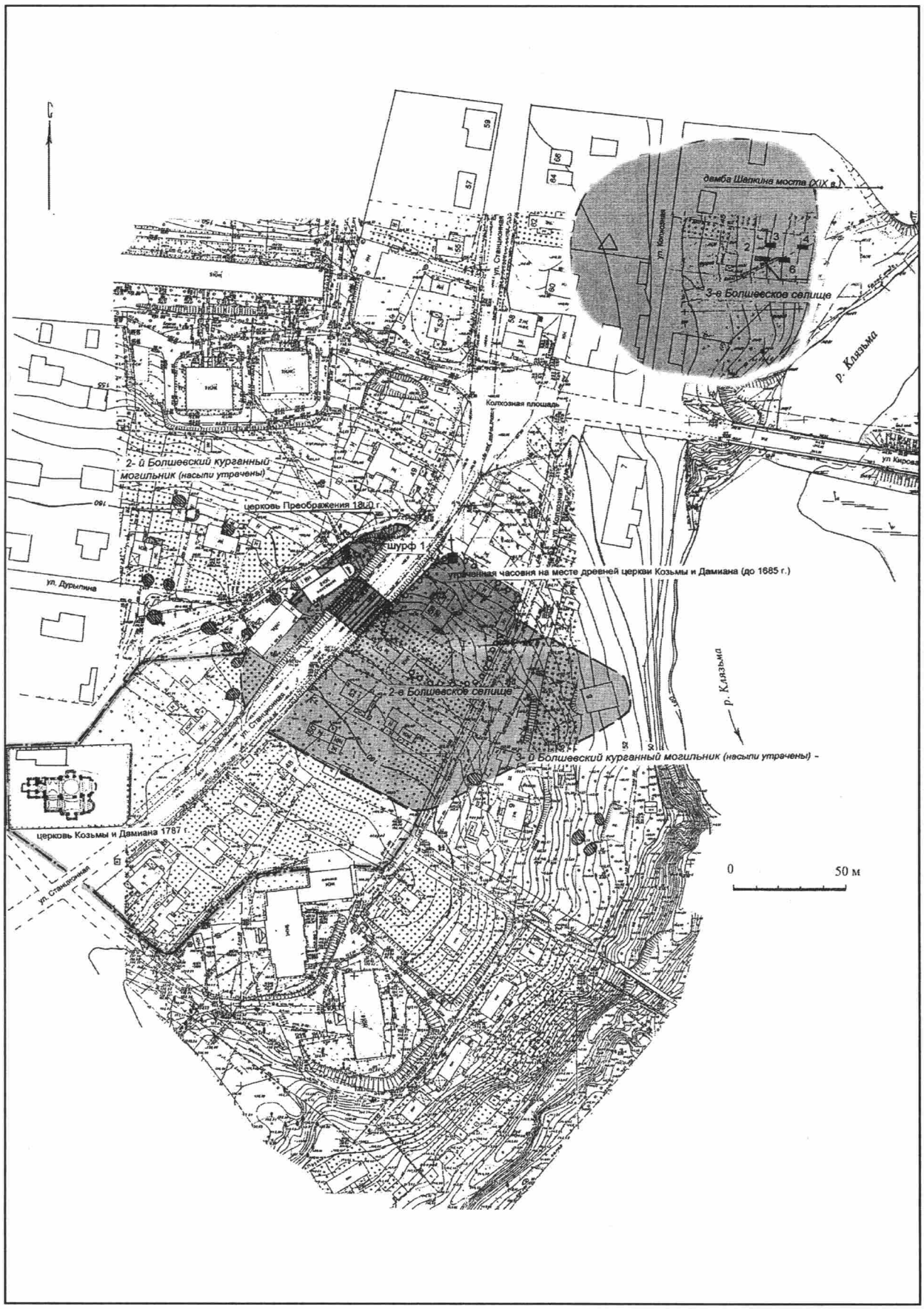


Рис. 1. Селище Болшево III на территории г. Королева. Ситуационный план

воения говорит тот факт, что материал конца XVII–XVIII в. на центральном раскопе составлял 58% от общего числа керамики верхнего слоя[4], тогда как средневековый материал – 42. На участке Б средневековой керамики было немного – всего 66 фрагментов, представленных курганной (42%), серой (42%) и красноглиняной грубой (16%) посудой. Больше 10 фрагментов на квадрат зафиксировано только в квадратах 30 и 31. Здесь же была обнаружена серебряная деньга конца XIV – начала XV в., которая предположительно может быть отнесена к чекану Нижегородского великого князя Василия Дмитриевича Кирдяпы (№ 4. Гл. -212 см).

Зачистка по материку выявила восемь заглубленных в материк ям (№ 13—19) различных размеров и конфигурации, из которых к средневековому времени относятся ямы 15 и 16 (рис. 4)[5]. Яма 15 чашевидной формы (1,0х0,6 м, глубина 0,25 м), нарушенная ямой 14 XVIII в., была заполнена темно-серой супесью с углем (в центре – линза угля и золы мощностью 0,15 м), в которой найден фрагмент обмазки глинобитной печи и 34 фрагмента раннекруговой (8) и курганной (26) керамики. Для первой характерна толщина стенок до 10 мм и тесто с включением дресвы (кварциты до 3 мм) (рис. 15Б, *1556, 1561, 1574, 1576*). Курганные сосуды изготовлены из красножгущейся глины с крупнозернистым песком, толщина их стенок составляет 5–7 мм. Керамика отличается от посуды, характерной для комплексов второй половины XII – первой трети XIII в.[6] Плечико горшка № 1564, украшенное штампом (косо ориентированные ряды, состоявшие из четырех вдавлений) и многорядной волной, имеет аналогии на селищах Дьяково-пойма первой половины XII в. (*Кренке*, 2004. С. 206–207. Рис. 46А, *2, 6*; 46Б, *1*) и Алексеевка-2 на р. Воря (МК, 1991. Табл. 18). Орнаментация из многорядных волн (№ 1568, 1570) и полос (шириной до миллиметра) равномерно покрывает тулова сосудов. Встречены кососрезанные (№ 1550, 1554), воронковидные (с вертикально стоящим венчиком – № 1549) варианты (4 и 7) венчиков и миниатюрный сосуд с заостренным валиком снаружи (№ 1551). Первые два сосуда имеют аналогии на селище Дьяково-пойма (*Кренке*, 2004. С. 207. Рис. 46Б, *6, 1*). Учитывая круг аналогий, яму 15 можно датировать первой половиной XII в. В полутора метрах к востоку от нее зафиксирована яма 16 (1,6х1,2 м, глубина 0,4 м, пробита ямой 17 XVIII в.). Она имела пологие стенки и была заполнена темно-серой супесью с углем. Отсутствие керамики не позволяет уверенно относить яму 16 к средневековому времени, однако это представляется весьма вероятным.

К северу от участка Б были заложены участки В и Г (рис. 2). Участок В (98 кв. м) имел прямоугольную форму, его западной и северной границами служили борты строительного котлована (рис. 3, кв. 37–60). Нивелировка поверхности, проведенная после снятия балласта, выявила небольшое падение уровня к востоку (на 40 см). Культурные напластования и поверхность материка утрачены в северо-западной и центральной частях участка (при рытье котлована и мусорной ямы). На остальной площади участка верхний слой сложен темно-серой супесью с углем и включениями кирпича. Мощность его в восточной части раскопа составляла 0,7 м, а в западной, там, где он был подрезан в ходе планировочных работ, – 0,3 м.

Как и на участке Б, слой на участке В был переотложен в XVIII в.[7], но не однороден. В южных квадратах участка В (рис. 3, кв. 53 – 60) он начинен средневековой керамикой (769 фрагментов) – на кв. м в среднем приходится по восемь фрагментов против двух на участке Б — и находками древнерусского времени. Среди них зафиксированы ножи (рис. 8, *16*. Гл. -287 см; *17*. Гл. -296 см; *22*), шиловидный наконечник стрелы квадратного сечения без упора (рис. 7, *26*), датируемый по новгородским аналогиям второй половиной XI – XIII в. (*Медведев*, 1966. С. 84; *Носов*, 1990. С. 119. Рис. 41, *2*), железные ушки от котлов, игла (рис. 8, *14, 18, 25*) и украшенный гравированным орнаментом обломок бронзового пластинчатого браслета, характерного для вятичских курганных древностей XII–XIII вв. (рис. 8, *13*. Гл. -271 см). Севернее (кв. 45, 48) найден бронзовый бубенчик XII в. с одной

[4] Белоглиняная гладкая, белоглиняная шероховатая, ангобированная и крашеная, чернолощеная, мореная, светлолощеная, поливная с зеленой и оранжевой поливой (поздняя), неполивная гладкостенная керамика, фаянс, фарфор и крынки, обломки рельефных изразцов XVIII–XIX вв.

[5] В кв. 33 и 36 доследована круглая яма 2 (1,0х0,45 м, глубина 0,2 м) чашевидной формы, заполненная темно серой супесью и датируемая до 1780-х годов. В кв. 29 и 31 зафиксирована столбовая яма 13 (85х40 м, глубина 0,29 м), заполненная серой и желто-бурой супесью. Между ними в зачистке прослежена яма 14 квадратной формы с закругленными углами и выступом в северной части (1,6х1,3 м, глубина метр) крутыми стенками и плоским дном, заполненная желто-бурой супесью. В яме найдена круглая медная пуговица (?) XIX в. с изображением имперского (австрийского) одноглавого орла и круговой надписью на французском языке на лицевой стороне и выступом для крепления – на оборотной. Темно-серой супесью с углем и битым кирпичом были заполнены столбовые ямы 18 (0,18х0,2 м, глубина 0,2 м) и 19 (0,28х0,28 м, глубина 0,25 м).

[6] Сооружение на месте Казанского собора на Красной площади, нижний слой Богоявленского монастыря, яма 8 на Романовом дворе.

[7] Найдена красноглиняная гладкая, белоглиняная гладкая и шероховатая, ангобированная и крашеная, чернолощеная и мореная, светлолощеная, розовоглиняная, поливная с зеленой и оранжевой поливой, гладкостенная керамика, а также фаянс, фарфор и крынки.

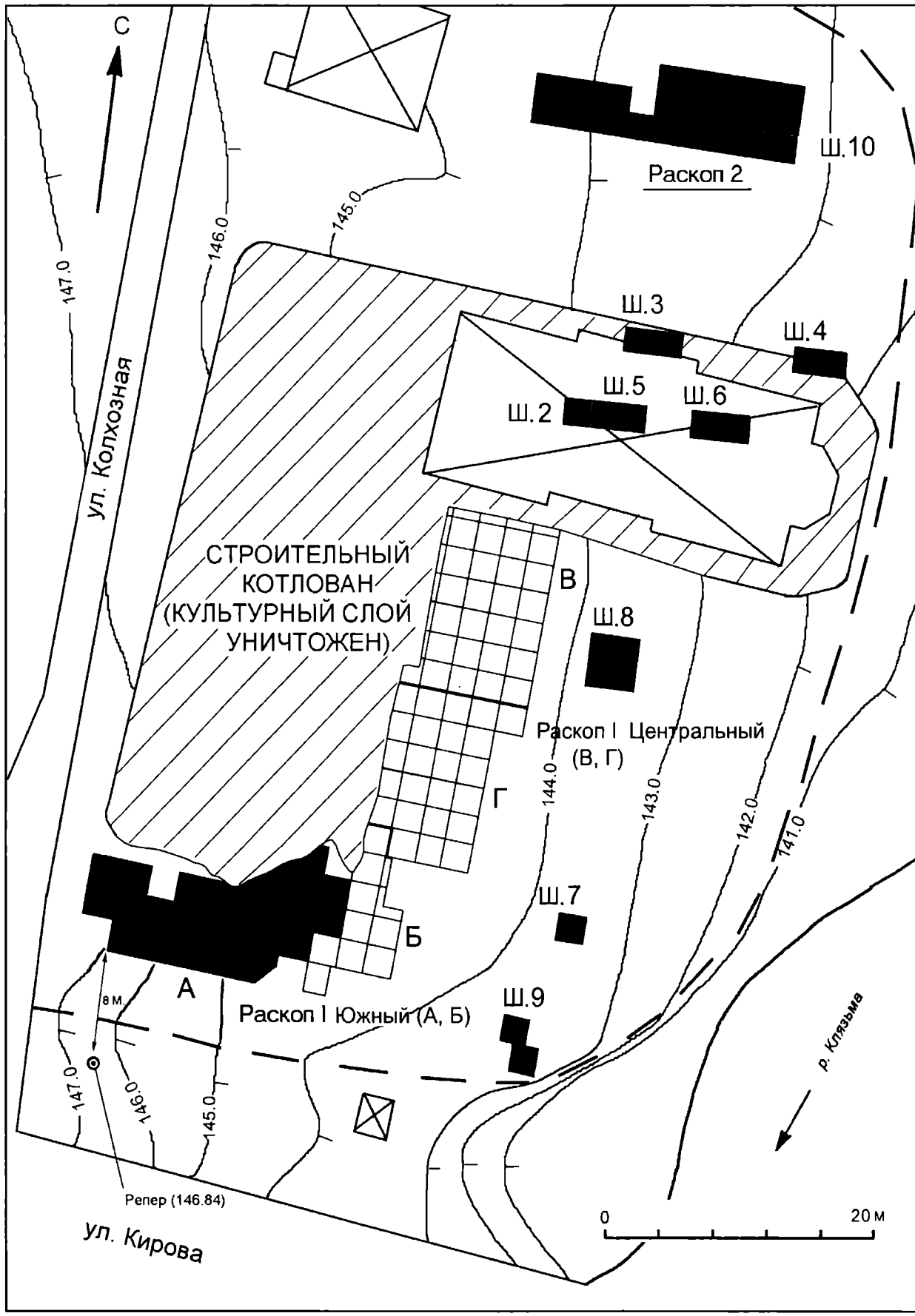


Рис. 2. Селище Болшево III. Участок работ с обозначением шурфов и раскопов 2000–2007 гг.

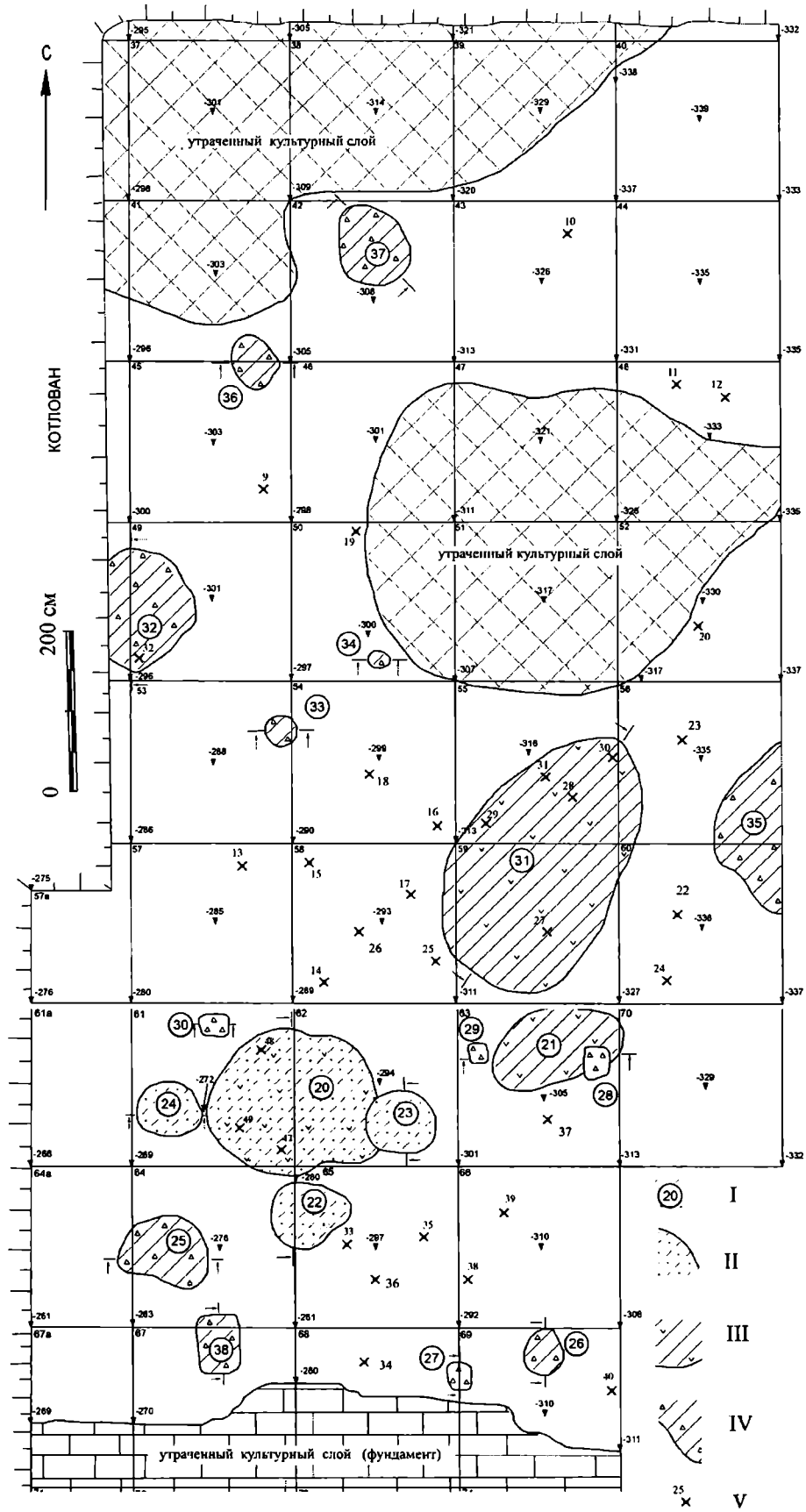


Рис. 3. Раскоп I Центральный. План зачистки материка на участках В, Г. Внизу – участки Г, Б

продольной прорезью (рис. 7, *12*. Гл. -348 см) и каменный оселок (рис. 8, *9*. Гл. -287 см)[8].

Здесь, впервые на селище, была встречена лепная древнерусская посуда (94 фрагмента или 12 %). Наряду с ней в слое присутствовала раннекруговая (108 фрагментов или 14%), курганная (402 фрагмента или 52%), серая (160 фрагментов или 21%) и красноглиняная грубая керамика (пять фрагментов или около процента).

Количество лепной и раннекруговой керамики нарастает с севера на юг (цв. вкл. XII). В двух северных полосах квадратов она отсутствует, затем появляется в небольшом количестве (5–11 на квадрат) и составляет 5–37 фрагментов на квадрат в двух южных полосах квадратов. Предельная концентрация (36–37, т. е. даже больше, чем курганной керамики) наблюдается в квадратах 57 и 58, примыкающих к яме 20 (участок Г), из которой происходит лепная и раннекруговая посуда. Над ямой 31 (квадраты 55 и 59), в заполнении которой преобладает курганная посуда, лепной и раннекруговой керамики меньше (10–22).

Курганная керамика распределяется в целом так же, как и лепная, но захватывает несколько большую территорию (цв. вкл. XII). В двух северных полосах квадратов она составляет более 12 фрагментов на квадрат, далее ее количество возрастает (17—29), достигая максимума в южных квадратах. Центр распространения курганной керамики приходится на квадраты 55 и 59, в которых располагается яма 31 (33 и 61) и восточнее ямы (56 и 34). К западу от нее (квадраты 54, 58) курганной керамики меньше (21 и 27). Приведенная планиграфия показывает, что наземное сооружение, маркируемое курганной керамикой, располагалось в районе ямы 31 и восточнее ее. Распределение серой керамики повторяет распределение курганной (максимум над ямой 31 и восточнее ее – от 9 до 23 фрагментов на квадраты 59, 60, 63, 70), по-видимому, жилье в районе ямы 31 продолжало функционировать до начала XIII в.

После разборки верхнего слоя была произведена зачистка материка (рис. 3), в котором открылась средневековая яма 31 и ямы 32–37 XVIII в.[9] Яма 31 (кв. 55–56, 58–59) в плане представляла собой пятно темно-серой углистой супеси яйцевидной формы, вытянутое по направлению ЮЗ–СВ, размерами 2,0х3,4 м. Пологие стенки ямы плавно переходили в дно. Заполнение было однородным: темно-серая супесь с углем, обильно насыщенная керамикой. Глубина ямы не превышала 36 см. В нем была обнаружена поясная латунная литая накладка подпрямоугольной формы с выпуклым сердцевидным центром (рис. 6 Б, *27*. Гл. -320 см), на внутренней стороне которой имелись три отверстия для вставки крепежных штифтов. По заключению В.Н. Мурашовой (ГИМ), накладка относится к кругу кочевнических древностей X–XI вв. и является частью поясного набора профессионального воина. Кроме того, встречено цилиндрическое пряслице из пирофилиттового сланца (розового овручского шифера) (рис. 6 Б, *30*. Гл. - 342 см) XI–XII вв. (*Колчин,* 1982. С. 174. Рис. 9), обломок глиняного цилиндрического пряслица (рис. 6 Б, *28*. Гл. -337 см), оселок из сланца (рис. 6 Б, *31*. Гл. -355 см) и половинка навитой битрапецоидной бусины с пропорцией 1:1 (рис. 6 Б, *29*. Кв. 55. Гл. -335 см), изготовленной из синего прозрачного стекла и датируемой XI–XIII вв. (*Захаров,* 2004. Рис. 276, *5–7*, *9–14*; *Захаров, Кузина*, 2008. С. 152. Рис. 134, *5?9*; 197).

Керамический комплекс, собранный в заполнении ямы 31 (497 фрагментов), отражает этап, на котором лепная посуда перестала использоваться, раннекруговая составляла всего 5% от общего материала (22 фрагмента), а доминировала круговая керамика (475), известная нам по датированным курганным погребениям первой половины – середины XII в. и комплексу с селища Дьяково-пойма. Яму можно атрибутировать как остатки неглубокого подполья крупной наземной постройки конца XI – первой половины XII в. Обращает внимание присутствие в ее заполнении импортных предметов, указывающих на высокий социальный статус хозяина сооружения.

Участок Г раскопа I (88 кв. м) примыкал к участку В с юга (рис. 3,4). Культурный слой был утрачен в юго-западном углу участка (квадраты 75–76, 79 – свалка) и в центре (квавдраты 67а–69, 71–74 – кирпичный фундамент XX в.), но на остальной площади сохранился. Он представлял собой темно-серую супесь с углем и мелкими фрагментами кирпича. Мощность слоя увеличивалась с запада на восток от 0,15 до 0,5 м.

В верхнем слое северной части участка (квадраты 61–66, 69) обнаружены находки, относящиеся к описанному выше набору находок древнерусского времени. Из них наибольший интерес пред-

[8] XVII в. датируется бронзовый крест-тельник с изображением распятия на лицевой стороне и килевидным завершением нижней лопасти (рис. 3, № 10. Кв. 43. Гл. -311 см), гвоздь (№ 24) и поковки (№ 15, 25), XIX в. – помадная банка (№ 19).

[9] Ямы XVIII в. заполнены темно-серой супесью с битым кирпичом (рис. 3). Яма 32 округлой формы (1,05х1,15 м, глубина 0,32 м) обнаружена на западной границе участка, в квадрате 49. Восточнее зафиксированы две столбовые ямы – 33 (круглая, диаметром 0,38 м, глубиной 0,27 м) и 34 (круглая, диаметр 0,25 м, глубина 0,33 м); у восточной стенки раскопа – яма 35 (2,15х0,8 м, глубина 0,3 м) чашевидной формы; на севере участка – ямы 36 (диаметр 0,55 м, глубина 0,28 м) и 37 (0,9х1,1 м, глубина 0,23 м).

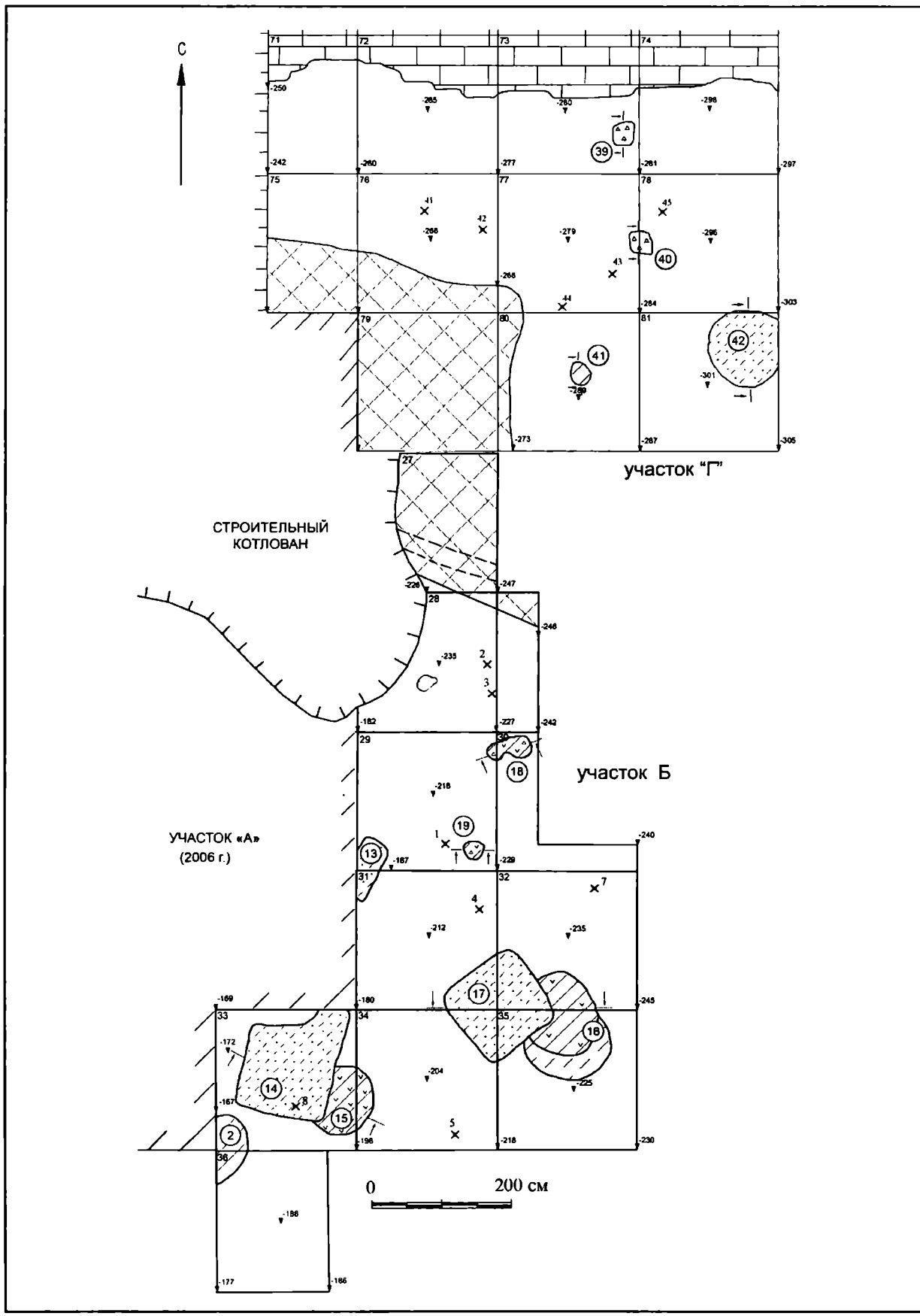


Рис. 4. Раскоп I Центральный. План зачистка материка на участках Г, Б.
Условные обозначения см. на рис. 3

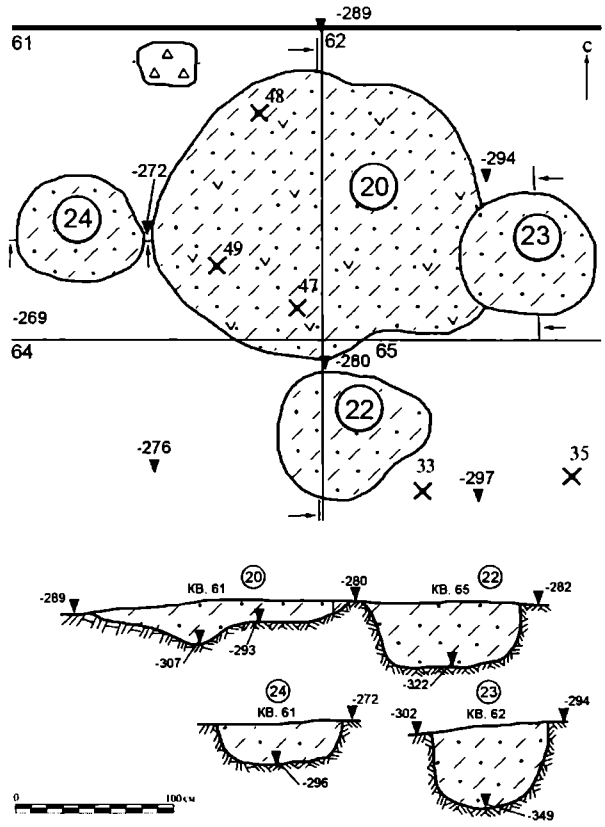


Рис. 5. Раскоп I. Участок Г. План и разрезы ям 20, 22–24

ставлял бронзовый трехлопастноконечный крестельник, с обеих сторон украшенный выемчатой желтой эмалью (рис. 7, *37*). В.А. Мальм, обобщившая данные о 13 крестах такого типа, происходящих из 12 погребений, писала, что они «найдены с вещами XI–XII вв.: грушевидными бубенчиками с крестовидными прорезями и с нарезкой в нижней части, шаровидными бубенчиками со щелевидной прорезью и линейным пояском, височными браслетообразными кольцами с завязанными концами, височными кольцами с тремя напускными узловатыми бусинами, витыми шейными гривнами с раскованными концами, сердоликовыми бипирамидальными и 14-гранными бусинами, золотостеклянными бочковидными и хрустальными шарообразными бусинами и монетами, одна из которых саксонская (Этельред II, 978–1016 гг., другая – англосаксонская (Герман, герцог Саксонский, умер в 1086 г.)». Это позволило датировать кресты XI–XII вв., а с учетом находок в городах – XIII в. (*Мальм,* 1968. С. 116–117; *Мусин,* 2002. С. 181). Аналогичные кресты найдены в Новгороде в слое начала XII в. (*Седова,* 1981. С. 52), в погребении 20 белоозерского могильника Нефедьево IA, датируемого 1130—1190 годами (*Макаров,* 1990. С. 169, 209. Табл. XXIV, *3)*, и в постройке 11 селища Могутово-2 (посад городка Шерна) вместе с фрагментами стеклянного сосуда, писанкой, стеклянной красной зонной бусиной, бронебойными черешковыми наконечниками стрел типов 82 и 83, датировки которых перекрываются в XI – середине XII в. (*Кирпичников, Медведев,* 1985. С. 351–353. Табл., 138, *16*; 139, *13*) и свинцовой печатью (№ 18) типа 137 по своду В.Л. Янина, принадлежавшей новгородскому князю Всеволоду Мстиславичу (1117–1136 гг.) (*Чернов,* 2008).

Кроме того, в верхнем слое был найден дротовый ложновитой рубчатый биллоновый перстень (рис. 7, *33.* Гл. -287 см) XI–XIII вв. (*Недошивина,* 1967. С. 259, 264. Рис. 33, *7*; *Зайцева,* 2008. С. 124; *Седова,* 1997. С. 76–77. Табл. 59, *9*), обломок бронзового крестопрорезного бубенчика (рис. 7, *39.* Гл. -296 см), которые выходят из употребления в середине XII в. (*Лесман,* 1984. С. 129; 1988. С. 60; *Макаров,* 1990. С. 104, 109–110. Прим. 23; *Седова,* 1981. С. 156), биконическое пряслице из овручского шифера (рис. 6, *38.* Гл. -292 см) XI–XII вв. (*Колчин,* 1982. С. 174. Рис. 9), обломок наконечника стрелы (рис. 6, *34*), нож (рис. 6, *40.* Гл. -301), обломки кованого гвоздя, глиняного грузила и каменного оселка (рис. 6, *35—36, 46)*.

Вторая группа находок древнерусского времени зафиксирована в четырех метрах к югу (рис. 4, кв. 76–78), близ ямы 42 (диаметр 1,1 м, глубина 11 см). Это бронебойный черешковый наконечник стрелы ромбовидной формы типа 83 (рис. 6, *43.* Гл. -261 см) XI в. (*Кирпичников, Медведев,* 1985. С. 352. Табл. 139, *13*; *Носов, Плохов,* 2005а. С. 54. Табл. 22, *14*), железный нож с уступом при переходе от лезвия к черенку (рис. 8, *45.* Гл. -305 см), обломок ножа (рис. 8, *42.* Гл. -255 см) и рыболовное глиняное грузило (рис. 7, *41.* Гл. -250 см).

К следующему этапу жизни поселения относится найденный здесь же серебряный дирхем, отчеканенный в Сарае ал-Джадид в правление хана Джанибека (1342–1357 гг.) (№ 44. Кв. 77. Гл. -268 см). Монета весом 0,53 г. обрезана в кружок и сильно потерта, что говорит о ее длительном обращении. Достаточно легкий вес свидетельствует о том, что дирхем был обрезан, скорее всего, на территории Руси (причем обрезан под вес полуденги) в конце XIV – первом десятилетии XV в. (*Гайдуков,* 2006. С. 63—64. Рис. 40). Находки подобных монет известны на юге Московских земель, а также во Владимирской области (*Зайцев, Лейбов,* 2006. С. 23. № 11–14). Это уже вторая ордынская серебряная монета, обрезанная под русскую весовую норму, найденная на селище. Первая была обнаружена в южном раскопе в 2007 г. и представляла собой дирхем хана Узбека 1330-х годов (*Клоков, Лебедев,* 2002. С. 81. Рис. 2, *б*) весом 0,46 г., обрезанный под вес полуденги в конце XIV – первом десятилетии XV в. (*Гайдуков,* 2006. С. 63–64. Рис. 40).

Средневековая керамика из слоя участка Г представлена 566 фрагментами, что дает 6,4 фрагмента на квадратный метр – показатель средний между участками Б и В. Так же как и на участке В была встречена лепная керамика (169 фрагментов или 30 %), но здесь ее в три раза больше чем на участке В. Раннекруговой посуды (36 фрагментов или 6 %), напротив, вдвое меньше, чем на участке В. Найдена также курганная (281 фрагмент или 50 %, т.е. столько же, сколько на участке В), серая (68 фрагментов или 12% или вдвое меньше, чем на участке В) и красноглиняная грубая керамика (12 фрагментов или около 2%).

Высокий процент лепной керамики обусловлен тем, что на участке Г после разборки верхнего слоя открылась яма 20, содержавшая лепную керамику. Планиграфия лепной и раннекруговой посуды подтверждает это предположение (рис. 6–7). В двух южных полосах квадратов (75–81) ее найдено три фрагмента. В следующих двух полосах (квадраты 67а–74) она найдена в малых количествах (один-три фрагмента на квадрат). Зато в северных полосах (квадарты 61–66) найдено от 17 до 38 фрагментов. Предельная концентрация лепной и раннекруговой керамики – от 28–38 фрагментов на квадрат, т. е. даже больше, чем курганной, – наблюдается в квадратах 61, 62, 65, непосредственно находящихся над ямой 20. Еще одна зона концентрации наблюдается в 2 м восточнее (квадрат 70). Возможно, это связано с тем, что где-то рядом с восточным или южным краем квадрата 70, за пределами раскопа располагалась еще одна яма с лепной и раннегончарной керамикой.

Насыщенность слоя курганной керамикой также увеличивается с юга на север (цв. вкл. XIII): от шести-семи фрагментов (в квадрате 75 – 29 фрагментов) в южных и центральных квадратах (квадраты 67а–74) до 71 фрагмента в северной части участка. Курганной керамики особенно много над ямой 21 (квадрат 63 – 40 фрагментов), что свидетельствует об их синхронности, а также к югу и востоку от нее (30 и 71 фрагмент). Западнее, над ранней ямой 20, курганной керамики значительно меньше (от 3 до 29 фрагментов в квадратах 61, 62, 64, 65), что естественно, так как в период функционирования ямы 20 курганная керамика еще не получила распространения. Распределение серой керамики аналогично курганной (максимум над ямой 21 и в квадрате 65).

При зачистке материка, который имел уклон к востоку, было выявлено 10 ям XVIII в. (25–30, 38–40)[10] и шесть ям средневекового времени (20–24, 42). Среди них исключительный интерес представляет группа ям 20, 22–24. Яма 20 (рис. 3, *5*) имела вид пятна округлой формы с размытыми границами и максимальными размерами 1,8х2,1 м. В ходе изучения объекта было установлено, что его заполнение однородное, состоявшее из серой супеси, перемешанной с желтой материковой супесью. Яма имела очень пологие стенки, переходящие в уплощенное дно, ее глубина на основной площади не превышала 10–13 см. В центральной части имелась небольшая (диаметром 0,3 м) впадина, в которой глубина ямы составляла 25 см. Судя по всему, это остатки заглубленной части (подпола?) крупной наземной постройки.

С юга, востока и запада к яме 20 примыкали три небольшие ямы (рис. 5). Яма 22, отстоявшая на 5 см к югу от ямы 20, в зачистке имела вид пятна неправильной формы (0,8х1,0 м) с размытыми границами. Заполнение ее состояло из серой супеси с включениями материковой желто-бурой супеси. При разборке заполнения было установлено, что форма ямы в плане овальная, причем она имеет достаточно крутые стенки, переходящие в уплощенное дно. Максимальная глубина ? 40 см. Яма 23 примыкала к яме 20 с востока и имела округлую форму (0,8х0,85 м). При зачистке по материку границы ямы определялись с трудом, так как ее заполнением являлась материковая желтовато-бурая супесь с включениями серой супеси и очень мелкими угольками. В разрезе яма имела чашевидную форму, крутые (практически, отвесные) стенки плавно переходили в уплощенное дно. Глубина ее равнялась 52 см. Яма 24 выявлена в 5 см к западу от ямы 20 в виде пятна округлой формы (0,7х0,8 м). Ее однородное заполнение состояло из серой супеси с включениями материковой желто-бурой супеси. Границы в плане читалась нечетко. Яма глубиной 24 см имела отвесные стенки, переходящие в уплощенное дно. Находок и керамики в ямах 22–24 не обнаружено. Однако по составу заполнения они идентичны с ямой 20 и отражают следы одного сооружения.

В заполнении ямы 20 был найден (рис. 6 *А*) обломок оселка (№ 47. Гл. -260 см), изготовленного из светлого песчаника, калачевидное железное кресало с язычком (№ 48. Гл. -274 см), датируемое по новгородским аналогиям X–XI вв. (*Колчин*, 1959. С. 99. Рис. 84, *1?2*; 1982. С. 163. Рис. 4) и

[10] К XVIII–XIX вв. относится система столбовых ям, заполненных темно-серой супесью с битым кирпичом. Они расположены двумя рядами по линии север–юг. Западный ряд имеет в длину в 4,2 м и включает ямы 30 (квадрат 61, 0,25х0,38 м, глубина 17 см), 25 (квадрат 64, 0,87х1,1 м) и 38 (квадраты 64 и 67, 0,55х0,75 м, глубина 16 см). Восточный ряд имеет в длину 10,5 м и включает ямы 29–28 (квадрат 63, 0,22х0,28 м, глубина 19 см; 0,3х0,4 м, глубина 32 см), 27–26 (квадраты 68 и 69, 0,25х0,32 м, глубина 26 см; 0,5х0,57 м, глубина 7 см), 39 (квадрат 73, 0,33х0,38 м, глубина 25 см), 40 (квадарты 77 и 78, 0,35х0,35 см, глубина 18 см), 41 (квадрат 80, 0,28х0,36 м, глубина 7 см).

железный крылатый псалий с полукруглым стержнем и боковым щитком с двумя отверстиями (№ 49. Гл. -279 см), являвшийся элементом удил III типа, использовавшихся в XI и отчасти в XII в. прежде, чем в XII в. широкое распространение получили двухзвенные удила (*Кирпичников,* 1973. С. 16. Рис. 4; 5, *12*). В отличие от крылатого псалия из Новгорода второй половины XI в. (*Кирпичников,* 1973. Рис. 54, *3*) щиток болшевского псалия прямоугольный, а стержень менее изогнут. Последние особенности роднят его с псалиями удил типа Ia, относящихся к X – началу XI в. [1]

Керамический комплекс, происходящий из заполнения ямы 20, состоит из 29 фрагментов – 23 лепных (80%) и шести раннекруговых (20%) (рис. 11, *504–532*). О формах и технологических особенностях лепной керамики можно судить по фрагментам пяти сосудов.

Сосуд 1. Венчик № 505 (диаметр 21 см) представляет собой верхнюю часть слабо профилированного горшка средней величины с высокой саблевидной (в профиле) шейкой, утолщением стенок к плечикам и декоративным ребром по плечику. Стенка этого же сосуда, найденная в верхнем слое (рис. 11, *1593, 1615*), описана ниже. Толщина стенки 7–8 см. Тесто содержит включения дресвы с крупными (до 4 мм) кварцитами, выступающими на внутренней поверхности сосуда. Внешняя поверхность заглажена. Стенка равномерно прокалена и имеет темно-серый цвет. Аналогичное тесто и цвет имеет небольшой край крышки (?) № 506. Подробнее этот тип керамики будет охарактеризован ниже.

Сосуд 2. Фрагменты № 507 и 519 (рис. 9) принадлежат шейке и верхней части тулова еще одного лепного горшка. По всей видимости, он имел близкую первому форму: фиксируется декоративное ребро по плечику, ниже которого стенки утолщаются. Состав теста близок к составу сосуда 1, но размер кварцитов не превышает 3 мм. Поверхность сосуда не заглажена, неровна и шероховата – этим сосуд отличается от всей остальной лепной посуды комплекса.

Сосуд 3. Представлен донцами № 511 и 550 и фрагментом нижней части тулова № 510. В тесте сосуда особенно много кварцитов и слюды размерами до 55 мм. Его поверхность неровная. Цвет темно-бурый.

Сосуд 4. Представлен стенками № 508–509, 523, 529, сформован также из красножгущейся глины. В отличие от сосудов, описанных выше, прошел неполный окислительный обжиг. Его поверхность буро-краснокирпичного цвета, в изломе черепок темно-серый. Толщина – от 5 до 10 мм. Поверхность сосуда вначале заравнивалась тряпкой или другим предметом, от которого остались глубокие следы неправильной формы (№ 508), а также, возможно, щепкой (№ 529). После чего поверхность дополнительно заравнивалась пальцами (№ 508 – снаружи, № 509 – внутри).

Сосуд 5. Группа стенок (№ 515?517, 520, 525–527, 531) имеет толщину 6 мм и одинаковый прокал. Внешняя поверхность сосуда (примерно на треть глубины) прокалена до красно-кирпичного цвета, а внутренняя имеет темно-серый цвет, что говорит о недостатке кислорода при термической обработки.

Раннекруговая керамика представлена двумя венчиками (рис. 9). № 518 – верхняя часть небольшого сосуда (диаметр венчика 17 см) с воронкообразным завершением – близка более поздним сосудам 7 варианта курганной керамики. Четыре фрагмента того же сосуда выявлено в переотложенном верхнем слое в квадратах 62 (№ 1606–1607), 64 (№ 1244), 65 (№ 1285), т.е. непосредственно над ямой 20 (рис. 13). На основании этих пяти фрагментов можно дать довольно полную характеристику верхней части сосуда. Его венчик – вертикальностоящий. Край немного оттянут наружу и оформлен в виде горизонтальной площадки. Максимальное расширение сосуда превышает диаметр венчика на сантиметр. По плечикам нанесено две полосы частого волнистого орнамента (волны повторяются через 7 мм), пробел между которыми составляет 1,5 см. Горшок изготовлен из красножгущейся глины со среднезернистым песком (не превышает меллиметра). Прошел довольно хороший окислительный обжиг: черепок на 1–2 мм с обеих сторон сосуда прокален до красно-кирпичного цвета, середина имеет серый цвет. Кроме того, встречен венчик № 513 с выступами снаружи и внутри (под крышку) (рис. 9).

Для лучшего понимания описываемого комплекса керамики необходимо обратиться к лепной и раннекруговой посуде из верхнего слоя, предпослав описанию этого материала несколько соображений о правомерности его использования. Средневековая керамика верхнего слоя участков В и Г

1 В 0,8 м к востоку от описанной группы ям и в 0,1 м к югу от ямы 31 обнаружена небольшая яма 21 (рис. 3) овальной формы (0,95x1,7 м, глубина 28 см), ориентированное по линии запад?восток. Стенки ямы пологие, плавно переходящие в уплощенное дно, в центральной части имеется углубление диаметром около 40 см. Юго-восточный край ямы пробит поздней столбовой ямой 28. Заполнение ямы 21 – темно-серая гумусированная супесь, в нижней части – светло-серая супесь (остатки подзола). В заполнении встречен фрагмент курганной керамики, однако не исключено, что из верхней его части происходит крест-тельник с эмалевыми вставками (рис. 9, *37*). Концентрация курганной керамики над ямой позволяет датировать ее первой половиной XII в. и вместе с ямой 31 трактовать как заглубленные части наземной постройки.

(1926 фрагментов, в коллекции 1064) включает 13 % лепной, 7,2% раннекруговой, 56 % курганной, 20% серой и 3,3 % красноглиняной грубой и краснолощеной керамики[12] (без учета трудноопределимой средневековой керамики, составляющей 26% от всего материала). Данное пропорция отражает соотношение типов керамики, найденной на центральном раскопе. Между тем, в центральной его части, обозначенной присутствием лепной и раннекруговой посуды (цв. вкл. рис. XII), ее больше чем 20%, что отражает хозяйственную деятельность в районе ям 20, 21–23.

Лепная керамика (261 фрагмент, 227 в коллекции) выполнена из красножгущейся глины с примесью дресвы (кварциты в 1–3 мм). Толщина стенок от 5 до 15 мм. Поверхность сосудов неровная, прослеживаются разнонаправленные следы, оставленные пальцами гончаров. Выделяются следующие типы.

Керамика ладожского типа. Сосуд 6 (горшок) представлен фрагментом плечиков с ребром (№ 1473, 1612) и стенкой (№ 1474) (рис. 11). Поверхность неровная, с выступающими кварцитами или кавернами (там, где кварциты выпали). Каких-либо следов выравнивания на круге не наблюдается. Менее четко выраженные ребра фиксируются на массивном (№ 716) и миниатюрном (№ 616) горшках. Ближайшие аналогии найдены на поселениях на территории Данилова (фрагменты двух горшков найдены в 1983–1984 гг., четырех – в 2006 г.) (*Беляев*, 1994. Табл. 77, *6, 10*; 2006) и Николо-Угрешского монастырей (*Чернов и др.*, 2008. С. 191. Рис. 24, *51*).

Лепная керамика с ребром по плечику известна на многих памятниках Северной Руси как керамика «ладожского типа». Она была выделена Я.В. Станкевич по материалам Ладоги, где известна с середины VIII в. (*Станкевич*, 1950. С. 189–202; 1961. С. 224–233). К концу X – началу XI в. эта керамика получает широкое распространение в Северной Руси. В Новгороде ее находки фиксируются в середине – второй половине X в. (типы II *б–д*) (*Смирнова*, 1976. С. 3–10). Подобная керамика встречается в сопках и связывается исследователями с новгородскими словенами. Серии подобной посуды зафиксированы на поселениях Удомельского Поозерья (*Исланова*, 1997. С. 60–61. Рис. 100, *10*; 102, *3* и др.), Верхней Волги и Ярославского Поволжья (*Носов*, 1977. Рис. на с. 96. № *4, 6*; *Плохов*, 2005. С. 74–81. Табл. 48–53), Верхней Оки (*Никольская*, 1957. С. 191. Рис. 13, *6*) и исчезает из обихода с распространением гончарного круга.

Для датировки бытования лепной керамики описанного типа на территории Северо-Восточной Руси важны находки сосудов в могильниках. На Белоозере сосуды с ребром (тип III по Н.А. Макарову) встречены в погребении 1 из Киснемы и в могильнике Никольское III (погребение 1 кургана 1 и погребения 6 и 18 грунтового могильника) (*Макаров*, 1990. С. 57. Табл. X, *1,2, 9*) Могильник Киснемы датируется концом X – первой половиной XII в. (*Макаров*, 1990. С. 57, 107), а Никольское III, многие погребения которого содержат западноевропейские монеты, датируется автором исследований 1040–1070-и годами (*Макаров*, 1990. С. 57, 102).

Единственный сосуд с ребром (видимо подправленный на гончарном круге), найденный в датированном монетами могильнике Подмосковья, происходит из кургана 72 могильника Шейка в бассейне р. Истра притока Москвы-реки (рис. 1, *26*) (МК, 1991. Табл. 2, *2*). В комплекс погребения входят стеклянные бусы: цилиндрические золоченые, серебряные, зеленые зерненые и битрапецоидные; проволочные небрежно завязанные височные кольца, витая завязанная гривна, широкий нож, а также денарии с большими проволочными ушками: Майнц, Конрад II (1024 – 1039) или Генрих III (1039 – 1056); Германия, неопределенный монетный двор, пер.пол. XI в. (2 монеты), «медное подражание фризским монетам» (*Равдина*, 1988. С. 20, *1–7*; С. 129).

Керамика с защипами по краю венчика. Характерной чертой горшков этого типа является вертикально стоящий венчик с горизонтально или косо срезанным краем и крупными и глубокими защипами по краю венчика. Защипы-вдавления имеют овальную форму, длиной в сантиметр и следуют один за другим без перерыва. Наиболее ярком образцом керамики данного типа является горшок 7 средних размеров (диаметр венчика 23 см). Он включает четыре фрагмента венчика, три из которых подклеиваются (рис. 10, *906, 500*). Поверхность горшка несколько лучше заглажена, чем у сосуда 6, но крупные кварциты в изобилии выступают, особенно изнутри. Толщина стенки 7 – 8 мм. Цвет поверхности сосуда бурый с черными пятнами. К данной серии относится еще три венчика меньших размеров, для которых характерен косой срез края (рис. 10, *1502, 1246, 1592*).

Керамика с защипами по краю венчика най-

[12] Небольшое количество красноглиняной грубой керамики, распространенной в первой четверти XIV в., свидетельствует о том, что в XIV в. процесс жизнедеятельности на месте раскопа завершился. В XIII в., видимо, отложилась почти вся серая посуда (20 %) и примерно столько же курганной. Остальные 36% курганной приходятся, видимо, на XII в., когда серая керамика еще не вошла в обиход.

дена на селище Жданово-1 на р. Пахре (близ с. Добрятино), где были изучены постройки 1 и 2, давшие соотношение лепной и круговой посуды соответственно 6:4 и 3:7 (*Гоняный,* 1999. С. 135. Рис. 3, *4, 6*). Собранные на этом поселении находки – комплект бронзовых весов для малых взвешиваний, подковообразная фибула X – начала XI в. (по Новгороду), крестопрорезные бубенчики XI – первой половины XII в., височные кольца «деснинского» типа середины – третьей четверти XI в. – позволили автору датировать памятник серединой – второй половиной XI в. (*Гоняный,* 1999. С. 137). Подобная керамика зафиксирована на раскопе 1 могильника Хотяжи, где были найдены предметы, верхняя граница бытования которых не выходила за пределы середины XI в. (*Алексеев*, 2004. С. 187. Рис 9, *3*).

Керамика с «саблевидным» профилем. Наиболее многочисленная и оригинальная серия лепных горшков Болшева включает два фрагмента от уже известного нам по комплексу из ямы 20 сосуда 1 (рис. 9, *505, 506*) и фрагменты венчика того же сосуда (рис. 11, *1615, 1593*). Они имеют почти черную поверхность и немного заглажены снаружи. Толщина стенки 5–8 мм. В изломе черепок так же, как и на поверхности, темно серого (почти черного) цвета – прокален равномерно при недостаточном поступлении кислорода. Сосуд 8 этого типа (рис. 11, *1614*), выполненный из красной глины, подвергся равномерному окислительному обжигу. Толщина стенок – 6–8 мм. Так же, как и у сосуда 1, в тесте сосуда 8 много толченой дресвы (кварциты до 3 мм), а наружная поверхность немного заглажена.

Полное представление о данном типе керамики дает сосуд 8 (рис. 11, *1631*). Он подклеен из трех крупных фрагментов практически до полной формы (недостает лишь донца). Диаметр венчика 24 см. Высота горшка более 20,5 см. Состав теста аналогичен сосудам 1 и 7. В изломе горшок двуслойный. Поверхность прокалена до оранжевого, а остальная часть имеет черный цвет, т. е. при обжиге имел место недостаток кислорода. Цвет поверхности сосуда серый с черными пятнами. На поверхности видны следы заглаживания – идущие параллельно другу другу не сосем ровные вдавленные полоски шириной менее миллиметра. Может быть, сосуд заглаживался тряпкой, на которой оказались кварциты. Профиль горшка близок к S-овидным лепным сосудам, но не идентичен им. Венчик лишь слегка оттянут наружу и срезан (толщина стенки сосуда здесь равняется 4 мм). Он плавно переходит в плечико, постепенно расширяясь и достигая в районе плечика максимальной толщины в 9 мм. Переход к плечику (место, где вогнутая поверхность переходит в выгнутую) оформлен в виде декоративного ребра, ниже которого толщина сосуда увеличивается. Тулово сосуда максимально расширялось в средней части горшка. Точно такие же формы характерны для сосудов 7 и 8. Возможно, к этому типу сосудов следует относить венчики слабоотогнутые наружу с сужением к краю (рис. 11, *1585, 755*).

Просмотр материалов по древнерусским памятникам Северной и Северо-Восточной Руси X–XI вв. не дал аналогий сосудов с «саблевидным» профилем. Нет их и на селищах долины р. Москвы (на территории Даниловского и Угрешского монастырей, Заозерье-2 и др.). Правда, аналогичный сосуд был зафиксирован в трупосожжении (погребальный комплекс 3в) Ратьковского могильника, принадлежавшего к кругу мерянских древностей VII–IX вв. Из того же погребального комплекса происходит венчик с кососрезанным краем, по форме напоминающие описанные выше венчики с защипами по краю (*Вишневский и др.*, 2007. С. 96. Рис. 4, *19, 21, 22*). «Саблевидный» профиль с ребром по плечику имеет один из сосудов, происходящий с мерянского городища Выжегша VII–IX вв. близ р. Колокча под Юрьевым Польским (*Леонтьев,* 1996. С. 200. Рис. 84, *3*).

Также была встречена серия венчиков S-овидного профиля с небольшим валиком-расширением по внешнему краю сосуда (рис. 11, *918, 1616, 1618, 1595, 859–1613, 860*) и сосуд почти баночной формы с вертикально стоящим венчиком, который немного отогнут и слегка сужается к краю (рис. 11, *1594*). Точная аналогия его имеется в комплексе керамики из построек 1 и 2 селища Жданово-1 на р. Пахра (*Гоняный,* 1999. С. 135. Рис. 3, *8*) и селище Дьяково-пойма первой половины XII в. *(Кренке*, 2004. С. 207. Рис. 46Б, *5*).

Раннекруговая керамика (139 фрагментов, в коллекции 116) изготовлена из красножгущейся (рис. 13, 16А), а половина – из беложгущейся глины (рис. 14Б, 17А). Активное использование беложгущихся глин, по всей видимости, является особенностью этого этапа керамического производства. Технологически раннекруговая керамика резко отличается от лепной и стоит гораздо ближе к курганной. Толщина сосуда колеблется в диапазоне 6–8 мм, изредка достигая 10 мм. В качестве примесей использовался среднезернистый песок (до меллиметра). Обжиг неполный окислительный. В результате такого обжига керамика из красной глины приобретает буро-красный цвет, а белая – светло серый.

Среди керамики из красножгущейся глины преобладают варианты форм, в более поздний период ставшие типичными для курганной посуды.

Прежде всего, это воронкообразные венчики с горизонтальной площадкой и псевдовеликом (рис. 13Б, *622, 886, 965*). Довольно близкой аналогией этой формы являются сосуды III группы раннекруговой керамики Новгорода 15–17 пластов Троицкого X раскопа, которые датируются 990–1020-и годами (*Горюнова*, 2005. С. 98, 104. Табл. 114, *3*). Имеются группы горшков со срезанным краем (рис. 13Б, *750, 968*), с краем, оформленным в виде отгиба под прямым углом (рис. 13Б, *1609*) и с упором под крышку (рис. 13Б, *617*), горшки со слабоотогнутым венчиком и эллипсовидным валиком снаружи (рис. 15, *884, 1605*), небольшой (диаметр венчика 13 см), украшенный многорядной волной, горшок с заостренным венчиком (рис. 13, *1626*), а также венчики со слабоотогнутым и срезанным краем (рис. 14, *620, 881,896, 1310*). Орнаментация – многорядная волна (рис. 13, *1626*) и горизонтальное рифление, нанесенное небрежно. Близкие по форме и орнаментации горшки найдены на селище Хотяжи-2 (*Алексеев*, 2004. Рис. 9, *8–9*). С этой группой керамики довольно резко диссонируют более архаичные формы. Это два маленьких горшка близкой к баночной формы со слабоотогнутым и немного утончающимся к краю венчиком (рис. 13, *915, 1631*). Подобная форма лепного сосуда была описана выше, причем аналогия ему в комплексе керамики построек 1 и 2 селища Жданово-1, находящегося на р. Пахра, датируется XI в.

Керамика из беложгущейся глины – яркое явление в керамическом комплексе Болшева-3. Подобная керамика не встречается на селищах второй половины XII–XIII вв. и восходит к более раннему времени. Поверхность сосудов светло-серая, почти белая. В изломе черепок темно-серый, что свидетельствует о неполном окислительном обжиге. Характерной чертой этой посуды является обилие орнамента, среди которого преобладает не линейный (как в подмосковной курганной керамике), а волнистый. Среди 67 орнаментированных фрагментов (рис. 14–15) многорядная волна зафиксирована на 50, обычная волна – на трех, а линейный орнамент – на 23. Формы сосудов аналогичны тем, что были описаны выше для посуды из красножгущихся глин. Это воронкообразные (рис. 16, *1619, 1620*) и срезанные (рис. 16, *882*; 17А, *880*) венчики. Интересен сосуд № 880 (рис. 15), представленный верхней частью горшка S-видной формы, со срезанным и слабо отогнутым венчиком (немного закруглен снаружи) и слабо выраженными плечиками. Плечики и тулово сосуда украшено полосой двухрядного волнистого орнамента с немного заостренными краями волны и линейным орнаментом. Близкий горшок S-видной формы, со срезанным и слабо отогнутым венчиком и двумя полосами волнистого орнамента найден на селище Жданово-1 на р. Пахре (*Гоняный*, 1999. Рис. 5, *8*).

Особую группу лепной или раннекруговой посуды образуют три фрагмента, выполненные из красножгущейся глины с примесью мелкозернистого и небольшого количества среднезернистого песка. Толщина стенок 7–12 мм, поверхность заглажена (рис. 12, *749, 746, 977*). Один из фрагментов (№ 749) представляет собой верхнюю часть миски, украшенной по краю двумя неровно нанесенными линиями. Возможно, это техническая керамика.

В целом, лепная и раннекруговая керамика Болшевского поселения может быть датирована второй – третьей четвертью XI в. и связана с хозяйственной деятельностью постройки, следами которой являются ямы 20, 22–24. Часть раннекруговой керамики могла отложиться позже и была связана с сооружением, заглубленной частью которого является яма 31.

Подводя итог, следует отметить, что в Болшево-3 впервые на северо-востоке Московского края удалось выявить раннее древнерусское поселение – следы жилого сооружения (ямы 20, 22–23), в котором найдено калачевидное кресало с язычком X–XI вв., крылатый псалий от удил III типа XI в., а также лепная славянская керамика «ладожского» типа и раннекруговая посуда (соотношение 8:2), имеющие системные аналогии с комплексами 1030–1070 годов. Следующий период жизни поселения представлен ямой 31, давшей комплекс керамики конца XI – первой половины XII в., шиферное пряслице, биконическую голубую бусину и уникальную литую биллоновую поясную накладку с выпуклым сердцевидным центром XI в., являющуюся частью декора пояса профессионального воина. С этим сооружением, вероятно, связаны крест-тельник, украшенный эмалью, и крестопорезной бубенчик первой половины XII в. О присутствии на усадьбе воинов свидетельствует и находка наконечника бронебойной ромбовидной стрелы типа 83 XI в.

Находки 2007 г. свидетельствуют о том, что Болшево-3 возникло не позднее второй четверти XI в., т. е. в эпоху Ярослава, а в конце XI – первой половине XII в. имело отношение к выполнению военно-торговых функций. Подобный вывод хорошо согласуется с результатами проведенного ранее исследования, которое показало, что это поселение располагалось в начале Клязьминско-Яузского водно-волокового пути, открывавшего путь с верхней Клязьмы в бассейн р. Москвы и в Поочье.

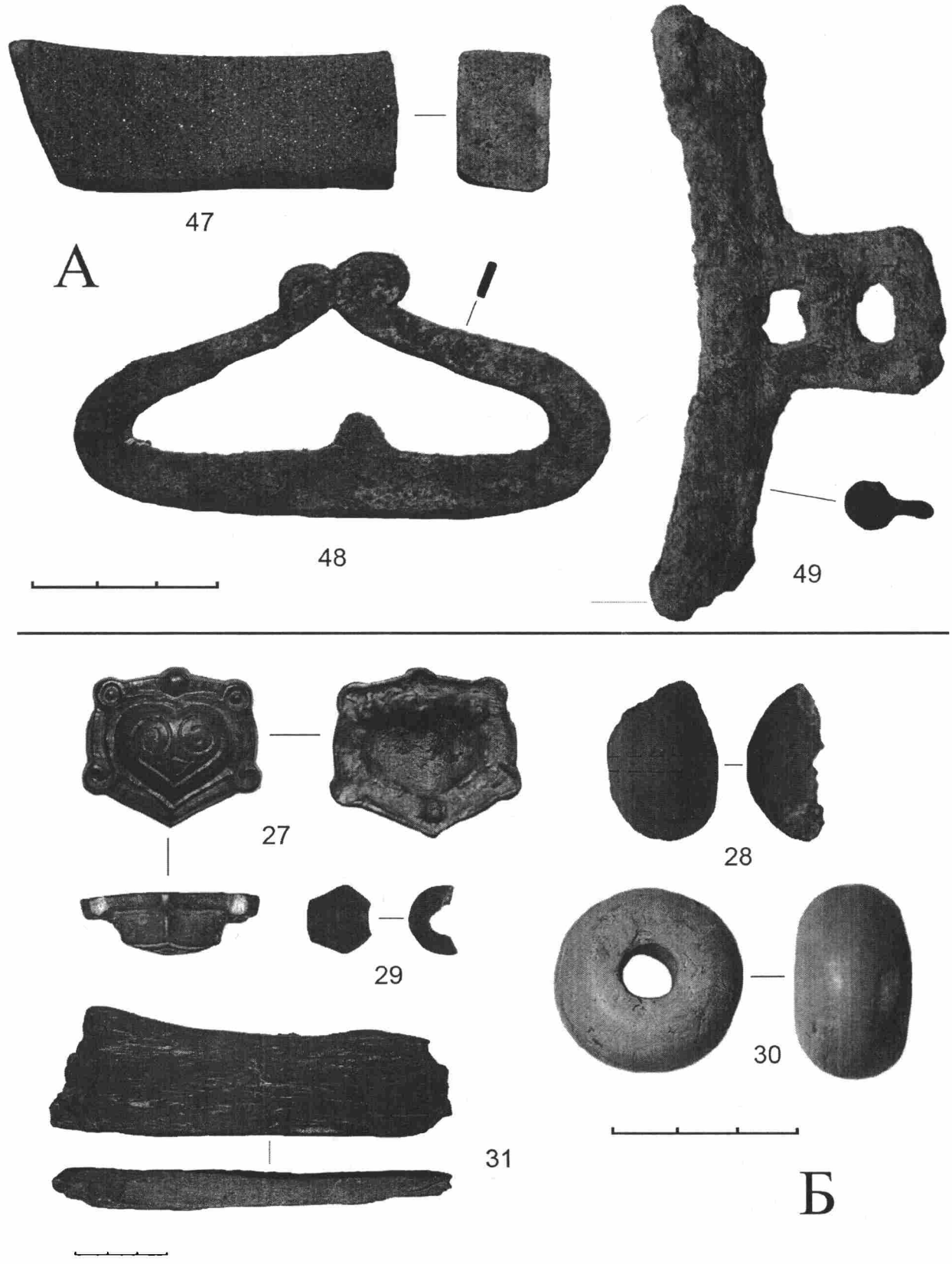


Рис. 6. Находки из заполнения ям

яма 20: 47 – обломок каменного оселка; 48 – железное калачевидное кресало; 49 – железный псалий; яма 31; 27 – поясная серебряная накладка; 28 – обломок глиняного пряслица; 29 – обломок бусины голубого стекла, 30 – шиферное пряслице; 31 – каменный оселок

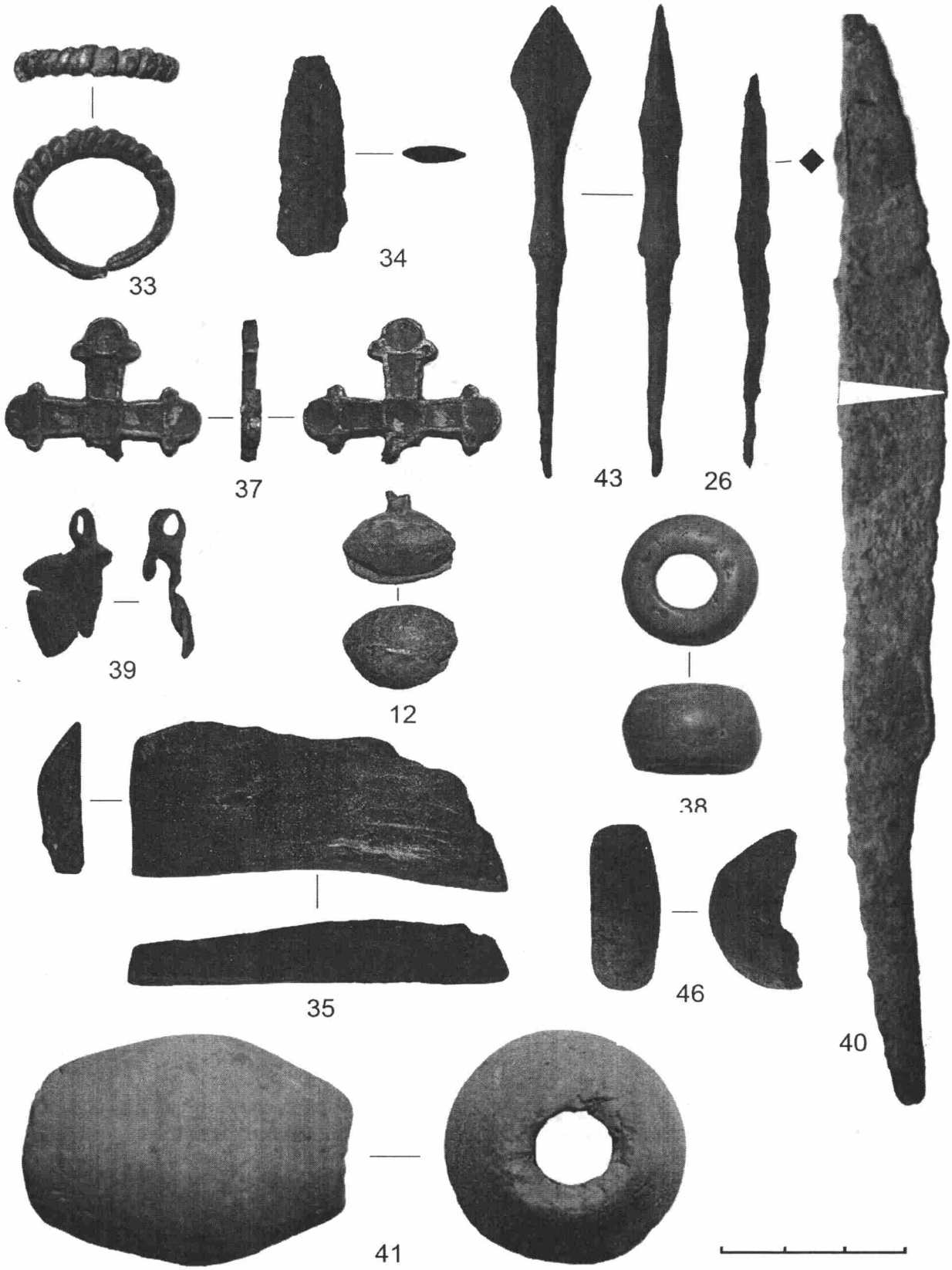


Рис.7. Находки из слоя 1

12 – бубенчик с одной прорезью; 26 – шило; 33 – перстень ложновитой; 34 – наконечник стрелы (?); 35 – обломок оселка; 37 – нательный крест с перегородчатой эмалью; 38 – пряслице; 39 – бубенчик крестопрорезной; 40 – нож; 41 – грузило; 43 – бронебойный черешковый наконечник стрелы; 46 – пряслице. (33 – билон; 12, 37, 39 – бронза; 26, 40, 43 – железо; 35 – камень; 38 – пирофилитовый сланец; 41, 46 – керамика)

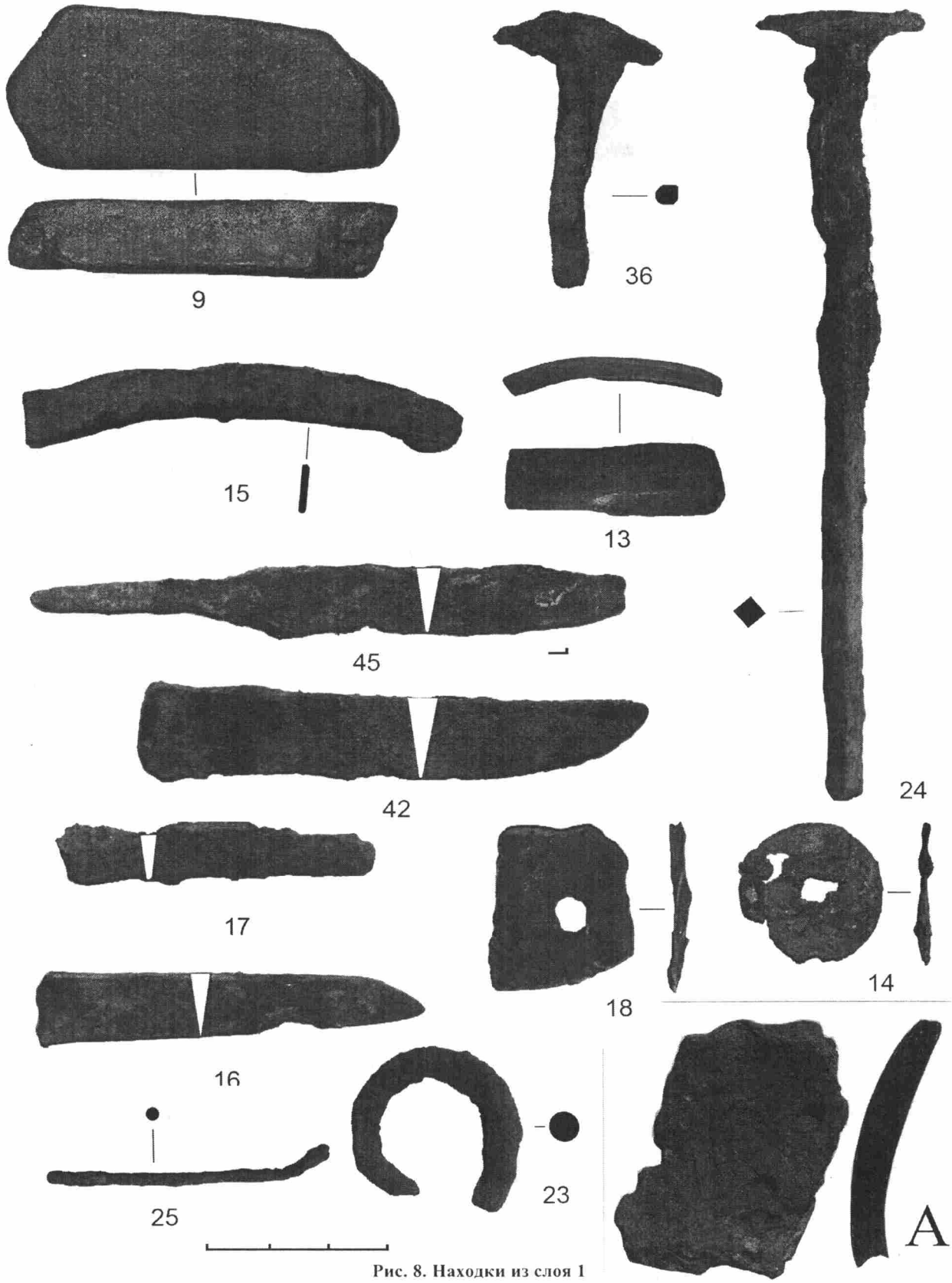


Рис. 8. Находки из слоя 1

9 – оселок; 13 – орнаментированный пластинчатый браслет; 14 – ушко от котла (?);15 – предмет; 16 – нож;17 – нож; 18 – ушко от котла; 23 – круглый в сечении округлой формы стержень; 24 - кованый гвоздь; 25 – игла; 36 – обломок кованого гвоздя; 42 – нож; 45 – нож. А – венчик лепного сосуда с ямочными вдавлениями (шурф 9. 03–172). (14–18, 23–25, 36, 18, 23, 25, 42, 45 – железо; 9 – камень; 13 – бронза)

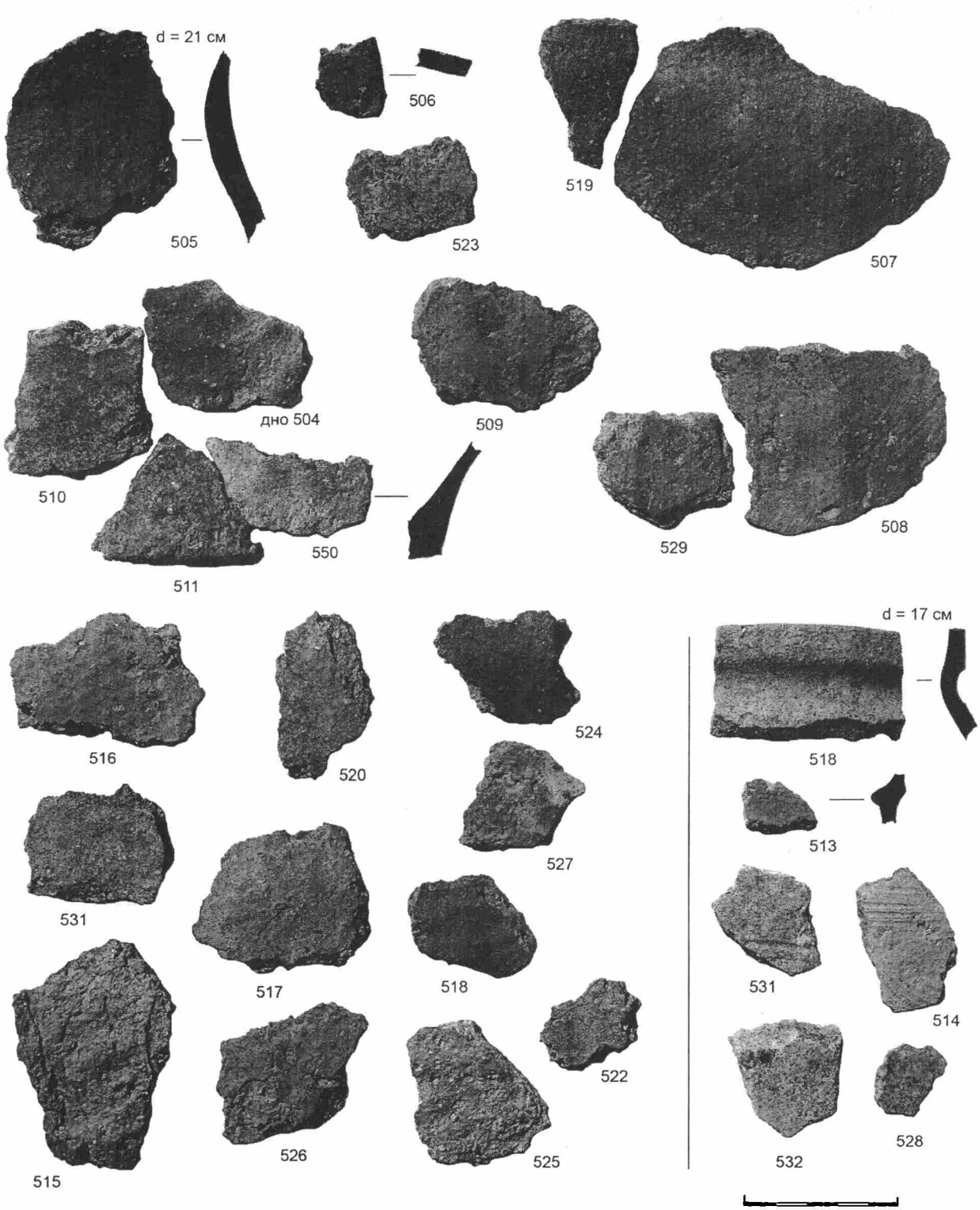


Рис. 9. Комплекс лепной и раннекруговой керамики из ямы 20

А – лепная; Б – раннекруговая

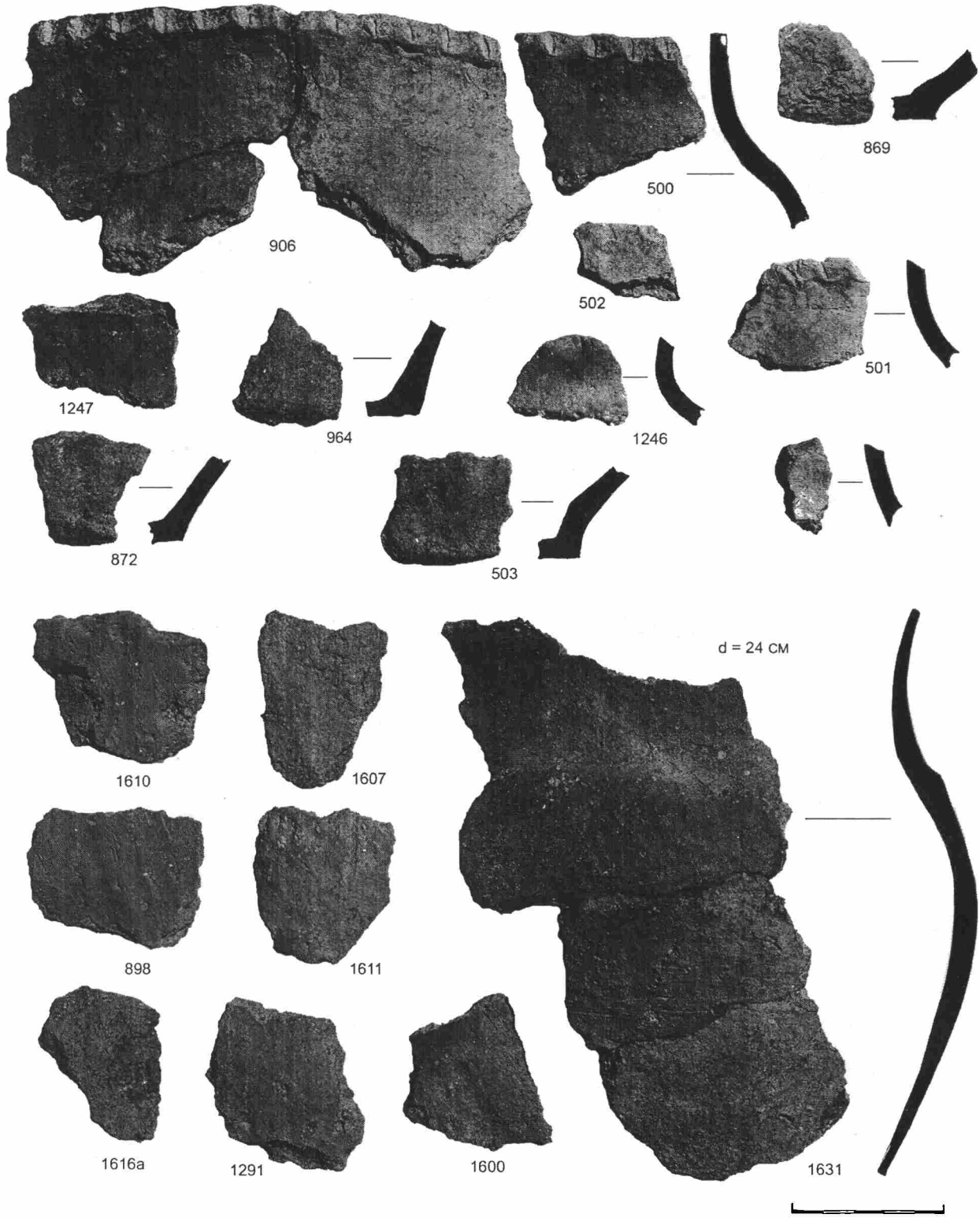


Рис. 10. Лепная керамика из верхнего слоя раскопа 1 (участки В, Г)

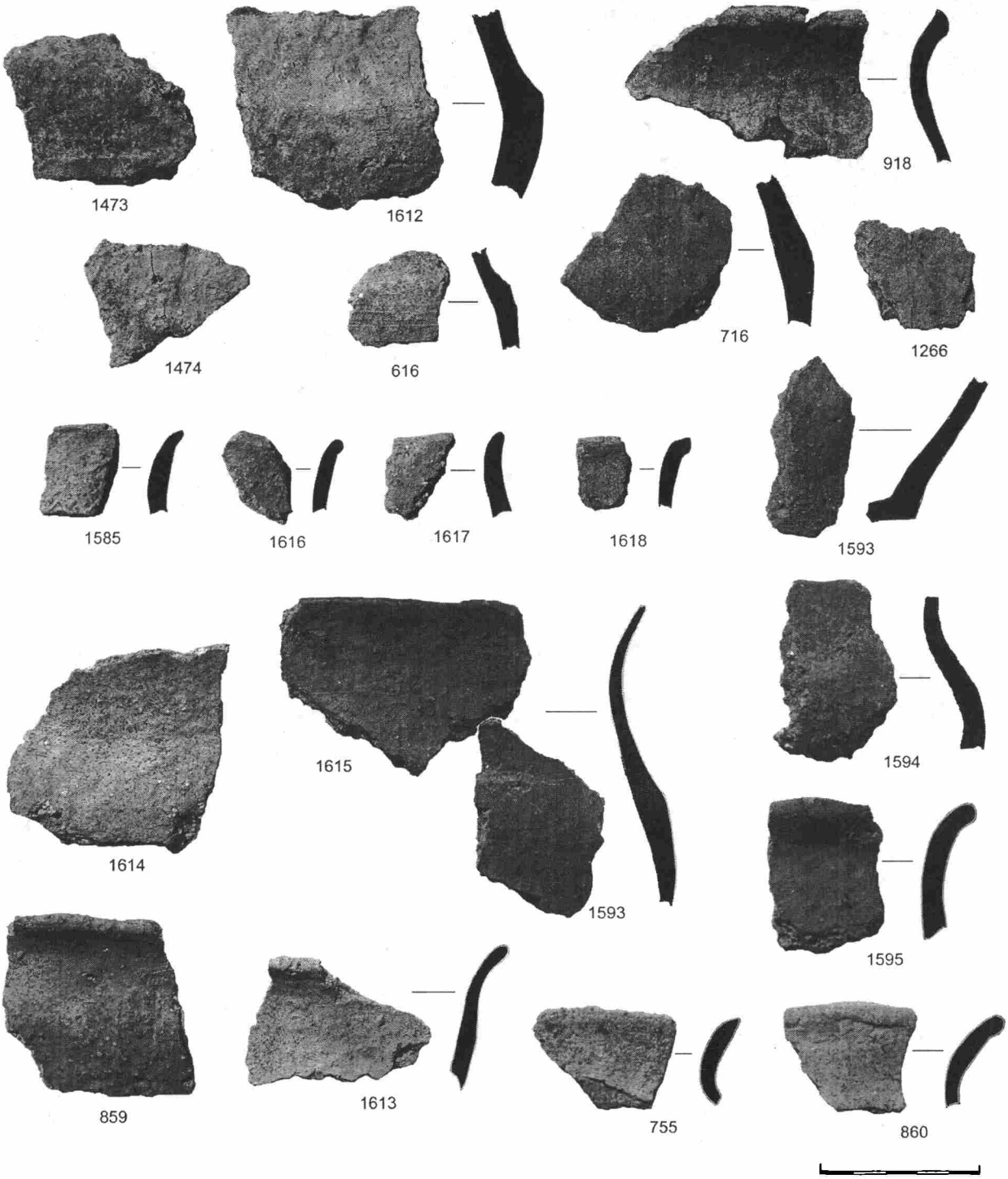


Рис. 11. Лепная керамика из верхнего слоя раскопа 1 (участки В, Г)

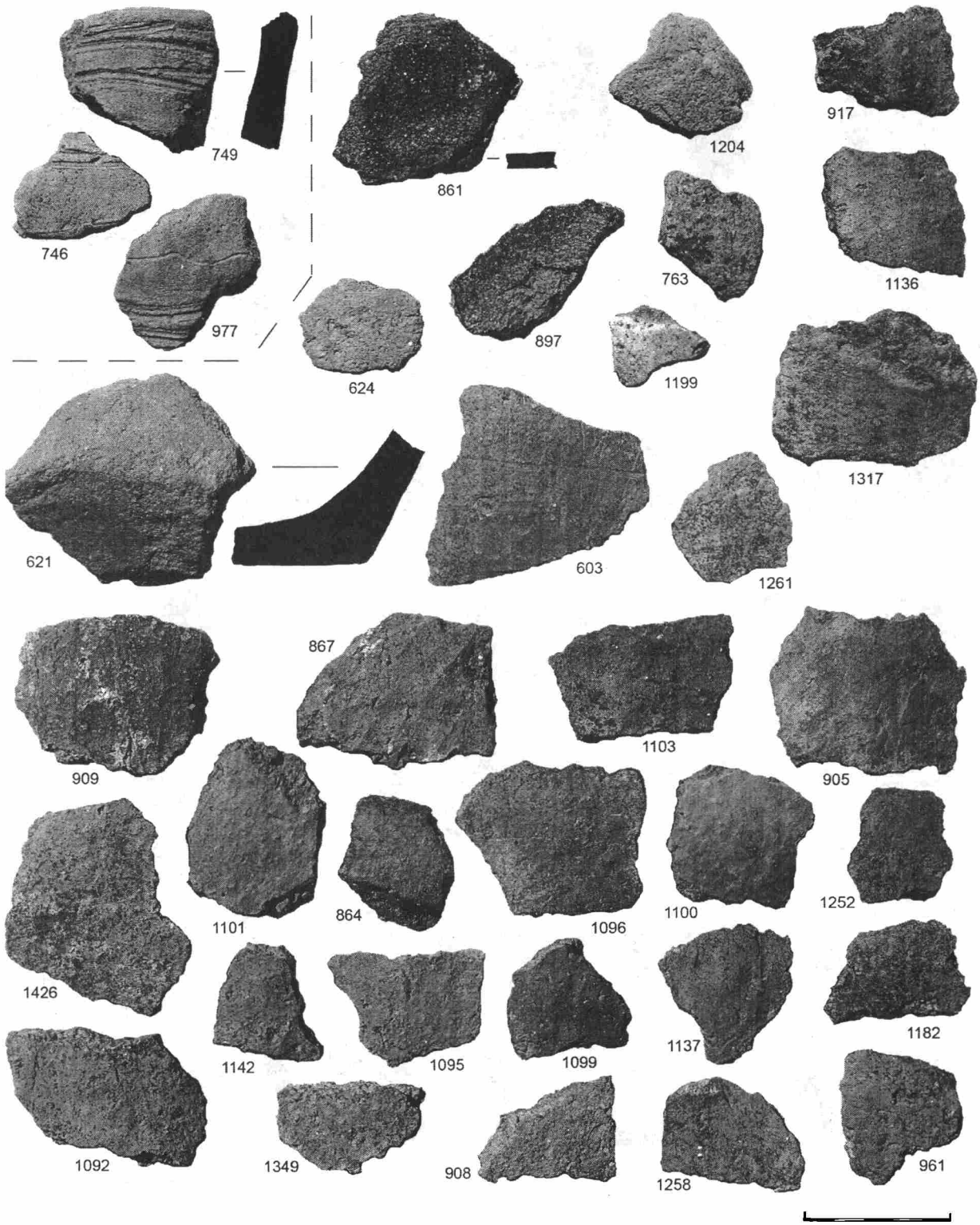


Рис. 12. Лепная керамика из верхнего слоя раскопа 1 (участки В, Г)

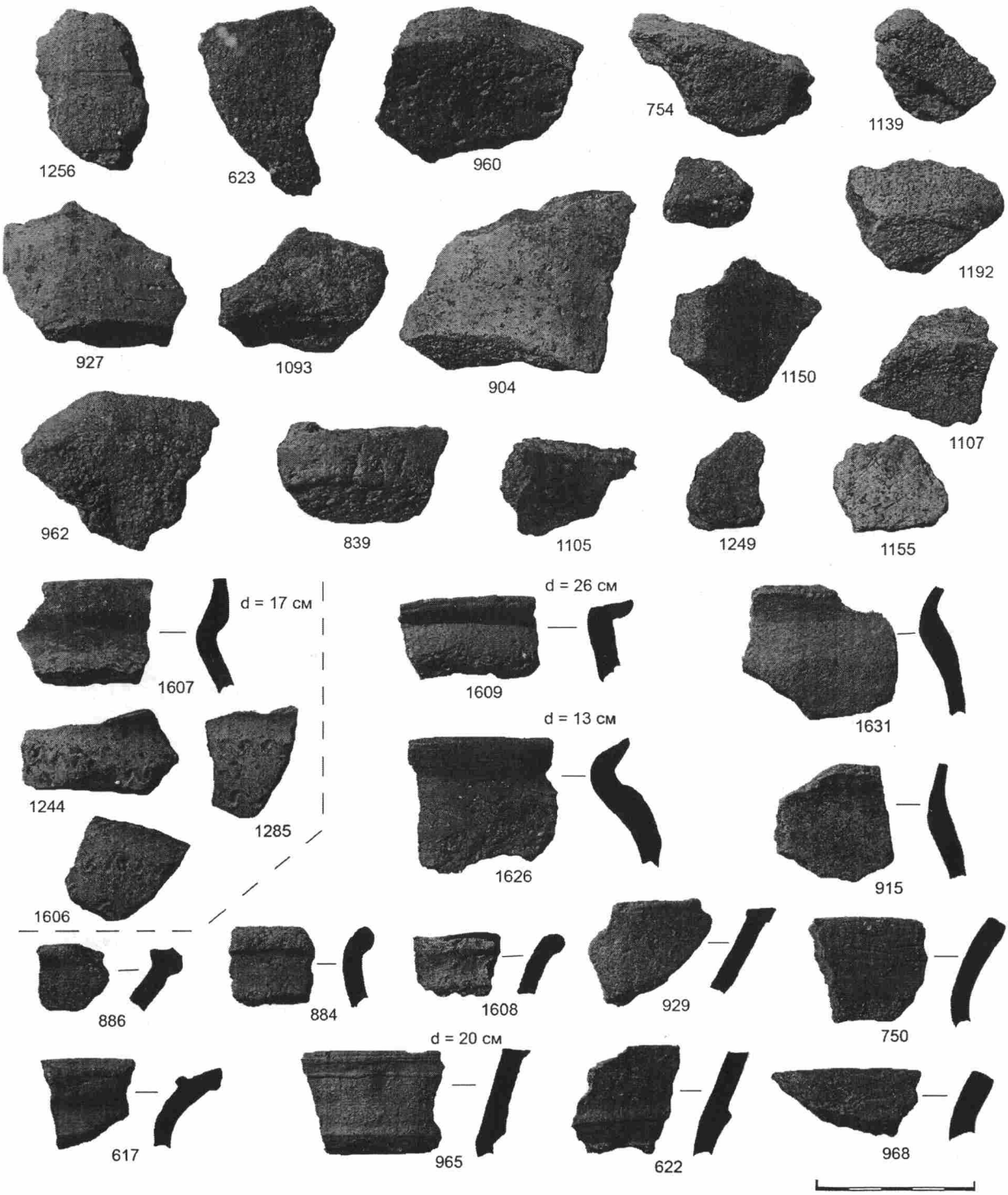


Рис. 13. Лепная и раннекруговая керамика из верхнего слоя раскопа 1 (участки В, Г)

1244, 1285, 1606, 1607 – фрагменты раннекругового сосуда, венчик которого найден в яме 20 (см. рис. 11)

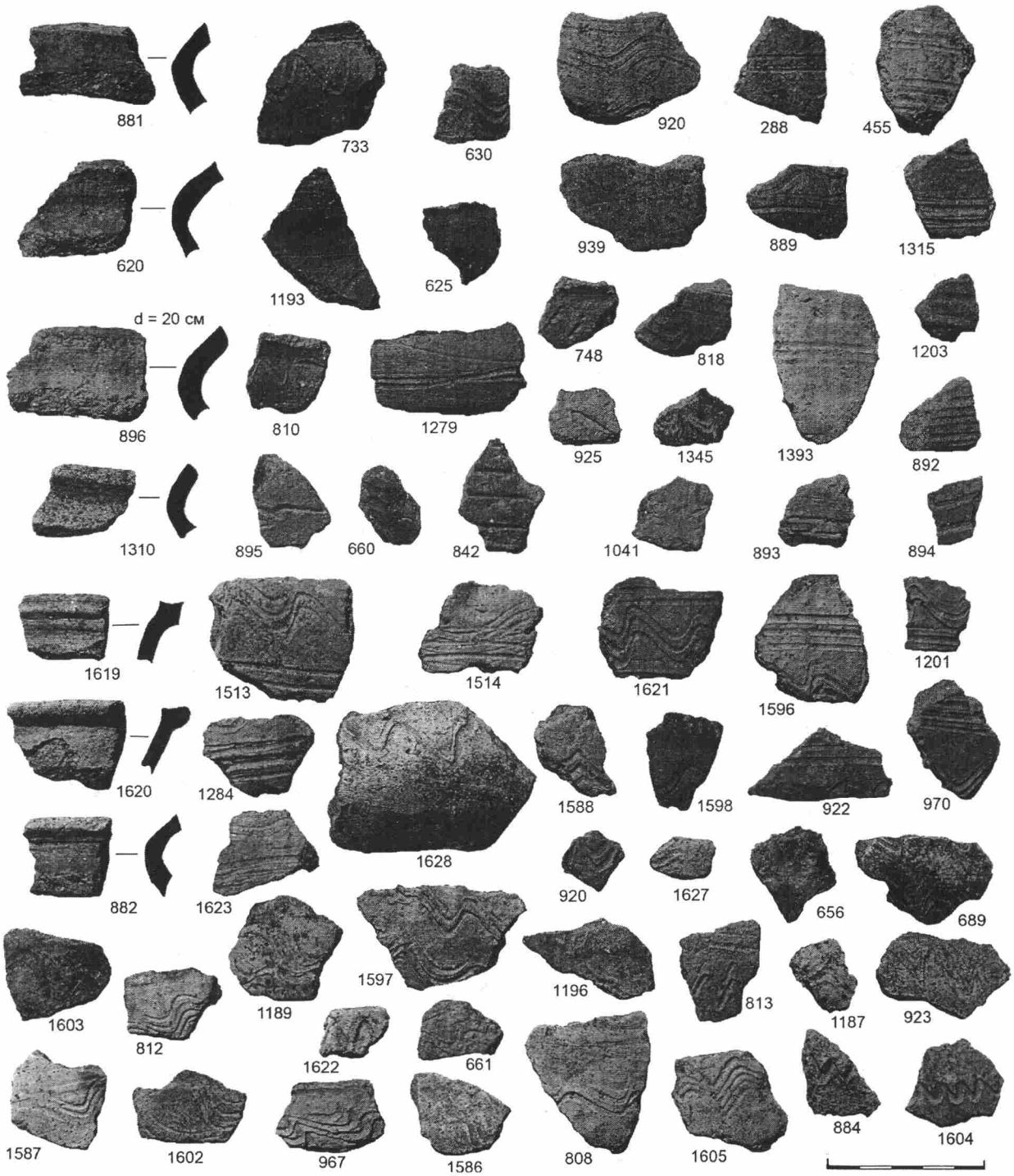


Рис. 14. Раннекруговая керамика из верхнего слоя раскопа 1 (участки В, Г)

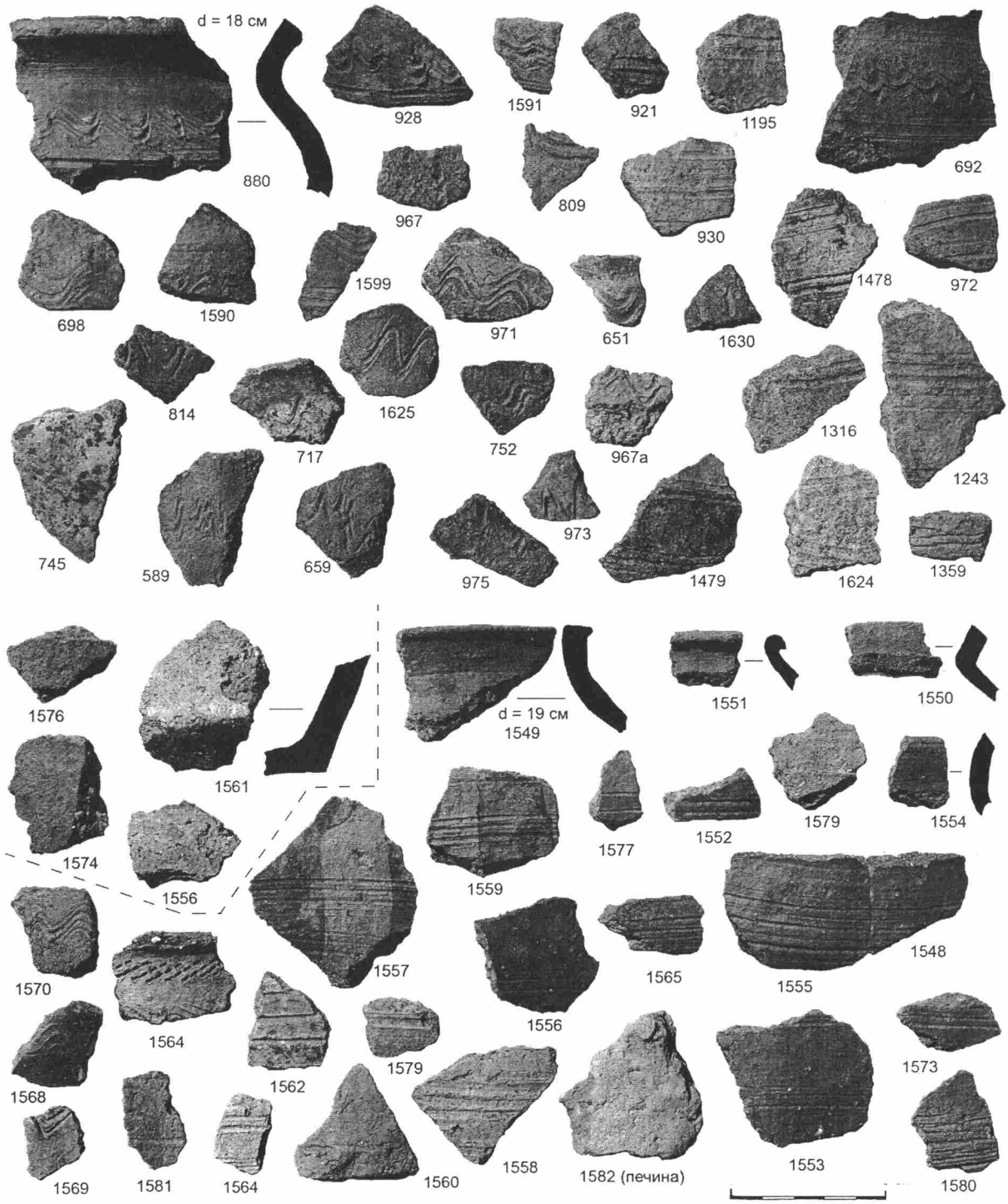


Рис. 15. Раннекруговая керамика из верхнего слоя раскопа 1, с участков В, Г и раннекруговая и курганная керамика из ямы 15

Литература

Алексеев А.В., 2004. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // АП. М.

Беляев Л.А., 1994. Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV в.) по данным археологии. М.

Беляев Л.А., 2006. Отчет о раскопках в Данилове монастыре // Архив ИА РАН.

Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В., 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. № 2.

Гайдуков П.Г., 2006. Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. М.

Гоняный М.И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер. Тр. ГИМ. Вып. 111. М.

Зайцев В.В., Лейбов В.Л., 2006. Денежно-вещевой клад конца XIV в. из Владимирской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. I. М.

Зайцева И.Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология северорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Захаров С.Д., Кузина И.Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л.

Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М.

Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2002. Монетный комплекс с Селитренного городища // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сб. Т. 3. Нижний Новгород.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.

Кренке Н.А., 2004. Археологическая карта Коломенского в древнерусский период (XI–XIII вв.)// Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты Т. 1. М.

Кренке Н.А., 2005. «Взлет на холмы». Археологические раскопки селища Дубинкин лес-1 и освоение Теплостанской возвышенности в XIV–XV вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 3. М.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. М.

Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: проблема синхронизации // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.

Лесман Ю.М., 1988. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.) // Материалы по хронологии Новгорода. Новгород.

Макаров Н.А., 1990. Население Русского Севера в XI—XIII вв. По материалам могильников Восточного Прионежья. М.

Мальм В.А., 1968. Крестики с эмалями // Славяне и Русь. М.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв.// САИ. Вып. Е1-36. М.

Мусин А.Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX—XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.

Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991

Недошивина Н.Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. М.

Никольская Т.Н., 1957. Древнерусское селище Лебедка // СА.

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Носов Е.Н., 1977. Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.

Носов Е.Н., Плохов А.В., 2005а. Исследования центральной части Рюрикова городища в 1984–1989 гг. // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.

Носов Е.Н., Плохов А.В., 2005б. Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.

Плохов А.В., 2005. Лепная керамика Рюрикова городища // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.

Равдина Т.В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.

Равдина Т.В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // МК. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Седова М.В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Смирнова Г.П., 1976. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. Вып. 146.

Станкевич Я.В., 1950. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги // СА. Т. XIV.

Станкевич Я.В., 1961. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. Т. XV.

Узденников В.В., 1985. Монеты России. 1700–1917 гг. М.

Чернов С.З., 2000. Археологические исследования для разработки генерального плана г. Королев Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 24255, 24256.

Чернов С.З., 2004. Археологические памятники Болшева на Клязьме и Яузский волок // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. Т. I. М.

Чернов С.З., 2006. Отчет об охранных археологических исследованиях 3-го Болшевского селища в зоне строительства восьмисекционного дома по адресу Колхозная пл., д. 3 в г. Королев Московской области в 2005 году // Архив ИА РАН.

Чернов С.З., 2008. Сфрагистический комплекс 1088–1160-х годов усадьбы В на посаде Шерны и проблемы предыстории Московской земли // Тр. II (XVIII) Всерос. археолог. съезда в Суздале. Т. 2. М.

Чернов С.З., Волков И.В, 2007. Отчет об охранных археологических исследованиях 3-го Болшевского селища в г. Королев Московской области в зоне строительства восьмисекционного дома по адресу: Колхозная пл., д. 3 в 2006 году // Архив ИА РАН

Чернов С.З., Гончарова Н.Н., Лебедева Е.Ю., 2008. Некрополь Николо-Угрешского монастыря по данным археологических раскопок Никольского собора в 2004 г. // Московская Русь. М.

S.Z. Chernov, I.V. Volkov

Bolshevo-3 – the ancient Russian settlement of 11th century

Summary

The article is devoted to the complex of objects of the early Russian period (11th c.) found during the archeological excavations in the territory of the settlement Bolshevo-3 situated on the Klyaz`ma river in northern part of the Moscow region. The period of this settlement's existence dates the 11th–17th cc. In the course of investigations rich complex of finds and pottery that could be described as an important evidence of the early Russian colonization of the upper Klyazma region in XIth c. was found.

В.Ю. Коваль

Археологическая керамология в России (эпоха средневековья)

Керамология – это относительно недавно появившаяся дисциплина, занимающаяся изучением керамики в самых разных аспектах. В российской археологии до недавнего времени керамологии, как отдельного направления, не существовало. Публикации обнаруженной при раскопках керамики, как прежде, так и сегодня в большинстве случаев включают лишь самые общие характеристики этого материала. Что касается Европы и Америки, то там происходило формирование керамологии на протяжении второй половины XX в. Сейчас термин «керамология» стал общеупотребимым в археологии большинства стран мира. На Украине издается периодический «Керамологічеський журнал» и ежегодник «Українська керамологія» (место издания – г. Опошня Полтавской обл.), в которых, впрочем, археологическим исследованиям уделяется очень мало места.

В России керамологические исследования наиболее продуктивно проводились в отношении античной керамики Средиземноморья. Однако появление собственно керамологических комплексных исследований можно связывать лишь с началом деятельности в 1963 г. в Институте археологии АН СССР группы «История керамики» под руководством А.А. Бобринского и выходом в свет его фундаментального труда «Гончарство Восточной Европы» (1978). Только после того, как была изучена и систематизирована древняя технология производства керамики, появилась серьезная методическая база для проведения керамологических штудий. Что касается керамики эпохи средневековья, то ее изучение в России проводилось (и проводится до сих пор) более чем эпизодически и, как правило, без привлечения научно-обоснованной методики. До сих пор исследователями предпочитается «эмпирический метод» (или «эмоционально-описательный подход» по меткому выражению Ю.Б. Цетлина), представляющий собой сумму интуитивных знаний, накопленных отдельными исследователями о датировке тех или иных разновидностей керамики. Преодоление создавшегося тупика в исследовании керамики возможно только путем применения унифицированных методов и принципов работы с керамикой.

Рассмотрим основные направления **археологической керамологии**, которые сложились в России в области изучения керамики эпохи средневековья (как лепной, так и гончарной).

1. Главным, перспективным направлением является историко-культурный подход к изучению керамики, разрабатываемый А.А. Бобринским и его последователями. Основные силы лаборатории сейчас направлены на исследование *догончарных* традиций в производстве керамики, однако многие выводы, полученные в процессе проведения этих исследований, актуальны и для изучения *гончарной (круговой) посуды*. Важнейшая проблема здесь состоит в недостатке специалистов высокой квалификации для проведения атрибуции образцов и изучения больших массивов керамики.

2. Весьма актуальным является изучение различных аспектов технологии керамического производства с использованием естественнонаучных методов исследования (петрографии, спектрометрии, химических и физических методов). К относительно разработанным среди них пока можно отнести метод петрографии, который используется в археологии давно и дает интересные, но относительно скудные результаты. Главные причины неудач в использовании естественнонаучных методов в керамологии сводятся к:

– недостатку средств для проведения больших серий анализов, без которых полученные результаты не могут считаться достоверными;

– идентичности минерального сырья, добавлявшегося в глину на удаленных друг от друга территориях, и различиям в рецептах подготовки формовочных масс, фиксируемых в пределах одного региона;

– отсутствию сравнительной информации по сырьевой базе керамического производства, получение которой требует тотального изучения сырья (глин, суглинков, песков и т.п.) на огромных по площади территориях России.

3. Исследования морфологии керамики пользу-

ются особой популярностью у специалистов, однако в результате многолетних работ так и не была создана «генеральная классификация» керамики ни для одной археологической эпохи (в том числе и для эпохи русского средневековья). Причиной возникшего тупика стал лавинообразный рост числа классификаций, каждая из которых базируется на собственных основаниях (зачастую, неудовлетворительных с методической точки зрения, например, использующих второстепенные признаки), в результате чего все они несопоставимы друг с другом. Большинство классификаций понятны только их создателям, так и не удосужившимся объяснить основные принципы построения своих систем.

4. Непросто обстоит дело и со статистическим изучением керамики. Устаревшие подходы к статистике керамики (например, подсчеты черепков разного цвета) исчерпали себя: полученные в ходе такого подсчета данные не дают новой информации, а лишь иллюстрируют выводы, сделанные десятки лет назад. Между тем, именно статистические подсчеты позволяют извлекать объемные массивы принципиально новой информации о керамике и керамическом производстве. Но для того, чтобы статистика «заработала», необходимо, чтобы она учитывала большое количество разнообразных признаков и, прежде всего, признаков технологии производства керамики (различных искусственных примесей к формовочной массе, разных способов формовки сосудов, конструкции этих сосудов, способов нанесения декора и т. п.).

Кроме четырех перечисленных направлений, проводятся и иные штудии, посвященные изучению средневековой керамики. За редкими исключениями большинство из них – это публикации керамических коллекций без привлечения историко-культурного подхода, естественнонаучных методов и статистики. К сожалению, большинство таких работ не несет новой информации и не может рассматриваться в качестве *керамологических*.

Полезно рассмотреть основные результаты, полученные восточноевропейской археологической керамологией при изучении керамики средневековой Руси за последние 10–15 лет.

Главным достижением этого периода следует считать выход коллективной монографии под редакцией А.А. Бобринского «Актуальные проблемы изучения древнего гончарства» (*Бобринский и др.*, 1999). И хотя в этой монографии рассматриваются в основном вопросы развития догончарных технологий, полученные авторами выводы важны и для средневековой керамологии. В частности, большое значение имеет вывод о том, что в иерархии общих технологических признаков факторы цвета керамики занимают второе место после данных о вариантах технологических структур (*Бобринский и др.*, 1999. С. 15), т. е. после признаков состава формовочных масс.

За обозначенный период вышло только одно монографическое исследование, посвященное керамическому производству в одном из регионов Восточной Европы, а именно – в Черной Руси (Понеманье) (*Малевская-Малевич*, 2005). Несмотря на привлечение автором результатов петрографии, в этой весьма содержательной книге нельзя найти каких-либо количественных данных об объеме исследованной керамики, а сами ее характеристики даны в терминах «реже», «чаще», «как правило» и т.п., т.е. не несущих никакой полезной информации. Однако мы не вправе ставить это автору в вину, поскольку исследование было выполнено в 1970-х годах (для своего времени оно было образцовым, однако публикация его задержалась на 30 лет).

Недостаток монографических исследований, казалось бы, могли восполнить многочисленные статьи, в той или иной степени касающиеся керамологических вопросов. Нельзя не выделить среди них работы И.Г. Сарачева, Н.Н. Грибова, Е.К. Кадиевой, Н.А. Тропина, П.Д. Малыгина, В.И. Кильдюшевского, С.В. Белецкого, М.И. Гоняного, И.Ю. Стрикалова, О.М. Олейникова, И.В. Болдина, А.Е. Леонтьева, Н.Г. Самойлович, В.А. Лапшина, В.В. Черкасова (*Малыгин*, 1991; *Лапшин*, 1992; *Стрикалов*, 2003; *Черкасов*, 2005) и других исследователей, которые можно разделить на три группы:

1) теоретические разработки, касающиеся методов и подходов к изучению технологии, морфологии и декора керамики, а также статистических методов ее изучения (как правило, на основе конкретного материала, находившегося в руках исследователя);

2) публикации коллекций керамики, по большей части, на базе разработанных авторами классификаций и типологий;

3) результаты осмысления данных, предоставляемых анализом керамики, и попытки интерпретации этих данных с целью хронологии древностей или социо-культурных реконструкций.

К первой группе относятся собственно *керамологические исследования*, к числу которых мы можем отнести только работы И.Г. Сарачева и Н.Н. Грибова, в которых были предложены подходы к систематизации венчиков горшков на основе применения признаков технологии их производства. Первопроходцем в этом направлении стал И.Г. Сарачев, предложивший классификацию гончарной керамики Днепровского Левобережья X–XIII вв.,

основанную на изменении конструкции венчиков и способах срезания глины при их формовке на круге. К сожалению, вышло только три кратких статьи этого автора (1990; 1997; 2000), в которых примененные им принципы и подходы к типологической работе лишь обозначены, но не разъяснены во всей полноте.

Настоящим прорывом в изучении морфологии венчиков средневековых русских горшков стала публикация Н.Н. Грибова, в которой изложены результаты экспериментальных работ по формовке венчиков на ручном гончарном круге (2003). Эксперименты позволили исследователю построить иерархическую систему типов венчиков для памятников Нижнего Новгорода и его округи, основывающуюся на ряде объективных признаков: степени отгиба венчика и способах формовки его края путем приложения различных усилий руками гончара, направленных на смещение формовочной массы при окончательной отделке края сосуда. Хотя полученная систематизация оказалась излишне дробной, что затрудняет ее использование для статистической обработки керамических коллекций, данный опыт может рассматриваться в качестве основы для построения не умозрительной, а объективной (базирующейся на реальных технологических признаках) **генеральной классификации** *венчиков горшков средневековой русской керамики.*

Несколько работ, посвященных применению методов статистического учета признаков технологии изготовления керамики, морфотехнологических особенностей отдельных частей сосудов и разновидностей декора, опубликованы автором данного обзора (1997; 1999; 2000).

Наибольшее число керамологических публикаций относится ко второй группе. К ним примыкают три диссертации на тему изучения средневековой керамики Руси, защищенные Е.К. Кадиевой (1997), И.В. Болдиным (2002) и В.В. Черкасовым (2004). Е.К. Кадиевой был издан также ряд больших статей, посвященных публикации керамических материалов из раскопок Ростова и Владимира (1995; 2003). Однако ею нигде не указано, какие признаки были положены в основу разделения керамики на типы (подробные описания характеристик этих типов не заменяют формулировку базовых принципов группировки, а лишь затемняют вопрос).

В работах И.В. Болдина представлена типология венчиков гончарной керамики Верхнего Поочья X–XIX вв., построенная «по особенностям морфологии» (2002. С. 13), т. е. опять же без определения четких критериев предложенной группировки. Однако основное внимание этого автора направлено на изучение технологии изготовления керамики и использование ее признаков для датировки керамических комплексов.

Отметим здесь также работы Н.А. Тропина, включающие большой объем статистической информации, характеризующей керамику Елецкой земли (2000). В исследованиях М.И. Гоняного, посвященных керамике соседнего верхнедонского региона, применяется не столь разработанная классификация, но зато именно этим исследователем впервые начат статистический учет различных типов орнаментации керамики и широкое использование этих данных для хронологических выводов (*Гоняный и др.*, 1990).

Статья В.И. Кильдюшевского «Керамика Пскова XII–XVII вв.» (2002) претендует на монографическое описание этого материала. Она начинается с подробнейшего описания различных сортов глин, примесей к формовочным массам, режимов обжига, применявшихся псковскими гончарами. Однако предложенная классификация керамики не только не опирается на перечисленные технологические признаки, но и вообще не обеспечена каким-либо обоснованным выделением типов. В результате из текста работы невозможно понять, почему те или иные сосуды выделены в отдельный тип. Можно лишь догадываться, что основаниями для этого послужили различия в датировке конкретных образцов и традиционное для археологов интуитивно-улавливаемое «сходство» форм сосудов и их венчиков. Предложенный автором подход к изучению орнаментации керамики оригинален (он нацелен на учет количества встреченных комбинаций элементов декора), но не информативен, поскольку дает лишь представление о доле орнаментированной керамики (по пластам одного раскопа), оставляя неясным характер декора выделенных автором типов керамики. При этом совершенно не оговаривается динамика распространения линейного, волнистого и прочих типов орнамента на протяжении XII–XVII вв. (данные по всем этим показателям не приведены).

В ряде последних работ С.З. Чернова (2003) керамические материалы используются для датировки поселений в северо-восточном Подмосковье, однако при этом автором не соблюдаются важнейшие методические требования к процедуре такого исследования. Так, многие поселения датируются с точностью до половины или даже до четверти столетия (!) по нерепрезентативным наборам керамики (до 100 фрагментов) из подъемного материала или небольших шурфов, что заставляет сомневаться в столь высокой точности предложенных дат.

К третьей группе керамологических исследований принадлежало минимальное количество публи-

каций. Среди них следует отметить статью В.И. Кильдюшевского и А.В. Курбатова «Традиционность в материальной культуре русской провинции позднего средневековья» (2001), в которой на многочисленных примерах показана консервация архаичных (для крупнейших средневековых городов) технологий, форм орудий и предметов быта (прежде всего, керамики) в силу следования старым традициям. Действительно, большинство инноваций возникало в крупных городах, в которых осуществлялись постоянные контакты ремесленников, проходила периодическая смена населения, возникали новые запросы потребителей, обладавших более высокой покупательной способностью. В периферийных городских центрах, и тем более в деревнях, эти факторы практически не ощущались, большее значение здесь имела сила традиции, тяготение к устоявшимся формам. Резкая смена типов керамики Северо-Западной Руси в XV–XVI вв. справедливо связывается авторами с политическими изменениями – вхождением этих земель в состав Московского государства и началом создания общерусского рынка. К этому можно только добавить, что не всегда политические изменения вели к однонаправленным (из центра на периферию) трансформациям. Известны и совершенно иные по направленности импульсы (хотя бы в той же Москве). Поэтому факт изменения керамики Северо-Запада в XV–XVI вв. требует более подробного изучения.

Если говорить об общих результатах керамологических исследований в отношении средневековой керамики Руси, то для последних 10–15 лет можно констатировать разработку хронологических шкал керамики практически для всех основных городских центров средневековой Руси. Большинство из этих шкал являются «работающими» на определение даты комплексов, в которых обнаруживается керамика, но не позволяющими извлекать из керамики какой-либо дополнительной информации. Поскольку при создании таких систем в их основу закладывались признаки, которые коррелировались с конкретными датами, получение с их помощью более точных дат уже заведомо невозможно[2]. Шкалы, не имеющие единых оснований, разумеется, несопоставимы. Поэтому невозможно сравнивать и большинство результатов их применения (например, данные о долях тех или иных типов керамики в разные хронологические периоды). Это значит, что итоги исследования керамики в разных регионах Руси остаются изолированными друг от друга, а попытки их сопоставления, как правило, оказываются безрезультатными (либо такие результаты недостоверны).

Столь безрадостная, на первый взгляд, картина дает, однако, повод для определенного оптимизма в отношении дальнейших перспектив развития археологической керамологии в России. Прежде всего, само осознание тупика, в котором пока находится данная область, стимулирует поиск выходов из него, побуждая как молодых, так и заслуженных исследователей к применению историко-культурного подхода в изучении керамики, к разработке новых и использованию имеющихся типологических схем, основой которых является информация о признаках технологии производства керамики. Все большее внимание уделяется статистическому учету таких признаков и обработке полученной в результате этого учета информации.

Литература

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Бобринский А.А. и др., 1999. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.

Болдин И.В., 2002. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н.э. (проблемы хронологии и периодизации). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б., 1990. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Тр. ГИМ. Вып. 82. М.

Грибов Н.Н., 2003. Операционно-морфологическая систематизация венчиков древнерусской керамической посуды // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.

Кадиева Е.К., 1997. Круговая керамика второй половины X – начала XIV века Центральных районов Владимиро-Суздальской земли. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кадиева Е.К., 1995. Круговая посуда Ростова конца X–XIII веков: классификация, орнаментация, хронология // Сообщения Ростовского музея. Вып. VIII. Ростов.

Кадиева Е.К., 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII века (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.

Кильдюшевский В.И., 2002. Керамика Пскова

[1] Выход из этого тупика может быть лишь один: в основу систематизации керамики надо закладывать максимальное количество различных признаков, из которых, на сегодняшний день по-настоящему «работают» один-два. Однако впоследствии, по мере накопления данных, вполне может обнаружиться, что «заработают» и другие признаки, еще вчера казавшиеся бесполезными.

XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.

Кильдюшевский В.И., Курбатов А.В., 2001. Традиционность в материальной культуре русской провинции позднего средневековья // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 2. Тверь.

Коваль В.Ю., 1995. Проблемы типологической группировки и статистической обработки средневековой керамики Руси // Деснинские древности. Брянск.

Коваль В.Ю., 1997. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь.

Коваль В.Ю., 1999. Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь.

Коваль В.Ю, 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.

Лапшин В.А., 1992. Керамическая шкала древнерусского Суздаля // Древнерусская керамика. М

Малевская-Малевич М.В., 2005. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.

Малыгин П.Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М.,

Сарачев И.Г., 1990. К построению типологии древнерусской круговой керамики на основе изменений технологии формовки венчика // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.

Сарачев И.Г., 1997. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья (по материалам Новгород-Северского Подесенья) // Древности Евразии. М.

Сарачев И.Г., 2000. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья // Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула.

Стрикалов И.Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII века Старой Рязани и ее округи // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.

Тропин Н.А., 2000. Древнерусская керамика XIII–XIV вв. как источник по изучению хронологии сельских поселений южных территорий Рязанской земли // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула

Черкасов В.В., 2004. Круговая керамика Коломны XII–XVIII вв. (эволюция гончарной продукции). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Черкасов В.В., 2005. Домонгольские традиции гончарного производства Поочья (на примере керамики Коломны второй половины XII – первой половины XIII в.) // Великое княжество Рязанское. М.

Чернов С.З., 2003. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: «традиционные» и «новационные» модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1976–1993 гг. волостей Воря и Пехорка) // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.

Koval' V.Yu.

Archaeological ceramology in Russia (The Middle Ages)

Summary

The article gives specification of the archaeological ceramology – scientific discipline that haven't been very popular in the midst of russian scholars and described the basic archaeological works devoted to the medieval russian pottery that have been published in our country for the last 10–15 years.

В.Ю. Коваль

Хронологическая стратификация памятника методами археологической керамологии (на примере селища Мякинино-1)

Хронологическая стратификация памятников, т.е. датирование культурных слоев и различных объектов, а также разделение этих объектов на условно-синхронные (хронологически близкие) группы (хронологические горизонты) является одной из важных задач, решаемых археологией. На памятниках с хорошо сохранившейся литологической стратиграфией или деревянными постройками эта задача решается довольно легко, в особенности, в случае привлечения методов дендрохронологии и других естественных наук. Гораздо хуже обстоит дело на памятниках с «сухим», да к тому же переотложенным культурным слоем, и совсем плохо – на сельских поселениях, как правило, довольно бедных вещевыми датирующими находками. В этих случаях на первый план выходит исследование керамического материала, присутствующего практически на каждом средневековом памятнике. Поэтому методы, предлагаемые археологической керамологией[1] для изучения массового керамического материала, зачастую становятся единственным выходом из тупикового положения, позволяя построить хронологическую стратификацию в начале этого материала, а затем (на ее основе) и конкретных объектов, из которых этот материал был добыт. Одним из самых ярких памятников, раскапывавшихся в последние годы в центральной России, где указанные проблемы стояли с самого начала исследования, было селище Мякинино-1. Статистические методы исследования керамики применялись на нем с самого начала археологического изучения, что впервые в отечественной науке позволило создать хронологическую шкалу для значительной части вскрытых объектов.

Мякининское-1 селище, расположенное у северо-западной границы современной Москвы (у д. Мякинино, на территории Красногорского района) и исследовавшееся Подмосковной экспедицией Отдела охранных раскопок Института археологии РАН (нач. экспедиции А.В. Энговатова) в 2003–2006 гг., сегодня представляет собой одно из наиболее полно изученных сельских поселений эпохи русского средневековья в Подмосковье. На памятнике вскрыта площадь более 10000 кв. м, которой изучено более половины его территории (*Энговатова, Коваль*, 2007), при том, что остальная площадь была уже недоступна для исследования (уничтожена при предшествовавших раскопкам земляных и строительных работах). Таким образом, можно считать, что данный памятник был изучен полностью.

В процессе проведения раскопочных работ помимо изучения культурных слоев были обнаружены 843 заглубленных в материк объекта (в поле таким объектам, независимо от конфигурации и размера, присваивалось условное наименование «яма»)[2]. Среди них были встречены объекты, которые, несомненно, возникли в период функционирования поселения эпохи раннего железного века, предшествовавшего славянскому заселению территории. Количество таких объектов превышало полсотни. Кроме того, почти половина объектов либо вовсе не содержала культурных остатков, либо включала несколько обломков керамики или неопределимых изделий из других материалов, которые не позволяли дать самим объектам однозначную культурно-хронологическую атрибуцию.

К эпохе существования средневекового селища принадлежали 407 объектов – 48,2% всех древних объектов памятника. Разумеется, одной из первоочередных задач его исследования стало хронологическое членение этого массива. Однако далеко не все вскрытые объекты содержали достаточное количество датирующих вещевых находок, что заставило обратить наиболее пристальное внимание на исследование керамических наборов, поскольку зачастую только они могли позволить определить даты отложения большинства обнаруженных комплексов. Основным направлением работы с керамикой стало проведение ее статистической

[1] См. нашу статью, посвященную краткому обзору этой новой дисциплины, публикуемую в этом же сборнике.

[2] В это число не включались многочисленные поздние (XIX—XX вв.) перекопы.

обработки по методике, апробированной при исследовании селищ Мякинино-1 и -2, проводившихся с 1994 по 2006 г. Указанная методика была опубликована в ряде изданий (*Коваль*, 1999. С. 123–130; 2004. С. 21–24).

Применение новой (для Москвы и Подмосковья) методики статистического изучения керамических комплексов оказалось необходимым в связи с тем, что разработанная в середине XX в. М.Г. Рабиновичем и Р.Л. Розенфельдтом и несколько модифицированная во второй половине того же столетия трудами С.З. Чернова, Л.А. Беляева и И.А. Бойцова так называемая «московская керамическая шкала» оказалась непригодна для получения новой информации о керамике и достоверных статистических выводов. Эта «шкала» разрабатывалась на основе очевидных различий в цвете использовавшихся средневековыми гончарами глин и различий в морфологии керамики, однако она совершенно не учитывала разницу в рецептах приготовления формовочных масс, а, главное, все различия между типами и группами керамики оценивала не в количественных показателях, а на уровне оценки качественных характеристик. Для получения существенно большего объема информации из археологического керамического материала нами были разработаны две системы статистического учета керамики: более подробная (используемая пока в основном для керамики Рязанской земли)[3] и упрощенная (адаптированная для керамики Москвы и Подмосковья). Последняя успешно применялась нами при обработке керамики Настасьинского поселения XII—XV вв. близ Коломны (*Коваль*, 2004), а в настоящее время используется при работе с керамикой из новых раскопок в Москве (М.А. Молошникова) и Дмитрове (К.И. Панченко). Основные положения этой методики опубликованы.

Суть новой (для Москвы и Подмосковья) методики статистического учета заключается в следующем:

1) Наиболее значимым признаком группировки археологической керамики принят не цвет черепка (этот признак также фиксируется, но на более низком уровне группировки), а состав формовочной массы, дифференцируемый по наличию дресвы (остроугольных включений кристаллических пород)[4], песка (окатанных включений) либо отсутствию визуально фиксируемых примесей. После разделения массива керамики на **три группы** по этим признакам проводится их дробление на **типы** по признакам:

– *цвету поверхности и излому черепка*, свидетельствующим о способе обжига (восстановительном или окислительном) и степени ожелезненности использованной глины;

– *дополнительной обработке поверхности* (лощением, ангобом, росписью краской).

2) Внутри каждого типа керамики определяются (и подсчитываются) типы днищ (по следам подсыпок на гончарный круг); венчиков (по упрощенной морфологической схеме) и орнаментов (по способу нанесения и рисунку).

В результате этих несложных операций удается получить небольшой по объему, но качественно новый (для изучаемой керамики) корпус информации, который позволяет давать характеристику как отдельным типам, так и группам керамики по целому ряду признаков, которые раньше учитывались лишь на уровне экспертной оценки, но не были представлены в количественном выражении.

По описанной здесь методике статистической обработки было обработано 29120 фрагментов керамики, происходившей как из культурного слоя, так и из заглубленных объектов. При этом оказалось, что лишь 58 объектов (из 407 средневековых) содержали статистически репрезентативное количество керамических фрагментов (более 200 шт.), а остальные включали существенно меньшее их число, часто всего 5–10 образцов. Разумеется, анализ полученных в результате такой статистической работы данных не мог проводиться без опоры на имеющиеся наблюдения наших предшественников и современных исследователей керамики Москвы о хронологических признаках керамики. Главное внимание уделялось комплексам с наборами датирующих вещевых находок и данным стратиграфии, которые позволили выделить комплексы, служащие **хронологическими реперами**, статистические характеристики которых можно использовать в качестве эталонов при хронологизации остальных (менее представительных по размерам и числу датирующих вещей) комплексов. Все это помогло составить предварительное распределение керамических комплексов на семь хронологических периодов протяженностью 30—50 лет (с середины XII по вторую половину XV в. включительно).

На первом этапе исследования были выбраны шесты «образцовых» (реперных) комплексов, содержавших не менее 400 обломков керамики, гарантировавших выводам максимальную статистическую достоверность. Поскольку не все хронологические периоды оказались обеспечены столь

[3] Эта система применяется для керамики Ростиславля и Переяславля Рязанских, а также В.В. Черкасовым для керамики Коломны.

[4] В случае наличия в формовочной массе образца дресвы эта примесь рассматривалась как главная (типообразующая), а все остальные примеси искусственного и естественного характера (прежде всего, песок) – как дополнительные.

Таблица 1.

Адрес комплекса (год раскопок – № раскопа – № ямы)	Дата	Основания для датирования
2004-VIII-1	2-я пол. XII в.	Стеклянный бисер (1 шт.), обломок лопастного височного кольца, пластинчатый бронзовый перстень
2006-XI-20	1-я пол. XIII в.	2 пластинчатых широкосрединных бронзовых перстня
2003-I-41	2-я пол. XIII в.	–
2003-IV-5	2-я пол. XIII в.	–
2003-V-11	2-я пол. XIII в.	Обломок пластинчатого браслета. Данные горизонтальной стратиграфии
2006-XI-26	2-я пол. XIII в.	Кресало овальное короткое, кольцо височное перстнеобразное
2005-X-266	1-я пол. XIV в.	–
2005-X-325	2-я пол. XIV в.	–
2006-XI-67	2-я пол. XIV в.	Перстень стеклянный щитковый
2003-IV-3	1-я пол. XV в.	Обломок поливного сосуда русского производства (XIV–XV вв.), наличие керамики типа 3
2005-X-5	1-я пол. (сер.?) XV в.	Обломок полуфаянсовой (кашинной) золотоордынской чаши второй половины XIV в.; обломок стеклянного бирюзового перстня; железные накладки на упряжь; зооморфный замок; ключ от замка типа Г
2004-X-1 (гор. 1)	2-я пол. XV в.	Монета медная «пуло»1330–1360-х годов, бронзовый штампованный бубенчик, поливное красноглиняное пряслице (типа «костяшка для счет»)

представительными комплексами, для двух периодов пришлось использовать данные нескольких крупных комплексов, статистические значения которых суммировались. Перечислим использованные комплексы и представим некоторые основания для соотнесения их с теми или иными хронологическими периодами.

Как видно из таблицы 1, наиболее представительные по наборам керамики комплексы не содержали значительного числа узко датирующих находок (а зачастую и вовсе не включали каких-либо датирующих вещей) и крайне редко могли быть датированы по данным горизонтальной стратиграфии (фактам перерезания одной ямы другой). В особенности это касается комплексов второй половины XIII–XIV в. Кроме того, даже те объекты, которые содержали значительное число находок, зачастую включали немалое число переотложенных (более ранних вещей), иногда превышавшее по количеству набор синхронных времени засыпки объекта предметов. Например, объект 2003–IV–3 содержал довольно много керамики и вещей домонгольской эпохи (включая крест-тельник, калачевидное кресало, перстнеобразные височные кольца, обломки бронзовых браслетов и перстня и пр.), которые попали в нее при засыпке из культурного слоя, насыщенного в этом месте материалом предмонгольской эпохи. Однако вся домонгольская керамика в этом комплексе была измельчена, тогда как морфологически и технологически более поздняя (из красножгущейся глины с примесью песка и незначительного количества мелкой дресвы) преобладала количественно и была представлена развалами горшков, что и позволило отнести данный комплекс к первой половине XV в. Здесь надо особо подчеркнуть, что все объекты памятника относились к числу открытых комплексов, а подавляющее их количество сформировалось не в результате катастрофических явлений (приводивших к формированию одномоментно отложившихся вещевых и керамических наборов), а были засыпаны культурным слоем, бравшимся с площадки селища. Поэтому в комплексы попадала значительная масса более раннего материала. Все это создавало дополнительные трудности на пути хронологизации изучаемых комплексов.

Правда, в менее насыщенных керамикой комплексах все же были встречены некоторые относительно узко датирующие предметы: стеклянные браслеты первой трети XIII в., железные и бронзовые ременные накладки XIV в., поливная керамика русского производства конца XIV – XV в. Все это позволяло проводить синхронизацию некоторых объектов.

После построения хронологической колонки «образцовых» комплексов (табл. 1) была подготовлена таблица основных статистически фиксируемых признаков керамики этих комплексов (табл. 2), показавшая заметные тенденции в изменениях признаков, носивших ярко выраженный

Таблица 2.

Комплексы	Кол-во обл.	Формовочные массы		Типы керамики					Типы венчиков								Типы днищ			Орнаментир. обл. %	Типы орнамента			Дата комплекса
		с дресвой	с песком	1, 2, 5	13	3	11	12	1	5	7	8	8а	9	3	4	5		гладкий	волнистый	штамповый	
2004-VIII-1	471	62,2	37,8	62,2	37,8	–	–	–	14,8	3,3	23,0	29,5	9,8	–	27,0	62,2	10,8	37,8	85,9	6,2	7,9	2-я пол. XII в.
2006-XI-20	565	87,2	12,9	86,9	9,7	0,2	1,9	–	20,5	1,1	19,3	34,1	17,0	1,1	8,3	81,3	10,4	56,8	96,9	3,1	–	1-я пол. XIII в.
4 ямы	503	96,8	5,2	96,4	2,2	0,4	0,2	–	13,4	–	28,9	36,1	11,3	–	–	65,2	34,8	46,7	95,7	2,6	1,3	2-я пол. XIII в.
2005-X-266, 325	589	98,6	1,4	92,3	0,5	6,3	–	–	–	12,4	47,2	9,0	–	6,7	2,7	89,2	5,4	42,6	76,1	23,1	0,4	1-я пол. XIV в.
2006-XI-67	755	99,4	0,6	91,8	0,5	7,6	–	–	2,2	17,6	25,7	8,1	–	11,0	–	71,8	18,2	30,3	76,4	20,5	2,2	2-я пол. XIV в.
2003-IV-3	454	96,0	4,0	58,8	1,5	37,2	1,3	0,4	3,4	26,4	27,6	11,5	3,4	2,3	7,1	50,0	32,1	27,1	89,4	9,8	–	1-я пол. XV в.
2005-X-5	881	69,8	30,2	40,4	7,3	29,4	16,0	1,7	6,0	51,6	8,8	9,9	6,0	2,7	5,7	32,9	61,4	24,9	89,6	5,9	3,2	1-я пол. (сер.?) XV в.
2004-X-1 (гор. 1)	534	31,6	68,4	26,0	3,4	5,6	34,1	0,9	5,6	57,9	16,8	5,6	3,7	0,9	3,4	39,7	53,4	32,6	90,8	6,9	0,6	2-я пол. XV в.

хронологический характер. Краткая характеристика этих тенденций уже публиковалась (*Коваль*, 2008а. С. 340–345), однако здесь ее целесообразно повторить.

1) Керамика из формовочных масс, приготовленных на основе красножгущихся глин с добавками мелкой кварцитовой дресвы (дробленых кварцитов и гранитов), всегда была самой распространенной разновидностью посуды на селище Мякинино-1 (равно, как и во всем Москворечье). Керамика из формовочных масс без примесей дресвы, но с обильной добавкой мелкого песка впервые получила распространение здесь в середине – второй половине XII в., когда ее доля в комплексах колебалась от 40 до 50 %, причем в это время такая керамика изготавливалась из беложгущихся глин, а само ее появление в Подмосковье можно связывать с миграцией (предположительно, в район Звенигорода) большой группы южнорусского по происхождению населения, принесшего необычную для зоны расселения кривичей и вятичей традицию изготовления керамики, уровень технологического совершенства которой был существенно выше, чем у керамики местного населения (*Коваль, Хижняков*, 2005. С. 153–183; *Коваль*, 2008б. С. 161–180). По этому признаку керамика селища Мякинино-1 существенно отличается от материалов древней Москвы, где посуда из формовочных масс с примесью мелкого песка (но без добавок дресвы) известна лишь в виде единичных находок. Вероятно, в Москве XII в. южнорусские переселенцы составляли незначительную долю жителей, а изготавливавшаяся ими керамика не получила там широкого распространения.

Уже к первой половине XIII в. на исследованном памятнике керамика «южнорусской» традиции выходит из употребления: ее доля в комплексах снижается до 5–10% (рис. 1), а целые формы и развалы сосудов перестают встречаться. Вероятно, эта керамика попадала в комплексы указанного времени уже в переотложенном состоянии, а производство подобной посуды прекратилось. Во второй половине XIII – XIV в. на памятнике использовалась только традиционная для Москвы и Москворечья керамика из формовочных масс с добавками дресвы. Лишь в первой половине XV в. появляется керамика, тесто которой не содержало дресвы, но количество ее в комплексах еще очень мало (около 5%), причем большую ее часть составляла лощеная керамика из ожелезненных глин (так называемая «московская краснолощеная» посуда). Но только во второй половине XV в. керамика из формовочных масс без добавок дресвы начинает абсолютно доминировать (до 70% материалов комплексов). В отли-

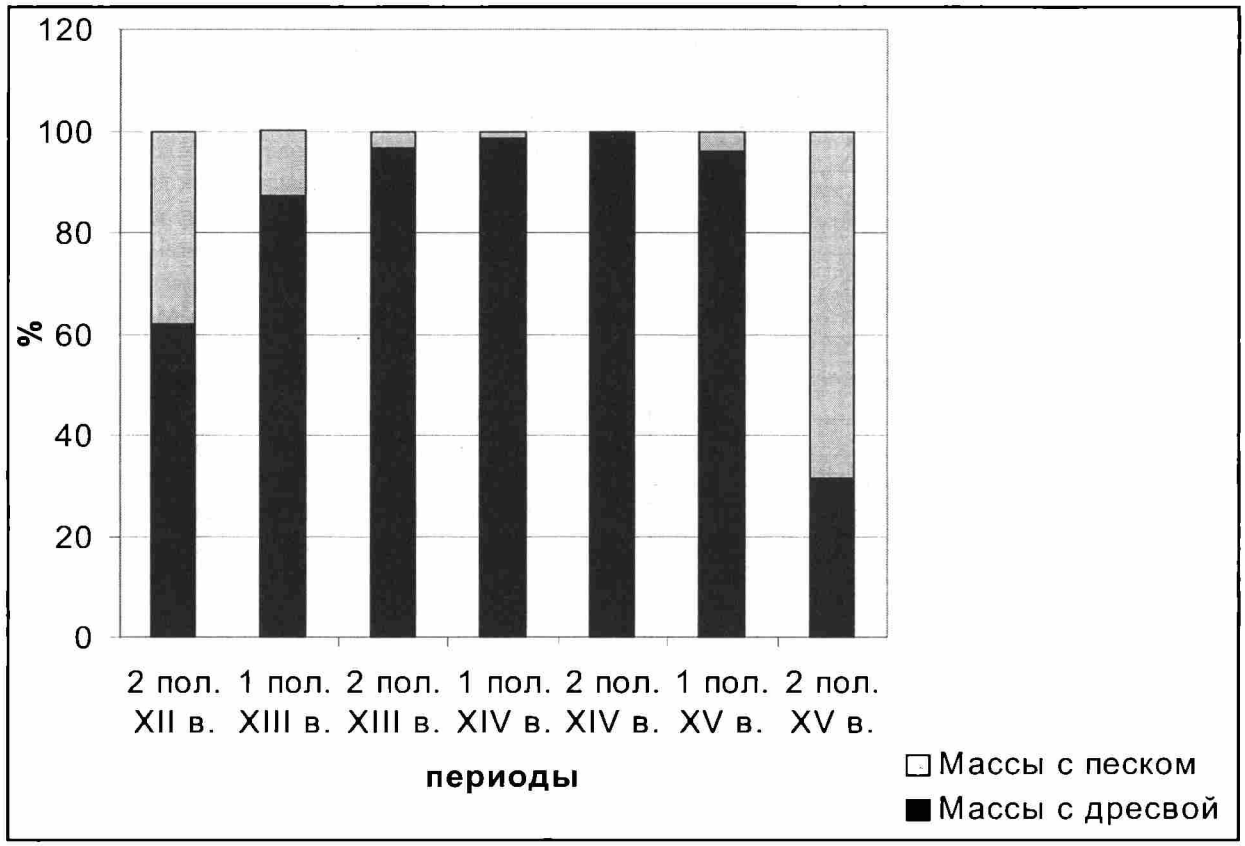


Рис. 1. Динамика распространения формовочных масс керамики

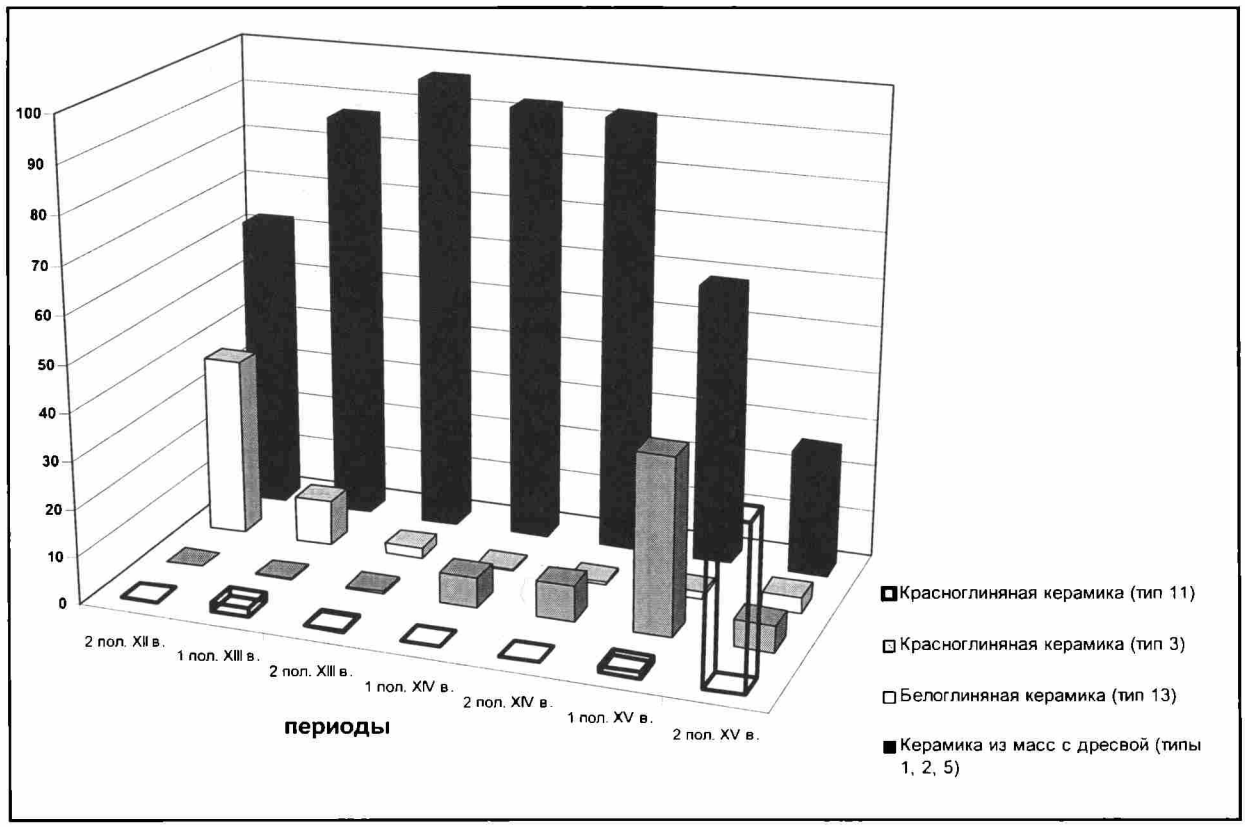


Рис. 2. Динамика распространения разных типов керамики в «образцовых» комплексах селища Мякинино-1

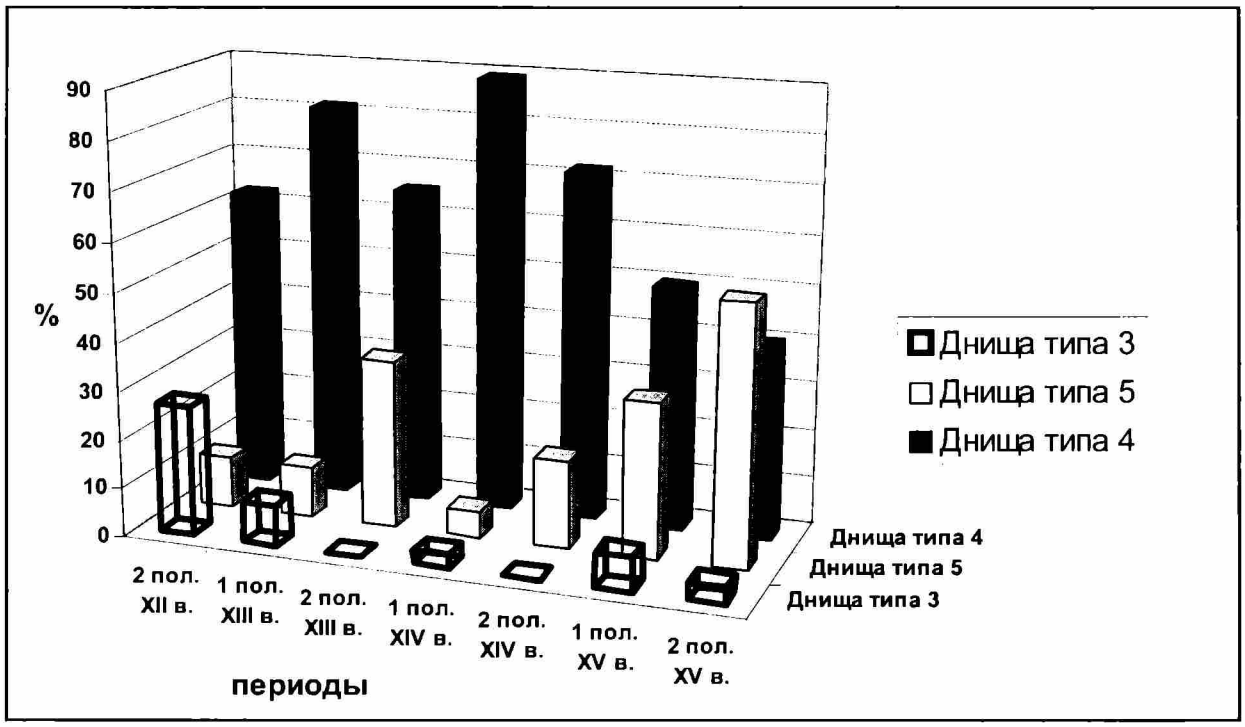


Рис. 3. Динамика распространения основных типов днищ

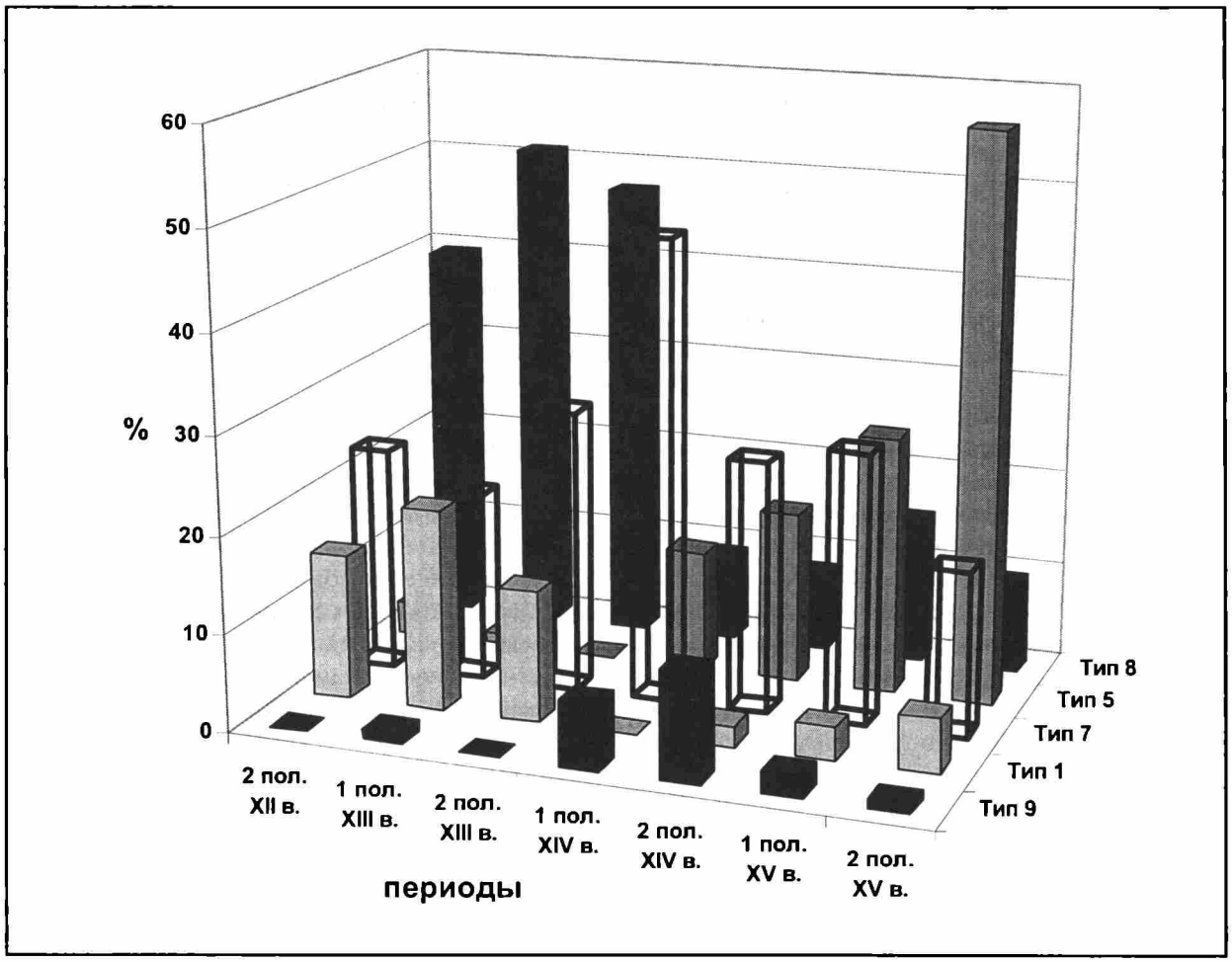


Рис. 4. Динамика распространения основных типов венчиков горшков

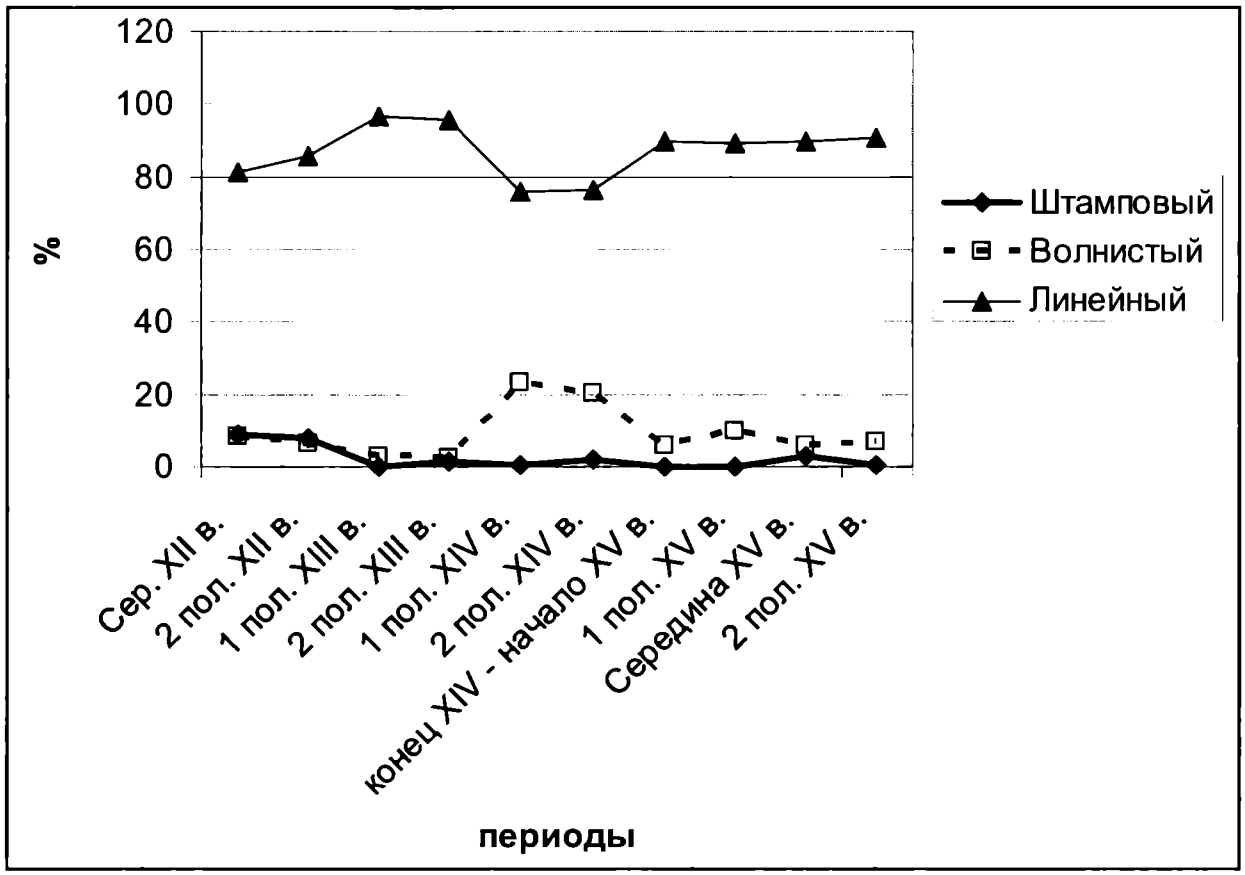


Рис. 5. Динамика распространения разных типов орнамента

чие от домонгольского периода, теперь формовочные массы по рецепту «глина + песок мелкий» готовятся уже только из ожелезненных (красножгущихся) глин.

Полученные выводы можно уточнить, если перейти от групп керамики к типам (см. выше). Благодаря выделению типа 3 (керамики из красножгущихся глин с незначительной, до 5% объема массы, добавкой дресвы) стало очевидно, что переход от «дресвяных» масс к «песчаным» проходил эволюционно (рис. 2): керамика этого «переходного» типа появилась еще в первой половине XIV в., но только в первой половине XV в. ее доля в комплексах достигла 40%. Во второй же половине XV в. с торжеством новой технологии (изготовление керамики из масс без примесей дресвы) «переходная» керамика почти полностью исчезает. Появление керамики «переходного» типа 3 надо связывать со сдерживающим фактором старой традиции: дресва стала добавляться в формовочную массу в «символическом» количестве (ее ничтожное количество уже никак не могло влиять на свойства теста) просто в силу освященной вековым опытом «привычки».

Изучение типов днищ горшков в том же наборе комплексов показывает следующую динамику (рис. 3): во второй половине XII в. доминировали днища на зольных подсыпках (до 60% всех днищ), характерные для керамики из «дресвяных» формовочных масс, т.е. изготовленной в кривичско-вятичских традициях Москворечья. В то же время, были распространены днища на песчаных подсыпках типа 3 (в силу того, что именно такие подсыпки использовались при изготовлении светлоглиняной керамики «южнорусской» традиции). Днища на подсыпках дресвы в этот период встречались редко. На протяжении XIII–XIV вв. днища на песчаных подсыпках исчезают (вместе с «южнорусской» традицией), однако растет доля днищ на подсыпках дресвы (колебания в соотношении зольных и дресвяных подсыпок можно объяснять индивидуальными особенностями «образцовых» комплексов). Наконец, в XV в. тенденция к замене зольных подсыпок на дресвяные торжествует (при уменьшении количества и размерности дресвы в составе подсыпок), и вновь появляются песчаные подсыпки.

Не менее информативны данные по венчикам горшков, демонстрирующие смену одних типов другими (рис. 4). Преобладающими разновидностями венчиков во второй половине XII – первой половине XIII в. выступали сильно профилированные формы с валикообразным краем (тип 8), а также венчики в виде цилиндров или «низких ко-

нических воронок» (тип 1), которые в более поздних комплексах встречаются в заметном количестве (8–12%) исключительно из-за попадания в них ранней керамики при засыпке объектов культурным слоем. Одновременно бытовали венчики сглаженной профилировки с уплощенным (овальным в сечении) краевым валиком, формовавшимся заворотом «чернового края» внутрь сосуда (тип 7). Наибольшее распространение такие венчики получают в эпоху после монгольского нашествия (вторая половина XIII – первая половина XV в.). В первой половине XIV в. их доля достигла своего максимума – 40% всех венчиков горшков. XIV в. стал также временем наивысшего распространения венчиков типа 9 (с заворотом «чернового края» во внешнюю сторону). На смену всем этим типам приходят венчики с «подтреугольным» оформлением края (тип 5), которые появляются в XIV в. Их доля постоянно растет и ко второй половине XV в. составляют более половины всех венчиков горшков в комплексах. А с учетом присутствия в тех же комплексах переотложенной керамики можно говорить об абсолютном доминировании этих венчиков.

Определенное значение для хронологической дифференциации керамики имеют и данные о ее орнаментации. Прежде всего, важна доля орнаментированных образцов в общем объеме комплекса. До середины XIV в. орнамент можно встретить в среднем на 40% керамических обломков (максимума этот показатель достигает в первой половине XIII в. – более 50%, а затем он снижается до 30 и менее процентов). При этом во все периоды линейный орнамент был доминировавшим, а волнистый встречался существенно реже (не более 10% всех декорированных образцов). Впрочем, на протяжении XIII в. этот орнамент практически исчез из декора, а на протяжении XIV в. его доля, напротив, выросла до четверти всего декора. Что касается штампового орнамента, то он в заметном количестве (до 9%) встречался на селище лишь во второй половине XII в., причем в это время он наносился исключительно «зубчатым колесиком» в виде рядов квадратных или подпрямоугольных отпечатков. В XIV–XV вв. этот орнамент наносился уже преимущественно косо поставленным штампом на плечиках привозных (московских) кувшинов и корчаг и встречался спорадически (рис. 5).

Представленные результаты аналитической работы показывают, что:

– предварительное распределение «образцовых» комплексов по хронологическим периодам в целом проведено правильно;

– такие статистические признаки керамических комплексов, как доли образцов, изготовленных из формовочных масс разных рецептур, преобладание тех или иных типов днищ, венчиков и орнаментов, хронологически детерминированы и, следовательно, могут служить хронологическими индикаторами;

– выявленные изменения в статистических характеристиках комплексов в целом можно рассматривать в качестве критериев при датировке других (менее объемных) комплексов, разумеется, с учетом их меньшей репрезентативности и, соответственно, меньшей вероятности правильности такой датировки.

На основании использования перечисленных критериев удалось продатировать (повторим, с осознаваемой нами неодинаковой степенью достоверности полученных данных) все 407 объектоа средневековой эпохи, содержавших керамический и вещевой материал. При этом оказалось, что 233 из них (57,2%) относились к домонгольской эпохе, 93 (22,9%) – ко второй половине XIII – XIV в., а 81 (19,9%) – к XV в. Эти цифры говорят о том, что за примерно 100-летний начальный период жизни селища (середина XII – первая половина XIII в.) отложилось больше комплексов, чем за 250 лет последующей жизни этого же поселения. Следовательно, интенсивность жизни в домонгольскую эпоху здесь была существенно выше, чем в золотоордынский (раннемосковский) период. Отсюда, кстати, становится понятным, почему во всех комплексах XIV–XV вв. обязательно присутствует (а часто даже абсолютно преобладает) материал домонгольского времени: интенсивность жизни в ту эпоху неизбежно должна была приводить к активному выпадению в культурный слой как керамики, так и различных вещей, а также к быстрому нарастанию самого культурного слоя как литологического горизонта. В дальнейшем эти вещи, керамика, грунт слоя закономерно попадали в засыпку более поздних объектов

Проведенная работа позволила выделить несколько критериев для соотнесения комплексов с тем или иным из семи выделенных хронологических периодов. (Специально подчеркнем, что эти критерии значимы только для селища Мякинино-1 и не могут быть автоматически перенесены на иные памятники региона, хотя мы не исключаем того, что некоторые из них могут оказаться применимы и на более широкой территории.)

1. Вторая половина XII в. Доля белоглиняной керамики южнорусской традиции (тип 13) колеблется от 40 до 10% (к концу столетия). К концу периода начинают изредка встречаться дериваты такой керамики из красножгущейся глины (но без примесей дресвы, т.е. относящиеся к типу 11). Преобладают венчики горшков типа 8

(около трети). В декоре доля волнистого орнамента достигает 6%, а штампового (прокатанного зубчатым колесиком) – 8. Среди вещевых находок могут встречаться обломки проволочных (перстнеобразных или браслетообразных) и лопастных височных колец.

2. Первая половина XIII в. Доля белоглиняной керамики типа 13 сокращается до 10–15%, причем она представлена только небольшими обломками (целые формы отсутствуют). Редко встречаются дериваты такой керамики (типов 3 и 11). Среди венчиков повышается доля типа 8а (до 15–20%), среди днищ снижается доля сформованных на песчаных подсыпках, почти исчезает штамповый орнамент и резко снижается доля волнистого (абсолютно доминирует линейный, нанесенный палочкой). Среди вещевых находок появляются обломки стеклянных браслетов.

3. Вторая половина XIII в. Белоглиняная керамика типа 13 почти исчезает (2–10% комплекса, всегда представлена только крошевом) вместе с ее дериватами. Распределение типов венчиков почти не отличается от первой половины столетия, хотя доля венчиков типа 1 заметно сокращается. Среди днищ резко возрастает доля сформованных на подсыпках из дресвы (тип 5) при почти полном исчезновении сформованных на подсыпке песка (тип 3). Количество вещевых находок в комплексах заметно сокращается, хотя сам их набор остается прежним.

4. Первая половина XIV в. Белоглиняная керамика южнорусской традиции исчезает полностью (встречаются только ее мелкие переотложенные обломки). Впервые в заметном количестве (до 6%) появляется красноглиняная керамика с незначительной примесью дресвы в тесте (тип 3), морфологически неотличимая от всей остальной. Заметно сокращается доля днищ на подсыпках из дресвы. Среди венчиков горшков исчезают формы типов 1 и 8а (за исключением редких переотложенных обломков), доля типа 8 сокращается в три раза (причем это всегда мелкие переотложенные обломки), а доля типа 7 возрастает в полтора раза, достигая почти 50% всех венчиков. Появляются венчики типа 5 (до 12%) и типа 9 (до 7%). В декоре резко возрастает доля волнистого орнамента (до четверти всех декорированных образцов). Среди вещевых находок появляются железные и бронзовые ременные накладки.

5. Вторая половина XIV в. Среди днищ горшков возрастает доля сформованных на подсыпках дресвы (до 18%). Среди венчиков горшков растет доля типов 5 (до 17%) и 9 (до 11%), и сокращается число типа 7 (до 25%). Степень орнаментированности керамики резко сокращается, впервые падая до 30% (от всего числа образцов в комплексе). При этом доля волнистого орнамента остается высокой – около 20% всех декорированных образцов. Среди вещевых находок появляются обломки поливной посуды и поливные пряслица русского производства.

6. Первая половина XV в. Среди керамики из красножгущихся глин впервые появляется в ощутимом количестве (процент, к середине XV в. до 16%) посуда, изготовленная из масс без примеси дресвы (с добавками только мелкого песка, т.е. типа 11), а керамика типа 3 становится доминирующей разновидностью (до 40% в комплексах, к середине XV в. – до 30%). Впервые появляется краснолощеная посуда московского производства (не более 2% в составе комплексов). Доля днищ на подсыпках из дресвы возрастает до 30%, вновь появляются (теперь на красноглиняной керамике) днища на песчаных подсыпках (5–7 % всех днищ). Среди днищ продолжает расти доля типа 5 (до 25%), а венчики типа 9 довольно быстро исчезают. Доля волнистого орнамента резко сокращается (до 5–10%).

7. Вторая половина XV в. Керамика типа 3 полностью исчезает (встречается только в виде переотложенных мелких обломков), а доминирующим типом становится керамика типа 11 (из масс с добавками мелкого песка), доля которой превышает треть всей керамики комплексов. Днища на подсыпках дресвы становятся доминирующими в комплексах (50–60%). Венчики типа 5 становятся абсолютно доминирующим среди всех типов (около 60% всех венчиков).

Разумеется, перечисленные здесь критерии могут быть скорректированы при дальнейших исследованиях (при привлечении большего числа комплексов), но в целом такие корректировки вряд ли приведут к существенным изменениям, но могут уточнить процентные соотношения различных признаков.

Проведенное датирование объектов селища Мякинино-1 позволило провести картографирование разновременных объектов на сводном плане памятника (рис. 5) и выделить среди них объекты домонгольской эпохи. При этом применение перечисленных выше критериев дало возможность определить объекты второй половины XII в. (а среди них дополнительно середины XII в.) и первой половины XIII в. (рис. 6). И хотя около половины объектов домонгольской эпохи оказалось невозможно датировать со столь высокой степенью точности, уже тот результат, который получен, позволяет делать некоторые выводы по планиграфии памятника.

В частности, из приведенного плана видно, что

наиболее ранние объекты (середины XII в.) группировались на относительно небольшой территории, ограниченной на северо-востоке частокольной (?) канавкой. Выделяются как минимум три скопления объектов этого времени, маркирующих, вероятно, три усадебных комплекса. На протяжении второй половины XII в. рядом с более ранними появились новые объекты, однако общая площадь поселения при этом выросла, по-видимому, незначительно (равно как и число усадеб). Свидетельством тому служит то, что частокольная (?) ограда этого этапа отодвинулась всего на 10–20 м к востоку от предшествовавшей.

Существенный рост селища наблюдается в первой половине XIII в., когда новые усадьбы появляются к югу и востоку от более раннего поселенческого ядра. Площадь селища в это время выросла как минимум в два раза. Вероятно, к этому же периоду относилось и железоплавильное производство, открытое на северной окраине памятника.

Хотя ограды, разграничивающие отдельные усадьбы, выявить не удалось, само разделение поселения на дворы (усадьбы) вряд ли может подвергаться сомнению. На такое деление указывают скопления объектов, хорошо заметные на плане памятника. Особый интерес вызывают при этом следы частокольных (?) оград, выявленные на северо-восточной границе селища. До наших раскопок о подобных оградах, ограничивающих селища XII–XIII вв., информации, по крайней мере, для памятников Северо-Восточной Руси не было[5]. Остается, впрочем, не вполне ясным, опоясывала ли эта ограда всю территорию поселения или только часть его (с одной или несколькими усадьбами), поскольку на остальной территории памятника ее следы зафиксировать не удалось из-за сильного нарушения поверхности материка современной распашкой. Если предположить, что ограда полностью охватывала всю площадку селища в XII в., то это могло бы существенно поменять представления о характере таких поселений в эпоху массового славянского расселения в Москворечье, в частности, об отсутствии у них всяких оборонительных сооружений. Частокол по периметру поселения, конечно, нельзя рассматривать в качестве полноценного фортификационного сооружения, но, в то же время, его оборонительный характер представляется весьма вероятным.

Датирование объектов методами археологической керамологии позволяет прийти к некоторым выводам, имеющим важное значение для изучения других сторон жизни средневековых поселений. В частности, данные раскопок Мякинино-1 позволяют утверждать, что в предмонгольскую эпоху (первая половина XIII в.) даже на Северо-Востоке Руси стеклянные браслеты стали обычным украшением не только горожанок (как считалось ранее), но и обитательниц сельских поселений (подробнее этот вопрос изложен в статье Е.К. Столяровой, опубликованной в этом же сборнике).

Материалы раскопок в Мякинино и вычленение среди объектов группы комплексов, отложившихся во второй половине XIII в., подтверждают тезис о продолжении бытования большинства разновидностей домонгольских металлических украшений и иных изделий в раннемосковский период (начальный этап золотоордынской эпохи в этом регионе)[6].

Литература

Коваль В.Ю., 1999. Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь.

Коваль В.Ю., 2004. Исследование керамического материала // Тр. ПЭ. Т. 2. М.

Коваль В.Ю., 2008а. Новая методика статистической обработки керамики и некоторые результаты ее применения (на примере селища Мякинино-1 в Подмосковье) // Тр. II (XVIII) Всерос. археолог. съезда в Суздале. 2008 г. Т. II. М.

Коваль В.Ю., 2008б. Светлоглиняная керамика в Подмосковье: Звенигородский регион / / АП. Вып. 4. М.

Коваль В.Ю., в печати. Археологическая керамология в России (исследования керамики эпохи средневековья) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь.

Коваль В.Ю., Хижняков О.И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII в.) // АП. Вып. 2. М.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2007. Мякининский комплекс памятников археологии // АП. Вып. 3. М.

[5] Главная причина отсутствия таких данных состоит в том, что до сих пор не проводилось полное вскрытие всей площади сельских поселений и особенно их периферийных зон.

[6] Подробнее об этом см. в статье С.В. Шполянского, опубликованной в этом же сборнике.

Koval' V.Yu.

Site's chronological stratification by the methods of archaeological ceramology (in terms of the Myakinino-1 settlement)

The article presents results of using of the statistical analysis of a number of features belonged to the whole massive of ceramic material and served for the chronological differentiation of the ceramics assemblages that, in its turn, dates the objects of the medieval rural settlements within half a century. Results are presented in terms of Myakinino-1 settlement (12th—15th cc.) that has been investigated in 2003–2006 not far from Moscow north-west boundary by the members of the Institute of Archaeology of RAS.

О.И. Хижняков

Гончарные клейма из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2

Клейма на донцах сосудов встречаются повсеместно на славянских территориях со времени появления круговой керамики. На Руси наиболее ранние находки клейменой посуды относятся к X в. При раскопках русских средневековых как городских, так и сельских поселений найдено значительное количество гончарных клейм. Однако опубликованы в основном клейма, происходящие из городов, что объясняется значительными площадями раскопок и большим количеством материала. Сельских поселений, исследованных широкой площадью, имеется гораздо меньше. К тому же сами клейма встречаются на селищах реже, и их рисунки менее разнообразны. Имеется лишь несколько работ, посвященных обобщению материала, происходящего с отдельных локальных территорий, где учитываются находки с сельских поселений (*Гоняный, Заидов*, 2002; *Кадиева*, 2007). В данной статье представлены гончарные клейма, найденные при раскопках селищ Мякинино-1 и Мякинино-2. Оба памятника входят в Мякининский археологический комплекс, расположенный на правом берегу р. Москва, вблизи северо-западной границы города (*Энговатова, Коваль*, 2007. С. 71–80).

Селище Мякинино-1

Селище Мякинино-1 было выявлено А.В. Трусовым в 1992 г. В 1992, 1993 и 1996 гг. раскопками Центра археологических исследований г. Москвы под руководством А.Г. Векслера на поселении было изучено около 170 кв. м. В 2003–2006 гг. раскопки проводились Подмосковной экспедицией ИА РАН (под руководством А.В. Энговатовой)[1], в результате чего общая площадь исследований памятника составила более 10 300 кв. м. По всей вероятности, селище занимало площадь около 20 000 кв. м. Это одно из крупнейших известных сельских поселений Москворечья и один из немногих памятников в данном регионе, изученный на столь значительной площади (*Энговатова, Коваль*, 2007. С. 71. Рис. 2).

На селище были представлены две группы посуды, относящиеся к разным керамическим традициям, различающимся по технологии изготовления, материалу и формам. Большую часть керамики составляют сосуды, изготовленные из красножгущихся ожелезненных глин. Такая посуда характерна для Москворецкого региона в целом. Она бытовала на протяжении всего времени существования селища (середина XII – вторая половина XV в.). Другая группа керамики встречалась в меньшем количестве, но, тем не менее, составляла до 50% в отдельных комплексах. Она представляет собой белоглиняную посуду с примесью песка и органики в тесте, которая изготавливалась из неожелезненных или слабоожелезненных глин. Время бытования этой керамики на поселении не очень продолжительно – середина – вторая половина XII в. Она наиболее характерна для Южной Руси. Вероятно, данная керамическая традиция проникла на территорию верхнего Москворечья из Поокского региона. Именно там имеются аналогии формам белоглиняных сосудов из раскопок селища Мякинино-1 (*Коваль, Хижняков*, 2005. С. 166–167, 174, 176–179; *Энговатова, Коваль*, 2007. С. 77–78).

Всего за период 2003–2006 гг. на селище было найдено 97 гончарных клейм[2]. Значительная часть находок представлена небольшими обломками донец, рисунки клейм на которых невозможно восстановить полностью. Всего имеется 40 клейм с рисунком, сохранившимся полностью либо поддающимся восстановлению. Основные типы клейм селища Мякинино-1 представлены на рисунке 1[3].

На донцах белоглиняных сосудов найдено всего 13 клейм. Они не отличаются большим разнообразием. Шесть клейм представляют собой две концентрические окружности, пересеченные двумя перпендикулярными прямыми линиями, образующими крест (рис. 2, *1*). Также имеется четыре клейма в виде простой одиночной окружности (рис. 2, *2*) и два – в виде двух концентрических окружностей (рис. 2, *3*).

---

[1] Выражаю благодарность А.В. Энговатовой и В.Ю. Ковалю за предоставленный материал.

[2] При раскопках 1992, 1993 и 1996 гг. определимых фрагментов гончарных клейм найдено не было.

[3] Представлены только клейма, которые сохранились полностью либо поддаются реконструкции.

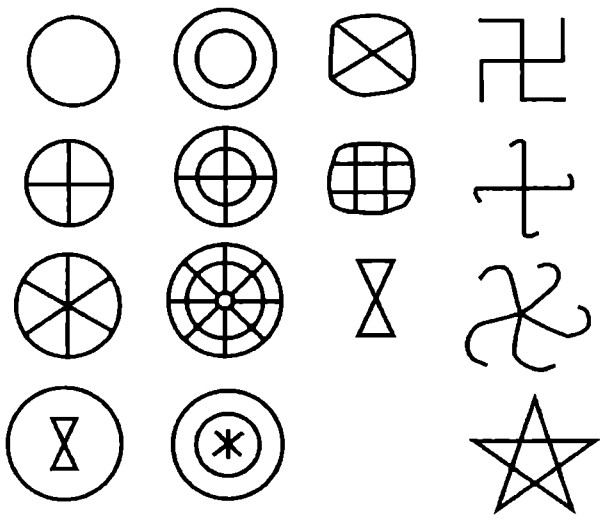


Рис. 1. Основные типы гончарных клейм селища Мякинино-1

Рисунки клейм на красноглиняной керамике более разнообразны. Однако и здесь в основе рисунка значительного количества клейм находится окружность. Таких клейм было найдено 32. Из них шесть представляют собой простую одиночную окружность, одно – две концентрических окружности, три – окружность с вписанным крестом, образованным двумя перпендикулярными прямыми линиями. Стоит отметить, что на красноглиняной керамике полностью отсутствуют клейма с крестом в двух концентрических окружностях, характерные для белоглиняной посуды. Два клейма являются изображениями солярных знаков в виде «колеса». Одно из них представляет собой окружность с тремя пересекающимися прямыми линиями («колесо» с шестью спицами) (рис. 3, *1*), другое – две концентрических окружности с четырьмя линиями и маленькой окружностью в центре («колесо» с восемью спицами) (рис. 3, *2*). Сюда же можно отнести и близкое по рисунку клеймо в виде двух концентрических окружностей, в центре которых расположены три пересекающиеся прямые линии, образующие фигуру, напоминающую букву «Ж» (рис. 3, *3*). Большинство клейм, имеющих в основе рисунка окружность, сохранились фрагментарно. Определить с уверенностью, имели ли они какие-либо дополнительные элементы рисунка, не представляется возможным.

Количество клейм, в основе рисунков которых находятся четырехугольники, крайне невелико. Имеется несколько мелких фрагментов донец, на которых оттиснуты клейма, возможно, являющиеся изображениями прямоугольников. Однако их фрагментарность не позволяет с уверенностью восстановить рисунки клейм. В основе рисунков двух клейм имеются фигуры в виде четырехугольников с закругленными углами. Внутри одной из них расположены две пересекающиеся диагональные линии (рис. 3, *5*); другая фигура разделена четырьмя перпендикулярными линиями, образующими решетку (рис. 3, *4*).

Девять клейм представляют собой два соединенных вершинами треугольника (рис. 4, *1, 2*). Некоторые из них, возможно, являются оттисками с одной матрицы. В одном случае имеется дополнительный усложняющий элемент в виде прямой линии, проходящей сбоку от треугольников. Еще одно клеймо представляет собой фигуру из двух треугольников, заключенную в окружность. Интересно, что клеймо в виде двух треугольников было найдено на донце сосуда, происходящего из Мякининского курганного могильника[4] (рис. 4, *3*).

Другие клейма представляют собой различные знаки, также хорошо известные по материалам раскопок других памятников. Три клейма являются изображениями свастики. Одно из них, сохранившееся полностью, представляет собой свастику с загнутыми под углом прямыми концами (рис. 5, *1*). Два клейма являются знаками в виде свастики со слабоизогнутыми концами (рис. 5, *2, 3*). Оба они сохранились фрагментарно, но их рисунки могут быть восстановлены. Еще одно фрагментированное клеймо, по-видимому, является изображением усложненной свастики (рис. 5, *4*).

Два клейма являются изображениями пятиконечных звезд (рис. 6, *1, 2*). Рисунки еще двух клейм представляют собой пятилучевые звезды с изогнутыми лучами (рис. 6, *3, 4*). Одно клеймо, возможно, является изображением трезубца (?) прямоугольных очертаний.

Что касается технологических особенностей клейменой керамики, то подавляющее большинство знаков оттиснуто на донцах с зольной подсыпкой. Всего несколько донец с клеймами имеют подсыпку дресвы; три из них красноглиняные, одно – белоглиняное.

11 клейм происходят из переотложенного пахотного слоя. Датировать их можно только по технологическим особенностям керамики. Эти датировки возможны лишь в очень широких пределах. Еще 13 клейм были найдены в слое, сохранившемся слое, который был образован в результате распашки или огородного перекопа средневекового

[4] Всего при раскопках Мякининского курганного могильника в 2004–2006 гг. было найдено четыре гончарных клейма. Все они оттиснуты на донцах красноглиняных сосудов. Все клейма, за исключением упомянутого, фрагментированы; в основе их рисунков находятся окружности. Одно клеймо, вероятно, является изображением окружности с крестом, еще на одном внутри окружности располагается какая-то фигура.

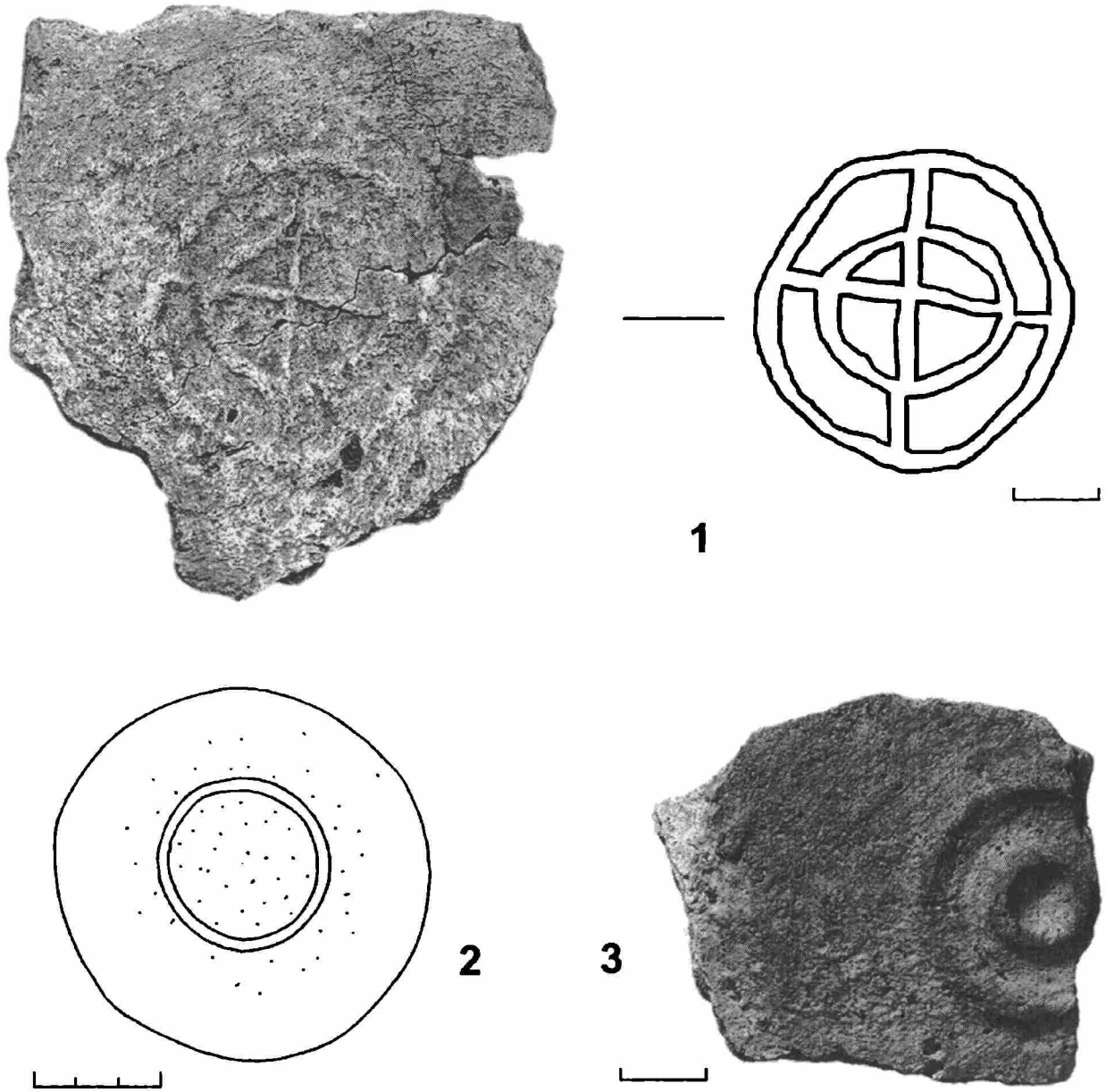


Рис. 2. Гончарные клейма с селища Мякинино-1

периода. Эти находки также имеют достаточно широкую датировку, не выходящую за пределы времени существования поселения.

Большая часть клейм (73) была найдена в заполнениях ям. К сожалению, многие ямы не имеют сколько-нибудь точной датировки по причине отсутствия в их заполнении вещевых находок и малого количества керамического материала, представленного мелкими фрагментами. Что касается ям, из которых происходят статистически репрезентативные керамические комплексы, то в них встречались отдельные фрагменты сосудов, относящиеся к более раннему времени, и переотложенные. Все это осложняет датировку гончарных клейм. Сами же знаки, как правило, имеют весьма широкие хронологические границы.

Представляется возможным сделать некоторые выводы о датировке гончарных клейм, найденных на селище Мякинино-1. Большая их часть относится к XII–XIII вв. Серединой – второй половиной XII в. можно датировать все клейма на белоглиняных сосудах, что связано со временем бытования этой керамики на поселении. Среди клейм на красноглиняной посуде большинство оттиснуты на донцах сосудов с примесью дресвы в тесте, что может указывать на их датировку XII–XIV вв.

Знаки в виде одиночных и концентрических окружностей, окружности с крестом, «колеса» яв-

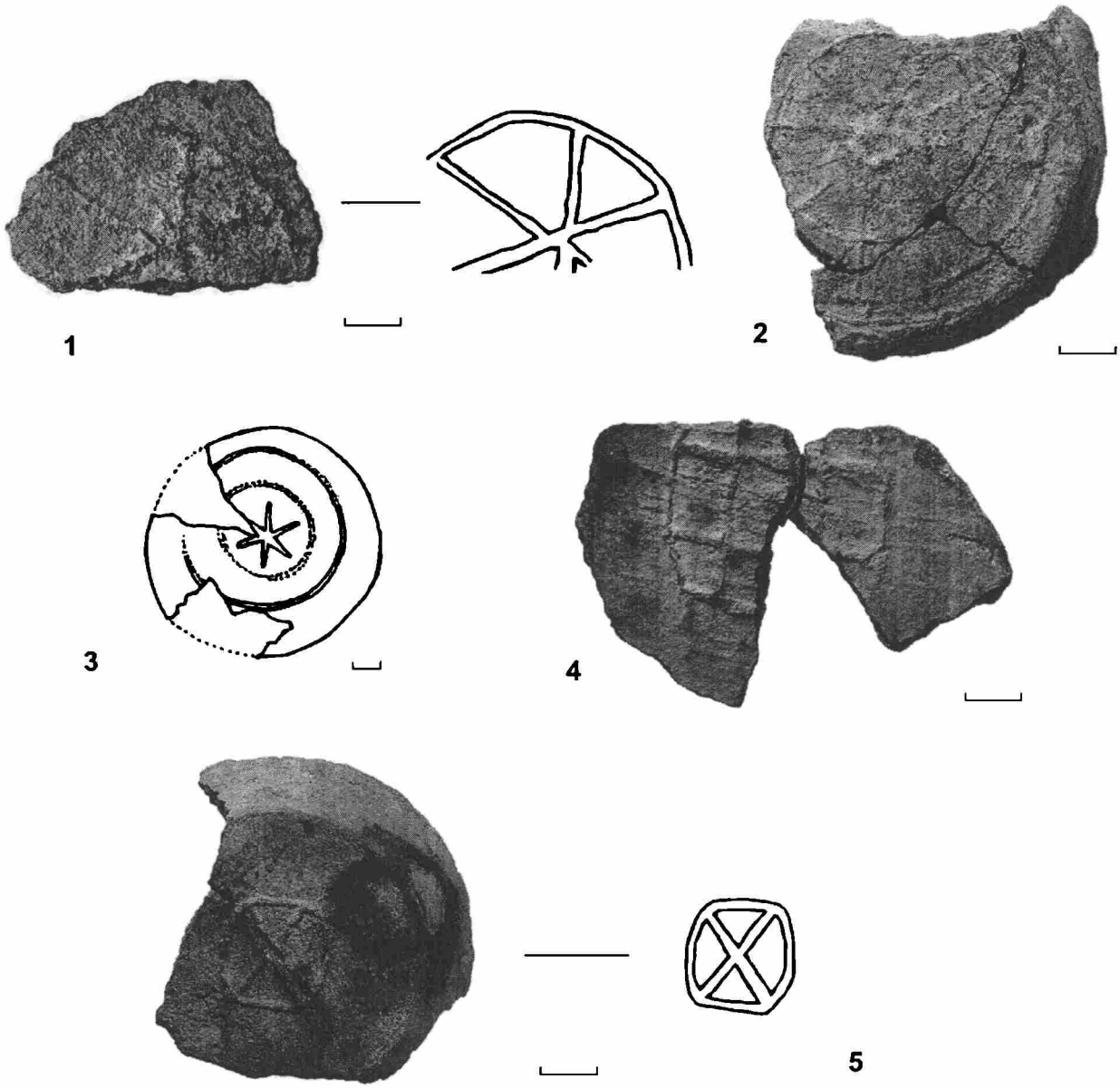


Рис. 3. Гончарные клейма с селища Мякинино-1

ляются наиболее распространенными и существуют в течение длительного времени – на протяжении всего периода использования клеймения посуды в том или ином регионе. Например, в центре Северо-Восточной Руси они датируются первой половиной XI – первой половиной XIV в. (*Кадиева*, 2007. С. 175–178), в районе Куликова Поля – концом XII – XIV в. (*Гоняный, Заидов*, 2002. С. 134–135), в Великом Новгороде – X–XIV вв. (*Хижняков*, 2002. С. 137), на городище Ростиславль – серединой XII – XV в. (*Коваль*, 2002. С. 131, 133). В подмосковном Дмитрове и его округе подобные клейма существовали в течение наиболее длительного времени – с середины XII до начала XX в. Все найденные здесь клейма – домонгольского периода, имеют в основе рисунка окружность (*Панченко*, 2007. С. 200–203. Табл. 2). На селище Мякинино-1 эти знаки бытовали на всем протяжении его существования (середина XII – XV в.).

Что касается знаков в виде четырехугольников, то Е.К. Кадиева, исследовавшая гончарные клейма центральных районов Северо-Восточной Руси, отмечает, что они встречаются в небольшом количестве и датируются второй половиной XII – XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 182). М.И. Гоняный и О.Н. Заидов, чья работа посвящена исследованию клейм, происходящих из района Куликова Поля, датируют подобные знаки первой половиной XIII – второй половиной XIV в., полагая, что они были связаны с цифровой магией тюркских и мусульманских народов (*Гоняный, Заидов*, 2002. С. 136, 138). В Дмитрове такие знаки появляются в послемонгольское вре-

мя, а наибольшее распространение получают в XV–XVI вв. и существуют вплоть до XIX в. (*Панченко*, 2007. С. 202–203. Табл. 2). В Великом Новгороде клейма в виде четырехугольников, в целом, немногочисленные, встречаются на протяжении X–XIV вв. Клеймо в виде четырехугольника с закругленными углами, в котором расположены две пересекающиеся диагональные линии, датируется XIII в. (*Хижняков*, 2002. С. 139–140. Рис. 1. Табл. 3). Оно сходно по рисунку с одним из клейм, найденных на селище Мякинино-1 (рис. 3, *5*).

Домонгольским временем можно датировать все клейма в виде двух соединенных вершинами треугольников. Такая датировка подтверждается и находкой подобного клейма в кургане. Такое же клеймо, происходящее из ямы, заполнение которой датируется XV в., вероятно, является переотложенным. Е.К. Кадиева датирует такие знаки второй половиной XI – началом XIII в. Некоторые из них имеют усложняющие элементы, в том числе и в виде проходящей сбоку линии (*Кадиева*, 2007. С. 181. Рис. 4, *22–30*). В Великом Новгороде подобное клеймо датируется XIII в. (*Хижняков*, 2002. Рис. 1. Табл. 3).

Два клейма с изображениями свастики происходят из ям, датируемых XV в. (рис. 5, *1, 3*). Еще одно клеймо было найдено в яме, датировка заполнения которой возможна в пределах середины XIII – середины XIV в. (рис. 5, *2*). Яму, из которой происходит клеймо в виде усложненной свастики (рис. 5, *4*), можно датировать второй половиной XII в. Свастика относится к одному из наиболее древних и широко распространенных знаков, изображавшихся на гончарных клеймах. В Великом Новгороде такие клейма были найдены в слоях X–XIV вв. Клеймо в виде свастики со слабоизогнутыми концами датируется XII в. (*Хижняков*, 2002. С. 140. Табл. 3). На Ростиславле Рязанском клейма в виде свастики получают распространение в XIV в. (*Коваль*, 2002. С. 133). В районе Куликова Поля они относятся к концу XII – XIV в., а знаки в виде усложненной свастики датируются XIV в. (*Гоняный, Заидов*, 2002. С. 134–135. Рис. 2). В центральных районах Северо-Восточной Руси подобные клейма существовали со второй половины XI до конца XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 181). Интересно полное отсутствие знаков в виде свастики в Дмитрове (*Панченко*, 2007. С. 201–203. Табл. 2).

Одно из клейм в виде пятиконечной звезды происходит из ямы первой половины XIII в. Заполнение другой ямы, где было найдено клеймо такого типа, относится к XIV–XV вв. Вполне возможно, что фрагмент донца с клеймом попал в заполнение ямы в переотложенном состоянии. Во Владимире подобное клеймо было найдено в слое первой половины XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 182. Рис. 5, *15*). На Куликовом Поле знаки в виде пятиконечных звезд датируются серединой XIII–XIV вв. (*Гоняный, Заидов*, 2002. С. 135. Рис. 3, *1–4*). На Ростиславле одно такое клеймо относится к XII в., а другое было найдено в комплексе XIV в. (*Коваль*, 2002. С. 131).

Оба клейма в виде пятилучевых звезд были найдены в яме, датируемой XV в. На Ростиславле подобные знаки встречались в комплексах XIV в. (*Коваль*, 2002. С. 133).

Таким образом, можно сделать вывод, что клейма на донцах сосудов бытовали на селище Мякинино-1 в течение всего периода существования поселения – с середины XII до XV в. Наибольшее их количество приходится на XII–XIII вв. Клейм более позднего времени (XIV–XV вв.) было найдено меньше. Вероятно, это связано с общим сокращением количества клейменой посуды. Как в домонгольское время, так и позже на селище бытуют в основном широко распространенные простые по рисунку знаки в виде окружности, окружности с крестом, «колеса», свастики, пятиконечной и пятилучевой звезды, соединенных вершинами треугольников. На рисунках клейм почти полностью отсутствуют усложняющие элементы, более характерные для городской керамики.

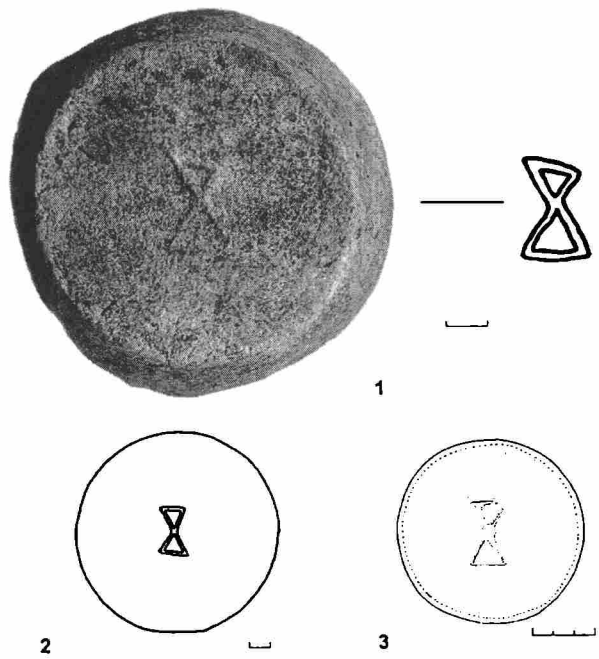


Рис. 4. Гончарные клейма с селища Мякинино-1 (1, 2) и из Мякининского курганного могильника (3)

Селище Мякинино-2

Селище было открыто в 1993 г. В 1994–1998 гг. оно исследовалось Центром археологических исследований г. Москвы под руководством

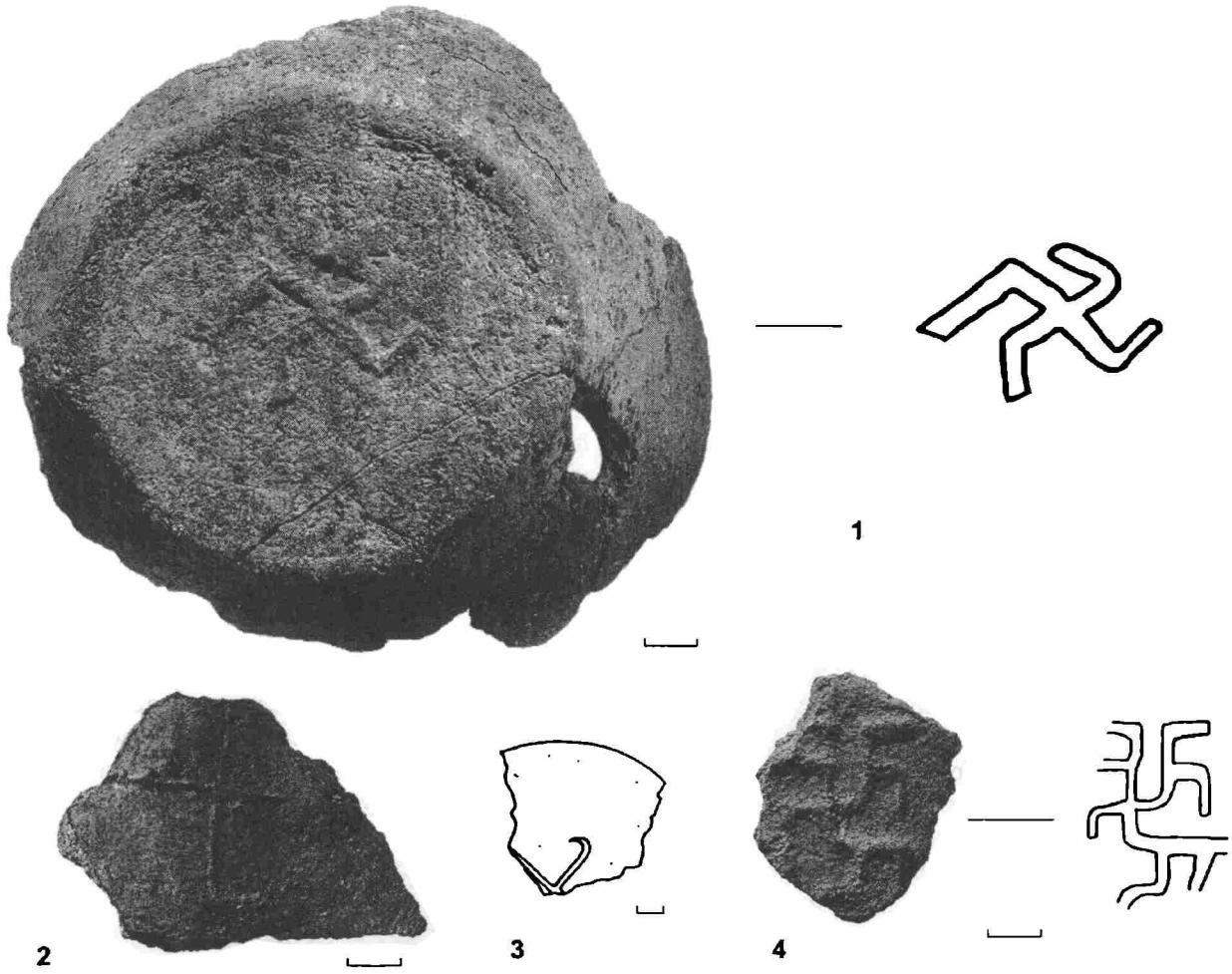


Рис. 5. Гончарные клейма с селища Мякинино-1

А.Г. Векслера. За этот период было раскопано более 5000 кв. м. В 2002, 2004 и 2005 гг. исследования были продолжены Подмосковной экспедицией ИА РАН под руководством А.В. Энговатовой. В итоге общая раскопанная площадь памятника составила более 9500 кв. м, при этом размеры селища определяются в пределах 10 000 – 12 000 кв. м. Поселение датируется концом XII – второй половиной XVI в. (*Энговатова, Коваль*, 2007. С. 71; *Хижняков*, 2007. С. 81–84. Рис. 1, 2).

Исследования Подмосковной экспедиции проводились в основном в юго-западной части площадки селища, где преобладали комплексы XV–XVI вв. Более ранние комплексы XIII–XIV вв. встречались здесь в небольшом количестве (*Хижняков*, 2007. С. 82–83. Рис. 2).

Всего на исследованной площади было найдено 12 гончарных клейм[5]. 11 из них оттиснуты на донцах красноглиняных сосудов, одно – на дне сосуда, изготовленного из слабоожелезненной глины с примесью мелкого песка в тесте, поверхность которого имеет бледно-розовый цвет. Такая керамика встречается на селище Мякинино-2 в комплексах XVI в. Сохранились полностью или могут быть достоверно реконструированы знаки на девяти донцах. Одно клеймо представляет собой недостаточно четкий оттиск, два являются небольшими фрагментами.

Девять клейм имеют в основе окружность. Из них одно представляет собой простую одиночную окружность (рис. 7, *1*). Три клейма являются изображениями окружности с двумя перпендикулярными линиями, образующими крест (рис. 7, *2, 4*). Одно из них возможно имеет усложняющий элемент в виде отходящих от окружности двух линий; впрочем, эти линии могут иметь и случайное происхождение (рис. 7, *4*). Еще одно клеймо представляет собой окружность с вписанным в нее крестом, концы которого не доходят до границы окружности (рис. 7, *3*). На одном донце оттиснут знак в виде окружности, разделенной тремя линиями, выхо-

[5] В настоящей работе рассматриваются только материалы раскопок Подмосковной экспедиции ИА РАН 2002, 2004 и 2005 гг.

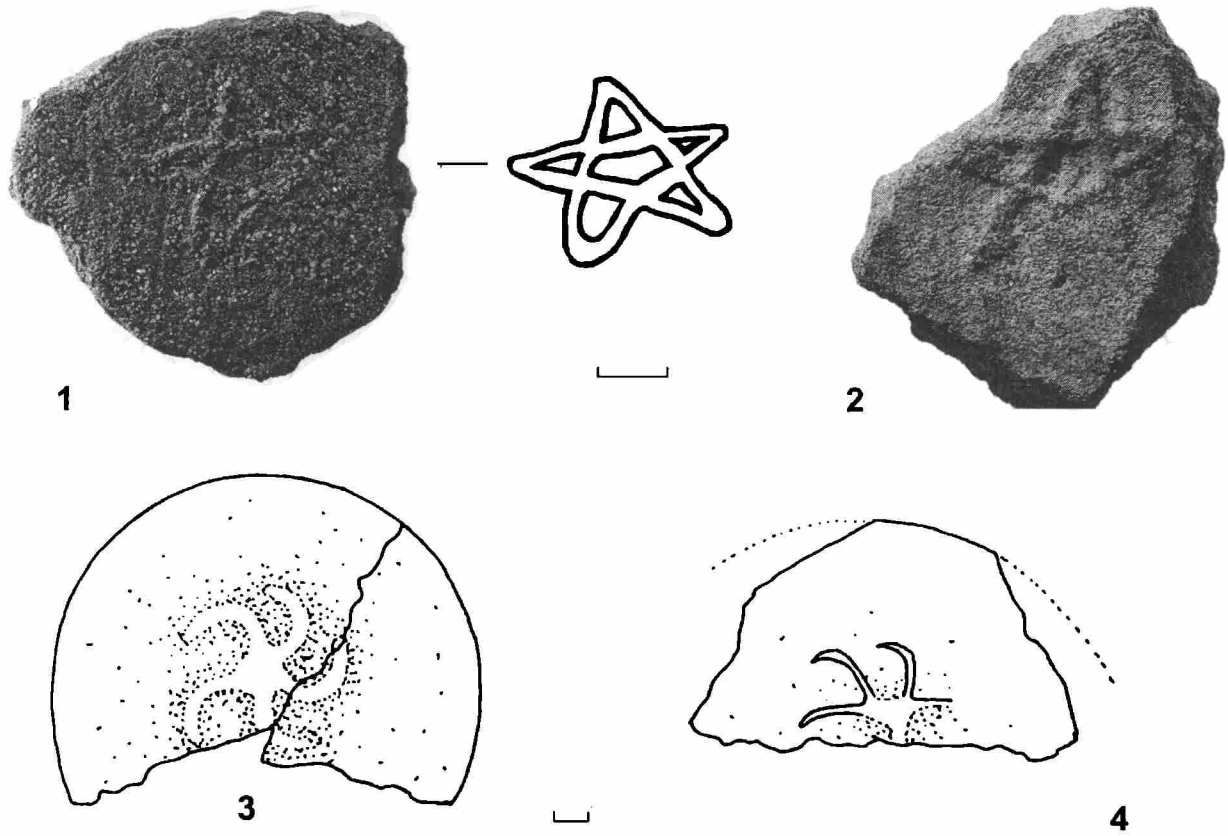


Рис. 6. Гончарные клейма с селища Мякинино-1

дящими из ее центра (рис. 7, *5*). В основе рисунков всех трех клейм, которые не могут быть восстановлены полностью, также находится окружность. Еще одно клеймо, сохранившееся фрагментарно, вероятно, представляет собой овал, разделенный несколькими прямыми линиями (рис. 7, *6*).

Один знак является изображением свастики со слабоизогнутыми концами (рис. 8, *1*). Возможно, такое же клеймо имеется на еще одном донце, сохранившемся фрагментарно (рис. 8, *2*).

Шесть клейм оттиснуты на донцах с подсыпкой золы, пять – с подсыпкой дресвы. Одно клеймено донце, возможно, подсыпки не имело.

Четыре клейма происходят из переотложенного пахотного слоя. Три из них оттиснуты на донцах сосудов с примесью дресвы в тесте и могут относиться к раннему периоду существования поселения – XIII–XIV вв. Один фрагмент донца с клеймом был найден в слое, датируемом XIV–XV вв.

Из ямы, датируемой первой половиной – серединой XIII в., происходят два клейма. Одно из них представляет собой разделенную тремя линиями окружность (рис. 7, *5*), другое, сохранившееся фрагментарно, является изображением простой окружности или окружности с крестом. XIII–XIV вв. можно датировать горшок с клеймом в виде слабоизогнутой свастики (рис. 8, *1*). Он также был найден в заполнении ямы.

Одно клеймо в виде окружности с крестом происходит из ямы, заполнение которой датируется XV в. (рис. 7, *2*). Еще один фрагмент донца с подобным клеймом (рис. 7, *4*) был найден в яме, также датируемой XV в., хотя нельзя исключить попадание в ее заполнение фрагментов более ранней керамики. XV в. датируется и заполнение ямы, в которой было найдено клеймо в виде овала, разделенного прямыми линиями (рис. 7, *6*). Оно оттиснуто на донце сосуда с примесью дресвы в тесте, что может свидетельствовать о более ранней датировке.

Фрагментированное клеймо, представляющее собой изображение окружности с крестом, было оттиснуто на донце розовоглиняного сосуда. Оно происходит из ямы, заполнение которой датируется второй половиной XVI в.

Стоит упомянуть еще о двух донцах с вдавленными оттисками, которые также можно условно отнести к гончарным клеймам. На одном из них, происходящем из пахотного слоя, имеется изображение круга (рис. 8, *4*). Другой фрагмент донца имеет вдавленное изображение какой-то фигуры (рис. 8, *3*). Оно было найдено в той же яме XVI в., откуда происходит клеймо на донце розовоглиняного сосуда. Не

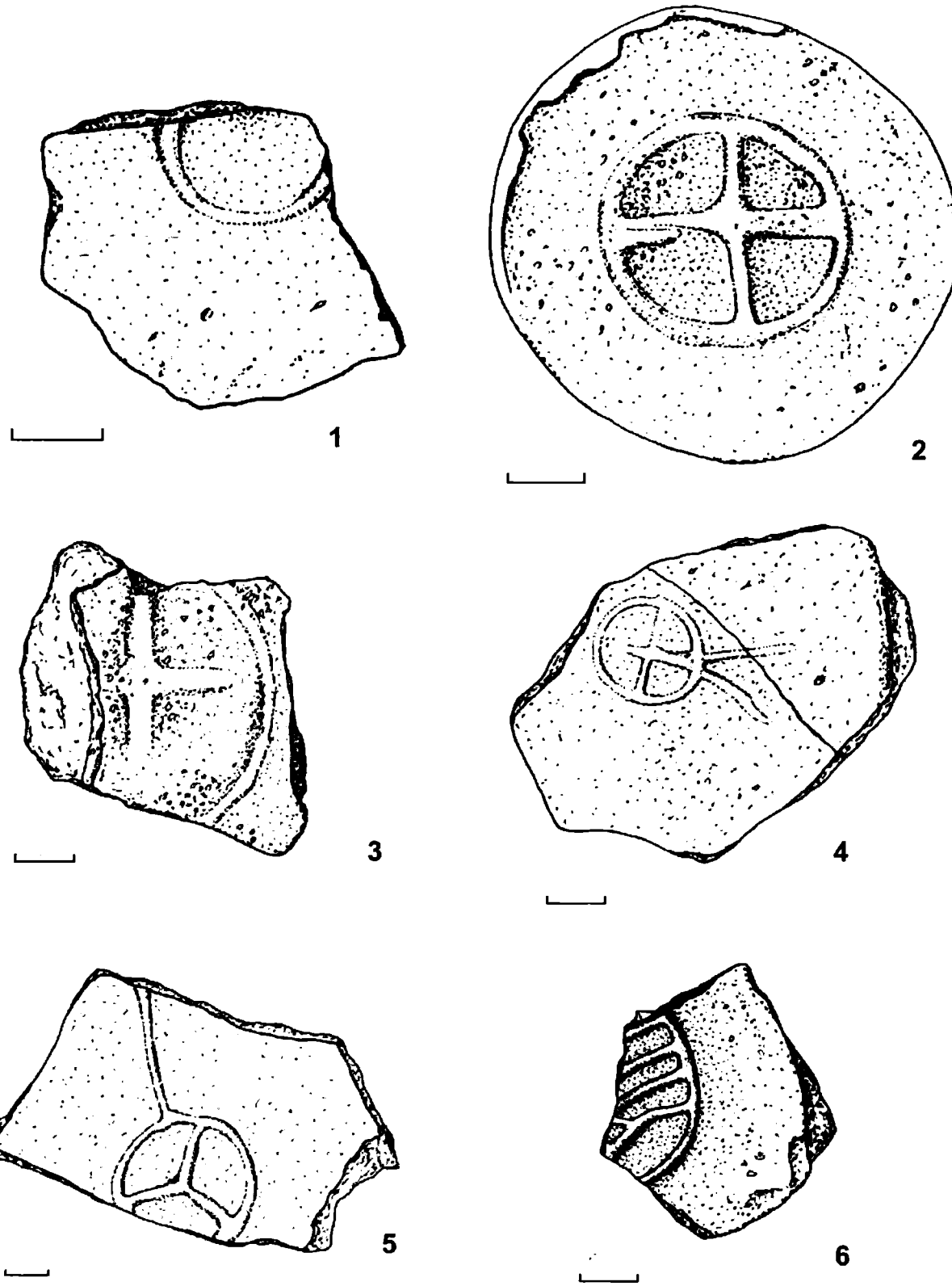


Рис. 7. Гончарные клейма с селища Мякинино-2

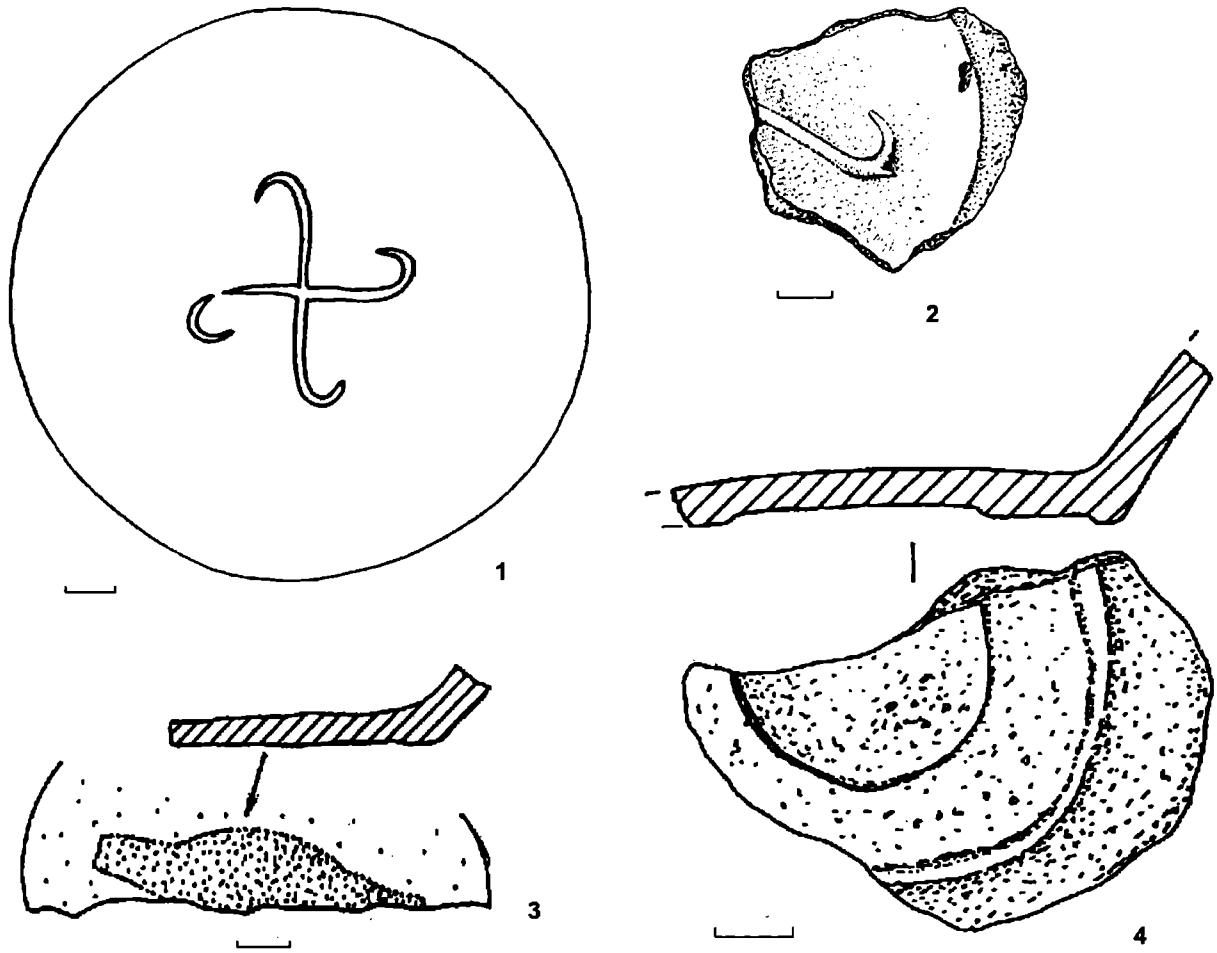


Рис. 8. Гончарные клейма с селища Мякинино-2

вполне ясно, являются ли данные оттиски клеймами или имеют случайное происхождение.

Несмотря на небольшое количество рассмотренных здесь гончарных клейм, происходящих из раскопок селища Мякинино-2, можно провести некоторое сравнение с материалом Мякинино-1. Рисунки клейм здесь менее разнообразны и, за небольшим исключением, имеют в своей основе окружность. Так же как и на селище Мякинино-1, клейма представляют собой простые по рисункам знаки, имеющие широкое распространение. Помимо знаков в виде окружности и окружности с крестом, общими для обоих селищ являются клейма в виде слабоизогнутой свастики. Два клейма такого типа, происходящие с селищ Мякинино-1 и Мякинино-2, имеют одинаковую датировку – XIII–XIV вв. (рис. 5, *2*; 8, *1*). Отсутствие на селище Мякинино-2 клейм в виде соединенных вершинами треугольников, вероятно, связано с тем, что они датируются исключительно домонгольским временем.

По всей видимости, гончарные клейма бытовали на селище Мякинино-2 на всем протяжении его существования (конец XII – XVI в.). В то же время их количество значительно меньше, чем на селище Мякинино-1. Вероятно, это объясняется тем, что большинство исследованных на селище Мякинино-2 комплексов относится к XV–XVI вв. Большая же часть клейм, найденных на селище Мякинино-1, датируется XII–XIII вв.

Хронологическое соотношение гончарных клейм различно для разных регионов. Также различается и количество используемых для клеймения посуды знаков в тот или иной период. Например, в центральных районах Северо-Восточной Руси наибольшее количество клейм приходится на конец XII – начало XIII в., а уже в начале XIV в. оно резко сокращается. Для домонгольского времени характерно и наибольшее разнообразие знаков (*Кадиева*, 2007. С. 187). Сходная ситуация наблюдается в Великом Новгороде, где клейма больше всего распространены в XI–XIII вв. В это же время отмечается и наибольшее разнообразие их рисунков. Сокращение количества клейменой посуды происходит в XIV в. (*Хижняков*, 2002. С. 141. Табл. 2). На Ростиславле Рязанском количество клейм в домонгольское время не очень велико. Оно увеличивается во второй половине XIII и достига-

ет максимума в XIV в. Именно в этот период клейма становятся более разнообразными. Прекращение клеймения керамики здесь происходит в XV в. (*Коваль*, 2002. С. 130–131, 133–134. Табл. 2). В районе Куликова Поля количество клейменой керамики увеличивается на протяжении конца XII – середины XIV в. Во второй половине XIII – начале XIV в. рисунки клейм по сравнению с изображениями предшествующего периода усложняются (*Гоняный, Заидов*, 2002. С 141–142. Табл. 1). В Дмитрове наибольшее количество представленных во всем разнообразии клейм приходится на вторую половину XII – первую половину XIII в. В последующее время их общее количество начинает сокращаться, однако для XV–XVI вв. характерно появление новых знаков. Клеймение посуды сохранялось в Дмитрове вплоть до XIX, а в окрестных деревнях – до начала XX в. Однако разнообразие клейм в позднейший период их существования было невелико (*Панченко*, 2007. С. 198–204. Табл. 1, 2).

На селищах Мякинино-1 и Мякинино-2 период бытования клейменой керамики совпадает со временем существования этих поселений – с серединой XII – второй половиной XVI в. Наибольшее количество клейм отмечается в XII–XIII вв., после чего оно начинает сокращаться. Разнообразие рисунков клейм здесь невелико как в домонгольское, так и в позднесредневековое время.

Литература

Гоняный М.И., Заидов О.Н., 2002. Древнерусские гончарные клейма XII–XIV вв. района Куликова Поля (опыт систематизации и осмысления семантики) // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Археология. Тула.

Кадиева Е.К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3. М.

Коваль В.Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь.

Коваль В.Ю., Хижняков О.И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке) // АП. Вып. 2. М.

Панченко К.И., 2007. Клейма XII–XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове // АП. Вып. 3. М.

Хижняков О.И., 2002. Новгородские гончарные клейма // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь.

Хижняков О.И., 2007. К вопросу о планировочной структуре и границах селища Мякинино-2 // АП. Вып. 3. М.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2007. Мякининский комплекс памятников археологии // АП. Вып. 3. М.

O.I. Khijnyakov

Potter's signs from the digs of the Myakinino-1 and Myakinino-2 settlements

Summary

The article regards the finds of the potter's signs from the digs of the two settlements – Myakinino-1 and Myakinino-2. The pottery with signs on the bottoms was used on the settlements during the whole period of its existence (middle of the 12th – second half of the 16th). However, the largest amount of the sings is referred to the 12th –13Ith cc. and is reduced in later periods. On the Myakinino-2 settlement, where the complexes of the 15th–16th cc. have been mostly investigated, the smaller amount of vessels with relief marked bottoms was found. The variety of sign's shapes weren't high both in the pre-mongolian time and in the late Middle Ages. Generally, the found sings are presented by the common shapes widely spread in the whole Russian territory.

Е.П. Захарова

Женский костюм и его детали по материалам Мякининского курганного могильника

Данных о конструкции и деталях женского костюма домонгольского времени немного. Информация, которой мы располагаем, получена, прежде всего, из анализа изображений, дошедших до наших дней на иконах, и результатов, добытых в ходе раскопок курганов (*Рабинович,* 1988. С. 139; *Сабурова,* 1997. С. 93). Существует несколько реконструкций, сделанных М.А. Сабуровой на основе анализа материалов погребений вятичей и кривичей (1997. С. 108–109. Табл. 75–76, 78). Попытка реконструкции древнерусской погребальной одежды по материалам раскопок могильников Верхневолжья была также предпринята Ю.В. Степановой (2007. С. 213–218).

Курганная группа, расположенная в районе д. Мякинино у западной окраины Москвы, впервые стала предметом археологического исследования в 1924–1927 гг., когда В.А. и М.В. Городцовы раскопали здесь 15 курганов. В 1948 г. раскопки могильника были продолжены М.Г. Рабиновичем (раскопаны четыре кургана). В 2004–2006 гг. Отделом охранных раскопок Института археологии РАН (начальник экспедиции – А.В. Энговатова, руководители – А.В. Энговатова, В.Ю. Коваль) на памятнике проводились работы, в ходе которых было вскрыто 26 курганов[1]. Таким образом, за годы исследований Мякининского могильника было изучено 45 погребений, из которых 21 – женское (одно погребение было полностью разрушено).

Прежде всего, хотелось бы остановиться на том, как в материалах погребений Мякининского могильника представлены различные детали костюма.

Головной убор. В кургане 10 по нумерации Городцовых, раскопанном в 1924 г., у правого виска погребенной была обнаружена полоска кожи с продетыми в нее одним серебряным загнутоконечным браслетообразным и одним серебряным пятибусинным височным кольцом. Здесь же, исходя из описания, было найдено еще одно серебряное загнутоконечное браслетообразное височное кольцо и три бронзовых перстнеобразных кольца. Интересно, что у левого виска погребенной были зафиксированы лишь два серебряных загнутоконечных браслетообразных кольца и одно серебряное трехбусинное (Городцов, 1928. С. 548). Складывается впечатление, что перстнеобразные кольца относились к ленте, удерживавшей волосы или остальной головной убор. По всей видимости, к ней могли крепиться кожаные полосы с продетыми в них височными кольцами. Принимая во внимание плохую сохранность украшений, представляется возможным предположить, что кольца, найденные у левого виска погребенной, могли либо не сохраниться, либо были перемещены в результате распада ткани, которая их удерживала.

Как часть головного убора – платка или повоя, можно рассматривать фрагмент шерстяной коричневой материи, обнаруженный в районе левого виска женщины, погребенной в кургане, раскопанном М.Г. Рабиновичем в 1948 г. В этом же кургане, скорее всего, находились полуторооборотные перстнеобразные височные кольца, по одному с каждой стороны. Сказать, каким образом они крепились к головному убору, не представляется возможным (*Рабинович,* 1949. С. 5).

В двух курганах (4 и 6), исследованных в 2004 и 2005 гг., были обнаружены пряди волос, застрявших между височными кольцами. Вероятно, в данном случае кольца были вплетены в волосы. В кургане 1 пряди волос располагались под браслетообразными височными кольцами (*Энговатова, Коваль,* 2005. С. 17–18, 42; 2006. С. 18). М.А. Сабурова указывает, что волосы, как правило, подкладывались под лопастные кольца как с защитной целью, выступая в качестве своеобразной прокладки между виском и кольцом, так и сэстетической (*Столярова,* 2008. С. 99). Возможно, в случае с курганом 1 мы имеем дело именно с такой ситуацией. В кургане 3 пряди волос были обнаружены рядом с семилопастным височным кольцом. Сложно сказать, подстилали ли они его, или кольцо вплеталось в волосы.

[1] Благодарю руководителей раскопок А.В. Энговатову и В.Ю. Коваля за предоставленный для исследований материал.

Интересно, что в этом захоронении, с левой стороны от погребенной, было найдено одно семилопастное, а с правой – пятилопастное кольцо. С правой же стороны были обнаружены обломки еще одного кольца, количество лопастей которого установить не удалось. Таким образом, находки демонстрируют несимметричное расположение украшений в уборе (*Энговатова, Коваль,* 2005. С. 36). Несимметричное расположение височных украшений наблюдалось и на примере кургана 10, речь о котором пойдет ниже.

Встреченные при раскопках височные кольца принадлежали разным типам, при этом никаких следов крепления их как между собой, так и к головному убору, а также самого убора, обнаружено не было. Однако, исходя из расположения височных колец по отношению друг к другу, можно предположить, что в большинстве случаев они крепились друг над другом. Скорее всего, женщины носили по три браслетообразных или по пять-шесть перстнеобразных колец по обе стороны головы. Возможно они также вплетались в волосы или привешивались на тканных лентах, не сохранившихся в условиях сухого грунта (*Энговатова, Коваль,* 2005. С. 17, 28. Рис. 113–114; 2006. Рис. 35).

Отдельно нужно отметить набор височных колец из кургана 5, в котором у левого виска погребенной было обнаружено шесть колец, а у правого – пять, причем с каждой стороны находилось по одному полуторооборотному перстнеобразному кольцу. Остальные были бусинными. Правда, количество металлических бусин из-за плохой сохранности установить не удалось, однако их диаметр соответствовал диаметру перстнеобразных колец. В головном уборе они располагались друг под другом (*Энговатова, Коваль,* 2005. С. 56).

Воротники. Многие рубашки могли совсем не иметь этой детали, ограничиваясь простым вырезом без специально скроенного и пришитого воротника. Однако, результаты раскопок, как нам кажется, позволяют предположить наличие в некоторых погребениях стоячих воротников, имевших жесткую основу и застегивавшихся слева. Благодаря материалам, полученным на других памятниках, стало известно, что такие воротники украшались вышивкой или пластинами-накладками, на них также нашивали узоры из бусин (*Рабинович,* 1988. С. 141–142; *Сабурова,* 1997. С. 99–100).

В погребении под курганом 1, с правой стороны черепа, у нижней челюсти и под ней было обнаружено скопление бус. Отдельно от них лежали бусы, образовывавшие полукруг (*Энговатова, Коваль,* 2005. С. 17) (цв. вкл. рис. XVI). Такое расположение бус можно трактовать следующим образом: либо это были две низки бус от ожерелья, либо бусы, составлявшие скопление, украшали воротник (три параллельных низки), а найденные лежащими полукругом являлись ожерельем. В пользу последнего предположения может свидетельствовать расположения одной группы бус вокруг шеи.

С большой долей вероятности можно предполагать наличие стоячего воротника в погребении под курганом 27. Там, в районе шеи погребенной, была обнаружена полоса бересты около 5 см шириной, возможно, являвшаяся остатками воротника. Вокруг и под ней лежали бусы (*Коваль,* 2007. С. 69) (цв. вкл. рис. XVII).

Частью ворота или воротника обычно считаются пуговицы, довольно часто встречающиеся в погребениях в районе шеи. Интерес представляет их непосредственное предназначение в каждом конкретном случае. Так, в кургане 6 было обнаружено шесть позолоченных шаровидных пуговиц, расположенных не компактно. Возможно, в качестве бус они входили в состав ожерелья или же с их помощью к рубашке крепился стоячий воротник, следы которого зафиксировать не удалось (*Энговатова, Коваль,* 2006. С. 18–19). Такие воротники, называвшиеся стоячими ожерелками или просто ожерельями, известны. Они не пришивались к одежде, а могли пристегиваться пуговицами. Их также украшали вышивкой, бляшками или бусами (*Рабинович,* 1988. С. 142, 148; Сабурова, 1997. С. 100).

В 1927 г. в одном из курганов было обнаружено четыре бронзовых шарообразных пуговицы, располагавшихся в районе шеи погребенной женщины (*Городцов,* 1928. С. 549). Сегодня можно только догадываться, каково было их предназначение: служили ли они застежками воротника, крепили ли стоячую ожерелку, или, как в предыдущем случае, входили в состав ожерелья в качестве бусин, что представляется наименее вероятным.

Опястья. Считается, что эти детали присущи в основном одежде священнослужителей и богатых людей. Их украшали дорогими тканями, покрывали вышивкой. Опястий, или зарукавий, известно очень мало. М.А. Сабурова пишет, что они почти не известны в курганах. Объяснение этому факту исследовательница видит в том, что дорогие ткани и ленты использовались в основном лишь для украшения ворота (*Сабурова,* 1997. С. 101). Еще один вид украшения рукава – пристяжные, богато украшенные вышивкой и расшитые бусинами и жемчугом запястья, или зарукавья (манжеты), – упоминает М.Г. Рабинович. Они также являлись деталью одежды знати (*Рабинович,* 1988. С. 179). Хотя опястья обычно представляются как тканевые, по нашему мнению, они могли быть и жесткими (на основе бересты, луба), особенно если относились к пристяжным запястьям (*Сабурова,* 1997. С. 101).

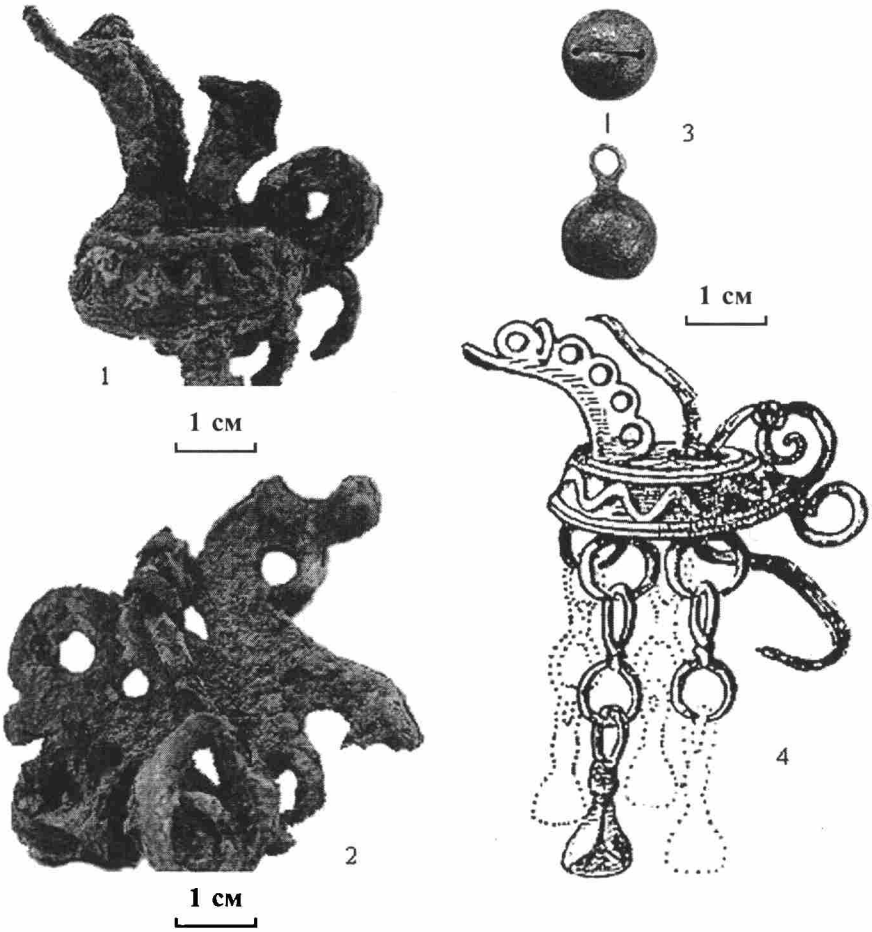


Рис. 1. Обереги-подвески из медных сплавов

1, 2 – зооморфные подвески из кургана 5; 3 – бубенчик из кургана 10; 4 – подвеска-конек из кургана XII (раскопки 1927 г.)

Конечно, говорить о наличии пристяжных и расшитых бусами зарукавий в Мякининских курганах не приходится, однако в них найдены детали одежды, которые, на наш взгляд, могут быть отнесены к опястиям. Как минимум в трех погребениях (курганы 5, 25 и 27) в районе запястий были обнаружены кусочки или полосы бересты (*Энговатова, Коваль,* 2005. С. 57; *Коваль,* 2007. С. 27, 70). Вряд ли это части несохранившихся берестяных гробовищ, остатки которых были обнаружены в двух других курганах (Рабинович, 1949. С. 5; Энговатова, Коваль, 2006. С. 16–17). Против этой версии говорит отсутствие берестяных фрагментов в районе других медных украшений, которые, окислившись, также могли законсервировать части берестяного гробовища. Кроме того, береста в этом могильнике неплохо сохраняется, о чем свидетельствует сохранность берестяного гроба в кургане 6. Однако наиболее весомым аргументом против этой версии выступает расположение бересты между костями рук и браслетами в трех случаях из шести. В остальных случаях она находилась поверх украшений. Этот факт, возможно, указывает, что браслеты могли надеваться как на рукав, так и под него (*Коваль,* 2007. С. 27, 70; *Энговатова, Коваль,* 2005. С. 57).

Пояс. Остатки поясов были обнаружены в курганах 5 и 10, причем в кургане 5 шерстяной тканый пояс был положен в погребение вместе с двумя подвесками-уточками, завернутыми в платок, в качестве посмертного дара (*Орфинская,* 2006) (цв. вкл. рис. XVIII). К поясным деталям относились и два кольца: бронзовое было найдено в 1927 г. (*Городцов,* 1928. С. 548), железное – в 2004 (*Энговатова, Коваль,* 2006. С. 48). Они могли выполнять функции пряжек (рис. 2).

Обереги (рис. 1). Помимо уже упомянутых, шумящие привески в виде петушков были найдены в 1927 г., правда, в погребение они, скорее всего, попали не в виде дара, а как элемент костюма. Привески крепились на тонких кожаных ремешках к бронзовому кольцу и, судя по положению на костяке, помещались на уровне живота (*Городцов,* 1928. С. 549). Вообще, зооморфные привески интерпретируются исследователями как охраняющие женское плодородие (*Жилина,* 2007. С. 157).

Курган 10 (рис. 2). Для того чтобы лучше пред-

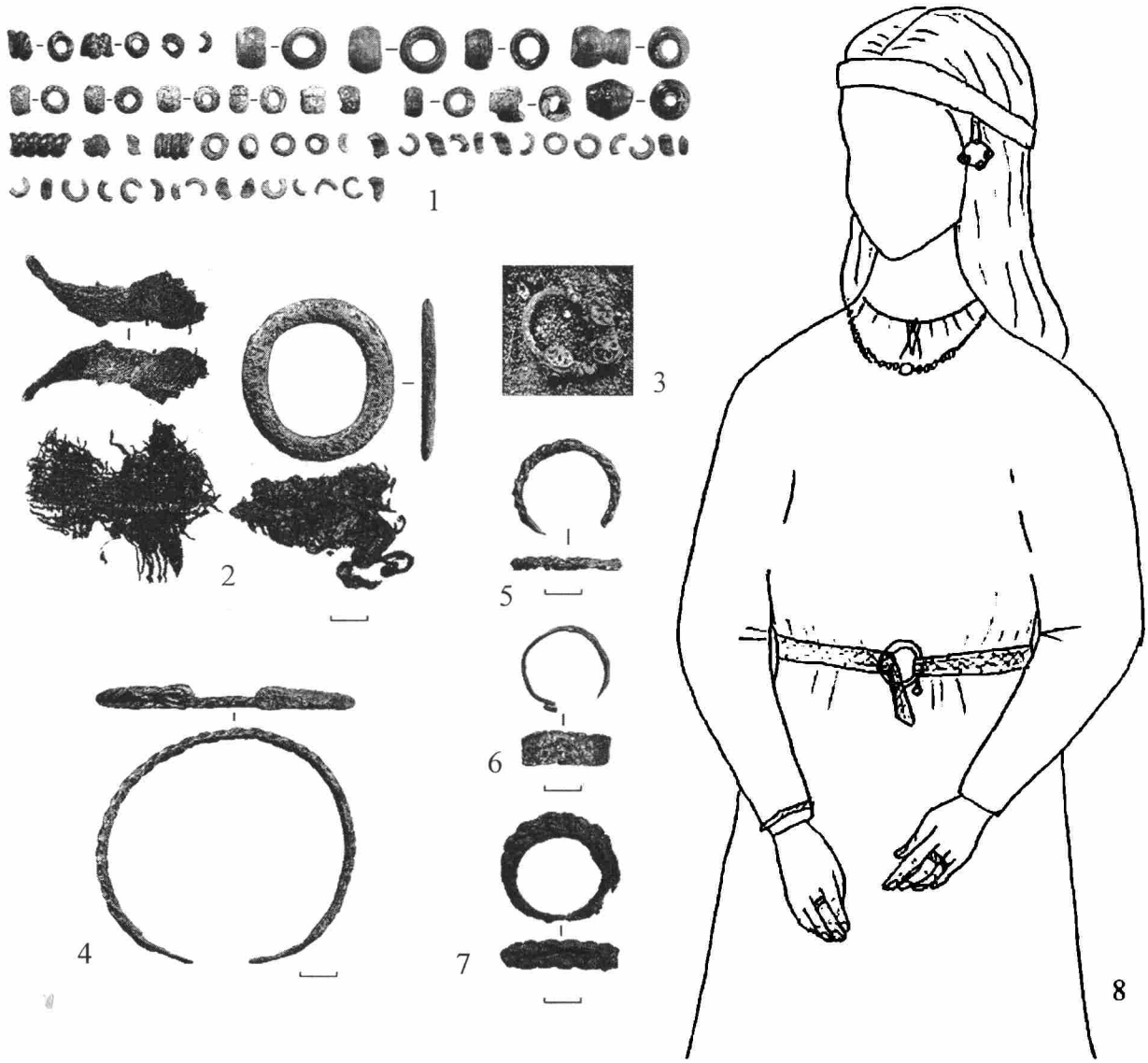


Рис. 2. Курган 10. Погребение 1

1 – стеклянные бусы; 2 – поясное кольцо с остатками тканного пояса; 3 – трехбусинное височное кольцо; 4 – ложновитой браслет; 5–7 – ложновитой, пластинчатый и рубчатый перстни; 8 – реконструкция погребального костюма

ставить, как выглядел костюм целиком, следует более подробно рассмотреть погребение из кургана 10, в котором была захоронена молодая (?) женщина. Несмотря на то, что следов тканого головного убора не сохранилось, можно предположить, что это был либо полотенчатый убор, либо (если погребенная была незамужней) волосы вообще ничем не покрывались. К головному убору относились два медных перстнеобразных височных кольца, висевших у правого виска, и серебряное трехбусинное кольцо с ажурными бусинами, орнаментированными ложной сканью. Следов крепления колец к прическе не обнаружено, однако они могли привешиваться на шнурках к ленте, скреплявшей волосы (*Энговатова, Коваль,* 2006. С. 47–48).

Шея погребенной была украшена ожерельем из 56 стеклянных бус, среди которых отмечены винтообраные бирюзовые и фиолетовые бусы, желто-зеленые, синие и сине-зеленые зонные и одна синяя битрапециоидная бусина (*Столярова,* 2008. С. 56–57).

Пуговиц в районе шеи найдено не было, следовательно, ворот одежды (рубашки) завязывался. Вероятно, полотняная ткань, сохранившаяся в районе пояса, является частью рубашки, которая подпоясывалась поясом из тканой шерстяной ленты. Интересен факт находки в этом погребении железного поясного кольца, обычно в женских погребениях не встречающегося. В данном случае оно могло выступать и в качестве простого украшения, и как поясная пряжка, фиксировавшаяся посредством затяга через кольцо пояса с последующим его за-

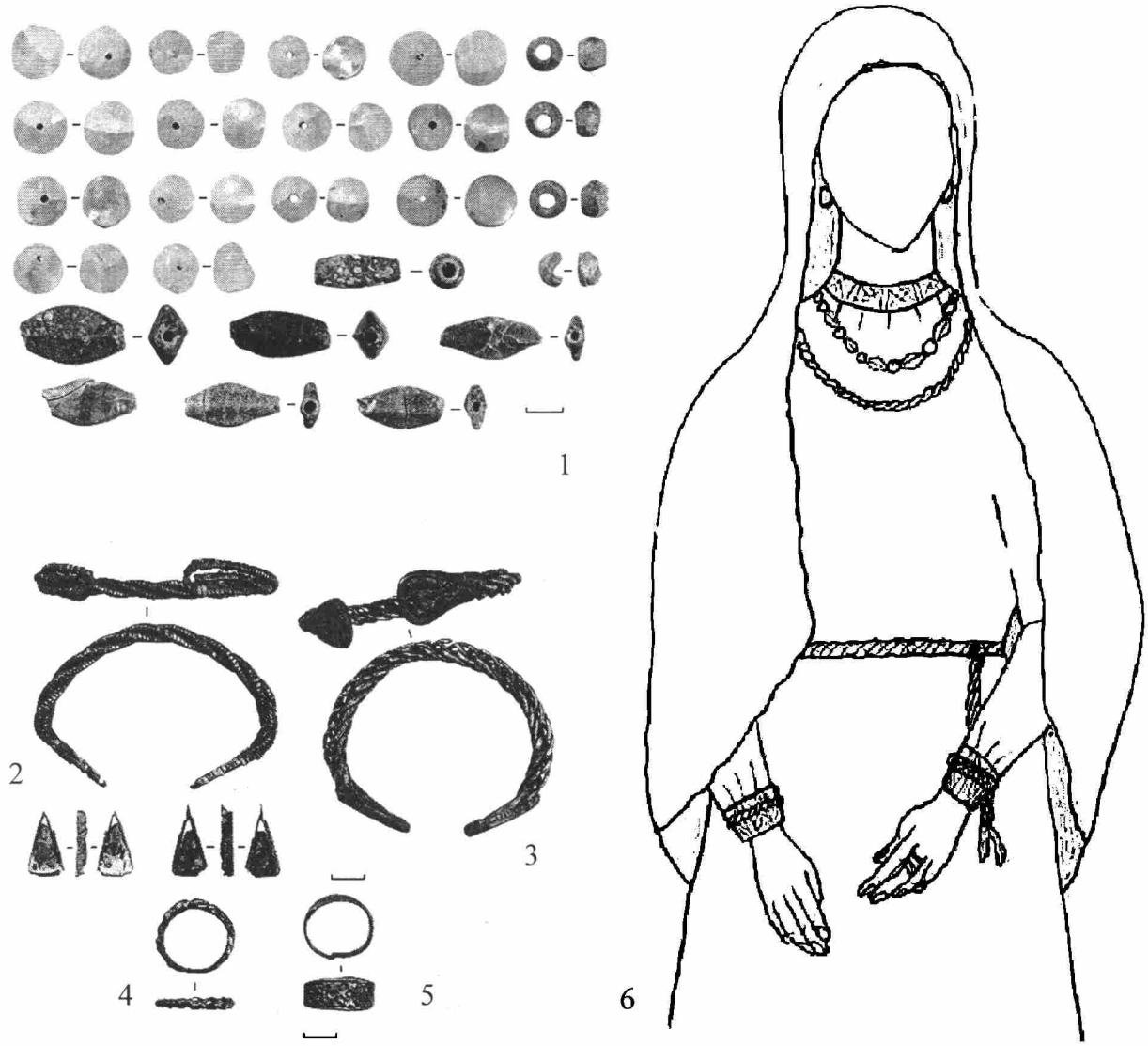


Рис. 3. Курган 27. Погребение 1

1 – хрустальные и стеклянные бусы; 2 – витой браслет со стеклянными вставками; 3 – плетеный браслет; 4, 5 – ложновитой и пластинчатый перстни; 6 – реконструкция погребального костюма

вязыванием. Найденное скопление шерстяных ниток, скорее всего, является остатками пояса. Среди ниток был обнаружен шаровидный линейнопорезной бубенчик из медного сплава. Как и оберег, он, по всей видимости, крепился к поясу.

Пальцы правой руки погребенной украшали ложновитой бронзовый браслет и ложновитой перстень. На пальцах левой руки зафиксирован еще один ложновитой бронзовый перстень и пластинчатый перстень с ячейковым декором.

На основе анализа инвентаря и планиграфии могильника курган может датироваться второй половиной XII в (*Столярова,* 2008. С. 56–58; *Энговатова, Коваль,* 2005. С. 48).

Курган 27 (рис. 3). В нем была похоронена женщина 25–35 лет. Ни одного текстильного фрагмента в погребении обнаружено не было. Данных о конструкции головного убора практически нет, найдены лишь обломки перстнеобразных височных колец, количество которых установить не удалось. Если предположить, что головной убор погребенной в кургане 27 был полотенчатого типа (т. е. закрывал волосы), то височные кольца могли крепиться к нему так же, как и в кургане 10, – привешиваясь на шнурках к ленте, или непосредственно к самому убору.

Шею погребенной украшало ожерелье, состоящее из 14 горнохрустальных шарообразных и 11 стеклянных бус, среди которых встречены синие и фиолетовые рыбовидные, бледно-желтые биконические, близкие к зонным бусы, а также эллипсовидная бусина с пластичным декором (*Столярова,* 2008. С. 58–59). Помимо этого в погребении об-

наружена плетеная железная гривна с медной оплеткой, очень плохой сохранности. Концы гривны оформлены в виде наконечников, припаянных к витым стержням (*Энговатова, Коваль*, 2006. С. 27).

Об одежде погребенной мы знаем гораздо больше. Как было сказано выше, рубашка, скорее всего, имела стоячий воротник, жесткость которому придавала полоска бересты шириной около 5 см. Она должна была быть обшита с обеих сторон тканью, украшенной вышивкой. Рубашка, на наш взгляд, также могла иметь жесткие опястья схожей с воротником конструкции, иначе говоря, в них могли быть вшиты берестяные полоски. Опястья, скорее всего, тоже были украшены вышивкой. Поверх рукавов надевались браслеты: на правой руке тройной витой проволочный браслет с петлями на концах, изготовленный из железной проволоки, обвитой тонкой медной полосой. На концы браслета крепились (припоем или клеем?) накладки из стеклянных треугольных пластин синего цвета, обрамленных в плоскую медную рамку со сканым ободком на лицевой стороне. На левую руку был одет плетеный браслет из медного сплава с припаянными на концах щитками из белого металла, украшенными рельефным растительным орнаментом. Заметим, что береста и браслет на левой руке располагались не на предплечье, а на плечевой кости, в районе локтя. Они могли сместиться туда, но при этом ширина опястья должна была позволять рукаву свободно скользить по руке. Левую руку также украшали ложновитой и пластинчатый ячейковый медные перстни – оба были надеты на один палец.

Рубашка, вероятно, подпоясывалась тканым или плетеным поясом или веревкой, однако их следов обнаружить не удалось.

Согласно результатам проведенного анализа украшений из погребения и планиграфии могильника, курган датируется концом XII – началом XIII в. Погребенная в нем женщина, вероятно, принадлежала к обеспеченной семье: ее убор состоял из довольно ранних вещей (гривна и плетеный браслет), скорее всего, передававшихся по наследству. Оба найденных браслета принадлежат к редкому типу находок тонкой работы. Украшение одежды жестким воротником и опястьями, возможно, также свидетельствует о достаточно высоком статусе погребенной – в деревенских курганах эти элементы костюма встречаются не часто (*Столярова*, 2008. С. 58–59; *Энговатова, Коваль*, 2006. С. 27).

В данной работе мы рассмотрели не только отдельные элементы женского костюма из Мякининского курганного могильника, но и попытались на примере двух погребений выяснить, как выглядел женский костюм в общих чертах. Для более детальных реконструкций материала имеющегося сегодня в нашем распоряжении недостаточно.

Литература

Городцов М.В., 1928. Вятические курганные погребения близ деревни Мякининой, Московской губернии и уезда // Тр. секции археологии РАНИОН. IV. М.

Жилина Н.В., 2007. Косы и усерязи тверской боярыни // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь.

Коваль В.Ю., 2007. Отчет об охранных археологических раскопках в Красногорском районе Московской области в 2006 г. М.

Рабинович М.Г., 1949. Отчет о раскопках группы курганов у д. Мякинино Московской области. М.

Рабинович М.Г., 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.

Орфинская О.В., 2006. Исследования археологического материала из кургана XII в. Мякининского могильника // Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Отчет об охранных археологических раскопках в Красногорском и Дмитровском районах Московской области в 2005 г. Приложение. М.

Степанова Ю.В., 2007. Покрой и конструкция древнерусской погребальной одежды (по материалам Верхневолжья) // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь.

Столярова Е.К., 2008. Стеклянные бусы Мякининской курганной группы // АП. Вып. 4. М.

Сабурова М.А., 1997. Древнерусский костюм / / Древняя Русь. Быт и культура. М.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2005. Отчет об охранных археологических раскопках на Мякининском комплексе памятников в Красногорском районе Московской области в 2004 году. М.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2006. Отчет об охранных археологических раскопках в Красногорском и Дмитровском районах Московской области в 2005 году. М.

E.P. Zakharova

Feminine suit and its articles on the material from the Myakininskiy burial mound

Summary

The article is devoted to the analysis of the feminine burials stock from Myakininskiy mound (the Moscow region) in order to understand the place of each article in the funeral suit and reconstruct the suit in general. The author of the article tried to give an interpretation of some incomprehensible details such as bands of the birch bark found near the neck and hands of the buried woman. On example of two burials the reconstruction of the feminine funeral cloth of 12th – beginning of the 13th c. is presented

С.В. Шполянский

Раскопки селищ в пределах средневековой волости Перемышль в Подмосковье и некоторые общие вопросы динамики освоения региона в конце XII – первой половине XV века

В последнее десятилетие масштабы исследований средневековых сельских поселений в пределах исторического центра Московского княжества значительно возросли. Резкое увеличение объемов раскопок на селищах связано, в первую очередь, с интенсивным строительством в окрестностях Москвы, как в пределах известных исторических поселений, так и на землях, ранее использовавшихся в сельскохозяйственных целях на протяжении длительного времени. Как правило, в течение одного полевого сезона работы проводятся сразу на нескольких памятниках, раскопками затрагиваются крупные площади, исследуется большая часть территории попадающих в зону застройки поселений (*Коваль, Хижняков*, 2005; *Гоняный и др.*, 2005; *Энговатова, Коваль,* 2007; *Цыбин,* 2007;.*Сыроватко и др.*, 2007; *Черкасов,* 2008; *Булынкин и др.,* 2008).

Итогом масштабных охранных работ стало качественное изменение ситуации в археологическом изучении средневековой деревни центральных районов Московской земли. В отличие от конца XX столетия, когда небольшой объем раскопок не давал возможности детально изучить материальную культуру сельского населения Москворечья, спектр задач, стоящих сейчас перед исследователями, значительно расширился.

Ранее (вполне справедливо) приоритет отдавался работам историко-археологического характера (*Юшко*, 1991; 2002; *Чернов,* 1991; 2004; 2005), а собственно материалы раскопок играли хоть и важную, но вспомогательную роль дополнительного аргумента при локализации и датировке исторических сел и деревень. В настоящий момент важной самостоятельной задачей представляется изучение и систематизация результатов беспрецедентных по объему стационарных исследований. Успехи этой работы также достаточно очевидны (*Гоняный,* 1998; *Шполянский,* 2003; 2007; «Средневековое поселение...», 2004; «Археология Подмосковья», 2004; 2005; 2007; 2008).

Однако при постоянном увеличении количества памятников, на которых производились раскопки, исследователи довольно часто сталкиваются с проблемой сравнительно малой информативности материалов отдельного поселения, даже в случае значительных объемов проведенных работ. Особенно это характерно для селищ небольшой площади, соотносимых, как правило, с остатками малодворных деревень. Невыразительность культурных отложений и остатков сооружений, небольшое количество происходящих с них индивидуальных находок часто оставляет в распоряжении исследователей только керамические комплексы (не всегда достаточно представительные) и результаты естественнонаучных изысканий (в тех случаях, когда существует возможность их проведения). Конечно, степень изученности средневековой керамики Московского региона достаточно высока, что позволяет с большой долей уверенности определять датировку изучаемого поселения, и, в ряде случаев, делать выводы относительно состава населения, его оставившего (*Коваль,* 2008). Однако получить полноценное представление о характере материальной культуры жителей самой массовой категории археологических памятников русского средневековья, как правило, бывает невозможно.

Одним из наиболее продуктивных путей исследования бытовой культуры населения сельских районов Московского княжества является рассмотрение материалов раскопок серий памятников, располагавшихся в непосредственной близости друг от друга, в пределах небольших географически и хозяйственно обособленных регионов. Археологические исследования сравнительно небольших территорий, представлявших в системе средневековых владельческих и хозяйственных отношений единое целое, стали уже обычным явлением для специалистов, занимающихся русской средневековой деревней. Изучение земель, принадлежащих отдельным волостям и станам, является наиболее перспективным подходом при исследо-

вании формирования средневековых систем расселения и землепользования. Рассмотрение материалов с поселений, расположенных в рамках волостных границ, как совокупность взаимосвязанных элементов материальной культуры средневековой сельской общины, представляется логическим продолжением этого подхода.

При таком подходе становится возможным проследить своеобразие и динамику изменений материальной культуры населения отдельных сельскохозяйственных, промысловых или «служебных» сообществ, каковыми, в значительной мере, и являлись жители средневековых волостей и станов. Так же представляется вероятным предпринять первые шаги в изучении данных археологии через призму сложных социальных процессов, происходивших в раннемосковском обществе (*Чернов,* 2005. С. 345–351).

Волость Перемышль – одна из 11 волостей Московского княжества, выделенных Иваном Даниловичем Калитой в удел своему младшему сыну князю Андрею. Его владения занимали обширную территорию на юго-западе Московской земли, располагаясь в бассейнах рек Нары, Лопастни и по берегам правых притоков Пахры – рек Мочи и Рожайки. В XIV – первой половине XV в. этот регион составлял основу владений серпуховских князей. Перемышльская волость, находившаяся в среднем и нижнем течении р. Мочи на северо-восточной границе удела, занимала ключевое положение на дороге, связывавшей Москву с землями бассейна Верхней Оки (ДДГ, 1950. С. 7-8, 45–51; *Аверьянов,* 1992. С. 122-128; 1994. С. 5-6; *Шполянский,* 1999).

Основными письменными источниками по истории земель Серпуховского удела являются духовные и договорные грамоты великих и удельных князей Московского княжеского дома, в которых содержится информация о принадлежности волостей и владельческих сел, иногда границах уделов, характере наследования, а также о составе податей и порядке их взимания в отдельных волостях. Перемышльская волость здесь упоминается 11 раз, но в большинстве случаев мы имеем дело с простым перечислением волостей, входящих в состав серпуховского удела, не содержащих никакой конкретной информации по отдельным территориям. Исключение составляет духовная грамота Владимира Андреевича Серпуховского, датируемая началом XV столетия. Разделяя свои владения между пятью сыновьями, князь Владимир подробно описывает пограничные рубежи уделов, в том числе и границы земель небольшого княжества со столицей в Перемышле – центре одноименной волости. Некоторые сведения, касающиеся спорных вопросов владения волостными промыслами, содержатся в докончаниях Московского и Серпуховского князей, датируемых 1350–1351, 1374–1375, 1389 и 1390 гг. (датировка по Л.В. Черепнину) (ДДГ, 1950).

Единственное летописное упоминание центра волости мы находим в Рогожском летописце, где, при описании похода литовского князя Ольгерда на Москву в декабре 1370 г., Перемышль упоминается как место сбора войск Серпуховского и Пронского князей (*Сахаров,* 1959. С. 99). Еще один документ, содержащий ценные сведения по истории волостного центра, относится уже к началу XVI в. Это указная грамота великого князя Ивана Васильевича (февраль 1504 г.), данная монахам Троице-Сергиевого монастыря на беспошлинный провоз хлеба из Замоскворечья в Серпухов. В грамоте Перемышль фигурирует как пункт сбора дорожных пошлин (тамги и мыта) на серпуховской дороге (*Каштанов,* 1970. С. 414). Довольно ценная информация о волостных границах, населенных пунктах и качестве пахотных угодий содержится в писцовых книгах 1627–1628 гг. На основе данных, содержащихся в письменных источниках, С.Б. Веселовским и В.Н. Перцовым были очерчены границы волости, располагавшиеся в нижнем и среднем течении р. Мочи и по ее притокам (*Веселовский, Перцов,* 1993).

К одному из наиболее значимых моментов в истории региона относится вопрос о времени и направлениях заселения территории Перемышльской волости и бассейна верхней Пахры, крупнейшего правого притока Москвы-реки в ее среднем течении, древнерусским населением. При его решении затрагивается проблема государственной принадлежности региона в домонгольское время. В археологической литературе наибольшую известность приобрела точка зрения, относящая бассейн Пахры к территории Смоленского княжества (*Юшко,* 1991; *Гоняный,* 1999. С.130), основанная на локализации в среднем течении реки одного из пунктов (Добрятино) Уставной грамоты Ростислава Смоленского. Другого мнения придерживается В.А. Кучкин, который считает более вероятным размещение границы между Смоленским и Владимиро-Суздальским княжествами гораздо западнее, там, где она фиксируется письменными источниками XIV столетия (*Кучкин*, 1984. С. 82–84).

В данном случае проблема границ между княжествами не может быть решена на основе одних лишь данных письменных источников в силу их лапидарности. При рассмотрении материалов археологических исследований решение проблемы государственной принадлежности территорий возможно только при анализе географического распо-

ложения памятников, которое демонстрирует особенности размещения населения, тяготеющего к четко выделяемым административным центрам. Опыт подобного рода исследований известен для земель, входивших в состав Полоцкого и Смоленского княжеств. Изучая особенности размещения курганных могильников в пределах границ княжеств, установленных по письменным источникам, Л.В. Алексеев выделил районы повышенной концентрации населения. География расположения курганных могильников дает, по мнению этого исследователя, достаточно адекватную картину размещения средневековых поселений, а наблюдения за хронологией отдельных групп памятников позволяют выявить древнейшие очаги расселения и с довольно высокой степенью вероятности предполагать направления перемещения населения (из «староосвоенных» земель на территории ранее незаселенные) (*Алексеев,* 1966; 1980; 1998). Используя этот подход применительно к москворецким курганам, стоит отметить, что степень полноты информации о курганных могильниках ближайшего Подмосковья представляется довольно высокой, поскольку москворецкие курганы стали предметом пристального внимания археологов и любителей древностей еще в первой половине XIX столетия, до начала массового их уничтожения.

Для характеристики курганных могильников бассейна Пахры важна однородность состава погребальных комплексов, не содержащих, кроме семилопастных и перстнеобразных, никаких других височных колец. «Чистота» погребального инвентаря, вероятнее всего, свидетельствует об отсутствии на протяжении всего времени возведения курганов значительных миграций населения с тех территорий, для которых характерен смешенный набор погребальных древностей. Отсутствие в бассейне Пахры каких-либо городских центров в домонгольское время, по-видимому, можно считать доказанным (*Шполянский,* 1999; *Чернов*, 2003. С. 82), что позволяет рассматривать его как классическую сельскую территорию с эволюционным характером развития системы расселения в XII–XIII вв.

При картировании курганных могильников бассейна Пахры выделяются наиболее освоенные в домонгольское время территории (рис. 1). На сегодняшний день известно 206 курганных групп, которые состоят из почти 1700 насыпей. В это число входят и те памятники, которые к настоящему времени оказались полностью уничтоженными. Наиболее плотно могильники расположены в низовьях реки, на москворецко-пахринском водоразделе, у слияния Пахры с Десной и в поречье правого притока Пахры, в среднем течении р. Рожайки. Наименьшее количество курганных групп размещается в верховьях реки, а также в бассейне р. Мочи, по берегам которой и расположены земли, вошедшие впоследствии в состав Перемышльской волости. Особенно явно диспропорция в расположении курганов видна при сравнении рек Мочи и Рожайки, двух крупнейших правых притоков Пахры, разделенных водоразделом шириной не более 5–7 км. Количество насыпей, расположенных на берегах Рожайки, более чем в 12 раз превышает число курганов на Моче.

Прослеженная картина размещения курганов позволяет говорить о том, что движение населения в пределах региона осуществлялось преимущественно с востока на запад, из низовьев Пахры по ее долине в среднее и верхнее течение реки. Одним из наиболее важных моментов процесса заселения и хозяйственного освоения бассейна Пахры, который может быть прослежен исходя из географии расположения курганных групп, является отсутствие тенденции к постоянному расширению освоенной территории. Земли, лежавшие в бассейне верхней Пахры и Десны, верхнем и среднем течение Мочи, оставались слабо заселенными на протяжении большей части периода существования курганного погребального обряда в Московском регионе (*Шполянский*, 2004).

Таким образом, заселение территории волости Перемышль, по-видимому, следует оценивать как процесс внутренней колонизации окраин Владимиро-Суздальской земли, протекавший, в основном, в условиях угасания традиционной курганной культуры. Раскопки селищ, проводившиеся в пределах волости, позволяют составить представление о характере изменений, проходивших в средневековой деревне накануне возникновения Московского княжества, и формировании сельской материальной культуры удельного времени.

Средневековые памятники археологии, располагающиеся на территории Перемышльской волости, кроме, собственно, городища – волостного центра, получившего в исторической литературе название Перемышля Московского, представлены пятью курганными могильниками и одиночными курганами и 84 селищами, в большинстве своем выявленных в процессе разведочных работ, проводившихся М.И. Гоняным в 80–90-е годы XX в. (АКР, 1994; 1997).

С 1992 г. раскопками полностью или частично был исследован целый ряд селищ конца XII – XV в., что делает территорию волости Перемышль одним из наиболее археологически изученных районов Московского княжества удельной поры (рис. 1). К настоящему моменту в пределах волостных земель, расположенных по берегам р. Мочи, ста-

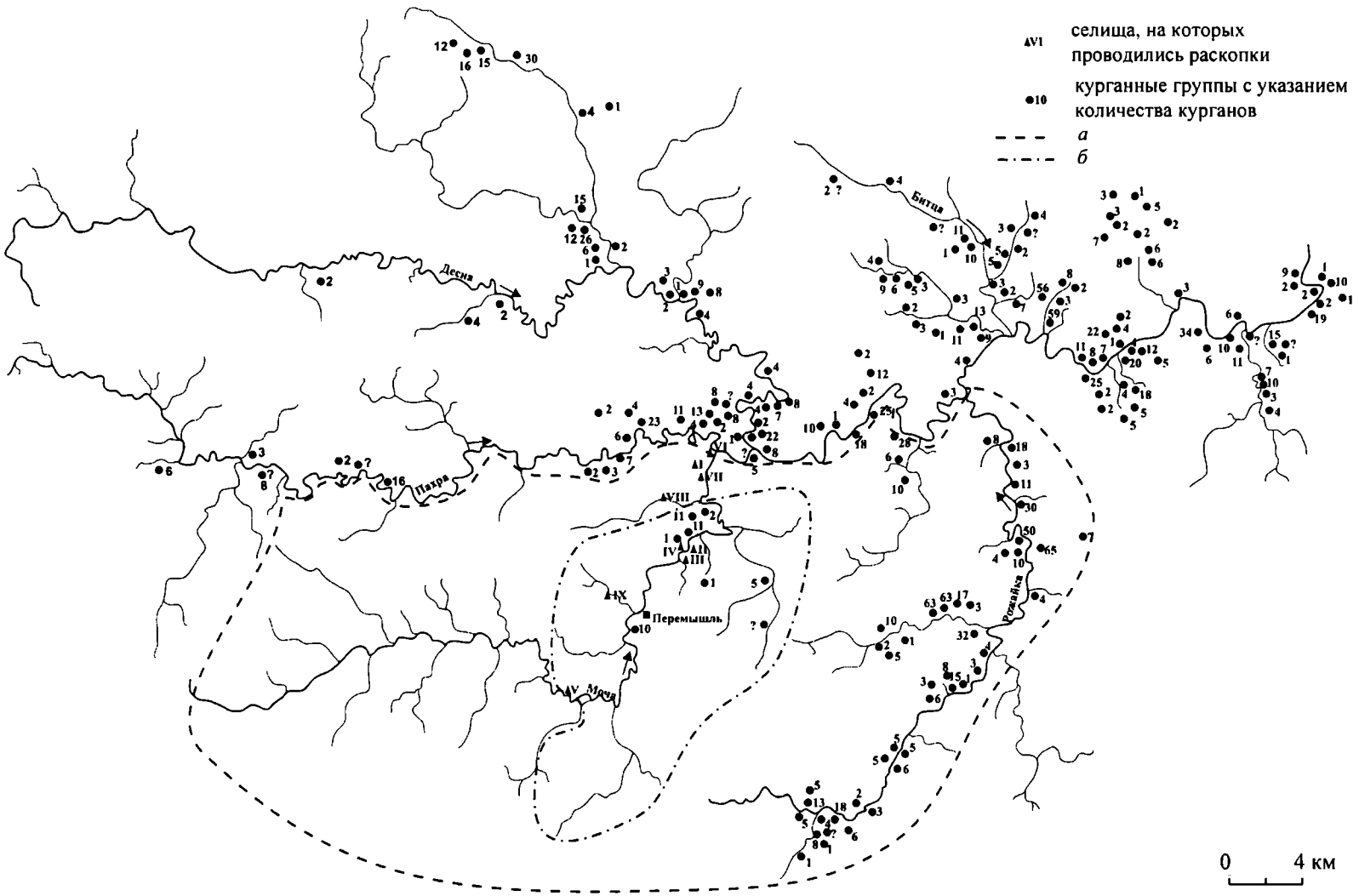


Рис. 1. Исследовавшиеся раскопками средневековые селища в границах средневековой Перемышльской волости и курганные могильники бассейна Пахры

а – граница Перемышльского княжества в нач. XV в. (по А.К. Аверьянову); б – граница основной территории Перемышльской волости по данным Писцовых книг 1627–1928 гг. Селища, на которых проводились раскопки:I – Кутьино 1А (кон. XII – 1-я пол. XIII в.); II – Ознобишино 5 (XIII в.); III – Ознобишино 2 (2-я пол. XIV – 1-я пол. XV в.); IV – Ознобишино 8 (XV – нач. XVI в.); V – Кленово 2 (2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV в.); VI – Данилово 1 (кон. XII – XIII в.); VII – Кутьино 2 (XIII – 1-я пол. XV в.); VIII – Щапово 4 (кон. XIII – 1-я пол. XIV в.); IX – Сатино-Русское 5 (2-я пол. XIV – 1-я пол. XV в.)

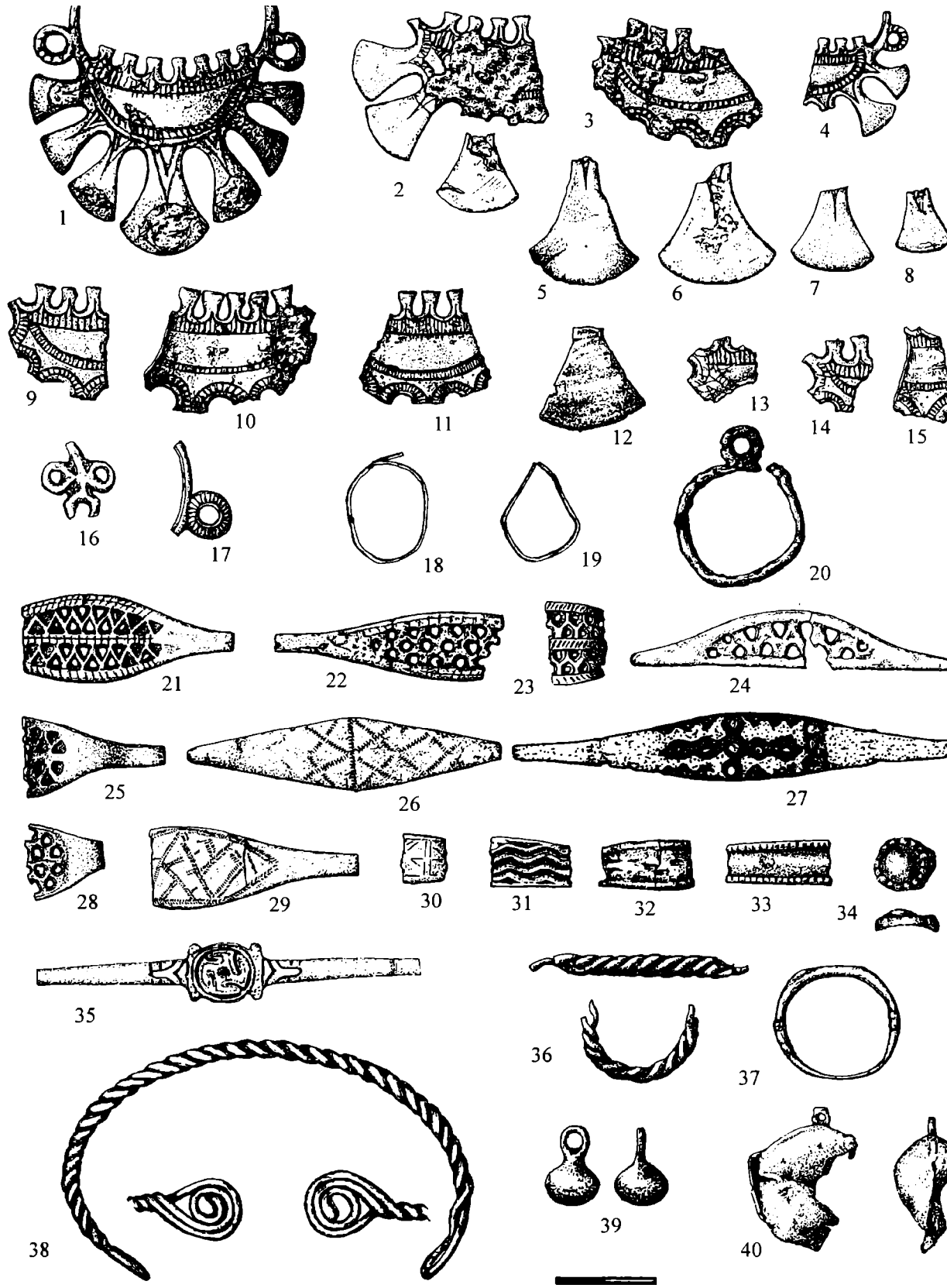


Рис. 2. Селище Кутьино 1А. Изделия из цветного металла, найденные при раскопках

1–17 – обломки семилопастных височных колец; 18–20 – перстнеобразные височные кольца; 21–37 – перстни и их фрагменты; 38 – витой проволочный браслет; 39 – грушевидная пуговица; 40 – фрагмент шаровидного бубенчика с линейной прорезью

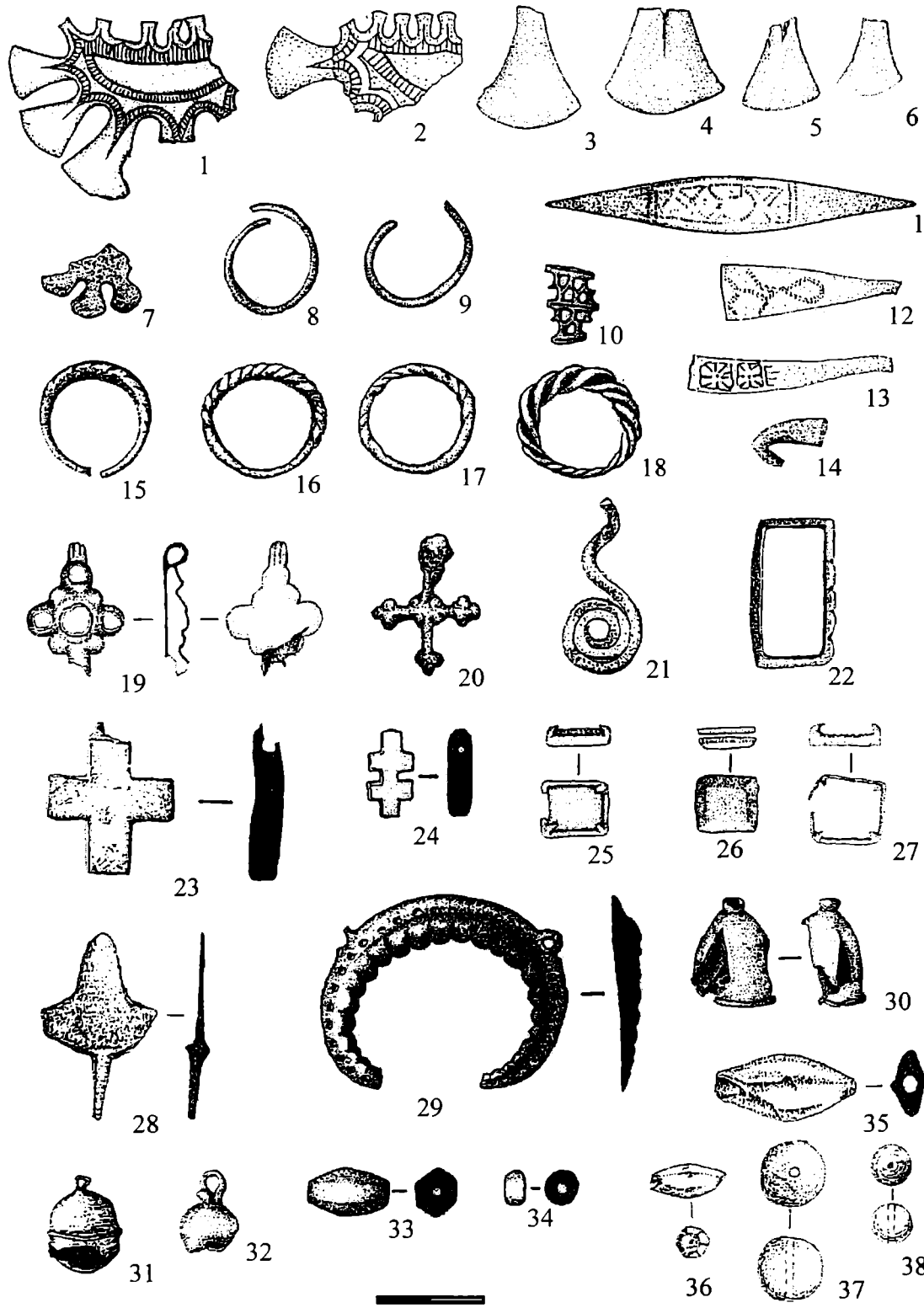


Рис. 3. Находки, обнаруженные в результате раскопок селища Ознобишино 5

1–7 – фрагменты семилопастных височных колец; 8, 9 – перстнеобразные височные кольца; 10-18 – перстни их фрагменты; 19, 20, 23, 24 – кресты-тельники; 21 – фрагмент витого проволочного браслета; 22 – держатель ремня; 25–27 – стеклянные вставки и их оправа; 28 – кунжутолистный наконечник стрелы; 29 – привеска (?); 30 – колокольчатая привеска; 31, 32 – шаровидные бубенчики с линейной прорезью; 33,36- сердоликовые биприамидальные бусы; 34 – зонная желтая непрозрачная бусина; 35 – рыбовидная фиолетовая бусина; 37, 38 – шаровидные хрустальные бусины. (1–13, 15–18, 20–22, 30–32 – цветной металл; 14, 34, 35 – стекло; 19 – серебро, эмаль; 25–27 – стекло, цветной металл; 23, 33, 36–38 – камень; 24 – янтарь; 28–29 – железо)

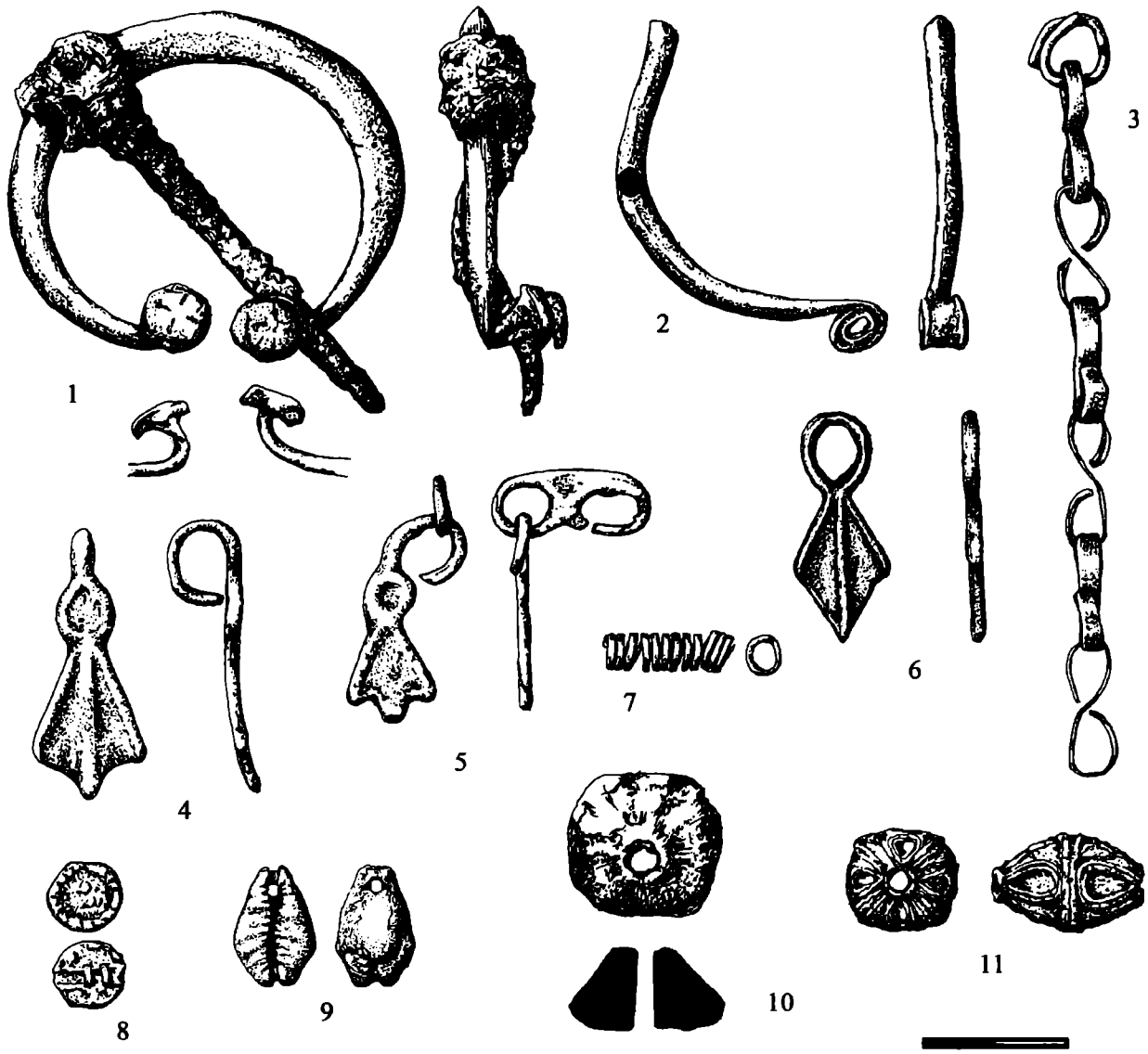


Рис. 4. Селище Кутьино 1А. Изделия из цветного металла и украшения, нехарактерные для курганных древностей Москворечья

1 – подковообразная фибула с гвоздевидными головками; 2 – фрагмент загнутоконечного дротового браслета; 3 – цепочка из S-видных пластинчатых звеньев; 4–6 лапчатые привески; 7 – проволочная пронизка; 8 – нашивная бляшка; 9 – раковина-каури; 10 – конический грузик; 11 – бипирамидальная бусина, украшенная ложной зернью. (1–8 – цветной металл; 10 – свинец; 11 – серебро?)

ционарные исследования проводились на девяти селищах, общая площадь раскопов которых составила почти 4700 кв. м. На поселениях исследованы остатки более 60 построек и сооружений, в том числе не менее семи жилищ. Значительные раскопанные площади позволяют делать обоснованные выводы о планировочных структурах сельских усадеб, а найденные на селище Ознобишино 5 три гончарных горна свидетельствуют о развитии сельского ремесла.

Вещевые коллекции, полученные в результате раскопок, несмотря на свою сравнительную немногочисленность (всего было обнаружено около 700 определимых находок), позволяют проследить тенденции в изменениях бытовых наборов вещей и украшений средневековых деревень, расположенных в непосредственной близости друг от друга, на протяжении двух с половиной столетий.

К числу наиболее ранних поселений, исследованных раскопками в пределах волостной территории, относятся селища Кутьино 1А и Ознобишино 5. Находки, которых на селищах обнаружено около 400, представлены разнообразными предметами бытового назначения: ножами, пряслицами, в том числе шиферными, стеклянными браслетами, обломком серпа, цилиндрическими замками и

ключами от них, костяным кочедыком, орнаментированной рукоятью ножа, двусторонним роговым гребнем, рыболовными грузилами и крючками, пружинными ножницами и многими другими предметами, а так же украшениями, на описании которых стоит остановиться подробнее.

Большинство украшений, обнаруженных на селищах, относится к вещам, характерным для вятического погребального инвентаря (рис. 2; 3). Находки обломков семилопастных височных колец, проволочных, литых ложновитых, широкосрединных с гравированным орнаментом и решетчатых перстней, шаровидных хрустальных, бипирамидальных сердоликовых, стеклянных рыбовидных бусин позволяют считать памятники хронологически близкими или синхронными курганным древностям.

Наряду с перечисленными был встречен ряд украшений, чрезвычайно редко или вообще не встречавшихся в погребальных древностях региона. Так, с поселения Кутьино 1А происходит целая серия вещей, имеющих аналогии на средневековых памятниках Верхнего Поволжья и совершенно не характерных для наборов украшений вятических курганов. Эти находки представлены фрагментами лапчатых привесок, спиральной проволочной пронизкой, нашивной бляшкой, а главное – подковообразной фибулой с гвоздевидными головками, изготовленной из свинцово-оловянного сплава (рис. 4). Находки фибул чрезвычайно редки для региона, они встречаются, в основном, на памятниках, принадлежащих к наиболее раннему этапу формирования курганных древностей Москворечья, и обнаружены в комплексах, не содержащих материалы, относящиеся к погребальному набору вятических курганов. Что же касается фибул с гвоздевидными головками, то это вообще первая находка в Москворечье, а ближайший регион, где встречаются подобные детали костюма, – Костромское Поволжье (*Рябинин,* 1986. С. 67–68).

Помимо вещей, имеющих выраженную региональную привязку, следует отметить и ряд находок, которые, не входя в число традиционного для погребальных древностей региона набора украшений, не имеют выраженной этнической окраски. С селища Кутьино 1А происходят серебряный щитковый перстень, щиток которого украшен чернением, несущий изображение свастики (рис. 2, *35)*, серебряная биконическая бусина, украшенная сканью (рис. 4, *11)*. На селище Ознобишино 5 был найден крест с эмалями, также изготовленный из серебра, и шестиконечный янтарный крестик (рис. 3, *19, 23*).

Наличие подобных находок на небольших поселениях, возникавших на только-только осваиваемых землях, позволяет говорить как о характере сельской материальной культуры, более синкретичной, чем можно было бы судить только по раскопкам курганов, так и о наличии связей, а может быть даже миграций из отдаленных земель Владимиро-Суздальского княжества на его юго-западные окраины.

Помимо этого при раскопках поселения Ознобишино 5 были получены материалы, позволяющие характеризовать особенности материальной культуры региона на завершающем этапе существования курганных древностей – во второй – третьей четверти XIII столетия (*Шполянский*, 2003. С. 253–264). Состав находок, встреченных на селище, отражает, по-видимому, тот период, когда так называемые «вятические» древности, продолжая использоваться в быту, постепенно прекращают играть роль погребального инвентаря. Наличие на селище небольшого количества находок, относящихся ко второй половине XIII в., дает возможность уточнить датировку памятника. К таким находкам можно отнести шаровидный бубенчик с линейной прорезью и поперечным швом, изготовленный из двух тисненых половинок, «кунжутолистный» наконечник стрелы (тип 72 по А.Ф. Медведеву) (рис. 3, *28, 31*), булавки для закалывания кудели, стеклянный щитковый перстень западноевропейского производства. Однако в целом набор находок поселения демонстрирует доминирование в составе металлического убора украшений, характерных для предшествующего домонгольского времени, что свидетельствует, по-видимому, о довольно позднем исчезновении из повседневного обихода вещей, как правило, связываемых с курганной погребальной традицией.

Характер изменений, происходивших в материальной культуре сельских поселений раннемосковской поры, когда традиции курганного времени постепенно отходили в прошлое, наилучшим образом демонстрируют материалы раскопок селища Кленово 2, расположенного в среднем течении р. Мочи, на южной окраине волости (рис. 5). Несмотря на немногочисленность, вещевой комплекс памятника выглядит достаточно представительно для того, чтобы охарактеризовать изменения в материальной культуре сельского населения, происходившие после монгольского нашествия. Среди находок, демонстрирующих эти изменения, детали ременной гарнитуры и некоторые украшения (фрагменты браслетов) (рис. 5, *5–6)*, свидетельствующие о существенном влиянии степных и поволжских традиций на формирование элементов костюма, пришедших на смену набору украшений, хорошо известному по раскопкам курганов. Немногие находки, характерные для финального этапа бытования «вятических» древностей, позволяют

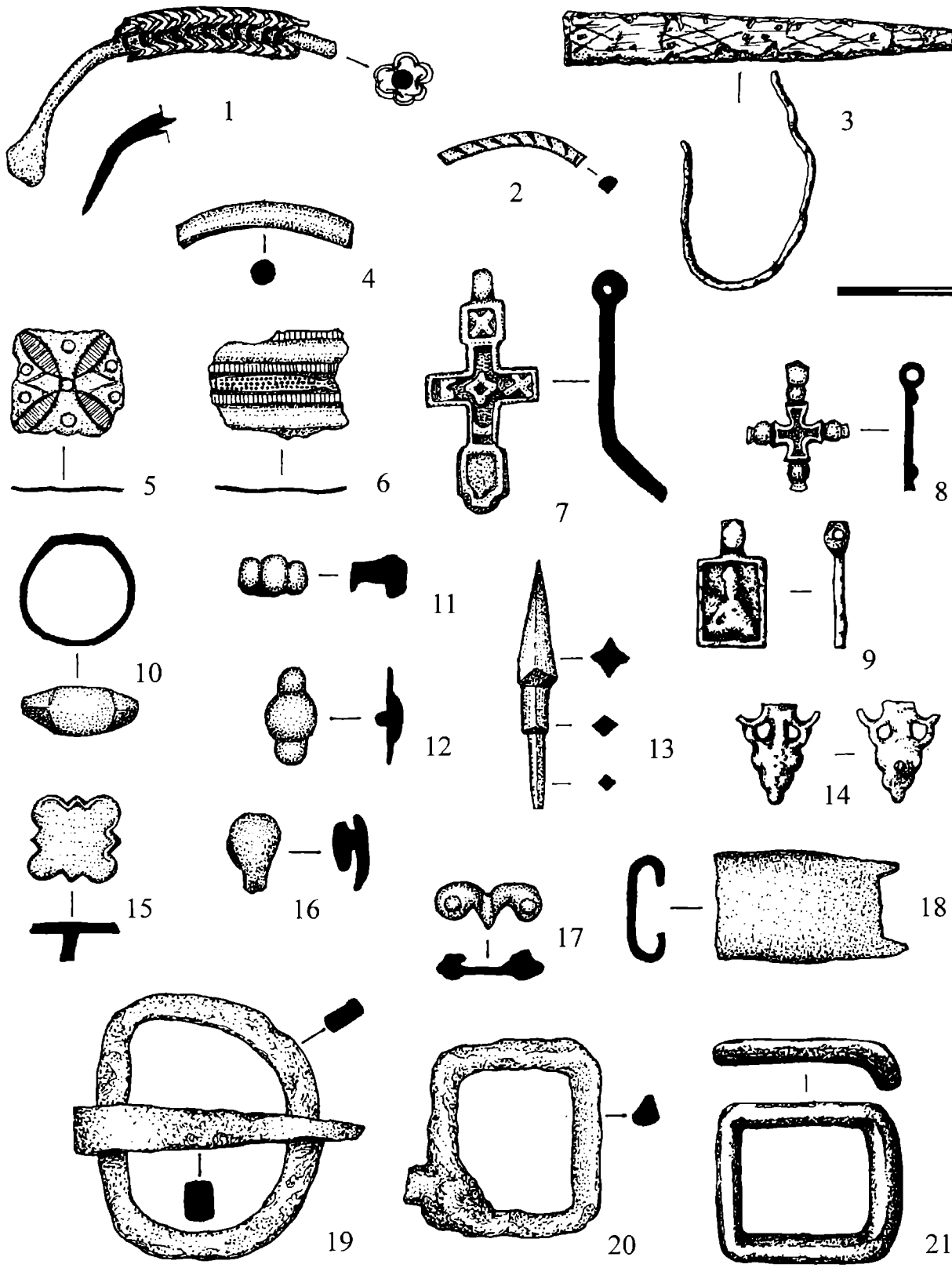


Рис. 5. Селище Кленово 2. Индивидуальные находки

1–6 – фрагменты браслетов; 7–9 – кресты и иконка-тельники; 10 – щитковый перстень; 11, 12, 14–17 – наременные накладки; 18 – наконечник (?) ремня; 19–21 – пряжки. (1–3, 5, 6, 8, 10–12, 14, 15, 21 – цветной металл; 4 – стекло; 7, 9 – цветной металл, эмаль; 13, 16, 18, 19, 20 – железо, 17 – железо, цветной металл)

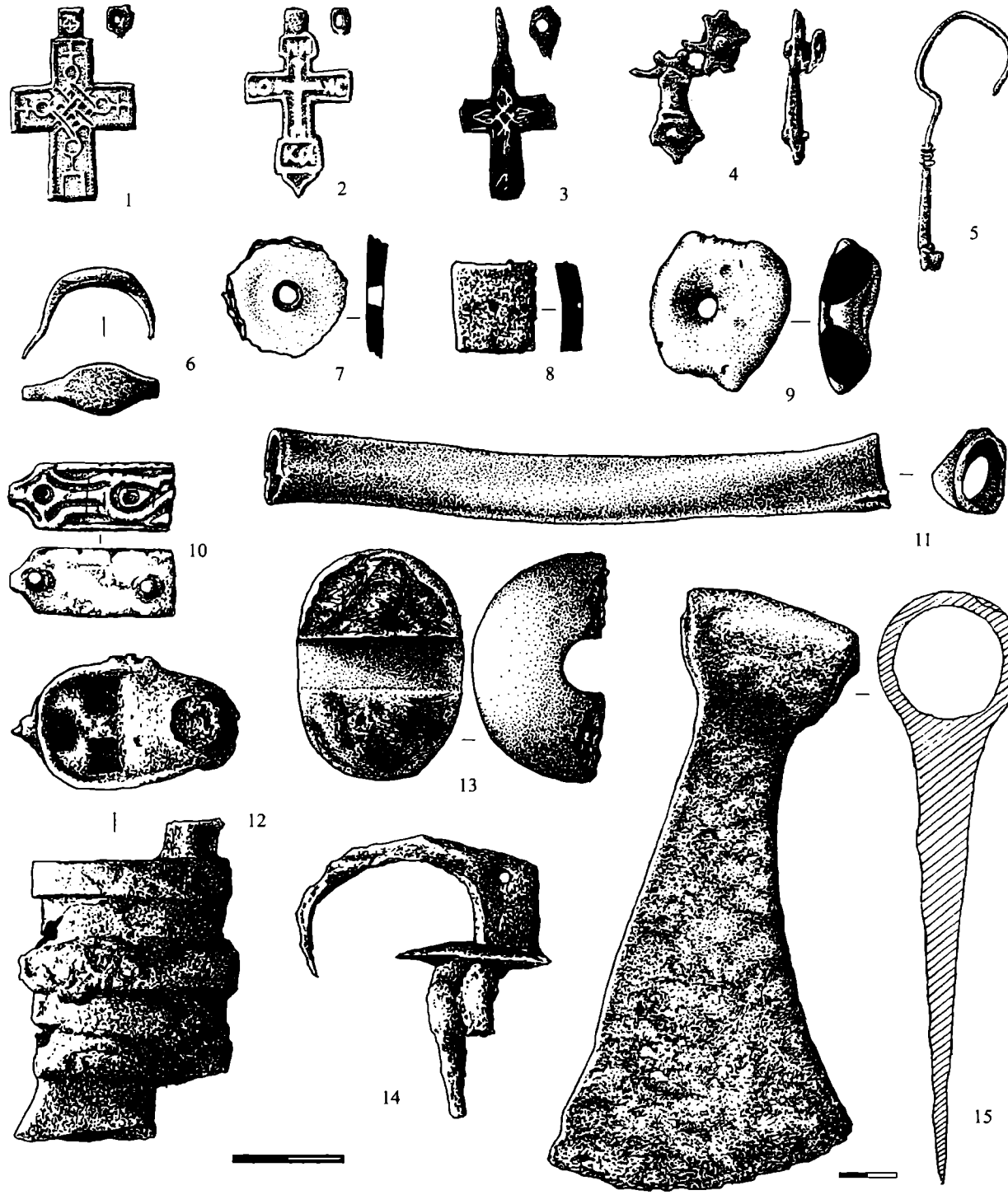


Рис. 6. Селище Ознобишино 2. Индивидуальные находки

1–3 – кресты – тельники; 4 – ременная накладка; 5 – серьга в виде знака вопроса; 6 – щитковый перстень; 7, 9 – пряслица; 8 – разновес; 10 – поясной наконечник; 11 – полая трубка; 12 – цилиндрический замок типа Г; 13 – фрагмент грузила; 14 – дужка от цилиндрического замка; 15 – топор. (1, 2, 5, 6, 8, 10 – цветной металл; 3 – железо, серебро; 4, 12, 14, 15 – железо; 7, 13 – глина; 9 – камень)

говорить как о сравнительно позднем выходе из употребления этих вещей, так и об особенностях вещевого комплекса переходного времени, выраженных в сочетании деталей костюма, характерных для разных периодов (*Шполянский,* 2007).

Одним из значимых элементов материальной культуры сельских районов Московского княжества удельного времени являются кресты и иконки-тельники, происходящие, в том числе, и с Кленово 2 (рис. 5, *7–9*). При исключительной редкости обнаружения крестов в процессе исследований некрополей раннемосковского времени, материалы раскопок поселений дают возможность оценить степень распространенности в повседневном быту сельского населения предметов христианского культа. Находки крестов представляются основным свидетельством широкого распространения христианского мировоззрения в сельской среде, сменившего во второй половине XIII в. традиционные языческие представления.

Основываясь на составе вещевого комплекса селища, его датировка может быть определена пределами второй половины XIII – первой половины XIV в. Принадлежность памятника к наиболее многочисленной группе средневековых селищ – малодворным поселениям – позволяет говорить о типичности намеченных тенденций развития материальной культуры.

Одним из наиболее ярких «маркеров» этого времени в материалах небольших сельских поселений выступают детали ременной гарнитуры и орнаментированные накладки, зачастую имеющие аналоги в ордынских древностях второй половины XIII – XVв. (рис. 5, *11–12, 14–17*). Среди особенностей материальной культуры сельских поселений XIII–XV вв., отслеживающихся в процессе анализа вещевых комплексов исследованных памятников, заметно уменьшение количества женских украшений, встречающихся при раскопках поселений. Помимо этого для изготовления различных мелких изделий декоративного характера, все чаще начинает использоваться черный металл. Из раскопок на селище Кленово 2 происходят две железные наременные накладки (рис. 5, *16–17*). К сожалению, в одном случае сказать что-либо определенное о форме изделия сложно, так как сохранился только небольшой фрагмент окончания накладки со штифтом с тыльной стороны. Вторая, V-образная, бляшка, формой напоминающая «ласточкин хвост», крепилась на основу с помощью двух бронзовых штифтов. Не менее интересны находки, происходящие из раскопок еще одного поселения, датированного второй половиной XIV – первой половиной XV в. Этот памятник (Ознобишино 2) исследовался в 1998 г. В раскопе площадью 108 кв. м была изучена двухкамерная жилая постройка и три хозяйственных сооружения. В заполнении жилой постройки была обнаружена ажурная поясная железная накладка, сохранившаяся на две трети своей формы. К числу предметов поясной гарнитуры, происходящий с селища, относится также бронзовый наконечник ремня, украшенный растительным орнаментом, (рис. 6, *4, 10*).

Прямых аналогий обнаруженным на поселениях накладкам, происходящим со средневековых русских памятников, пока нет, однако функционально близкие украшения, принадлежащие к ременной гарнитуре и изготовленные из цветного металла и железа, найдены в большом количестве на болгарских и золотоордынских памятниках Поволжья (*Федоров-Давыдов,* 1966. С. 47–67; *Полякова,* 1996, С. 207–214; *Руденко,* 2000; 2003. С. 476–488). При большом разнообразии форм наременных бляшек, вероятно, не всегда можно говорить о полноте существующих на сегодняшний день типологий. Тем более это справедливо по отношению к Древней Руси, для территории которой представления о составе поясного набора в золотоордынское время только начинают формироваться.

Еще одним примером использования черного металла для изготовления мелкой пластики может служить находка железного креста с инкрустацией на лицевой стороне, выполненной серебряной проволокой (рис. 6, *3*). Кроме железного, при раскопках селища Ознобишино 2, было обнаружено еще два нательных крестика (рис. 6, *1–2*). Особый интерес представляет крестик, в средокрестии которого помещен орнамент в виде плетенки, а на лопастях – композиции из крестов и кругов. Точно такой же крестик, но с отломанной нижней лопастью, был найден в качестве подъемного материала на селище Мешково, которое расположено на южной окраине волости Перемышль, в полутора десятках километрах к югу от поселения Ознобишино 2. Точная аналогия этим крестам происходит с городища Корнике, расположенного на севере современной Тульской области. Второй крест, имеющий килевидное окончание нижней лопасти, несет следы позолоты на тыльной стороне. Датируются эти кресты в пределах XIV—XV вв., а тельники с килевидной нижней лопастью продолжают бытовать и в XVI столетии.

Женские украшения, обнаруженные на селище, немногочисленны и представлены серьгой в виде знака вопроса и щитковым перстнем (рис. 6, *5–6*). Сережки в виде знака вопроса относятся к числу наиболее характерных украшений удельного времени. Хотя их появление на средневековых русских памятниках связывается обычно с

южными или степными влияниями, по-видимому, в XIV–XV вв. они становятся одним из наиболее распространенных украшений средневековой Руси (*Козлова,* 2006; 2007; *Сарачева,* 2007; *Солдатенкова,* 2008).

Беглый анализ изменений в материальной культуре сельского населения одной из волостей Московского княжества позволяет наметить основные тенденции в ее развитии. Особенно важным представляется рассмотрение полученного материала без традиционного для славяно-русской археологии разделения памятников на домонгольского и золотоордынского времени. Рассмотрение результатов раскопок селищ в широком хронологическом диапазоне позволяют подойти к изучению этих изменений с точки зрения преемственности, гибели или возникновения новых традиций в материальной культуре, попытаться проследить процесс зарождения средневекового поселения раннемосковской поры, известного прежде по письменным источникам.

В отношении использования материалов археологических исследований для реконструкций историко-географического характера можно попытаться обозначить наиболее общие особенности размещения населения в пределах волостных границ, фиксируемых письменными источниками. Достаточно определенно можно говорить о том, что начало освоения территории Перемышля в средневековье приходится на конец XII – первую половину XIII столетия. В это время, по-видимому, заселяются земли по нижнему течению р. Мочи. Наиболее освоенным в домонгольское время представляется район Ознобишенского пойменного расширения, где фиксируется большинство курганных могильников региона. Заселенность территории волости значительно возрастает во второй половине XIII – XIV в., что связано, вероятно, с миграционными процессами, происходившими в этот период на всей территории Северо-Восточной Руси.

Вероятнее всего, с политикой князей Московского дома, направленной на привлечение миграционного населения в свои владения, связано активное освоение территорий, остававшихся незаселенными в домонгольское время. Продолжением политики первых московских князей становится деятельность Владимира Андреевича Серпуховского – одной из наиболее ярких фигур в истории Московской Руси второй половины XIV – начала XV в. При нем строятся укрепления волостного центра, ставшего одним из наиболее мощных форпостов Московского княжества. А сама волость рассматривается как одно из наиболее ценных владений Серпуховских князей, находящееся в пределах их удела.

Литература

Аверьянов А.К., 1992. Перемышль // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. Вып. 1. М.

Аверьянов А.К., 1994. Перемышльское княжество в XIV-XV вв. // Остафьевский сборник. Вып. 2. М.

Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля (очерки истории северной Белоруссии) в IX–XIII вв. М.

Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.

Алексеев Л.В., 1998. «Меньск» и Минск (к начальной истории белорусской столицы) // Культура славян и Русь. М.

АКР. Московская область. Ч. 1. М., 1994.

АКР. Московская область. Ч. 4. М., 1997.

Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2004.

Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2005.

Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007.

Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2008.

Булынкин С.Н., Гоняный М.И., Ковалевский В.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2008. Средневековое селище Захарово 1 на реке Беляна // АП. Вып. 4. М.

Веселовский С.Б., Перцов В.Н., 1993. Исторические карты Подмосковья // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. Вып. 4. М.

Гоняный М.И., 1998. Древнерусские поселения второй половины XIII–XV в. в бассейне р. Лубянки на территории Перемышльской области // Тр. ГИМ. Вып. 96. М.

Гоняный М.И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.

Гоняный М.И., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2005. Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово 1 в Истринском районе Московской области // АП. Вып. 2. М.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Каштанов С.М., 1970. Очерки русской дипломатики. М.

Коваль В.Ю., 2008. Светлоглиняная керамика в Подмосковье: Звенигородский регион.// АП. Вып. 4. М.

Коваль В.Ю., Хижняков О.И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке) // АП. Вып. 2. М.

Козлова А.В., 2006. Некоторые восточные традиции украшений XIII—XV вв. в Великом Новгороде // АИППЗ. Псков.

Козлова А.В., 2007. Металлические украшения и предметы быта восточной традиции X–XV вв. из раскопок в Пскове // АИППЗ. Псков.

Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.

Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветного и драгоценного металлов из Болгар: типологический и историко-культурный анализ. М.

Руденко К.А., 2000. Булгарские железные пряжки и накладки (X–XIVв.) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.

Руденко К.А., 2003. Происхождение и развитие элементов аскизской культуры в Поволжье и Прикамье в XI–XIV вв. // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза.

Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.

Сарачева Т.Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. М.

Сахаров А.М., 1959. Города Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. М.

Солдатенкова В.В., 2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (по материалам раскопа 56 на территории Затьмацкого посада Твери) // КСИА. Вып. 222. М.

Средневековое поселение Настасьино, 2004 // Тр. ПЭ. Т. 2. М.

Сыроватко А.С., Ульянова Т.Н., Черкасов В.В., 2007. Раскопки средневекового селища Лысцево // АП. Вып. 3. М.

Федоров-Давыдов 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.

Цыбин М.В., 2007. Средневековое селище Дмитровское 2 (некоторые результаты исследований 2005 г.) // АП. Вып. 3. М.

Черкасов В.В., 2008. Раскопки средневекового селища Цемгигант 2 // АП. Вып. 4. М.

Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества в XII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. №1.

Чернов С.З., 2003. Проблемы изучения землевладения московских князей (в связи с выходом книги А.А. Юшко «Феодальное землевладение Московской земли XIV в») // РА. № 4.

Чернов С.З., 2004. Комплексные археологические и историко-ландшафтные исследования исторических территорий // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.

Чернов С.З., 2005. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 гг. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.

Шполянский С.В., 1999. Перемышль Московский: к вопросу о возникновении и статусе города // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.

Шполянский С.В., 2003. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у с. Ознобишино в Подмосковье // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.

Шполянский С.В., 2004. Размещение курганов бассейна Пахры как источник по изучению процесса заселения региона в XII – середине XIII в. // Археология Подмосковья. М.

Шполянский С.В., 2007. Вещевой комплекс селища Кленово 2 из окрестностей Перемышля Московского (К вопросу об изучении материальной культуры русской деревни после монгольского нашествия) // КСИА. Вып. 221. М.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2007. Мякининский комплекс памятников археологии // АП. Вып. 3. М.

Юшко А.А., 1991. Московская земля в IX–XIV вв. М.

Юшко А.А., 2002. Феодальное землевладение Московской земли XIV века. М.

S.V. Shpolyanskiy

The excavations of the settlements in the bounds of the medieval volost' Peremyshl' in the Moscow region and some general questions of the dynamic of the region reclaiming at the 12th – the first half of 15th centuries

Summary

The last decade the scales of the investigations of the medieval rural settlements in the bounds of historical centre of Moscow principality have become unprecedented in its volumes. In the moment the study and systematization of these investigation results are considered to be the important task. One of the most productive studying ways of the domestic culture of rural settlements population of the Moscow principality is introduced by the approach given in this article: examining the materials of the series monuments excavations placed in the direct closeness to each other, in the bounds of the small regions geographically and economically separated.

In the article on the basis of the excavations which were held on the nine settlements dated in range from the end of 12th till the end of the 15th cc. (investigated near 4700 m^2) the material culture of the rural population of the medieval volost" Peremyshl", which was a part of the Serpuhov apanage principality, is considered. The considering of the excavations of the settlements results in the wide chronological range let approach to the studying of the changes in material culture of rural population from the succession, death or appearance of the traditions point of view, in the bounds of the separated agricultural, industrial or "service" communities that is considered to be very relevant for studying of "Early Moscow region" community of the 13th – 15th cc.

К.И. Панченко

Археологические исследования на селище XII–XIII веков Степаново 2

Селище Степаново 2 расположено на юго-западной окраине д. Степаново, на территории Дмитровского района Московской области. Площадка селища размещается на мореной возвышенности, с юга она ограничена крутым склоном, с запада – глубоким оврагом. По дну оврага и у подножия склона протекают ручьи, питаемые от родников. Эти ручьи впадают в р. Волгуша, находящуюся в 800 м к югу от Степаново 2, которое располагается на высоте 50–55 м от уровня воды в реке (рис. 1).

Селище Степаново 2 было открыто в 2003 г. при археологических разведках, проводившихся О.В. Зеленцовой. По результатам шурфовки площадь памятника предварительно составила 5000 кв. м, а найденный материал датировался XII–XVI вв. В 2005 г. в связи с передачей территории селища под застройку начались археологические исследования на памятнике. В результате работ была полностью исследована площадка селища и скорректированы его границы. В западной половине площадки селища Степаново 2, вдоль восточного склона оврага, там, где по результатам разведки наблюдалась наибольшая концентрация артефактов и частично сохранился нетронутый древний культурный слой (рис. 2), был разбит один раскоп. Дневная поверхность селища понижалась с севера на юг, перепад высот составил 518 см. Из раскапываемой площади были исключены два участка размером 330 и 64 кв. м, так как культурный слой на них был полностью уничтожен небольшим котлованом и западиной. В итоге площадь раскопа составила 2837 кв. м, за его границами никаких артефактов и признаков культурного слоя зафиксировано не было. Таким образом, общая площадь селища Степаново 2 составила около 3231 кв. м.

Стратиграфия памятника проста. Верхний слой дерна образовался недавно, после того, как была прекращена многолетняя распашка селища. Его мощность – 6–14 см. На большей части раскопа фиксировался только один пахотный слой (слой 1), состоявший из аморфной серой супеси с включениями гравия и, изредка, песка. Мощность этого слоя увеличивалась к югу (в сторону крутого склона) от 30 до 60 см. Под слоем 1 на участке шириной 4–6 м вдоль южной границы раскопа прослежен слой темно-серой супеси с угольками (слой 2). Мощность слоя 2 увеличивалась к югу от 2 до 30 см. Слой 2 представлял собой частично нарушенный древний культурный слой, отложившийся в процессе активной жизни на селище и сохранившийся благодаря перекрывшим его делювиальным отложениям. Общая мощность культурного слоя на раскопе варьировалась от 30 см у северной границы памятника до 100 – у южной.

Поверхность материка также понижалась к югу, но разница отметок по сравнению с дневной поверхностью уменьшилась до 471 см. По своему составу материк на площади раскопа не был однородным. В южной четверти он состоял из песка желтого цвета, в центральной части материковый песок содержал большое количество гравия и камней, местами с примесями светло-коричневого суглинка, а в северной трети был представлен светло-коричневым легким суглинком с пятнами красноватого или серого тяжелого суглинка.

На территории селища зафиксировано 98 заглубленных в материк объектов (ям антропогенного происхождения) (рис. 3; табл. 1). В 49 ямах найдены артефакты. 44 ямы являлись столбовыми. Диаметр этих ям колебался от 58 до 12 см, глубина – от 50 до 8 см. Почти половина столбовых ям имеет диаметр более 30 см, на втором месте по количеству находятся ямы с диаметром от 20 до 30 см (16 шт.), на третьем – с диаметром менее 20 см (7 шт.). Глубина большинства столбовых ям – от 10 до 20 см.

Пять ям по характеру заполнения могут быть отнесены к подпечным. Один объект являлся разрушенной печью (яма 7). Яма 7 в плане имела овальную форму, вытянутую в направлении В – З. Ее размер – 115х90 см, глубина – 16 см. Заполнение ямы в верхнем слое состояло из серой супеси с кусочками печины, в нижнем – из темно-серой супеси с большим количеством угля, камней и массивом печины, под которым фиксировался прокаленный на глубину 3 см материк. От печи частично сохранились стенки, сделанные из глины и камня. Ширина их колебалась от 12 до 16 см, высота достигала 13 см. Устье печи выходило на запад. Размеры печи соответству-

Рис. 1. Селища Степаново 1 и Степаново 2 на топографическом плане

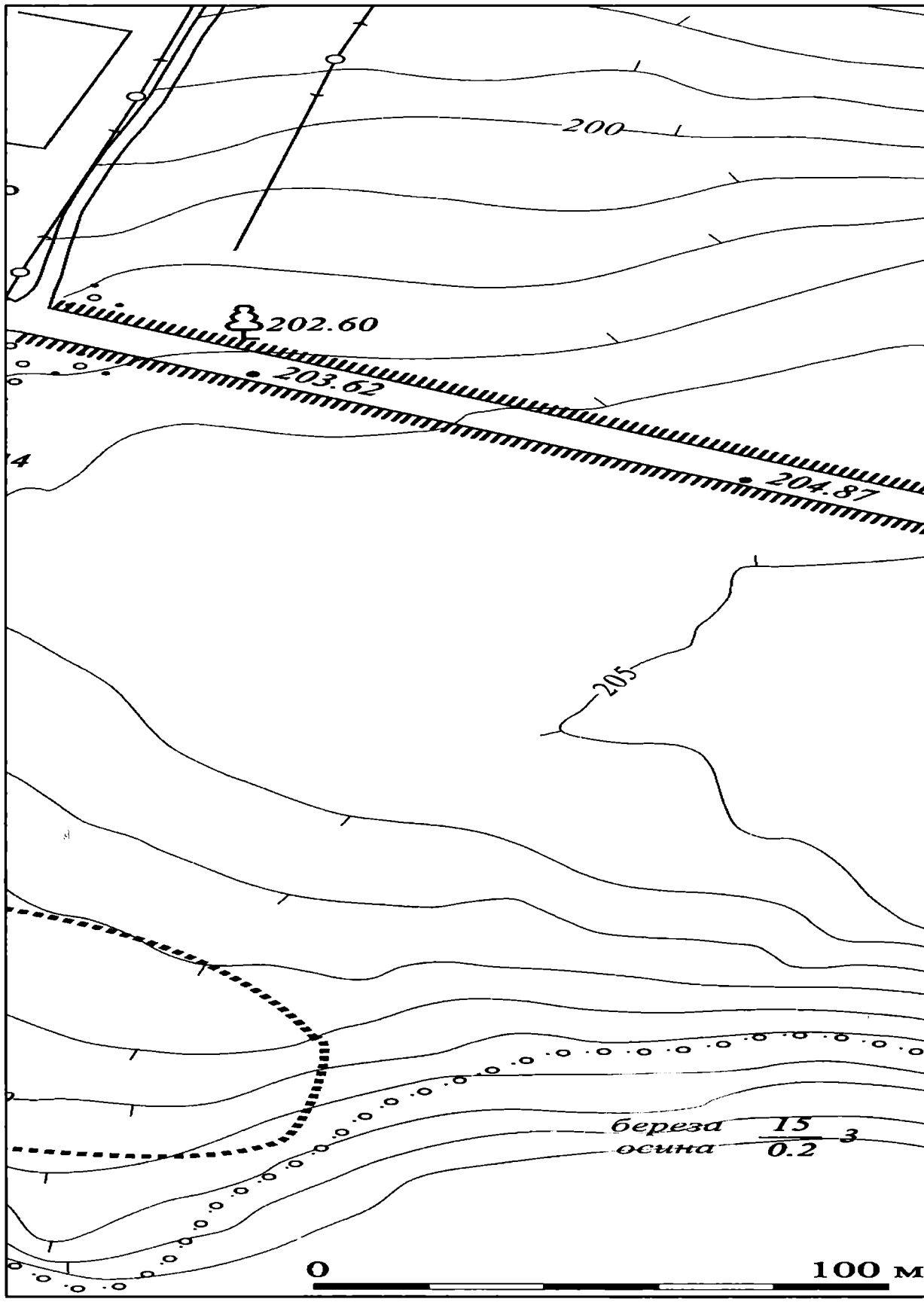


Рис. 2. Селище Степаново 2. Ситуационный план

а – уточненная граница селища по результатам раскопок; *б* – граница селища по результатам разведки 2003 г.

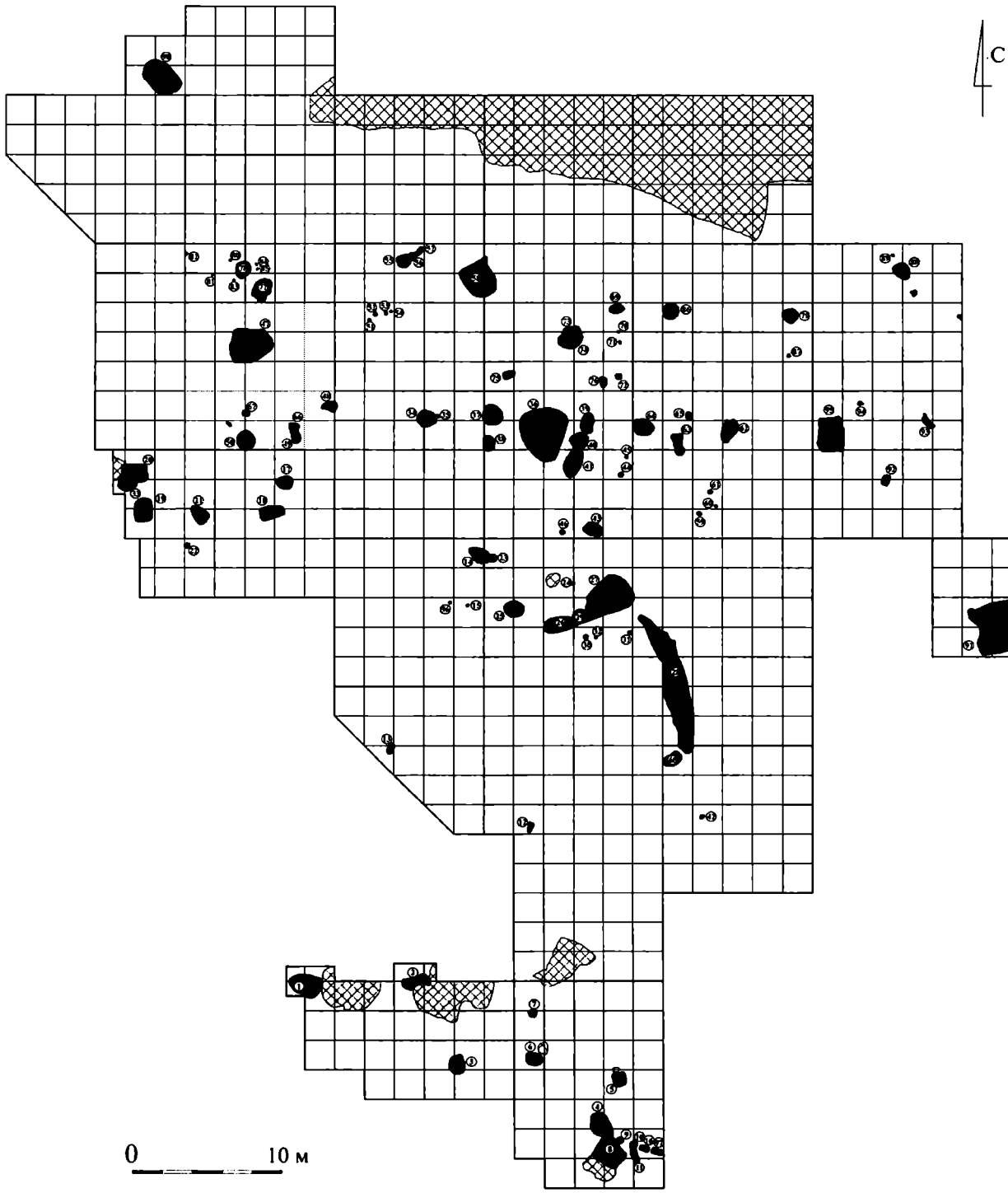


Рис. 3. Селище Степаново 2. Сводный план раскопов

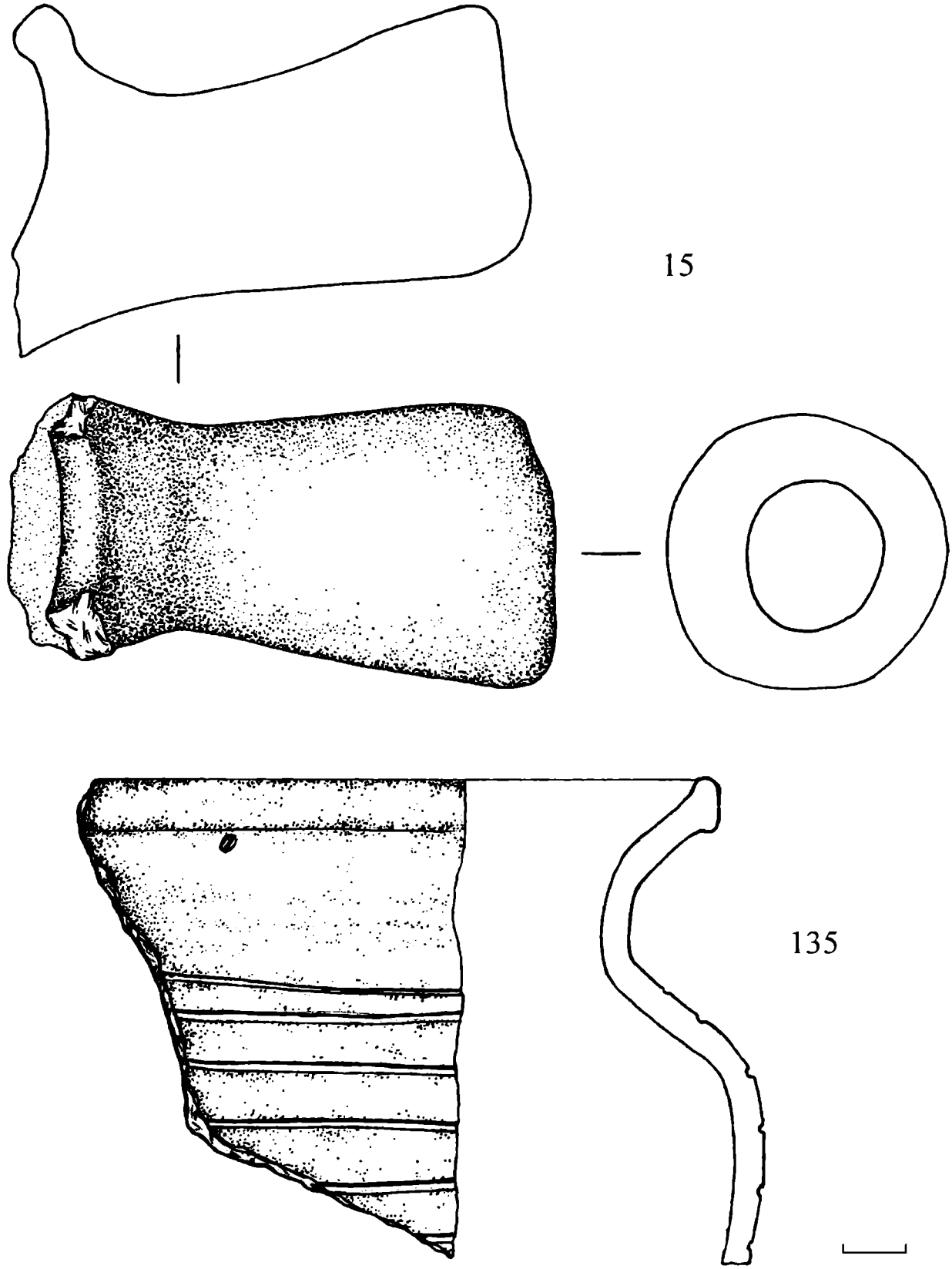


Рис. 4. Селище Степаново. Керамика (здесь и далее на рисунках указаны номера по полевой описи)

15 – обломок сосуда с ручкой (уч. 1, яма 1, кв. 1, гл. -234 см);
135 – обломок сосуда с отпечатком зерна (уч. 11, яма 39)

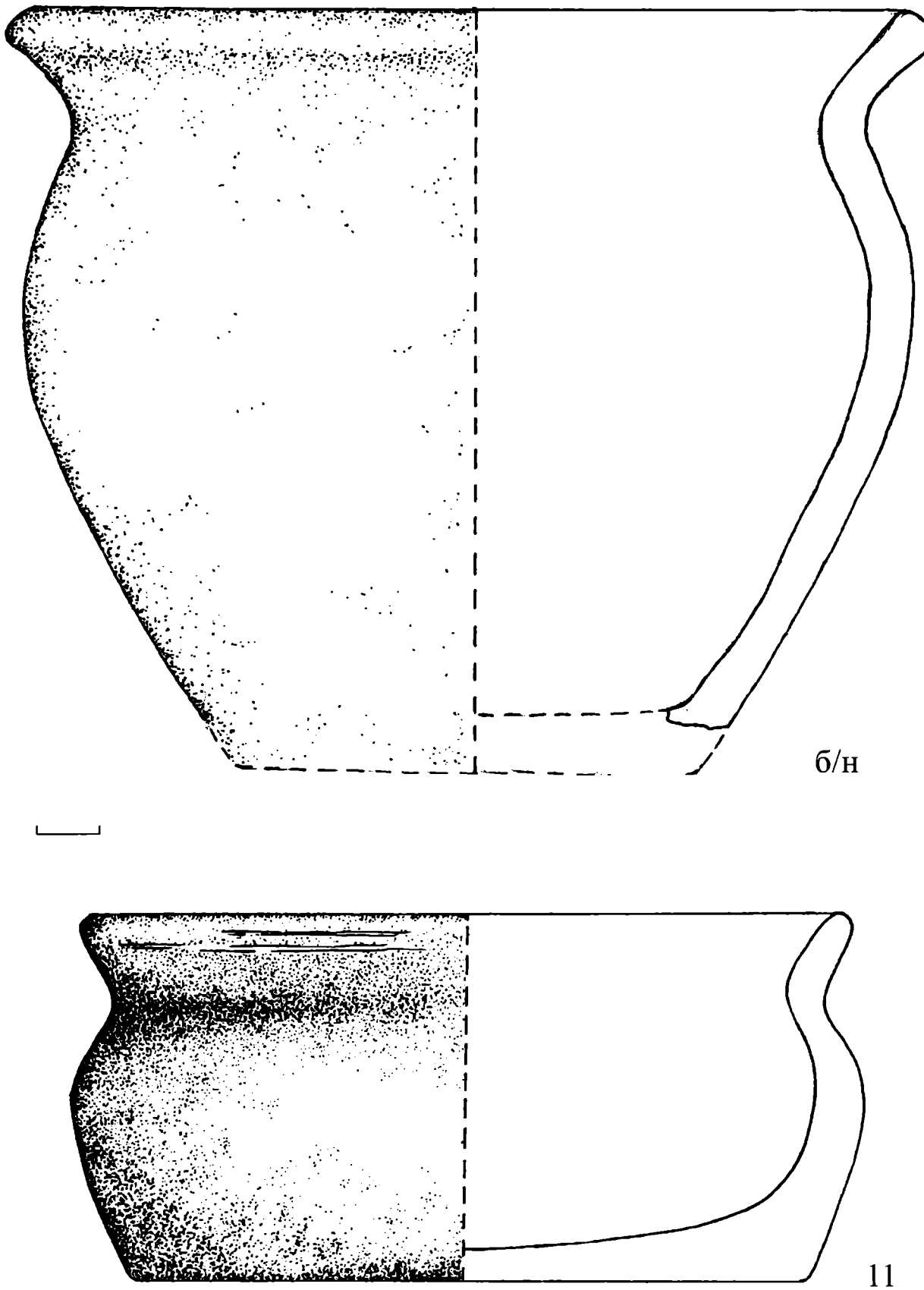
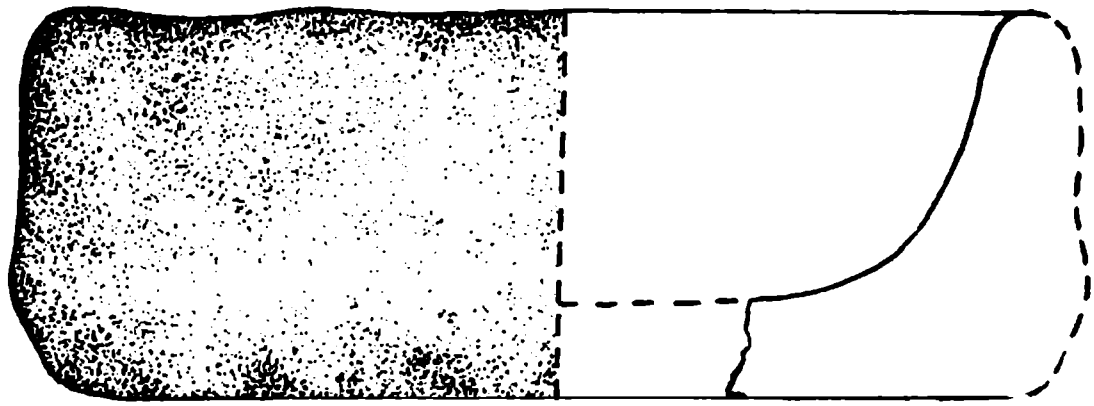
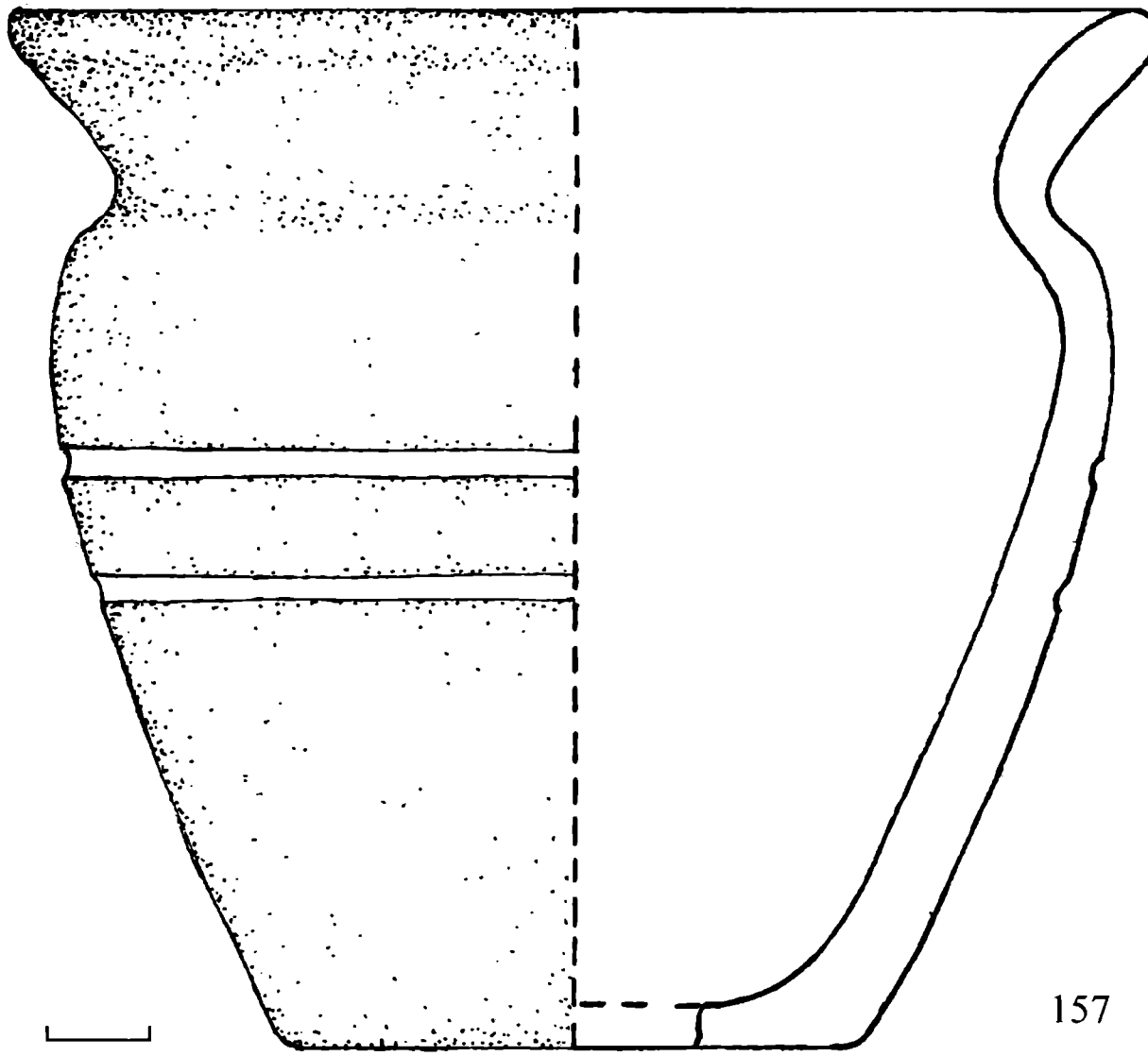


Рис. 5. Селище Степаново 2. Керамика

б/н – горшок (уч. 11, яма 36); 11 – горшок-миска (уч. 1, яма 1, кв. 1, гл. -220 см)



142



157

Рис. 6. Селище Степаново 2. Керамика

142 – полный профиль сосуда (уч. 7, яма. 19, выброс); 157 – полный профиль сосуда (уч. 11, яма 36)

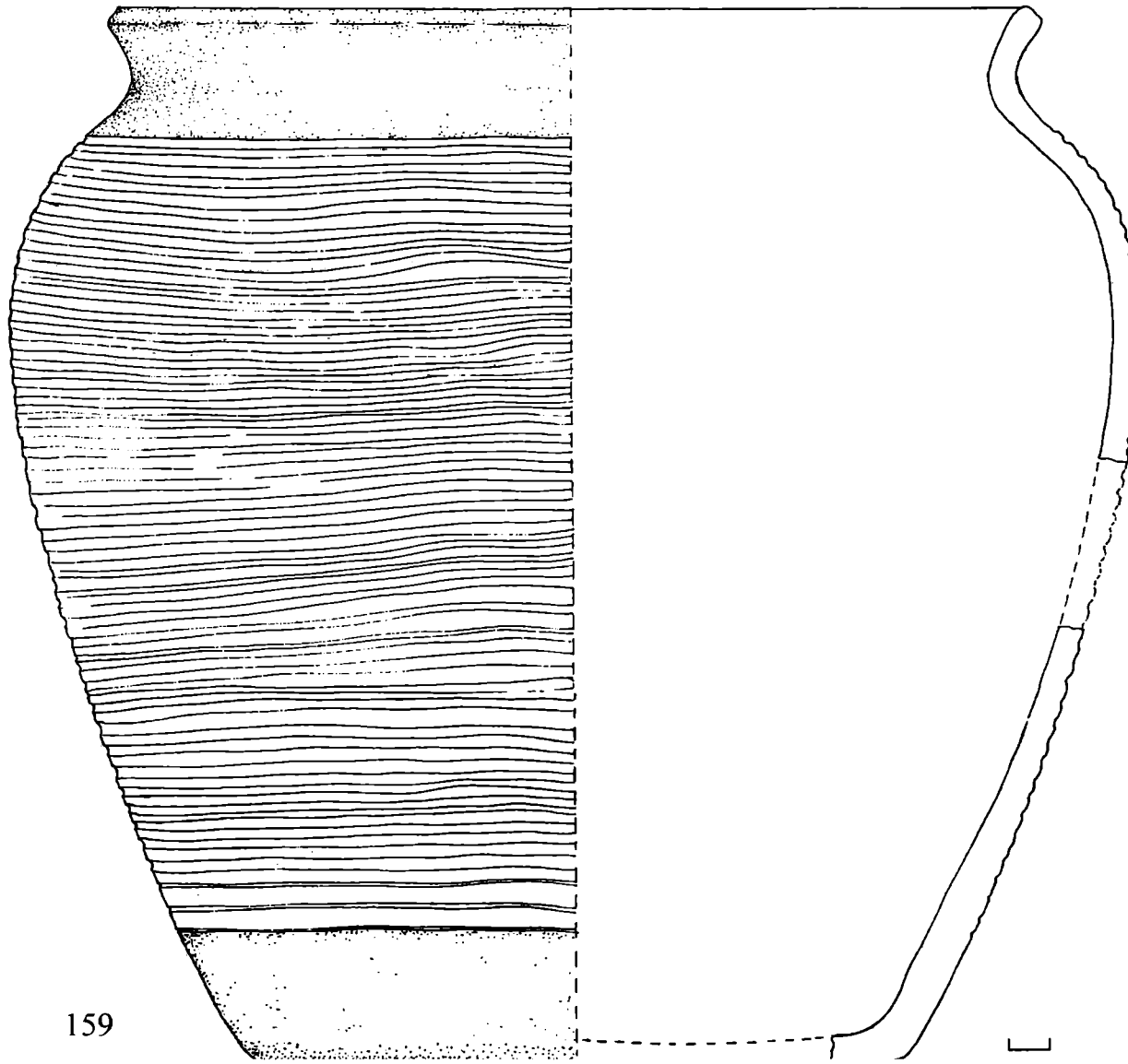


Рис. 7. Селище Степаново 2.

Сосуд керамический (№ 159, уч. 7, яма 21)

ют размерам ямы. Подпечной ямы не зафиксировано. Таким образом, учитывая количество подпечных ям и один развал печи, можно предположить, что на территории памятника имелось не менее шести отапливаемых домов.

Около 16 ям, скорее всего, являлись подпольями наземных построек. Из них семь, глубиной от 20 до 47 см, имели площадь более 3,9 кв. м. Небольшие подпольные ямы, как правило, располагались рядом или по одной линии с большими, составляя с ними единый комплекс. Это подтверждалось находками фрагментов одного сосуда в расположенных рядом ямах.

Яму 1, вероятно, можно отнести к производственным, так как она располагалась на юго-западном краю селища, и в ее заполнении было найдено большое количество мелких и один крупный кусок железного шлака. Здесь следует также отметить находку керамического сосуда с ручкой, который мог использоваться в каком-нибудь металлургическом производстве. Скорее всего, на месте расположения ямы 1 находилась кузница поселения. Косвенно в пользу данного предположения может свидетельствовать чуть большая концентрация железных изделий на этом участке.

Яма 98 предположительно является отпечатком нижнего бревна внутри постройки. Остальные ямы относятся к хозяйственным, их точное назначение неясно.

Все объекты на площади селища располагались

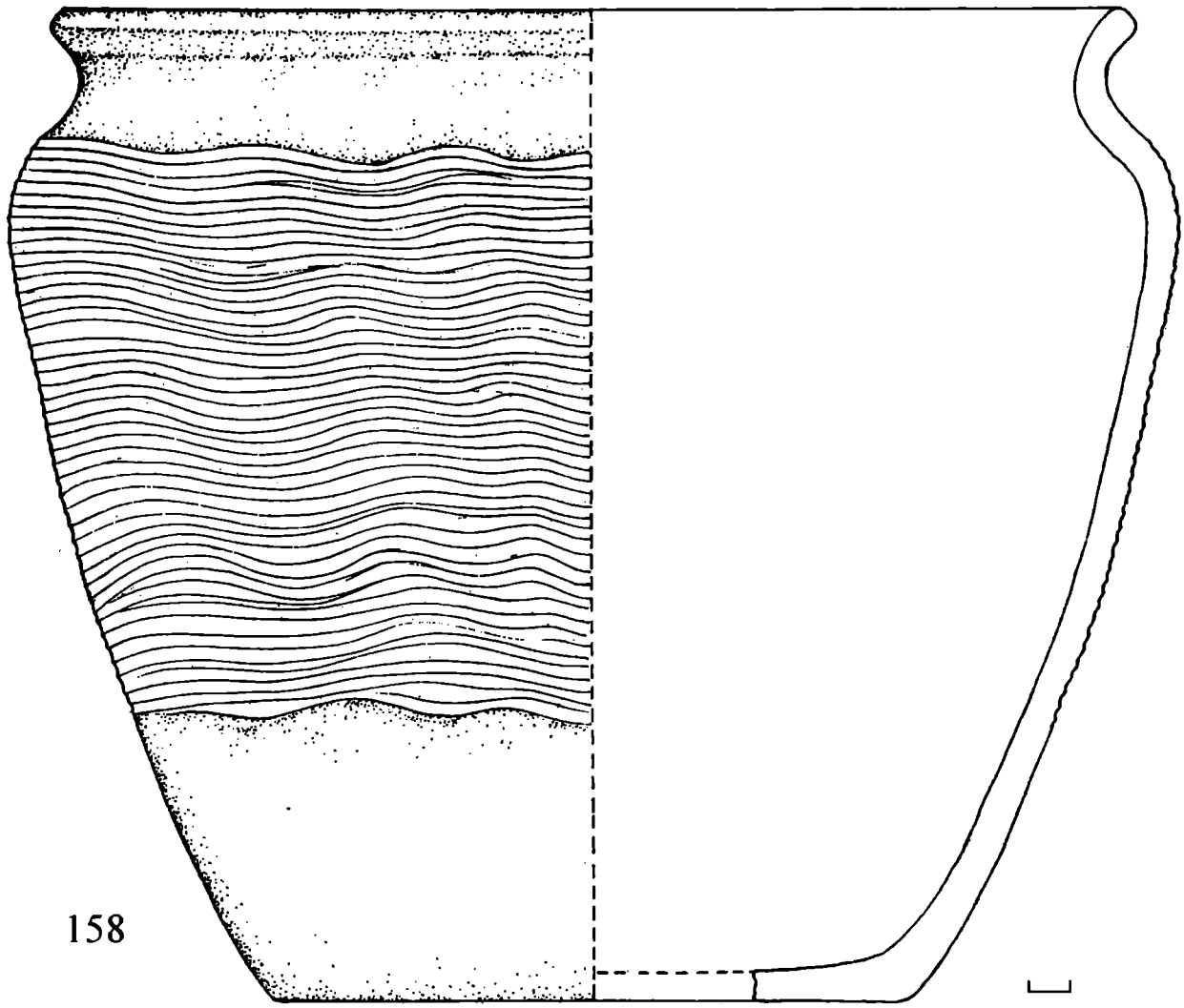


Рис. 8. Селище Степанов 2.

Сосуд керамический (№ 158, уч. 11, яма 43)

достаточно редко, а их концентрация в среднем составляла 3,5 ямы на 100 кв. м. Случаи, когда одна яма нарушала другую, являются единичными и составляют не более четырех процентов от общего количества. При этом все они зафиксированы только среди ям небольшого размера, а артефакты (если они присутствовали) из двух соприкасающихся ям всегда датируются одним и тем же временем. Поэтому случаи нарушения одной ямы другой можно расценивать как результат каких-либо небольших перестроек на данных участках.

Следует отметить, что почти во всех ямах, за исключением столбовых, зафиксировано большое количество угольков, а на многих артефактах имеются следы пребывания в огне. Эти данные явно свидетельствуют о том, что селище Степаново 2 было уничтожено пожаром, после которого уже не возродилось.

Количество индивидуальных находок, собранных на селище, невелико. Всего на раскопе найдено 159 предметов, однако 15 из них достоверно относится ко времени, когда поселение уже прекратило свое существование. Поздние находки представлены в основном монетами (6 экз.), из которых самая ранняя датируется XVI в., а самая поздняя – 1857 г. К поздним находкам (XV–XVI вв.) относится также фрагмент железного замка и медный пластинчатый широкосрединный литой перстень со сложным орнаментом. XVIII–XIX вв. представлены тремя крестами, одним штампованным образком, пуговицей и двумя орнаментированными изделиями – все эти вещи изготовлены из медного сплава. Вероятно, к поздним находкам можно также причислить некоторые железные предметы (гвозди, кольца), вычленить которые из общей массы пока невозможно, так как они не имеют датировок. Остальные индивидуальные находки датируются преимущественно XII–XIII вв. Из них в слое 1 было найдено 72 экз., в слое 2 – 13, а

Таблица 1. Характеристика ям селища Степаново 2.

№ ямы	Форма	Ориентир.	Рразмеры (см)	Глубина (см)	Атрибуция	Артефакты
1	неправ. овальная	З–В	230x130	40	производств.	есть
2	овальная	З–В	182x90	44	подпольная	есть
3	неправ. овальная	С–Ю	130x105	15	хозяйств.	есть
4	неправ. овальная	ССВ–ЮЮЗ	200x136	30	подпольная?	нет
5	почти квадратная	ССЗ–ЮЮВ	192x190	10	хозяйств.	нет
6	овальная	З–В	108x80	50	столбовая	есть
7	округлая		58	20	столбовая	есть
8	прямоуг.	СВ–ЮЗ	190X180	18	подпольная	есть
9	округлая		44	10	столбовая	нет
10	округлая		50	16	столбовая	есть
11	овальная	ССЗ–ЮЮВ	100x40	10	хозяйств.	есть
12	неправ. овальная	ССЗ–ЮЮВ	68x35	22	столбовая	нет
13	овальная	ССВ–ЮЮЗ	76x45	20	столбовая	нет
14	овальная	СЗ–ЮВ	160x100	26	хозяйств.	есть
15	округлая		20	36	столбовая	есть
16	овальная	СЗЗ–ЮВВ	63x40	15	столбовая	нет
17	овальная	В–З	115x90	16	печь	нет
18	неправильная прямоугольная	СВВ–ЮЗЗ	166x100	18	хозяйств.	есть
19	близкая к прямоуг.	С–Ю	160x120	33	подпольная	есть
20	прямоуг. очертания	З–В	150X125	30	подпольная	есть
21	овальная	СЗ–ЮВ	130x100	12	хозяйств.	есть
22	округлая		30	16	столбовая	нет
23	круглая		42	14	столбовая	нет
24	круглая		28	20	столбовая	нет
25	овальная	З–В	132x112	12	подпечная	есть
26	овальная	СВВ–ЮЗЗ	140x106	20	подпольная	есть
27	неправ. прямоуг.	СВВ–ЮЗЗ	252X340	23	подпольная	есть
28	вытянуто-овальная	ССЗ–ЮЮВ	980x160	10–23	подпольная?	есть
29	округлая		100	15	хозяйств.	нет
30	круглая		30	10	столбовая	нет
31	круглая		30	9	столбовая	нет
32	круглая		20	9	столбовая	нет
33	овальная	З–В	130x?	10	подпечная	нет
34	овальная	З–В	118x130	28	подпечная	есть
35	круглая		25	15	столбовая	нет
36	треуг.-овальная	ССВ–ЮЮЗ	370x280	28	подпольная	есть
37	неправ. округлая		140x140	14	хозяйств.	есть
38	овальная	С–Ю	110x80	20	хозяйств.	есть
39	неправ. овальная	ССВ–ЮЮЗ	90x120	27	подпольная	есть
40	неправ. округлая		120x100	7	подпольная	есть
41	овальная	ССВ–ЮЮЗ	214x114	28	подпольная	есть
42	круглая		32	22	столбовая	нет
43	неправ. овальная	С–Ю	145x85	26	хозяйств.	есть
44	округлая		40	27	столбовая	есть
45	округлая		24	15	столбовая	нет
46	округлая		30	12	столбовая	нет
47	неправ. овальная	З–В	295x120	20	подпольная	есть

Таблица 1. Характеристика ям селища Степаново 2. (Продолжение)

48	неправ. овальная	З–В	100x70	11	хозяйств.	есть
49	неправ. овальная	С–Ю	104x62	17	хозяйств.	есть
50	овальная	С–Ю	126x134	22	подпечная	есть
51	круглая		20	21	столбовая	нет
52	круглая		20	12	столбовая	нет
53	овальная	С–Ю	20x30	15	столбовая	нет
54	круглая		12	19	столбовая	нет
55	неправ. округлая		100	16	хозяйств.	нет
56	овальная	СВ–ЮЗ	50x52	14	столбовая?	нет
57	овальная	СВ–ЮЗ	36x60	20	столбовая?	нет
58	неправ. овально-прямоуг.	СЗ–ЮВ	240x205	44	подпольная	есть
59	овальная	СВВ–ЮЗЗ	36x30	20	столбовая	есть
60	округлая		22	20	столбовая	нет
61	округлая		32	32	столбовая	есть
62	неправ. овальная	С–Ю	165x105	12	хозяйств.	нет
63	неправ. овальная	С–Ю	144x62	8	хозяйств.?	нет
64	овальная	З–В	140x120	10	хозяйств.	есть
65	неправ. округлая		50	8	столбовая	нет
66	неправ. овальная	З–В	70x52	10	хозяйств.?	есть
67	овальная	З–В	50x40	33	столбовая	нет
68	овальная	СВ–ЮЗ	128x80	16	хозяйств.	нет
69	овальная	З–В	102x65	12	хозяйств.	нет
70	круглая		20	9	столбовая	нет
71	овальная	ССВ–ЮЮЗ	30x16	20	столбовая	нет
72	круглая		42	24	столбовая	есть
73	неправ. овальная?		140x?	15	хозяйств.	есть
74	овальная	З–В	160x90	14	хозяйств.	есть
75	овальная	З–В	82x54	24	хозяйств.	есть
76	овальная	С–Ю	72x46	30	хозяйств.?	есть
77	неправ. овальная	СВ–ЮЗ	162x120	16	хозяйств.	нет
78	неправ. овальная	СВ–ЮЗ	124x102	36	хозяйств.	нет
79	округлая		120	12	хозяйств.	есть
80	округлая		16	10	столбовая	нет
81	округлая		14	11	столбовая	нет
82	округлая		17	10	столбовая	нет
83	округлая		14	12	столбовая	нет
84	округлая		15	14	столбовая	нет
85	округлая		14	10	столбовая	нет
86	круглая		108	15	хозяйств.	есть
87	округлая		28	16	столбовая	есть
88	овальная	СЗ–ЮВ	120x100	16	подпечная	есть
89	круглая		24	32	столбовая	нет
90	овальная	СЗ–ЮВ	266x180	70	хозяйств.	есть
91	неправ. прямоуг.	ССЗ–ЮЮВ	338x280	20	подпольная	есть
92	овальная	СВ–ЮЗ	71x52	22	хозяйств.	нет
93	неправ. прямоуг.	СЗ–ЮВ	100x40	40	хозяйств.?	нет
94	неправ.		30x28	15	столбовая	нет
95	неправ. прямоуг.	С–Ю	232x170	47	подпольная	есть
96	округлая		20	19	столбовая	нет
97	овальная	СЗЗ–ЮВВ	70x40	20	столбовая?	нет
98	вытянуто овальная	ССЗ–ЮЮВ	430x80	8–14	от бревна	есть

в заполнениях ям – 59 экз. Из приведенных данных видно, что почти 60% ранних находок, к которым относятся наиболее интересные и ценные вещи, найдено в распаханном слое.

Комплекс индивидуальных находок древнерусского времени является стандартным для памятников этого периода. Следует отметить отсутствие замков и ключей. Основная часть находок представлена традиционными бытовыми предметами: железными ножами (21 шт.), гвоздями (11 шт.), железными кольцами (3 шт.), обломками неопределимых железных изделий (3 шт.), оселком.

В небольшом количестве найдены орудия, которые могут быть связаны с ремеслом и промыслами. К ним относится шило, стамеска (?), заколка для кудели, швейные иглы (7 экз.), костяной крепеж для веревочных снастей. Также на селище собрано 11 пряслиц (8 шиферных, одно поливное керамическое, одно каменное и одно известняковое). Учитывая набор найденных вещей и заключение к. и. н. Е.Ю. Лебедевой о повышенном содержании зерен льна по сравнению с другими древнерусскими поселениями, можно предположить, что одним из основных занятий на селище Степаново 2 было ткачество.

Найдено небольшое количество различных украшений и предметов культа. Среди них в первую очередь стоит отметить нательную иконку-медальон со сценой Успения Богородицы. Фрагменты стеклянных браслетов, до недавнего времени преимущественно считавшиеся характерными для городского типа древнерусских украшений, на селище Степаново-2 представлены 11 находками. К ним примыкают 14 находок стеклянных бус. К изделиям из цветных металлов относятся перстни (8 экз.), височные кольца (3 экз.), пуговицы (9 экз.), пронизки (2 экз.), фрагменты шумящих украшений (2 экз.), привески, привески с крестом, нательный крест, накладка, пряжка, бубенчик, бусина и два оплавленных изделия.

Керамический комплекс памятника также не очень большой – 1907 фрагментов керамических сосудов (учитывались фрагменты площадью более 4 кв. см), из них 540 фрагментов было найдено в слое 1, 143 – в слое 2 и 1224 фрагмента происходит из заполнения ям. Доля поздней керамики (XIV–XIX вв.) в слое 1 составила 38% от общего количества. В слое 2 зафиксирована керамика XIV–XVI вв., доля которой не превышала 6%. В целом, можно констатировать факт преобладания в слоях 1 и 2 керамики, датирующейся XII–XIII вв. Засоренность этой коллекции обломками более поздних сосудов представляется вполне естественной для зоны активного хозяйственного освоения, наступившей в последующие периоды. В заполнениях ям поздней керамики не найдено. Следует отметить, что количество керамики, происходящее из слоя 1 южной трети раскопа, заметно превышало количество керамики, найденной на остальной его части, притом, что основные объекты располагались именно в северной части селища. Это можно связать только с делювиальным сносом грунта с возвышенной части памятника вниз.

При статистическом подсчете ранней керамики выявилась почти полная однородность материала, полученного из слоев и ям. В слое была найдена только гончарная (круговая) керамика, изготовленная ленточным налепом на этапах РФК-3-5 (по А.А. Бобринскому). Среди гончарной (круговой) керамики встречена посуда, изготовленная из глин, основным отощителем которых выступала дресва. Преобладающей примесью было сочетание крупной (миллиметр и более) и мелкой дресвы, доля которой составила не менее 20%. Почти поровну распределялась керамика с большим (25% и более) количеством мелкой дресвы (около 18%) и небольшим количеством мелкой дресвы (около 19%) в тесте. Сосуды с красным цветом поверхности или излома составляли не менее 74%. Доля керамики из беложгущихся глин представлена 3%, из слабоожелезненных – около 1,8%. Остальная керамика имела черный или серый цвет.

Две трети сбора приходится на фрагменты сосудов с днищами, сформованными на подсыпке золы, чуть более одной трети – на фрагменты, сформованные на дресвяной подсыпке. Более 30% керамики орнаментировано. Доминирующим выступал разреженный линейный орнамент (не менее 70%), а объем всех фрагментов с линейной орнаментацией доходил до 80%. Доля волнистого орнамента составляла не более 15%. Был также встречен зубчатый штамп (5%) и тычки (не более процента).

Основной формой сосудов являлись горшки, также были найдены фрагменты пяти плошек, двух крышек, одного горшка-миски и одной миски.

Среди венчиков горшков преобладали сильно профилированные формы. Доминирующим среди них являлись типы сосудов с секировидным венчиком – их доля в среднем составляла 20%. На втором месте шли горшки с простыми венчиками без каких-либо заворотов (средняя доля – 18%). Третье место поделили венчики, отогнутые наружу с наплывом на внешней стороне (15%) и с подтреугольным срезом на внутреннюю сторону (15%). Все эти типы относятся к наиболее распространенным в XII–XIII вв.

Помимо этого были встречены венчики, отогнутые наружу, с прямоугольным срезом края (4%) и венчики с подтреугольным наплывом с внешней

стороны (1,5%). Эти типы бытовали в домонгольскую эпоху, преимущественно в XII в. (*Равдина*, 1991. Табл. 17, *6*; *Хохлов, Нестерова*, 2001. Рис 2, *2*). К ранним разновидностям относятся также горшки с высокими шейками и отогнутым наружу краем венчика. Их доля в комплексе составила до 3%. Эти типы прекращают свое бытование на Руси в конце XII в. (*Олейников, Смирнова*, 1992. Рис. 5–7, *23–32*).

В целом, керамический комплекс с селища Степаново 2 можно датировать первой половиной XII – серединой XIII в.

Таким образом, на основании полученных результатов предварительно можно утверждать, что основание поселения относится к началу – середине XII в. Полное отсутствие раннекруговой керамики указывает на то, что в XI в. поселения на этом месте еще не существовало.

Селище Степаново 2 представляло собой остатки малодворного поселения, как минимум, с шестью наземными жилыми постройками и, скорее всего, кузницей. Полученный в результате раскопок материал позволяет датировать период активной жизни на поселении серединой XII – серединой XIII в. Одним из основных занятий на селище было ткачество. Селище было полностью уничтожено пожаром, после которого не восстанавливалось. Вполне возможно, что жизнь на памятнике прекратилась во время монгольского нашествия 1238 г. или немного позже.

Раскопки на селище Степаново 2 дали интереснейший материал, представляющий исключительное значение для изучения материальной культуры и истории славянского расселения на севере Московской области.

Литература

Олейников О.М., Смирнова Г.П., 1992. Хронология некоторых групп новгородской керамики X–XIII вв. // Древнерусская керамика. М.

Равдина Т.В., 1991. Керамика из датированных погребений из курганов Подмосковья // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.

Хохлов А.Н., Нестерова М.Е., 2001. К характеристике Тьмацкой линии укреплений Тверского кремля // ТАС. Тверь.

K.I. Panchenko

Archaeological investigations on the 12th – 13th centuries settlement Stepanovo 2

Summary

The article gives the general description of the settlement situated in the north part of the Moscow region (not far from Dmitrov) that has been completely investigated by the archaeological excavations. In the course of works monument"s planning has been discovered and the settlement existence (the middle of the 12th – the middle of the 13th cc.) has been established. On the basis of the obtained collection of finds one could make a conclusion that the glass bracelets and items connecting with Christian worship (including such rare found ones as icon-medallion) were prevailed on the small-farm settlements of the pre-mongolian time.

Е.К. Столярова

Стеклянные украшения селища Степаново 2

В 2005 г. Подмосковной экспедицией отдела охранных раскопок ИА РАН проводились археологические исследования на селище Степаново 2, расположенном на юго-западной окраине д. Степаново Дмитровского района Московской области. В результате раскопок были исследованы остатки культурного слоя второй половины XII – XIII в. и полностью изучена вся сохранившаяся площадь поселения, в частности, исследованы 98 заглубленных в материк объектов (ям). По мнению авторов раскопок, селище Степаново 2 представляет собой остатки малодворного поселения, на территории которого существовало, по всей видимости, пять-шесть дворов, отделенных друг от друга небольшим свободным пространством. По своим размерам селище не выделяется из массы рядовых сельских поселений этого периода.

Основание поселения относится авторами раскопок к началу – середине XII в. Активный период жизни приходится на середину XII – середину XIII в. Вероятно, поселение прекратило свое существование во время или вскоре после монгольского нашествия 1238 г. (*Энговатова, Коваль*, 2006. С. 78).

Среди индивидуальных находок, полученных в ходе работ на селище, присутствуют 26 предметов из стекла[1]. Из них чуть больше половины составляют стеклянные бусы (14 экз.), 11 находок представлены браслетами, в коллекции также имеется одна стеклянная вставка, украшавшая металлический перстень. Стеклянные находки происходят преимущественно из ям, большая часть которых датируется второй половиной XII – первой половиной XIII в. Больше всего находок – шесть экземпляров (бусы и браслет) – сконцентрировано в яме 36 участка 11. Три находки (две бусины и перстень со вставкой) происходят из слоя 1 участков 4, 15, 16 (табл. 1).

Рассмотрим морфологические и технологические признаки стеклянных украшений, а также характеристики химического состава стекол.

Морфологические и технологические характеристики стеклянных предметов

Бусы (14 экз.) (рис. 1; цв. вкл. рис. XIX[2]).

Большинство бус (8 экз.: № 83, 86, 87, 102, 107, 113, 116, 155) имеют округлую шаровидную усеченную дважды форму тулова (так называемые зонные). Три бусины – округлые кольцевидные (№ 61, 63, 127), две – округлые в попереч-

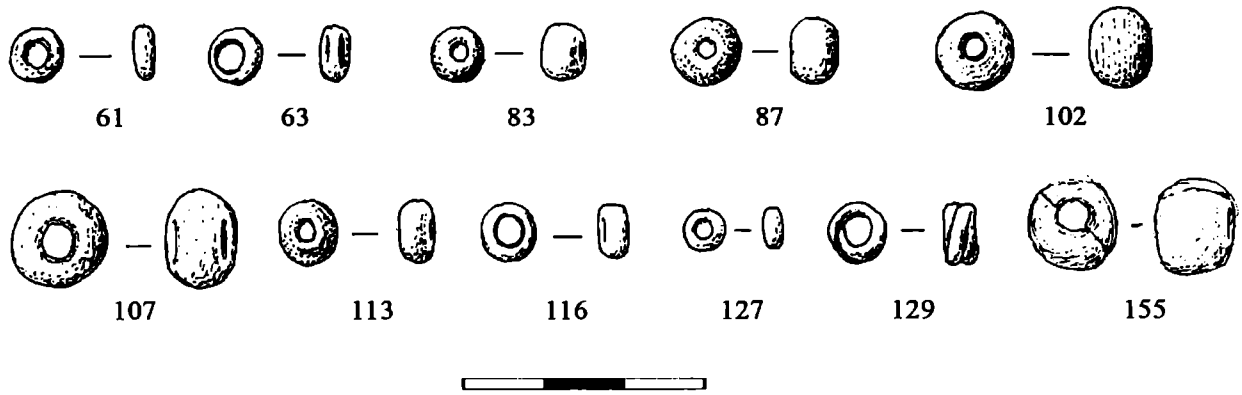


Рис. 1. Стеклянные бусы селища Степаново 2

[1] Автор выражает глубокую признательность руководителям раскопок А.В. Энговатовой, В.Ю. Ковалю и К.И. Панченко за возможность изучить неопубликованную коллекцию стеклянных находок.

[2] Номера на рисунках соответствуют номерам находок по описи.

Таблица 1. Распределение стеклянных находок селища Степаново 2 по участкам.

Участок	Яма, слой	Категория (экз.)	№ по описи	Датировка ямы / слоя
2	я. 8	бусина	61	2-я пол. XII – 1-я пол. XIII в.
4	сл. 1	вставка	49	2-я пол. XII – XIII в.
7	я. 21	бусина	63	XII – 1-я треть XIII в.
8	я. 27	бусы (3)	83, 86, 87	2-я пол. XII – 1-я пол. XIII в.
10	я. 28	бусина, браслет	102, 103	2-я пол. XII – 1-я пол. XIII в.
11	я. 36	бусы (5), браслет	107, 112, 113, 115, 116, 106	2-я пол. XII – 1-я пол. XIII в.
	я. 39	браслеты (2)	108, 109	1-я пол. XIII в.
12	я. 47	браслет	118	1-я пол. XIII в.
15	сл. 1	бусина	127	2-я пол. XII – XIII в.
16	сл. 1	бусина	129	2-я пол. XII – XIII в.
21	я. 90	браслет	145	1-я пол. – сер. XIII в.
25	я. 88	браслеты (2)	146, 147	2-я пол. XII – 1-я пол. XIII в.
26	я. 95	браслеты (2)	153, 154	2-я пол. XII – 1-я пол. XIII в.
27	я. 91	бусина, браслет	155, 151	2-я пол. XII – 1-я пол. XIII в.

ном сечении, форму же продольного сечения установить не удалось, так как эти бусы представлены невыразительными осколками (№ 112, 115). Одна бусина имеет винтообразную цилиндрическую форму (№ 129).

По размерным характеристикам большинство бус[3] (9 экз.: № 61, 63, 83, 86, 87, 113, 116, 127, 129) было отнесено в группу микро бус по Каллмеру (не более 8 мм в диаметре тулова) (*Callmer*, 1977. P. 35). Внутри этой группы преобладающими были большие бусы (от 6 до 8 мм: № 61, 63, 83, 86, 87, 113, 116, 129). Три бусины (№ 102, 107, 155) попали в группу средних (от 9 до 17 мм), внутри которой они были отнесены к категории малых (от 9 до 11 мм).

Половина найденных бус[4] (7 экз.) изготовлена из прозрачного стекла желтого цвета, причем четыре из них – насыщенного оттенка (№ 63, 113, 115, 116), а три сделаны из бледно-желтого стекла (№ 102, 107, 155). По две бусины изготовлены из бирюзового (№ 83, 86) и желто-зеленого (№ 61, 87) прозрачного стекла, и по одной – из прозрачного фиолетового (№ 112) и черного непрозрачного (№ 129) стекла.

Все найденные бусы изготовлены при помощи навивки[5], причем половина из них изготовлена с помощью серийной (№ 61, 63, 102, 107, 116, 127, 129), а пять экземпляров – с помощью индивидуальной (№ 83, 86, 87, 113, 155) навивки. Серийные бусы в четырех случаях из семи сформованы из навитой трубочки с помощью приспособления типа «решетка» (№ 61, 63, 116, 127), трем бусинам форма придана в момент навивки нити на основу. После чего все бусы были подвергнуты отшибанию, а три из них – полированию (№ 61, 63, 127).

Браслеты (11 экз.) (рис. 2; цв. вкл. рис. XX).

Большинство браслетов имеют в поперечном сечении круг (7 экз.: № 103, 106, 108, 109, 118, 151, 153), меньшая часть – розетку (4 экз.: № 145–147, 154).

Внутренний диаметр обруча половины найденных браслетов составляет 6 см (6 экз.: № 103, 106, 146, 147, 151, 153). Остальные пять браслетов представлены небольшими фрагментами, не позволяющими определить этот параметр.

Цветовая гамма браслетов представлена тремя цветами – бирюзовым, коричневым и оливковым. Пять браслетов изготовлено из прозрачного коричневого стекла (№ 106, 145, 147, 151, 154), четыре – из прозрачного бирюзового (№ 103, 108, 109, 146) и только два – из оливкового (№ 118, 153).

Всего один браслет имеет декор в виде перевитья из двух нитей непрозрачного стекла красно-коричневого и желтого цветов (№ 118). При этом сам браслет в сечении круглый.

Изготовлены браслеты двумя способами. Круглые в сечении браслеты сделаны из свободно вытянутого и согнутого в кольцо дрота (7 экз.: № 103, 106, 108, 109, 118, 151, 153). Браслеты, имеющие в сечении розетку, изготовлены при помощи свободного вытягивания ребристой заготовки, которую

[3] У двух бус диаметр тулова не установлен.
[4] Цвет и прозрачность одной бусины не установлены.
[5] Для двух бус этот параметр не установлен.

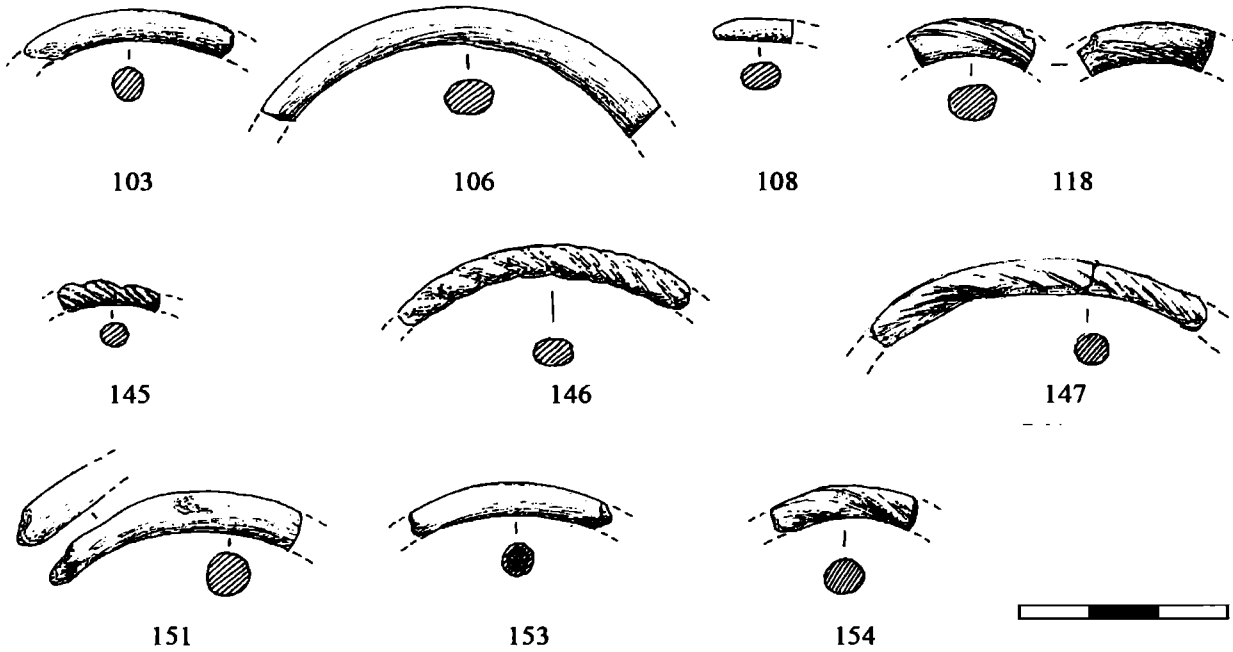


Рис. 2. Стеклянные браслеты селища Степаново 2

подвергли кручению и согнули в кольцо (4 экз.: № 145–147, 154).

Декор исполнен при помощи наклада стеклянных нитей вдоль вытянутой палочки, которую затем закрутили, в результате чего браслет оказался перевит двумя нитями (№ 118).

Вставка (1 экз.) (цв. вкл. рис. XXI).

Вставка имеет округлую шаровидную усеченную форму. Ее диаметр составляет 0,25 см, высота – 0,15 см. Изготовлена она из непрозрачного стекла красно-коричневого цвета, вероятно, при помощи литья на плоскость.

Характеристики химического состава стекол

Изучен химический состав 14 предметов[6]. Исследованию были подвергнуты все браслеты и три бусины. Выяснилось, что браслеты и две бусины сварены из стекла класса K-Pb-Si (табл. 2, ан. 787-43–53, 55, 56), а одна бусина – из стекла класса Pb-Si (табл. 2, ан. 787-54).

Происхождение и хронология

Изучение морфологии украшений, технологии их изготовления и химического состава стекла позволило распределить исследованные предметы по известным стеклоделательным школам.

Большая часть исследованных находок (19 экз.) была отнесена к древнерусской, так называемой столичной стеклоделательной школе, производившей изделия из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Украшения этой школы изготовлены из прозрачного стекла чрезвычайно разнообразной цветовой гаммы. Они могли быть фиолетового, бирюзового, сине-зеленого, синего, серо-голубого, бледно-желтого, оливкового, бежевого, коричневого, красно-коричневого и желто-зеленого цвета. При этом вещи характеризуются плохой химической сохранностью. Как правило, они покрыты слоем коррозии, не позволяющим определить подлинный цвет стекла. В случае, когда процесс коррозии находится на начальной стадии, все стекло бывает пронизано трещинками – так называемым кракелюром.

Основной центр школы находился в Киеве. Производство бус указанного состава началось в первой четверти XI в., а браслетов — в 30-е годы XII в. В 1240 г. в результате разгрома Киева стеклоделательное производство в городе было прекращено (*Щапова*, 1972. С. 191, 193). Исследователи предполагают, что в конце XII в. в Новгороде, Рязани и Серенске возникли вторичные центры этой школы. Причем в Новгороде производство изделий из стекла могло продолжаться и в послемонгольское время, вплоть до середины XIV в. (*Щапова*, 1972. С. 119–132, 155–157; *Равдина*, 1978. С.79).

Из найденных на селище стеклянных украше-

[6] Оптический эмиссионно-спектральный анализ проводился в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (Санкт-Петербург) аналитиком А.Н. Егорьковым.

ний к вышеназванной школе были отнесены все 11 браслетов (см. выше), а также восемь бус (№ 83, 86, 102, 107, 112, 127, 129, 155). Основанием для такого распределения послужили цвет, прозрачность и сохранность стекла, а также его химический состав (табл. 2, ан. 787-43–53, 55, 56). Большинство бус этой школы (5 экз.) округлой шаровидной усеченной дважды формы тулова (так называемые зонные) бледно-желтого (№ 102, 107, 155) и бирюзового цвета (№ 83, 86). В эту же группу вошла округлая кольцевидная бусина (№ 127), стекло которой было настолько коррозировано, что цвет и прозрачность стекла оказалось невозможно определить. Сюда же была включена округлая бусина (точнее форму определить не удалось) из стекла фиолетового цвета (№ 112). Все перечисленные украшения, по-видимому, изготавливали в Киеве в домонгольский период (XII – 40-е годы XIII в.). К этой же школе, вероятно, следует отнести и единственную винтообразную бусину из черного непрозрачного стекла (№ 129). Как считают исследователи, подобные бусы изготавливались в Новгороде начиная с середины-конца XII по середину XIV в. (*Щапова*, 1956. С. 172; 1972. С. 80–82).

Остальные находки предположительно были отнесены к древнерусской, так называемой местной стеклоделательной школе, производившей украшения из свинцово-кремнеземного стекла. Цветовая гамма этих изделий, в отличие от продукции столичной школы, не была столь разнообразна, ограничиваясь ярко-желтым, желто-зеленым, бежевым и коричневым цветами. От калиево-свинцово-кремнеземных эти изделия отличает также хорошая химическая сохранность стекла. Правда, при этом украшения из бесщелочного стекла плохо сохраняются физически, на их поверхности часто встречаются небольшие сколы. Предметы данной школы выделяются еще и тем, что имеют больший, чем изделия других школ, вес.

По мнению исследователей, первоначальное изготовление таких изделий производилось в Киеве. Появление самых ранних украшений этой школы (бус и перстней) относится к первой четверти XI в. К концу столетия их производство пошло на убыль. В середине XII в. в таких городах, как Новгород, Полоцк, Смоленск, Церковище, складываются новые стеклоделательные центры по производству предметов из свинцово-кремнеземного стекла (главным образом, браслетов), из остатков которого изготавливали мелкие украшения — бусы и перстни. Период функционирования этой стеклоделательной школы подходит к концу в первой половине XIV в. (*Щапова*, 1972. С. 172, 193–194). По-видимому, бусы селища Степаново, изготовленные из стекла класса Pb-Si, не имеют отношения к раннему киевскому этапу производства бесщелочного свинцового стекла. Скорее всего, они относятся к середине XII в. – времени, когда в крупных городах удельных древнерусских княжеств начинают возникать собственные стеклоделательные производства.

На основании проведенного исследования цвета, прозрачности и сохранности стекла, а также результатов анализа химического состава стекол (табл. 2., ан. 787-54), к названной выше школе было отнесено шесть бус (№ 61, 63, 87, 113, 115, 116). Они имеют округлую шаровидную усеченную дважды, так называемую зонную (№ 87, 113, 116) и кольцевидную (№ 61, 63) формы тулова[7]. Бусы изготовлены из прозрачного ярко-желтого и желто-зеленого стекла.

Цвет и прозрачность стекла, из которого изготовлена вставка в металлический перстень, роднит ее с группой бус с так называемым пластичным декором, для исполнения основ которого иногда применялось красно-коричневое непрозрачное стекло. Их изготовление исследователи связывают с производством поливных изделий, например, половых плиток, игрушек и писанок, а также со смальтовым производством, отходы которого могли использоваться при создании бус (*Щапова*, 1972. С. 94; *Столярова*, 1996. С. 183). Известно, что изготовление поливных изделий и смальты в это время производилось в Киеве, Смоленске, Владимире и других городах (*Щапова*, 1972. С. 188). Проведенное изучение бус с пластичным декором показало, что бусы из такого же красно-коричневого непрозрачного стекла были сделаны из стекла класса Pb–Si, в составе которого содержалась примесь окиси калия (*Столярова*, 2005. Табл. 9). Такие бусы, по нашему предположению, могли производиться в центрах, в которых варили стекло обоих древнерусских составов: свинцово-кремнеземное и калиево-свинцово-кремнеземное. Такая ситуация была отмечена в Киеве в домонгольский период и, возможно, в Новгороде начиная со второй половины – конца XII до первой половины XIV в.

Заметим, что металлические перстни с круглыми и овальными стеклянными вставками датируются достаточно широко. Например, в Новгороде они известны с середины XII по конец XIV в. Наша небольшая по размеру стеклянная вставка украшала металлический перстень с крупным щитком сложной формы. Исследователи относят такие перстни к группе редких, дати-

[7] У одной бусины (№ 115) форму точно определить не удалось.

Таблица 2. Результаты эмиссионно-спектрального анализа стеклянных украшений селища Степаново 2.

Шифр лабор.	787-43	787-44	787-45	787-46	787-47	787-48	787-49	787-50	787-51	787-52	787-53	787-54	787-55	787-56
Предмет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	браслет	бусина	бусина	бусина
Номер	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*23*	*24*	*25*
Цвет	бирюз.	корич.	бирюз.	оливк.	бирюз.	корич.	корич.	корич.	корич.	бирюз.	оливк.	желт.	фиол.	бирюз.
SiO_2	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.		осн.	осн.
Na_2O	0,05	0,05	0,03	0,04	0,05	0,05	0,9	0,06	0,1	0,07	0,2	0,06	0,2	0,4
K_2O	5,5	10	5,5	8,0	10	9,0	18	8,7	11	13	9,4	-	8,0	11
CaO	0,6	0,6	0,6	0,3	0,6	0,7	0,7	0,8	1,2	1,3	0,5	0,5	0,5	0,6
MgO	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,3	0,2	0,2	0,1	0,3	0,1	0,2	0,2
Al_2O_3	0,6	0,3	0,5	0,4	0,3	0,4	0,4	0,3	0,6	0,4	0,5	0,2	0,3	0,2
Fe_2O_3	0,6	0,3	0,6	2,7	0,2	0,3	1,1	0,5	0,6	0,8	3,4	0,5	1,0	0,4
MnO	0,01	0,01	-	0,01	-	0,01	0,02	0,01	0,02	0,02	0,02	0,01	2,2	0,02
TiO_2	0,1	0,2	0,1	0,09	0,1	0,3	0,2	0,2	0,3	0,2	0,2	0,08	0,3	0,1
PbO	23	33	10	29	31	29	30	31	29	29	30	51	37	32
SnO_2	0,2	-	-	-	0,2	-	-	0,2	0,2	0,5	0,1	-	-	0,1
CuO	1,0	0,4	0,7	-	1,4	0,5	0,4	0,5	0,6	4,0	-	0,6	0,5	2,0
CoO	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Sb_2O_5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ag_2O	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,01	-	-	-	-
NiO	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

руя их второй половиной XIII – XIV в. (*Седова*, 1981. С. 139–142).

В заключение хотелось бы затронуть проблему соотношения находок стеклянных браслетов и бус на городских и сельских памятниках. Вплоть до недавнего времени считалось бесспорным, что находки браслетов в городских слоях являются массовыми, а бус – редкими. Предполагалось, что обратную картину можно наблюдать на сельских памятниках, где к часто встречающимся относились находки бус, а не браслетов. Такое соотношение двух категорий стеклянных украшений объяснялось исследователями различиями, существовавшими в городской и сельской культурах (*Арциховский*, 1930. С. 26). Так, в сельской культуре дольше сохраняются элементы племенного костюма, характерными особенностями которого являются стеклянные бусы. В культуре городов, напротив, происходит смешение племенных и возникновение новых, чисто городских, элементов, к которым относится появление стеклянных браслетов («Древняя одежда...», 1986. С. 57–59).

В ходе раскопок селища Степаново 2 было найдено 14 бус и 11 браслетов. Аналогичную картину можно наблюдать на поселении Мякинино-1, так же расположенном в Подмосковье. В ходе раскопок 2003–2006 гг. здесь было найдено 62 бусины и 71 браслет. Несколько иная ситуация наблюдалась на поселении Мякинино-2, где в ходе работ 1994–1995 гг., проводимых Центром археологических исследований г. Москвы под руководством А.Г. Векслера, было обнаружено 32 браслета и всего четыре бусины (*Векслер, Лихтер*, 2007. Табл. 2). Такое небольшое количество бус, возможно, объясняется тем, что на этих селищах применялись разные методики проведения работ.

Таким образом, приведенные по подмосковным селищам данные, не подтверждают высказывавшуюся ранее точку зрения о преобладании стеклянных бус над браслетами у сельского населения.

Рассмотрим распределение стеклянных украшений на сельских памятниках других регионов Древней Руси. В частности, на юге, на селище Лесковом, расположенном в междуречье нижнего течения Десны и Днепра и датируемом XI – серединой XIII в., было обнаружено 373 браслета и 19 бус. При этом большая часть браслетов была найдена в постройках, датированных второй половиной XII – первой половиной XIII в. (*Веремейчик, Шекун*, 2007. С. 204–205, 207). В то же время на севере Руси, в частности, на Мининских селищах, в слоях XI–XIII вв. была обнаружена 1151 бусина, в то время как браслетов не было найдено вовсе (*Захаров, Кузина*, 2005. С. 115. Табл. 2, 3). Таким образом, на сельских памятниках южной и северной Руси наблюдается разное соотношение браслетов и бус (на юге браслеты преобладают над бусами, на севере браслеты практически отсутствуют), которое, в свою очередь, отличается от картины, сложившейся на подмосковных селищах (браслетов и бус пополам).

Вероятно, пристрастие к бусам и нелюбовь к браслетам на севере Руси можно связать с участием местного сельского населения в пушном промысле, продукция которого (пушнина) обменивалась на бусы, а не на браслеты. На юге же в XII в. возникает мощный центр по производству браслетов, в первую очередь снабжающий своей продукцией близлежащий регион. К тому же на начало XIII в. приходится зафиксированный исследователями кризис сбыта киевских браслетов, в результате которого украшения скапливались в пределах Киевского и соседних княжеств (*Щапова*, 1972. С. 193). Что же касается Подмосковья, то его, ве-

роятно, можно рассматривать как некую промежуточную зону, находящуюся между Северной и Южной Русью.

Интересно, что области, выделенные по соотношению браслетов и бус на сельских памятниках, фиксируются и по другим данным, в том числе, лингвистическим и этнографическим. На основании существующих в русском языке диалектов и различий в материальной и духовной культуре русского народа, исследователи также выделяют три зоны – исторически сложившиеся северорусскую и южнорусскую и переходную среднерусскую, располагавшуюся в междуречье Оки и Волги. При этом в различных сторонах материальной и духовной культуры среднерусской зоны отмечается слияние северных и южных черт, которые в процессе исторического развития были переработаны на местной основе (Этнография восточных славян, 1987. С. 58; Народы мира, 1988. С. 384).

Вывод о том, что сельское население не носило стеклянных браслетов, первоначально был сделан на основании изучения погребальных комплексов северо-запада и северо-востока Руси. Данное положение, возможно, верно для этого региона периода XI в. В XII в. существенно сокращается импорт византийских изделий из стекла, среди которых преобладающими были бусы. В 30-е годы того же столетия возникает собственное русское браслетное производство. В результате этих изменений в указанный период, вероятно, действительно возникают новые элементы повседневного костюма, со временем ставшие характерными не только для городской, но и для сельской культуры. В связи с этим необходимо учитывать близость селищ к городам – центрам распространения новых элементов. Традиционный племенной костюм в этот период сохраняется, вероятно, только в погребальной одежде. Этим объясняется отсутствие в погребениях XII–XIII вв. стеклянных браслетов и наличие в них только стеклянных бус. Таким образом, очевидно, что ситуация с распределением стеклянных бус и браслетов на сельских памятниках не была столь однозначной, как еще недавно казалось исследователям.

Все сказанное выше дает основания пересмотреть традиционные взгляды на вопрос соотношения на городских и сельских памятниках бус и браслетов. В любом случае, остается бесспорным, что заявленная проблема требует дальнейшего изучения с привлечением новых материалов.

Литература

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., 2007. Новые находки стеклянных изделий на селище Мякинино-2 // АП. Вып. 3. М.

Веремейчик Е.М., Шекун А.В., 2007. Стеклянные браслеты поселения Лесковое // КСИА. Вып. 221. М.

Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.

Захаров С.Д., Кузина И.Н., 2005. О некоторых особенностях материальной культуры северных поселений // РА. № 4.

Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.

Равдина Т.В., 1978. Стеклянные браслеты Серенска // КСИА. Вып. 155. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Столярова Е.К., 1996. Стеклянные изделия Москвы XII–XIV вв. Дис. ... канд. ист. наук. М.

Столярова Е.К., 2005. Стеклянные украшения булгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань.

Щапова Ю.Л., 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. М.

Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2006. Отчет об охранных археологических раскопках на селищах «Степаново-2» и «Круглино» в Дмитровском районе Московской области в 2005 году // Архив ИА РАН. М.

Этнография восточных славян. М., 1987.

Callmer G., 1977. Trade beads and beads trade in Scandinavia ca 800–1000 AD // Acta archaeologica Lundensia. Ser. 4°. № 11. Lund.

E.K. Stolyarova

Glass ornaments from the Stepanovo 2 settlement

Summary

The article presents 26 glass ornaments (beads, bracelets and glass segment) discovered in 2005 on the Stepanovo 2 settlement (Dmitrov district of the Moscow region). The settlement dates by the beginning – the middle of the 12th – the middle of the 13th c. The morphology along with the technology of the discovered ornaments has been carefully studied, for 14 items the chemical composition has been established. The origination of the ornaments has been identified in accordance with Yu.L. Schapova "s theory about the glass-made schools. In connection with finds of bracelets on Stepanovo 2 settlement the problem of correspondence of glass bracelets and beads discovered on towns and countries monuments has been touched.

Т. Г. Сарачева

Ювелирные изделия и предметы христианского культа из раскопок средневекового селища Степаново 2 в Подмосковье

В 2005 г. Подмосковной экспедицией отдела охранных раскопок Института археологии РАН (руководитель А.В. Энговатова) было полностью исследовано селище Степаново 2 в Дмитровском районе Московской области[1]. Сохранившаяся площадь памятника составляла 2837 кв. м. Анализ находок из слоя и материалов из заглубленных в материк объектов позволил авторам раскопок определить период активной жизнедеятельности на поселении интервалом XII – середины XIII в. (*Энговатова, Коваль*, 2006). Всего было обнаружено 159 индивидуальных находок из металла, стекла, камня и кости. Большинство происходит из пахотного и переотложенного культурного слоя, куда попали и более поздние материалы (вплоть до XX в.).

Около трети индивидуальных находок на поселении составляют металлические ювелирные изделия и христианские древности (44 экз.). Коллекция отличается функциональным, типологическим и морфологическим разнообразием (табл. 1). В ней представлены личные украшения (височные кольца, перстни, бусина, пронизки, звенья цепей), детали одежды (пуговицы, бубенчики, пряжка), накладки и предметы личного благочестия (привески-иконки, кресты). Условия обнаружения предметов отразились на их сохранности: в выборке преобладают фрагментированные изделия.

Височные кольца (3 экз.) изготовлены из круглой в поперечном сечении волоченой проволоки диаметром 1,1–1,2 мм (рис. 1, *1–3*). Они относятся к широко распространенному на территории Древней Руси типу перстнеобразных. Обручи украшений не имеют специального оформления; на двух экземплярах один из краев лишь слегка заострен. Такая форма придавалась в результате ковки края проволочной заготовки.

Перстнеобразные кольца имеют широкие хронологические рамки бытования. В Новгороде они встречаются вплоть до начала XV в. (*Седова*, 1981. С. 13). Однако пик распространения подобных колец на территории Древней Руси относится ко второй половине XI–XII в. Два кольца из Степанова также происходят из ям, содержавших материалы домонгольского времени[2].

Набор перстней отличается морфологическим разнообразием, а их количество (9 экз.) в общей массе находок на рядовом сельском памятнике свидетельствует о том, что они были излюбленными украшениями на Руси.

Проволочный литой перстень с плосковыпуклым поперечным сечением сохранился фрагментарно (рис. 1, *4*). Судя по правильному контуру обруча, перстень был сомкнутым и отлитым в двустворчатой разъемной форме. Заготовка другой находки с заходящими заостренными краями также получена литьем, однако окончательная форма украшению придана в результате ковки (рис. 1, *5*)[3]. Как и проволочные височные кольца, перстни этого типа широко распространены на всей территории Древней Руси. Сомкнутые перстни датируются в основном XI–XII вв., а разомкнутые – началом XII – третьей четвертью XIII в. (*Седова*, 1981. С. 191). В предложенные хронологические рамки вписывается разомкнутый перстень из ямы первой половины – середины XIII в.

Два ложновитых сомкнутых перстня отличаются местом расположения имитации витья: на одном экземпляре углубления располагаются на большей части обруча, в том числе, и с внутренней стороны, на другом – лишь в передней части, снаружи (рис. 1, *6–7*). На территории вятичей преобладают перстни со вторым способом расположения имитации витья. Они появляются относительно поздно. Украшения отлиты в двустворчатых разъемных формах.

Согласно новгородской хронологической

[1] Работы на памятнике проводились под руководством В.Ю. Коваля. Непосредственная организация работ осуществлялась К.И. Панченко.

[2] Выражаю искреннюю благодарность руководителям раскопок за предоставленные для изучения материалы и уточнение датировок находок из ям.

[3] Находка отнесена к группе перстней на основе метрических и морфологических показателей. Подобные перстни встречены в составе погребального инвентаря древнерусских курганов. Однако функциональное назначение этого кольца могло быть и другим.

Рис. 1. Ювелирные изделия из раскопок селища Степаново-2 (полевые номера находок и информация о них содержатся в табл. 1)

Таблица 1. Характеристика изделий из цветных металлов селища Степаново-2 (цифры в полевом шифре обозначают: участок – слой – квадрат – сооружение – предмет).

Категория, морфологические и технологические особенности	Полевой шифр	Размеры (мм)	№ рис.
Кольцо состоит из круглого сомкнутого обруча, поперечное сечение – круг. Литое, с внутренней стороны по контуру проходит шов, свидетельствующий об отливке в разъемной форме	7-1-0-189-59[1]	диам. внутр. 10; диам. обруча 5	2, *6*
Накладка в форме шестилепестковой розетки, плоская с двумя отверстиями для крепления. Литая по выплавляемой модели. Модель получена с помощью матрицы. Отверстия пробиты после отливки	1-2-24-0-8	диам. – 18; толщ. 1	2, *1*
Два фрагмента накладки. Поперечное сечение плосковыпуклое. Украшена выпуклым растительным декором. Литая, вероятно, по выплавляемой модели	14-1-385-0-124	дл. 27 и 60; шир. 6; толщ. 2,2	2, *2*
Фрагмент пластины с двумя штифтами для крепления. Один край округлый, уплощенный, другой не сохранился. Штифты плоские, треугольной формы. Украшена углубленным геометрическим декором: ромбы с окружностью внутри; параллельные линии, отдельные окружности и розетка из окружностей. Бордюр – «веревочка». Литая по выплавляемой резной модели. Декор наносился на модель с помощью резцов и чекана с кольцевидной рабочей частью	9-1-232-0-90	дл. 80; шир. 12; толщ. 2; дл. штифтов 13 и 19	2, *3*
Фрагмент плоского украшения с тремя параллельными рядами точек. Кованая. Декор нанесен с помощью чекана с округлым рабочим краем с оборотной стороны	1-1-2-0-5	толщ. 0,6	1, *15*
Пронизка цилиндрическая с округлым утолщением и боковыми выступами в нижней части. Украшена углубленными концентрическими линиями. Литая в двустворчатой разъемной форме по оттиску готового изделия. В верхней части тулова недолив. Из-за многократного оттиска углубленные линии пролиты плохо, в некоторых местах отсутствуют	27-1-708-0-148	выс. 23,5; д. тулова 7–9,5; толщ. 1,7	1, *17*
Пронизка спиральная. Согнута из волоченой прокованной для уплощения проволоки	8-0-211-27-82	дл. 17; толщ. 5,5; толщ. проволоки 1	1, *16*
Звено цепи плоское восьмеркообразное с боковым колечком, фрагмент. Литое в двустворчатой разъемной форме, по контуру расположены швы. Линии декора практически отсутствуют из-за плохой проливки в результате многократного оттиска	2-2-29-0-25	дл. 23; толщ. 2	1, *18*
Звено цепи плоское восьмеркообразное с боковым колечком, фрагмент. С обеих сторон украшено параллельными наклонными насечками – имитация витья. Литое в двустворчатой разъемной форме, по контуру расположены швы. Линии декора смазанные, что свидетельствует об отливке по оттиску	8-1-223-0-68	дл. 20; толщ. 2	1, *19*
Височное кольцо проволочное перстнеобразное. Края выпуклые. Обруч круглого поперечного сечения. Волочение, изгибание. На проволоке сохранились характерные следы от неровностей глазка волочильной доски	2-0-158-8-37	толщ. 1,2; диам. 18	1, *1*
Височное кольцо проволочное перстнеобразное. Обруч круглого поперечного сечения (деформирован). Края выпуклые. Заготовка волоченая, на ней сохранились характерные следы от неровностей глазка волочильной доски	11-0-290-43-104	толщ. 1,1	1, *2*
Височное кольцо проволочное перстнеобразное. Один край заостренный. Обруч круглого поперечного сечения. Волочение, изгибание. Один край дополнительно проковывался	21-1-546-0-141	толщ. 1,2; диам. 16,5	1, *3*
Перстень со вставкой, фрагмент. Обруч овальный в поперечном сечении. Оправа в форме усеченной восьмиугольной пирамиды. Вставка стеклянная круглая. Цельнолитой в форме, полученной при помощи восковой модели, швы отсутствуют	4-1-100-0-49	обруч: шир. 3,3, толщ. 1; оправа: выс. 4, шир. 8; д.вставки 2,2	1, *10*
Перстень ложновитой сомкнутый. Имитация витья в передней части обруча, с внутренней стороны отсутствует. Элементы витья рельефные. Литье в разъемной двустворчатой форме. Остатки швов расположены в углублениях, имитирующих витье. При отливке произошло смещение створок формы, что привело к деформации	11-1-290-0-100	д. внутр. 18; шир. 2,2–4; толщ. 2,1–3,5	1, *6*

шкале, ложновитые перстни датируются XI – началом XIV в., хотя единичные экземпляры встречены в более поздних материалах (*Седова*, 1981. С. 122). На других территориях (золотоордынские поселения, вымские могильники) также известны находки второй половины XIII – XIV в. (*Полякова*, 1996. С. 179; *Савельева*, 1987. С. 163. Рис. 34, *25, 28*). На древнерусских памятниках они чаще всего встречаются в слоях и погребениях XII – первой половины XIII в.

Два пластинчатых перстня принадлежат к характерным украшениям вятичей. Однозигзаговый решетчатый перстень отлит по выплавляемой модели, линии углубленного декора выполнены на обруче после отливки (рис. 1, *8*). Это простейшие решетчатые перстни, которые появляются в Волго-Окском бассейне с конца XI в. (*Недошивина*, 1967. С. 260). Фрагмент другого решетчатого перстня не позволяет определить его тип (рис. 1, *9*).

Пластинчатый широкосрединный разомкнутый перстень украшен сложной композицией: два вписанных друг в друга полуовала окружают небольшие выступы и тройные растительные завитки (рис. 1, *11*). Аналогии изображению найти не удалось. Начиная с XIV–XV вв., на Руси появляется большое количество перстней с разнообразными сложными композициями. Возможно, находка с селища Степаново 2 также относится к эпохе позднего средневековья.

Пластинчатый прямой разомкнутый перстень согнут из тонкой кованой заготовки (рис. 1, *12*). Декор на нем отсутствует. Прямые перстни были широко распространены в древнерусское время, хотя, как правило, находки X – первой половины XIII в. орнаментированы (*Недошивина*, 1967. С. 259). Новгородские прямые разомкнутые перстни встречаются вплоть до конца XIII в. (*Седова*, 1981. С. 131).

Перстень со вставкой сохранился фрагментарно (рис. 1, *10*). Миниатюрная круглая стеклянная вставка закреплена «глухим» способом в оправе, которая имеет форму усеченной восьмиугольной пирамиды. Сложная форма перстня и отсутствие литейных швов указывают на его отливку в одноразовой глиняной форме по выплавляемой модели. Вторая половина XIII – первая половина XIV в. – период наибольшего распространения перстней со вставками в Новгороде, которые появляются в конце XI в. (*Седова*, 1981. С. 139–142). Следует отметить, что новгородские перстни с оправами усложненной формы относятся ко второй половине XIII–XIV в.

На поселении найдена половинка шаровидной бусины (рис. 1, *13*). Она изготовлена литьем из обычного для этого украшения металла – высокооловянной бронзы, придающей изделиям сходство с серебряными. Шаровидные бусы входили в состав ожерелий и украшали височные кольца. Способ соединения половинок бус неизвестен, так как на сегодняшний день не обнаружены украшения, в состав которых входили бы целые бусы. Они встречены в погребениях преимущественно XII в., исследованных в курганных группах на границе вятичского и кривичского ареалов, таких как Каблуково, Поворовка, Болшево (*Недошивина*, 2007. С. 134).

Несмотря на незначительные размеры фрагмента бубенчика, с уверенностью можно сказать, что он относится к типу литых щелевидных (рис. 1, *14*). В огромном количестве такие бубенчики встречаются в вятичских и кривичских курганах. Согласно хронологической шкале Т.В. Равдиной, щелевидные бубенчики датируются преимущественно XII в. (*Равдина*, 1975. С. 72).

Несколько украшений из Степанова связаны с материальной культурой поволжских финнов. Это фрагмент плоского кованого украшения с тремя параллельными рядами выпуклых точек, нанесенными с помощью чекана (рис. 1, *15*). Подобный трехрядный декор часто встречается на различных украшениях мери, муромы, мордвы VIII–XI вв., в частности, на головных венчиках, больших нагрудных бляхах-застежках, трапециевидных привесках. Привески встречены и на некоторых древнерусских памятниках: на территории Белоруссии, в новгородских и смоленских длинных курганах (*Розенфельдт*, 1982. С. 10–11, 29–30; «Финно-угры и балты...», 1987. Табл. XXVIII, *12*; XXXIV, *12*; XLVI, *19*).

Спиральная пронизка изготовлена из волоченой проволоки (рис. 1, *16*). Такие пронизки входили в состав многих наборных украшений (браслетов, головных венчиков и т.п.) поволжских финнов VIII–XI вв. («Финно-угры и балты...», 1982. Табл. XLVII, *3*; XLIX, *12*). Для XII в. они встречены в составе ожерелий в курганах, расположенных на пограничной территории вятичей и кривичей: Поворовка, Каблуково (*Рабинович*, 1940. С. 85–99; *Недошивина*, 2007. С. 134). Пронизка обнаружена в яме № 27, комплекс находок которой относится ко второй половине XII – первой половине XIII в.

Цилиндрическая пронизка с боковыми выступами сохранилась фрагментарно (рис. 1, *17*). Она отлита в форме, полученной по оттиску готового изделия. Подобные украшения характерны для Прикамья. Они появляются в VIII–IX вв. (ломоватовская, раннеродановская культуры), входят в состав погребального инвентаря вымских могильников XI–XII вв. Кроме того, трубчатые пронизки характерны для позднего этапа

культуры Перми вычегодской XII–XIV вв. (*Савельева*, 1987. С. 89–94).

Два фрагмента восьмеркообразных звеньев цепей украшены параллельными насечками (рис. 1, *18–19*). Судя по цвету, они изготовлены из высокооловянной бронзы. Звенья отлиты в двусторонних разъемных формах, на одном из них насечки практически отсутствуют из-за плохой проливки, вероятно, в форме, полученной по оттиску готового изделия. Они использовались в составе шумящих украшений, характерных для финно-угорского костюма. Однако известны их находки и на древнерусской территории: на селище Мякинино-1 в Подмосковье, в составе погребального инвентаря курганов XII в., раскопанных в Бочарове, Коханах, Колчине Смоленской области и Кривишине Рязанской области (*Рябинин*, 1981. Табл. III, *5*; IV, *6*).

Пуговицы представлены самым большим числом (10 экз.), однако все они обнаружены вне комплексов. Восемь пуговиц получены литьем (рис. 1, *20–24, 26–28*). Преобладают находки с грушевидным туловом. Они имеют широкие хронологические рамки бытования. Простота формы и технологии их изготовления не позволяет выделить узко датированные типы, за исключением двух орнаментированных находок (рис. 1, *21–22*). Нижняя часть их тулова украшена концентрическими зубчатыми линиями, нанесенными после литья чеканом с рабочим окончанием треугольной формы. Аналогичная пуговица обнаружена в комплексе второй половины XIII – XIV в. на Мосоловском селище в Среднем Подонье (*Цыбин*, 1987. С. 42). Три других найдены случайно также в Подонье (*Гоняный и др.*, 2003. С. 242. Рис. 7, *14*; *Сарачева*, 2007. С. 84). Литые и тисненые пуговицы близкой формы с линейным зубчатым декором характерны для золотоордынских напластований Болгарского и Увекского городищ и материалов мордовского Гагинского могильника XIV в. (*Полякова*, 1996. С. 198).

Фрагмент шаровидной пуговицы деформирован, так как она получена из тонких тисненых спаянных половинок (рис. 1, *29*). Тисненые пуговицы или бубенчики редко находят на подмосковных памятниках. Они встречены при раскопках курганов у деревень Волково и Поворовка (*Авдусина*, 1962. С. 272–289; *Рабинович*, 1940. С. 85–99). Кроме того, несколько находок обнаружено на селищах Мякинино-1 и -2[4]. В Новгороде тисненые пуговицы встречаются в слоях до начала XIV в. (*Лесман*, 1990. С. 60–61). Г.Ф. Полякова отмечает широкое распространение тисненых бубенчиков в золотоордынское время (1996. С. 202).

Штампованная пуговица, имеющая выпуклое круглое тулово с цифрой 9 и изображением языка пламени, относится к новому времени (рис. 1, *25*).

Накладки представлены тремя находками (рис. 2, *1–3*). Они получены литьем по выплавляемой модели и обнаружены в перемешанном слое. Шестилепестковая розетка с двумя отверстиями для крепления имеет аналогии в древнерусском материале XII–XIII вв. (*Седова*, 1981. С. 153–155). Этот декоративный элемент широко применялся и впоследствии: подобная накладка обнаружена в Твери (XV в.); розетки известны среди украшений золотоордынского круга древностей (*Солдатенкова*, 2008. С. 158; *Полякова*, 1996. С. 195).

Прямоугольная узкая накладка плосковыпуклого поперечного сечения представлена двумя фрагментами (рис. 2, *2*). Она украшена выпуклым растительным декором. Плоская накладка сложной формы с геометрическим декором имеет в нижней части два треугольных штифта для крепления (рис. 2, *3*). Судя по размерам и расположению крепежа, она предназначалась для массивного, возможно, деревянного, предмета.

Одночастная литая пряжка состоит из рамки, форма которой близка к прямоугольнику (рис. 2, *4*). Язычок не сохранился. Сегментовидная одночастная пряжка сохранилась фрагментарно (рис. 2, *5*). Аналогичные железные и бронзовые пряжки часто встречаются в поволжских памятниках XII–XIV вв. (*Полякова*, 1996. С. 202, 219; *Руденко*, 2000. С. 43–44). Сомкнутое кольцо с круглым поперечным сечением обруча диаметром 20 мм служило, вероятно, для соединения ременных деталей (рис. 2, *6*). Подобные изделия имеют широкие хронологические рамки бытования.

Две находки представляют собой аморфные фрагменты изделий, побывавших в огне (рис. 2, *7–8*).

Предметы христианского культа представлены семью находками. К домонгольскому времени относятся две привески и нательный крест. Круглая ажурная привеска принадлежит к типу крестовключенных (рис. 2, *9*). Ее бордюр украшен параллельными насечками, создающими имитацию сканой проволоки; круглое средокрестие с выпуклым шариком в центре окружено трехчастными розетками из шариков. Близкая по форме находка обнаружена во владимирских курганах (*Голубева*, 1997. С. 155. Табл. 92, *20*). Крестовключенные привески встречаются в комплексах XII – первой половины XIII в. на обширной территории Древней Руси и отличаются большим композиционным разнообразием (*Успенская*, 1967. С. 108). Т.В. Равдина сузила время их бытования до рамок XII столетия (1975. С. 86).

[4] На селище Мякинино-2 пуговица обнаружена в яме XV в. (сообщение В.Ю. Коваля).

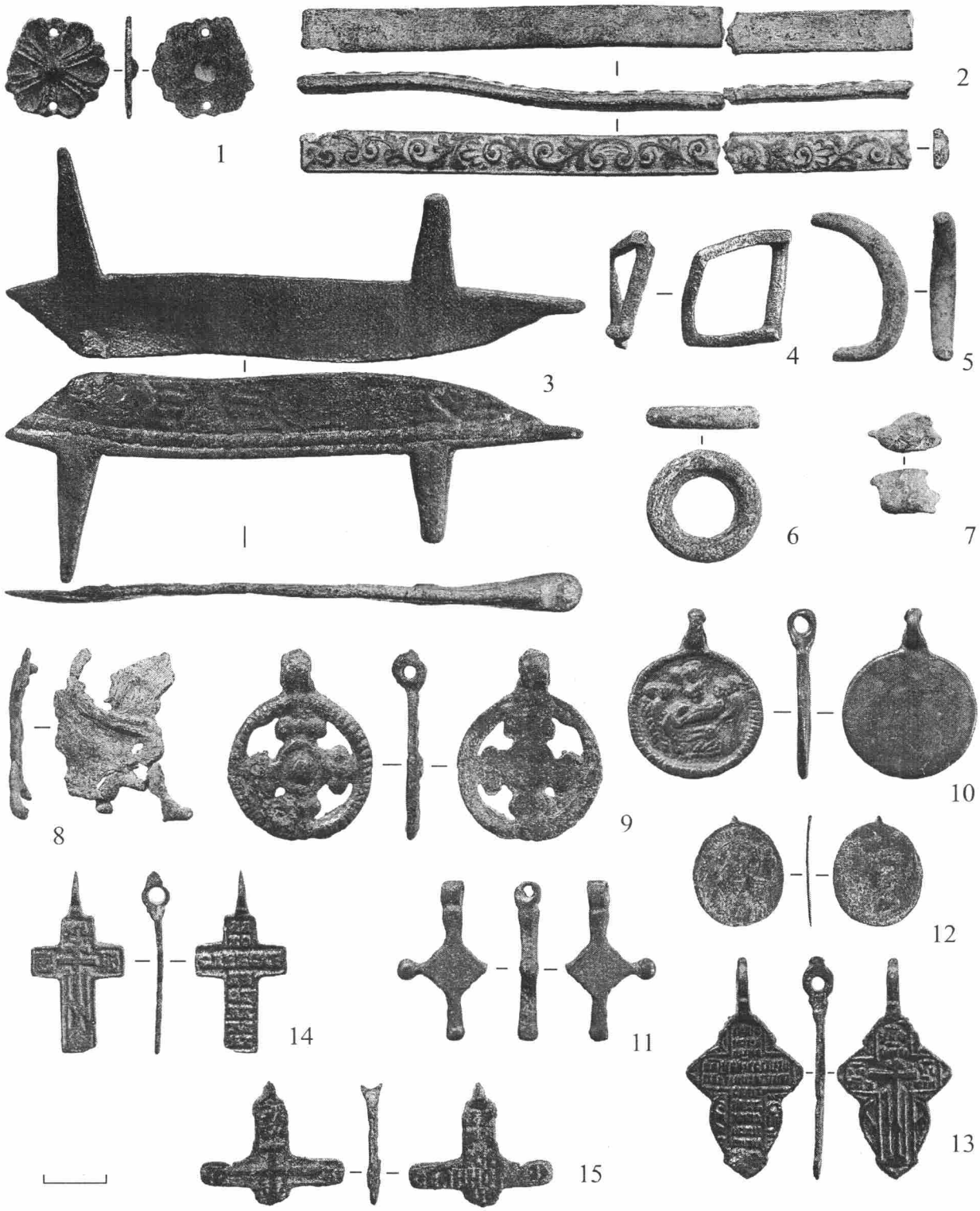


Рис. 2. Ювелирные изделия и предметы культа из раскопок селища Степаново-2

Круглая привеска-иконка несет на себе изображение Успения Богоматери – культ, почитаемый на территории Северо-Восточной Руси (рис. 2, *10*). М.В. Седова собрала сведения о 22 находках подобных иконок XII в.; 13 из них найдены в пределах Владимиро-Суздальского княжества, где, вероятно, они и производились (*Седова*, 1974. С. 191–194; 1978. С. 119–122). Еще одна иконка обнаружена недавно на суздальском селище Большое Давыдовское 2 (*Макаров, Красникова*, 2007. С. 66).

За редким исключением диаметр иконок с изображением Богородицы составляет 22 мм. Этот же размер имеет и иконка со Степаново 2. Для ее изготовления использовали высокооловянную бронзу – сплав, позволяющий имитировать драгоценные украшения. По сравнению с большинством других находок, она отличается тем, что несмотря на отливку по оттиску готового изделия, несет на себе довольно отчетливое изображение. В отличие от нескольких экземпляров с изображением Богоматери в рост с младенцем на правой руке (Ярополч Залесский, Галич, Большое Давыдовское 2), ее оборотная сторона гладкая. По своим изображениям двусторонние иконки аналогичны свинцовой актовой печати конца XI в. из Суздаля. Сопоставление находок позволило М.В. Седовой предположить использование печати в качестве модели для получения формы, в которой отливались привески (*Седова*, 1997. С. 197). О длительном ношении иконки из Степанова, а, следовательно, и о значимости ее для владельца, свидетельствуют сильные следы изношенности внутри ушка. В Подмосковье это первая находка подобной иконки.

Крест с ромбовидным средокрестием и шаровидными завершениями ветвей относится к широко распространенному типу тельников домонгольского времени (рис. 2, *11*). Он отлит в двусторонней разъемной форме. Кресты с вытянутой нижней ветвью найдены в Плесе, Белоозере, Новгороде, Старой Рязани, а также на подмосковных селищах Настасьино и Щапово 4 (*Даркевич, Пуцко*, 1981. С. 223. Рис. 7, *2*; *Гоняный*, 1998; *Травкин*, 2000; *Сарачева, Сапрыкина*, 2004. С. 57; *Захаров*, 2004. С. 164. Рис. 41, *49*; *Станюкович и др.*, 2003. С. 127). Известны они в коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (1900. Табл. XVII. № 197). Основная масса находок датируется XII – XIII вв. К этому же времени относится материал ямы № 91, в которой был обнаружен изученный экземпляр. Каменная форма для отливки подобных крестиков происходит из новгородского слоя конца XII – начала XIII в. (*Рындина*, 1963. С. 217. Рис. 20, *3*).

Четыре находки относятся к новому времени. Овальная привеска-иконка с изображением святого Николы и плохо читаемой надписью над ним изготовлена штамповкой из тонкой листовой заготовки (рис. 2, *12*).

Оборотные стороны трех литых двусторонних крестов сплошь покрыты надписями. Женский крест благодаря своей форме получил название «лопатка» или «листик» (рис. 2, *13*). Он имеет барочные очертания и украшен растительным декором. На лицевой стороне изображен Голгофский восьмиконечный крест с копием и тростью. Подобное изображение присутствует на четырехконечном кресте с прямыми концами (рис. 2, *14*). На концах ветвей читаются буквы: «ЦРЬ», «IC», «XC». На оборотных сторонах обоих крестов содержится текст псалма «Да воскреснет Бог». Они представляют собой пример массовой продукции старообрядческих меднолитейных мастерских XVII – начала XX в. (*Винокурова*, 1998. С. 340–343; *Станюкович и др.*, 2003. С. 225).

Еще один крест сохранился не полностью (рис. 2, *15*). Несмотря на это, его описание можно дать по другим находкам. Это простые четырехконечные кресты с изображением Голгофского креста с копием и тростью, расположенными под углом, и инициалами: «ЦРЬ», «IC», «XC». Молитвенный текст на оборотной стороне плохой сохранности. Размеры тельника совпадают с метрическими показателями находки на селище Рыбушкино II в округе Звенигорода (*Станюкович*, 2000. С. 12). Датируются подобные кресты XVII–XIX вв. (*Винокурова*, 1998. С. 335).

Таким образом, изученная выборка представляет собой случайный набор разновременных украшений, деталей костюма и предметов культа из цветных металлов. За исключением нескольких пуговиц, остальные категории представлены разнотипными изделиями. Большинство находок принадлежит к часто встречаемым в процессе археологического изучения древнерусских подмосковных селищ и курганов. Это перстнеобразные височные кольца, спиральная пронизка, половинка шаровидной бусины, проволочные, ложновитые и решетчатые перстни, крестовключенная привеска, щелевидный бубенчик, шаровидные и грушевидные пуговицы. Интересна серия предметов, свидетельствующих о влиянии финно-угорского пласта древностей на сложение металлического убора украшений населения Волго-Окского бассейна. Привеску-иконку с изображением Успения Богоматери и перстень со вставкой, закрепленный в оправе сложной формы, можно отнести к разряду нехарактерных, редких находок на рядовых малодворных поселениях, к которым относится Степаново 2.

Несмотря на широкий хронологический ди-

апазон находок, в коллекции преобладают предметы XII – первой половины XIII в. (табл. 2). Приблизительно треть изделий может быть датирована как этим временем, так и более поздним, вплоть до XVI в. Обнаруженные при раскопках Степанова находки периода позднего средневековья и нового времени из других материалов отражают степень активности жизнедеятельности на поселении после монгольского нашествия.

Литература

Авдусина Г.А., 1962. Три курганные группы у Звенигорода // Историко-археологический сборник. М.

Винокурова Э.П., 1998. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. Т. 2. М.

Голубева Л.А, 1997. Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура. Археология. М.

Гоняный М.И., 1998. Древнерусские поселения второй половины XIII – XIV в. в бассейне р. Лубянки на территории Перемышльской волости // Тр. ГИМ. Вып. 96.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. № 3.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода 1988 г. М.

Макаров Н.А., Красникова А.М., 2007. Христианские древности суздальских селищ: новые находки // КСИА. Вып. 221. М.

Недошивина Н.Г., 1967. Перстни // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.

Недошивина Н.Г., 2007. Древнерусский могильник Каблуково в Подмосковье // АП. Вып. 3. М.

Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Рабинович М.Г., 1940. Курганы в Поворовке // Сборник научных студенческих работ. Вып. 11. История. М.

Равдина Т.В., 1975. Хронология «вятических древностей». Дис. ... канд. ист. наук. М.

Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.

Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. Вып. 117. Т. III. М.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60. М.

Руденко К.А., 2000. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // ТА. № 1–2. Казань.

Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.

Сарачева Т.Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI в. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. М.

Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А., 2004. Средневековые ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2. М.

Седова М.В., 1974. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л.

Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.

Солдатенкова В.В., 2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (По материалам раскопа 56 на территории Затьмацкого посада г. Твери) // КСИА. Вып. 222. М.

Станюкович А.К., 2000. Произведения русской средневековой металлопластики из округи Звенигорода (новые открытия) // Вестн. клуба «Раритет». № 1. М.

Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьёв Н.М., 2003. Тысячелетие креста. М.

Травкин П.Н., 2000. Плесское ювелирное искусство от истоков до наших дней. Каталог. Плес.

Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.

Ханенко Б.И. и В.Н., 1900. Древности русские. Вып. II. Киев.

Цыбин М.В., 1987. Древнерусские памятники второй половины XIII – XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2006. Охранные раскопки на селищах «Степаново-2» и «Круглино» в Дмитровском районе Московской области в 2005 году // Отчет об охранных археологических раскопках в Красногорском и Дмитровском районах Московской области в 2005 году. Т. 6. М.

T.G. Saracheva

Pieces of jewelry and christian antiquities from the excavations of the medieval settlement Stepanovo 2 in the Moscow region

Summary

In the paper the results of detailed analysis of the 44 non-ferrous metal objects from the medieval settlement Stepanovo 2 excavated in 2005 in the Moscow region are presented. This site mainly dated by the 12th – middle of the 13th c., however, some individual finds relate to the later period. The majority of items originates from an arable cultural layer, therefore the main aim of the investigations is to define their chronology (table 2). The ornamental set includes various categories which are presented by the innumerous items: temporal rings, finger-rings, bead, shoes of chains, while buttons are presented by the whole series. Among the objects related to the christian cult there are icon-pendants, crosses and pendant-cross. Widely spread types are dominated in the collection. On the similar medieval settlements the finger-rings with glass mounting and icon-pendant with the scene of assumption of the mother of god are referred to the rare finds.

И.Е. Зайцева

Предметы христианского культа из раскопок Серенска

Серенское городище расположено на высоком правом берегу р. Серена, притоке р. Жиздра (современная Калужская область). На нем топографически выделяется детинец, окольный город и посад. Подтреугольной формы детинец занимает площадь около 2500 кв. м. Раскопками Н.И. Булычова в конце XIX в. и экспедицией Института археологии РАН под руководством Т.Н. Никольской в 60–80-х годах прошлого века он исследован на площади около 1600 кв. м. Собранная в результате работ коллекция предметов из цветных металлов: готовых изделий и их обломков, инструментов и фрагментов металлических сосудов составляет более 2000 единиц. Видное место среди находок занимают предметы, связанные с христианским культом: обломки хоросов и колокола, кресты-энколпионы и кресты-тельники, подвески-иконки. Их рассмотрению и посвящена настоящая статья.

Несмотря на то, что в ходе археологических исследований остатков сооружения, достоверно интерпретируемого как церковь, обнаружить не удалось, можно предположить, что деревянная церковь в Серенске, служившем воинской крепостью черниговским князьям, была. Об этом свидетельствуют собранные на городище предметы церковной утвари: фрагменты решеток хоросов и подсвечники круглой формы. При раскопках Серенска собрано восемь обломков решеток хороса (еще три фрагмента отнесены к деталям решеток предположительно) и 14 подсвечников круглой формы. Фрагменты решеток происходят только с территории детинца, преимущественно, его северо-западной части. Подсвечники обнаружены как на самом детинце, так и на территории Окольного города.

Семь фрагментов решеток хоросов представляют собой обломки фигурных пластин разного рисунка толщиной 1,5–2,5 мм, отлитых по резным восковым моделям (рис. 1, *19, 20;* два экземпляра, скорее всего, сделаны по оттиску) из оловянной и оловянно-свинцовой бронзы. Один обломок стержня для крепления подсвечника сделан из толстой волоченой проволоки с круглым сечением диаметром 6,5 мм (рис. 1, *21*). Местами проволока была уплощена ковкой. В верхней части стержня резцом выпилен фигурный орнамент и припаяны завитки из круглой проволоки сечением 2–3 мм.

Детали решеток хороса немногочисленны и сильно фрагментированы, так что определить, относились ли они к одному предмету или к нескольким, затруднительно. Можно предположить, что сломанные решетки использовались в качестве ювелирного сырья, как, например, в Старой Рязани, где обломок решетки хороса обнаружен в мастерской ювелира (*Даркевич, Борисевич,* 1995. С. 289. Табл. 61, *1*).

Подсвечники диаметром 49–54 мм были отлиты по лепным восковым моделям из оловянной и оловянно-свинцовой бронзы. Один экземпляр снизу украшал ложнозерненый орнамент, верхние части трех других – нарезной геометрический (рис. 1, *22, 23*). Остальные подсвечники – гладкие. У большинства подсвечников отверстия в центральной части делались сразу в модели, но на некоторых изделиях они пробивались уже в металле. На одном экземпляре вместо отверстия имеется металлическая петля.

На городище обнаружены два небольших фрагмента одного (?) колокола. Как и остальные древнерусские колокола, серенский колокол был отлит из характерного колокольного сплава – оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова (*Шашкина, Галибин,* 1986. С. 238).

К церковным атрибутам можно отнести собранные в западной части детинца 11 книжных застежек, восемь из которых имели вид небольших кинжальчиков длиной 31–38 мм с отверстием в середине (рис. 2, *2*). Застежки отливались в двусторонних формах из оловянно-свинцовой бронзы и затем подшлифовывались. Своеобразен обломок книжной застежки в виде рамки, найденной в складе железных и бронзовых предметов (вторая половина XIII – начало XIV в.) (рис. 2, *3*). Две небольшие пряжечки, отлитые в двустворчатых формах, также традиционно считаются книжными застежками (рис. 2, *1*) (*Мокрецова, Филиппов*, 2001. С. 173–175).

Довольно представительна коллекция предметов личного благочестия, собранная на городище.

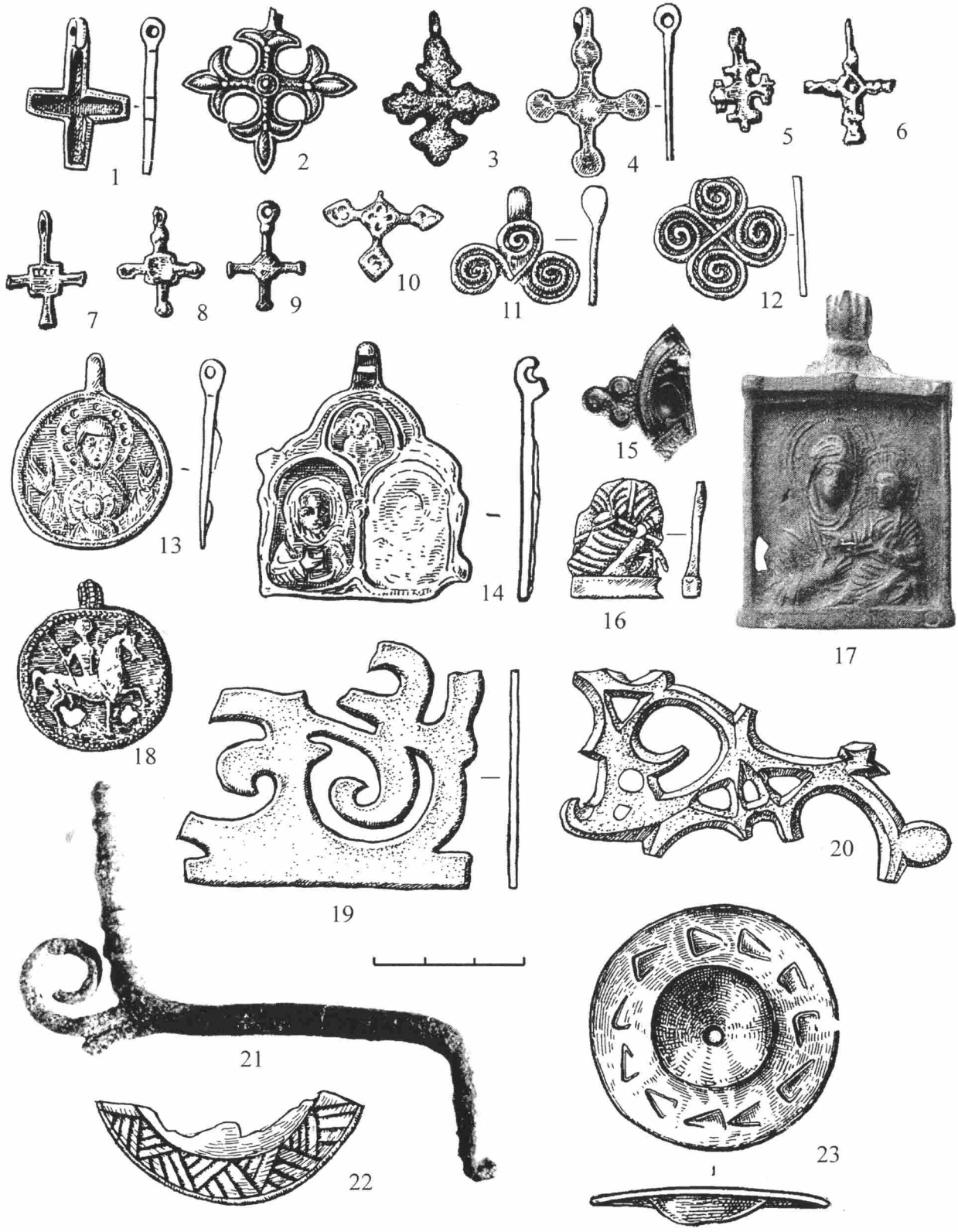


Рис. 1. Кресты-тельники, иконки, фрагменты хоросов

1–16, 18–23 – Серенск; 17 – Княжа Гора

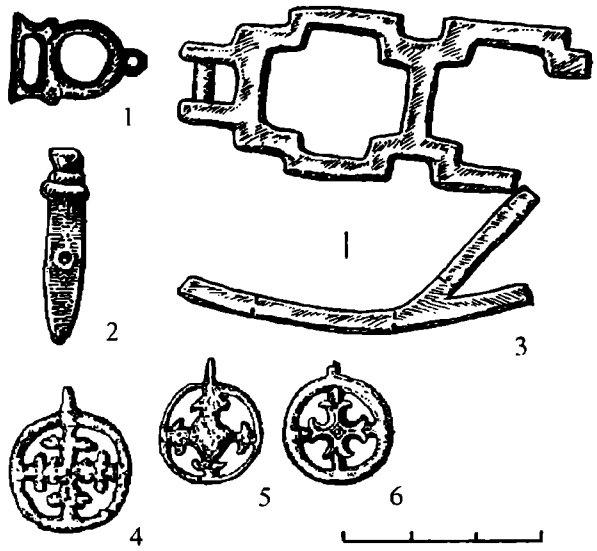


Рис. 2. Книжные застежки и крестовключенные подвески из Серенска

Она включает пять иконок, 20 крестов-тельников, пять крестовидных подвесок и 10 энколпионов и наперсных крестов.

Иконки. Три иконки дошли до нас целиком и две – во фрагментах. Две иконки круглые, диаметром 31 мм. Одна из них, толщиной в миллиметр, отлита по оттиску в двустворчатой разъемной форме. Цвет металла – светло-золотистый, вероятно, латунь. Залив металла в форму производился через ушко. В нижней части подвески имеются два больших отверстия с неровными краями – результат недолива. Центральную часть лицевой поверхности иконки занимает выпуклая фигура конного Георгия с копьем, краевая часть оформлена бордюром из ложной зерни (рис. 1, *18*). Близкие серенской по рисунку подвески происходят из Витичева (*Ханенко Б.И. и В.И.*, 1899. № 79), Волковысска (*Зверуго*, 1975. С. 42. Рис. 13, *7*), Новгорода (*Седова*, 1981. С. 62–63. Рис. 20, *11*), Старой Рязани (*Монгайт*, 1955. С. 179. Рис. 138, *12*) и Прибалтики (*Мугуревич*, 1965. С. 71; *Радиньш*, 2001. С. 72. Рис. 5, *26– 27*).

Вторая круглая иконка изготовлена из оловянно-свинцовой бронзы. На ее лицевой стороне помещено изображение Богоматери Знамение (рис. 1, *13*). Модель иконки выполнена в мягком воске, углубления в нимбе сделаны инструментом с круглым рабочим краем диаметром 1,1 мм. Иконка отлита в двустворчатой форме с крышкой, залив металла производился через ушко. Полная аналогия этой иконке обнаружена на Княжей Горе (*Ханенко Б.И.и В.И.*, 1900. № 319; *Нечитайло*, 2000. № 605). Другие подвески с таким изображением мне не известны. Образ Богоматери Знамение встречен на змеевиках XII–XV вв. (*Седова*, 1981. С. 69; *Николаева, Чернецов*, 1991. С. 69–70. Табл. XII), медальонах барм, гравированных с чернью, из Киева и Старой Рязани (*Макарова*, 1986. № 270, 277) и на церковных печатях (*Янин*, 1985. С. 378).

Арочной формы иконка-складень размером 40х36 мм (без ушка) отлита из оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова по восковой модели (рис. 1, *14*). На лицевой стороне иконки помещены три фигуры святых в полукруглых арках. Две нижние арки разделяются колонной с капителью. Точно такие же иконки происходят с Бородинского городища под Смоленском (*Седов*, 1960. С. 120. Рис. 63) и из селища Кистыш 3 в Суздальском Ополье (*Макаров, Красникова*, 2007. С. 67. Рис. 2, *1*). Авторы публикации иконки из Ополья отмечают, что прием помещения святых под арками с колоннами был распространен в XI–XII вв. в византийской мелкой пластике и книжной миниатюре (*Макаров, Красникова*, 2007. С. 66).

Интересен небольшой фрагмент резной по восковой модели иконки-складня прямоугольной формы с изображением Богоматери с младенцем (рис. 1, *16*). До нас дошел только обломок иконки с фигурой младенца со свитком в руке. Предмет отлит из двойной латуни. Известно несколько подобных иконок. Три целых экземпляра иконок разного качества исполнения найдены на Княжей Горе. Их размеры без ушек составляют 43х37, 47х42 и 51х43 мм («Каталог», 1898. № 97; *Мезенцева*, 1968. С. 160. Табл. IX, *21*; *Леопардов, Чернев*, 1890. Табл. 1. № 10; *Ханенко Б.И. и В.И.*, 1900. № 332). Экземпляр иконки из Серенска сделан очень качественно. По размерам он совпадает с самой большой иконкой с Княжей Горы (рис. 1, *17*). Еще одна иконка из частной коллекции опубликована В.В. Нечитайло (2000. № 587). Целый складень с идентичным изображением размером 50,7х40,0 мм происходит из раскопок Белоозера, где он датируется XII–XIII вв. (*Голубева*, 1973. С. 144. Рис. 52, *3;* 145). Центральная створка с изображением Богоматери с младенцем найдена на подмосковном селище Тарасовка 1 XVIII–XIX вв. (*Сыроватко, Панченко*, 2002. С. 12. Рис. 5). Более простые металлические прямоугольные иконки с изображением Богоматери с младенцем собраны и проанализированы М.В. Седовой (1974). Они значительно отличаются от рассмотренных выше экземпляров.

Небольшой фрагмент золоченой оправы для иконки (?) со стеклянной вставкой зеленого цвета происходит из подъемного материала (рис. 1, *15*). Металлографическое изучение предмета показало, что детали сканно-зерненого орнамента были напаяны на литую, подготовленную для дальнейшей работы пластину.

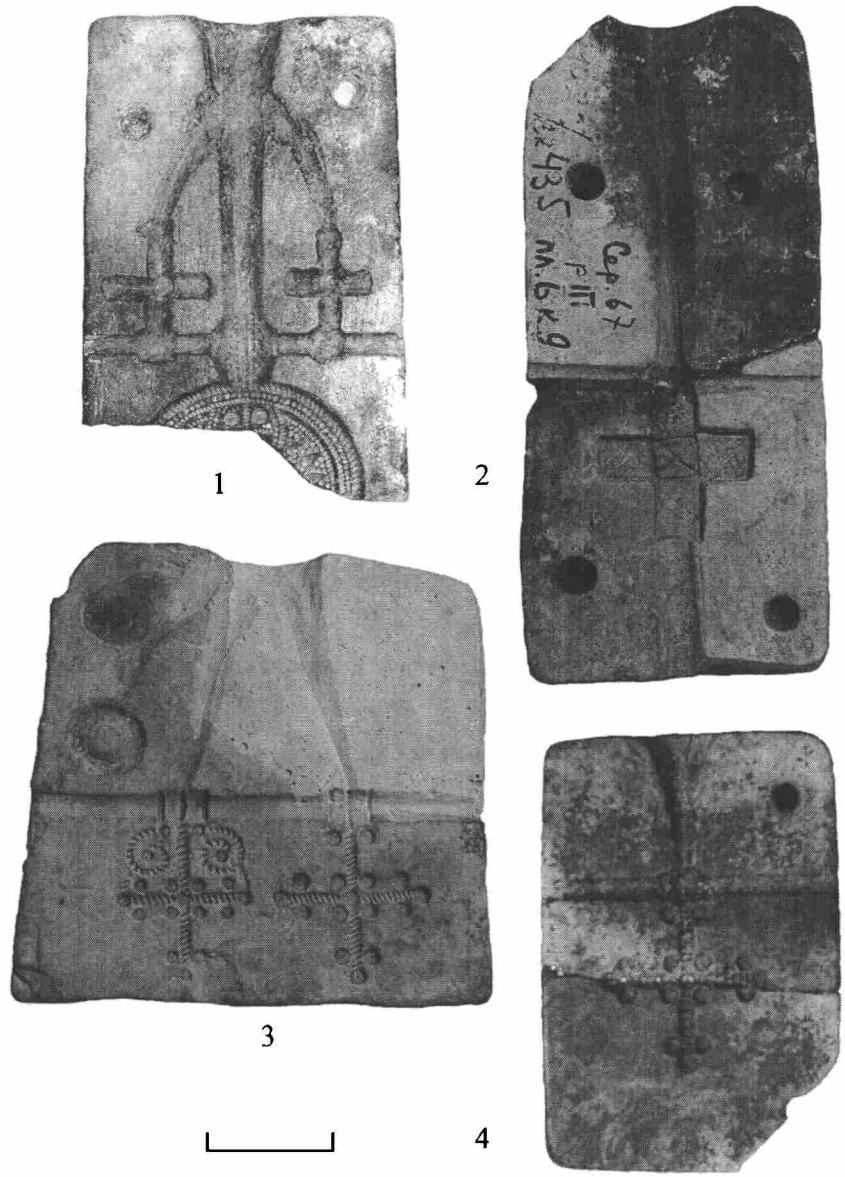


Рис. 3. Каменные литейные формы из Серенска

Кресты-тельники. Больше половины из 20 обнаруженных в Серенске крестов-тельников дошло до нас целиком (у четырех экземпляров отломаны ушки, у двух – фрагменты лопастей) (рис. 1, *1–12*). Два креста железные, в металле одного содержится 50% серебра, остальные сделаны из бронзы. Анализ состава металла трех тельников показал, что они изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы с содержанием олова 6–9%. Большинство серенских крестов отлито в двустворчатых формах с полостями для литья в обеих створках: литейные швы проходят в средних частях боковых граней изделий. Два креста изготовлены в двустворчатых формах с полостью в одной створке. Вторая створка служила крышкой, и в ней делалась только полость для ушка. Формы при литье располагались вертикально. Литник подводился к ушку или к нижней лопасти крестика, о чем свидетельствуют незначительные наплывы металла на этих участках. После отливки литейные швы отсекались.

Типологически кресты разнообразны и представлены, преимущественно, единичными экземплярами. Группу из шести предметов образуют только крестики с квадратным расширением в средокрестии и утолщениями на концах[1] (рис. 1, *7–9*). Несмотря на типологическое сходство, все изделия изготовлены в разных формах. Среди изображений на серенских каменных литейных формах

[1] Четыре таких креста были получены в результате раскопок Т.Н. Никольской. Два поступили в ГИМ от А.В. Никитина из его сборов на городище (ГИМ. Оп. 272/7, 8). Благодарю Н.Г. Недошивину за сообщение об этих предметах.

имеются две полости для производства таких крестиков. Размеры рисунков на формах и готовых изделиях близки.

Серии из двух предметов представлены крестиками, лопасти которых образуют спиральные волюты, как у трефовидных подвесок (рис. 1, *11–12*) и овальноконечных с эмалью (рис. 1, *10*). Тельники с волютами изготовлены по резным восковым моделям в неразъемных формах. Аналогии таким крестам известны в южнорусских древностях (*Ханенко Б.И. и В.И.*, 1902. Табл. XVII. № 372) и Прибалтике (*Радиньш*, 2001. С. 72. Рис. 5, *22*).

Полости овальноконечных крестиков с ромбическим средокрестием были заполнены желтой эмалью. Подборку этих крестов на древнерусской территории осуществила В.А. Мальм, предположившая их южнорусское, киевское происхождение (1968. С. 114–116).

Криноконечный бронзовый позолоченный (?) крест, вероятно, изготовлен в каменной форме (рис. 1, *2*). Полные аналогии этому кресту происходят с Княжей Горы (*Ханенко Б.И. и В.И.*, 1900. № 202) и кургана №1 в Ивановском (Сосонник) на Угре (*Булычов*, 1913. Табл. II, *3*). Прямоконечный тельник с полостью для эмали (?) является повторной отливкой по оттиску готового изделия, модель которого вырезалась из воска (рис. 1, *1*). Петельчатое ушко на первой отливке было припаяно к кресту так, что оно обхватывало его край с обеих сторон.

На серенских литейных формах имеются изображения 12 крестов-тельников. Из них два – с квадратным средокрестием и утолщениями на концах и четыре с тонкими лопастями и шариками ложной зерни в средокрестии и на концах лопастей – имеют аналогии в обнаруженных на городище готовых изделиях (рис. 3, *3–4*). Один крест с шариками зерни в средокрестии известен из раскопок Н.И. Булычова (1899. Табл. XXIV, *9*)). Остальные рисунки на формах не совпадают с обнаруженными на городище готовыми изделиями: пять полостей предназначались для отливки прямоконечных крестов (рис. 3, *1–2*), в том числе три – для имитации в металле каменных крестиков с оправами, и одна – для криноконечного крестика.

Кресты-тельники из Серенска, за исключением прямоконечных, принадлежат к распространенным и хорошо известным типам крестов, в большом количестве обнаруженным в древнерусских погребениях, на сельских поселениях и в городских слоях. Их находки известны в Суздале, Волковысске, Княжей Горе, Старой Рязани, Новгороде, Белоозере и других городах (*Беленькая*, 1976. С. 88–89; *Муравьева*, 1999. № 34, 49; *Зверуго*, 1975. С. 42. Рис. 13, *17*; *Ханенко Б.И. и В.И.*, 1900. № 182; *Даркевич, Пуцко*, 1981. С. 220. Рис. 2, *5*; *Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 260. Табл. 32, *8*; *Седова*, 1981. С. 52–53. Рис. 17, *4*; *Захаров*, 2004. Рис. 41, 43), а также на территории Латвии (*Мугуревич*, 1974. С. 226. Рис. 2, *8, 12*). Кресты с прямыми концами, имитирующие в металле каменные крестики с оправами, известны в Новгороде в слоях XIV–XV вв. (*Седова*, 1981. С. 50, 55), Белоозере (*Захаров*, 2004. Рис. 43) и на северных селищах (*Зайцева*, 2008. С. 60–61).

Таким образом, местное производство с большой долей вероятности можно предполагать только для крестов с квадратным средокрестием и утолщениями на концах, с шариками ложной зерни в средокрестии и на концах и для экземпляров с лопастями в виде волют. В серенских мастерских могли изготавливаться и маленькие крестики других типов. Находка литника с неотсеченным крестом в Старой Рязани (*Даркевич, Пуцко*, 1981. С. 219. Рис. 1) хорошо документирует один из способов их производства. Модели крестиков отискивались в глину, создавалась двухстворчатая форма, в которую отливалась восковая модель. Затем несколько моделей монтировались в сборную восковую конструкцию, которую формовали в глину, а после вытапливания воска происходила отливка готовых предметов. Ушки в таких изделиях протыкались после отливки[2]. Вариант такого способа изготовления изделий – литье в «елку» (*Минасян*, 2002. С. 122). Для подобного способа производства необходимы только модели, поэтому археологически его проследить достаточно сложно.

Крестовидные подвески. Представлены пятью крестовключенными экземплярами. Диаметр подвесок – 22–28 мм. На двух из них изображен крест с перекладчатыми концами (рис. 2, *4*), на двух других – крест с криновидными концами (рис. 2, *5–6*) и на одной – крест с многоступенчатыми концами. Все украшения отлиты в двустворчатых формах с плоскими крышками. При изготовлении одной подвески створки формы прилегали неплотно, вследствие чего вокруг перекладин креста образовались наплывы металла, а две половинки ушка оказались несоединенными. Серенские крестовключенные подвески представлены обычными широко распространенными по всей древнерусской территории типами.

Энколпионы и наперсные кресты. В детинце Серенска, преимущественно, в его западной части, найдены створки восьми крестов-энколпионов

[2] На одном из серенских крестиков отверстие в ушке отсутствует.

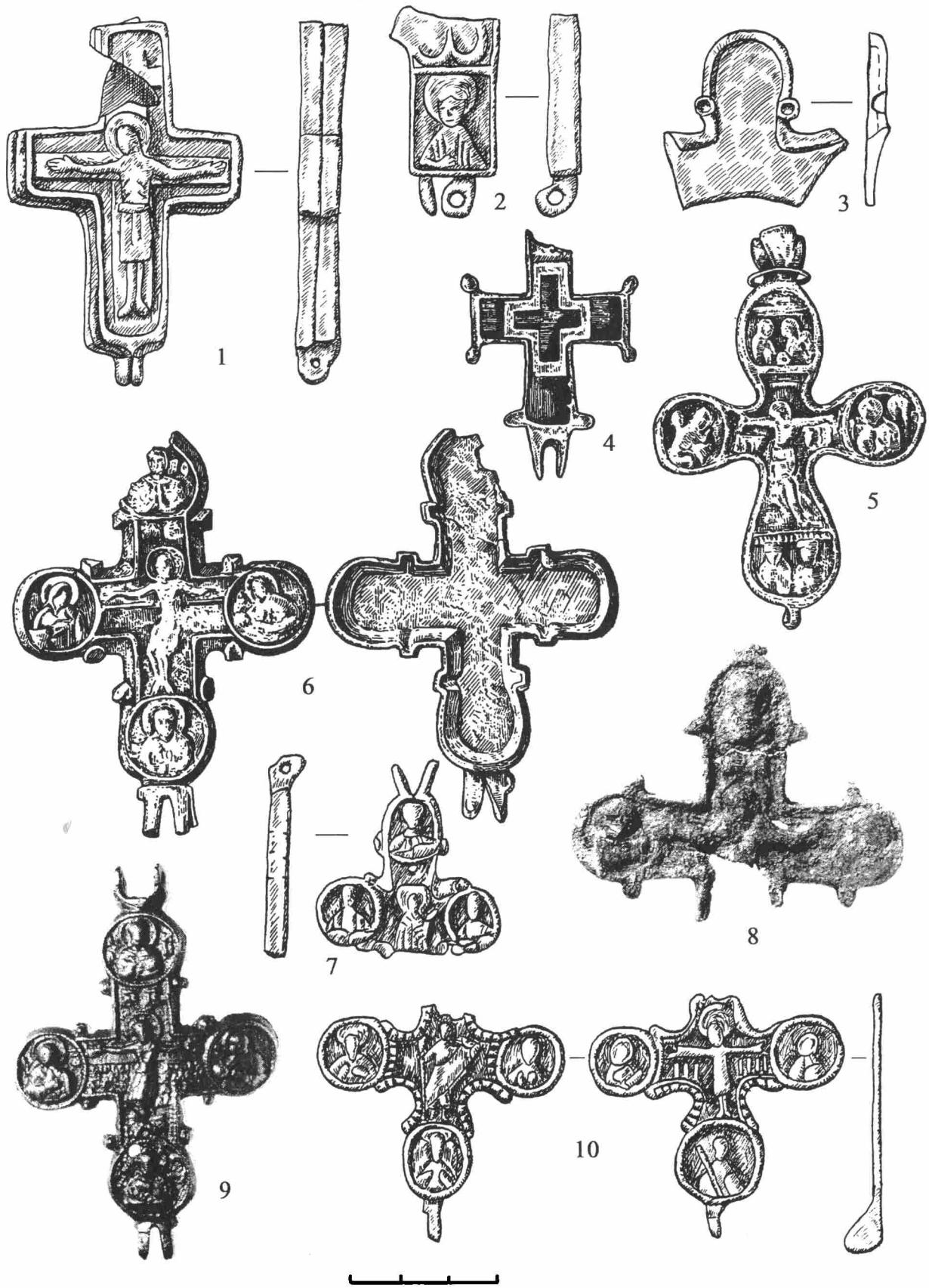


Рис. 4. Энколпионы и наперсные кресты из Серенска

и двух наперсных крестов[3]. Полностью сохранившихся крестов нет. У двух экземпляров имеются обе створки, но они обломаны. Створка одного креста дошла до нас целиком, шесть других – во фрагментах; еще одна створка упоминается в описи без рисунка. Три створки энколпионов из собрания КГОКМ проанализированы В.Г. Пуцко и Т.М. Хохловой (*Хохлова,* 1993; *Пуцко, Хохлова,* 1996. С. 5–6; *Пуцко,* 2002). Большая часть энколпионов вошла в каталог А.А. Песковой (*Корзухина, Пескова,* 2003). Серенские реликварии принадлежит к распространенным и хорошо известным на Руси типам. Пять экземпляров имеют на концах округлые медальоны, концы еще трех крестов прямые.

Энколпионы с прямыми концами. Нижняя часть створки энколпиона с прямыми концами с изображением Богоматери с воздетыми руками (Оранты) отлита по оттиску из многокомпонентного сплава (рис. 4, *2*). Этот тип крестов, на другой створке которых обычно помещается изображение Престола Уготованного (Этимасии) и символов евангелистов, стал предметом специального исследования (*Гнутова,* 1989. С. 129–130; *Коваленко, Пуцко,* 1993. С. 302). В каталоге А.А. Песковой представлены сведения о 16 крестах этого типа (тип VII.3.1) без учета серенской находки (*Корзухина, Пескова,* 2003. С. 216–217). Три подобных креста происходят с Княжей Горы[4], при этом один – из клада 1897 г. (*Ханенко Б.И. и В.И.,* 1899. Табл. IV, *52–53*; Каталог, 1898. № 71; *Коваленко, Пуцко,* 1993. Рис. 1, *2*), известны они в Галиче (*Пастернак,* 1944. Рис. 69, *5*), в Изяславле (*Гнутова,* 1989. С. 129), на Райковецком городище (*Гончаров,* 1950. Табл. XXII, *4*).

Две створки креста с прямыми концами были украшены эмалью (?)[5] (рис. 4, *1*). На одной из них помещено изображение Распятия, на другой – Богоматери в молении (?). Аналогии серенскому энколпиону, но без эмали, имеются среди крестов, опубликованных Н. Леопардовым и Н. Черневым (1890. Табл. 1, *4*): один экземпляр совпадает с серенским по размерам – 66х45 мм. Похожий экземпляр (62х43 мм) хранится в собрании Центрального музея древнерусской культуры имени Андрея Рублева (*Гнутова, Зотова,* 2000. Рис. 9; *Нечитайло,* 2000. № 28). Фигура Христа на обоих изделиях очень сглаженная, фон крестов неровный, покрыт глубокими рисками. Близкие по изображению кресты происходят из Сахновки (*Ханенко Б.И. и В.И.,* 1900. № 219, 220) и Овруча (*Леопардов, Чернев,* 1891. Табл. j, *8*). По мнению исследователей, изображение Распятия без предстоящих является трансформировавшимся вариантом Распятия с предстоящими (тип. II. 2.1., по А.А. Песковой: *Корзухина, Пескова,* 2003. С. 84; *Пуцко,* 2001. С. 136; *Моршакова,* 2001. С. 160–163). А.А. Пескова указывает на немногочисленность отливок крестов этого типа (*Корзухина, Пескова,* 2003. С. 84).

В связи с рассматриваемым типом крестов интересна находка на Старорязанском городище толстого бронзового креста размером 66х49х40 мм без петель и полости для мощей (*Даркевич, Пуцко,* 1981. С. 222. Рис. 4; С. 226), сделанная на участке мастерской ювелира (раскоп 17). Вероятно, это не готовое изделие, а модель для получения оттисков в глине, подтверждением чему является значительная толщина изделия и отсутствие петель.

Лицевая поверхность литого по восковой модели из многокомпонентного сплава креста-энколпиона с прямыми, немного расширяющими концами с каплевидными выступами по углам осталась гладкой (рис. 4, *4*). Внутри створки в средокрестье сделана полость крестовидной формы для хранения реликвии (ковчежек). Ушки отливались вместе с крестом. После отливки изделие подшлифовывалось. Энколпионы с расширяющимися концами, украшенными «слезками», известны на ряде древнерусских памятников (типы IV.5.4 и V, по А.А. Песковой). На Княжей Горе найдены серебряные и золотой энколпионы подобной формы, отделанные гравированным орнаментом с чернью (*Ханенко Б.И. и В.И.,* 1900. № 190–195). Лицевые поверхности бронзовых экземпляров таких крестов украшались перегородчатой эмалью (*Макарова,* 1975. С. 90–92) или инкрустировались серебром (*Ханенко Б.И. и В.И.,* 1900. № 239; *Седова,* 1981. С. 58). Бронзовые экземпляры с ковчежками известны в Херсонесе и на Городище в Зборовском районе Тернопольской области (*Корзухина, Пескова,* 2003. С. 162; Табл. 107, V/5). Возможно, серенская створка не была доделана.

Энколпионы с округлыми медальонами в створках. Все серенские кресты этой группы отлиты по оттиску готовых изделий в пластичных формах. В трех случаях формы лежали рисунком вниз, и, скорее всего, были открытыми. Для изготовления энколпионов использовалась оловянно-свинцовая бронза, преимущественно с высоким содержанием олова. Отливки получались пористые с большим количеством непроливов (дырок) и усадочных полостей. Выпуклые изображения нечеткие. Ушки крестов, вероятно, первоначально отливались в виде сплошного массива и либо выпиливались пос-

[3] Еще один целый наперсный крест XV в. обнаружен при раскопках посада (*Хохлова,* 1999. С. 2).

[4] Благодарю С.С. Ширинского за помощь в подборе аналогий серенским крестам-энколпионам.

[5] К сожалению, местонахождение этого энколпиона неизвестно. Имеется только изображение одной его створки в полевой описи.

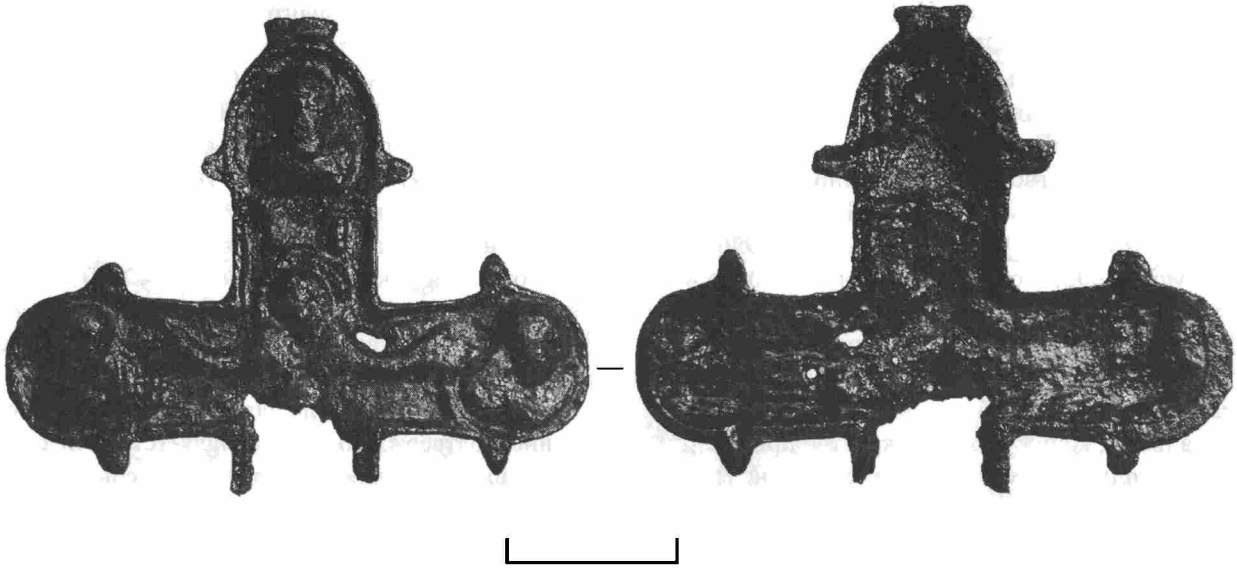


Рис. 5. Незаконченный крест-энколпион из Серенска

ле (хорошо видны следы режущего инструмента), либо делались методом долива.

На городище обнаружены две створки крестов с Распятием от разных энколпионов, принадлежавших к хорошо известному типу с обратной надписью – тип VII.1.1 по А.А. Песковой (рис. 4, *6, 9*) (*Ширинский,* 1999. С. 131; *Корзухина, Пескова,* 2003. С. 204); створка энколпиона другого типа с Распятием (рис. 4, *8*); верхняя часть створки небольшого креста из золотистой бронзы (латунь?) со св. князем с моделью храма в левой руке (?) (рис. 4, *7*) и один небольшой фрагмент лопасти энколпиона с округлым завершением и «слезками», известный по рисунку в описи (рис. 4, *3*). Створка креста с Распятием (тип Христа с провисшими в локтях руками – II.1.1. по А.А. Песковой) (*Пуцко, Хохлова,* 1996. С. 5; *Корзухина, Пескова,* 2003. С. 74) не была закончена. В верхней части изделия на месте ушек имеется лишь площадка трапециевидной формы с плоским верхом. Ушки, которые предполагалось сделать методом долива, не были присоединены[6] (рис. 4, *8*; 5). Энколпионы рассматриваемого типа исследованы В.Н. Зоценко (1981. С. 113–124), установившим их киевское производство. Наиболее близкие аналогии серенскому кресту происходят из Княжей Горы (сохранились обе створки, на одной изображена Богоматерь) (*Леопардов, Чернев,* 1890. Табл. 2/3, *18*), Грабцева в окрестностях Калуги (*Пуцко,* 1989. С. 95–99) и случайных покупок в Киеве (*Леопардов, Чернев, 1890.* Табл. 2/3, *17*). Небольшой крест с изображением св. князя с моделью храма в левой руке (?) является оборотной створкой энколпиона, относящегося к типу Борисоглебских (II.3.1. по А.А. Песковой). Тип подробно рассмотрен М.Х. Алешковским и А.А. Песковой (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 86–87).

Наперсные кресты. Верхние части обеих створок одного наперсного креста без полостей для мощей были отломаны (рис. 4, *10*). Крест относится к популярному во второй половине XIII – XVI в. типу четырехконечных крестов с овальными медальонами на концах. Медальоны оконтурены бордюром, средокрестие выделено рубчатым орнаментом. Серенский экземпляр не был доделан: в отлитых вместе с крестом нижних петлях отсутствуют отверстия. На одной створке помещено изображение Распятия с предстоящими и архангелами, на другой – архангела Михаила в рост с жезлом и сферой, в медальонах располагаются святые. Подобные кресты относятся к числу распространенных находок на средневековых памятниках (тип VII.4.1. по А.А. Песковой). Они происходят из Спас-Городка, городища Николо-Ленивец, Твери (*Солдатенкова, Персов,* 2005. С. 220), Белоозера (*Голубева,* 1973. С. 144–145), селищ Суздальского Ополья (*Макаров, Красникова*, 2007. С. 70. Рис. 3, *8–9*), курганов Владимирской губернии (*Муравьева,* 1999. № 19), подмосковного селища Рождествено 1 (*Шполянская,* 2008. С. 269–270), могильников в урочище «Погост» на Афанасовом поле в Радонеже (*Шемаханская,* 2000.

[6] Микроструктурный анализ участков металла энколпионов, прилегающих к ушкам, пока не проводился. Предварительно можно предполагать, что изготовление ушек методом долива было обычным в производстве этого вида изделия. Помимо серенского материала об этом свидетельствуют киевские каменные формочки для отливки энколпионов, ушки которых также отсутствуют (*Каргер.* 1958. Табл. XLVII).

С. 85–86), Мстиславля (*Алексеев,* 1974. Рис. 2, *7, 10–11*) и других мест. Есть такие кресты в сборнике Н. Леопардова и Н. Чернева (1891. Табл. 1/2, *2,5*). Оборотная сторона большинства крестов этого типа плоская, они не имеют полости для мощей. Экземпляры различаются наличием или отсутствием надписи под руками Христа. Датируются такие кресты XIII–XVI вв.

Еще один крест упоминается в полевой описи 1965 г. без рисунков. В коллекции КГОКМа он отсутствует. В книге Т.Н. Никольской «Земля вятичей» (1981. Рис. 103, *б*) опубликована створка креста с Распятием с указанием на Серенск (рис. 4, *5*). Створка имеет плоскую заднюю сторону и цельнолитое бусинное ушко. Кресты такого типа относятся к XV–XVII вв. Они известны в Москве, а также в некрополе на Афанасовом поле в Радонеже. А.К. Станюковичем, С.З. Черновым и М.А. Шемаханской осуществлен подбор аналогий таким крестам (*Шемаханская,* 2000. С. 87).

Несмотря на то, что рассмотренные серенские энколпионы и наперсные кресты относятся к хорошо известным типам, местное изготовление некоторых из них является бесспорным. Семь из 10 крестов собраны на участке ювелирной мастерской, функционировавшей в детинце во второй половине XIII – начале XIV в. Пять предметов имели низкое качество исполнения. Они были отлиты по оттиску готовых изделий в глиняных формах. В трех случаях формы лежали горизонтально рисунком вниз, и, скорее всего, были открытыми. Для изготовления энколпионов использовалась оловянно-свинцовая бронза, как правило, с высоким содержанием олова. Мастера не умели отводить газы, и отливки получались пористые с большим количеством непроливов (дырок) и усадочных полостей. Выпуклые изображения нечеткие. Ушки крестов, вероятно, первоначально отливались в виде сплошного массива и выпиливались после (хорошо видны следы режущего инструмента) или делались методом долива. Два изделия не были завершены: у одного не были присоединены ушки, у другого в ушках не были пробиты отверстия.

Проанализированная достаточно представительная коллекция предметов личного благочестия, происходящая из раскопок небольшой, затерянной в лесах крепости, позволяет сделать ряд наблюдений.

1. Практически все предметы этой группы относятся к широко известным в Древней Руси типам изделий; большинство аналогий происходит с южнорусской территории, что полностью согласуется со статусом Серенска как крепости черниговских, а затем и киевских князей.

2. Интересным фактом является определение местного производства энколпионов в мастерской второй половины XIII – начала XIV в. Кресты изготавливались по простым технологиям – по оттискам готовых изделий, распространенных в предмонгольское время.

В настоящее время вопросы распространения и сущности крестов-энколпионов в жизни древнерусского общества по-прежнему остаются актуальными в литературе (*Макаров, Красникова*, 2007. С. 72). Несмотря на то, что реликварии и наперсные кресты в значительных количествах обнаружены в культурных слоях городов и ряда сельских памятников, археологически исследованные мастерские по их изготовлению являются большой редкостью. В связи с этим установление факта производства энколпионов в княжеской крепости Серенск во второй половине XIII – начале XIV в. представляет значительный интерес. Накопление подобной информации позволит, на мой взгляд, делать более аргументированные выводы о статусе и значении этой категории предметов личного благочестия в Древней Руси.

Литература

Алексеев Л.В., 1974. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. № 3.

Беленькая Д.А., 1976. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. № 4.

Булычов Н.И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М

Булычов Н.И., 1913. Раскопки по среднему течению р. Угры. М.

Гнутова С.В., 1989. Кресты-энколпионы домонгольской Руси // Православие в Древней Руси. Л.

Гнутова С.В, Зотова Е.Я., 2000. Кресты, иконы, складни. М.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.

Гончаров В.К., 1950. Райковецкое городище. Киев.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. № 3.

Зайцева И.Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М., 2008.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск (X–XIV вв.). Минск.

Зоценко В.Н., 1981. Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности Среднего Поднепровья. Киев.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1898. Каталог украинских древностей коллекции В.В. Тарновского. Киев.

Коваленко В.П., Пуцко В.Г., 1993. Бронзовые кресты-энколпионы из Княжей Горы // Byzantinoslavica. R. LIV. Praha.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А., 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI –XIII вв. СПб.

Леопардов Н., Чернев Н., 1890. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Вып. 1. Киев.

Леопардов Н., Чернев Н., 1891. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Вып. 2. Киев.

Макаров Н.А., Красникова А.М., 2007. Христианские древности Суздальских селищ: новые находки // КСИА. Вып. 221. М.

Макарова Т.И., 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М

Макарова Т.И.,1986. Черневое дело Древней Руси. М.

Мальм В.А., 1968. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М.

Мезенцева Г.Г., 1968. Древньоруське місто Родень (Княжа гора). Киев.

Минасян Р.С., 2002. Способы литья оригинальных и серийных предметов на территории Восточной Европы в эпоху средневековья // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.

Мокрецова И.П., Филиппов М.Ю., 2001. Металлическая фурнитура на обиходных древнерусских и византийских книжных переплетах // Художественный металл России. Матер. конф. памяти Г.Н. Бочарова. М.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. Вып. 49. М.

Моршакова Е.А., 2001. Кресты-энколпионы XI–XIII вв. из музея «Московский Кремль» // Художественный металл России. Матер. конф. памяти Г.Н. Бочарова. М.

Мугуревич Э.С.,1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII веках. Рига.

Мугуревич Э.С., 1974. Крестовидные подвески XI–XV веков в Латвии // Arheologija un Etnografija. XI. Riga.

Муравьева А.Н., 1999. Энколпионы и крестытельники XI — начала XVI в. из археологических коллекций музея. Каталог. Владимир.

Нечитайло В.В., 2000. Каталог христианских нагрудних виробів мистецтва періоду Київской Русі (X – перша половина XIII ст.). Киев.

Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.

Пастернак Л., 1944. Старий Галич // Археологічно-історичні досліди у 1850–1943 рр. Краків; Львів.

Пуцко В.Г., 1989. Створка креста-энколпиона из Грабцева // КСИА. Вып. 198. М.

Пуцко В.Г., 2001. Киевская бронзовая пластика XI–XIII веков // Художественный металл России. Матер. конф. памяти Г.Н. Бочарова. М.

Пуцко В.Г., 2002. Серенский энколпион и христианские реликвии в древней Руси // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4. Ч. 1. Киров.

Пуцко В.Г., Хохлова Т.М., 1996. Средневековая пластика из калужского края // Очерки по истории и культуре Калужского края. Калуга.

Радиньш А., 2001. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений X—XIII веков // Archaeologia Lithuania. № 2. Vilnius.

Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. № 92. М.

Седова М.В., 1974. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.

Солдатенкова В.В., Персов Н.Е., 2005. К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI веков // Ставрографический сборник. Кн. 3. М.

Сыроватко А.С., Панченко К.И., 2002. Археологический материал XVIII–XIX вв. из раскопок на селище Тарасовка 1 // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 1.

Ханенко Б.И. и В.И., 1899. Древности русские. Кресты, образки. Вып. 1. Киев.

Ханенко Б.И. и В.И., 1900. Древности русские. Кресты, образки. Вып. 2. Киев.

Ханенко Б.И. и В.И., 1902. Древности Приднепровья. Эпоха славянская (VI–XIII вв.). Вып. V. Киев.

Хохлова Т.М., 1993. Кресты-тельники и энколпионы из собрания Калужского областного краеведческого музея // Русское медное литье. Вып. 1. М.

Хохлова Т.М., 1999. Отчет о работе Серенского отряда археологической экспедиции Калужского областного краеведческого музея за 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24940.

Шашкина Т.Б., Галибин В.А., 1986. Памятники древнерусского колокольного литья (результаты химико-технологического исследования) // СА. № 4.

Шемаханская М.С., 2000. Результаты химико-технологического анализа комплекса меднолитых энколпионов и крестов могильника в урочище «Погост» на Афанасовом поле в Радонеже // РА. № 1.

Ширинский С.С., 1999. Кресты-энколпионы с обратной надписью как источник для истории церкви в древней Руси // История и культура древних и средневековых славян. Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 5. М.

Шполянская Д.В., 2008. Комплекс Предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождествено 1 (предварительное сообщение) // АП. Вып. 4. М.

Янин В.Л., 1985. Вислые актовые печати // Древняя Русь. Город, замок, село. М. (Археология СССР).

I.E. Zaitseva

Items of the Christian worship from the excavations of Serensk

Summary

The article regards the finds of items connecting with the Christian worship on the ancient Russian hillfort Serensk (Kalujskiy region). There are 8 fragments of the choros bars, 14 round-shaped candlesticks, 11 book's clasps, 5 icons, 20 crosses, 5 cross-shaped pendants and 10 encolpion and pectoral crosses among the finds. Having analyzed the representative collections of items of personal godlikeness obtained in the course of excavations of the small, last in the forests fortress author came to the following conclusions. Almost all items from the mentioned group could be referred to the very well known in Ancient Russ types of articles; in most cases the parallels originates from the south-russian territories that completely corresponds with the Serensk situation as a fortress of Chernigov and later Kiev princess. Determination of the local encolpion"s production in the workshop of the second half of the 13th – the beginning of the 14th c. could also be treated as an interesting observation. In the process of the crosses producing were used the prints of the made articles spread in the pre-mongolian time.

Д.Ю. Бадеев

Село Луцкое по письменным источникам и результатам разведочных археологических работ[1]

С каждым годом в археологической практике при проведении разведочных археологических работ применяются все новые и новые методы исследований (аэрофотосъемка, магниторазведка и т. д.). Однако изучение письменных источников и картографического материала (в первую очередь, это относится к средневековым памятникам) до сих пор остается неотъемлемой частью подготовки и проведения разведочных археологических работ и процесса интерпретации полученных результатов. Важность этого фактора была доказана работами А.В. Алексеева по выявлению средневековых селищ в Звенигородском районе, а также таких отдельных объектов, как храмы, монастыри и погосты (*Алексеев,* 2007).

В 2006 г. Подмосковной экспедицией ИА РАН (начальник экспедиции А.В. Энговатова) были проведены научно-исследовательские охранные археологические работы на территории москворецкой поймы близ с. Ильинское и пос. Глухово Красногорского района Московской области (рис. 1). В результате работ был выявлен археологический комплекс Ильинское. Расстояние от памятника до юго-восточной окраины с. Ильинское составляет 850 м; расстояние до южной окраины пос. Глухово – 1,4 км. Рядом с комплексом пролегает, частич-

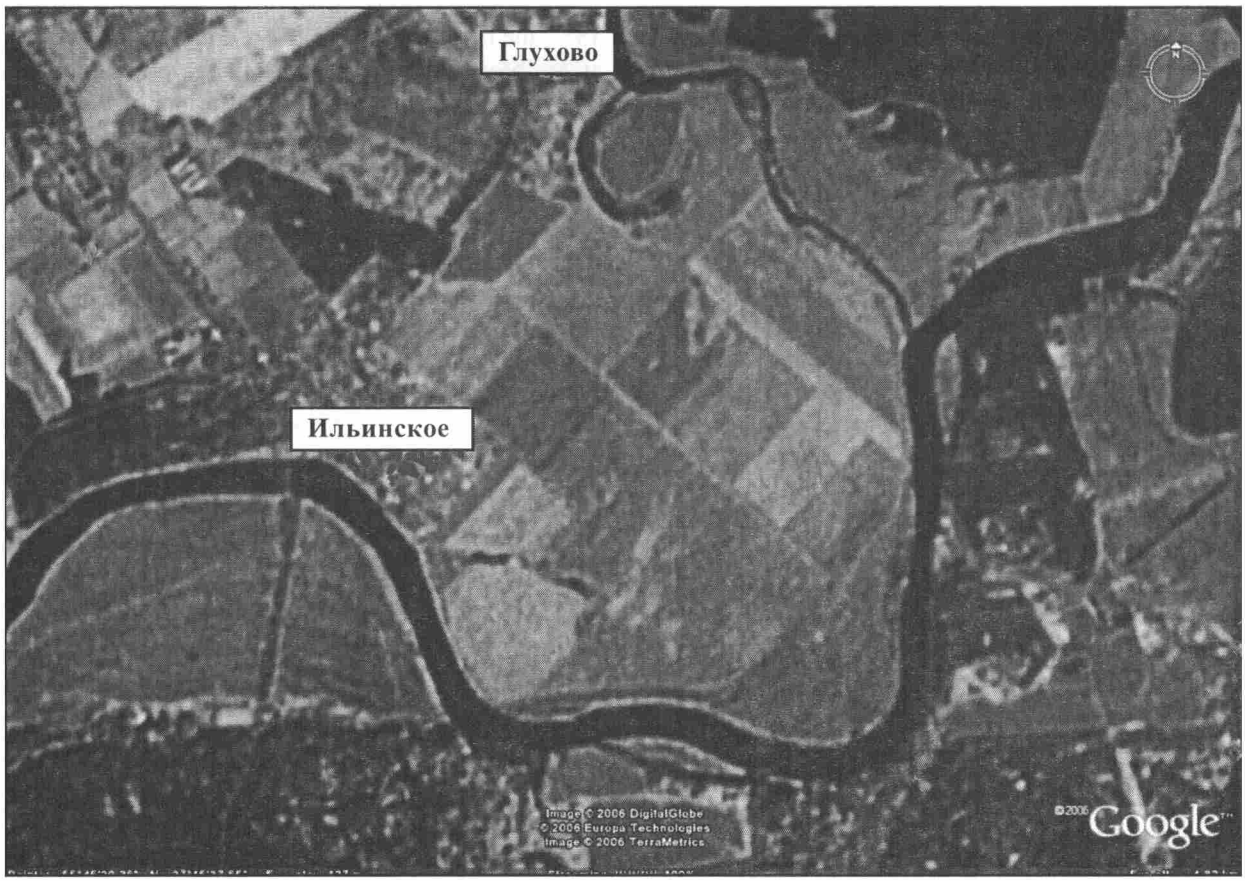


Рис. 1. Место проведение научно-исследовательских охранных археологических работ (спутниковая съемка)

[1] Пользуясь случаем, автор выражает благодарность И.А. Сапрыкиной за возможность использовать неопубликованный материал.

Рис. 2. Деревня Луцкая на плане Генерального межевания Московской губернии 1760-х годов (по: *Кусов*, 2004).

но затрагивая его северную часть, полевая дорога с покрытием из бетонных плит, имеющая направление северо-запад – юго-восток.

На основании анализа письменных источников и картографического материала (рис. 2–5) установлено, что на исследуемой территории некогда располагалось с. Луцкое (с конца XVII в. – д. Луцкая), относящееся к эпохе развитого средневековья и Нового времени (XV–XIX вв.). Первое письменное упоминание данного поселения относится к середине XV в., когда бывшие боярские владения в южной части Горетова стана перешли в собственность государева двора, и на территории начала складываться большая дворцовая вотчина. В своем завещании 1461 г. великий князь Василий II Темный упоминал «села мои Лужские и Павшинское, и Петровские...», которые передавал своей жене Марии Ярославне (ДДГ, 1950. С. 368). Одно из Лужских сел, получившее после постройки церкви название Ильинского, до начала XVII в. оставалось центром дворцовой Лужской земли, а второе стало с. Луцкое.

Еще при своей жизни Мария Ярославна передала с. Луцкое третьему сыну князю Андрею Васильевичу Углицкому и Звенигородскому. Упоминание акта передачи села можно найти в договоре Ивана III с братом, в котором тот обязывался села «держать ... по тому, как при отце нашем, при великом князе, его братья держали свои села московские» (ДДГ, 1950. С. 369). На протяжении всего XVI в. село находилось в числе дворцовых вотчин и значилось как «приселок» соседнего дворцового с. Ильинского. На его территории существовал деревянный храм Богоявления Господня, пострадавший в результате бедствий Смутного времени. В XVII в., после того, как стихла Смута, «приселок» Луцкое перешел в руки рода бояр Морозовых. После смерти стольника Ивана Глебовича Морозова, не оставившего потомства, род бояр Морозовых пресекся,

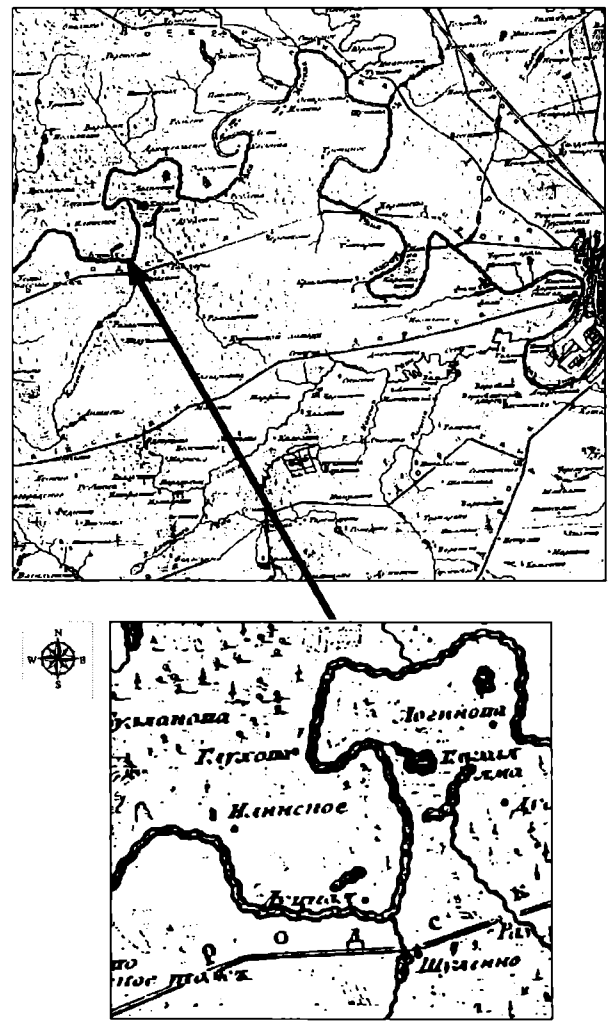


Рис. 3. Деревня Луцкая на «Плане г. Москвы с показанием лежащих мест на 30 верст вокруг». 1763 г. РГАДА.

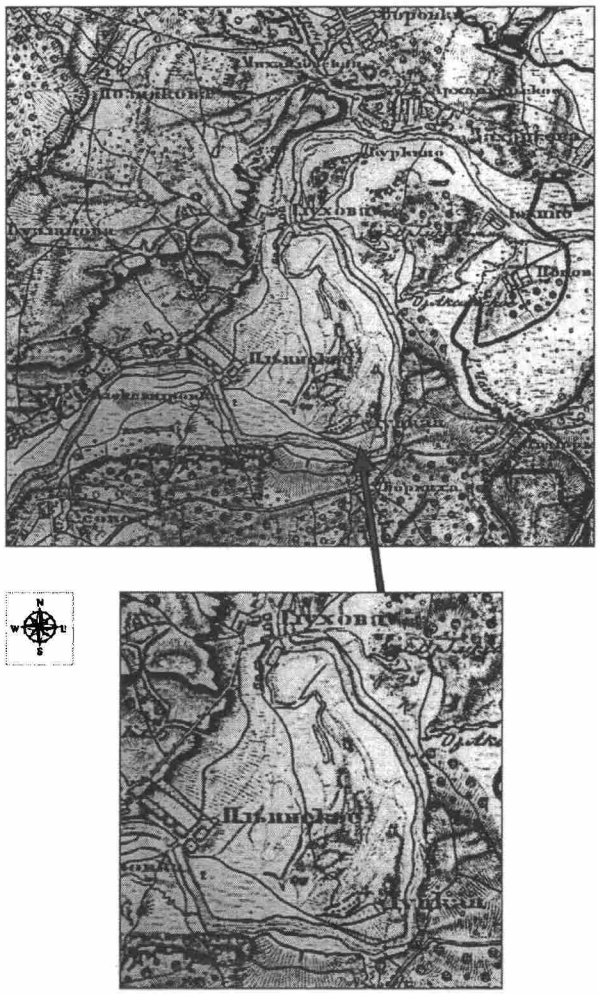


Рис. 4. Деревня Луцкая на «Топографической карте Московской губернии 1860 г.»

и Луцкое, как выморочное владение, перешло в ведение Приказа Большого Дворца. Указом царя в 1681 г. Луцкое с 22 крестьянскими дворами было пожаловано звенигородскому Саввино-Сторожевскому монастырю. Во владении обители д. Луцкая оставалась до 1764 г., когда все секуляризированные монастырские земли стали экономическими (*Холмогоровы В. и Г.*, 1883.). По данным «Экономических примечаний» времен Павла I, д. Луцкая находилась в «командорственном ведомстве тайного советника князя Вяземского», иначе говоря, доходы с нее шли на содержание Мальтийского ордена. В деревне насчитывалось 58 дворов и 300 душ обоего пола (*Кусов*, 2004). В 1812 г., как и двумя столетиями раньше, деревня снова попадает в зону военных действий. На этот раз последствия оказываются более плачевными: французы полностью сжигают деревню. И все же после войны Луцкое вновь отстраивается и уже к 1881 г., по данным статистики, насчитывает 77 дворов и 367 жителей. Однако настоящей трагедией для поселения стали не войны, а технический прогресс. Так, после строительства в 1903 г. рублевского водозабора, поднявшего уровень Москвы-реки, Луцкая стала регулярно страдать от усилившихся весенних паводков. Уже в 1924 г. крестьяне подтопляемой деревни ходатайствовали о переносе всего селения на новое место. Переселение завершилось к середине 50-х годов, когда Луцкое исчезло с лица земли («Одинцовская земля», 1994). К началу 70-х годов, по словам жителей старшего поколения с. Ильинского, при строительстве мелиоративной системы было окончательно спланировано и луцкое кладбище. Многочисленные каменные надгробия, кованые металлические кресты и ограды были свезены и сброшены в старичный рукав, расположенный к западу от бывшей деревни (в наши дни здесь заболоченный овраг). На момент проведения археологических работ территория, где располагалось поселение Луцкое, представляла собой задернованную пашню.

Определение точного местоположения памятника на местности, его границы, степень сохранности культурного слоя и, конечно, сопоставление полученного материала с известным по письменным

Рис. 5. Деревня Луцкая на «Топографической карте окрестностей Москвы 1878 года» («масштаб 2 версты в английском дюйме»).

источникам с. Луцкое можно отнести к главным задачам предпринятой археологической разведки. Сбор подъемного материала показал, что наибольшая его концентрация отмечалась в юго-восточной части землеотвода (цв. вкл. рис. XXII6). Данная площадка возвышается над уровнем Москвы-реки (128,5) на 4,5–7,0 м. Наивысшая точка (абсолютная высота 135,6) наблюдается в юго-восточной части памятника, где отчетливо читается всхолмление вытянутой формы, высотой 1,5–2,0 м, вероятно, искусственного происхождения. Именно в этом районе концентрируется подъемный материал более раннего времени (XIV–XVI вв.). В заложенных на указанном всхолмлении и на прилегающей территории рекогносцировочных шурфах (шурфы 24–31) выявлены мощные напластования культурного слоя (от 60 до 80 см), имеющего интенсивно-черный окрас с включениями угля и печины. Массовый материал представлен краснолощеной, ангобированной, красноглиняной гладкой, чернолощеной, белой гладкой, мореной и краснолощеной поздней керамикой (табл. 1)[2].

Большая часть собранных фрагментов сосудов оказалась сильно измельченной. К самым ранним типам относится краснолощеная, красная грубая и красная гладкая керамика. Первая была представлена лишь единичными экземплярами, в основном, фрагментами кувшинов с туловом яйцевидной формы, высокой горловиной и овальной в сечении ручкой. Лощение имеет вид косых и зигзагообразных линий. Обжиг качественный горновой, черепок звонкий, на изломе имеет ровный красный цвет. Глиняное тесто однородное, с незначительной примесью мелкозернистого песка.

Красноглиняная гладкая керамика представлена фрагментами горшков средних размеров. Эти сосуды изготовлены из теста с примесью песка средней зернистости, обжиг качественный, равномерный. Черепок на изломе имеет коричневато-красный оттенок. Донца несут следы подсыпки песка, клейм нет. Венчики невысокие, прямые, слегка отогнуты наружу, с подтреугольными краями. Преобладает линейный орнамент, собранный в верхней трети сосуда. Встречаются единичные случаи волнистого орнамента, собранного по шейке.

Ангобированная керамика представлена шестью мелкими неинформативными обломками.

В количественном отношении в шурфах превалировала белоглиняная керамика, что вообще характерно для XVI–XVII вв.

С точки зрения орнамента преобладает традиционная для XVII в. частая линейная нарезка по внешней стороне венчика.

На наш взгляд, анализ керамического материала свидетельствует о том, что здесь находилась древнейшая часть поселения, и именно на этом месте при дальнейших исследованиях следует ожидать обнаружения следов деревянного храма Богоявления Господня с прилегающим к нему средневековым грунтовым некрополем.

Помимо раннего материала, здесь также присутствует керамика XVIII–XIX вв. По всей видимости, эта часть селища являлась центральной и в более позднее время. Размеры распространения культурного слоя на ней могут равняться 520–550х230 м, а площадь – 121 000–122 000 кв. м.

Кроме того, в западной и северо-западной частях выявленного археологического комплекса прослеживается довольно значительный по протяженности участок, на котором зафиксирован культурный слой, содержащий материал XVIII–XIX вв. (цв. вкл. рис. XXII). Керамика более раннего времени ни в шурфах, ни среди подъемного материала не встречена. По всей видимости, это наиболее поздняя часть поселения, разросшегося к середине XIX в., на этот же период приходится и его расцвет. Размеры распространения культурного слоя в этой части селища – 900х120–200 м, а площадь – 115 000 кв. м. Мощность культурного слоя не превышает 20–35 см. Практически по всей площади своего распространения он полностью переотложен в процессе многолетней распашки. Пятно культурного слоя простирается в направлении юго-юго-запад – северо-северо-восток.

На основании шурфовки, почвоведческих зондажей, сборов подъемного материала и топографии местности можно определить границы археологического комплекса у с. Ильинского. На юге они пересекают полевую грунтовую дорогу, идущую от бетонной дороги к берегу Москвы-реки; на юго-западе проходят вдоль берега Москвы-реки (в 250 м от края береговой линии), далее огибая западную оконечность гряды всхолмлений, протянувшихся в направлении юго-запад – северо-восток; на западе поселение ограничено старичным рукавом, частично сохранившимся, частично запаханным во второй половине XX в.; на севере проходит по оврагу, на северо-востоке смыкающемуся с дренажной канавой, относящейся к бетонной дороге. Северо-восточный угол объекта нарушен полотном полевой дороги с бетонным покрытием и дренажной канавой; с востока и юго-востока граница селища пролегает в 10–20 м от указанной выше бетонной дороги.

Сопоставление результатов полевых археологических работ с данными письменных источников и картографическими материалами позволяет отождествлять выявленный археологический комплекс Ильинское с бывшим селом, а позднее деревней Луцкое.

[2] Определение керамики здесь и далее дано А.В. Алексеевым, которому выражаю свою благодарность за помощь в подготовке данной статьи.

Таблица 1. Статистика керамики и другого массового материала из шурфов 24–31.

№ шурфа	24	25	26	27	28	29	30	31	Всего
Красноглиняная грубая	4		9	7	1			1	22
Краснолощеная	2		5	2	1			1	11
Красноглиняная гладкая	6		25	17	4	1			53
Белоглиняная грубая	3		10	4					17
Чернолощеная сплошь			2						2
Чернолощеная полосами	1		5						6
Мореная	1	3	7			1		1	13
Ангобированная сплошь	1		2	1					4
Белоглиняная гладкая	29	8	67	33	12		3		151
Белоглиняные корчаги			1	3			1		5
Розовоглиняная (кремовая)	4		6	1					11
Краснолощеная поздняя			1	5	2				8
Поливная	3	1	5	6	3		3	3	24
Фаянс				1					1
Фарфор				2					2
Стекло			2						2
Изразцы гладкие				3					3
Всего	54	12	147	85	23	2	7	6	336

Литература

Алексеев А.В., 2007. Новые исследования в округе Звенигорода. Опыт локализации географической номенклатуры разъезжей грамоты 1504 года // АП. Вып. 3. М.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., 1950. М.; Л.

Кусов В.С., 2004. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описание землевладений. Т. 1. М.

Одинцовская земля. М., 1994. (Энциклопедия сел и деревень Подмосковья).

Холмогоровы В. и Г., 1883. Исторические материалы о церквах и селах Московской епархии. Вып. 3. М.

D.Yu. Badeev

Village Lutskoye according to the writing sources and results of archaeological investigations

Summary

The article presents the data of archaeological investigations and map's materials allowed to localize the medieval (14th–17th cc.) village Lutskoye existed till the 1959th on the left bank of the river Moscow not far from the village Il' inskoye in Krasnogorskiy district of the Moscow region.

А.Г. Векслер, Ю.А. Лихтер

Браслеты и перстни, найденные при работах археологической службы города Москвы (1989–2006 года)

За время существования археологической службы г. Москвы было найдено 274 браслета и 42 перстня, изготовленных из стекла[1]. Основная масса находок происходит из Китай-города (189), однако небольшое количество браслетов и перстней было встречено за его пределами. Так, браслеты были найдены на территории Белого города (Занеглименский посад, Старая Дмитровская слобода), Замоскворечья (Кадашевская слобода). Несколько браслетов было обнаружено за пределами Камер-коллежского вала на селищах Мякинино и Алёшкино (табл. 1). Что же касается перстней, то помимо Китай-города, Белого города (Занеглименский посад, Колымажный двор) и Замоскворечья (Казачья слобода, Ордынцы) они были встречены также и в Земляном городе (Зачатьевская слобода). Вне Камер-коллежского вала пять перстней было найдено в Мякинине (табл. 2). В связи с тем, что находки из Мякинина уже публиковались (*Векслер, Лихтер*, 2007), в данной работе они будут охарактеризованы вкратце.

Подавляющее большинство найденных браслетов по форме в поперечном сечении имеет круг, эллипс (гладкие) или розетку (крученые). Один браслет (№ 1179), в поперечном разрезе ребристый, составлен из нескольких прутиков, один – плоский (№ 1027). Как показали исследования, эти браслеты отличаются друг от друга и по другим параметрам (табл. 3). Перстни в поперечном разрезе преимущественно полукруглые, однако встречено три ребристых и два плоских (табл. 4). Резко отличается от них перстень № 3106, найденный на Ордынке. У него очень тонкий прут (4,2 мм) и заходящие друг на друга расплющенные концы, стекло прозрачное, сине-фиолетового цвета (рис. 1).

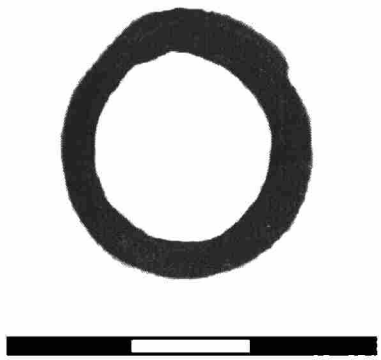


Рис. 1. Перстень из слоя XVII в. (№ 3106)

Рассмотрение размеров позволяет заключить, что внутренний диаметр браслетов варьируется в пределах от 3,5 до 11,5 см, диаметр прута – от 0,3 до 0,94 см; внутренний диаметр перстней – от 1,3 до 3 см, диаметр прута – от 0,3 до сантиметра.

Среди изделий преобладают браслеты неопределенно темного, коричневого и красно-коричневого оттенков – 45,6%. За ними следуют зеленые, желто-зеленые, серо-голубые и оливковые – 15%. В небольших количествах встречаются также сине-зеленые, бирюзовые, синие, сине-фиолетовые, фиолетовые, пурпурные, желтые и бежевые браслеты (табл. 5). В целом, распределение цветов соответствует цветовой гамме, выявленной Е.К. Столяровой на материалах ремля (1997. С. 98).

Среди перстней встречен один многоцветный, изготовленный из прозрачного стекла (с селища Мякинино), у которого сине-фиолетовая основа, желтый щиток, на прут у основания щитка наложены пятна непрозрачного стекла – красно-коричневое и желтое. 21 перстень был изготовлен из непрозрачного стекла бирюзового, сине-зеленого, желтого, желто-зеленого цветов. В этой серии перстней преобладали украшения бирюзового оттенка (табл. 6).

Небольшое количество браслетов декорирова-

[1] При раскопках на территории Теплых рядов (Ильинка 3/8) в 2007—2008 гг. было найдено значительное количество браслетов, а также перстни. Этот комплекс изделий из стекла заслуживает специального рассмотрения.

Таблица 1. Распределение браслетов по историческим зонам Москвы

Зона	Памятник	Место находки	Кол-во	%
Р-н Кремля		Кремлевская наб., 1/9 стр.	2	0,73
Китай город	Китай город	Богоявленский пер. / Никольская ул. Чижевское подв	1	0,36
		Варварка ул., 3. Гостиный двор	51	18,61
		Ильинка ул., 3/8	37	13,50
		Ильинка ул., 3/8, стр.5	1	0,36
		Ильинка ул. Проезж.часть	94	34,31
		Никольская ул. Проезж. часть	5	1,82
Белый город	Дмитровская Старая слобода	Б. Дмитровка ул., 17	3	1,09
	Занеглименский посад	Манежная пл. Манеж	6	2,19
		Манежная пл.	32	11,68
		Театральная пл. Фонтан	1	0,36
Замоскворечье		Кадашевская наб., 16-18	2	0,73
		Кадашевский 1-й пер., 12/11	1	0,36
За Камер-коллежским валом		дер. Алёшкино (в р-не Химок)	1	0,36
		дер. Мякинино	37	13,50
Всего			274	100

но: на 12 гладких и 11 крученых навита цветная нить (белая или желтая) (табл. 7). На плоском браслете (№ 1027) сверху по краям наложены белые нити, перевитые тонкими темными, а по центру проходит широкая белая полоса (рис. 2).

Для некоторых браслетов и перстней был проведен анализ химического состава. Большинство проанализированных браслетов (26 из 29) имеет состав K-Pb-Si, причем все проанализированные браслеты, найденные на селище Мякинино, по составу относятся к K-Pb-Si (табл. 8). Три браслета имеют отличный состав: № 1179 (ребристый, красно-коричневый непрозрачный) – Pb-Ca-Mg-Si-Al, № 1181 (крученый, темный ахроматический, с желтой навитой нитью) – Pb-Na-Ca-Mg-Si-Al и № 1027 (плоский, синий, сверху по краям наложены белые нити, перевитые тонкими темными нитями) – Na-Ca-Mg-Si.

Было проанализировано четыре перстня (табл. 9), причем у многоцветного перстня из Мякинино (№ 1082) анализу подверглись прут, щиток и декор. Выяснилось, что эти элементы имеют состав Na-K-Ca-Si. Такой же состав был обнаружен еще у одного перстня, найденного на Чижевском подворье в Китай городе (№ 4204). Перстень, найденный на Манежной площади (№ 1184), имеет состав Pb-Na-Mg-Si-Al, на Чижевском подворье (№ 4203) – Na-K-Pb-Ca-Si.

Сопоставление формы, цвета и состава позволяет сделать некоторые выводы о происхождении браслетов и перстней.

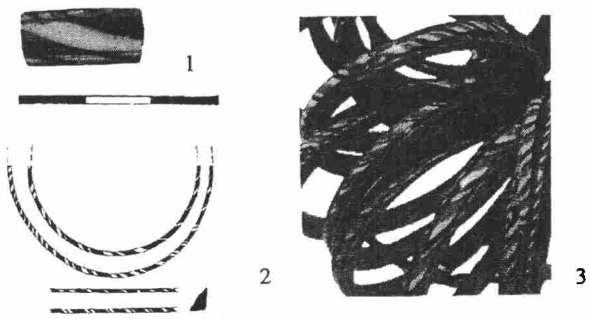


Рис. 2. Стеклянные браслеты

1 – плоский браслет из слоя XVII в. (№ 1027); современные браслеты из Палестины (2) и Индии (3)

Браслеты

Браслеты состава K-Pb-Si производились в Киеве до 1238 г., т.е. до разрушения Киева монголо-татарами. В Москве они известны со второй трети XII по конец XIII в. (*Столярова,* 1997. С. 98). Однако авторы отчета о проведении работ на Гостином дворе датируют жилища, в которых были найдены эти украшения, XIV в.

Браслет № 1179, составленный из тонких прутиков пурпурного цвета, состава Pb-Ca-Mg-Si-Al, возможно, был изготовлен в Полоцке[2], так же как и браслет № 1181 состава Pb-Na-Ca-Mg-Si-Al.

Браслет № 1027 (Ильинка, ЗН4, № 21) состава Na-Ca-Mg-Si, найден в слое, по дендрохронологической шкале датирующемся концом XVI – началом XVII в. Как было указано выше, этот браслет отличается от всех известных в древней Руси и по форме и по декору. Его аналогии были обнаружены в Палестине, на территории которой

[2] Определение было проведено Е.К. Столяровой.

Таблица 2. Распределение перстней по историческим зонам Москвы

Зона	Памятник	Место находки	Кол-во	%
Китай-город	Китай-город	Богоявленский пер. / Никольская ул. Чижевское подв.	2	4,76
		Варварка ул., 3. Гостиный двор	9	21,43
		Ильинка ул., 3/8	4	9,52
		Ильинка ул., 3/8, стр. 5	2	4,76
		Ильинка ул. Проезжая часть	15	35,71
Белый город	Занеглименский посад	Манежная пл.	1	2,38
	Колымажный двор	Маршала Шапошникова ул.	1	2,38
Земляной город	Зачатевская слобода	Курсовой пер., 4/2	1	2,38
Замоскворечье	Казачья слобода	2-й Казачий пер., 10	1	2,38
	слобода Ордынцы	Б. Ордынка ул., 16/4, стр. 1, 6	1	2,38
За Камер-коллежским валом	селище Мякинино	Мякинино	5	11,90
Всего			42	100

подобные браслеты изготовлялись в Хевроне вплоть до середины XX в. (*Spaer*, 2001. P. 204. № 481–483), и в Индии, где они производятся до сих пор (*Kock, Sode*. P. 9).

Перстни

Многоцветный перстень с селища Мякинино (№ 1082), прут, щиток и декор которого имеют состав Na-K-Ca-Si, может быть отнесен к византийскому производству (до 1204 г.). Два перстня, происходящие из Мякинино, по цвету и форме могут быть отнесены к киевскому производству (до 1238 г.), а еще два – к западноевропейскому (*Столярова*, 1997. С. 99). Перстень № 4204 из непрозрачного бирюзового стекла состава Na-K-Ca-Si отличается от мякининского формой прута (полукруглый) и непрозрачностью стекломассы. По мнению Е.К. Столяровой, подобные перстни датируются второй половиной XIII–XIV в., однако установить точное место их производства пока невозможно (1997. С. 100). Необходимы дополнительные исследования и для того, чтобы установить место производства перстня № 4203, желто-зеленого цвета, непрозрачного, прут которого в сечении плоский эллиптический, а стекло состава Na-K-Pb-Ca-Si. Присутствие одновременно натрия и калия в химическом составе указывает на то, что в качестве щелочного сырья использовались золы пустынных растений, характерных для стекол, происходящих из восточного Средиземноморья (*Столярова*, 2001. С. 377).

Перстень с Манежной площади (№ 1184) желтого цвета со щитком, выполненным навивкой, из непрозрачного стекла состава Pb-Na-Mg-Si-Al, возможно, имеет западноевропейское происхождение. Подобные перстни в Европе производили в XIV–XV вв (*Столярова*, 2001. С. 377).

Перстень № 3106 (Б. Ордынка, 16/4) происходит из слоя XVII в. Найти ему аналогий нам пока не удалось.

Таким образом, подавляющее большинство браслетов и перстней укладываются в традиционные для этих категорий украшений рамки существования. Однако две находки относятся к слою XVII в. – плоский браслет (№ 1027) и перстень (№ 3106).

Таблица 3. Поперечное сечение прута браслетов

Форма	Кол-во	%
Нет сведений	49	17,88
Гладкие (округлые)	142	51,82
Крученые (винтобразные)	81	29,56
Плоские	1	0,36
Ребристые	1	0,36
Всего	274	100

Таблица 4. Поперечное сечение прута перстней

Форма	Кол-во	%
Округлые (полукруг / полуэллипс)	37	88,10
Плоские	2	4,76
Ребристые	3	7,14
Всего	42	100

Таблица 5. Распределение браслетов по цвету

Цвет	Кол-во	%
Бежевый	2	0,78
Бирюзовый	14	5,45
Желто-зеленый	11	4,28
Желто-зеленый (?)	1	0,39
Желтый	8	3,11
Зеленый	13	5,06
Коричневый	53	20,62
Красно-коричневый	27	10,51
Оливковый	6	2,33
Пурпурный	4	1,56
Серо-голубой	2	0,78
Сине-зеленый	16	6,23
Сине-фиолетовый	3	1,17
Синий	9	3,50
Темный ахроматический	45	17,51
Фиолетовый	8	3,11
Нет сведений	35	13,62
Всего	257	100

Таблица 6. Распределение перстней по цвету

Цвет	Кол-во	%
Бирюзовый	13	32,50
Желто-зеленый	5	12,50
Желтый	3	7,50
Нет сведений	10	25,00
Сине-зеленый	3	7,50
Сине-фиолетовый	3	7,50
Синий	2	5,00
Темный ахроматический	1	2,50
Всего	40	100

Таблица 7. Браслеты с декором

Тип	Техника нанесения декора	Кол-во
Тип неизвестен	навивка нити	9
Гладкий	навивка нити	11
Крученый	навивка нити	12
Плоский	наклад полосы	1
Всего		33

Таблица 8. Распределение браслетов по химическому типу стекла

Химический тип	Кол-во
(K)-Ca-Al-Si	1
(K)-Ca-Pb-Si	2
(K)-Pb-Si	4
K-Pb-Si	19
Na-Ca-Mg-Si	1
Pb-Ca-Mg-Si-Al	1
Pb-Na-Ca-Mg-Si-Al	1
Всего	29

Таблица 9. Результаты анализа стеклянных перстней

Химический тип	№ по каталогу	Конструктивный элемент
(Na-K)-Ca-Al-Si	1082	основа
Na-K-Ca-Si	1082	щиток
Na-K-Ca-Si	1082	декор
Pb-Na-Mg-Si-Al	1184	основа
Na-K-Pb-Ca-Si	4203	основа
Na-K-Ca-Mg-Si	4204	основа

Таблица 10. Результаты анализов стеклянных изделий
(при полуколичественном анализе указанные цифры соответствуют рангам концентрации: 1 – много; 2 – средне; 3 – немного).

№ по катал.	Категория	№ анал.	Na	K	Ca	Mg	Al	Fe	Mn	Cu	Co	Pb	Sn	P	Ti	Аналит. метод	Автор анализа
1027	браслет	809:57	16,00	1,40	7,00	4,70	1,80	0,60	0,30	0,60		0,30	0,09		0,20	спектр.	Егорьков А.Н.
4203	перстень	752-42	18,00	1,90	2,30	1,90	1,70	0,70	0,04	3,30		10,00	3,20		0,50		
4204	перстень	752-41	19,00	3,00	3,50	2,80	0,40	0,50	0,03	1,40		0,80	2,50		0,40		
4210	браслет	752-43	0,01	4,30	0,40	0,08	0,20	0,70	0,04			11,00	0,10		0,50		
4538	браслет	775-15	0,40	14,00	0,50	0,20	0,40	0,20	0,06	1,50		24,00	0,07		0,07		
4539	браслет	775-16	0,50	13,00	0,20	0,10	0,40	7,00	0,07			30,00	0,03		0,10		
5405	браслет	809:58	0,03	4,00	0,40	0,07	0,20	2,10	0,02			44,00			0,03		
5417	браслет	787:13	0,08	14,00	0,50	0,20	0,30	0,60	0,40	0,50		35,00			0,10		
5418	браслет	786:32	0,20	10,00	1,40	0,10	0,70	0,10	0,30	1,70		30,00			0,06		
5419	браслет	786:33	0,09	4,00	0,50	0,10	0,40	0,09	0,20			35,00			0,03		
5420	браслет	786:29	0,20	15,00	1,30	0,10	0,70	0,05	0,01	1,70		8,00			0,30		
5421	браслет	786:30	0,07	5,30	0,60	0,09	0,70	0,40	2,30	0,40		28,00			0,06		
5422	браслет	786:34	0,06	12,00	0,60	0,10	0,30	0,08	2,10			32,00			0,01		
5423	браслет	786:35	0,20	13,00	0,60	0,10	0,40	0,10	0,70	0,70		27,00			0,03		
5426	браслет	791:37	0,10	15,00	1,80	0,60	0,40	0,30	1,70			33,00	0,05		0,08		
5431	браслет	791:38	0,10	15,00	1,70	0,60	0,40	0,30	0,01	0,30		40,00	0,00		0,09		
5436	браслет	791:39	0,20	9,70	1,40	0,50	0,50	0,40	0,00			29,00	0,00		0,07		
5439	браслет	791:40	0,90	9,00	0,40	0,20	0,20	1,00	0,70	0,30		31,00	0,03		0,07		
5444	браслет	791:41	0,20	12,00	1,60	0,40	0,30	0,60	0,04	0,40		53,00	0,20		0,10		
5445	браслет	791:42	0,20	20,00	0,80	0,30	0,30	0,50	0,03	0,20		29,00	0,03		0,08		
1179	браслет	33			3	1	3	1	3			1				полуколич. спектр.	Левштейн А.Б.
1181	браслет	34	4,00		2	1	3	1	3			1	1				
1184	перстень	35	1,00		4	1	2	1	3			1	1				
1046	браслет	18	0,00	0,57	1,33	0,00	0,57	0,27	0,00	1,00	0,0000	29,63	0,00	0,00		рентгено-спектр.	Чистякова Н.И.
1059	браслет	16	0,00	0,10	1,10	0,40	1,50	0,00	0,00	7,13	0,0000	0,00	0,00	0,00			
1059	браслет	17	0,00	0,17	1,93	0,17	0,20	2,37	0,00	0,00	0,0000	24,03	0,00	0,00			
1068	браслет	10	0,00	0,53	1,08	0,00	1,15	4,88	0,00	0,00	0,0000	12,95	0,00	0,00			
1068	браслет	11	0,00	0,53	9,43	0,00	1,13	0,90	0,00	0,00	0,0000	50,60	7,03	14,60			
1068	браслет	12	0,00	13,73	0,43	0,00	0,00	3,93	0,00	0,00	0,0000	27,70	0,00	0,00			
1081	браслет	42	0,00	15,87	0,63	0,00	0,00	0,53	1,30	0,00	0,0000	25,77	0,00	0,00			
1082	перстень	44	0,77	0,97	3,80	1,27	3,70	3,63	0,00	0,00	0,1000	0,00	0,00	1,30			
1082	перстень	45	5,67	2,20	2,37	0,90	1,90	1,00	0,00	0,00	0,0000	24,37	3,07	0,47			
1084	браслет	47	0,00	0,73	0,95	0,00	0,50	5,88	0,00	0,00	0,0000	6,00	0,00	0,70			
1084	браслет	48	0,33	0,60	1,85	0,00	1,80	1,10	0,00	0,00	0,0000	5,60	33,93	6,90			

Литература

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., 2007. Находки стеклянных изделий на селище Мякинио-2 // АП. Вып. 3. М.

Столярова Е.К., 1997. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // РА. № 4.

Столярова Е.К., 2001. К вопросу о происхождении средневековых стеклянных перстней Москвы // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск.

Kock J., Sode T. Glass, Glassbeads and Glassmakers in northern India / Published by THOT Print Bellahojvej 180, DK 2720 Vanlose, Denmark. Printed by Rosendahl. Denmark (б/г).

Spaer M., 2001. Ancient glass in Israel Museum. Beads and other small Objects // Israel Museum. Jerusalem.

A.G. Veksler, Yu. A. Lichter

Bracelets and rings discovered in the course of works of Moscow archaeological service

Summary

The glass bracelets and rings discovered in the course of works conducted by the Moscow archaeological service are regarded in the article. The special attention is devoted to the ornament"s distribution in the different Moscow regions, cross-section form of the stick, color of the glass, decoration and chemical composition. The vast majority of bracelets and rings could be dated by traditional for that type of ornaments time. Howerever, plane bracelet (№ 1027) and ring (№ 3106) is referred to the 17thc. layer period. The article also contains the list of bracelets and rings corresponds with the general catalog's numeration, the tables with direction where the finds were discovered and results of analysis of chemical composition of the said items.

Д.О. Осипов

Из истории великокняжеских и царских "потех" (по материалам раскопок в Московском Кремле)

"Красносмотрителен же и радостен
высокого сокола лет"
Урядник: Новое уложение
устроения чина сокольничья пути
1656 г.

В результате масштабных археологических исследований, проведенных Музеями Кремля и Институтом археологии РАН на Подоле Московского Кремля (рис. 2), была получена обширная коллекция разнообразных находок (женские украшения, предметы вооружения, глиняная и стеклянная посуда, медные и серебряные монеты и пр.), насчитывающая 4500 единиц (*Панова, Коваль*, 2008). Применение комплексного подхода, включавшего наряду с естественнонаучными методами (карпология, дендрохронология, геоморфология и пр.) описание и систематизацию обширной остеологической коллекции [1] и многочисленных изделий из кожи, побудило нас обратиться к такой малоизученной теме, как великокняжеские и царские "потехи". В статье анализируются отдельные, наиболее интересные находки из раскопок в Тайницком саду, имеющие отношение к данной теме.

В средневековье под словом "потеха" подразумевались различные действа:

1) развлечения с участием экзотических животных;

2) представления скоморохов (потешников);

3) медвежий бой (поединок между медведями или единоборство человека с медведем);

4) все виды охоты.

Анализируя коллекцию археологических находок, мы обратимся к разнообразным значениям "потех".

1. К "потехе" в первом из перечисленных значений имеет отношение левая плюсна верблюда (*Camelus Bactrianus*), обнаруженная в заполнении сгоревшей в пожаре срубной наземной постройки. Длина кости составляет 30,9 см, размеры нижнего эпифиза – 62х41 мм; верхнего – 39х41. Аналогией нашей находке является кость верблюдицы из Казахстана, скелет которой находится в Зоологическом музее МГУ. В нижнем эпифизе кость сколота (срублена) примерно под углом 45°. Точно определить степень утраты части кости затруднительно в связи с нечетким характером скола (рис. 1).

Рис. 1. Кость верблюда

По керамическому материалу и индивидуальным находкам дату бытования постройки, в которой обнаружена верблюжья кость, можно отнести к середине – второй половине XVI в. Сама кость не кальцинирована, что указывает на попадание ее в слой засыпки пожара вместе с перемещенным грунтом.

Несмотря на то, что верблюжья кость из раскопок зафиксирована в Москве впервые [2], с этими животными на Руси были знакомы давно. В частности, изображение верблюда сохранилось на фреске Софийского собора в Киеве, дата создания которой относится к XI в. (*Высотский*, 1989. Рис. 55).

К самым ранним упоминаниям верблюдов на страницах письменных источников относятся строки Ипатьевской летописи, повествующие о взятии Киева войсками Батыя: *"И бе Батыи у города и отроци его объедяху град, и не бе слышати от гла-*

[1] Описание остеологической коллекции выполнено А.Н. Глазуновой. Пользуясь случаем, автор выражает ей благодарность.

[2] К сожалению, Управление за соблюдением и использованием объектов археологического наследия при Москомнаследии, занимающееся раскопками в Москве, как правило, не занимается систематизацией и описанием остеологического материала

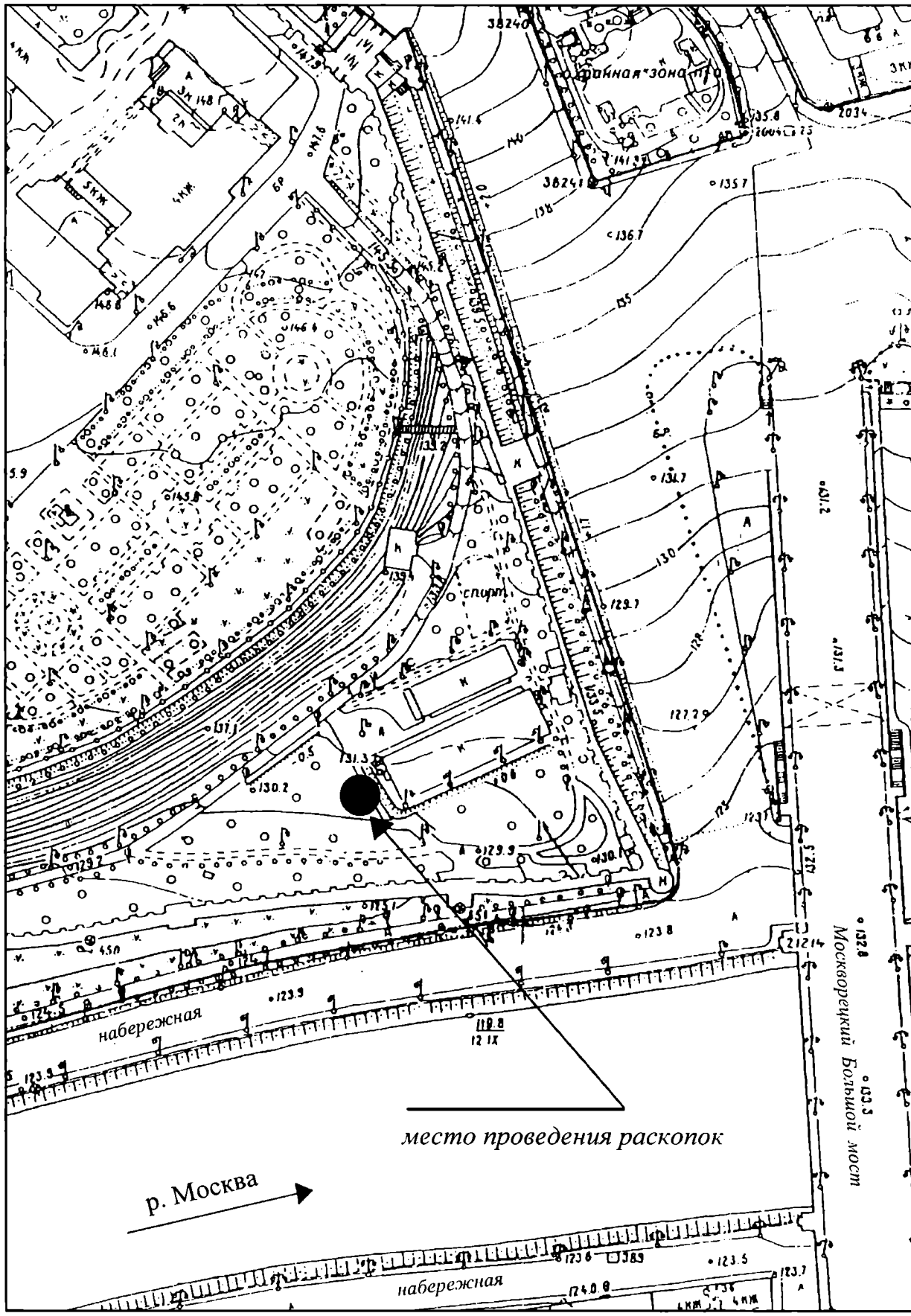


Рис. 2. Юго-восточная часть Московского Кремля. Топографический план

*са скрипания телег его, множества ревения вельблуд (*верблюд. – *Д.О.) его...*" (ПСРЛ, 1998. Стб. 784).

О том, что такие животные были известны и в Московской Руси, сообщает один из эпизодов псковской летописи. В 1464 г. псковичи обратились к Ивану III с просьбой о поставлении во Псков своего владыки (архиепископа): *"И князь великии подоумав со отцом митрополитом Феодосием, что не мощно быти во Пскове владыки, зане же искони не бывал стол во Пскове, и подариша посла верблоудом"* (ПСРЛ, 2003. С. 71).

Очевидно, такой "подарок" должен был олицетворять нелепость высказанной псковичами просьбы, наглядно демонстрируя просителям отношение к ним великого князя и митрополита.

В связи с находкой в Кремле останков верблюда имеет смысл обратиться к знаменитой "Четырехчастной" иконе, созданной в 1547–1551 гг. для Благовещенского собора Московского Кремля под руководством иерея этого собора Сильвестра [3]. В левой верхней части иконы помещен сюжет "сотворения мира", где наряду с другими животными изображен и верблюд. Образ животного передан очень точно, как если бы его писали "с натуры" (цв. вкл. рис. XXIII). Как видно, дата найденной верблюжьей кости совпадает со временем написания иконы (*Маркина,* 2000. С. 90), что подтверждает факт знакомства москвичей того времени с этими животными.

Известно, что в качестве дипломатических даров в Москве побывало множество диковинных зверей. Это и знаменитый пардус (барс), подареный Юрию Долгорукому новгород-северским князем Святославом (ПСРЛ, 1998. Стб. 340); и неоднократно присылаемые львы, которые, по свидетельству И.Е. Забелина, содержались на особом дворе у стены Китай-города (2000. С. 308); и слоны, привозившиеся специально для "царской потехи" Михаила Федоровича (РГАДА. Кн. 22. Л. 62).

Описание диковинных животных, в том числе и верблюда ("велблуда"), можно встретить в таких символико-толковательных или "естественнонаучных" сочинениях, как "Шестоднев" Иоанна Экзарха Болгарского, "Хроника чудес" Конрада Ликостена и "Цветы дарованиям" (*Белова,* 2001. С. 69).

Очевидно, что в составе караванов, шедших в Москву из Кизилбаша (Персии) или других стран Востока, регулярно попадали в столицу и верблюды. Однако число их, по-видимому, было невелико, так как практической ценности для москвичей они не представляли, поскольку более быстроходную лошадь содержать было и удобнее и выгоднее. Верблюдов же, как экзотических животных, могли использовать для устройства великокняжеских и царских "потех".

2. Скоморошьи потехи. В ходе раскопок этого полевого сезона никаких предметов скоморошьего инвентаря обнаружено не было. Более того, за все время археологических наблюдений на территории Московского Кремля они не были зафиксированы ни разу. На наш взгляд, этот факт не случаен. Отсутствие в Кремле следов скоморохов можно объяснить спецификой Кремля, являвшегося средоточием государственной и церковной власти.

При раскопках русских городов находки скоморошьего инвентаря немногочисленны, однако кожаные личины или другие атрибуты скоморошьих представлений были найдены в Твери, Владимире, Новгороде Великом и других городах. В Москве при раскопках Старого Гостиного двора также было обнаружено кожаное чучело козы. Характерный крой изделия, особенно в области гениталий, позволяет отнести его к атрибутам скоморошьих представлений (*Векслер, Осипов,* 2000. С. 155).

Известно, что скоморохи постоянно проживали почти в каждом русском городе. В первой половине XVII в. как постоянные жители они упоминались в 21 городе России, в том числе и в Москве (*Булгаков,* 2003. С. 193–194).

Православная церковь и приказная администрация сурово порицали скоморошьи потехи, относя их к "игрищам еллинского беснования" (*Булгаков,* 2003. С. 192-200). Выход в 1648 г. царского указа положил начало официальному преследованию скоморохов (*Иванов,* 1850. С. 296–299). В 1684 г. патриархом был издан специальный указ для Москвы, запрещавший рождественские "бесовские действа и игрища" ("Полное собрание законов...", 1830. С. 647. № 1108). Очевидно, что причиной гонений служил скабрезный характер основной части этих незатейливых постановок, который, в частности, иллюстрирует древнейший сборник былин Кирши Данилова ("Древние...", 1977).

Еще одним косвенным свидетельством отсутствия в Кремле постоянно проживавших скоморохов служит сохранившееся распоряжение Ивана IV о приглашении на свою свадьбу с Марфой Собакиной скоморохов из Новгорода ("Разрядная книга...", 1475–1605 гг. Л. 372).

3. Охота на медведя. Находки медвежьих костей не так часто встречаются при раскопках в Москве. Кроме того, большая их часть оказалась дспаспортизированной и, следовательно, исключенной из археологического контекста (*Цалкин,* 1971. С. 165. Табл. 1).

При раскопках 2007 г. было найдено две медвежьи кости. Медвежий клык медведя бурого (*Kaninus ursus actor Linnaeus*) обнаружен в раскопе I в слое XVI в. Длина клыка – 9 см. Высота

[3] В настоящее время икона хранится в фондах Музеев Московского Кремля. Инв. № Ж-1321.

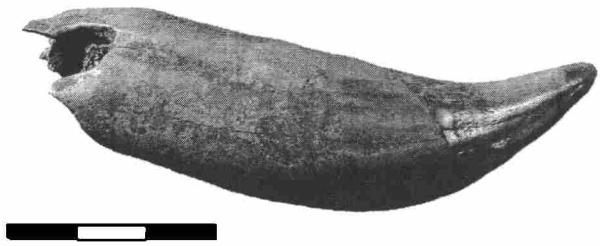


Рис. 3. Медвежий клык

у основания эмали — 2,2 см. В его верхней части было просверлено сквозное отверстие диаметром в сантиметр (рис. 3).

Очевидно, клык использовался в качестве оберега. Как пережиток язычества культ медведя сохранился в русском народном календаре вплоть до конца XIX в. Такие амулеты были широко распространены у славян и их восточных соседей – финнов Поволжья (*Голубева,* 1997. С. 157).

Рис. 4. Локтевая кость медведя

Правая локтевая кость (*ulna*) бурого медведя (рис. 4) была зафиксирована в заполнении сооружения № 15, представлявшего прямоугольный в плане подклет размером 5,0 х 4,5 м, который был впущен в более раннюю постройку аналогичного типа, стоявшую на этом же месте. Заполнение постройки составляла темно-серая супесь с включением песка. По керамическому материалу и индивидуальным находкам время ее бытования можно датировать первой половиной XVI в.

Кость сохранилась фрагментарно (примерно 70% от ее полного объема). Длина сохранившейся части составляет 30,5 см. По перечисленным выше причинам такая находка не могла иметь отношения к скоморохам-медведчикам или использоваться в качестве амулета. В данном случае она могла оказаться на территории усадьбы лишь в качестве охотничьего трофея. Окруженные со всех сторон лесами, изобилующими различным зверьем, славяне по необходимости делались охотниками и звероловами, что подтверждает текст Лаврентьевской летописи: *"... и Радимичи и Вятичи и Север один обычай имяху: живяху в лесе, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто"* (ПСРЛ, 1997. Стб. 13).

Известно, что "скора" (звериная шкура) являлась одним из основных предметом вывоза и меновой торговли. Множество прямых и косвенных свидетельств об охоте можно встретить в летописях, былинах, записках иностранцев и других письменных источниках.

О распространении на Руси медвежьей "потехи" можно судить по сюжетам на средневековых русских монетах (*Спасский,* 1970. С. 90. № 4, 8), печатях (Соболева, 1991. С. 171–172, 176. № 80, 85, 104) и оружии. В частности сцена медвежьей охоты украшает рогатину Тверского князя Бориса Александровича, хранящуюся в фондах Оружейной Палаты Музеев Кремля (инв. № ОР-57). О единоборстве с медведем, едва не окончившемся трагедией, упоминает в своем "Поучении" Владимир Мономах: *"... медведь ми у колена подклада (потник под седлом) укусил, лютый зверь скочил мне на бедры и конь со мною поверже: и Бог неврежена мя сблюде"* ("Изборник", 1986. С. 67).

Одно из первых упоминаний царских охот в письменных источниках связано с именем Михаила Федоровича. В 1615 г. царь охотился на медведя в окрестностях родового села князя Федора Ивановича Мстиславского Хфили в Кунцевской местности (*Кутепов,* 2004. С. 115). Была ли эта охота самого князя Мстиславского, куда был приглашен царь, или медвежью охоту организовали псари ловчего пути, неизвестно.

Охота на этого крупного и хитрого зверя была очень опасна, поэтому человек, ходивший на медведя в одиночку, почитался образцом силы и бесстрашия. Ведь гарантировать личную безопасность нельзя было даже в составе группы охотников. Так, по одной из легенд, во время посещения царем Алексеем Михайловичем Саввино-Сторожевского монастыря за удовольствие поохотиться на медведя в окрестных лесах он едва не поплатился жизнью. Отставший от свиты царь неожиданно столкнулся с шедшим прямо на него медведем. Убежать и спастись не было никакой возможности, и царь ждал неминуемой смерти, как вдруг перед ним явился благолепный старец-инок, отогнавший медведя. На расспросы царя старец назвался монахом Сторожевского монастыря именем Савва. Вернувшись в монастырь и переговорив с братьями, царь выяснил, что монаха с таким именем в монастыре нет. Но, взглянув на икону преподобного, написанную еще при его жизни, Алексей Михайлович сразу опознал своего спасителя (*Кутепов,* 2004. С. 125).

Интересно отметить, что, несмотря на развитие медвежьего промысла, среди перечня меховых одежд медвежьи шкуры не упоминаются вовсе (*Маньков,* 1951). Другие источники также не содержат никаких сведений, если не считать послания новгородского епископа Нифонта (XII в.), разъяснявшего братии, что "нетуть беды ходити и в медвежатине" (*Арциховский,* 1948. С. 276). Трактовка этой фразы неоднозначна. А.В. Арциховский видел в ней указание на небольшую ценность медвежьей шкуры (медвежатины), которую носило простона-

родье, тогда как М.Г. Рабинович объяснял этот факт представлением о греховности убийства медведя – древнего славянского тотема и запретом на ношении его шкуры (*Рабинович,* 1988. С. 134).

На наш взгляд, отсутствие упоминания медвежьих шкур в таможенном перечне связано с их небольшим количеством относительно традиционного пушного товара (песец, белка, лиса и др.), поскольку массового медвежьего промысла не существовало.

4. Поединок медведя с человеком или медвежий бой. Это действо, как правило, происходило по праздникам при большом стечении народа, что наглядно демонстрирует людские нравы той эпохи. Оно готовилось заранее, поскольку требовало устройства специальной арены - круга, обнесенного крепкой деревянной стеной. Внутри круга ставили вооруженного рогатиной или вилами человека, на которого и спускали медведя. Если боец успевал уловить момент и "посадить" зверя на рогатину, то сразу клал его на месте, а нет – сам становился жертвой и погибал на глазах у зрителей (*Кутепов,* 2004. С. 86). При удачном исходе бойца вели к царскому погребу, где он напивался допьяна, и награждали портищем – куском сукна на кафтан.

Анализ письменных документов позволяет установить, что среди добровольцев биться с медведем часто упоминаются одни и те же имена, принадлежавшие к чинам охоты, т. е. профессиональные охотники, хорошо знавшие повадки этого страшного зверя. "...Выдана награда конному псарю Алексею Меркульеву для того в нынешнем государевом походе тешил он Государя - бился с медведем вилами" (цит. по: *Кутепов,* 2004. С. 174)

Тем не менее, и с этими бойцами случались неприятности. В челобитной конного псаря Микиты Шевелева Государю и Великому князю Михаилу Федоровичу записано следующее: "... тешил я холоп твой тебя Государя – дразнил медведя, и меня холопа твоего медведь ломал, и глаз мне испортил..." (цит. по: *Кутепов,* 2004. С. 174).

В период опричнины "медвежьи потехи", по прихоти Ивана Грозного, превратились в один из видов казни, когда против зверя ставили жертву, заведомо обреченную на смерть. Так, по свидетельству Джерома Горсея, в Александровой слободе царь затравил медведями семерых опальных монахов (*Горсей,* 1990. С. 67).

По праздникам медведей травили с помощью собак или диких медведей, напускавшихся на медведей "дворных", т. е ученых (дрессированных), живших на специальном дворе. Популярность их была высока на протяжении всей русской истории. По свидетельству И.Е. Забелина, при Михаиле Федоровиче на Старом Ваганькове был специально

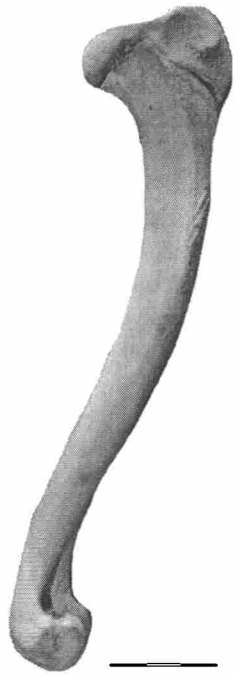


Рис. 5. Плечевая кость гончей собаки

устроен обширный "псаренный двор", где содержались дворные медведи (*Забелин,* 2000. С. 307-308).

5. Охота с помощью собак. В общем строе древнерусской жизни охота имела большое значение. Однако если для простых людей охотничий промысел являлся важной статьей дохода и средством для исполнения повинностей, то для знати она была более развлечением, чем добычей, возможностью пережить сильные ощущения.

Находки собачьих костей составляют постоянный, хотя и немногочисленный компонент многих остеологических коллекций. В частности, их неоднократно находили при археологических исследованиях в Московском Кремле (*Цалкин,* 1971. С. 165, 180. Табл. 1). При раскопках 2007 г. удалось зафиксировать 11 костей собак: восемь штук в заполнении описанной выше постройки № 15 и три – на площади кв. Р-9 в слое начала XVII в.

В данном случае наше внимание привлекла левая плечевая кость гончей собаки (*canis familiarus*). Ее длина составляет 144 мм, ширина верхнего эпифиза – 44 х 27 мм; нижнего – 34 х 28 мм. По экстерьеру она практически полностью совпадает с плечевой костью скелета гончей собаки, хранящейся в Зоологическом музее МГУ (рис. 5). Незначительное отличие заключается лишь в том, что кость, найденная в Тайницком саду, принадлежит более крупному животному.

Кость была обнаружена в заполнении сооружения № 8 – срубного подклета, заглубленного в землю на одиннадцать венцов. Сооружение разме-

ром 3,0 х 3,2 м было заполнено слоем темно-серой супеси, кирпичного боя и крупными обрывками бересты (гидроизоляция). На основании керамического материала и индивидуальных находок эту постройку можно датировать концом XV – первой четвертью XVI в.

Время, которым датируется находка, соответствует эпохе наибольшего развития псовой охоты, хотя очевидно, что последняя существовала на Руси издревле. В Древней Руси охота (ловитва), как правило, производилась при помощи собак. По мнению специалистов, это могли быть остроухие собаки, которые до сих пор встречаются почти по всей России в качестве промысловых, дворных и пастушьих (*Сабанеев,* 1992. С. 56). Они, в частности, изображены на фресках, украшающих лестницу, ведущую на хорал Киево-Софийского собора, в сценах охоты на белку и оленя (цв. вкл. рис. XXIV). При ссылках на фрески киевской Софии следует помнить, что ее расписывали греческие иконописцы, однако факт существования псовой охоты подтверждают соответствующие статьи "Русской правды" (1947. С. 581. Стб. 81), а также неоднократные упоминания в летописях (ПСРЛ, 1998. Стб. 179).

Сведения о гончих собаках можно найти в текстах новгородских берестяных грамот. В одной из них некто Парфей сообщает о передаче гончей собаки: *"...а насчет гончей: я пошлю [ее] с Оксентьем к Остафье..."* (*Зализняк,* 2004. С. 572). Здесь имеется ввиду Остафья Дворянинец – постоянный представитель в посадничестве от Плотницкого конца в 1335–1346 гг.

В другом случае гончая ("выжля") упомянута в челобитной от Иева к Василию Игнатьевичу - новгородскому боярину, тысяцкому (*Дубровин,* в печати). Здесь важен факт принадлежности упомянутых выше собак представителям новгородской аристократии – посаднику и тысяцкому, как индикатор высокого статуса владельцев гончих псов.

Какое-либо упоминание о стоимости охотничьих собак в российских письменных источниках отсутствует. Для сравнения можно привести законы Владислава Ягелло (Польша, XIV в.), где за воровство охотничьего пса полагался штраф в шесть гривен, тогда как за убийство крестьянина – в 10 (*Кутепов,* 2005. С. 164). По-видимому, цены на этих животных на Руси и в Польше различались незначительно, поскольку их основными поставщиками были татары. Именно поэтому более всего на Руси ценилась восточная порода борзых, попадавшая сюда через Золотую Орду (*Кутепов,* 2004. С. 164).

В XVI в. русские охотничьи собаки становятся известны при дворах европейских государей. В 1519 г. Христиан II, король датский, при заключении торгового договора подарил французскому королю Франциску I охотничьих собак русской породы, вывезенных ранее из московского государства (*Сабанеев,* 1992. С. 55).

После победы над Казанью и переселения в центральные районы России значительной части татарских князей и беков (дворян), псовая охота получила новое развитие. По мнению специалистов, со второй половины XVI столетия начинается вывод новой породы – русской борзой, происходящей от скрещивания татарских борзых с русскими остроухими собаками (*Сабанеев,* 1992. С. 56). Татарским борзым приписывалась особенная понятливость и "выжливость". Они спокойно шли без своры возле лошади охотника и были послушны любому его приказанию (*Кутепов,* 2004. С. 164).

Самые ранние упоминания терминов "псарь" и "псарня" содержаться в духовных грамотах князя Серпуховского и Боровского Владимира Андреевича и великого князя Ивана Васильевича. Расцвет же псовой охоты на Руси приходится на царствование Василия III. Именно к этому периоду относится найденная нами кость гончей собаки.

Довольно обстоятельное описание псовой охоты Василия III приводит в своих "Записках о Московии" Сигизмунд Герберштейн. Зверя, в данном случае зайца, выгоняли из леса при помощи большого количества крупных гончих собак (мордашей), причем Герберштейн отмечает громкий и разнообразный лай. Травлю же выгнанных зайцев производили при помощи других собак, именуемых им *kurtzi,* с пушистыми хвостами и ушами, которых спускали со свор стоящие на опушке всадники (*Герберштейн,* 1988. С. 221–222). По всей видимости, в данном случае описана охота, где участвовали как борзые, так и гончие собаки.

Василий III был страстным охотником. Даже смерть застала его в "отъезжем поле" под Волоколамском, где великий князь, несмотря на тяжелый недуг, из последних сил пытался продолжать свою любимую потеху: *"На утро же во вторник бысть погодие велико – тешитися Государю, и посла по ловчих своих по Федора по Михайлова сына Нагова да по Бориса по Васильева сына Дятлова и неунявся хотя тешитися, и поеде в свое село в Колпь.... Тогда же князь великой нуждой изнемогая выеха со князем Андреем Ивановичем на поле с собаками и поездиша мало, только две версты, возвратишася в Колпь"* (ПСРЛ, 2000. С. 553).

В отличие от ситуации со скоморохами, отношение к охоте церкви было неоднозначным. Сам факт охоты сурово порицался церковью. Автор "Домостроя" ставит охоту на одну линию с блудом и угрожает ее участникам проклятьем: *"... или ловы творить с собаками и с птицами и с медведи...*

все вкупе будут во аде, а зде прокляты" ("Домострой", 1990. С. 57). Тем не менее, духовенство охотно принимало пожалования охотничьими угодьями, хорошо понимая их практические выгоды. Самим священникам, по правилам православной церкви, охотиться запрещалось, поскольку это занятие не соответствовало высокому званию духовного пастыря.

Собаку православное духовенство относило к нечистым животным – *"псам смердящим"*. В католической церкви отношение к охоте было иным. Несмотря на официальный запрет на охоту, прелаты активно использовали декреталии папы Климента V, оговаривавшие разрешение охоты на зайцев и других диких животных в том случае, если они могут нанести вред садам, огородам или домашнему скоту (*Кутепов,* 2004. С. 105). На практике такая поправка к закону позволяла считать вредителями тех животных, на которых в данный момент было желание и возможность поохотиться.

Многие представители высшего католического духовенства были заядлыми охотниками, содержащими обширные псарни, на которых выводились новые породы охотничьих собак. Поэтому впоследствии именно из среды католического духовенства вышли владельцы лучших в Европе заводов охотничьих собак – сеттеров и пойнтеров (*Сабанеев,* 1992. С. 52).

6. Соколиная потеха. К теме охоты с ловчими птицами нас заставила обратиться уникальная находка соколиного клобучка - наглазника, изготовленного в виде шапочки (рис. 6; 7). Клобучок был обнаружен в заполнении сооружения № 117, там же, где была найдена берестяная грамота № 3. Постройка представляет собой впущенный в землю подклет размером 3,5 х 3,0 м, сооружение которого датируется не ранее конца XIV в.

Детали снаряжения для соколиной охоты зафиксированы при раскопках впервые, хотя факты находок костей ловчих птиц (ястребов-тетеревятников) нам известны (*Молтби, Гамильтон-Даер,* 1995. С. 146).

Само слово "клобук" – тюркского происхождения, обозначает колпак или шапку. Это же значение клобук имел на Руси. Как княжеское наголовье он неоднократно упоминается в летописях. В Ипатьевской: *"...рече Святослав к Берновии: "нечто мя на главе бодет" и сня клобук"* (1998. Стб. 464), а также в Софийской первой летописи (2000. Стб. 198). Он же дает название союзу тюркских кочевых племен – печенегов, торков, берендеев, сложившемуся в лесостепных районах в середине XII в. (ПСРЛ, 1998. Стб. 465–466). В настоящее время это значение сохранилось за шерстяным или шелковым покрывалом монашеской камилавки, а в просторечии – и за самой камилавкой.

Клобучок – одна из важнейших составляющих наряда (снаряжения) ловчих птиц, включавшего также опутенки (путцы), должик (ремешок) и колокольца. Его основное практическое назначение сводится к лишению ловчей птицы возможности видеть, чтобы сделать ее послушной и спокойной (цв. вкл. рис. XXV). Он используется на протяжении всего периода работы с птицей, при ее поимке и "вынашивании" (приручении). Чтобы сломить волю дикой птицы и приручить ее к человеку, на нее надевают клобук и долгое время носят на руке, лишая пищи и сна. Иногда такое "держание" длится несколько суток. Лишь после этого слабость и чувство голода заставляют птицу брать пищу из рук человека (*Дементьев,* 1935. С. 73). Но даже прирученная и готовая к охоте ловчая птица значительную часть времени проводит на присаде (насесте) с надетым на голову клобучком, заставляющем ее сидеть спокойно, не реагируя на пролетающих птиц и другие живые объекты (*Симаков,* 1998. С. 248).

Клобук необходим и во время охоты. Лишенная зрения птица дает возможность охотнику спокойно управлять конем, высматривать добычу и приближаться к ней на нужное расстояние.

Найденный в Тайницком саду клобучок изготовлен из сафьяна (тонкая мягкая козлиная кожа растительного дубления). В настоящее время его цвет – темно коричневый, хотя изначально он, скорее всего, был цветным.

Вообще для изготовления клобучков использовались различные материалы. В записках Мейерберга сохранилось описание парадных клобучков, изготовленных из бархата и атласа и украшенных жемчугом и золотным шитьем (*Мейерберг,* 1874. С. 159). Обычные "полевые" клобучки делал клобучный мастер, состоявший при кречатне, тогда как парадные изготовлялись в Государевой Мастеровой палате (РГАДА. Стб. 24).

В настоящее время орнитологическая служба СК КМК ФСО России также применяет два вида клобучков: парадные, сшитые из цветной кожи с султанами из перьев, надеваемые на птиц во время торжественной церемонии развода караула, и простые – для повседневной работы.

Клобук скроен из двух деталей. Передняя часть, так называемый совка [4], имеет спереди отверстие подтреугольной формы. Задняя часть клобучка глухая. Посередине детали имеется верти-

[4] Очевидно, этимология этого термина происходит от слова «сова» – слепая птица.

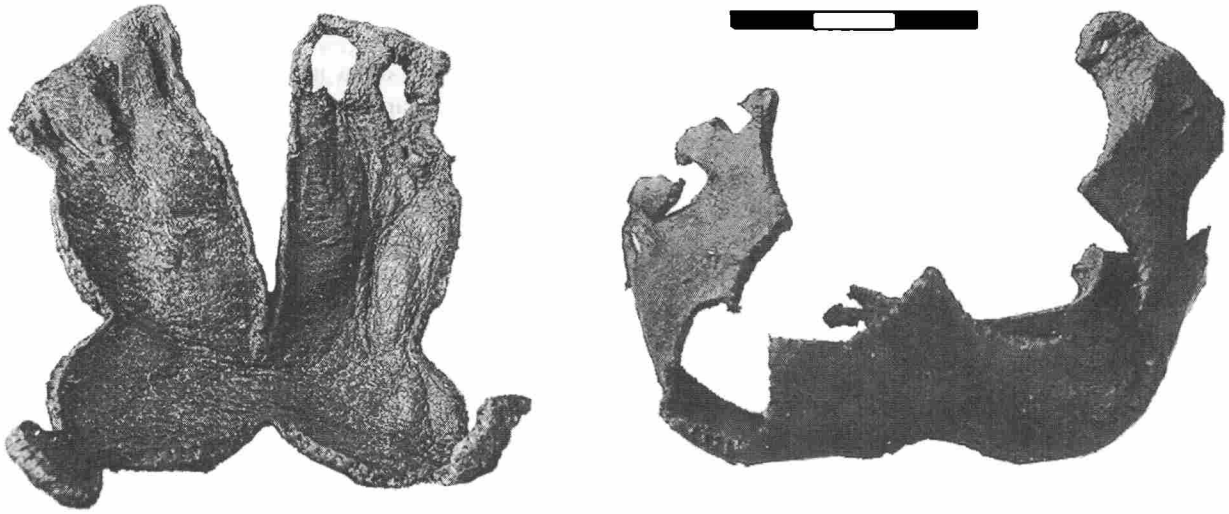


Рис. 6. Клобучок. Фото

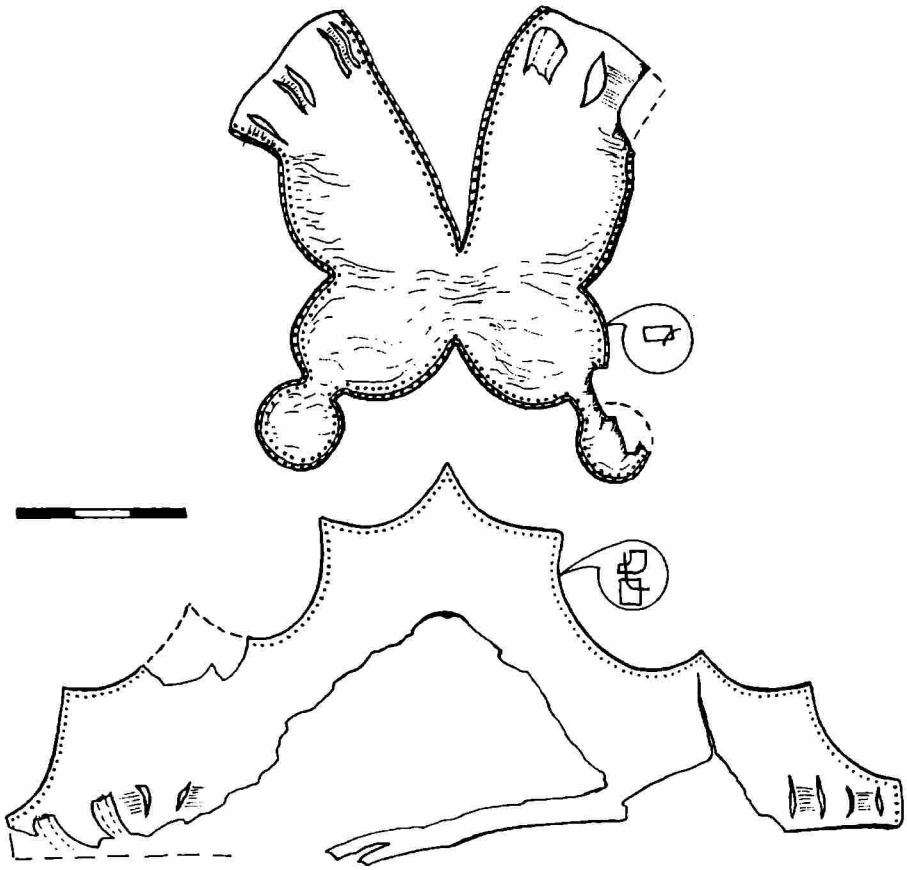


Рис. 7. Клобучок. Форма кроя

кальный надрез, прошитый тачным швом, по обе стороны которого заметно округлое вытяжение кожи. Очевидно, при такой форме кроя надрез обеспечивал увеличение объема задней части клобучка и более точную подгонку изделия. Точность подгонки требовалась для того, чтобы птица как можно меньше ощущала клобучок, но в то же время не могла сорвать его (*Федоров, Малов,* 2005. С. 129.).

Клобук надевался через голову птицы. В отверстие спереди пропускался клюв. Сзади фиксировался кожаный ремешок – задержка, пропускавшийся сквозь ряд вертикальных сквозных надрезов.

По определению специалистов [5] , найденный нами клобук по размеру подходит для самки сокола-балобана (*Falco cherrug Gray*) или, скорее, для самца кречета (*Falco gyrfalco*). Отметим, что "клобучетили" чаще всего именно соколов и кречетов. Для копчиков и дербников клобучки, как правило, не используют, а для ястребов они применяются лишь на начальном этапе приручения птицы, поскольку на охоте ястреб сам бросается на добычу (идет вдогон), а не напускается на нее, как соколы и кречеты (*Дементьев,* 1935. С. 78).

Именно кречеты, обладающие самыми высокими ловчими качествами, традиционно занимали первое место в соколиной охоте (*Симаков,* 1998. С. 158). Ведь для нее главное не количество пойманной дичи, а красота и резвость полета ловчей птицы, сила ее удара [6]. Лучшие кречеты как бы играют со своей добычей. Не бьют ее со второй или третьей ставки, а делают их десятками. Чем круче ставка, чем выше верх, тем больше прелесть соколиной охоты (*Аксаков,* 1856. С. 99).

Зачастую сокол или кречет напускался на хищную птицу - коршуна, сову и др. И тогда над головой охотников происходил настоящий поединок "пернатых гладиаторов", исход которого зависел не только от природных качеств птицы, но и от приобретенного опыта (*Федоров, Малов,* 2005. С. 57).

Самыми лучшими считались так называемые белые кречеты. Они ценились за черные глаза, казавшиеся еще более черными на фоне светлого оперения, и за высокий полет, когда сокол низвергается на жертву и бьет ее. На Руси добыча ловчих птиц считалась государственной повинностью (тяглом), ею занимались целые слободы "помытчиков", в обязанности которых входила доставка соколов в столицу, где их отбирали для государевых кречатен. Чаще всего помытчики выезжали в Вологодскую и Архангельскую губернии, а также на берега Печоры, жители которых издавна слыли искусными птицеловами.

За свой нелегкий труд сокольники освобождались от даней и некоторых повинностей, что, в частности, находит отражение в грамоте великого князя Ивана Даниловича печорским сокольникам Жиле и другим ("Грамоты...", 1949. С. 142. № 84). Пойманных птиц строго запрещалось сбывать на сторону. *"Что птиц помкнуть будет красных и подкрасных и крапленых кречетов и челигов, ястребов белых и тех птиц не подменивать и никому по дружбе и по свойству и в подарках не отдавать, и Московского государства людям и заморским немцам не продавать и хитрости никакие над птицами не чинить"* (*Федоров, Малов,* 2005. С. 47).

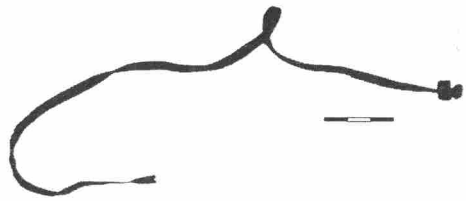


Рис. 8. Обрывок кожаного должика

К снаряжению для охоты с ловчей птицей относится обрывок должика - кожаного ремня, при помощи которого птица крепилась к перчатке или присаде (рис. 8). Должик найден в заполнении постройки № 47, датирующейся началом XVI в. Характерный узел на конце ремня и кожаная шайба, необходимая для фиксации должика при проскальзывании через металлические люверсы, позволяет нам уверенно атрибутировать эту находку (*Галлер,* 1882). Судя по небольшой ширине ремня, он применялся для работы с маленькой птицей – дербником или ястребом-перепелятником. В отличие от соколов, эти птицы использовались гораздо чаще, поскольку охота с ними была более простой и добычливой.

Охота с ловчими птицами известна с глубокой древности исключительно как царская потеха. В Древней Руси сцены охоты с ловчими птицами представлены на "светских фресках" киевской Софии (рис. 9). С красочного описания соколиной охоты начинается знаменитое "Слово о полку Игореве": *"... тогда пущаеть десять соколов на стаю лебедей"* ("Слово о полку Игореве", 1981. С. 91). Умением ухаживать за ловчими птицами гордился Владимир Мономах: *"... и в ловчи наряд сам держал и ...в соколах в ястребях тоже"* (ПСРЛ, 1997. Стб. 251). Сравнительные примеры соколиной охо-

[5] Автор выражает благодарность сотрудникам орнитологической службы СКМК ФСО России за помощь в работе с этим материалом.

[6] Эти качества ловчих птиц отражаются в поговорке: «Сокол для сердца, ястреб для желудка».

Рис. 9. Охота на зайца.
Прорись фрески Софийского собора в Киеве

ты можно обнаружить на страницах летописей: *"И избиша Оугры в мяч тако сокол галиц забивает"* (ПСРЛ, 1998. Стб. 246). Такой литературный памятник, как "Задонщина", время создания которого синхронно нашей находке, содержит множество поэтических сравнений на тему соколиной охоты: *"А уже соколы и кречеты и Белозерские ястребы рвахуся от златых колодиц* [7] *из камена града Москвы обрываху шелковые опутины, возвеваючися под синие небеса, возгремяша злаченые колоколы на быстром Дону, хотят ударить на многие стада гусиные и лебединые, а богатыри русские хотят ударити на великие силы поганого царя Мамая"* ("Задонщина", 1947. С. 16).

Многочисленные изображения ловчих птиц или сюжетов соколиной охоты можно видеть на упомянутой выше рогатине тверского князя Бориса Александровича (рис. 10) и на миниатюрах Лицевого летописного свода (цв. вкл. рис. XXVI).

При археологических наблюдениях на месте нового здания Приказов (*Забелин,* 1990. С. 242–243), в завале строительных остатков XVI–XVIII вв. была найдена бронзовая прикладная печать-матрица с плоской рукоятью в виде ажурного трилистника (*Панова,* 2002. С. 20). На рабочей поверхности овального щитка имеется углубленное изображение человека, облаченного в становой кафтан с расклешенными полами с хорошо выделенными петлями-застежками (так называемыми разговорами) и остроносые сапоги на наборном каблуке. На

Рис. 10. Охота с ловчими птицами.
Рогатина тверского князя Бориса Александровича (фрагмент)

вытянутой вперед руке человек держит на весу крупную мертвую птицу с длинной шеей, опущенными вниз крыльями и короткими мощными лапами. Правая рука изображенного на печати человека согнута в локте и уперта в бок (рис. 11).

А.К. Станюкович и А.Г. Авдеев, опубликовавшие печать, интерпретировали это изображение как "борьбу пигмеев с журавлями" (2007. С. 180. Табл. XXIII, *114*). Однако мы не склонны видеть здесь "гераномахию", известные сюжеты которой существенно отличаются от изображенных на печати [8] (*Шталь,* 1989).

На наш взгляд, на печати изображено следующее:

1) птица, которую держит в руке человек, более всего похожа на лебедя – излюбленную добычу сокольников;

2) у изображенного на печати человека хорошо заметна несоразмерно большая двупалая кисть правой руки, отделенная у локтя косой перемычкой. По всей видимости, резчик постарался таким образом обозначить на руке кожаную рукавицу

[7] Колодицы – приспособления, на котором сидел сокол перед спуском его на птицу.

[8] Гераномахия – тема росписи многочисленных ваз, мозаик и античных гемм, на которых пигмеи ведут борьбу с журавлями верхом на козлах и куропатках.

[9] Костюм, изображенный на рисунке Ф.Г. Солнцева, хранится в фондах Музеев Московского Кремля (инв. № ГР 2807).

(крагу), являющуюся одним из главных атрибутов снаряжения сокольника;

3) по рисункам Ф.Г. Солнцева [9] известно, что костюмом сокольника XVII столетия (датировка печати) служил становой кафтан и остроносые сапоги на каблуках (рис. 12). Именно так одет человек, изображенный на печати.

Таким образом, перечисленные выше признаки позволяют нам предположить, что на печати показан не пигмей, а сокольник, держащий в руке охотничий трофей.

Птичья охота московских князей впервые упоминается во времена княжения Симеона Гордого и Дмитрия Донского ("Собрание Государственных грамот и договоров", 1813. С. 36, 58). Найденный нами клобучок датируется концом XIV в. – временем правления великого князя владимирского и московского Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.), что подтверждает непрерывное развитие соколиной охоты при дворе великих князей.

Известно, что при Иване Грозном царские сокольники населяли целую слободу под Новинским (*Сытин,* 1952. С. 357). С именем грозного царя связано народное предание о возникновении в Напрудной слободе сохранившегося доныне храма во имя св. Трифона Чудотворца. Легенда связывает строительство храма с чудесным спасением св. Трифоном царского сокольничего Трифона Патрикеева, который упустил царского сокола и должен был найти его за три дня, в противном случае его ожидала казнь. Патрикеев пришел к "великому пруду" и истово молился своему небесному покровителю, который явился ему во сне на белом коне с соколом в руке и помог найти пропавшую птицу. В память об этом чудесном спасении Патрикеев построил храм в честь своего небесного покровителя.

Рис. 11. Медная прикладная печать и ее оттиск

Рис. 12. Костюм сокольничего XVII в. Рисунок Ф.Г. Солнцева

В действительности князь Иван Юрьевич Патрикеев – реальная личность, игравшая видную роль при дворе, но не Ивана Грозного, а его деда Ивана III. Примечательно, что на печати Патрикеева изображался всадник с соколом на руке. Этот же образ запечатлен на фреске конца XVI–XVII в., расположенной в алтарной абсиде Трифоновской церкви (*Федоров, Малов,* 2005. С. 29), а также на иконах с изображением этого святого, тогда как по византийской традиции этот малоазийский святой, живший в III столетии, изображался в полный рост с крестом в руке.

Настоящий расцвет соколиной охоты наступает на Руси при Алексее Михайловиче. Из расходных книг, хранящихся в Оружейной палате, видно, что когда он был еще мальчиком, ему часто покупали ловчих и потешных птиц (*Забелин,* 2000. С. 102).

На протяжении всего тридцатилетнего царство-

вания жизнь Алексея Михайловича была тесно сплетена с соколиной охотой, и никакие события не могли надолго отлучить царя от этой потехи. Во время охоты с ловчей птицей царь зорко подмечал отличительные черты и приемы каждого сокола, сколько ставок он делал, какой верх брал. Лучше всего царя характеризует его же собственное выражение "охотник достоверный", т. е. истый, заклятый (Собрание писем царя Алексея Михайловича, 1856). В это время соколиная охота находилась в ведении приказа Тайных дел. Охоты размещались на потешных дворах в подмосковных селах Коломенском и Семеновском. Описание их устройства приводит Г. Котошихин (1859. С. 70):

"В том же приказе (Тайных дел. – *Д.О.*) ведомо царская летняя потеха, птицы кречеты, соколы, ястребы, челики и иные; а бывает теми птицами потеха на лебеди, на гуси, на утки, на журавли, и на иные птицы, и на зайцы и учинен для тое ж потехи под Москвою потешный двор; да для тое ж потехи и для учения учинены соколники со 100 человек, и на том дворе летом и зимою бывают у птиц беспрестанно, днюют и начюют, по переменам человек по 20, а честию те соколники против жилцов и стремянных конюхов люди пожалованные денежным жалованьем и платьем погодно, и поместьями и вотчинами, и будучи у тех птиц пьют и едят царское; а будет у царя всяких потешных птиц болши 3000, и корм и мясо говяжье и боранье, идет тем птицам с царского двора; да для ловли и для учения тех же птиц на Москве и в городех и в Сибири учинены кречетники и помошники, болши 100 человек, люди пожалованные ж; а ловят тех птиц, под Москвою и в городех и в Сибири, над озерами и над болшими реками на берегах и по пескам, голубми и сетми, и наловя тех птиц привозят к Москве болши 200 на год; и посылаются те птицы в Персию с послы и куды лучится, и Персицкой шах те птицы от царя принимает за великие подарки, и ставит ценою те птицы рублев по 100 и по 200 и по 500 и по 1000 и болши, смотря по птице; да на корм тем птицам и для ловли емлют они кречетники и помощники голуби, во всем Московском государстве, у кого б ни были, и имав привозят к Москве ж, а на Москве тем голубям устроен двор же, и будет тех голубей болши 100 000 гнезд, а корм ржаные и пщеничные высевки идут с Житенного двора".

Ловчие птицы составляли "государеву заповедь" и продавать их частным лицам запрещалось. Тем не менее, крупные феодалы держали собственную соколиную охоту, и царь, в случае особой милости, жаловал их лучшими птицами из своей кречатни (*Кутепов,* 2004. С. 163).

Смерть "тишайшего" царя Алексея Михайловича положила конец блестящему периоду развития царской охоты. Наследовавший ему Федор Алексеевич не перенял от отца любви к соколиной потехе. Человек болезненный, крайне слабого сложения, он не был рожден для подвижной жизни охотника. Окончательный же упадок соколиной потехи наступил при Петре Великом. Петр не видел в охоте большого смысла, поэтому все охотники, содержавшиеся на Преображенском сокольничем дворе, были записаны им в потешный полк (*Кутепов,* 2004. С. 173).

С этого времени охота с ловчими птицами начинает распространяться среди представителей более низкого социального положения. В круг увлеченных ею вливаются мелкопоместные дворяне, отдававшие предпочтение ястребиной охоте, как более простой и результативной. А с развитием технологии производства охотничьих ружей охота с ловчими птицами и вовсе угасает и вытесняется из центра России на периферию (*Федоров, Малов,* 2005. С. 51)

В настоящее время память о былом расцвете соколиной охоты сохранилась лишь в названии "Сокольники" (Сокольническая застава) и нескольких Соколиных улиц (*Сытин,* 1952. С. 487).

Суммируя вышесказанное, хотелось бы еще раз подчеркнуть необычность описанных находок, определяющих высокий статус проживавших на Подоле Московского Кремля дворовладельцев и существенно дополняющих информацию о характере их занятий, полученную на основе других категорий археологического материала.

Литература

Аксаков С.Т., 1856. Приложение к уряднику (Новое уложение и устроение чина сокольничья пути) // Собрание писем царя Алексея Михайловича. М.

Арциховский А.В., 1948. Одежда // История культуры Древней Руси. М.; Л.

Белова О.В., 2001. Славянский бестиарий. М.

Булгаков М.Б., 2003. Скоморохи в русском городе XVII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время XI-XVIII вв. М.

Векслер А.Г., Осипов Д.О., 2000. Инструменты сапожников и кожаные изделия из раскопок Старого Гостиного двора в 1998 г. // Археологические памятники Подмосковья. М.

Высотский С.А., 1989. Светские фрески Софийского собора в Киеве М.

Галлер К.П., 1882. Охота с соколами и ястребами // Природа и Охота. М. Вып. VII.

Голубева Л.А., 1997. Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Герберштейн С., 1988. Записки о Московии. М.

Горсей Дж., 1990. Записки о России XVI - начала XVII в. М.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Дементьев Г.П., 1935. Охота с ловчими птицами. М.

Домострой. М., 1990.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.

Дубровин Г.Е. О комплексе грамот Никитинского раскопа. В печати.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950.

Забелин И.Е., 1990. История города Москвы. М.

Забелин И.Е., 2000. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.

Задонщина. М., 1947

Зализняк А.А., 2004. Древненовгородский диалект. М.

Иванов П., 1850. Описание государственного архива старых лет. М.

Изборник. М., 1986.

Коваль В.Ю., Панова Т.Д., 2008. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада Московского Кремля в 2007 году / / Архив ИА РАН.

Котошихин Г.К., 1859. О России в царствовании Алексея Михайловича. СПб.

Кутепов Н.И., 2004. Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVII вв. М.

Маньков А.Г., 1951. Цены и их движение в Русском государстве в XVI в. М.; Л.

Маркина Н.Ю., 2000. К проблеме исследования иконы "Четырехчастная": история изучения "дела дьяка Висковатого" и живописи грозненского времени // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М.

Мейерберг А., 1874. Путешествие в Московию. М.

Молтби М., Гамильтон-Даер Ш., 1995. Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород.

Письма царя Алексея Михайловича к стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину. Письмо VI, 1856 // Собрание писем царя Алексея Михайловича. М.

Панова Т.Д., 2002. Отчет об археологических раскопках в Московском Кремле в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 25575

Полное собрание законов Российской империи, 1830. Т. 2. СПб.

ПСРЛ, 1997. Т. I. М.

ПСРЛ, 1998. Т. II. М.

ПСРЛ, 2000. Т. IV. Ч. 1. М.

ПСРЛ, 2000. М. (Софийская I летопись).

ПСРЛ, 2003. Вып. 1. М. (Псковские летописи).

Рабинович М.Г., 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.

Разрядная книга 1475-1605 гг. // Государственный Эрмитаж. Отдел Рукописей. СПб.

РГАДА. Общий архив Министерства Двора. Дела дворцов и приказов. XVI-XVII вв.

Сабанеев Л.П., 1992. Собаки охотничьи. Борзые и гончие. М.

Савваитов П., 1865. Описание царских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конских приборов. СПб.

Симаков Г.Н., 1998. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспект). СПб.

Слово о полку Игореве. М., 1981.

Соболева Н.А., 1991. Русские печати. М.

Собрание Государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1.

Спасский И.Г., 1970. Русская монетная система. Л.

Станюкович А.К., Авдеев А.Г., 2007. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XVII-XVIII вв. М.

Сытин П.В., 1952. Из истории московских улиц. М.

Федоров М.В., Малов О.Л., 2005. Соколиная охота. М.

Шталь И.В., 1989. Эпические предания Древней Греции. М.

Цалкин В.И., 1971. Некоторые итоги изучения костных останков животных из раскопок в Москве // Древности Московского Кремля. М.

D.O. Osipov

From the history of grand duke's and tsar's "larks" (on the base of materials from archaeological excavations in Moscow Kremlin)

Summary

Complex of archaeological finds of the 14th – the 15th cc. is viewed in the article. All these finds were received in the course of archaeological excavations in 2007 in Tainitzkiy garden of Moscow Kremlin. Examples of grand duke's and tsar's amusements (larks) with the assistance of exotic animals and various sorts of hunting are viewed on the basis of separate goods from osteological collection: camel's, bear's, hound's bones and also finds of falcon cucullus.

Unique find is a falcon cucullus (little cap-blinder) which is applied for falcony with hunting birds; it was found for the first time. Gathered material emphasizes singularity of finds described above, which define high status of yard holders lived here and supplements with the information about the character of the occupations of the Kremlin hill's bottom's.

П.А. Кутасов

Предметы вооружения и снаряжения воина XVI–XVII веков, полученные в ходе археологических наблюдений в Ильинском проезде города Москвы

Важным источником для реконструкции военного дела и воинской экипировки прошлых столетий служит вооружение и элементы снаряжения. В коллекции Музея истории Москвы хранится большое количество относящейся к эпохе средневековья керамики и индивидуальных находок, собранных в процессе археологических наблюдений, производимых во время строительных и земляных работ в черте г. Москвы. Одним из самых крупных объектов, послуживших источником формирования коллекции, стали работы по сооружению в 1969–1971 гг. в районе Ильинского проезда станции «Площадь Ногина» (ныне «Китай-город») Калужско-Рижской линии московского метрополитена с системой подземных переходов.

Найденные в ходе этих наблюдений предметы вооружения (отдельные образцы оружия, элементы доспехов, разнообразное снаряжение, а также индивидуальные находки других категорий) не были введены в научный оборот и на протяжении десятилетий оставались практически неизвестными специалистам. В публикациях встречались лишь незначительно разнящиеся в зависимости от характера изданий перечни обнаруженных предметов, не позволяющие составить четкое представление об их внешнем виде и исчерпывающе их атрибутировать (*Векслер*, 1971а. С. 94; 1971б. С. 126; 1972. С. 140–141). Эти описания не сопровождались фотографиями и рисунками обнаруженных предметов, лишь на вкладке в середине книги А.Г. Векслера «Москва в Москве. История в недрах столицы» (1982) была помещена небольшая фотография найденного шлема.

Введение указанных предметов вооружения и снаряжения воина в научный оборот является главной целью предлагаемой работы. Все описываемые находки происходят из слоя черной илистой земли, заполнявшей крепостной ров вдоль восточной стены Китай-города (рис. 1). Непосредственно ко рву примыкала Ильинская проездная башня с переброшенным через ров деревянным мостом-плотиной (рис. 2). Место раскопок и характер культурного слоя можно указать лишь приблизительно, поскольку археологические наблюдения в Ильинском проезде проводились без фиксации стратиграфических данных и составления археологических отчетов. В связи с этим обстоятельством в работе будет предпринята попытка датировки обнаруженных предметов на основании привлечения широкого круга аналогий.

Среди обнаруженных предметов наступательного вооружения находится наконечник копья. Он состоит из узкого ромбического в сечении пера удлиненно-треугольной формы с выраженными плечиками и массивной втулки. Общая длина наконечника составляет 26,7 см, длина пера – 17,0 см, ширина – 2,1 см. Втулка пострадала от коррозии, определить ее точную длину и диаметр не представляется возможным. Длина сохранившегося фрагмента составляет 9,7 см, диаметр – 2,5 см, хотя он должен быть больше. На остатках втулки видны сварочный шов и округлое отверстие, ниже которого различимы следы, оставленные вторым отверстием. Оба отверстия предназначались для крепления гвоздями или заклепками насаженного на деревянное древко наконечника (рис. 4, *1*). Поскольку ширина пера несколько меньше ширины втулки, рассматриваемый наконечник может быть отнесен к наиболее распространенной в позднем средневековье разновидности копий – пикам. Наконечники с подобными морфологическими признаками (тип V по А.Н. Кирпичникову) бытуют на территории Руси с момента их заимствования в VIII–IX вв. из арсенала воинов-кочевников вплоть до позднего средневековья (*Кирпичников*, 1966. С. 15–16). В XVI–XVII вв. подобные наконечники преобладали среди оружия данной категории, состоящего на вооружении русских воинов. Они известны по целому ряду находок, происходящих с территории Москвы (*Городцов*, 1913. С. 20–22. Рис. 78–81; *Кирпичников*, 1976. Табл. III; *Бойцов*, 1995. С. 262. Рис. 2, *3–4*), Тушинского лагеря Лжедмитрия II (*Городцов*, 1913. С. 22; *Двуреченский*, 2007а. С. 254–255. Рис. 1, *1–4, 6–7*), Пскова (*Сергина*, 1983.

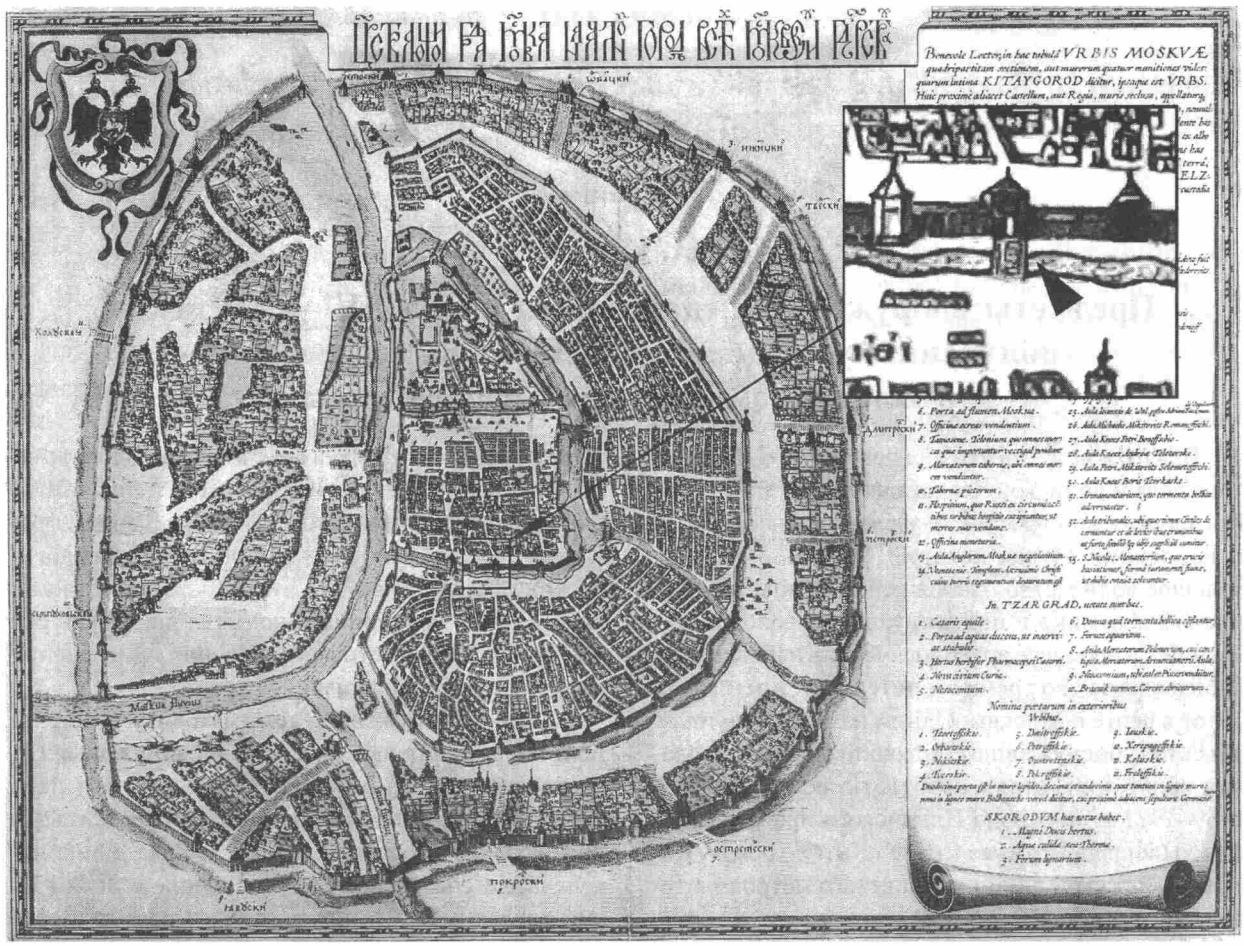


Рис. 1. «Петров чертеж». 1600-е годы. На врезке – район Ильинских ворот с крепостным рвом и мостом-плотиной (стрелкой показано основное скопление обнаруженных при археологических наблюдениях предметов вооружения и снаряжения воина)

С. 96. Рис. 7, *1–4, 8*; *Степанов, Яковлева*, 1994. С. 103, Рис. 2, *1*; *Степанов*, 1997. С. 319), крепости Орешек (*Кирпичников*, 1976. С. 20; *Кильдюшевский*, 1999. Табл. 3. С. 73. Рис. 2, *8*) и Кирилло-Белозерского монастыря (*Кирпичников, Хлопин*, 1958. Рис. 11). Наиболее близкую аналогию описываемому наконечнику представляют наконечники пик XVII в. из состава оружейной казны Соловецкого монастыря, хранящиеся как в коллекции СГИАПМЗ (*Балан*, 2006. С. 150. № 248, 250), так и фондах ГИМа.

Другой наконечник отличается своей конструкцией: между длинным широким пером и сужающейся кверху втулкой расположены две перекладины – прямая со слегка закругленными краями и изогнутая в виде широкого полумесяца с заточенными противоположными краями (рис. 3, *1*). В поперечном сечении перо представляет сильно уплощенный ромб. Общая длина наконечника – 33,5 см, длина пера – 25,0 см, длина втулки – 8,5 см, диаметр втулки – 3,4 см, ширина пера – 4,9 см. Прямая перекладина по ширине равна перу, ширина полумесяца составляет 10 см. Наконечник откован очень грубо, несимметрично, его поверхность несет многочисленные следы кузнечного молота и покрыта образовавшимися при коррозии кавернами. На весьма короткой втулке виден сварочный шов с заложенными друг на друга краями и расположенные друг против друга два округлых отверстия, служивших для закрепления наконечника на древке. Подобные сведенные втулки известны у наконечников пик, являвшихся вооружением украинских казаков и ополченцев, найденных во время археологических раскопок на месте трехдневного сражения под Берестечком, где в 1651 г. столкнулись украинское войско гетмана Богдана Хмельницкого и армия Речи Посполитой (*Свєшніков*, 1992. С. 218, 236. Рис. 50, *1, 5*; 62, *5–6, 11*). Наш наконечник деформирован в результате удара – он изогнут в нескольких местах, один из концов полумесяца и конец пера загнуты под прямым углом . В краткой заметке, посвященной археологическим наблюдениям в Ильинском проезде, А.Г. Векслер трактовал этот наконечник как составную часть протазана (1971а. С. 94). Однако по морфологическим признакам и грубому испол-

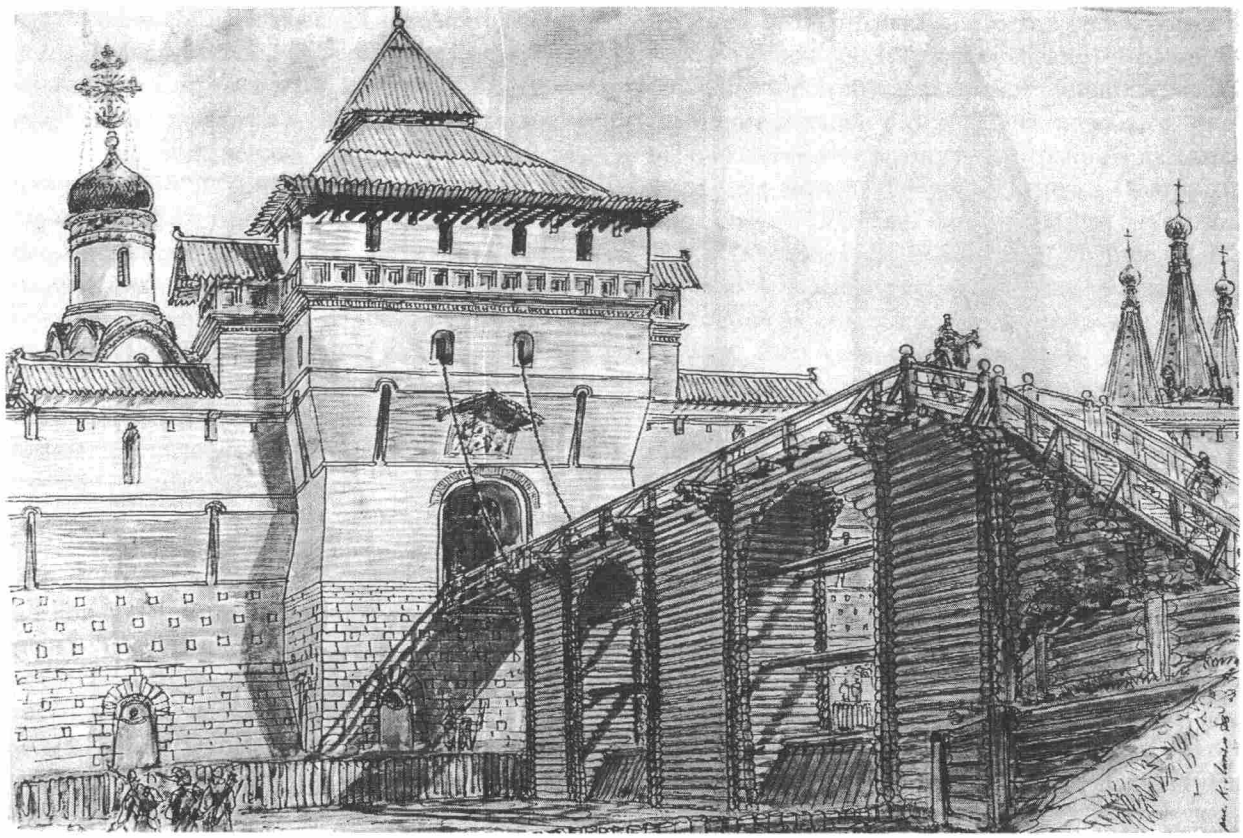


Рис. 2. Ильинские ворота в XVII в. Реконструкция К.К. Лопяло и А.Г. Векслера. 1973 г.

нению его трудно отнести к данному типу древкового оружия. Найти точные аналогии описываемому наконечнику автору не удалось, в связи с чем можно предположить, что он является образцом кустарно изготовленного оружия.

Интересен и третий наконечник с массивным широким пером – асимметричным лезвием с односторонней заточкой, переходящим в округлую втулку. Перо в сечение треугольное; втулка свернутая, на ней виден полностью несомкнутый шов. Отверстие для фиксации наконечника на древке отсутствует. Наконечник несет ряд повреждений: перо слегка погнуто, на расстоянии 5,8 см от нижнего края втулки прослеживается поперечная трещина, утрачена часть фрагментов по краю самой втулки. Общая длина наконечника составляет 27 см, из них на перо приходится 18 см, а на втулку – 9, ширина пера равна 3,9 см, диаметр втулки – 4 см (рис. 3, *3)*. Надо отметить, что в отечественной оружееведческой и археологической литературе в отношении подобного вида наконечников устоявшегося термина еще не выработано. Впервые попытка выявить и описать такие наконечники из основного массива древнерусского оружия была предпринята А.Р. Артемьевым. Подобное оружие, в основном происходящее с территории Новгородской земли, несмотря на некоторые морфологические различия по форме, было обозначено общим термином «ножевидные наконечники копий». Поскольку круг известных автору находок был незначителен, он сделал вывод о малой распространенности данного вида оружия на территории Руси в период средневековья (*Артемьев*, 1991. С. 186). До выхода работы А.Р. Артемьева такие наконечники причислялись авторами к разным категориям оружия. Так, обнаруженный на территории Белгорода в слоях XVI–XVII вв. наконечник был атрибутирован как сулица (*Никитин*, 1962. С. 271. Рис. 9, *2)*. Позже они стали причисляться к рогатинам. В качестве примера можно привести описываемый наконечник из Ильинского проезда в Москве (*Векслер*, 1971а. С. 94; 1971б. С. 126) и похожий, найденный у д. Старое Василево на р. Вожа и переданный местными краеведами в коллекцию Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника («Поле русской славы», 1984. С. 106). В настоящее время встречающиеся при раскопках близкие по внешнему виду наконечники относятся либо к «пальмам», как наконечник с городища Городок (*Заидов, Гуркин*, 2007. С. 70. Рис. 3, *7*), либо к «совням», как два наконечника второй половины XVIII в., обнаруженных при исследовании селища Тарасовка 1 (*Сыроватко, Панченко*, 2002. С. 12–13. Рис. 4, *1, 3*), и наконечник, извлеченный из постройки середины XVII в. на территории тульского кремля (*Екимов*, 2007. С. 79, 88. Рис. 15, *1)*. Из археологи-

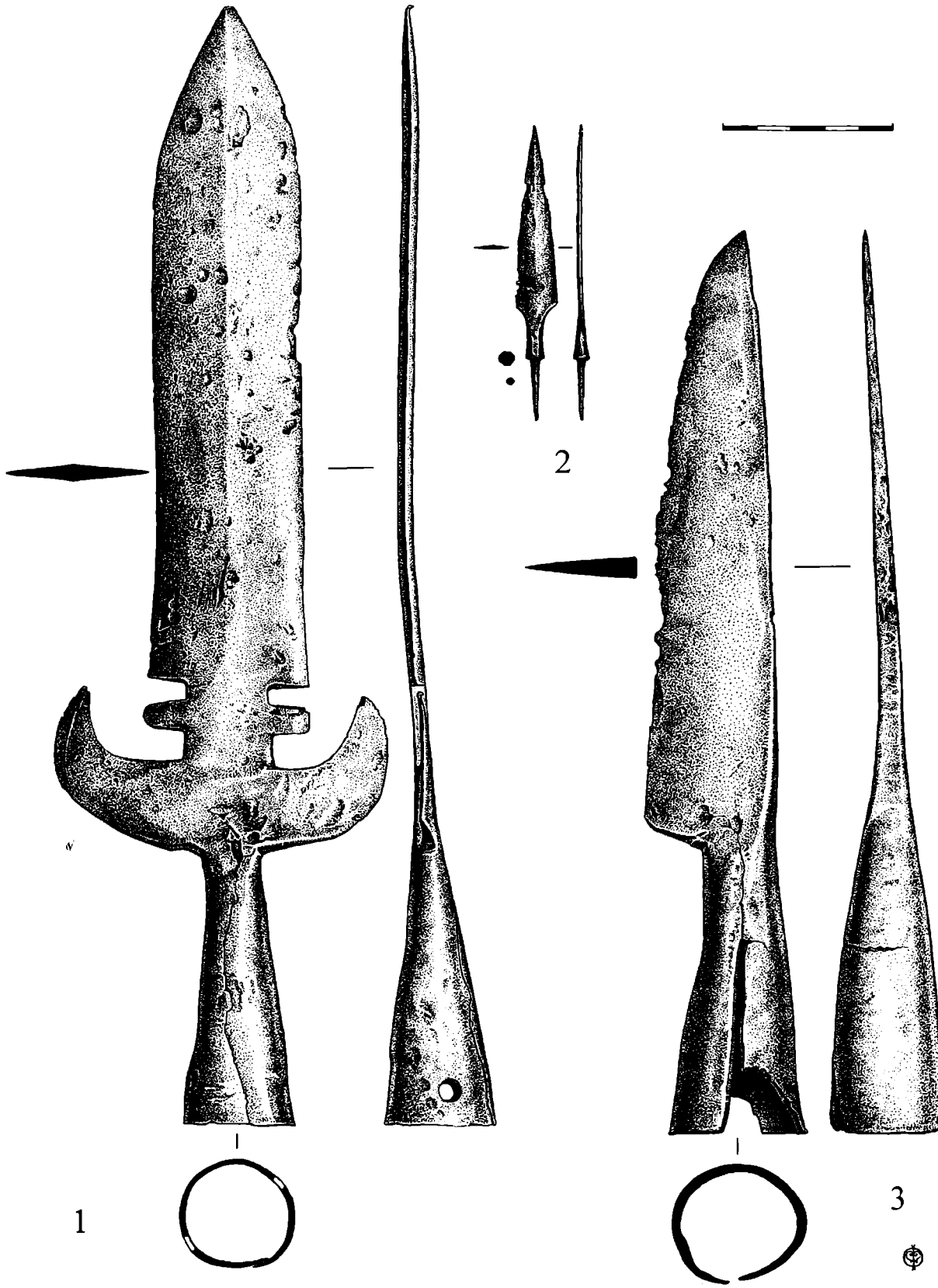


Рис. 3. Предметы наступательного вооружения

1 – наконечник неустановленного древкового оружия; 2 – наконечник стрелы; 3 – наконечник ножевидного копья

ческих раскопок и наблюдений на территории Москвы и Тулы известен еще целый ряд не опубликованных пока втульчатых ножевидных наконечников, близких по форме и размерам описываемому.

По нашему мнению, вопрос об общем названии подобного рода наконечников с четким выделением морфологических признаков заслуживает рассмотрения в отдельной работе. Такой формы наконечники следует отнести к универсальному оружию, позволявшему наносить сильные рубящие, колющие и совмещенные с ними рубяще-режущие удары, и приспособленному как к охоте на крупного зверя, так и к военной деятельности. Отметим, что подобная разновидность оружия с насаженным на длинное древко с помощью втулки прямым или слегка изогнутым наконечником в форме ножа, в эпоху средневековья была распространена на больших территориях. В странах Западной и Центральной Европы такое оружие (немецкое «glefe» и «kusen», французское «vouge» и «couse», «glavia», «couteau de breche», итальянское «falcione») использовалось с середины XIII по конец XVIII в. Однако большинство дошедших до нас экземпляров, хранящихся в западноевропейских музеях, относится к XVI столетию и представляет собой богато инкрустированные образцы с различными надписями и монограммами. Эта разновидность древкового оружия широко применялась отрядами телохранителей, несших караульную службу во дворцах, например входило в состав вооружения дворцовой стражи правителей Мантуи и Монферрато из рода Гонзага и австрийских правящих эрцгерцогов и императоров династии Габсбургов (*Gamber, Beaufort*, 1990. S. 94–96. Abb. 50–51; *Karcheski*, 1995. S. 58–59; *Waldman*, 2005. P. 183, 185, 188. Fig. 152, 155, *a, b*; "Das Wiener Burgerliche...", 1977. S. 145, 160. Abb. 63; *Boccia*, 1975. D. 448, 454; *Blair*, 1962. P. 24–25. Fig. 228; "Antiche Armi...", 1969. D. 394–395. Pag. 66). У таежного населения Сибири (якутов, манси, эвенков и др.) схожее по конструкции оружие с широким массивным наконечником ножевидной формы именовалось «пальма». В эпоху позднего средневековья наряду с топорами оно стало популярным средством ведения ближнего боя, вытеснившим из воинского арсенала копье (*Соловьев*, 1987. С. 73, 77, 88; 2003. С. 194–195. Рис. 35, *в*; 55, 57).

Обнаруженный при наблюдениях топор с ассиметричным оттянутым к рукояти полотном без бородки и массивным обухом следует причислить к категории рабочих несмотря на то, что ранее специалистами он был отнесен к числу боевых (*Векслер*, 1971а. С. 94). Топор обладает следующими параметрами: общая высота от края лезвия до обуха составляет 14,7 см, ширина лезвия соответствует 8,8 см, а размер близкого к овалу проушного отверстия равен 3,4х3,8 см. На верхней и одной из боковых сторон обуха пролегают трещины (рис. 5). По классификации Б.А. Колчина, подобные топоры относятся ко второму типу, границы их бытования для материалов из раскопок в Новгороде определяются началом XIII – концом XIV в. (*Колчин*, 1959. С. 26. Рис. 9, *Б*. Табл. 6). По мнению А.В. Никитина, «в центральных районах, по-видимому, они были распространены и позже» (1971. С. 38). Аналогичные тяжелые топоры, найденные при строительстве первой очереди Московского метрополитена и в ходе многолетних раскопок в Зарядье, по мнению Р.Л. Розенфельдта (1971. С. 254. Рис. 1, *2–4*), применялись в основном для рубки леса и плотницких работ и бытовали на территории Москвы вплоть до середины XVII в. На правильность этого суждения указывает факт обнаружения описываемой вещи в заполнении крепостного рва Китайгородской стены, сооруженной во второй четверти XVI в. Отметим, что аналогичный ему топор был обнаружен при археологических наблюдениях в Московском Кремле в 1960 г. в слое конца XV –VI в. (*Воронин*, 1961а. С. 9; 1961б. Рис. 9). Другой такой топор выявлен в переотложных слоях шурфа 2А при наблюдениях за земляными работами 2005 г. в Можайске. Схожий с ними топор происходит из напластований Боровского городища (*Векслер*, 1962а. С. 22; 1962б. Рис. 42, 44). Рабочие и близкие к ним по внешнему виду универсальные топоры были распространенным оружием ополченцев, что подтверждается многочисленными находками на месте Тушинского лагеря Лжедмитрия II (*Двуреченский*, 2007а. С. 2 . Рис. 5–7) и поле битвы под Берестечком (*Свєшніков*, 1992. С. 218. Рис. 50, *4, 6*; 51, *1–4*; 52, *1–2, 5*). Не исключено, что указанный топор не имел отношения к военным событиям и был утерян в мирное время.

В ходе археологических наблюдений был найден ромбовидно-вытянутый наконечник стрелы, уплощенно-ромбовидный в поперечном сечении (рис. 3, *2*). Наконечник снабжен четко выраженным разбитым на грани слегка расширяющимся упором и округлым заостренным снизу черешком. Длина наконечника – 8,9 см, длина пера – 7,1 см, ширина пера –1,3 см, длина черешка – 1,8 см, пропорции пера – 1:4. Вес наконечника – около 6,6 г. По типологии О.В. Двуреченского, он относится к универсальному по функциональному назначению типу 6а. Наконечники этого типа являются самыми распространенными на территории Московского государства с XV по середину XVII в. (*Двуреченский*, 2007б. С. 283–284. Рис. 24. Прил.). В качестве примера можно назвать целый ряд подобных наконечников, найденных в ходе археологических

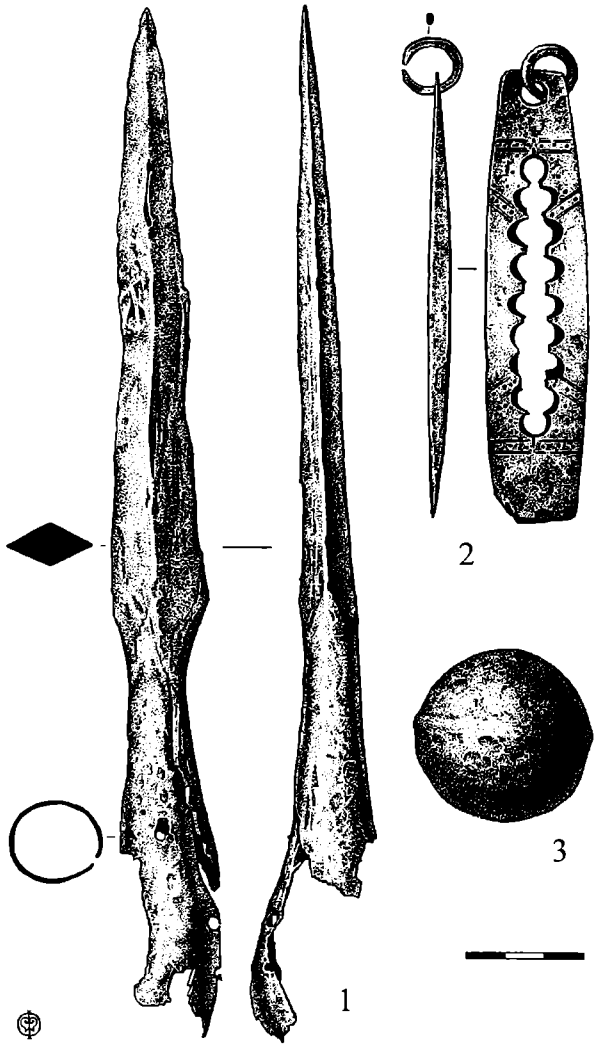


Рис. 4. Предметы наступательного вооружения и снаряжения воина

разведок и раскопок на территории тульского кремля (*Екимов*, 2007. С. 88–89. Рис. 31, *3, 5*) и казачьих слобод Кораблино-8 и Гольево-3 в окрестностях Епифани. Все они датируются XVI – серединой XVII в. Однако наконечник из Ильинского проезда не вошел в прилагаемый к работе О.В. Двуреченского каталог находок.

К военному снаряжению, несомненно, относится обнаруженная в Ильинском проезде в заполнении рва на глубине 4,3 м железная удлиненная, слегка погнутая пластина миндалевидной формы длиной 11,7 см при наибольшей ширине 2,7 см. Толщина пластины не одинакова и колеблется от 0,1 до 0,6 см. В середине пластины располагается усложненной формы прорезь из семи попарно размещенных полукруглых вырезов (диаметром 1,1 см), сверху и снизу завершающаяся небольшими округлыми отверстиями (диаметром 0,6 см). Такие вырезы предназначались для охвата головок винтов при подтягивании или отвертывании колков ружейных и пистолетных замков во время их ремонта или чистки. Нижний конец пластины сильно раскован и употреблялся как отвертка, один из краев которой обломан. Считается, что такие пластины, использовавшиеся в качестве ключа и отвертки, могли также служить кресалом (*Розенфельдт*, 1958. С. 93–94). В противоположной верхней части пластины сквозь отверстие продето небольшое железное сведенное кольцо, служившее для подвешивания. Кольцо прямоугольное в сечении, его диаметр равен 1,5 см, а толщина составляет 2,5 см. На поверхность обеих широких плоскостей пластины нанесен рисунок из парных прямых линий с заключенными между ними точками или отдельных точек, выстроенных в линии (рис. 4, *2*). Пластина, снабженная кольцом со сведенными концами, найдена в Коломне в яме первой половины XVII в. (*Ульянова*, 2008. С. 208. Рис. 11, *9*). На ряде аналогичных изделий с территории Коломны присутствует и подобная орнаментация, выполненная насечкой в виде прямых параллельных или перекрещивающихся линий и точек, (*Ульянова*, 2008. С. 208. Рис. 11, *7–8*). Близкие по форме, но отличающиеся размерами и исполнением прорезей пластины происходят с территории Тушинского лагеря также из слоев начала XVII в. (*Розенфельдт*, 1958. С. 93–94. Рис. 32, *12*; *Двуреченский*, 2007а. С. 269. Рис. 12, *11*), из Зарядья в Москве (*Дубынин*, 1956. С. 126. Рис. 43, *7*; *Розенфельдт*, 1958. С. 94) и окрестностей Епифани. На основе приведенных аналогий описываемый образец из Ильинского проезда может быть отнесен к концу XVI – началу XVII в. Вообще, различные ключи и отвертки, упоминающиеся в различных документах XVII в., были необходимой принадлеж-

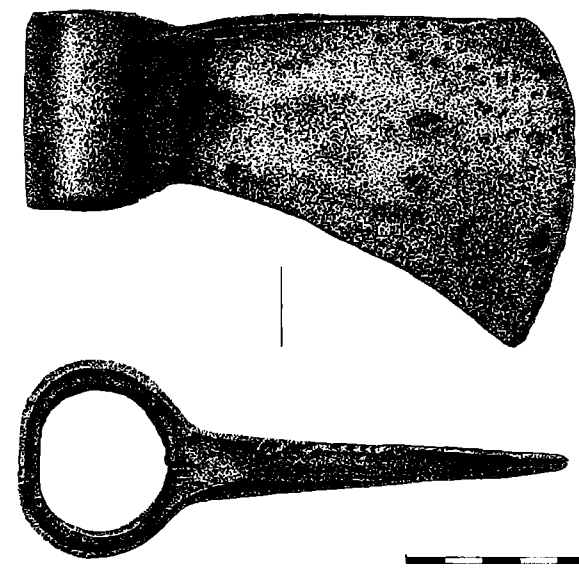


Рис. 5. Рабочий топор

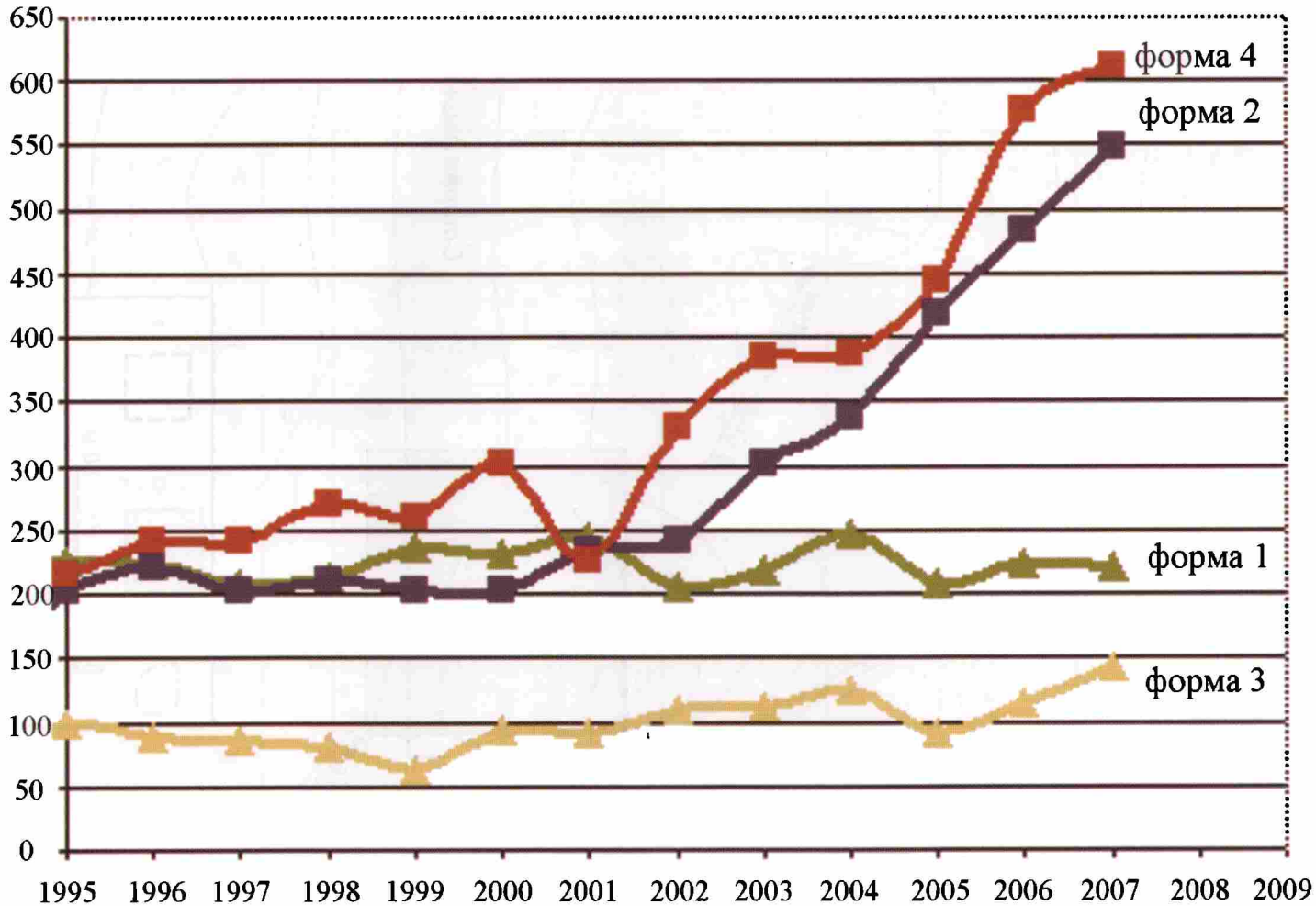


Рис. I. Распределение по формам Открытых листов, выданных ОПИ ИА РАН в 1994–2008 гг. *(К статье Энговатовой А.В.)*

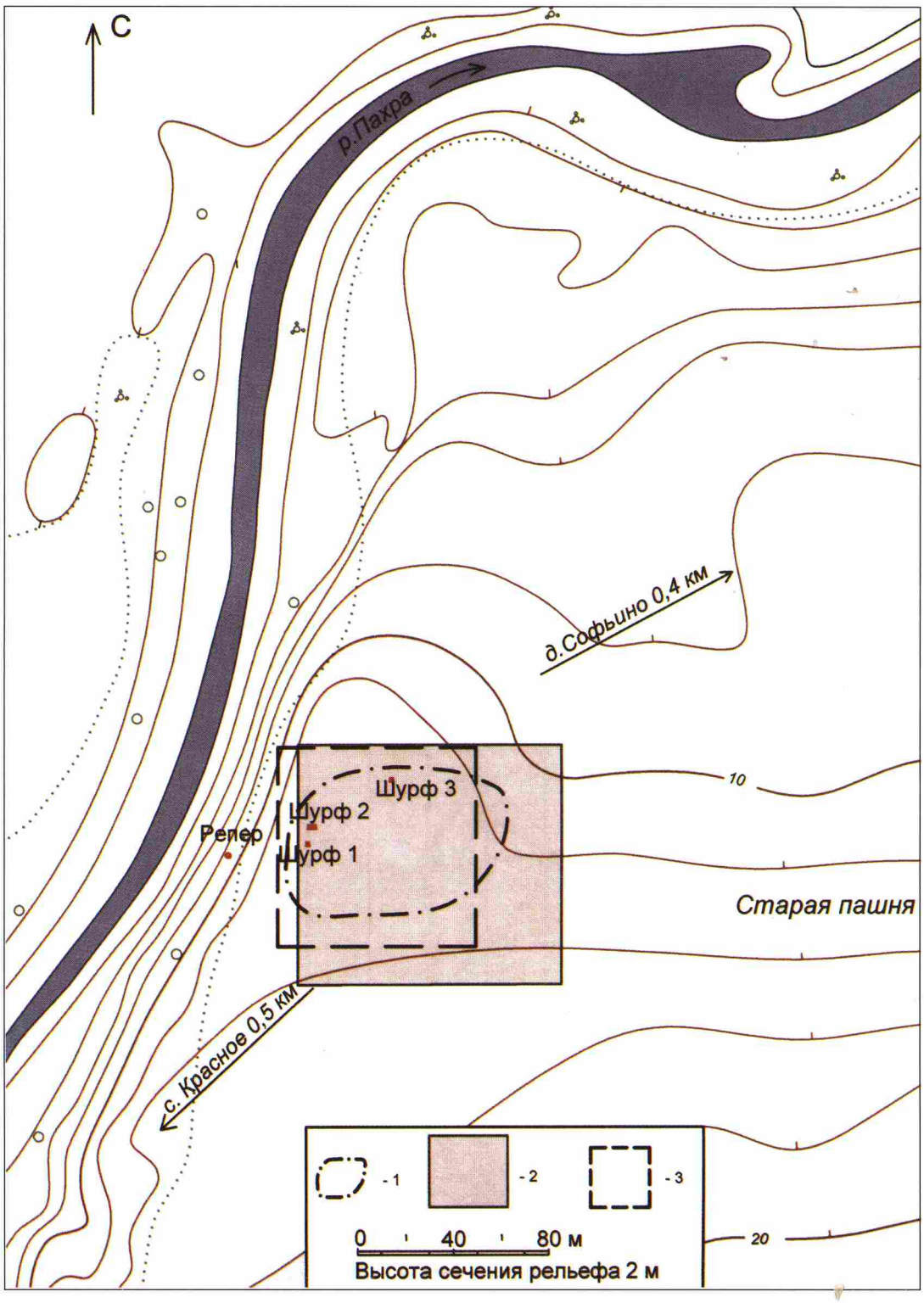


Рис. II. Селище Софьино 1 (кон. XIII – XIV в.). Московская область, Подольский район. Топографический план. *(К статье Гоняного М.И.)*

1 – граница селища; 2 – граница планшета, обследованного с использованием детекторов металла; 3 – территория селища, обследованная магниторазведочными методами поиска; 4 – грунтовая дорога

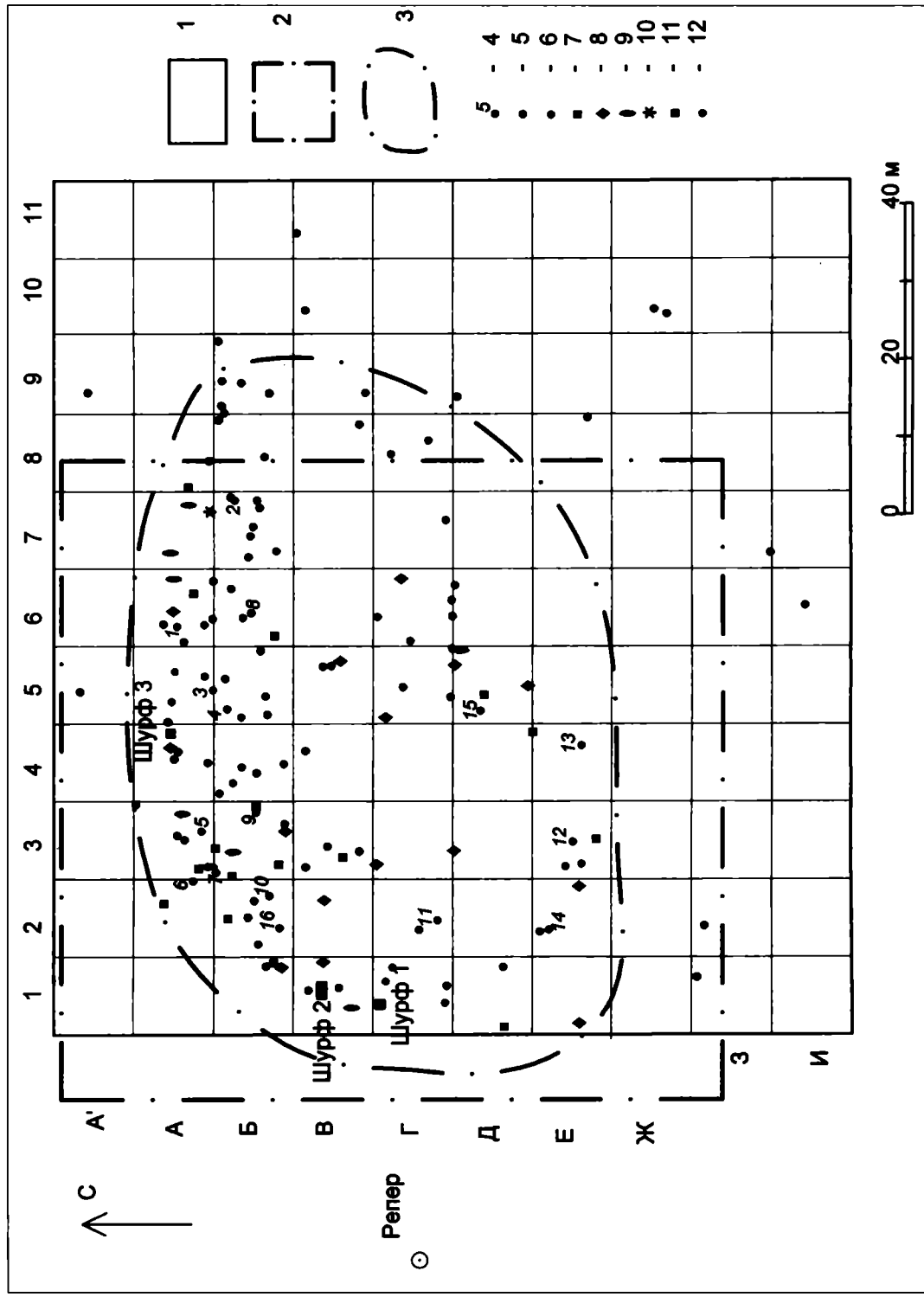


Рис. III. Селище Софьино 1 (кон. XIII – XIV в.). Результаты планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла. *(К статье Гоняного М.И.)*

1 – планшет сбора подъемного материала с использованием детекторов металла; 2 – граница планшета магнитной геофизической разведки; 3 – граница селища; 4 – металлургический шлак; 5 – гвозди и их обломки; 6 – ножи и их фрагменты; 7 – выплески цветного металла; 8 – медные пластинки; 9 – находки XVII–XVIII вв. Находки, собранные с использованием детекторов металла: 1 – фрагмент пряжки железной; 2 – дужка цилиндрического замка; 3 – наконечник стрелы; 4 – лемех; 5 – железная наременная накладка с петлей для колечка; 6 - железная наременная накладка; 7 – фрагмент железного рыболовного крючка; 8 – фрагмент железных ножниц; 9 – фрагмент железной наременной накладки Х-образной формы; 10 – железная заклепка; 11 – резец токарный; 12 – фрагмент лезвия топора; 13 – пряжка железная; 14 – фрагмент кочедыка; 15 – пряжка железная; 16 – фрагмент железной наременной накладки

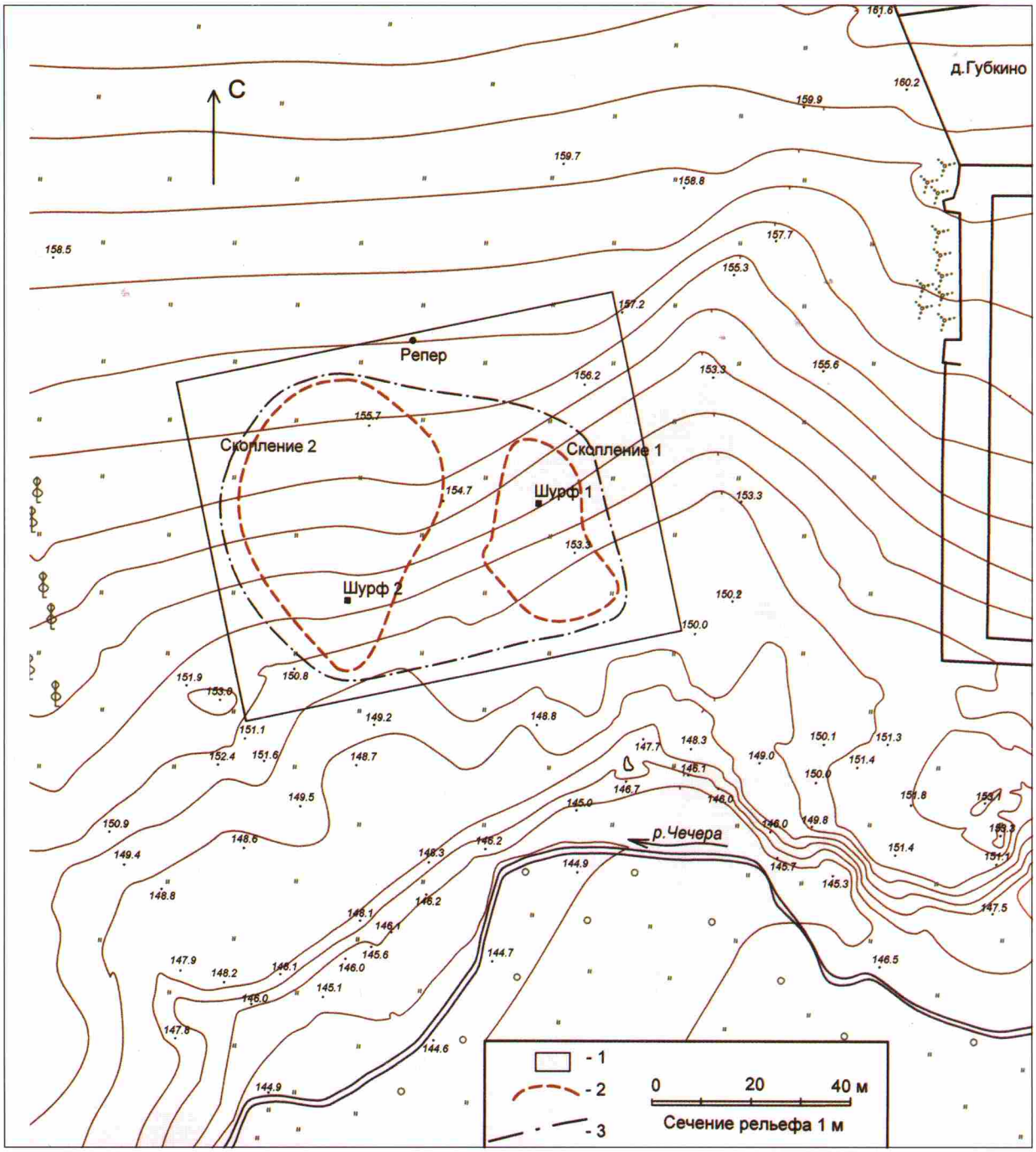


Рис. IV. Селище Губкино 1 (XV–XVIII вв.). Московская область, Ленинский район. Топографический план.
(К статье Гоняного М.И.)

1 – граница поискового планшета; 2 – граница концентрации гумусированного культурного слоя; 3 – граница селища

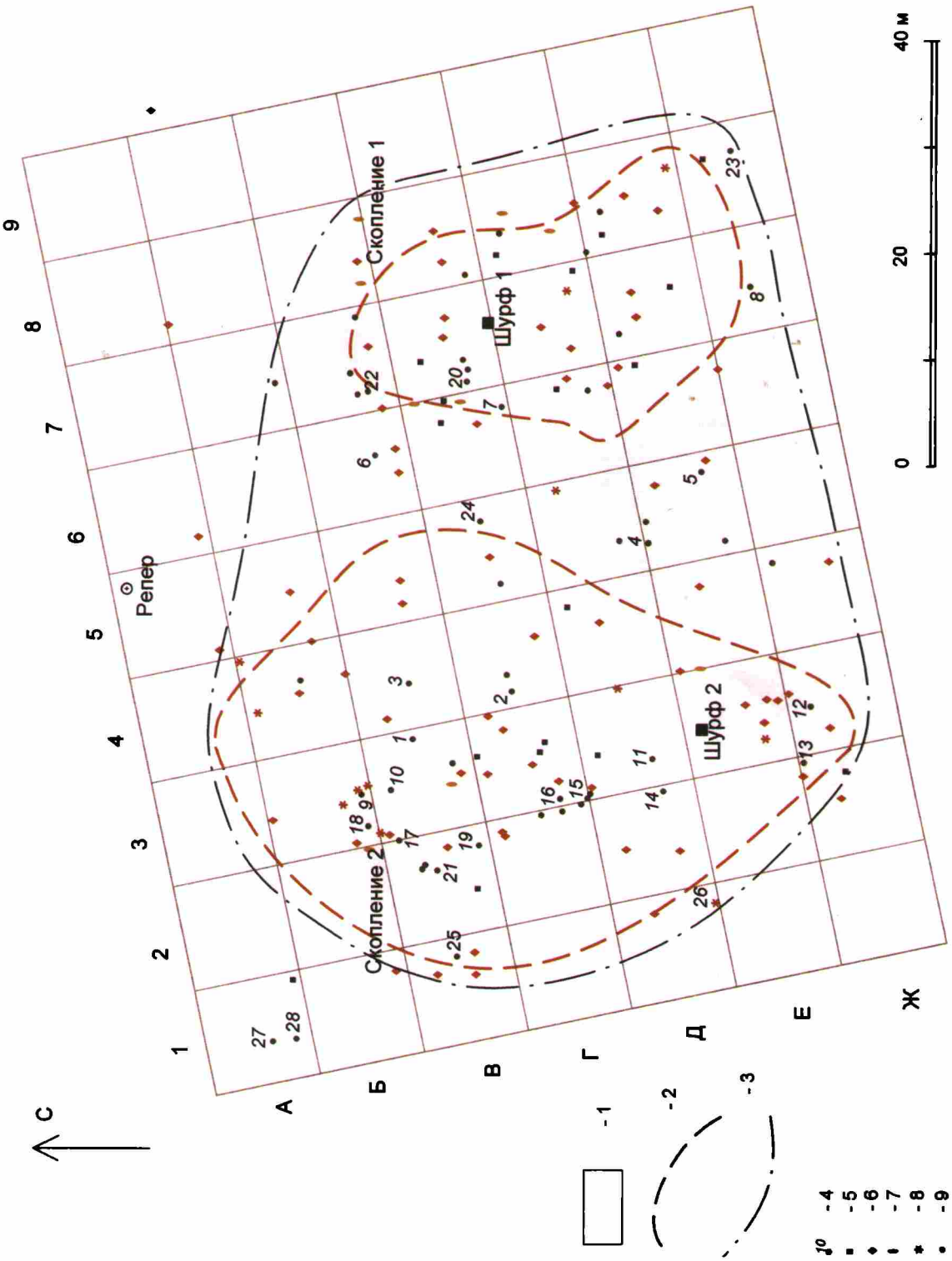


Рис. V. Селище Губкино 1 (XV–XVIII вв.). Результаты планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла. *(К статье Гоняного М.И.)*

1 – граница поискового планшета; 2 – граница концентрации гумусированного культурного слоя; 3 – граница селища; 4 – ножи; 5 – гвозди их фрагменты; 6 – железные поковки; 7 – дверные ключи и пробои; 8 – прочие находки. Находки, собранные с использованием детекторов металла: 1 – подкова сапожная; 2 – наконечник стрелы; 3 – железная пряжка; 4 – кочедык; 5 – цепь для подвешивания котла; 6 – накладка с петлей, цветной металл, лужение; 7 – накладка орнаментированная бронзовая; 8 – накладка сбруйная; 9 – пряжка железная; 10 – накладка округлая бронзовая; 11 – пуговица-гирька, цветной металл; 12 – монета-денга 1753 г.; 13 – подкова конская; 14 – скоба железная; 15 – фрагмент удил; 16 – пуля свинцовая; 17 – накладка сбруйная; 18 – наконечник стрелы; 19 – накладка, цветной металл, лужение; 20 – крест-тельник медный; 21 – монета-денга XV в., серебро; 22 – пряжка с язычком, железная; 23 – фрагмент подковы конской; 24 – пуля свинцовая; 25 – пряжка железная; 26 – ключ от цилиндрического замка; 27 – звено от цепи

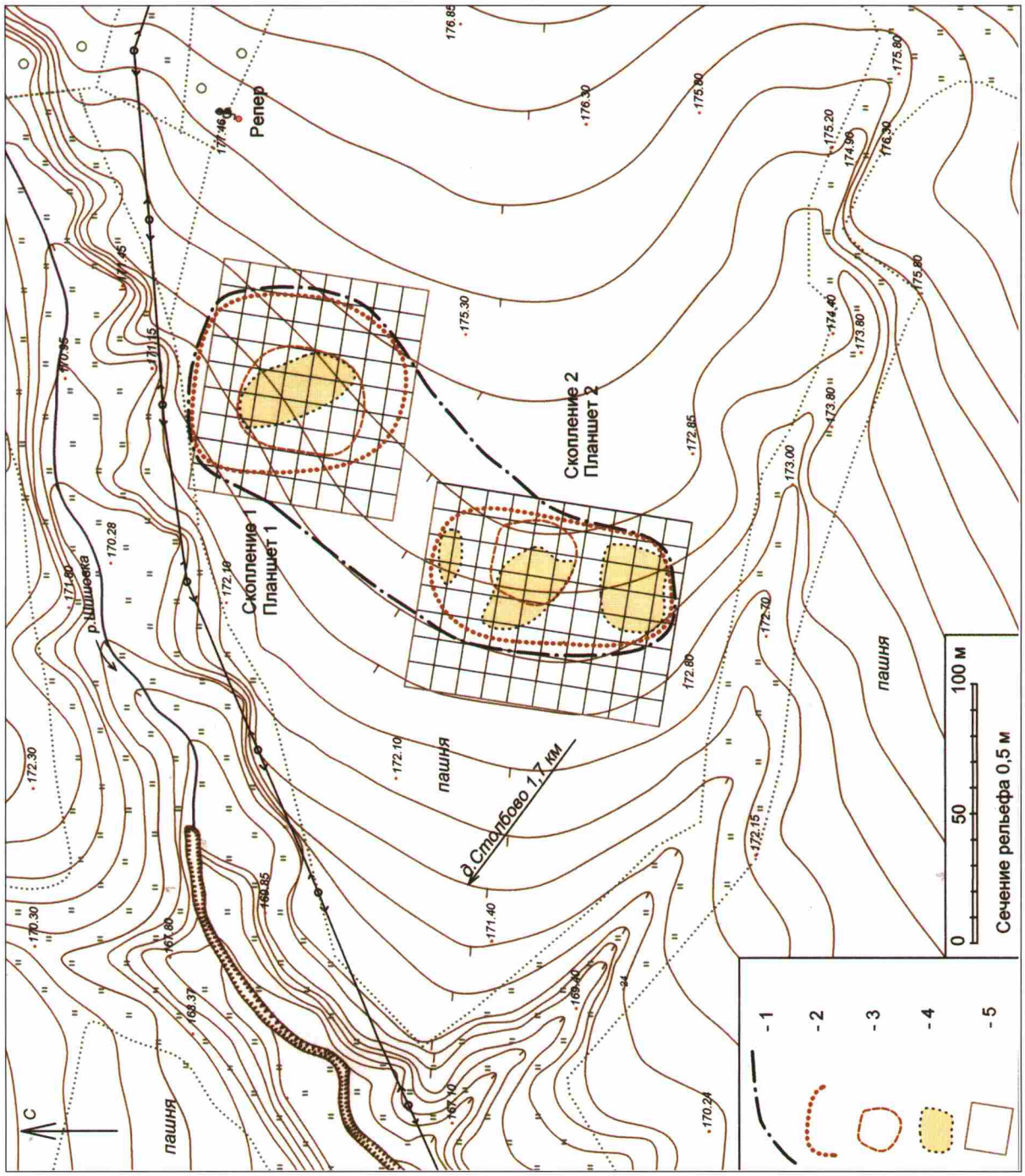


Рис. VI. Селище Столбово 1 (XVI в). Московская область, Ленинский район. Топографический план.
(К статье Гоняного М.И.)

1 – граница селища; 2 – граница скопления подъемного материала; 3 – участок концентрации гумусированного культурного слоя; 4 – граница скопления керамики; 5 – граница поискового планшета; 6 – фрагменты ножей, гвоздей, поковки, металлургический шлак; 7 – находка

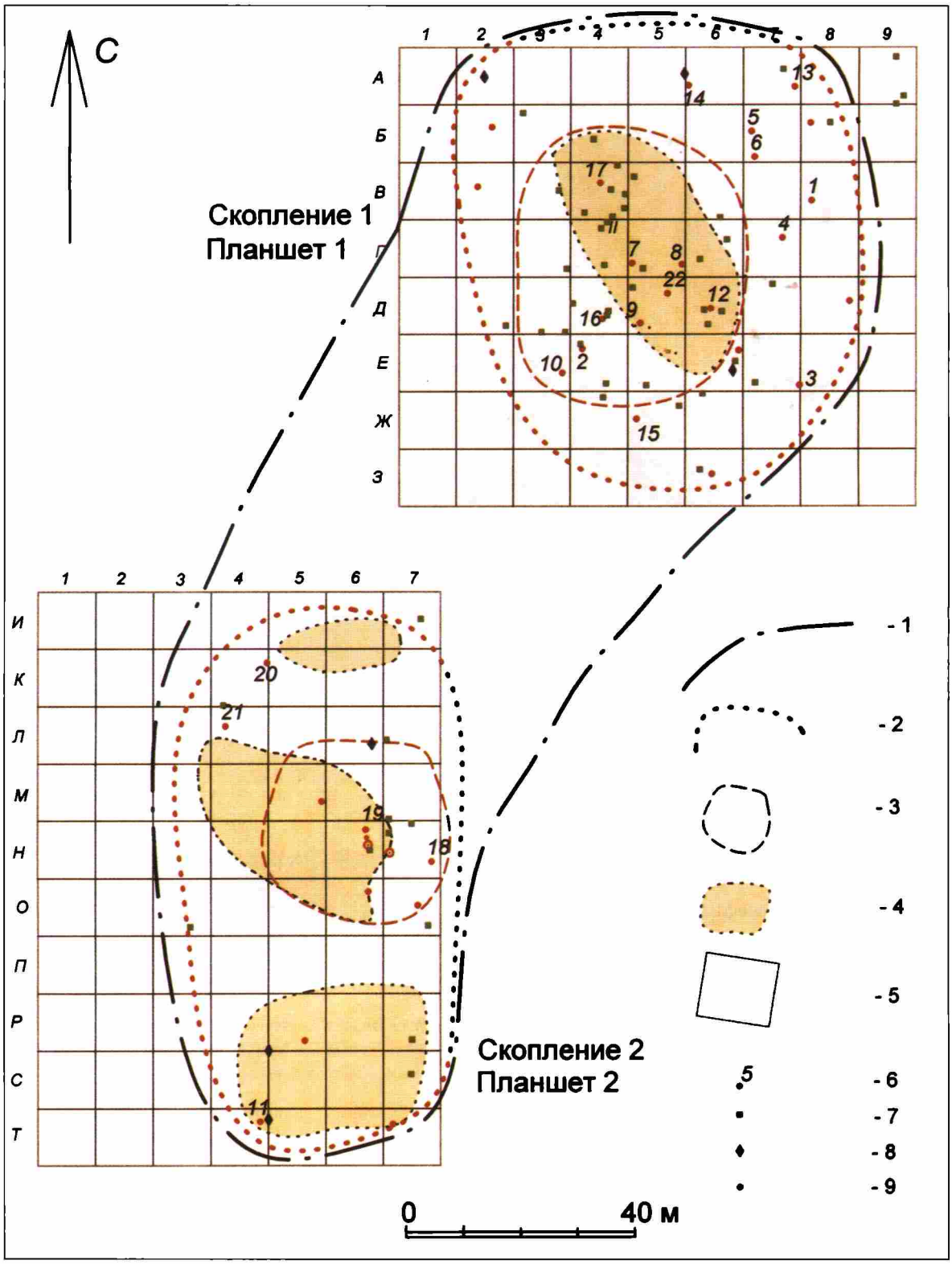


Рис. VII. Селище Столбово 1 (XVI в.). Планшеты сбора подъемного материала с использованием детекторов металла. *(К статье Гоняного М.И.)*

1 – поисковый планшет; 2 – граница селища; 3 – граница скопления подъемного материала; 4 – участок концентрации гумусированного культурного слоя; 5 – граница скопления керамики; 6 – мелкие фрагменты ножей, обломки гвоздей, поковки, кусочки металлургического шлака; 7 – ножи черешковые; 8 – пряжки железные. Находки, собранные с использованием детекторов металла: 1, 2 – фрагменты подков конских; 3 – подкова сапожная; 4, 5 – дужки от цилиндрических замков; 6, 7 – ключи от замков; 8–11 – пробои дверные; 12 – задвижка дверная; 13 – фрагмент древолазного шипа; 14 – наконечник ремня из цветного металла; 15 – молоток-кирка; 16 – фрагмент перстня серебряного; 17 – крест-тельник медный; 18 – лезвие топора; 19 – фрагмент бронзового украшения; 20 – зубило железное; 21 – подпятник дверной; 22 – наконечник стрелы

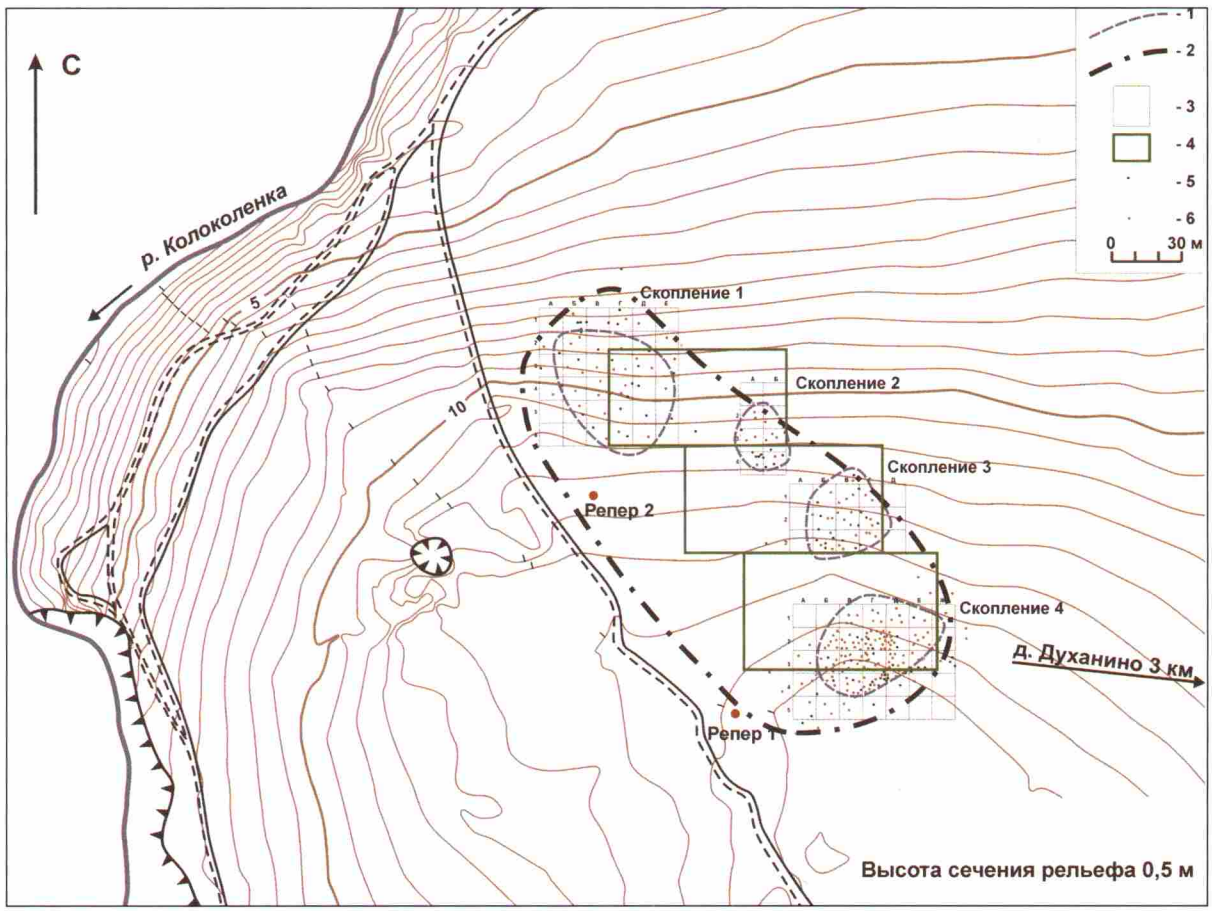


Рис. X. Селище Духанино (Степаньково) 1 (кон. XVII – XIX в.). Московская область, Истринский район. Топографический план. *(К статье Гоняного М.И.)*

1 – граница скопления керамического материала; 2 – примерная граница памятника; 3 – границы планшетов сбора подъемного материала с использованием детекторов металла; 4 – границы планшетов геофизической разведки; 5 – находки; 6 – фрагменты гвоздей

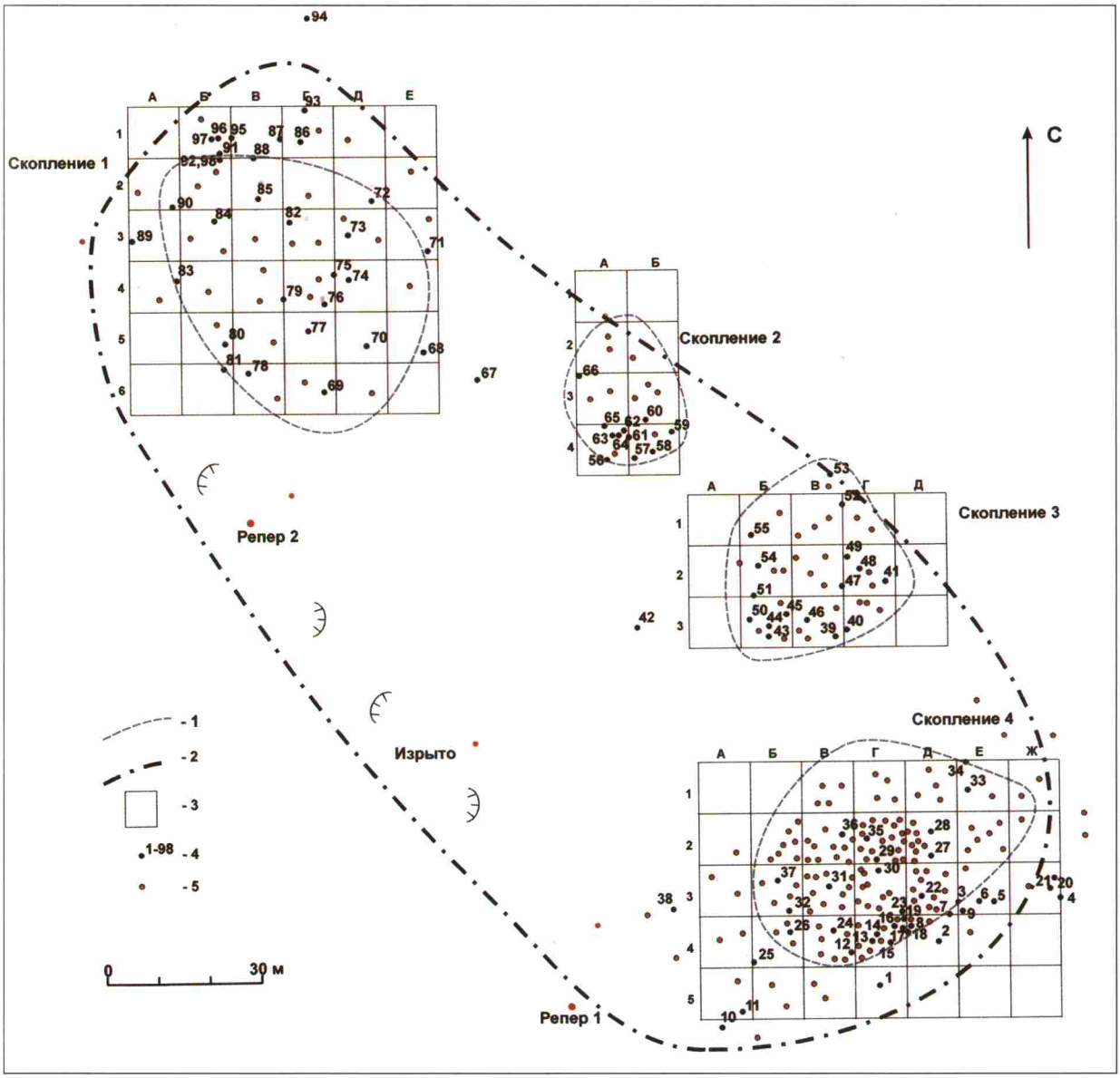


Рис. XI. Селище Духанино (Степаньково) 1. Результаты планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла. *(К статье Гоняного М.И.)*

1 – граница скопления керамического материала; 2 – примерная граница памятника; 3 – планшет сбора подъемного материала с использованием детекторов металла; 4 – находки; 5 – фрагменты гвоздей

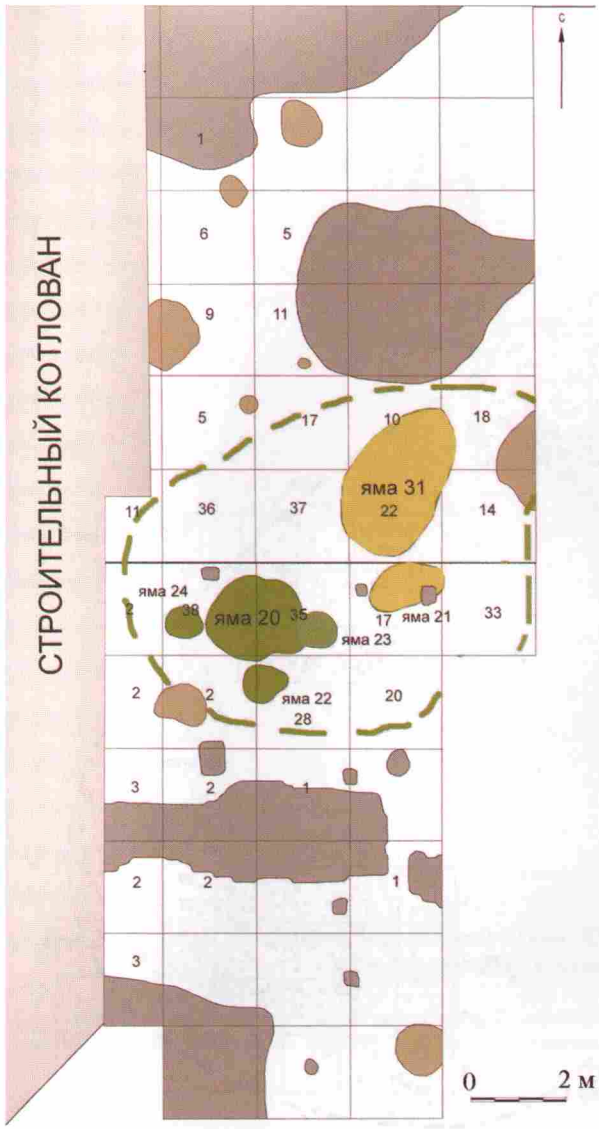


Рис. XII. Раскоп I. Центральный.
(К статье Чернова С.З. и Волкова И.В.)

Ямы XI в. (20, 22–24), 1-й пол. XII в. (31, 21) и реконструированная зона распространения культурного слоя с лепной и раннекруговой керамикой (показана зеленым пунктиром). Цифрами показано число лепной и раннекруговой керамики на квадрат. Жирная горизонтальная линия разделяет раскоп на участки В (северный) и Г (южный)

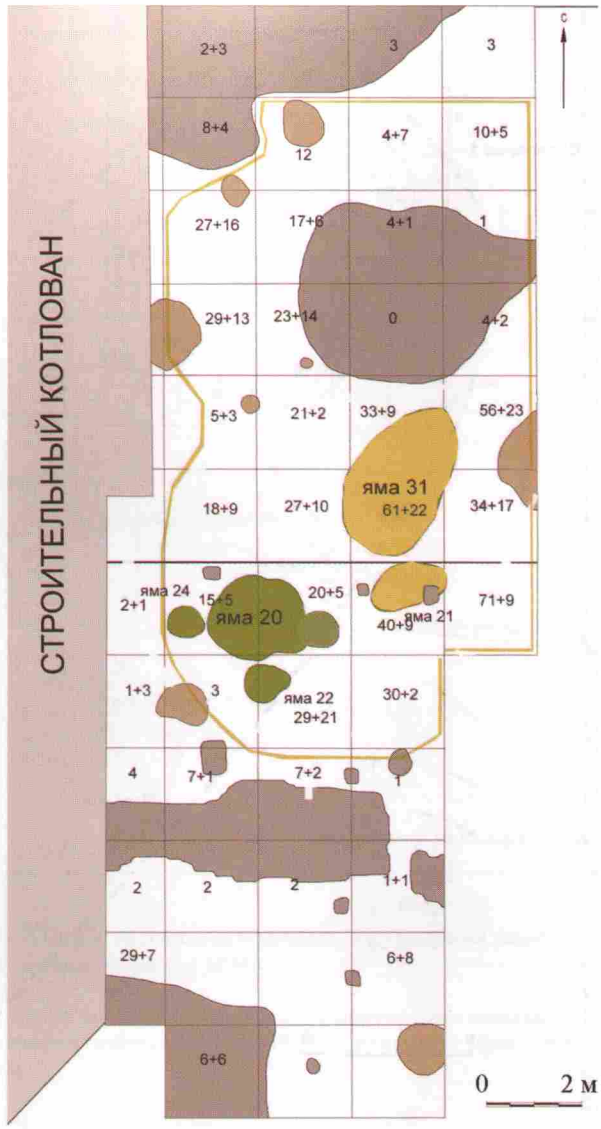


Рис. XIII. Раскоп I. Центральный.
(К статье Чернова С.З. и Волкова И.В.)

Ямы XI в. (20, 22–24), 1-й пол. XII в. (31, 21) и реконструированная зона распространения культурного слоя с курганной и серой керамикой (показана желтой линией). Цифрами показано число курганной и серой керамики на квадрат

Рис. XIV. Селище Мякинино-1. Сводный план объектов XII–XV вв. *(К статье Коваля В.Ю. «Хронологическая стратификация ...»)*

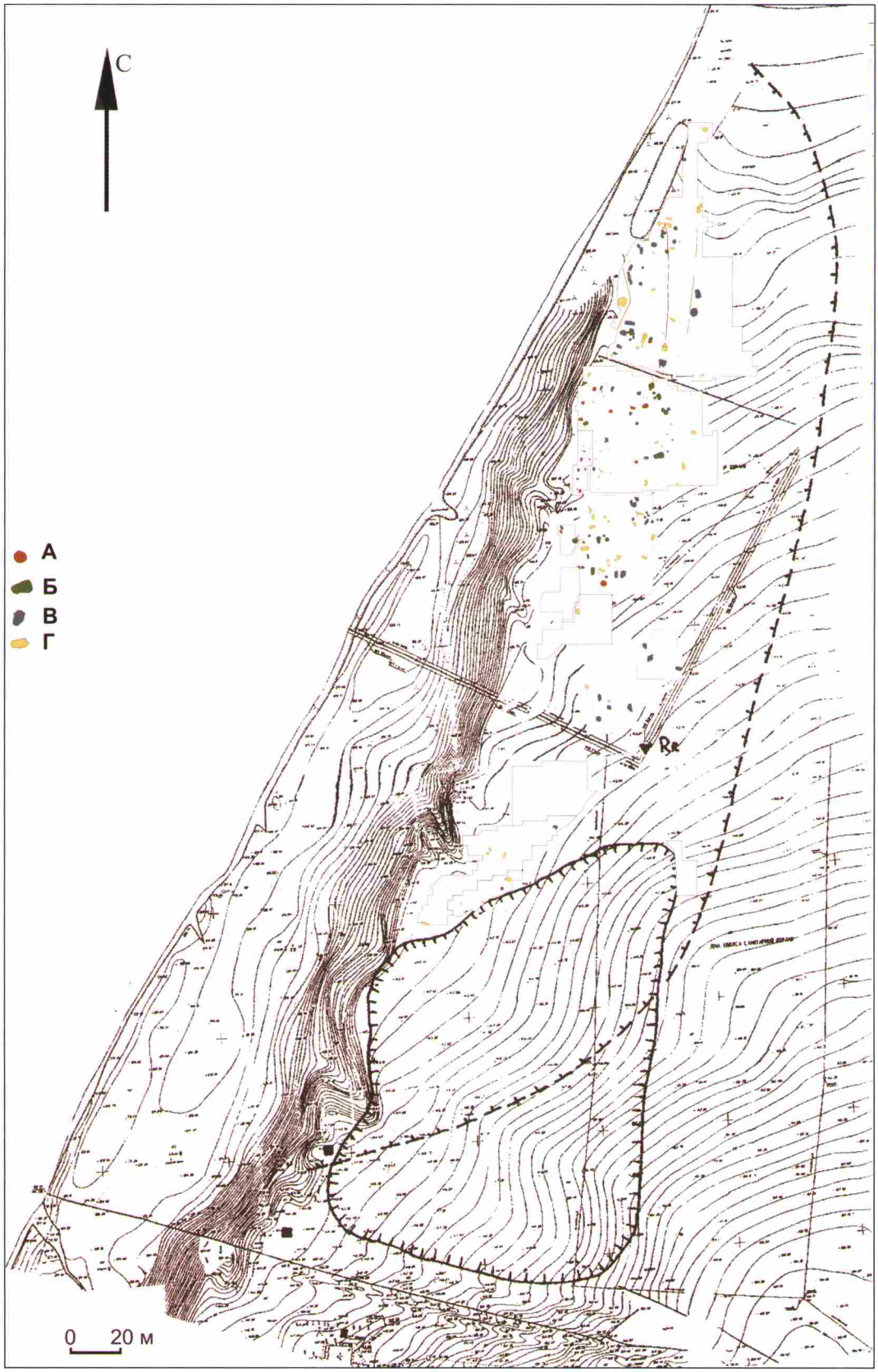


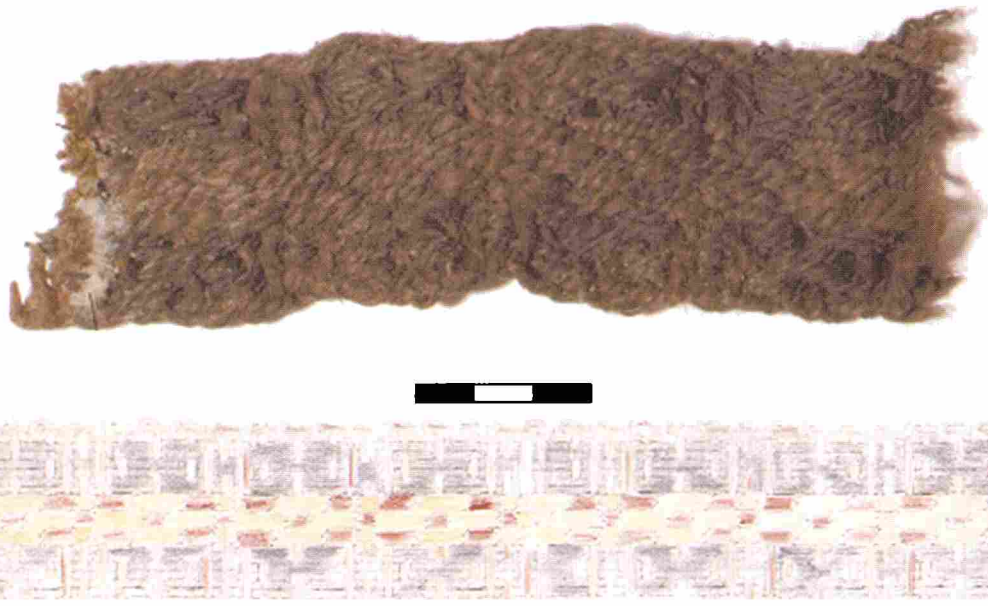
Рис. XV. Селище Мякинино-1. Объекты домонгольской эпохи. *(К статье Коваля В.Ю. «Хронологическая стратификация ...»)*

А – сер. XII в.; Б – 2-я пол. XII в.; В – 2-я пол. XIII в.; Г – домонгольская эпоха (более точная датировка невозможна)

Рис. XVI. Мякининский археологический комплекс. Курган 1. Погребение 1. Украшения шеи в процессе расчистки. *(К статье Захаровой Е.П.)*

Рис. XVII. Мякининский археологический комплекс. Курган 27. Погребение 1. Украшения шеи in situ. *(К статье Захаровой Е.П.)*

Рис. XVIII. Мякининский археологический комплекс. Курган 5. Погребение 1. Фрагмент пояса. Фото и прорисовка О.В. Орфинской.
(К статье Е.П. Захаровой)



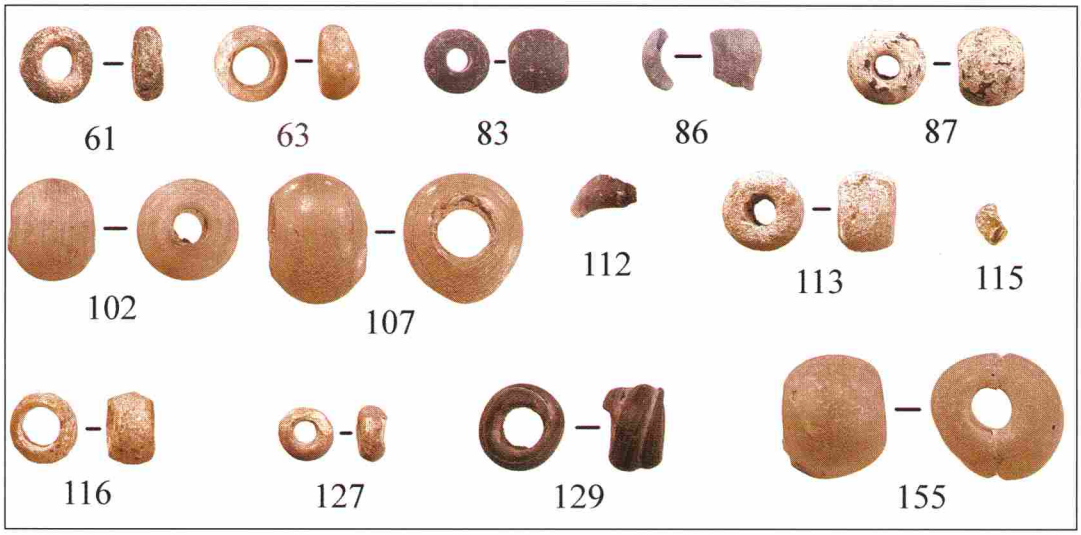


Рис. XIX. Селище Степаново 2. Стеклянные бусы. *(К статье Столяровой Е.К.)*

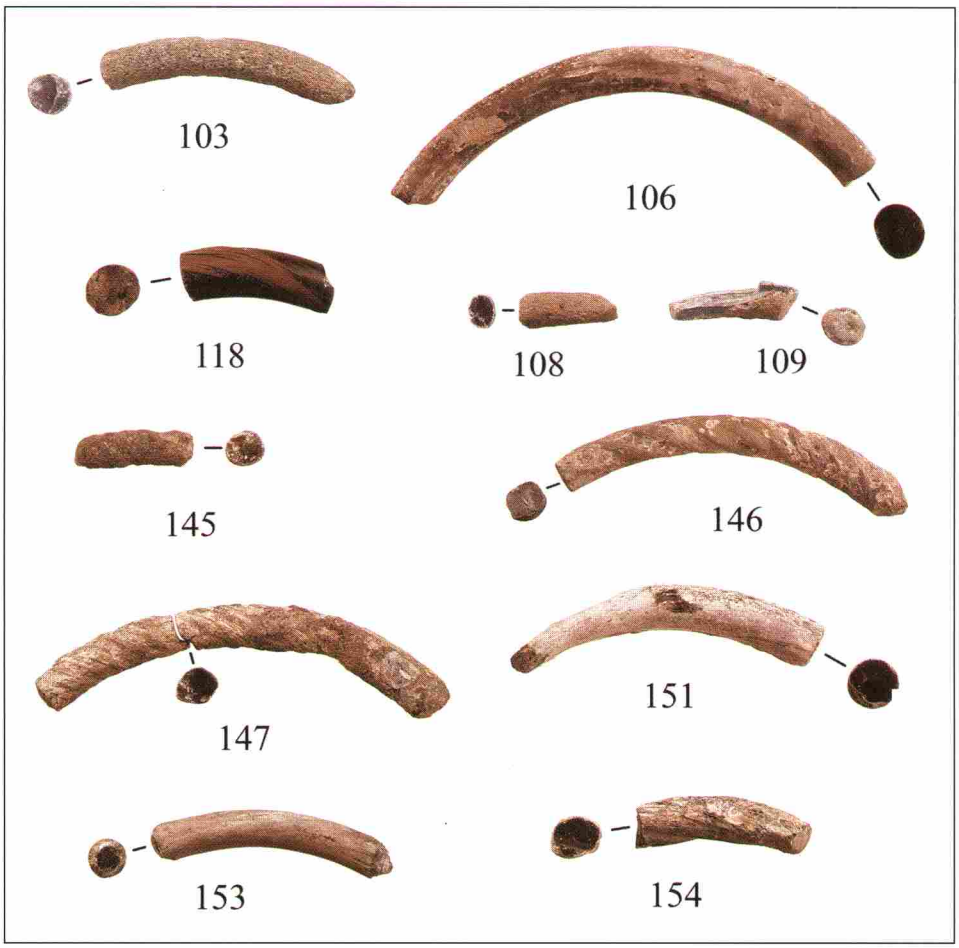


Рис. XX. Селище Степаново 2. Стеклянные браслеты. *(К статье Столяровой Е.К.)*

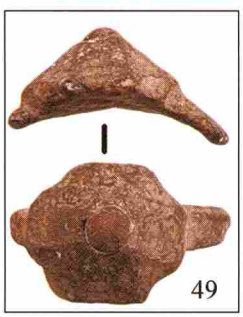


Рис. XXI. Селище Степаново 2. Металлический перстень со стеклянной вставкой. *(К статье Столяровой Е.К.)*

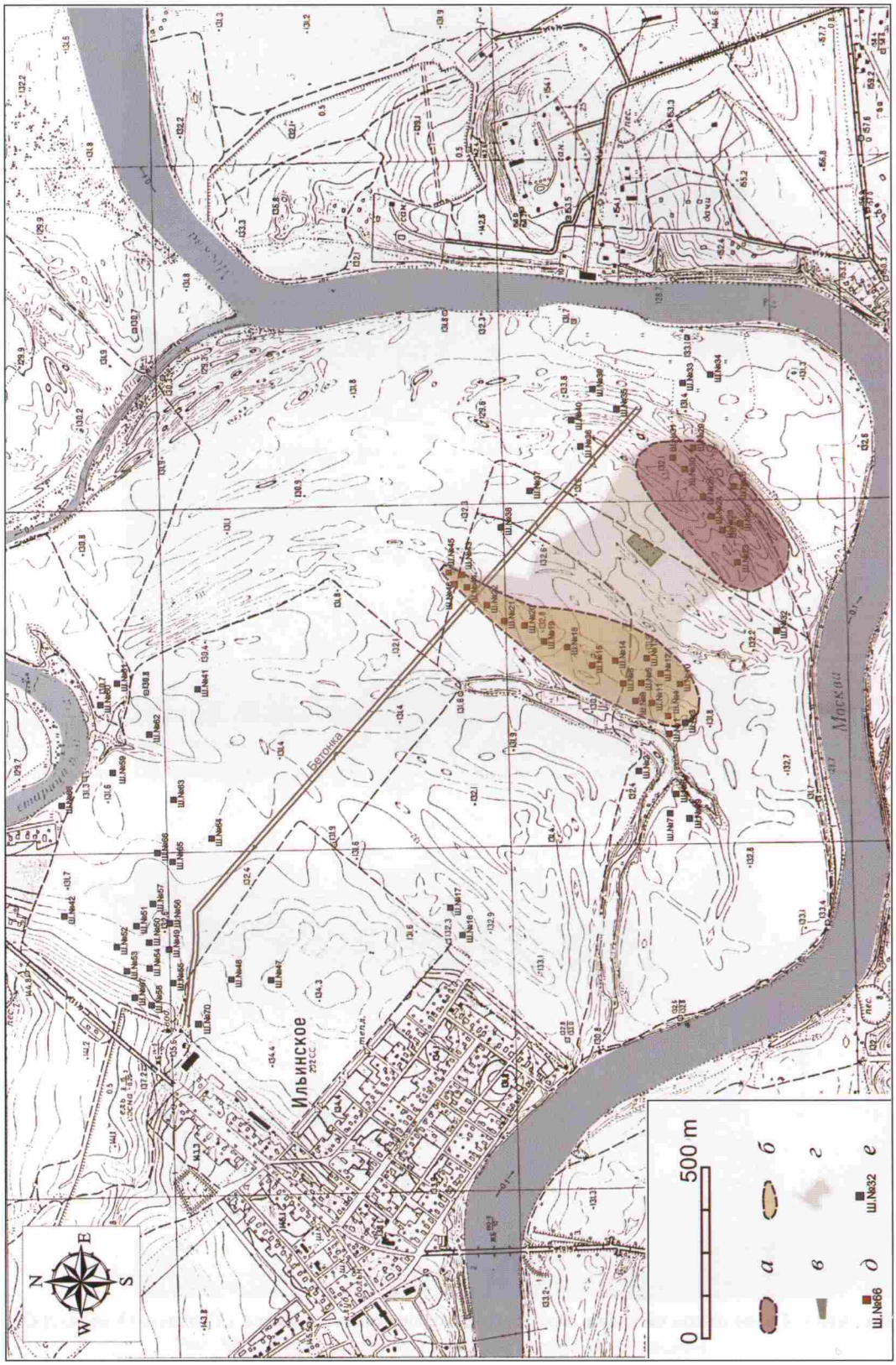


Рис. XXII. Ильинский археологический комплекс. Московская обл., Красногорский р-н.
(К статье Бадеева Д.Ю.)

а – границы распространения слоя с материалом эпохи развитого средневековья и постмедиевального времени; *б* – границы распространения слоя с материалом постмедиевального времени; *в* – предположительно границы грунтового могильника Ильинское; *г* – территория распространения подъемного материала; *д* – рекогносцировочные шурфы 2006 г.; *е* – рекогносцировочные шурфы 2006 г., не содержавшие археологического материала

Рис. XXIII. «Четырехчастная» икона (1547–1551 гг). Фрагмент. *(К статье Осипова Д.О.)*

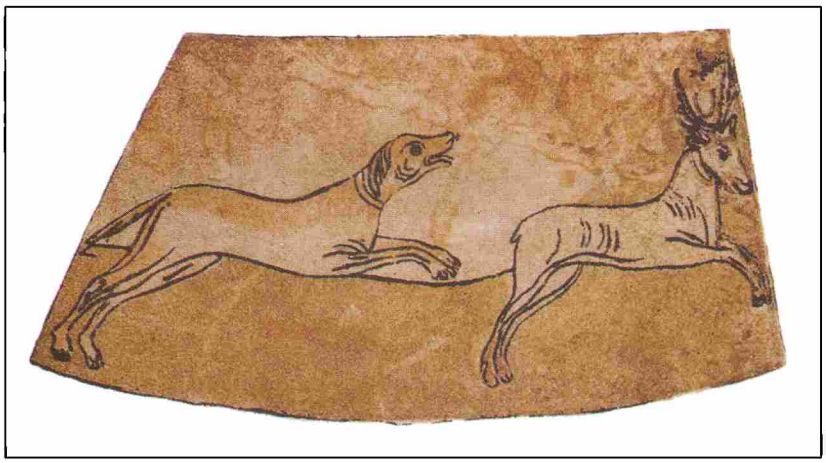


Рис. XXIV. Сцена охоты на оленя. Фреска Софийского собора в Киеве. *(К статье Осипова Д.О.)*

Рис. XXV. Сокол-балобан в кожаном клобучке. *(К статье Д.О. Осипова)*

Рис. XXVI. Сцена охоты с ловчими птицами. Миниатюра Лицевого летописного свода.
(К статье Осипова Д.О.)

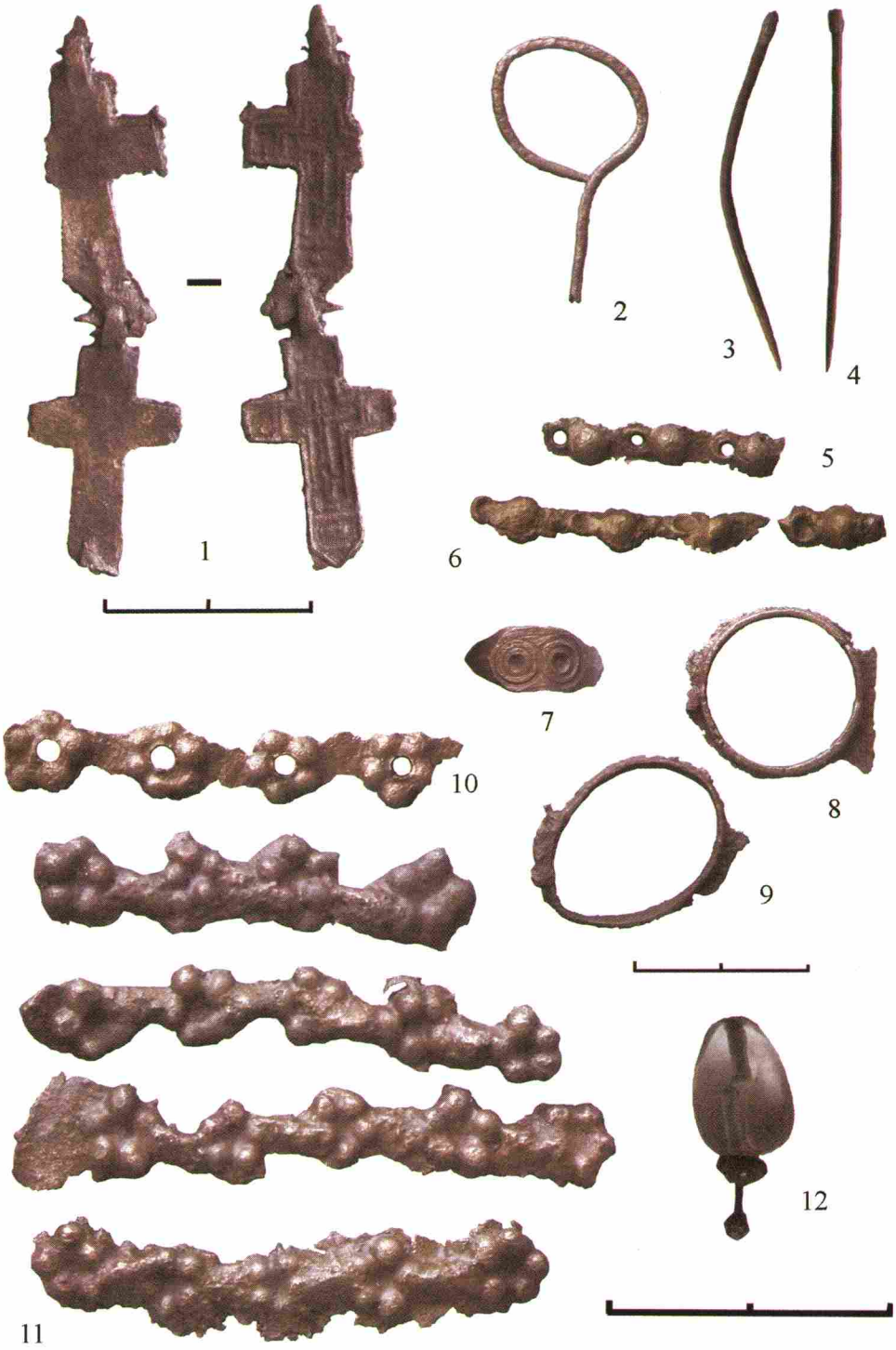


Рис. XXVII. Раскоп 56. Ювелирные изделия. *(К статье Персова Н.Е. и др.)*

1 – кресты с изображением четырехконечного Голгофского креста, № 754; 2 – фрагмент серьги в виде знака вопроса, № 220; 3 – булавка «пус йеппи», № 752; 4 – булавка «пус йеппи», № 1320 (постройка XV); 5 – пуговицы, № 761; 6 – пуговицы, № 2292 (постройка XIV); 7 – перстень щитковый, № 2170; 8 – перстень пластинчатый, № 37; 9 – перстень пластинчатый, № 1812 (постройка XIV); 10 – бляшки-розетки, № 520; 11 – набор бляшек-розеток, № 1919 (яма № 165); 12 – фрагмент серьги с напускной бусиной и розеткой, № 107. (1–3, 5 – усадьба Г; 4, 12 – усадьба Б; 6, 7, 9, 11 – усадьба А)

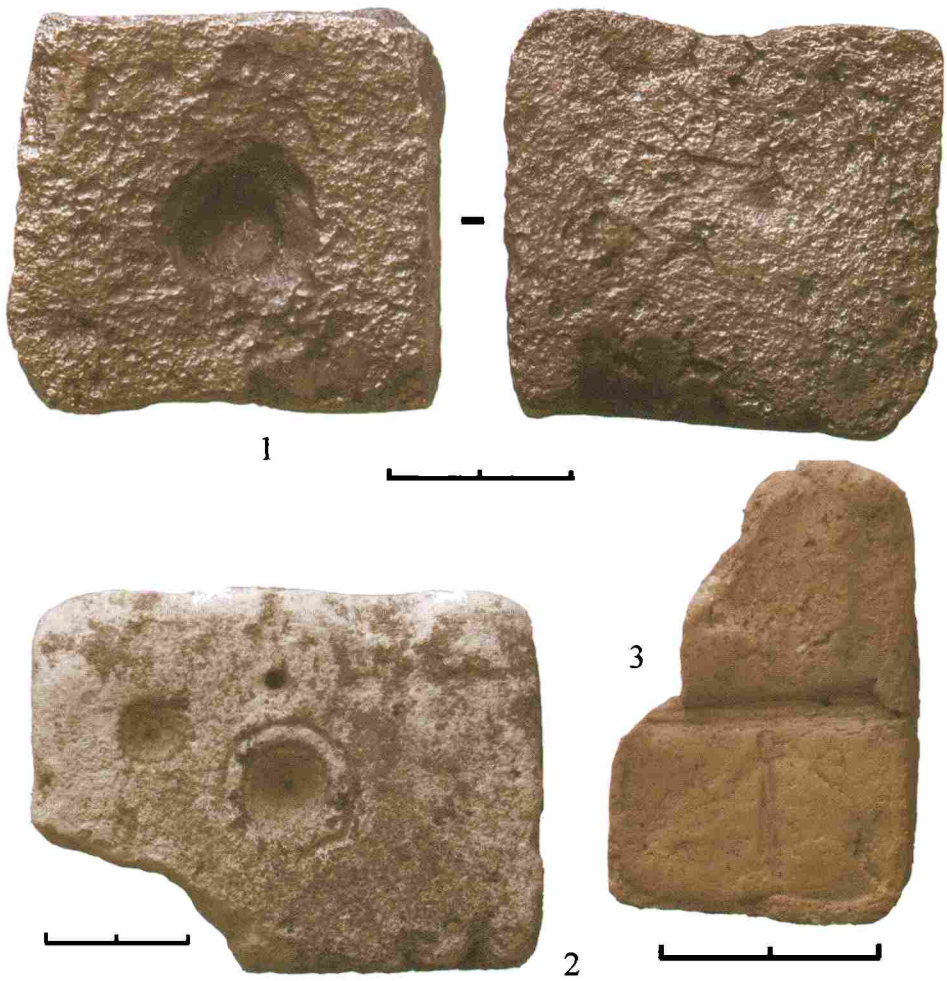


Рис. XXVIII. Ювелирные инструменты. *(К статье Персова Н.Е. и др.)*

1 – матрица-анка, железо, № 273 (усадьба Г); 2 – литейная форма для отливки грузиков, камень, № 184 (усадьба В); 3 – литейная форма, глина, № 770, № 1301 (усадьба Г)

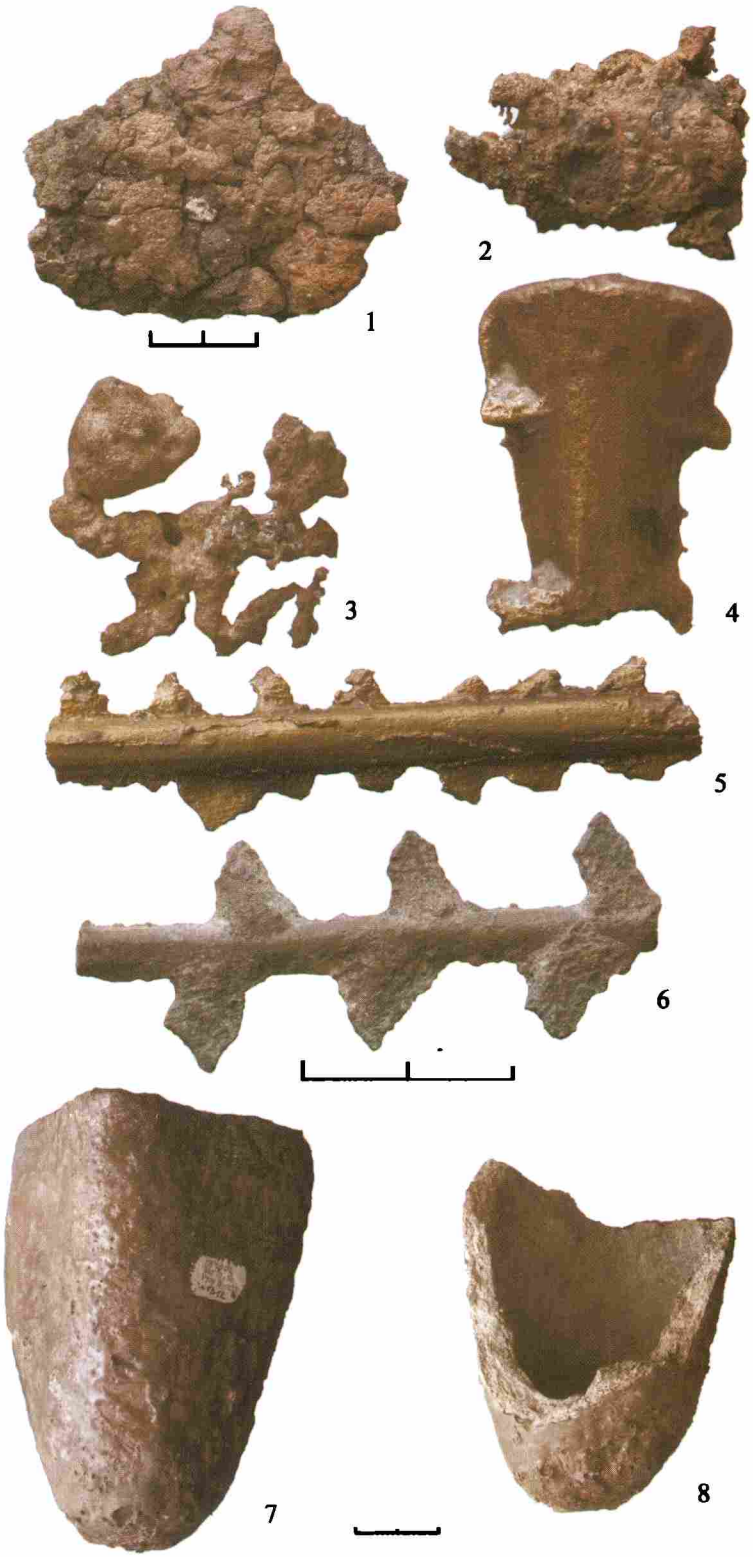


Рис. XXIX. Производственные отходы и тигли. *(К статье Персова Н.Е. и др.)*

1 – шлак, № 114; 2, 3 – выплески; 4–6 – литники (№ 1714, 700, 1129); 7 – тигель, № 1312; 8 – фрагмент тигля, № 1270. (1 – усадьба В; 2–4, 6, 7 – усадьба Б; 8 – усадьба А)

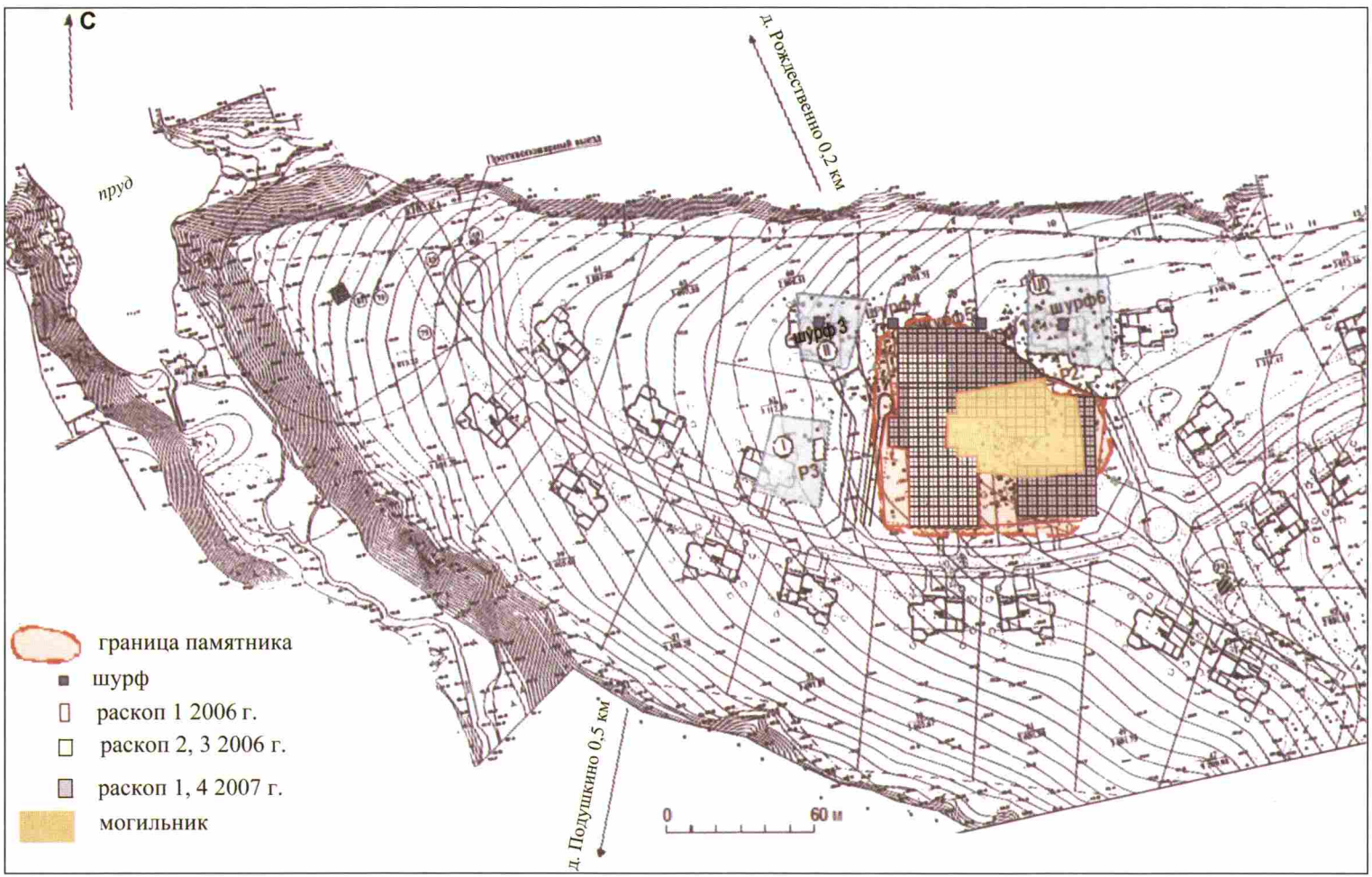


Рис. XXX. Поселение 1 у д. Рождественно. Топографический план. *(К статье Богомолова В.В. и др.)*

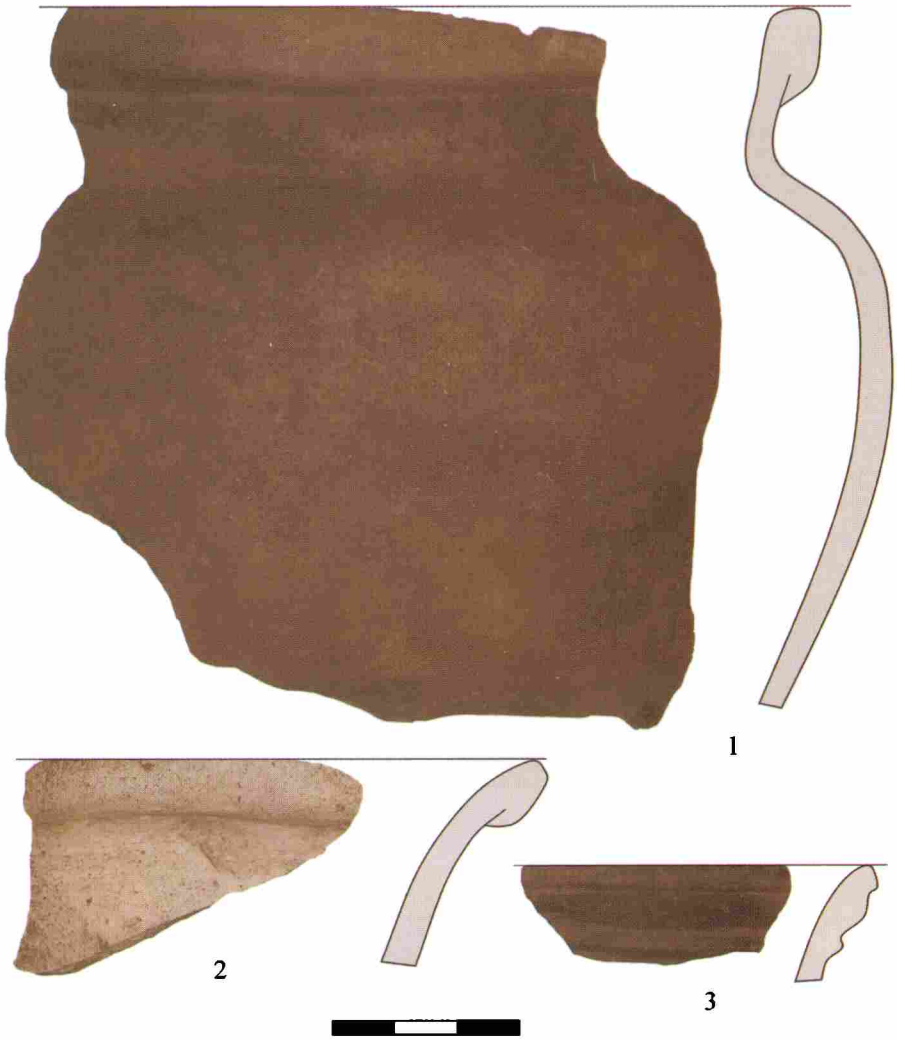


Рис. XXXI. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 61, пл. 1. Фрагменты круговых сосудов с присутствием мелкого песка в формовочных массах. *(К статье Богомолова В.В. и др.)*

1 – белоглиняный горшок типа МБК-1 (излом однослойный); 2 – белоглиняный сосуд с однослойным изломом; 3 – чернолощеный кувшин (излом серый)

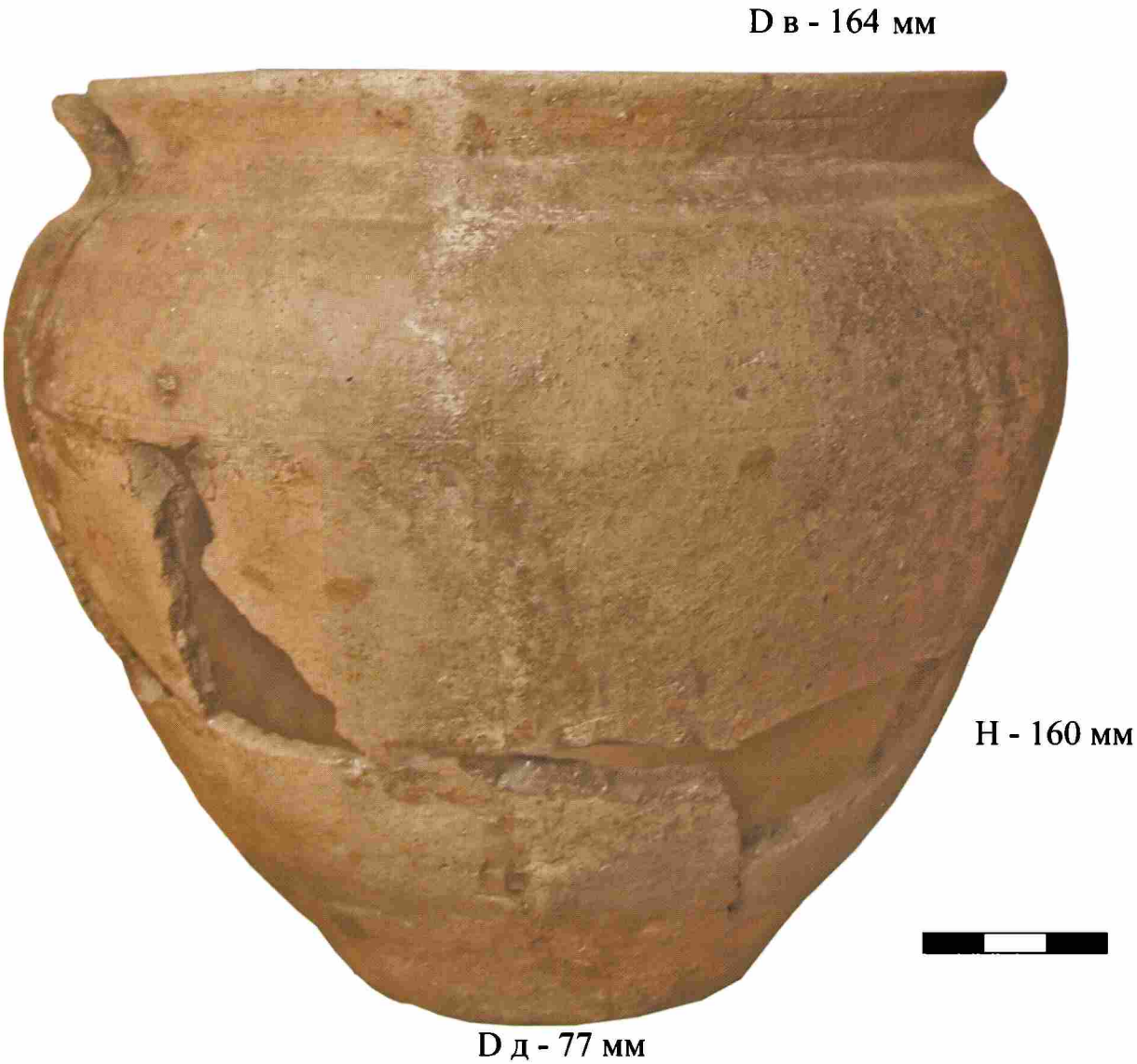


Рис. XXXII. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 23. Круговой красноглиняный горшок с песком и дресвой в формовочной массе. *(К статье Богомолова В.В. и др.)*

Рис. XXXIII. Селище Большие Вяземы 1. Частично расчищенный слой пожарища на раскопе 2 (2007 г.).
(К статье Смирнова А.Н.)

Рис. XXXIV. Селище Большие Вяземы 1. Находки. *(К статье Смирнова А.Н.)*

1, 2, 4–7 – раскоп 2 (2007 г.); 3 – раскоп 1 (2006 г.)

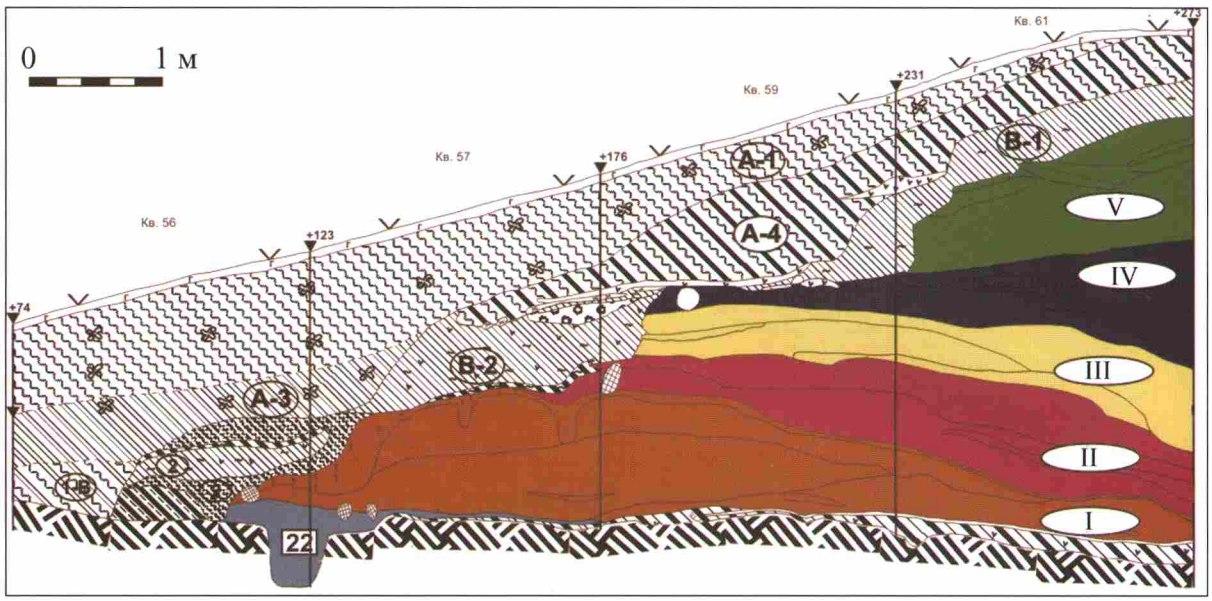


Рис. XXXV. Городище Ростиславль. Раскоп V, участок И. Восточный профиль (I–V – «насыпи»). *(К статье Медведя А.Н.)*

Рис. XXXVI. Городище Ростиславль. Раскоп IV, участок В. Разрез рва. *(К статье Медведя А.Н.)*

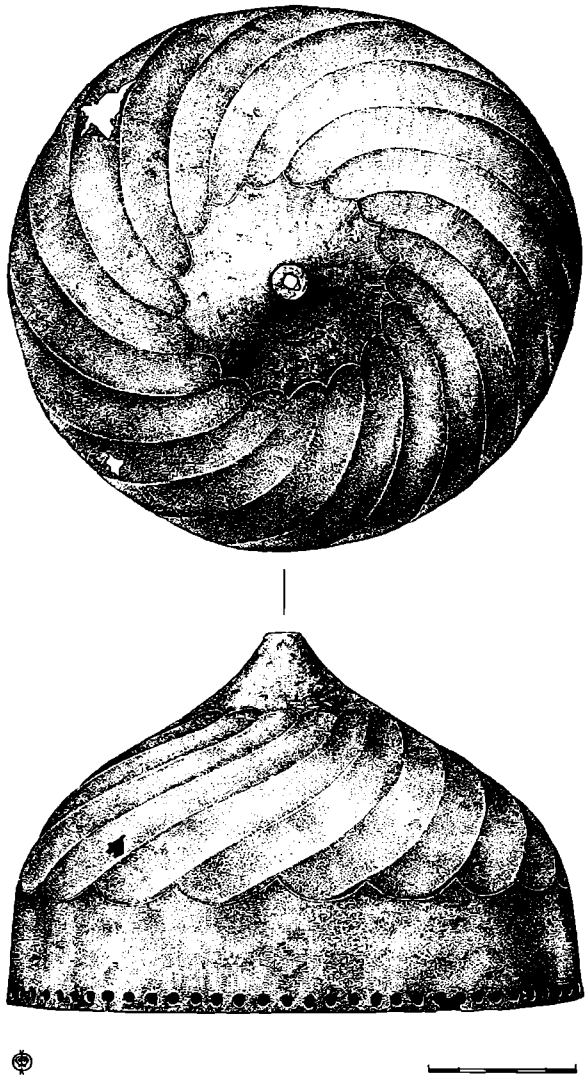


Рис. 6. Шлем-шишак

ностью обслуживания огнестрельного оружия. Примером тому может служить переписка 1695 г. приказчика Сереговского соляного промысла И.А. Шергина с хозяином промысла московским купцом И.Д. Панкратьевым: «... Ивана Митяшина поковки послано к тебе, государю, с Мартыном Микулаевым куски да два *ключика отвертных пищалных* (курсив мой. – *П.К.*), да три щипца...» (Архив гостей Панкратьевых, 2005. С. 278).

При археологических наблюдениях в Ильинском проезде обнаружены два артиллерийских железных ядра, одно из которых оказалось в составе коллекции Музея истории Москвы. Местонахождение второго ядра, близкого по размерам первому, установить не удалось. Ядро представляет собой неправильный шар грубой ковки, по линии максимального диаметра которого проходит рельефный поясок-ребро (рис. 4, *3*). Диаметр ядра – 4,6 см, вес – 321,9 г. Судя по материалам, происходящим с территории Тушинского лагеря и датируемым началом XVII в., ядра диаметром от 40 до 60 мм имели широкое хождение и составляли 40% от общего количества артиллерийских снарядов (*Двуреченский*, 2007а. С. 269). Небольшой поясок-ребро, различимый на поверхности ядра, является следствием изготовления снаряда при помощи штампа: он был выдавлен между матрицей и пуансоном в кузнечной мастерской в процессе выковки предмета. На месте битвы под Берестечком среди разнообразных предметов вооружения и снаряжения было обнаружено 12 ядер с такими же поясками, отличающихся от московского только чуть большим диаметром и весом. Происхождение таких ядер, на основании аналогий, по калибру и весу связывают с боеприпасами польской малокалиберной артиллерии типа кулеврины или большого фальконета (*Свєшніков*, 1992. С. 265. Рис. 70, *8)*. Подобные пояски имеются и на ядрах, обнаруженных в различные годы при раскопках в Зарядье.

Из выявленных в ходе исследований предметов защитного вооружения, в первую очередь, стоит обратить внимание на шлем. Купол шлема низкий полусферический, украшенный чеканным геометрическим орнаментом, образующим 18-лепестковую розетку с расходящимися спиралеобразными лопастями, ограниченными снизу волнообразной полосой из близкорасположенных небольших точек. По краю всего венца проделаны частые округлые отверстия. Внутренняя поверхность шлема отшлифована менее тщательно, чем наружная, и на ней различимы следы ударных кузнечных инструментов. Навершие отсутствует, на его месте в верхней плоскости шлема расположено близкое к квадрату отверстие со сторонами 0,4 см, с обратной стороны которого сохранились следы заклепки. Шлем имеет ряд повреждений: несколько вмятин, проржавевшую трещину, нижний край его венца местами оборван, часть отверстий, идущих по нему, разорвана. На внешней и внутренней поверхности шлема имелись приставшие крупные капли металла, образовавшиеся в результате случайного воздействия современной газосварки. Изготовлен шлем из железной пластины толщиной 0,1 см. Его диаметр равен 19,4 см, высота – 15,7 см, окружность – 61 см, а вес – 520 г (рис. 6).

Сразу после обнаружения А.Г. Векслер охарактеризовал эту находку как «железный шлем с чеканной насечкой серебром» (1971б. С. 126; 1972. С. 140). На настоящий момент следы серебра на шлеме не читаются, но хорошо различимы вырезанные на поверхности близкорасположенные розетки, вертикально спускающиеся от отверстия к краю бороздки-канавки для нанесения инкрустации.

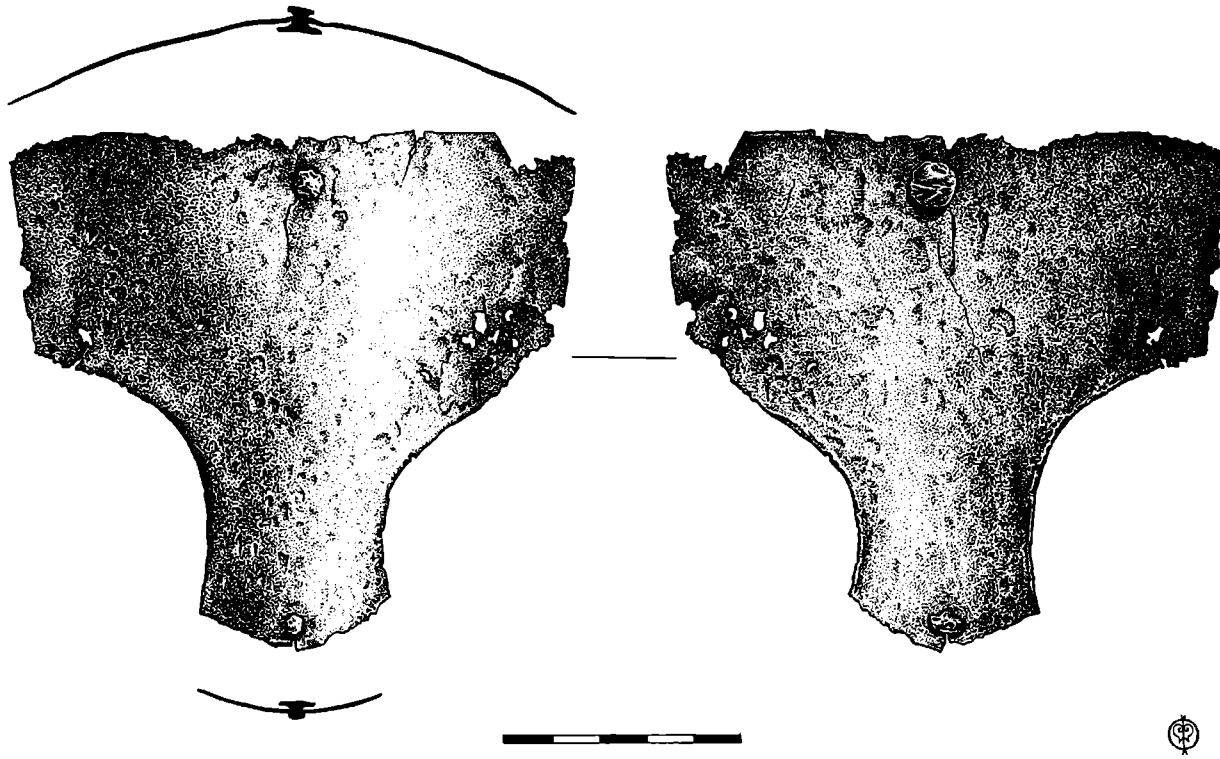


Рис. 7. Науш от шлема

Следов крепления на шлеме дополнительных защитных приспособлений, таких как козырек, носовая стрелка, науши и пластинчатый назатыльник, не обнаружено. Через ряд отверстий по венцу подвешивалась кольчужная бармица, судя по расположению колец, прикрывавшая не только заднюю и боковые части головы с шеей, но и лоб, а возможно, так же глаза и нос. Подобной по крою бармицей был снабжен шишак с территории Новгородской губернии, датируемый А.Н. Кирпичниковым второй половиной XVI в. (*Савельев*, 1851. С. 14; *Кирпичников*, 1976. С. 31).

В Московской Руси цельнокованые шлемы с подобными геометрическими очертаниями купола обозначались восточным термином «шишак». С середины XVI в. они постепенно вытесняют из комплекса оборонительного вооружения русских воинов шеломы с высокой сфероконической или колоколовидной тульей и длинным шпилем (*Кирпичников, Хлопин*, 1958. С. 150; *Кирпичников*, 1976. С. 29). По внешнему виду и декоративному решению описываемый образец совпадает с хранившимся в оружейной палате Кирилло-Белозерского монастыря шишаком, основное отличие которого состоит лишь в направлении выполненных рельефных лопастей (*Кирпичников, Хлопин*, 1958. Рис. 9; *Кирпичников, Хлопин*, 1972. Вкладка между с. 160–161, *Б*). По-видимому, это боевое наголовье из Кирилло-Белозерского монастыря послужило основой для рисунка в труде А.В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск» (1899. Рис. 50).

Оформление купола шишака из Ильинского проезда по орнаментации близко аналогичному боевому наголовью, обнаруженному в составе клада в Угловой Арсенальной башне Московского Кремля. По мнению А.Н. Кирпичникова, этот клад был сокрыт около 1500 г., а по характеру орнаментики входившие в него предметы относятся к изделиям московской работы. В трудах, посвященных предметах вооружения из раскопок на территории Московского Кремля, исследователями, напротив, подчеркивается, что на одном из шишаков наличествуют детали орнаментации, более характерные для XVI в. Они же указывают на схожесть декоративного оформления шишаков из Угловой Арсенальной башни и из коллекции Музея истории Москвы (*Кирпичников*, 1976. С. 31, 33. Рис. 10, *1–2*; *Шеляпина и др.*, 1979. С. 223. Рис. 4). В верхней части одного из шишаков из Московского Кремля также сохранилось отверстие, но округлое. Второй найденный вместе с ним шишак завершается невысоким навершием с фигурным пояском в верхней части. На основании сказанного выше можно предположить, что эти отверстия некогда служили для крепления невысоких наверший. На это же указывают остатки заклепки вокруг отверстия, сохранившиеся внутри шишака из Ильинского проезда.

На основе описанных аналогий шишак из Иль-

инского проезда можно отнести к изделиям XVI в., причем это боевое наголовье, скорее всего, входило в состав снаряжения представителя знати, на что указывает некогда выполненная серебряная инкрустация изделия.

В ходе наблюдений была обнаружена деталь еще одного шлема – науш – выгнутая железная фигурная пластина. Ее максимальная высота – 10,8 см, высота по краям – 4,5 см, ширина верхнего края – 11,8 см, толщина – 1 мм. Радиус науша равен 11,5 см. На науше сохранились две заклепки с округлыми шляпками: одна – в верхней части пластины, другая – в нижней. Поверхность науша изъедена коррозией вплоть до образования сквозных отверстий, от заклепок вверх и вниз расходятся небольшие трещины (рис. 7). Близкий по форме науш был обнаружен при раскопках 1955 г. на территории Зарядья в Москве в недатированном слое, поднятом в процессе работы буровой установки (*Дубынин*, 1956а. С. 36). Известен и еще один науш, происходящий из раскопок на территории коломенского кремля 2003 г. и залегавший в слое второй половины XVI – первой половины XVII в. (*Сыроватко*, 2004. С. 138. № 361; *Ульянова*, 2008. С. 200. Рис. 4, *5*). Подобными наушами снабжались оба типа бытовавших в XVI–XVII вв. боевых наголовий – шеломы и шишаки, к которым они крепились при помощи размещенных на боковых сторонах венца заклепок и кожаных ремешков. Следы такого креплениях дополнительной защиты головы видны у шишака из оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря (*Кирпичников, Хлопин*, 1958. Рис. 9; 1972. Вкладка между с. 160–161, *Е*), шлемах царевича Ивана Ивановича (Государева Оружейная палата, 2002. С. 44–45, 300. № 2) и из «кладов» в Ипатьевском переулке Москвы (*Кирпичников*, 1976. Табл. III, XII).

В процессе наблюдений в Ильинском проезде был встречен фрагмент кольчатого доспеха из широких плоских колец размером около 9х15 см (рис. 8). Одна часть составляющих его колец скреплена «на гвоздь»: их плоско раскованные, наложенные один на другой концы пробиты заклепками с округлыми шляпками. Диаметр колец колеблется от 1,3 до 1,4 см, ширина плоскости составляет 0,3 см при толщине около сантиметра. Поверхность колец с внешней стороны при помощи штампа орнаментирована парными концентрированными окружностями-валиками, с оборотной – замкнутыми цепочками из овальных звеньев (рис. 9, *1–2*). Другая часть колец по способу изготовления относится к цельным, или сеченым. Эти кольца крупнее первых, их диаметр равен 1,6 см, ширина плоскости кольца – 0,3 см, толщина – 0,1 см. С обеих сторон на их поверхность нанесены парные окружности-валики (рис. 9, *6*). Детальный осмотр позволил выявить в плетении ряд интересных колец. К таковым следует отнести расположенное почти в центре сохранившегося фрагмента крупное сеченое кольцо, по своей орнаментальной схеме полностью повторяющее декор клепаных колец. Его диаметр – 1,6 см, ширина плоскости кольца – 0,3 см, толщина – около сантиметра (рис. 9, *5*). В четырех случаях в плетении заметны небольшие клепаные кольца, диаметр которых не превышает 1,2 см, на их стороны нанесены окружности-валики (рис. 9, *3*). В доспех входит также одно округлое в сечение кольцо диаметром 1,2 и толщиной 0,1 см с утерянной соединительной заклепкой (рис. 9, *4*). Такие кольца характерны для кольчуг. Введение их в плетение доспеха, состоявшего из другого типа колец, скорее всего, указывает на следы проведенного в прошлом ремонта.

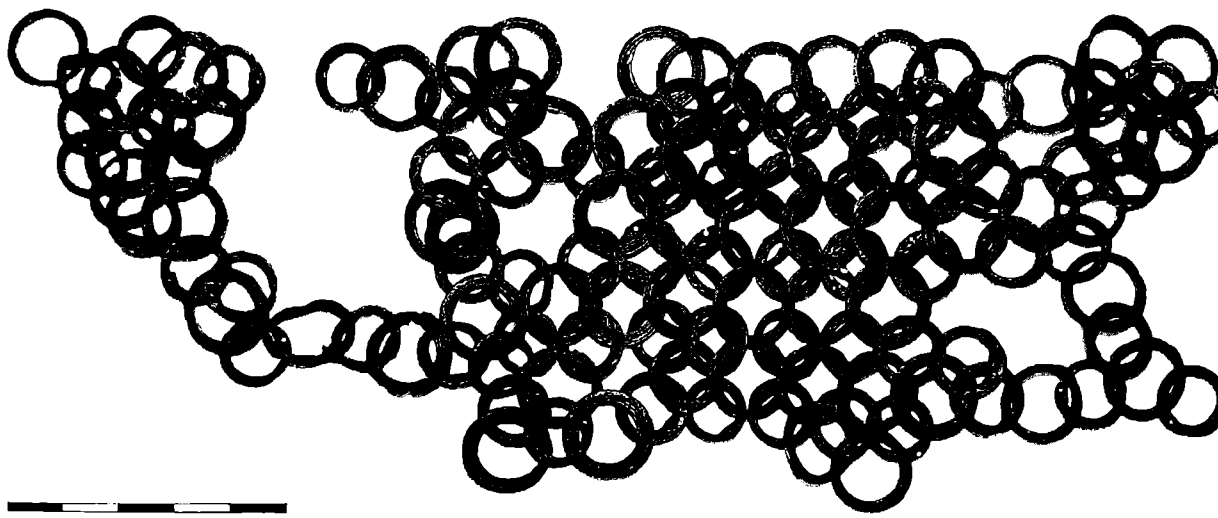


Рис. 8. Фрагменты байданы

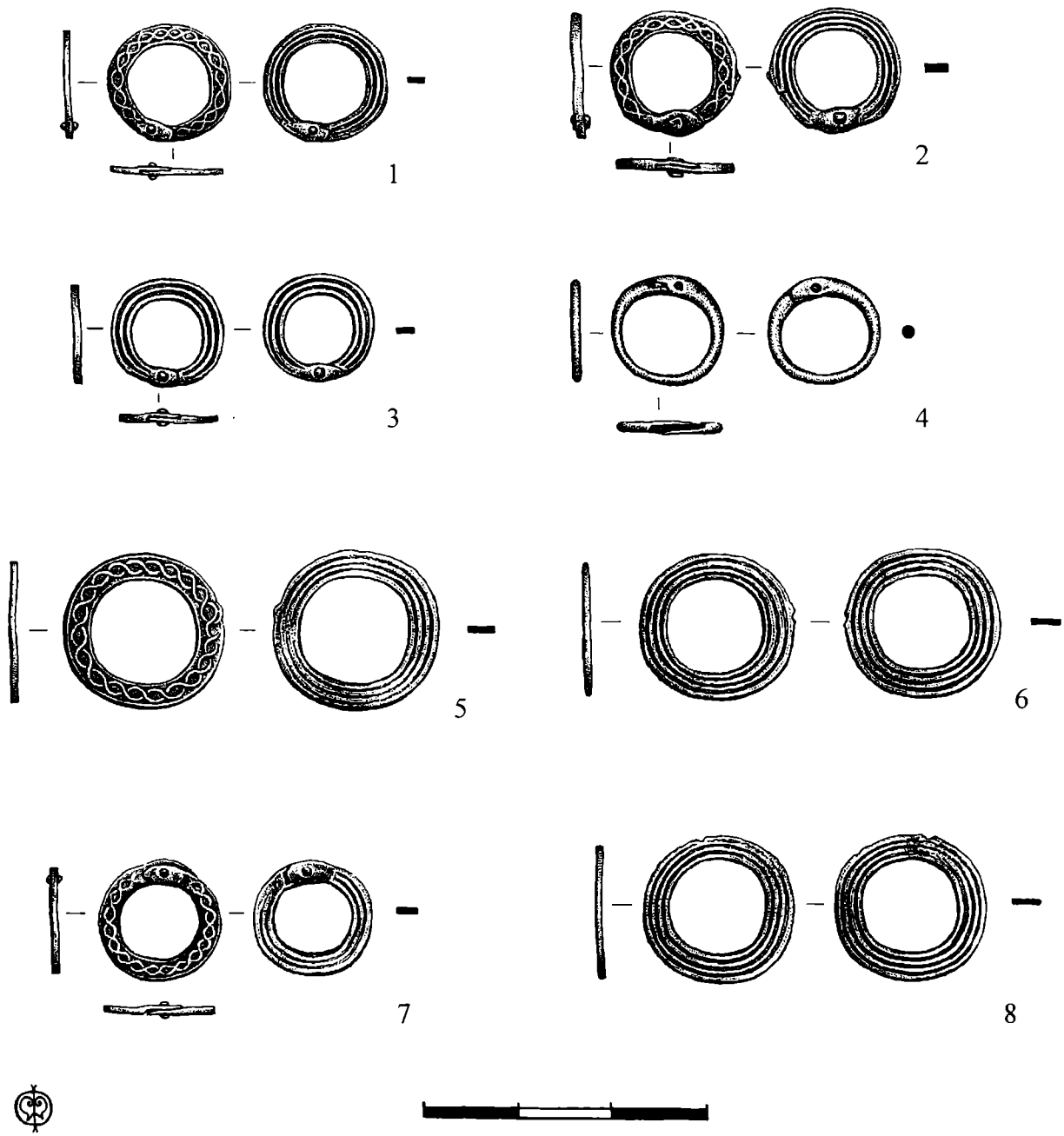


Рис. 9. Кольца из фрагментов байдан, найденных в Ильинском проезде и МГН (место находки неизвестно)

Кольчатые доспехи из широких плоских колец принято обозначать арабским по происхождению термином «байдана» (реже «бадана») или «полубайдана». Однако соответствие между названиями и внешним видом этой разновидности кольчатого доспеха пока еще окончательно не установлены. П.И. Савваитов в работе, составленной по материалам архива Московской Оружейной палаты, так описывает байдану: «доспех в виде рубахи, из плоских, довольно крупных колец, длиною до колен, с рукавами до локтей и ниже», а полубайдану – «в длине немного ниже пояса и с рукавами выше локтей» (*Савваитов*, 1896. С. 7). Схожее определение этим видам доспеха можно найти в трудах А.В. Висковатова и П.П. фон Винклера (*Винклер*, 1992. С. 271. Рис. 353; *Висковатов*, 1899. С. 30. Рис. 30). В противоположность исследователям XIX столетия Н.В. Гордеев в статье «Русский оборонительный доспех» замечает: «название полубайдана нужно понимать не как определение величины доспеха, а как обозначение его производственной особенности по размеру кольца», но при этом указывает, что их образцы до нас не дошли (1954. С. 95).

До настоящего момента полностью сохранилось всего два кольчатых доспеха, определяемых

как байдана. Один из них, изготовленный в XVI в. русскими мастерами, находится в собрании ГИМа. Он собран из сеченых колец диаметром 17 мм, соединенных более крупными, скрепленными «на гвоздь» кольцами диаметром 20 мм. Длина доспеха составляет 68 см, ширина в плечах с рукавами – 115 см, вес – 12,5 кг. На сеченых кольцах выбиты идущие по кругу полностью или частично молитвы: на лицевой стороне – «БГЪ СНМИ, НІХТОЖЕ НА НЫ», на оборотной – «МАТІ БЖІЯ, БУДИ С НАМИ». На клепаных кольцах выбито в разных транскрипциях и склонениях имя – «ИВАНА ГРЬЕВІЧА ВЫРОТКОВА» или «...ВАНОВА ГРЬЕВИЧА ВЫРДКОВА». По характеру надписей установлено, что владельцем этой байданы являлся сподвижник Ивана IV дьяк Иван Григорьевич Выродков (*Рыков*, 1916. С. 111–113, 119–121. Рис. 22–24; *Денисова и др.*, 1953; *Гордеев*, 1954. С. 63. Табл. XII, 92, *а*; *Беляев*, 2005. С. 18). Другая байдана, хранящаяся в настоящий момент в коллекции Оружейной палаты Московского Кремля, впервые была упомянута в составленной в 1588 г. «Описи казны Бориса Федоровича Годунова». Изготовлен доспех также в XVI в., однако техника сбора была проще, чем у предыдущего экземпляра: она состояла из полностью одинаковых колец диаметром 24,0 и толщиной 2,5 мм, концы которых были наложены один на другой и соединены расковкой без заклепок. На лицевой стороне всех колец этого доспеха также была выбита надпись-девиз «СЪ НАМИ БОГ НИКТОЖЕ НА НЫ». Длина байданы – 70 см, ширина в плечах с рукавами – 106 см и вес – 6549 г (*Гордеев*, 1954. С. 95. Рис. 1, *5*; 21; Государева Оружейная палата, 2002. С. 84–85, 316. № 15).

И байдана, и полубайдана не имели широкого распространения среди употреблявшегося русскими воинами защитного снаряжения. Это подтверждается и тем, что подобные доспехи не отмечены в десятнях XVI–XVII вв. среди вооружения служилых людей «по отечеству» – являвшихся на военные сборы детей боярских, дворян и сопровождавших их боевых холопов. Упоминание о нескольких полубайданах, хранящихся вместе с другими предметами защитного вооружения, удалось найти лишь в описях оружейной казны Кирилло-Белозерского монастыря 1621 и 1635 гг. (*Кирпичников, Хлопин*, 1958. С. 196–197). Столь редкое использование этих доспехов, по мнению Н.В. Гордеева, связано с плетением, из-за которого они служили верхним или парадным доспехом, одеваемым на кольчатый доспех другого типа (*Гордеев*, 1954. С. 95).

Заметим, что в Музее истории Москвы хранится еще один небольшой фрагмент кольчатого доспеха размером около 8x11 см, входящий в коллекцию, собранную в ходе городских наблюдений в Москве, и не имеющий четко зафиксированного места находки. Судя по ряду признаков, общих с описанным выше фрагментом – одинаковый размер колец и сходность нанесенной на них орнаментации (рис. 9, *7–8*), – с определенной долей вероятности можно предполагать, что оба фрагмента принадлежали одному доспеху или были изготовлены одним мастером.

В ходе археологических наблюдений в Ильинском проезде были собраны разрозненные детали конской упряжи, в частности, удила. Одни удила, состоящие из двух подпрямоугольных в сечении стержней длиной 8,5 и 9,0 см, сцепленных при помощи загнутых в петли концов, были найдены в заполнении рва на глубине 4,5 м. Свободные концы стержней также загнуты в петли, охватывающие округлые кольца диаметром 3,9 см для крепления повода (рис. 10, *1*). Подобные удила различных размеров и их составные части, датируемые XVI–XVII вв., при наблюдениях и раскопках в Москве были обнаружены на Биржевой площади (*Векслер, Двуреченский*, 2000. С. 174. Рис. 4, *6*), ул. Фридриха Энгельса, в Староваганьковском переулке (ул. Маркса – Энгельса) (*Чернов*, 1988. С. 13. Прил. I. № 40), в Зарядье (*Рабинович*, 1950. С. 56. Рис. 172; 1951. Табл. XVII, *2*), на Старом Гостином дворе (*Векслер*, 1999а. С. 63. № 325; 1999б. С. 191. № 325) и на месте Тушинского лагеря (*Двуреченский*, 2007а. С. 270–271. Рис. 15, *1–2*, *4*; 16, *1*, *3*; 17, *3–6*, *8–9*). Такие же удила найдены в позднесредневековых слоях на территории Суздаля (*Данилов*, 1991. С. 89), Коломны (*Ульянова*, 2008. С. 205. Рис. 6, 4, 9, 10) и городища Дедилово под Тулой. Большая часть обнаруженных на месте сражения под Берестечком удил также имеет подобную форму (*Свєшніков*, 1992. С. 257. Рис. 68, *2–3*).

Вторые удила изготовлены по сходной схеме, но длина их звеньев составляет соответственно 9,3 и 10,7 см. Удила снабжены крупными восьмиугольными кольцами диаметром 7,7 см, прямоугольными в поперечном сечении. Лицевая поверхность одного из колец украшена шестью насечками, в то время как на другом кольце различимы только две (рис. 10, *3*). Удила несут ряд повреждений: отсутствуют фрагменты петель, соединяющих звенья между собой, и одно звено с кольцом, а одно из колец перевернуто лицевой стороной, содержащей орнамент, внутрь. Вероятнее всего, в музей удила попали в виде нескольких фрагментов и при реставрации были собраны неправильно. Удила с восьмиугольными кольцами также зафиксированы среди находок с территории Тушинского лагеря, причем в одном случае подобной формы кольцо

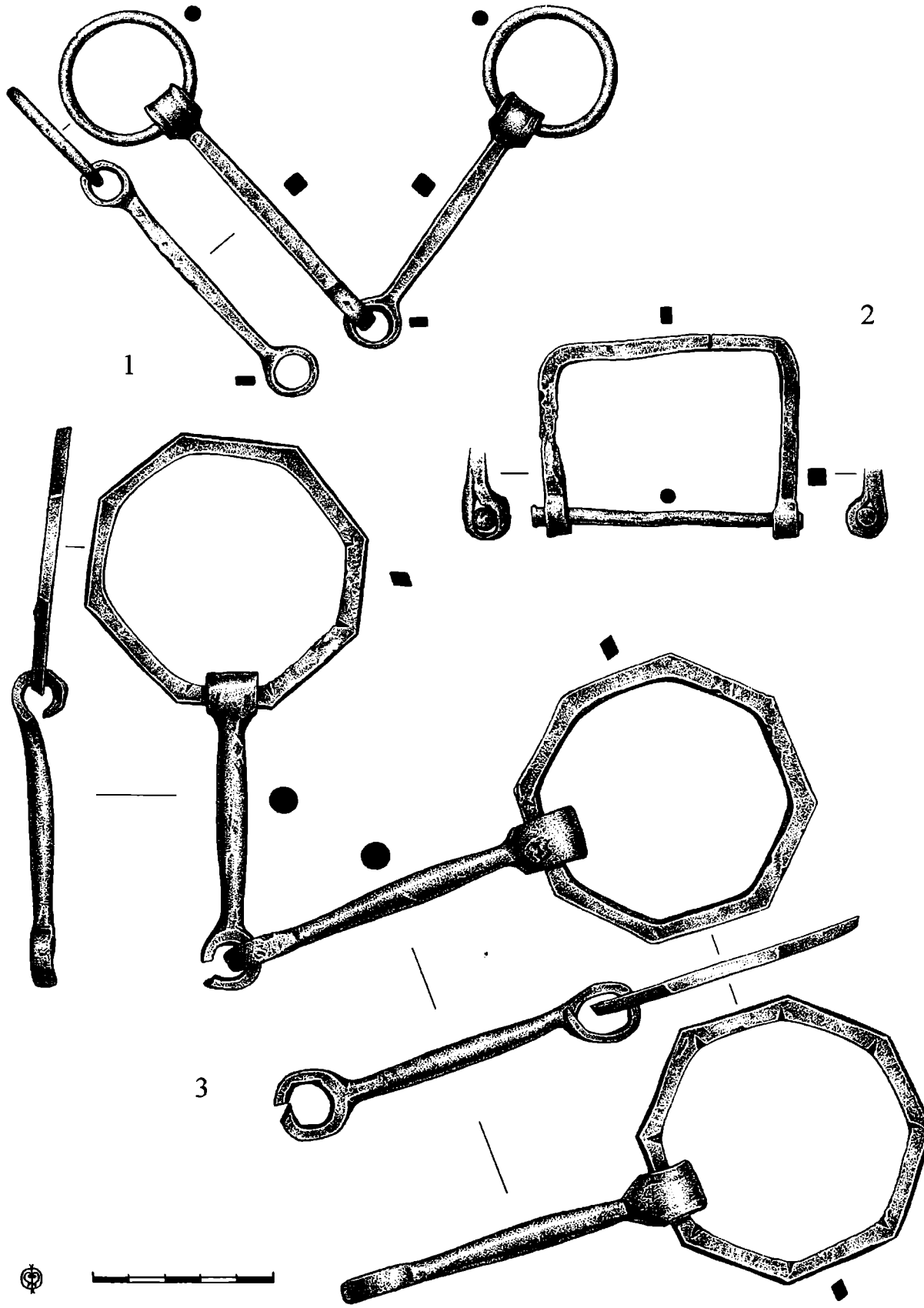


Рис. 10. Предметы конского снаряжения

1 – удила с круглыми кольцами; 2 – подпружная пряжка; 3 – удила с восьмиугольными кольцами.

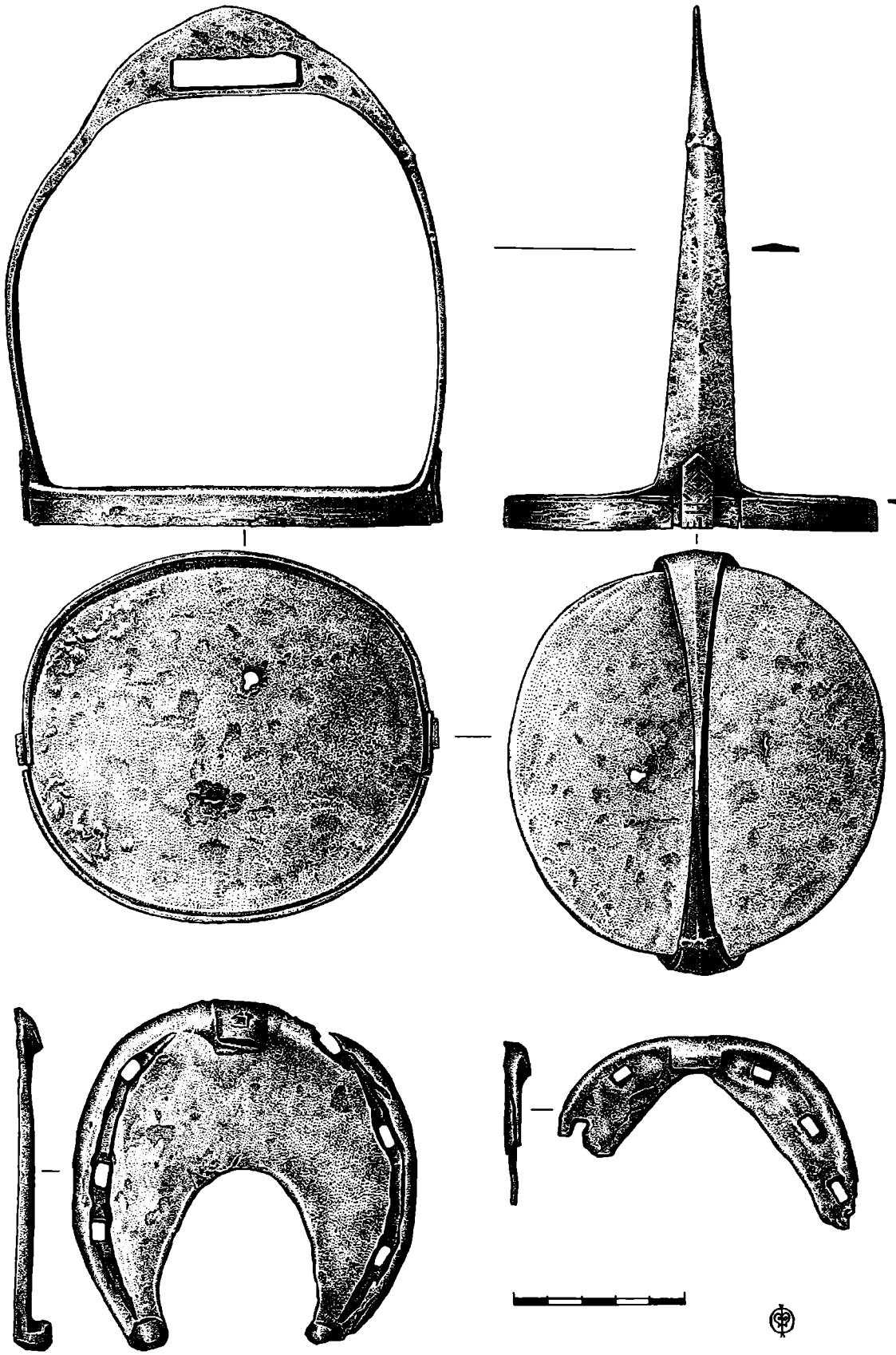


Рис. 11. Предметы конского снаряжения

1 – стремена; 2, 3 – подковы

входило в один комплект с округлым (*Двуреченский*, 2007а. С. 270, 271. Рис. 15, *3*; 17, *1–2*). Обломок восьмиугольного кольца также зафиксирован в позднесредневековом слое на территории крепости Орешек (*Кильдюшевский*, 1999. С. 77. Рис. 4, *14*). Аналогичные удила с сильно деформированными восьмиугольными кольцами, явно побывавшими в пожаре, обнаружены при археологических наблюдениях Кремлевской археологической экспедиции в 1960 г. в траншее № 1 в слое конца XV–XVI вв. (*Воронин*, 1961а. С. 9; 1961б. Рис. 10, *2*).

Рассмотренные удила, независимо от формы колец, относятся к типу IV по классификации А.Н. Кирпичникова, массово распространенному на Руси на протяжении всего средневековья (*Кирпичников*, 1973. С. 16–17). Поэтому находки удил из Ильинского проезда условно можно датировать XVI–XVII вв.

Во время наблюдений на семиметровой глубине в крепостном рву был обнаружен большой кусок кожи прямоугольной формы с отверстиями по краям, в который были завернуты несколько поврежденных железных предметов: каменотесная кирка-молоток, рабочий топор со сломанной проушиной, кованые фигурные полосы-жуковины с петлями для навеса дверей и погнутые стремена. Было высказано предположение, что эти вещи были собраны, чтобы отнести их для ремонта в кузницу. Почему они оказались в крепостном рву – неизвестно, возможно, их обронили с моста (*Векслер*, 1971а. С. 94; 1971б. С. 126; 1972. С. 140–141). Стремена имеют широкую плоскую округлую подножку и округлую дужку со стрельчато-округлым завершением, в верхней части которой сделана прямоугольная прорезь-путлища. Высота стремян разнится – в одном случае она составляет 15,0 см, в другом – 14,5 см, ширина стремени в обоих случаях одинаковая – 11,9 см, ширина подножки разная – 11,1 и 11,5 см. Несколько отличаются друг от друга по размерам и прорези путлищ – 3,7 см у одного стремени и 3,9 см – у второго. На скрепляющие дужку с подножкой прямоугольные пластины при помощи зубила нанесены насечки, образующие геометрический орнамент (рис. 11, *1*). Дужка одного стремени лопнула и была спаяна в процессе реставрации предмета. С одной из сторон стремени дужка имеет плавный изгиб, приспособленный для более удобного расположения носка ноги при посадке на коня. Схожие изгибы можно отметить на стременах, найденных на месте битвы под Берестечком (*Свєшніков*, 1992. Рис. 68, *1, 6, 9*). То же скругленное очертание верхней части дужки, как и у описанных экземпляров, можно отметить у стремени, происходящего с территории Тушинского лагеря (*Двуреченский*, 2007а. Рис. 19, *1*). Стремена подобной формы А.Н. Кирпичников (1973. С. 50–51) рассматривал как модификацию раннесредневековых стремян типа VII, известных на Руси с XI по XIII в. Стремена и другие, найденные с ними предметы, следует отнести к XVII в.

В ходе археологических наблюдений была найдена подкова в виде частично сохранившегося, по форме близкого к полукругу, сегмента с передним шипом и пятью подпрямоугольными отверстиями (в первоначальном виде их было шесть) шириной – 9,0 см, длиной – 4,8 см, при высоте шипа с основанием – 0,8 см. Вес подковы составляет 36 г. Длинный передний шип обломан или сношен во время использования (рис. 11, *3*). Такие подковы относятся к первому варианту типа I по классификации О.В. Двуреченского и наследуют форму ледоходных шипов. Они известны по целому ряду находок XVI–XVII вв. как на территории Москвы, так и соседних с ней населенных пунктов (*Розенфельдт*, 1960. С. 278. Рис. 1, *6, 9–10*; *Двуреченский*, 2004. С. 240. Рис. 2, *1–2*; 2007а. С. 274. Рис. 21, *4*; *Ивченков*, 1990. Рис. 81, *6*; *Ульянова*, 2008. С. 206–207. Рис. 9, *1–3*).

Вторая подкова представляет собой трехчетвертной овал с тремя шипами – передним и двумя подпрямоугольными концевыми. На ее поверхности прослеживается глубокий желобок с расположенными в нем шестью подпрямоугольными отверстиями для гвоздей, крепящих изделие к копыту. Ширина подковы – 10,0 см, длина – 10, 5 см, высота переднего шипа с основанием – 0,8 см, высота задних шипов с основанием – 1,2 см, вес – 181,5 г. Наблюдается асимметрия как формы самой подковы, так и пробитых в ней отверстий (рис. 11, *2*). Подобные подковы, появившиеся в XVI в., относятся ко второму типу по классификации О.В. Двуреченского. Они были зафиксированы в позднесредневековых слоях Москвы, Коломны и других городов (*Двуреченский*, 2004. С. 240—242. Рис. 2, *5—6*; 2007а. С. 274–275. Рис. 21, *1*; *Ульянова*, 2008. С. 207. Рис. 9, *4, 9*).

В состав сбруйного набора входила крупная железная пряжка в виде прямоугольной рамки, с петлями в нижней части. В эти петли вставлена округлая вращающаяся перемычка с расклепанными концами; язычок пряжки утрачен (рис. 10, *2*). Обломок аналогичной пряжки обнаружен на территории Московского Кремля в 1959 г., а также в Волоколамске (*Ивченков*, 1990. С. 19. Рис. 80) и Епифани. Можно отметить аналогичную по конструкции пряжку, происходящую из материалов раскопок на поле битвы под Берестечком. Автором раскопок И.К. Свешниковым она была атрибутирована как подпружная (*Свєшніков*, 1992. С. 257.

Рис. 69, *б*). Судя по размерам и грубому изготовлению, пряжка из Ильинского проезда также использовалась как подпружная.

Таким образом, предметы вооружения и снаряжения воина из Ильинского проезда относятся к позднему средневековью – XVI–XVII вв. Подобное скопление предметов вооружения в черте средневекового города указывает на ведение активных военных действий. Большая часть упомянутых предметов, вероятнее всего, должна быть связана с событиями Смутного времени, например, с боями, проходившими в городе в марте – мае 1611 г., когда первое народное ополчение П.П. Ляпунова и И.М Заруцкого попыталось изгнать поляков из Москвы и осадило силы польско-литовского гарнизона в Китай-городе и Кремле. В ходе многомесячной осады, по словам участника событий польского ротмистра Николая Мархоцкого, поляки однажды устроили крупную «пешую вылазку чуть ли не всем войском» через ворота Китай-города, в том числе и Ильинские, но завязли в упорных боях с русскими (*Мархоцкий*, 2000. С. 89, 92–94; *Соловьев*, 1994. С. 683, 685–686). Не исключено попадание рассмотренных находок в крепостной ров и во время осады Китай-города осенью 1612 г. силами второго ополчения под руководством Д. Пожарского и К. Минина, когда после нескольких штурмов 22 октября русские войска «поидоша приступом и Китай взяша и многих Литовских людей побиша» (ПСРЛ, 1965. С. 126; *Соловьев*, 1994. С. 739). Связь находок с бурной историей начала XVII в. не противоречит общей датировке каждого из описанных выше предметов. Не исключено также, что некоторые из них были случайно утеряны и оказались в крепостном рву в силу различных обстоятельств раньше или позже событий Смутного времени. Например, пара стремян, обнаруженных вместе с подготовленными для ремонта железными изделиями.

Литература

Артемьев А.Р., 1991. О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле // Материалы по археологии Новгородской земли. М.

Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в. Т. 1. М., 2005.

Балан С.Б., 2006. Арсенал Соловецкого монастыря XVI–XVIII веков // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области. Каталог выставки. М.

Беляев Л.А., 2005. Крепости и вооружение Восточной Европы. М.

Бойцов И.А., 1995. Производственное сооружение середины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.

Векслер А.Г., 1962а. Отчет об археологических раскопках в Московской области за 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2342.

Векслер А.Г., 1962б. Альбом иллюстраций к отчету об археологических раскопках в Московской области за 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2342а.

Векслер А.Г., 1971а. Новые находки при строительстве московского метро // АО 1970. М.

Векслер А.Г., 1971б. Клады древней Москвы // Музейное дело в СССР. Вып. 4. М.

Векслер А.Г., 1972. Живая связь времен // НИЖ. № 11. М.

Векслер А.Г., 1982. Москва в Москве. История в недрах столицы. М.

Векслер А.Г., 1999а. Отчет об охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией Старого Гостиного двора в 1998 году. Т. 2. Ч. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 20795.

Векслер А.Г., 1999б. Альбом к отчету об охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией Старого Гостиного двора в 1998 году в восьми частях. Ч. 5 // Архив ИА РАН. Р-1. № 20802.

Векслер А.Г., Двуреченский О.В., 2000. Комплекс вещей из сооружения первой половины XVII века на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3. Матер. научно-практического семинара «Проблемы археологии и истории Москвы и Подмосковья». Тр. МИГМ. Вып. 10. М.

Винклер фон П.П., 1992. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М.

Висковатов А.В., 1899. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Ч. I. Одежда и оружие войск до 1700 г. СПб.

Воронин Н.Н., 1961а. Отчет об археологических работах на территории Московского Кремля в 1960 г. // МИМ. НВФ. 15371/62. М.

Воронин Н.Н., 1961б. Альбом к отчету об археологических работах на территории Московского Кремля в 1960 г. // МИМ. НВФ. 15371/63. М.

Гордеев Н.В., 1954. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сб. науч. тр. по материалам Государственной Оружейной палаты. М.

Городцов В.А., 1913. Описание холодного оружия. Копье и пика // Отчет Императорского Российского Исторического музея им. императора Александра III в Москве за 1911 г. Приложение. М.

Государева Оружейная палата. СПб., 2002.

Данилов В.В., 1991. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.

Двуреченский О.В., 2004. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // АП. М.

Двуреченский О.В., 2007а. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // АП. Вып. 3. М.

Двуреченский О.В., 2007б. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // АП. Вып. 3. М.

Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н., 1953. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М.

Дубынин А.Ф., 1956а. Отчет о работе Московской экспедиции за 1955 г. Опись находок // МИМ. НВФ. 15371/20. М.

Дубынин А.Ф., 1956б. Археологические исследования в Зарядье // КСИИМК. Вып. 65. М.

Екимов Ю.Г., 2007. Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. (раскоп 1) // Позднесредневековый город: археология и история. Матер. Всерос. семинара 18–20 ноября 2005 г. Ч. 1. Тула.

Заидов О.Н., Гуркин А., 2007. Позднесредневековый город Гремячий и его округа // Позднесредневековый город: археология и история. Матер. Всерос. семинара 18–20 ноября 2005 г. Ч. 2. Тула.

Ивченков В.Л., 1990. Отчет об археологических исследованиях на территории Волоколамского района в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15820.

Кильдюшевский В.И., 1999. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.

Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени // САИ. Ei-36. М.; Л.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Ei-36. Л.

Кирпичников А.Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.

Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н., 1958. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII веках. // МИА. № 77. М.

Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н., 1972. Великая государева крепость. Л.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65. М.

Лаврентьев А.В., 2005. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв.: Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М.

Мархоцкий Н., 2000. История московской войны. М.

Никитин А.В., 1962. Белгородская крепость XVI–XVII вв. // СА. № 3.

Поле русской славы. Тула, 1984.

ПСРЛ., 1965. Т. 14. М.

Рабинович М.Г., 1950. Отчет о раскопках в Москве на территории Зарядья в 1949 г. // МИМ. НВФ. 15371/2. М.

Рабинович М.Г., 1951. Московская археологическая экспедиция института истории материальной культуры АН СССР. Раскопки и наблюдения в Зарядье. 1949–1951 гг. Альбом // МИМ. НВФ. 15371/4. М.

Розенфельдт Р.Л., 1958. Русский ружейный прибор начала XVII в. // КСИИМК. Вып. 72. М.

Розенфельдт Р.Л., 1960. О конструкции и назначении некоторых железных изделий // СА. № 2.

Розенфельдт Р.Л., 1971. Инструменты московских ремесленников // Древности Московского Кремля. МИА. № 167. М.

Рыков П.С., 1916. Кольчуга Виленского музея // Древности. Вып. XXV.

Савваитов П.И., 1896. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб.

Савельев П.С., 1851. Старинные доспехи, найденные в сопках Новгородской губернии // ЗРАО. Т. IV. Вып. 2. СПб.

Свєшніков І.К., 1992. Битва під Берестечком. Львів.

Сергина Т.В., 1983. Раскопки в Окольном городе в 1978–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М.

Соловьев А.И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск.

Соловьев А.И., 2003. Оружие и доспехи: сибирское вооружение от каменного века до средневековья. Новосибирск.

Соловьев С.М., 1994. История России с древнейших времен. Т. 8. М.

Степанов С.В., Яковлева Е.А., 1994. Раскопки на улице Некрасова (Никольский раскоп) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков.

Степанов С.В., 1997. Раскопки в Примостье // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д. Белецкого 1919–1997. Т. II. СПб.; Псков.

Сыроватко А.С., 2004. Отчет об охранных археологических раскопках в городе Коломне Московской области в 2003 году. Т. 2. Коломна.

Сыроватко А.В., Панченко К.И., 2002. Археологический материал XVIII–XIX вв. из раскопок на селище Тарасовка 1 // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 1. М.

Ульянова Т.Н., 2008. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII века) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // АП. Вып. 4. М.

Чернов С.З., 1988. Отчет о раскопках Московской археологической экспедиции в 1987 г. Т. IV // Архив ИА РАН. Р-1. № 12143в.

Шеляпина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д., 1979. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок Московского Кремля // СА. № 2.

Antiche Armi dal Sec. IX al XVIII gid Collezione Odescalchi. Catalogo a gura di Nolfo di Carpegna. Roma, Pallazzo Venezia, 1969.

Blair C., 1962. European & American Arms. C. 1100–1850. N.Y.

Boccia L., 1975. Armi Bianche Italiane. Milano.

Das Wiener Burgerliche Zeughaus. Rustungen und Waffen aus funf Jahrhunderten, 1977. Wien.

Gamber O., Beaufort C., 1990. Katalog der Leibrustkammer. T. II. Der zitraum von 1530–1560. Wien.

Karcheski W., 1995. Arms and Armour in the Art Institute of Chicago. Boston; N.Y.; Toronto; L.

Waldman J., 2005. Hafted Weapons in Medieval and Renaissance Europe: The Evolution of European Staff Weapons between 1200 and 1650. Leiden; Boston.

P.A. Kutasov

Items of equipment and outfit of the 16th – the 17th centuries warrior from the archaeological observations in Il'inskiy passage (Moscow)

Summary

In 1969–1971 in the course of archaeological observations for the building of metro-station "Ploschad' Nogina" (in modern days "Kitaiy-gorod") in the region of Il'inskiy passage collection consisted of items of warrior's equipment and outfit was gathered. The finds stored in Museum of history of Moscow are presented by the head of the pike and knife-shaped spear, cannon ball, ornamented base served as a key in operation with the weapons locks, helmet-"shishak" and other items. Along with them the different components of the horse harness such as bit, horseshoes, ornamented stirrups and saddle strap's clasp were discovered. These items have a very wide circle of parallels in the weapon originated from the Solovetskiy monastery and the territory of Tushino camp, Moscow, Kolomna, Tula and other russian sites. The vast majority of mentioned finds was probably last in 1611–1612.

Н.Е. Персов, Т.Г. Сарачева, В.В. Солдатенкова

Средневековые ювелирные комплексы бывшего Затьмацкого посада города Твери (по материалам раскопок 2001–2006 годов)

В результате археологического изучения бывшего Затьмацкого посада г. Твери выявлены средневековые кварталы, характерной особенностью которых в XIV–XVI вв. являлась плотная застройка и развитое ремесло. Они выступали индикаторами экономического расцвета города, наступившего после продолжительного периода упадка и запустения, связанного с событиями 1238 г. Столь быстрый подъем экономики связан в первую очередь с тем, что с конца XIII в. Тверь, наряду с Москвой, становится ведущим центром Северо-Восточной Руси.

Несколько комплексов Затьмацкого посада можно уверенно связать с деятельностью ювелиров. Обилие в них, а также в примыкающих слоях находок, связанных с обработкой цветных металлов, позволяет говорить о локализации здесь ремесленного квартала. Материалы исследований 2001–2006 гг. (раскоп 56) оказались наиболее информативными и детально изученными (*Персов*, 2002а; 2002б; 2003; 2006; 2007)[1]. На площади 3321,7 кв. м открыты комплексы сорока подпольных помещений наземных построек, в том числе два, служившие подпольями ювелирных мастерских или жилищ-мастерских. Кроме того, обнаружено более 7000 индивидуальных находок, из которых 3524 фрагмента тиглей, 1004 предмета из цветного металла (*Солдатенкова, Персов*, 2005; *Персов, Солдатенкова*, 2007; *Солдатенкова,*2008).

Попытки изучения топографии Затьмацкого посада средневековой Твери предпринимались начиная с конца XIX в. («Церкви и монастыри...», 1886). В последние годы исследования в этой области были проведены Н.В. Жилиной, А.С. Щенковым, П.Д. Малыгиным (*Жилина*, 1996; *Малыгин*, 2001; *Щенков*, 1980). В результате новых полевых исследований получены дополнительные сведения о топографии одного из кварталов средневекового города. Возникновение поселения на этом участке относится к рубежу XII–XIII вв., а наибольшая интенсивность хозяйственного освоения территории – к XV–XVI вв., когда здесь и появляются усадьбы бронзолитейщиков. Согласно плану А.С. Щенкова, ближе всего к раскопу 56 с юго-востока оказывается Татарская улица, а с северо-запада – Введенская улица (рис. 1). На раскопе 56 предположительно прослеживаются три основные улицы или переулка (рис. 1; 2).

Статистическая обработка фрагментов тиглей (рис. 3–4) показывает, что в ранних ямах их количество несопоставимо с объектами конца XV–XVI в. Тем не менее, о существовании ювелирного дела в этой части города можно говорить начиная с XIV в. Помимо фрагментов тиглей к этому времени относится льячка, тисочки-пинцет, производственный брак – ложновитой перстень, отлитый в двусторонней форме, створки которой сместились при заливке металла.

В слоях конца XV–XVI в. число находок, связанных с обработкой цветных металлов, резко увеличивается (рис. 5–8; цв. вкл. XXVII–XIX). Бронзолитейное производство становится здесь массовым. К этому времени относятся десять углубленных в материк подполов домов, один подпол неотапливаемого сооружения, два колодца. Они располагаются на шести дворах. Границы трех усадеб (А, Б и В) прослеживаются достаточно хорошо; еще три усадьбы (Г, Д и Е) выделены предположительно (рис. 2).

Усадьба А (рис. 2) первой половины XVI в. принадлежала, вероятно, зажиточному ювелиру. Это прямоугольный участок 20Ч36 м (площадь около 720 кв. м, примерно три пятых ее вошли в пределы раскопа № 56), что приблизительно в 2,5–3,5 раза превосходит площадь тяглых дворов, реконструируемых по данным писцовых книг XVI в. в г. Торопце (*Фоняков*, 1990. С. 131). В то же время для усадеб Твери конца XVII в. такой размер является средним (Тверь. Книга писцовая. Л. 247–249).

К усадьбе относятся постройки VII, XI, XIV с глубокими подпольями, два колодца, несколько ям

[1] Благодарим И.Н. Черных и А.Н. Пичугину (ТГОМ) за содействие в работе.

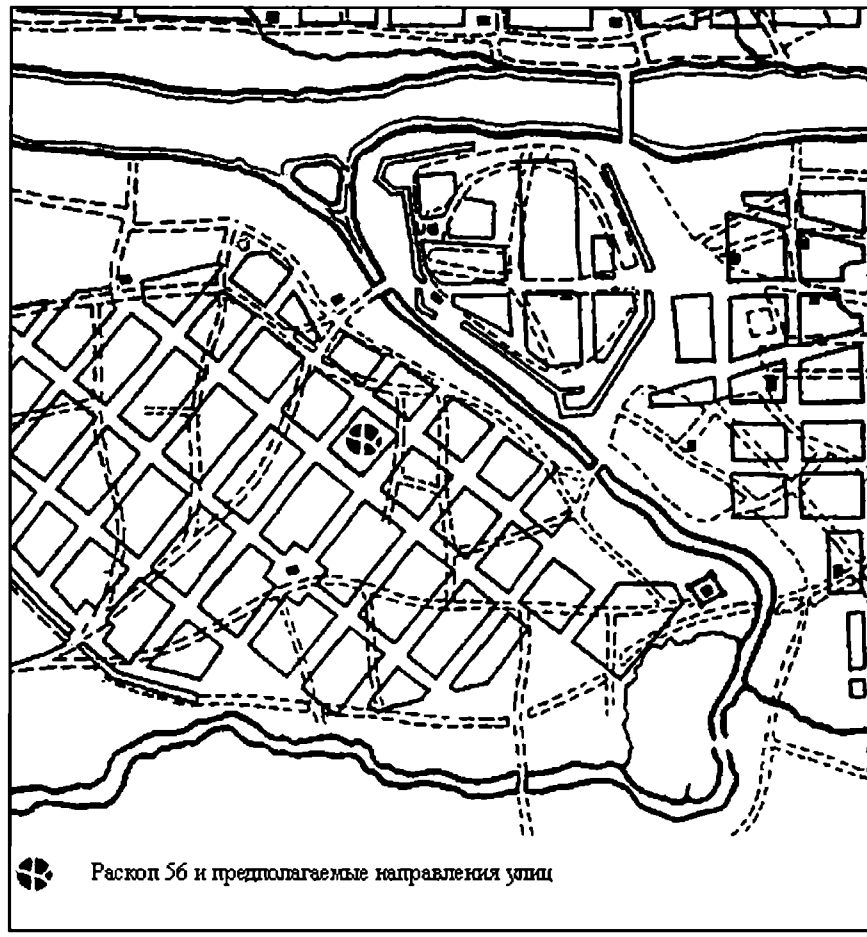


Рис. 1. Связь планировки Твери конца XVIII в. с планировкой конца XVII в. (по А.С. Щенкову). Схема

неясного назначения и частокольная канава шириной 40–55 см, глубиной 40–50 см. В слоях комплексов и на территории усадьбы найдено множество предметов, связанных с бронзолитейным производством: многочисленные фрагменты (880 экз.) и целые экземпляры тиглей, отливки бронзовых крестов-тельников, пуговиц[2] и бляшек-розеток, литейный брак, выплески металла (рис. 5–7).

Распределение фрагментов тиглей показывает, что на усадьбе расположено самое большое число объектов, связанных с деятельностью мастеров-ювелиров (рис. 3; 4). В слоях до материка обломки тиглей концентрируются в северной и юго-восточной частях двора. Наибольшее число остатков ювелирного дела обнаружены в постройке XIV. Количество и характер их распределения в слоях заполнения – признаки того, что это подпол мастерской.

Другим признаком следует считать наличие в заполнении подпола большого количества массивных кусков прокаленной глиняной обмазки с отпечатками бревен или плах. Их обмеры показали, что площадь, которую они перекрывали, составляла не менее 6 кв. м. Равномерный характер обжига позволяет считать, что это обмазка – опечка большой производственной печи, а не противопожарная обмазка пола, прокалившаяся в результате пожара.

Косвенным признаком того, что это была именно специализированная мастерская, а не жилище, можно считать следующее: несмотря на гибель постройки в результате сильного пожара, в ней не найдено ни одного развала горшков.

В вещевой комплекс постройки XIV входит большое количество обломков тиглей, овальнощитковые перстни, украшенные гравированным циркульным орнаментом (№ 1506, 1752; 1670, 2170), пластинчатые перстни (№ 1971; 1812; два аналогичных перстня найдены на территории усадьбы: № 207, 1675), бляшки-розетки (№ 2177; 2268).

В расположенной поблизости от мастерской яме № 165 неясного назначения найдено 47 фрагментов отливок розеток, 40 из которых лежали компактно. Розетки соединены «цепочкой» по три-шесть штук, так как представляют собой неразрубленные после

[2] С территории усадьбы А происходит достаточное большое число пуговиц (11 находок), необработанных после отливки (№ 114, 143, 541, 1184, 1352, 1388, 1389, 1439, 1460, 1615, 2145).

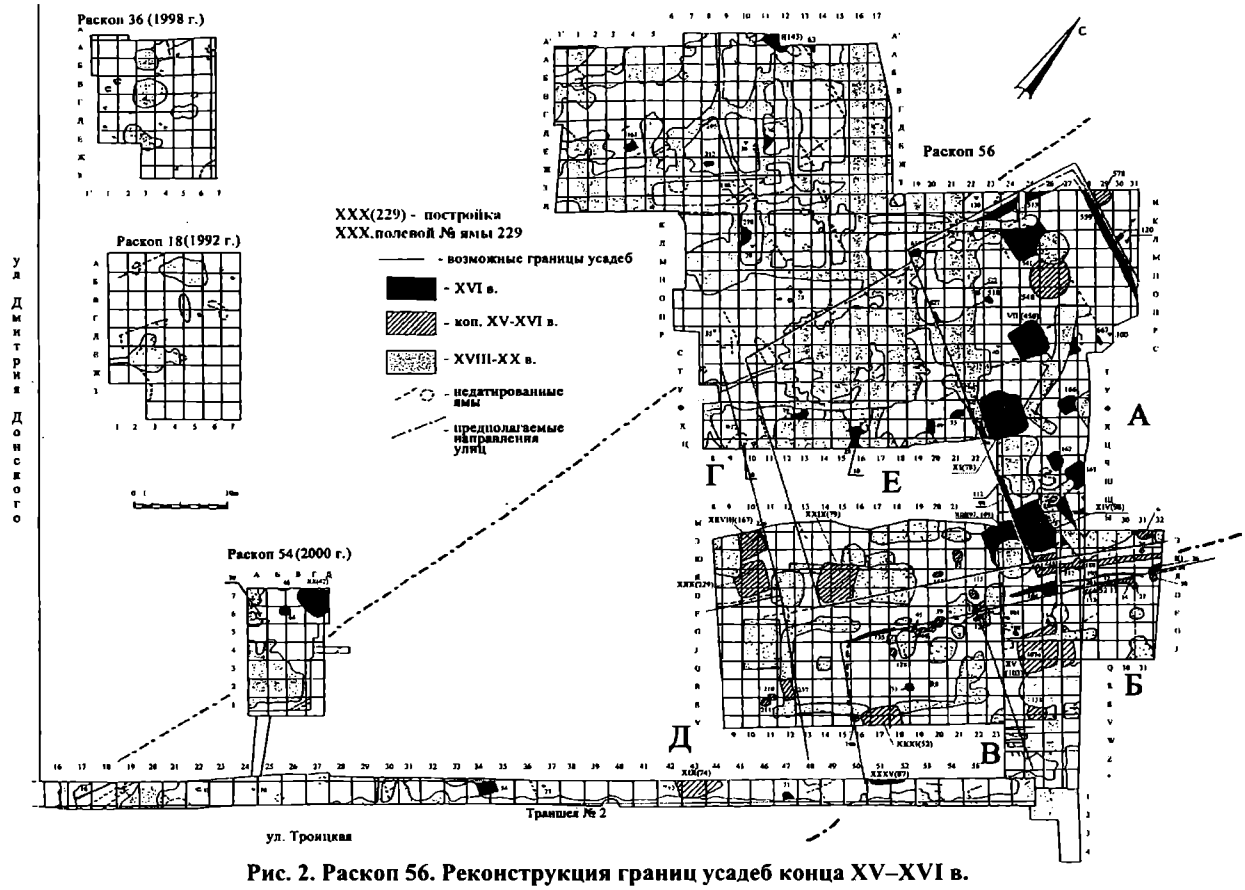


Рис. 2. Раскоп 56. Реконструкция границ усадеб конца XV–XVI в.

литья украшения. Ранее они считались накладками (*Персов, Солдатенкова*, 2005. С. 216–217). Однако фрагмент серьги в виде знака вопроса (№ 370) позволяет предположить другой способ использования розеток. Фрагмент представляет собой белый полупрозрачный камень каплевидной формы с просверленным отверстием, в которое вставлен стержень, закрепленный внизу подобной бляшкой-розеткой. Похожий фрагмент с напускной каплевидной бусиной найден в 2006 г. Кроме того, известны многобусинные височные кольца с подобными медными розетками из раскопок Новгорода (*Гайдуков*, 1992. С. 95. Рис. 67, *2*). Серьги в виде знака вопроса с литыми розетками широко бытуют в XV–XX вв. (*Козлова*, 2007. С. 128).

В северной части усадьбы также обнаружены находки, связанные с обработкой цветного металла. Среди них встречены нательные кресты с изображением Святого мученика Никиты, побивающего беса, и их необработанные отливки, которых нет в других частях усадьбы. Возможно, к северу от усадьбы А существовала еще одна мастерская более раннего времени. Свидетельством этого является крест, обнаруженный в слое заполнения частокольной канавы ограды усадьбы (яма № 559). Всего найдено 12 крестов-тельников с изображением Никиты Бесогона, пять из них – с неудаленными остатками литейных швов. Подобные кресты-тельники типичны для Твери (*Жизневский*, 1888. С. 104). В.В. Хухарев упоминает их находки в нескольких комплексах с отходами бронзолитейного производства, изученных на Затьмацком посаде ранее[3] (*Хухарев*,1994. С. 212). Интересно, что из учтенных им 102 крестов-тельников с изображением св. Никиты 85 происходят из Тверской земли, а основная часть незаконченных тверских крестов – с территории Затьмачья.

В яме № 559 найден фрагмент каменной формы для отливки круглых привесок с изображением процветшего креста (диаметр 3 см без ушка). Почти идентичная, но меньшего размера, привеска из Новгорода датируется М.В. Седовой от начала XIII до начала XIV в. (1981. С. 40–41. Рис. 14, *б*).

Судя по нумизматическим материалам[4], время бытования всех основных построек усадьбы А (VII, XI, XIV, колодца–ямы № 548, 2001–2002 гг.) укладывается в интервал с конца XV до середины XVI в., а время разрушения приходится на вторую

[3] Раскопки Е.В. Калининой и А.Н. Хохлова в 1990 г.

[4] Уточнение хронологии слоев и построек предпринято на основании анализа монетных находок, проведенного научным сотрудником Отдела нумизматики ГИМ В.В. Зайцевым, которому, пользуясь случаем, выражаем благодарность.

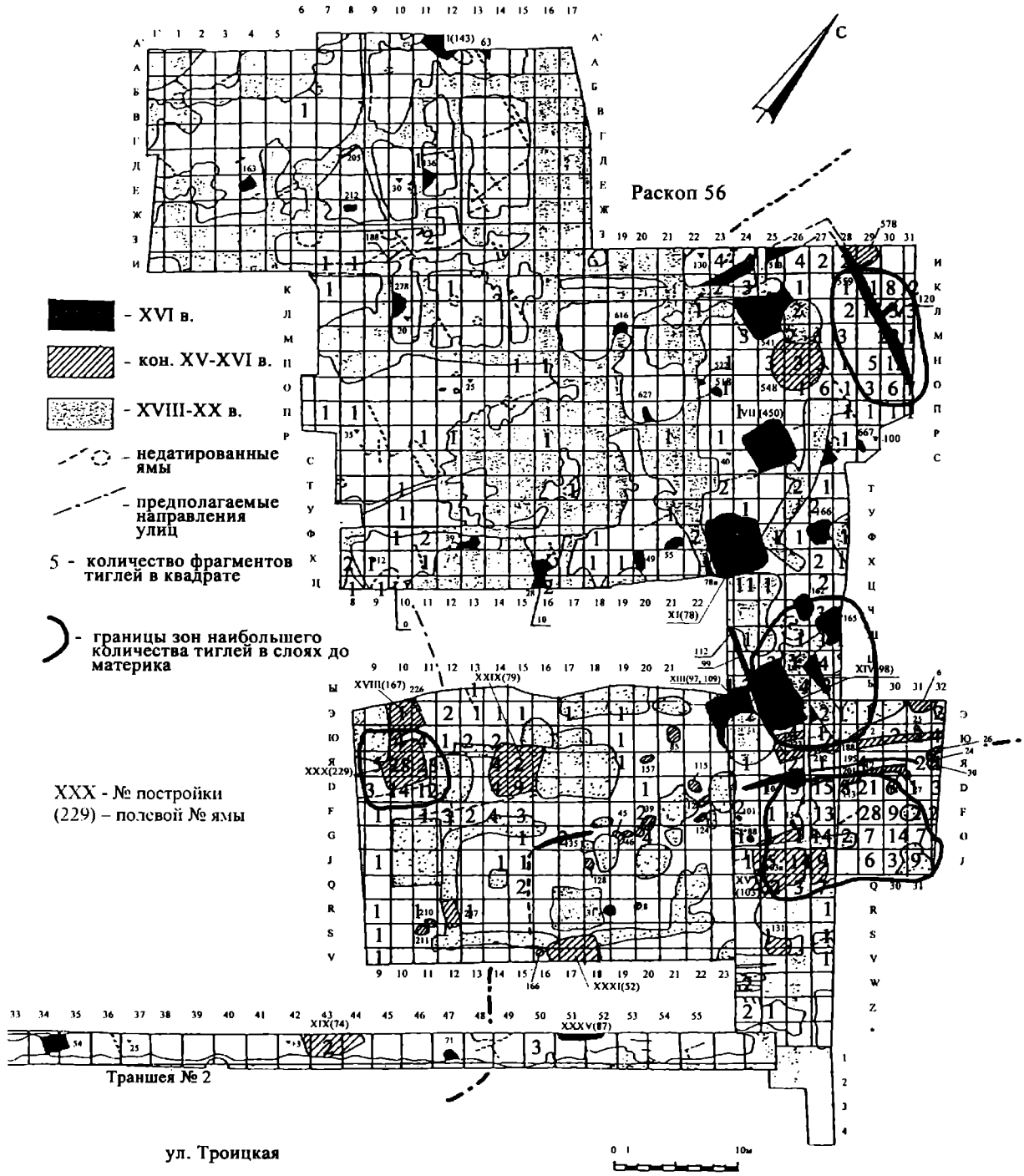


Рис. 3. Раскоп 56. Распространение фрагментов тиглей в культурном слое до материка

треть того же столетия. Не исключено, что после гибели постройки XIV в результате пожара усадьба запустела, а остальные сооружения постепенно обветшали и разрушились.

Так же четко прослеживается западная граница **усадьбы Б** (рис. 2) второй половины XV – начала XVI в. Она расположена к юго-востоку от усадьбы А, через улицу. В пределы раскопа попало примерно 200 кв. м ее территории. К усадьбе относятся частокольные канавки, несколько столбовых ям, яма неясного назначения и подпол жилища-мастерской ювелира конца XV–XVI в. (постройка XV). Как и на территории усадьбы А, в слоях найдено множество находок, указывающих на то, что ее владельцы занимались ювелирным ремеслом (рис. 5–7).

Основная часть находок ювелирного комплекса усадьбы Б обнаружена в слоях заполнения подпола жилища-мастерской XV, датированной второй половиной XV– началом XVI в. Количество тиг-

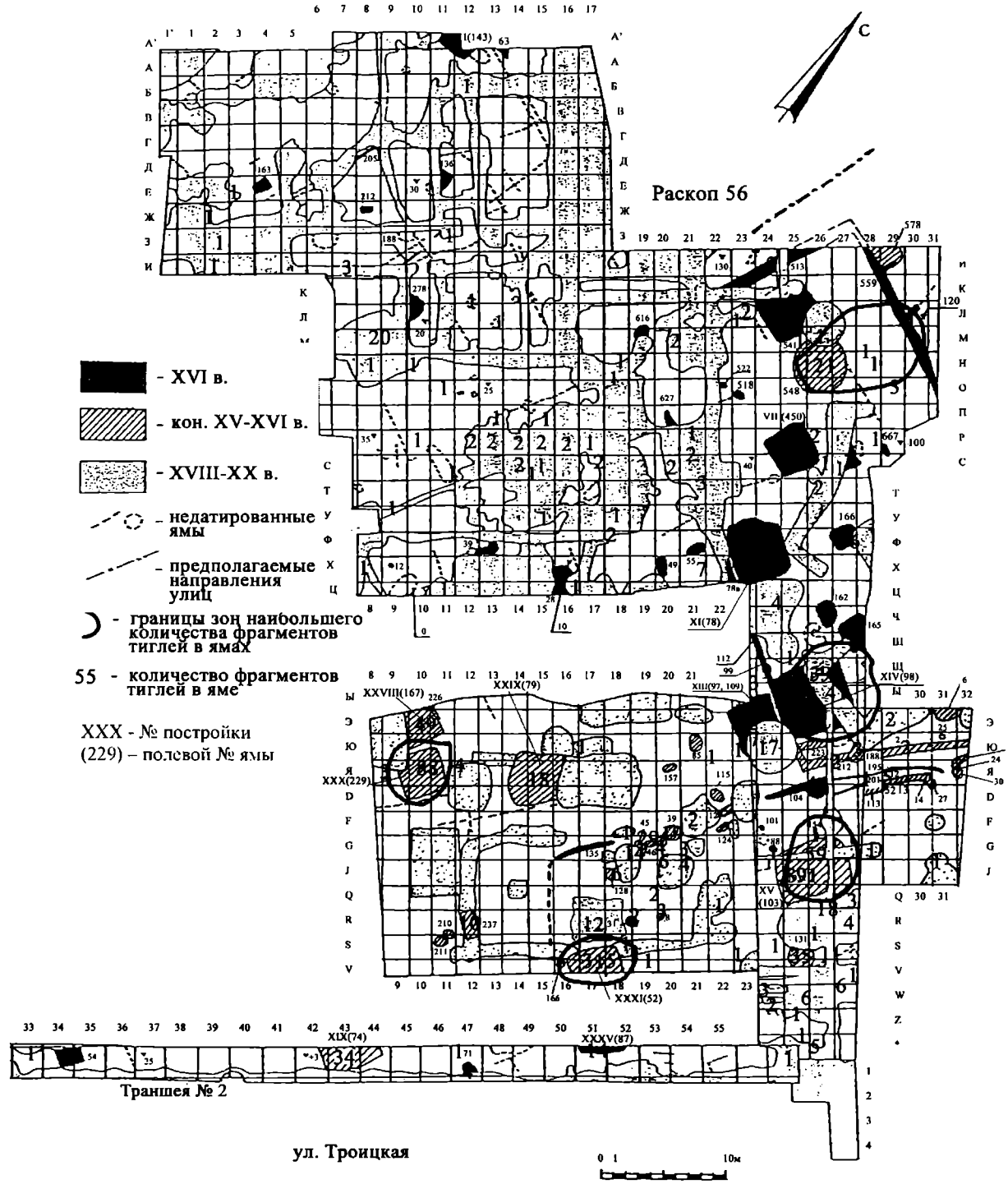


Рис. 4. Раскоп 56. Распространение фрагментов тиглей в заполнении материковых ям конца XV–XVI в. и более позднего времени

лей, найденных здесь, рекордно велико (889 фрагментов и три целых тигля). Судя по насыщенности находками, связанными с ремеслом, и характеру их распределения, эта мастерская либо существовала в течение достаточно длительного промежутка времени, либо, что представляется нам наиболее вероятным, работала интенсивнее, чем соседние.

К ювелирному комплексу усадьбы относятся также находки из исследованного в 2006 г. слоя 7.I, который представляет собой огородный слой XVI в. В нем обнаружено 120 фрагментов тиглей и необработанные отливки предметов, аналогичные вещам из подпола XV. В слоях XVI в., исследованных в 2006 г., найдены фрагменты пластинчатых перстней (№ 16, 121, 128) и восемь булавок «пус йеппи».

Значительную часть продукции мастерской XV

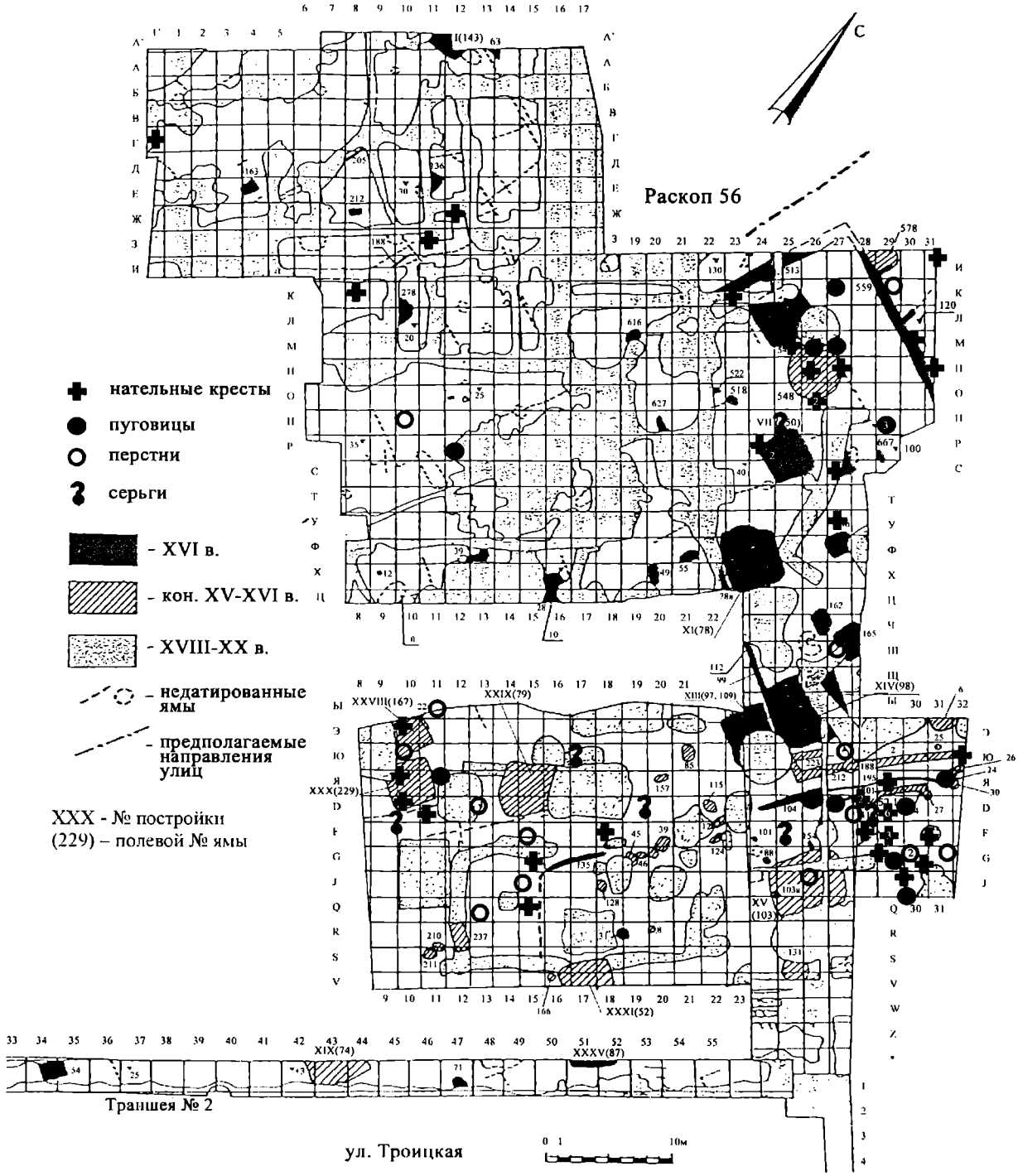


Рис. 5. Раскоп 56. Распространение находок конца XV–XVI в. в культурном слое до материка

составляли односторонние семиконечные кресты-тельники с килевидным окончанием нижней лопасти (10 экз.). На их лицевой стороне – изображение пятиконечного креста с венком в средокрестии, на верхней и боковых лопастях – надпись «ЦРСЛ ІС ХС» под титлом. Нижняя часть изображенного креста превращена в плетенку; по бокам – стилизованные изображения орудий Страстей (№ 1033, 1034, 1276, 1519, 1535, 1586, 1791, 1811, 1835, 2229). Д.А. Беленькая относит подобный тип крестов к XV в. (1993. С. 15). В слое 7.I в 2006 г. найдено 11 фрагментов и целых крестов подобного типа и близких по размерам. Еще восемь находок обнаружены в разных частях раскопа 56 (№ 1583, 1718, 1508, 1635, 5, 24, 33, б/н/1042).

Встречен миниатюрный вариант креста этого же типа – четырехконечный, с надписью в верхней и нижней ветвях (№ 104, 1394, 1142). Есть также более массивные кресты-тельники с изображением креста с венком (№ 1124, 50, 115, 169).

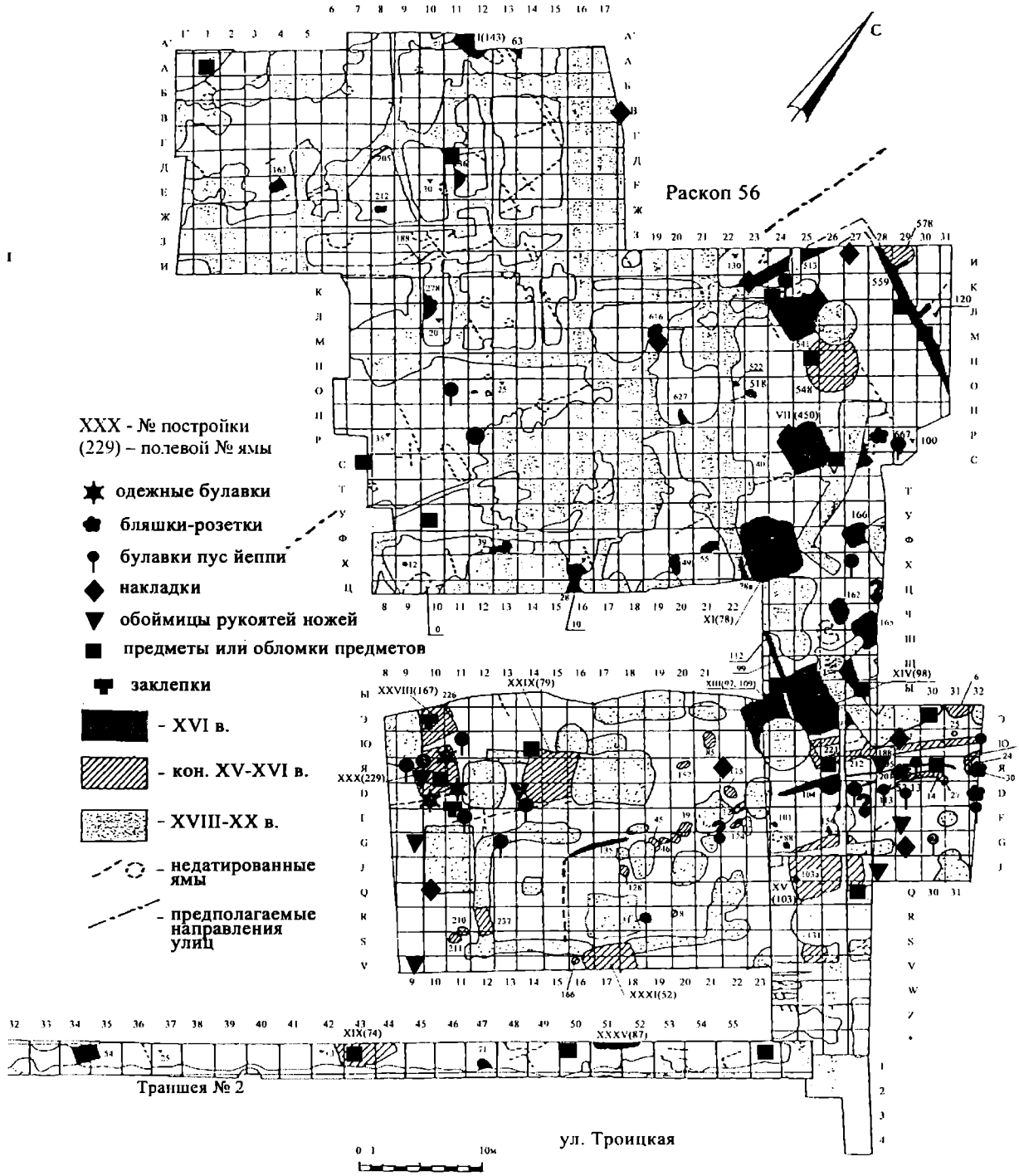


Рис. 6. Раскоп 56. Распространение находок конца XV–XVI в. в культурном слое до материка

В мастерской отливали также двусторонние кресты-тельники. В ушке восьмиконечного креста (№ 1809) сохранилась деревянная вставка, которая устанавливалась в канал литейной формы в соответствующем месте, чтобы металл не затекал в отверстие, а потом удалялась из готовой вещи. Еще один такой же крест имеет неудаленные литейные швы (№ 2258). Размеры обоих изделий совпадают. На лицевой стороне – изображение Спаса Нерукотворного в средокрестии, над ним, в верхней лопасти – надпись под титлом «ІСХС», на боковых лопастях – погрудные изображения склонившихся к Христу предстоящих святых, на нижней лопасти – надпись «NHK», под ней – фронтальное поясное изображение Св. Николая в святительских одеждах с Евангелием в левой руке, правая рука – в благословляющем жесте. На оборотной стороне изображен крест с венком в средокрестии и орудиями Страстей, с надписями в четырех лопастях. Иконография лице-

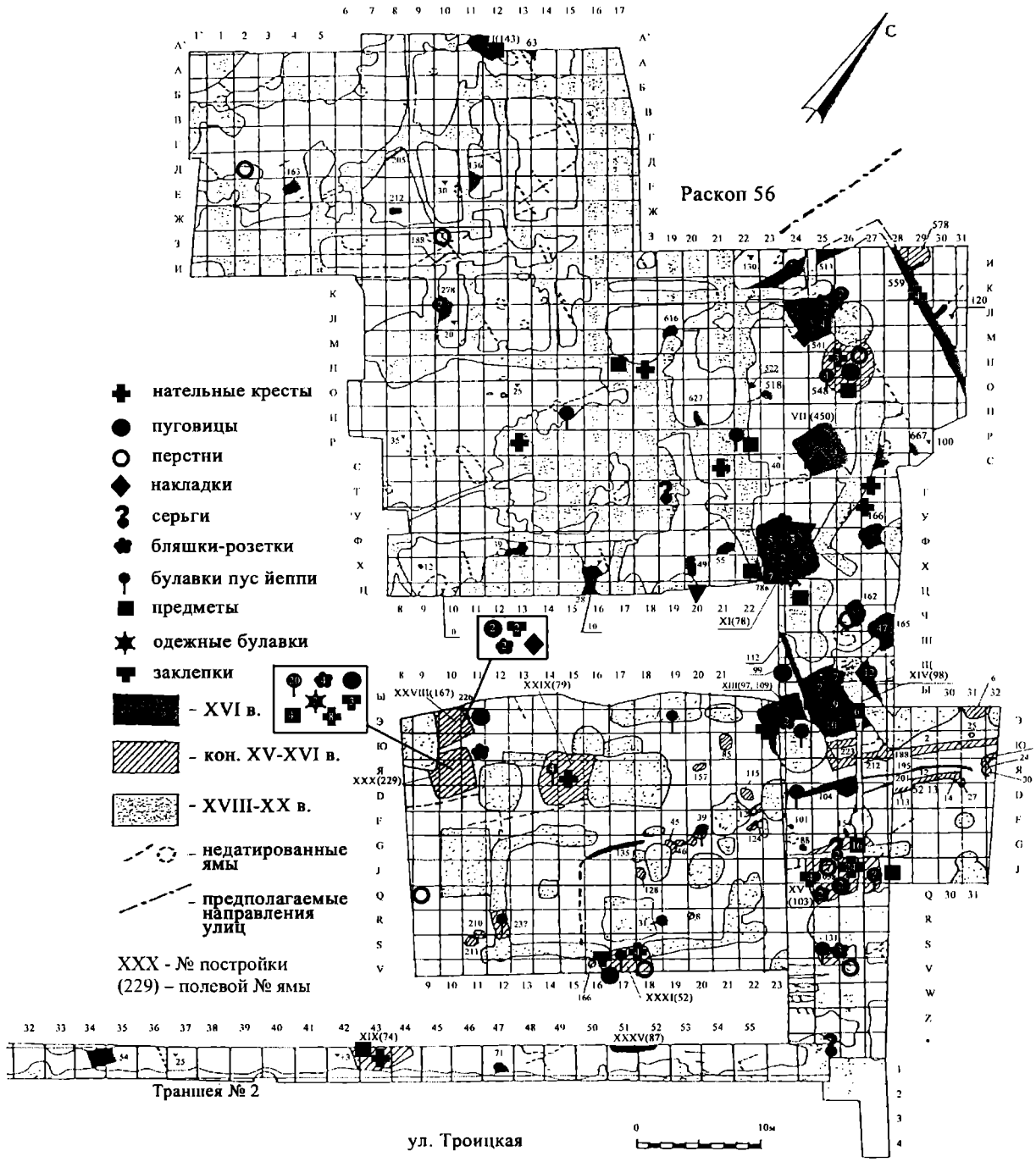


Рис. 7. Раскоп 56. Распространение находок конца XV–XVI в. в заполнении материковых ям

вой стороны сходна с изображением на тельнике из коллекции Н.Ф. Романченко (1928. С. 40).

В мастерской производились и более сложные вещи. Об этом свидетельствует находка подвижного оглавия энколпиона или другого двустворчатого предмета с деревянной вставкой в ушке (№ 1912).

Помимо крестов в постройке XV найдены два щитковых перстня без орнамента (№ 726, 1481). Еще один перстень подобной формы украшен гравированным линейным декором (№ 1698; ему аналогичны № 3, 114). Вероятно, перстни без декора можно считать незаконченными изделиями. Щитки двух перстней – трехчастные (№ 669, 672). На раскопе найдено еще два подобных перстня (№ 1098, 1836) и три близких по форме (№ 71, 1071, 168). В постройке XV обнаружена бляшка-розетка с остатками литейного шва (№ 1785); четыре аналогичных находки обнаружены в 2006 г. (№ 183, 192, 293, 630).

Другие ювелирные изделия комплекса представлены единичными экземплярами, что не позволяет отнести их к продукции мастерской. Это

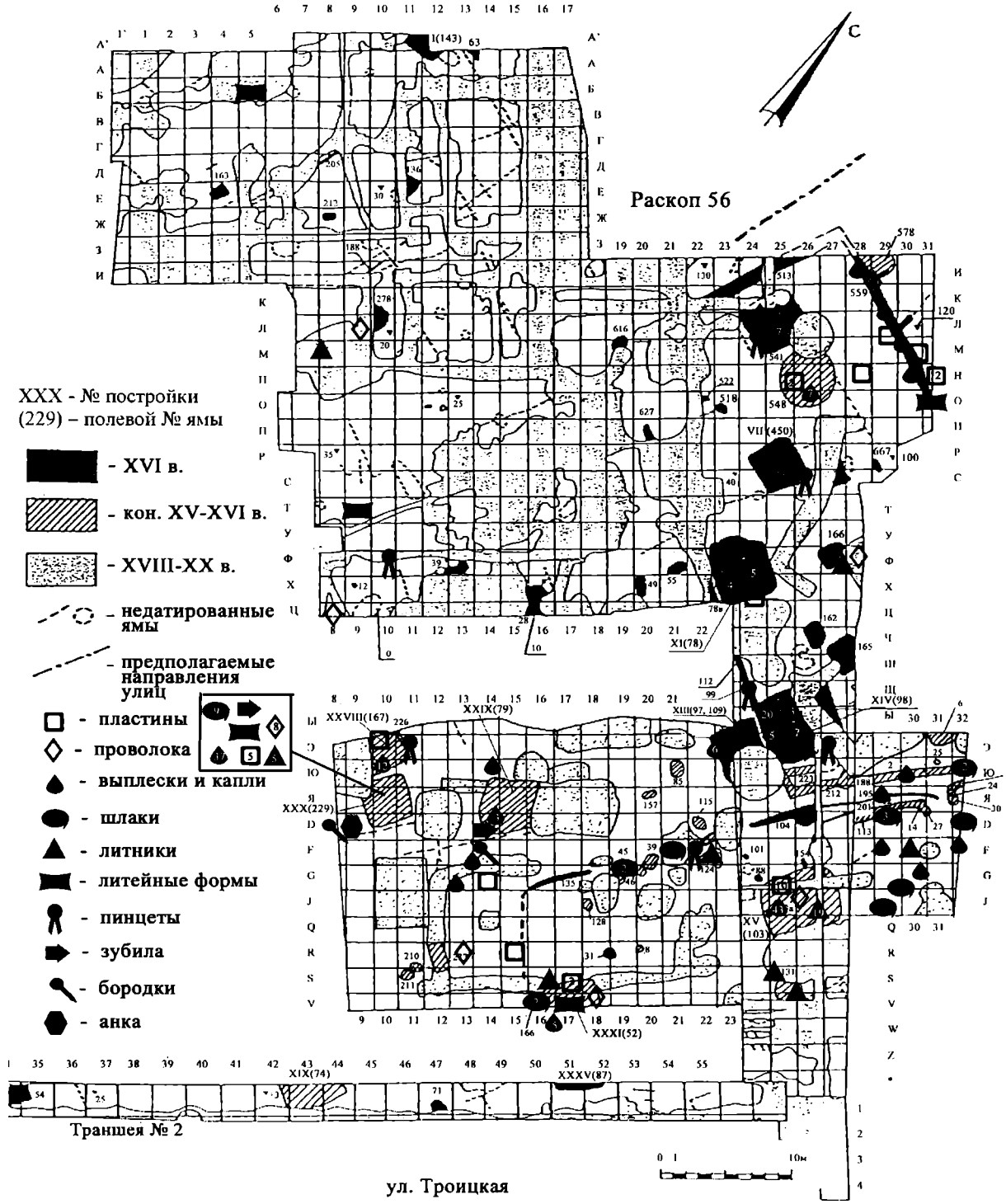


Рис. 8. Раскоп 56. Распространение производственных отходов и ювелирных инструментов

десять крестов-тельников (№ 1351, 1356, 1376, 1383, 1385, 1467, 1468, 1834, 2266, 2272), обломок энколпиона (№ 670), две пуговицы (№ 1571, 1529), круглая накладка с четырьмя листовидными отростками (№ 1837), сердцевидная привеска с изображением креста (№ 1786).

Усадьба В (рис. 2) граничит с усадьбой Б с юго-запада. Все слои до материка и частично верхняя часть материка были разрушены экскаватором до проведения охранных работ. Хорошо читаются только северо-западная и юго-западная границы территории площадью более 272 кв. м. На территории усадьбы выявлены подпол дома конца XV – XVI в. (постройка XXXI) и постройка XXXV, краем вошедшая в траншею 2. В верхней части заполнения подпола XXXI встречено большое количество фрагментов тиглей (315 экз.). В постройке XXXV найдено 13 фрагментов тиглей – не так

мало, учитывая, что раскопана лишь примерно одна седьмая часть объекта (рис. 4). Тиглей много и в столбовых ямах ограды усадьбы.

В верхних слоях западины постройки XXXI, т. е. в культурных отложениях, образовавшихся уже после первичного заполнения ямы землей, обнаружены два четырехконечных креста с килевидным окончанием нижней лопасти и изображением Голгофского креста (№ 145, 162). Крест с изображением Никиты Бесогона близок по иконографии и размерам крестам ювелирного комплекса усадьбы А (№ 131). Сильно корродированный крест с неясной иконографией сходен с крестами с изображением восьмиконечного Голгофского креста и венка в средокрестии (№ 161). Из этого комплекса происходят фрагмент шаровидной пуговицы (№ 135) и булавка «пус йеппи» (№ 150). Самой значимой находкой комплекса является каменная литейная форма для отливки грузиков (№ 184). Судя по распределению находок в слоях заполнения, постройка XXXI, довольно широко датированная (XV–XVI вв.), не являлась подполом ювелирной мастерской. Возможно, таковой являлась расположенная юго-восточнее постройка XXXV XVI в.

В пределы раскопа попадает угол **усадьбы Г** (примерно 48 кв. м) (рис. 2), также связанной с ювелирным ремеслом (235 фрагментов тиглей). Ее размеры и общую площадь, на основании имеющихся данных, определить невозможно. Ювелирный комплекс этой усадьбы концентрируется вокруг двух подполов – постройки XXVIII, и, в особенности, постройки XXX, которые также не были ювелирными мастерскими (рис. 3–4). В постройке XXVIII (конец XV (?) – первая половина XVI в.) основная масса изделий из цветного металла и фрагментов тиглей найдена в верхних слоях западины.

Большая часть культурных напластований, в которых встречены материалы, связанные с ювелирным ремеслом, является верхней частью заполнения постройки XXX. Только слой 97.II, где были найдены железная анка для тиснения пуговиц или бубенчиков (№ 273) и фрагмент инструмента – железного бородка (№ 961), можно предположительно отнести к XV в. (из этого слоя происходят крупные пула № 262, 952). Он расположен юго-западнее постройки XXX и перерезан слоями ее заполнения.

После прекращения бытования жилища XXX (вторая половина XV – начало XVI в.) в неполностью засыпанный котлован были сброшены насыщенные углями, древесным тленом и разнообразными предметами остатки какого-то пожарища, вероятно, сгоревшей мастерской ювелира-бронзолитейщика. Учитывая малые размеры вошедшей в раскоп части усадьбы (рис. 3), не исключено, что эта мастерская существовала где-то неподалеку, но в чуть более позднее время (конец XV – начало XVI в.).

Набор находок из ювелирного комплекса усадьбы Г отличается большим разнообразием (рис. 5; 6). Из заполнения подпола XXX происходят 20 булавок «пус йеппи»; 4 креста с изображением Голгофского креста и венка в средокрестии (№ 803, 805, 811, 861); крест с изображением, вероятно, Спаса Нерукотворного (№ 829); крест с изображением четырехконечного креста в средокрестии (№ 1059). Аналогии таким крестам обнаружены в постройках XV в. (№ 150, 381, 994). Иконография еще двух фрагментов неясна из-за сильной коррозии металла. Среди находок следует упомянуть также четыре бляшки-розетки, четыре фрагмента предметов неясного назначения, три заклепки, два фрагмента одежных булавок, отливку пяти пуговиц.

В слоях до уровня материка, связанных с заполнением постройки XXX, найдены два креста с изображением венка (№ 747, 778) и два – с изображением четырехконечного креста (№ 469, 754), фрагмент бубенчика, три фрагмента одежных булавок (*Персов и др.*, 2006. С. 363), три пуговицы, пинцет, два фрагмента глиняной литейной формы и слиток медного сплава.

В отличие от предыдущих комплексов этот комплекс представлен целым набором ювелирных инструментов: помимо перечисленных здесь были найдены зубильце (№ 927) и два фрагмента шильев (№ 985, 998).

Размеры и площадь **усадьбы Д** (рис. 2) неясны. На ней исследованы подпол постройки XIX конца XV–XVI в. и несколько столбовых ям. В заполнении подпола найдено 33 фрагмента и один целый тигель, однако они происходят из верхних слоев западины, что не позволяет предполагать связь этого комплекса с ювелирным делом (рис. 3–4).

К юго-западу от усадьбы А расположена **усадьба Е** площадью 651 кв. м. Территория включает в себя подпол жилища XXIX конца XV–XVI в., подпол жилища XIII XVI в., несколько столбовых ям и ям неопределенного назначения. Количество находок, связанных с ювелирным ремеслом, невелико (рис. 3–6). Их становится больше у северо-восточной ограды, что, по-видимому, обусловлено соседством с усадьбой А.

Таким образом, на раскопе 56 выделено несколько дворов состоятельных ремесленников конца XV–XVI в. Между ними расположены две усадьбы, не связанные с ювелирным ремеслом. Небогатый и невыразительный набор находок может указывать на более низкий социальный статус их обитателей.

Гибель ремесленного квартала можно предположительно связать со временем опричнины, воз-

Таблица 1. **Цветные металлы и сплавы выборки.**

Тип сплава	Готовые изделия	Производствен. отходы	Заполнен. тиглей	Монеты
«Чистая» медь	3	3	1	9
Оловянная бронза	1	1	2	3
Свинцовая бронза	4	3	–	–
Оловянно-свинцовая бронза	48	7	18	–
Двойная латунь	23	3	11	–
Свинцовая латунь	28	5	17	–
Оловянная латунь	7	–	7	–
Многокомпонентная бронза	6	1	36	–
Многокомпонентная латунь	37	1		–
Легкоплавкие сплавы на основе олова и свинца	7	4	3	–
Сплавы на основе или с высоким содержанием серебра	7	–	1	–
Всего	171	28	96	12

можно, новгородским походом Ивана Грозного (1569 г.), в результате которого, в частности, сильно пострадала Тверь.

Изучение технологии изготовления предметов (поверхностный осмотр с помощью увеличительных приборов) показало, что в выборке преобладают литые изделия (цв. вкл. рис. XXVII). Расположение литейных швов на них указывает на то, что отливка проводилась преимущественно в двустворчатых пластичных формах, аналогичных обнаруженным на территории раскопа (цв. вкл. рис. XXVIII). Наличие трех швов на одном из заполнений литникового канала указывает на применение трехстворчатых форм. Мелкие изделия (кресты, пуговицы, пронизки-розетки) отливались «цепочками» по два – шесть экземпляров – одно ответвление литника обеспечивало проливку сразу нескольких изделий. Среди необработанных отливок и литейного брака обнаружено множество таких неразрубленных «цепочек». Подобный способ литья обеспечивал хорошую проливку металла, так как каждый последующий предмет служил своеобразным литником. На некоторых находках заполнений литниковых каналов сохранилось 10–12 отростков (цв. вкл. рис. XXIX). Учитывая находки неразрубленных отливок, можно предположить, что в одной форме мастер мог отлить около 60 блящек-розеток, 30 пуговиц и 20 крестов. Последующая обработка отливок была направлена на пробивку отверстий, нанесение декора, удаление пороков литья, шлифовку.

Приблизительно четверть находок составляют булавки «пус йеппи», изготовленные из волоченной проволоки. Единичные пуговицы и накладки получены штамповкой. Находки отражают все производственные этапы изготовления изделий, начиная от плавки металла до механической обработки отливок, что позволяет отнести их к местной продукции. С помощью литья и волочения можно было получать серийную продукцию с минимальными затратами труда и времени. Таким образом, ювелирное производство изученных мастерских было серийным и ориентировалось на рынок.

В результате изучения химического состава металла находок по методу неразрушающего рентгенофлюоресцентного анализа сформирована выборка по цветному металлу XV–XVI вв., не имеющая аналогов по количественным показателям и разнообразию материала (307 проб). В нее вошли готовые изделия, в том числе бракованные (171 экз.), заполнение тиглей (96 экз.), монеты (12 экз.), производственные отходы (28 экз.). Подобное комплексное изучение позволило сопоставить состав металла перечисленных групп (табл. 1).

Распределение находок по типам сплавов показывает, что в выборке преобладают латуни и бронзы. Процент медных изделий высок лишь среди монет, металл которых оказался удивительно однородным (три пробы, содержащие олово в низких концентрациях, также можно считать загрязненной медью). Находки из легкоплавких сплавов и металла, содержащего серебро, немногочисленны. Следует отметить отсутствие серебряных сплавов среди производственных отходов. Это отражает отношение ювелиров к драгоценному металлу.

Латунные сплавы преобладают над бронзовыми. Особенно отчетливо это проявляется при анализе отдельных категорий, которые, несомненно, изготавливались в мастерских. Так, все булавки «пус йеппи» изготовлены из двойной латуни (13 экз.); из цинкосодержащих сплавов получены все

бляшки-розетки (12 экз.) и все серьги (11 экз.); семь из восьми одежных булавок; 18 из 20 перстней; 17 из 26 пуговиц. Гораздо ниже этот показатель для крестов: лишь семь из 45 изученных крестов получены из латуней. Возможно, в этом нашло отражение особое отношение к предметам христианского культа, связанное с традициями металлургии более раннего времени. Анализ двойных бронз и латуней также показателен: 23 сплава меди с цинком и всего лишь один – меди с оловом.

Таким образом, тверские мастера отдавали предпочтение латуням, обладающим высокими технологическими свойствами. Концентрация цинка в них довольно высокая. Это свидетельствует о стабильном поступлении ювелирного сырья, которое мало подвергалось переплавке. Цинкосодержащие сплавы универсальны: они пригодны как для литья, так и для механической обработки. Значимый процент оловянно-свинцовой бронзы объясняется высокими литейными качествами этого сплава. Сравнительный анализ тверской выборки с синхронными и более ранними материалами позволяет предположить, что металл поступал в тверские мастерские из Западной Европы, вероятно, через Новгород.

Литература

Беленькая Д.А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси XIII–XV вв. // КСИА. Вып. 208. М.

Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец древнего Новгорода. Нутный раскоп. М.

Жизневский А.К., 1888. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М.

Жилина Н.В., 1996. Топография храмов древней Твери по письменным источникам и в связи с данными археологии // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь.

Козлова А.В., 2007. Металлические украшения и предметы быта восточной традиции X–XV вв. из раскопок в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Малыгин П.Д., 2001. Средневековые письменные источники о топографии Твери // Тверской Кремль. Комплексное археологическое источниковедение. СПб.

Персов Н.Е., 2002а. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории бывшего Затьмацкого посада г. Твери в 2001 году (ул. Бебеля, 7, раскоп № 56) // Архив ИА РАН. Р-1.

Персов Н.Е., 2002б. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории бывшего Затьмацкого посада г. Твери в 2001 году (ул. Бебеля, 7, раскоп № 56, траншея 2) // Архив ИА РАН. Р-1.

Персов Н.Е., 2003. Отчет об охранных археологических исследованиях (надзор, раскопки) на территории бывшего Затьмацкого посада г. Твери в 2002 г. (ул. Бебеля, 7, раскоп № 56) // Архив ИА РАН. Р-1.

Персов Н.Е., 2006. Отчет об охранных археологических исследованиях (надзор, раскопки) на участке строительства по ул. Троицкая, 8 на территории бывшего Затьмацкого посада г. Твери в 2005 г. (раскоп № 56) // Архив ИА РАН. Р-1.

Персов Н.Е., 2007. Отчет об охранных археологических исследованиях (надзор, раскопки) на участке строительства по ул. Троицкая, 8 на территории бывшего Затьмацкого посада г. Твери в 2006 г. (раскоп № 56, участок 6) // Архив ИА РАН. Р-1.

Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатенкова В.В., 2006. Одежные булавки или височные кольца? Украшения XVI в. из Твери // Археологическое изучение Центральной России. Тез. Междунар. науч. конф. Липецк.

Персов Н.Е., Солдатенкова В.В., 2007. Некоторые итоги изучения одного из средневековых «кварталов» Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 1992–2002 гг.) // ТАС. Вып.6. Т. II. Тверь.

Романченко Н.Ф., 1928. Образцы старицкого литья // Материалы по русскому искусству. Художественный отдел ГРМ. Т. 1. Л.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Солдатенкова В.В.,2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (по материалам раскопа № 56 на территории бывшего Затьмацкого посада г. Твери) // КСИА. Вып. 222. М.

Солдатенкова В.В., Персов Н.Е., 2005. К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI вв. // Ставрографический сборник. Кн. 3. М.

Тверь. Книга писцовая и межевая письма и межевания Лариона Шишкова да подъячего Алексея Челюскина 193 и 194 года // ЦГАДА. Ф. 1209. Ед. хр. 470.

Фоняков Д.И., 1990. Посад Торопца в XVI–XVIII столетиях по материалам планов города XVIII в. // Города Верхней Руси: истоки и становление. Торопец.

Хухарев В.В., 1994. К вопросу об изображениях святого мученика Никиты, изгоняющего беса, на крестах и иконках из Твери // ТАС. Вып. 1. Тверь.

Церкви и монастыри в г. Твери в 1677 г. по переписи Михаила Никитича Чирикова, да подъячего Ивана Андреева. Тверь, 1886.

Щенков А.С., 1980. Опыт реконструкции плана Твери конца XVII в. // Архитектурное наследство. Вып. 28. М.

N.E. Persov, T.G. Saracheva, V.V. Soldatenkova

Medieval jewel's complex from old Zat'matskiy suburb in Tver' (on the basis of materials of 2001–2006)

Summary

The article is devoted to the results of excavations of the jewel's block, dated by the second half of the 15th – the 16th c. Investigation has been conducted in three main directions: the borders of the farms are traced, the character of its inhabitants occupations are cleared and the assortment of jeweler's articles and characteristic features of its technology is studied.

В.В. Богомолов, М.И. Гоняный, О.Н. Заидов, Г.А. Шебанин, А.В. Шеков

Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождественно Одинцовского района Московской области

Памятник расположен на площадке, образованной оврагами – правыми притоками р. Саминка, в 200 м к югу от д. Рождественно Одинцовского района Московской области. Площадка селища вытянута с запада на восток на 140 м при ширине 70–80 м. Памятник был выявлен летом 2006 г., исследовался четырьмя раскопами в 2006—2007 гг. (*Гоняный,* 2008). В данной статье в научный оборот вводятся материалы раскопа 1 2007 г. (цв. вкл. рис. XXX). Всего в 2007 г. на раскопе 1 было вскрыто 1664 кв. м., из которых 1000 кв. м приходилась на селище, а 664 – на могильник (рис. 2; 3). На участке могильника полностью было изучено 100 кв. м, остальные 544 были законсервированы.

Культурный слой селища был уничтожен многолетней распашкой до археологического материка, на котором в некоторых случаях проступали борозды от плуга. В результате работ было изучено 44 ямы, 44 столбовые ямы, четыре канавы, более 120 могильных ям, две надгробные плиты и место расположения церкви (часовни). На памятнике был собран большой комплекс индивидуальных находок. Особый интерес представлял нумизматический материал, определенный сотрудниками ГИМа В.В. Зайцевым и Е.В. Глазуновой[1]. Из 24 монет, найденных на участке раскопа 1 2007 г., 22 датировались XV – первой половиной XVI в. (до 1547 г.) и две – второй половиной XVI в. Комплекс монет со всего памятника датируется рубежом XIV – XV – XVII в. Однако находки монет второй половины XVI—XVII в. единичны.

В раскопе 1 были найдены железные ножи, обломки подков, кольца, ключи, кресала, фрагменты замков, кос, пряслиц. Стоит отметить находку фрагмента шпоры, фрагмент щиткового перстня (рис. 42, *2*), фигурные ножницы (рис. 44, *1*), бронзовые накладки (рис. 42, *6–7*), фрагмент зеркала (рис. 42, *4*), бронзовую пряжку (рис. 44, *2*), а также целый комплекс бронзовых крестов и их фрагментов (рис. 43; 47, *4–10*). К наиболее ранним находкам на раскопе относится бронзовая подковообразная фибула (рис. 42, *1*), характерная для XI–XII вв., но обнаруженная на дне ямы, датированной находкой монеты второй трети XVI в. Скорее всего, фибула происходит из культурного слоя расположенного рядом поселения Подушкино 6 или из курганного могильника Одинцово 7, датируемых XI—XIII вв. (АКР, 1994. С. 134).

Изучение культурного слоя памятника показало, что поселение Рождественно 1 состоит из трех участков: собственно селища с остатками заглубленных в материк частей построек; могильника с целыми и переотложенными погребениями; месторасположения церкви (часовни) в центре могильника (рис. 1).

В центральной части некрополя (в наиболее возвышенной части памятника) зафиксированы следы наземной постройки, очевидно, культового сооружения – небольшой церкви или часовни. Это пятно непотревоженного могильными захоронениями светло-серого предматерикового суглинка длиною около 9 и шириною до 4 м (рис. 4,5). По периметру пятна отчетливо прослеживалась канавка, заполненная гумусированным грунтом. Возможно, канавка образовалась в результате стока дождевых вод с крыши постройки. В юго-западном углу канавки (кв. 43/XXVI) была найдена серебряная московская денга великого князя Ивана IV, чеканенная до 1547 г. В восточной части пятна церкви (часовни) были найдены обломанные железные ножницы с фигурными бронзовыми ручками (рис. 44, *1*), возможно, использовавшиеся в церковных обрядах. Вблизи пятна культового сооружения была собрана коллекция крестов (рис. 43, *1–2, 4 , 7*; 44, *10*), декоративный медный гвоздь (рис. 44,*3*), бронзовая пряжка (рис. 44, *2*), возможно, от книжной застежки.

Подобные места расположения культовых сооружений фиксировались на некоторых средневековых могильниках (*Заидов,* 1997. С. 21–23; *Смирнов,* 2005. С. 145–148; *Алексеев,* 2007.

1 Авторы статьи благодарят Е.В. Глазунову и В.В. Зайцева за обработку монетного комплекса памятника.

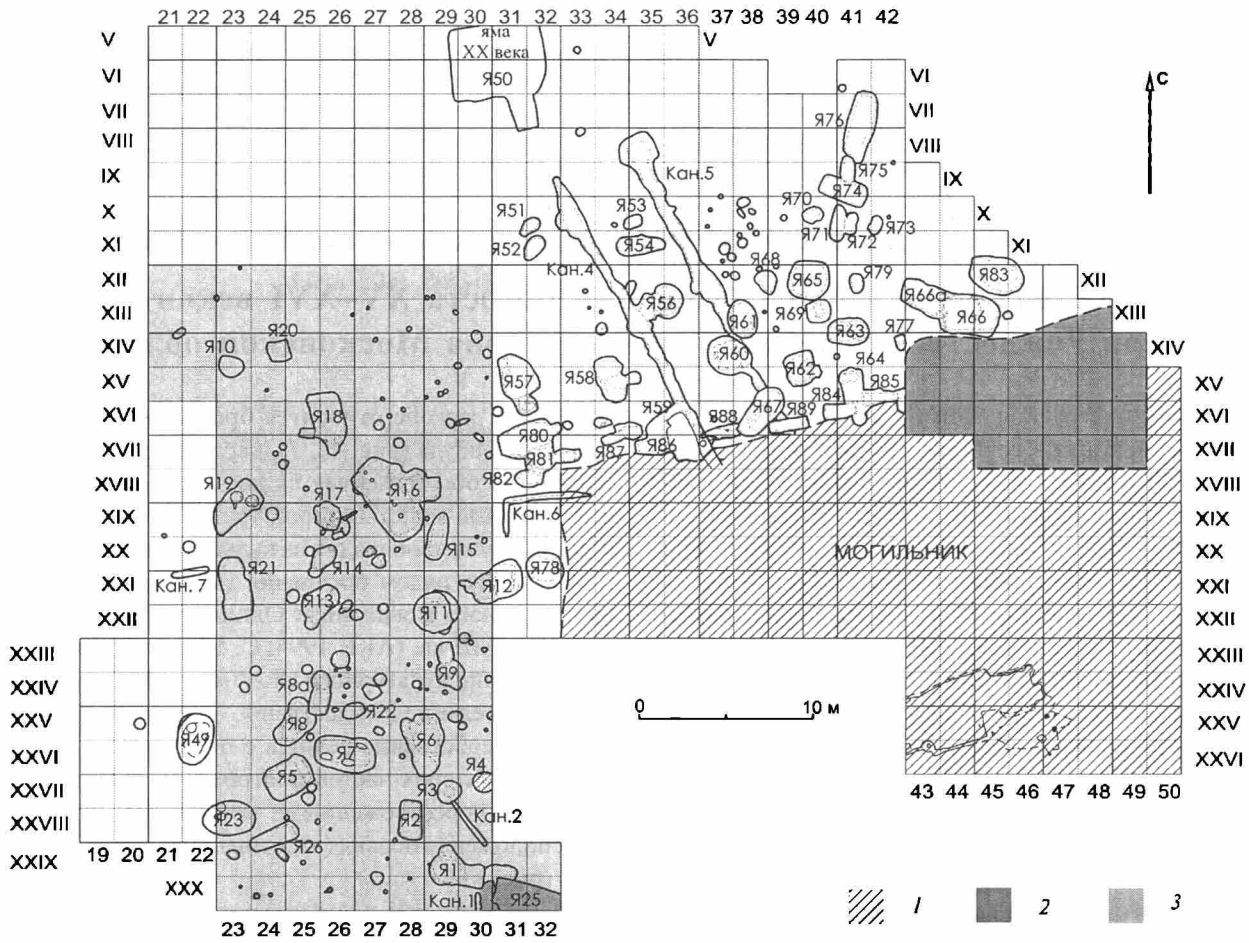


Рис. 1. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Общий план

1 – законсервированная часть могильника; *2* – исследованная часть могильника; *3* – раскоп 2006 г.

С. 337–343). На могильнике у д. Исаковские Выселки Кимовского района Тульской области оно представляло собой округлую не занятую захоронениями площадку, расположенную в центре некрополя посреди участка максимальной концентрации погребений (*Гоняный,* 2005. С. 128–129). Остатки сгоревшей постройки в виде золистого пятна размерами 3х5 м обнаружены при раскопках могильника у с. Каменное Липецкой области. Исследователи памятника предполагают, что это остатки сгоревшей церкви, стоявшей на кладбище (*Тропин,* 1998. С. 196).

В центральной части могильника, к северу от остатков культового сооружения, на глубине 0,25 м от уровня дневной поверхности были выявлены две белокаменные надгробные плиты, расположенные по линии запад – восток.

Плита № 1 имела вытянуто трапециевидную форму и была раздавлена на три фрагмента. По ее периметру прослеживалась кайма в виде двойного ряда насечек типа «волчий зуб». Линия аналогичных насечек шла по центральной части плиты (на треть длины надгробия), окаймляя солярный символ. Не доходя до углов контура плиты, линии V-образно расходились. Надгробие имело размеры 0,98х0,42 м при толщине до 0,10 м. Известняковая поверхность плиты сильно выветрена, орнаментальная насечка полустерта. Незначительная асимметрия как самой плиты, так и орнамента свидетельствуют либо о низком уровне профессионализма ее изготовителя, либо о том, что это ученическая работа. Возможно также, что асимметрия указывает на архаичность данного артефакта.

Плита № 2 имела прямоугольную форму, была раздавлена на два фрагмента. Ее размеры – 0,98х0,42х0,12 м. По периметру надгробие было окаймлено орнаментом типа «волчий зуб». По центру проходила линия такого же орнамента, заканчивающаяся солярным символом. Поверхность плиты сильно выветрена.

Остатки окаменевших организмов, отпечатавшихся на поверхности обнаруженных надгробий, различались по видовым признакам. Плиты отличались друг от друга и пористостью известняка. Возможно, это свидетельствует о том, что заготов-

ки происходили из разных каменоломен или с разных участков одной каменоломни.

Подобные плиты характерны для Москвы и Подмосковья и датируются второй половиной XV – серединой XVI в. (*Беляев*, 1996; *Панова*, 2004. С. 114, 116; *Смирнов*, 2005. С. 146–147; *Алексеев*, 2007. С. 340).

Обломки белокаменных надгробий были найдены в пахотном слое и заполнении ям.

В результате проведенных исследований было выявлено, что площадка грунтового могильника имела четырехугольную форму и была ориентирована по сторонам света. Со всех сторон кладбище было вплотную окружено жилой и хозяйственной застройкой. Возможно, именно с этим фактором связана большая плотность захоронений, зачастую прорезающих и разрушающих друг друга. Вероятно, на это влияли два фактора: невозможность разрастания кладбища вширь и наличие на нем семейно- клановых участков захоронений, имевших определенные границы. Скорее всего, с этими участками были связаны места скопления погребений. Вдоль бортов могильника прослеживался ровик, в котором был совершен ряд захоронений (рис. 2).

Культурный слой на площадке могильника был многократно перекопан, и только на отдельных участках выделялись пятна ярко-рыжего суглинка. Наиболее поздние участки захоронений, представлявшие сплошной перекоп, выделялись темными пятнами суглинка и наличием большего количества керамических обломков. В засыпке отдельных могильных ям встречено значительное количество лесной подзолистой почвы. К специфическим особенностям данного кладбища относится присутствие мелких древесных угольков и следов сгоревшей соломы во всех без исключения изученных могилах. Скорее всего, это не следы обряда, а следствие выжигания леса или травы на данном участке.

Всего в 2007 г. на раскопе 1 было изучено более 100 захоронений, расположенных на периферийных участках некрополя (рис. 45; 46). Несмотря на кажущуюся хаотичность, они располагались скоплениями, обозначающими, по всей видимости, семейно-клановые участки. Разрушенные переотложенные костяки указывали на длительность существования подобных участков. Следов от вкопанных крестов обнаружено не было. Небольшое количество найденных белокаменных плит и их обломков, скорее всего, объясняется их расхищением, продолжавшимся вплоть до конца XX века.

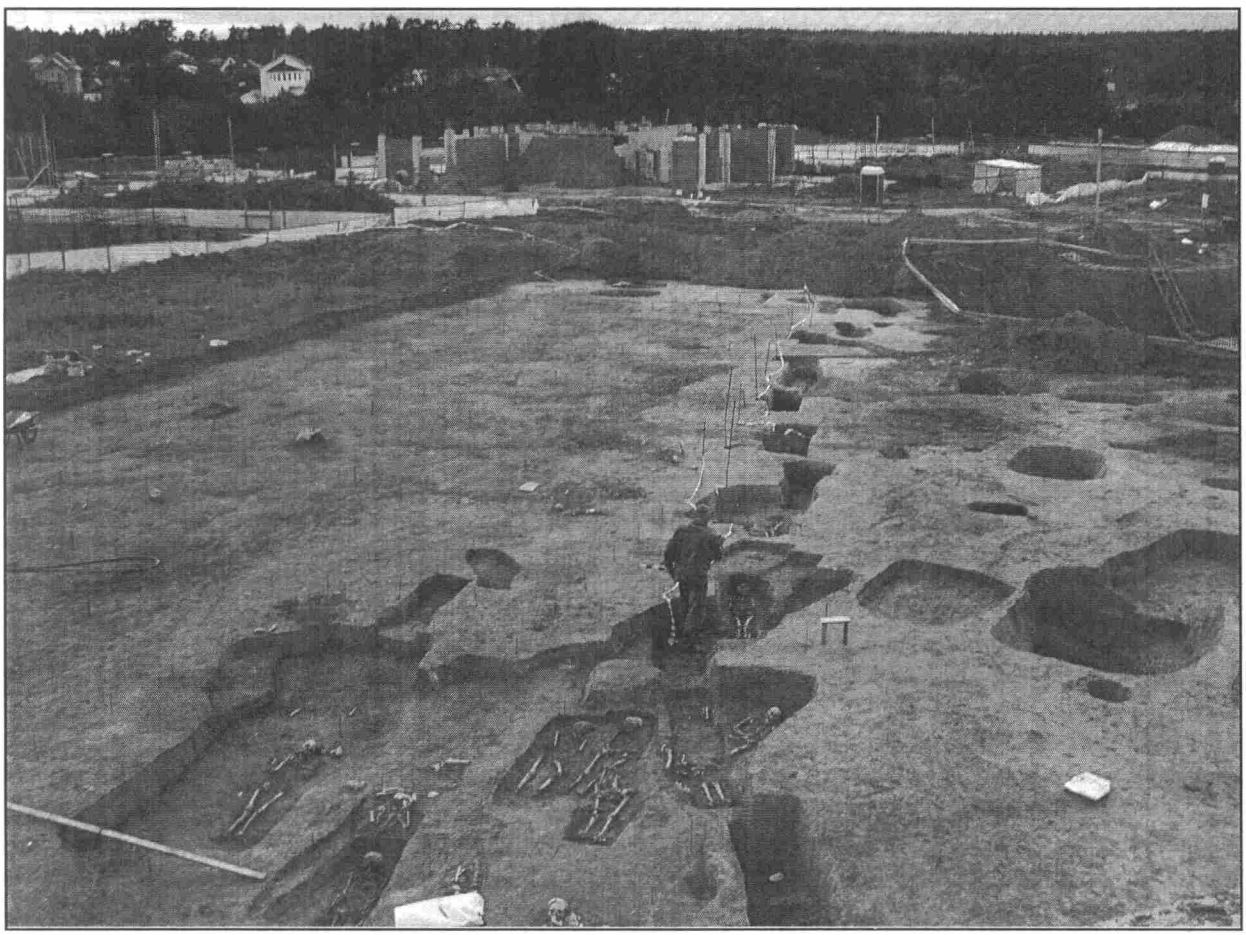


Рис. 2. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Общий вид с востока

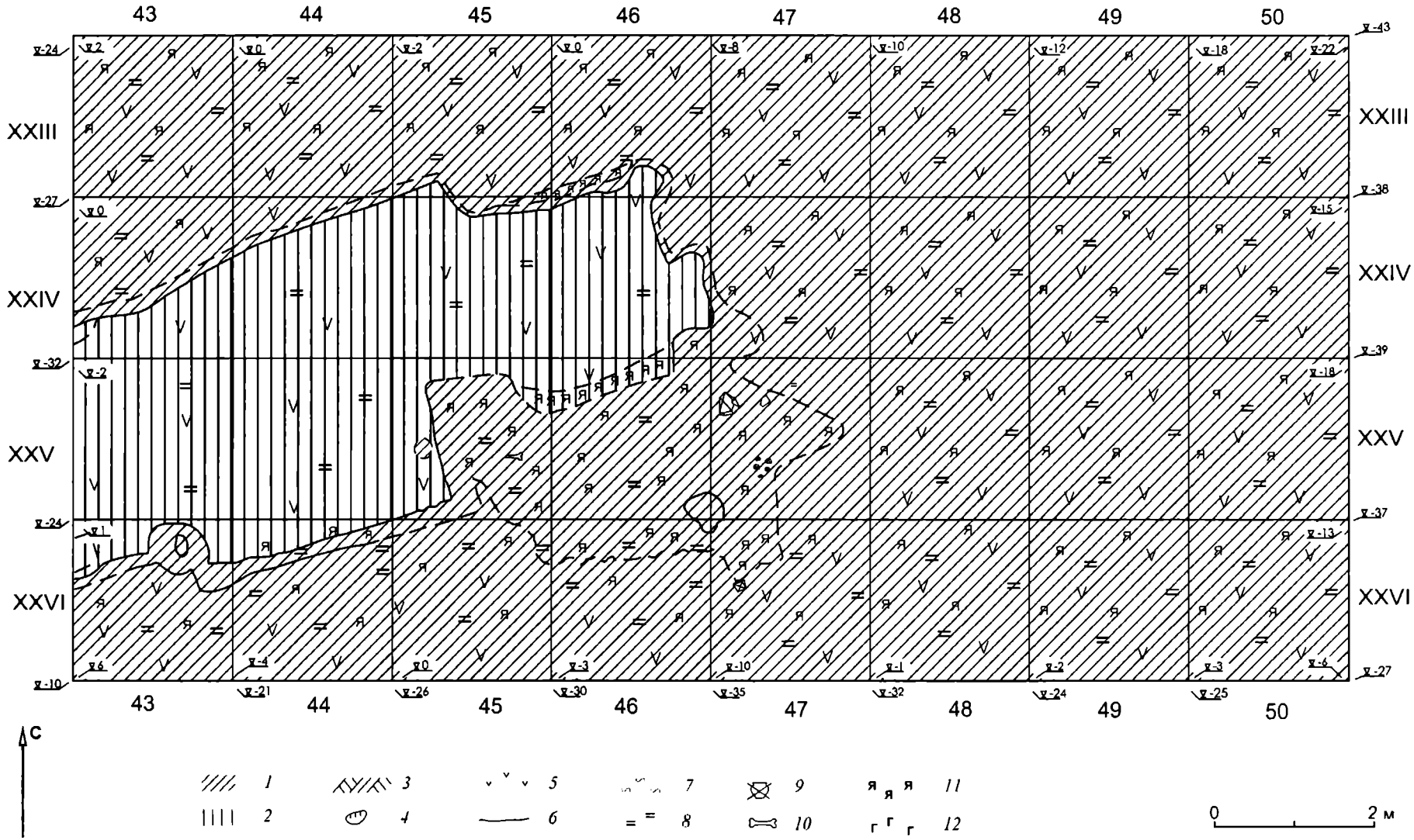


Рис. 3. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Участок с культовой постройкой

1 – темно-серый гумусированный суглинок или супесь; *2* – светло-серый предматериковый суглинок; *3* – материк; *4* – камни; *5* – уголь; *6* – граница материка; *7* – зола; *8* – прокаленная глина; *9* – развал сосуда; *10* – кость животного; *11* – включения ярко-бурого суглинка; *12* – гумус

Вызывает удивление разнообразие вариантов положения рук у погребенных, что, по всей видимости, свидетельствует о нестабильности канона погребального обряда.

В шести случаях встречены следы гробов. Судя по отсутствию гвоздей в исследованных могильных ямах, гробы были собраны на деревянных шипах либо выдолблены. Степень сохранности не позволяет определить их точную конструкцию.

На дне двух могильных ям были найдены монеты второй трети XVI в. – медное московское пуло и серебряная московская полушка. В одном захоронении обнаружен бронзовый крест-тельник.

Сразу за кладбищем находились остатки поселения в виде заглубленных в материк ям, входивших в комплекс жилых и хозяйственных построек (рис. 2; 3). Одни ямы, судя по найденным в них развалам глинобитных печей, были подпечными, другие – остатками подполов и погребов. На основании находок керамического материала поселение датируется в пределах XV – первой половины XVI в. Большинство ям датируется концом XV – первой половиной XVI в. На участке раскопа они располагались достаточно плотно, что не позволило проследить дворового деления.

В целом, памятник соответствует описанию кладбищ-погостов (*Даль,* 2001. С. 658–659), встреченных в писцовых книгах Московского государства второй половины XVI – XVII в. (*Чернов,* 2000; *Иванов,* 2007). Например, в публикации списка с Писцовой книги Московского уезда 1584—1586 гг. можно прочесть: «В Сурожском же стану погост на Городище на р. Истре, а на погосте церковь Илья пророк, древяна, клетцки, 3 дв. церковных, да 8 келий нищих, питаютца от церкви Божии ...». В описании земель Городского стана Звенигородского уезда по писцовой книге 1592—1593 гг. находим: «Да села ж Ондреевского погост, а на погосте церк. Бориса и Глеба, древян, клетц(к)ы, а в нем образы и свечи и книги и все церковное строение приходных людей; во дв. поп, во дв. церковной дьячек, во дв. просвирница, во дв. понамарь, да 2 кельи, а в них живут нищие, питаютца о церкве Божии ...» (ПКМГ, 1872. С. 110–111, 688).

К сожалению, упоминаний интересующей нас местности в опубликованных материалах писцового делопроизводства XVI в. нет. Ближайшие описанные села и деревни – Мамоново, Баково и другие (сравнить современные Немчиновку, Немчиново с упоминанием в писцовой книге «немчина» Христофора и его жены Олены – Орины) – расположены в 4–5 км к юго-востоку от поселения Рождественно 1 (ПКМГ, 1872. С. 279–280).

На основании собранного нумизматического материала прекращение жизнедеятельности на основной части поселения при кладбище следует датировать серединой XVI в. Лишь находка медной монеты второй половины XVI в. в верхнем слое ямы 63 (над развалом печи), возможно, указывает на существование здесь жилья и во второй половине столетия.

В связи с этим интересно обратиться к решениям Стоглавого церковного собора 1551 г., где в главе 84 «О новопоставленных церквах и о новых пустынях» читаем: «Нецыи же ставят храмы без благословения епископля, и о сем пишет святых отец правило 83 карфагенского собора, те церкви и молитвенныя храмы повелевают епископом разоряти ...» (Стоглав, 1863. С. 246–247). В главе 85 «О затворницех и о пустынницех» сообщается о самовольных основаниях скитающимися иноками в селах монастырей (пустыней) и церквей. В связи с чем предписывалось: «По соборному уложению мелкие пустыни сносити в одну пустыню ..., а те церкви пустынные преносити в монастыри же или на погосты и устроити, как вместимо службе быти, или пределы из тех церквей учинити ...» (Стоглав, 1863. С. 248–249).

Один из царских вопросов (37) на соборе 1551 г. касался небольших монастырей: «В нашем царстве на Москве и во всех градех монастыри особные, живет в нем игумен, да чернца два или три, или больши, да тут же с ним и миряне с женами и с детьми живут ...» (Стоглав, 1863. С. 57).

Поэтому не исключено, что при исследованном кладбище-погосте до середины XVI в. существовал небольшой монастырь, упраздненный решением собора 1551 г. Превращение к 1558–1560 гг. Звенигородского Введенского монастыря, упоминавшегося в 1504 г., в погост отмечено А.В. Алексеевым (2007. С. 337). В любом случае, исследованное у д. Рождественно кладбище, на котором стояла церковь (часовня), является остатками сельского погоста XV–XVI в.

Датированные керамические комплексы памятника

Керамический материал раскопа был представлен несколькими группами фрагментов круговой посуды (общее количество 20 555 фрагментов).

В первую очередь, керамический материал можно разделить на две основные группы: изготовленные из ожелезненных глин путем обжига в окислительном режиме (так называемая красноглиняная посуда) и изготовленные из неожелезненных глин путем обжига в окислительном режиме (так называемая белоглиняная посуда). Небольшую по количеству группу составляли фрагменты керамической посуды, изготовленной путем обжига в вос-

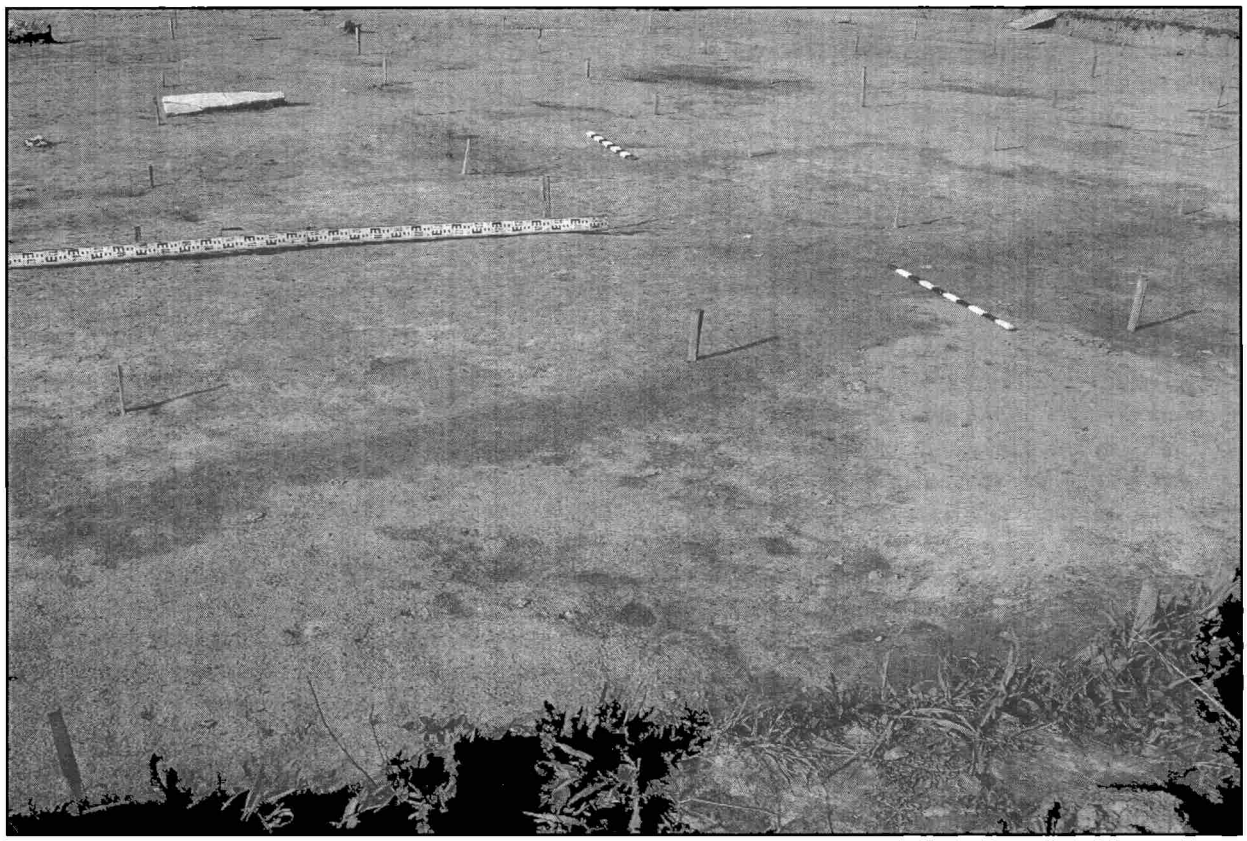


Рис. 4. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Вид с юга на участок с культовой постройкой

становительном режиме. Судя по изломам, преимущественно серого цвета, она была изготовлена из ожелезненных глин. Небольшая часть чернолощеных фрагментов имела излом красного цвета. Лощение – сплошное.

Сравнительно небольшое количество фрагментов горшков было изготовлено из слабоожелезненных глин в процессе обжига в окислительном режиме. В ходе бытового использования посуды поверхности таких сосудов стали серо-бежевого цвета (рис. 8, *3, 4*; 10, *3*; 33, *1*). Изломы фрагментов – серо-бежево-серые либо серо-бежевые.

Среди одной из основных групп посуды – красноглиняной – абсолютно доминировали фрагменты, изготовленные с добавлением мелкого (до 0,5 мм) и среднего (0,5 –1,9 мм) песка в формовочную массу. Донца изготавливались преимущественно на подсыпках песка, песка и дресвы, золы. Донца, в основном, имели более или менее сглаженные закраины. Встречаются фрагменты донец со следами подставок.

Красноглиняная посуда преимущественно была представлена горшками. Судя по морфологии и орнаментации верхней части найденных сосудов, они могут быть отнесены к так называемой московской красноглиняной гладкой керамике (*Чернов*, 1991. С. 20–21).

Шейки венчиков – вертикальные либо с небольшим отгибом наружу. Заметное количество фрагментов имели S-образные шейки. Края большинства венчиков были загнуты внутрь – типы 3/3, 3/4, по В.Ю. Ковалю (2004. С. 58–63) (рис. 6, *3–6*; 7, *1, 5*; 14, *1–2*; 15, *3*). Чаще всего венчики имели подтреугольное сечение. Было найдено много фрагментов с простым округлым венчиком (рис. 10, *2*; 11, *3–5*; 20, *3*). Примерно половина всех фрагментов верхних частей красноглиняных горшков имела плечики, близкие к горизонтальным (иногда с основанием шейки, опущенным ниже уровня плечика) (рис. 11, *1*); у другой половины фрагментов плечики были пологие. Линейный орнамент (от 2–3 до 5–6), проходящий по нижней части плечика либо зафиксированный на переходе от плечика к тулову, доминировала. По материалам московских раскопок такие горшки датируются в пределах второй половины XV – XVI в. (*Бойцов*, 1991; *Чернов*, 1991а).

По сравнению с материалами раскопок на других сельских поселениях Подмосковья XV–XVI вв. здесь среди красноглиняной посуды было встречено достаточно большое количество фрагментов красноглиняных (в т.ч. краснолощеных) кувшинов, включая фрагменты ручек. Многие из кувшинов были орнаментированы по плечикам «накольчатым» штампом (рис. 5, *1*; 7, *2*). Горловины кувшинов часто орнаментировались по всей вы-

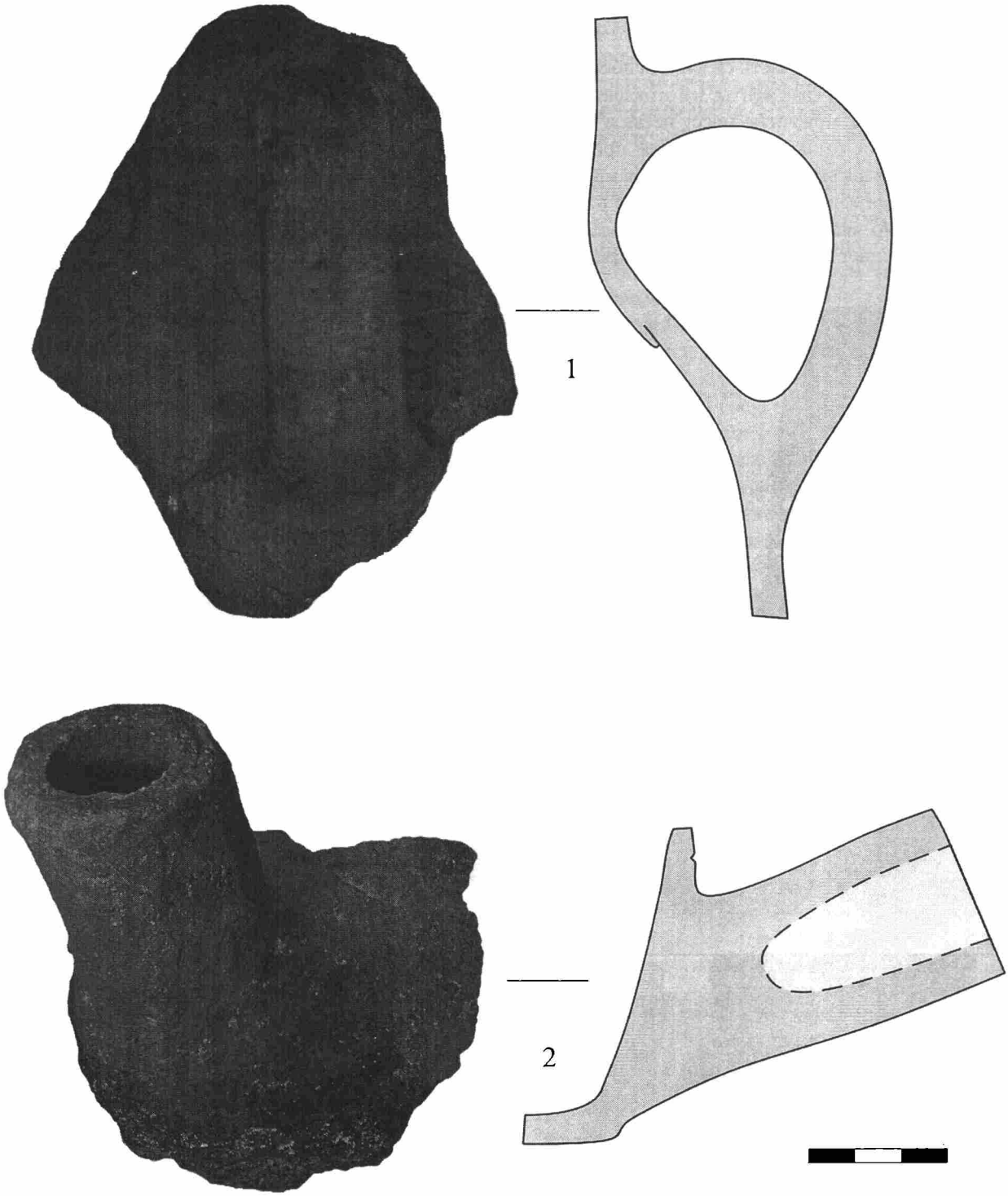


Рис. 5. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1.
Фрагменты круговой красноглиняной посуды с примесями в формовочной массе

соте горизонтальными линиями – вдавлениями. Лощение выполнялось в виде полос (рис. 6, *1*). Кувшины имели плавно сформированные сливы. Края их венчиков оформлялись уплощенными загибами краев наружу. Ручки кувшинов в сечении имели овально-уплощенные формы. Изготавливались кувшины преимущественно из формовочных масс с присутствием мелкого песка. Иногда фрагменты от кувшинов, в т.ч. ручки, содержали редкие включения дресвы (рис 30, *5*). Найдены фрагменты втульчатых ручек от красноглиняных сковород, в которые, очевидно, вставлялись ручки деревянные (рис. 5, *2*).

Несколько красноглиняных фрагментов были покрыты с наружной стороны желто-салатовой либо зеленой поливой. В том числе один такой

фрагмент был найден в верхней части заполнения ямы 63.

Заметно меньшую часть среди красноглиняной посуды составляли фрагменты, изготовленные при добавлении в формовочную массу песка и дресвы. Везде дресва не была преобладающей примесью, хотя степень насыщенностью ею была различной – от редких фрагментов, заметных лишь в изломах, до достаточно частых включений, хорошо заметных на поверхностях (чаще всего – внутренних).

По морфологии фрагментов верхних частей сосудов из теста с добавлением песка и дресвы можно указать, что в подавляющем большинстве это были горшки. Причем, одни из них по форме полностью соответствовали вышеописанным московским красноглиняным горшкам из теста с включениями лишь песка (рис. 9, *2*; 20, *5*; 34, *1, 7*; 33, *6*; 39, *6*), а другие имели более архаичный облик. Шейки таких сосудов были заметно отогнуты наружу, плечики – пологие, а

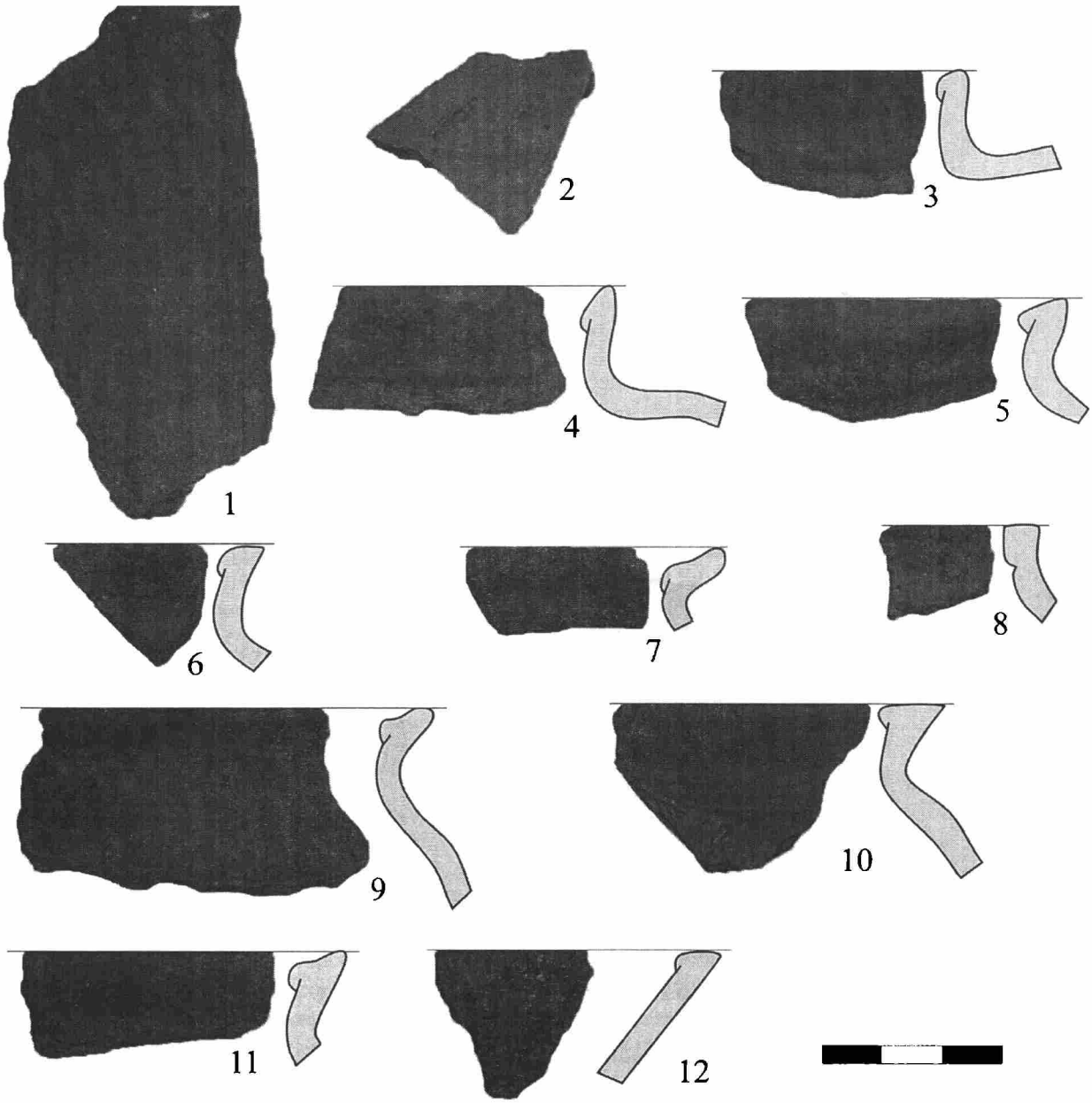


Рис. 6. Поселение 1 у д. Рождественно.
Раскоп 1. Яма 55. Фрагменты красноглиняной посуды с примесями в формовочной массе и без них

1 – кувшина с лощением; 2–5 – с присутствием песка и однослойными изломами; 5–8 – с присутствием песка и трехслойными изломами некачественного обжига;
9–12 – с присутствием песка и редких включений дресвы (изломы трехслойные, некачественного обжига)

орнамент из более разряженных горизонтальных линий распределялся равномерно по плечикам и тулову (цв. вкл. рис. XXXII). Венчики этих горшков имели преимущественно подтреугольные сечения, образованные заворотами краев внутрь с приостренными вершинами (рис. 6, *9–12*; 39, *2, 4*). Морфологически подобная посуда определена И.А.Бойцовым как красноглиняная гладкая ранняя керамика. Исследователем она датируется по раскопкам в Москве первой половиной XV в., но наличие в ней дресвы не отмечено (*Бойцов*, 1991. С. 36). На участке раскопа 1 пос. Рождественно 1 керамические комплексы с такой посудой происходили из ям 23, 49, 52, 54, 55, 57, 70, 74, 66а.

К характерным для ранних красноглиняных горшков этого памятника также относились фрагменты верхних частей типов 1/2 и 2/3 (по В.Ю. Ковалю) (рис. 39, *1, 3, 5*).

Следует отметить, что фрагменты красноглиняных горшков архаичной морфологии, кроме песка и остроугольной дресвы, содержали обычно окатанные частицы (около 1,0–1,5 мм в поперечнике) серо-белого цвета, а также пластинки слюды подпрямоугольной формы. За редким исключением (рис. 39, *1*) такие фрагменты имели трехслойные изломы – красно-черно (темно-серо)-красные (рис. 39, *2–5*). Как правило, черный (темно-серый) слой занимал преобладающую площадь излома, будучи ограничен по краям тонкими красными слоями.

По мнению специалиста в области археологической керамики профессора Гаванского университета (Куба), доцента кафедры истории и культурологии Тульского государственного университета Ирины Алексеевны Журавлевой, именно, черные (темно-серые) и трехслойные изломы фрагментов являются индикаторами наиболее ранней посуды рассматриваемого памятника. Такие изломы свидетельствуют не только о сравнитель-

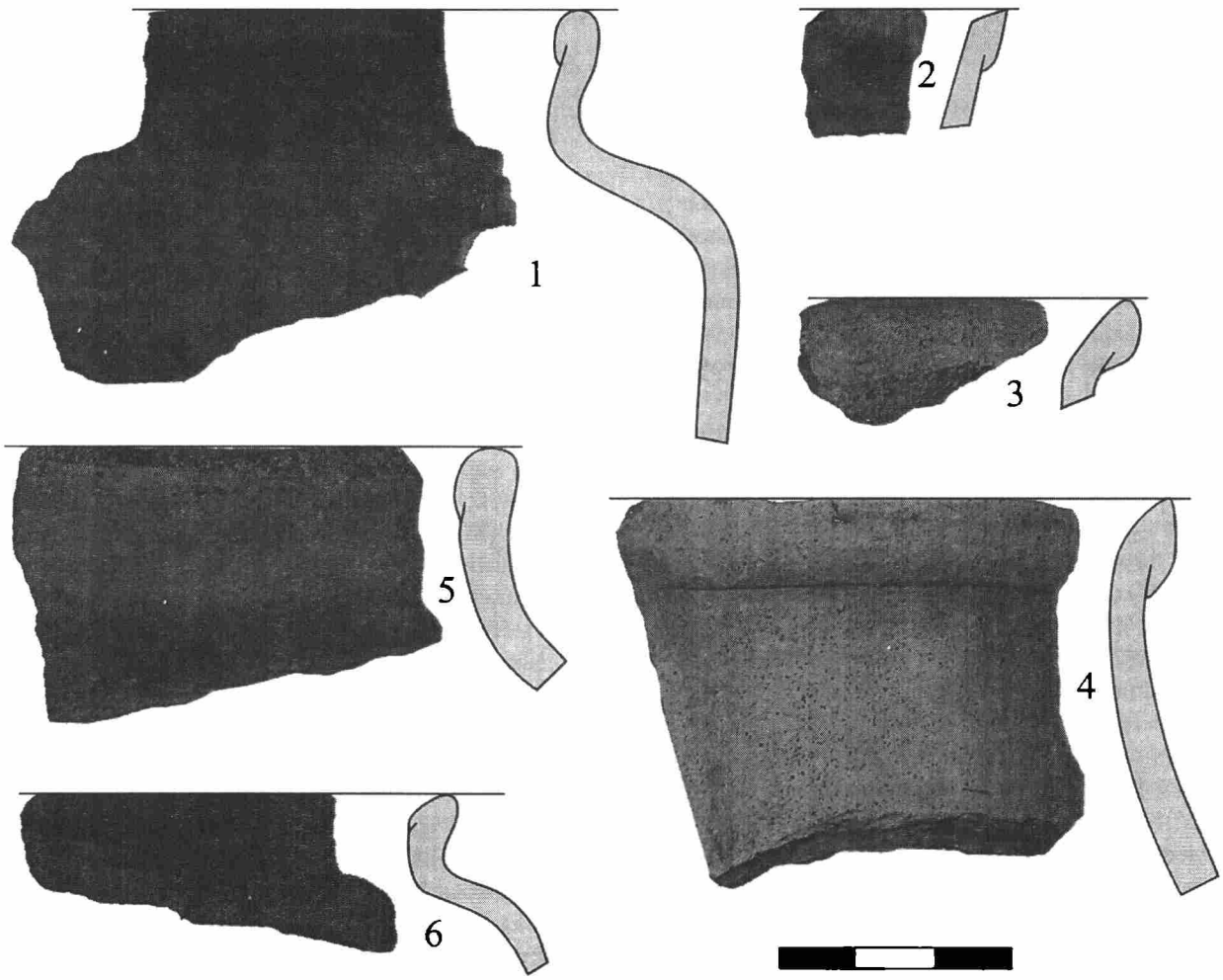


Рис. 7. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 60, пл. 1. Фрагменты круговой посуды с примесями в формовочной массе

1, 5, 6 – красноглиняные горшки с песком; 2, 3 – белоглиняные с песком; 4 – белоглиняный кувшин с песком

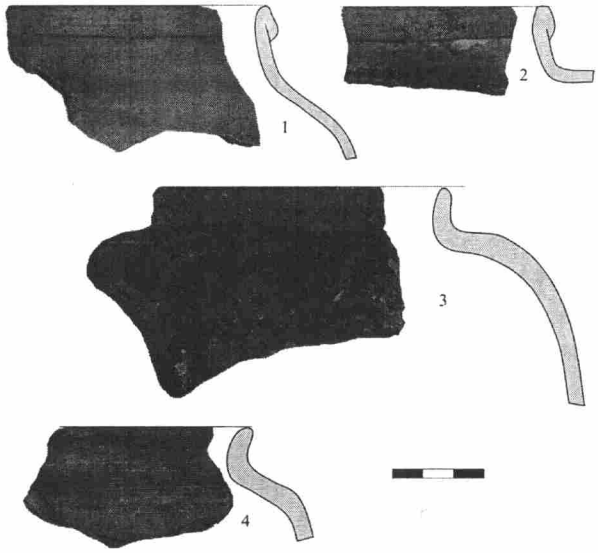


Рис. 8. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 60, пл. 2. Фрагменты круговых горшков с присутствием песка в формовочных массах

1, 2 – белоглиняные типа МБК-1;
3, 4 – из слабоожелезненной глины

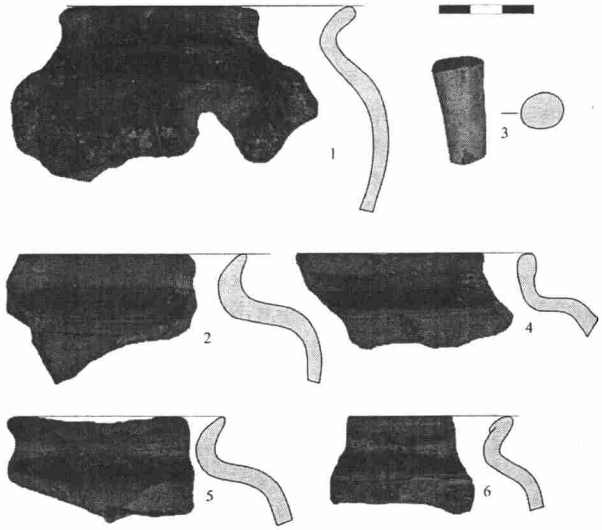


Рис. 9. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 60, пл. 2. Фрагменты круговой красноглиняной посуды с примесями в формовочной массе

1, 2 – горшки с песком и дресвой; 3 – ножка сковородки с белым ангобом (с песком); 4–6 – горшки с песком

но низком температурном режиме при обжиге, но и о присутствии в использовавшейся исходной глине органики, превращавшейся при обжиге в уголь. Поэтому, скорее всего, при изготовлении посуды с указанными изломами гончары использовали сравнительно поверхностные слои глины. В пользу этого мнения свидетельствуют и характерные растрескивания на поверхности подобных фрагментов керамики, появившиеся в итоге выгорания органических веществ из глины*

Важно, что фрагменты с заметным содержанием дресвы средних размеров (даже по поверхностям) были встречены и среди верхних частей горшков с морфологией, типичной для красноглиняной посуды развитого облика, датируемой исследователями XVI в. (*Бойцов*, 1991. С. 38, 39; *Чернов*, 1991а. С. 52, 53).

В подавляющем большинстве комплексов, происходящих из ям и культурного слоя, были найдены фрагменты белоглиняной посуды. Значительная их часть содержала мелкий и средний песок, бурый железняк, оставлявший следы в виде черных и бурых точек. Гораздо меньше фрагментов содержали включения крупного песка и дресвы. Поверхности таких белоглиняных фрагментов с искусственными примесями были шероховатыми. Большую долю составляли «чистые» фрагменты без следов вторичного обжига, обладавшие характерной «звонкостью». Их изломы – однотонно белые либо светло-бежевые (светло-кремовые). Судя по форме венчиков и ручек таких фрагментов, они принадлежали преимущественно белоглиняным грубым кувшинам (*Чернов*, 1991а. С. 51) или МБК-1 (рис. 7, *4*; 13, *1*) (*Коваль*, 2001. С. 98). Среди них встречены фрагменты, орнаментированные по тулову волнистыми одиночными линиями.

Большое количество фрагментов белоглиняных сосудов с указанными примесями в формовочных массах имели следы вторичного обжига и нагар (обычно, на внешних поверхностях и верхних внутренних частях шеек). Судя по морфологии верхней части, доминировали белоглиняные грубые горшки (МБК-1) с характерным валикообразным загибом края венчика наружу (классы 4 и 39 по В.Ю. Ковалю) (*Чернов*, 1991а. С. 51; *Коваль*, 2001. С. 98). Их шейки были близки к вертикальным, S-образной формы или отогнуты внутрь сосудов. Иногда такие горшки имели орнамент в виде одной-двух горизонтальных линий, расположенных по плечику, либо волнистых одиночных линий, украшавших шейку, также характерный для горшков МБК-1 (рис. 12–13, 19, *1–3*; 21, *1*; 24, *5–7*). Появление МБК-1 датируется исследователями не ранее рубежа XV–XVI в., а ее бытование – XVI в. (*Коваль*, 2001. С. 99–103).

Отметим, что среди этой посуды также были встречены фрагменты верхних частей горшков с морфологией, отличной от типичной для МБК-1

* Авторы статьи благодарят И.А. Журавлеву за консультации в ходе работы с керамическим материалом памятника.

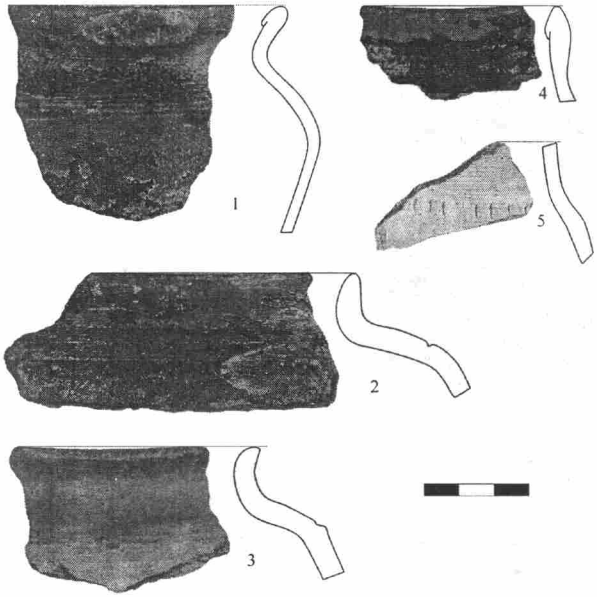


Рис. 10. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 60, пл. 3. Фрагменты круговых сосудов с примесями в формовочной массе

1, 2 – красноглиняные с песком; 3 – из слабоожелезненной глины с песком и редкой крупной дресвой; 4 – белоглиняный типа МБК-2 без визуально заметных примесей; 5 – белоглиняный с песком и бурым железняком

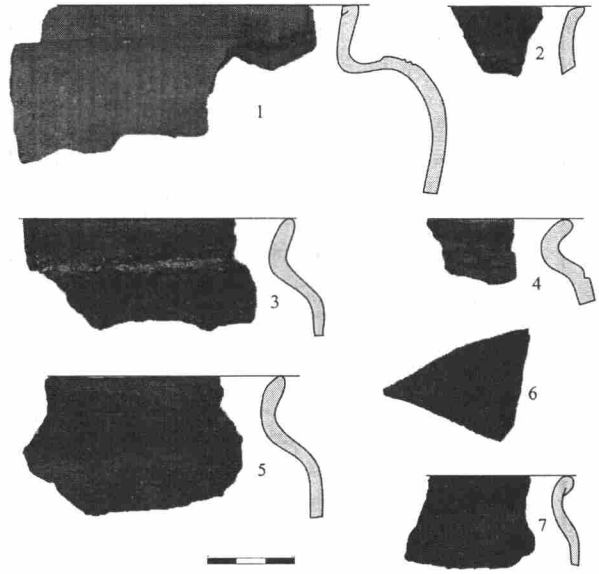


Рис. 11. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 61, пл. 3. Фрагменты круговых красноглиняных сосудов с присутствием песка в формовочных массах

6 – чернолощеный с серым изломом; 7 – с белым ангобом

(рис. 21, *3*; 26, *7*; 33, *2*). Так, подобный фрагмент белоглиняного горшка с морфологией и орнаментацией, типичной для московских красноглиняных гладких сосудов, был найден в верхней части заполнения ямы 80. Край его венчика по форме был простой округлый, а в изломе и на поверхности прослеживалась средних и крупных размеров дресва (при отсутствии добавок песка).

Значительно менее представительную группу белоглиняной посуды составляли фрагменты без визуально заметных примесей (кроме следов очень мелкого песка на поверхности). На ощупь они были гладкие, с внешней стороны, как правило, имели либо нагар, либо следы вторичного обжига. Верхние части таких фрагментов принадлежали белоглиняным гладким горшкам (*Чернов*, 1991а. С. 54) или МБК-2 (*Коваль*, 2001. С. 103–108). Шейки сосудов были близки к вертикальными, их нижняя часть имела характерный орнамент в виде горизонтальных линий (рис. 25). Сравнительная разреженность линий, их расположение в нижней части шейки (в месте перехода от шейки к плечику) характерны для горшков МБК-2 XVI в. (*Коваль*, 2005). Для этого периода характерно и оформление венчиков в виде уплощенных загнутых внутрь сосуда краев с приостренными чистовыми краями (*Коваль*, 2005. С. 258). Отметим, что такая посуда доминировала в надежно датированных комплексах первой половины XVI в., исследованных в тульском кремле (*Зацаринный и др.*, 2007. С. 132–145).

На поселении Рождественно 1 МБК-2 не преобладала ни в одном комплексе, составляя заметную часть лишь в комплексах ям 63, 65.

Итак, начало формирования керамических комплексов ям 23, 49, 52, 54, 55, 57, 70, 74 с доминирующей красноглиняной посудой архаичного облика гипотетически можно отнести к периоду первой половины – середины XV в. Скорее всего, окончательно эти комплексы сформировались уже в рамках второй половины XV в.

Основное количество керамических комплексов из ям раскопа 1 содержало фрагменты красноглиняной гладкой, белоглиняной (МБК-1, иногда МБК-2) и чернолощеной посуды. Подобный состав керамических комплексов датируется ременем не ранее конца XV в. и характерен для XVI в. Сравнительно небольшое количество фрагментов МБК-2, особенности оформления их венчиков и орнаментация позволяют предположить, что большую часть керамических комплексов раскопа 1 можно датировать пределами первой половины – середины XVI в.

Интересно рассмотреть соотношение групп керамического материала в комплексах, датированных находками монет. Так, на дне ямы 60 была найдена серебряная денга великого князя Ивана Васильевича IV, датируемая 1535–1547 гг. Яма имела в плане округлые очертания 2,65х2,2 м (рис.

Таблица 1. Керамический материал ямы 60 раскопа 1

Пласты	Красноглиняные фрагменты												Из слабо ожелезненной глины с песком				Белоглиняные фрагменты								Черноложенные фр-ты				Серолощеные фр-т	
	с песком в формовочных массах								с песком и дресвой								с песком (грубые)				с песком и дресвой (грубые)				без примесей (гладкие)					
	стенки		венчики	донца	ручка	стенки	донца	стенки	донца	венчики	стенки	донца	стенки		венчики	донца	стенки		венчики	донца	стенки	венчики	донца	стенки	венчики	донца	стенки	венчики	стенки	венчики
	без орнамента	с линейным орнаментом						с лощением	без орнамента		с линейным орнаментом		без орнамента	с линейным орнаментом			без орнамента	с вдавлениями	с линейным орнаментом											
1	10	2	3	2								1	17	2			14		1	4	3				1				2	
Итого					17				1				19				22													
2	33	4	4	7	2	13		1	1	2	5	1	35	4	12	1	33			3	3			4					1	1
Итого					65				8				52				39				4								1	
3	16		1			4	2								1		25	2		1	2			1	7	1	1	2		
Итого	23								1				1				30				8									
Всего	301																													

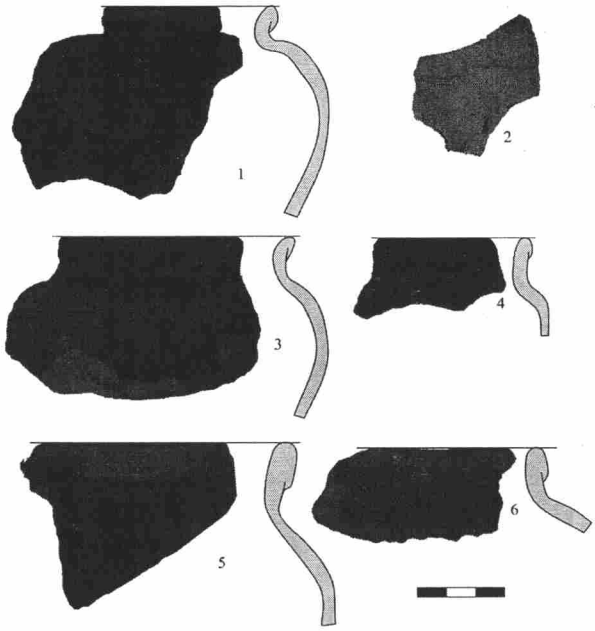


Рис. 12. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 61, пл. 3. Фрагменты круговых белоглиняных сосудов с присутствием песка в формовочных массах

1, 3–6 – горшки типа МБК-1; 2 – сосуд, декорированный волнистой линией

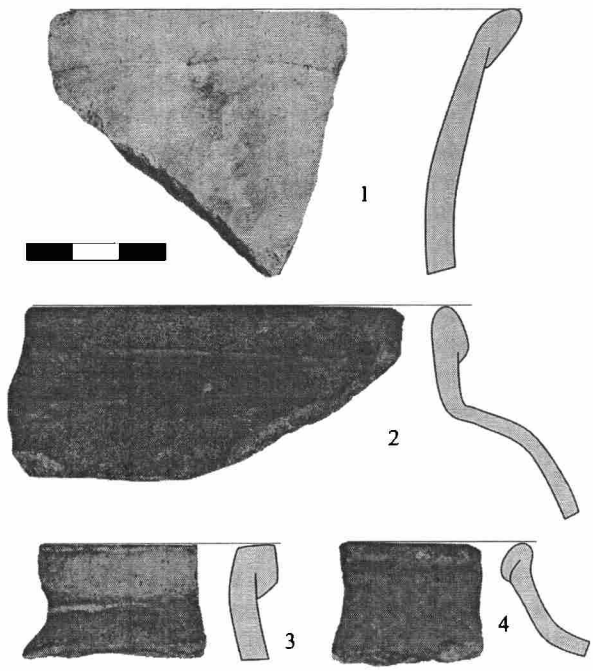


Рис. 13. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 61, пл. 4. Фрагменты круговых белоглиняных сосудов с мелким песком в формовочных массах

1 – кувшин; 2–4 – горшки

Таблица 2. Керамический материал ямы 61 раскопа 1

Пласты	Красноглиняные фрагменты														Из слабо ожелезненной глины с песком			Белоглиняные фрагменты													Чернолощеные фр-ты	
	с песком в формовочных массах											с песком и дресвой						с песком в формовочных массах (грубые)							с песком и дресвой (грубые)					без примесей (гладкие)		
	стенки			венчики	донца	стенки с лощением	с белым ангобом				венчик с поливой	стенки без орнамента	донца	стенки			донца	стенки				венчиков	донца	ручки	стенки			венчики	донца	стенки без орнамента	стенки	венчики
	без орнамента	с линейным орнаментом	со штампом				стенки	венчики	донца	ручки				без орнамента	с линейным орнаментом			без орнамента	с линейным	с волнистым	с вдавлениями				без орнамента	с линейным	с волнистым					
1	19	1		1	2	1	7					1						17	2		1	4	3								1	1
Итого	31											1						27													2	
2	16	1		2	3			1			1	1						29				3	1	2	1		1					
Итого	24											1						35							2							
3	52	1		14	9	6	7	2	5	1				3	2			106	1	2		23	11	1	3			1	2	1	4	
Итого	97													5				144							6					1	4	
4	30	2		11	8	2	1					8	3	5				64	3		2	8	10		7	3	1		1		2	
Итого	54											11		5				87							12						2	
5	7	2		4	4	2		1						4		1		8	1			1	3		1							
Итого	20													5				13							1							
6	5		1	2	1							1						3				2			2							
Итого	9											1						5							2							
Всего	607																															

Таблица 3. Керамический материал ямы 63 раскопа 1

Слои	Красноглиняные фрагменты																Из слабо ожелезненной глины с песком		Белоглиняные фрагменты										Черноло-щеные фр-ты	
	с песком в формовочных массах											с песком и дресвой							с песком в формовочных массах (грубые)					с песком и дресвой (грубые)				без примесей (гладкие)			
	стенки							с белым ангобом				стенки							стенки					стенки							
	без орнамента	с линейным орнаментом	венчики	донца	стенки с зел.-салатовой поливой	стенки с лощением	ручки с лощением	стенки	венчики	донца	носик	без орнамента	с линейным орнаментом	венчики	донца	стенки без орнамента	донца	без орнамента	с линейным орнаментом	с волнистым орнаментом	венчики	донца	без орнамента	с линейным орнаментом	венчики	донца	стенки	донца	стенки	венчики
1, над печью	19	1	3								1								13			4	1	1				1	2	1	1
Итого	24																		18					1				3		2	
2, ниже печи	97	8	15	11	1	2	1	12	2	17		12	2	3	2	6	2	126	5	4	11	3	4	1	1	2	7	5	6	
Итого	166											19				8		149					8				12		6	
Всего	416																													

Таблица 4. Керамический материал ямы 65 раскопа 1

Пласты	Красноглиняные фрагменты												Белоглиняные фрагменты										Чернолощеные фрагменты			
	с песком в формовочных массах								с песком и дресвой				с песком в формовочных массах (грубые)						с песком и дресвой (грубые)	без примесей (гладкие)						
	стенки					с лощением			стенки				стенки													
	без орнамента	с линейным орнаментом	венчики	донца	ручки	стенки	ручки	стенки с белым ангобом	без орнамента	с линейным орнаментом	венчики	донца	без орнамента	с линейным орнаментом	с вдавлениями	венчики	донца	крышки	стенки без орнамента	стенки	венчики	донца	стенки	венчики	ручки	донца
1	132	19	16	5	2	11	1	6	6		1		155	1	1	14	13		1	17	14	1	3	1	2	1
Итого					192					7					184				1		32				7	
2	32	2	4	6	1	1		2					41	2		7	6	1		2			3	1		
Итого					48											57					2				4	
3	3		2										2													
Итого					5											2										
4	2		1										4													
Итого					3											4										
5	14	3	3	5						1	2		3			1										

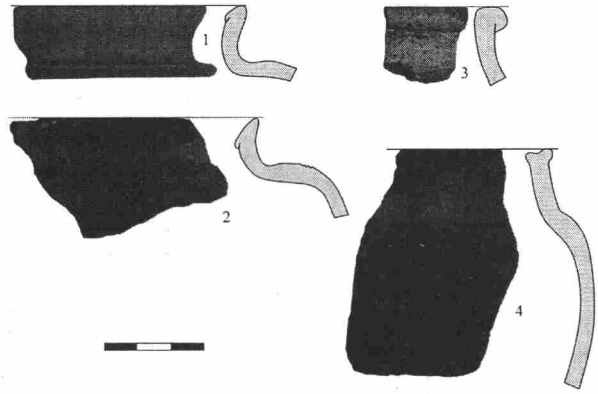


Рис. 14. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 61, пл. 5. Фрагменты круговых горшков с присутствием мелкого песка в формовочных массах

1, 2 – красноглиняные с однослойными изломами;
3 – красноглиняный с белым ангобом с обеих сторон;
4 – белоглиняный, покрытый нагаром

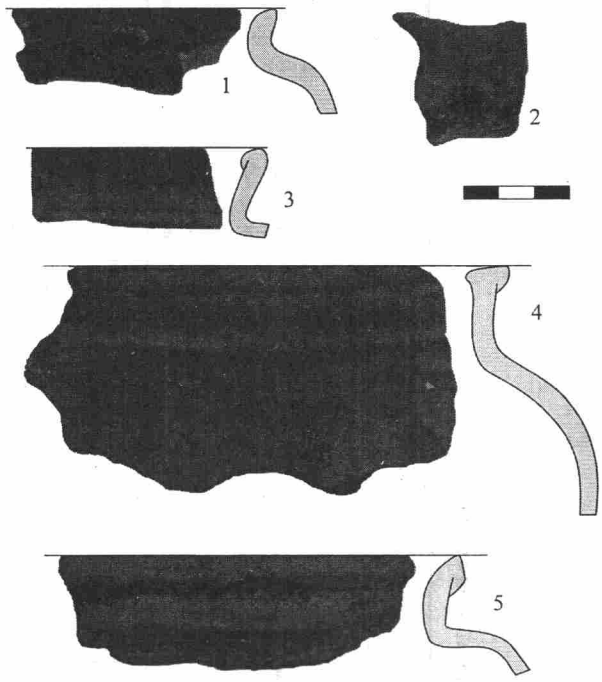


Рис. 15. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 61, пл. 6. Фрагменты круговых сосудов с присутствием песка в формовочных массах

1–3 – красноглиняные с однослойными изломами;
4 – белоглиняный с трехслойным изломом;

Таблица 5. Керамический материал ямы 66.

Пласты	Красноглиняные фрагменты																			Из слабо ожелезненной глины с песком				Белоглиняные фрагменты														Без примесей (глина)
	с песком в формовочных массах													с песком и дресвой										с песком (грубые)							с песком и дресвой(грубые)							
	стенки				венчики	донца	ручки	крышки	стенки	ручки	с белым ангобом			стенки			венчики	донца		стенки		венчики	донца	стенки			венчики	донца	крышки	ручки	стенки				венчики	донца		
	без орнамента	с линейным орнаментом	с волнистым орнаментом	со штампом							стенки	венчики	донца	без орнамента	с линейным	волнистый и линейный			без орнамента	с линейным			без орнамента	с линейным	с волнистым					без орнамента	с линейным	волнистый и линейный	с вдавлениями			стенки
1	199	25	1	3	35	7	3	1	5		3	3	1	14	5			5	5	2	4	2	117	2		8	8	1	2	11			1	3	1	7
Итого	286													24					13				138							16						7	
2	96	6		1	17		1	1	5	1	1	1		25	5	1	3	6	3		4	1	84		2		7			2	1			4	2		
Итого	130													40					8				93							9							
3	78	18			17				2			1		12					3				35	2		6	3			6		1		1	2		
Итого	125													12					3				46							10							
4	53	12			9		1		5					4	3		3				1		28	3		2	1			7					5		
Итого	90													10					1				34							12							
Всего	1154 (в т. ч. чернолощеные фр-ты: в пл. 1 – 8; в пл. 2 – 5; в пл. 4 – 1; серо-черные после вторичного обжига фр-ты: в пл. 2 – 2)																																				

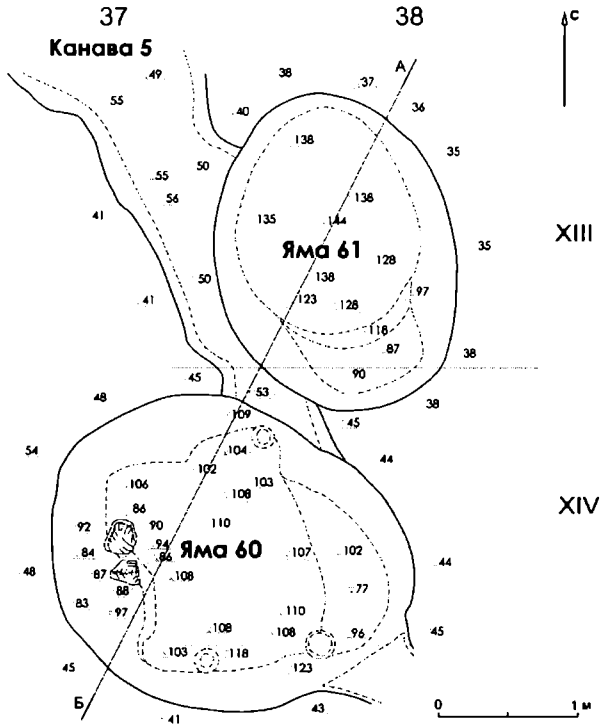


Рис. 16. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. План ям 60, 61 после выборки

16) и сравнительно пологое дно, заглубленное в материк на 0,45–0,65 м. Заполнение, сложенное из темно-серого гумусированного суглинка и переотложенного ярко-бурого суглинка (рис. 17), выбиралось по пластам 0,2 м. Всего в яме был найден 301 фрагмент круговой посуды (табл. 1). Основные группы посуды были представлены белоглиняной грубой (МБК-1) (рис. 7, *2–4*; 8, *1–2*; 10, *5*) и красноглиняной посудой с наличием песка в формовочных массах (рис. 7, *1, 5–6*; 9, *3–6*; 10, *1–2*), а также сосудами, изготовленными из слабоожелезненных глин (рис. 8, *3–4*; 11, *3*) (рис. 18). Другие группы посуды – красноглиняная, содержащая песок и дресву в формовочной массе (рис. 9, *1–2*), белоглиняная гладкая (МБК-2) (рис. 10, *4*) и чернолощеная – были представлены минимальным количеством фрагментов (рис. 18). Важно, что фрагменты МБК-2, в том числе характерный венчик с рифлением, были найдены на дне заполнения ямы. Чернолощеные фрагменты в изломе были серыми. В пласте 2 был найден чернолощеный венчик, первоначальный диаметр которого составлял около 10 см, принадлежавший кувшину. Венчик имел приостренный округлый край и горизонтальный валик на внешней стороне шейки.

В пласте 2 также было обнаружено более 20 фрагментов красноглиняного (с песком в формовочной массе) кувшина, лощеного по тулову косыми полосами. Диаметр гладкого донца сосуда – 95 мм. Кувшин имел ручку и был украшен глубокими полосами-вдавлениями в месте перехода тулова в горловину.

Фрагменты сосудов, изготовленных из слабоожелезненной глины, в подавляющем большинстве случаев имели двуслойные серо-бежевые изломы, как итог вторичного обжига, происшедшего в ходе бытового использования (свидетельством тому служил нагар на внешних поверхностях). Редкие фрагменты без следов вторичного обжига имели изломы бежевого цвета. Фрагменты посуды этой группы чаще всего содержали примесь мелкого песка,

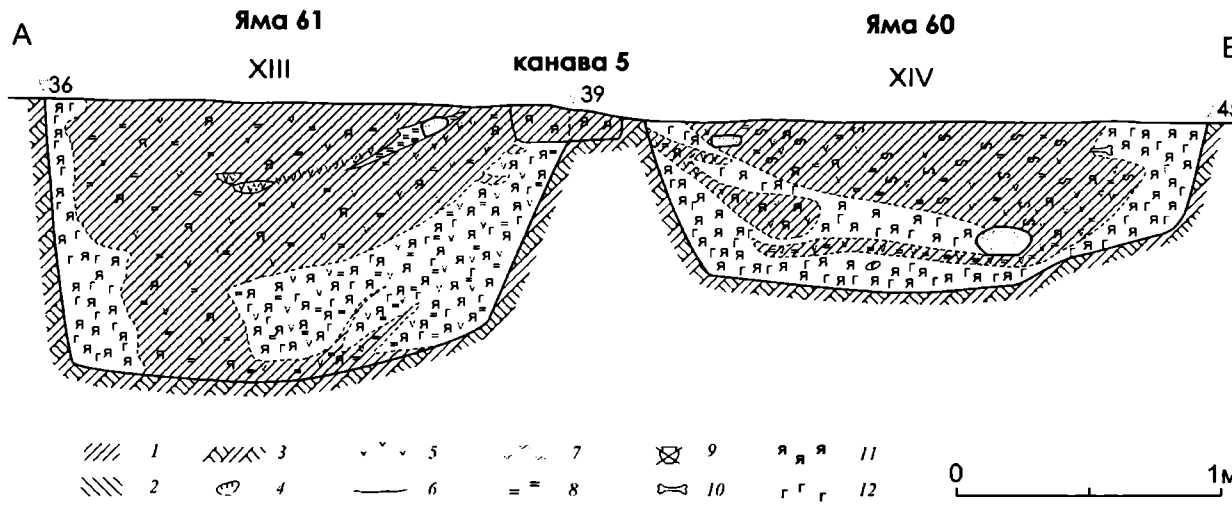


Рис. 17. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Разрез ям 60, 61 (вид с С-З)

1 – темно-серый гумусированный суглинок или супесь; *2* – светло-серо-бурый суглинок; *3* – материк; *4* – камни; *5* – уголь; *6* – граница материка; *7* – зола; *8* – прокаленная глина; *9* – развал сосуда; *10* – кость животного; *11* – включения ярко-бурого суглинка; *12* – гумус

Таблица 6. Керамический материал ямы 66а раскопа 1

Пласты	Красноглиняные фрагменты							Белоглиняные фрагменты				Чернолощеные стенки без орнамента
	с песком в формовочных массах			с песком и дресвой в формовочных массах				с песком в формовочных массах (грубые)		с песком и дресвой в формовочных массах (грубые)		
	стенки		венчики	стенки	донца	венчики	донца	стенки без орнамента	донца	стенки без орнамента	венчики	
	без орнамента	с линейным орнаментом		без орнамента								
1	9	3	7	1	5	3	1	2		2	1	2
Итого	20			12				2		3		2
2	15	5	3	2	17	1	43	2	7	2	1	
Итого	25			28				9		1		
3			1		1				1			
Итого	1			1				1				
Всего	105											

заметного по характерному блеску, и на ощупь были шероховатыми. Также были заметны редкие включения частиц буро-ржавого цвета. Некоторые фрагменты имели незначительные вкрапления дресвы (рис. 10, *3*).

Фрагменты из слабоожелезненной глины принадлежали горшкам с простым округлым венчиком, стоящими вертикально или слабоотогнутым наружу шейками и покатыми плечиками (табл. 8, рис. 8, *3–4*; 10, *3*).

Морфология верхних частей основного горшков других групп посуды представлена в таблице 8.

Описанная яма 60 стратиграфически была более поздней, чем расположенная рядом яма 61 (рис. 16). В пласте 1 ямы 61 была найдена серебряная копейка великого князя Ивана IV периода 1535–1547 гг., а в пласте 2 – серебряная тверская денга великого князя Ивана IV периода 1535–1547 гг.

Яма 61 имела в плане овальную форму размерами 2,3х1,7 м и пологое дно, заглубленное в материк на 0,84–1,07 м. Заполнение ямы выбиралось по пластам 0,2 м. Керамический материал происходил преимущественно из темно-серого гумусированного слоя (рис. 17). Всего в яме было найдено 607 фрагментов круговой посуды (табл. 2). В целом, преобладали белоглиняные грубые фрагменты (МБК-1) (334 фрагмента), доминирующие в пластах 2–4 (рис. 18). Красноглиняных фрагментов с примесью песка в формовочной массе было найдено меньше – 235 фрагментов. В отличие от комплекса ямы 60, в яме 61 фрагменты, изготовленные из слабоожелезненной глины, по численности не были лидирующими, а белоглиняная гладкая посуда (МБК-2) и вовсе была представлена фрагментом стенки, происходящим из пласта 3.

Отметим находку в пласте 2 ямы 61 красноглиняного (с песком в формовочной массе) венчика (диаметр около 14 см), покрытого белым ангобом и светло-салатовой поливой по внешней и внутренней поверхности. Фрагмент имел вертикальную шейку и простой приостренный край (2/1 по В.Ю. Ковалю). Чернолощеные фрагменты стенок имели сплошное лощение и были серыми в изломе.

Морфологические характеристики посуды, происходящей из ямы 61 (цв. вкл. рис. XXXI; рис.15, табл. 9), соответствуют сложившимся в науке представлениям о посуде первой половины XVI в. (*Чернов,* 1991а).

Более поздним, чем заполнение ям 60 и 61, временем датируется комплекс ямы 63. В ее верхней части, в слое 1 над развалом глинобитной печи было найдено медное московское пуло второй половины XVI в. Яма, судя по развалу печи, бывшая подпечной, в плане имела овалообразную форму

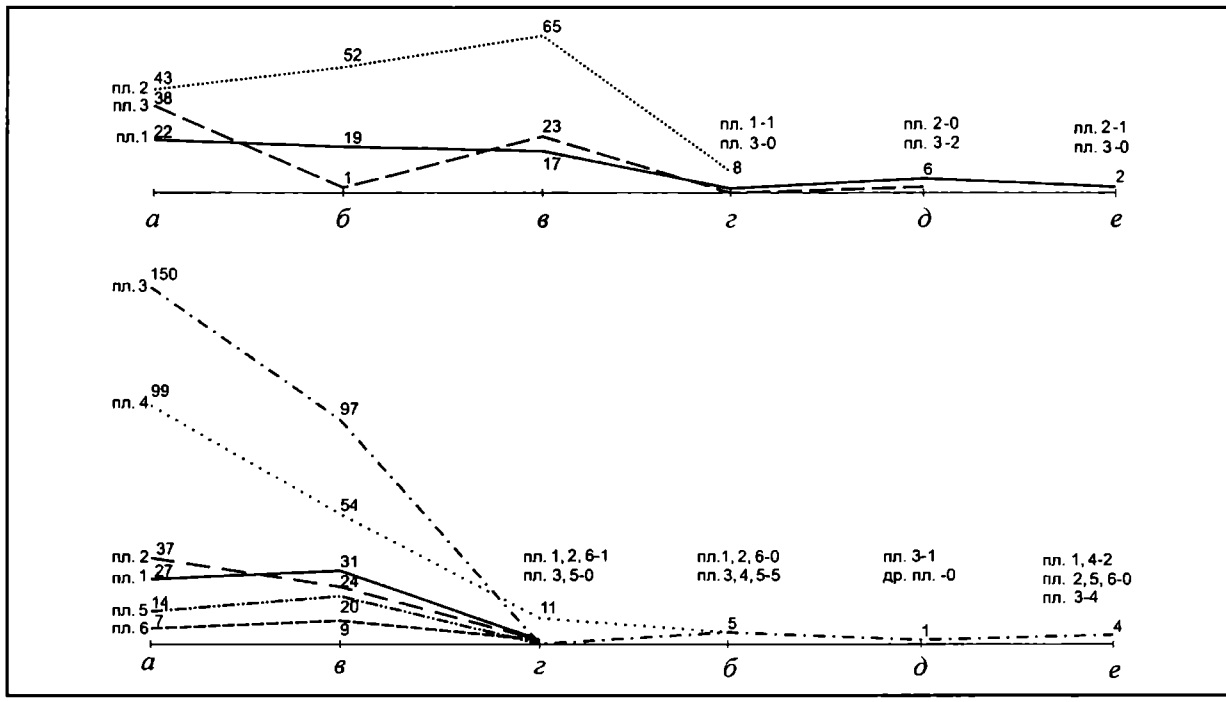


Рис. 18. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Соотношение групп керамики по пластам в ямах 60 (А) и 61 (Б).

а – белоглиняные грубые фр-ты (МБК-1); *б* – фр-ты из слабоожелезненой глины; *в* – красноглиняные с песком фр-ты; *г* – красноглиняные с песком и дресвой фр-ты; *д* – белоглиняные гладкие фр-ты (МБК-2); *е* – чернолощеные фр-ты

(На дне ямы 60 найдена денга Ивана IV (1535–1547 гг.); в яме 61 – копейка (пл. 1) и денга (пл. 2) Ивана IV (1535–1547 гг.))

размерами 2,4х1,6 м (рис. 22). Заполнение, состоящее преимущественно из темно-серого гумусированного суглинка, насыщенного печиной и древесным углем, было разделено линзообразным развалом глинобитной печи на два слоя (рис. 22).

В яме 63 было найдено 416 фрагментов круговой посуды (табл. 3). Среди них преобладали красноглиняные фрагменты (190) с песком в формовочных массах. 176 фрагментов принадлежали белоглиняной грубой посуде (МБК-1) (рис. 23). Можно отметить небольшое увеличение доли белоглиняной гладкой посуды (МБК-2) – 15 фрагментов в комплексе ямы 63 – по сравнению с комплексами ям 60 и 61, датируемых по находкам более ранних монет. К сожалению, эта группа посуды была представлена лишь фрагментами стенок и донец. Фрагменты белоглиняных гладких стенок, очевидно, принадлежали горшкам, так как имели следы вторичного обжига на наружной поверхности. Донца были гладкими, на их краях отмечены следы обрезания закраин, имевшие вид затертостей. Углы отгиба стенок от линий днищ составляют 134 и 142 градуса.

Морфология верхних частей красноглиняных и белоглиняных горшков представлена в таблице 10 (рис. 19–21). Типологически она схожа с морфологией сосудов этих групп, происходящих из ям 60 и 61. Следует отметить два белоглиняных грубых венчика с отличной морфологией (рис. 20, *7*; 21, *3*). Интересно, что фрагмент венчика красноглиняного горшка с песком и дресвой в формовочной массе (рис. 20, *5*) по форме соотносится с венчиками красноглиняных горшков, в формовочной массе которых отмечен лишь песок.

Кроме того, в слое 2 были найдены фрагменты красноглиняной чашки (с песком в формовочной массе), покрытой изнутри и снаружи белым ангобом (рис. 21, *2*). Диаметр венчика чашки – около 14 см, диаметр донца – около 10. Донце имеет следы от подставки и срезания.

Один фрагмент красноглиняной стенки из слоя 2 снаружи был покрыт зелено-салатовой поливой. А фрагмент красноглиняного донца с песком в формовочной массе, судя по всему, имел клеймо в виде круга с радиусом.

Небольшое количество фрагментов стенок белоглиняной посуды, в том числе венчик типа МБК-1, имело розово-бежевый цвет. Фрагменты чернолощеной посуды в изломе были серыми, имели сплошное лощение, а единственный венчик принадлежал кувшину (рис. 19, *5*).

В пласте 1 ямы 65 была найдена серебряная полушка второй трети XVI в. Яма имела округлую в плане форму 2,40х2,25 м и почти плоское дно

Таблица 7. Керамический материал ямы 23 раскопа 1

Яма 23	Красноглиняные фрагменты								Белоглиняные фрагменты			
	с песком в формовочных массах				с песком и дресвой в формовочных массах				с песком		с песком и дресвой	
	стенки		венчики		стенки				стенки без орнамента	дно	венчики	
	без орнамента	с линейным орнаментом	без орнамента	со штампом	без орнамента	с линейным орнаментом	с волнистым орнаментом	венчики				
	9	4	1	3	39	11	2	17	1	1	1	
Итого	18				81				2		1	
Всего	102											

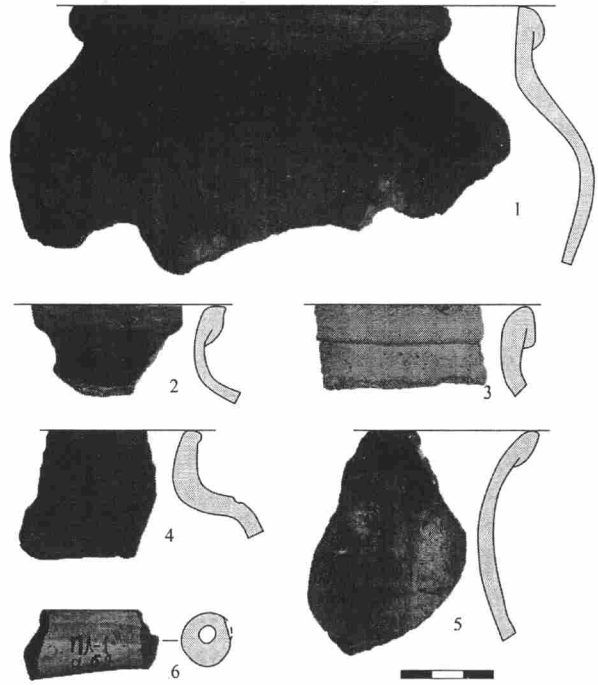


Рис. 19. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 63, слой 1. Фрагменты круговых сосудов с примесями в формовочной массе и без них

1–3 – белоглиняные типа МБК-1 с песком; 4 – красноглиняный с песком; 5 – чернолощеный (излом серый); 6 – красноглиняный носик, расписанный белым и красным ангобом

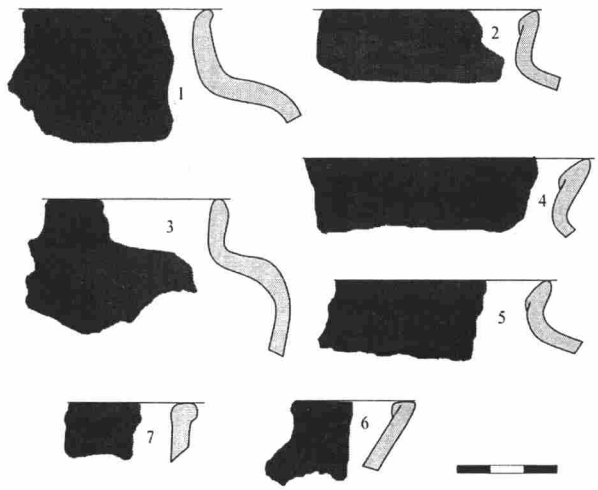


Рис. 20. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 63, слой 2. Фрагменты круговых сосудов с примесями в формовочной массе

1–4 – красноглиняные с песком; 5 – красноглиняный с песком и редкими включениями дресвы; 6 – красноглиняный с песком и дресвой; 7 – белоглиняный с песком

Таблица 8. Морфология верхних частей горшков из ямы 60 раскопа 1

Класс (по В.Ю. Ковалю)	Кол-во фр-тов	Пласты	Типы и варианты – шт.
Красноглиняные фр-ты с песком в формовочных массах			
1	2	2	1/2 – 1 (рис. 9, *4*)
		3	1/2 – 1 (рис. 10, *2*)
3	5	1	3/4 – 2 (рис. 7, *1*, *5*); 3/4 Г – 1 (рис. 7, *6*)
		2	3/4 Г – 2
11	1	2	11/2 Б – 1 (рис. 9, *5*)
13	2	2	13/2 – 1 (рис. 9, *6*)
		3	13/1 – 1 (рис. 10, *1*)
Красноглиняные фр-ты с песком и с дресвой в формовочных массах			
11	2	2	11/1 – 1 (рис. 9, *1*); 11/2 Б – 1 (рис. 9, *2*)
Белоглиняные фр-ты с песком в формовочных массах (грубые)			
1	2	2	~ 1/2 – 1
		3	1/2 – 1
3	1	1	3/4 – 1
4	1	2	4/1 Г – 1 (рис. 8, *2*)
39	1	2	39/1 – 1 (рис. 8, *1*)
Белоглиняный фр-т без примесей (гладкий)			
3	1	3	3/3 – 1 (рис. 10, *4*)
Из слабоожелезненной глины с песком			
1	10	2	1/2 – 9(2) (рис. 8, *3*)
		3	1/2 – 1 (рис. 10, *3*)
3	2	2	3/4 – 1; 3/4 Г – 1
21	1	2	~ 21/2 – 1 (рис. 8, *4*)

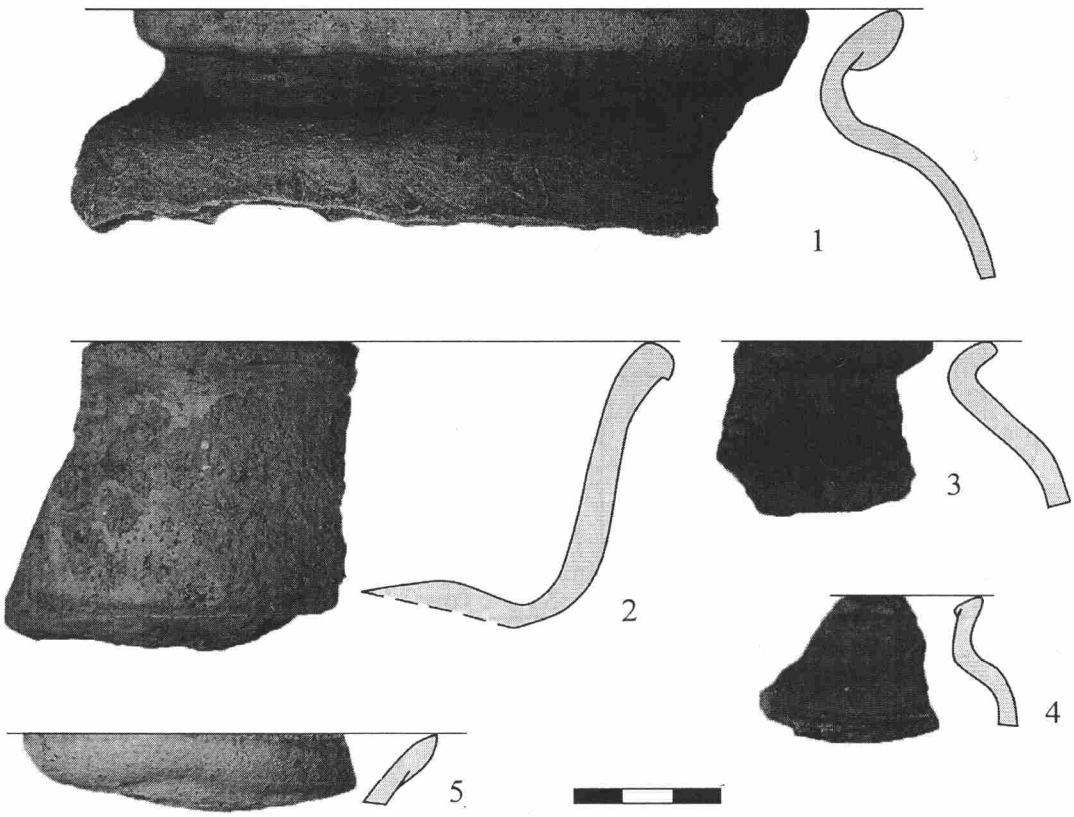


Рис. 21. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 63, слой 2. Фрагменты круговых сосудов с присутствием песка в формовочных массах

1, 5 – белоглиняные типа МБК-1; 2 – красноглиняный с белым ангобом; 3 – белоглиняный; 4 – красноглиняный

Таблица 9. Морфология верхних частей горшков из ямы 61 раскопа 1

Класс (по В.Ю. Ковалю)	Кол-во фр-тов	Пласты	Типы и варианты – шт.
Красноглиняные фр-ты с песком в формовочных массах			
1	3	3	1/2 – 2 (рис. 11, *3*, *4*)
		4	1/2 – 1
2	3	3	2/1 – 1
		4	2/3 В – 1
		6	~ 2/1 – 1 (рис. 15, *1*)
3	19	1	3/4 – 1
		2	3/4 Г – 1
		3	~ 3/3 Г – 1; 3/4 – 3 (рис. 11, *1*); 3/4 Г – 2
		4	3/4 – 1; 3/4 Г – 4(2); ~ 38/1 – 3/4 – 1
		5	3/3 Д – 3(1) (рис. 14, *2*); 3/4 Г – 1 (рис. 14, *1*)
		6	3/4 – 1 (рис. 15, *3*)
4	4	2	4/1 – 1 с белым ангобом
		3	4/1 – 1 с белым ангобом (рис. 11, *7*)
		4	4/1 – 1
		5	4/1 – 1 с белым ангобом (рис. 14, *3*)
11	1	4	11/1 – 1
12	1	2	12/2 – 1
21	1	3	21/2 – 1 (рис. 11, *4*)
Белоглиняные фр-ты с песком в формовочных массах (грубые)			
1	1	3	1/2 – 1
2	1	6	2/1 Г – 5/1 – 1 (рис. 15, *4*)
3	1	3	3/2 – 2 (1)
4	27	1	4/1 – 1; 4/1 Г – 2 (1) (цв. вкл. рис. XXXI, *1*)
		2	4/1 – 1
		3	4/1 – 13 (рис. 12, *1*, *3-6*), в т. ч. 1 – с песком и дресвой в тесте; 4/1 Г – 3; ~ 4/2 В – 1
		4	4/1 – 3 (рис. 13, *4*); ~ 4/1 В – 1; 4/1 Г – 1 (рис. 13, *3*)
		6	4/1 В – 1 (рис. 15, *5*)
14	1	3	14/1 – 1
24	1	2	24/1 Б – 1
37 (?)	1	5	~ 37 – 1 (рис. 14, *4*)
41	1	2	~ 41/2 – 1
43	1	4	~ 43 – 1 (рис. 13, *4*)

Таблица 10. Морфология верхних частей горшков из ямы 63 раскопа 1

Класс (по В.Ю. Ковалю)	Кол-во фр-тов	Слои	Типы и варианты – шт.
Красноглиняные фр-ты с песком в формовочных массах			
1	4	1 – над печью	1/2 – 2 (1) (рис. 19, *4*)
		2 – ниже печи	1/2 – 2 (рис. 20, *3*)
2	1	2	2/3 – 1 (рис. 20, *1*)
3	8	1	3/4 Г – 1
		2	3/4 – 1; 3/4 Б – 1; 3/4 Г – 5(4) (рис. 20, *2*; 21, *4*)
13	1	2	13/3 – 1 (рис. 20, *4*)
21	1	2	~ 21/2 – 1
23	1	2	~ 23/1 Б – 1
39	1	2	~ 39/1 – 1
41	1	2	41/2 – 1
Красноглиняный фр-т с песком и дресвой в формовочной массе			
13	1	2	~ 3/3 Д – 13/3 В - 1 (рис. 20, *5*)
Белоглиняные фр-ты с песком в формовочных массах (грубые)			
2	1	2	2/3 В – 1 (рис. 20, *7*)
4	8	1	4/1 – 3(2) (рис. 19, *1, 3*); 4/1 Г – 1 (рис. 19, *2*)
		2	4/1 – 1; 4/1 В – 2(1); 4/3 В – 1
21	1	2	21/2 – 1 (рис. 21, *3*)
24	4	2	24/1 Б – 4 (1) (рис. 21, *1*)
Белоглиняный фр-т с песком и дресвой в формовочной массе (грубый)			
4	1	2	4/1 – 1

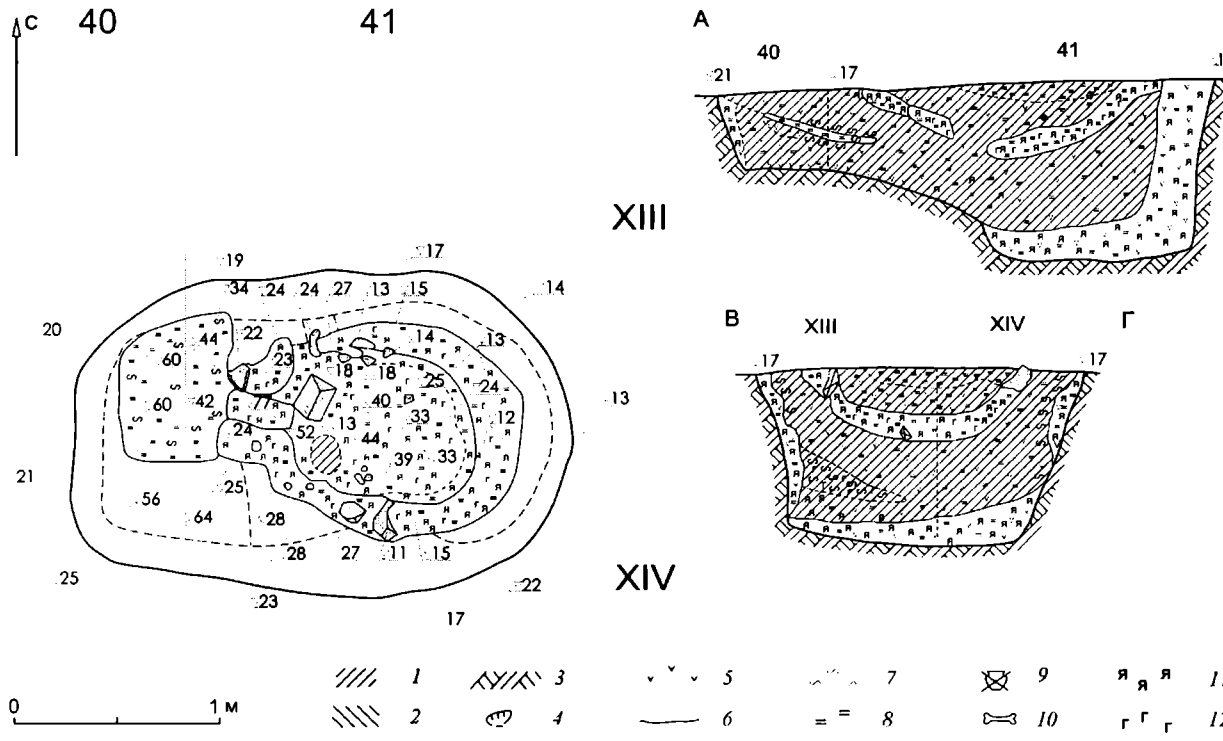


Рис. 22. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. План ямы 63 на уровне развала печи. Разрезы А–Б (вид с юга) и В–Г (с запада)

1 – темно-серый гумусированный суглинок или супесь; *2* – светло-серо-бурый суглинок; *3* – материк; *4* – камни; *5* – уголь; *6* – граница материка; *7* – зола; *8* – прокаленная глина; *9* – развал сосуда; *10* – кость животного; *11* – включения ярко-бурого суглинка; *12* – гумус

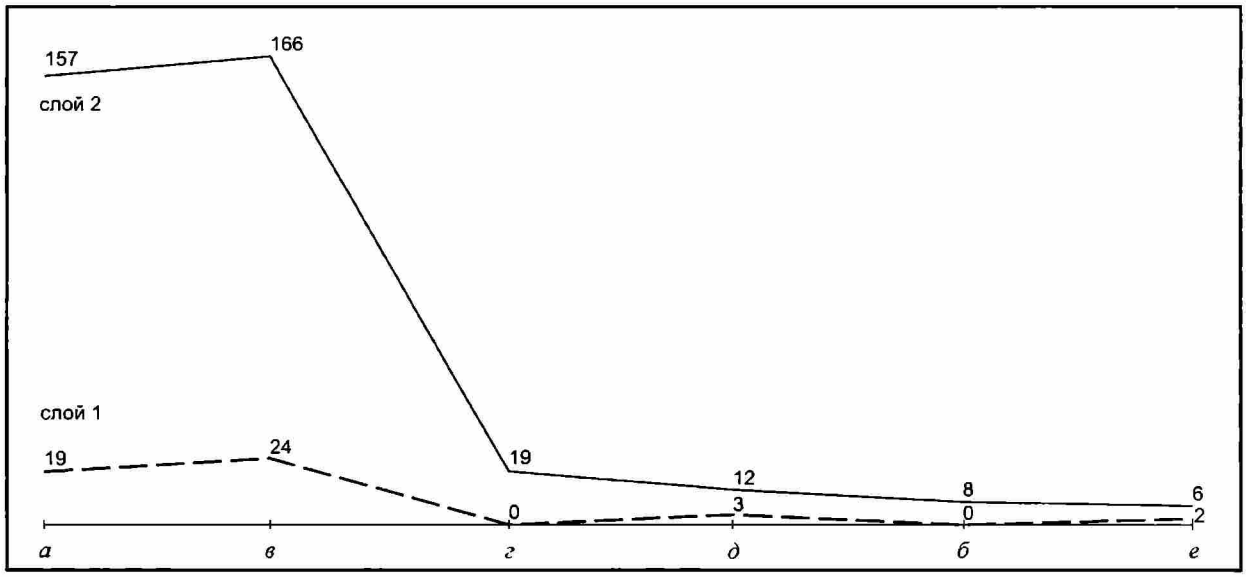


Рис. 23. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Соотношение групп керамики по слоям в яме 63. (В слое 1 найдено пуло московское 2-й пол. XVI в.)

а – белоглиняные грубые фр-ты (МБК-1); *б* – фр-ты из слабоожелезненой глины; *в* – красноглиняные с песком фр-ты; *г* – красноглиняные с песком и дресвой фр-ты; *д* – белоглиняные гладкие фр-ты (МБК-2); *е* – чернолощеные фр-ты

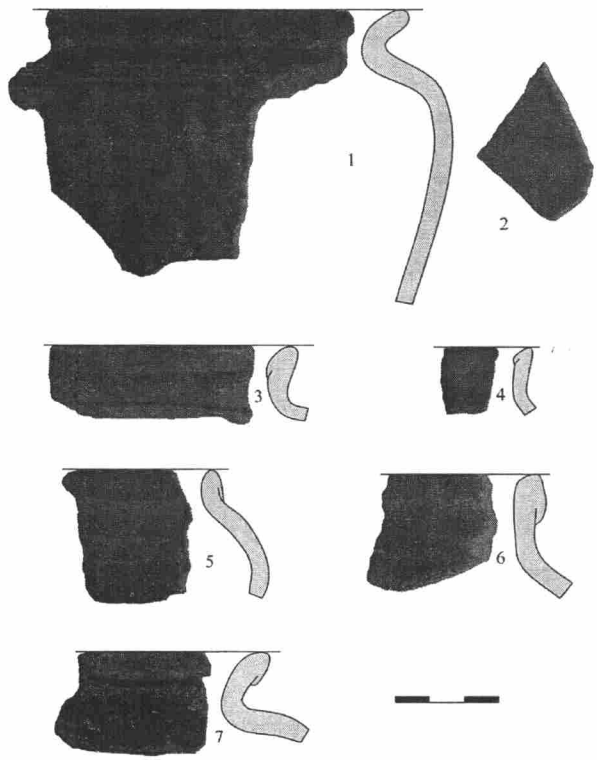


Рис. 24. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 65, пл. 1. Фрагменты круговых сосудов с примесью песка в формовочной массе

1–4 – красноглиняные (2 – с лощением); 5–7 – белоглиняные типа МБК-1

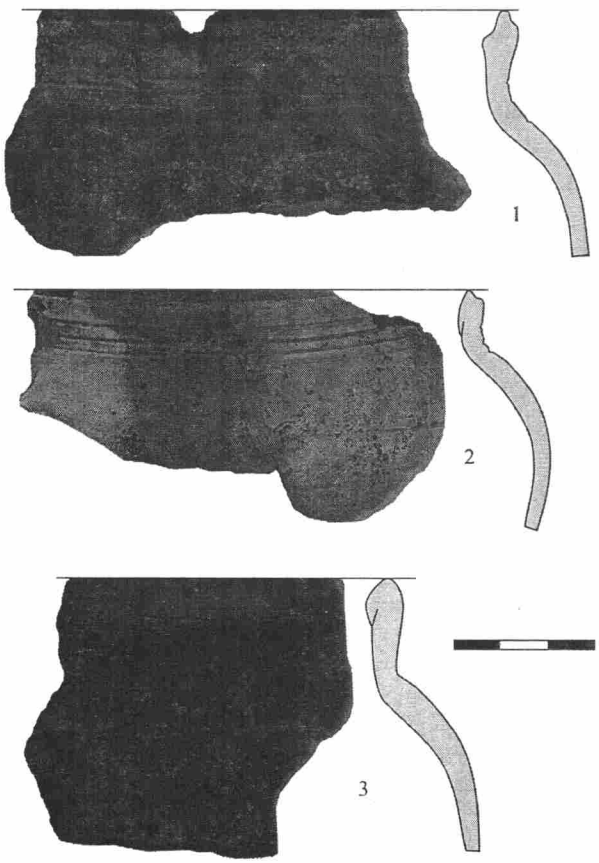


Рис. 25. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 65, пл. 1. Фрагменты круговых белоглиняных горшков типа МБК-2 без визуально заметных примесей в формовочных массах

Таблица 11. Морфология верхних частей горшков из ямы 65 раскопа 1

Класс (по В.Ю. Ковалю)	Кол-во фр-тов	Пласты	Типы и варианты – шт.
Красноглиняные фр-ты с песком в формовочных массах			
1	3	1	~ 1/1 – 1
		5	1/2 – 2 (1) (рис. 26, *6*)
3	16	1	3/3 Д – 1; 3/4 – 5; 3/4 Г – 3 (рис. 24, *3*, *4*)
		2	3/4 Г – 3 (рис. 26, *4*)
		3	3/4 Г – 2
		4	3/4 Г – 1
		5	3/4 Г – 1 (рис. 26, *5*)
4	1	1	4/1 – 1
11	9	1	11/1 – 5 (2) (рис. 24, *1*)
		6	11/1 – 4 (1) (рис. 27)
13	1	1	13/3 В – 1
38	2	1	38/2 – 1
		2	38/2 – 1 (рис. 26, *1*)
Красноглиняные фр-ты с песком и дресвой в формовочной массе			
3	2	5	3/4 Г – 2 (1)
Белоглиняные фр-ты с песком в формовочных массах (грубые)			
1	2	1	1/2 – 1
		2	1/2 – 1
3	4	1	3/4 – 1
		2	3/4 – 1; 3/4 Г – 1
		5	3/4 – 1 (рис. 26, *7*)
4	11	1	4/1 – 4 (рис. 24, *5*, *6*); 4/1 В – 2; 4/1 Г – 2
		2	4/1 – 2
		6	~ 4/1 Г – 1
24	2	1	24/1 Б – 1 (рис. 24, *7*)
		6	24/1 Б – 1
39	1	2	39/1 – 1 (рис. 26, *2*)
44	1	1	44/1 – 1
Белоглиняные фр-ты без примесей (гладкие)			
2	2	1	2/2 – В – 2
3	12	1	3/3 – 1 (рис. 25, *3*); 3/3 В – 6 (1); 3/3 Е – 2 (1) (рис. 25, *1*); 3/3 Ж – 3 (1) (рис. 25, *2*)

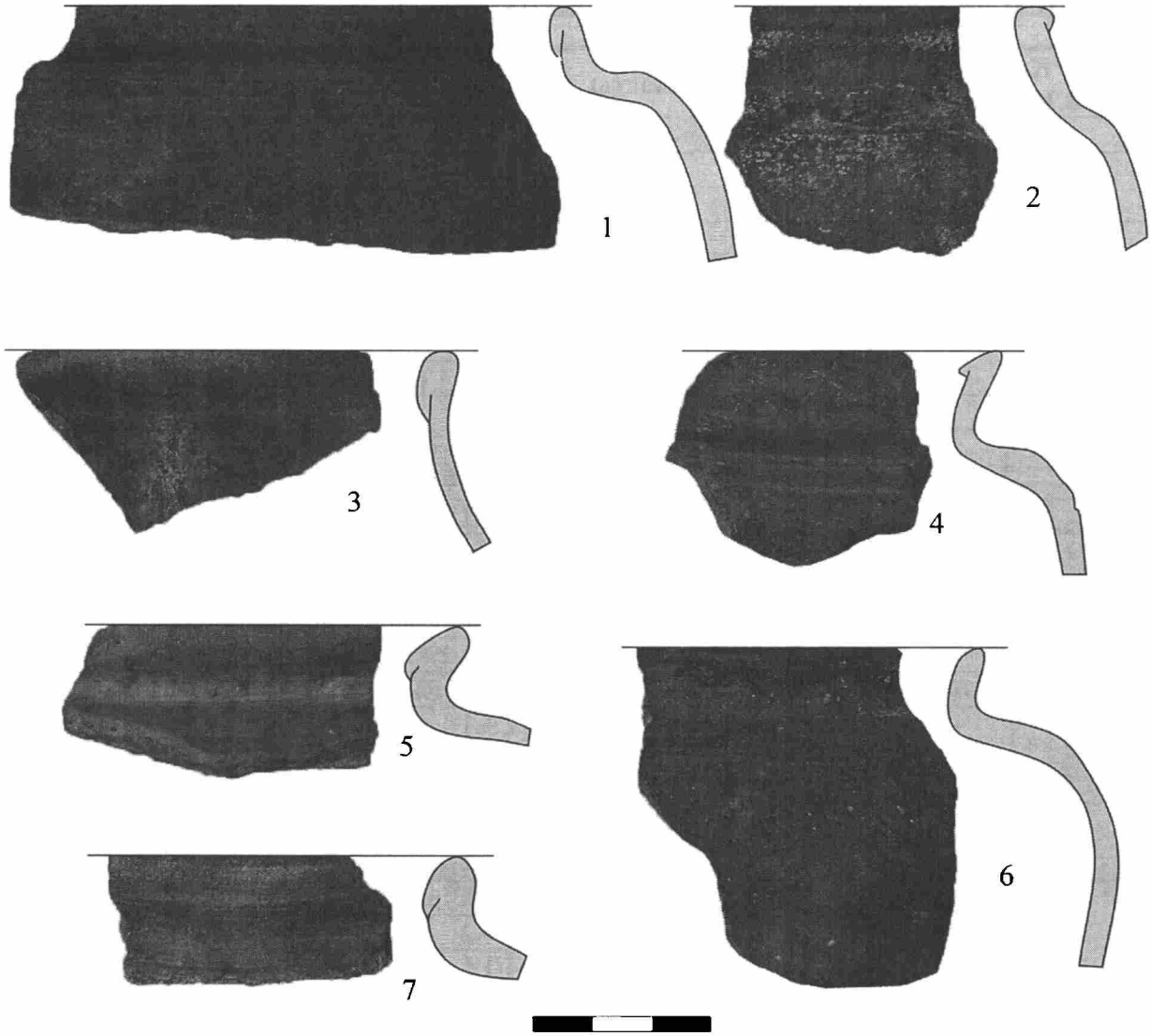


Рис. 26. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 65. Фрагменты круговых сосудов с песком в формовочных массах

1, 4–6 – красноглиняные; 2, 7 – белоглиняные; 3 – чернолощеные (излом серый). (1-4 – пл. 2; 5–7 – пл. 5)

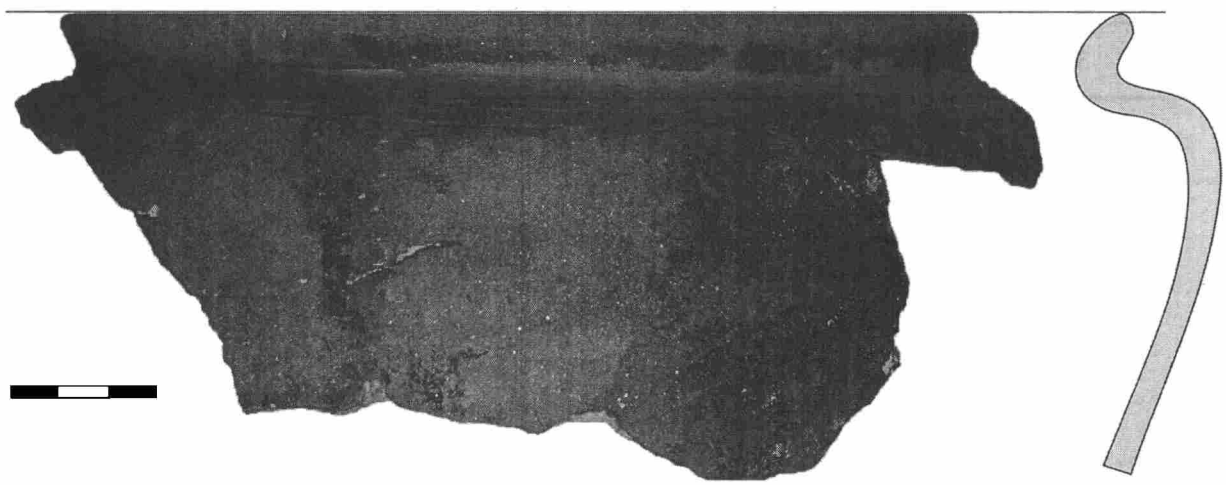


Рис. 27. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 65, пл. 6. Фрагмент красноглиняного горшка с песком в формовочной массе

Таблица 12. Морфология верхних частей горшков из ямы 66 раскопа 1

Класс (по В.Ю. Ковалю)	Кол-во фр-тов	Пласты	Типы и варианты – шт.
Красноглиняные фр-ты с песком в формовочных массах			
1	7	1	1/1 – 2; 1/2 – 2
		3	1/2 – 3 (рис. 34, *8, 9*)
2	3	1	2/3 В – 1
		3	~ 2/1 – 1; ~ 2/1 В – 1
3	35	1	3/3 – 1; 3/3 Г – 1; 3/4 – 4 (рис. 32, *4*); 3/4 В – 1; 3/4 Г – 5 (рис. 33, *5*); 3/4 Ж – 1
		2	3/3 Г – 1; 3/4 – 2 (1); 3/4 Г – 7 (6)
		3	3/3 Б – 2; 3/3 Г - 1 (рис. 34, *1*); 3/3 Д – 1; 3/4 – 1 (рис. 34, *6*); 3/4 Г – 1 (рис. 34, *2*)
		4	3/3 Д – 2; 3/4 – 2; 3/4 В – 1; 3/4 Г – 1
8	1	2	8/2 Б – 1
11	4	1	11/1 – 4 (рис. 32, *3*; 33, *4*)
13	6	1	13/1 – 2
		2	13/3 В – 3 (1) (рис. 32, *1*)
		3	13/3 В – 1 (рис. 34, *4*)
21	6	1	21/2 – 1 (рис. 33, *1*); 21/2 Б – 1; ~ 21/ 2 В – 1 (рис. 33, *3*); ~ 21/4 – 1
		2	21/2 – 1
		4	21/2 В – 1
22	4	1	22/1 – 1+1 с белым ангобом; 22/2 – 1
		2	22/2 – 1
23	7	1	~ 23/1 – 1; 23/1 Б – 3 (2); 23/3 – 1
		2	23/3 – 1 (рис. 32, *2*); ~ 23/3 Б – 1
39	3	1	39/1 – 1 с белым ангобом
		2	39/1 – 1 с белым ангобом
		3	39/1 – 1 с белым ангобом (рис. 35, *4*)
43	1	1	~ 43/2 – 1 с белым ангобом
Красноглиняные фр-ты с песком и дресвой в формовочных массах			
2	1	2	2/1 Г – 1
3	1	4	3/3 Г – 1 (рис. 35, *6*)
13	1	4	13/3 В – 1 (рис. 35, *7*)
21	1	4	21/2 В – 1
Белоглиняные фр-ты с песком в формовочных массах (грубые)			
4	12	1	4/1 – 4 (3) (рис. 32, *6*; 33, *7*); ~ 4/1 В – 2 (рис. 32, *7*)
		3	4/1 – 3 (рис. 35, *5*); 4/1 В – 1
		4	4/1 – 1; 4/1 В – 1
11	1	1	11/2 – 1
24	2	1	24/1 Б – 1
		3	24/1 Б – 1
41	1	3	~ 41/2 В – 1
Белоглиняные фр-ты с песком и дресвой в формовочных массах (грубые)			
4	3	1	~ 4/1 – 2
		2	~ 4/1 Г – 1
14	2	2	~ 14/1 – 2
24	1	1	24/1 Б – 1
26	1	3	26/1 – 1
28	1	2	~ 28/1 Г – 1 (рис. 35, *2*)
Из слабоожелезненной глины с песком			
1	3	1	~ 1/2 – 2
		4	~ 1/2 – 1
4	1	1	~ 4/1 – 1
11	3	2	11/1 – 3 (1) (рис. 35, *1*)
24	2	1	~ 24/1 – 1
		2	~ 24/1 Б – 1
Чернолощеный фр-т (излом – серый)			
3	1	1	3/3 В – 1

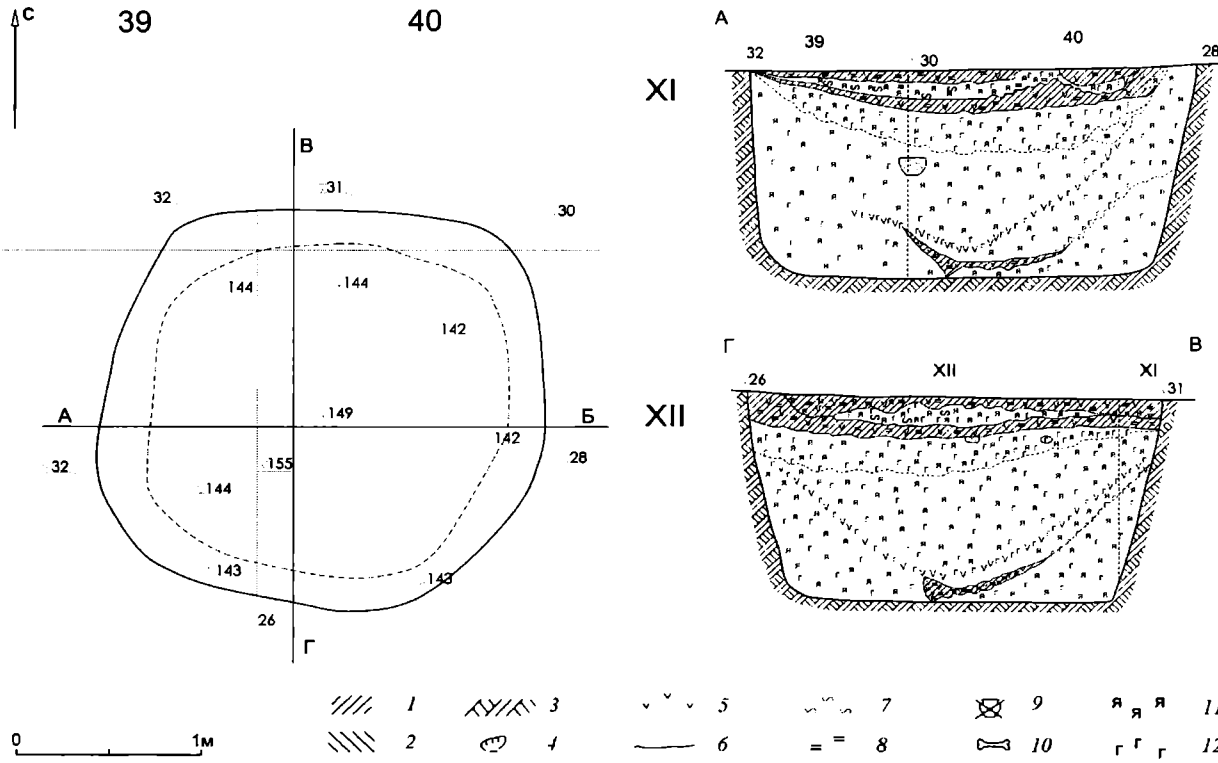


Рис. 28. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. План ямы 65 после выборки. Разрезы А–Б (вид с юга) и В–Г (с востока)

1 – темно-серый гумусированный суглинок или супесь; *2* – светло-серо-бурый суглинок; *3* – материк; *4* – камни; *5* – уголь; *6* – граница материка; *7* – зола; *8* – прокаленная глина; *9* – развал сосуда; *10* – кость животного; *11* – включения ярко-бурого суглинка; *12* – гумус

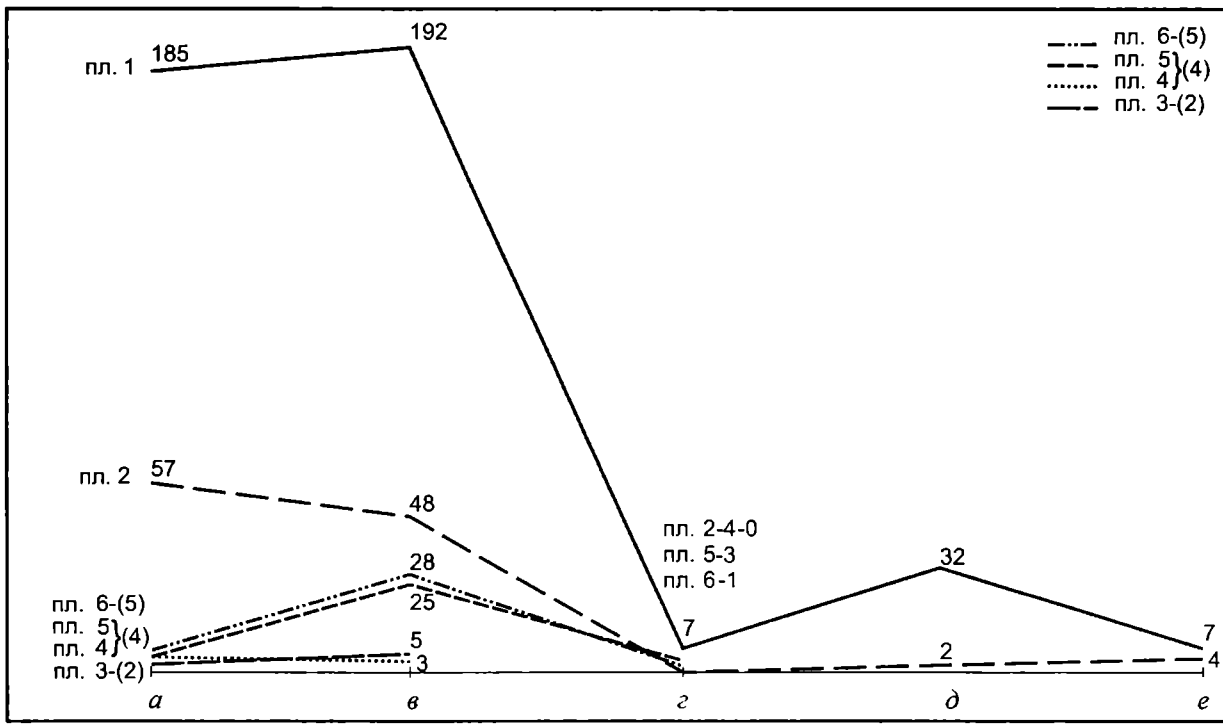


Рис. 29. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Соотношение групп керамики по пластам в яме 65. (В пл. 1 найдена полушка 2-й трети XVI в.)

а – белоглиняные грубые фр-ты (МБК-1); *в* – красноглиняные с песком фр-ты; *г* – красноглиняные с песком и дресвой фр-ты; *д* – белоглиняные гладкие фр-ты (МБК-2); *е* – чернолощеные фр-ты (обозначение групп керамики соответствует рис. 18)

Таблица 13. Морфология верхних частей горшков из ямы 66а раскопа 1

Класс (по В.Ю. Ковалю)	Кол-во фр-тов	Пласты	Типы и варианты – шт.
Красноглиняные фр-ты с песком в формовочных массах			
2	1	1	~ 2/1 Б – 1
3	7	1	3/4 Г – 5 (рис. 34, *2*, *4*)
		2	3/4 – 1; 3/4 Г – 1
13	1	3	13/3 В – 1
21	1	2	~ 21/2 – 1 (рис. 34, *5*)
23	1	1	~ 23/1 – 1 (рис. 34, *3*)
Красноглиняные фр-ты с песком и с дресвой в формовочных массах			
3	6	1	~ 3/3 Г – 1; ~ 3/3 Д – 2 (1) (рис. 34, *1*)
		2	3/3 Д – 2; ~ 3/4 – 1 (рис. 34, *7*)
13	1	2	13/6 – 1 (рис. 34, *6*)
Белоглиняный фр-т с песком и дресвой в формовочной массе (грубый)			
21	1	1	~ 21/2 Г – 1

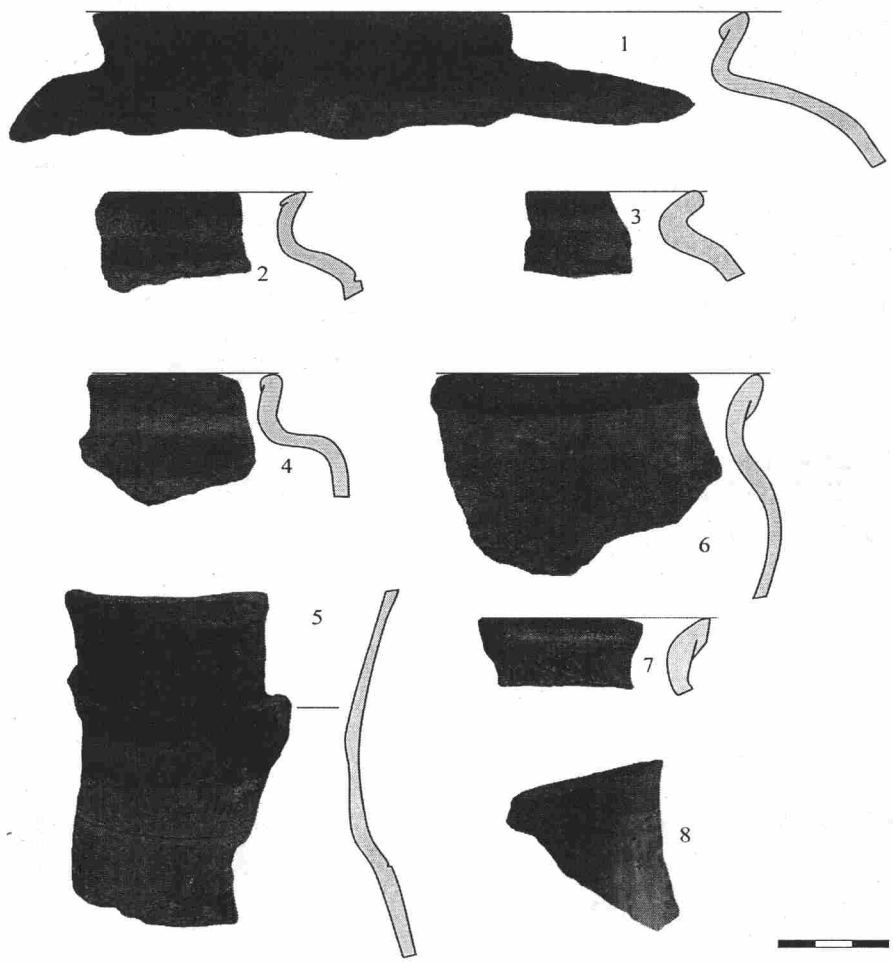


Рис. 30. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 66, пл. 1.
Фрагменты круговых сосудов с примесями в формовочной массе и без них

1–4 – красноглиняные с песком; 5 – красноглиняный лощеный с песком и редкими включениями крупной дресвы; 6, 7 – белоглиняные типа МБК-1 с песком; 8 – чернолощеный (излом серый)

Таблица 14. Морфология верхних частей горшков из ямы 23 раскопа 1

Класс (по В.Ю. Ковалю)	Кол-во фр-тов	Типы и варианты – шт.
Красноглиняный фр-т с песком в формовочной массе		
13	1	13/1 – 1 (рис. 39, *8*)
Красноглиняные фр-ты с песком и дресвой в формовочных массах		
1	1	~ 1/2 В – 1 (рис. 39, *1*)
2	2	~ 2/3 – 2 (рис. 39, *3, 5*)
3	1	3/4 Г – 1 (рис. 39, *6*)
13	12	13/3 В – 12(1) (рис. 39, *2*; цв. вкл. рис. XXXII)
23	1	23/3 Б – 1 (рис. 41, *4*)
Белоглиняный фр-т с песком и дресвой в формовочной массе (грубый)		
21	1	21/4 – 1 (рис. 41, *7*)

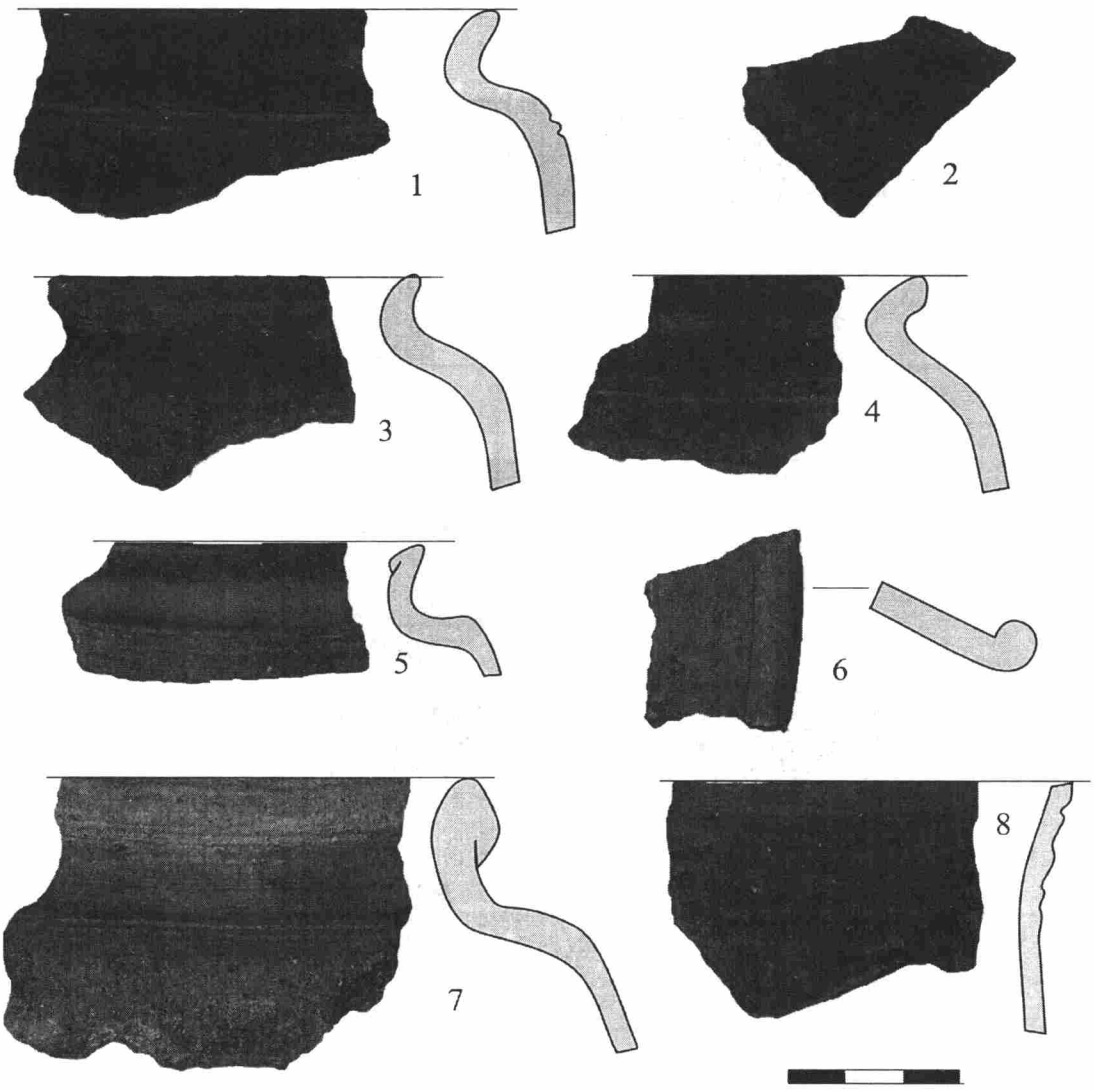


Рис. 31. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 66, пл. 1. Фрагменты круговых сосудов с примесями в формовочной массе

1–5, 8 – красноглиняные с песком; 6 – белоглиняные крышки с песком; 7 – белоглиняные типа МБК-1 с песком и дресвой

Таблица 15. Керамический материал из заполнения могильных ям уровня 1 раскопа 1

Квадраты	Красноглиняные фрагменты														Белоглиняные фрагменты										Чернолощеные фр-ты		Всего в квадрате
	с песком в формовочных массах										с песком и дресвой				в формовочных массах (грубая)				с песком и дресвой (грубые)				без примесей (гладкие)				
	стенки			венчики	донца	ручки	с лощением		с белым ангобом		стенки		венчики	донца	стенки		венчики	донца	ручки	стенки		венчики	донца	стенки	венчики	стенки	венчики	
	без орнамента	с линейным орнаментом	со штампом				стенки	ручки	стенки	венчики	без орнамента	с линейным орнаментом			без орнамента	с линейным орнаментом				без орнамента	с линейным орнаментом							
47/XV	22	3		3			2								11					3		1					45
47/XVI	21	2		4	2				2		3	1		3	12		2	2		4	1	2			1	1		63
48/XV	11	2		2	2						2	1		3	5		2		1	1			2			1		35
48/XVI	12	4		2											6		2			3							29
43/XVI	8	2		1	1						3	1	3	1	1					1							22
45/XIV	14	2		2	1				1	1	1				3												25
45/XV	8	2		3							4		1	2	2		1										23
46/XV	2			2		1			1						3		1	1									11
49/XV	4			1							2	2															9
33/XVII	1				1										1												3
34/XVII	1	1		3	1			1																			7
Всего	272																										

Таблица 16. Керамический материал из заполнения могильных ям уровня 2 раскопа 1

Квадраты		Красноглиняные фрагменты												Белоглиняные фрагменты										Чернолощеные фр-ты		Всего в квадрате
		с песком в формовочных массах								с песком и дресвой				с песком в формовочных массах (грубая)						с песком и дресвой (грубые)						
		стенки			ручки	донца	венчики	с лощением		с белым ангобом		стенки		стенки			ручки	донца	венчики	стенки			ручки	донца	венчики	стенки	венчики	
		без орнамента	с линейным орнаментом	со штампом				стенки	ручки	стенки	ручки	без орнамента	с линейным орнаментом	без орнамента	с линейным орнаментом	венчиков	донцев	без орнамента	с линейным орнаментом	венчики	донца							
47/XV		9	2			3	3		1			1		5			1	1		3						1	29
47/XVI		9	1			1	1							6						4				1			23
48/XV		6				2		1																			10
48/XVI		3	1				2	1																		1	8
Всего																											70

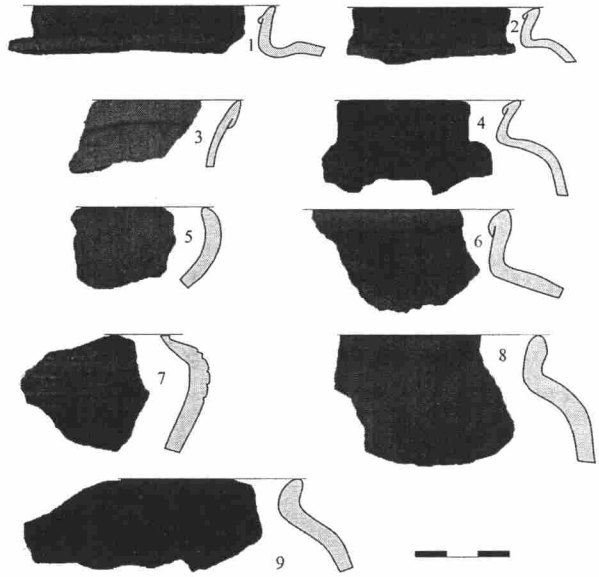


Рис. 32. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 66, пл. 3. Фрагменты круговых красноглиняных горшков (1–4, 6–9) и чашек (5) с примесями в формовочной массе

1–6, 8, 9 – с песком; 7 – с песком и дресвой

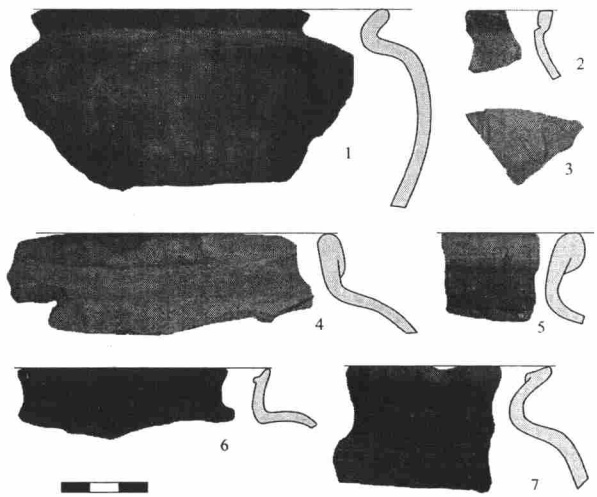


Рис. 33. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 66, пл. 2–4. Фрагменты круговых сосудов с примесями в формовочной массе

1 – из слабоожелезненной глины с песком;
2 – белоглиняный с песком и дресвой; 3 – белоглиняный с песком; 4 – красноглиняный с белым ангобом и песком;
5 – белоглиняный типа МБК-1 с песком;
6, 7 – красноглиняные с песком и мелкой дресвой.
(1–3 – пл. 2; 4, 5 – пл. 3; 6, 7 – пл. 4)

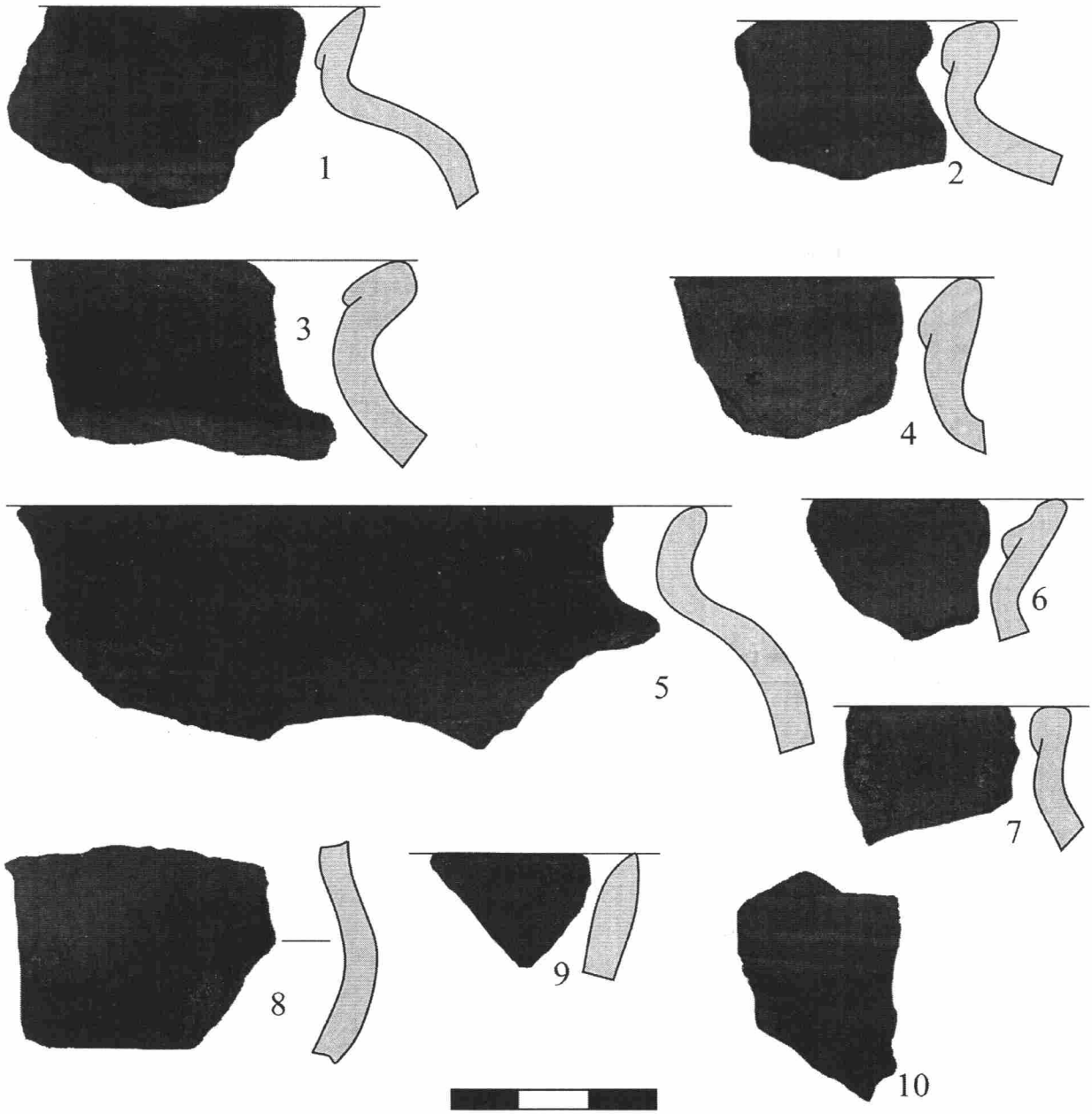


Рис. 34. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 66а, 1–4 – пл.1; 5–10 – пл. 2. Фрагменты круговых красноглиняных сосудов с примесями в формовочных массах

1, 6–8 – с песком и дресвой; 2–5, 9, 10 – с песком (10 – со следами лощения)

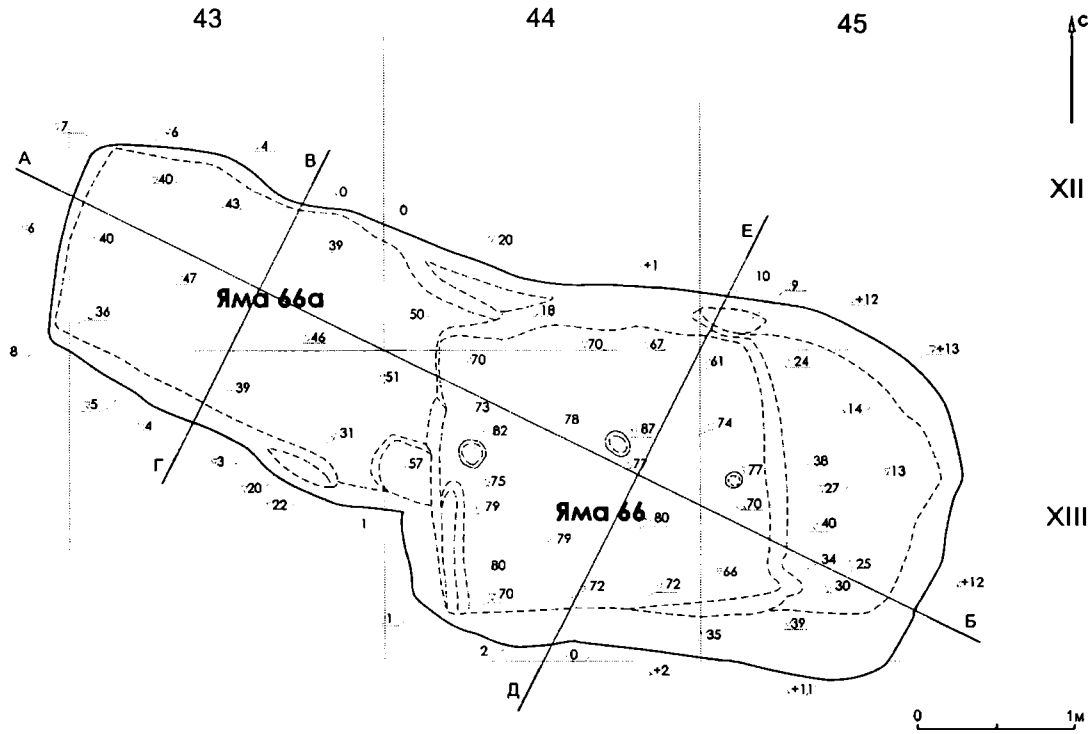


Рис. 35. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. План ям 66, 66а после выборки

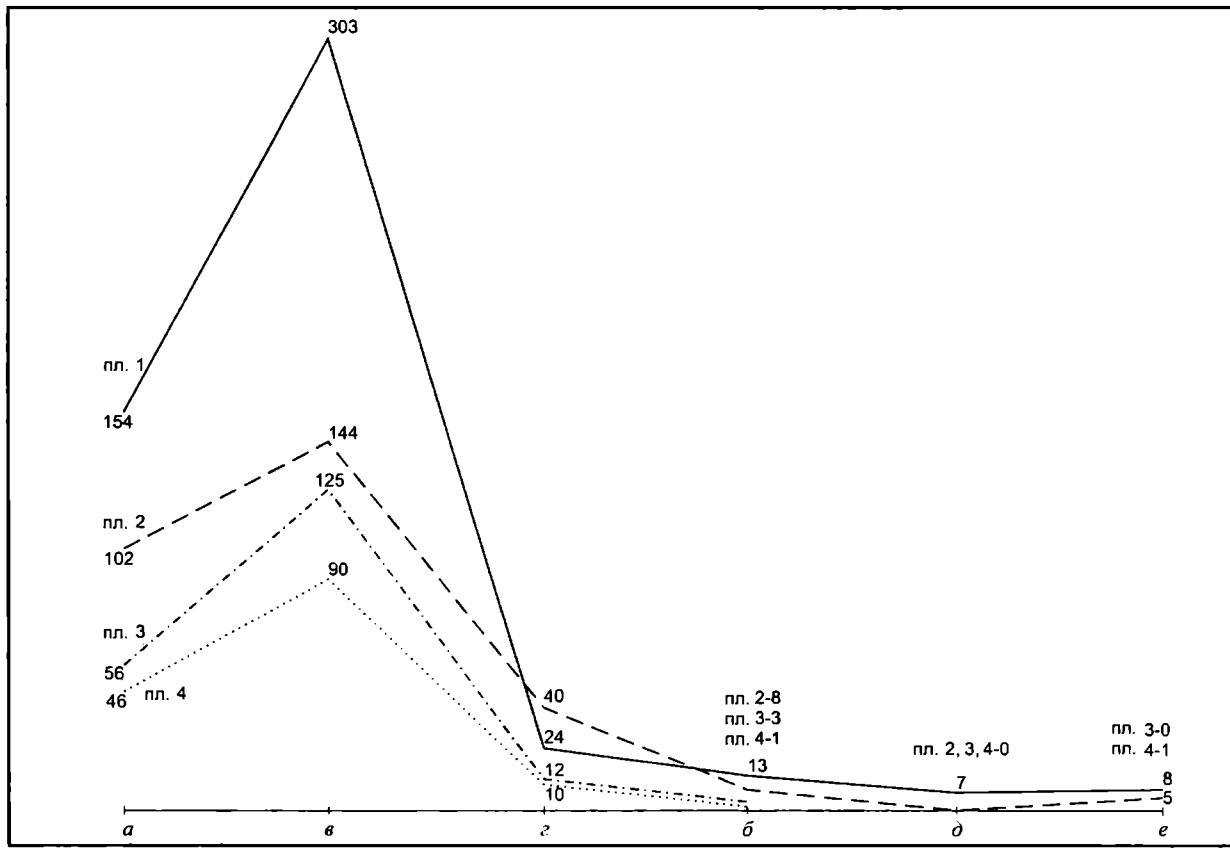


Рис. 37. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Соотношение групп керамики по пластам в яме 66. (Монетные находки из пл. 1 – два тверских пула кон. XV в., полушка 1-й трети XVI в., денга Ивана IV (1535–1547 гг.); из пл. 2 – полуденга московская 1-й четверти XV в.; из пл. 4 – подражание пулу 1-й трети XVI в.)

а – белоглиняные грубые фр-ты (МБК-1); *б* – фр-ты из слабоожелезненой глины; *в* – красноглиняные с песком фр-ты; *г* – красноглиняные с песком и дресвой фр-ты; *д* – белоглиняные гладкие фр-ты (МБК-2); *е* – чернолощеные фр-ты (обозначение групп керамики соответствует рис. 18, 23 и 29)

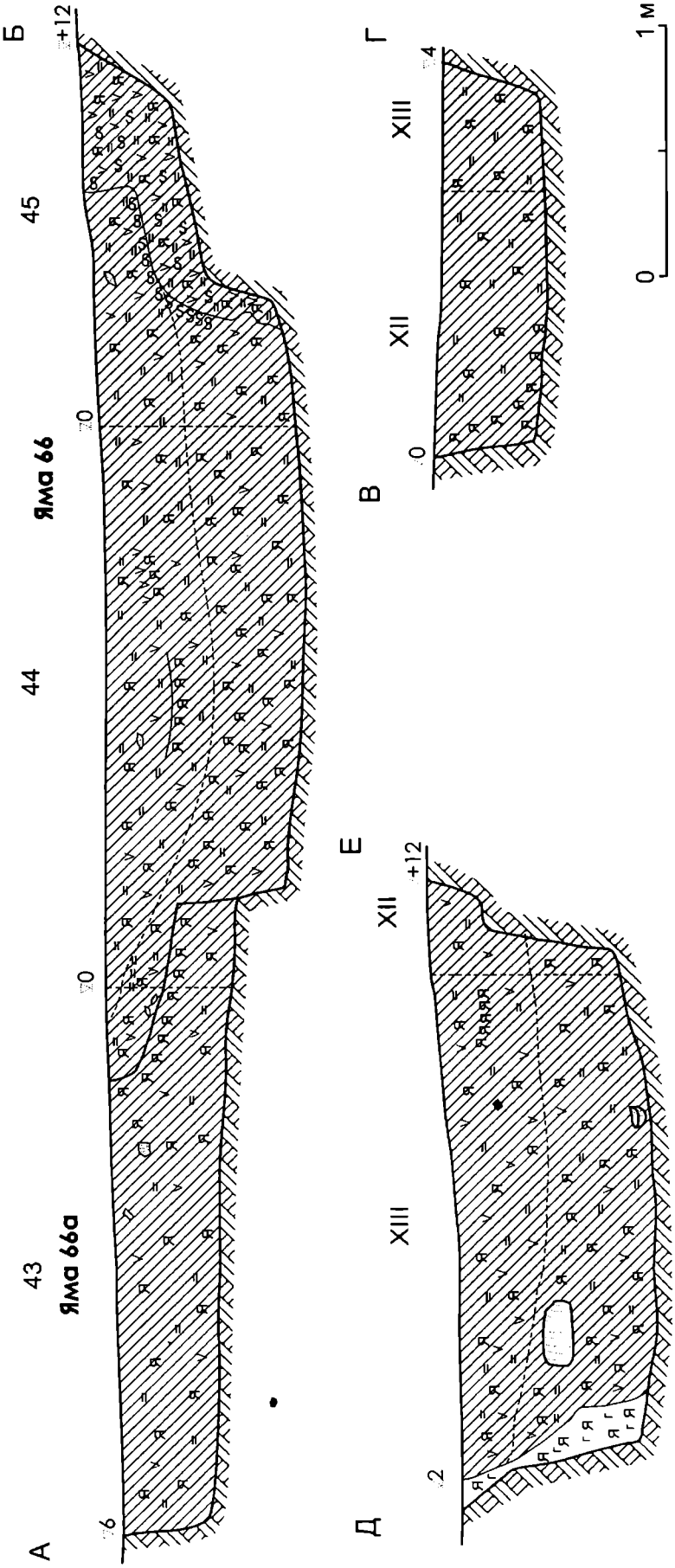


Рис. 36. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Разрезы ям 66, 66а по линиям А–Б (вид с юго-запада), В–Г (с северо-востока), Д–Е (с юго-востока)

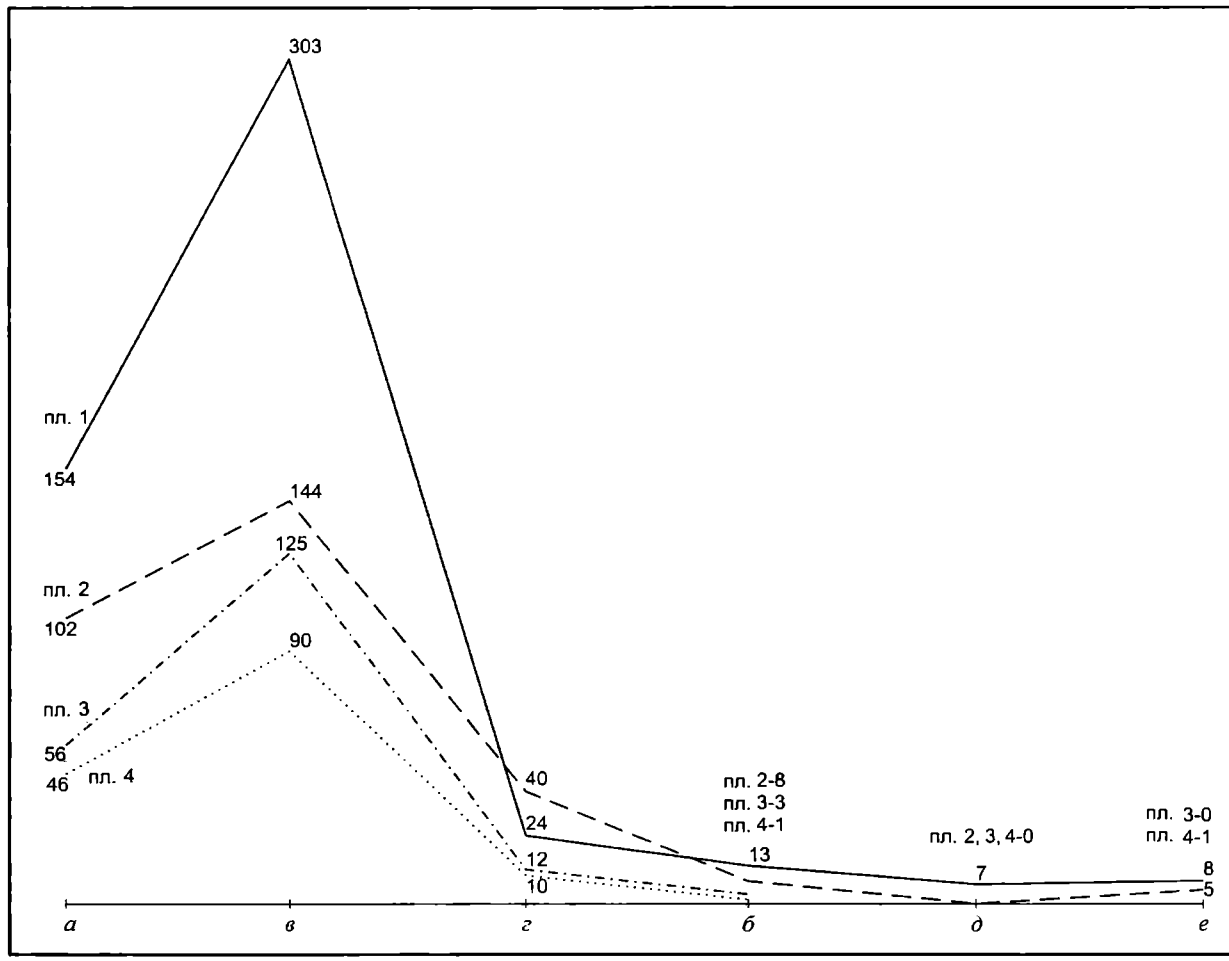


Рис. 37. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Соотношение групп керамики по пластам в яме 66. (Монетные находки из пл. 1 – два тверских пула кон. XV в., полушка 1-й трети XVI в., денга Ивана IV (1535–1547 гг.); из пл. 2 – полуденга московская 1-й четверти XV в.; из пл. 4 – подражание пулу 1-й трети XVI в.)

а – белоглиняные грубые фр-ты (МБК-1); *б* – фр-ты из слабоожелезненой глины; *в* – красноглиняные с песком фр-ты; *г* – красноглиняные с песком и дресвой фр-ты; *д* – белоглиняные гладкие фр-ты (МБК-2); *е* – чернолощеные фр-ты (обозначение групп керамики соответствует рис. 18, 23 и 29)

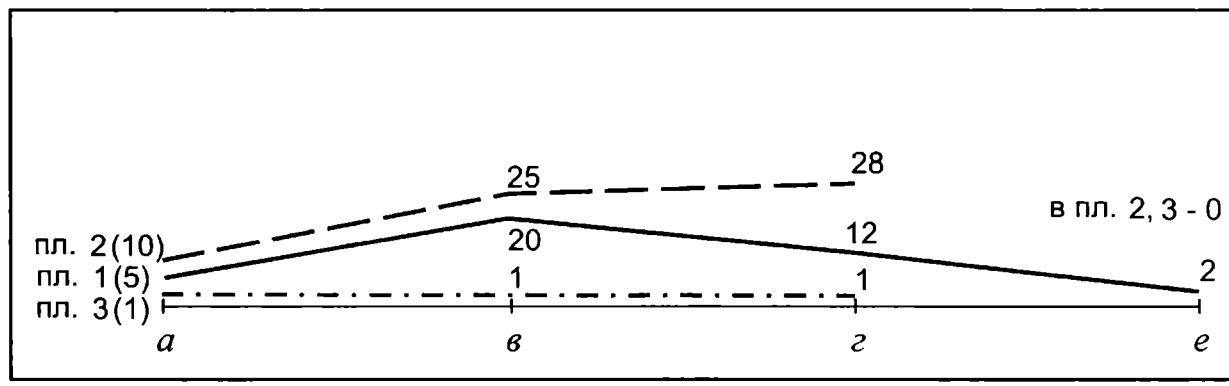


Рис. 38. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Соотношение групп керамики по пластам в яме 66а. (В пл. 1 найдено пуло московское 2-й четверти XV в.)

а – белоглиняные грубые фр-ты (МБК-1); *в* – красноглиняные с песком фр-ты; *г* – красноглиняные с песком и дресвой фр-ты; *е* – чернолощеные фр-ты (обозначение групп керамики соответствует рис. 18, 23, 29 и 37)

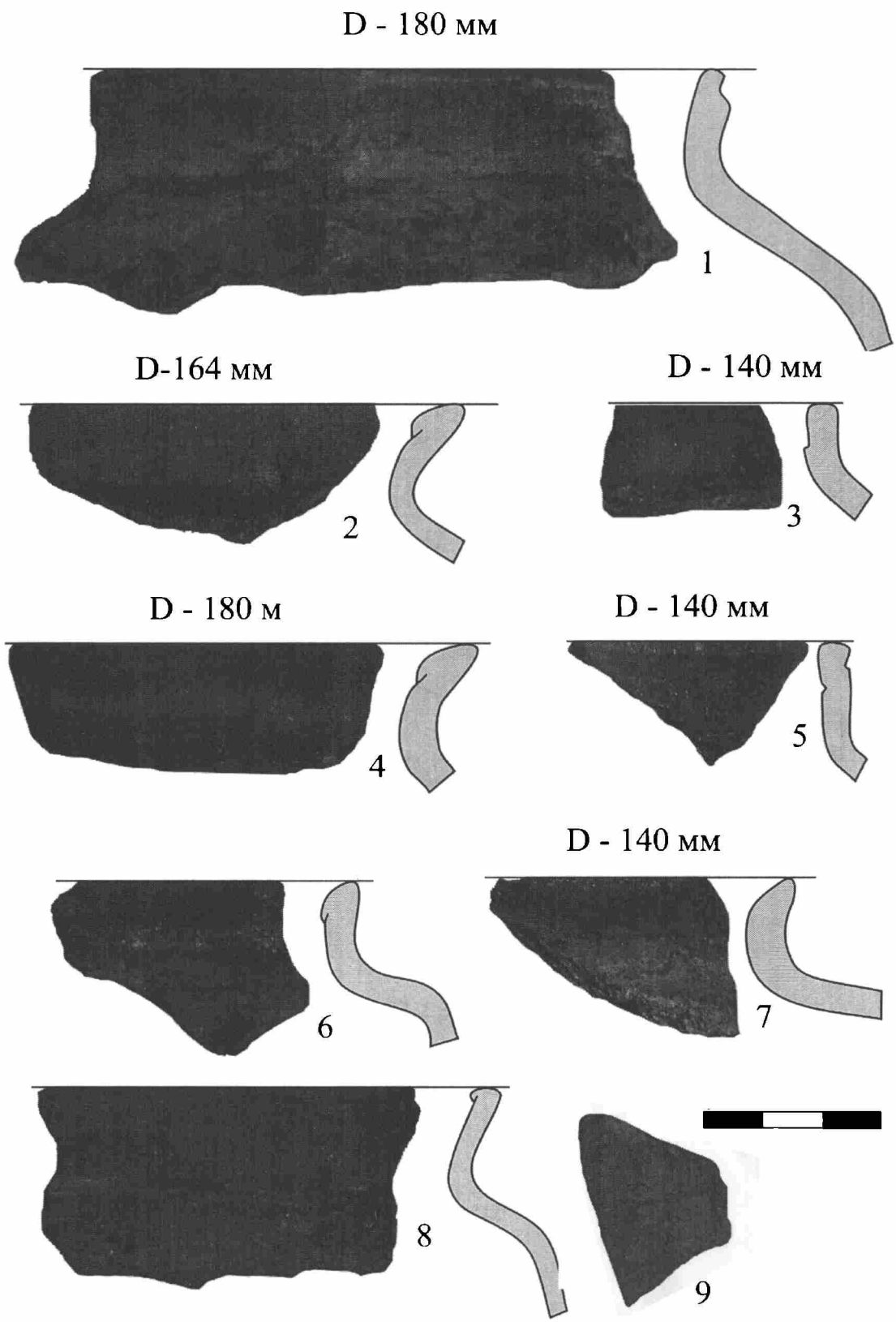


Рис. 39. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Яма 23. Фрагменты круговой посуды с примесями в формовочной массе

1–6 – красноглиняные с песком и дресвой (1 – излом однослойный красный; 2 – фр-т развала; 2–5 – изломы черные; 6 – излом темно-коричневый); 7 – белоглиняный с песком и дресвой (излом трехслойный); 8 – красноглиняный с песком (излом черный); 9 – красноглиняный лощеный с песком

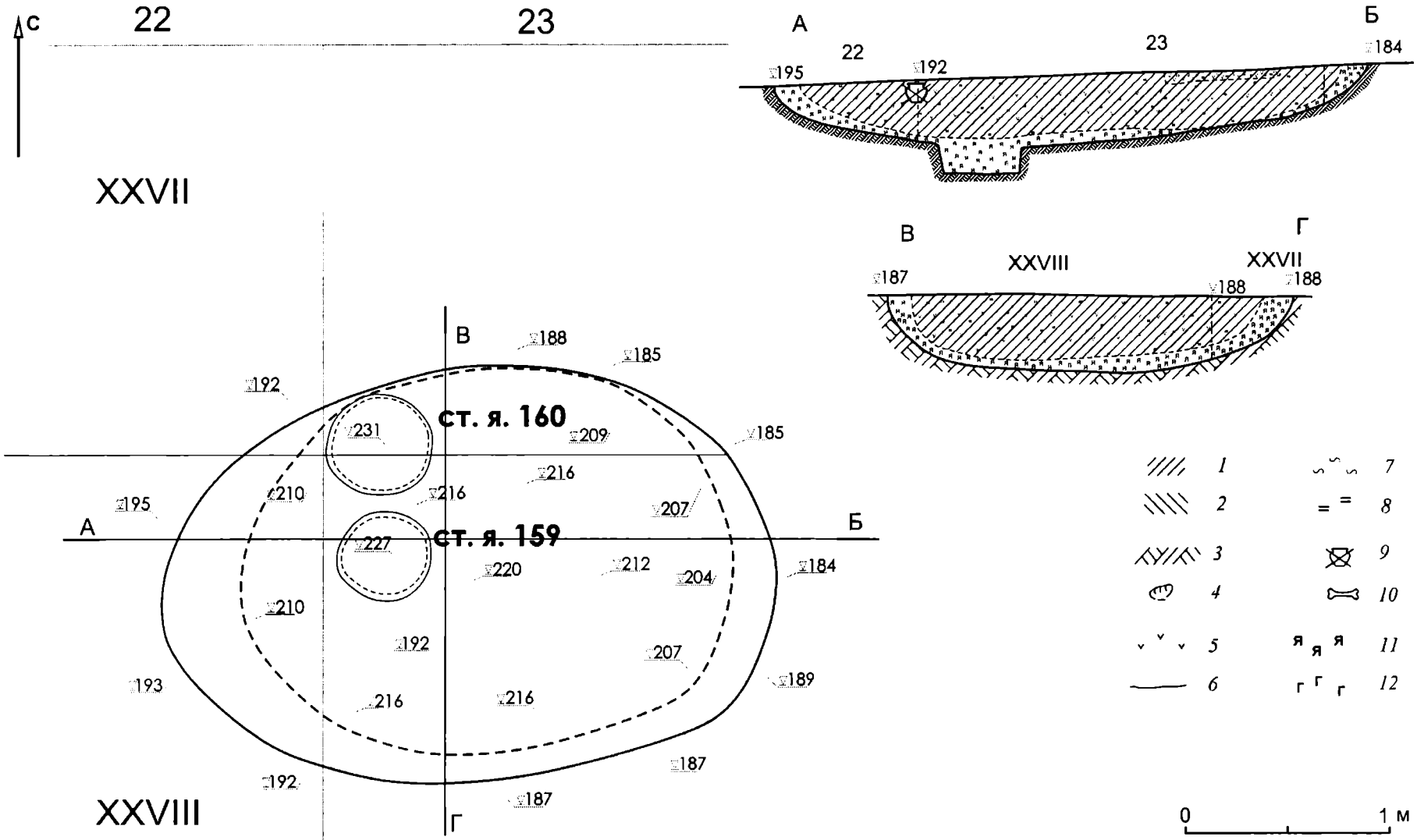


Рис. 40. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. План ямы 23 после выборки. Разрезы по линиям А–Б (вид с юга) и В–Г (вид с востока)

1 – темно-серый гумусированный суглинок или супесь; *2* – светло-серо-бурый суглинок; *3* – материк; *4* – камни; *5* – уголь; *6* – граница материка; *7* – зола; *8* – прокаленная глина; *9* – развал сосуда; *10* – кость животного; *11* – включения ярко-бурого суглинка; *12* – гумус

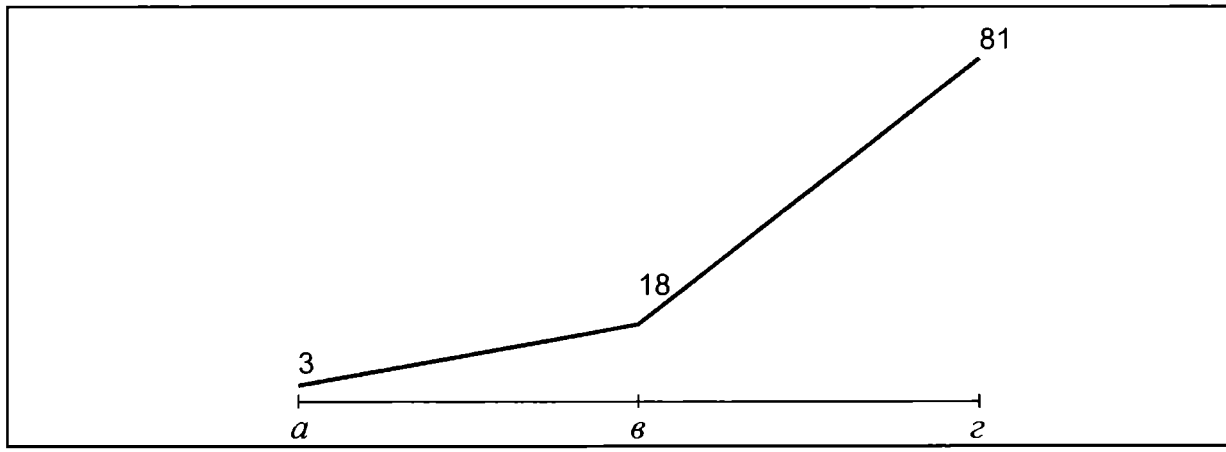


Рис. 41. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Соотношение групп керамики по пластам в яме 23

а – белоглиняные грубые фр-ты (МБК-1); *в* – красноглиняные с песком фр-ты; *г* – красноглиняные с песком и дресвой фр-ты (обозначение групп керамики соответствует рис. 18, 23, 29 и 37)

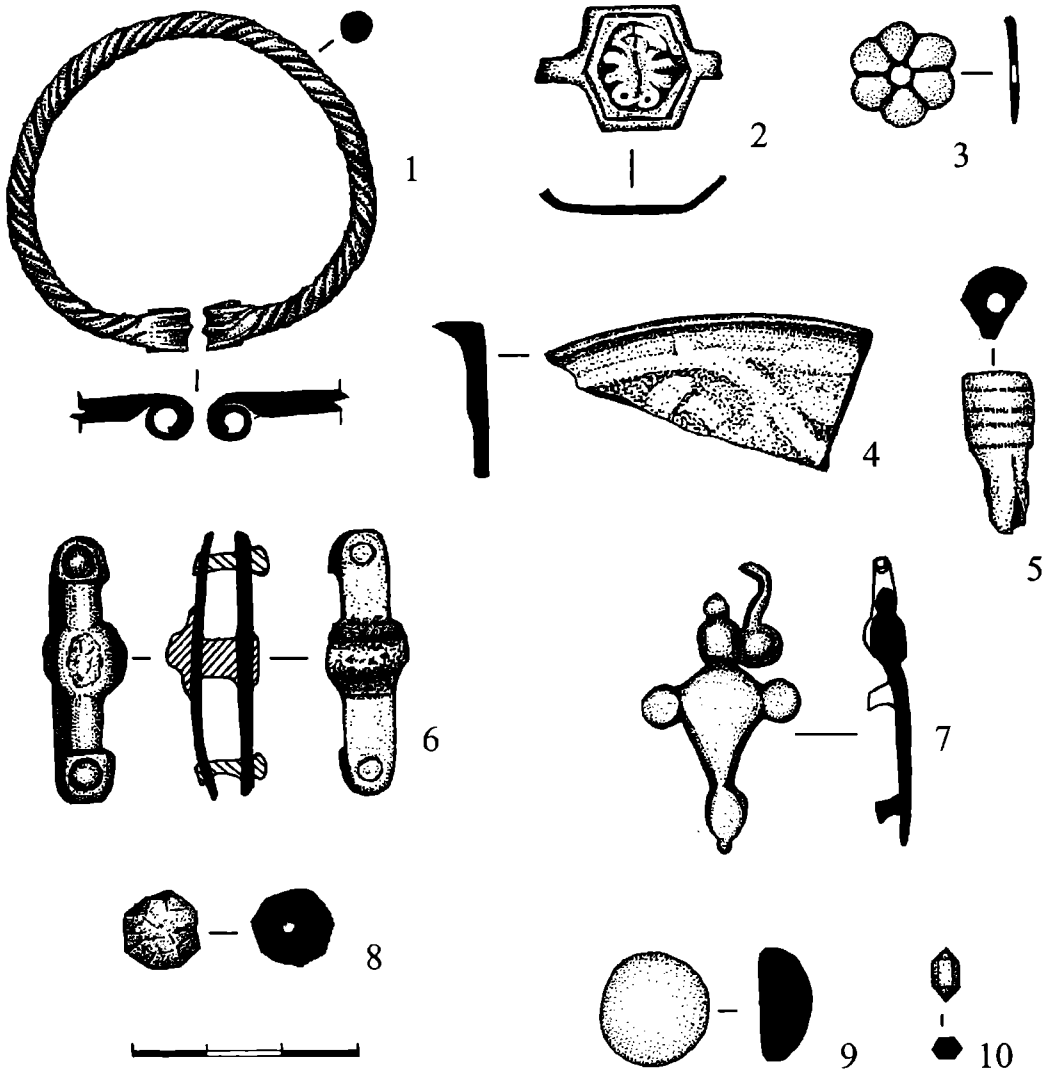


Рис. 42. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Индивидуальные находки

1 – медная фибула; 2 – щиток бронзового перстня; 3 – медная накладка; фрагмент зеркала из сплава цветных металлов; 5 – фрагмент костяного изделия; 6, 7 – бронзовые накладки; 8 – хрустальная бусина; 9 – стеклянная вставка; 10 – изделие из прозрачного камня. (1 – яма 65, пл. 6; 2 – яма 55, пл. 2; 3–9 – пахотный слой; 10 – яма 52, пл. 1)

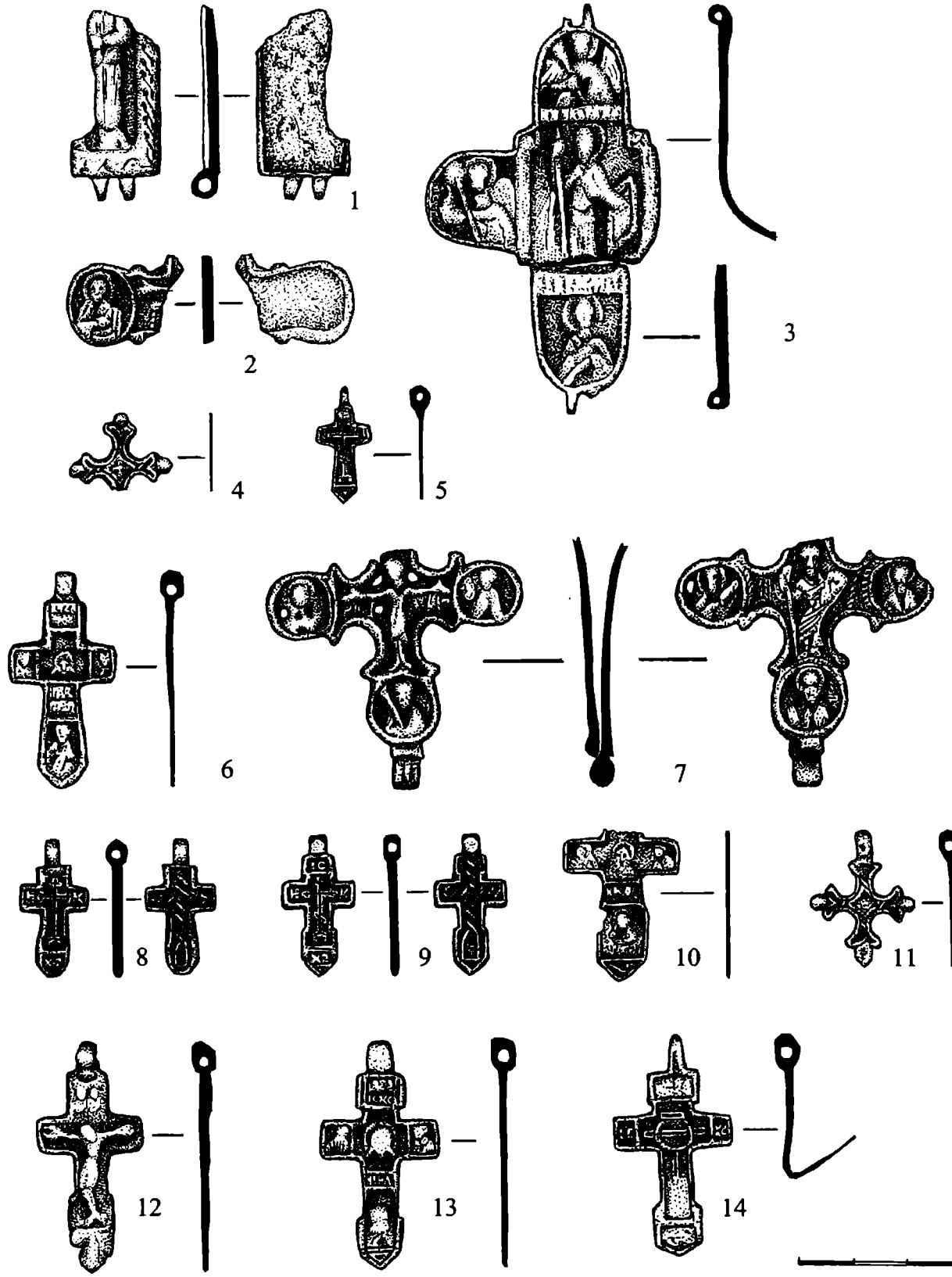


Рис. 43. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Индивидуальные находки

Бронзовые кресты и их фрагменты: 1–4, 6–10, 12–14 – пахотный слой; 5 – канава 4, пл. 2; 11 – яма 52, пл. 1

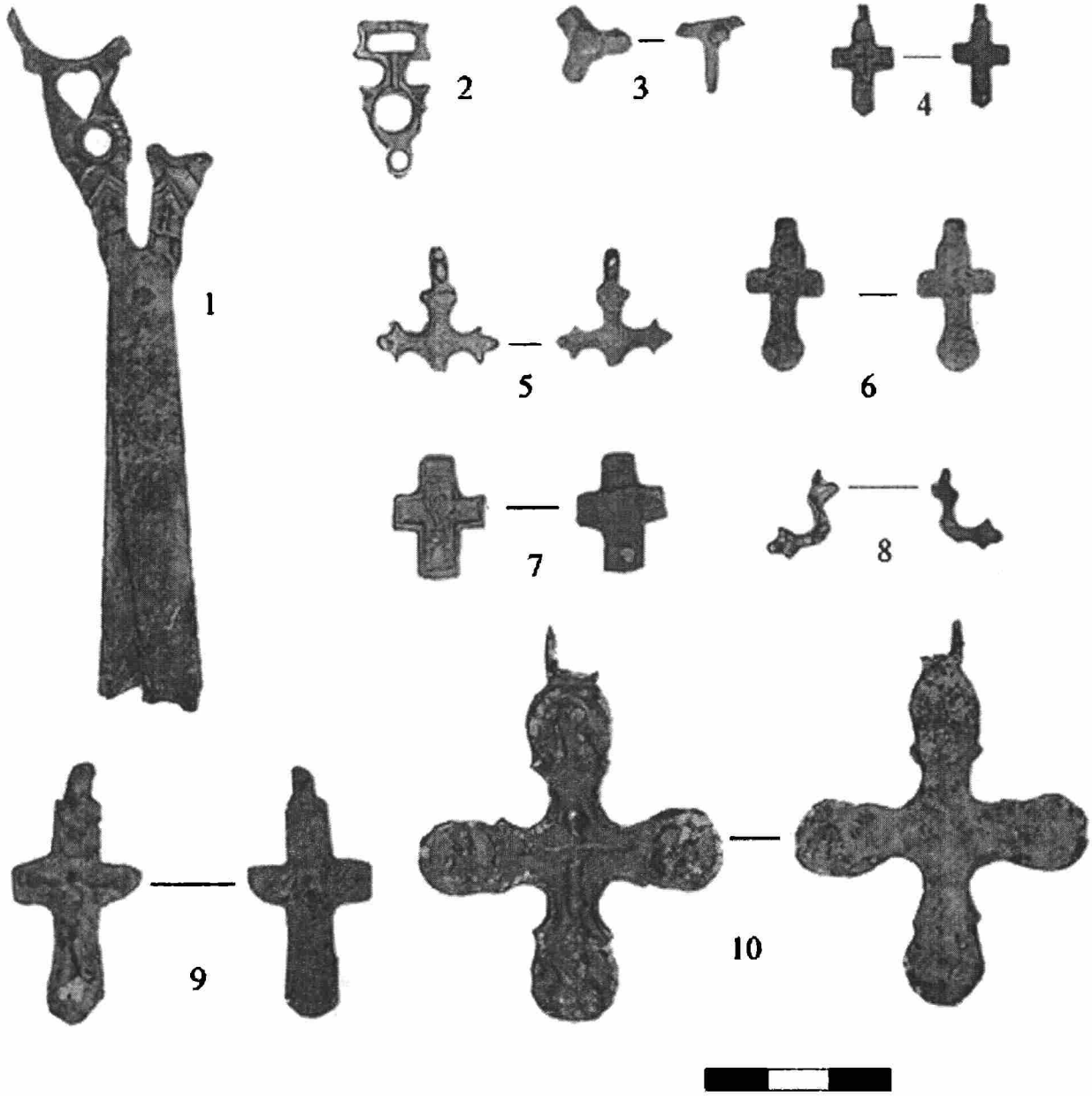


Рис. 44. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1. Индивидуальные находки

1 – фр-т железных ножниц с медными ручками с участка культовой постройки в кв. 46/XXIV; 2 – бронзовая пряжка; 3 – медный гвоздь; 4 – бронзовый крест из ямы 12 (пл. 1); 5, 7 – бронзовые кресты; 6 – бронзовый крест из погребения 113; 8 – фрагмент бронзового креста; 9 – бронзовый крест из ямы 66 (пл. 2); 10 – створка бронзового энколпиона. (1, 3 – основание пахотного слоя; 2, 5–10 – пахотный слой)

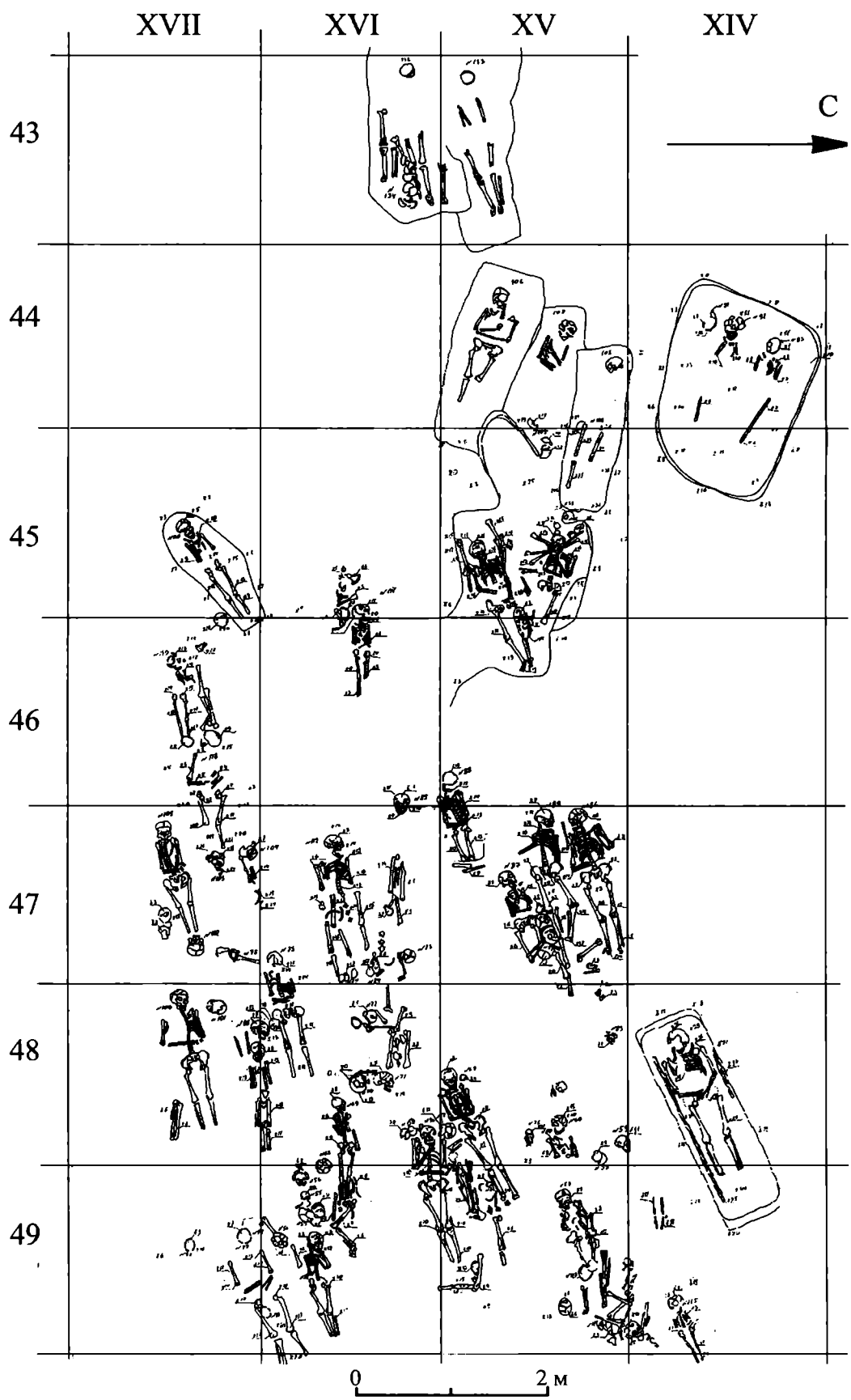


Рис. 45. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1.
План исследованного участка в северо-восточной части могильника. Ярус 1

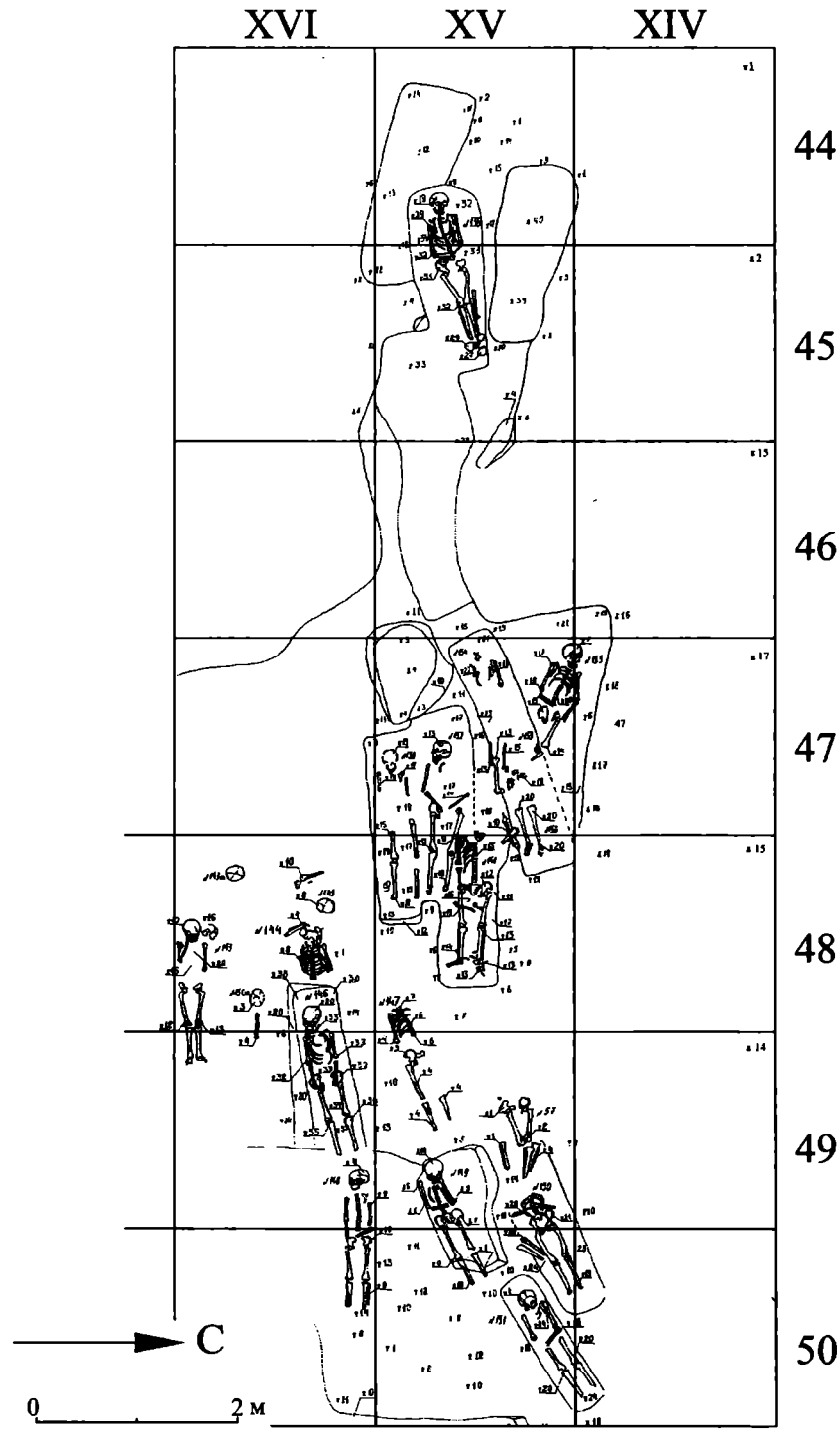


Рис. 46. Поселение 1 у д. Рождественно. Раскоп 1.
План исследованного участка в северо-восточной части могильника. Ярус 2

на глубине 1,2 м от уровня материка. Верхняя часть заполнения, мощностью до 0,3 м, была сложена темно-серым гумусированным суглинком, насыщенным мелкой печиной и углями, а основная состояла из переотложенного ярко-бурого суглинка с включениями гумуса (рис. 28).

Заполнение выбиралось по пластам 0,2 м. Всего в яме было найдено 614 фрагментов круговой посуды (табл. 4), из которых 301 принадлежал красноглиняным сосудам с добавкой песка в формовочную массу (рис. 24, *1–4*; 26, *1, 4–6*; 27), а 257 относились к белоглиняной грубой посуде (МБК-1) (рис. 24, *5–7*; 26, *2, 7*) (рис. 29). Другие группы посуды были представлены сравнительно небольшим количеством обломками. Белоглиняные гладкие и чернолощеные фрагменты были найдены лишь в первых двух пластах (рис. 29). По сравнению с керамическими комплексами, происходящими из ям 60, 61 и 63, в яме 65 было найдено гораздо больше белоглиняных гладких фрагментов (МБК-2) – 34, однако все они относились к верхнему слою заполнения ямы, сложенному темно-серым гумусированным суглинком. Белоглиняные гладкие фрагменты принадлежали горшкам раннего для этой группы посуды облика (рис. 25, табл. 11).

Чернолощеные фрагменты, как правило, имели сплошное лощение и были серыми в изломе. Один фрагмент имел серо-красно-серый излом. Один из двух чернолощеных венчиков принадлежал кувшину (рис. 26, *3*), второй – с заворотом края наружу и вертикальной шейкой – кувшину или миске.

Отметим, что в пласте 1 был найден фрагмент края красноглиняной миски с песком и мелкой дресвой в формовочной массе. Фрагмент имел простой округлый венчик, ниже которого на внешней поверхности был сформован ребристый валик подпрямоугольного сечения. Изнутри и снаружи фрагмент был покрыт нагаром.

Морфология верхних частей красноглиняных и белоглиняных горшков представлена в таблице 11. Важно, что не все горшки, по формовочной массе относящиеся к белоглиняным грубым (МБК-1), имели венчики, оформленные заворотом края наружу (рис. 26, *7*).

Несколько монет было найдено в заполнении ямы 66: в пласте 1 – два тверских медных пула конца XV в., серебряная полушка первой трети XVI в. и серебряная денга великого князя Ивана IV периода 1535–1547 гг.; в пласте 2 – московская серебряная полуденга первой четверти XV в.; в пласте 4 – медная монета – подражание пулу первой трети XVI в. Яма имела в плане подпрямоугольные очертания (4,1х2,5 м) и ступенькообразное дно, основная часть которого была заглублена в материк на 0,73–0,79 м (рис. 35). Заполнение ямы состояло из светло-серо-бурого суглинка, насыщенного мелкими включениями печины, древесного угля и ярко-бурого суглинка. По оттенкам заполнение визуально делилось на два основных горизонтальных слоя, нижний из которых был более насыщен включениями ярко-бурого суглинка (рис. 36). Для более тщательной фиксации материала заполнение выбиралось по пластам 0,2 м.

Всего в яме было найдено 1154 фрагмента круговой посуды (табл. 5). Соотношение групп керамического материала близко соотношению материала из ям 63 и 65 (рис. 37). Однако в яме 66 красноглиняные фрагменты (662) с песком в формовочной массе почти в два раза превосходят белоглиняные грубые фрагменты (358) (МБК-1). Более полно представлены красноглиняные фрагменты с песком и дресвой в формовочной массе (86) (рис. 33, *67*). Отметим, что сравнительно много (47 из 358) фрагментов белоглиняной грубой посуды (МБК-1) в формовочной массе содержали не только песок, но и дресву.

По находкам монет комплекс ямы 66 датируется первой половиной XVI в., однако яма 66 перекрывала яму 66а, где была найдена монета второй четверти XV в. Поэтому отмеченные особенности состава керамического комплекса ямы 66, возможно, объясняются присутствием в ней, по сравнению с комплексами из ям 60, 61, 63 и 65, более ранней посуды. Например, верхние части красноглиняных горшков имели сравнительно высокие и тонкие шейки, по-разному отогнутые наружу (рис. 30, *1,2, 4*; 32, *1,2, 4*; 33, *6–7*). Один из белоглиняных венчиков (рис. 33, *2*) с песком и дресвой в формовочной массе морфологически очень близок венчиками наиболее ранних красноглиняных горшков, происходящих с рассматриваемого памятника (рис. 6, *8*; 39, *3, 5*).

Нижний слой заполнения ямы 66 (пласты 3–4), в котором была найдена монета первой трети XVI в., не содержал фрагментов белоглиняной гладкой посуды (МБК-2). Из чернолощеной посуды в этом слое был найден лишь один фрагмент. Сложно сказать, отражает ли этот керамический набор особенности комплекса первой трети XVI в., так как белоглиняные гладкие и чернолощеные фрагменты отсутствовали и в нижних частях заполнений ям 61 и 65. Однако большинство венчиков красноглиняных горшков с песком и дресвой в формовочной массе были найдены именно в нижнем слое заполнения ямы – в пласте 4 (рис. 33, *6 – 7*; табл. 12).

Морфология верхних частей горшков, найденных в яме 66, представлена в таблице 12. В целом, она характерна для посуды XVI в. Отметим находку в пласте 1 крупных фрагментов красноглиняного кувшина, орнаментированного в месте перехода плечиков в горловину поясом из накольчатого штампа, ограниченного сверху и снизу горизонтальными линиями. Ниже этого пояса по тулову сосуда шло лощение линиями. Подобный фрагмент красноглиняного кувшина, орнаментированного поясом накольчатого штампа, но без следов лощения, был найден в пласте 2.

Белоглиняные гладкие фрагменты (МКБ-2), судя по следам вторичного обжига на внешней поверхности и орнаментации горизонтальными линиями в виде рифления, расположенной по основанию шейки, принадлежали горшкам.

Чернолощеные фрагменты имели сплошное лощение и серые изломы.

Как уже было сказано выше, яма 66 перекрывала яму 66а, в пласте 1 которой было найдено московское медное пуло второй четверти XV в. Яма 66а имела в плане подпрямоугольную форму размерами 2,50х1,55 м (рис. 35) и была заглублена в материк на 0,33–0,52 м. Ее заполнение состояло из светло-серо-бурого суглинка (рис. 36). Всего в яме было найдено 105 фрагментов круговой посуды (табл. 6). Состав керамического комплекса отличался сравнительно небольшим количеством фрагментов (15) белоглиняной грубой посуды (МБК-1), отсутствием белоглиняной гладкой (МБК-2) и большой долей (41 из 87 фрагментов) красноглиняной гладкой посуды с добавкой песка и дресвы в формовочную массу (рис. 38).

Такое соотношение групп отличает керамический материал из ямы 66а от керамических комплексов ям, рассмотренных выше. Стратиграфическое положение ямы 66а по отношению к яме 66 позволяет датировать керамический комплекс ямы 66а более ранним, чем комплекс ямы 66, временем. Однако морфология верхних частей горшков из ямы 66а не имеет существенных отличий от морфологии красноглиняных горшков из рассмотренных выше ям (рис. 34, табл. 13). Лишь на границе ям 66 и 66а, в пласте 1 был найден крупный фрагмент красноглиняного горшка сравнительно архаичного облика: с высокой шейкой, приостренным краем венчика, сформованным загибом края внутрь, и канавкой (13/6 по В.Ю. Ковалю), с пологим плечиком, орнаментированным разреженными горизонтальными линиями (в таблицах не учтен). В формовочной массе фрагмента присутствовали песок и частые включения крупной дресвы. В связи с этим комплекс ямы 66а следует датировать в пределах конца XV – первой половины XVI в.

Примером раннего керамического комплекса рассматриваемого поселения является комплекс ямы 23, не датированный по монетным находкам. В плане яма имела овалообразную форму (3х2 м) и пологое дно, заглубленное в материк на 0,20–0,38 м. Основная часть заполнения была сложена темно-серым гумусированным суглинком, придонная часть – переотложенным ярко-бурым суглинком (рис. 40). Найденная керамика происходила из слоя темно-серого гумусированного суглинка.

Всего в яме было обнаружено 102 фрагмента круговых сосудов (табл. 7). В верхней части заполнения был найден развал красноглиняного горшка (цв. вкл. рис. XXXII; 40). Подавляющее количество фрагментов (81) из комплекса принадлежало красноглиняным сосудам с песком и дресвой в формовочной массе (рис. 39, *1–6*). В большинстве своем они имели черные (темно-серые) или трехслойные изломы и были покрыты нагаром.

Красноглиняные фрагменты с песком в формовочной массе (18) также в ряде случаев имели черные либо трехслойные изломы с заметным вкраплением бело-серых окатанных частиц (рис. 39, *8*). Четыре фрагмента стенок с лощением (в том числе один с накольчатым штампом) имели однослойные красные изломы. Морфология верхних частей горшков из ямы представлена в таблице 14. Среди них стоит отметить фрагменты с простыми округлыми венчиками и канавками, расположенными по внешним или внутренним поверхностям шеек (рис. 39, *1, 3, 5*). Они характерны именно для ранних красноглиняных горшков исследованного поселения. Указанные фрагменты содержали в формовочной массе песок и дресву толщиной до 1,5 мм в поперечнике (рис. 39, *1*).

По трем крупным фрагментам придонных частей красноглиняных сосудов с песком и дресвой в формовочной массе удалось определить угол отгиба стенок от линии днища, который составил 122, 122 и 124 градуса. Два днища из трех были выполнены на подсыпке песка и дресвы, одно – на подсыпке золы.

Собранный из найденного развала горшок (цв. вкл. рис. XXXII) имел венчик типа 13/3В (по В.Ю. Ковалю) (рис. 39, *2*), черный излом стенок и донце, выполненное на подсыпке золы и имевшее смятую закраину. В формовочной

массе горшка присутствовали песок и мелкая дресва (слюда).

Из трех найденных в яме 23 фрагментов белоглиняных грубых сосудов один принадлежал венчику горшка (рис. 39, *7*). Он обладал сравнительно архаичными признаками: наличием в формовочной массе песка и дресвы, трехслойным (бело-серо-белым) изломом и нехарактерной для белоглиняной грубой посуды (МБК-1) морфологией (S-образная шейка и простой приостренный венчик). На шейку фрагмента был нанесен орнамент, состоящий из волнистой линии.

Предположительно, керамический комплекс ямы 23 следует датировать в рамках второй половины XV в.

Литература

Алексеев А.В., 2007. Новые исследования в округе Звенигорода. Опыт локализации географической номенклатуры разъезжей грамоты 1504 года // АП. Вып. 3. М.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1. М., 1994.

Беляев Л.А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.

Гоняный М.И., 2005. Археологические памятники Куликова поля // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М.

Гоняный М.И., 2008. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных на селище Рождественно 1 в Одинцовском районе Московской области в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Даль В.И., 2001. Толковый словарь русского языка: современное написание. М.

Заидов О.Н., 1997. Грунтовые могильники Старотулицкого городища // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула.

Зацаринный С.В., Екимов Ю.Г., Шеков А.В., 2007. Круговая посуда XVI–XVII вв. из культурного слоя Тульского кремля // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Изучение позднесредневековой Тулы. Тула.

Иванов Н.И., 2007. Погосты XVI в. на территории Тульского, Дедиловского и Каширского уездов // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 2. Изучение позднесредневековых городов России. Тула.

Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Коваль В.Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // АП. М.

Коваль В.Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XV вв. Тула.

Панова Т.Д., 2004. Царство смерти: Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.

Писцовыя книги XVI века. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872.

Смирнов А.Н., 2005. Вязёмы и Вязёмский ям // АП. Вып. 2. М.

Стоглав / Изд. Кожанчикова Д.Е. СПб., 1863.

Тропин Н.А., 1998. Христианский погребальный обряд XII–XIV вв. // Зарайские мученики – князь Феодор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн. Зарайск.

Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // МК. М.

Чернов С.З., 1991а. К хронологии московской керамики конца XV – XVI в. // МК. М.

Чернов С.З., 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997—1998 гг. // РА. № 1.

V.V. Bogomolov, M.I. Gonyaniy, O.N. Zaidov, G.A. Shebanin, A.V. Shekov

Archaeological investigations of the churchyard of the 15th – 16th centuries near the village Rozhdestvenno of the Odintsovo district of the Moscow region

Summary

In the article some preliminary results of the rare medieval monument excavations (15th – 16th cc.) in the Moscow region are considered. The monument is a complex consisted of cemetery and the settlements surrounding it. During the excavations of 2006 – 2007 it was managed to find the place of the wooden church or chapel. The special opinion was dedicated to the pottery material which was given the full characteristics based on the counting of the factors of the vase producing technology.

Н.Н. Грибов

Позднесредневековая белоглиняная керамика из Нижнего Новгорода

Обращаясь к объектам позднесредневековой археологии Москвы и ее ближайших окрестностей, исследователи материальной культуры имеют дело с явлениями и процессами, по своему историческому масштабу и географическому охвату явно выходящими за пределы Московского региона. Сопровождаемый перемещением населения самого разного социального статуса рост территории Великого княжества Московского, очевидно, повлек за собой и расширение ареала столичных традиций. В связи с этим материальная культура Москвы XV–XVII вв. весьма актуальна для осмысления результатов археологических исследований как многочисленных провинциальных городов, так и небольших крепостей-«городков», широко раскинутых по пограничьям Московии XVI–XVII вв. Вместе с тем должно быть не лишен актуальности и противоположный подход. Наверное, результаты исследований далеких московских провинций, ее весьма удаленных «куплей» и «примыслов» способны пролить свет не только на историю материальной культуры центральных районов Московской земли, но и на историю сложения материальной культуры Московской Руси в целом. Это предположение послужило отправной точкой для создания настоящей работы, тематически связанной с изучением одной группы позднесредневековой белоглиняной керамики Нижнего Новгорода.

Керамическая группа, о которой пойдет речь, хорошо известна московским археологам как белоглиняная гладкая (*Чернов*, 1991. С. 54; 1992. С. 145–146), МБК-2 (*Коваль*, 2001. С. 103–108) или керамика коломенского типа (*Коваль*, 2005. С. 252). Белоглиняные горшки соответствующего стиля, предполагающего сочетание белого цвета сосуда с характерной профилировкой и орнаментом, появились в Москве в середине – второй половине XVI в. (*Коваль*, 2005. С. 253) и, претерпев эволюцию, превратились к XVII в. в широко распространенное явление. Из всех версий, объясняющих происхождении этой посуды, наиболее аргументированной, на наш взгляд, представляется «коломенская», предложенная и разработанная В.Ю. Ковалем. Вместе с тем, в научной литературе существуют и другие подходы к решению данного вопроса. Наряду с приписыванием белоглиняной гладкой керамике гжельских корней (*Рабинович*, 1949. С. 104; *Розенфельдт*, 1968. С. 44–45), высказывалось также предположение о ее поволжских истоках (*Салангин*, 2002. С. 245). Отсутствие данной керамики в Гжели, богатой исходным сырьем, делает первое мнение неубедительным. Изначальным посылом поволжской версии послужил географический ареал распространения посуды этой керамической группы, а не ее местная хронология и морфология.

Керамика коломенского типа (или МБК-2) действительно встречается на многочисленных памятниках поволжского бассейна. В.Ю. Коваль относит ее появление здесь к XVII в., объясняя это переселением в поволжский бассейн в первой половине XVI в. части коломенских гончаров и «кирпичников», обусловленным необходимостью сооружения «каменных» крепостей. Вместе с тем, хронологические признаки, выделенные для второго вида московской белоглиняной посуды (*Коваль*, 2000. С. 105–106), обнаруживают ее достаточно заметное присутствие на разных памятниках как в напластованиях XVI, так и в комплексах второй половины XV столетия, когда основной ареал ее распространения был ограничен коломенскими волостями и экономически связанными с Коломной северо-западными районами Рязанской земли (*Коваль*, 2005. С. 253).

Уточнению обстоятельств начального этапа широкого распространения белоглиняной керамики данной группы мешает отсутствие достаточного количества опубликованных хронологически надежно атрибутированных комплексов. Типологический ряд, построенный как весьма удачное и в целом верное обобщение наблюдений, сделанных на обширном керамическом материале многочисленных памятников (*Коваль*, 2000. С. 106. Рис. 3), нуждается в более точной привязке к календарной системе, сделать которую без сравнительного изучения керамических комплексов, да-

тированных на основании других («некерамических») категорий археологического инвентаря, невозможно. Среди опубликованных коллекций с позднесредневековой керамикой коломенского типа пока можно назвать лишь сборы, происходящие из напластований XVI–XVII вв. В связи с этим большой интерес представляют нижегородские материалы, которые по монетным находкам датируются в рамках середины XV – начала XVI в.

Распространение керамики из беложгущихся глин в Нижегородском Поволжье имеет свою предысторию. В постройках и напластованиях XIII–XIV вв. посуда, сделанная из таких глин, изредка встречается в Городце, Нижнем Новгороде, на селищах Нижегородской округи. Ее доля в керамических комплексах, как правило, не превышает 0,5% (*Грибов*, 2006. С. 81. Табл. 5). По сочетанию рецептуры теста, профилировки венчиков и характеру декора большая часть встреченных на нижегородских памятниках белоглиняных сосудов этого времени отчетливо подразделяется на две группы. Для первой характерна редкая примесь дресвы, краевое окончание венчика, оформленное в виде «шпоры», сочетание линейного и ногтевого (или тычкового) орнамента, нанесенного по плечику и тулову сосуда. Для второй – примесь в виде мелкозернистого песка (или тонкое тесто), венчики с наружным утолщением, образованным «двойным загибом» чернового края, отсутствие орнамента (в редких случаях – наличие многорядной волны). В сосудах первой группы угадываются характерные черты одной из групп посуды Валдая и Верхней Волги, тождественной серой керамике, описанной В.А. Буровым при публикации материалов городища Варварина Гора (2003. С. 47–60), в сосудах второй – образцы гончарных изделий Рязанской земли с венчиками 9 и 10 типов, выделенных И.Ю. Стрикаловым по материалам Старой Рязани (2003. С. 376–380). Таким образом, большая часть бытовавшей в XIII–XIV вв. в Нижегородском Поволжье белоглиняной посуды, скорее всего, была привозной, а собственно нижегородская керамика изготавливалась из разных сортов красножгущегося сырья. Редкость белоглиняной керамики, возможно, в значительной степени была обусловлена отсутствием в регионе крупных месторождений сырьевого материала. Присутствие белоглиняной посуды в Нижнем Новгороде становится заметным лишь в период правления Ивана III, во второй половине XV – самом начале XVI в., что фиксируется по материалам городища Городок.

Анализ разрозненных письменных источников свидетельствует о том, что на протяжении почти всего XV в. Нижегородское Поволжье испытывало глубочайший кризис. Этот вывод подтверждается и результатами археологических исследований. Почти все известные подгородные сельские поселения в округе Нижнего Новгорода исчезают на рубеже XIV–XV вв. и возобновляются вновь (зачастую на других местах) лишь в XVI–XVII вв. (*Грибов*, 2007. С. 118). В самом Нижнем Новгороде культурные напластования и следы застройки XV в. не обнаружены ни на территории детинца, ни на посаде (*Гусева*, 1996. С. 44–46; *Грибов, Лапшин*, 2008. С. 141–156). Летописная традиция донесла до нас известие о том, что в середине XV в. существовало представление о двух Нижних Новгородах – Старом и Новом (или Меньшем) (*Кучкин*, 1976. С. 223–231). Как остатки последнего, Нижнего Новгорода Меньшего, было интерпретировано небольшое мысовое городище Городок, расположенное в предместье средневекового города, на правом коренном берегу р. Оки, в 1,5 км от нижегородского кремля (*Грибов*, 2005. С. 69–82). Раскопанный участок площадью около 200 кв. м позволил датировать вскрытую часть памятника в достаточно узких рамках середины XV – начала XVI в. Предложенная датировка обусловлена, главным образом, хронологической однородностью собранной нумизматической коллекции. Помимо анэпиграфных, вероятно, местных нижегородских медных пул, она включает в себя 23 серебряные монеты, чеканенные в промежутке между 1425 и 1505 гг. (*Грибов*, 2005. С. 80). Среди них преобладают денги Василия Васильевича Темного 1446–1462 гг. и монеты периода Ивана III, составляющие вместе 90% от общего числа атрибутированных нумизматических находок. Осенью 1505 г. Нижний Новгород был осажден войском казанского хана Мухаммеда-Эмина, разорившего окрестности и сжегшего городской посад (ПСРЛ, 2000а. С. 259; 2000в. Стб. 24). Заманчивой представляется возможная связь прекращения функционирования данного небольшого укрепленного пригородного поселения с описанным событием. Тем более, что необходимость его возобновления, очевидно, исчезла уже в первом десятилетии XVI в., когда в историческом центре Нижнего Новгорода были возведены стены и башни каменного кремля (ПСРЛ, 2000б. С. 8).

В виду того, что накопление керамического материала на памятнике происходило в достаточно короткий период (с середины XV по начало XVI в.), представляется интересным обобщенное описание всего комплекса собранной на нем керамики данной группы.

Керамическая коллекция городища Городок многочисленна и разнообразна по составу. Она насчитывает 38 309 фрагментов посуды, среди ко-

Таблица 1. Обмеры реконструированных горшков (Д – максимальный диаметр тулова; Дв – диаметр по венчику; Дд – диаметр днища; Дш – диаметр шейки; Н – высота; Нш – высота шейки от среза венчика; Нп – высота плечика (до основания горловины; Нт – высота придонной части от уровня донца до максимального расширения тулова).

№	Д (мм)	Дв (мм)	Дд (мм)	Дш (мм)	Н (мм)	Нш (мм)	Нп (мм)	Нт (мм)
1	282	204	110	210	237	20	57	160
2	200	154	55	170	155	22	30	100
3	280	220	120	230	235	18	62	155
4	180	127	85	130	145	14	41	90

торых приблизительно каждый пятый черепок типологически соответствует белоглиняной керамике коломенского типа (20,4% – 7800 экз.). Керамические формы помимо горшков (по венчикам их выделено около 200 экз.) представлены маловыразительными фрагментами, как минимум, от девяти кувшинов-крынок (или кувшинов) и от одной миски. Формы четырех горшков были полностью реконструированы (табл. 1; рис. 1, *8–11*).

Это сосуды средних пропорций со средним (по четырем экземплярам) отношением максимального диаметра тулова к высоте, равным 1,23 (D/H=1,19–1,3). Угол между касательной, проведенной к придонной части стенки, и плоскостью днища, замеренный по 37 фрагментам различных сосудов, колеблется в промежутке от 44 до 61є (среднее значение этого параметра, связанного с основной пропорцией сосудов, – 52є). Особенностью профилировки незначительной части горшков является небольшой «карнизик» с отчетливым ребром, отделяющий горловину сосуда от покатого плечика (рис. 1, *3–4*).

При изучении форм краевых окончаний венчиков было выделено 16 вариантов (рис. 3). Подавляющее большинство (75,5%) выполнено путем легкого нажима и подрезки края черновой ленты (варианты № 1, 3–7, 9–10, 12–14) без образования сколько-нибудь значимых наплывов, т. е. одной из простейших операций, не требующей торможения круга (*Грибов*, 2006. С. 84. Рис. 2). С этой же операцией технологически связаны еще два выделенных варианта: № 2 – отгиб без наложения к оси вращения (17,5%) и № 15 – нажим с легким заглаживанием внутрь (один процент). Такие операции, как заглаживание без усилия (№ 8 – 3,5%) и отгиб с наложением по направлению к оси вращения с формовкой характерного утолщения (№ 16 – один процент), зафиксированы почти в единичных случаях.

Характерный для данной группы керамики линейный орнамент наносился как на внешнюю поверхность венчика сосуда (45,3% по 86 крупным фрагментам), так и спускался ниже – на шейку (переход к плечику), частично или полностью заходя на верхнюю часть тулова (54,7%) (рис. 2). В последнем случае образующие декор нарезные линии довольно разрежены. Расстояние между двумя ближайшими линиями орнамента (характеризующее плотность его нанесения), как правило, колеблется между 2 и 3 мм (в 61% случаев для выборки из 59 фрагментов). Среднее значение этого параметра – 2,6 мм. Ширина рабочего лезвия инструмента для нанесения орнамента почти в половине случаев колеблется от 1 до 2 мм (45% из 173 фрагментов). Использование острого инструмента (с шириной рабочей части до миллиметра) зафиксировано для 55% случаев (выборка из 173 фрагментов от различных сосудов).

Тесто всех отобранных для подробного исследования сосудов (по венчикам) достаточно тонкое. В нескольких образцах отмечено присутствие редкой примеси мелкозернистого песка (образующего, скорее всего, естественную примесь) или комков плохо растертой сухой глины. Обжиг большинства сосудов – окислительный горновый, достаточно равномерный и качественный. Вместе с тем встречено значительное количество экземпляров с тонкой серой полоской в изломе, которая по толщине не превосходит половины толщины черепка. Большая часть фрагментов днищ характеризуется небольшими рельефными закраинами и не имеет следов подсыпки (66,7% из 42 экз.). На некоторых из них заметны отпечатки капилляров рук гончаров. Вместе с тем, каждый третий из обследованных фрагментов днищ (33,3%) имеет следы подсыпки в виде мелкозернистого песка (в одном случае в качестве подсыпки использовались комки сухой белой глины). Около 2% из них имеют следы клеймения (всего собрано семь черепков со следами рельефных изображений).

На раскопанной площадке было изучено шесть достаточно крупных ям. Заполнение двух из них произошло, скорее всего, за короткий промежуток времени. Заполнение еще четырех по стратиграфии членится на морфологически и хронологически различные горизонты. Таким образом, всего имеется 11 условно-закрытых комплексов. Каждый из них содержит незначительное количество фрагментов белоглиняной керамики коломенского типа. С девятью комплексами связаны монетные наход-

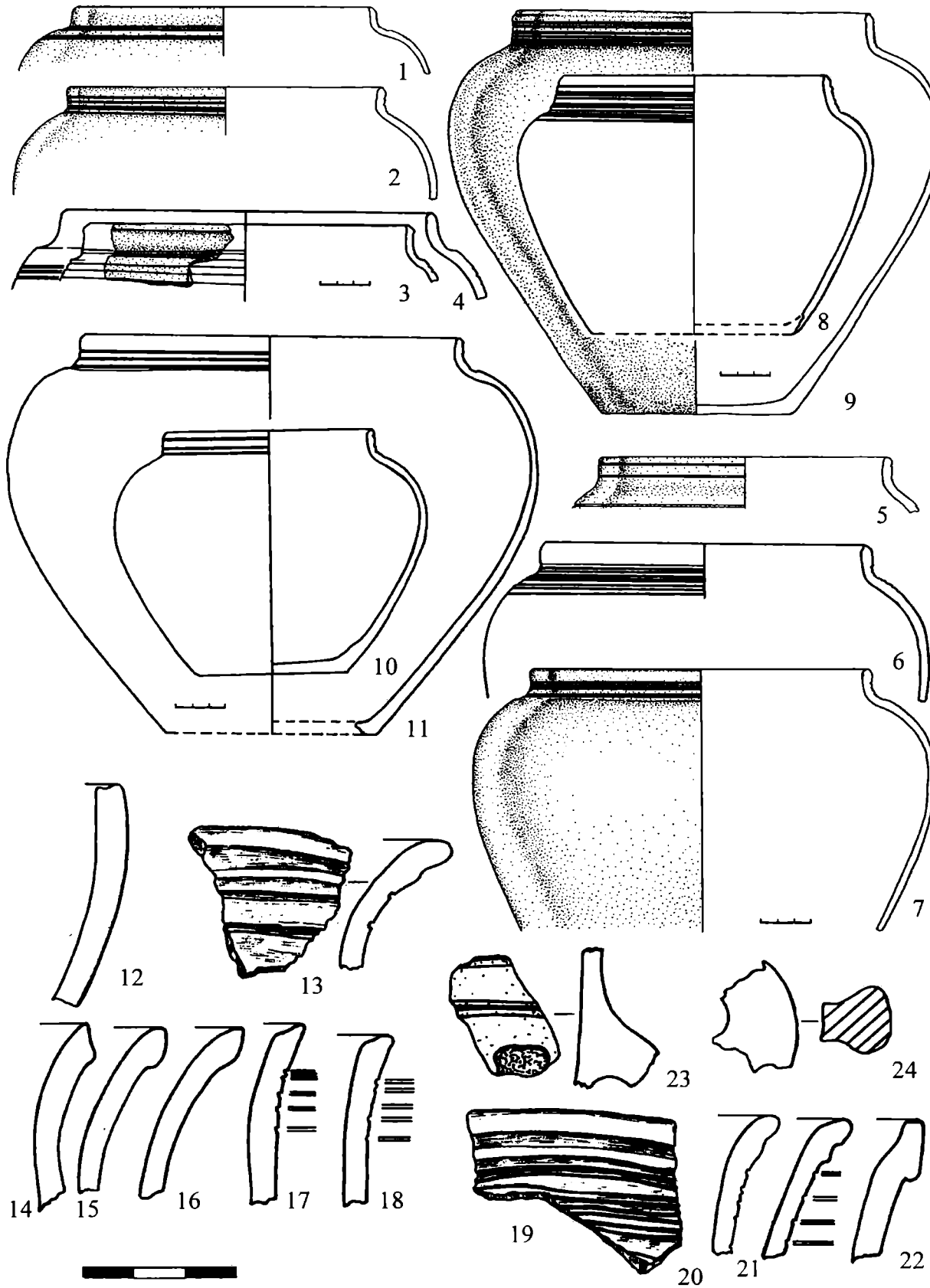


Рис. 1. Белоглиняная керамика коломенского типа из раскопок городища Городок

1–11 – горшки; 12 – фрагмент венчика миски; 13–22 – фрагменты венчиков кувшинов или крынок; 23, 24 – фрагменты налепных ручек от крынок

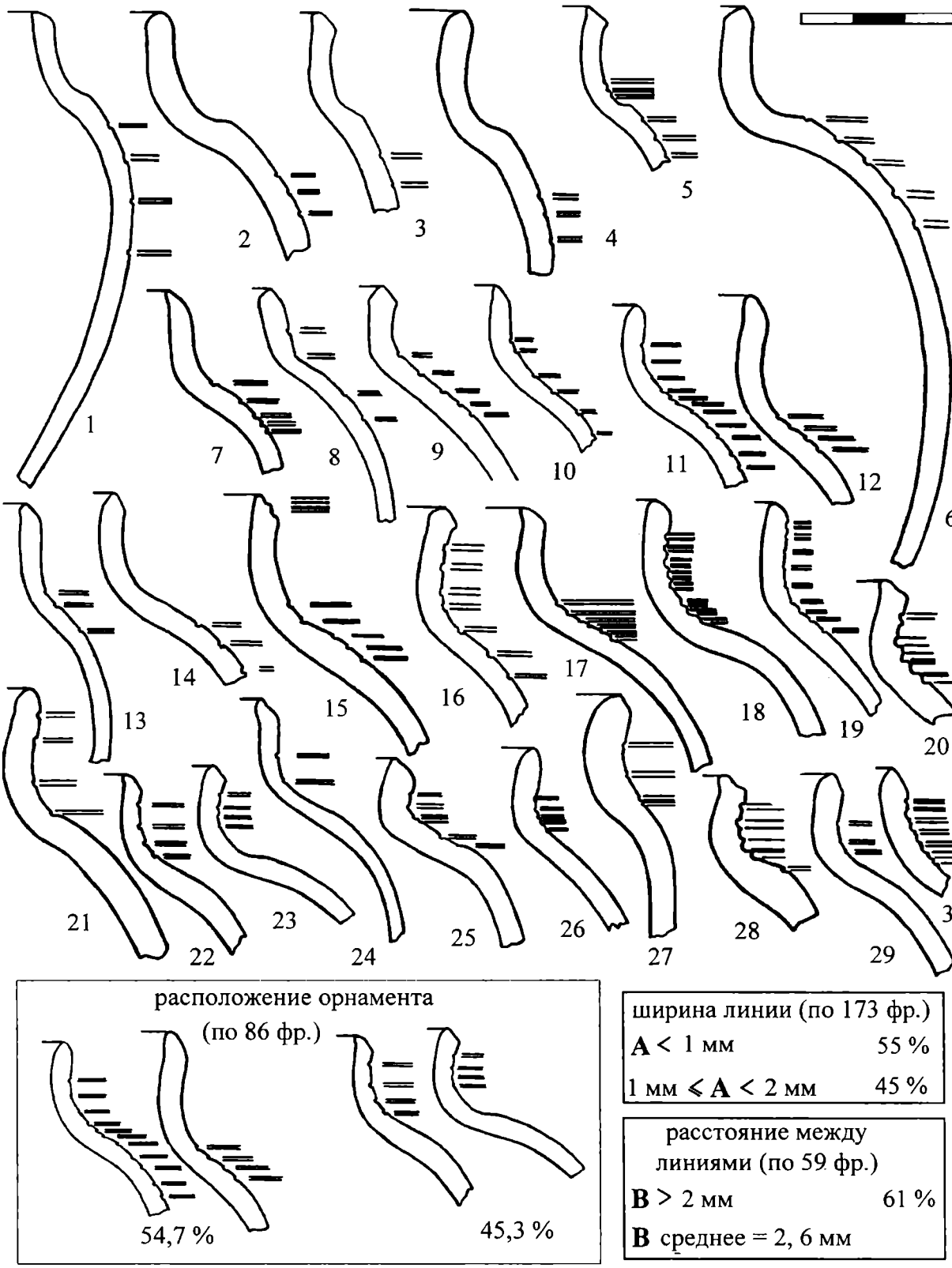
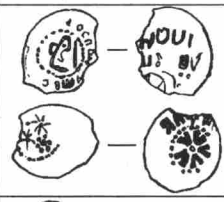
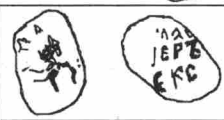
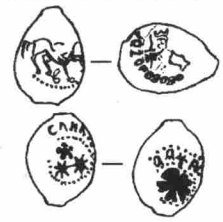
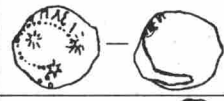
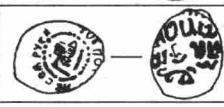
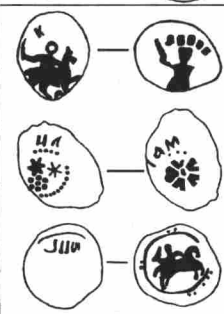
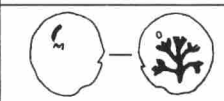


Рис. 2. Венчики белоглиняных горшков коломенского типа (1–30) из городища Городок и общие характеристики их орнаментации

Таблица 2. Содержание белоглиняной керамики коломенского типа (ККТ) в условно-закрытых комплексах с указанием монетных находок.

№ комплекса	№ ямы	Слои	Монеты (эмитенты, период чеканки, металл, номер по каталогу Орешникова А.В. (1996). Ор. №)		Всего керамики	Доля ККТ
1	1А/Р1	верхний	1. Борис Александрович Тверской, 1425-1461 гг., AR, Ор. № 234 2. Неопределимый, AR.		743 фр.	26%
2		нижний	1.Василий II, 1450-1462 гг. по Мец Н.Д., AR, Ор. № 545 2. Василий II или Иван III, около 1462 г. по Мец Н.Д., AR, Ор. № 671 или 672		1063 фр.	0,2%
3	1Б/Р1		1. Иван III, 1462-1505 гг., AR, Ор. № 668 («мастер александро»)		2897 фр.	20,8%
4	1В/Р1	верхний			710 фр.	14,2%
5		нижний	1. Василий II, 1446-1462 гг. по Мец Н.Д., AR, Ор. № 625		106 фр.	2%
6	2/Р1	верхний	1. Иван III, 1462-1505 гг., AR, Ор. № 679 («дозор») 2. Иван III, 1462-1505 гг., AR, Ор. № 679 («дозор») 3. Василий II или Иван III, около 1462 г. по Мец Н.Д., AR, Ор. № 671 или 672 4. Анэпиграный пул, Cu		643 фр.	19,4%
7		средний	1. Василий II или Иван III, около 1462 г. по Мец Н.Д., AR, Ор. №671 или 672		206 фр.	7,3%
8		нижний	1. Василий II, 1450-1462 гг. по Мец Н.Д., AR, Ор. № 545		1148 фр.	4,1%
9	1/Р2		1. Анэпиграфная четвертица, AR, неопубликована 2. Иван III, 1462-1505 гг., AR, Ор. № 679 («дозор») 3. Неопределимый пул, Cu 4. Неопределимый пул, Cu 5. Василий II, около 1462 гг. по Мец Н.Д., AR, Ор. № 672 6. Василий II, подделка, по типу 1425-1434 гг. по Мец Н.Д., (всадник с соколом)		1651 фр.	16,5%
10	2/Р2	верхний	1. Анэпиграный пул, Cu		885 фр.	12,8%
11		нижний	1. Василий II, 1446-1462 гг. по Мец Н.Д., AR, Ор. № 633		267 фр.	0,7%

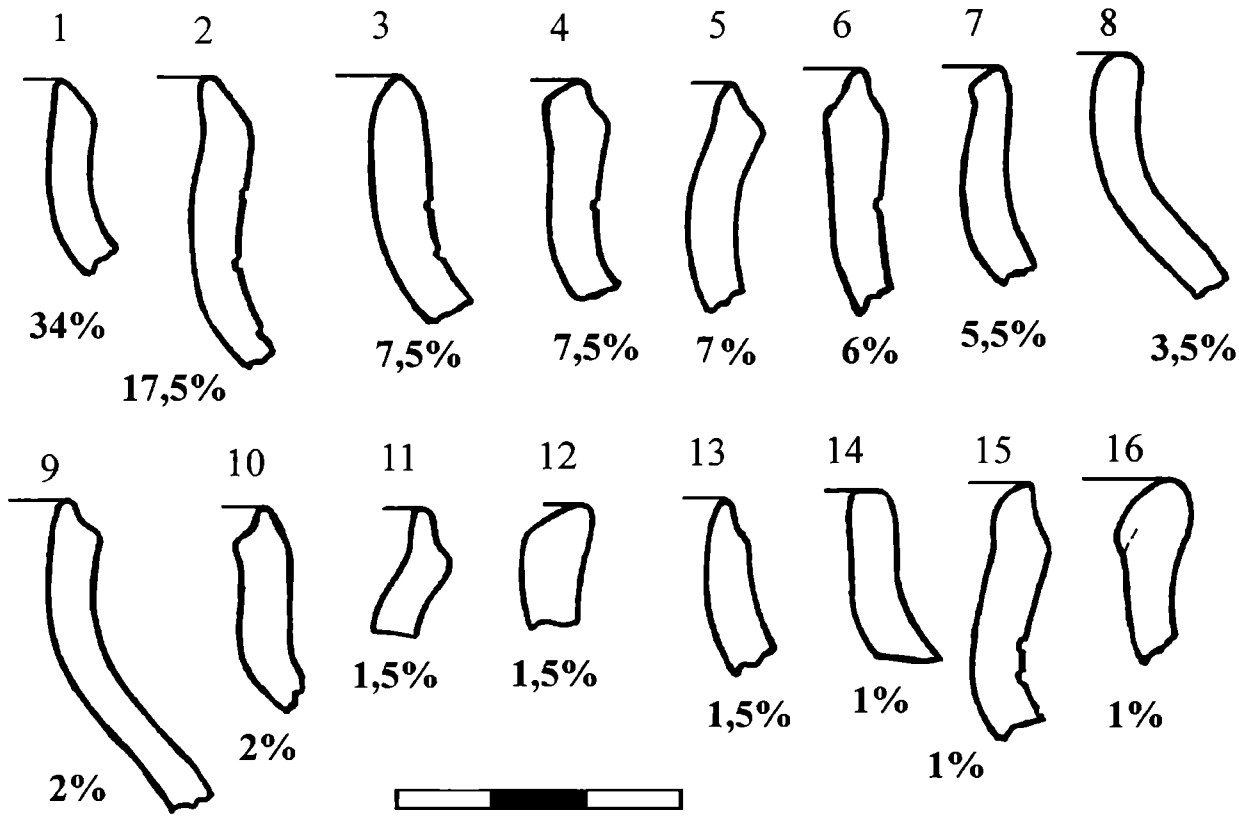


Рис. 3. Варианты краевых окончаний венчиков белоглиняных горшков коломенского типа (городище Городок) с указанием частоты встречаемости по выборке из 200 фрагментов от различных сосудов

ки (табл. 2). Для того чтобы сложилось представление о керамике, сопровождающей посуду интересующей группы, дадим характеристику одному из них.

Характеризуемый комплекс получен из нижнего горизонта заполнения ямы 1Б раскопа 1. Яма представляет собой в плане близкий к овалу котлован (1,7х2,6 м) глубиной 60–70 см (относительно уровня непотревоженного материка), с отвесными стенками и уплощенным, слегка вогнутым дном (рис. 4). Сверху яма когда-то была перекрыта деревянным настилом, чьи обуглероженные остатки в виде прослойки из мелкораспыленного древесного тлена и сажи были зафиксированы на бортах и дне. Нижняя часть объема ямы заполнена обожженным суглинком, цвет которого меняется от ярко-красного вблизи дна (в северо-западной половине конструкции) до ярко-желтого – при приближении к верхней границе. Слой включает в себя многочисленные остатки (фрагменты керамики, кости, печину, небольшие камни) с отчетливыми следами переобожжения (кости животных кальцинированы). Мощность обожженного суглинка – 20–30 см. Сверху на нем лежит пестрый серовато-коричневатый неоднородный грунт, насыщенный вкраплениями комков желтого обожженного суглинка, угольками, крошкой печины, сгустками мелкораспыленного древесного тлена, многочисленными фрагментами костей животных и керамики. Его мощность 16–30 см. Сверху заполнение ямы перекрыто нестратифицированным слоем огородной распашки. Пестрый суглинок образует верхний горизонт заполнения ямы, обожженный суглинок – нижний.

Планиграфически с ямой 1Б связаны еще два углубления, примыкающие к ее бортам с юго-запада и с северо-востока. Верхний горизонт заполнения всех трех ям идентичен. Вероятно, все они связаны с разными периодами функционирования одной и той же конструкции и представляют собой разновременные предпечные ямы.

Как условно-закрытый комплекс в заполнении ямы 1Б можно выделить совокупность материалов, происходящих из его нижнего горизонта (из слоя обожженного суглинка). Он включает в себя одну монетную находку (рис. 5, *41*). Это серебряная денга Ивана III, на лицевой стороне которой заметны плохо прочеканенное изображение всадника с саблей в правой руке и следы круговой надписи, на обратной – четырехстрочная надпись с именем денежника: «/мас/теръ[а]/[л]екс[ан]/[дро]/». По классификации А.В. Орешникова, она соответствует типу 668 (1996. С. 124. Табл. XI. Рис. 515), В.В. Зайцева – типу 10 (2006. С. 88). Среди других на-

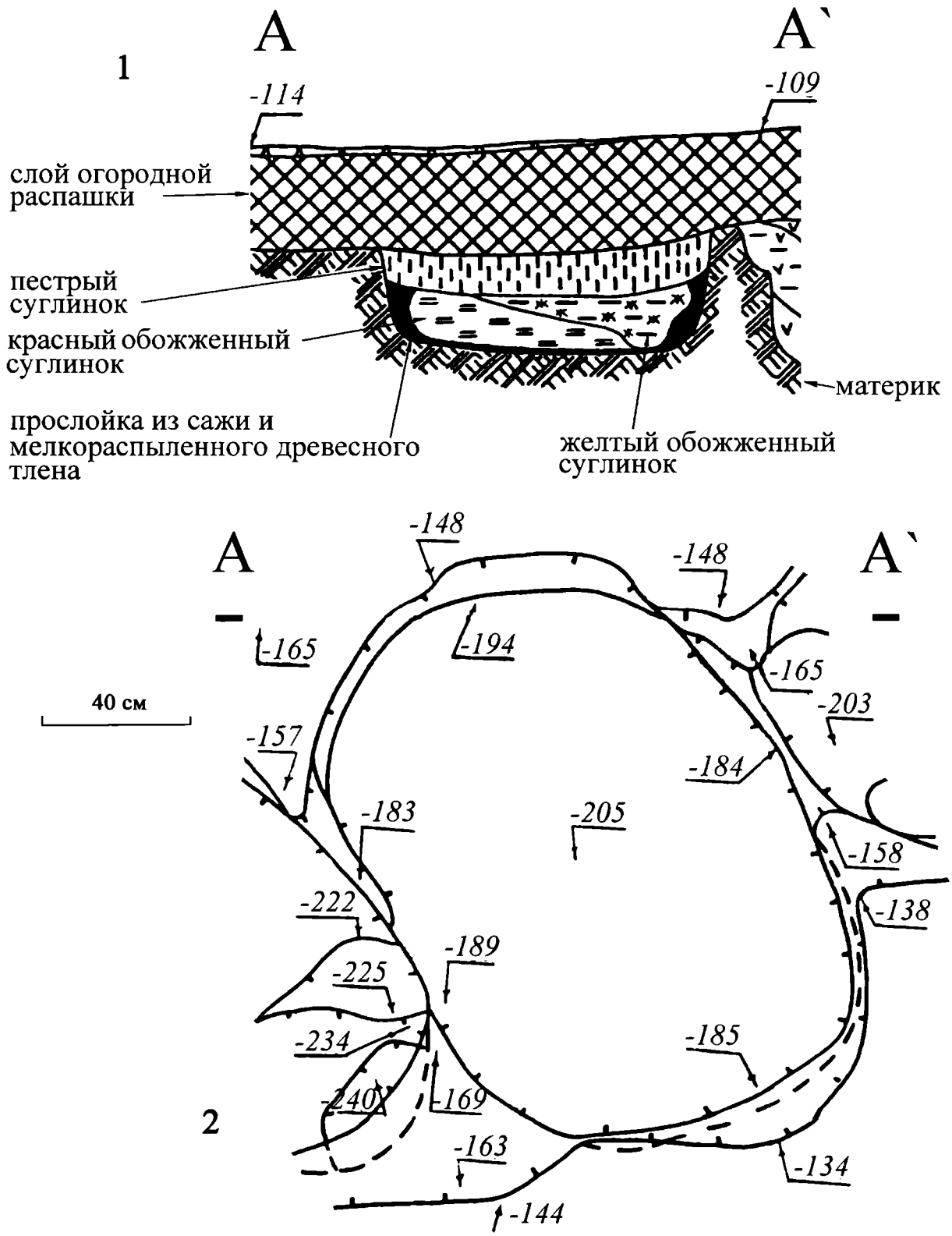


Рис. 4. Яма 1Б раскопа 1 городища Городок

1 – разрез заполнения; 2 – план по материку

ходок в комплексе присутствует посеребренный литой бронзовый перстень с овальным щитком, расчерченным короткими хаотично ориентированными насечками, и плосковыпуклой в сечении дужкой (рис. 5, *43*); два каменных дисковидных пряслица (одно целое, другое фрагментированное), вырезанные из местных осадочных пород (мергеля и аргиллита); каменное уплощенное дисковидное грузило (от крючной рыболовной снасти?) из белого мергеля; фрагмент керамического биконического с уплощенными противолежащими сторонами пряслица (рис. 5, *42*); четыре небольших фрагмента стенок парадных сосудов, покрытых прозрачной желто-зеленой поливой плохой сохранности (три изготовлены из красножгущейся глины, один – из белой, в качестве примеси выступает редкий песок с зерном до 1,5 мм); три фрагмента днищ керамических сосудов со следами клеймения (один от белоглиняного сосуда коломенского типа – рис. 5, *46*; два других – из красножгущегося сырья с примесью мелкозернистого песка в тесте – рис. 5, *44, 45*).

Состав керамических групп, представленных в комплексе, типичен для памятника в целом. Он включает в себя лепную мордовскую керамику с преобладающей примесью шамота (29 фр.) (рис. 5, *24–28*), гончарную нелощеную посуду из красножгущейся глины и примесью дресвы (69 фр.) или песка (преимущественно мелкозернистого – 1163 фр.) (рис. 5, *1–22*), гончарную краснолощеную керамику высокого горнового обжига с тонким хорошо отмученным тестом, изготовленную в традициях ремесленной неполивной керамики поволжских городов Золотой Орды (113 фр.) (рис. 5, *23*), гончарную красноглиняную ангобированную керамику (3 фр.). Среди белоглиняной посуды количественно превалирует керамика коломенского типа (440 фр.) (рис. 5, *29– 40*) с тонким тестом. Кроме того, керамика из беложгущегося теста представлена черепками сосудов с высокой концентрацией мелкозернистого песка (около 60 фр.) и несколькими фрагментами с примесью дресвы (9 фр.).

Среди встреченных форм гончарной нелощеной посуды, изготовленной из красножгущейся глины, бросаются в глаза крупные фрагменты двух горшков с конусообразной формой тулова и короткими вертикально поставленными венчиками, имеющими подтреугольные сечения краевых окончаний. Сосуды декорированы двумя-тремя собранными вместе линейками орнамента, нарезанными вблизи места довольно резкого перехода шейки в высокое плечико (рис. 5, *1–2*). Особенности профилировки, орнаментики, характерная примесь (в виде среднезернистого песка), хороший обжиг (цвет поверхности и излома черепков однородный светло-коричневый) позволяют причислить эти горшки к стандартным образцам московской красноглиняной гладкой керамики, которая достаточно широко бытовала в Москве и подмосковных селах с середины XV в. (*Бойцов*, 1991. С. 38). Еще один «узнаваемый» тип вероятно генетически связан с традициями новгородского гончарства. Он представлен крупными фрагментами двух сосудов (рис. 5, *5, 10*). Это небольшие неорнаментированные горшки с профилированными широким плавным рифлением плечиками и короткими венчиками, отогнутыми наружу. Сосуды имеют посредственный обжиг, в тесте среди мелкозернистого песка встречаются отдельные зерна дресвы. По своей морфологии они близки к горшкам VIII типа, которые появляются в Новгородской земле в начале XV в. (*Смирнова*, 1956. С. 244).

Окружение белоглиняной керамики коломенского типа в рассматриваемом комплексе хорошо отражает и коллекция полностью реконструированных форм. Она включает в себя реконструкции семи сосудов, фрагменты которых были собраны в слое обожженного суглинка. Среди них – два лепных мордовских сосуда – блюдце (рис. 6, *4*) и банка (рис. 6, *3*), красноглиняный несимметричный горшок (рис. 6, *7*) с примесью редкого шамота в тесте и со следами подправки на круге (также, вероятно, связанный с гончарством местной мордвы), один большой белоглиняной горшок коломенского типа стандартной формы с частыми полосками линейного орнамента по венчику (рис. 6, *1*), три гончарных сосуда из красножгущейся глины, вероятно, местного производства. Гончарные красноглиняные сосуды имеют посредственный обжиг (их поверхность бурого или темно-серого цвета, излом черепка – однородный темно-серый или трехслойный). Тесто одного из них – корчаги (рис. 6, *2*) – характеризуется значительной примесью дресвы. Искусственная примесь второго горшка низких пропорций (рис. 6, *6*) представляет собой смесь мелкозернистого песка и редкой крошки известняка. Третий сосуд (рис. 6, *5*) – высокий горшок с коротким слегка отогнутым наружу венчиком, переходящим в покатое плечо через характерный уступ, – изготовлен из теста без визуально фиксируемых примесей.

Особенностью как комплекса, связанного с заполнением ямы 1Б, так и всей керамической коллекции, собранной на памятнике, является почти полное отсутствие фрагментов мореной и чернолощеной посуды. Встреченные единичные фрагменты керамики преднамеренного восстановительного обжига составляют менее 0,1% от всей массы керамического материала.

Изучение нижегородской средневековой посу-

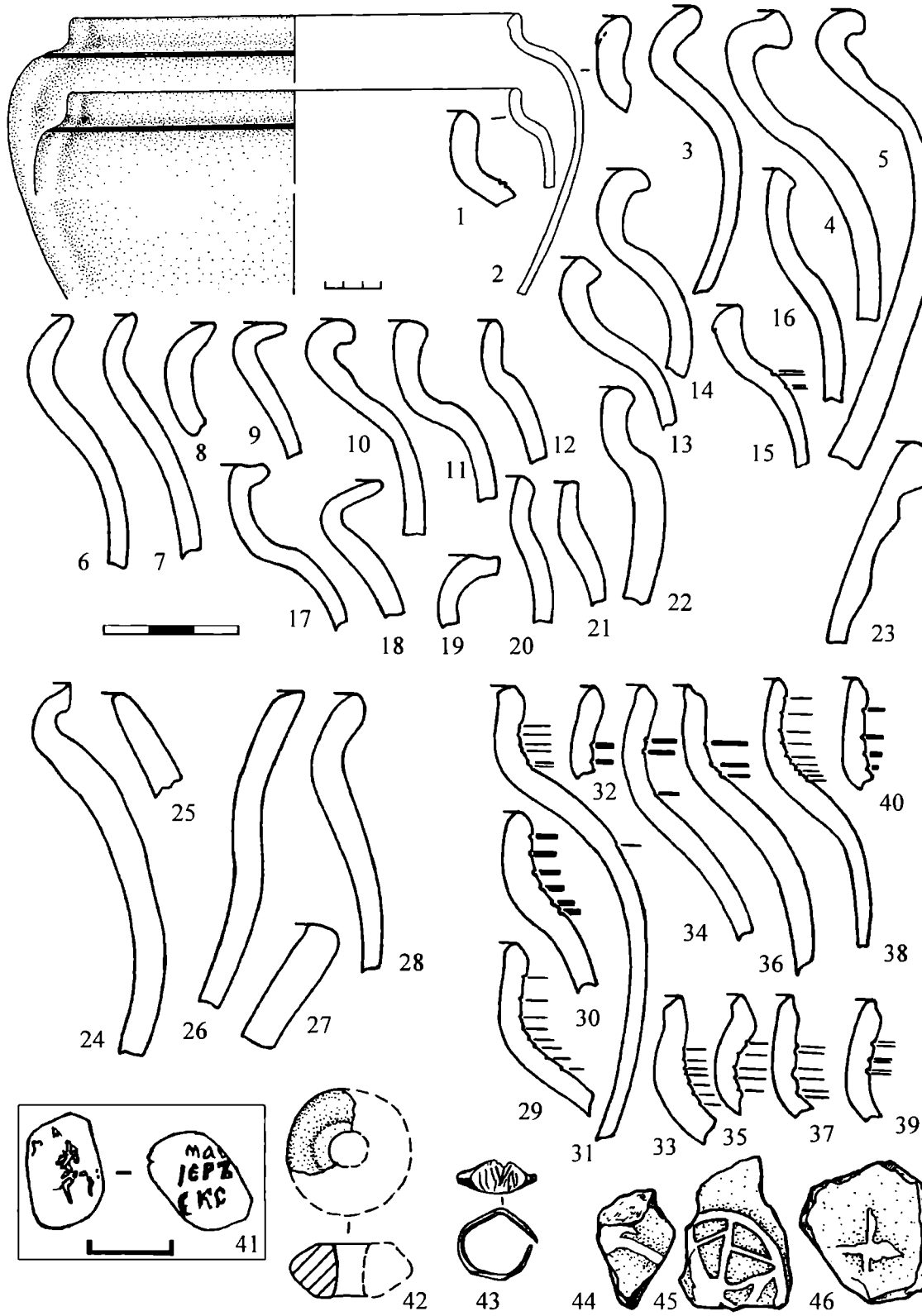


Рис. 5. Находки из слоя обожженного суглинка ямы 1Б раскопа 1. Фрагменты венчиков керамических сосудов (от всех выделенных по особенностям профилировки верхних частей) и индивидуальные находки

1–22 – красноглиняные с примесью мелкозернистого песка; 23 – краснолощеные с тонким тестом; 24–28 – лепные мордовские с примесью шамота; 29–39 – белоглиняные коломенского типа; 41 – серебряная монета Ивана III; 42 – фрагмент керамического пряслица; 43 – бронзовый перстень; фрагменты днищ белоглиняного (46) и красноглиняных (44, 45) сосудов с клеймами

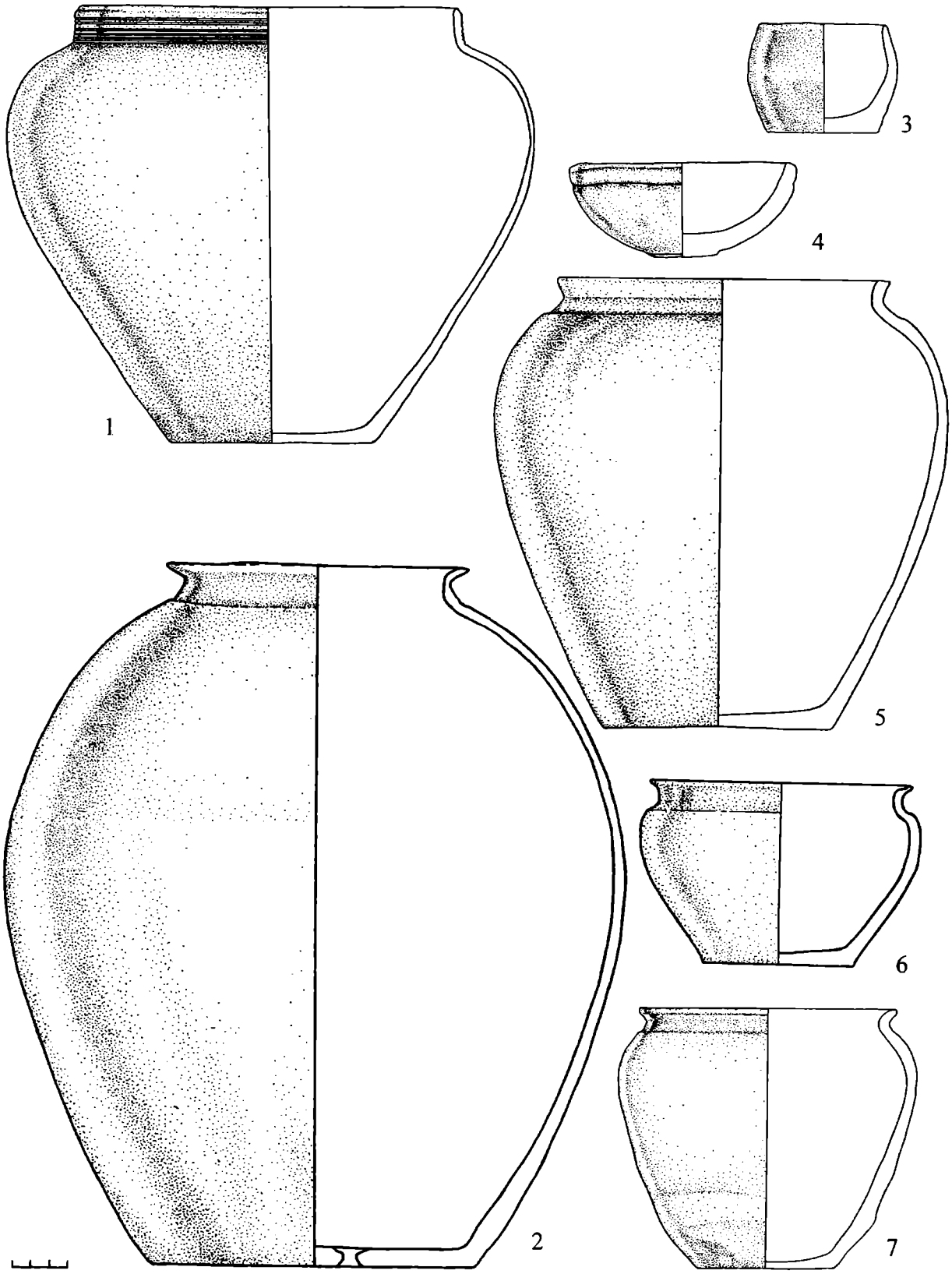


Рис. 6. Реконструированные керамические сосуды из слоя обожженного суглинка ямы 1Б раскопа 1

1 – белоглиняный горшок с тонким тестом; 2 – красноглиняная корчага, тесто с примесью дресвы; 3 – лепная банка с примесью шамота; 4 – лепное блюдце с примесью мелкозернистого песка; 5 – красноглиняный горшок с тонким тестом; 6 – красноглиняный горшок, тесто с примесью мелкозернистого песка и дробленого известняка; 7 – красноглиняный горшок изготовленный с подправкой на круге, примесь в тесте – шамот

ды свидетельствует о том, что белоглиняная керамика коломенского типа не имеет генетической основы в местных гончарных традициях. На нижегородской земле она появляется как уже типологически сложившаяся группа.

Комплексы, изученные на городище Городок, позволяют сделать некоторые заключения о времени проникновения описываемой керамики на Волгу. Анализируя распространение этой посуды в разных горизонтах заполнений материковых ям, можно заметить, что в нижних придонных слоях четырех ям белоглиняная керамика интересующего нас типа встречается очень редко (табл. 2). Характерной морфологической особенностью обнаруженных здесь фрагментов белоглиняных сосудов с тонким тестом является наличие у них отчетливого «карнизика» с уступом при переходе венчика в плечико и строго «плечевое» расположение орнамента (рис. 1, *3–4*). В трех из этих условно-закрытых комплексов присутствуют монеты только Василия Темного периода чеканки 1446–1462 гг. Большинство комплексов, содержащих заметный процент белоглиняной керамики (16–26%), как правило, сопровождаются находками монет Ивана III.

Можно предположить, что первое появление керамики коломенского типа в Нижнем Новгороде относится еще к середине XV в., а ее широкое распространение здесь (о чем свидетельствует процентное содержание данного вида посуды среди керамики других групп – около 20%) приходится на рубеж XV–XVI вв. Распространению этой посуды способствовало расположение Коломны и Нижнего Новгорода на одной речной торгово-транспортной магистрали (р. Ока).

Во второй половине XV столетия Нижний Новгород становится плацдармом для казанских походов. Периодически в нем останавливаются «заставы» великого князя, из различных земель сюда стягиваются войска. В 1569 г. в городе зимуют прорвавшиеся через казанскую засаду и получившие московский провиант устюжане. Изделия коломенских ремесленников, должно быть, восполняли дефицит местной гончарной продукции, обусловленной малонаселенностью района устья р. Оки на протяжении большей части XV столетия.

Начало широкого распространения белоглиняной керамики коломенского типа, очевидно, было обусловлено резким расширением рынка сбыта, на которое, большое, если не решающее, влияние опосредованно оказало расширение географии политического и культурного влияния Великого княжества Московского. Расширение ареала бытования этой посуды, скорее всего, косвенно, но достаточно надежно, маркирует векторы московского проникновения. В связи с этим появление белоглиняной керамики на нижегородской земле и окончательный переход Нижнего Новгорода под власть представителей Московского княжеского дома, зафиксированного в духовной Василия Темного 1461–1462 гг., происшедшие синхронно, не кажется случайным (ДДГ, 1950. С. 197. № 16).

Литература

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.

Буров В.А., 2003. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.

Грибов Н.Н., 2005. Русское городище второй половины XV в. из Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.

Грибов Н.Н., 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.

Грибов Н.Н., 2007. Нижегородская округа: итоги и перспективы изучения // КСИА. Вып. 221. М.

Грибов Н.Н., Лапшин В.А., 2008. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. № 15. М.

Гусева Т.В., 1996. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Зайцев В.В., 2006. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев.

Коваль В.Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.

Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.

Коваль В.Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула.

Кучкин В.А., 1976. О Нижних Новгородах – «старом» и «меньшом» // История СССР. № 5.

Орешников А.В., 1996. Русские монеты до 1547 года. Репринтное воспроизведение издания 1896 г. М.

ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000а.

ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000б.

ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве. М., 2000в.

Рабинович М.Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12. М.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. // САИ. Вып. Е1-39. М.

Салангин Д.А., 2002. Об одной из этнокультурных групп керамики Вятского края // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск.

Смирнова Г.П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // МИА. № 55. М.

Стрикалов И.Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII века Старой Рязани и ее округи // Русь в XIII веке: древности темного времени. М.

Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.

Чернов С.З., 1992. Новые материалы по хронологии московской керамики второй половины XIII–XV в. из раскопок в районе древнего Радонежа // Древнерусская керамика. М.

N.N. Gribov

Late medieval white-clay pottery from Nijniy Novgorod

Summary

The article is devoted to the description of the white-clay ceramics assemblage from the digs in the suburbs of Nijniy Novgorod (Gorodok hillfort). On the basis of coins of Vasiliy II and Ivan III found in the course of excavations the assemblage are dated by the middle of the 15th – the beginning of the 16th c. In the article the morphological and decorative peculiarities of the white-clay pottery are also described. Finally, the conclusion about its imported nature is made.

А.Н. Смирнов

Дворцовый комплекс Б.Ф. Годунова в селе Вяземы

Задача сохранения и систематического исследования памятников архитектуры не может надлежащим образом решаться без пристального внимания к археологическому наследию того места, где они находятся. В ряде случаев только археология способна дать ответы на вопросы, интересующие архитекторов и реставраторов, особенно когда дело касается частично или полностью разрушенных сооружений, становящихся органической частью археологического памятника и вновь открываемых, иногда спустя многие столетия. Особую роль в решении поставленной задачи решает усадебная археология, поскольку предметом ее внимания является специфическая категория памятников, наиболее органично соединяющих архитектурную, археологическую и ландшафтную проблематику. Как представляется, усадебные комплексы в археологическом отношении – это особая и еще мало познанная реальность. В частности их можно считать одним из естественных мостов между средневековой археологией и археологией Нового времени.

Ярким примером именно такого сложного синтеза архитектуры и археологии является подмосковная усадьба Вяземы, находящаяся на территории Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина. Этот памятник за столетия своей насыщенной истории прошел несколько этапов развития: село, загородная боярская, а затем царская резиденция, классическая дворянская усадьба. При этом на характер усадебного комплекса влияло его местоположение: благодаря Можайской дороге Вяземы с самого момента возникновения включаются в структуру междугородних и межгосударственных связей. Неслучайно наиболее ранние сведения об усадьбе мы черпаем из записок иностранцев.

Усадьба Вяземы представляет несомненную историко-культурную ценность прежде всего как архитектурный ансамбль, включающий памятники различных периодов. Но в настоящий момент все более уместным становится вопрос об охране усадьбы как памятника археологического наследия (селище Большие Вяземы 1). Исследования последних лет со всей очевидностью показали, что мы имеем дело с весьма насыщенным археологическим контекстом, без учета которого невозможно адекватно судить об истории данного места. В первую очередь, это касается годуновского периода, когда было положено начало усадебной планировке, отчасти сохраняющейся до настоящего времени. Ее ключевыми элементами стали пруд с плотиной, проходящая через плотину Можайская дорога, Троицкая церковь со звонницей, принявшая на себя функцию главной архитектурной доминанты усадьбы, а также, возможно, внешняя ограда дворцового комплекса, которая до начала XX в. фиксировалась в виде вала. Однако по понятным причинам до нас не дошли деревянные строения, составлявшие функциональную основу дворцового комплекса и, прежде всего, самого дворца. Исследовать эти недостающие, но во многом определяющие детали усадебной застройки необходимо, поскольку без них невозможно представить резиденцию Годунова.

В нашем распоряжении имеются довольно многочисленные и разнообразные источники, сообщающие о годуновских Вяземах. Некоторые из них позволяют составить представление о пространственно-планировочной структуре и облике усадьбы в этот наиболее ранний период ее существования.

Весь комплекс письменных источников можно разделить на четыре основные группы. К первой относятся упоминания о Вяземах, содержащиеся в записках иностранцев начала XVII в. Авторы записок лично бывали в Вяземах и видели вяземский дворец либо являлись очевидцами событий, связанных с этим местом. Сообщаемые ими сведения отрывочны и зачастую субъективны, но содержат бесценную информацию о внешнем облике усадьбы, как правило, отсутствующую в отечественных источниках. Сюда же можно отнести более поздние свидетельства иностранных путешественников XVII в., десятилетия спустя проезжавших по Можайской дороге мимо бывшей цар-

ской усадьбы. Вторая группа наиболее информативна и позволяет судить о структуре дворцового комплекса на основе ретроспективных данных. Ее составляют материалы писцовых и приправочных книг XVII в., а также «протоколы» досмотра церковной земли и материалы отказных книг приказа Большого дворца, датируемые концом того же века. В третью группу уместно объединить довольно разнородные по своему происхождению источники, в том числе служебную документацию, относящуюся к деятельности московского правительства и содержащую упоминания о Вяземах в период Смуты, а также непосредственно после нее. В числе интересующих нас документов следует отметить сообщения Посольских книг, материалы допросов приближенных Лжедмитрия I, ведшихся в разрядном приказе после смерти Самозванца, отчеты московских «подъезчиков», производивших разведку на Можайской дороге во время «королевичева прихода» в 1618 г., и собранные ими «расспросные речи» местных жителей. Входящие в группу источники не слишком информативны, однако ценны своей конкретностью и вниманием к деталям. Наконец, последняя, четвертая группа объемлет крайне скудные летописные данные. Вяземы лишь дважды фигурируют на страницах общерусских летописей – в Пискаревском и Новом летописцах.

Особняком стоит самое первое упоминание годуновской резиденции, которое хотя и относится к сфере дипломатических сношений, но представляет собой устное распоряжение, записанное спустя некоторое время. В передаче С.М. Соловьева оно звучит следующим образом. Когда осенью 1590 г. послы короля Сигизмунда Станислав Радоминский и Гаврила Война шли в Москву, Годунов послал им навстречу пристава, который должен был сказать от имени царя: «Надобно было вам стоять на Вяземе, а тут деревни в стороне от дороги и дворцы худы, по боярским селам у великих людей не ставятся: но вот ко мне указ пришел от конюшего боярина, велит нам с вами стоять в своем селе на Вяземе; делает он это желая между великими государями любовь братскую видеть, а вам, великим послам, почет оказывая» (*Соловьев*, 1960. С. 234–235).

Как видно из процитированного высказывания, под общим наименованием «Вязема» одновременно фигурируют два разных населенных пункта. Один из них, судя по всему, известный Вяземский ям, переставший использоваться для остановок послов. Другой – дворцовое село на р. Вяземе, достаточно благоустроенное для достойного приема высоких гостей. По-видимому, мы имеем дело с тем редким случаем, когда письменно зафиксирован сам момент перемещения топонима. Оба пункта пока еще сосуществуют, но первый вскоре станет безымянным и наименование «Вязема» окончательно перейдет ко второму, известному поныне как село Большие Вяземы.

Уже первое из дошедших до нас упоминаний годуновских Вязем теснейшим образом связывает этот населенный пункт с Можайской дорогой. Точнее было бы говорить о перемещении ее основной трассы «под стены» резиденции московского правителя, а впоследствии – нового российского государя. Действительно, именно в этот период, т. е. в последнее десятилетие XVI в., меняются маршруты следующих в Москву посольств. На это недвусмысленно указывают записки иностранцев, в которых упоминается ряд пунктов, не известных по более ранним источникам того же рода.

В 1593 г. Москву посетил посол Римского императора Николай Варкоч. Сопровождавший его Стефан Гейтс оставил записки, где кратко описал дорогу до Москвы. Среди названных Гейтсом мест остановок нет Вяземы, возможно, потому, что посольство проследовало ее днем, но зато есть два новых пункта – Кубинское и Мамоново. По заведенной ранее традиции посольство двинулось с последнего места ночевки в Мамоново (где провело и весь предыдущий день) лишь после уведомления о своем прибытии и назначения встречи (*Гейтс*, 1875. С. 15).

С появлением новых остановочных пунктов традиционные места ночлега и смены лошадей утрачивают былое значение. Помимо Вяземского яма это относится к Польге – соседнему старинному яму, расположенному ближе к Можайску, в окрестностях Полецкого озера. С определенного момента его место занимает Кубинское, лежащее по трассе современной Можайской дороги существенно ближе к Москве. Но, в отличие от Вяземы, «останошного», т. е. последнего перед Москвой яма, Польга продолжает эпизодически использоваться. Этот ямской стан, фигурировавший в дневнике польского посольства 1556 г. как Волга, вновь упоминается иностранцами спустя полстолетия (*Шереметев*, 1916. С. 3). В дневниковых записках послов Николая Олесницкого и Александра Корвина Гонсевского, датируемых 1606 г., Польга именуется Великой Волгой. Данное сообщение любопытно само по себе, поскольку отражает взгляд иностранцев на старые и новые остановочные пункты. По словам послов, они намеревались ночевать в Кубинске «в 8 милях от Можайска», но вынуждены были остановиться в Польге, куда прибыли из Можайска еще до полудня, проделав путь в 4 мили. Как гласит запись, послы «не хотели иметь ночлега в этом месте, где было несколько изб, но при-

ставы объявили, что на это есть царское повеление». Дальнейший порядок следования посольства был стандартным – через Вяземы и Мамоново («Сказания...», 1859. С. 206).

Еще одно упоминание о Польге датируется 1607 г., когда в Москву следовали польские посланники Станислав Витовский и Ян Соколинский. Чтобы оттянуть прибытие дипломатов, приставы вели их с частыми и длительными остановками. Ради такой «мешкотной» езды задействовали старый ям. Посольским приказом был утвержден следующий распорядок движения: «А станов велели есми от Можайска до Москвы прибавити: первой стан от Можайска в деревне Дровачеве Сторожевского монастыря, другой стан на Польге, третий стан в Кубенском, четвертый стан на Вяземе, пятой стан в Мамонове. И вы б с посланники ставилися по тем станом, а в Кубенском и на Вяземе тут бы есте дневали (т. е. проводили две ночи и полный день. – *А.С.*) («Памятники...», 1912. С. 406)».

Итак, с конца XVI в. Вяземы служат местом регулярных остановок посольств, наследуя в этом качестве одноименному яму. Но в 1603 г. в отчете ганзейского посольства о поездке к царю Борису Годунову появляется загадочная запись: «23-го [марта] продолжали путь (от Кубинского. – *А.С.*) до Исаева (Izabia) 5 миль и там переночевали. 24-го (марта) достигнув Мамонова, 4 мили, также имели ночлег» («Сборник материалов...», 1896. С. 24). Судя по удаленности от Кубинского и Мамонова, упомянутое Исаево должно было находиться примерно там же, где и Вяземы.

Почему же место привычных Вязем вдруг занимает совершенно новый топоним? Возможны три варианта ответа: либо под грубо искаженным названием подразумевается все же Вязема, либо в приведенном отрывке зафиксировано «реликтовое» название населенного пункта, предшествовавшего годуновскому владению, либо посольство, действительно, остановилось в непосредственной близости от Вязем, но не в самом селе, а в какой-то близлежащей деревне. Наиболее правдоподобным представляется третий вариант, в пользу него говорят и некоторые данные исторической топонимики. За столетие до ганзейского посольства Разъезжая грамота 1504 г., маркировавшая границу между Московским и Звенигородским уездами, упоминает на московской стороне землю «Тимофееву Челюсткину, Исаевские деревни» (ДДГ. 1950, С.380). Соответствующая запись относится к месту пересечения рубежа с трассой будущей Можайской дороги, на тот момент уже обозначенной неким «путиком» (ДДГ, 1950, С. 380). Расстояние от этой точки до годуновских Вязем составляет не более 4 км, соответственно, пресловутое Исаево должно было находиться где-то в пределах данного отрезка. Приправочные книги 1621–1623 гг. и писцовые книги 1631–1633 гг. упоминают пустошь «Исачково Усачево тож у Раменского пруда», которая имеет подходящее местоположение. Она была «припущена в пашню» к сельцу Раменью при царе Борисе, когда и само это сельцо по купле Годунова оказалось приписанным к селу Вяземе (*Шереметев*, 1916. С. 9, 199). Раменье находилось у Можайской дороги на границе уезда, т. е. в местах, описанных Разъезжей грамотой 1504 г., что дает более или менее надежную топографическую привязку искомого пункта.

Если подобная привязка соответствует действительности, посольство могло остановиться на ночлег, не доезжая Вязем. Остается неясным, почему ганзейцы не были допущены в государево село. Возможно, свою роль сыграли представления о невысоком статусе дипломатической миссии.

Как бы то ни было, на рубеже XVI и XVII столетий Вяземы выступают не столько транзитным пунктом, сколько «центром притяжения», определенным образом организующим окружающую местность, влияющим на складывание поселенческой и дорожной структуры. Одним из факторов такого влияния стало каменное строительство, предпринятое здесь Годуновым. В Пискаревском летописце об этом говорится: «Да при царе же Феодоре Ивановиче всея Руси, а по челобитью боярина Бориса Федоровича Годунова в селе его на Вяземе зделан храм камен о пяти верхах и плотина камена у пруда» (ПСРЛ, 1978. С. 200). Обустраивая свою загородную резиденцию, Борис Федорович, видимо, вполне целенаправленно связал ее с основной западной коммуникацией Московского царства. С тех пор проходящая по плотине Можайская дорога является своеобразной «хордой», задающей пространственные контуры развития поселения.

В летописце не упоминается третье каменное сооружение – двухъярусная трехпролетная звонница на сводчатом основании (правда, построенная из кирпича). Звонница того же типа была возведена в Борисовом Городке под Можайском – другом годуновском имении, где наиболее полно реализовалась идея дворца-крепости (*Алексеев*, 2008. С. 124).

Впрочем, вопрос о каменных постройках имеет свои «подводные камни». Весьма любопытное сообщение иностранных дипломатов, которое, казалось бы, напрямую касается годуновских Вязем, датируется 1602 г. В отчете секретаря австрийского посольства Георга Тектандера о путешествии в Персию говорится: «Мы тронулись в путь 6-го сего

месяца (ноября) по направлению к Москве, отстоящей в 17 милях от вышеназванного места (т. е. Можайска. – *А.С.*), и в тот же день прибыли к городку по имени Вяземы (Visova), где выстроен прекрасный каменный замок и местоположение коего особенно красиво и приятно. До вступления на престол теперешнего великого князя Бориса Федоровича этот город, принадлежавший ему, был местом его постоянного жительства» (*Какаш* и *Тектандер*, 1896. С. 15).

Есть ряд обстоятельств, заставляющих воспринять это сообщение критически. Прежде всего, оно противоречит запискам других путешественников, не подтверждающим факт существования в Вяземах каменного замка. Необычной представляется и скорость движения посольства, преодолевшего путь от Можайска до Вязем за один день без традиционной остановки в Кубинском. А ведь о времени прибытия в Вяземы или о ночлеге здесь также ничего не говорится. Все это наводит на мысль об ошибке, допущенной автором отчета. По-видимому, не имея ясного представления о дороге, Тектандер просто принял за Вязему (очевидно, известную ему понаслышке) находящийся в окрестностях Можайска Борисов Городок. Общая картина путаницы дополняется еще и тем, что автор называет Борисовым (Borissowa) некий деревянный городок, где посольство останавливалось для ночлега за два дня до приезда в Можайск (*Какаш* и *Тектандер,* 1896. С. 15).

Если наше предположение верно, маршрут движения посольства к Москве кардинально меняется. Возможно, на завершающем этапе использовалась не Можайская, а Медынская дорога, пролегающая южнее Можайска. Переезжая на нее, посольство и приблизилось к стенам годуновского «замка». Автор отчета, к сожалению, ограничивается упоминанием Вязем, оставляя нас в неведении о последних днях путешествия до самого въезда в Москву. Мы также можем лишь гадать, относились ли слова о «постоянном месте жительства» Годунова к Борисову Городку или все же к Вяземам. Судя по характеру информированности Тектандера, именно эти сведения, почерпнутые от более знающих людей, могли послужить причиной его ошибки. Следует учесть и обстоятельства написания отчета, составленного на основе дневниковых записок после почти двухлетнего трудного и опасного путешествия.

Примеры смешивания разных царских резиденций встречаются и в русских источниках. Так, Новый летописец под 1601 г. сообщает, что после отъезда посольства в Литву царь Борис «сам пойде молитися в Можаеск и в Боровск и был в своем селе в Борисове на Вяземе и туто пировал многие дны» (ПСРЛ, 1965. С. 55).

Теперь обратимся к более достоверным источникам, содержащим описание годуновского дворца.

Секретарь посольства гетмана Льва Сапеги, следовавшего в Москву осенью 1600 г., записал следующее: «За 4 мили перед Мамоновым послы рассматривали прекрасный собственный государя Московского дворец, построенный наподобие замка, с острогом и бастионами кругом во вкусе московском: дворец этот также построен государем в то время, когда он был только правителем (ранее упоминается виденный послами «дворец чудной работы» «Бароново городище», т. е. Борисов Городок. – *А.С.*), называется он Вязема. В виду самого дворца построена каменная церковь замечательного размера, с несколькими куполами, крытыми жестью, с позолоченными крестами. С позволения приставов великий канцлер с некоторыми другими спутниками вошел в церковь и слушал обедню; внутри церкви отделано чудно и необыкновенно богато» («Журнал министерства...», 1850. С. 98).

Последующие сообщения относятся уже к 1606 г., они связаны с резко возросшей интенсивностью русско-польских контактов, развивавшихся вокруг приезда в Москву супруги Лжедмитрия Марины Мнишек. В начале мая через Вяземы проехал отец Марины Юрий Мнишек. В дневнике, ведшемся кем-то из его свиты, (так называемом «Дневнике Марины Мнишек») говорится: «2 мая царица имела свой ночлег в Можайске. А пан воевода (т.е. Юрий Мнишек. – *А.С.*) в селении Вязома в 6 милях от Москвы. Это селение принадлежало умершему царю Борису. В нем есть дворец, довольно обширный, обнесенный палисадником и окопанный рвом с рогатками (в другой редакции «Дневника»: «ров обложенный камнем». – *А.С.*). Подле дворца каменная церковь, очень изрядная; иконы и подсвечники в ней богаты и прекрасной работы». Далее автор в течение четырех дней упоминает о ночлеге Марины в Вяземах и, между прочим говорит, что туда посылались табуны коней для «поезда» царицы (Дневник Марины Мнишек, 1995. С. 39–44.).

Также находившийся в свите Юрия Мартын Стадницкий ограничивается скупым упоминанием: «2 мая 1606 года третий ночлег царицы в Можайске, а воеводы Георгия Мнишека в селе Вяземах, уже точно в 6 милях от столицы. Это было владение покойного Бориса. Там большой двор... Пока мы были в Вяземе, я тоже пошел в церковь и попал на проповедь, в которой поп прославлял святого Николая» («Иностранцы...», 1991. С. 233).

Ехавший вместе со свитой Марины Станислав Немоевский записал о Вяземах: «Это местеч-

ко, где государи проводят лучшие часы своего отдыха. Дом, по-московски, из нетесаного дерева, довольно вместительный, построен при Борисе Годунове, окружен острогом. Пред ним каменная церковь, недурная. При ней колокол, весь вызолоченный, немалый, а другой наполовину [меньше] ... В этом увеселительном месте государыня задержалась на четыре дня» («Иностранцы...», 1991. С. 201).

Схожая информация содержится в записках Яна Велевицкого, использовавшего дневник духовника Марины: «Оставив Можайск 4 мая, мы прибыли в Кубинск, а потом 5 мая в Вязему. Там кроме великолепного дворца находился еще замечательный храм, окруженный многими башнями, а внутри украшенный прекрасными картинами». Далее, повествуя о выезде Марины к Москве, Велевицкий называет Вяземы городом («Иностранцы...», 1991. С. 219).

Вслед за Мариной Мнишек через Вяземы проезжало уже упомянутое посольство Николая Олесницкого и Александра Корвина Гонсевского. В дневнике посольства сделана следующая запись: «Накануне нашего приезда царица Московская выехала из Вязьмы. Не загашенный по отъезде ее огонь, как сказывали нам русские, был причиной пожара, который обратил в пепел тридцать дворов. В Вяземе есть каменная церковь; ограда ее с шестью остроконечными деревянными башнями похожа на крепость. Послы хотели войти в монастырь, но их не впустили» («Сказания современников...», 1859. С. 206). О пожаре крестьянских изб есть упоминание в уже цитированном «Дневнике Марины Мнишек»: «Сгорело несколько халуп, сама же «москва» запалила» (Дневник Марины Мнишек, 1995. С. 39–44).

Сообщение Олесницкого и Гонсевского вызывает особый интерес. Дело в том, что целый ряд иностранцев по неизвестной нам причине и независимо друг от друга именуют Вяземы монастырем. Рядом с царским дворцом, действительно, находился монастырь Иоанна Богослова, о котором имеются самые скудные сведения. Однако в упомянутом случае речь, очевидно, идет именно о царском дворе, куда не впустили послов. Про дворец, окруженный острогом с «бастионами» наподобие замка, мы знаем из записок других путешественников. Нет сомнений, что он объединялся с дворцовой церковью единой системой фортификации.

Конечно, деревянную крепостицу с выделяющимся в ней белокаменным храмом послы могли принять за монастырь. Но в известном рассказе о масленичных потехах Лжедмитрия Вяземы вновь называются монастырем, причем, на этот раз явно не вследствие визуальной ошибки. Есть три произведения, текстуально почти совпадающих в описании этого эпизода. Первые два принадлежат Конраду Буссову и Мартину Беру, работавшим в соавторстве, а третье написано Петреем де Ерлезунда на основе произведения вышеупомянутых авторов.

Мартин Бер следующим образом повествует о событиях, имевших место в марте 1606 г.: «В 30 верстах от Москвы, есть обитель Вяземская: царь велел обвести ее ледяною крепостью и прибыл туда с Немецкою гвардиею, двумя отрядами Польской конницы, также со всеми боярами, в намерении показать им искусство осаждать крепости. Конницу расположил в недальнем расстоянии от монастыря; князьям и боярам поручил защищать крепость, назначив одного из них воеводою» («Сказания современников...», 1859. С. 54). В изложении Буссова этот эпизод звучит так: «В шести милях от Москвы расположен большой монастырь, называемый Вязёма. Там Димитрий велел на масленицу сделать снежный вал, чтобы учить своих князей и бояр, как они должны оборонять, осаждать, штурмовать и брать крепости. Он взял с собой свою немецкую стражу, два отряда польских конников и всех бывших при дворе князей и бояр. Конников он поставил в поле, неподалеку от монастыря. Князей и бояр он поставил в снежную крепость, назначив одного из них начальником и воеводой» (*Буссов*, 1961. С. 144). Наконец, Петрей практически повторяет вышесказанное: «Он (Лжедмитрий. – *А.С.*) однажды уехал даже за шесть миль от Москвы, в монастырь Вязому, со своими думными боярами и всею придворною челядью: с ним было 300 телохранителей и три роты польских всадников; он хотел там учить и упражнять своих москвитян и посмотреть, на что они годны; велел на одном месте сделать укрепление из снега, в котором, для обороны его, посадил москвитян» (*Петрей*, 1997. С. 303). О посещении Лжедмитрием Вязем и якобы созревшем там плане истребления русских бояр упоминается и в материалах допросов приближенных Самозванца («Памятники...», 1912. С. 236).

Мы привели все три отрывка, чтобы составить общее представление о месте, где был построен снежный городок. По-видимому, наиболее близкий к источнику информации Мартин Бер дает и самое точное описание. Из него видно, что основу обороны составил именно «монастырь», превращенный в снежную крепость. Косвенно на это указывают и конники, расположенные неподалеку от «монастыря» (о чем упоминает также Буссов). Надо полагать, под пресловутой «обителью» опять же скрывается не монастырь Иоанна Богослова, а годуновский дворец. Только он со своими укрепле-

ниями и окружающими службами соответствовал эпитету «большой».

Вновь Вяземы называются монастырем в дневнике Самуила Маскевича. Среди записей за 1611 г. есть упоминание о переговорах бояр с Петром Сапегою, ведшихся «в 6 милях от Москвы в монастыре Вязоме» («Сказания современников...», 1859. С. 71).

Последний, гораздо более поздний источник, указывающий на монастырскую «сущность» Вязем датируется 1678 г. Тогда вместе с польским посольством в Москву ехал чешский путешественник Бернгард Таннер. В своем дневнике он записал: «В полумиле отсюда (от места дневной остановки. – *А.С.*) проехали старинный монастырь Вяземы, обнесенный каменною стеною, окруженный большим прудом, украшенный, кроме того, мостом, тоже каменным» (*Таннер,* 1891. С. 41). На обратном пути Таннер вновь упоминает «схизматический монастырь Вяземы» Как видим, помимо пруда и каменной плотины («моста») здесь фигурирует каменная стена. Никаких других сведений о ней нет; вероятно, это церковная ограда, построенная уже после Смуты.

Остаются неясными причины, побуждавшие иностранцев считать Вяземы монастырем. Налицо определенная традиция подобного наименования. Возможно, она продолжительней, чем мы можем судить по письменным данным, и все же както связана с монастырем Иоанна Богослова.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не содержат прямых указаний на время и причины исчезновения дворца. После 1606 г. он перестает упоминаться в записках иностранцев и сообщения о нем отсутствуют вплоть до 1631–1633 гг., когда писцовые книги фиксируют уже только «дворовое место». Вяземы еще неоднократно упоминаются в связи с остановками послов и ведением переговоров, но, строго говоря, ни то, ни другое не предполагает наличия дворца. Вообще, иностранные представительства того времени были достаточно мобильны и автономны. Довольно часто по дороге в Москву дипломаты ночевали, где придется и даже предпочитали ночлег в палатках домам местных жителей. Вместе с тем, развитая система жизнеобеспечения, существовавшая вокруг царской резиденции, безусловно, делала Вяземы удобным местом остановок, тем более что старый порядок движения посольств от яма до яма к началу XVII в. уже не соблюдался.

Замечательным представляется тот факт, что интерес к исторической планировке усадьбы возник очень рано. Впервые об этом свидетельствуют записки Герарда Миллера, который посетил Вяземы в 1778 г. и визуальным путем пытался определить место расположения годуновского дворца. В начале XX в. этот же вопрос волновал известного исследователя дворянских усадеб П.С. Шереметева. Спустя столетие задачу локализации дворцового места наконец-то удалось перевести в практическую плоскость. Это было сопряжено с поиском следов дворца, а также с выяснением обстоятельств его появления, функционирования и гибели.

Весь комплекс поставленных задач предполагал проведение археологических исследований, что оказалось возможным с началом реконструкции архитектурного ансамбля бывшего Конного двора. Территория, занимаемая с XVIII в. Конным двором (до настоящего момента в сильно перестроенном виде сохранились три здания: главное конюшенное помещение с проездной башней и два флигеля), судя по всему, является древнейшей частью усадьбы. Она примыкает к Преображенской церкви, некогда составлявшей единое целое с годуновским дворцом, так что юго-западный портал храма ориентирован непосредственно на здание конюшен.

Именно на место Конного двора помещает дворец П.С. Шереметев: «Можно предположить, что дворец Годунова находился не там, где теперь дом, а где находится конюшня. Основанием к такому предположению о месте дворца служит то, что дворец должен был находиться со стороны входа в церковь, или вернее, вход в церковь был со стороны дворца, – как обыкновенно строились дворцовые церкви, иногда даже с переходами между собой» (*Шереметев*, 1916. С. 8). Помимо соображений топографического характера, исследователь опирается на данные письменных источников, в первую очередь, Писцовых книг. Этими же данными руководствуется Г. Миллер: «Дворовое место царя Бориса Годунова по примечанию видится... по тогдашней обширности его места был где ныне житницы и луг что доказывает что оного за отделением под кладбища отошло под государево гумно десятина без четверти» (*Миллер*, 1996. С. 184). По прошествии более чем двух столетий очень трудно понять, что имел в виду историк и привязать указанное им место к современной топографической ситуации. Если место упомянутых житниц совпадает с «хлебным двором» XIX в., то подобное расположение для дворца сомнительно, в первую очередь, из-за слишком большой (около 200 м) удаленности от церкви. Наиболее надежными ориентирами могли бы послужить церковь и конюшни, но упоминания о них у Миллера отсутствуют.

Охранные археологические работы осуществлялись на площадке перед главным зданием Кон-

ного двора, примыкающей с севера к церковной ограде. На момент начала работ в 2006 г. эта территория представляла собой пустырь, ранее использовавшийся под огороды местных жителей. Первоначально исследованию подверглись два участка, разноудаленные от церкви Преображения, для чего были разбиты раскоп площадью 40 кв. м (раскоп 1) и шурф площадью 16 кв. м (шурф 1), находящиеся соответственно в 60 и 88 м к югу от храма (рис. 1). Оба места раскопок отстояли примерно на равном расстоянии от главного здания Конного двора и кромки воды в пруду, образованном р. Вяземка (15 и 65 м на восток соответственно).

На обоих участках исследования показали наличие многослойных культурных напластований мощностью до 1,5 м от уровня современной дневной поверхности. Однако характер выявленных напластований различен. В раскопе они были образованы завалами строительного мусора (битого кирпича, камня, извести, штукатурки, древесной щепы, стекла), а также слоями перемешанного и перемещенного грунта, отложившимися в процессе строительства, существования и разрушения одной из несохранившихся построек Конного двора (XVIII–XIX вв.). Очевидно, в результате проводившегося здесь строительства все более ранние слои оказались уничтожены. Стратиграфия шурфа, напротив, достаточно хорошо выражена, что свидетельствует об отсутствии интенсивной строительной деятельности. В наиболее упрощенном виде ее можно представить как череду сравнительно чистых и морфологически однородных слоев. Под задернованной огородной почвой залегал слой коричневого суглинка с битым кирпичом и керамикой XVIII–XIX вв. Ниже шла прослойка желтого песка мощностью до 15 см, а еще ниже слой серого суглинка, насыщенный углем и керамикой XIV–XVI вв. Самый нижний слой лежит на материке, представляющем собой светлый подзолистый суглинок.

Ни на одном из исследованных участков не были выявлены остатки сооружений, непосредственно связанные с комплексом годуновского дворца. Однако, несмотря на это, удалось сделать любопытные находки и наблюдения, относящиеся к интересующей нас проблеме. Прежде всего, в нижних перемешанных слоях раскопа обнаружены фрагменты терракотовых рельефных печных изразцов, предположительно относящиеся ко времени существования дворцового комплекса. Среди найденных фрагментов несколько осколков лицевых пластин (рис. 2, *5*, *6*), обломок перемычки (рис. 2, *7*) и осколки коробчатых румп. Большая часть фрагментов была собрана с площади 6–8 кв. м, что может указывать на некое локальное скопление, очевидно, переотложенное. Некоторые фрагменты склеены из более мелких частей. Двум обнаруженным изразцам имеются полные аналогии. Так, крупный фрагмент лицевой пластины со стилизованной растительной композицией в обрамлении рамки шириной около 2 см (рис. 2, *6*) практически идентичен изразцу, происходящему с территории Тушинского лагеря Лжедмитрия II (*Филиппов*, 1938. С. 32. Рис. 36). Изразцовая перемычка также принадлежит к известному типу (рис. 2, *7*). Фрагменты схожих по виду перемычек были обнаружены С.З. Черновым в ходе исследования остатков Шавыкиной пустыни на р. Дубне. Судя по общему историко-археологическому контексту, время появления терракотовых изразцов на данном памятнике тяготеет к рубежу XVI–XVII вв. (*Чернов*, 1995. С. 143. Рис. 10, *37, 29, 60ж)*.

Работы в шурфе позволили выявить четкую границу между напластованиями XVIII–XX вв. и более ранними слоями. Эта граница обозначена вышеупомянутой прослойкой желтого песка, которая, по всей видимости, является результатом целенаправленной нивелировки поверхности. В ходе последующих наблюдений за прокладкой инженерных коммуникаций аналогичная прослойка была выявлена практически на всей ранее не потревоженной территории Конного двора.

В 2007 г. исследования продолжились и сосредоточились на участке, непосредственно примыкающем к стене главного здания Конного двора. Наблюдения за проводившимися здесь земляными работами показали хорошую сохранность культурных напластований. В их нижней части выделялись слои темного углистого суглинка и обожженной глины, содержащие керамический материал XVI в., а также большое количество горелого дерева. По результатам наблюдений вдоль части фасада реконструируемого здания был разбит раскоп площадью 84 кв. м (раскоп 2) (рис. 1).

После снятия строительного мусора и позднего техногенного балласта с помощью землеройной техники началась последовательная разборка залегающих ниже слоев. Работа велась горизонтальными пластами по 20 см. Первый, второй и часть третьего пласта пришлись на культурные отложения, связанные с периодом существования голицынской усадьбы (XVIII – начала XX в.). Здесь был собран обильный керамический материал, соответствующий эпохе. Ниже описанных слоев залегала уже упомянутая прослойка желтого песка, покрывавшая до 70% площади раскопа, наличие которой позволило довольно уверенно отделить слои «голицынского» периода от находящихся под ними средневековых напластований. В ряде случаев слой

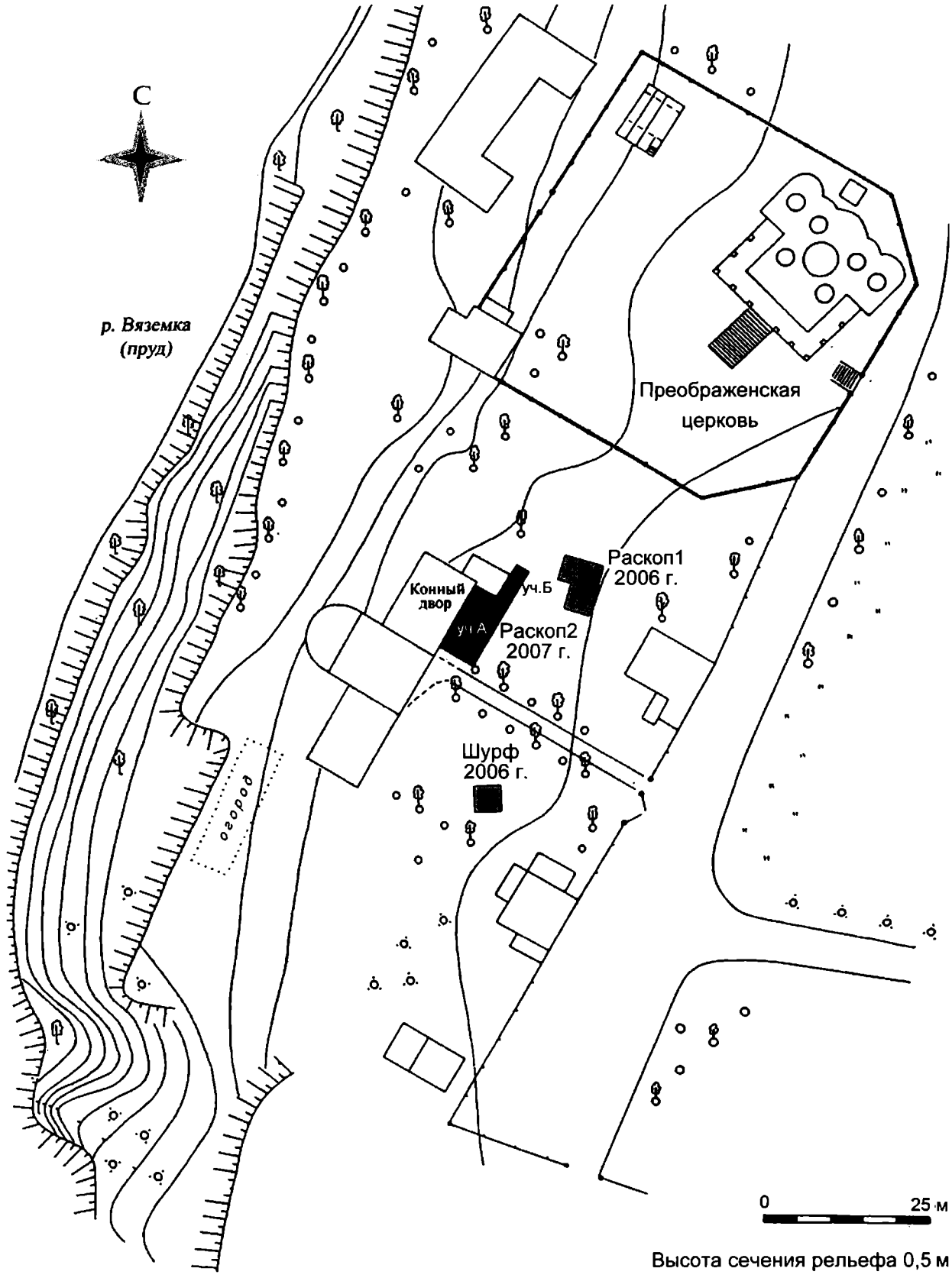


Рис. 1. Селище Большие Вяземы 1. План района проведения охранных раскопок 2006–2007 гг.

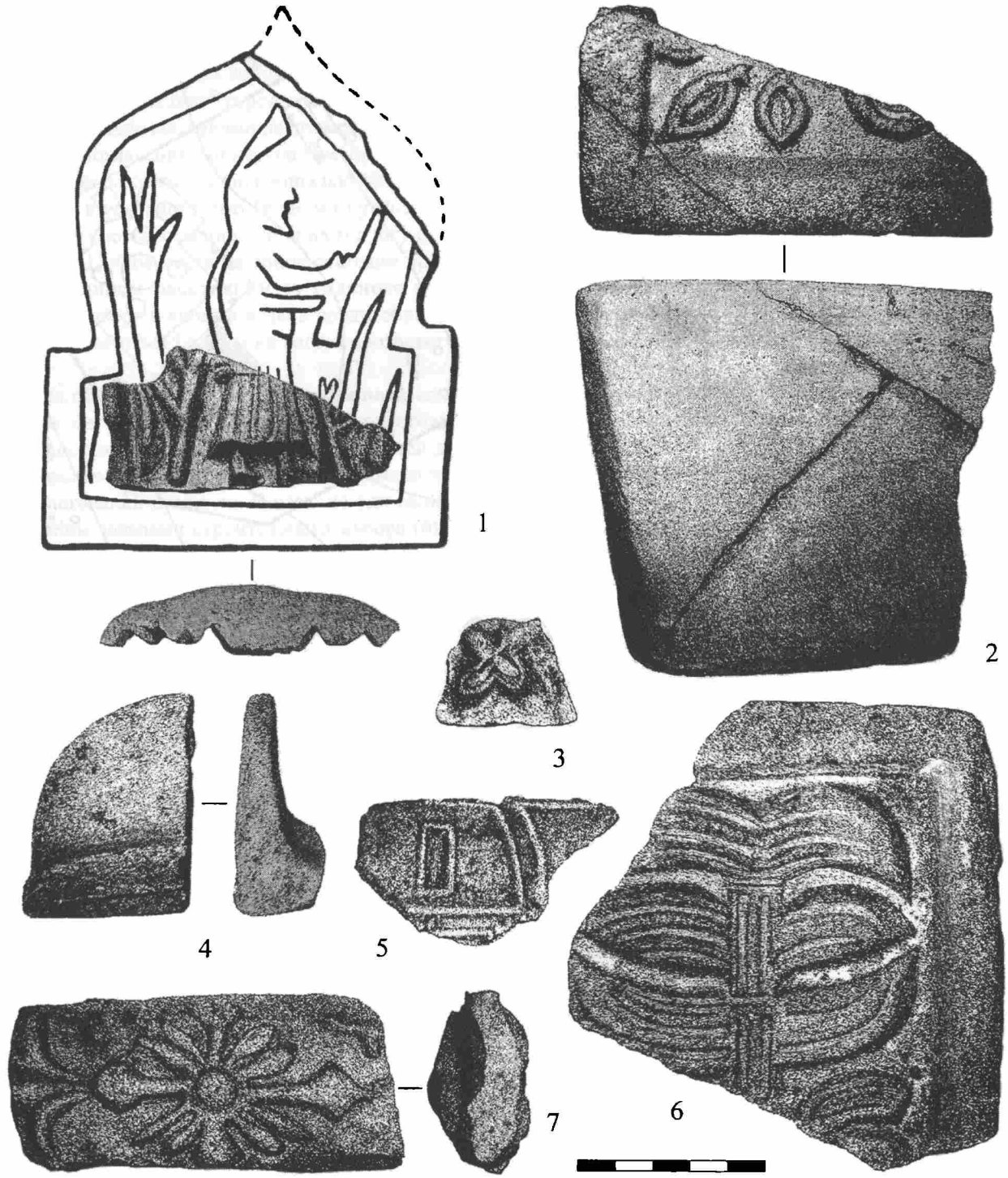


Рис. 2. Селище Большие Вяземы 1. Печные терракотовые изразцы из раскопок

1–4 – раскоп 2 (2007 г.), 5–7 – раскоп 1 (2006 г.)

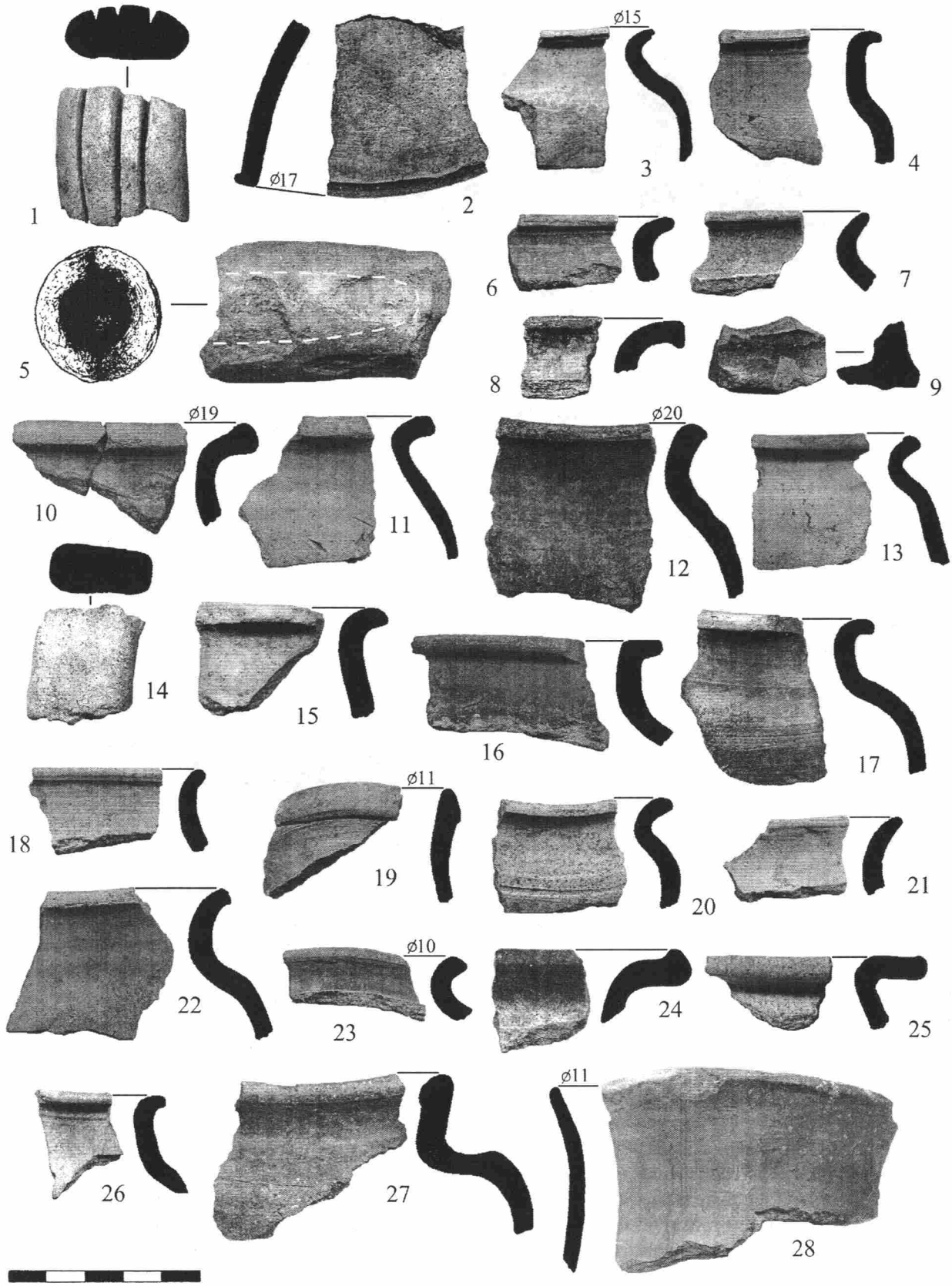


Рис. 3. Селище Большие Вяземы 1. Раскоп 2. Керамика из ранних «допожарных» слоев

1–27 – из слоя серого суглинка; 28 – из ямы 32

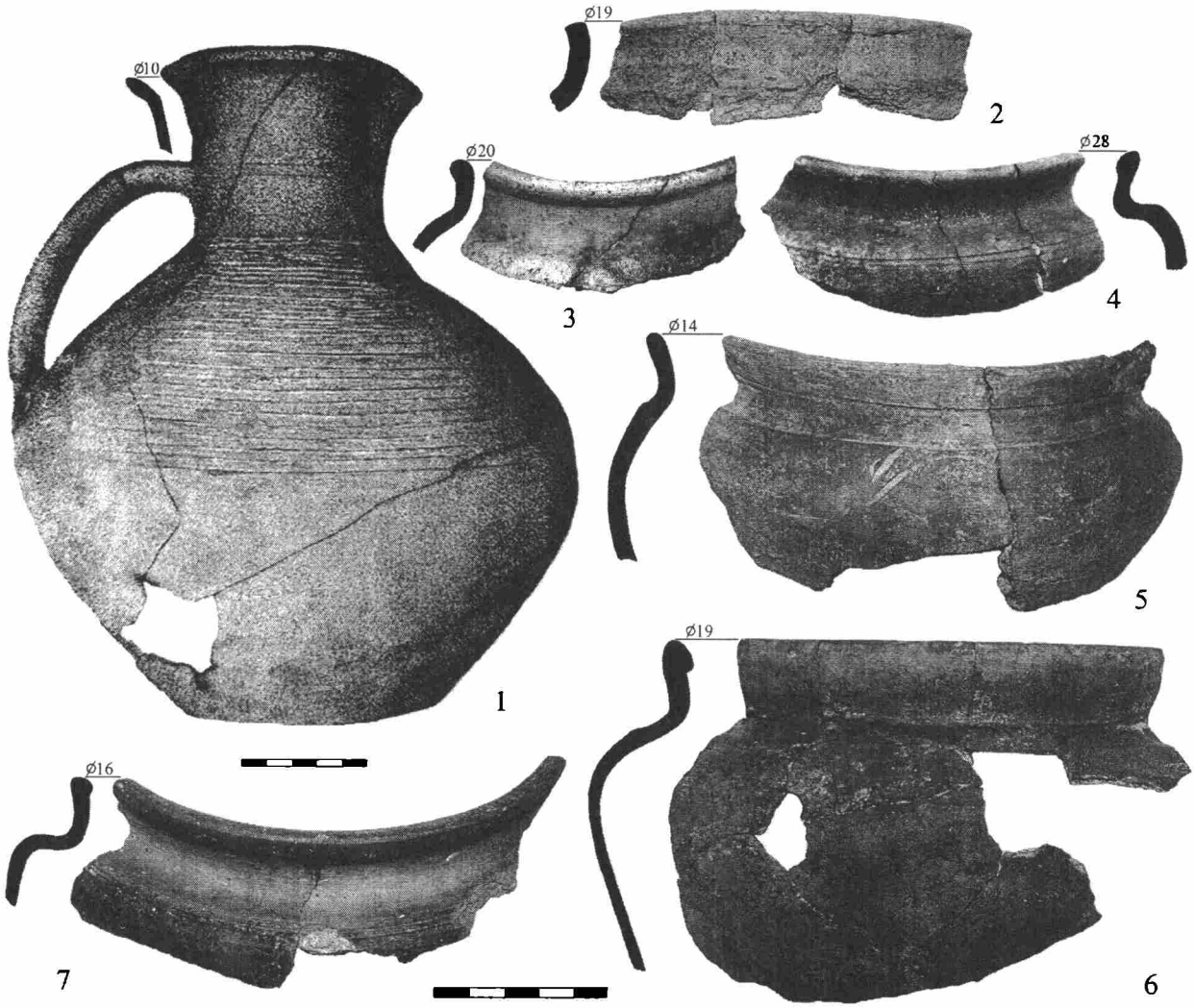


Рис. 4. Селище Большие Вяземы 1. Керамика

1 – кувшин со дна рва (наблюдения 2004 г.); 2–7 – верхние части сосудов (р. 2, 2007 г.)

желтого песка служил надежным основанием для датировки ранних материковых ям.

Под песчаной прослойкой по всей площади раскопа (за исключением двух крайних северных квадратов) зафиксированы следы пожара. Они представлены несколькими слоями, объединяющимися в единый горизонт (пожарный горизонт или «горизонт разрушения»). Сразу под песком залегал слой темно-серого углистого суглинка. Ниже находился мощный (до 17 см) слой обожженной глины оранжевого, а местами серо-коричневого цвета с включением кусков обугленного дерева (цв. вкл. рис. XXXIII). В массе рыхлой глиняной крошки встречены куски глиняной обмазки с отпечатками деревянной поверхности на одной из сторон. Глина перекрывала вымостку из обугленных деревянных плах. Все плахи являлись частями единой конструкции, ориентированной на северо-восток. На момент пожара дерево лежало на земле, о чем говорит его неполная обугленность с нижней стороны. Общая площадь вымостки с глиняной засыпкой составляет около 25 кв. м. За ее пределами выявлен слой сгоревшего in situ хвороста мощностью около 10 см, залегавший непосредственно под песчаной прослойкой. Упомянутый слой частично перекрывал крупную материковую яму, нарушенную многочисленными поздними перекопами (яма 32). Заполнение ямы, состоявшее в основном из серого суглинка, содержало керамический материал XV–XVI вв. В северной части раскопа, отделенной от основной площади фундаментом несохранившегося здания, пожарные слои оказались перемещенными. Они представляли собой засыпку, видимо, возникшую в ходе устранений последствий пожара. Слои пожара присутствуют в заполнении нескольких крупных столбовых ям. Судя по стратиграфическим признакам, сами эти ямы конструктивно связаны с погибшей в огне постройкой.

Самый нижний «допожарный» культурный слой, залегавший непосредственно на материке и подстилавший горизонт пожарища, представлен серым суглинком с вкраплениями угля. Он насыщен керамикой и костями домашних животных. Слой перекрывает несколько заглубленных в материк канавок от заборов и оснований деревянных построек.

Керамический материал, обнаруженный в слоях «пожарного горизонта», заметно отличается от того, что был собран ниже. В нем содержится значительная доля столовой посуды, представленной фрагментами белоглиняных и краснолощеных кувшинов, а также чернолощеной керамикой различных типов. Максимальное количество столовой посуды (до 10% от общей массы) содержится в слое темно-серого углистого суглинка, перекрывавшем пятно обожженной глины. Другой разновидностью массового материала, «маркирующего» слои пожарища, являются кованные гвозди. Их количество не слишком велико, но все же ощутимо, особенно в уже упомянутом слое темно-серого углистого суглинка.

Нижний слой содержит керамический материал, преимущественно относящийся к XIV–XV вв. (рис. 3). Здесь также отмечены отдельные фрагменты чернолощеных (рис. 3, *9*) и краснолощеных сосудов, но основная масса керамики представлена горшками с коричневым, светло-коричневым или серым цветом черепка, с примесью песка и дресвы в тесте и с характерной профилировкой венчика. Плавно отогнутые наружу края сосудов срезаны или скруглены по внутренней стороне, так что приостренная внешняя кромка приобретает форму «бородки» (рис. 3, *8, 11, 12, 22*). Типичны пологие плечики, отходящие от сравнительно высокой шейки без плавного изгиба, иногда даже с образованием слабовыраженного ребра (рис. 3, *3, 4, 17, 22, 26*; 4, *5*). Некоторая часть горшков орнаментирована небрежно прочерченной по шейке волной (рис. 3, *10, 16*; рис. 4, *5*). Подобная керамика находит близкие аналогии в материалах раскопок селища Захарово-1 в Истринском районе (*Булынкин и др.*, 2008. Рис. 12, *1, 5*; 13, *3*). Помимо горшков, определяются кувшины, крышки, мискообразные сосуды и ручки сковородок (рис. 3, *1, 2, 5, 14*). Все перечисленные типы по технологическим приемам и материалу изготовления близки к вышеописанным горшкам. Единичные фрагменты венчиков по своей форме и тесту могут быть отнесены к более раннему периоду. Их морфология соответствует скорее посуде XII–XIII вв. (рис. 3, *24, 25*). Некоторая часть керамического материала собрана за пределами пожарного горизонта или перекрытого им слоя серого суглинка. Она наиболее разнородна по своему составу и не поддается четкой хронологической привязке.

Имеет смысл более подробно рассмотреть керамический материал, происходящий из горизонта пожара и связанных с ним переотложенных слоев (рис. 5). Основную его массу составляет красноглиняная кухонная посуда. Большая часть сосудов характеризуется примесью песка, а иногда и дресвы в составе формовочной массы. Типичны скругленные или приостренные венчики со слегка отогнутой наружу или прямопоставленной шейкой без дополнительного оформления края. Шейка, как правило, короткая, в ряде случаев настолько, что краевая часть сосуда непосредственно переходит в плечико (рис. 5, *20*). Плечики в большинстве случаев пологие, хотя встречаются и более крутые, характерные для московских красноглиняных гладких горшков, традиционно датируемых второй половиной XV – первой половиной XVI в. Орнаментация сосудов ограничивается несколькими горизонтальными линиями по плечику либо вовсе отсутствует. Подобная форма венчиков, как наиболее простая, имела очень широкое распространение. В качестве примера можно упомянуть материалы раскопок селища Дмитровское-2 в Красногорском районе Московской области (*Цыбин*, 2006. С. 239, 240. Рис. 8, *1–4*; 11, *7–9*). Сосуды с венчиками соответствующей формы датируются здесь в пределах XV в., хотя нельзя исключить, что такая же или очень похожая керамика могла изготавливаться в региональных производственных центрах и позднее.

В составе керамического материала пожарного горизонта и связанных с ним слоев присутствует значительное количество (в слое темно-серого углистого суглинка – до 40%) керамики, имеющей характерную слоисто-песчанистую, рыхлую на вид текстуру черепка. Большая часть упомянутой керамики изготовлена из слабоожелезненных глин с естественной (иногда очень заметной) примесью мелкодисперсной слюды и вкраплениями зерен гематита. Цвет черепка после обжига варьирует от густо-розового до почти белого. Эта керамика, очевидно, является продукцией западноподмосковных производственных центров, хотя точное место ее изготовления по-прежнему остается неизвестным. Она встречается практически на всех позднесредневековых памятниках в округе Вязем, но везде представлена лишь одним типом сосудов – горшками различных размеров. Помимо специфической формовочной массы эти горшки выделяются характерной морфологией, в которой можно видеть довольно грубое подражание московской красноглиняной посуде конца XV–XVI в. (так называемой

красной гладкой). Верхние части сосудов отличаются вертикальным или отогнутым наружу венчиком «скругленных» очертаний, шейка очень короткая, плечики, как правило, крутые, орнаментированные несколькими витками горизонтальных линий. Вместе с тем встречаются сосуды со слабовыраженными пологими плечиками (рис. 5, *17*). Насколько можно судить по имеющимся данным, описанная керамика появляется в XVI в. и продолжает существовать в последующее столетие, возможно, отчасти компенсируя дефицит привозной белоглиняной посуды. Очевидно, прочность керамической традиции обеспечивалась простотой изготовления при постоянно устойчивом спросе на кухонную посуду, которой, по сути, ограничивался ассортимент «песчанистой» керамики. Ареал ее распространения охватывает части территорий Одинцовского, Истринского и Красногорского районов Московской области. В частности, аналогичная посуда отмечена среди материалов селища Захарово-1 в Истринском районе (*Булынкн и др.*, 2008. С. 260. Рис. 16, *1, 3*).

Помимо этого, в слоях пожарного горизонта встречены фрагменты сосудов, по своей форме наиболее приближенных к типу московской красноглиняной гладкой керамики. Они имеют вертикальные или слегка отогнутые наружу венчики, черновой край которых завернут вовнутрь и оформлен в виде валика, что придает всему венчику подтреугольное сечение. Плечики у таких сосудов крутые, образуют прямой угол с шейкой и несут полосы линейного орнамента. Основное отличие от керамики московского производства состоит в качестве формовочной массы, насыщенной довольно крупным песком, а также в невысоком качестве обжига и общей небрежной манере исполнения. Под такое описание подпадает венчик, обнаруженный в линзе углистого слоя среди обожженной глины (рис. 4, *4*). К продукции московских гончаров может быть отнесен сосуд, венчик которого обнаружен в «допожарном» слое серо-коричневого суглинка, залегающем непосредственно на материке. Он отличается равномерным обжигом и формовочной массой без существенных примесей, дающей гладкую поверхность, имеет темно-красный цвет черепка, аккуратный линейный орнамент, нанесенный на плечики, а также выразительную профилировку верхней части с довольно резким перегибом от плечиков к тулову (рис. 4, *7*). Подобная керамика, относящаяся к наиболее развитому (и позднему) типу красной гладкой посуды датируется в пределах первой половины – середины XVI в. Характерными признаками красной гладкой посуды обладает еще один крупный фрагмент, происходящий из заполнения ямы 32 (рис. 4, *6*). Однако на его немосковское происхождение указывают худшее качество обжига, неплотная текстура черепка и своеобразный сиреневатый цвет поверхности. Также обращают на себя внимание пологие плечики сосуда.

Группу белоглиняной керамики составляют почти исключительно фрагменты сосудов с заметной примесью песка в формовочной массе (МБК-1 или «белая грубая»). Объем такой керамики невелик и в целом не превышает 7% от общего количества керамических фрагментов, собранных в каждом из слоев пожарного горизонта. Основная масса представлена плохоопределимыми частями стенок, их естественный цвет варьирует от яркобелого и желтоватого до грязно-серого. Все венчики относятся к белоглиняным кувшинам хорошо известных типов (рис. 5, *13, 21*). Очевидно, кувшину принадлежала и часть тонкой стенки чистого белого цвета с нанесенной на внешнюю поверхность пологой волной, происходящая из слоя прокаленного суглинка. При отсутствии выраженных керамических комплексов, а также ввиду скудности и общей фрагментированности материала нет возможностей для узких датировок. Таким образом, всю группу можно отнести к XVI в. Несколько особняком стоит венчик белоглиняного кувшина, изготовленного из практически однородной формовочной массы без видимых примесей. Упомянутый венчик почти не профилирован и не имеет наклона, едва обозначен широкий низкий бортик по внешнему краю сосуда (рис. 5, *14*). Другие фрагменты, подпадающие под определение белой гладкой керамики, в непотревоженных слоях пожарного горизонта не встречены.

Некоторая часть белоглиняной керамики имеет несколько необычный облик. Например, в слое сгоревшего хвороста собраны крупные фрагменты стенок и донца на песчаной подсыпке, отличающиеся характером формовочной массы от типичных образцов. Помимо значительной примеси песка в тесте, видимо, присутствовали органические включения, при выгорании которых на поверхности сосуда образовались многочисленные каверны (иногда довольно крупные). Подобная технологическая особенность в целом не характерна для бытовавшей в московском регионе белоглиняной керамики XVI в. (МБК-1). Другой фрагмент белоглиняного горшка, относящийся к допожарному заполнению ямы 32, обликом и формовочной массой соответствует качеству белой грубой керамики. Он демонстрирует широко распространенный тип венчика, часто встречающийся у сосудов данной категории (рис. 4, *3*).

Иные типы столовой посуды представлены красно- и чернолощеной керамикой, при этом бросается в глаза полное отсутствие ангобиро-

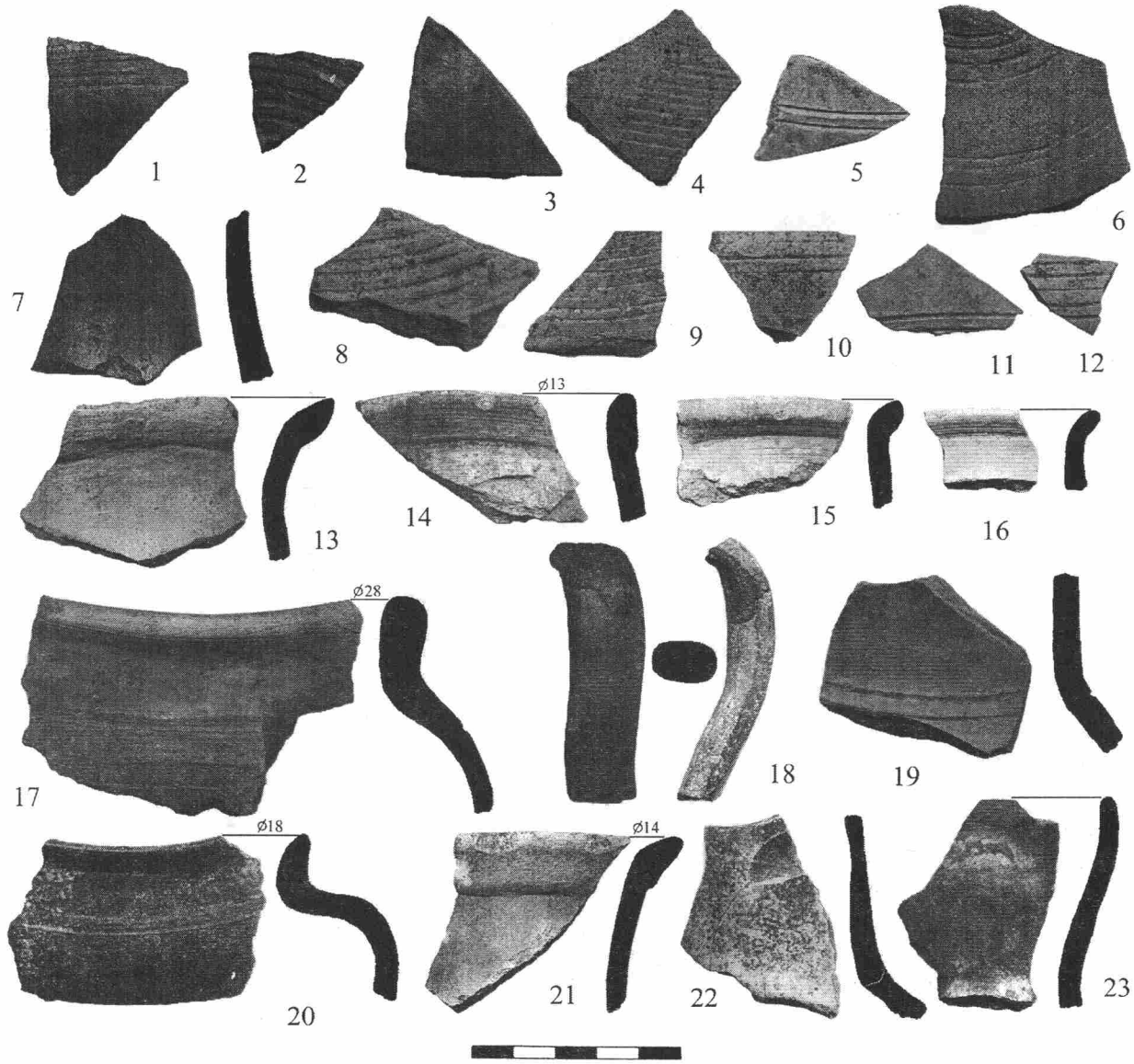


Рис. 5. Селище Большие Вяземы 1. Раскоп 2. Керамика из горизонта пожара

ванной. Интерес вызывают фрагменты красноглиняных лощеных кувшинов, собранные в слоях пожарного горизонта. Они имеют плотное тесто и высокое качество обжига, внешняя поверхность как правило покрыта мелким рифлением (рис. 5, *4–6, 8–12, 19, 22*). Некоторые экземпляры принадлежат столь же высококачественным сосудам с лощением в виде косой сетки. По определению В.Ю. Коваля, подобные кувшины относятся к последней трети XVI в., местом их производства, вероятно, был Можайск[1]. Очевидно, именно такой кувшин был собран из развала, обнаруженного в ходе наблюдений в 2004 г. за прокладкой инженерных коммуникаций по территории усадьбы. Развал находился на дне прорезанного канализационной траншеей позднесредневекового рва, предварительно отождествляемого с оградой годуновской усадьбы (рис. 4, *1*).

Также встречены венчики красноглиняных кувшинов менее качественного изготовления, в том числе, имеющие заметную примесь песка в тесте. Обнаруженные в тех же слоях фрагменты чернолощеной керамики, изготовлены преимущественно из красножгущейся глины, и покрыты сплошным тщательным лощением (рис. 5, *1–3, 7, 23*).

Итак, общая маловыразительность керамического материала при отсутствии полноценных археологических комплексов не дает достаточных оснований для датировки пожарных слоев и тем более для социальной атрибуции погибшей усадьбы. «Керамический портрет» всего

[1] Пользуясь случаем, хочу выразить признательность В.Ю.Ковалю за помощь в атрибуции керамики.

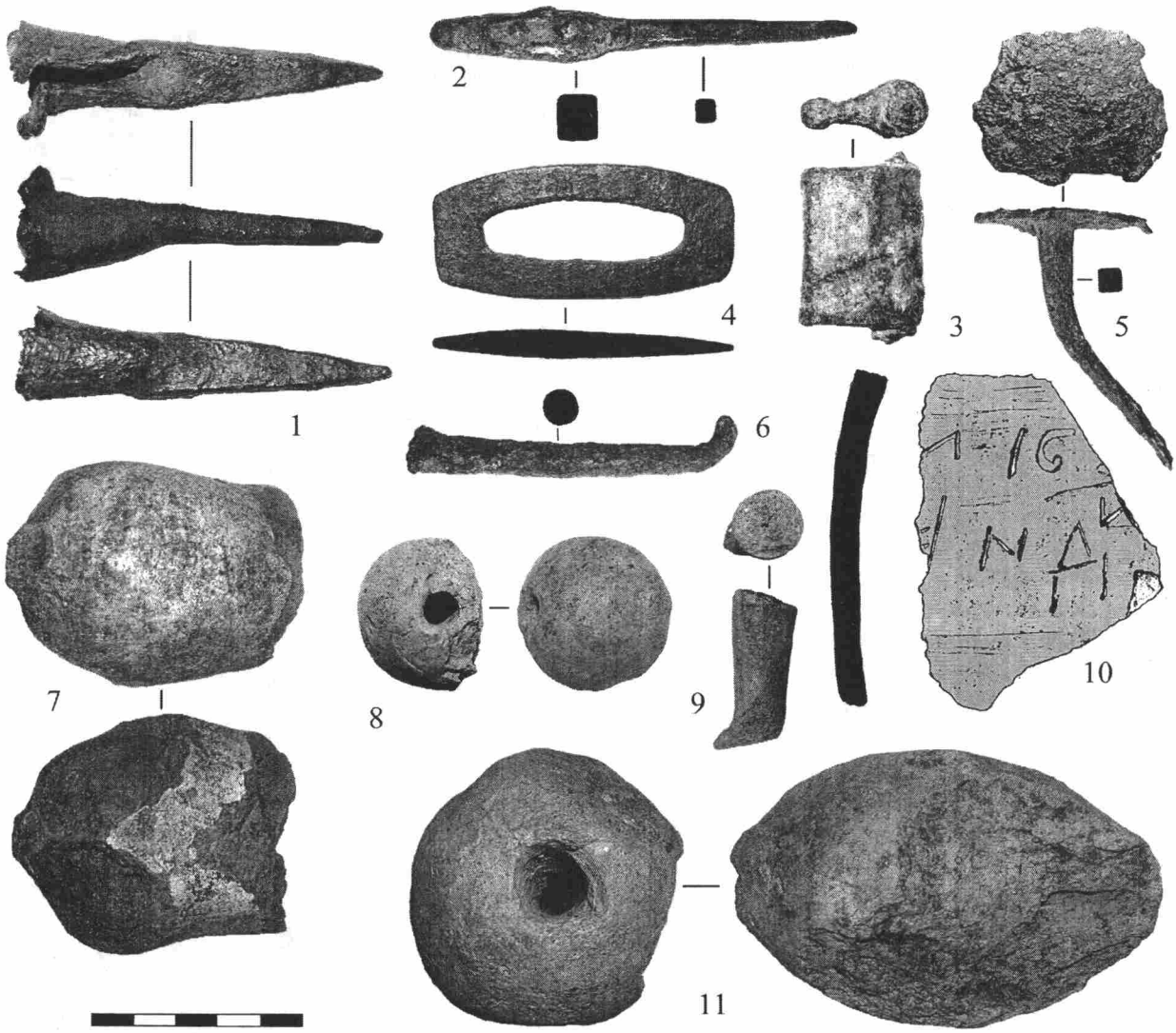


Рис. 6. Селище Большие Вяземы 1. Находки из раскопа 2 (2007 г.).

горизонта оказывается слишком размытым, а по большому счету, просто не складывается. Вместе с тем, нельзя игнорировать сравнительно высокие показатели присутствия столовой посуды, а равным образом и наличие в непотревоженных слоях пожарища некоторых категорий керамики, получающих широкое распространение не ранее конца XVI в. (фрагменты красноглиняных лощеных кувшинов «можайского» типа).

Среди индивидуальных находок, обнаруженных прямо над слоем пожарища, следует отметить игральную кость из плотного рога (цв. вкл. рис. XXXIV), обломок полой керамической ангобированной игрушки (медведя?) (рис. 6, *7*) и фрагмент стенки сосуда с надписью, прочерченной до обжига (рис. 6, *10*). Последняя находка наиболее любопытна. Фрагмент, принадлежавший довольно крупному, по-видимому, тарному сосуду, имеет коричневый цвет поверхности и характеризуется равномерным обжигом при толщине черепка 7 мм. В тесте имеется примесь песка. По шероховатой лицевой поверхности нанесена двустрочная надпись. Отчетливо читаются четыре буквы: «і», «с» в верхней строке и «н», «д» – в нижней. Впрочем, сочетание двух первых знаков может быть прочитано и как «к».

Коллекция терракотовых печных изразцов пополнилась несколькими фрагментами. Три обломка лицевых пластин и обломок румпы, предположительно принадлежащей городку, обнаружены в слоях XVIII–XIX вв., куда они попали вместе с перемещенным грунтом (рис. 2, *1, 3, 4*). Изображение на одной из пластин находит близкую аналогию среди материалов Р.Л. Розенфельдта, по ней найденный фрагмент определяется как часть изразцового городка (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 22,

18) (рис. 2, *1*). Еще один обломок румпы встречен в нижнем слое серо-коричневого суглинка. Наконец, крупный фрагмент (край пластины с полностью сохранившейся стенкой коробчатой румпы) был собран и склеен из нескольких более мелких частей, обнаруженных в яме (рис. 2, *2*). Эта углубленная в материк яма, надо полагать, довольно крупная, оказалась перебита фундаментом кирпичной постройки и в раскоп вошла лишь краем. Выявленная в заполнении линза обожженной глины, позволяет отнести углубление к допожарному времени. Здесь же встречены обломки кирпичей толщиной 5,5–6,0 см (определим только один размер), не встречающиеся в более поздних слоях. Характер залегания изразцовых фрагментов свидетельствует в пользу того, что целое изделие использовалось незадолго до пожара.

В подстилающем пожарный горизонт слое серого суглинка обнаружены некоторые предметы, видимо, относящиеся к поселению XIV–XVI вв. Следует упомянуть овальное кресало (рис. 6, *4*), миниатюрный железный цилиндрический замочек (рис. 8, *3*), фрагмент конских удил (рис. 5, *6*), бронебойный наконечник стрелы (рис. 5, *2*), крупную медную заклепку (цв. вкл. рис. XXXIV, *7*), два нательных крестика (цв. вкл. рис. XXXIV, *1, 2*), керамическое грузило для рыболовной сети (рис. 6, *11*). Упомянутый наконечник стрелы имеет четырехгранное перо квадратного сечения и характеризуется отсутствием упора при переходе от пера к черешку. По-видимому, этот экземпляр можно рассматривать как упрощенную версию широко распространенного на Руси типа бронебойных четырехгранных наконечников с упором. По классификации А.Ф. Медведева ему более всего соответствует тип 92 (т. е. «бронебойные с короткой массивной боевой головкой квадратного или ромбического сечения и длинным черешком»), с той оговоркой, что вяземский наконечник не имеет упора (*Медведев*, 1966. Табл. 21, *26*; 17, *27*). Медная заклепка, не бывшая в употреблении, свернута в виде кулька из кусочка медного листа. Технология изготовления подобных заклепок известна по материалам раскопок городища Гальчино на Протве (*Кренке, Янишевский*, 2001. С. 270, 271, 282. Илл. 6). Оба крестика представляют типичную для XV–XVI вв. форму с килевидным нижним концом. Массивное керамическое грузило могло принадлежать соответствующей по размеру снасти. Его находка хорошо согласуется с наличием в селе зарыбленного пруда (возможно, и в «догодуновский» период). Еще одно грузило меньших размеров обнаружено в перекопе XVIII в. (рис. 6, *8*).

С ранними слоями могут быть связаны некоторые находки, происходящие из более поздних напластований: бронзовая орнаментированная пуговка (цв. вкл. рис. XXXIV, *6*), железная пешня (рис. 6, *1*), левкасный гвоздь (рис. 8, *5*). Особый интерес представляет обломок лазуритовой пластинки размерами 2,3x1,8x0,18 см, правильной прямоугольной формы, полированной с обеих сторон (цв. вкл. рис. XXXIV, *4*). Два ее края оформлены при помощи скошенных граней, третий прямой. Подобные пластинки использовались в качестве декоративных вставок для украшения парадной конской сбруи. Предметы конского убора, изготовленные таким образом, как правило, имеют восточное происхождение.

Итак, стратиграфия культурных отложений на исследованном участке показывает, что в XIV–XVI вв. центральную, прилегающую к пруду, часть современных Вязем занимало сельское поселение. Оно характеризуется набором типичной для данной местности керамики с абсолютным превалированием кухонной посуды. В то же время, ряд находок (удила, миниатюрный замочек, бронебойный наконечник стрелы) говорит о недеревенском статусе открытого поселения. Изучить его более подробно на различных этапах существования станет возможным лишь по мере исследования отдельных археологических комплексов, которые, надо полагать, обнаружатся в дальнейшем. На нынешний момент наши представления об архитектуре этого периода исчерпываются несколькими канавками, маркирующими контуры оград и стен деревянных построек. Мы также не знаем, кому принадлежало это поселение и даже как оно называлось, поскольку имя «Вяземы» за ним закрепляется лишь с годуновского времени, а название «Никольское» (по сельскому храму) употребляется в письменных источниках с последней трети XVII в.

Видимо, в конце XVI в. здесь возникает комплекс деревянных построек (усадьба). Он существует некоторое время и гибнет в огне пожара. Именно с этим пожаром связаны выявленные слои обожженной глины и обугленного дерева. В раскопе отсутствуют определимые следы жилых построек, все конструктивные элементы, относящиеся к исследуемому комплексу, ограничиваются несколькими крупными столбовыми ямами и сгоревшим деревянным настилом. Загадочным представляется происхождение мощной засыпки из обожженной глины. Можно только предположить, что это остатки какой-то осыпавшейся обмазки. Из погибшей постройки (построек) происходят терракотовые печные изразцы, находимые в разновременных слоях, но изначально, видимо, выпавшие в слой пожара.

Есть основания полагать, что пожару предшествовал некоторый период запустения, когда на месте будущего пожарища скапливались осколки по-

суды, синхронной существованию усадьбы. Об этом говорит наблюдение за состоянием собранной керамики. В частности были найдены два фрагмента донца белоглиняного сосуда, они залегали в разных пожарных слоях и разительно отличались друг от друга. Один фрагмент обгорел до черноты, а другой сохранил естественный серый цвет, приобретенный в процессе использования. Такое могло произойти только в том случае, если осколки оказались порознь еще до пожара. Распространение керамических остатков по площади будущих раскопок продолжалось и после гибели усадьбы. Общим результатом стал «горизонт разрушения», насыщенный керамикой предшествующего периода, в том числе фрагментами столовой посуды – белоглиняной, красно- и чернолощеной. Данный вывод относится преимущественно к слою темно-серого углистого суглинка, поскольку он, как самый поздний, в наибольшей степени отражает послепожарную ситуацию. Вполне вероятно, что в процессе устранения последствий пожара произошла частичная переработка слоев пожарного горизонта, сопровождавшаяся перераспределением керамического материала и приведшая к появлению в его составе более ранних образцов. Это отчасти объясняет отсутствие выраженных слоев пожара в северной части раскопа.

Таким образом, весь комплекс проведенных исследований заставляет отождествлять обнаруженное пожарище с остатками годуновского дворца. Это подтверждается планиграфией, суммой стратиграфических признаков, а также индивидуальными находками, в первую очередь печными изразцами. Несмотря на существенные разрушения культурного слоя, «дворцовое место» представляется перспективным объектом для исследований. Мы можем констатировать, что недолгий период существования дворца, закончившийся его трагической гибелью и сменившийся десятилетиями запустения данной территории, оставил хорошо различимый археологический след. Воспринять этот след как наследие, т. е. изучить и тщательно зафиксировать (а значит сохранить), особенно важно в условиях динамичного развития музея. Следует отдавать себе отчет, что перед нами редкая и, видимо, последняя возможность заглянуть в прошлое Вязем, прикоснуться к истории уникального памятника русской усадебной культуры.

Литература

Алексеев А.В., 2008. Церковные древности Звенигородской земли: Очерки церковной археологии. М.; Звенигород.

Булынкин С.Н., Гоняный М.И., Ковалевский В.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В., 2008. Средневековое селище Захарово-1 на реке Беляне // АП. Вып. 4. М.

Гейтс С., 1875. Описание путешествия в Москву посла Римского императора Николая Варкоча / / ЧОИДР. М.

Буссов К., 1961. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.

ДДГ. М.; Л., 1950.

Дневник Марины Мнишек. М., 1995.

Журнал министерства народного просвещения. Ч. LXVIII. Отд. II. СПб., 1850.

Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М., 1991.

Какаш и Тектандер, 1896. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. ЧОИДР. М.

Кренке Н.А., Янишевский Б.Е., 2001. Мастерская медника на городище Гальчино // Макарьевские чтения. Вып. 8. Можайск.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.

Миллер Г.Ф., 1996. Путешествие по Московской провинции 1778–1779. М.

Петрей П., 1997. О начале войн и смут в Московии. М.

ПСРЛ. Т. 14. Новый летописец. М., 1965.

ПСРЛ. Т. 34. Пискаревский летописец. М., 1978.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским // РИО. Т. 137. М., 1912.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1-39. М.

Сборник материалов по Русской истории начала XVII века. СПб., 1896.

Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1859. Т. 1.

Соловьев С.М., 1960. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. 7–8. М.

Таннер Б., 1891. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году // ЧОИДР. М.

Филиппов А.В., 1938. Древнерусские изразцы. М.

Цыбин М.В., 2006. Средневековое селище Дмитровское-2 (некоторые результаты исследований 2005 года) // АП. Вып. 3. М.

Чернов С.З., 1995. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.

Шереметев П.С., 1916. Вяземы. Пг.

A.N. Smirnov

B. Godunov's palace complex in Vyazyomy

Summary

The article is devoted to the results of the complex historical-archaeological investigations of the late-medieval manor situated in the village Vyazyomy (the Moscow region) and belonged in the turn of the 16th– the 17th c. to B.F Godunov. The author of the article attempts to trace the fortune of the manor from the point of its first mention in 1590 till the moment of its destruction in the years of Time of troubles on the basis of different written sorceress. Planning structure of the manor along with the peculiarities of its situation interesting in view of development of the road communicational system is also regarded. In order to receive new information results of the archaeological investigations of 2006–2007 are analyzed. Territory where excavations have been conducted situated in the most ancient part of manor. In the course of works cultural layers related to the different periods of the manor's existence have been discovered. Under the late cultural layers the horizon of the fire identified with the remnants of Godunov"s house has been found out. Under the fire the layer related to the earlier settlement has been traced. The article also contains detailed description of the gathered pottery.

Г.К. Патрик, М.Г. Гусаков

Уникальный изразец из Смоленска

Во время раскопок в 2007 г. в г. Смоленске были найдены обломки изразцов весьма редкого типа. Их непохожесть на известные по публикациям заключается в наличии на них довольно длинной фразы на латыни. Это сразу бросилось в глаза, т. к. даже на небольших фрагментах имелось по нес-кольку букв, располагавшихся по кругу и отделявших центральную часть от угловых рисунков. Сопоставление фрагментов позволило нам составить полный экземпляр данного изразца, который мы и рассмотрим ниже во всех деталях. В коллекции есть еще одна разновидность изразцов этого типа, но только во фрагментарном виде, и поэтому она не будет пока разбираться подробно.

Изразец, найденный при раскопках в Смоленске, принадлежит к типу поливных изразцов с лицевой пластиной в виде прямоугольника. Его размер 23х20 см, полива зеленого цвета. Рисунок на пластине выпуклый, оттиснутый в форме. По краю пластины проходит отчетливая рамка шириной 0,6–0,7 см. На внутренней стороне имеется коробчатая румпа, отступающая на 2 см от края пластины. Все изразцы сделаны из красножгущейся, хорошо промешанной глины.

На лицевой стороне изображена следующая композиция: в углах помещены четыре ангела (лицо и крылья), центральную часть занимает монограмма из букв I, H, S, увенчанная крестом, а под ней находится сердце с трезубцем. Монограмма окружена круговой надписью «GENU : FLECTATUR : INNOMINE : IESU : OMNE:», шириной 1,6–2,0 см. Все слова надписи отделены друг от друга с помощью двух ромбиков, выполняющих роль точек. Расстояния между словами от 1,0 до 2,0 см. Таким образом, весь облик данного изразца несомненно указывает на его религиозно-пропагандистскую или религиозно-просветительскую роль.

Прежде всего, внимание привлекла латинская фраза «GENU FLECTATUR INNOMINE IESU OMNE», что в переводе на русский звучит следующим образом – «КОЛЕНИ ПРЕКЛОНИМ ВО ИМЯ ГОСПОДА ВМЕСТЕ». Для того, чтобы узнать место этих слов в партитуре католической службы, пришлось проконсультироваться в храме Святого Людовика. Оказалось, что они являются очень древним девизом и написаны во всех католических храмах. Таким образом, эта фраза является одним из элементов католического храма и отчасти символизирует его.

Европейская литература, посвященная изразцам (*Kachel, Kafle, Kachle*), содержит довольно много примеров применения печных изразцов именно в интерьерах соборов и официальных зданий, на которых изображены отдельные святые и сцены из Святого писания. Они возникли как подражание резным деревянным панелям и резьбе на шкафах и других видах мебели. Само наличие фигурных изразцов сделало печь предметом интерьера. Печь стала если не главным, то полноправным центром помещения, и ее украшение вызвало к жизни новую профессию кафельщика. В книге Штефана Холчика отмечено, что словацкие юноши отправлялись учиться кафельному мастерству в Венгрию, Чехию, Германию и возвращались оттуда опытными мастерами (*Holcik*, 1978. S. 119). Сложные многофигурные сцены религиозного содержания, с тщательной проработкой деталей и длинными пояснительными надписями приведены в книге Конрата Штрауса, посвященной изразцовому искусству в Германии, Австрии и Швейцарии в XV–XVI вв. (*Strauss*, 1966. Fig. 47, 63–65 и др.). В обстоятельной книге М. Домбровской приведен огромный массив материала, хранящегося в польских музеях, и сделаны интересные наблюдения, в частности, о том, что надписи были частью больших фраз и вместе с растительным орнаментом составляли род украшений плоскости (*Dombrowska*, 1987. S. 124). К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении книги не содержат прямых аналогий изразцам, найденным в Смоленске, ни по композиции, ни по надписям. Приведенные М. Домбровской надписи немногочисленны и делятся на две группы: поясняющие изображение (MARIA, LAURENTIUS) и называющие мастера или время изготовления (BARTHOSC FECIT –

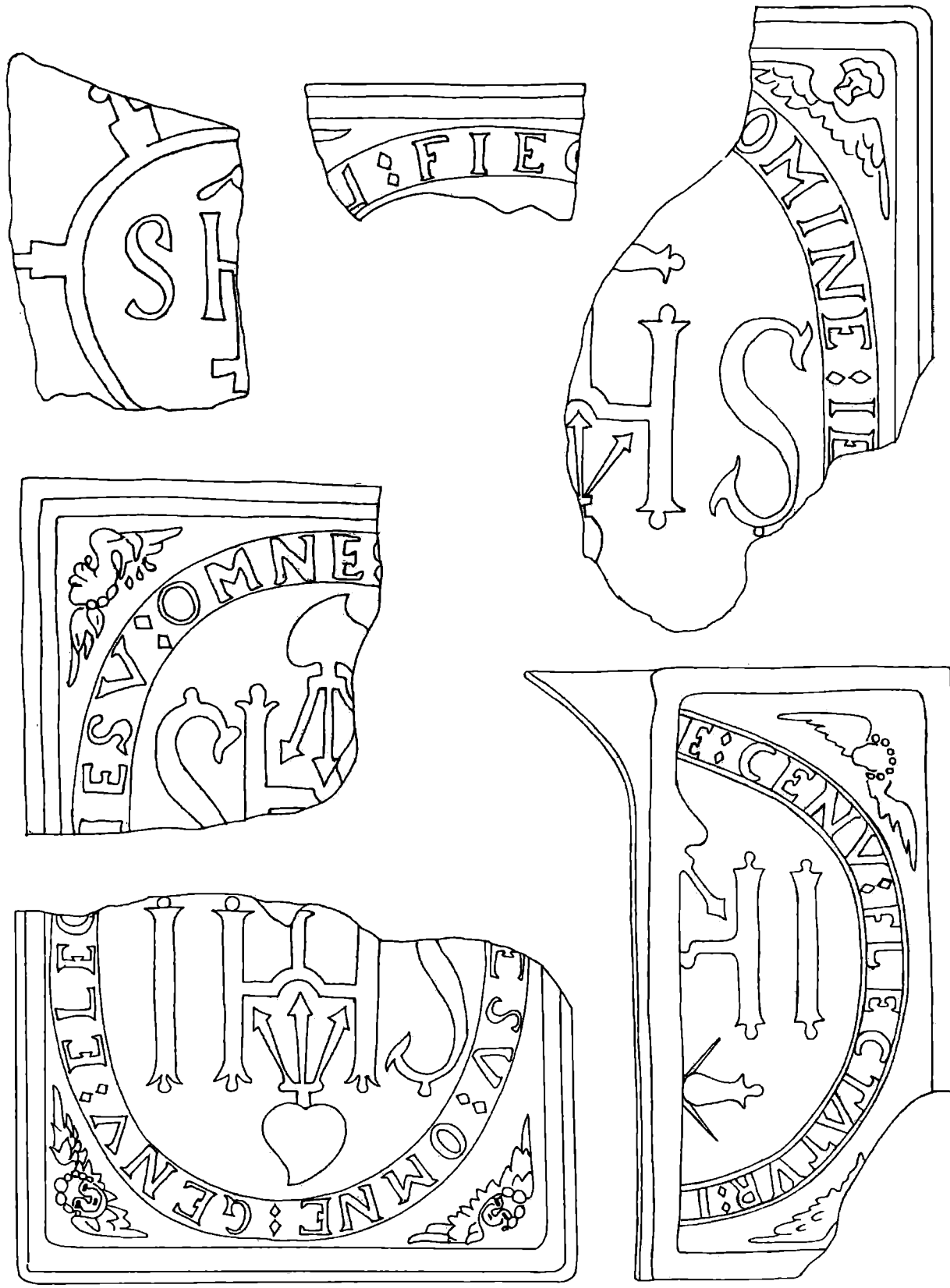


Рис. 1. Фрагменты изразцов с латинской надписью из раскопок в Смоленске

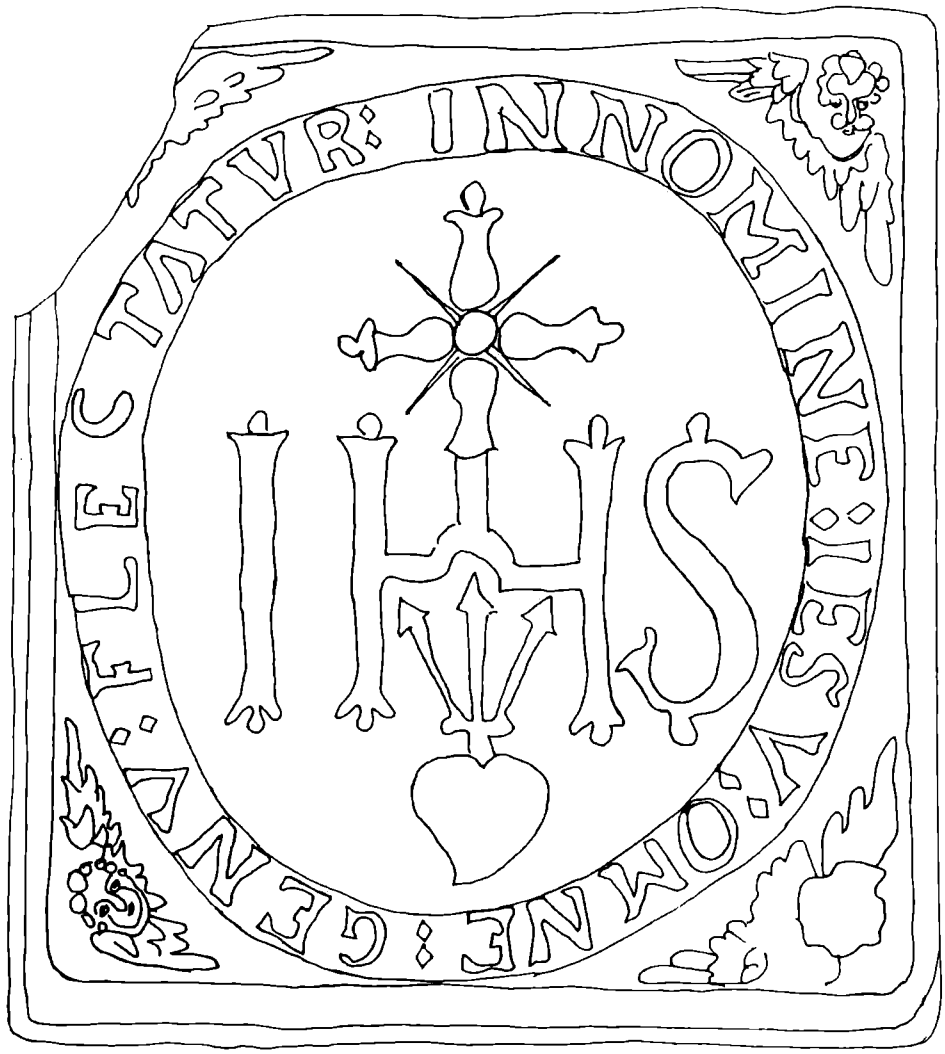


Рис. 2. Реконструкция лицевой части изразца с латинской надписью

«Бартош сделал»; DE KAZIMIRIA FEZIT – «при Казимире сделано») (*Dambrowska*, 1987. Il. 54). Иногда мастер ставил и свое имя, и год изготовления (HANS BERMAN 1562) или место изготовления (HANNSEN AUS WIEN) (*Ambrosiane*, 1910. Fig. 137; *Holcik*, 1978. S. 120). Ознакомление с литературой позволяет с большой долей вероятности предположить, что надпись на изразце из Смоленска пока не встречена в соседних странах.

Особо надо отметить, что во втором слове встречены ошибки: вместо «FLECTATUR» два раза на фрагментах оттиснуто «ELEC(tatur)», один раз – «FIE(ctatur)», также один раз вместо буквы F оттиснута буква V. Это говорит либо об износе формы, либо о наличии нескольких форм. На использование нескольких форм указывает и то, что размеры букв по высоте немного разнятся: от 1,6–1,7 до 1,9–2,0 см. Оба этих обстоятельства указывают, что таких изразцов было сделано довольно много. Наличие ошибок в слове «FLECTATUR» говорит нам о том, что мастер не знал латыни и изображал надпись как рисунок. Этот вывод косвенно подтверждают и разделяющие слова точки-ромбики.

Расположенная в центре композиции монограмма представляется главной частью композиции, значение которой удалось понять не сразу. Поиск аналогий был предпринят на территории соседних католических стран – Польши, Литвы, Венгрии, Австрии, Чехии и Словакии. В просмотренных работах М. Домбровской (1987), А. Таутавичюса (1969), К. Штраусса (1966), П. Войта и И. Нолла (1963), Ш. Холчика (1976) нет ни одного изразца с подобной монограммой. Только среди белорусских изразцов, найденных в Полоцке и опубликованных Р.Л. Розенфельдтом, имеется небольшое количество экземпляров с данной монограммой, вписанной в композицию «цветок в вазе» (*Розенфельдт*, 1969. С. 182. Рис. 2, *1*). Это прямоугольные изразцы размером 22х18 см, окантуренные рамкой шириной 0,7–0,8 см и покрытые зеленой поливой. Кроме моно-

1

2

Рис. 3. Рельефные изразцы XVI в.

1 – герб канцлера Льва Сапеги (Польша); 2 – изразец из коллекции музея в г. Висмар (Германия)

граммы, в композиции имеются еще две колонны по бокам и опирающийся на них полукруглый свод. В целом это выглядит как алтарная ниша, и присутствие здесь монограммы вполне уместно. Р.Л. Розенфельдт увидел в монограмме имя Христа и предположил, что «часть изразцов этого типа шла, очевидно, для сооружения печей в культовых зданиях» (*Розенфельдт*, 1969. С. 182). Эти изразцы Р.Л. Розенфельдт уверенно датирует первой половиной – серединой XVII в. Присутствие здесь имени Христа не подлежит сомнению, но прочтение буквы «Н», занимающей центральное место, остается загадочным. Эта буква изображена с полукружьем посередине горизонтальной перекладины, к которой присоединен крест, т. е. контур буквы стал в данном случае контуром католического храма: две колокольни по бокам, в центре арочный вход и крыша с крестом. Поиск привел к фразе «IESUS HOMINUM SALVATOR» – «Иисус людей Спаситель». Эти слова были написаны Игнатием Лойолой на алтаре подземной часовни Монмартра 15 августа 1534 г. и стали девизом для будущих иезуитов (*Андреев*, 2002. С. 281).

В нижней части композиции под монограммой-церковью изображено сердце, из которого вырастает трезубец. Смысл элемента становится ясным, если вспомнить, что иезуиты придавали особое значению сердцу. Как известно, духовник французского короля Генриха IV упросил его завещать свое сердце ордену иезуитов. После убийства Генриха хирург извлек его сердце из груди, и иезуиты торжественно поместили его в алтаре церкви святого Антония в Париже. В произнесенной по этому поводу проповеди были слова: «О какое доказательство своей любви дал он, оставив нам свое сердце, драгоценнейший в мире бриллиант, сокровище природы, кроткое вместилище всех даров небесных» (*Сказкин*, 1953. С. 210). Подчиненное положение сердца по отношению к церкви в данной композиции ясно показывает, что необходимо служить церкви всем сердцем. И последний элемент – трезубец, произрастающий из сердца, вероятно, говорит о трех обязательных для иезуита качествах: послушании, целомудрии и нестяжательстве. Хотя все монахи давали эти обеты, но для живущих в миру иезуитов соблюдение своих обетов было залогом успеха.

В целом, композиция изразца представляет собой набор символов, обозначающих присутствие в неком пространстве католической церкви и ордена иезуитов. Как известно, Смоленск расположен на пути из католических государств в Московию, а также с 1618 по 1667 г. входил в состав Польского государства. Оба эти обстоятельства могли быть причиной для организации в Смоленске католической миссии. Как известно, с середины XVI и до конца XVIII в. иезуиты активно занимались обращением иноверцев в католичество на самых разных территориях. Попробуем определить возможное время для существования в Смоленске иезуитской миссии, что поможет датировать данный артефакт.

Конец XVI в. и первые десятилетия XVII в. были для России временем смут и междуцарствий. Вместе с внутриполитическими проблемами обострялись и внешнеполитические. В 1587 г. королем Речи Посполитой стал Сигизмунд III Ваза, активный приверженец католицизма и сторонник

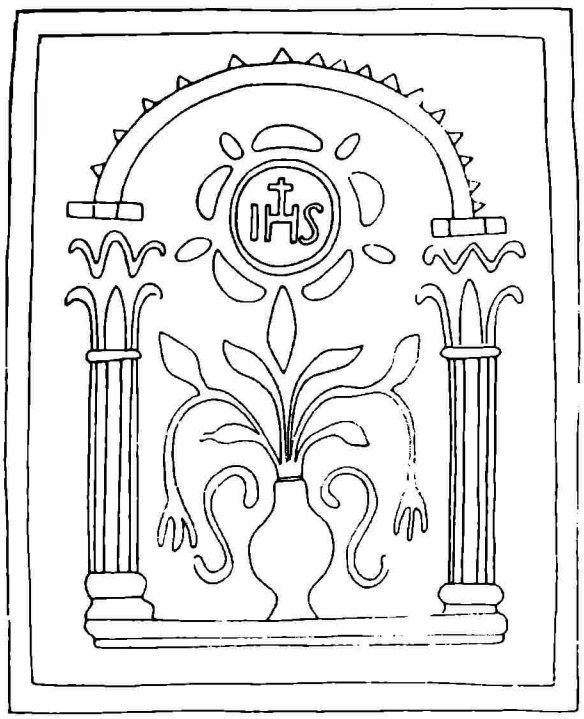


Рис. 4. Изразец рельефный из раскопок в г. Полоцке (Белоруссия), XVII в.

контрреформации, которого называли Филиппом II Севера. Это событие почти на пятьдесят лет определило характер отношений между Россией и Польшей. На рубеже XVI–XVII вв. насаждение Сигизмундом воинствующего католицизма в Речи Посполитой получило поддержку мощных и влиятельных группировок дворянства, которые «отказались от традиционных воззрений междворянской веротерпимости» («История...», 1993. С. 429). В 1596 г. под прямым давлением правительства была заключена Брестская уния Православной и Католической церквей, ставившая Православную церковь в зависимое положение. «Действия эти явно должны были не только содействовать упрочению католицизма на белорусских и украинских землях Речи Посполитой, но и создать благоприятные условия для экспансии католицизма далее на восток, на русские земли» («История...», 1993. С. 429). В ответ на притеснения православные стали искать поддержки в Москве, ослабленной в это время внутренними противоречиями. В годы первой крестьянской войны польско-литовские феодалы вмешались в русские внутренние дела, поддержали Лжедимитрия I, затем Лжедимитрия II, заняли Москву, подчинили боярское правительство и в итоге собирались присоединить Московию к Польше, сделав Владислава IV русским царем. Выступлению Сигизмунда был придан характер крестового похода, а его участникам Папа обещал отпущение грехов. Вторжение большой армии во главе с польским королем произошло в сентябре 1609 г. Был осажден Смоленск, осада которого продолжалась почти два года. Значимость Смоленска в этой военной компании была очень велика, поэтому не случайно там находился королевский лагерь. Смоленск закрывал прямую дорогу на Москву и был очень хорошо укреплен.

Хотя народное ополчение в 1612 г. и выгнало поляков из Москвы, Смоленск и окрестные земли по Деулинскому перемирию 1618 г. отошли к Польше и только в 1667 г. были возвращены России по Андрусовскому перемирию. После смерти Сигизмунда в 1632 г. была предпринята попытка вернуть Смоленск, но эта война окончилась неудачей для Москвы. Таким образом, между 1609 и 1667 гг. Смоленск находился под прямым влиянием Польши и Католической церкви. Один из эпизодов этого времени, касающийся жизни в Смоленске, приведен С.М. Соловьевым в его многотомной истории. «В 1640 г. Петр Могила (киевский митрополит 1633–1646 гг.) созывая собор, объявил в повестке, что собор созывается вследствие наступившего великого гонения. Московский отъезжик Павел Солтыков бил челом королю, чтоб позволили ему в Смоленске построить православную церковь св. Бориса и Глеба, и объявил: "Если не позволят нам устроить в Смоленске благочестивую церковь, то нам, всей шляхте православной веры, из Смоленска и из Дорогобужа, от мала до велика, ехать туда, где православная

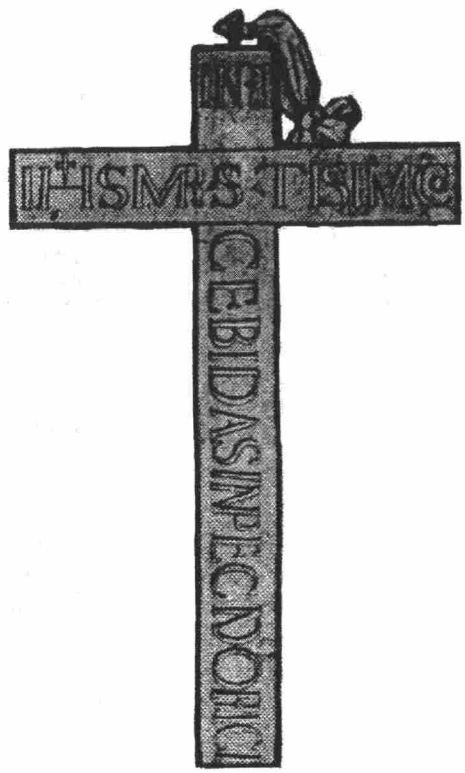


Рис. 5. Крест – эмблема Супремы (святой инквизиции)

вера свободна". Несмотря на эту угрозу, церковь строить не позволили, и больше всех вооружал короля и панов на православие недавний униат, смоленский архиепископ Андрей Золотой-Квашнин, который дал присягу, что в Смоленске, Дорогобуже, Чернигове и Стародубе всех православных приведет в унию» (*Соловьев*, 1990. С. 439) Авторы примечаний относят эти события к 1638 г. Хотя польский король Владислав IV (1632–1648 гг.) был прагматиком, продвижение католицизма на восток продолжалось вопреки хозяйственным и политическим трудностям, вопреки восстаниям казаков. 1630-е годы были временем нарастания антипольских настроений на украинских землях, и хотя казачьи выступления удалось подавить, время «золотого покоя» длилось всего десять лет (1639–1648 гг.). Московское правительство бдительно следило за ситуацией и при первой возможности вернуло смоленские и украинские земли, согласившись на просьбу Б. Хмельницкого принять Украину в состав России на Земском соборе 1653 г. В феврале 1654 г. началась война с Польшей и уже в сентябре того же года был освобожден Смоленск. В одном из польских донесений с театра военных действий сказано: «Мужики очень нам враждебны, везде на царское имя сдаются и делают больше вреда, чем сама Москва; это зло будет и дальше распространяться» («История СССР», 1946. С. 506.).

На фоне бурных событий первой половины XVII в., затронувших Смоленск, становится понятным появление в древнем русском городе изразцов с католической символикой. С их помощью можно было быстро и с небольшими затратами превратить помещение православное в католическое. Лаконичная композиция изразцов, использование всего двух разновидностей, ошибки в написании слов, точки между словами говорят о том, что заказ был срочный, и мастера вряд ли знали латынь. Мастера должны были вместо привычного растительного орнамента сделать композицию из слов и символов. Таким образом, изразцы только отчасти выполняли орнаментальную роль.

Литература

Андреев А., 2002. Монашеские ордена. М.

История СССР. М., 1946.

История Европы. Т. 3. М., 1993.

Розенфельдт Р.Л., 1969. Белорусские изразцы // Древности Восточной Европы. М.

Сергина Т.В., 2004. Керамика Смоленска середины XIII–XVII вв. Смоленск.

Сергина Т.В., 1996. Изразцы XV–XVII вв. из раскопок в Смоленске // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь.

Сказкин С.Д., 1953. Книга для чтения по истории средних веков. Ч. III. М.

Соловьев С.М., 1990. История России с древнейших времен. Кн. V.

Ambrosiane S., 1910. Zur Typologie der alteren Kacheln. Stockholm.

Dambrowska M., 1987. Kafle i piece kaflowe w Polsce do konca XVIII wieku. Wrozlaw.

Holcik S., 1976. Stredoveke kachliarstvo. Br.

Strauss K., 1966. Die Kachelkunst des 15. und 16. Jahrhunderts in Deutschland, Osterreich und der Schweiz. Strasbourg.

Tautavicius A., 1969. Vilnaus pilles kokliai (XVI–XVII a.) Vilnius.

Voit, Pall und Holl, Imre, 1963. Alte ungarische Ofenkacheln. Budapest.

G.K. Patrik, M.G. Gusakov

Unique tile from Smolensk

Summary

In the course of excavations in Smolensk in 2007 the fragments of the tiles with Latin inscription «GENU : FLECTATUR : INNOMINE : IESU : OMNE :» ("Kneel down in the name of God together") considered to be one of the ancient catholic motto were found. The mistakes made in the writing points to the fact that the tiles were produced by the local masters. Beyond that point there was placed the monogram of the name of Jesus Christ and heart with trident growing from it on the tiles. Probably all these markings could be connected with symbolics of the Jesus Society that could practice in Smolensk in the period of its entrance in the structure of the Poland (from 1618 to 1667).

А.Л. Высоцкий

Некрополь Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: уточнение исследовательской парадигмы

Если сравнивать работу археолога на памятниках мирового значения по важности, испытываемому волнению и пиетету с хирургическими операциями на мозге или сердце, то исследования в Троице-Сергиевой Лавре – духовном центре России – можно приравнять к операциям на душе. Такие «душеспасительные» работы Подмосковная археологическая экспедиция Отдела охранных раскопок ИА РАН ведет с 2003 г. Полевой сезон при этом имеет, как правило, перманентный характер, прерываясь лишь на православные праздники.

Специфика археологических работ в Лавре обусловлена целым рядом ограничений, из которых больше всего огорчает запрет на продолжение исследования слоя в случае обнаружения погребения. Погребение может быть зачищено, зафиксировано всеми возможными способами, но оставлено на месте. Именно поэтому раскопы 2003 г. на археологически перспективных участках, раскоп 2005 г. в подклете гульбища Трапезной, раскопы 2006 г. в двух западных помещениях подклета Трапезной были доведены до материка лишь на небольших пятачках, не превышавших 5% раскопочной площади.

Тем значимее становятся результаты наблюдений за работами по укреплению фундаментов старинных зданий и крепостных стен на территории Лавры, проводимых Патриаршим архитектурно-реставрационным центром (ПАРЦ). Эти работы сопряжены с разбивкой многочисленных шурфов размером 2х2 м по периметру крепостных стен и зданий. Глубина шурфов достигает 3–4 м. За редким исключением они проходят культурный слой насквозь, вскрывая на 1,0–1,5 м еще и материковые покровные суглинки и пески. Для нас в данном случае важно, что запрет на снятие погребений при отрытии таких шурфов не действует.

Проведенными в 2003–2007 гг. работами – как раскопками, так и наблюдениями за шурфами – удалось выяснить мощность культурного слоя (от 1 до 7 м) и степень его сохранности в центральной части монастыря, включая площади под Казначейским корпусом, Трапезной с церковью прп. Сергия Радонежского, Успенским собором и по его периметру, у южного и западного прясел крепостной стены, а также исследовать на значительной территории некрополь конца XVIII – начала XX в. у Смоленской церкви.

Многочисленные и порой основательные перепланировки и нивелировки поверхности, частые пожары, строительная и хозяйственная деятельность, осуществлявшаяся на территории монастыря в разные периоды его существования, создали видимую слоистость культурного слоя[1]. Слоистость (вертикальная дискретность) усугубляется фациальным характером напластований (горизонтальной дискретностью). В центральной части монастыря, включая пространство под Трапезной и Успенским собором, слои спокойного накопления сохраняются лишь в виде небольших останцов между многочисленными разновременными могильными ямами.

Проблема фиксации границ некрополя Троице-Сергиевой Лавры в свете последних работ приобрела новые нюансы. Удалось определить южную и, приблизительно, северную и восточную границы некрополя, выяснить многоярусность его слоев и их хронологическую неоднородность. Отсутствие при большинстве исследованных погребений датирующего материала поставило под сомнение принципиальную возможность самой хронологической дифференциации погребений методами археологии. Пришлось обратить более серьезное внимание на глубину, уровень отрытия и заполнение могильных ям, изучить историю Лавры в контексте использования различного строительного материала в храмовом строительстве, в том числе, параметры кирпичей в хорошо датированных сооружениях на территории Лавры. Проделанная работа позволила выделить сле-

[1] В центральной части монастыря почти полностью снесены слои периода польской осады (1608–1610 гг.), о чем свидетельствуют чрезвычайно редкие находки белоглиняной гладкой керамики (МБК-2, по В.Ю. Ковалю).

дующие археологически фиксируемые хронологические реперы:

– глубина могильной ямы относительно уровня ненарушенного материка;

– строительные горизонты датированных сооружений;

– фрагментированные белокаменные блоки и известковая крошка, впервые использовавшиеся при сооружении Троицкого собора в 1422 г.;

– фрагменты плинфообразных кирпичей, использовавшихся псковскими мастерами при строительстве Духовской церкви (1474–1476 гг.). Более ранняя кирпичная Трапезная 1456 г. располагалась в стороне от некрополя, и ее кирпичи не попадают в исследованные погребения;

– большемерные кирпичи конца XV – XVII в. Их, в свою очередь, можно разделить на три типа: 1) кирпич введенный Аристотелем Фьораванти не ранее 1475 г. (6,5x2,5x1,5 вершка, или 28,96x11,2x6,72 см – «История русской архитектуры», 1994. С. 253); 2) кирпич середины XVI в. (31,2/31,8/32,5/32,6x14,7/15,8/16,1x8,7/9,0/9,3 см[2]); 3) более поздний «государев» кирпич конца XVI – первой половины XVII в. (7x3x2 вершка, или 31,36x13,44x8,96 см – «История русской архитектуры», 1994. С. 202).

Дальнейший анализ позволил прийти к выводу об эмерджентном[3] характере некоторых из выделенных хронологических реперов. К эмерджентам, или внезапно появляющимся в слое ранее не встречавшимся компонентам, имеющим сравнительно узкую датировку, я отношу белокаменный гравий, известковую крошку, псковский кирпич Духовской церкви, белокаменные надгробия. К сожалению, более поздний кирпич, за исключением кирпича второй половины XIX – XX в., с площади Лавры пока не поддается однозначной датировке.

С выделенными эмерджентами хорошо коррелирует глубина могильных ям относительно ненарушенного материка. Одного количества исследованных могильных ям с выявленной глубиной дна относительно ненарушенного материка, к сожалению, не достаточно для достоверного статистического анализа степени корреляции с эмерджентами. Но *aposteriori* степень эта принимается за очень высокую.

Проведенным эмерджентным анализом выявленных погребений с учетом относительной глубины могильных ям удалось дифференцировать монастырский некрополь на пять археологически четко различающихся хронологических этапов.

Некрополь А – древнейший дособорный некрополь – датируется серединой XIV в. – 1422 г. Помимо датируемых артефактов к археологическим признакам можно отнести близкое (на 20–30 см выше) к уровню материка устье могильной ямы, в заполнении которой отсутствуют белокаменная и кирпичная крошка.

Некрополь В – ранний послесоборный – 1423–1476 гг. Из археологических признаков можно выделить сравнительно глубокое относительно современной дневной поверхности дно могильной ямы, в заполнении которой нет кирпичной крошки, но есть белый камень. Намогильные белокаменные плиты отсутствуют.

Некрополь С – плиточный, 1477–1699 гг., естественным образом разделяется на:

– некрополь С (a) – плиточный, ранний, 1477–1550 гг. Среди археологических признаков можно назвать наличие намогильных плит с треугольно-выемчатой резьбой и наличие в заполнении ям редкой кирпичной и белокаменной крошки. Высота кирпича там, где ее удается определить, превышает 6,5 см, доходя до 8,5. Дно могильных ям располагается на 10–40 см выше дна могильных ям некрополя В;

– некрополь С (b) – плиточный, поздний, 1550–1699 гг. К археологическим признакам можно отнести преобладание жгутового орнамента плит, их увеличенную толщину и присутствие в заполнении могильных ям обильной кирпичной белокаменной крошки и извести. При этом кирпичные обломки достигают высоты 8–9,4 см. В редких случаях присутствуют белокаменные саркофаги. В сохраняющихся реминисценциях треугольно-выемчатого орнамента плит присутствуют заметные инновации.

Некрополь D – Петровско-Александровский (XVIII — первая четверть XIX в.) с вычурно орнаментированными высокими плитами из разного камня. Появляются склепы из большемерного кирпича на известково-песчаном растворе.

Некрополь Е – поздний (вторая четверть XIX – XX в.). Преобладают простые сводчатые склепы и склепы типа семейных усыпальниц. Размеры кирпича близки к современным. Погребения совершаются исключительно в гробах, внутри которых часто находятся цинковые гробы – свидетельство перевозки умершего на дальнее расстояние. В этот период появляется цементный скрепляющий раствор.

Произведенная дифференциация некрополя значительно упрощает датирование погребений и расширяет круг вопросов, стоящих перед археологическим объектом.

[2] Кирпичи в обнажении нижней части стены XVI в. южной части восточного фасада Казначейского корпуса. Замеры автора.
[3] От английского *emergent* – внезапно возникающий.

Верификацию предложенного метода датирования безынвентарных погребений и дифференциации некрополя можно провести на примере археологически «убитого» шурфа У-4/05, описание профилей которого приводится ниже. Шурф 2х2 м при глубине 4,35 м откапывался в 2005 г. у южной стены Успенского собора Лавры, в 2,4 м к востоку от южного крыльца, на месте более раннего шурфа 2001 г. В сущности, мы наблюдали за извлечением грунта из перекопа 2001 г., в котором практически отсутствовали какие-либо археологические находки. Погребения также отсутствовали. Однако после зачистки стен шурфа выяснилось, что когда-то в площади шурфа находилось 10 погребений, уничтоженных шурфом 2001 г. По уровню дна могильных ям, выделенным выше эмерджентам и взаимному расположению погребения были достаточно надежно датированы.

Профили шурфа

Восточный профиль. В профиле зафиксированы следы четырех погребений и одна белокаменная надмогильная плита XVI в. с читаемой надписью. Северная граница профиля опускалась вдоль фундамента собора, подошва которого находится на уровне -265 см (209,52)[4].

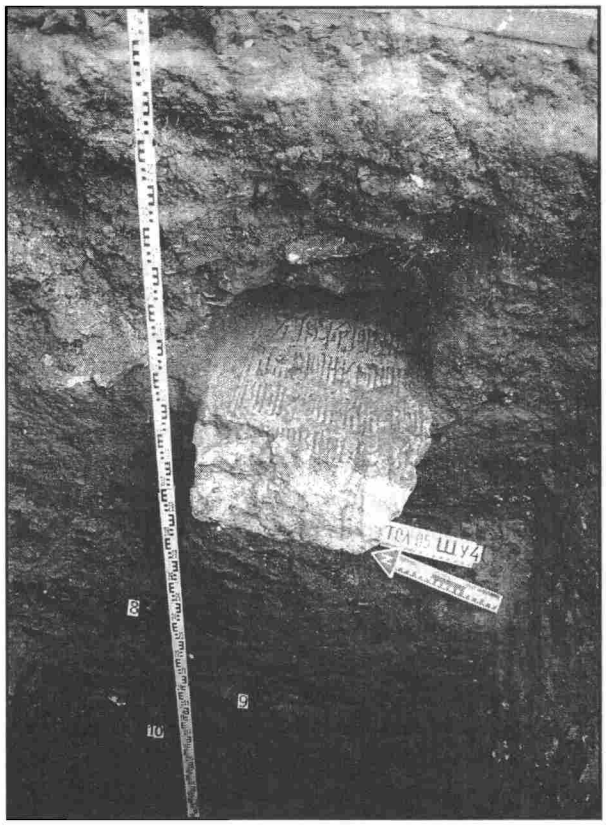


Рис. 1.Восточный профиль шурфа У-4/05. Фото

Под песочной подушкой с кирпичным гравием (слой 1), подстилающей современную плиточную отмостку периметра собора, находился слой темного серо-коричневого суглинка с кирпичной крошкой (слой 2), подошва которого опускалась к югу с перепадом высот в 33 см (мощность слоя от 9 до 40 см). Ниже находился мощный слой серо-коричневого суглинка с обильной известковой и кирпичной крошкой, битым кирпичом (слой 3а), подошва которого двумя уступами падала к югу с перепадом высот 80 см. Именно в этом слое находилась белокаменная плита толщиной 31 см, верх которой находился на уровне -95 см (201,22).

Нижележащий слой серо-коричневого суглинка (слой 3б) представлял собой слабо переработанный материковый суглинок и отличался от слоя 3а меньшим присутствием известковой крошки, вместо которой наблюдались вкрапления кусочков белого камня, отсутствием битого кирпича и незначительным присутствием кирпичной крошки и древесных угольков. Слой имел мощность до 1,20 м и ограничивался снизу материком, нарушенным тремя погребениями (№ 8–10). Высшая отметка материка находится в северной части профиля на уровне -190 см (210,27). Судя по струящимся вниз следам подзола, нарушенность материка в этой части профиля незначительна – 7–10 см. Можно с достаточной долей уверенности полагать, что уровень ненарушенного материка в этой части профиля находился на отметке 210,35–210,37.

Погребение 8, нарушающее материк в северной части профиля, в разрезе представляет собой слабоизогнутую дугу тлена протяженностью 60 см, частично перекрывшую погребение 10, находившееся южнее. С юга над этой же могильной ямой нависает дуга тлена от погребения 9, располагающегося прямо под белокаменной плитой. Расстояние от дна погребения 9 до плиты – 95 см. В профиле ямы, рядом с костями погребенного, найдена стенка красноглиняного грубого сосуда окислительного обжига с песком в тесте, толщиной 5 мм. Внешняя поверхность стенки черно-коричневого цвета, внутри красно-коричневая прослойка.

Могильная яма погребения 10 углублена в материк на 90 см, имеет вертикальные стенки и неровное дно на уровне -260/-263 см (209,57). На дне слой тлена мощностью до 7 см. Видимая ширина ямы 44 см.

Уровень дна погребения 8 – минус 185 см, погребения 9 – минус 224 см. В заполнении над погребениями 8 и 9 – редкая известковая, белокаменная и кирпичная крошка, угольки. В ненарушенной части погребения 10 есть известковая

[4] Все глубины даны в см от условного нулевого репера (в скобках указана та же отметка по балтийской системе высот).

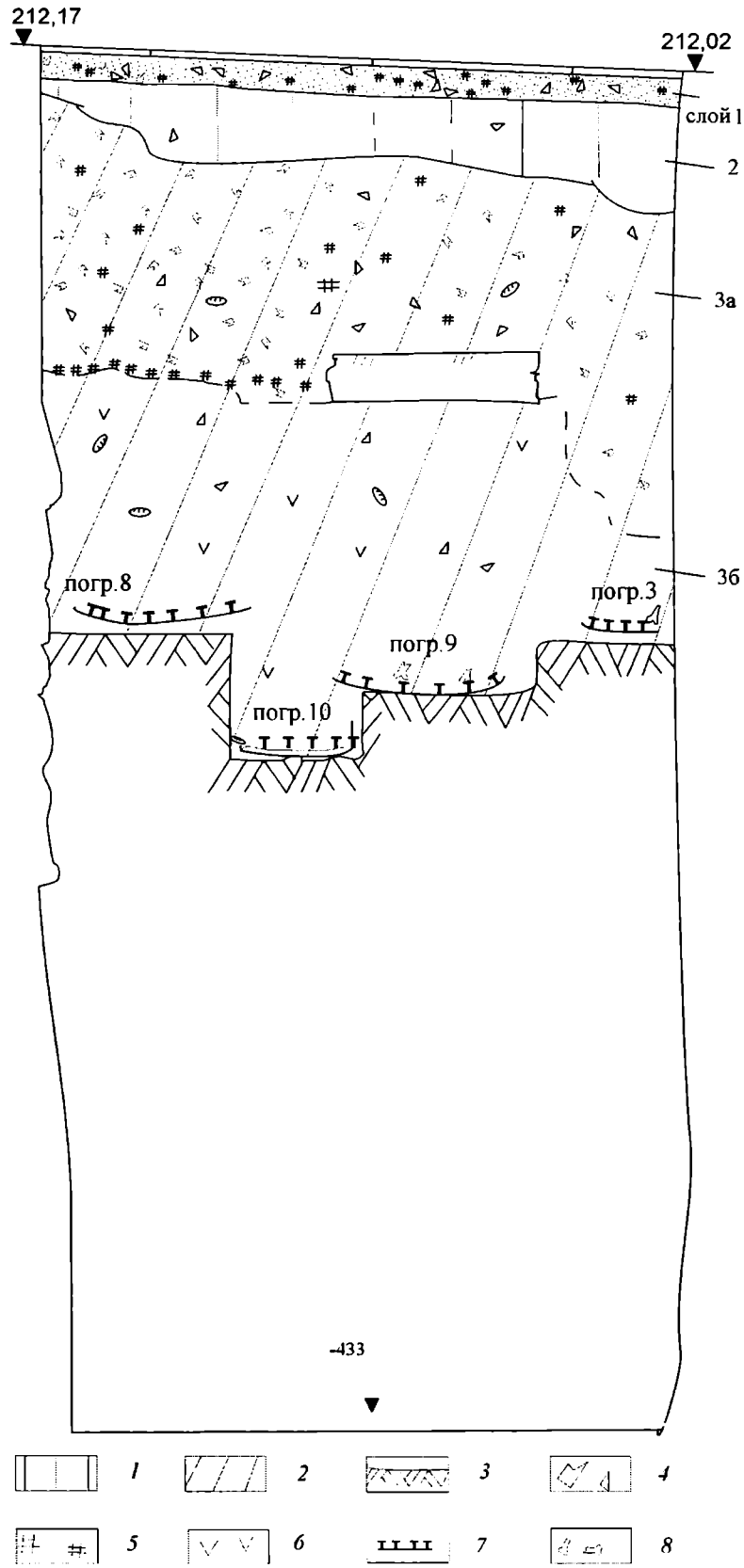


Рис. 2. Восточный профиль шурфа У-4/05. Чертеж

Условные обозначения: *1* – темно-серый суглинок; *2* – серо-коричневый суглинок; *3* – материк; *4* – обломки кирпича и кирпичная крошка; *5* – известь; *6* – уголь; *7* – древесный тлен; *8* – фрагменты костей

и белокаменная крошка, угольки, но нет кирпичной крошки.

У юго-восточного угла шурфа в профиле просматривалась часть могильной ямы и левая берцовая кость погребения 3 на уровне -190 см. В заполнении встречаются кирпичный щебень и белокаменная крошка.

Южный профиль представлен теми же слоями 1–3, но в профиле они располагаются горизонтально. На уровне -184 см от юго-западного угла отходит тонкая полоска древесного тлена дна погребения 3, протяженностью 76 см. Очевидно, погребение было ориентировано ногами не строго на восток, а со смещением к северу, так как кости ног этого погребения фиксируются в восточном профиле. Ниже на уровне -239 см (209,78) находится неровное дно могильной ямы погребения 5, опущенное в материк на 35 см. В ненарушенной нижней части заполнения погребения 5 отсутствует кирпичная крошка, встречаются лишь редкие включения угля и известковой крошки. В остальной части профиля присутствуют белокаменная, кирпичная и известковая крошка, угольки.

Между погребениями 3 и 5 на уровне -203 см (210,14) находится тонкая прослойка древесного тлена и темно-серого суглинка длиной 96 см, нависающая над могильной ямой погребения на протяжении 30 см. Прослойка не прослеживается в соседних профилях и идентифицируется как след погребения, находящегося большей частью вне пределов шурфа. Дно этого погребения в профиле находится лишь на незначительно нарушенном материке, о чем свидетельствует тонкая прослойка подзола на уровне -206 см (210,11), видимая сразу под слоем темно-серого суглинка в восточной части профиля. По опыту наблюдений за шурфами на территории Лавры можно предполагать, что уровень ненарушенного материка на 2–3 см выше наблюдаемого, и, таким образом, определить его до совершения погребения 6 равным 210,14.

Западный профиль. Слой 2 в профиле имеет мощность 42 см. В северо-западном углу шурфа он опускается в могильную яму погребения 1 с видимой шириной 55 см. Дно могильной ямы находится на уровне -116 см, опускаясь в слой 3 на 56 см. Яма вырыта вплотную к фундаменту, видимая южная стенка вертикальная. Уровень дневной поверхности не фиксируется. Слой 3 в профиле не дифференцируется на варианты 3а и 3б, опускаясь до уровня -220 см (209,97). В профиле слоя 3 зафиксировано три погребения. Погребение 2 находится в центре профиля на глубине -150 см (210,67). Из стены шурфа выступают дистальные эпифизы двух бедренных костей погребенного. Границы могильной ямы не фиксируются.

У юго-западного угла шурфа на глубине -185 см (210,32) в профиле находятся кости свода черепа, оставшиеся от погребения 3. Дно могильной ямы погребения 3 на уровне -205 см (210,12) покрыто слоем древесного тлена и бурой глиной.

В полуметре ниже погребения 2 и на 17–20 см ближе к фундаменту в слое 3 находится погребение 4, которое фиксируется по двум дистальным эпифизам бедренных костей на уровне -205 см (210,12).

Ниже погребений 3 и 4 находилось еще три погребения (№ 5–7), в заполнении могильных ям которых отсутствовала кирпичная крошка. Погребение 5 фиксировалось по подрезанному материку, на поверхности которого наблюдались отдельные фрагментированные кости человеческого скелета на уровне -232 см (209,85). Погребение находилось в части профиля, примыкающего к юго-западному углу шурфа прямо под погребением 3, отстоящим по вертикали на 30 см от погребения 5.

Могильная яма погребения 6 с дугой древесного тлена от колоды фиксировалась у северо-западного угла шурфа. Дно ямы ровное, материковое, находилось на уровне -260 см (209,57). По сохранявшимся придонным частям стен ширина могильной ямы составляла 75–80 см.

Между погребениями 5 и 6 фиксировалась нижняя часть могильной ямы погребения 7. Дно ямы ровное, со скругленными углами находилось на уровне -281 см (209,36). По дну ямы прослежен древесный тлен, поднимавшийся по стенам вверх на высоту 10–12 см. Погребение 7 было нарушено в древности, что определилось после зачистки той части его костяка, которая выступала из западной стенки шурфа (см. фото). Этой частью оказалась бедренная и берцовые кости одной ноги со ступней.

Северный профиль обнажал фундамент собора, выложенный из ряда блоков тесаного сланца зеленого цвета, перекрывающего бутовую крупновалунную кладку. Тесаные блоки имели высоту 22–23 см. Длина их варьировалась от 32 до 58 см. Крупновалунная забутовка с известковой проливкой начиналась с уровня – 99 см (211,18) и заканчивалась на глубине -260 см (209,57). Фундамент находился непосредственно на материке. В центре профиля зафиксирована находящаяся сразу под фундаментом глубокая яма с легко сужающимися книзу стенками, заполненная серо-коричневым суглинком с белокаменной, кирпичной и известковой крошкой. Ширина ямы 48–38 см, глубина – 109 см (от фундамента). Под ямой и сбоку от нее располагается пятно оглеенного суглинка серо-зеленого цвета. Возможно, яма появилась в резуль-

тате закладки на этом месте геологического шурфа в конце XX в.[5]

Массовый материал. Кроме стенки красноглиняного грубого сосуда со дна погребения 9, весь керамический материал шурфа происходит из отвала. Здесь встречены четыре фрагмента мореной, два – чернолощеной, три – красноглиняной грубой и два – белоглиняной грубой керамики.

Предварительные выводы и хронология

Наличие большого количества обломков большемерных кирпичей в слое 3а, известкового выплеска на границе слоев 3а и 3б, строительного мусора и датированной белокаменной плиты позволяют нам соотнести слой 3а с периодом строительства Успенского собора (1559–1881 гг.).

Погребение 1, судя по заполнению могильной ямы и высокому уровню его дна, можно считать самым поздним из фиксируемых в шурфе У-4/05. Несмотря на то, что какого-либо датирующего материала для погребения 1 извлечь не удалось[6], мы предварительно датируем его XIX – первой половиной XX в.

Для остальных захоронений важна датировка намогильной белокаменной плиты из восточного профиля. Дата на плите читается как 7080 (1572), что соотносится со второй половиной XVI в. – датировкой, принятой для плит со жгутовым орнаментом. Располагающееся под плитой на глубине 95 см погребение 9, таким образом, имеет точную дату (конечно, в том случае, если положение плиты принято за первоначальное, и дата приходится на период затянувшегося строительства собора).

Учитывая наличие уклона местности к югу, фиксируемое по материку и по подошве слоя 3а, выплеску извести, тянущегося в профиле от фундамента к плите по границе слоев 3а и 3б, можно заключить, что погребение 8 совершено: а) на сопоставимой с погребением 9 глубине; б) с учетом границ погребения 9 (точнее, погребение 9 совершено с учетом границ погребения 8); в) до строительства южной стены собора; г) раньше погребения 9.

В таком случае можно предполагать хронологическую близость погребений 8 и 9.

Погребения 2–4 совершены после строительства собора. Вывод делается на основании того, что в заполнении их ям присутствует только слой с обильной кирпичной крошкой и кирпичным гравием, белокаменной и известковой крошкой. При этом граница слоев 3а и 3б, фиксируемая в восточном профиле, над этими погребениями уничтожена. Уровень погребения 2 и факт перекрывания им погребения 4 свидетельствуют о значительно более позднем совершении погребения 2 по сравнению с более ранними погребениями 3 и 4, которые мы склонны относить к концу XVI – самому началу XVII в.

Самыми ранними погребениями по уровню обнаружения и факту отсутствия кирпичной крошки в заполнении могильных ям (1474–1476 гг. – строительство Духовской церкви из кирпича в 40 м к ЮЗ от шурфа) являются погребения 5–7 и 10. Погребения 5 и 10 (в том случае, если глубина могильных ям составляет 1,0–1,2 м) могут быть датированы серединой – третьей четвертью XV в., а погребения 6 и 7 – первой четвертью XV в. В заполнении могильных ям этих двух последних погребений нет белокаменной крошки, появляющейся в слое Лавры только после возведения белокаменного Троицкого собора (начало строительства – 1422 г).

Предложенный принцип эмерджентной дифференциации некрополя, как представляется, вполне применим не только на площадях других монастырей, но и при исследовании любых позднесредневековых поселений городского типа. Возникающий при такой дифференциации сдвиг области решаемых проблем некрополя представляется методологически оправданным и гносеологически продуктивным.

Литература

Высоцкий А.Л., 2007. Отчет об охранных работах Подмосковной археологической экспедиции на территории Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в 2006 году // Архив ИА РАН.

История русской архитектуры / Ред. Ю.С. Ушаков и Т.А. Славина. СПб., 1994.

[5] Информация предоставлена руководителем Проектно-изыскательского Отдела ПАРЦ Хахуновым М.М.

[6] Находка в отвале фрагмента кожаной обуви и поздняя обувная подковка из всех погребений шурфа может быть соотнесена лишь с погребением 1.

A.L. Vysotskiy

Necropolis of the Holy Trinity and St. Sergius Laura: specification of the investigational model

Summary

The article is devoted to the results of the archaeological observations on the territory of the famous Russian monastery in Sergiev Posad (former Zagorsk) built by the saint Sergius of Radonezh. The author suggests archaeological criteria for the separation of the burials of the different periods having no identification marks on the modern surface excavated on the territory of the necropolis.

В.В. Щербаков

Исследование Воскресенского погоста в 2007– 2008 годах

Свое название погост получил по церкви Воскресения Христова, построенной, скорее всего, в XVII в. (точная дата не известна). Впервые церковь упоминается в писцовых книгах XVII в. Помимо этого ее упоминание также было встречено в ландрацких книгах первой четверти XVIII в., однако уже в документах конца XVIII в. Упоминания церкви не содержится, а место, на котором она стояла, названо пустошью. Рядом с погостом расположена Иванкова пустошь (рис.1).

По данным архивных источников:

"Воскресенский Погост на речке Перемойке (1782 г.), пустошь Александровского уезда Ведомства коллегии экономии отдается в оброк: пашни – 15 десятин 12000 сажень, сенокос – 2 десятины, неудобья – 1510 саженей на реке Ишмахты, Перемойка тож, на левой стороне земля иловата хлеб и покосы средственны" (РГАДА. Л. 80. № 576).

"Иванкова пустошь Александровского уезда с пустошами Александра Ивановича Нарышкина (1782 г.): пашни – 27 десятин, сенокос – 25 десятин, лес – 175 десятин, неудобья – 3 дясятины (2064 саженей). Овраг Монковского на правой, овраг Мачихинского – на левой, речки Ишмахта, Перемойка тож на обеих сторонах земля иловата, хлеб и покосы средственны, лес средственной" (РГАДА, Л.80. № 575).

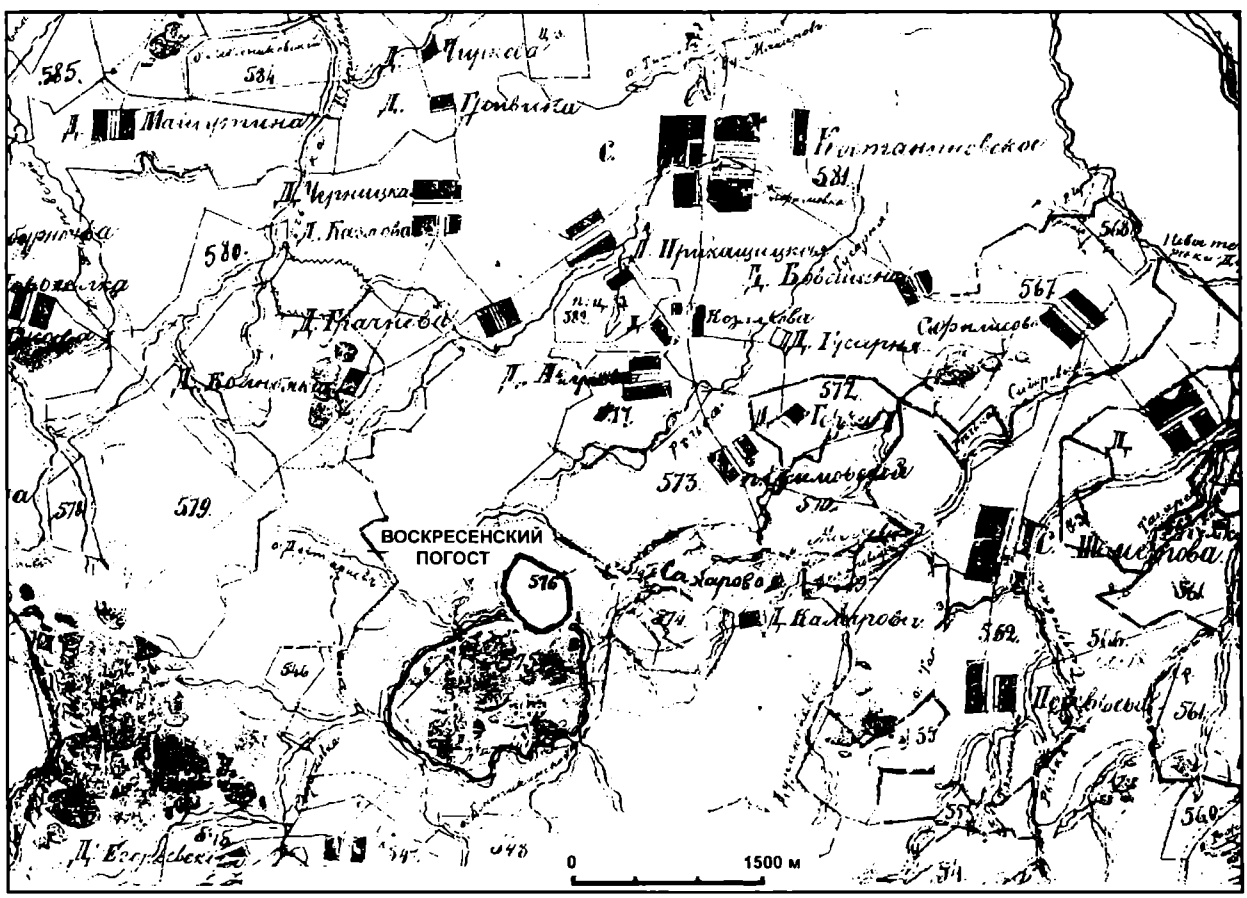


Рис. 1. Карта Генерального межевания 1782 г. Александровский уезд Владимирской губернии

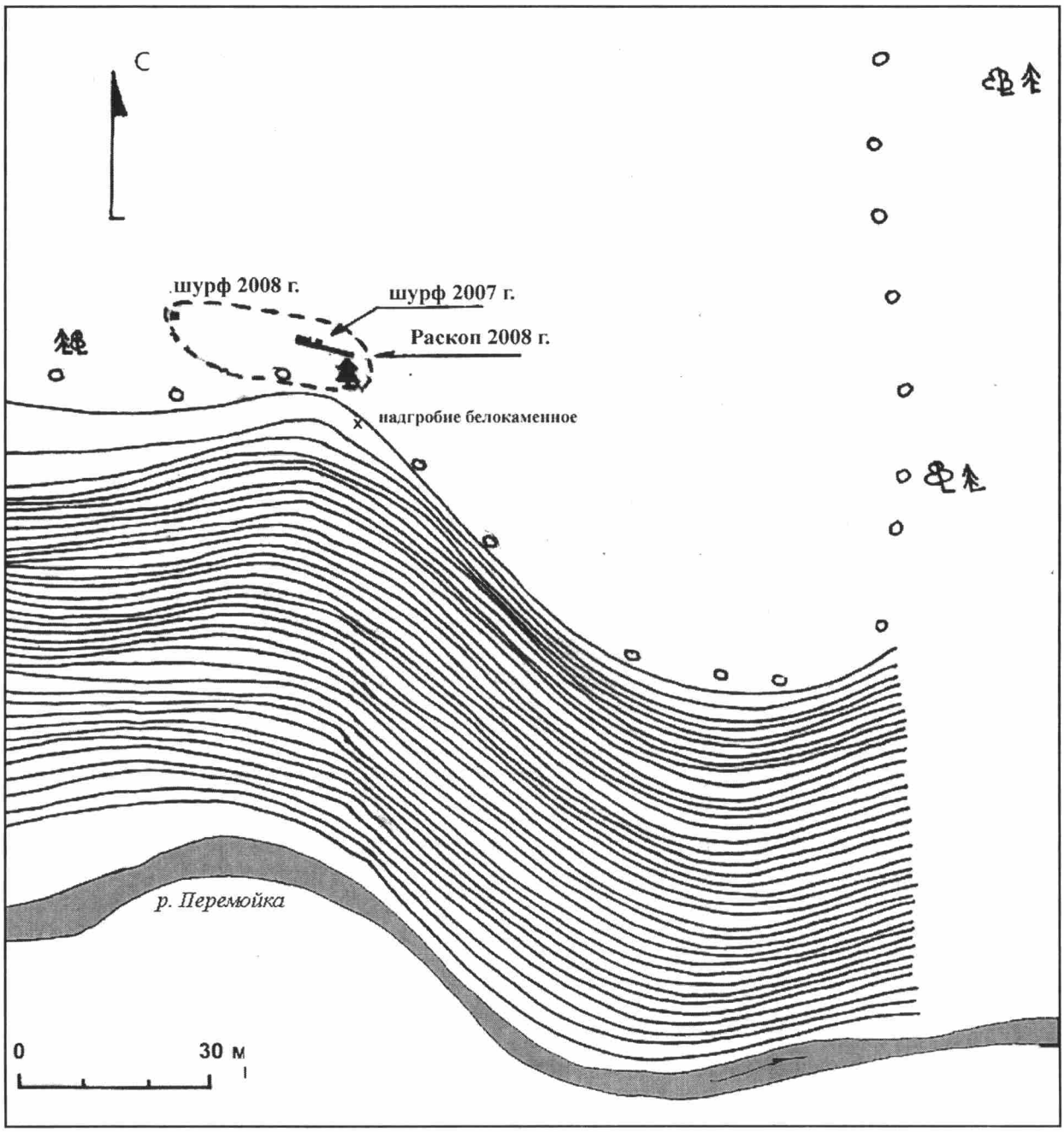


Рис. 2. Селище Сахарово-3 (Воскресенский погост). Ситуационный план

Исследования 2007 года

В 2007 г. в районе д. Сахарово была обнаружена белокаменная могильная плита XVI в. В ходе дальнейшего исследования местности было выявлено селище Сахарово-3 (Щербаков, 2008. С. 5–9. Рис. 2–23), расположенное в 1,43 км к западу от д. Сахарово Сергиево-Посадского муниципального района Московской области. Селище занимает небольшой участок на краю леса, с севера к нему примыкает поле. Оно расположено на левом берегу р. Перемойка (левый приток р. Дубна), в 80 м к юго-западу от нее, в 36 м над уровнем воды. На памятнике выявлен культурный слой (серо-коричневый суглинок, переотложенный, сильно задернованный и залесованный) мощностью 0,5х0,8 м.

Для выявления мощности культурного слоя в 14 м от края поля был заложен шурф 1 (1х1 м). В шурфе было найдено 53 фрагмента сильно окатанной, преимущественно красноглиняной гладкой керамики XV–XVII вв.

Особого внимания заслуживает белокаменная надгробная плита XVI в. (рис. 2), возможно, сохранившая остатки надписи, обнаруженная в 21 м к северу от края поля (Щербаков, 2008. С. 7. Рис. 8). По всей видимости, плита была перенесена сюда

Рис. 3. Селище Сахарово-3 (Воскресенский погост). Белокаменная надгробная плита

из другого места. Ее длина составляет 1,23 м, ширина в изголовье – 0,46 м, в ногах – 0,42 м, толщина – 0,07 м. Найдены еще два фрагмента белокаменных надгробных плит XVI в., в том числе, с "розеткой" (Щербаков, 2008. С. 7. Рис. 23).

Из подъемного материала происходит фрагмент глиняного рыболовного грузила (рис. 6, 5), четыре железных ножа (рис. 4, 3–6), восемь кованых гвоздей разного размера. Определить точное местоположение находок не представляется возможным, так как они были найдены и оставлены под деревьями "черными" археологами.

Из подъемного материала происходят также 69 фрагментов круговой керамики, в том числе, красноглиняной (рис. 7, 1, 5) и ангобированной пятнами, датируемой XV–XVI вв. (рис. 7, 2–4), аналогии которой встречаются в Москве.

Исследования 2008 года

В 2008 г. исследования на Воскресенском погосте были продолжены. В восточной части исследуемого участка была заложена траншея протяженностью 11 м и шириной метр. Был вскрыт культурный слой мощностью 0,9-1,0 м. В западной части траншеи на материке зафиксированы остатки четырех погребений. Погребение 1, представленное плохой сохранности черепом со всеми зубами, было повернуто на юго-восток и принадлежало женщине 40–45 лет. От погребения 2 сохранился фрагмент бедренной кости взрослого человека. Погребение 3 было представлено сохранившейся затылочно-теменнаой частью черепа взрослого человека и ориентировалось на север. Погребение 4, состояло из свода черепа с фрагментами лицевых костей взрослого человека и было ориентировано на северо-восток. Таким образом, существование на этом месте погоста было подтверждено.

На поверхности земли, у елки (рис. 1) был найден железный цилиндрический замок (рис. 6, 1) типа Б, датируемый XII-XIV вв. (Колчин, 1959. С. 79, 87. Рис. 65, 2; 70), фрагмент замка (рис. 6, 2), наконечник стрелы (рис. 6, 3) типа 7 по О.В. Двуреченскому (2007. С. 285. Рис. 10), относящийся к XVII в., бронзовая пуговица XVII в. (рис. 6, 4), железное шило (рис. 6, 6), кочедык типа 1 по Б.А. Колчину, датируемый XVI в. (рис. 5, 1), пряжки (рис. 5, 2, 4); сверло (рис. 5, 3), накладка (рис. 5, 5); крюк (рис. 5, 6), фрагмент серпа с клеймом (рис. 5, 7) и ножи (рис. 4, *1,2, 7,8*).

В траншее собраны фрагменты керамики и печина, а также фрагменты гвоздей и железных предметов. Кратко перечислим основные находки:

пласт 1: 15 фрагментов керамики (красноглиняной грубой – 4, красноглиняной гладкой – 11) и мелкие фрагменты печины:

пласт 2: два предмета железных, 59 фрагментов керамики (красноглиняной грубой – 23, красноглиняной гладкой – 33 (рис. 8, 2), белоглиняной грубой – 1, чернолощеной – 1, мореной – 1) и мелкие фрагменты печины;

пласт 3: два железных гвоздя и два предмета железных, 101 фрагмент керамики (красноглиняной грубой – 36 (рис. 8, 4, 8), ангобированной – 1, красноглиняной гладкой – 62, чернолощеной – 1, мореной – 1);

пласт 4: скоба железная и предмет железный, 42 фрагмента керамики (красноглиняной грубой - 14 (рис. 8, 3, 5–7), красноглиняной гладкой – 28 (рис. 8, 1), мелкие фрагменты печины):

пласт 5: три гвоздя, предмет железный, 32 фрагмента керамики (красноглиняной грубой – 11, красноглиняной гладкой – 30, мореной – 1).

Керамический материал в основном был представлен мелкими сильно окатанными фрагментами, причем керамика нового времени практически не встречалась.

Для изучения распространения культурного слоя в 20 м к западу от траншеи был зало-

жен шурф 2 (рис. 2) размерами 1x1 м. Мощность культурного слоя в нем составила 0,9 м. В пластах 1 и 2 были найдены фрагменты красноглиняной грубой (1) и красноглиняной гладкой (5) керамики.

Таким образом, итогом работ 2007-2008 гг. стало обнаружение позднесредневекового селища, возможно, связанного с Иванковой пустошью. Были также обнаружены остатки кладбища, на котором находились белокаменные надгробные плиты, подтверждающие существование Воскресенского погоста.

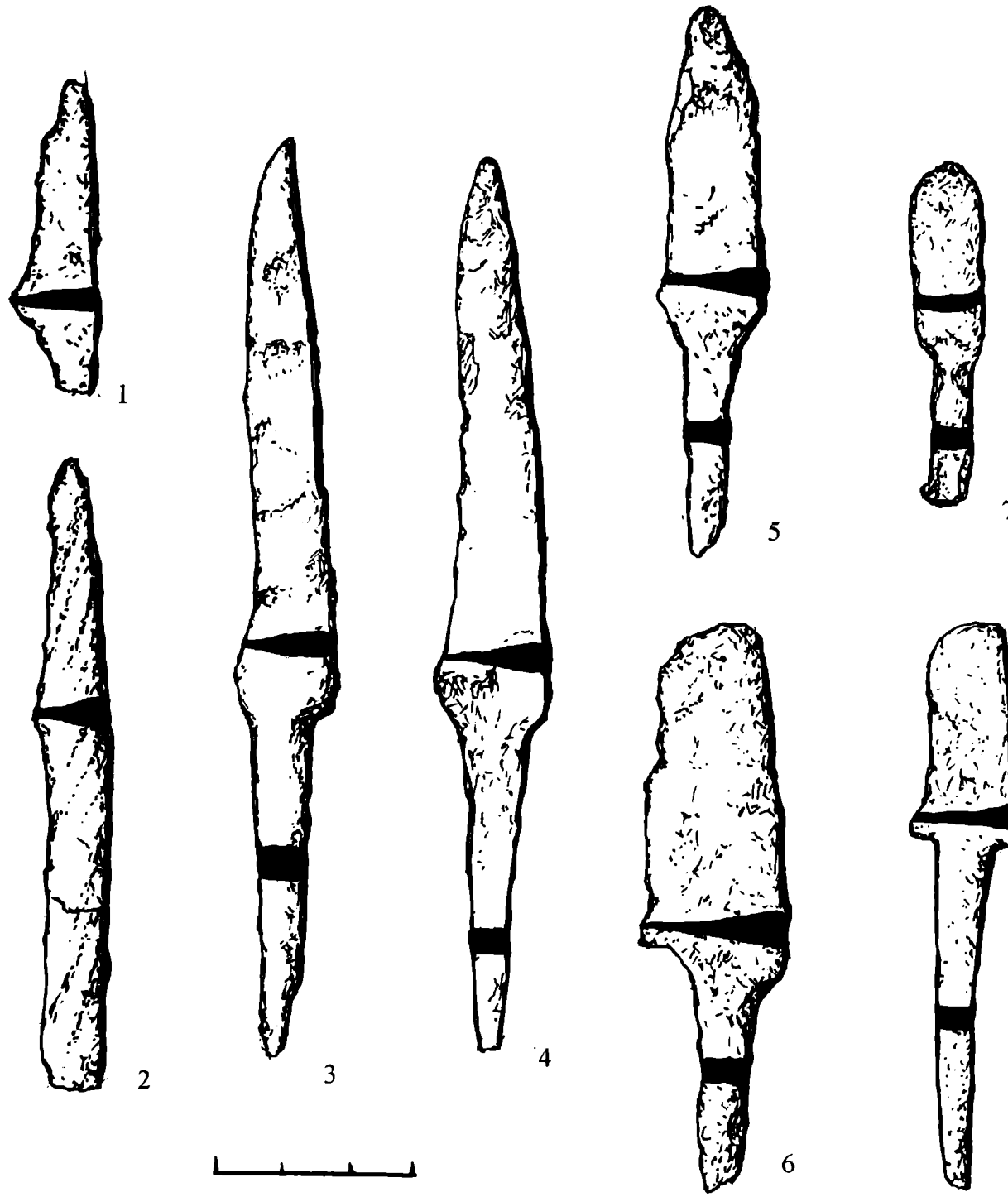


Рис. 4. Селище Сахарово-3. Железные ножи

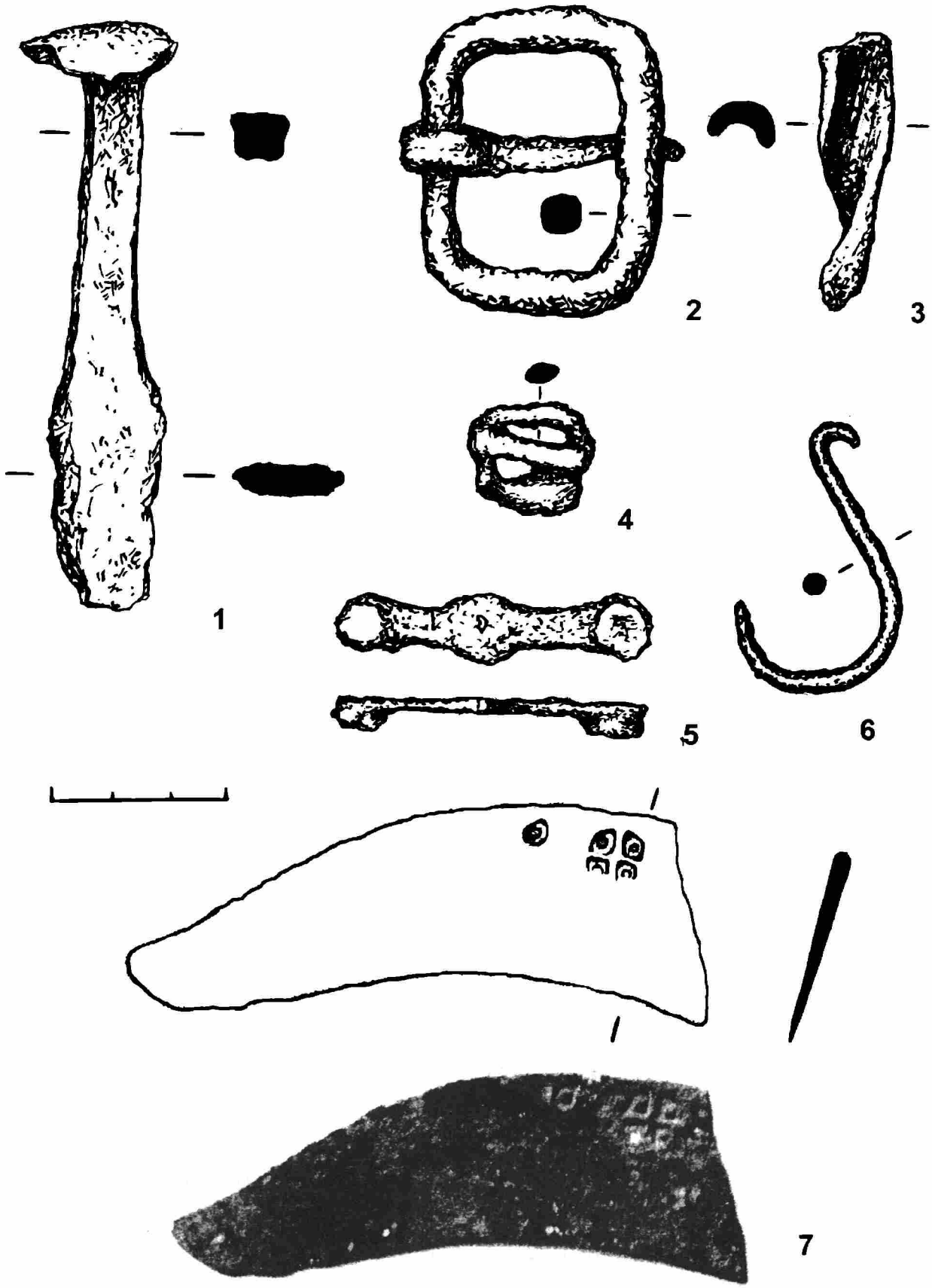


Рис. 5. Селище Сахарово-3. Находки

1 – кочедык; 2, 4 – пряжки; 3 – сверло; 5 – накладка; 6 – крюк; 7 – серп

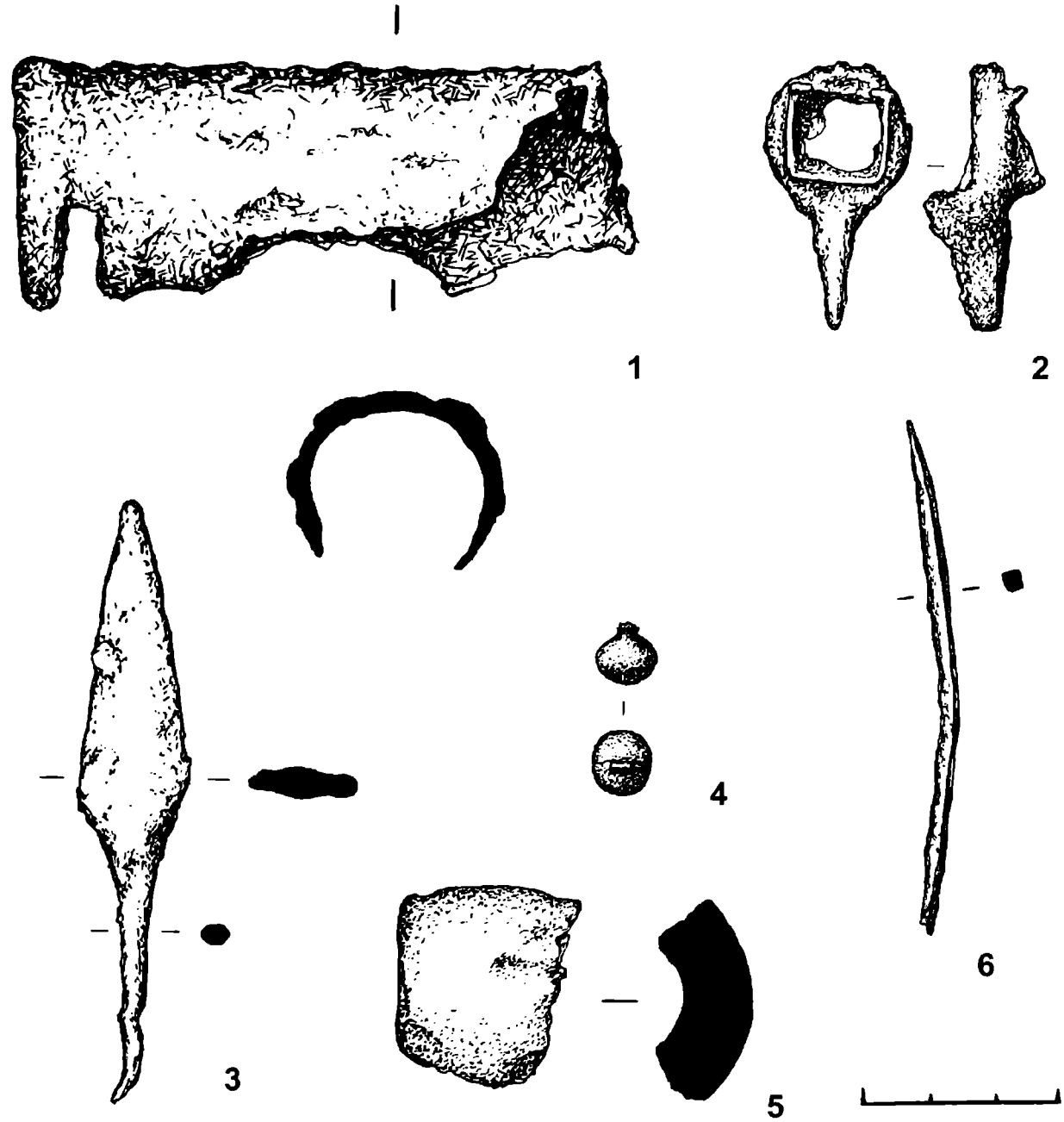


Рис. 6. Селище Сахарово-3. Находки

1 – замок; 2 – фрагмент замка; 3 – стрела; 4 – пуговица; 5 – фрагмент рыболовного грузила; 6 – шило. (1–3, 6 – железо; 4 – бронза; 5 – керамика)

Литература

Двуреченский О.В., 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // АП. Вып. 3. М.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.

РГАДА. Ф.1355. Оп. 1. Д. 39.

Щербаков В.В., 2008. Отчет об археологических разведках в Сергиево-Посадском районе Московской области в 2007 году // Архив ИА РАН.

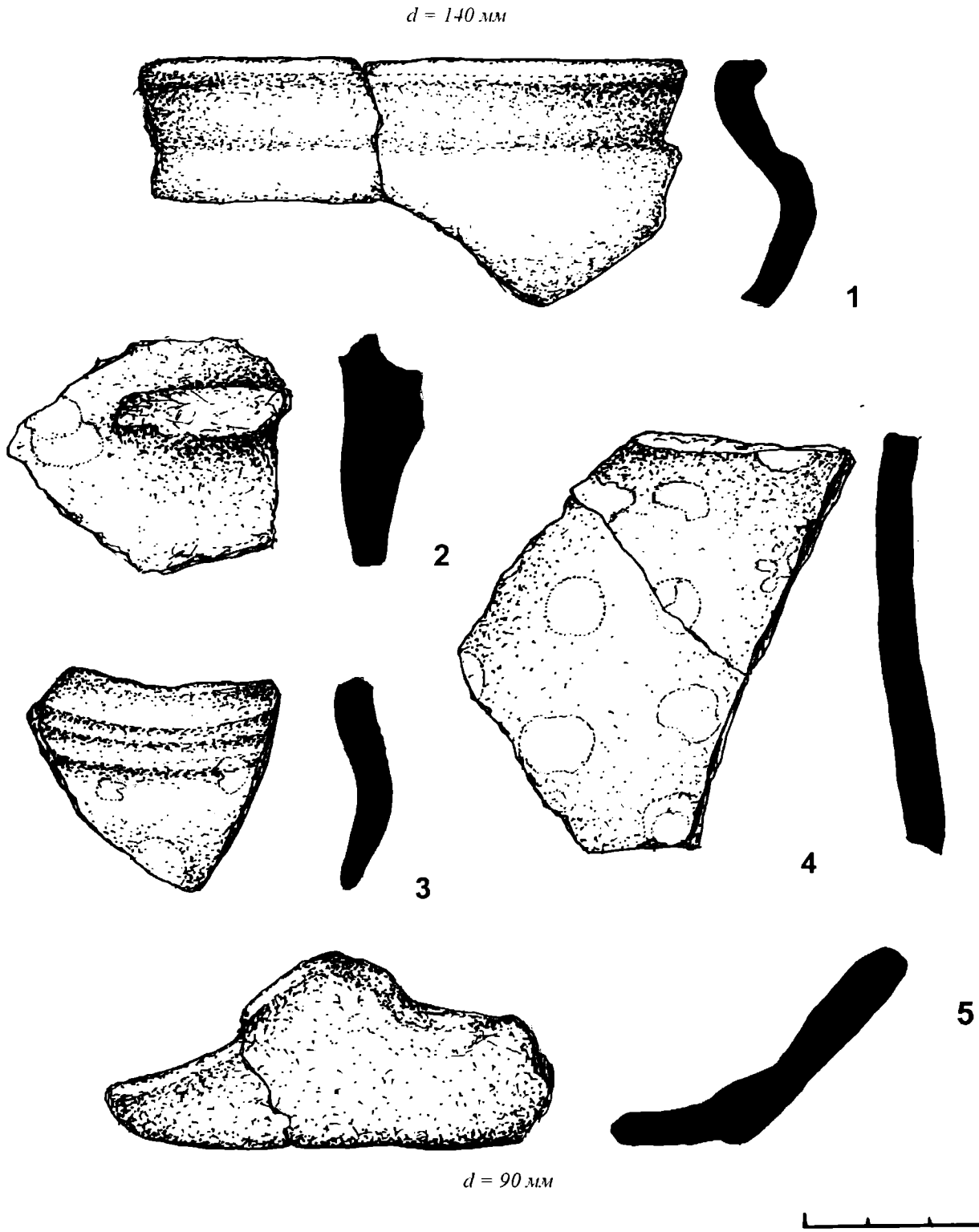


Рис. 7. Селище Сахарово-3. Керамика

1–2, 5 – красноглиняная; 3–4 – ангобированная

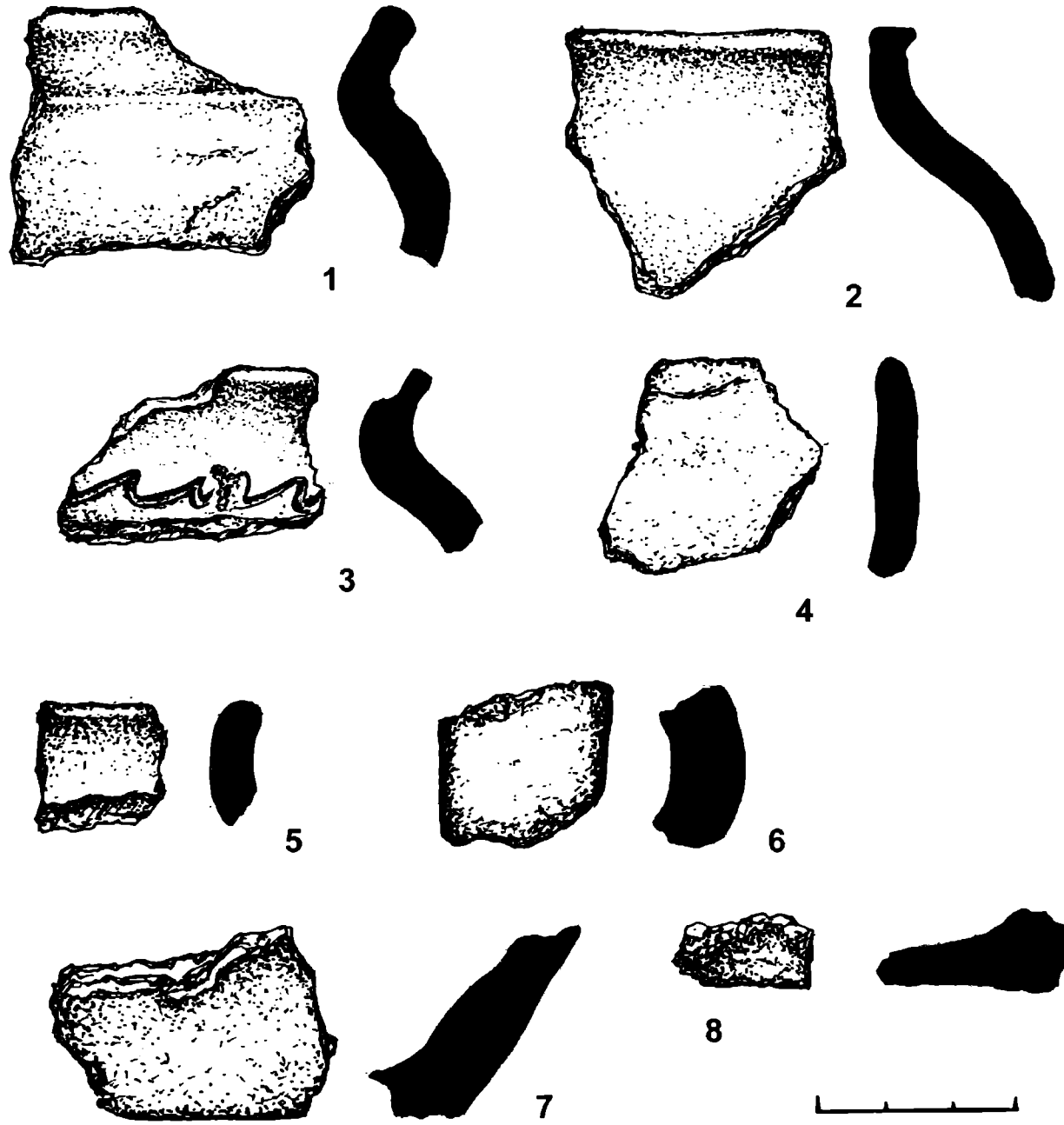


Рис. 8. Селище Сахарово-3. Керамика

1, 2 – красноглиняная гладкая; 3–8 – красноглиняная грубая

V.V. Scherbakov

Investigations of the Voskresenskiy churchyard on the river Peremoika (left stream of the river Dubna) in 2007 –2008

Summary

In the course of conducted archaeological works the existence of the Voskresenskiy churchyard has been acknowledged and the settlement that could be connected with the Ivankova wasteland has been identified.

Памятники эпохи раннего железного века

Н.А. Кренке

Начало исследований Дьякова городища

Задачей данной статьи является рассмотрение материалов, собранных на начальном этапе исследований Дьякова городища. В литературе до сих пор не предпринималось попыток анализа наиболее ранних планов городища, снятых еще в конце XVIII – начале XIX в. Сделать это необходимо прежде всего для того, чтобы представлять, как выглядело городище до происшедших с ним в XX в. перемен.

Знаменитый клад бронзовых украшений с Дьякова городища, купленный Д.Я. Самоквасовым у местных крестьян, также никогда не выступал в качестве объекта специального анализа. Даже та скупая информация, которой мы располагаем, позволяет сделать предположения о том, где был найден клад и каковы были его первоначальные размеры. В свете сформировавшихся на сегодняшний день представлений можно также попытаться ответить на вопрос о его датировке.

Наконец коллекция, собранная при раскопках Г.Д. Филимонова в 1875 г., ждет своей публикации уже более 130 лет. Этот пробел необходимо восполнить. К тому же теперь, после раскопок 1980-х годов, можно лучше понять стратиграфические наблюдения Г.Д. Филимонова (1876), дополнить их фотографиями разрезов, повторно раскрытых в 1981–1984 гг.

Рельеф Дьякова городища по данным планов XVIII–XX вв. К самым ранним из известных мне изображений Дьякова городища на планах относятся кроки землемера Казмина, сделанные в 1785 г [1]. Кроки выполнены в туши по карандашному наброску. На одном из них весьма подробно и точно показана система оврагов (рис. 1). Холм городища нарисован схематично, выделена округлая площадка и узкий подъем на нее с северо-восточной стороны. На другом городище изображено подробнее (рис. 2). Указаны размеры округлой площадки, диаметр которой равняется 20 саженям (около 40 м). Показан кольцевой вал и проход в нем, открывающийся в сторону подъема на площадку. На плане имеется поясняющая надпись – «Городок». Примыкающие к городищу овраги изображены с искажением ориентировки, что допустимо для кроков, содержащих указание азимутов.

Следующими по времени идут два изображения Дьякова городища первой половины XIX в. (рис. 3; 4). Одно из них, хорошо известное, впервые было опубликовано М.П. Погодиным (1871), а после него – А.А. Спицыным (1903). М.П. Погодин обращал внимание на то, что на плане имелась подпись Ходаковского (1871. С. 2). Судя по всему, план представлял собой копию фрагмента карты конца XVIII – начала XIX в. Точная дата посещения Ходаковским Дьякова городища не известна. Вероятно, это было в 1821 или 1822 г., не позднее 13 июля. Именно этим числом Ходаковский датировал свой текст, описывающий, в том числе, и Дьяково городище (1844). Площадка городища на «плане Ходаковского» имеет не округлую, а трапециевидную форму. Точками показан вал по всему периметру. Это изображение соответствует тексту описания З.Я. Ходаковского: «... вход с летнего востока и вал кругоподобный, насыпанный из чернозема до самой подошвы, что еще виднее на иловатой почве» (Ходаковский, 1838. С. 29).

На военно-топографической карте 1838 г. (рис. 4) городище изображено сходным образом. Здесь также подчеркнуто наличие вала по всему периметру площадки. План 1838 г. отличается от всех предыдущих большей точностью в передаче рельефа.

Вопрос, на который еще предстоит ответить, заключается в том, был ли на Дьяковом городище круговой вал? На достоверном инструментальном плане конца 1930-х годов (рис. 5), выполненном в масштабе 1:2000, вал скобообразной формы охватывает площадку городища с южной и частично с западной и восточной сторон. С северной стороны на въезде находится «непонятный» холм, который также можно принять за древнее оборонительное укрепление. Ситуация, изображенная на плане 1939 г., с небольшими изменениями сохранилась до настоящего времени. В 1875 г. вал также прослеживался лишь с южной стороны площадки, однако Г.Д. Филимонов отмечал, что ранее вал охватывал площадку кругом, и его разрушение произошло как в силу естественных причин, так и вследствие того, что местные крестьяне брали в материке камень под мостовую (Филимо-

[1] РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 1201. Л. 215 об, 237. Архивный поиск произведен Е.С. Нефедовой

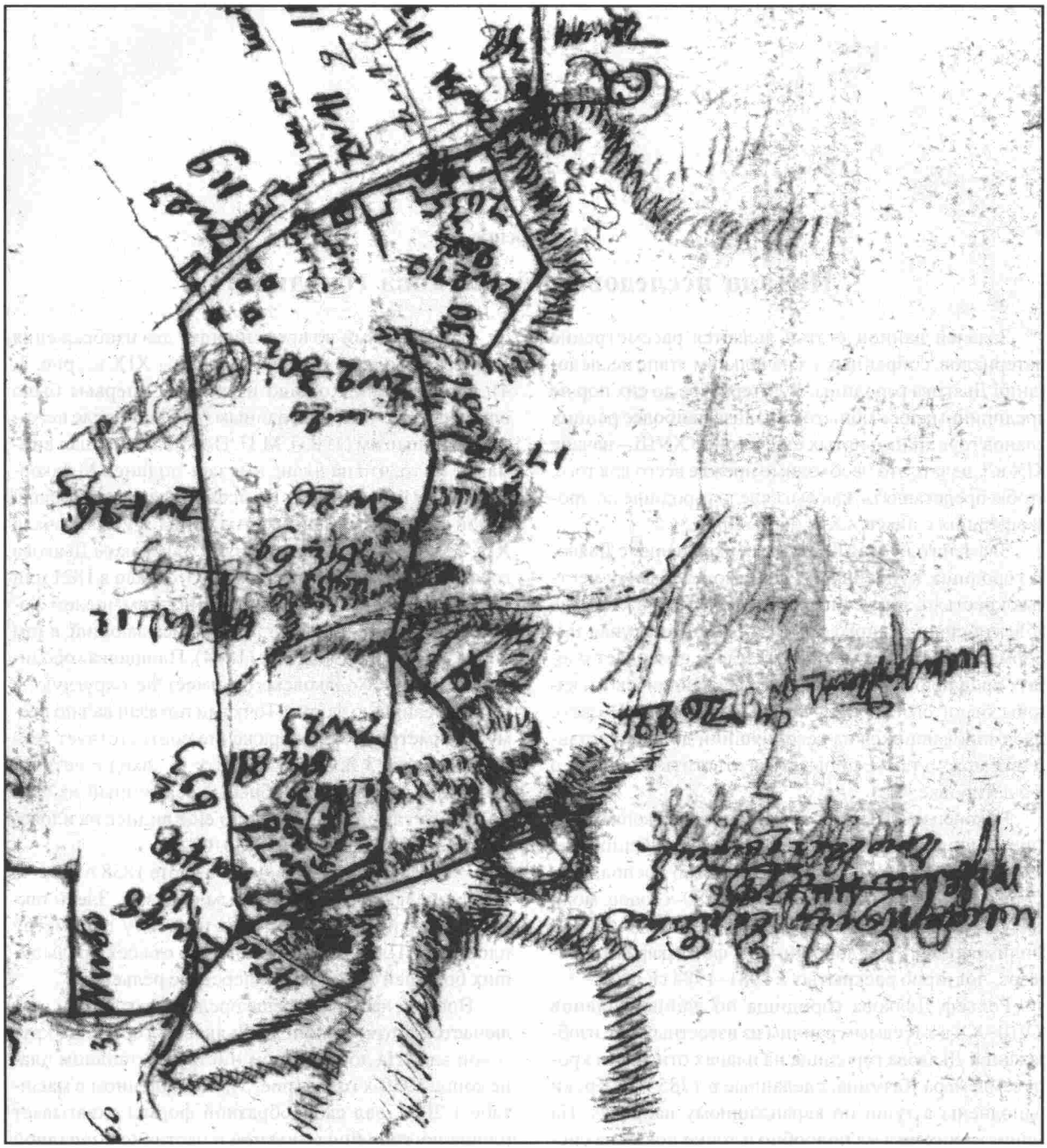


Рис. 1. Черновой чертеж окрестностей Дьякова городища землемера Казмина. 1785 г. (*Казмин*, 1785. Л. 215 об.).

нов, 1876. С. 106). О существовании карьера на холме городища и обрушившемся вале пишет и Д.Я. Самоквасов, обследовавший памятник в 1872 г. (Самоквасов, 1878. С. 231). Исходя из того, что память об этих работах в то время была еще свежа, а у местных крестьян сохранились случайно найденные в их ходе древние вещи, можно предположить, что добыча камня производилась незадолго до начала раскопок. В современном рельефе северного склона городища сохранились следы выработок XIX в.– заплывшие ямы и отвалы (рис. 6). Таким образом, все выше сказанное дает основание предполагать, что с северной стороны площадка городища также была укреплена валом, утраченным в третьей четверти XIX в.

Характер отдельно стоящего всхолмления, расположенного в верхней части всхода на городище, может быть определен только после проведения раскопок. С одной стороны, ранние планы не фиксируют этот холм (возможно, это отвал выработок XIX в.); с другой, – отсутствие этого элемента рельефа может объясняться условностью планов. Валы, расположенные на всходах к площадке, известны и на

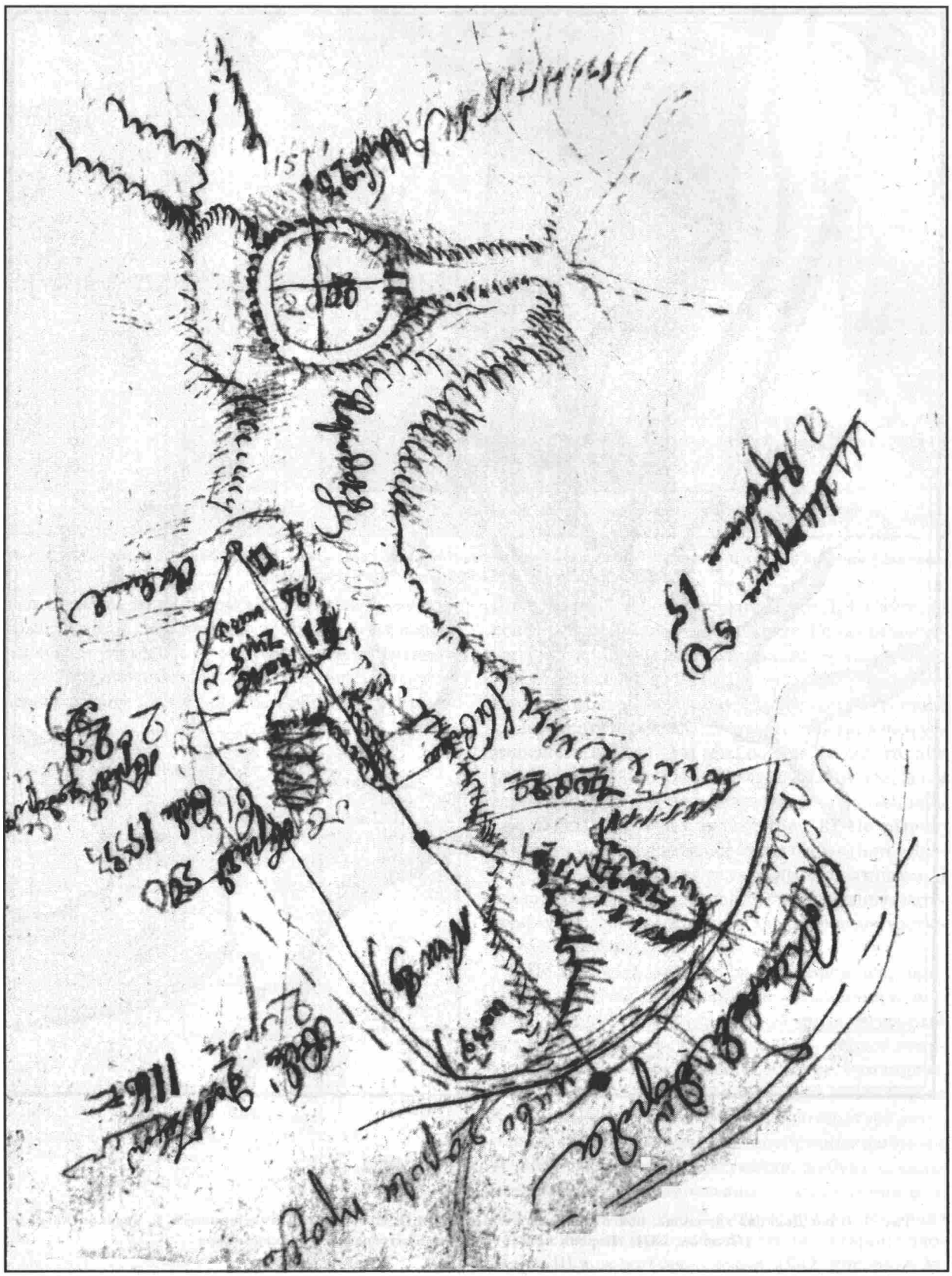


Рис. 2. Черновой чертеж горы «Городок» (Дьяково городище) землемера Казмина, 1785 г. (*Казмин*, 1785. Л. 237).

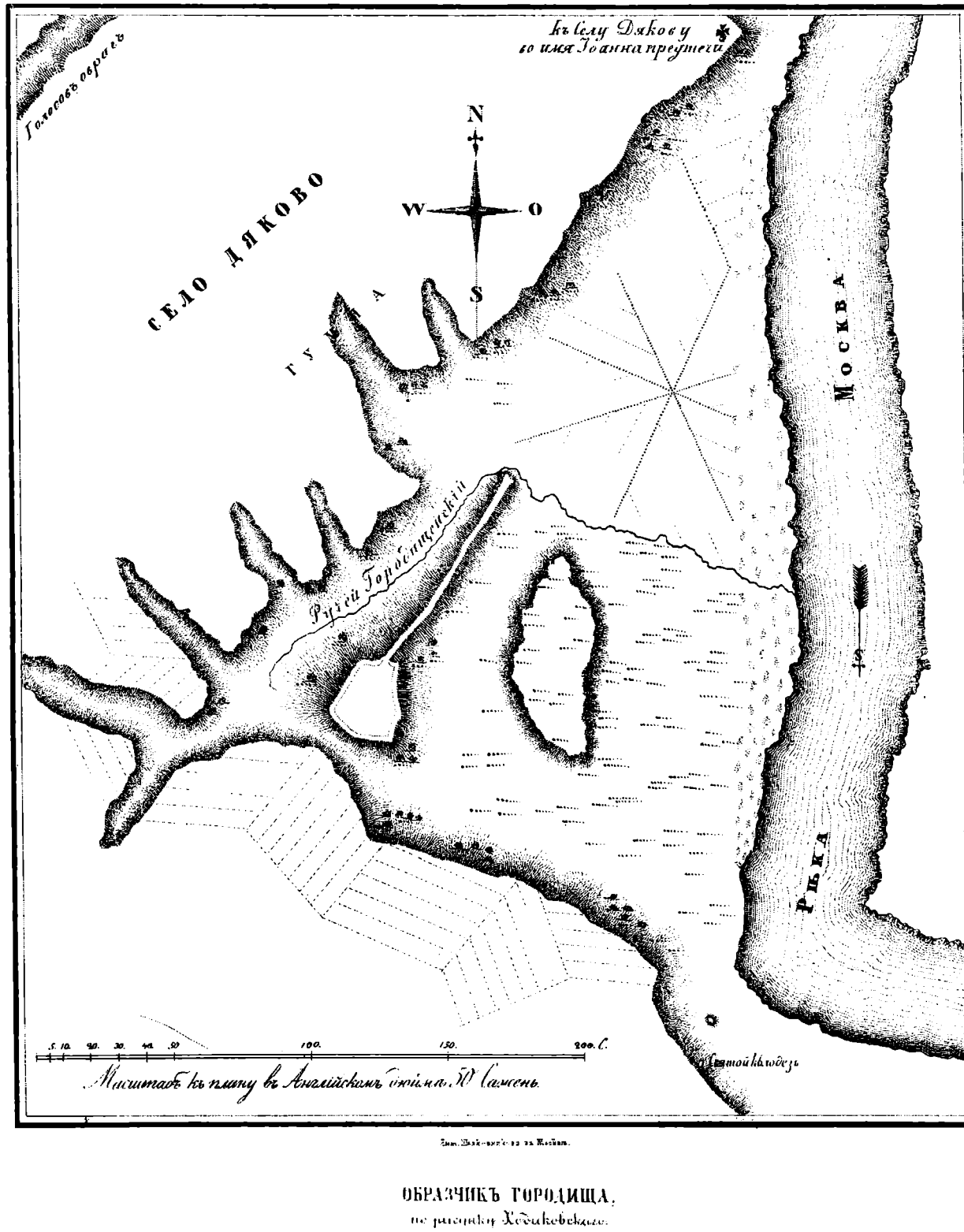


Рис. 3. План Дьякова городища, подготовленный к печати М.П. Погодиным по материалам З. Ходаковского (*Погодин*, 1871). Первая четверть XIX в. Литография Шелковникова

других дьяковских памятниках, например, на Щербинском городище (рис. 7).

«Клад Самоквасова». Вся информация об обстоятельствах находки клада сводится к нескольким строчкам в публикации Д.Я. Самоквасова (1878. С. 231): «В обрушившемся вале Дьяконовского городища под Москвою найдена крестьянами целая куча бронзовых вещей, часть которых, доставшаяся на долю одному из нашедших крестьян и купленная мною, представляет собою древние бронзовые украшения; ос-

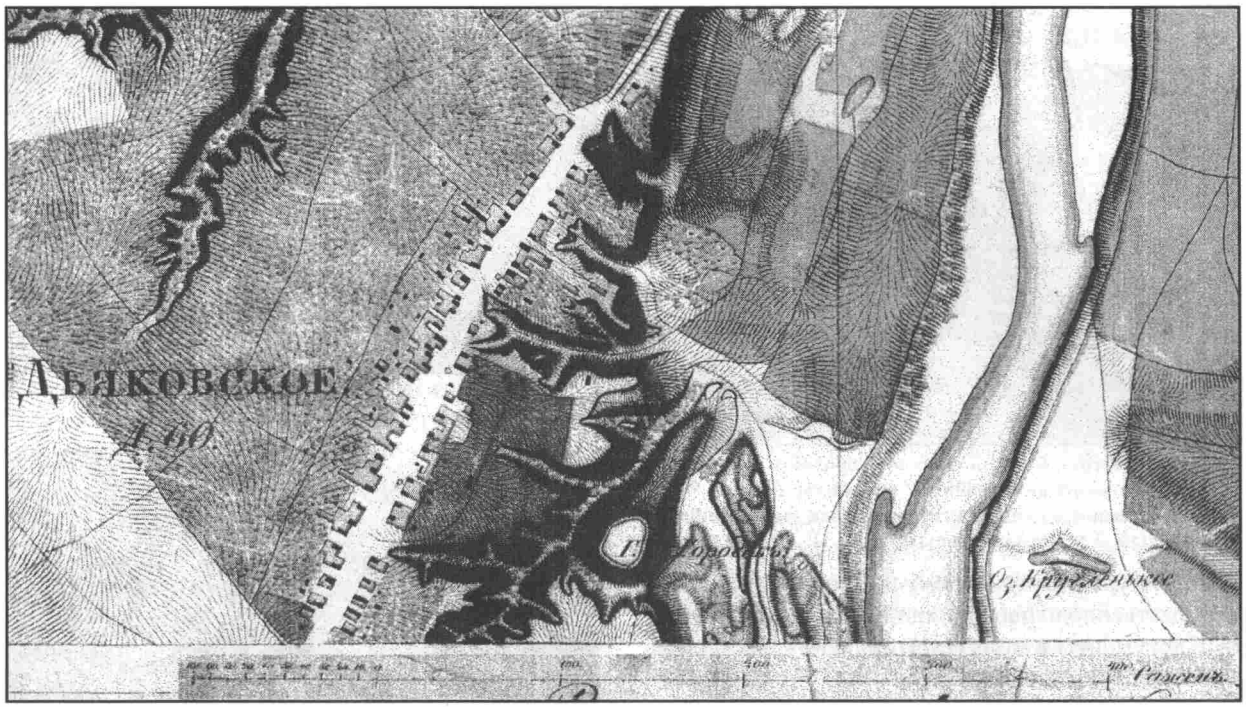


Рис. 4. Фрагмент топографической карты 1838 г., на котором изображено село Дьяковское и гора «Городок» (Дьяково городище). Масштаб – 100 сажень в английском дюйме

тальные вещи, проданные крестьянами каким-то прохожим евреям, по описанию крестьян, были подобны вещам уцелевшим». Исходя из этого описания, можно предположить, что клад залегал где-то на северном склоне площадки и был обнаружен при добыче камня. Важно подчеркнуть, что Д.Я. Самоквасов купил лишь одну «долю» клада. Если предположить, что крестьяне поделили клад на равные доли, то при обнаружении он был в два-три раза больше того, что досталось Самоквасову. Скорее всего, в составе утраченной части клада также имелись гривны и украшения с эмалью. Это тем более вероятно, что при раскопках 1980-х годов в северной части площадки городища была найдена целая серия обломков подковообразных фибул с эмалью (рис. 8). По количеству найденных подковообразных фибул (пять) Дьяково городище является уникальным памятником. В связи с этим можно предположить, что данная категория украшений была весьма характерна для костюма жителей городища.

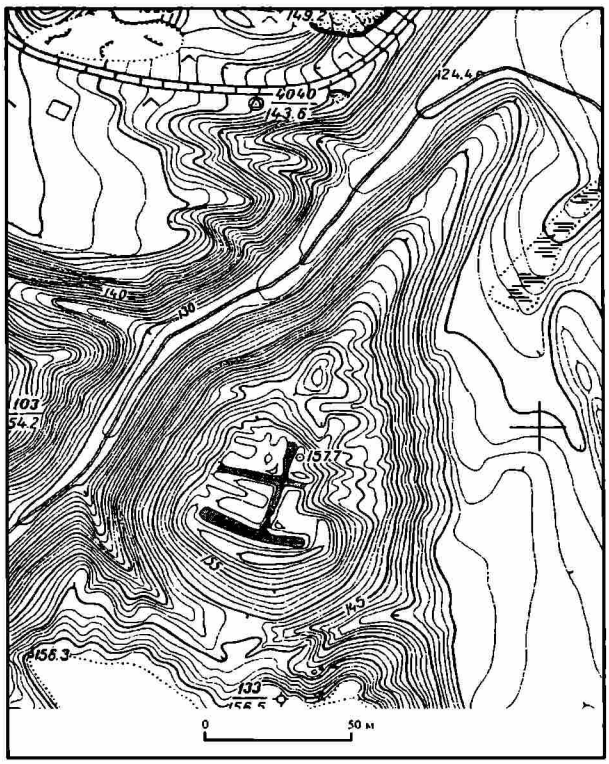


Рис. 5. Фрагмент топографического листа 1939/1951 гг. масштаба 1: 2000, на котором изображено Дьяково городище.

По данным раскопок Дьякова городища, горизонт, в котором были найдены украшения с эмалью, на основе радиоуглеродной хронологии, скорее всего, датируется пределами II – первой половины III в. н. э. (Кренке, 2004; Кренке, Румянцева, 2008. Рис. 2). Приведенная датировка очень близка к принятым в настоящее время в литературе датировкам данных фибул. Подковообразные фибулы с Дьякова городища и, в частности, фибула из «клада Самоквасова» сопоставимы с выделенной Е.Л. Гороховским фазой «С» в эволюции данного вида украшений, датируемой серединой – второй половиной III в. н. э. (Гороховский, 1982. Рис. 6). А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский (2008. С. 123) приводят аргументы в пользу того, что фибулу из Рябовки, схожую с находками № 11, 12 с Дьякова городища, следует относить к первому этапу киевс-

Рис. 6. Северный склон Дьякова городища, где были крестьянские выработки по добыче камня, и где, видимо, найден клад бронзовых украшений, купленный Д.Я. Самоквасовым. Фото Н. Кренке 2008 г.

кой культуры, датирующемуся концом II – III (преимущественно первой половиной) в. Дополнительные аргументы в пользу датирования находки из Рябовки первой половиной III в. н. э. приводит К.И. Бакуменко (Бакуменко и др., 2006. С. 30–31). Подковообразная фибула с эмалью в рязанском могильнике Кораблино происходит из комплекса, датированного III в. н. э. (Белоцерковская, 2007. С. 202).

В «кладе Самоквасова» присутствуют две очень характерные бронзовые гривны: 1) тордированная, из квадратного в сечении дрота, с ромбовидной площадкой с отверстием для крючка; 2) из гладкого круг-

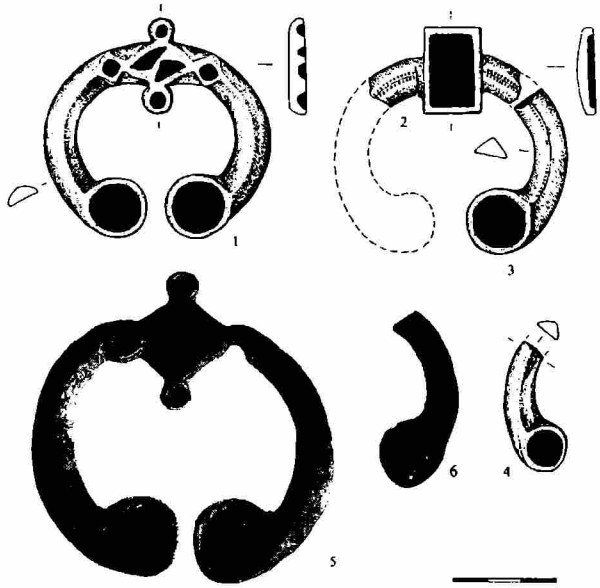
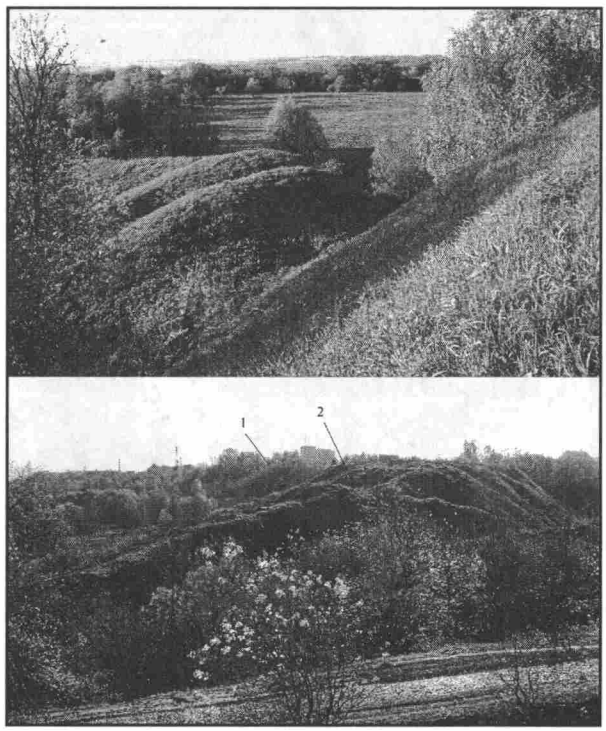


Рис. 8. Подковообразные фибулы с эмалью, найденные на площадке Дьякова городища

1 – раскоп 1987 г. кв. 256, глубина -218, № 1363 (эмаль в центральном гнезде красная / голубая, на концах – красная); 2 – раскоп 1983 г., кв. 175, глубина -242, № 11 (эмаль красная); 3 – раскоп 1983 г., кв. 173, глубина -258, № 12 (эмаль красная); 4 – раскоп 1987 г., кв. 258, глубина -218, № 1503 (эмаль красная); 5 – находка из «клада Самоквасова»; 6 – находка из раскопок А.Г. Векслера (по: *Верховская*, 2007).



7. Рельеф всходов на дьяковские городища. Вверху – Щербинское городище, вид от верхней площадки; внизу – Дьяково городище, вид с северо-запада

1 – валоподобное всхолмление; 2 – место, где добывали камень в XIX в. Фото Н. Кренке, 2007, 2008 гг.

лого в сечении дрота с концами, обмотанными проволокой, напускными бусинами и застежкой в виде петли и крючка (Сизов, 1897). Эти типы гривен характерны для рязано-окских могильников. И.Р. Ахмедовым и М.М. Казанским (2004. Рис. 10), в свою очередь, было высказано предположение, что гривна с напускными бусинами, происходящая с Дьякова городища, является импортом.

Тордированные гривны с ромбической площадкой на конце, по И.Р. Ахмедову, датируются финалом стадии 2В мужских погребений, т. е. примерно рубежом III–IV в. н. э. (Ахмедов, 2007. С. 142).

Гривны с обмоткой, напускными бусинами и петлей-застежкой массово распространены в культуре рязано-окских могильников начиная с рубежа IV–V в. н.э. (Ахмедов, 2007. С. 145. Схема 3), но имеют более ранние «западные» прототипы (Белоцерковская, 2007. С. 205). Возможно, они бытуют и столетием позже (Воронина и. др., 2005. С. 68).

Таким образом, клад с Дьякова городища состоял из хронологически неоднородных вещей, охватывающих временной интервал длительностью в 150 лет (от середины III до начала V в. н. э.). Возможно, клад представлял собой запас бронзы, накопленный литейщиком, – на это указывает присутствие в нем обломков украшений и бракованных вещей. Найденные на северном краю площадки в 1980-х годах обломки фибул с эмалью, скорее всего, не связанные с кладом напрямую, по всей видимости, фиксируют «сходную

деятельность» – складирование металлического лома на этой части городища.

Раскопки Г.Д. Филимонова 1875 г. Текст описания раскопок, опубликованный Г.Д. Филимоновым через год после проведения работ (1876), несмотря на свою краткость, является очень содержательным. Благодаря нему можно достоверно определить, где велись раскопки (рис. 5), и какова была стратиграфия слоя (табл. 1).

Описанный Г.Д. Филимоновым слой бурой земли, напоминающий торф, действительно залегал прослойками по периферии площадки городища. Е.А. Спиридонова, используя палинологический метод, проанализировала отдельный образец прослойки. Выяснилось, что в его спектрах присутствует пыльца только культурных злаков, причем в большом количестве и часто в скоплениях. Скорее всего, данная прослойка представляет собой истлевшую злаковую солому, которой могли покрывать крышу или использовать в качестве подстилки.

Коллекция Г.Д. Филимонова, первоначально хранившаяся в Румянцевском музее, а затем поступившая в ГИМ, насчитывает 246 номеров (в некоторых случаях под одним номером записано несколько предметов: например, 10 зубов лошади идут под № 153)2. Структура коллекции представлена в таблице 2.

Если давать характеристику коллекции в целом, необходимо отметить, что она представляет довольно полный спектр находок, характерных для культурного слоя Дьякова городища, и охватывает значительный хронологический диапазон – от раннего железного века до позднего средневековья.

Наиболее яркой находкой является зооморфная рукоять из рога (рис. 10), найденная на глубине трех аршин, т. е. в нижнем слое городища. Стилистический анализ этой вещи был проведен Х.И. Крис (1981). Ее вывод о датировке (IV–III вв. до н. э.) и стилистической близости данного изделия к савроматской культуре Среднего Дона сохраняет свою силу по сей день. По-видимому, рукоять после ее первичного отложения не претерпела каких-то существенных перемещений в культурном слое. Это следует из сходства датировки данной вещи, основанной на стилистическом анализе, с датировкой верхней части нижнего слоя городища. Для нижнего слоя Дьякова городища получены многочисленные радиоуглеродные даты и собрана коллекция датирующих находок, укладывающихся в интервал V–III вв. до н. э. Вопрос о месте производства этой вещи, конечно, не может быть решен однозначно. Во-первых, несмотря на многие тысячи квадратных метров, раскопанных на городищах дьякова типа, зооморфные рукояти являются уникальными находками. Во-вторых, для искусства жителей москворецких городищ характерен совсем иной «почерк» – изображения, иногда даже зооморфные, наносились на рукояти и другие изделия методом гравировки. Скифский звериный стиль не дал в Москворечье такого же плодотворного, как, скажем, на городищах в долине р. Вятка, побега (Ашихмина и др., 2006). Таким образом, можно предполагать, что рассматриваемая вещь была привезена на Москву-реку.

Среди законченных изделий из кости, бывших в употреблении, в коллекции представлены «долотца» (рис. 11, 142, 164). Эта категория относится к числу массовых находок нижнего культурного слоя городища. При раскопках 1980-х годов было найдено более двух десятков «долотец». В верхнем культурном слое эти инструменты отсутствовали.

Изделие, вырезанное из метаподия лошади, мо-

Глубина (см)	Слои по Г.Д. Филимонову	Слои по данным раскопок 1980-х годов
0–70	«Чистый чернозем»	Темно-серая углистая супесь, переработанная почвенными процессами
70–180	«Слои углей с золою»	Серая золистая супесь с прослойками песка и суглинка от конструкций жилищ (верхний слой)
180–200	«Слои песку»	Слой песка с пеплом от сгоревших травянистых растений (стерильный слой)
200–210	«Слои углей»	Нижний слой: свита прослоек углистой серо-бурой супеси, нитевидных углисто-золистых прослоек от сгоревших полов построек и коричневых органических прослоек истлевшей соломы
210–280	«Тонкие слои мелкого угля с золою»	
280–350	«Бурая земля с остатками из растительного царства – что-то вроде торфа, отваливающегося кусками»	

Таблица. 1. Стратиграфия Дьякова городища по данным разных лет.

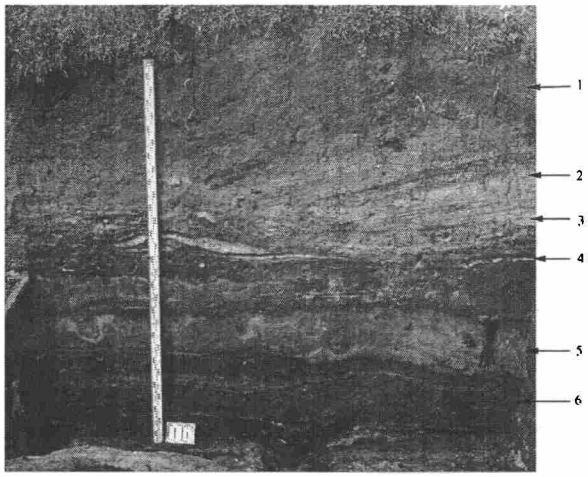


Рис. 9. Профиль северной стенки раскопа 1983/1984 гг. на городище Дьяково

1 – однородная темно-серая супесь; 2 – серая золистая супесь с микрослоистостью (верхний слой); 3 – песчаные прослойки подсыпок пола; 4 – углисто-золистые поверхности сгоревших выстилок полов; 5 – стерильный песчано-пепельный слой; 6 – свита прослоек серо-бурой супеси и коричневой органики (нижний слой)

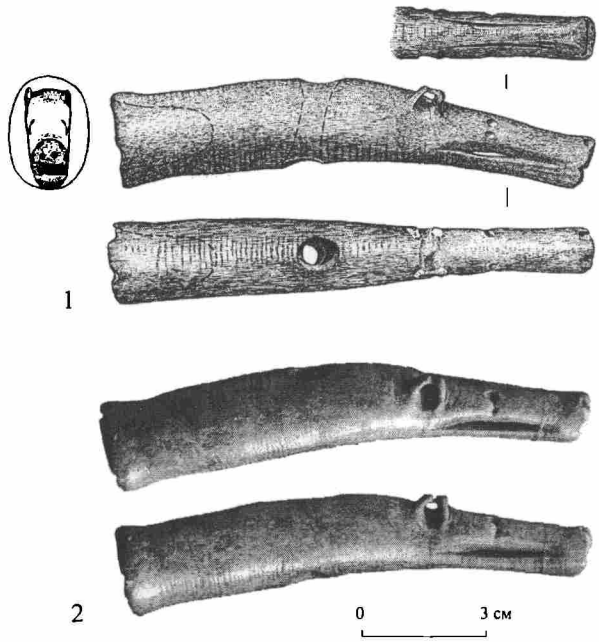


Рис. 10. Роговая рукоять из раскопок Г.Д. Филимонова (№ 243). Рисунок А.Е. Кравцова (1) и фото в разных ракурсах (2)

жет быть условно отнесено к категории кочедыков (рис. 11, 163). Оно имеет уплощенную широкую рабочую часть, плавно сужающуюся к концу, заглаженную от производившейся работы. Это либо лощило, либо инструмент для плетения.

Проколок и их обломков в коллекции насчитывается более десятка (рис. 11, 133, 134). Они изготовлены из малой берцовой кости свиньи, грифельной кости лошади, метакарпальной кости лося. В случаях, когда кончик проколки не сохранился, трудно определить, заготовка это или готовая вещь. Большинство проколок, безусловно, относится к нижнему слою, в период отложения верхнего слоя городища их заменили железные шилья.

Инструмент с заостренным концом из метакарпальной кости лося, обрезанной примерно наполовину, с отверстием в верхней части (рис. 11, 167) – вещь, характерная исключительно для верхнего слоя городища, точнее, для его верхнего и среднего горизонтов, которые откладывались в первые века н. э. Вероятно, это какой-то специальный инструмент для плетения, возможно, сетей. При раскопках 1980-х годов на участках с ненарушенной стратиграфией культурного слоя было найдено несколько подобных экземпляров.

В коллекции имеется серия заготовок из рога и кости. Заготовка из рога (рис. 11, 223), очевидно, предназначалась для изготовления короткой рукояти, куда вставлялось железное острие, вроде шила. Законченная вещь этого типа хранится вместе с коллекцией Филимонова, но не имеет номера по описи (рис. 11, б/н). Несколько заготовок представляют собой фрагменты трубчатых костей с продольными надрезами. Вероятно, таким образом жители городища стремились получить продолговатые пластины, которые можно было бы использовать, например, для изготовления стрел. Подобная технология детально описана на сибирских материалах А.П. Бородовским (1997). Одна из заготовок представляет собой метаподий крупного рогатого скота (рис. 11, 160) со срезанными гранями. Вероятно, в данном случае также планировалось получение костяных пластин.

Категория находок	Количество
Фрагменты керамики	131
Глиняные изделия (грузики дьякова типа, пряслица, погремушка, льячка, шарики)	12
Костяные изделия и заготовки	26
Бронзовые изделия (кольцо, привески)	3
Железные изделия (ножи)	5
Камни необработанные и со следами использования	20
Кости со срезами, необработанные костные остатки и окаменелости	около 50

Таблица 2. Структура коллекции № 54746 из раскопок 1875 г. на Дьяковом городище.

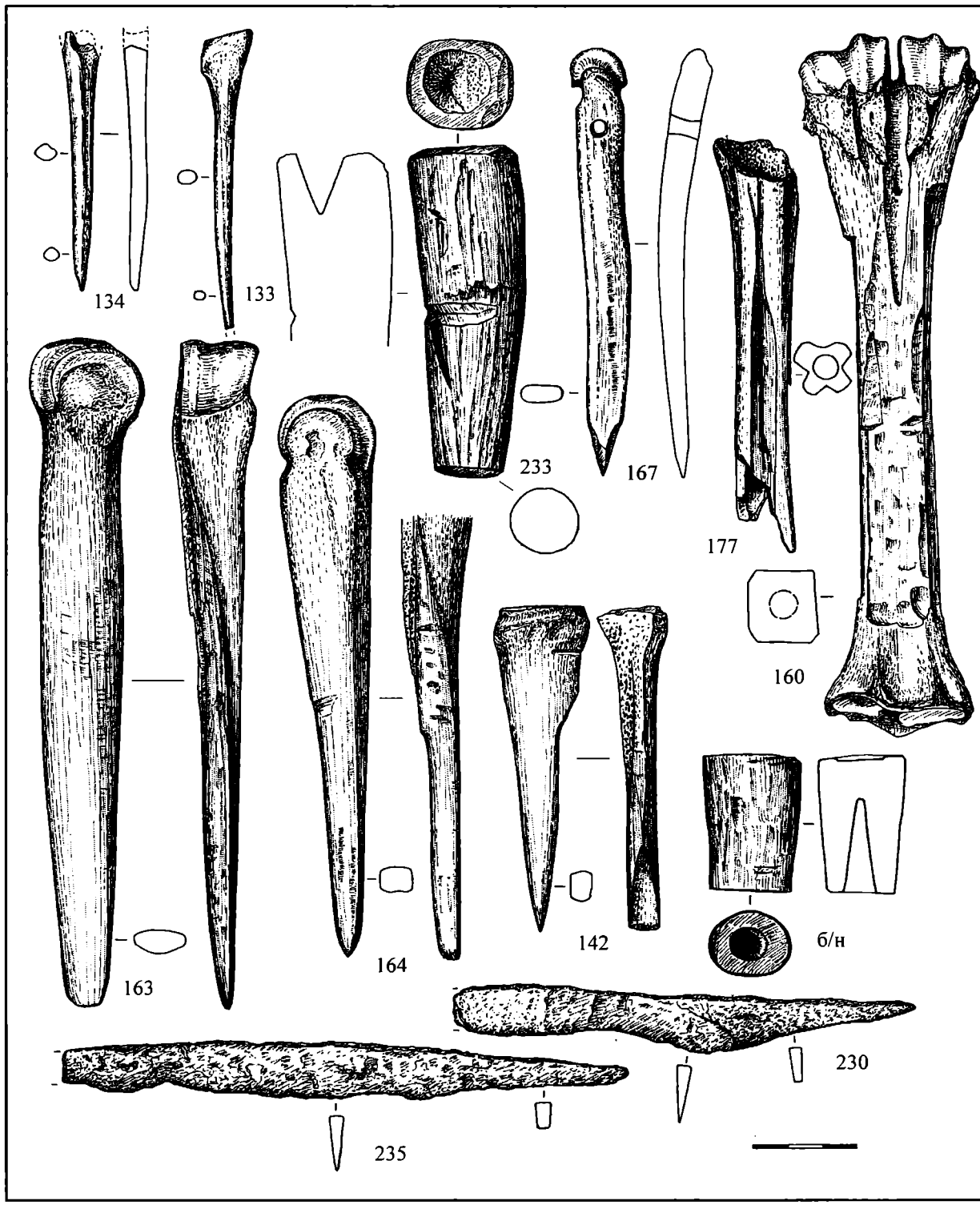


Рис. 11. Костяные и железные изделия из коллекции Г.Д. Филимонова. (Номера указаны по музейной описи)

Железных изделий в коллекции пять, и все они представлены ножами. Два из них средневековые, с уступом при переходе от спинки к черенку. Вероятно, они были найдены в районе беседки XVII в., которую затронула южная траншея 1875 г. Три ножа относятся к материалам железного века. У них прямая спинка, без уступа переходящая в черенок (рис. 11, 230, 235). Серия подобных ножей была найдена в среднем горизонте верхнего слоя Дьякова городища, датирующегося первыми веками н. э. (Кренке, 1987. Рис. 42).

Глиняные изделия представлены грузиками дьякова типа, биконическими пряслицами, шариками, погремушкой и ручкой от льячки (рис. 12). Г.Д. Филимонов описывал в своей статье две антропоморфные статуэтки из глины. К сожалению, момента пере-

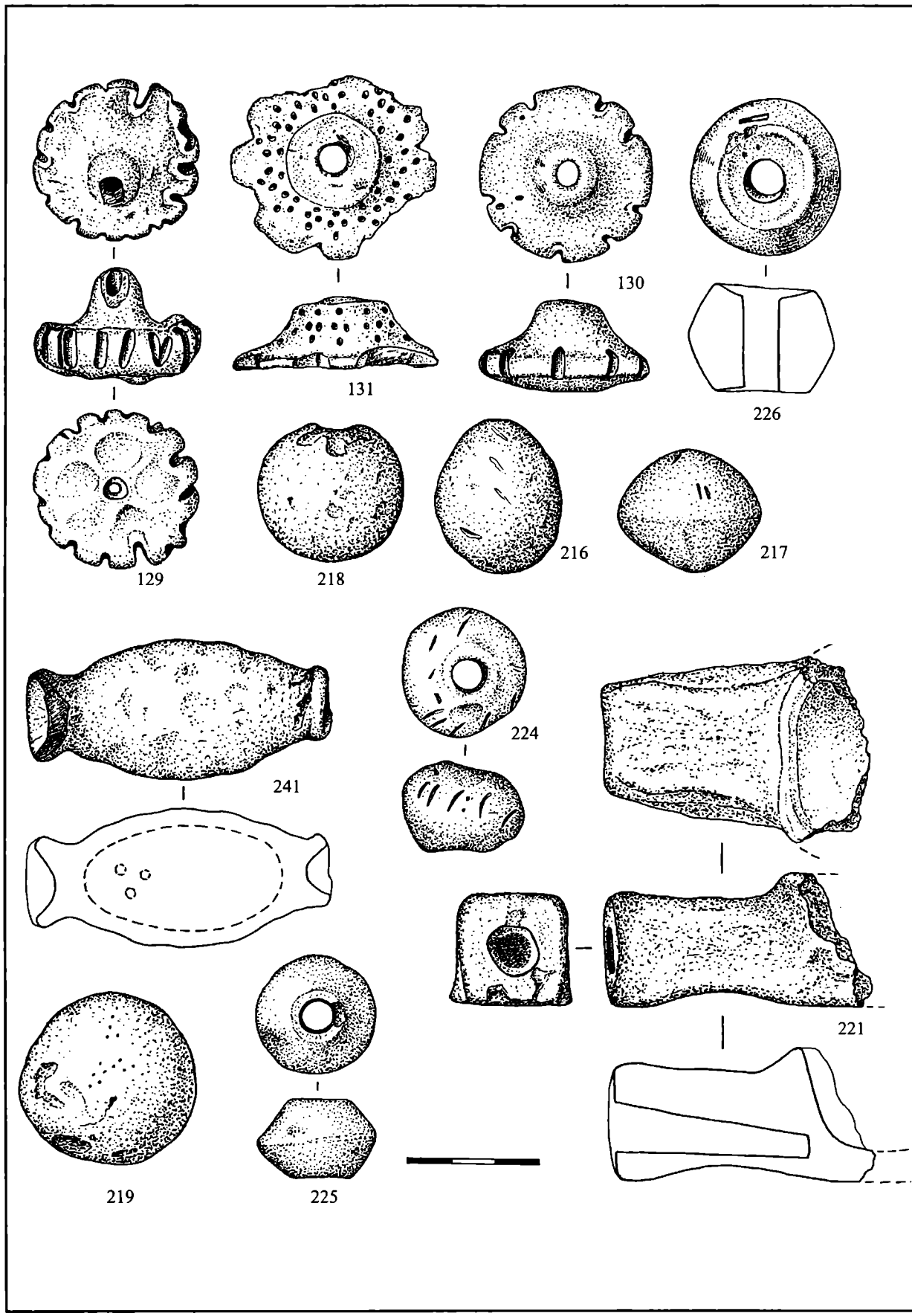


Рис. 12. Глиняные изделия из коллекции Г.Д. Филимонова. (Номера указаны по музейной описи)

дачи коллекции из Румянцевского музея в ГИМ они, судя по всему, не дождались, так как в описи их нет. Названные вещи типичны именно для верхнего слоя Дьякова городища и характеризуют культуру его населения в римское время.

Из трех бронзовых изделий, найденных на памятнике, два относятся к средневековью (пластинка с гравировкой, может быть, фрагмент браслета и кольцо), а еще одно (привеска), очень плохой сохранности, не может быть определено. В коллекции присутствует также небольшой фрагмент кожаных ножен, вероятно, связанных с комплексом беседки XVII в.

В заключение важно подчеркнуть, что раскопки Д.Я. Самоквасова и Г.Д. Филимонова на Дьяковом городище стали важным рубежом в развитии отечественной археологии. Эти пионерские работы показали ценность городищ лесной зоны, как археологических памятников, и спровоцировали их дальнейшее изучение методами археологии.

Литература

Ахмедов И.Р., 2007. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. М.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М., 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Денпровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А., 2006. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи. Ижевск.

Бакуменко К.И., Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н., Дидык В.В., 2006. Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков.

Белоцерковская И.В., 2007. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. М.

Бородовский А.П., 1997. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск.

Верховская Е.А., 2007. История Коломенского с древнейших времен до XVII века // Государево село Коломенское и его жители. М.

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В., 2005. Никитинский могильник. М.

Гороховский Е.Л., 1982. Подковообразные фибулы Среднего Поднепровья с выемчатой эмалью // Археологія. № 38. Киев.

[Казмин, 1785] Полевые записки землемера Казмина с. Коломенского, Перервинской слободы, с. Богословского // РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 1201.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Дис. .... канд. ист. наук. М.

Кренке Н.А., 2004. Дьяково городище: методы исследований // Восточная Европа в средневековье. М.

Кренке Н.А., Румянцева О.С., 2008. Стеклянные бусы Дьякова городища // РА. № 2.

Крис Х.И., 1981. Предметы звериного стиля из дьяковских городищ // СА. № 1.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2008. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.). М.

Погодин М.П., 1871. Русская история до монгольского ига. Т. 3. М.

Самоквасов Д.Я., 1878. Историческое значение городищ // Тр. третьего археологического съезда. Киев.

Сизов В.И., 1897. Дьяково городище близ Москвы // Тр. 9-го АС. Т. 2. М.

Спицын А.А., 1903. Городища Дьякова типа // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1.

Филимонов Г.Д., 1876. Краткое известие о раскопках Чертова городища под Москвой // Вестн. Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. Вып. 11–12. М.

Ходаковский З.Я., 1838. Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. Кн. 3. М.

Ходаковский З.Я., 1844. Донесение о первых успехах путешествия по России Зориана Долуга-Ходаковского из Москвы 13-го липца 1822 // Русский исторический сборник. Т. VII. М.

N. A. Krenke

The beginning of the D'yakovo hillfort investigations

Summary

In the article the comparison of D'yakovo hillfort earliest plans are presented and suggestion that originally D'yakovo hillfort was circled by the ring-shaped rampart is offered. On the basis of the comparative analysis of the descriptions made by D.Ya. Samokwasov and peculiarities of the monuments relief author came to the conclusion that the treasure of the bronze ornaments bought in the 1872 y. are dated in the limits of the 3^{d} – 5th cc. AD. He also points the place where the treasure was found. The results of the excavations of the 1875 y. are regarded in the light of the modern knowledge about D'yakovo hillfort sratigraphy. Finally, the brief analysis of the collection gathered by G.D. Filimonov is given.

М.Г. Гусаков

К вопросу о происхождении дьяковской культуры в свете гипотезы В.В. Седова

Дьяковская культура (далее ДК) была выделена как самостоятельная археологическая культура еще в конце XIX в.[1] А.А. Спицын создал «образ образцовой» культуры лесной полосы и утвердил знаменитые определения: сетчатая керамика дьяковской культуры, городища дьяковского типа, грузики дьякова типа. В эту культуру выносили памятники железного века, располагавшиеся на Верхней Волге, Средней Оке и в Волго-Окском междуречье. Дьяковская культура стала как бы этнообразующей культурой для памятников лесной полосы. Большая часть исследователей относила ее к финским древностям, хотя А.А. Спицын и сравнивал дьяковские городища с «литовскими городками» (*Спицын*, 1903; 1905). Но со временем наши представления о ДК претерпели существенные изменения. Грузики, городища и сетчатая керамика были найдены далеко за пределами установленного ареал ДК (рис. 1).

По новым данным, территория распространения ДК охватывает все Москворечье, часть Верхней Волги и среднее течение Оки, от городов Серпухова до Коломны. Хронологически культура укладывается в рамки от VIII в. до н.э. до VIII в. н.э.[2] Однако до сих

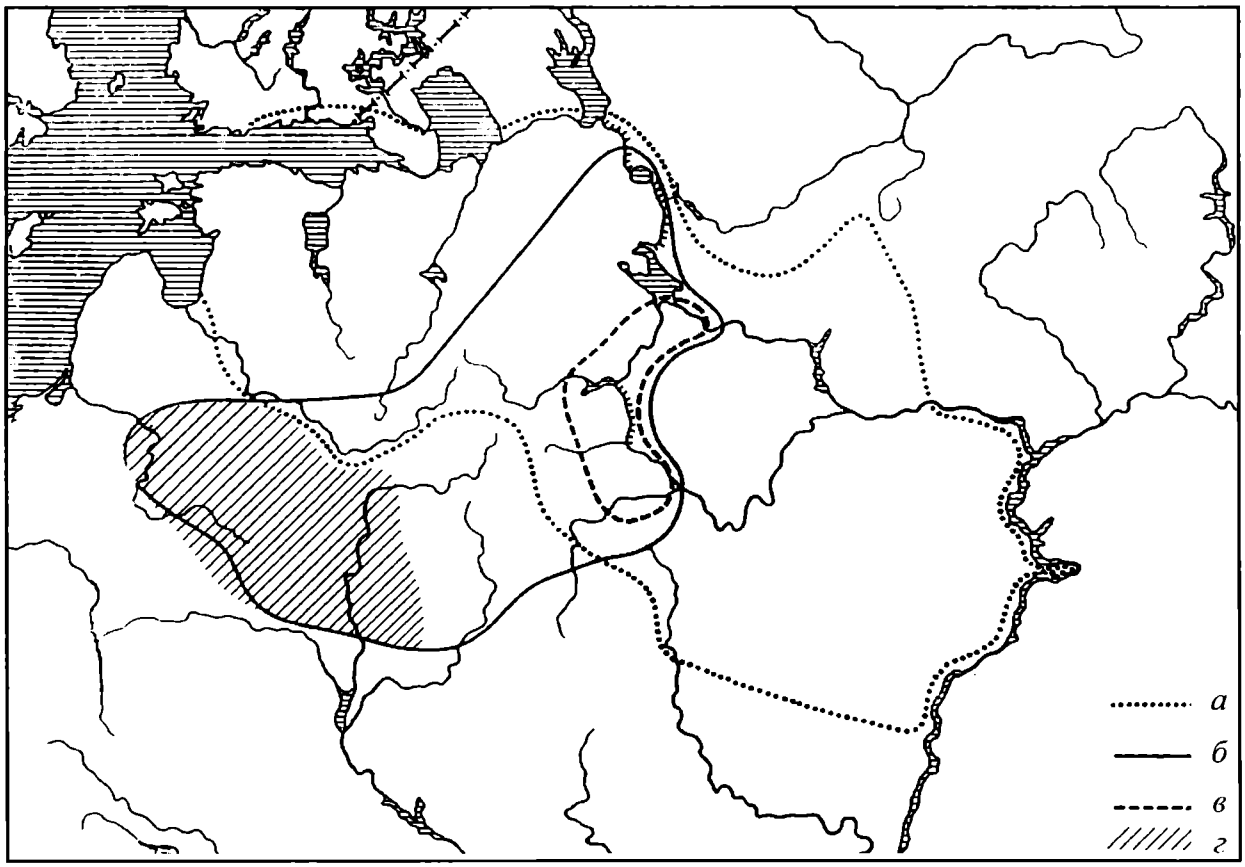


Рис. 1. Ареалы распространения сетчатой керамики, грузиков дьякова типа и памятников дьяковской культуры

а - сетчатая керамика; б - грузики дьякова типа; в - памятники дьяковской культуры; г - штрихованая керамика

[1] О происхождении и истории изучения дьяковской культуры написано достаточно, сошлюсь только на самые значительные, на мой взгляд, исследования (*Дубынин и др.*, 1974; АКР, 1994).

[2] По второй версии рамки бытования дьяковской культуры гораздо уже: с VI–Vвв. до н.э. по III–V вв.н.э. (*Гусаков*, 2005а).

пор многие положения о происхождении и этнической принадлежности ДК, выработанные в прошлом, обсуждаются и, по-видимому, еще долго будут обсуждаться на страницах археологической литературы (*Спицын*, 1903; 1905; *Третьяков*, 1966а; 1966б; *Дубынин и др.*, 1974; *Кренке*, 1987; 1988; 1995а; Вишневский, 1991; *Гусаков*, 2005а; 2006). В частности остается дискуссионным вопрос об истоках культур лесной зоны Восточной Европы.

Целью статьи является рассмотрение некоторых аспектов этой темы в свете гипотезы о происхождении дьяковской культуры, изложенной В.В. Седовым на страницах работы «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья» (1970).

Начну с того, что напомню суть гипотезы о происхождения ДК, предложенной В.В. Седовым:

«...С востока к ареалу днепро-двинской культуры (далее ДДК) примыкает область так называемых верхневолжских и москворецких городищ (Верхнее Поволжье и западные районы Волго-Окского междуречья). Нижние горизонты культурного слоя этих городищ содержат сетчатую керамику и принадлежат к кругу финно-угорских древностей. Территория верхневолжских и москворецких городищ полностью включается в ареал древней финно-угорской гидронимии. Более поздние напластования этих городищ (конец I тыс. до н.э. и первая половина I тыс. н.э.) содержат материал, существенно отличающийся от культуры поселений восточной части междуречья Волги и Оки, заселенной мерянскими и мордовскими племенами.

П.Н. Третьяков, первым обративший внимание на эту особенность верхневолжских и москворецких городищ, подчеркнул ряд весьма характерных признаков, сближающих культуры этих поселений с культурой Смоленщины (*Третьяков*, 1966а).

Новейшие исследования москворецких городищ выявили новые примеры сходства их материальной культуры с культурой днепро-двинских городищ. Так, керамика москворецких городищ не может быть генетически выведена из сетчатой керамики. И в формах, и в орнаментации она обнаруживает явную связь с днепро-двинской. Господствующей формой построек в период распространения этой керамики на верхневолжских и москворецких городищах становятся столбовые дома, ближайшие аналогии которым опять-таки находятся на днепро-двинских поселениях. Например, наземные постройки столбовой конструкции, исследованные на Троицком городище под Можайском, совершенно однотипны с сооружениями верхнеднепровских балтов. Столбовые наземные постройки открыты и на Санниковском городище. В последнее время остатки домов столбовой конструкции найдены на городищах Подмосковья.

Москворецкие и верхневолжские городища отличаются от синхронных им поселений восточных областей Волго-Окского междуречья и по устройству оборонительных сооружений. Они имеют мощные валы и глубокие рвы, а иногда и круговую систему земляных укреплений, что опять-таки сближает их со смоленскими городищами. Как и на Смоленщине, склоны городищенских площадок в западной части Волго-Окского междуречья (Иваньковское, Попелковское, Пекуновское, Топорок и др.) искусственно обработаны.

На москворецких и верхневолжских городищах I тыс. н.э. весьма обычны находки предметов бесспорно балтского происхождения или таких вещей, прототипами которых являются балтские украшения и принадлежности одежды. Первым этот факт отметил П.Н. Третьяков (1966а), а за ним и другие исследователи.

Наконец, москворецкие и верхневолжские городища объединяются в один ареал с днепро-двинскими и по находкам грузиков дьякова типа. Восточные районы Волго-Окского междуречья не знали этих предметов. На городищах поречья Москвы и на верхней Волге грузики дьякова типа встречаются повсеместно и в значительных количествах. В последних столетиях I тыс. до н.э. грузики дьякова типа получают широкое распространение по всему ареалу днепро-двинской культуры. Назначение этих предметов остается неопределенным. Наиболее вероятна догадка о связи их с культовыми представлениями.

Грузики дьякова типа весьма характерны и для других балтских культур: они встречаются также на поселениях культуры штрихованной керамики. Ареал распространения этих находок говорит в пользу их балтской, а не финно-угорской, как это представлялось совсем недавно, принадлежности.

Таким образом, целый комплекс существенных элементов материальной культуры обнаруживает связь культуры населения западной части Волго-Окского междуречья с днепро-двинскими древностями. Единственное объяснение этой связи дает допущение миграции балтов в западные районы междуречья Волги и Оки из областей днепро-двинской культуры.

По-видимому, культура населения поречья Москвы и верхней Волги первой половины I тыс. н.э. сложилась на основе смешения культуры местных финно-угров (носителей культуры сетчатой керамики) с культурой пришлых балтов. Начало балтской инфильтрации по весьма предварительным данным может быть определено последними веками I тыс. до н.э. Находки финно-угорских украшений в слоях I тыс. н.э. на москворецких и верхневолжских городищах свидетельствуют о дли-

тельном сосуществовании здесь балтского и финно-угорского населения.

В пользу такого решения вопроса говорят и данные гидронимии. Как отмечалось выше, Верхнее Поволжье и поречье Москвы входят в ареал древней финно-угорской гидронимии. Эти же области вместе с территорией днепро-двинской культуры образуют вторую диалектную зону внутри ареала балтской гидронимии...» (*Седов*, 1970 С. 28–29).

Кратко тезисы Седова выглядят следующим образом:

1) Культура сетчатой керамики – это финны.

2) Керамика ДК не может быть генетически выведена из сетчатой керамики.

3) ДК сформировалась в результате смешения культур финно-угров и балтов.

4) ДК начала формироваться во второй половине I тыс. до н.э.

5) Начало инфильтрации балтов – последние века I тыс. до н.э. (*Седов*, 1970).

Конечно, с тех пор, как данная гипотеза была опубликована, прошло около сорока лет, и наши представления о взаимоотношениях ДК и ДДК заметно расширились, однако не настолько, чтобы снять все имеющиеся вопросы.

Прежде всего, хотелось бы сказать несколько слов о самой днепро-двинской культуре. ДДК охватывает пространство, находящееся между Западной Двиной и Верхним Днепром. Как только ни называли городища, расположенные вдоль Верхнего Днепра и Западной Двины: «смоленские», «верхнеднепровские», однако в археологической практике укоренилось название днепро-двинская культура (рис. 2). По характеру планировки и археологическому материалу городища ДДК удивительно похожи на соседние лесные городища синхронных с ней культур раннего железного века (далее РЖВ). На западе это культура штрихованной керамики (далее КШК), на востоке – дьяковская, на юго-востоке – верхнеокская (далее ВОК), на юге – юхновская (далее ЮК) и на юго-западе – милоградская (далее МК). Хронологически ДДК бытовала в пределах VIII в. до н.э. – III–IV вв. н.э. Вообще же отнесение городищ к той или иной культуре, находящейся в пограничной полосе, всегда условно. Так, ДДК является типично «лесной культурой» с многоукладным хозяйством, в котором наряду с охотой и рыболовством существовало подсечно-огневое земледелие и скотоводство.

Начало археологическому изучению ДДК было положено еще в XIX в., однако настоящие исследования начались только в первой половине XX, когда траншеями и небольшими раскопами было вскрыто несколько городищ недалеко от Смоленска. Наиболее существенный шаг в понимании природы смоленских городищ был сделан А.Н. Лявданским, проведшим классификацию городищ и давшим им первую этническую характеристику (1926; 1932; 2002). С начала 50-х и до середины 60-х годов прошлого века ведущая роль в изучении городищ Смоленщины принадлежала П.Н. Третьякову, Е.А. Шмидту и В.В. Седову (*Седов*, 1960; 1962; 1970; *Третьяков*, 1958; 1966а; 1966б; *Третьяков, Шмидт*, 1963; *Шмидт*, 1970; 1992)[3].

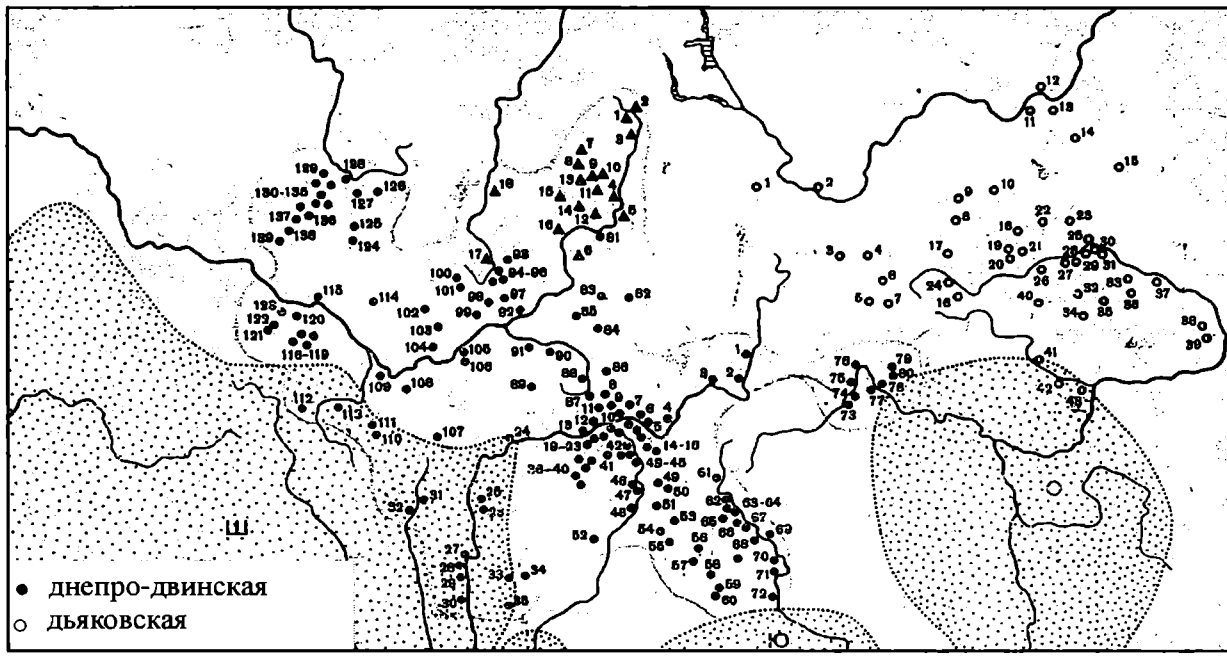


Рис. 2. Памятники днепро-двинской и дьяковской культур (по В.В. Седову)

[3] Речь идет только об археологах, работавших по теме истории городищ эпохи РЖВ.

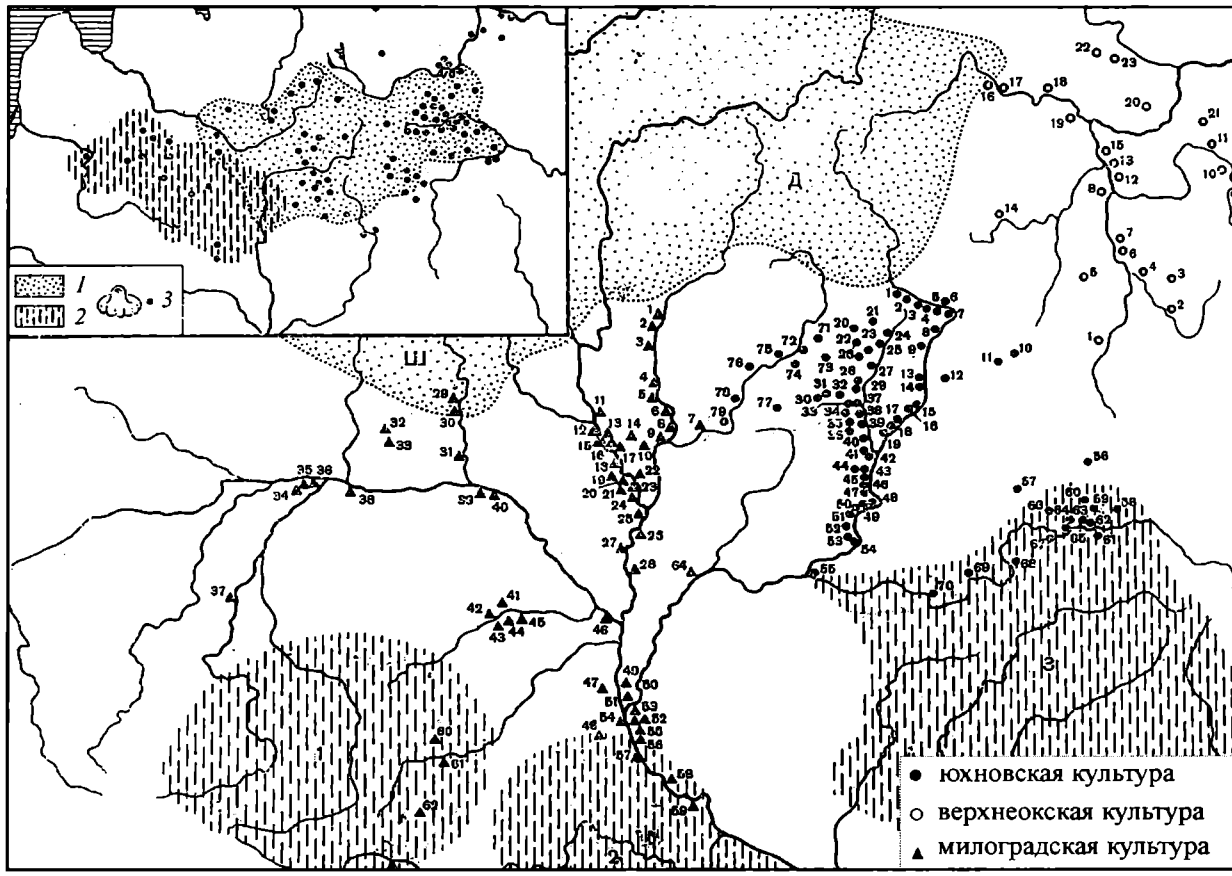


Рис. 3. Юго-восточные культуры «балтского» ареала (по В.В. Седову)

С середины 70-х годов XX в. активную работу по археологическому изучению городищ ДДК, особенно в пределах Белоруссии, вел В.И. Шадыро, обследовавший большой массив городищ, расположенных по течению Западной Двины (*Шадыро*, 1985). Затем в 80-х годах была проделана значительная по объему исследовательская работа, связанная с паспортизацией памятников Смоленской области (АКР, 1997).

В результате длительного изучения ДДК представления о хронологических рамках бытования культуры претерпели существенные изменения, впрочем, та же участь постигла и другие «лесные культуры». В 1932 г. А.Н. Лявданский предложил датировать ДДК первыми веками н.э. (*Ляуданскі*, 1932). В начале 60-х годов П.Н. Третьяков высказал предположение о том, что древнейшие слои городища Тушемля хронологически могут быть отнесены к V–IV вв. до н.э. (*Третьяков, Шмидт*, 1963). В.В. Седов (1970), в свою очередь, предложил следующие хронологические рамки ДДК – начало VII в. до н.э. – III–IV вв. н.э. В последнее время Е.А. Шмидтом предлагается еще больше удревнить начальный период ДДК – до VIII–VII вв. до н.э. – что практически синхронизирует начало формирования культуры с формированием соседних культур лесной полосы (*Шмидт*, 1992).

Наряду с археологами вопросы происхождения и этнической принадлежности лесных культур эпохи РЖВ интересовали лингвистов. В качестве рабочего материала ими использовались данные гидронимии бассейна Днепра и Волги. Результатом многолетней работы группы лингвистов стал вышедший в начале 60-х годов прошлого века труд В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева (1962). В нем подводились итоги исследованиям, проведенным в области палеолингвистики. В книге было приведено около 700 названий рек, относившихся, по мнению авторов, к балтской языковой группе. Правда, впервые соображения о балтской принадлежности гидронимов огромного лесного пространства, простиравшегося от Немана до Москвы-реки, были высказаны еще в начале прошлого века К. Бугой и М. Фасмером (*Buga*, 1924; *Vasmer*, 1932).

Из археологов версию о балтском происхождении лесных культур первым высказал Х.А. Моора, исходивший из соображения о том, что предки носителей культуры РЖВ со штрихованной и гладкостенной керамикой расселились в северной части Верхнего Поднепровья в первой половине II тыс. до н.э. По предположению исследователя, они были носителями культуры «боевых топоров» (*Моора*, 1958). В последствии эту идею поддержал М. Гимбутас (2004).

Следует заметить, что предположение о балтском происхождении лесных археологических культур окончательно возобладало в научной среде только после выхода в свет работы В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева. Результаты, полученные учеными-лингвистами, отодвинули на второй план представления археологов, считавших, что лесные племена эпохи РЖВ имели отношение к древним славянам (протославянам). В данном случае речь, безусловно, идет о ранних работах П.Н. Третьякова (1966а; 1966б) и Б.А. Рыбакова (1979). Последний, признавая за носителями днепро-двинской и дьяковской культур, а также культуры штрихованной керамики, частичное сходство с балтами, юхновцами и милоградцами, продолжал относить их к протославянам. В дальнейшем только украинские археологи поддержали теорию Бориса Александровича (рис. 3).

Вообще, выводы, полученные лингвистами, очень часто используются археологами, когда речь заходит о проблеме генезиса археологических культур эпохи РЖВ, так или иначе выходящей на тему ранней истории славян. Археология и лингвистика, совместно, пытаются восполнить имеющийся информационный пробел, связанный с отсутствием достоверных и ясных письменных свидетельств о славянах и их предках. И хотя в наши дни интерес к проблеме этногенеза балтов и славян заметно упал, она по-прежнему требует к себе повышенного внимания.

О сходстве и различиях лесных культур эпохи РЖВ центральной России сказано достаточно, поэтому остановлюсь лишь на основных общих материально-культурных признаках.

Прежде всего, обе культуры расположены на одних широтах – 54–56 градусов северной широты (рис. 4., табл. 1–5).

ДДК занимает огромное пространство, находящееся в центре Восточной Европы, покрывая около 600000 кв. км территории. Памятники ДДК располагаются в бассейнах таких крупных рек, как Западная Двина (71), Ловать (5), Днепр (250), Ока (16), Волга (12). Практически все памятники культуры развернуты на северо-запад (Западная Двина и Ловать) и юг (Днепр, Сож, Ипуть, Десна – бассейн Днепра) (табл. 1). В бассейне Волги располагается 28 памятников, впрочем, их отношение к ДДК спорно. Так же вызывает сомнение семь памятников, находящихся на р. Угре. На многих памятниках Угры культурный слой не выявлен, а полученный из шурфов материал не дает четких оснований идентифицировать их с ДДК. Часть городищ, по определению исследователей, относится к ДК (АКР, 1997). Вряд ли преувеличенным будет предположение о том, что культурная принадлежность ряда городищ и селищ, отнесенных к ДДК (прежде всего, это касается памятников, расположенных в контактных зонах), не имеет четко выраженной ориентации. Скорее всего, их можно отнести к памятникам, оставленным населением со смешанными традициями.

Географическое положение культур относительно друг друга позволяет сделать вывод о том, что они контактировали друг с другом. В качестве контактной области могли выступать пути по р. Угре (на востоке) и по рекам Вазуза и Гжать (на севере).

Памятники ДК (631) относятся к бассейну Волги. В целом они покрывают площадь в 200000 кв. км, размещаясь в бассейнах трех водных систем: Верхней Волги (224), Москвы-реки (265) и Оки (142), с ориентацией основных рек на восток (табл. 1).

Как и в других культурах, главными памятниками ДДК являются городища (320). Селищ почти не искали, однако во второй половине XX в., когда были проведены значительные разведывательные работы, их насчитывалось 68.

В ДК городищ немного меньше – всего 279, зато селищ и поселений – 352. С чем связана эта разница, сказать трудно. Думаю, причина кроется в том, что поиск памятников ДК велся в больших масштабах, чем памятников ДДК. Впрочем, благодаря работе действовавшей в послевоенное время комплексной экспедиции, возглавляемой П.Н. Третьяковым, в научный оборот вошло огромное количество памятников разных эпох, обнаруженных в Смоленской области.

В данной статье мы намерены остановиться только на сравнении городищ (табл. 1–5), которое будет проводиться по таким характеристикам, как место размещения в ландшафтной среде, тип, площадь, высота над уровнем воды и количество валов, окружающих памятник.

Ландшафт (рис. 5, табл. 2). Городища Смоленщины располагаются по всему топографическому спектру – от первой надпойменной террасы до холмов (везде, где удобно), тогда как дьяковские сосредоточены в основном на мысах (157), между оврагами (53) и на останцах (32) (табл. 2). Из этого следует, что носители дьяковской культуры предъявляли более высокие требования к выбору места поселения.

Тип площадки (рис. 5, табл. 3). Из индивидуальных характеристик топографического плана стоит отметить то, что в ДДК городища представлены только тремя типами (с треугольными, четырехугольными и круглыми площадками), тогда как в ДК – почти всеми (*Гусаков,* 2004). В ДДК доминируют городища с круглыми площадками (218 из

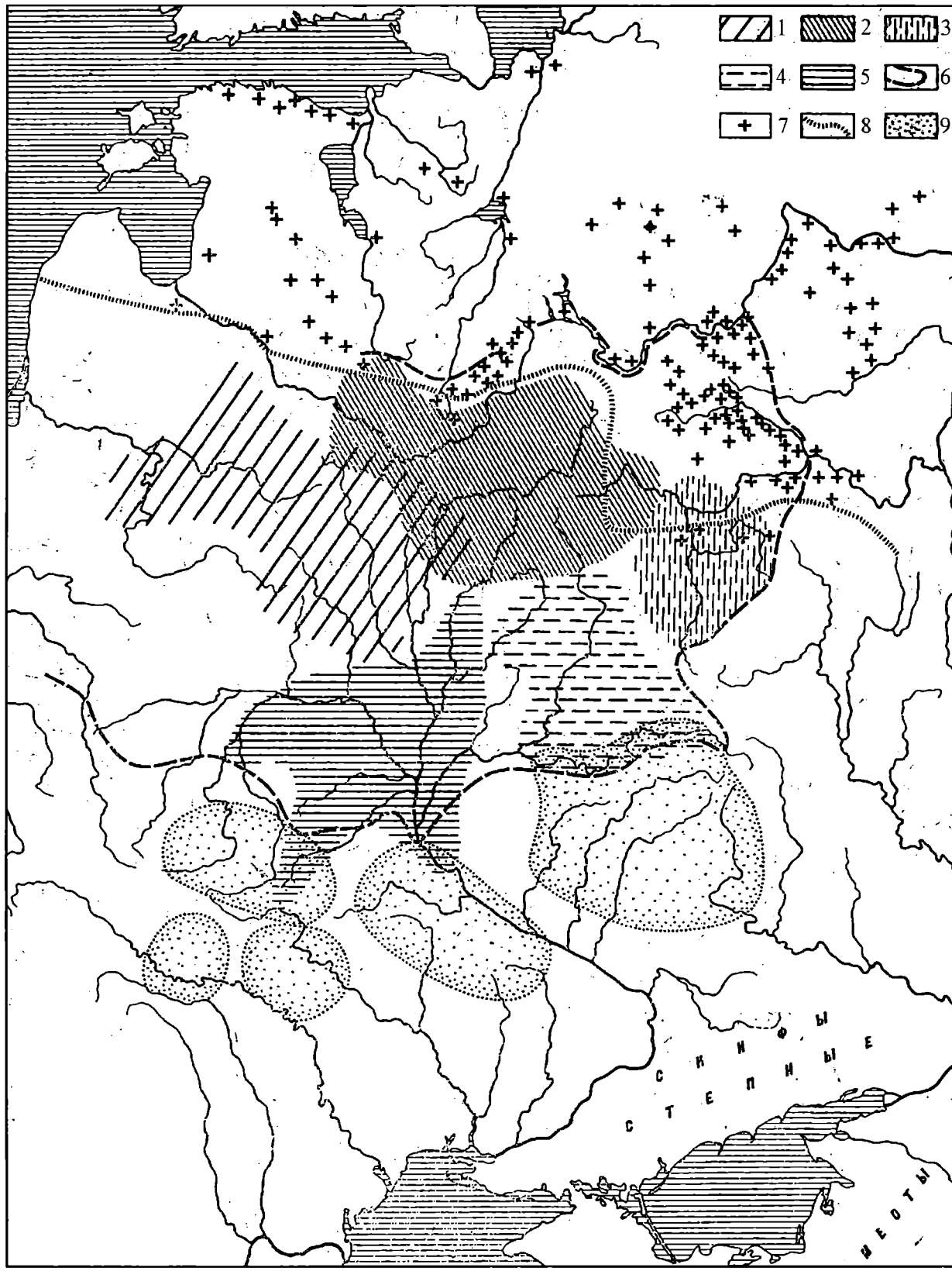


Рис. 4. Археологические культуры Восточной Европы в эпоху РЖВ (по В.В.Седову)

1 – штрихованной керамики; 2 – днепродвинская; 3 – верхнеокская; 4 – юхновская; 5 – милоградская; 6 – балтский гидронимический ареал; 7 – городища с текстильной (сетчатой) керамикой; 8 – южная граница ареала древней финно-угорской гидронимии; 9 – скифские лесостепные культуры (по А.И. Тереножкину и И.И. Ляпушкину)

Таблица 1. Приуроченность городищ к водным системам.

Культура	Зап. Двина	Днепр	Волга	Ока	Москва	Всего
ДК	0	1	425	120	50	596
ДДК	71	250	12	16	0	349
Всего	71	251	437	136	50	945

Таблица 2. Приуроченность городищ РЖВ к типам ландшафта.

Культура	1-я терраса	2-я терраса	берег	болото	гряда	излучина	межовражное	мысовое	останец	полуостров	холм	дюна	неясное	Всего
ДК	1	3	5	0	0	0	53	157	32	1	5	0	2	259
ДДК	2	0	42	1	30	2	4	162	17	1	57	1	1	320
Всего	3	3	47	1	30	2	57	319	49	2	62	1	3	579

Таблица 3. Типы городищ по форме.

Культура	Форма								Всего
	сегмент	сектор	треугольник	четырехугольник	круг	сложные	безформенные		
	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	н/я	
ДДК	1	0	42	33	218	0	1	24	320
ДК	18	10	53	40	98	10	1	29	279
Всего	19	10	95	73	316	10	2	53	599

Таблица 4. Распределение городищ РЖВ по площади.

Культура	Площадь (кв. м)					Всего
	0–2000	2000–6000	6000–10000	10000–20000	20000–30000	
ДК	136	94	11	3	3	247
ДДК	266	32	5	1	1	305
Всего	402	126	16	4	4	552

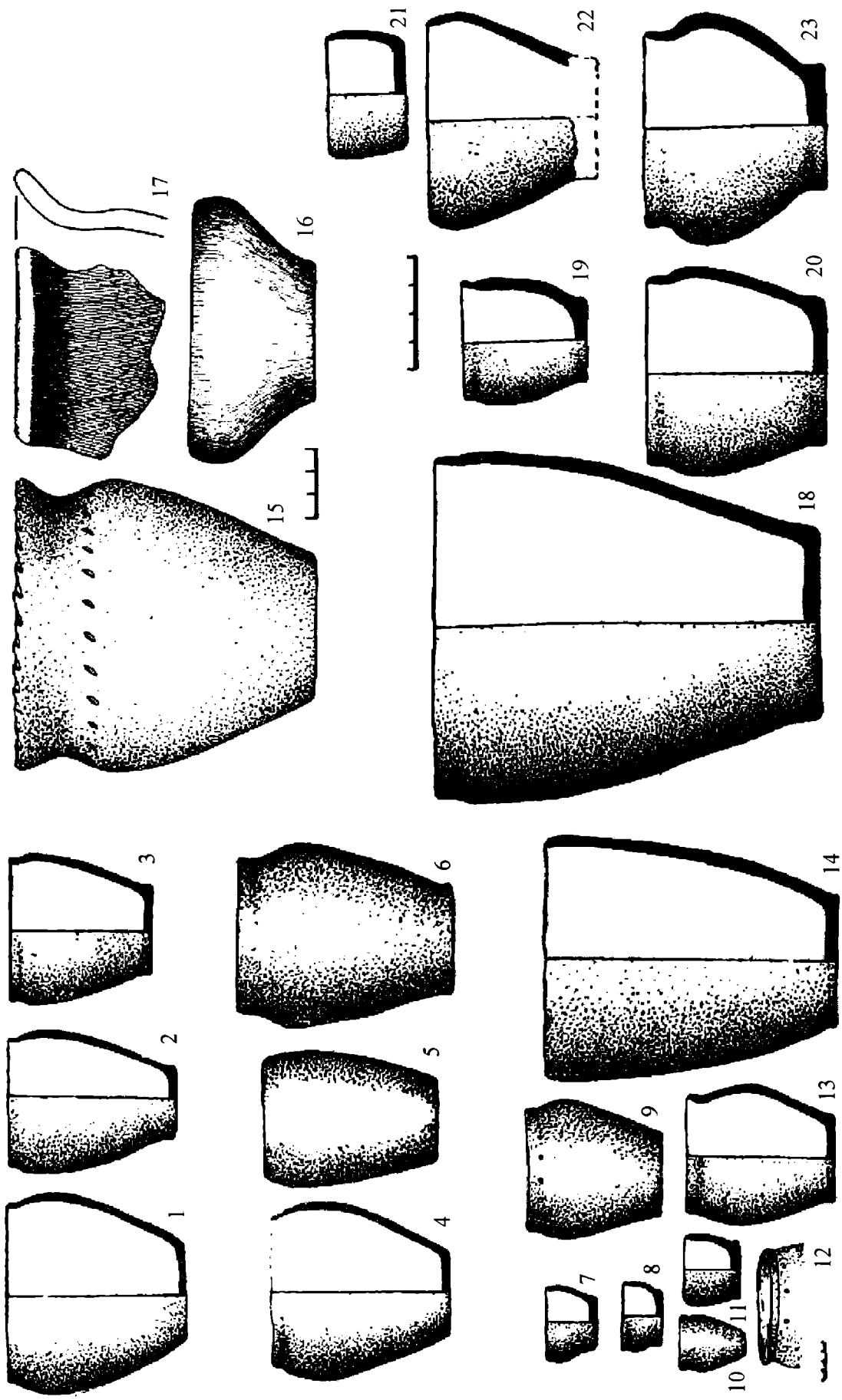


Рис. 5. Сводная таблица типов керамики днепро-двинской культуры

1 – Мокрядино; 2, 3, 7 – Вошкино; 4 – Новые Батеки; 5 – Горовые; 6 – Ковшары; 8 – Кострица; 9 – Язно; 10 – Абрамово; 11 – Близнаки; 12, 13 – Кубличи; 14 – Барсуки. Поздний этап: 15, 16 – городище Жарынь; 17 – городище Федотково; 18–23 – городище Новые Батеки. (15 – поверхность грубая; 16, 17 – поверхность подлощена)

Таблица 5. Корреляция городищ по высоте над уровнем воды.

Культура	Высота над уровнем воды (м)					Всего
	0–10	10–20	20–30	30–40	40–50	
ДК	49	93	56	16	5	219
ДДК	59	123	34	13	1	230
Всего	108	216	90	29	6	449

Таблица 6. Корреляция городищ по количеству валов.

Культура	Количество валов						Всего
	0	1	2	3	4	5	
ДК	1	135	66	26	1	1	230
ДДК	5	160	83	22	2	0	272
Всего	6	295	149	48	3	1	502

320), городищ с треугольными и четырехугольными площадками сравнительно мало (42 и 33) и совершенно нет городищ сложной конструкции (с двумя площадками и т.д.). В то время как в ДК их 10. С другой стороны, в ДДК наблюдается удивительное разнообразие в устроении городищ на местности (табл. 3). В ДК процент круглых городищ выше по сравнению с городищами других форм, но при этом он значительно ниже, чем в ДДК. Анализируя этот показатель, невольно приходишь к выводу, что носители днепро-двинской культуры стремились осесть на круглых площадках, а если их не было, использовали треугольные и трапециевидные.

Площадь городищ (рис. 5, табл. 2). Площадь, занимаемая городищами в ДК и ДДК, существенно различается. ДДК представлена в основном маленькими городищами (до 2000 кв. м) – 266 из 305. Городищ с большими площадями (более 6000 кв. м) мало, и они, как правило, окончательно складываются в эпоху средневековья. В ДК таких городищ больше, а картина их формирования менее четкая, чем в ДДК.

Высота над водой (рис. 5, табл. 4). Сравнение городищ по высоте расположения над уровнем воды показало, что памятники обоих культур если и отличаются по этому признаку друг от друга, то незначительно.

Количество валов (рис. 5, табл. 5). Этот показатель демонстрирует почти полное сходство городищ ДК и ДДК между собой (имеющиеся отклонения незначительны).

Подводя итог сравнению городищ двух культур по внешним признакам, можно констатировать, что многие из приведенных показателей идентичны или близки друг другу. При этом сходных черт больше, чем различий. Пожалуй, ощутимее всего они проявляются в размере площадок. Городища ДК, как правило, крупнее, чем городища ДДК. С чем это связано, сказать сложно, по-видимому, объяснение этому следует искать в социальной области – в количестве семей или групп семей, входивших в общину.

Археологический инвентарь двух культур представлен в основном изделиями из кости, камня и металла. Естественно, что на памятниках ДДК гораздо больше (если сравнивать с материалами ДК) предметов, изготовленных из цветного металла. Речь идет об орудиях труда (тупики, проколки, зернотерки, кельты, топоры, ножи, серпы, косы, иглы), оружии (стрелы и дротики из кости и железа, копья, кельты, топоры), украшениях (браслеты и гривны, посоховидные булавки, пряжки и фибулы). При этом на городищах обоих культур найдено по четыре бронзовые фибулы, бытовавшие в одно и то же время – II–III вв. н.э., что явно свидетельствует об их синхронном появлении.

В чем действительно наблюдается резкое отличие дьяковских древностей от днепро-двинских, так это в наличии в культурных слоях дьяковских городищ сетчатой керамики. Сетчатой посуды на памятниках ДДК найдено не было (рис. 6–7).[4]

[4] У меня нет уверенности в том, что сетчатая керамика сделана «ранними дьяковцами», я думаю, что ее изготовляло аборигенное население, проживавшее на этих землях до прихода дьяковцев с эпохи поздней бронзы.

Посуда ДДК – лепная, с заглаженной поверхностью и слабо профилированными формами. В течение всего времени существования культуры бытовали горшковидные сосуды средней величины, отличительной особенностью которых является некоторое превышение размера максимального диаметра над общей высотой сосуда. В связи с этим они кажутся широкими и приземистыми (*Шмидт*, 1992). Горшки имеют усеченно-коническое тулово и прямой венчик. Сосуды ДДК зачастую называют баночными. Орнаментация для такой посуды не характерна, правда, иногда встречаются горшки, украшенные ямочными вдавлениями (*Шмидт*, 1992). Наносятся они концом палочки на сырую глину (в том случае, когда наклонно расположенная к стенке сосуда палочка вминалась в глину, получался тычковый орнамент). Тычковый орнамент появляется в слоях, относящихся ко второй половине I тыс. до н.э. А в начале н.э. хождение получают сосуды с ногтевым орнаментом и лощеная посуда. Считается, что во время формирования культуры были распространены сосуды с бугристой поверхностью и примесью дресвы в тесте. Постепенно им на смену пришли формы с заглаженной поверхностью и песком в качестве примеси.

Как уже было отмечено выше, на протяжении длительного периода глиняная существования ДДК посуда в основном была представлена сетчатой керамикой. Многие исследователи склонны считать ее исконно дьяковской, получившей распространение с VIII–VII вв. до н.э. Однако приблизительно в это же время появляется заглаженная и штрихованная керамика (*Розенфельдт*, 1974). К IV в. до н.э. сетчатая и штрихованная керамика исчезают, и начинает доминировать гладкостенная посуда (Данное наблюдение справедливо далеко не для всех территорий, расположенных в ареале дьяковской культуры – *прим. ред.*).

Начиная с III в. н.э. появляется лощеная керамика, однако она сильно уступает гладкостенной. Орнамент на сосудах в ДК представлен в больших вариантах, чем в ДДК: и ногтевой, и веревочный, и тычковый, и защипной, и гребенчатый, и штампованный, и прочерченный, и нарезной (*Розенфельдт*, 1974). Однако выделение орнаментационных рядов, на наш взгляд, не имеет смысла, поскольку они дублируют друг друга. Формы дьяковских горшков и мисок аналогичны формам, распространенным в ареале ДДК. Сетчатая посуда по форме более проста и представлена усеченно-коническими сосудами без или со слегка отогнутым наружу венчиком. Принято считать, что сетчатая керамика по времени более ранняя, однако отделить сетчатую посуду от гладкостенной стратиграфически пока не удалось.

Интересные наблюдения, связанные с обработкой поверхности сосудов у днепро-двинцев, дьяковцев и милоградцев, в 70-х годах прошлого века были сделаны А.А. Бобринским (1978. С. 221). Он установил, что использование глин (в частности, глины как примеси-связки) в совокупности с неглинистыми материалами органического происхождения в милоградской и юхновской культурах носило общий характер (*Бобринский*, 1978. С. 68). Помимо этого А.А. Бобринским (1978. С. 116) было отмечено, что, в отличие от милоградской культуры, в дьяковской, днепро-двинской, а также в культуре штрихованной керамики в процессе изготовлении сосудов применялась технология донного начина. С другой стороны, донно-емкостные начины, изготовленные лоскутным налепом, в днепро-двинской и милоградской культурах являлись господствующими. Сосуды, сформованные по такому технологическому принципу, также широко представлены в юхновской культуре (*Бобринский*, 1978. С. 120). Наряду с лоскутным в культурах лесной полосы в РЖВ использовался кольцевой налеп (*Бобринский*, 1978. С. 163). При этом «штриховкой» поверхности занимались не только носители культуры штрихованной керамики, но и производители посуды в ДДК, ДК и МК. Анализируя технологию изготовления посуды, А.А. Бобринский отмечал факт проникновения милоградских форм в среду носителей дьяковской культуры и культуры штрихованной керамики. Им были отмечены случаи покрытия милоградских сосудов дьяковской сеткой. Он также установил связь между МК, ЮК, ДДК и ДК, заключавшуюся в использовании исходной «модели» в процессе изготовления посуды. Схожими приемами прежде пользовались только племена бондарихинской культуры. Однако в конце первого тысячелетия до н.э. они стали быстро изживать себя (*Бобринский*, 1978. С. 187). Судя по всему, имеются в виду сделанные из другого материала модели-болванки, из которых выдавливали или по которым выбивали сосуд. Основываясь на наблюдениях А.А. Бобринского, можно констатировать, что мы имеем дело с одним общим набором технологических приемов, распространенным в пределах нескольких археологических культур. Гончарство чрезвычайно консервативный вид деятельности. Поэтому, когда в разных культурах прослеживаются общие приемы изготовления посуды, можно говорить о том, что имели место длительные процессы их смешения.

К еще одной группе предметов, сделанных из глины, относятся грузики дьякова типа (*Гусаков*, 2003). На сегодняшний день уже всеми исследователями признается их ритуальное назначение, однако их непосредственные функции по-прежнему остаются невыясненными. Долгое время грузики считались принадлежностью исключительно ДК, однако со временем границы их распространения заметно расширились. В настоящее время они из-

вестны на многих памятниках соседних «лесных культур»: штрихованной керамики, днепро-двинской, милоградской, верхнеокской и юхновской. Есть они и в городецкой культуре, хотя этот тезис до сих пор оспаривается (*Гусаков*, 2005б). Грузики можно считать предметами ритуально-религиозного назначения – в этом случае легко найти объяснение тому, почему их переносили на большие расстояния или воспроизводили на новых местах. Принято так же считать, что они являются элементами балтской культуры. Период их бытования датируется IV в. до н.э. – IV–V вв. н.э. (*Розенфельдт*, 1974. С. 104).

Подводя итог изложенному выше, можно сказать, что многое в версии о происхождении дьяковской культуры, предложенной В.В. Седовым, представляется аргументированным и достоверным. Археологический и топографический материалы из раскопанных городищ и селищ дают основание полагать, что между обеими культурами имеются сходные черты. Очевидные различия наблюдаются лишь на примере керамического материала. Однако, исходя из соображений В.В. Седова, получается, что ДК начало развиваться не с VIII–VII вв. до н.э., а лишь с IV–III вв. до н.э.[5] На мой взгляд, эта дата выглядит вполне правдоподобной. Объяснение ей я нахожу в миграционных процессах, вызванных военными конфликтами конца VI в. до н.э. В середине I тыс. до н.э. на юге Восточной Европы происходят военные столкновения армии Дария со скифскими войсками. В результате чего часть населения (так называемые «скифоидные» культуры), оказавшись в зоне военных действий, двигается на север, тем самым, вынуждая племена, проживавшие на берегах Сейма и Припяти сниматься с привычных мест и двигаться дальше на север.

Итогом таких перемещений становятся следующие изменения, происшедшие в составе населения «лесных культур» центральной России:

– до V в. до н.э. в лесной полосе не знали цветной и железной металлургии, с указанного периода она начинает внедряться в бытовую практику;

– начиная с V в. до н.э. на многих городищах появляются валы и круглые дома «контины»;

– в хозяйстве лесных культур происходит переориентация на подсечное земледелие и приусадебное скотоводство (доминировавшие прежде охота и рыболовство отходят на второй план);

– с этого времени и позже в пределах лесных культур появляются импортные предметы из бронзы (браслеты и посоховидные булавки).

Однако есть соображения, мешающие полному принятию версии В.В. Седова.

Во-первых, кем были носители новых традиций и откуда они пришли? Возможно, они были выходцами с днепровских территорий. По-видимому, это были племена так называемых «скифоидных» культур, пострадавших от войск Дария («Археология...», 1989; *Артамонов*, 1971). Во-вторых, население «скифоидных» культур хоронило своих соплеменников в грунтовых могильниках (курганных и бескурганных), тогда как «лесные культуры», за исключением милоградской и юхновской, не знают археологически улавливаемых погребальных памятников. В связи с этим возникает вопрос, каким образом переселенцы могли потерять свою погребальную традицию.

По-видимому, процесс взаимной адаптации переселенцев и аборигенов занял достаточно много времени, за которое мигранты освоили новые формы погребений. Однако на начальном этапе переселенцы по-прежнему хоронили своих соплеменников по старым обычаям, что зафиксировано археологически.

Скифо-персидская война прошла своеобразным катком по памятникам «скифоидных» культур: их население не только было втянуто в конфликт в качестве союзников, но и территории, занимаемые им, стали ареной вооруженных столкновений. Естественно, что часть населения вынуждена была бежать от военных действий на север – на берега Припяти и Сейма. Однако здесь уже проживали племена – носители милоградской и юхновской культур. Именно на городищах этих культур были зафиксированы погребальные памятники: в МК – погребения с кремацией в ямах с битыми черепками; в ЮК – погребения с трупоположением, без инвентаря. Погребения датировались VI–V вв. до н.э. (*Мельниковская*, 1967. С. 48–51; *Пузикова*, 1981. С. 40). Заметим, что хронологические рамки совершения погребений совпадают с поствоенными событиями.

Так кому же принадлежали эти погребальные памятники? Анализируя археологические материалы, относящиеся к эпохе сложения скифских древностей в период VIII–VII вв. до н.э., приходишь к выводу о том, что они могли принадлежать спасавшемуся от войны населению. Накануне военных действий в лесостепной полосе и Среднем Поднепровье (под скифским влиянием) в VII–III вв. до н.э. сформировался ряд родственных земледельческих «скифоидных» культур (с запада на восток): западноподольская, побужская, средне-днепровская (правобережная), посульская, сейминская, ворсклинская, сохранивших культурные традиции прошлых культур (белогрудовской, бондарихинской, белоозерской). По моему мнению, керамика (особенно круп-

[5] Есть мнение, что ДК появилась еще раньше – в IX–VIII вв. до н.э. (*Кренке*, 1995б).

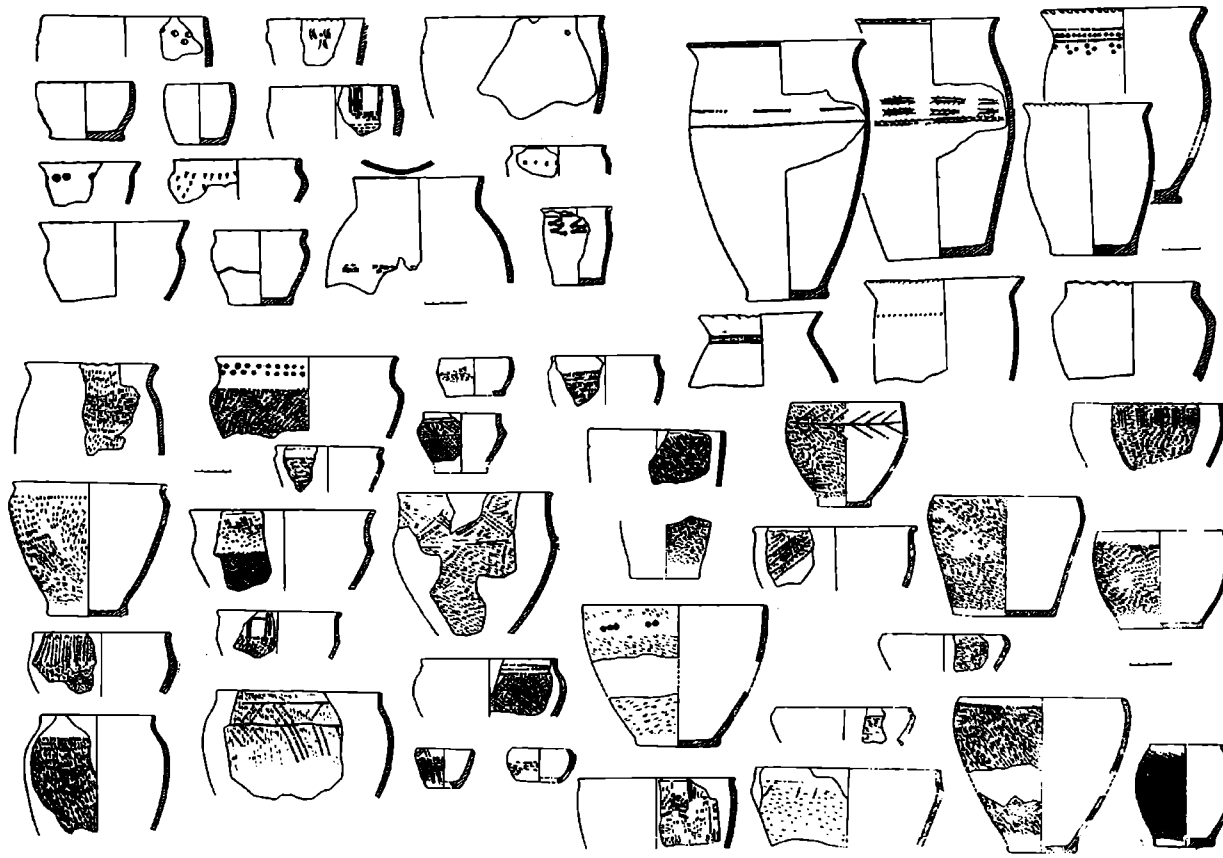


Рис. 6. Сводная таблица типов керамики дьяковской культуры

ные по размеру горшки с идущими по венчику защипами) может служить вполне убедительным доводом в пользу южного происхождения «лесных культур» (рис. 8–10). Однако этот тезис требует аргументации, выходящей за рамки статьи.

Все перечисленные культуры, прежде всего, могут быть определены как «городищенские», т.е. их население устраивало городища и хоронило соплеменников как в курганах, так и в грунтовых могильниках. В западных культурах практиковались погребения с сожжением в урнах (и без них в ямах) и трупоположение.

Я всего лишь предполагаю, что погребенное на городищах население, могло быть пришлым. Почему исследователи относят его к юхновцам или милоградцам? Ведь с таким же успехом они могли быть мигрантами, вытеснившими носителей юхновской и милоградской культур, в свою очередь перебравшихся в пределы КШК, ДДК и ДК.

Подводя итог размышлениям на тему предложенной В.В. Седовым версии о происхождении ДК, можно сказать, что она содержит достаточно оснований для того, чтобы быть рассмотренной наравне с другими. В.В. Седов первым поставил вопрос о «мнимом» единстве ДК. Однако по-своему и она – всего лишь один из возможных вариантов, способствующих построению новых гипотез, связанных с происхождением культур «лесной полосы» в эпоху РЖВ.

Существующее внутренне подразделение «лесных культур» эпохи РЖВ, скорее всего, носит исключительно искусственный и во многом произвольный характер.[6] При внимательном анализе состояния дел в аналогичных дьяковской культурах проглядывает то же желание изменить существующие хронологические рамки, приписав им контакты с античными памятниками Причерноморья, найти в них среду, способную генерировать новые варианты. Мне представляется, что культуры «лесной полосы» не были самостоятельными образованиями: будучи самодостаточными на короткое время, они постоянно нуждались в притоке нового населения, и когда он происходил, местная среда рождала новые образования.[7]

[6] Аналогичный случай имел место в советской археологии, когда, в сущности, однотипная культура была разделена по границе территорий, исследовавшихся Д.А. Крайновым и О.Н. Бадером. Речь идет о разделении фатьяновской и балановской культур, входящих в так называемую общность культур шнуровой керамики.

[7] Не исключено, что редкие импортные вещи могли попасть вместе с мигрантами. В этом случае странным представляется то, что эти предметы не породили в аборигенной среде желания их воспроизводить.

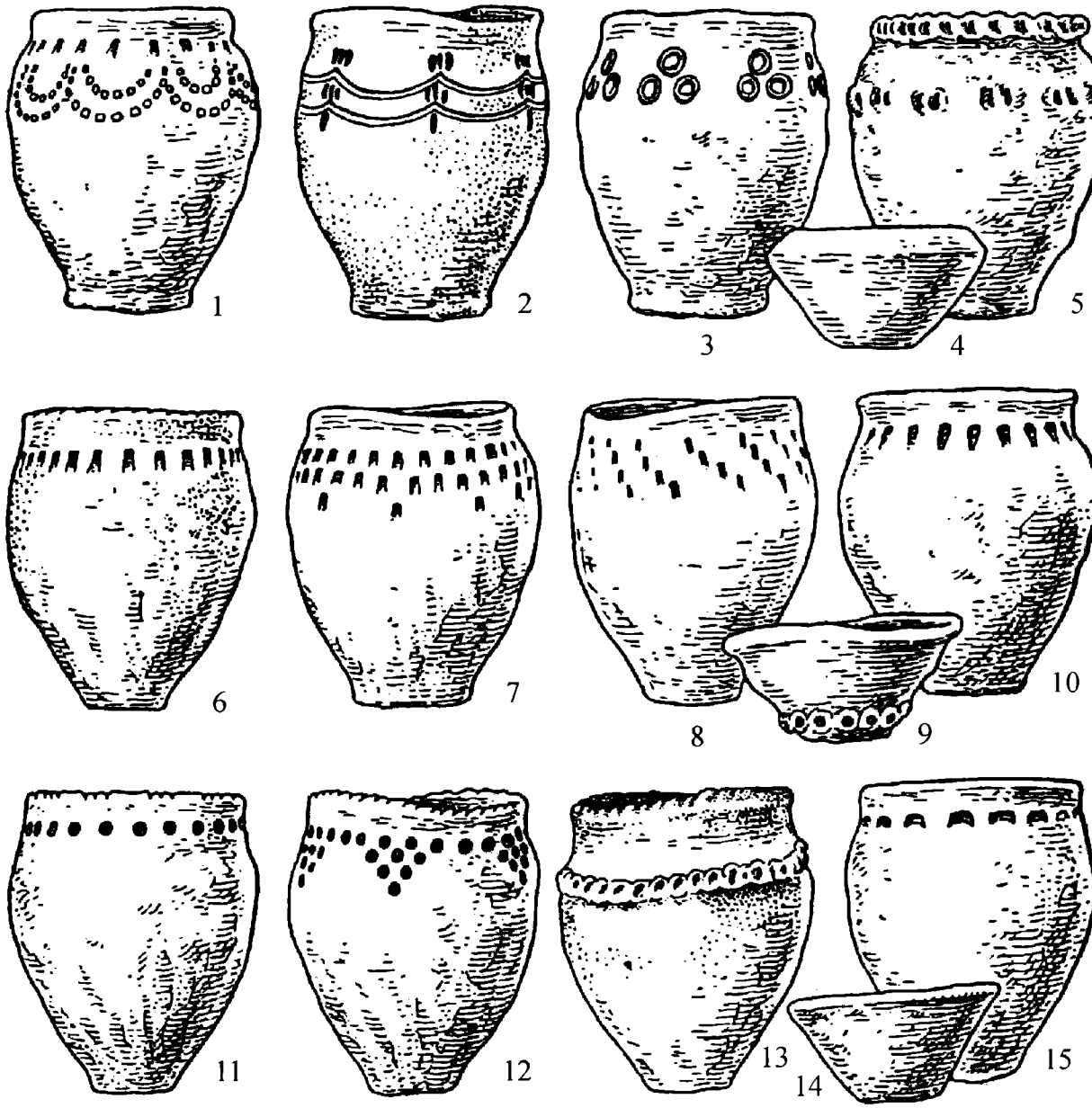


Рис. 7. Сводная таблица типов керамики юхновской культуры

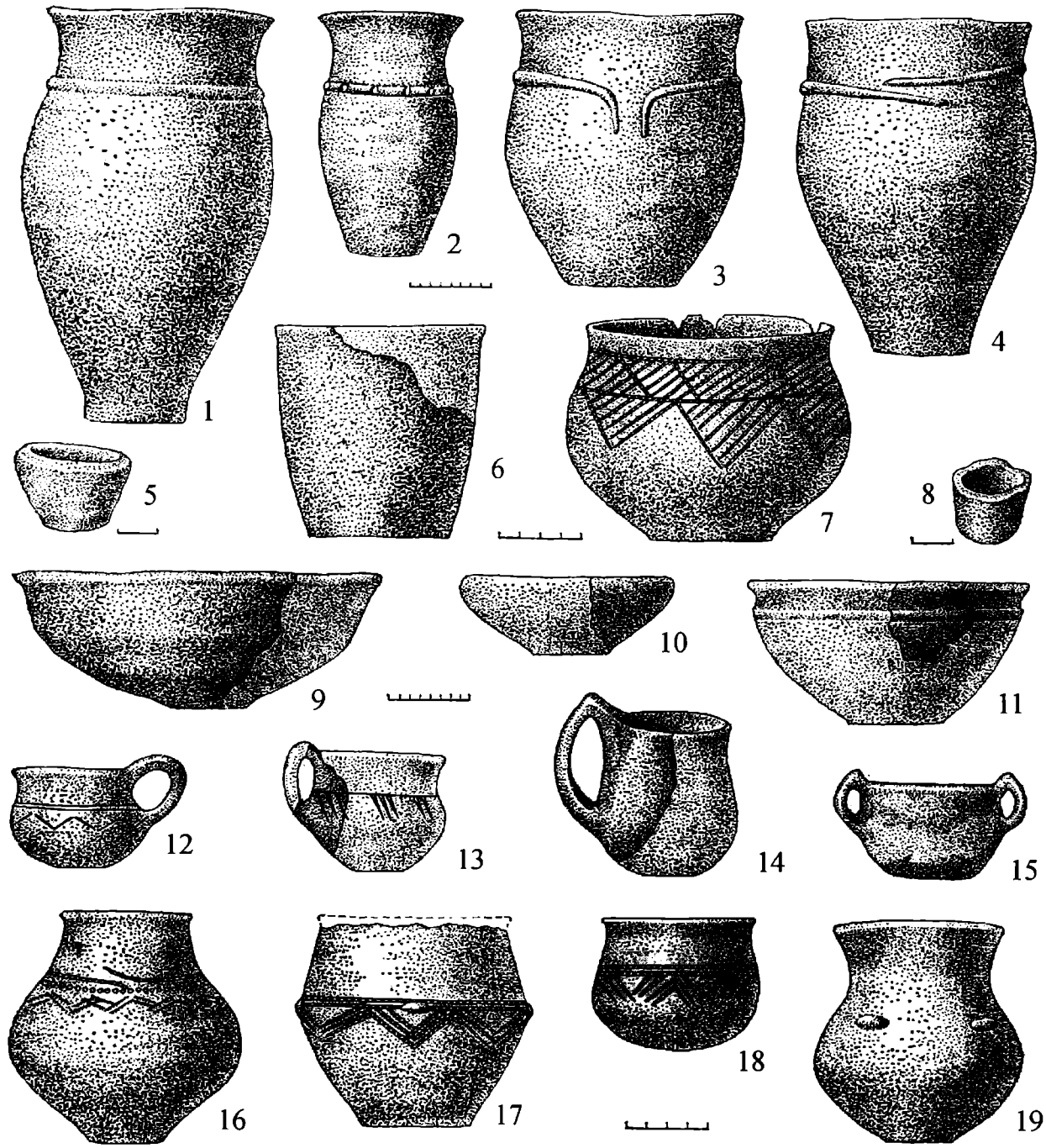


Рис. 8. Керамика белогрудовской культуры

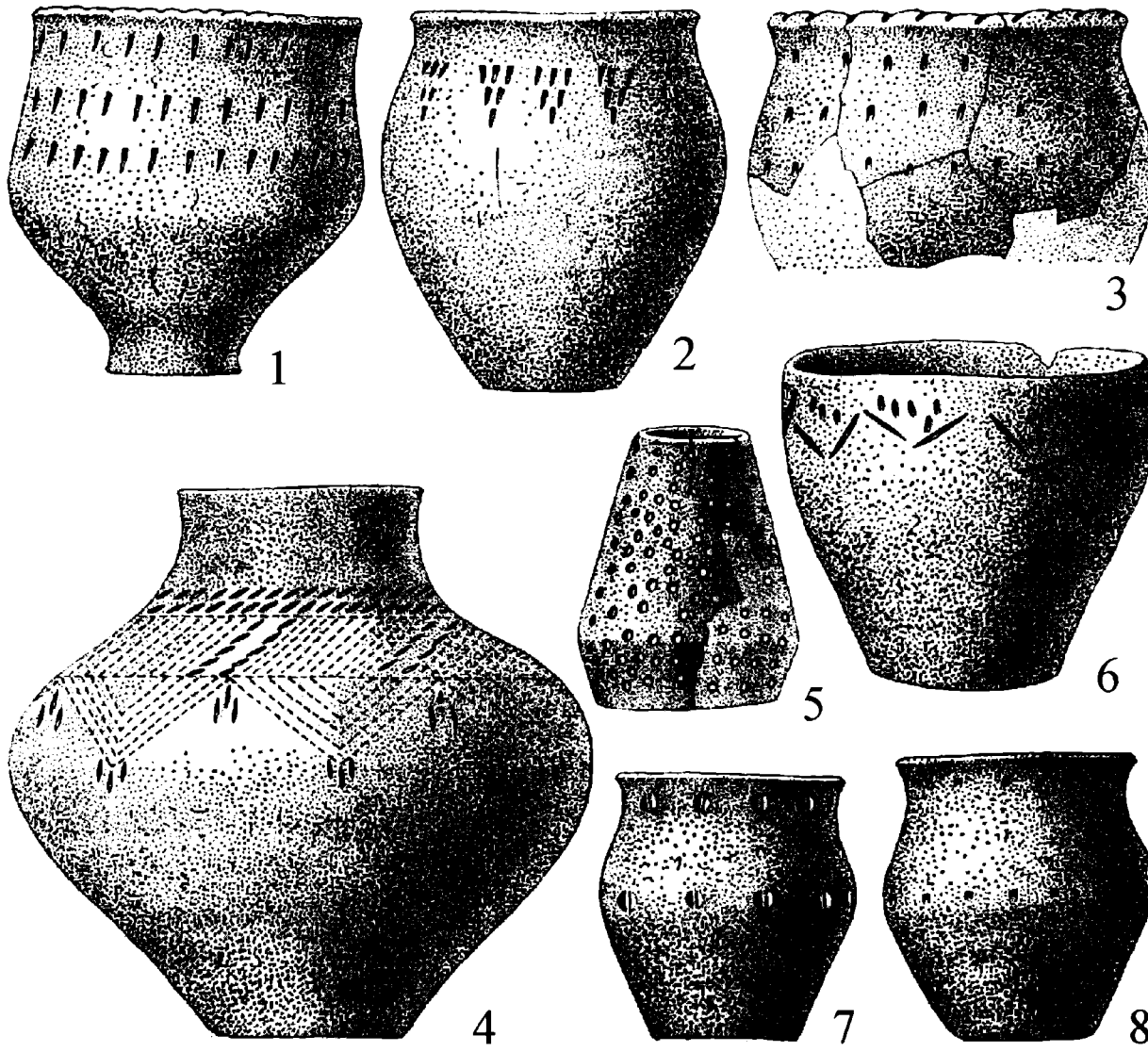


Рис. 9. Керамика бондарихинской культуры

Литература

Артамонов М.И., 1971. Переселение киммерийцев и скифов в Азию и их возвращение в Северное Причерноморье около 585 г. до н.э. // Всесоюз. науч. сессия, посв. итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси.

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1–4. М., 1994.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 1–2. М., 1997.

Археология СССР. Степи в европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Вишневский В.И., 1991. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э.). Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М.

Гимбутас М., 2004. Балты. Люди янтарного моря. М.

Гусаков М.Г., 2003. О грузиках «дьякова типа». К вопросу о систематизации и назначении // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 7. Минск.

Гусаков М.Г., 2004. Классификация городищ дьяковской культуры. // АП. М.

Гусаков М.Г., 2005а. Поселения дьяковской культуры как источник изучения социально-экономических отношений древних обществ. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Гусаков М.Г., 2005б. Грузики «дьякова типа» в бассейнах Днепра и Волги в железном веке // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга.

Гусаков М.Г., 2006. Дьяковская культура на Верхней Волге. Проблема хронологии // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М.

Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г., Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура. М.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кренке Н.А., 1988. Периодизация дьяковских памятников бассейна Москвы-реки // КСИА. Вып. 194. М.

Кренке Н.А., 1995а. Дьяковская культура: к характеристике одной научной абстракции // Макарьевские чтения. Вып. III. Ч. 1. Можайск.

Кренке Н.А., 1995б. «Чертов городок» – селище железного века в окрестностях Коломенского // РА. № 3.

Лявданский А.Н., 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия: Смоленский гос. ун-т. Т. III. Смоленск.

Лявданский А.Н., 1932. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // Сообщения ГАИМК. № 7–8. М.

Лявданский А.Н., 2002. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности. «Городища Смоленской земли». Вып. 2. Смоленск.

Ляуданскі А.Н., 1932. Археологичныя доследы у Смаленшчыне // ПСА БАН. Т. 3. Менск.

Медведев А.М. 1996. Беларусское Понеманье в раннем железном веке. Минск.

Мельниковская О.Н., 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.

Моора Х.А., 1958. О древней территории расселения балтийских племен // СА. № 2. М.

Пузикова А.И., 1981. Марицкое городище в Посеймье VI–V вв. до н.э. М.

Рыбаков Б.А., 1979. Геродотова Скифия. М.

Розенфельдт И.Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.

Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.) // МИА. № 92.

Седов В.В., 1962. Языческие святилища смоленских кривичей // КСИА. № 87. М.

Седов В.В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. № 163. М.

Спицын А.А., 1903. Городища Дьякова типа // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб.

Спицын А.А., 1905. Новые сведения о городищах Дьякова типа // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 1. СПб.

Топоров В.Н., Трубачев О.Н., 1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.

Третьяков П.Н., 1958. Городища-святилища левобережной Смоленщины //СА. №4. М.

Третьяков П.Н., 1966а. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.

Третьяков П.Н., 1966б. О ранних и поздних городищах дьякова типа // От эпохи бронзы до раннего феодализма. Талин.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.

Шадыро В.И., 1985. Ранний железный век Северной Беларуссии. Минск.

Шмидт Е.А., 1970. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // МИА. № 176. М.

Шмидт Е.А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-Двинские племена (VIII в. до н.э.– III в. н.э.). М.

Buga K., 1924. Die Vorgeschichte der aistischen baltischen Stamme im Lichte der Orisnamenforschung // Streitberg; Festgabe; Leipzig.

Vasmer M., 1932. Beitrage zur historischen Volkerunde Osteuropas. Die Ostgrenze der baltischen Stamme: Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.

M.G. Gusakov

To the problem of origination of D'yakovo culture in the light of V.V. Sedov supposition

Summary

The article is devoted to the problem of origination of D'yakovo culture. For the long time in the soviet archaeological literature it has been considered that on the basis of D"yakovo culture the neighboring "forest"s cultures" were created. Three famous features of this culture have been stated by A.A. Spitsin: presence of netlike pottery, hillforts of d'yakovo type and plummets of the same type. In 1970 V.V. Sedov suggested new version of the development of the archaeological cultures of the forest's zone. According to his opinion, D"yakovo culture should has been regarded not like a basis center but to the contrary as a derivate of the dnepro-dvinskaya culture.

The author of this publication tries to regard all "yes" and "no" in the almost forgotten version of the D`yakovo culture origination.

Н.А. Сыроватко, А.С. Сыроватко

К вопросу об облике построек городищ Кузнечики и Щербинское

Изучение древнего домостроительства является важным направлением в археологии. Помимо сведений о конструкциях построек, оно способно предоставить дополнительную информацию по вопросам социальной структуры древних обществ, этнографическим отличиям разных зон и т. д. Применительно к постройкам, бытовавшим у населения лесной полосы в железном веке, это направление актуально еще и тем, что, несмотря на многолетнюю историю изучения, открытые конструкции все еще остаются не до конца исследованными.

Раскопки последних лет преимущественно памятников юго-восточного ареала дьяковской культуры дали новый обильный материал (*Энговатова,* 2004; *Энговатова, Сапрыкина,* 2005; *Сидоров,* 2004; 2005; 2006). Однако этот материал заставили по-иному взглянуть на известные памятники, исследованные в прошлые годы (*Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С.,* 2006).

Щербинское городище является одним из эталонных памятников дьяковской культуры, его раскопки стали значимым этапом в истории науки. К материалам раскопок этого поселения, так же как и к материалам Дьякова и Троицкого городищ, исследователи обращаются и будут обращаться еще многие годы. Применительно к интересующей нас теме подобное обращение стало возможным после изучения фотоархива экспедиции, хранящегося в фондах ИА РАН. Фотографии, сделанные в ходе раскопок на городище экспедицией под руководством А.Ф. Дубынина и не вошедшие в итоговую публикацию и полевой отчет, помогли прояснить некоторые детали устройства построек на этом памятнике (*Дубынин,* 1974).

По мнению руководителя экспедиции, особенностью памятника являлась плохая сохранность построек, не позволившая судить о них со всей определенностью (*Дубынин,* 1974. С. 216). В ходе исследований на Щербинском городище было выделено три постройки, из которых две – в юго-восточной и северо-восточной части городища – имели вид канавок со столбовыми ямками внутри, а постройка 3, сооруженная на месте постройки 1, реконструировалась по сохранившимся столбовым ямкам как каркасно-столбовая (*Дубынин,* 1974. С. 216–218). В целом же вся центральная часть площадки городища показана пустой, без жилых объектов (*Дубынин,* 1974. Рис. 3). Кроме того упоминаются также следы от срубов, оставивших «...следы в виде темных, незначительно углубленных полос полуовальной в сечении формы» (*Дубынин,*1974. С. 217). Сразу же стоит отметить два обстоятельства. Во-первых, постройка 3 реконструирована по той же схеме, что и постройки на Троицком городище: группировка разрозненных столбовых ям в единую конструкцию далеко не бесспорна и в лучшем случае может носить предположительный характер (*Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С.,* 2006. С 43). Четкие контуры у объекта отсутствовали, поэтому его наличие, несмотря на то, что А.Ф. Дубыниным (1974. С. 217) для этой

Рис. 1. Щербинское городище. Раскоп 1. Следы «канавок» и столбовых ям

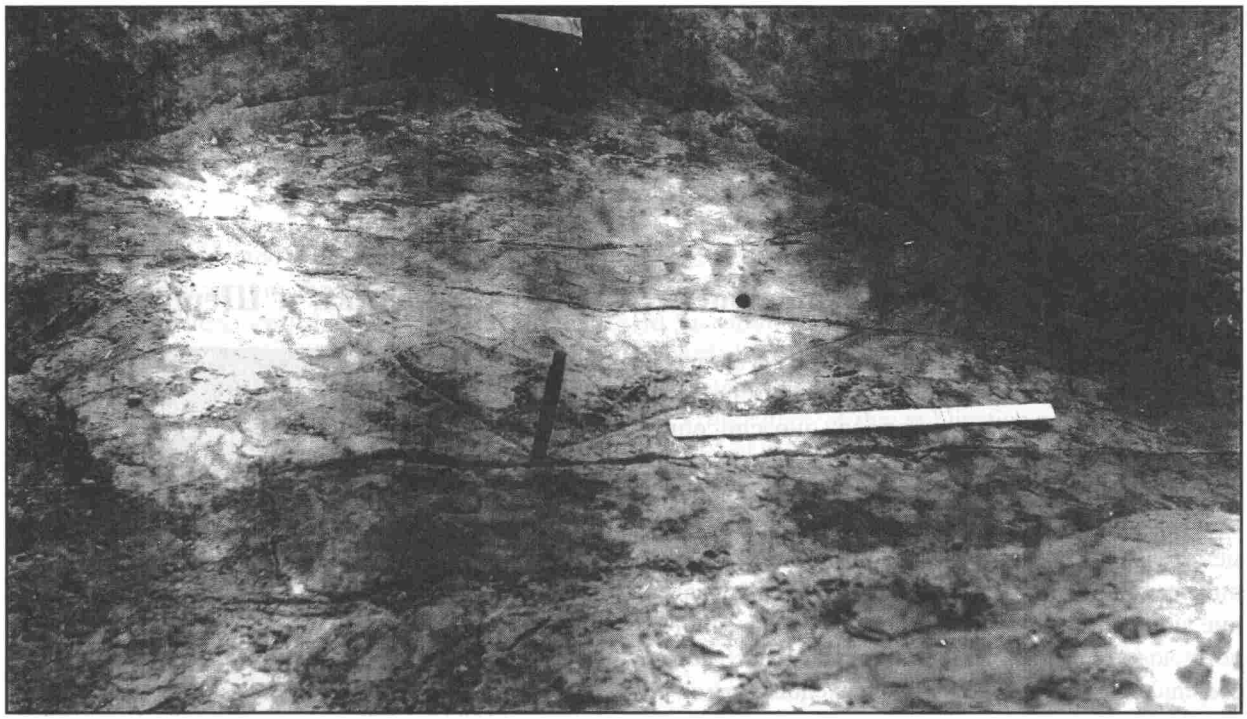


Рис. 2. Щербинское городище. Раскоп 1. Следы «канавок»

постройки был выделен вещевой комплекс, на наш взгляд, остается под вопросом. Во-вторых, заслуживает внимания указание на «следы от срубов» – именно так чаще всего интерпретируются постройки с конструкцией стен «канавки + столбовые ямки».

После знакомства с отчетами о проведенных раскопках складывается впечатление, что следы построек были более многочисленными. В первую очередь, это остатки очагов в виде скоплений горелых камней с угольками между ними. Только на раскопах 6 и 7 в северной и северо-западной части городища можно насчитать не менее 13 таких объектов. Кроме того, К.А. Смирнов, составивший отчет о раскопах в центральной части памятника (раскоп 6), и И.Г. Розенфельдт, отчитавшаяся по раскопу 7, постоянно упоминают объекты в виде канавок со столбовыми ямками внутри. Большая их часть относится к центральным участкам площадки. Канавки со столбовыми ямками были обнаружены в квадратах 11–12з, 12ж, 10и–к, 13и–к, 10 с–т, 11т, 8–9к, причем И.Г. Розенфельдт в отчете за 1963 г. писала о возможной принадлежности этих объектов жилым сооружениям (*Дубынин*, 1963. С. 121–122). Иными словами, подобных объектов на городище в действительности было больше.

Поясним обстоятельства, осложнившие работу коллектива на памятнике и помешавшие распознать постройки. Во-первых, это сам культурный слой, представлявший собой супесь серого цвета разных оттенков. Несомненно, увидеть объекты во всех деталях на таком слое сложно и то, что они были в итоге замечены, следует считать удачей. Во-вторых, сыграли свою роль представления о дьяковских постройках, господствовавшие в науке того времени. В соответствии с ними жилища трактовались либо как землянки, подобные тем, что были найдены на Старшем Каширском и Огубском городищах, либо как столбовые конструкции, подобные тушемлинским. Немаловажное значение в прочтении характера построек отводилось и предыдущему опыту работ, полученному исследовательским коллективом на Троицком городище (*Дубынин, Розенфельдт,* 1970; *Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С.,* 2006. С. 43). На фоне Тушемлинского и Троицкого городищ конструкция «канавки + столбовые ямки», действительно, выглядела ново и неожиданно[1]. И ее надо было не только заметить, но и объяснить. В тех случаях, когда такие канавки располагались по краю площадки, они трактовались как остатки оборонительных сооружений, тем более что их отличие от канавок построек состояло в том, что столбы были крупнее и стояли вплотную друг к другу (*Дубынин,* 1974. С. 209 Рис. 12). Канавки же, оставшиеся после жилых построек, как правило, имели следы, оставленные срав-

[1] В связи с этим примечательно замечание, сделанное И.Г. Розенфельдт в отчете за 1963 г., о том, что первоначально канавки принимались за кротовий след и только позднее к ним стали относиться «... осторожно, и не исключать возможность видеть в них также следы остатков сооружений» (*Дубынин*, 1963. С. 122).

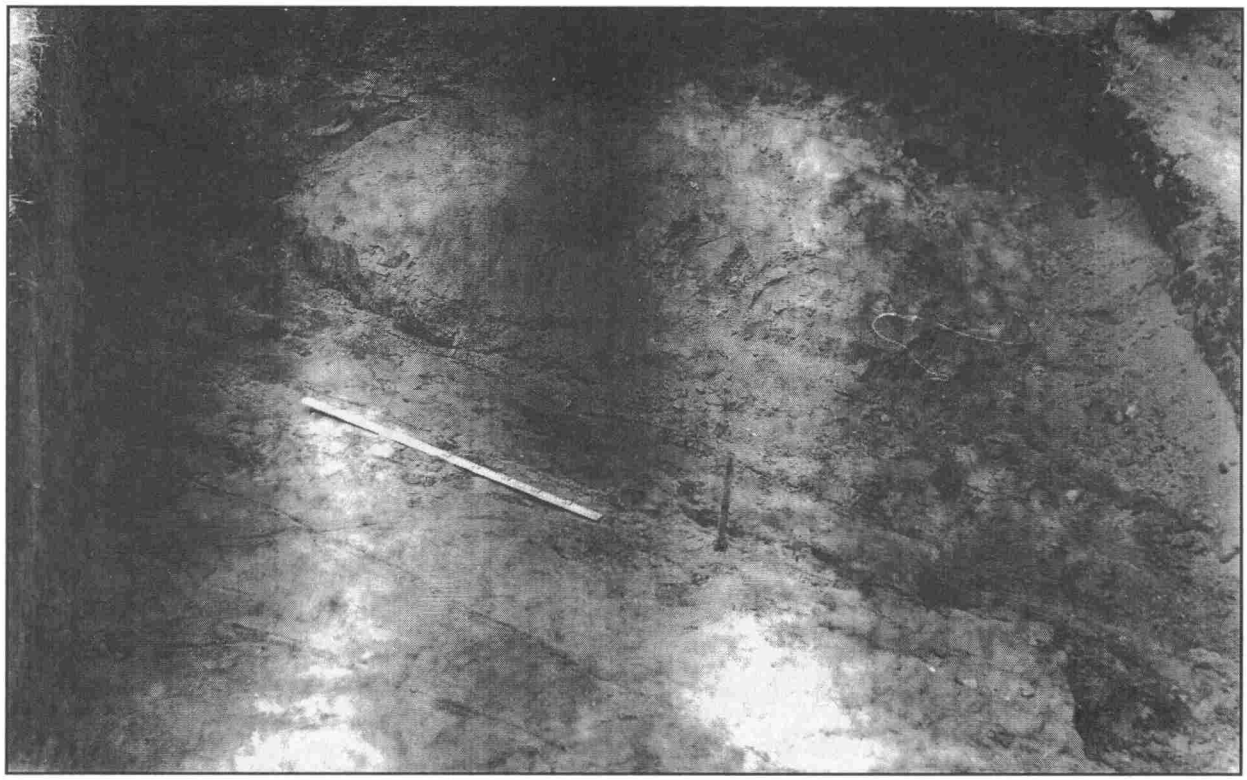


Рис. 3. Щербинское городище. Раскоп 2. Следы «канавок»

нительно небольшими колышками, расположенными с интервалом, часто не в центре, а на склонах канавки. Объяснить их нахождение в центральной части городища оказалось непросто.

Мы возлагали определенные надежды на фотоархив экспедиции, хранящийся в фондах ИА РАН (№ 124), однако нас ждало разочарование: во-первых, несмотря на большое количество фотографий (около 200), на большинстве из них был запечатлен раскоп 1 (из 12), остальные же раскопы, особенно те, что находились на площадке городища, были зафиксированы фрагментарно. В связи с тем, что А.Ф. Дубынин сдавал в архив не оригиналы чертежей, а их фотографии, некоторые из них до архива так и не дошли (например, чертеж материка раскопа 3 – поэтому он отсутствует на составленном нами сводном плане на рис. 7). Во-вторых, на фотографиях в основном отсутствовали обозначения квадратов и масштаб, что заметно снижало информативность обширного материала.

На рисунке 1–6 приведены фотографии следов, оставшихся от стен построек, не вошедшие в отчет. Судя по подписям на обороте, часть из них относится к раскопу 1 – это детали так называемого длинного дома или постройки 1. На фото отчетливо видно, что постройка имела конструкцию, встреченную на многих дьяковских памятниках – Дьяковом, Настасьино, Ростиславльском, Мутёнковском городищах и других. Постройки такой конструкции оставляют следы в виде канавок со столбовыми ямками внутри, интерпретируемыми как отпечатки «бревен срубов с сучками» (*Смирнов,* 1965. С. 22, 24), просто срубов (*Смирнов,* 1989. С. 108), «горизонтальных бревен, вставленных в пазы вертикальных столбов» (*Дубынин,* 1974. С. 216) или плетеных конструкций (*Кренке,* 1987. С. 132–133; *Энговатова*, 2006). К сожалению, нами не обнаружены фотографии подобных конструкций с центральных и северных участков, но и из приведенных иллюстраций видно, что на Щербинском городище существовал схожий принцип возведения жилищ.

Частично прояснить ситуацию позволяют планы раскопов, помещенных в отчеты. На рисунке 7 мы воспроизвели общий план раскопа, соединив его из отдельных чертежей[2]. В целом, он совпадает с рисунком из публикации А.Ф. Дубынина (1974. Рис. 3), но есть некоторые детали – в частности, следы канавок, – из которых в публикации нанесена только часть. Кроме того, на нашем рисунке нанесены (под вопросом) еще и те канавки, которые упомянуты в тексте, но на чертежах отсутствуют. В связи с этим любопытным представляются два обстоятельства. Во-первых, следы канавок от стен наиболее многочисленны в северной и северо-западной части площадки – там, где сосредоточены скопления камней от очагов. Во-вторых, ориентация сохранившихся следов образует почти пря-

[2] Без раскопа 3, чертежи которого в отчетах обнаружены не были.

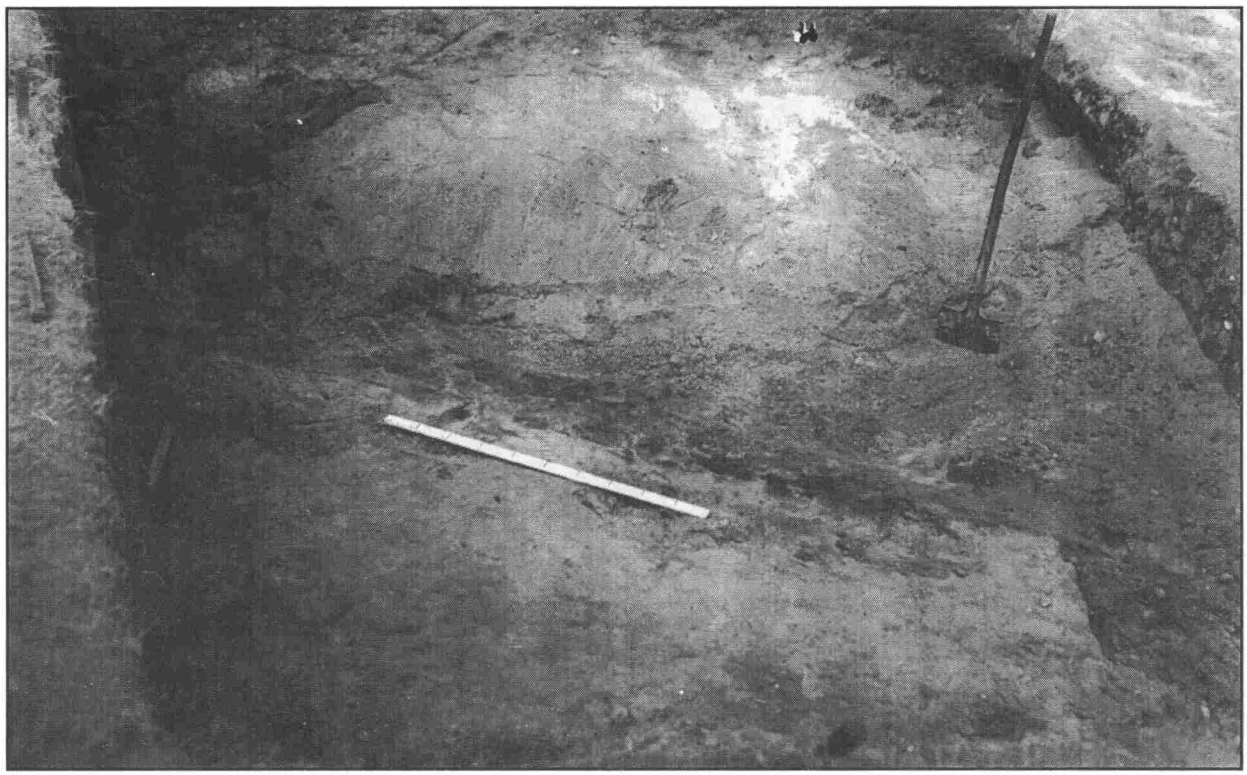


Рис. 4. Щербинское городище. Раскоп 2. Следы «канавок»

мой угол по отношению к длинному дому у юго-восточного края площадки. Сходная картина была выявлена в Настасьино, где все постройки имели только две ориентировки, образуя угол около 90°.

Таким образом, анализ отчетных материалов и фотографий позволяет сделать следующие выводы.

1. Сохранность культурного слоя в центральной части площадки Щербинского городища не была нарушена, как первоначально считалось – на памятнике сохранились остатки построек в виде следов стен и очагов.

2. Построек на памятнике, особенно в центральной части, было значительно больше, чем удалось зафиксировать. В итоговой публикации даже то, что было зафиксировано, опущено, и остались лишь глухие упоминания «следов от срубов» в тексте и некоторые из канавок на сводном плане.

3. Эти постройки по конструкции стен, оставляющих следы в виде канавок со столбовыми ямками, схожи с постройками других дьяковских городищ – Дьякова, Настасьина, Круглиц и т. д.

Необъяснимыми для нас остаются другие обстоятельства. Прежде всего, очевидно, что в ходе полевых работ руководители отдельных участков (в частности, К.А. Смирнов и И.Г. Розенфельдт) увидели и зафиксировали больше, чем было отражено в итоговой публикации А.Ф. Дубыниным. Возможно, именно их наблюдения он имел в виду, упоминая «следы от срубов квадратной формы», хотя на самой площадке были обнаружены именно канавки со столбовыми ямками. В любом случае, свидетельств жилых объектов в центральной части площадки было достаточно, но в публикацию они не вошли. Далее, непонятно, как удалось распознать подобные канавки, отнесенные к длинному дому (постройке 1) и к ограде городища, и даже опубликовать их, при этом ни словом не упомянув сходные с ними канавки от построек в центре. Вероятнее всего, сыграл свою роль опыт работ на Троицком городище, а также авторитет П.Н. Третьякова, незадолго перед этим опубликовавшего эффектный материал Тушемли, и опыт работ В.А. Городцова с постройками типа землянок. Важно другое. Столкнувшись с непонятными объектами, исследователи, тем не менее, зафиксировали их, сохранив возможность для последующей интерпретации. Любопытно и то, как накапливался опыт и совершенствовались приемы работы на дьяковских городищах, в том числе по выявлению и распознаванию построек.

Исследованное К.А. Смирновым городище Кузнечики (*Смирнов*, 1964; 1965; *Дубынин*, 1970) стало следующим после Щербинского. На этом памятнике изучение жилищ дало противоположные результаты: были выявлены контуры небольших жилищ, стены которых оставляли следы в виде канавок со столбовыми ямками, следы длинного дома сходной конструкции. Пожалуй, Кузнечики являлись на тот момент одним из немногих памятников, на котором остатки построек удалось восстановить с такой полнотой.

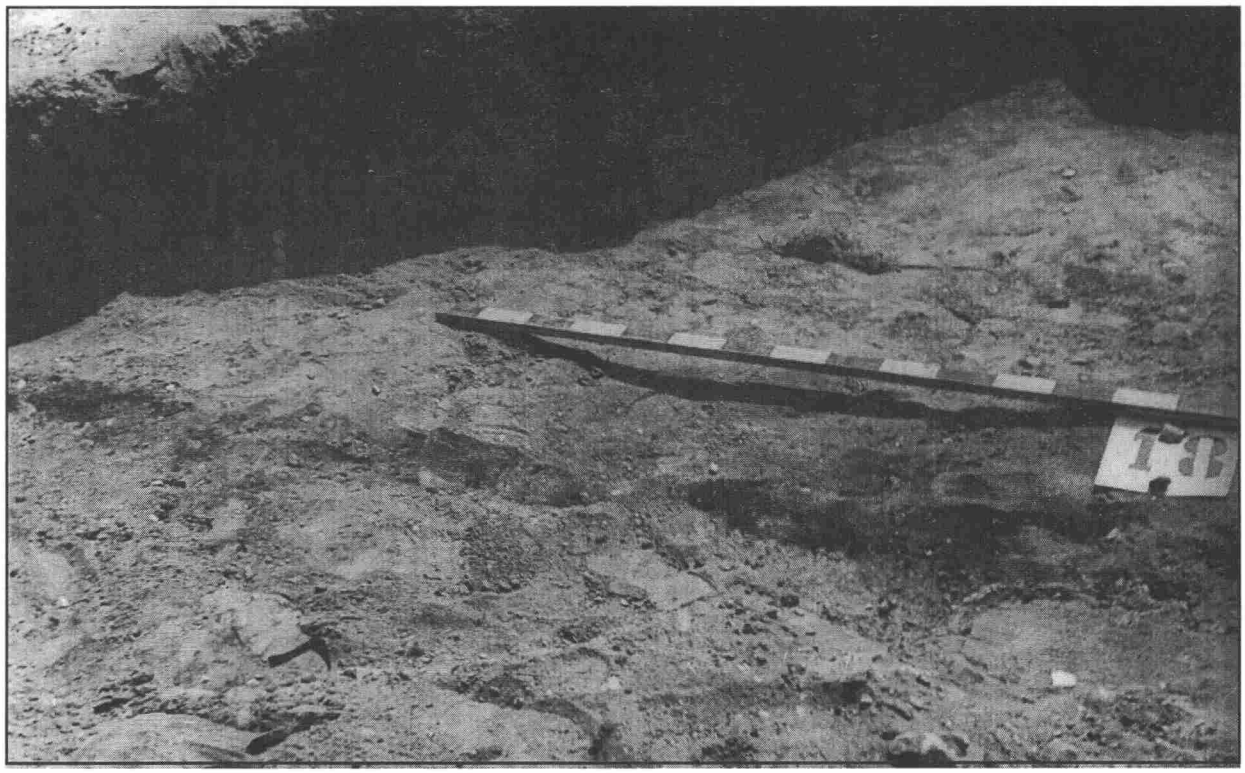


Рис. 5. Щербинское городище. Раскоп 2. Следы «канавок»

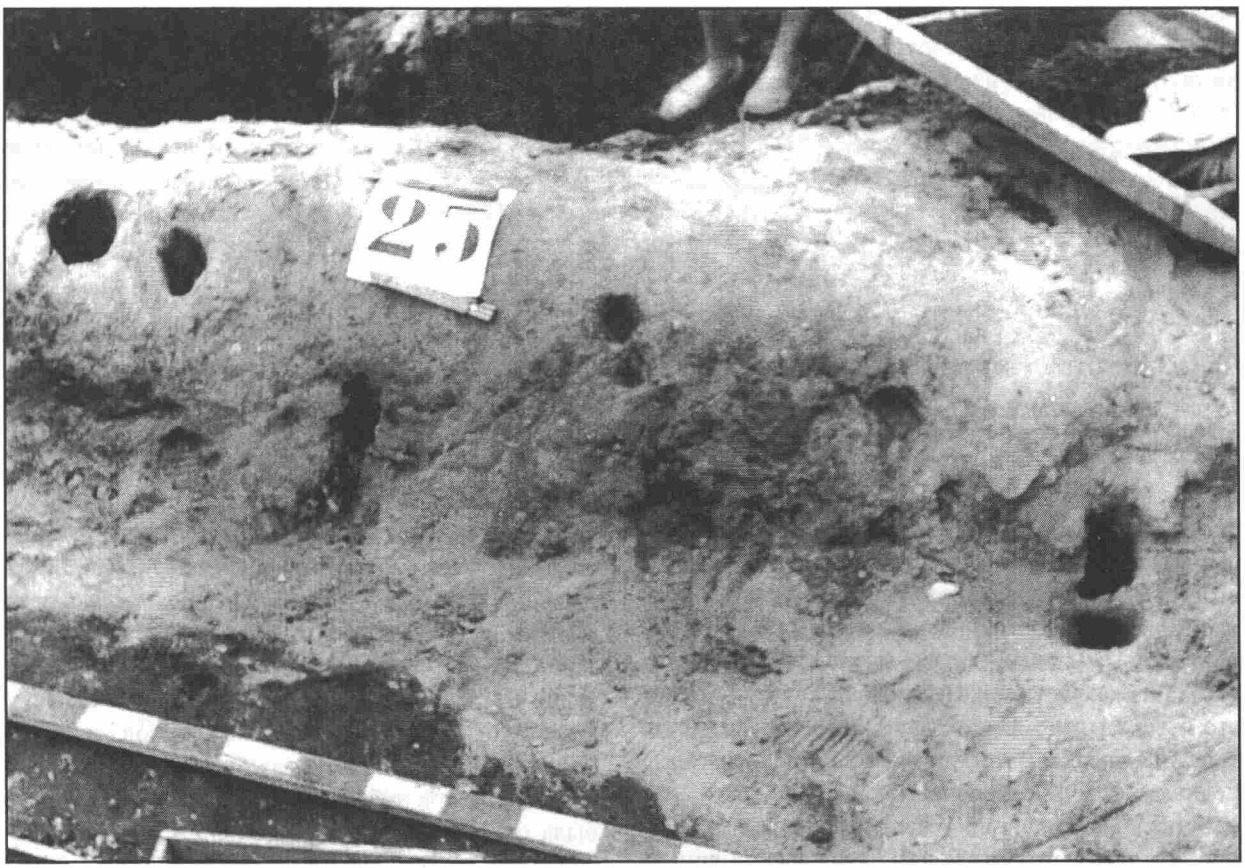


Рис. 6. Щербинское городище. Раскоп 8, кв. 8е, 9д. Следы «канавок» и столбовых ям

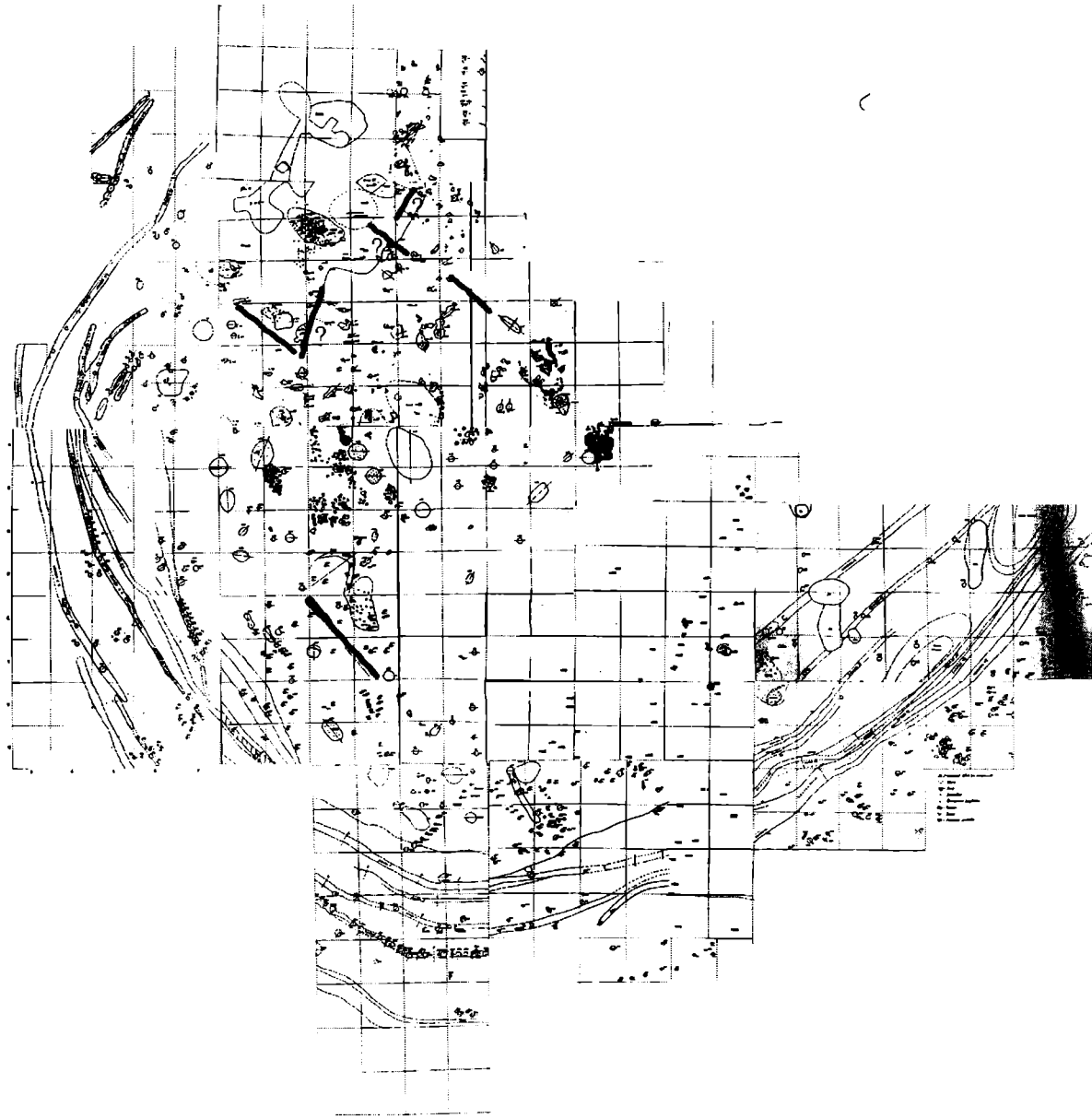


Рис. 7. Сводный план раскопов, составленный по чертежам из отчетов (отсутствует раскоп 3). Черным выделены предполагаемые следы жилищ

На фотографии на рисунке 8 отчетливо видны следы конструкций, абсолютно аналогичных настасьинским, – канавки с редкими и нерегулярными столбовыми ямками разного диаметра, часто приходящимися на склон, а не на центр канавки. Культурный слой памятника образовывали легкие супеси, отследить конструкции в которых было непросто, но это было сделано. Вне всякого сомнения, при раскопках Кузнечиков опыт раскопок Щербинского городища был учтен в полной мере. Однако, при знакомстве с материалами, у нас сложилось впечатление, что результаты раскопок Кузнечиков в чем-то перечеркивали выводы, сделанные по Щербинскому и, в особенности, по Троицкому городищам: выявленные на памятнике конструкции существенно отличались от тех, что были выделены на двух предыдущих. Поэтому неслучайным представляется то обстоятельство, что А.Ф. Дубынин не привлекал материалы Кузнечиков в качестве аналогий при публикации Щербинского городища, за исключением информации, касающейся длинных домов, сходство которых на обоих памятниках было очевидным. Помимо этого, при публикации материалов Кузнечиков была повторена попытка выявления жилищ по отдельным столбовым ямам, предпринятая ранее на Троицком и Щербинском городищах. В результате по-

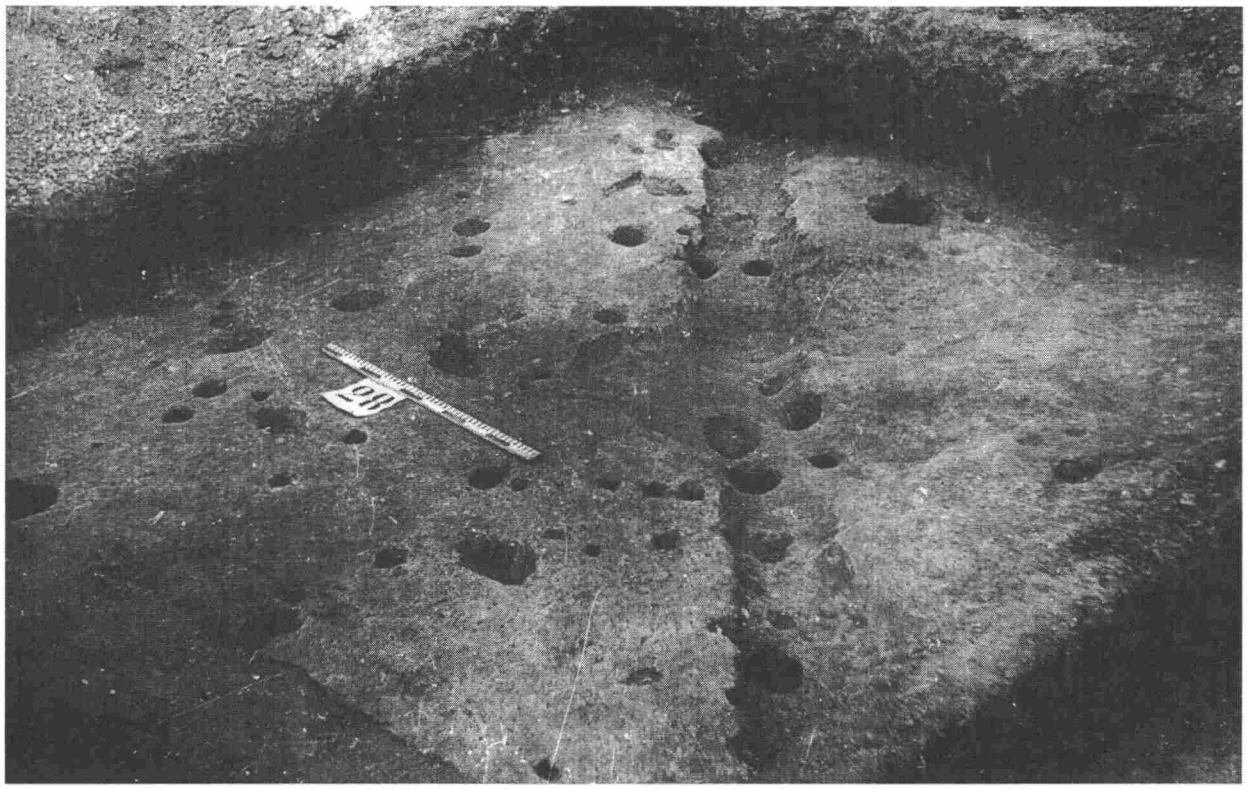


Рис. 8. Городище Кузнечики. Участок «канавки» жилища со столбовыми ямками

явился еще один длинный дом, или постройка 3 (*Дубынин*, 1970. Рис. 2), подобный длинному дому № 3 Щербинского городища (*Дубынин*, 1974. Рис. 15), а также так называемые круглые постройки № 4 и 5. Как большинство построек Троицкого городища, они не оставили следов, позволивших выявить их непосредственно в процессе полевых работ, и, по всей видимости, были выделены А.Ф. Дубыниным в ходе последующей обработки материала[3].

В заключение заметим, что постройки, открытые на городище Кузнечики, а также Дьяковом, Настасьино, Ростиславльском и многих других городищах, чрезвычайно схожи как по конструкции стен, так и по планировке. Многообразие дьяковских построек – землянки, каркасно-столбовые дома, срубы – кажущееся, и на многих дьяковских памятниках следует ожидать открытие жилищ именно такой конструкции.

Литература

Дубынин А.Ф., 1963. Отчет о работе Подольского отряда Московской экспедиции за 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2735.

Дубынин А.Ф., 1970. Городище Кузнечики в Подмосковье // СА. № 1.

Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.

Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г., 1970. Постройки Троицкого городища // МИА. № 156. М.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Дис. ...канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р-2. № 2392. М.

Сидоров В.В., 2004. Мутёнковское городище // АП. Вып. 1. М.

Сидоров В.В., 2005. Корыстовское городище // АП. Вып. 2. М.

Сидоров В.В., 2006. Каширская культура // Каширский край. Археология. Вып. II. К 650-летию Каширы. Кашира.

Смирнов К.А., 1964. Отчет о раскопках на городище у пионерлагеря «Кузнечики» близ г. Подольска Московской области 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2846.

Смирнов К.А., 1965. Городище Кузнечики 1965 г. // Дубынин А.Ф. Отчет Московской экспедиции за 1965 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 3139.

*Смирнов К.*А., 1989. Жилища у населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. // Матер. VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 1. М.

[3] Исключение составляет круглая постройка 4 в Кузнечиках, поскольку она соответствовала материковому углублению и интерпретировалась как землянка (*Смирнов*, 1965. С. 18–19; *Дубынин*, 1970. С. 156).

Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С., 2006. Некоторые источниковедческие проблемы в изучении жилищ дьяковской культуры // АП. Вып. 3. М.

Энговатова А.В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // АП. М.

Энговатова А.В., 2006. К вопросу о конструкции жилищ дьяковской культуры // Докл. XI заседание научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 25. 03. 2006.

Энговатова А.В., Сапрыкина И.А., 2005. Хронология раннего периода Москворецкой группы памятников дьяковской культуры по данным радиоуглеродного анализа // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М.

N.A. Syrovatko, A.S. Syrovatko

To the question of the buildings appearance of the sites Kyznechiki and Scherbinskoe

Summary

In the article the results of the residential buildings excavations of the 1960th in the site of Scherbinskoe and Kuznechiki in the Moscow region are considered. The authors using photo archive holding in the Institute of Archaeology of RAS have collated its data with report materials of the Scherbinskoe settlement excavations and have come to a conclusion that the significant part of the residential buildings was neglected. It is talked of the buildings remaining traces in the layer in the shape of the grooves with high-pillar dimples inside. To the authors' opinion, heads of some excavations have managed to fix the traces of such buildings but they were not included into the final publication and were slightly mentioned in reports. But the experience accumulated in the course of the Scherbinskoe settlement excavations has got the further development during the Kuznechiki excavations where the traces of the buildings were fixed although were not understood to the end.

О.А. Лопатина

Древнейшая керамика каширских городищ раннего железного века

За последние несколько лет в г. Кашире и ее окрестностях были произведены раскопки на трех городищах, содержащих напластования раннего железного века. Это Старшее Каширское, Мутёнковское и Корыстовское городища (*Сидоров,* 2002; *Сидоров, Лопатина*, 2003; 2004; 2005). В статье используются материалы раскопок Старшего Каширского городища 1997 и 2001 гг., Мутёнковского – 2002 и 2003, и Корыстовского – 2004 гг.[1]

В обширной керамической коллекции представлены древнейшие материалы, по своим морфологическим особенностям имеющие определенные отличия от основного массива находок керамики этих памятников. Они проявляются в особенностях профилировки верхних частей сосудов, орнаментации и обработке поверхностей.

Данная работа имеет целью дать общее описание древнейшей керамики каширских городищ, проследить ее распределение в культурном слое и сопоставить с аналогичными материалами соседних памятников раннего железного века.

К настоящему времени в науке прочно утвердилось мнение, что керамика с гребенчатым орнаментом на дьяковских городищах является древнейшей. Этот факт многократно зафиксирован при раскопках городищ железного века бассейна Москвы-реки – Щербинского, Дьякова, Селецкого, Боршева, Мамонова и др. (*Розенфельдт*, 1974; *Кренке,* 1993. С. 36–39; *Крис и др.*, 1984. С. 131; *Качанова,* 1954. С. 16–17). Керамика с гребенчатым орнаментом найдена не только на городищах, но и на селищах (Дубровицы, Чертов городок) (*Гоняный, Кренке*, 1988. С. 56; *Кренке*, 1995. С. 172–173). Описание ранней керамики Щербинского городища, в том числе с гребенчатым орнаментом, конкретизировала И.Г. Розенфельдт, отметив «значительную примесь песка в тесте», «двустороннюю и горизонтальную штриховку поверхности», преобладание ранних типов сетки, особенно «ложной» (*Розенфельдт*, 1974. С. 183).

В процессе раскопок каширских городищ в их нижних напластованиях также была обнаружена керамика с гребенчатым орнаментом: на Старшем Каширском городище она была найдена в трех нижних пластах, на Мутёнковском – в пяти. В целом, среди других видов орнамента, отмеченных на керамике указанных памятников, гребенчатый является наиболее распространенным, и это при том, что общее количество орнаментированной керамики невелико. Оттиски гребенчатого штампа, как правило, расположены в верхней части сосудов в виде горизонтальных поясков, рядов косых оттисков или ломаных линий и нередко сочетаются с орнаментацией гребенчатым штампом верхнего края (торца) сосуда (рис. 4, *6–10*). Размер отпечатков зубцов гребенчатого штампа обычно составляет 2–3 мм. Часто тот же штамп использовался и при обработке поверхности. Для обозначения такой керамики, называемой штрихованной, целесообразным представляется использовать более конкретный термин «керамика с бороздчатым заглаживанием» (*Бобринский*, 1978. С. 230–231).

Раскопки каширских городищ не только выявили целую серию керамики с гребенчатым орнаментом, но и позволили сделать важные стратиграфические наблюдения, касающиеся древнейших напластований памятников. На Старшем Каширском и Корыстовском городищах древнейшие напластования выделялись стратиграфически. Так, раскопки Старшего Каширского городища позволили В.В. Сидорову выделить нижний слой (1 раскоп, IX пласт), который представлял собой «темно-серый, местами бурый суглинок с вкраплениями угля и золы». Он содержал остатки древнейшего наземного жилища, и отличался от вышележащих напластований большей плотностью (*Смирнов*, *Сидоров*, 1998. С. 6).

Наиболее интересный комплекс древнейших отложений обнаружен при раскопках Корыстовского городища, на котором был заложен небольшой раскоп охранного характера (*Сидоров*, 2005). Культурный слой памятника содержал материалы разных эпох, находившиеся, в основном, в перемешанном состоянии: текстильную и гладкостенную керамику железного века, мощинскую, в том числе чернолощеную, керамику XII в. и керамику

[1] Выражаю признательность В.В. Сидорову за возможность использовать материалы его раскопок

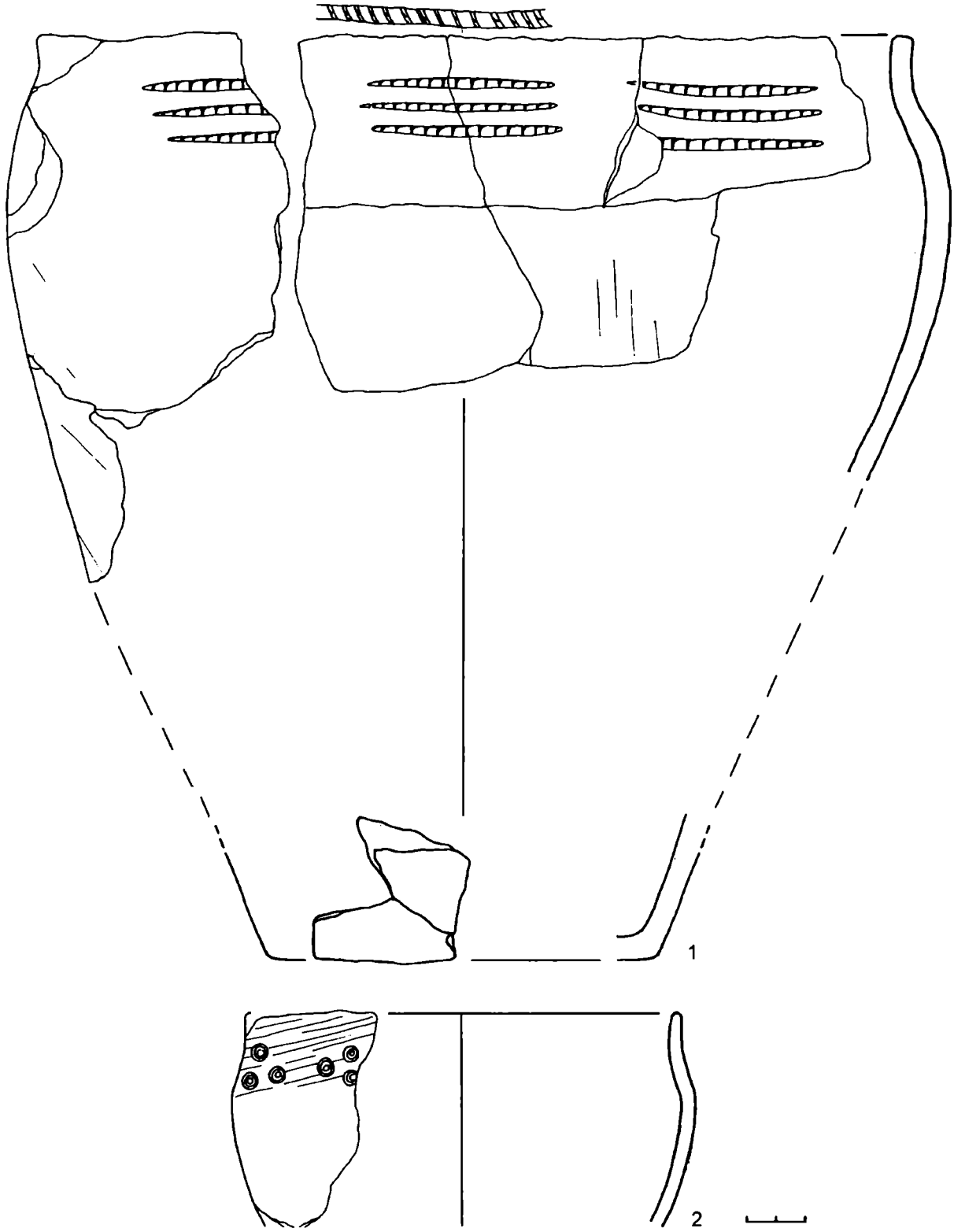


Рис. 4. Керамика нижнего слоя Корыстовского городища

позднего средневековья. Под этими культурными напластованиями залегал светлый слой делювия, отличавшийся по окраске и плотности и практически не содержавший находок – по сути, он представлял собой стерильную прослойку. Этот слой перекрывал древнейший тонкий слой пожарища с остатками наземной постройки. В нем был найден развал сосуда с гребенчатым орнаментом, полный профиль которого можно реконструировать (рис. 4, *1*). На Мутёнковском и Старшем Каширском городищах древнейшая керамика с гребенчатым орнаментом представлена в основном разрозненными фрагментами.

Древнейшие напластования Мутёнковского городища стратиграфически не выделялись (*Сидоров*, 2004). Говоря о ранней керамике этого памятника, мы имеем в виду материал, происходящий из нижнего предматерикового пласта. Культурный слой городища разбирался по пластам в соответствии с поверхностью разновременных полов жилищ и прослоек. Мощность каждого пласта составляла около 10 см. Нумерация предматериковых пластов – IX, X или XI (на разных участках количество снятых пластов различалось). По пластам же проводился подсчет фрагментов керамики, отделявшихся друг от друга по облику поверхности.

Традиционно рассмотрение дьяковской керамики начинается с ее распределения на общие группы по типу поверхности – на гладкостенную, текстильную и с бороздчатым заглаживанием (штрихованную). В целом, по каширским памятникам это распределение имеет следующую картину (табл. 1).

Из таблицы видно, что по количеству гладкостенная керамика существенно превышает другие группы, а доля текстильной везде незначительна. На Старшем Каширском городище она составляет 7%, на Мутёнковском – (по данным К.А.Смирнова (1980. С. 73) – 17%) – 8. Такая картина существенно отличает каширские городища от дьяковских памятников Москворечья, где доля текстильной керамики намного выше (*Розенфельдт*, 1974. С. 121).

Распределение по пластам керамики, различающейся по облику поверхности, позволяет проследить изменения в соотношении разных групп во времени и между собой. В таблицах 2–4 это распределение представлено для керамики Старшего Каширского и Мутёнковского городищ. Для последнего приводятся две таблицы. Первая содержит подсчеты керамики из раскопа на мысовой части памятника (табл. 3), вторая – из центральной (табл. 4), удаленной друг от друга примерно на 10 м.

Из таблиц следует, что, во-первых, гладкостенная керамика количественно превышает все другие группы керамики не только суммарно, но во всех пластах и на всех городищах. Во-вторых, везде в нижних пластах керамика с бороздчатым заглаживанием преобладает над сетчатой. При этом количество такой керамики в ранних отложениях на разных участках Мутёнковского городища различается – в центральной части памятника оно существенно выше (34%), чем в мысовой (15%).

На рисунках 1–3 данные таблиц 2–4 представлены в виде графиков. Графики наглядно демонстрируют, что, во-первых, керамика с бороздчатым заглаживанием преимущественно концентрируется в нижних пластах, и ее количество резко уменьшается в VI–VII пласту. Во-вторых, что распределение групп текстильной и гладкостенной керамики в культурном слое имеет сходный характер, в то же время существенно отличаясь от кривой распределения керамики с бороздчатым заглаживанием. Близкое сходство кривых распределения по пластам текстильной и гладкостенной керамики (они практически параллельны по материалам раскопа мысовой части Мутёнковского городища), а также нахождение текстильной керамики в нижних пластах каширских городищ противоречит мнению В.В. Сидорова об относительно позднем распространении здесь керамики с текстильными отпечатками, которое, по его мнению, следует связывать с влиянием дьяковской культуры на местную каширскую (2006. С. 9–12).

Чтобы выяснить, как гребенчатая орнаментация соотносится с разными группами керамики по облику поверхности, были составлены таблицы 5 и 6.

Данные таблиц показывают, что гребенчатый орнамент встречается только на гладкостенной керамике и керамике с бороздчатым заглаживанием, текстильные фрагменты такой орнаментации не имеют. Кроме того, выявляется преимущественная связь гребенчатого орнамента с керамикой с бороздчатым заглаживанием. Среди «бороздчатой» керамики Старшего Каширского городища орнаментировано гребенчатым штампом 6,5%, а среди гладкостенной – только 2,3%. На Мутёнковском городище, – соответственно 11,5 и 1,7%.

Таким образом, можно резюмировать, что керамика нижних напластований культурных слоев каширских городищ отличается следующими особенностями. При доминировании гладкостенной посуды заметную долю составляет посуда с бороздчатым заглаживанием, причем последняя численно превосходит текстильную. Орнаментация гребенчатым штампом наиболее характерна для керамики с бороздчатым заглаживанием. На сосудах с текстильными отпечатками гребенчатый орнамент не встречается.

Таблица 1. Распределение керамики по облику поверхности на каширских городищах. Количество фрагментов (%).

Памятник	Гладкая	С бороздчатым заглаживанием	Текстильная	Всего
Ст. Каширское	3049 (89%)	148 (4%)	227 (7%)	3424 (100%)
Мутёнковское	6640 (83%)	687 (9%)	645 (8%)	7972 (100%)
Корыстовское, нижний слой	37 (62%)	18 (30%)	5 (8%)	60 (100%)

Таблица 2. Распределение по пластам гладкостенной, текстильной и керамики с бороздчатым заглаживанием в слое Старшего Каширского городища (раскоп 1, квадраты 7/8/9/БВГДЕЖ, 72 кв. м).

Пласт	Гладкая	С бороздчатым заглаживанием	Текстильная	Всего
III	329 (11%)	-	34 (15%)	363
IV	195 (6%)	6 (4%)	20 (9%)	221
V	263 (9%)	3 (2%)	42 (19%)	308
VI	324 (11%)	1 (1%)	37 (16%)	362
VII	713 (23%)	12 (8%)	39 (17%)	764
VIII	860 (28%)	64 (43%)	39 (17%)	963
IX	365 (12%)	62 (42%)	16 (7%)	443
Всего	3049 (100%)	148 (100%)	227 (100%)	3424

Таблица 3. Распределение по пластам гладкостенной, текстильной и керамики с бороздчатым заглаживанием в мысовой части Мутёнковского городища (квадраты 29/30/31/32/КЛМНОП; 29/30/ЖЗИ, 120 м^2).

Пласт	Гладкая	С бороздчатым заглаживанием	Текстильная	Всего
I-II	1044 (18%)	24 (5%)	117 (20%)	1185
III	584 (10%)	22 (4%)	102 (17%)	708
IV	1052 (18%)	42 (8%)	130 (23%)	1224
V	550 (10%)	33 (6%)	55 (9%)	638
VI	858 (15%)	78 (15%)	78 (13%)	1014
VII	366 (6%)	26 (5%)	24 (4%)	416
VIII	432 (8%)	86 (16%)	47 (8%)	565
IX	529 (9%)	139 (26%)	24 (4%)	692
X	320 (6%)	77 (15%)	11 (2%)	408
Всего	5735 (100%)	527 (100%)	588 (100%)	6850

Таблица 4. Распределение по пластам гладкостенной, текстильной и керамики с бороздчатым заглаживанием в центральной части Мутёнковского городища (квадраты 22/23 РСТ, 24 кв. м).

Пласт	Гладкая	С бороздчатым заглаживанием	Текстильная	Всего
III	294 (32%)	7 (4%)	14 (25%)	315
IV	182 (20%)	-	22 (38%)	204
V	78 (9%)	24 (15%)	7 (12%)	109
VI	74 (8%)	13 (8%)	3 (5%)	90
VII	150 (17%)	28 (18%)	10 (18%)	188
VIII	44 (5%)	33 (21%)	1 (2%)	78
IX-X	83 (9%)	55 (34%)	-	138
Всего	905 (100%)	160 (100%)	57 (100%)	1122

Таблица 5. Гребенчатый орнамент на керамике, различающейся по облику поверхности. Старшее Каширское городище (пласты VII–IX).

Наличие орнамента	Гладкая		С бороздчатым заглаживанием	
	кол-во	%	кол-во	%
С гребенчатым орнаментом	45	2,3	9	6,5
Без гребенчатого орнамента	1933	97,7	129	93,5
Всего	1978	100	138	100

Таблица 6. Гребенчатый орнамент на керамике, различающейся по облику поверхности. Мутёнковское городище (р. 2002 г., пласты V–X).

Наличие орнамента	Гладкая		С бороздчатым заглаживанием	
	кол-во	%	кол-во	%
С гребенчатым орнаментом	15	1,7	42	11,5
Без гребенчатого орнамента	881	98,3	323	88,5
Всего	896	100	138	100

Таблица 7. Распределение по слоям морфологических групп керамики Старшего Каширского городища (количество).

Группы по форме	I	II	III	IV	V
Верхний уровень среднего слоя (пласт I–II)	7	3	3	12	-
Нижний уровень среднего слоя (пласт III–VII)	10	5	2	17	1
Нижний слой (пласт VIII–IX)	4	21	1	14	1

Представление о динамике развития форм керамики каширских городищ пока можно составить только на примере изучения материалов Старшего Каширского городища (*Лопатина,* 2005а). Формы верхних частей сосудов этого памятника были проанализированы с применением методики А.А. Бобринского (1986; 1988). Она направлена на изучение особенностей устройства емкостей и рассматривает форму сосудов как совокупность элементарных функциональных частей (губа, щека, шея, плечо, предплечье, тулово, дно). По составу функциональных частей было выделено пять групп керамики (рис. 5):

I группа – губа+щека+плечо;

II группа – губа+щека/шея+плечо;

III группа – губа+плечо+предплечье;

IV группа – губа+предплечье;

V группа – губа+тулово.

Для нижнего слоя Старшего Каширского городища наиболее характерны сосуды II группы (рис. 6;7, *1,2*), где они преобладают по сравнению с сосудами других групп (табл. 7).

Среди керамики нижних пластов Мутёнковского городища (рис. 8) представлены фрагменты верхних частей сосудов, которые по составу функциональных частей также относятся ко II группе (рис. 9; 10, *1–4*). Можно полагать, что сосуды II группы по предложенной классификации являются на каширских городищах древнейшими. Именно они чаще всего имеют гребенчатый орнамент и бороздчатое заглаживание. Совместно с древнейшей керамикой II группы в ранних напластованиях Старшего Каширского и Мутёнковского городищ залегает и посуда других форм (рис. 10, *5*). В частности, на втором месте по массовости в нижних пластах Старшего Каширского городища стоят сосуды IV группы (губа+предплечье), обычно называемые в литературе баночными (рис. 7, *3*).

Связана ли ранняя керамика каширских городищ с материалами последующих напластований? Думается, на этот вопрос следует ответить утвердительно. На это указывают результаты предварительного исследования форм, а также технологии керамики каширских городищ. Изучение форм по-

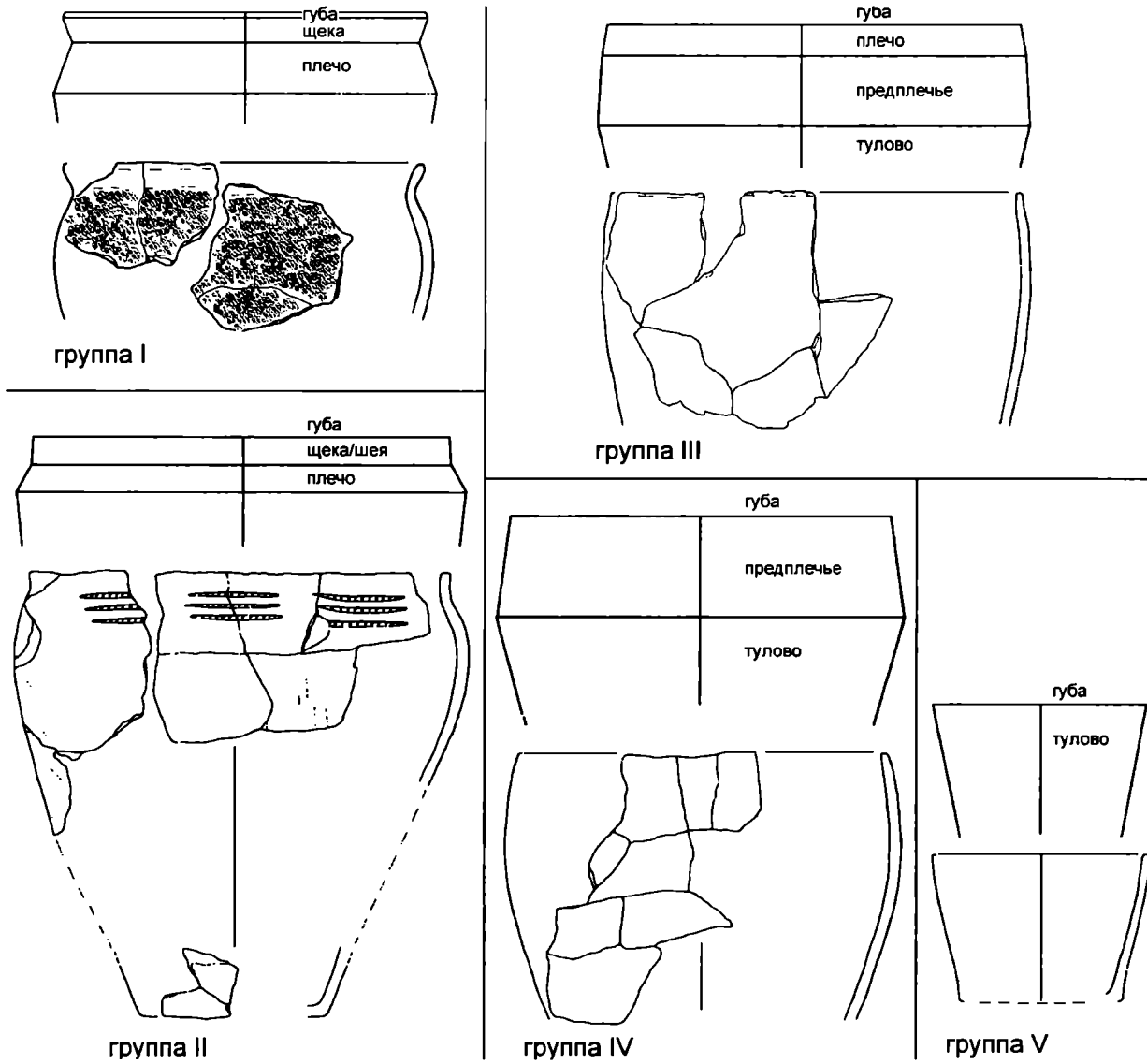


Рис. 5. Классификация форм керамики Старшего Каширского городища

суды Старшего Каширского городища показало, что сосуды II группы продолжают существовать в более позднее время, хотя их количество сильно уменьшается. Наряду с этим появляются гибридные формы – группа III (рис. 7, *4*), являвшиеся подражаниями сосудам II группы, в соответствии с формой которых производилось слабое выдавливание или проглаживание по всему периметру верхней части так называемых баночных сосудов. Таким образом, изменения в керамическом комплексе Старшего Каширского городища происходили постепенно.

Дополнительное доказательство связи населения, которому принадлежала керамика древнейшего горизонта, и населения, жившего в более позднее время на каширских городищах, предоставляют данные о технологических традициях в области отбора исходного сырья и составления формовочной массы. В керамике как нижних слоев каширских городищ (*Лопатина*, 2005б), так и более верхних напластований (данные пока не опубликованы) проявляется сходство в преобладании традиций отбора сильно запесоченного (или низкопластичного) глинистого сырья, а также составления формовочных масс на основе добавок одной дресвы. Указанные особенности технологии не являются специфичными только для каширской керамики. В виде массовых явлений они отмечены в керамике городищ Настасьино и Боровский курган (*Лопатина*, 2002; *Кренке, Лопатина*, 2008).

Таким образом, рассматриваемые материалы позволяют полагать, что резкой смены керамических комплексов, которая могла бы свидетельствовать о существенном различии между культурой населения, оставившего древнейшую керамику с гребенчатым орнаментом и более позднюю керамику, в каширских материалах не наблюдается.

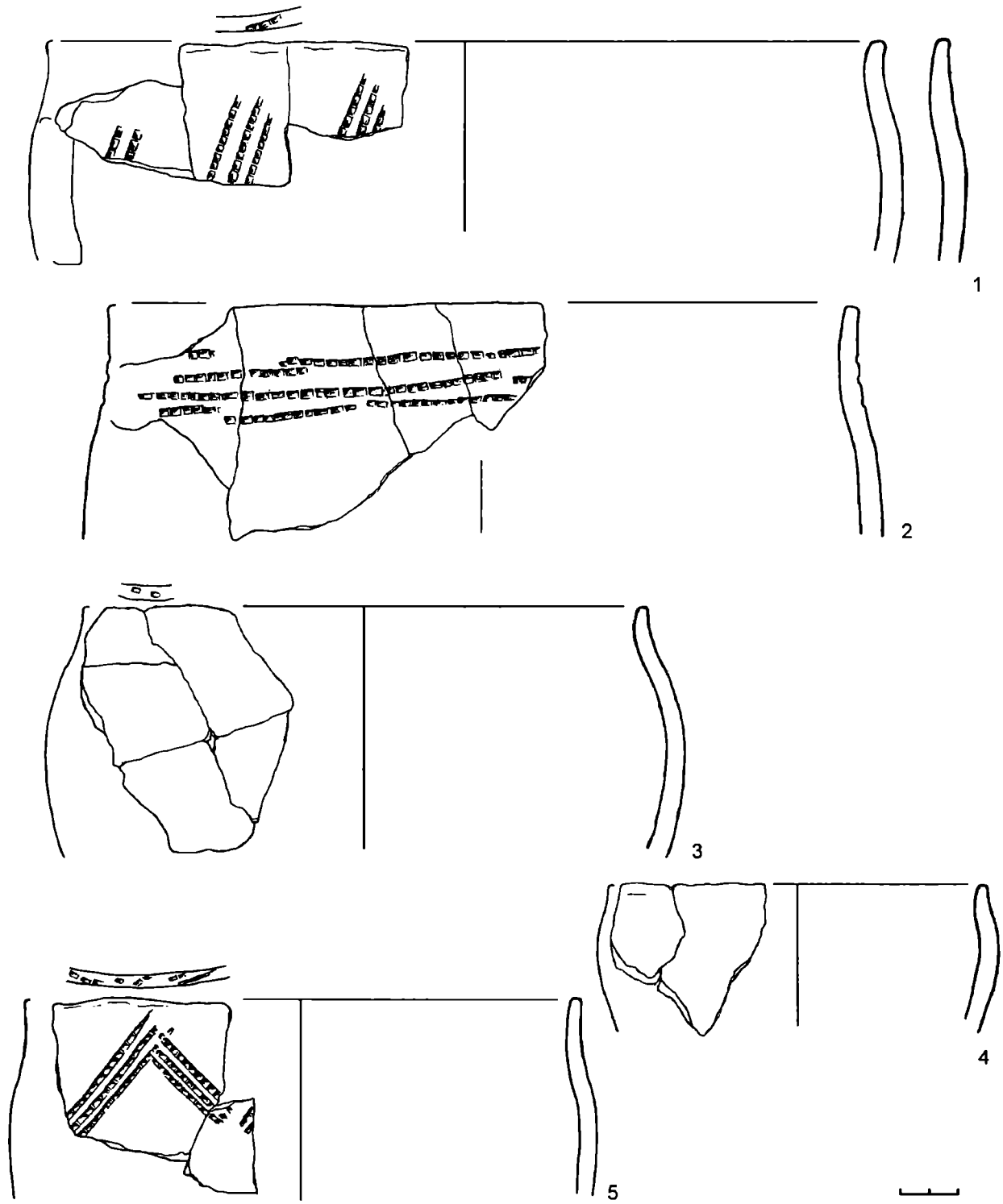


Рис. 6. Керамика группы II Старшего Каширского городища

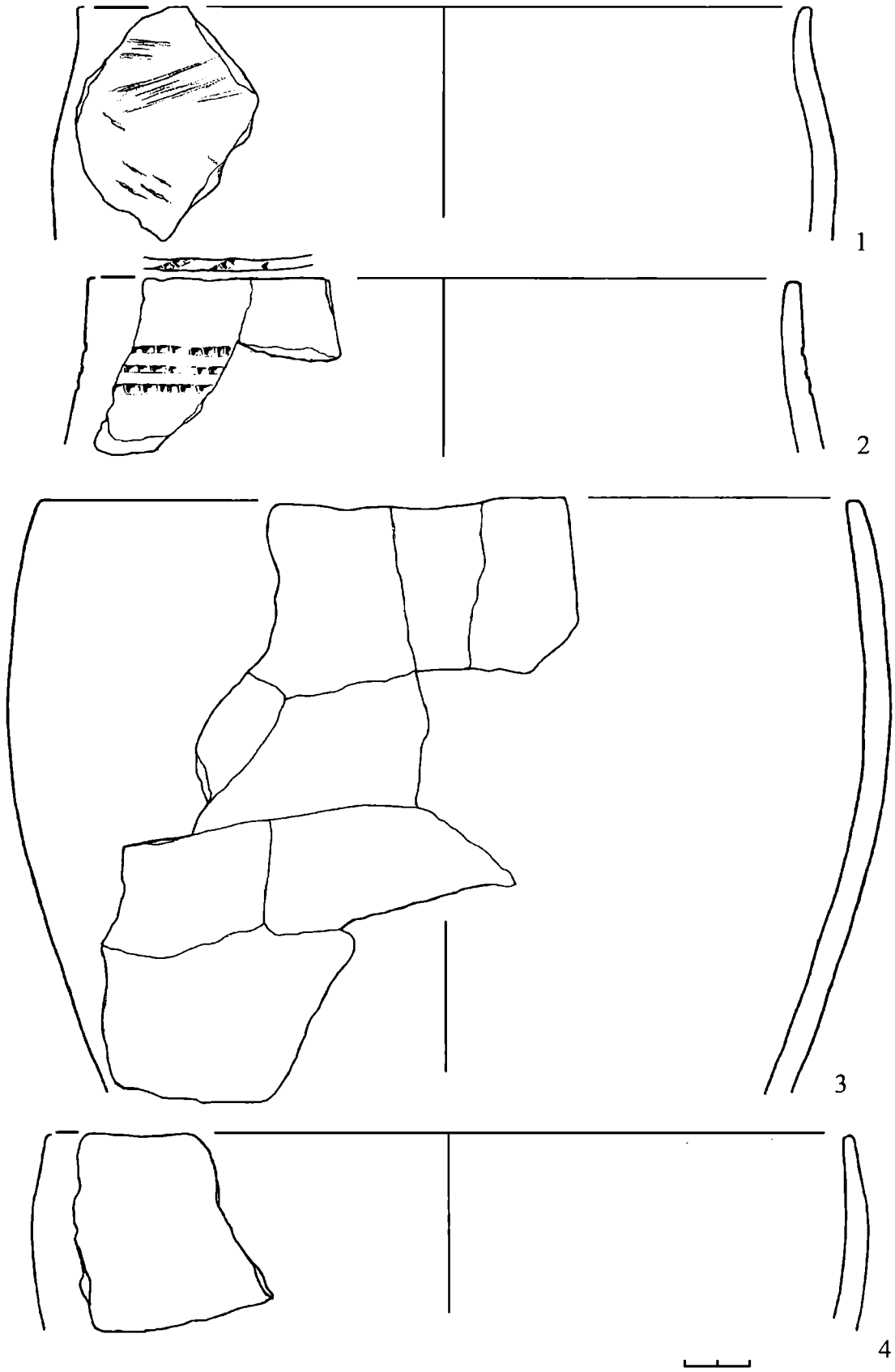


Рис. 7. Керамика Старшего Каширского городища

1, 2 – II группа; 3 – IV группа; 4 – III группа

Дьяковские памятники, на которых присутствует керамика с гребенчатым орнаментом, широко известны. К сожалению, далеко не для всех из них приводятся данные о том, как гребенчатый орнамент соотносится с разной по облику поверхности керамикой, а также о том, как в культурном слое распределяется гладкая, текстильная и штрихованная керамика. При исследовании ранней каширской керамики возникло предположение, что отсутствие гребенчатой орнаментации на текстильных фрагментах не является случайным. Оно было подтверждено и аналогиями, которые удалось отыскать.

Памятники, территориально наиболее близкие каширским, расположены на р. Оке – это Протопоповское городище вблизи г. Коломна и городище Подмоклово рядом с г. Серпухов.

В восьмом (самом нижнем) слое Протопоповского городища была найдена керамика, аналогичная ранней каширской по профилировке, наличию гребенчатой орнаментации и бороздчатого заглаживания (*Талицкий*, 1948. С. 229. Рис. 2). Причем из 24 сосудов этого слоя только два имеют сетчатую поверхность. Вместе с тем в верхних слоях количество текстильной керамики увеличивается (*Талицкий*, 1948. С. 230).

Под валом Подмоклова городища (*Успенская*, 1958. С. 7) и в предматериковых слоях памятника также найдена керамика, аналогичная ранней каширской (*Успенская*, 1957; 1959). К сожалению, какие-либо подсчеты, касающиеся распределения керамики в культурном слое памятника, отсутствуют. Тем не менее, судя по фотографиям в отчете, керамика с гладкой поверхностью, бороздчатым заглаживанием и гребенчатым орнаментом была представлена на городище, в частности, в ранних напластованиях.

К числу ближайших аналогий древнейшей керамики каширских городищ следует отнести материалы, происходящие с Кропотовского городища. Оно также находится в окрестностях Каширы, примерно в 12 км к востоку от города на правом берегу р. Ока. Раскапывалось В.А. Городцовым в 1927 г., находки были опубликованы С. Романовской (1928. С. 38, 39), но, к сожалению, кратко. Среди небольшого количества керамики, входящего в состав коллекции памятника[2], есть серия фрагментов с гребенчатым орнаментом (11 от разных сосудов) и штрихованной поверхностью (5). В целом, керамика в коллекции памятника представлена, судя по всему, весьма выборочно. Очевидно, при отборе коллекции были оставлены лишь крупные и орнаментированные фрагменты, в том числе с текстильными отпечатками. Вместе с тем, среди интересующих нас черепков с гребенчатым орнаментом не было ни одного с текстильными отпечатками (рис. 11). Из этих 11 фрагментов 10 приходились на керамику со штрихованной поверхностью, и только один – с гладкой.

На памятниках бассейна Москвы-реки также найдена аналогичная керамика. На городище возле Саввино-Сторожевского монастыря близ г. Звенигорода в разведывательном шурфе был обнаружен ранний слой, отделенный стерильной прослойкой от основного дьяковского слоя с сетчатой керамикой (*Краснов*, 1958). По свидетельству авторов раскопок, керамика нижнего слоя представляла собой «посуду совершенно иного (по сравнению с верхним слоем – *О.Л.*) облика» со «штрихованной поверхностью и гребенчатой орнаментацией»; для этого слоя было «характерно полное отсутствие сетчатой керамики» (*Краснов Ю.А., Краснов Н.А.*, 1963. С. 208).

Приведенные факты позволяют предполагать наличие некоего культурного горизонта, представленного в нижних слоях ряда памятников железного века Средней Оки и Москворечья. Каширские материалы дали возможность выявить характерные черты керамики этого горизонта, поэтому можно было бы назвать его каширским. Керамика каширского горизонта отличается профилировкой верхних частей сосудов (см. выше), характеризуется гладкой или покрытой бороздчатым заглаживанием поверхностью, гребенчатой орнаментацией и отсутствием текстильных отпечатков. Результаты технологического анализа указывают на преобладание в изготовлении такой керамики традиций использования низкопластичного глинистого сырья и составление формовочных масс на основе добавки одной дресвы.

Думается, что проявления этого культурного горизонта видны и на классических дьяковских памятниках Москворечья. Судя по опубликованным Н.А. Кренке данным, в слое погребенной почвы Дьякова городища (слой Г) встречена как гладкостенная, так и текстильная керамика с гребенчатой орнаментацией, причем их соотношение примерно следующее: из 17 фрагментов с гребенчатым орнаментом девять приходятся на керамику с гладкой поверхностью и восемь – с текстильной (*Кренке*, 1988. С. 46). Интересно отметить, что хотя в целом сетчатая керамика в слое погребенной почвы Дьякова городища преобладает над гладкостенной, ее доля существенно увеличивается в более поздних напластованиях (слое В).

Можно предполагать, что черты, свойственные древнейшей керамике каширских городищ, прояв-

[2] Коллекция находок Кропотовского городища хранится в НИИ и музее антропологии МГУ. Фонд археологии 10. Коллекция № 427

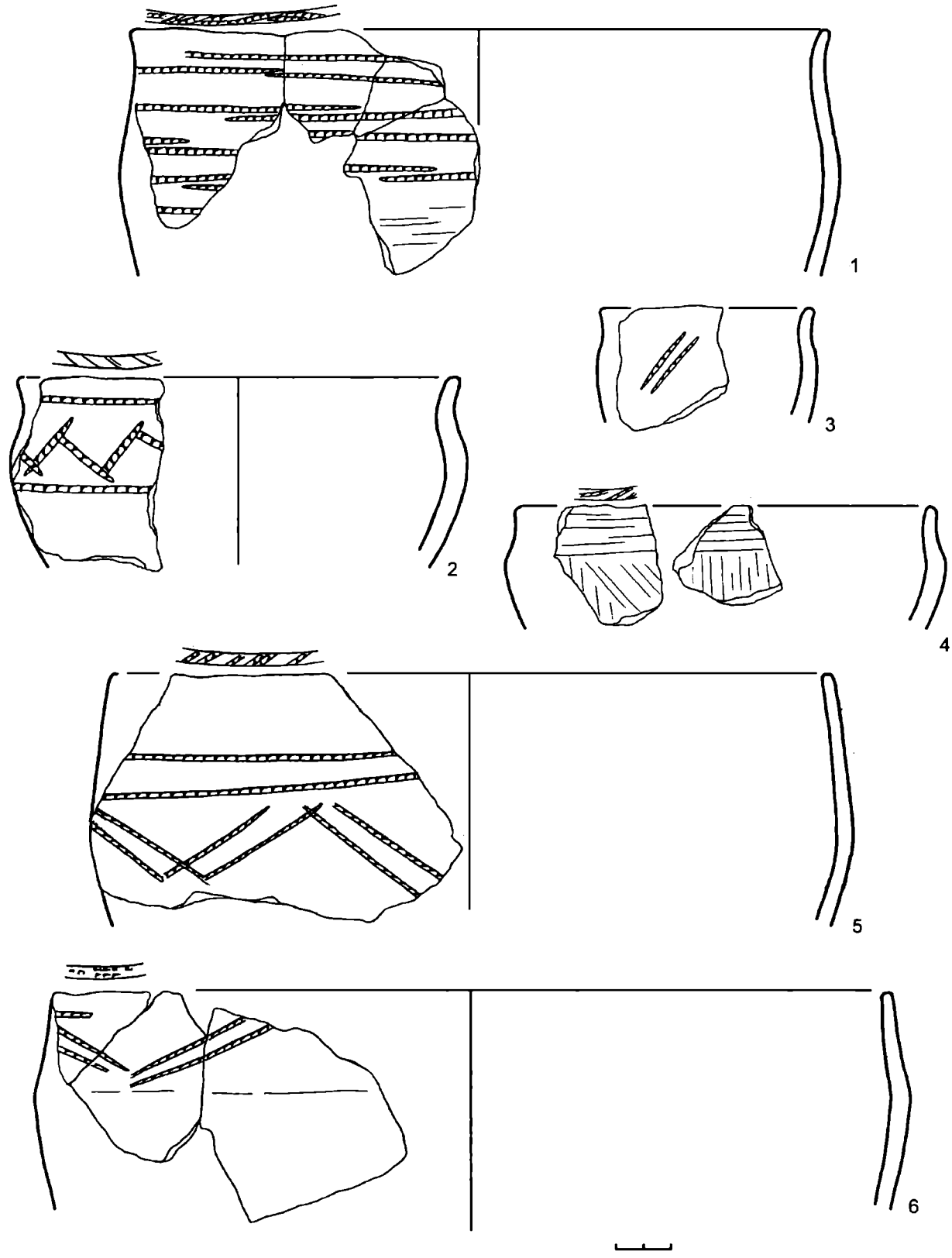


Рис. 8. Керамика Мутёнковского городища, пласты VIII–IX

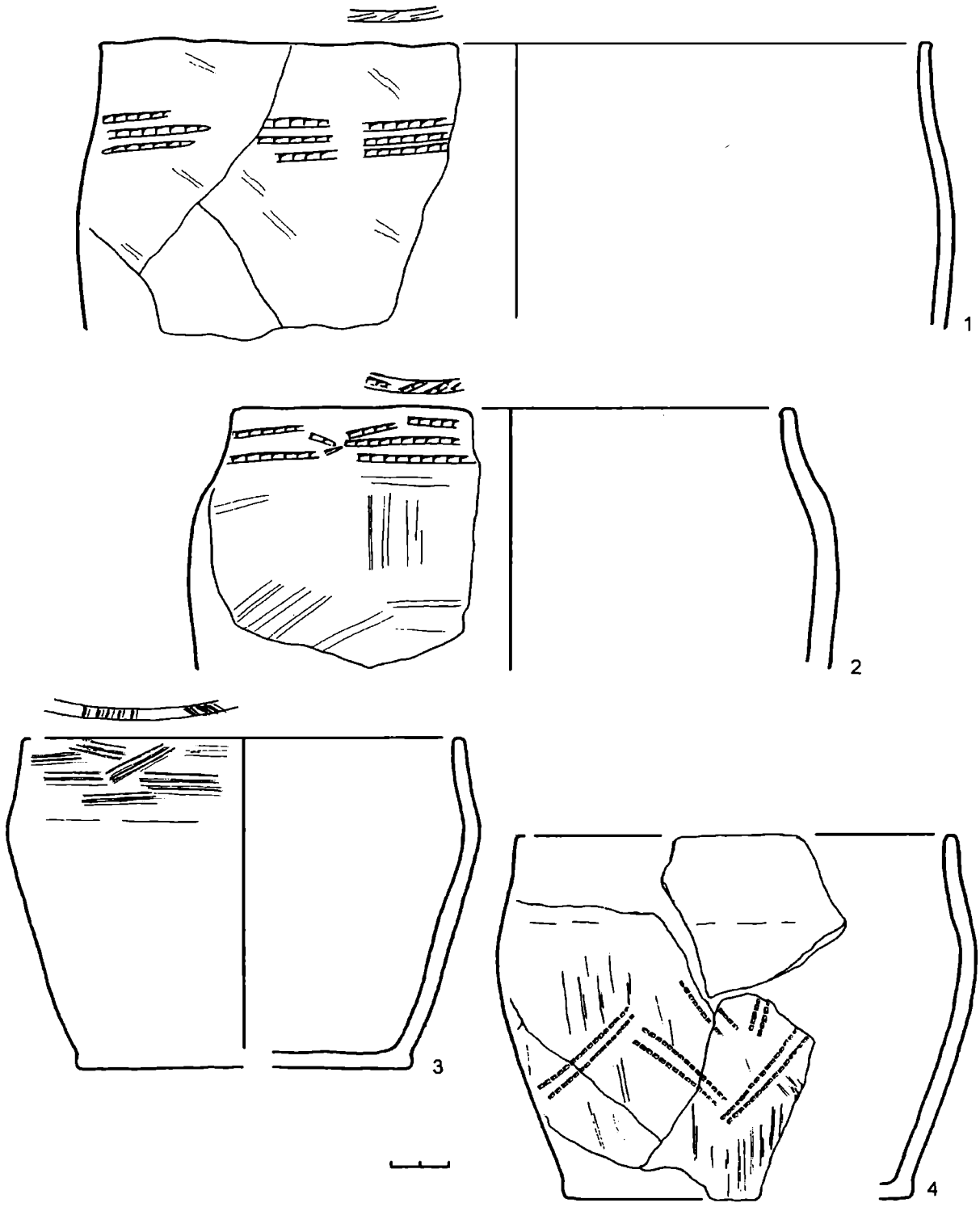


Рис. 9. Керамика группы II Мутёнковского городища

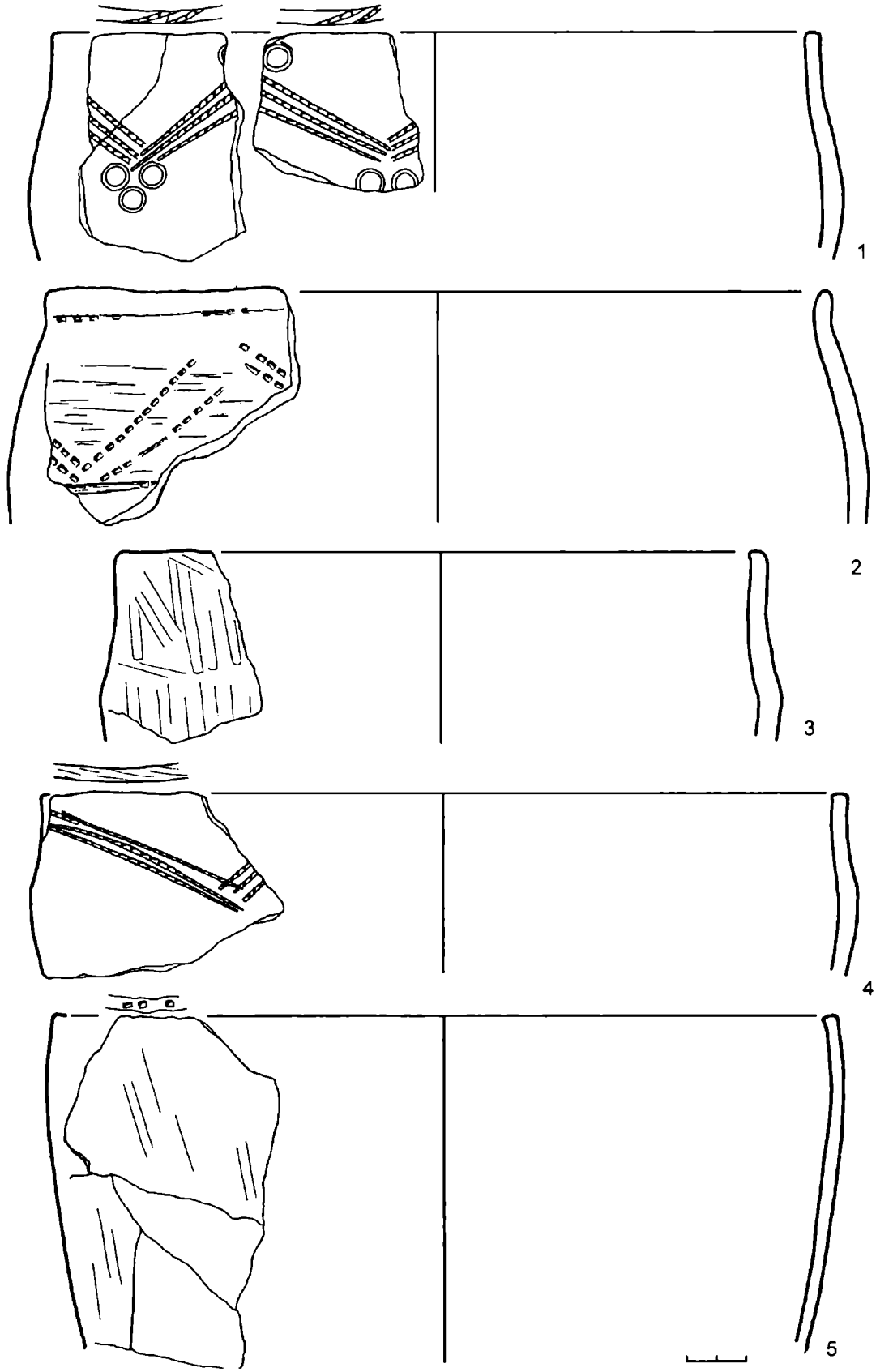


Рис. 10. Керамика Мутёнковского городища

1–4 – II группа; 5 – IV группа

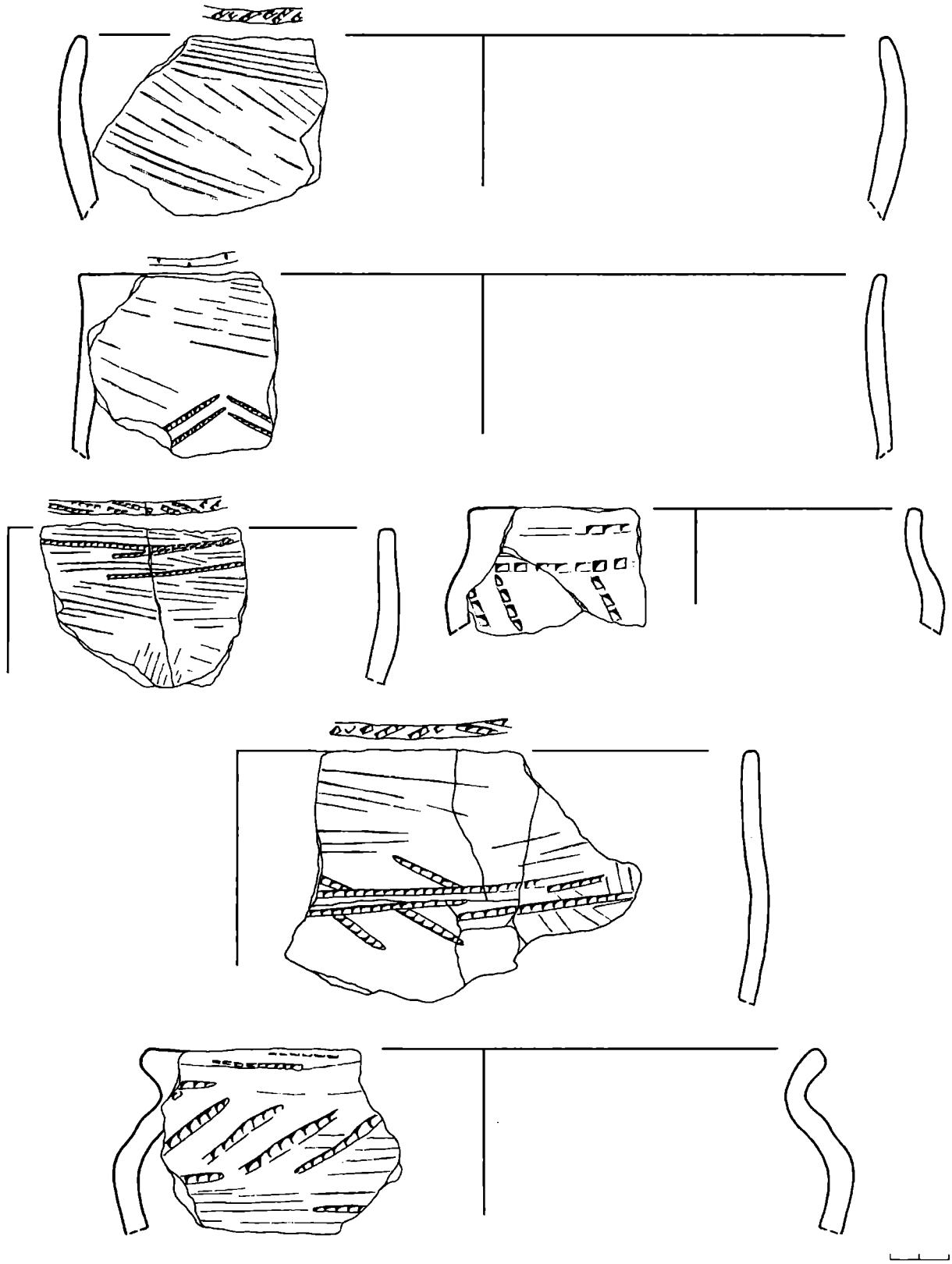


Рис. 11. Керамика Кропотовского городища

ляются и в материалах селища Чертов городок, датируемых IX–VIII вв. до н.э. (раскоп 1). Селище рассматривалось Н.А. Кренке в качестве непосредственного предшественника Дьякова городища (1995. С. 172). Доля сетчатой керамики в материале Чертова городка гораздо меньше (52%), чем в нижнем слое (слой В) Дьякова городища (72,8%), а доля керамики с гребенчатым орнаментом существенно выше (*Кренке,* 1988. С. 46).

В нижнем слое Щербинского городища общее число фрагментов гладкой и штрихованной керамики с гребенчатым орнаментом (соответственно, 700 и 219 фрагментов) значительно превышает число фрагментов сетчатой керамики, орнаментированной гребенчатым штампом (683 фрагмента) (*Розенфельдт,* 1974. С. 120). В целом же доля сетчатой керамики в нижнем слое Щербинского городища относительно невелика – 33%.

Эти факты позволяют предположить, что и на Щербинском, и на Дьяковом городищах начальные этапы заселения не были связаны с носителями традиции изготовления текстильной керамики. Возможно, определенную роль в процессе становления культур этих памятников сыграло население, связанное с каширским горизонтом. Смешение его представителей с носителями традиций изготовления текстильной керамики, скорее всего, происходило позже.

Широкое распространение керамики с гребенчатым орнаментом позволило Н.А. Кренке высказать мнение о существовании в начале железного века «некой культурной общности, охватывающей часть бассейна Средней Оки и бассейна среднего и нижнего течения Москвы-реки» (*Кренке,* 1987. С. 125). Можно допустить, что эта общность охватывала еще более обширную территорию. Похожая по профилировке на раннюю каширскую керамика с гребенчатым орнаментом найдена не только на дьяковских, но и на верхнеокских и днепро-двинских городищах (см., например, *Никольская*, 1959. С. 17. Рис. 3; *Третьяков*, 1963. С. 83), находящихся вне области текстильной керамики. Таким образом, зона распространения керамики с гребенчатым орнаментом каширского типа охватывала территорию более обширную, чем только территория дьяковской культуры.

В дальнейшем предстоит выяснить особенности территориального распространения памятников с такой керамикой, а также особенности проявления горизонта, соответствующего типу нижних слоев каширских городищ, на памятниках железного века Москворечья, Верхнего Поочья и сопредельных территорий. Однако уже сейчас понятно, что эти проявления не были одинаковыми. В одних случаях имело место непрерывное развитие каширского комплекса (Старшее Каширское и Мутёнковское городища), в других – непродолжительное существование, сменившееся временным запустением памятников (городища Корыстовское и Саввино-Сторожевское), а также взаимодействие с носителями традиций изготовления текстильной керамики (Дьяково, Щербинское и др.). Возможно, население, представленное керамикой каширского горизонта, продолжало вести обособленное существование на селищах и в более позднее время (например, Дубровицы).

Датировка древнейшей керамики каширских городищ в настоящее время может основываться на аналогиях с дьяковскими древностями Москворечья. Серии радиоуглеродных дат с Дьякова городища позволяют датировать керамику с гребенчатым орнаментом не позднее V–IV вв. до н.э.; даты с Чертова городка указывают на рубеж IX–VIII в. до н.э. (*Кренке,* 1995. С.176).

Поиск аналогий древнейшей каширской керамике среди материалов финального бронзового века не предусматривался задачами данной работы. Однако при самом общем взгляде на проблему становится очевидным большой разнобой мнений авторов, пытавшихся найти аналогии для ранней керамики с гребенчатым орнаментом дьяковских городищ в материалах переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Так, И.Г. Розенфельдт находила сходство с материалами довольно разнородных памятников – «стоянок Верхнего Поволжья, среднего и нижнего течения Оки, северных позднекаргопольских», а также поздняковских (1974. С. 183, 186). Ю.А. Краснов – на хвалынских и городецких городищах (1958. С. 26). А.В. Успенская указывала на Ловецкий городок и Городище Гремячее (1957). М.В. Талицкий выводил керамику нижнего слоя Протопоповского городища из поздняковской керамики, в частности, из керамики со стоянки Малый Бор и «вообще стоянки срубного типа» (1948. С. 233). Н.А. Кренке находит связь между материалами Чертова городка и керамикой стоянки Плещеево-3 на Плещеевом озере, Тюкова городка, Климентовской стоянки (*Кренке*, 1995. С. 176–177).

Выделение культурного горизонта типа нижних слоев каширских городищ позволит в дальнейшем более четко очертить круг аналогий древнейшей керамики с гребенчатым орнаментом, исключив из числа претендентов древности культур с текстильной керамикой позднего бронзового века, и по-новому взглянуть на происхождение памятников дьяковской культуры.

Литература

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Бобринский А.А., 1986. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев.

Бобринский А.А., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.

Гоняный М.И., Кренке Н.А., 1988. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры // СА. № 3.

Качанова В.И., 1954. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 5. М.

Краснов Ю.А., 1958. Отчет об археологической разведке в Звенигородском, Рузском и Истринском районах Московской области летом 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1432. Альбом № 1433.

Краснов Ю.А., Краснов Н.А., 1963. Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки // СА. № 1.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Дис. ... канд. ист. наук. М.

Кренке Н.А., 1988. Периодизация дьяковских памятников бассейна Москвы-реки // КСИА. № 194. М.

Кренке Н.А., 1993. Памятники начального этапа железного века в бассейне Москва-реки / / Проблемы взаимодействия лесной и лесостепной зон восточно-европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тез. докл. науч. конф. Тула.

Кренке Н.А., 1995. «Чертов городок» – селище железного века в окрестностях села Коломенского // СА. № 3.

Кренке Н.А., Лопатина О.А., 2008. Городище Боровский курган// АП. Вып. 4. М.

Крис Х.И., Чернай И.Л., Данильченко В.П., 1984. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время.

Лопатина О.А., 2002. Некоторые особенности технологии керамического производства у населения городища дьяковской культуры Настасьино // ТАС. Вып. 5. Тверь.

Лопатина О.А., 2005а. Керамика Старшего Каширского городища и ее культурно-хронологический контекст // Тр. конф., посв. 100-летию деятельности В.А. Городцова в Историческом музее. М.

Лопатина О.А., 2005б. Технологические особенности древнейшей керамики Каширских городищ раннего железного века // РА. № 3.

Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки I тыс. н.э. // МИА. № 72. М.

Розенфельдт И.Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.

Романовская С., 1928. Материалы из раскопок городища «Казенный бугор» // Сборник научно-археологического кружка МГУ. Вып.1.

Сидоров В.В., 2002. Старшее Каширское городище и Колтеск // АО–2001. М.

Сидоров В.В., 2004. Мутёнковское городище // АП. М.

Сидоров В.В., 2005. Корыстовское городище // АП. Вып. 5. М.

Сидоров В.В. 2006. Каширская культура // Каширский край. Археология. Вып. II. К 650-летию Каширы. Кашира.

Сидоров В.В., Лопатина О.А., 2003. Мутёнковское городище // АО–2002. М.

Сидоров В.В., Лопатина О.А., 2004. Раскопки Мутёнковского городища // АО–2003. М.

Сидоров В.В., Лопатина О.А., 2005. Каширская группа городищ // АО–2004. М.

Смирнов К.А., 1980. Раскопки Мутёнковского городища // КСИА. Вып. 162. М.

Смирнов К.А., Сидоров В.В., 1998 Отчет о раскопках Старшего Каширского городища в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22806.

Третьяков П.Н., 1963. Мокрядинское городище // Древние городища Смоленщины. М.

Талицкий М.В., 1948. Керамика Протопоповского городища // СА. Т. X.

Успенская А.В., 1957. Отчет о раскопках городища у д. Подмоклово Серпуховского района Московской области в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1277.

Успенская А.В., 1958. Отчет о раскопках на городище близ с. Подмоклово Серпуховского района в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1572.

Успенская А.В., 1959. Отчет об археологических работах на городище Подмоклово Серпуховского района Московской области в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1926.

O.A. Lopatina

The ancient pottery from Kashira hillforts of the Early Iron Age

Summary

In the article the pottery of oldest deposits of Kashira hillforts of early Iron Age (Starshee Kashirskoe, Mutenka, Korystovo) is considered. Some characteristic features of this pottery were discovered: surface treatment, decoration, vessel's forms, some technological features. These peculiarities are differed it from the pottery of sites under review. It was determined that oldest ceramics are described by definite combination of characteristics. There is smooth or hatching surface, comb ornament, definite form of vessels. Some technological features of this ceramics point out using of oversanding clay raw materials and composition of ceramic paste according to the formula clay+crushed stone. Textile ceramics with comb ornamentation were not found. All these features were repeated on ceramics of all considered sites (The same features are proper for the oldest ceramics of all considered sites). It was pronounced the assumption that the ceramics of the same image connected with the special cultural and chronological horizon are suggested to call *kashirian*. The appearance of this horizon was exposed on some hillforts of D'yakovo culture of the Moscow-river region. Dating of this horizon by the time not later than 5th–4th cc. BC are supported by analogies.

М.Г. Гусаков, Ф.Э. Модестов

Круглые городища Смоленщины раннего железного века. К вопросу об их назначении

Древние поселения и их характеристики служат важнейшим источником для изучения истории общества. Как правило, в поле зрения археолога попадают только жилища и хозяйственные постройки. Однако несмотря на то, что жилища являются основной планировочной и социальной единицей поселения, история поселения отнюдь не равнозначна истории жилищ, поскольку поселению (а оно может быть и укреплением, и святилищем, и хранилищем, и мастерской) присущ более емкий комплекс характеристик.

Спор, чем на самом деле являются древние городки, – поселениями (протогородами) или языческими святилищами, возникший в среде русских историков и археологов XIX в. (главными оппонентами выступали З.Д. Ходаковский и К.Ф. Калайдович), до сих пор остается без ответа.

Действительно, сложно провести внутреннюю градацию городищ, руководствуясь, например, исключительно их положением на местности – между оврагами, на мысу, на останце и т. д. Кроме того, нам доступны сведения о сравнительно небольшом количестве полностью или частично раскопанных городищ, тогда как только глобальные раскопки могут дать однозначный ответ на вопрос – имеем ли мы дело с жилым пространством или с местом исполнения религиозного культа.

В связи с этим хотелось бы процитировать одного из участников упомянутого спора – З.Д. Ходаковского:

«Городища ...мне удалось заметить, что где они уцелели, везде сходствуют в главных чертах: имеют небольшие кругловатые валы, исключительно из черной земли насыпанные, имеют вход от востока, всегда находятся при реках или источниках на прекраснейших местоположениях, и посреди оных валов нередко примечаются ямки или котловища... Сии городища были святыми... приходскими местами, где свадьбы, венчания и другие обряды языческие свершались» (цит по: *Формозов*, 1988).

«Городища сооружены ни кем иным, как славянами, притом по строгой системе – в четырех, шести или восьми верстах друг от друга, так что по ним легко определить и область расселения славян, и устройство их общества в языческую эпоху. Более того: продолжая исследования, можно будет дойти до Инда и Гангеса и выявить корни всей европейской семьи народов (незадолго перед тем было установлено родство санскрита с европейскими языками)» (цит по: *Формозов*, 1988).

Заметим, что «городище» – старинное русское слово, означающее место запустевшего города. Под городом в данном контексте понимается не крупный населенный пункт с развитым ремеслом и торговлей, а небольшой поселок, защищенный укреплениями. Как, например, покинутый поселок, о котором шла речь в русских летописях: «*Кий...приде к Дунаеви, возлюби место и сруби городок мал, хотяше сести с родом своим. И не даше ему ту близ живуще. Еже и доныне наричают дунайцы городище Киевец*» (цит по: *Формозов*, 1988. С. 11).

В своем ответе Ходаковскому Д.Я. Самоквасов (бывший одним из его оппонентов), ссылаясь на проведенные им и другими «уважаемыми господами» К.Ф. Калайдовичем, П.И. Кёппененом, А.С. Уваровым «осмотры городищ», определил, что «городища – это укрепленное поселение».

В советское время О.Н. Бадер (1937. С. 19–38) так же задавался вопросом о причинах, побуждавших жителей лесной полосы ставить свое расселение в зависимость от высоты рельефа. Он писал: «В 1924–1928 гг., во время многочисленных обследований древних поселений в бассейне Нижней и Средней Оки я установил на большом материале одну вполне определенную закономерность, а именно: расположение древних поселений в различных топографических условиях, в различном соотношении с водоемом, на различной над ним высоте тесно связано с культурным содержанием этих поселений. Древние, типичные рыболовно-охотничьи неолитические стоянки, как правило, располагаются низко, у самого водоема. Для поздних стоянок, например, с текстильной (сетчатой) керамикой и кремневым инвентарем наблюдается все менее прочная зависимость от водоема, все более частая удаленность от него, повышение уров-

ня расположения над водоемом. И, наконец, общий переход поселений на высокие берега, в условия, характерные для наших современных поселений тех же районов (последнее характерно для древнейших памятников дьяковского типа). Существенное изменение топографических условий расположения поселений было продиктовано коренным изменением ведущих форм хозяйства, а именно переходом от хозяйства рыболовно-охотничьего к земледельческо-скотоводческому. Материал, собранный недавно М.В. Воеводским и А.В. Збруевой в Верхнем Поволжье, побудил меня сделать те же выводы и для этих районов.

...Изменение условий расположения поселений не ограничивается одним лишь повышением их уровня над водоемом, что может быть вызвано отчасти и другими причинами, например, потребностью укрепления поселений. Одновременно начинается постепенное расширение зоны, занятой поселениями, проникновение их все дальше и дальше во внутренние лесные массивы, нередко в сторону от озер и рек, постепенное и все более полное освоение оседлыми поселениями самых глубин страны в сторону глухих водоразделов (к сожалению, районы самих водоразделов, по вине плохого планирования наших обследований, очень плохо изучены). Это поселения дьякова типа (включая самые поздние дофеодальные поселения) и русские поселения. Описанное явление представляет собой не что иное, как процесс последовательного освоения страны земледельцами» (*Бадер*, 1937).

К выше сказанному следует добавить еще один фактор, не упомянутый О.Н. Бадером, – причины, по которым осваивались те или иные территории.

Длительное время лесная (широколиственная) зона Восточной Европы оставалась местом, эксплуатируемым охотниками и рыболовами и, частично, собирателями и скотоводами. Однако с появлением железного топора эта зона начинает привлекать внимание ранних земледельцев, прежде всего, практикующих подсечно-огневое земледелие. «Кочевое земледелие», как когда-то заметил Дж. Кларк, нуждалось в постоянном вовлечении в хозяйственный оборот новых угодий и земель. Экстенсивная форма хозяйства заставляла не столько совершенствовать орудия труда, сколько регулярно менять места обитания. В связи с этим племена, применявшие подсечное земледелие, вынуждены были соблюдать баланс между количеством людей и вместимостью занимаемой территории. Иначе говоря, избыток населения необходимо было «сбывать на сторону», а это приводило к расширению территорий. Таким образом, возникновение городищ могло быть связано с внедрением в лесную зону Европы подсечного земледелия.

Материалы раскопок городища Самсонцы на Смоленщине, проводившихся Е.А. Шмидтом (2002)[1] в начале 80-х годов прошлого века, побудили нас вернуться к прежней версии происхождения городищ.

Самсонцы находятся в бассейне р. Каспля, недалеко от водораздела, с которого берут начало реки бассейна Днепра. Городище равно удалено от деревень Самсонцы и Девино (рис. 1). С запада от памятника, за высокой грядой, расположены озера Девино и Купелище. С восточной стороны городища, у его подножия, протекает ручей, берущий начало из о. Купелище. С северо-запада раскинулась заболоченная низина. На северо-востоке и юго-западе от памятника располагается луг, заросший кустарником. Городище устроено на песчано-гравийной гряде, на 14–15 м возвышаясь над уровнем воды. В плане его площадка имеет форму овала с размерами по оси С–Ю – 48, З–В – 40 м. Площадка ровная, с небольшим наклоном на северо-запад, с перепадом высот в метр. По мнению Е.А. Шмидта, крутые склоны городища были намеренно эскарпированы еще в древности. Ров и вал, возведенные с юго-западной стороны, на сегодняшний день едва просматриваются (*Шмидт*, 2002. С. 100). Памятник хорошо сохранился, повреждений практически нет. Работы на нем велись Смоленской экспедиций под руководством Е.А. Шмидта в 1980 и 1983–1985 гг. Всего было раскопано 514 кв. м в северной части, т.е. треть от общей площади (рис. 2).

Культурный слой городища незначителен – не более 0,5–0,7 м и выглядит совершенно однородно. Е.А. Шмидт (2002. С. 102)[2] обратил внимание на то, что еще в древности в центральной части городища он был снивелирован до уровня чистого материка и перемещен на край площадки, увеличив ее размеры. Постоянные перемещения грунта и нивелировка площадки привели к тому, что остатки древних сооружений с трудом поддаются фиксации. Кроме того произошло значительное перемешивание разновременной керамики и индивидуального материала. Автором раскопок было замечено, что на городище существовало поселение, не имевшее оборонительных сооружений (*Шмидт*, 2002. С. 104). Судя по находкам сетчатой керамики, оно должно было возникнуть до появления днепро-двинского населения, т. е. до среди-

[1] В качестве помощника в раскопках городища Самсонцы принимал участие соавтор данной статьи Ф.Э. Модестов.

[2] Это обстоятельство уже упоминалось мной в статье, посвященной образованию культурного слоя на дьяковских городищах, однако к этому выводу я пришел исключительно путем теоретических умозаключений (*Гусаков*, 2006).

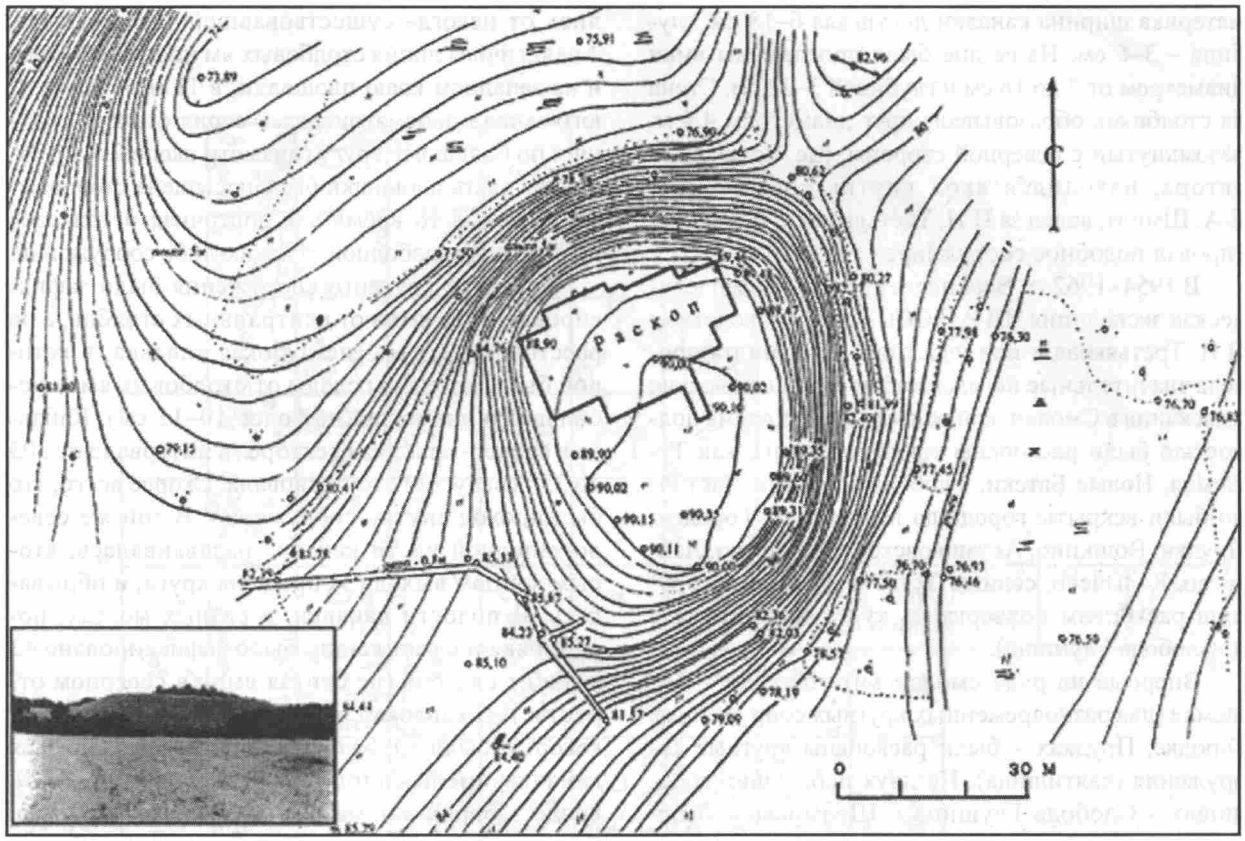


Рис. 1. План городища Самсонцы с указанием места раскопок

ны I тыс. до н. э. Ограда вокруг городища возникла не ранее V в. до н.э. Е.А. Шмидтом отмечен факт частых перестроек, перепланировок, выравнивания поверхности, происходивших на городище, вследствие которых на ряде его участков были уничтожены неглубокие ямки (сохранились только глубокие). По его предположениям, на городище строились дома столбовой конструкции.

На основе полученного материала автором раскопок было сделано несколько важных выводов.

1. Основная площадка городища была снивелирована.

2. Значительная часть грунта перемещена на склоны, что привело к расширению площадки.

3. Поселение использовалось с середины I тыс. до н. э. до III в. н. э.

4. Заселение проходило с перерывами, население покидало городище на время, после чего возвращалось вновь. Доказательством этому, по мнению Е.А. Шмидта (2002. С. 112), служит малая насыщенность слоя артефактами.

О значительных нивелировках площадок городищ на сегодняшний день написано достаточно. Основной вывод сводился к тому, что городища подвергались периодическим чисткам, вследствие которых многие из них остались без слоя. На сегодняшний день этот факт можно считать доказанным (*Гусаков*, 2006).

Строительство оград или защитных сооружений по краю городищ относится к V в. до н. э. К аналогичному заключению можно придти и в отношении дьяковских городищ. По всей видимости, днепро-двинское, как и дьяковское, население было пришлым, «влившимся» в аборигенную среду. В.В. Седов (1970) считал, что переселенцы из днепродвинской культуры (далее ДДК) пришли в Москворечье, смешались с местным (финским) населением и образовали дьяковскую культуру (далее ДК).

Население ДДК так же занималось подсечным земледелием, требовавшим постоянной смены места обитания. Возможно, городище забрасывалось на срок до 25–30 лет, после чего на нем вновь возрождалась жизнь. (К примеру, в Финляндии или Новгородской земле, срок «простоя» городищ был в два раза длиннее). Этот факт служит главным аргументом при объяснении причин возникновения перерывов в жизнедеятельности на городище.

Теперь хотелось бы перейти к тому, ради чего задумывалась данная статья, а именно к круглому сооружению, следы которого были найдены в центральной части раскопа.

В квадратах 37–39, 43–46, 51–53 были вскрыты остатки круглой постройки (рис. 3–6), представлявшей собой хорошо утоптанную площадку с расположенной по краям канавкой. На поверхности

материка ширина канавки достигала 6–18 см, глубина – 3–6 см. На ее дне были прослежены ямки диаметром от 7 до 18 см и глубиной 3–22 см. Стена из столбиков образовывала круг диаметром 4,4 м, разомкнутый с северной стороны, где, по мнению автора, находился вход внутрь сооружения. Е.А. Шмидт, вслед за П.Н. Третьяковым, интерпретировал подобное сооружение как святилище.

В 1954–1962 гг. Верхнеднепровская археологическая экспедиция ИА АН СССР под руководством П.Н. Третьякова и при участии Е.А. Шмидта провела значительные по масштабам археологические изыскания в Смоленской области. За это время полностью были раскопаны такие городища, как Тушемля, Новые Батеки, Слобода Глушица. Частично были вскрыты городища Мокрядино, Городок, Прудки, Вошкино, Асташковское, Шапырево, Лахтеево, Колычево, селище Устье и др. (кроме городищ раскопкам подверглись курганная группа у д. Слобода Глушица).

Впервые на ряде смоленских городищ – Тушемле (два разновременных круглых сооружения), Городке, Прудках – были раскопаны круглые сооружения (святилища). На двух небольших городищах – Слобода Глушица и Шапырево – были открыты столбовые ограды, сделанные по кругу (рис. 7–9).

Один из авторов статьи попробовал рассмотреть эти сооружения с позиций археоастрономии, благодаря чему ему удалось заметить ряд особенностей, ускользнувших от археологов. Прежде всего, речь идет о намеренном ориентировании столбов по точкам восхода–захода на линии горизонта. То, что это было сделано намеренно, неоднократно доказывалось конкретными материалами (*Гусаков,* 1987; 1989; 1991; 1996). В те времена городища воспринимались мной не как места обитания, а как площадки, служащие, по выражению Б.А. Рыбакова, для проведения «древних религиозных мистерий в наиболее важные календарные дни равноденствий и солнцестояний» (*Рыбаков*, 1973). И сейчас, по прошествии лет, меня продолжает интересовать археоастрономический взгляд на функциональную принадлежность городищ.

Круглое сооружение, вскрытое на городище Самсонцы (рис. 1), диаметром около 4 м, находилось центральной части раскопа. Сам раскоп занимал примерно треть всей площади и был заложен в ее северо-западной стороне. На расстоянии 6 м к северу от круга были зафиксированы столбовые ямы, стоящие часто и выстроенные в одну линию в направлении З–В. По всей видимости, они остались от некогда существовавшей здесь ограды. Аналогичная линия столбовых ям прослеживалась и на западном краю площадки, в 11 м от круга. С юго-запада просматривалась серия столбов, идущих по большому кругу (диаметр около 7,5 м). Западная часть площадки была насыщена столбовыми ямами, в то время как восточная оставалась практически свободной от каких-либо сооружений.

В центре круглого сооружения были зафиксированы две ямки от центральных столбов, а на расстоянии 2,3 м – неглубокая канавка, в которой были замечены следы от столбовых ямок небольшого диаметра (не более 10–15 см). Канавка в северо-западном секторе (в интервале от 305 до 350 градусов) отсутствовала. Скорее всего, это был проход внутрь сооружения. В той же северо-западной части канавка раздваивалась, вторым концом выходя за пределы круга, и обрывалась. В полости канавки, в разных местах, поодиночке и в скоплении, было зафиксировано 43 ямки от столбов (не считая ямок в северном отростке). В канавке сохранились только те ямки, которые были глубже ее самой. Возможно, вся канавка имела сплошной рад столбов (что-то вроде забора), как было отмечено на городище Городок (*Третьяков, Шмидт*, 1963. С. 98. Рис. 50). Все сооружение ориентировалось на восходы и заходы солнца и луны, в чем легко убедиться, сравнив точки от столбов и градусные значения восходов–заходов для широты 54°[3]. Часть ям от столбов была ориентирована на центральный столб № 6, другая – на столб № 17 (рис. 3–6).

Теперь отметим, какие столбы круга оказались связанными с центральным столбом № 6.

Верхняя группа столбов в квадрате № 37: столб № 11 отмечает направление на север (далее С), расположенные южнее столбы № 15 и 13 – крайние точки восхода луны (высокой и низкой). Между ними зафиксирован восход солнца 22 июня, не отмеченный специальным столбом, впрочем, достаточно и того, что расстояние между столбами служило своеобразными воротами, появление в которых солнца означало период летнего солнцестояния. Столб № 20 находился вне линии, указывающей на восток (в пределах двух градусов), однако это может быть ошибкой. Скорее всего, он означает точку восхода солнца (осень–весна). Еще южнее, в квадрате 46, столбы указывают на восходы низкой луны (10), зимний восход солнца (10) и восход высокой луны (40). В южной точке круга столб № 5 точно фиксирует линию север–юг, проведенную через центральный

[3] Точки восхода – захода для 54 градуса северной широты. Солнце, восход: лето – 47, осень–весна – 90, зима – 133. Солнце; заход: лето – 312, осень–весна – 270, зима – 227. Луна низкая, восход – минимум 57, максимум – 123. Луна низкая, заход: 302, 237; Луна высокая, восход – минимум 35, максимум – 145. Луна высокая, заход – максимум 325, минимум – 215.

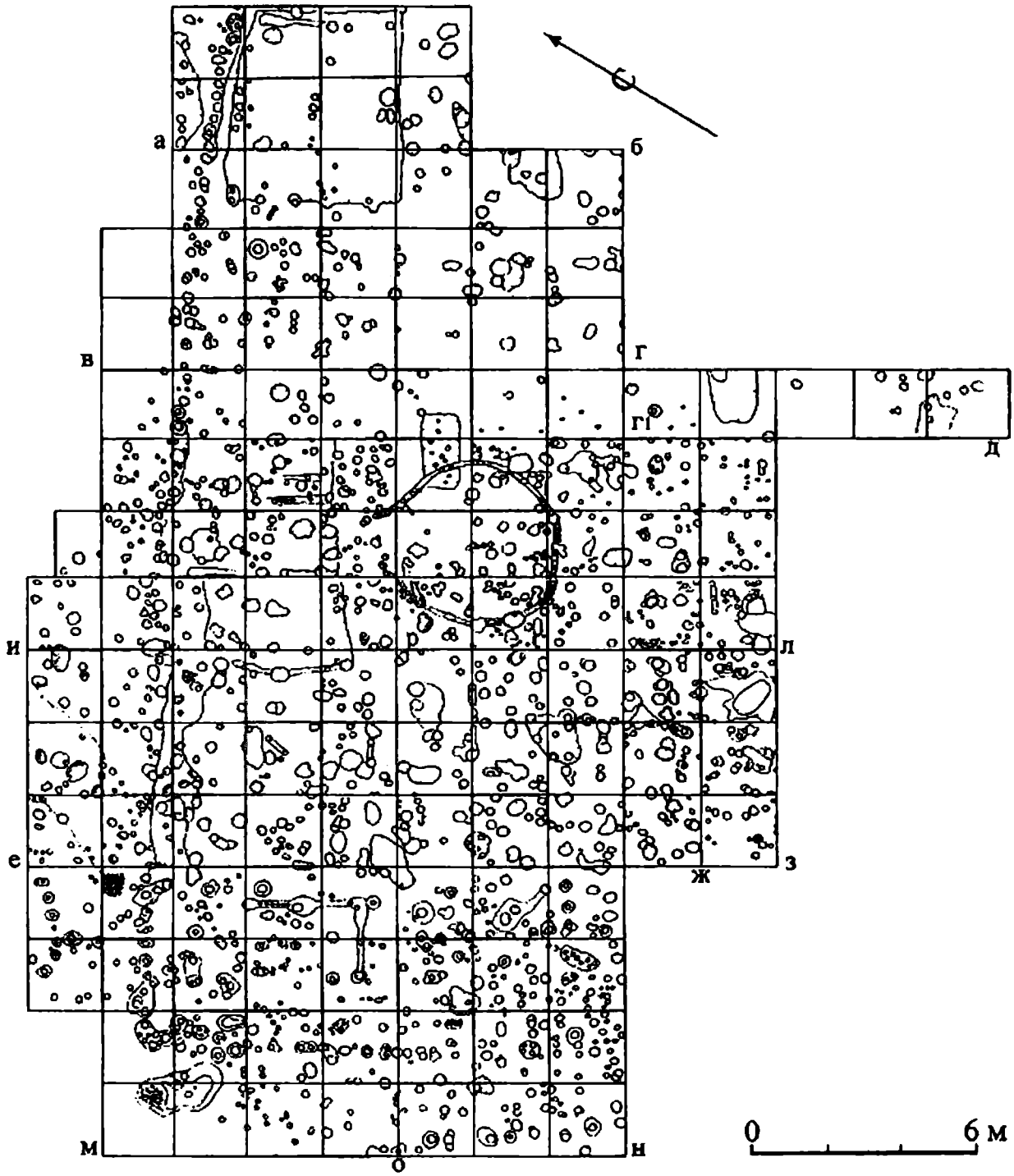


Рис. 2. План раскопа после снятия культурного слоя

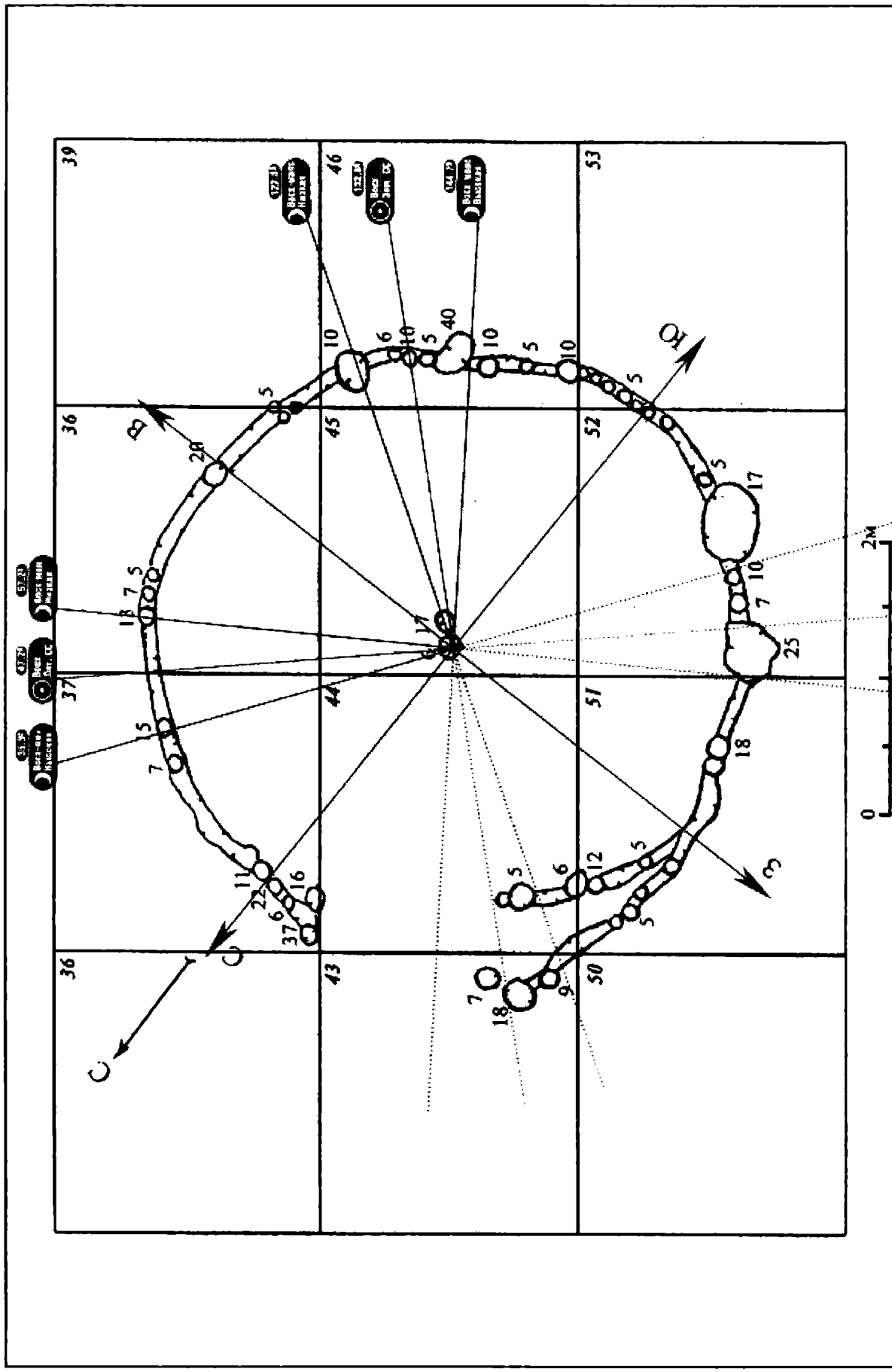


Рис. 3. Круглое сооружение. Расчет азимутов точек восходов и заходов Солнца и Луны по первому центральному столбу

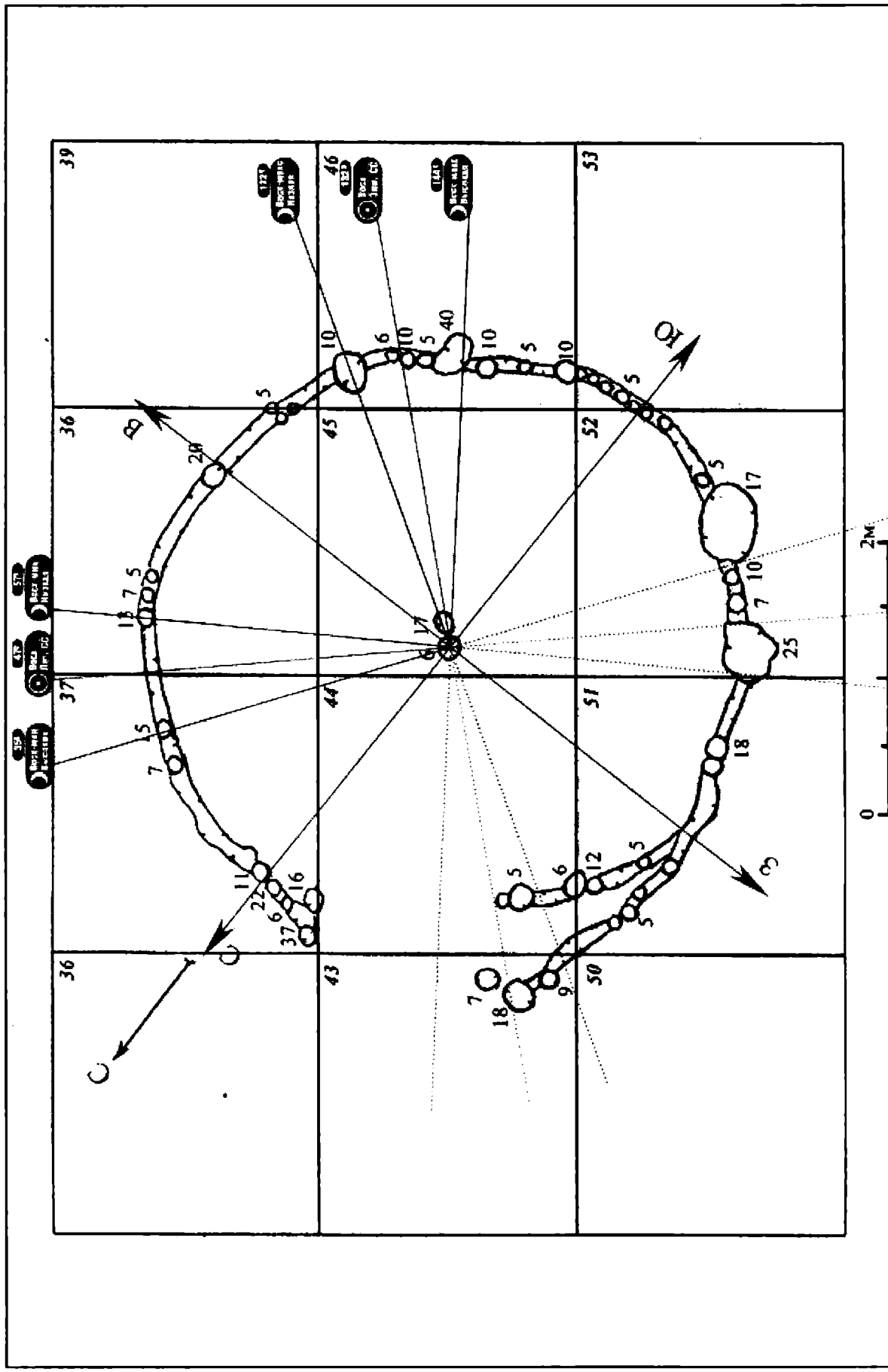


Рис. 4. Круглое сооружение. Расчет с поправками азимутов точек восходов и заходов Солнца и Луны по первому центральному столбу

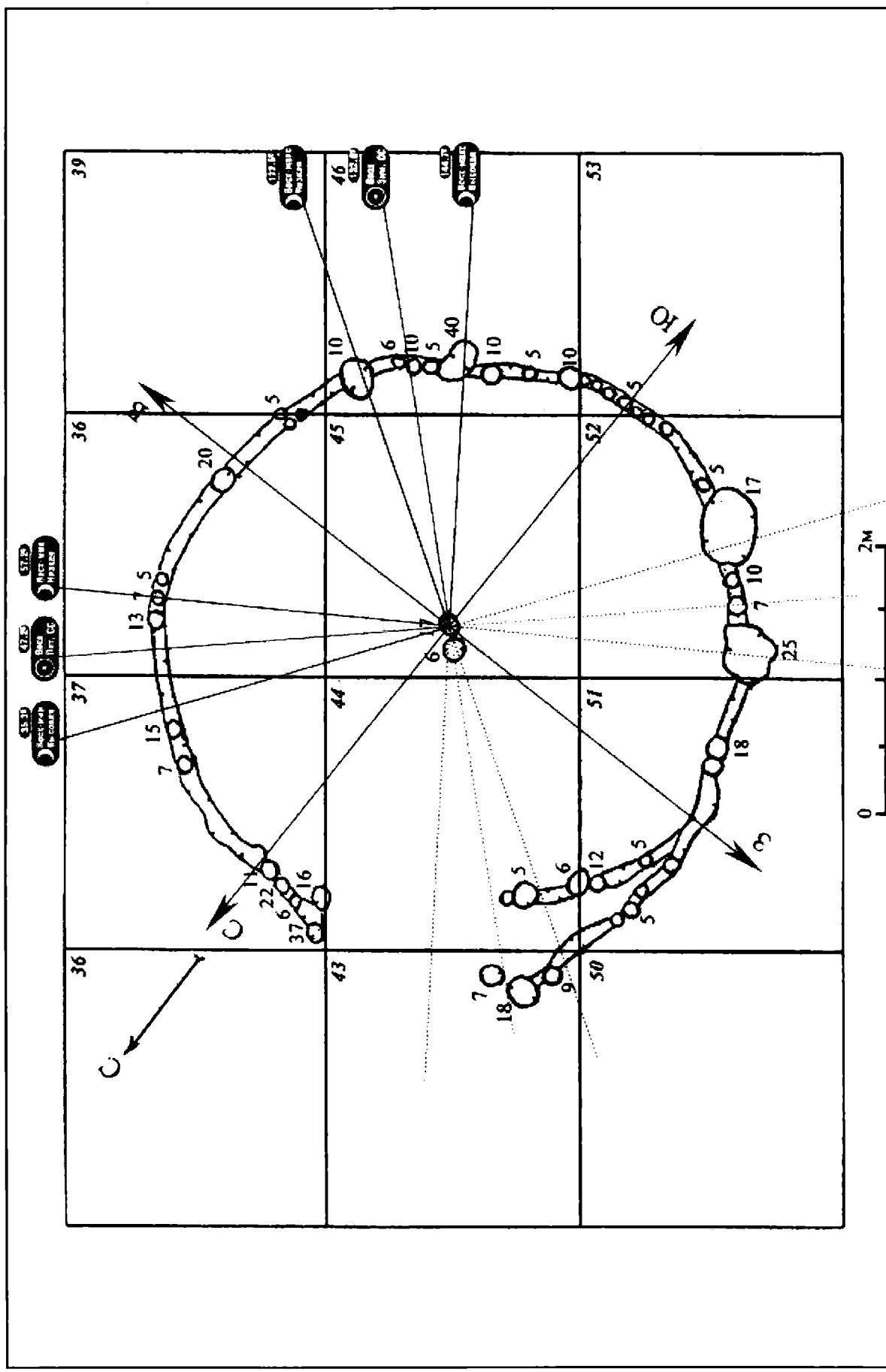


Рис. 5. Круглое сооружение. Расчет азимутов точек восходов и заходов Солнца и Луны по второму центральному столбу

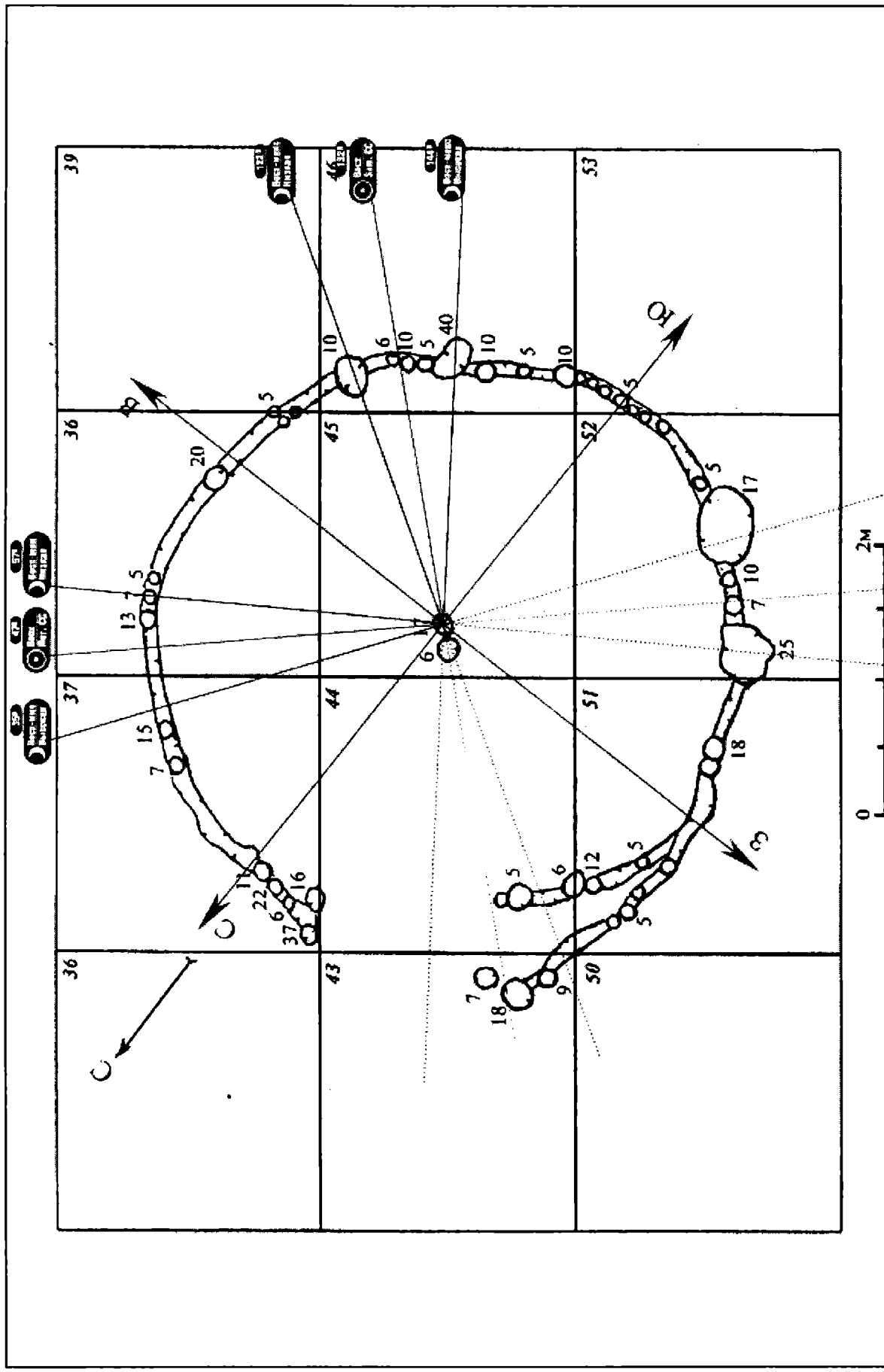


Рис. 6. Круглое сооружение. Расчет с поправками азимутов точек восходов и заходов Солнца и Луны по второму центральному столбу

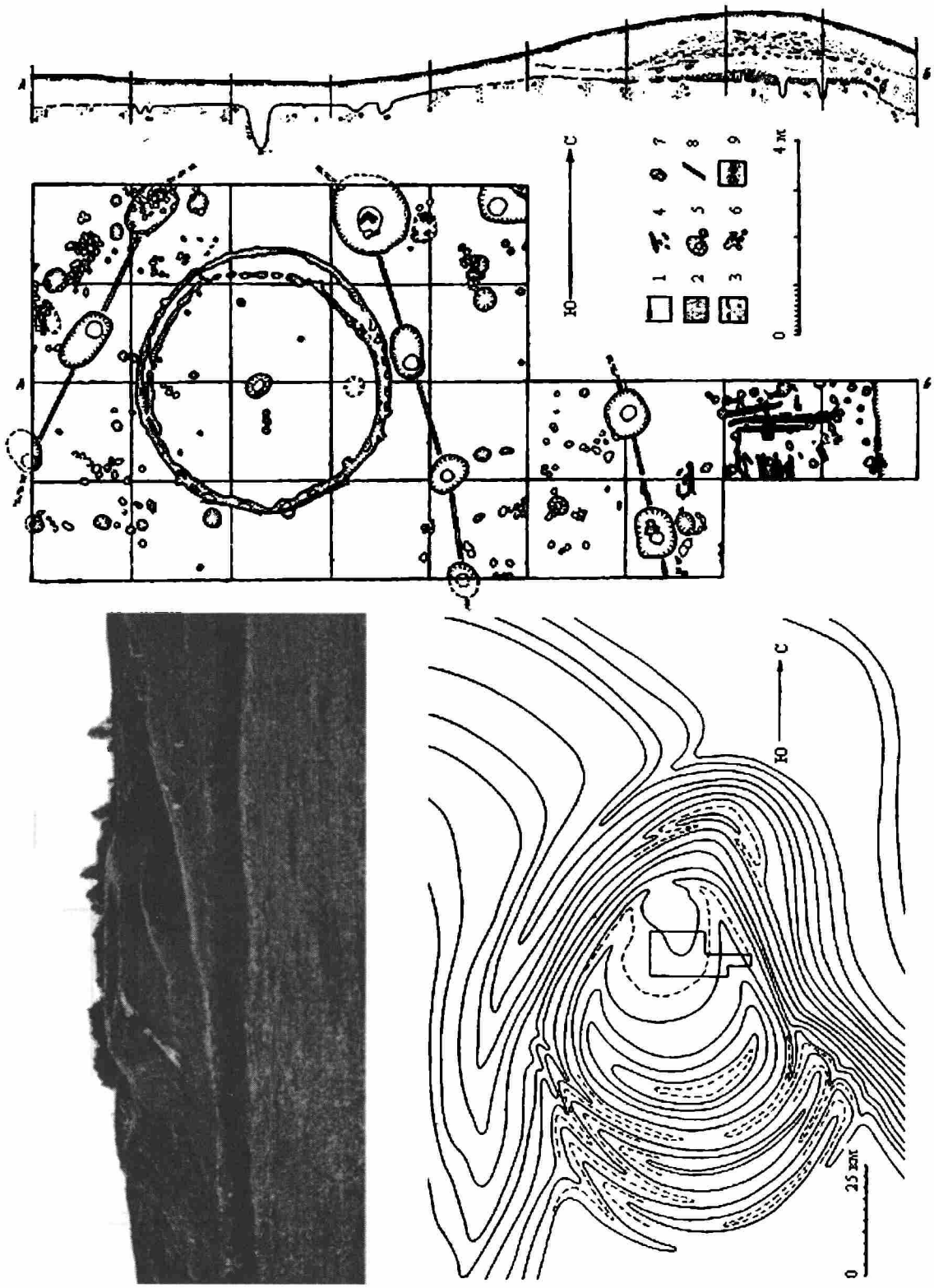


Рис. 7. Городище Городок на р. Лучесянке

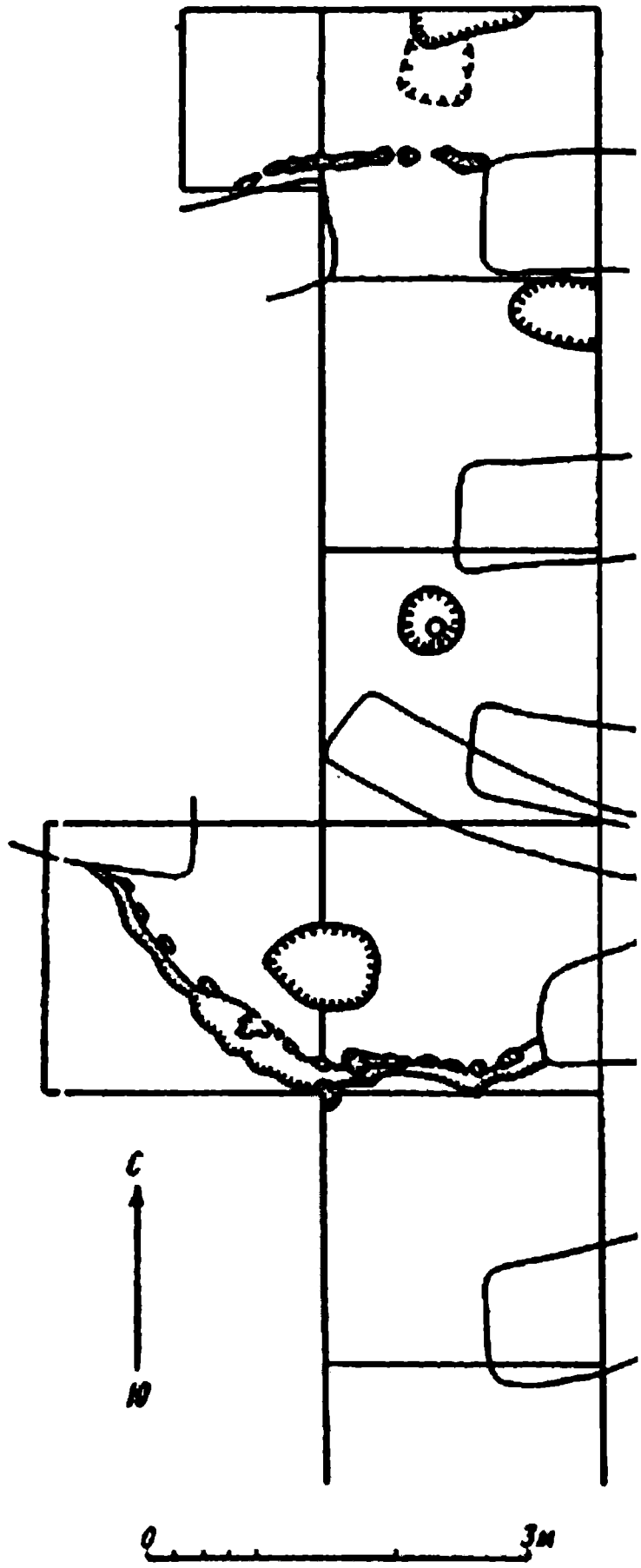


Рис. 8. План траншеи на городище Прудки

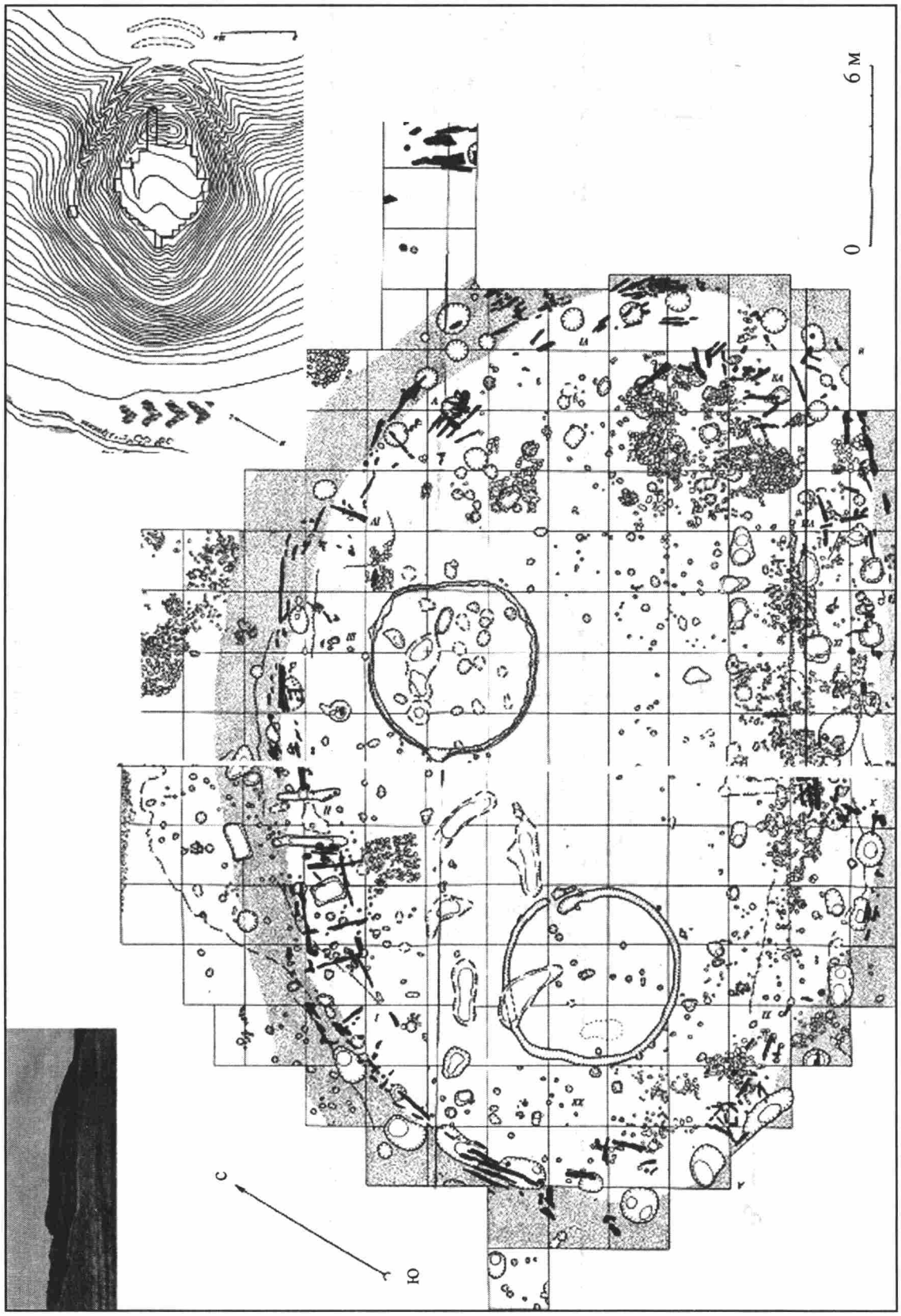


Рис. 9. План городища Тушемля

столб и столб № 11 в квадрате 37. В юго-западном секторе скопление столбов от № 17 до № 25 фиксирует точки заходов луны (высокой и низкой) и зимний заход солнца. Ямы, оставленные столбами № 17 и 25, большие, возникли в результате постоянных перестановок столбов. Интересно отметить, что точка захода солнца весной–осенью не зафиксирована, как и противоположная ей. Как и в первом случае, на том же расстоянии от прямой, идущей в направлении восток–запад, у самой развилки двух канавок находится яма. Крайние ямки, расположенные на концах канавок в северо-западном секторе, фиксируют точки восхода–захода солнца и луны (рис. 3–6).

На закономерно возникающий вопрос, для чего все это было нужно, нельзя дать однозначный ответ. Однако благодаря раскопкам данного сооружения можно решить ряд проблем.

Во-первых, отсчет времени суток и использование его в качестве гномона в дневную часть суток.

Во-вторых, отсчет дней в сезоне – лето, осень, зима, весна, – где дни равноденствий и солнцестояний являются отправными точками.

В-третьих, отсчет времени в течение года, при проведении наблюдений по восходам-заходам за движением солнца. Крайние точки в дни солнцестояний являются ограничителями этого видимого движения.

В-четвертых, обращаясь к отсчету времени по движению луны, можно утверждать, что он велся по коротким промежуткам времени, таким как месяц или неделю. Не исключено, что для точности ведения календаря, а именно о нем следует вести речь, использовались грузики дьякова типа (*Гусаков*, 2003).

Календарь – система счета промежутков времени, основанная на периодичности видимых движений небесных тел (светил). Какой календарь использовали в своей повседневной практике носители днепро-двинской культуры, сказать трудно, однако, судя по расстановке столбов на исследованной круглой площадке, можно утверждать, что они отслеживали движение высокой и низкой луны, т. е. считали короткие промежутки времени и фиксировали столбами годовое движение солнца – от лета к зиме (*Климишин*, 1990).

Стоит также обратить внимание на факт установления столбов в точках высокой и низкой луны. Известно, что разница во времени между максимальным их положением составляет 9,3 года, а весь цикл изменений склонения луны – 18,6 года. В таком случае мы вправе предполагать, что составители календаря на городище Самсонцы были знакомы с этим феноменом. В данной связи вспоминается эпизод из Цезаря (1948. С. 126), в котором он повествует о друидах, период обучения которых длился 20 лет. Однако для нас главным является вывод о том, что на анализе особенностей круглого сооружения можно заключить, что днепро-двинцы имели представление о движении светил и фиксировали его для ведения календаря.

Для чего нужен календарь? Прежде всего, для самых элементарных хозяйственных целей. Для ведения сельского хозяйства (подсечно-огневой тип), для успешного занятия скотоводством. В социальной жизни календарь был необходим для определения сроков женской беременности.

Однако главное назначение календаря – фиксация религиозно-ритуальных действий. Одной из составляющих любой религиозной доктрины являются молитвенные практики. Календарь – это форма религиозной практики, охватывающей целый год. Не последняя роль отводилась также соблюдению погребально-похоронных обрядов и поминальных дней.

В связи с этим встает вопрос, для чего были приспособлены городища с небольшими по размерам площадками? По-видимому, главное их назначение сводится к проведению религиозных действий и ведению календаря.

Надо сказать, что климатические показатели на территориях (речь идет о междуречье Волги и Оки), занятых носителями культуры сетчатой и штрихованной керамики, в эпоху РЖВ были далеки от идеальных. Единственное преимущество этих земель заключалось в их удаленности от плотно заселенных территорий[4]. Области, расположенные севернее 50 градусов северной широты в Европе или Азии, с точки зрения ведения хозяйства, ориентированного на подсечное земледелие и скотоводство, считаются это областями риска. Возможности развития в таких условиях интенсивной экономики минимальны.

Четыре климатических сезона, от четырех до шести месяцев в году, приходящихся на зиму, – это самые жестокие в Европе условия для проживания. Капризный и изменчивый климат создавал многочисленные трудности в освоении пространства. Обилие дождей и облачных дней оказывало негативное влияние на вызревание злаков, а, следовательно, и на весь урожай, что, в конечном итоге, приводило к высокой смертности населения.

Однако эта область имела и свои плюсы: обилие дикой фауны, особенно перелетной птицы, гнездящейся на многочисленных реках, озерах и болотах, много пушного зверя, рыбы,

[4] Относительно плотно заселенных, таких, как, например, левобережное и правобережное Поднепровье.

представленной практически всеми пресноводными видами – от сома и плотвы до стерляди и белуги. Только это изобилие и могло привлекать в эти суровые края переселенцев.

Возможно, причина устроения городищ на высоких точках местности (на речных мысах, между оврагами, на холмах или дюнах, на островах или полуостровах) крылась в необходимости ведения календаря и отправления религиозных культов. Все эти места обладают одним преимуществом – благодаря своему высокому положению они доминируют над местностью. Может быть, на городищах помимо жилищ (длинный дом по периметру городища) устраивали и общие места для религиозных сборов, и погребения предков в «домиках мертвых» на столбиках.

Здесь уместно вспомнить высказывания В.О. Ключевского о славянских городищах:

«...Периоды русской истории – как главные моменты колонизации. Так, переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи находятся прочие ее события.

...Крестьянские поселки по Волге и во многих других местах Европейской России доселе своей примитивностью, отсутствием простейших житейских удобств производят, особенно на путешественника с Запада, впечатление временных, случайных стоянок кочевников, в любой момент готовых бросить свои едва насиженные места, чтобы передвинуться на новые. В этом сказались продолжительная переселенческая активность прежних времен и хронические пожары – обстоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в житейской обстановке... Роль городища можно оценить, как религиозный культовый объект переселенцев, как право собственности на данную территорию» (*Ключевский*, 1987).

В фундаментальной работе по славянскому язычеству И.П. Русанова и Б.А. Тимощук отметили ряд интересных особенностей городищ-святилищ. Все городища-святилища располагались на возвышенностях рядом с водоемами, и были окружены символической оградой наподобие вала (валов) или рва (рвов). На них были обнаружены круглые площадки с центральным столбом, открытыми очагами с круглосуточным огнем и т. д. (*Русанова, Тимощук*, 1993). Те же признаки могут относиться и ко времени РЖВ.

Несмотря на то, что полностью раскопанных городищ очень мало, у нас есть уверенность в том, что постепенно собирая сведения о древней культовой практике указанной эпохи, нам со временем удастся ответить на многие вопросы.

Литература

Бадер О.Н., 1937. Лихачевский могильник (к вопросу о хозяйственной основе так называемой фатьяновской культуры) // СА. Т. II.

Гусаков М.Г., 1987. Святилище – языческий храм. (К постановке проблемы) // Религиозные представления в первобытном обществе. Тез. докл. М.

Гусаков М.Г., 1989. Святилище – археологический феномен. Проблема исторической реконструкции // Археология и история западных балтов. Клайпеда.

Гусаков М.Г., 1991. Языческое святилище на северном мысе Старорязанского городища // Проблемы археологии Евразии. М.

Гусаков М.Г., 1996. Круглые жилища дьяковской культуры (опыт исторической реконструкции) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Матер. междунар. конф. СПб.

Гусаков М.Г., 2003. О грузиках «дьякова типа». К вопросу о систематизации и назначении // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 7. Минск.

Гусаков М.Г., 2006. К вопросу об образовании культурного слоя на городищах дьяковской культуры // Культурные слои археологических памятников: теория, методика и практика. Матер. науч. конф. М.

Климишин И.А., 1990. Календарь и хронология. М.

Ключевский В.О., 1987. Курс русской истории. Ч. I. М.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993. Языческие святилища древних славян. М.

Рыбаков Б.А., 1973. Язычество древних славян. М.

Седов В.В., 1970. Славяне Поднепровья и Подвинья. М.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.

Формозов А.А., 1988. Следопыты земли московской. М.

Цезарь Г.-Ю., 1948. Записки о галльской войне. М.; Л.

Шмидт Е.А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.

Шмидт Е.А., 2002. Городище Самсонцы в Смоленском Подвинье // Славянские древности. Вып. 2. Смоленск.

M.G. Gusakov, F.E. Modestov

Round hillforts of the Early Iron Age (Smolenskiy region). To the question of its destination

Summary

The article gives the historiographic review of the question of interpretation of the East Europe middle zone's hillforts (secured settlement or the places of worship) and also considers the Samsontsy hillfort (Smolenskiy region) related to the dneprodvinskaya culture of the early Iron Age. On the hillfort the ceremonial construction having the shape of round ground with the column in the center circled by the row of the column's pits oriented to the points of the sun's and moon's rises and downs were discovered. The construction is treated by the authors as an astronomical tool for the running calendar calculations.

А.Н. Медведь

Укрепления раннего железного века на городище Ростиславль (предварительные итоги исследований)

Исследования мысовой части городища Ростиславль начались в 1998 г. и продолжаются поныне (руководитель раскопок В.Ю. Коваль, начальники раскопов Е.Ю. Тавлинцева, А.Н. Медведь, А.Б. Лагутин, В.И. Храпов). Собственно, сами укрепления исследуются с 2005 г. Именно в этом году на двух раскопах – IV и V – удалось начать изучение вала раннего железного века.

Как показали предварительные исследования, первое укрепленное поселение возникло на Ростиславле в первой половине I тыс. до н. э. на мысовой площадке, находящейся между глубоким оврагом и берегом Оки. Укрепления раннего железного века на городище состоят из вала, досыпавшегося в разное время и последовательно увеличивавшего свои размеры. Попытаемся подвес-

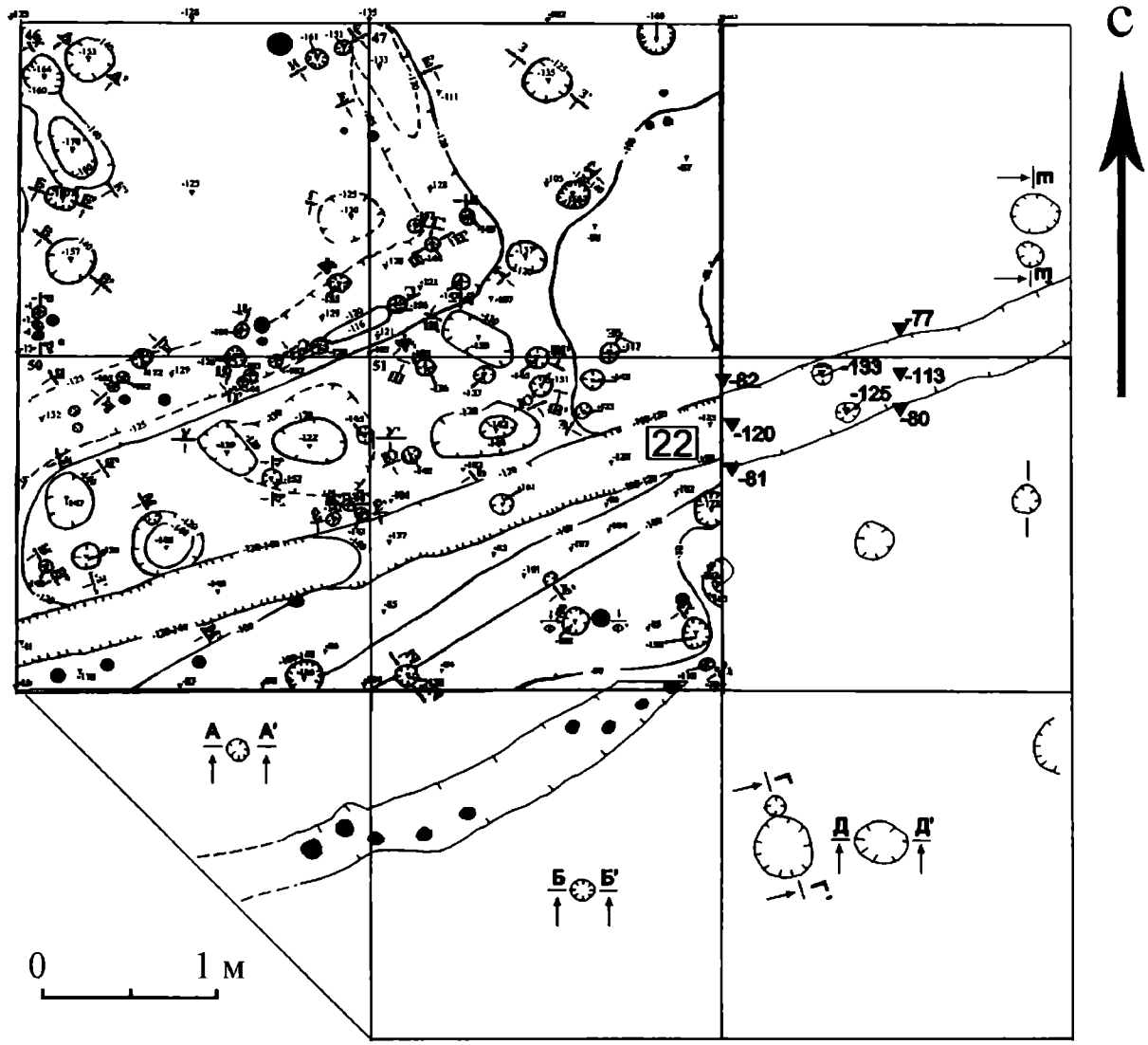


Рис. 1. Раскоп V, участок И. План материка

ти предварительные итоги этих раскопок, проанализировав стратиграфию, выявленную в 2005–2007 гг. В связи с тем, что работы на раскопе IV далеки от завершения, предметом данной статьи будут в основном итоги работ на раскопе V (участки Ж и И, исследованные в 2006 и 2007 гг., причем на участке И была проведена врезка во внутренний склон вала).

Вероятно, самым древним укреплением на городище Ростиславль был тын, помещавшийся в канавке. На раскопе V выявлены остатки этого укрепления в виде канавки, врезанной в материк (сооружение 22 по общей нумерации сооружений городища) (рис. 1). Ширина канавки – 30–35 см, глубина – до 70 см. Она проходила по линии запад–юго–запад – восток–северо–восток, имела вертикальные стенки и уплощенное дно, а ее заполнение состояло из желтого суглинка с включениями светло–серого суглинка. Вещевые находки в сооружении не встречены, керамика представлена пятью обломками, среди которых были ранние варианты сетчатой (нитчатой и веревочной) и гладкостенной посуды. Выявленная длина канавки составляет на сегодняшний день около 10 м. Судя по всему, она имеет продолжение в обоих направлениях (к Оке и к оврагу, ограничивающему мыс с северо–востока). Можно предположить, что находившийся здесь частокол полностью перекрывал мыс, на котором располагалось поселение, с южной стороны.

Следующий этап развития укреплений на городище связан с насыпкой самого первого вала. При этом внутренняя часть вала перекрыла засыпанную канавку (цв. вкл. рис. XXXV). Первый вал (условное название – насыпь I) представлял собой насыпь высотой около 0,9 м. Ширина вала у его основания составила более 4 м. Верхняя часть вала четко маркируется коричневым слоем. Согласно исследованиям, проведенным д. г. н. А.А. Гольевой, этот слой – скопление большого количества трав разных видов (водных, лесных, луговых, сорных, культурных злаков и мха). Исследовательница предполагает, "что травы были свежесобранными, поскольку ... у водных растений хорошо сохранились живущие с ними диатомовые водоросли. Растения со временем и при избытке влаги разложились (сгнили), сформировав слой бурого цвета" (*Гольева,* 2007). Среди разнообразных трав, покрывавших насыпь I, были тростники, осока. Встречены и целые группы водорослей, которые продолжали жить в уже собранных травах, что указывает на их свежесть.

Набросать на вал траву вместо того, чтобы поставить частокол, – действие более чем странное. Однако скоплению трав в этом месте есть объяснение. Возможно, травяная масса является следами бытовой деятельности древних поселенцев. Например, некоторые из трав могли служить подстилками внутри жилищ. По мере использования подстилки выбрасывались и заменялись новыми. Учитывая краткий срок службы таких подстилок, не стоит удивляться, что со временем на валу сформировалась достаточно большая масса этих трав. Кроме того, тростниковые и осока (а они также были обнаружены на вершине вала) являются довольно прочными травами с большой полезной поверхностью, что позволяет применять их в качестве покрытия крыш жилищ или навесов. В этом случае становится понятно, почему растения на валу похожи на свежесобранные – они часто подвергались воздействию влаги (например, дождя или снега). Крыши могли заменяться по мере износа.

В связи с этим необходимо заметить, что в непосредственной близости от насыпи вала находился южный край жилища (длинного дома), исследованный на раскопе V в 2006 г. Обитатели дома при замене покрытия крыши могли сбрасывать остатки сгнивших кровель поблизости от жилища, на место, не использовавшееся в хозяйственных нуждах, например, на поверхность насыпи.

Наличие фитолитов культурных злаков в насыпи I также объяснимо, так как вал насыпался (и подсыпался) из культурного слоя городища, более того, из слоя, сформировавшегося в жилище или около него. При флотации культурного слоя из постройки (длинного дома) были встречены остатки различных зерновых культур. Возможно, они попали и в насыпь.

Можно с очень большой долей уверенности утверждать, что на вершине вала отсутствовали какие–либо укрепления. Однако нельзя говорить утвердительно о наличии рва, дополнявшего этот вал с напольной стороны. Она довольно полога и доходит почти до границы раскопа V, следов рва здесь не обнаружено. Если ров у этого древнего вала и существовал, то он располагался достаточно далеко от внешней части вала, что противоречит уже известным примерам: на дьяковских памятниках рвы, как правило, располагались непосредственно под валом. Поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что ранний вал не был дополнен рвом.

Насыпь I состоит из различных по консистенции прослоек. Так, вскрыты участки относительно рыхлого грунта, представленного темно–серым и серым суглинком с включениями желтого суглинка и мелких угольков. Между тем, нижняя часть

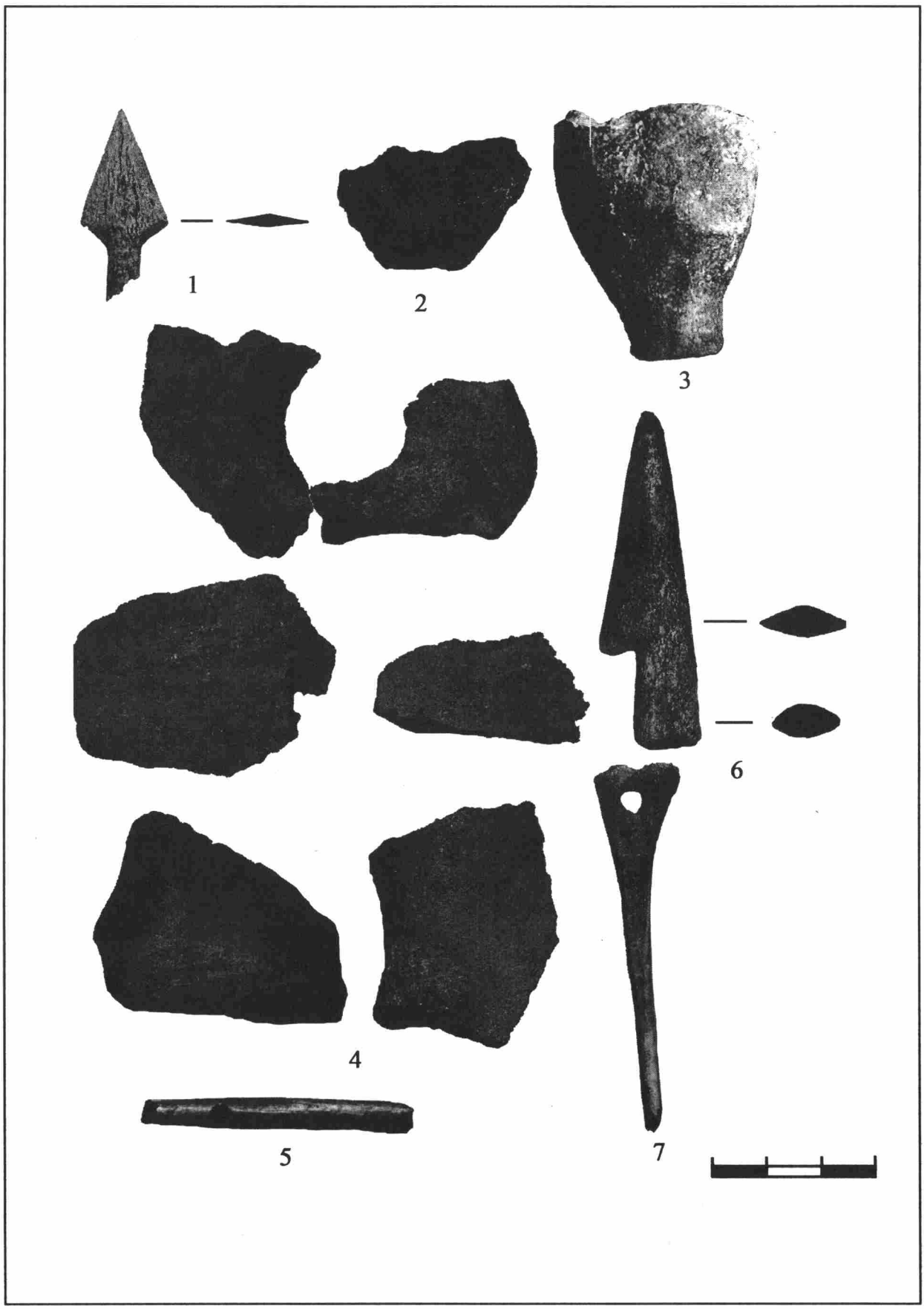


Рис. 2. Раскоп V, участок И. Находки из насыпи I

вала более плотная. Здесь почти не встречаются вещевые находки, тогда как верхняя часть вала более рыхлая и насыщенная вещами (рис. 2) Видимо, верхняя часть вала насыпалась из культурного слоя, перемещенного с городища и смешанного с лесным подзолом. Особый интерес представляют остатки плохо обожженных глиняных предметов, часть которых, возможно, являлась так называемыми рогатыми кирпичами. Среди находок из вала можно отметить проколки, одношипный наконечник стрелы, обломки стругов, обломок костяной заколки. Из металлических изделий встречен лишь бронзовый предмет неясного назначения. Косвенно это также может говорить в пользу древности укрепления. Исследование керамики из насыпи I, проведенное В.Ю. Ковалем, показало, что доля штрихованной керамики составляла здесь 39%, гладкостенной – 49 и сетчатой – 9. Керамика этих типов традиционно датируется VIII–VI вв. до н. э., что позволяет сделать предварительный вывод о датировке насыпи I пределами середины I тыс. до н. э. (Коваль, 2007. С. 81).

Скорее всего, перед насыпкой вала его строители снивелировали древнюю дневную поверхность, о чем свидетельствует отсутствие слоя подзола на большей части раскопа. В ходе этой нивелировки более ранний предматериковый слой был полностью уничтожен.

Небольшая высота вала, отсутствие укреплений на его гребне, а также несколько рыхлая консистенция слоев, из которых этот вал был насыпан, не позволяют трактовать его как серьезное оборонительное сооружение. Возможно, он использовался в качестве защиты от диких зверей.

Позже в жизни городища происходят определенные изменения. Совершенствуются укрепления – вал досыпается, а с напольной (южной) стороны к нему добавляется ров. К этому более позднему периоду относится сооружение насыпи II. Она создана на основе предыдущего вала, но имеет большую ширину в основании (точные размеры мы не можем привести, так как на участке И была осуществлена врезка, но не полный разрез вала). Ось вала при этом была несколько смещена в южном направлении. На внутренней части насыпи II на раскопе V обнаружены следы от столбовых ямок. Считать их остатками сооружения, призванного закрепить внутреннюю стенку вала, вряд ли оправданно – столбы были тонкими и не могли служить основой для удержания огромной массы земли вала.

Ров был исследован на раскопе IV (участок В) (рис. 3; цв. вкл. XXXVI). Он был одним из нескольких рвов, отрывавшихся с отступом к югу. На это указывает отсутствие северного материкового края, что, в свою очередь, может говорить о наличии более раннего рва, находящегося севернее. Массовый материал, происходящий из заполнения рва, относится к раннедьяковскому этапу (не позже второй половины I тыс. до н. э.). С возведением какой насыпи можно связать существование самого первого рва, мы сказать не можем, так как его следы пока не выявлены.

Возвращаясь к раскопу V, отметим, что позже насыпь II досыпается примерно на 0,5 м. Новая насыпь (III) состоит из материкового желтого суглинка, смешанного с серым суглинком и углем. Нельзя говорить утвердительно о наличии каких–либо конструкций на вершине данной насыпи, так как до гребня вала на раскопе V дойти не удалось.

Упомянутый вал был досыпан еще более мощной насыпью (IV). Она не только увеличила высоту, но и сделала его шире. Как и предыдущая, насыпь состояла из желтого суглинка с прослойками серого суглинка, угля и тлена.

Вероятно, с одной из этих трех насыпей и связано сооружение рва, следы которого выявлены работами 2006 г. на раскопе IV.

С напольной стороны вала на раскопе IV (участок Г) были обнаружены следы прохода в валу, находившегося примерно посередине него. Проходу соответствовала перемычка во рву. На известных нам памятниках дьяковской культуры такая конструкция встречается впервые. Возможно, и проход в валу, и перемычка относятся к одному времени.

Последний строительный горизонт вала – насыпь V. Это верхушка вала, насыпанная, по–видимому, в начале I тыс. н. э. Насыпь V состоит из темно–коричневого и коричневого суглинков с золой, угольками, включениями желтого и серого суглинка. По всей видимости, эта поздняя насыпь создавалась из культурного слоя городища. Вероятно, в это время (или чуть раньше) жители поселения решают отказаться от рва и засыпают его. Некоторое время ров напоминает о себе провалами грунта, которые ликвидируются путем досыпки культурного слоя городища. Новые рвы при этом не отрываются (*Коваль*, 2006. С. 70–71).

Анализ массового материала показал, что керамика почти из всех горизонтов насыпей IV и V относится к периоду не позже II–III вв. н. э.

В более позднее время насыпь V, по–видимому, деформировалась. Например, на раскопе V (участок И) очень четко фиксируется врезка в насыпь V в виде ступеньки с внутренней стороны вала. Впоследствии эта ступенька была перекрыта слоем, который может датироваться первыми веками нашей

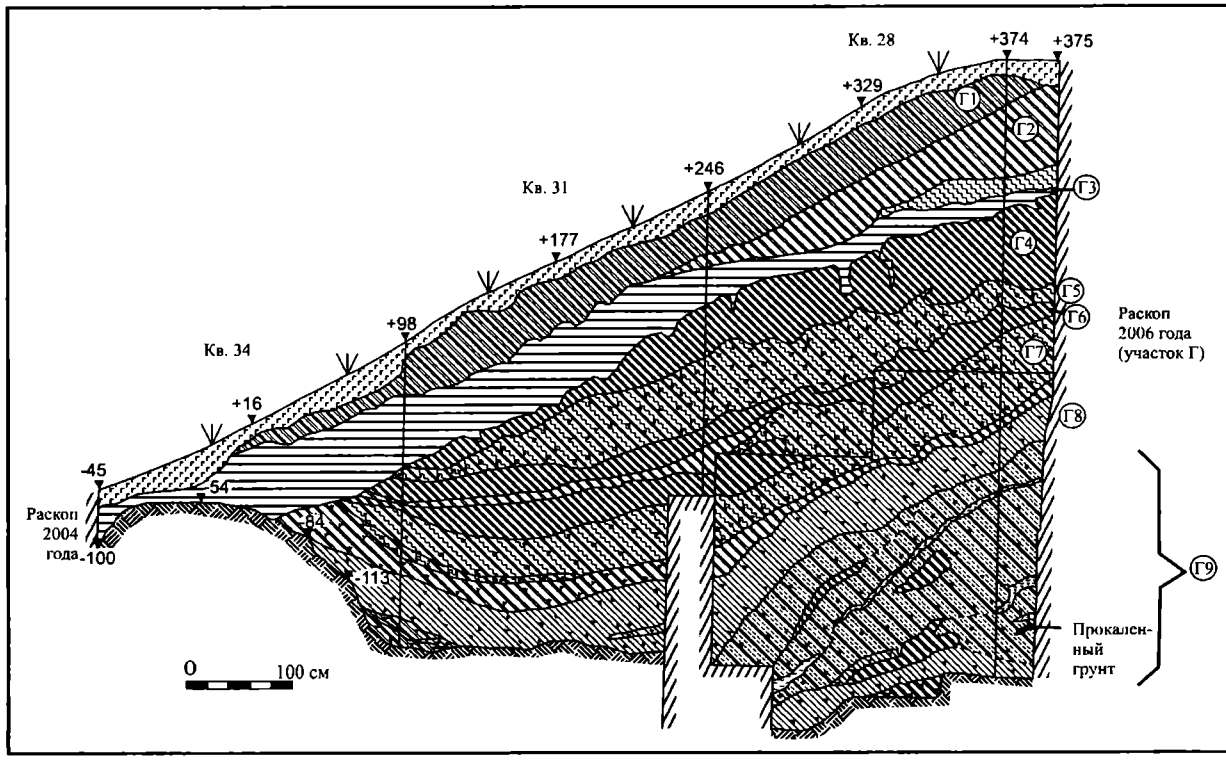


Рис. 3. Раскоп IV, участок В. Юго-западный профиль

эры. В восточном профиле раскопа V (участок И), на внутренней стороне вала в этом слое под угольной прослойкой были зафиксированы локальные прослойки прокаленной глины, а также массив извести, представлявший собой остатки полностью разложившегося известнякового блока . Угольная прослойка, возможно, являлась остатками сгоревшего пола постройки, врезанной во внутренний склон вала. Этот пол мог быть укреплен подкладкой из известнякового блока. Хорошо сохранился только юго–восточный край сооружения, представлявший собой вертикально оформленный врез в тело вала. Если предположение о наличии постройки верно, возникает вопрос о ее назначении, не имеющий пока однозначного ответа.

С этим набором вопросов неизбежно соприкасаются непременные для городищ раннего железного века вопросы о наличии конструкций либо на вершинах валов, либо внутри их.

На Ростиславле на исследованной площади валов следов таких конструкций пока не выявлено. Правда, в насыпи II были вскрыты остатки двух сгоревших плах, расположенных под углом, а в насыпи I обнаружено локальное скопление угля, среди которого также встречены остатки крупных плах (рис. 4) Впрочем, сомнительно, что эти локальные находки обугленной древесины являются свидетельством наличия в валах деревянных конструкций. Плахи расположены в беспорядке и могут быть частью культурного слоя городища, из которого вал насыпался.

Несколько иная ситуация сложилась на раскопе IV (участок Г), где были вскрыты прослойки угля, прокаленного красного и темно–коричневого суглинка. Выше мы упоминали о существовании в валу прохода – именно на дне этого прохода обнаружено скопление угля от бревен деревьев лиственных пород . Эти скопления лежали перпендикулярно линии вала и, по–видимому, были каким–то образом связаны с проходом, например, могли укреплять его стенки. В какой–то момент конструкции сгорели (о чем свидетельствует наличие прослойки прокаленного суглинка), были засыпаны при восстановлении вала и более не восстанавливались.

Вместе с тем, находки железных стрел в слое пожара на внутренней стороне вала (*Медведь*, 2007) свидетельствуют о том, что укрепления использовались и в более поздний период – в IV и, возможно, V в. н.э. После этого поселение раннего железного века на этом месте, скорее всего, перестало существовать.

Верх вала состоит из поздних подсыпок, производившихся периодически на протяжении многих лет. В верхних прослойках встречаются, и отдельные находки древнерусского времени. Ближе к вершине вала в перекопе был обнаружен человеческий череп. Видимо, речь в данном случае идет

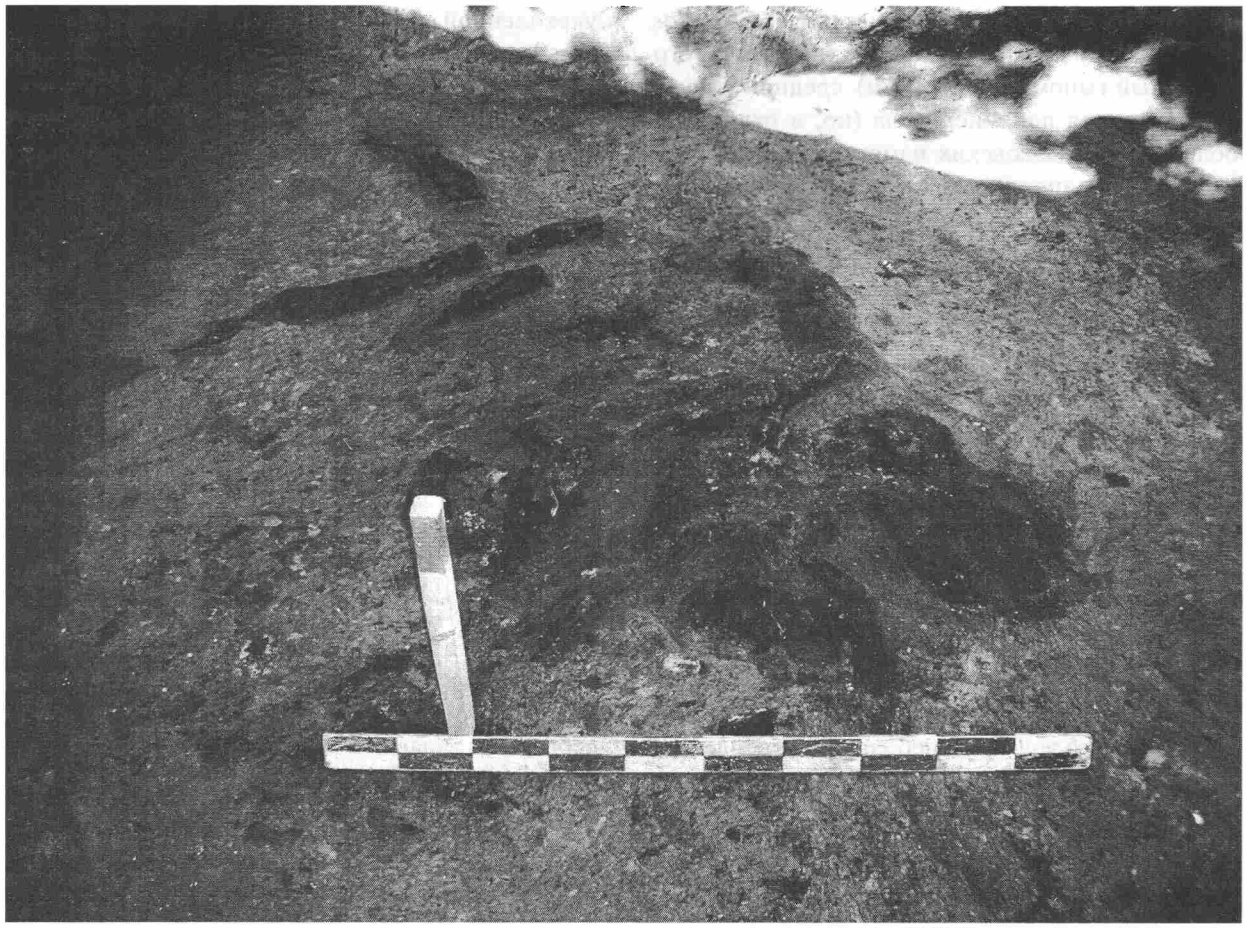


Рис. 4. Горелые плашки на раскопе V (участок И)

о перезахоронении черепа, относившегося к средневековому кладбищу, располагавшемуся на территории Ростиславля. Возможно, череп из разрушенного погребения был захоронен уже в наши дни в валу, который местные жители интерпретируют как курган.

Кроме этого, нужно отметить, что в верхней части вала, с его внутренней стороны встречаются находки средневековой керамики, смешанные с находками раннего железного века.

Несмотря на увеличение размеров укреплений, собственно укрепленная площадка поселения не расширилась за тысячелетнее существование городища. Кроме того, наблюдается определенная преемственность в расположении линии укреплений: и тын, и самый ранний вал, и более поздние валы расположены примерно на одном и том же месте по одной оси. Более того, каждый более ранний вал служил строителям основой для последующих насыпей.

В древнерусскую эпоху эти укрепления использовались жителями города Ростиславля, однако говорить о сколько-нибудь серьезных улучшениях вала мы не можем – работы в этот период ограничились лишь созданием рва с внешней стороны укреплений и небольшими досыпками верха вала. Итак, в истории укреплений поселения раннего железного века на городище Ростиславль можно выделить несколько периодов.

Ранний период (не позже середины I тыс. до н. э.) – канавка с частоколом. Из ближайших аналогий этому укреплению можно было бы назвать канавки с частоколами Дьякова и Боршевского городищ (*Кренке,* 1986; *Крис,* 1986). Например, на Дьяковом городище такая же канавка предшествовала самой первой насыпи (согласно Н.А. Кренке, ранняя насыпь Дьякова городища относится к периоду не позднее V в. до н. э.)

Средний период (середина – вторая половина I тыс. до н. э.) – низкий вал (без рва?).

Поздний период (начало н. э.– II–III вв. н. э.) – вал высотой 3–4 м со рвом глубиной около 2 м и проходом.

Завершающий период (III–IV вв. н. э.?) – высокий вал без рва и прохода.

В целом, система укреплений ростиславльского городища раннего железного века эволюционировала в полном соответствии с общим разви-

тием городищ дьяковской культуры (*Смирнов*, 1974. С. 78). На раннем этапе – это поселок, огороженный тыном (или плетнем), средний этап характеризуется наличием вала (но, в отличие от большинства дьяковских памятников, без рва), а на позднем этапе существования городища к валу добавляется ров.

Исследование укреплений может дополнить наши представления о поселении раннего железного века на городище Ростиславль. Дело в том, что за пределами описанных нами укреплений не сохранилось культурного слоя этого периода. Однако находки, характерные для раннего железного века, встречаются в переотложенных слоях на территории всего средневекового Ростиславля, что косвенно свидетельствует о наличии здесь неукрепленного поселения раннего железного века. Исследование укреплений показало, что поселение этой эпохи действительно существовало – возведение укреплений (особенно мощных, в поздний период) требовало участия большого количества трудоспособного населения, едва ли проживавшего только на небольшой укрепленной части. Очевидно, для строительства вала и рва привлекалось население, проживавшее и на неукрепленной части поселения. Как сами работы по созданию продуманной системы укреплений, так и мобилизация трудоспособного населения для их проведения свидетельствуют о довольно жесткой социальной организации на поселении. Нельзя не отметить и грамотного использования древними строителями рельефа местности, а также остроумного решения укреплений, возводившихся, видимо, по определенному плану. Очевидно, люди, проводившие работы, руководствовались какими–то примерами. Следы изменения укреплений, скорее, даже некоторого их регресса (засыпка рва и межвалового прохода) косвенно могут свидетельствовать об изменении характера населения в этом месте.

Помимо этого, многочисленные следы пожаров и разрушений, встреченные в слоях вала и рва, следы работ по усилению и изменению укреплений вкупе с находками стрел свидетельствуют о непростых, а зачастую опасных условиях, в которых приходилось существовать жителям поселения раннего железного века. Начав свою жизнь с небольшой канавки с забором, укрепления Ростиславля служили своим создателям на протяжении многих веков.

Литература

Гольева А.А., 2007. Микробиоморфный анализ образцов из раскопок Ростиславля в 2006 г. // Коваль В.Ю., 2007. Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2007 г. Приложение 4.

Коваль В.Ю., 2006. Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2006 году // Архив ИА РАН.

Коваль В.Ю., 2007. Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2007 г. // ОПИ ИА РАН.

Кренке Н.А., 1986. Вал Дьякова городища // КСИА. Вып. 186. М.

Крис Х.И., 1986. Вал Боршевского городища // КСИА. Вып. 186. М.

Медведь А.Н., 2007. Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль // АП. Вып. 3. М.

Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура. М.

A.N. Medved"

The Early Iron Age fortifications on the Rostislavl" hillfort (on the basis of preliminary results)

Summary

The article presents results of investigations conducted on Rostislavl" fortified settlement (middle reaches of river Oka) in 2005—2007. The special attention is devoted to the evolution of Rostislavl" fortifications in the Iron Age. Complex investigations (archaeological and geological) allow to do a preliminary reconstruction of defensive rampart and trench (Vth c. BC – beginning of the III^{d} c. AD). The earliest fortifications (a shallow trench of the VIth c. BC) were also excavated. The discoveries at Rostislavl site reveal a specific technique for building ramparts. It gives an evidence of a social organization at the ancient site of D"yakovo type and demonstrates peculiar features which become a specific markers of this site compared to the sites belonging to the same circle.

Е.Ю. Тавлинцева, О.А. Лопатина

Тигли и литейные формы Ростиславльского городища

Среди находок, сделанных за последние годы при раскопках Ростиславльского городища, расположенного в Озерском районе Московской области, можно выделить группу керамических предметов, которые традиционно связываются с ювелирным производством. Первые находки – льячка и литейная формочка были сделаны уже в самом начале исследования городища. Вскоре они были опубликованы вместе с остальными предметами, найденными в 1998–1999 гг. (*Коваль,* 2001. С. 54. Рис. 17, *18*)[1]. За последние десять лет коллекция пополнилась новыми находками и на сегодняшний день насчитывает 11 литейных форм и 14 тиглей как целых, так и сохранившихся фрагментарно. Все они были найдены в пределах мысовой части городища и связаны со слоями раннего железного века и раннего средневековья[2].

Прежде чем приступить непосредственно к характеристике тиглей и литейных форм городища Ростиславль, необходимо дать краткое описание культурного слоя той части памятника, откуда происходят находки. Уже на первом этапе исследования мысовой площадки Ростиславля было отмечено, что лучше всего культурный слой сохранился на участке, примыкающем к валу, где его удалось разделить на два слоя: верхний (слой 1) и нижний (слой 2) (*Коваль,* 2001. С. 52, 54).

Впоследствии эти данные были дополнены новыми наблюдениями. Так, в составе верхнего слоя 1, который откладывался в течение длительного периода – на протяжении всего I тыс. н.э. и в древнерусское время, было выделено три горизонта: 1-А, 1-Б, 1-В. Горизонт 1-А, представляющий собой верхнюю часть слоя 1, оказался в большей степени поврежден перекопами и частично переотложен. Средний горизонт (1-Б) практически не был затронут поздними перекопами и эрозионными процессами. С ним связаны следы сильного пожара, которые прослеживались по всей площади мысового раскопа в виде обломков ошлакованной керамики, развалов керамических сосудов, побывавших в огне, и нескольких скоплений обгоревшего зерна. Третий горизонт верхнего слоя (1-В) впервые был выделен в раскопе 2004 г. По ряду признаков, в первую очередь, по керамическому материалу, он отличался как от перекрывающего его слоя 1-Б, так и от нижнего слоя памятника.

Время формирования слоя 2 в целом укладывается в рамки второй половины I тыс. до н.э. Он состоял из остатков нескольких перекрывавших друг друга построек, заполнение которых включало очаги и связанные с ними фрагменты суглинистых подсыпок пола.

Стратиграфически находки тиглей и литейных форм распределяются следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Тигли и литейные формы из Ростиславля.

Слой / гориз.	Ложковидн. тигли без втулки	Ложковидн. тигли со втулкой	Неопр. фр-ты тиглей	Формы для литья по восковой модели	Составн. формы
1-А			1		5
1-Б		4			1
1-В		1			1
Слой 2		1	1	3	1
Вал	4		2		
Всего	4	6	4	3	8

[1] Раскопки городища раннего железного века на территории средневекового Ростиславля производятся экспедицией Института археологии РАН под руководством В.Ю. Коваля с 1998 г. по настоящее время.

[2] Авторы выражают искреннюю признательность Е.Ю. Лебедевой (Институт археологии РАН) за консультацию.

Изучение технологии изготовления керамических тиглей и литейных форм проводилось по методике А.А. Бобринского, предложенной для изучения технологии изготовления глиняной посуды (1978; 1999). Учитывалась информация об отборе исходного сырья, его обработке и составлении формовочной массы. Фиксировались данные об ожелезненности глины, о качественном и количественном присутствии в глине естественных и искусственных примесей. Эти данные позволяют вести речь о традициях в навыках отбора исходного пластичного сырья и составления формовочных масс для изготовления тиглей и литейных форм. Технологическое изучение проводилось с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 по свежим сколам с привлечением для сравнения эталонных образцов керамики, хранящихся в лаборатории «История керамики» ИА РАН. Фрагментарность, а также температурные преобразования некоторых изделий не позволили получить технологическую информацию для них в полном объеме, ниже это будет специально отмечено.

Классификация тиглей

На сегодняшний день единой общепринятой классификации тиглей Волго-Окского бассейна не существует. В обобщающей работе, посвященной исследованию древностей раннего железного века Волго-Окского междуречья, К.А. Смирнов описал два типа сосудов, использовавшихся в ювелирном производстве: тигли и льячки. Основным критерием для выделения этих типов стало наличие или отсутствие специального канала для рукояти в ручке плавильных сосудов. Тигли представляют собой керамические ковшики объемом около 55х55х50 мм с массивной ручкой, в верхней части которой часто заметны следы желобка. Льячки, в отличие от тиглей, были, как правило, меньшего объема (в среднем 20х20х15 мм) и имели втулку в ручке для дополнительной рукояти (*Смирнов,* 1974. С. 67).

По мнению К.А. Смирнова, тигли служили для «расплавки и варки металла», льячки же, вслед за Б.А. Рыбаковым, рассматривались им как предметы «для разливания металла из тиглей по формам», т. е., строго говоря, тиглями не являлись. К.А. Смирнов считал, что наличие канала в ручке является основным признаком для отделения тиглей от льячек, т.к. «при температуре, при которой оплавляется керамика, загорится любое дерево» (*Смирнов,* 1974. С. 67; *Рыбаков,* 1948. С. 91, 143).

Сомнение по поводу подобной функциональной интерпретации льячек высказывалось Н.В. Ениосовой и Р.А. Митояном. На материалах Гнездовского поселения ими было установлено, что льячки с втульчатыми ручками представляли собой тигли для работы с низкотемпературными сплавами. Именно этим можно объяснить характерное для всех льячек отсутствие следов воздействия высоких температур и соприкосновения с расплавленным металлом. Данная группа находок была выделена исследователями в отдельный тип тиглей – «в виде ложки с втульчатой ручкой» (*Ениосова, Митоян*, 1999. С. 60).

Следует отметить, что предметы, описанные К.А. Смирновым как «тигли», в литературе часто также назывались льячками, что породило некоторую терминологическую путаницу. Так, А.Ф. Дубынин для описания тех же типов сосудов, найденных на Щербинском и Троицком городищах, употреблял термин «льячки», допуская, что часть из них могла использоваться как тигли. Взяв за основу форму дна сосудов, он выделил два типа льячек – с закругленным и уплощенным дном. Последние, в свою очередь, делились на ложкообразные и трубкообразные (*Дубынин,* 1970. С. 45; 1974. С. 241–242). Наличие втулки в ручке А.Ф. Дубыниным в систематизации не учитывалось, вероятно, из-за ошибочного наблюдения, что все льячки Троицкого и Щербинского городищ были со втулкой (*Дубынин,* 1970. С. 45; 1974. С. 241–242).

На практике же чаще всего исследователи при употреблении термина льячка не вкладывают в него функциональный смысл, а имеют в виду, прежде всего, морфологические признаки – открытый сосуд небольших размеров, как правило, с втульчатой ручкой (*Кренке,* 1987; *Шмидт,* 1992. С. 88; *Станкевич,* 1960. С. 110 и др.). Льячками также называют и миниатюрные ложковидные изделия без втулки в ручке (*Никольская,* 1959. С. 104. Рис. 36, *10–11*; *Мельниковская*, 1965. С. 126–127).

В специальном исследовании, посвященном ювелирным украшениям дьяковской культуры, И.А. Сапрыкина выделила три типа тиглей, встречающихся на москворецких дьяковских памятниках: открытые цилиндрические стаканы-тигли с плоским дном, цилиндрические тигли с круглым дном и «тигли-льячки». Последний тип тиглей, представляющих собой ложковидные емкости с ручкой, был наиболее употребительным. Первые два типа менее распространены: находки стаканов-тиглей с плоским дном отмечены на городищах Натасьино и Троицкое (*Сапрыкина,* 2004. С. 136; 2006. С. 21). Единственный целый небольшой круглодонный цилиндрический тигелек происходит с Троицкого городища (*Дубынин,* 1970. С. 44).

Таким образом, на сегодняшний день, исходя из морфологических признаков, исследователи выделяют несколько типов плавильных сосудов,

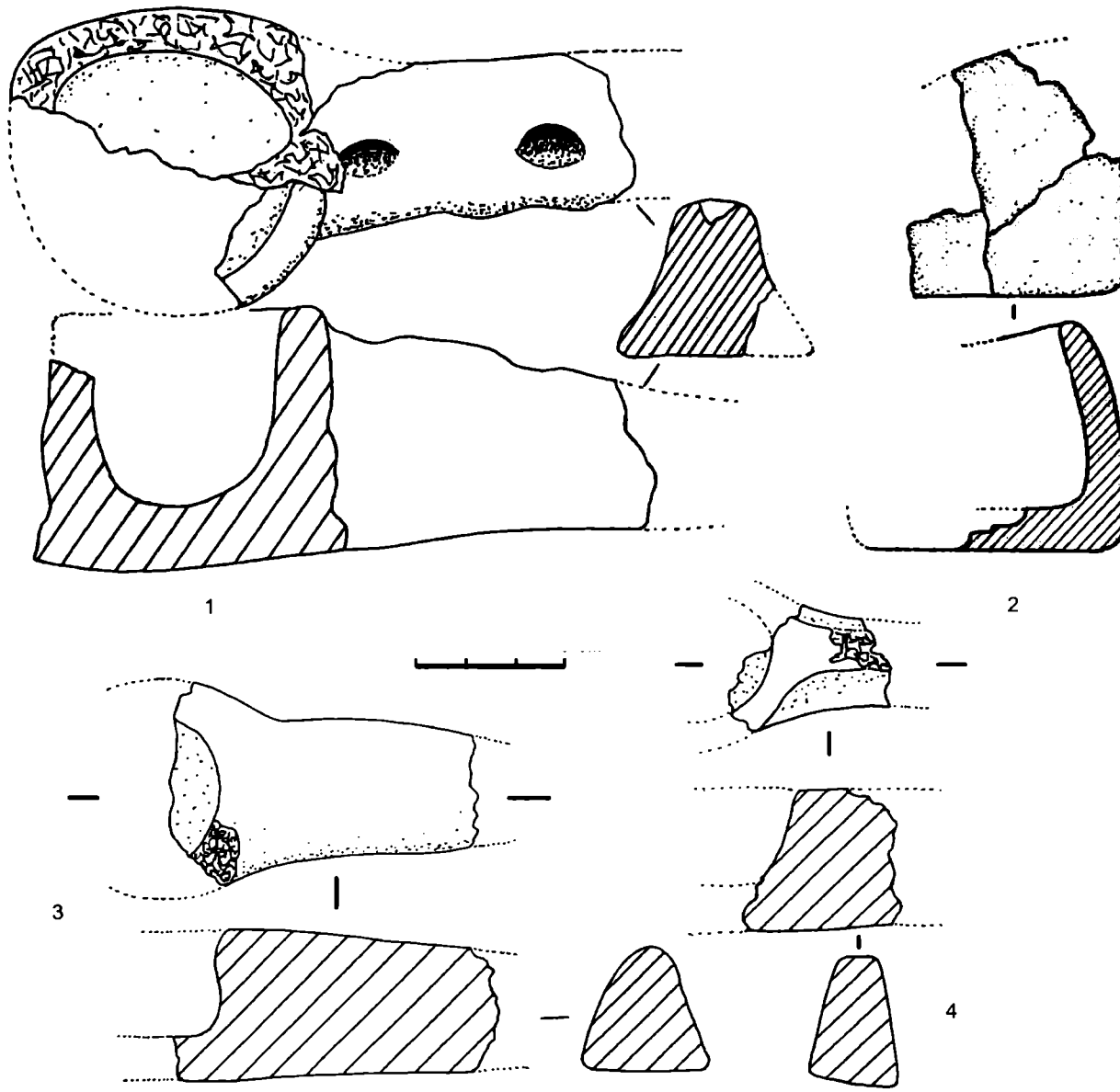


Рис. 1. Ложковидные тигли с рукоятью без втулки

использовавшихся на дьяковских памятниках: тигли в виде ковша с ручкой без втулки, сосуды в виде ложки с втульчатой ручкой, цилиндрические тигли с плоским дном, цилиндрические тигли с круглым дном, причем тигли первого типа могут быть плоскодонными и круглодонными.

Представляется, что все открытые тигли с ручкой целесообразно называть ложковидными. Именно такая терминология была предложена В.А. Городцовым для описания изделий для плавки металлов железного и бронзового веков на территории Волго-Окского междуречья (1901. С. 33–34). Термин льячка, на наш взгляд, может использоваться как синоним для обозначения именно тиглей (а не предметов для разлива металла), по морфологии представляющих собой ложковидные изделия со втулкой в рукояти.

Большинство тиглей, найденных на Ростиславльском городище, является открытыми ложковидными тиглями. По наличию или отсутствию втулки в рукояти их можно разделить на два типа: ложковидные тигли без втулки и ложковидные тигли с втулкой. Справедливость выделения этих двух типов подтверждается, как будет показано ниже, не только морфологическими признаками (наличием или отсутствием втулки в рукояти, различиями в размерах), но и разной технологией изготовления, а также разным назначением.

В особую группу были выделены обломки тиглей, сохранность которых не позволяет достоверно отнести их к тому или иному типу плавильных сосудов.

Ложковидные тигли без втулки. К этому типу относятся фрагменты четырех тиглей (рис. 1;

кат. № 8, 9, 11, 12), найденных в 2005–2006 гг. при исследовании насыпи вала, отделявшего мысовую часть городища от остальной его площадки. Судя по сохранившимся частям, они представляли собой небольшие ковшики с вертикальными стенками высотой 31–32 и 49 мм. Толщина стенок тиглей была 7–11 мм, у одного экземпляра – 5–6 мм. Три тигля имели плоское дно, плавно переходящее в массивную рукоять, нижняя часть которой также была плоской, что позволяло ставить тигель на ровную поверхность. Сечение рукоятей – трапециевидное. В одном случае на верхней части втулки были сделаны два пальцевых вдавления (рис 1, *1*). От четвертого тигля сохранился только фрагмент ковша. Его размеры и технология изготовления сходны с описанными выше экземплярами. Он был найден в том же горизонте вала, что и три остальных тигля. Все это также позволяет отнести его к типу ложковидных тиглей с массивной рукоятью без втулки.

Плавильные сосуды этого типа хорошо известны на памятниках Волго-Окского междуречья, где встречены как плоскодонные, так и круглодонные экземпляры. Они найдены на Троицком, Щербинском, Михайловском, Борисоглебском, Подмоклово, Огубском, Кузнечики, Старшем Каширском, Настасьином городищах (*Смирнов,* 1974. С. 68. Табл. IX, *1*; *Дубынин,* 1970. Табл. 30, *10, 11*; Табл. 31, *1, 3, 4, 6–10*; 1974. Табл. XXIV, *17*; *Сапрыкина,* 2004. С. 139. Рис. 3. С. 140. Рис. 4). Известны как тигли небольшого объема, сопоставимые с Ростиславльскими, так и тигли крупных размеров. Такие плавильные сосуды были найдены на Жуковском селище. Внутренний объем ковша у них составлял 63х55х60 мм при длине рукояти 130 мм (*Векслер,* 1978. С. 157). Как правило, на тиглях этого типа прослеживаются следы воздействия высоких температур и соприкосновения с расплавленным металлом (*Смирнов,* 1974. С. 67).

На Троицком городище скопление ложковидных тиглей без втулки относится к первой половине I тыс. н.э. (*Смирнов,* 1974. С. 68), но появляются они гораздо раньше. Несколько экземпляров тиглей этого типа были найдены в слое «В» Дьякова городища. В слое «А» они встречались почти во всех горизонтах (*Кренке,* 1987). Это позволяет датировать подобные находки периодом с середины I тыс. до н.э. до третьей четверти I тыс. н. э.

Ложковидные тигли без втулки, найденные на Ростиславле, были изготовлены из ожелезненного сильнозапесоченного глинистого сырья с высоким содержанием пылевидного песка размером менее 0,1 мм (табл. 2). Во всех экземплярах отмечены проявления искусственно введенной растительной примеси в формовочную массу изделия, которая может быть интерпретирована как отходы молотьбы. На это указывают следующие признаки: большинство отпечатков дуговидны, удлиненной (реже округлой) формы. Поверхность отпечатков гладкая, иногда с желобками. Подобные отпечатки являются, скорее всего, следами чешуй злаковых культур. В основном следы оставлены грубыми частицами. Максимальные размеры удлиненных отпечатков достигают в длину 8–9 мм, в ширину – 2,0 мм, а округлых отпечатков – 3,5 мм в длину и 2 мм в ширину. Редко встречаются отпечатки травянистых частиц с характерной рельефной структурой и фрагментов стеблей, округлых в сечении. Общая концентрация растительной приме-

Таблица 2. Технологические особенности ложковидных тиглей с рукоятью без втулки[3].

Шифр	Исходное сырье		Искусственные примеси			Рецепт форм. массы
	Ожелезнен.	Естеств. примеси (макс. размер, мм). Степень запесоченности	Минеральные (дресва)		Органич. (отходы молотьбы)	
			разм., мм	концентр.		
Кат. № 8; рис. 1, *3*	ожелезн.	Песок (< 0,2). Сильная	-	-	1:1	Г + О
Кат. № 9; рис. 1, *4*	ожелезн.	Песок (< 0,2). Сильная	-	-	1:2	Г + О
Кат. № 12; рис. 1, *1*	ожелезн.	Песок (0,5). Сильная	-	-	1:1	Г + О
Кат. № 11; рис. 1, *2*	нет данных	Песок (0,5). Сильная	-	-	1:1	Г + О

[3] Для изготовления изделий, представленных в таблицах 1–5, использовалось глинистое сырье во влажном состоянии, поскольку признаков высушивания и дробления сухой глины не зафиксировано.

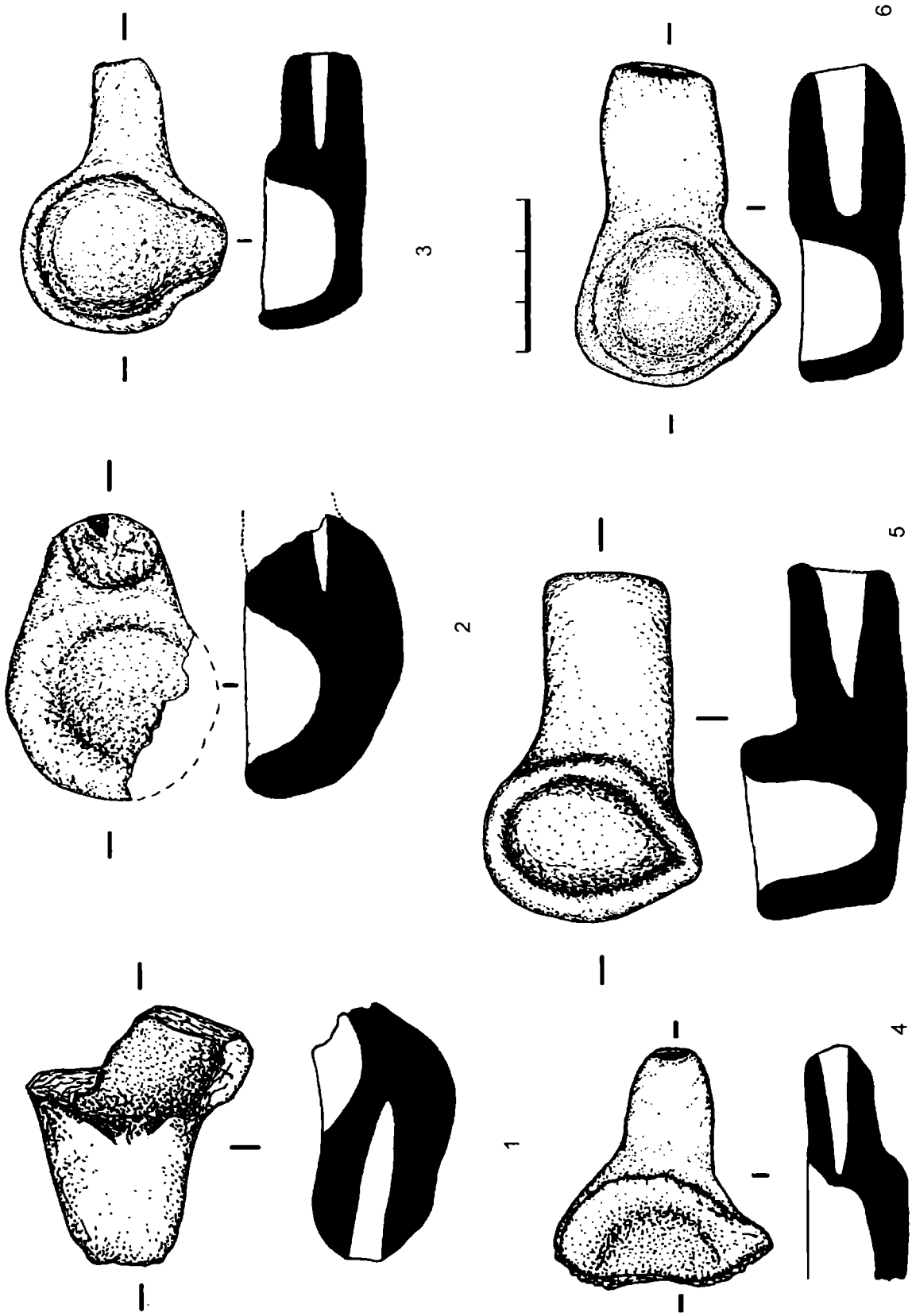


Рис. 2 Ложковидные тигли с втулкой в рукояти (льячки)

си высокая – 1:1, реже 1:2 (т. е., одна часть примеси на две части глины). Отходы молотьбы использовались в сухом состоянии, так как частицы, судя по отпечаткам, сохраняли жесткость и упругость, свойственную чешуйчатым оболочкам злаковых культур. Края отпечатков растительных частиц ровные, не имеющие вида «бахромы». При откалывании фрагмента от одного из тиглей (рис. 1, *3;* кат. № 8) для нагревания его в муфельной печи в изломе открылось карбонизированное зерно удлиненной формы. На поверхности этого же тигля Е.Ю. Лебедевой было зафиксировано два фрагмента колосового стержня ячменя (*Hordeum vulgare, vulgare*) и чешуйка проса (*Panicum miliaceum*). Судя по палеоботаническим исследованиям на памятнике, эти культуры были наиболее распространенными в земледелии раннедьяковского населения городища Ростиславль (*Лебедева*, 2005). Наблюдения показывают, что не только в этом образце, но и в других тиглях этой группы отходы молотьбы, добавляемые в формовочную массу, судя по их форме (удлиненной или округлой), состояли из чешуй разных зерновых культур. Частицы удлиненной формы преобладают в формовочной массе большинства тиглей. Частицы округлой формы (просо?) – только одного (рис. 1, *3;* кат. № 8).

Специальное добавление большого количества растительной органики в формовочную массу вызвано, скорее всего, не только существованием определенных традиций в области изготовления глиняных изделий, предназначенных для бронзолитейного производства, но и соображениями определенной технологической целесообразности.

Следы воздействия высоких температур отмечены на всех тиглях рассматриваемой группы. Эти следы связаны с участками остекловывания поверхностей тиглей. Любопытное наблюдение сделано в ходе их визуального обследования. На внешней поверхности фрагментированной чаши одного из тиглей (рис. 1, *2*) участки остекловывания соседствовали с участками песчаной подсыпки. Подобные же следы обнаружены и на другом тигле (рис. 1, *1*). От обычных песчаных подсыпок на днищах бытовых сосудов* этот слой отличается лучшей связанностью, песчинки сцементированы между собой, образовывая корочку, местами переходящую в более однородную корку остекловывания. Слой подсыпки-остекловывания расположен на внешней поверхности чаш, ровно по краю венчика, и на поверхности ручки. Вместе с тем, внутри чаш этого слоя нет. Можно полагать, что его расположение только на определенных участках поверхности связано со специальным нанесением, а не со следами формовки на подсыпке.

Возможно, со следами воздействия высоких температур можно связывать и участки серой окрашенности изломов фрагментов изделий, нагретых до 800°С в муфельной печи и имеющих часто слабый блеск.

Ложковидные тигли без втулки в рукояти, найденные на Ростиславльском городище, происходят из среднего яруса вала, который был насыпан, по всей видимости, в течение короткого отрезка времени. Насыпь вала состояла из материкового грунта с включениями лесного подзола. Все находки, попавшие в этот горизонт, по-видимому, являлись бытовыми отходами, синхронными сооружению насыпи вала. Керамика, найденная в этом горизонте, представляла собой обломки сетчатых и гладкостенных сосудов баночных и слабопрофилированных форм. Среди сетчатой посуды преобладали горшки с «нитчатыми» отпечатками на поверхности. Лощеная керамика отсутствовала, равно как и поздние сетчатые сильнопрофилированные сосуды, часто имеющие сетчатые отпечатки на внутренней стороне горла. Скорее всего, они появляются не ранее рубежа I–II вв. н. э. – первой половины II в. н. э. (*Сыроватко,* 2000. С. 50). Таким образом, средний горизонт вала Ростиславльского городища состоял из насыпного грунта, формирование которого можно отнести ко второй половине I тыс. до. н.э.[4]

Ложковидные тигли с втулкой в рукояти (льячки). Шесть тиглей, найденных на Ростиславльском городище, относятся к типу так называемых ложковидных тиглей с втулкой для рукояти или льячек (рис. 2; кат. № 1, 3, 4, 5, 6, 10). Как правило, это небольшие плавильные сосуды, которые не несут на себе следов воздействия высоких температур и соприкосновения с расплавленным металлом, обязательных при работе со сплавами на основе меди: остекловывание стенок, наличие остатков металла и тигельных шлаков. Среди образцов этого типа, найденных на Ростиславле, можно выделить две разновидности тиглей – с плоским и закругленным дном.

Тигли с плоским дном (четыре экземпляра) представляют собой небольшие керамические ковшики со сливом (рис. 2, *3–6*). Диаметр ковша ко-

[4] Датировки, предложенные в данной статье для различных горизонтов культурного слоя городища Ростиславль, носят предварительный характер и в дальнейшем будут уточняться.

[5] По наблюдению А.Ф. Дубынина, «уровень на глубине 0,3 м в V зоне и уровень 0,7 м во рву соответствует примерно тому периоду, когда в культурный слой попадает комплекс вещей, условно названный нами "кладом"» (1970. С. 31).

* Для лепных сосудов раннего железного века с городища Ростиславль подобные подсыпки не характерны. – *Прим. ред.*

леблется в пределах 29–34,5 мм, высота – 17–27 мм. Объем – около 5 мл. Толщина стенок составляет 3–6 мм. Длина полностью сохранившихся экземпляров – около 60 мм (почти половина этой длины приходится на круглую в сечении рукоять). Каждая ручка имеет втулку, длина которой составляет 20–28 мм. Переход от ковша к рукояти плавный или с небольшим уступом сверху или снизу.

У одного из экземпляров плоскость ковша заметно выше плоскости рукояти (рис. 2, *5*). Тигли аналогичной формы известны в материалах Троицкого городища. Их своеобразная форма позволила А.Ф. Дубынину отнести их к особому типу льячек – плоскодонных трубкообразных (1970. С. 45. Табл. 30, *3, 8*). Однако по остальным характеристикам, в том числе технологическим, эта находка не отличается от других тиглей с втульчатой рукоятью.

Только один из тиглей (рис. 2,*3*) был найден в нижнем слое городища (слой 2), куда он мог попасть в результате перекопа. Остальные три экземпляра плоскодонных тиглей с втульчатой ручкой связаны с горизонтом Б слоя 1, для керамического комплекса которого характерно полное отсутствие круговой средневековой посуды. Помимо сетчатой и гладкостенной керамики, относящейся к более раннему времени, в слое была найдена лощеная посуда, что позволяет датировать горизонт 1-Б в достаточно широком диапазоне первой половины I тыс. н.э.

В целом, ложковидные тигли с плоским дном и втулкой в рукояти были широко распространены в лесной зоне Восточной Европы на памятниках раннего железного века и раннего средневековья. В Волго-Окском междуречье они найдены на Троицком, Щербинском, Кузнечики, Каширском, Дьяковском, Круглице, Неждинском, Полецком, Успенском, Огубском и других городищах (*Смирнов,* 1974. С. 68).

Вопрос о времени появления тиглей этого типа на памятниках Москворецко-Окского бассейна остается открытым. Стратиграфические условия залегания тиглей на Троицком городище (зона V; гл. –0,15/0,4 м; ров – 0,4/0,95 м)[5] позволяют утверждать, что они появляются на памятнике до времени сокрытия вещевого клада и продолжают бытовать позже (*Дубынин,* 1970. С. 45). Показательно отсутствие тиглей этого типа в нижнем слое Дьякова городища и на городище Настасьино, верхняя дата которого определяется в рамках I–II вв н. э. (*Кренке,* 1987; *Сапрыкина,* 2004. С. 137; *Энговатова,* 2004. С. 152).

Наиболее ранняя датированная находка происходит из верхнего слоя «А» Дьякова городища, где плоскодонный ложковидный тигель с втулкой был найден в заполнении постройки в комплексе с шестью сплавленными лунницами с эмалью и красной пастовой бусиной в форме кирпичика. Автор раскопок датировал горизонт, к которому относится постройка, II–III вв. н. э. (*Кренке,* 1987. С. 87; *Кренке, Румянцева*, 2008. С. 102).

Среди втульчатых тиглей, найденных на Ростиславле, можно выделить два экземпляра, аналогии которым на памятниках лесной зоны на сегодняшний день найти не удалось. Это небольшие грубые керамические ковшики с массивным закругленным дном (рис. 2, *1–2*). Помимо формы дна их отличительной чертой являются достаточно толстые стенки (11–13 и 7–8 мм) и короткая (21 и 17–18 мм) массивная круглая

Таблица 3. Технологические особенности ложковидных тиглей с втулкой (льячек).

Шифр	Исходное сырье		Искусственные примеси			Рецепт форм. массы
	Ожелезнен.	Естеств. примеси. Наименование (максим. размер, мм). Степень запесоченности	Минеральные (дресва)		Органич.	
			разм., мм	концентр.		
Кат. № 1 рис. 2, *3*	слабо ожелезн.	Песок (0,25). Средняя	2,5	1:3	?	Г + Д
Кат. № 6; рис. 2, *5*	+	Песок (0,7 мм). Сильная. Бурый железняк ед. (0,2)	-	-	?	Г
Кат. № 4; рис. 2, *6*	+	Песок (0,7). Сильная. Бурый железняк ед. (0,2)	2,0	1:7–1:10	?	Г + Д?
Кат. № 3; рис. 2, *2*	+	Песок (0,7). Сильная. Бурый железняк ед. (0,2)	2,0	ед.	?	Г + Д?
Кат. № 5; рис. 2, *4*	слабо ожелезн.	Песок (0,5 мм). Средняя. Известняк единично (0,2)	1,0	1:8–1:10	?	Г + Д?
Кат. № 10; рис. 2, *1*	+	Песок (0,7). Сильная	-	-	?	Г

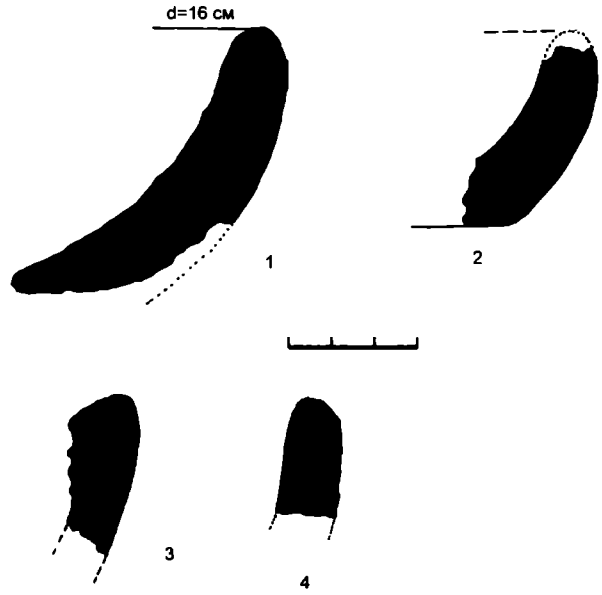


Рис. 3. Тигли неопределенного типа

в сечении ручка. Объем ковша удалось определить только в одном случае: он составил около 5 мл.

Один из тиглей (рис. 2, *2*) был найден в слое 1-Б, второй (рис. 2, *1*) связан с самым нижним горизонтом верхнего слоя 1-В. В нем практически не было ошлакованной в пожаре керамики, что свидетельствует о том, что слой отложился до крупного пожара на городище. Особенностью этого горизонта было полное отсутствие лощеной посуды. Для керамического комплекса характерны баночные и слабопрофилированные формы сетчатых и гладкостенных горшков. В гораздо меньшем количестве отмечены профилированные сосуды. Таким образом, верхняя граница горизонта 1-В может быть датирована временем не позднее I–II в. н. э.

По нашему мнению, два последних плавильных сосуда следует выделить в отдельную разновидность втульчатых тиглей. К сожалению, малое количество экземпляров, а также отсутствие хорошо опубликованных данных по памятникам Верхней и Средней Оки не позволяет делать какие-либо выводы об ареале их распространения и происхождении.

В отношении технологии производства изготовления льячек Ростиславльского городища нужно отметить, что изделия несколько различались и по исходному глинистому сырью, и по составу формовочных масс (табл. 3).

Четыре льячки из шести (рис. 2, *1, 2, 5, 6*) были изготовлены из ожелезненных сильнозапесоченных глин с большим содержанием пылевидного песка. Остальные две (рис. 2, *3, 4*) – из слабоожелезненной глины, после обжига приобретшей светлый кремовый оттенок. Особенности естественной песчаной примеси двух этих льячек позволяют предположить, что они были изготовлены из одного и того же глинистого сырья. Его можно оценить как сырье средней запесоченности, концентрация песка в котором составляет примерно 1:4–1:6; размер зерен в основном колеблется в пределах 0,1–0,2 мм, единичные зерна достигают 0,5 мм.

Зафиксировано два рецепта составления формовочных масс: глина без каких-либо примесей (Г) и «глина + дресва» (ГД). Оценка происхождения редких отпечатков мельчайших (не более 0,2–0,3 мм) травянистых частиц, которые фиксировались во всех образцах, не поддается однозначному определению. Их естественный или искусственный характер в формовочной массе не может быть установлен из-за единичности отпечатков. Наличие мельчайших пор, стенки которых изредка были покрыты белым налетом, не исключает использование жидкого органического раствора.

Дресва в сравнительно высокой концентрации (1:3) зафиксирована только в одном образце (рис. 2; 3). В других случаях, когда дресва отмечена в формовочной массе льячек в виде незначительных концентраций или единичных включений, она могла иметь случайное происхождение. Нет оснований связывать столь малые концентрации со специальным введением дресвы. В целом, можно говорить о двух традициях составления формовочной массы – с дресвой и без дресвы.

Примечательно, что отмеченные технологические различия в области составления формовочных масс тиглей, а также в области отбора исходного глинистого сырья никак не связаны с морфологическими различиями тиглей.

Судя по следам внутри чаш, большая часть тиглей (4 экз.) находилась в пользовании (рис. 2, *1, 3, 5;6*). Об этом можно судить по разным проявлениям остатков на внутренней поверхности чаши. Зачастую они представляют собой слабо заметные ободки, как бы маркирующие наполнение чаши. Это могут быть, к примеру, красные плотные пленки, похожие на металл (рис. 2, *5*); налет беловатого цвета (рис. 2, *6*); черный блестящий нагар, похожий на нагар органического происхождения, оставшийся на сосудах после приготовления продуктов (рис. 2, *3*); или темные следы неясной структуры (рис. 2, *1*).

Четыре льячки, на которых были обнаружены следы использования, исследовались с помощью рентгено-спектрального анализа. Рентгено-спектральный анализ сходен с рентгено-флюоресцентным (РФА), который на сегодняшний день успешно применяется в археологии. Как и РФА, рентгено-спек-

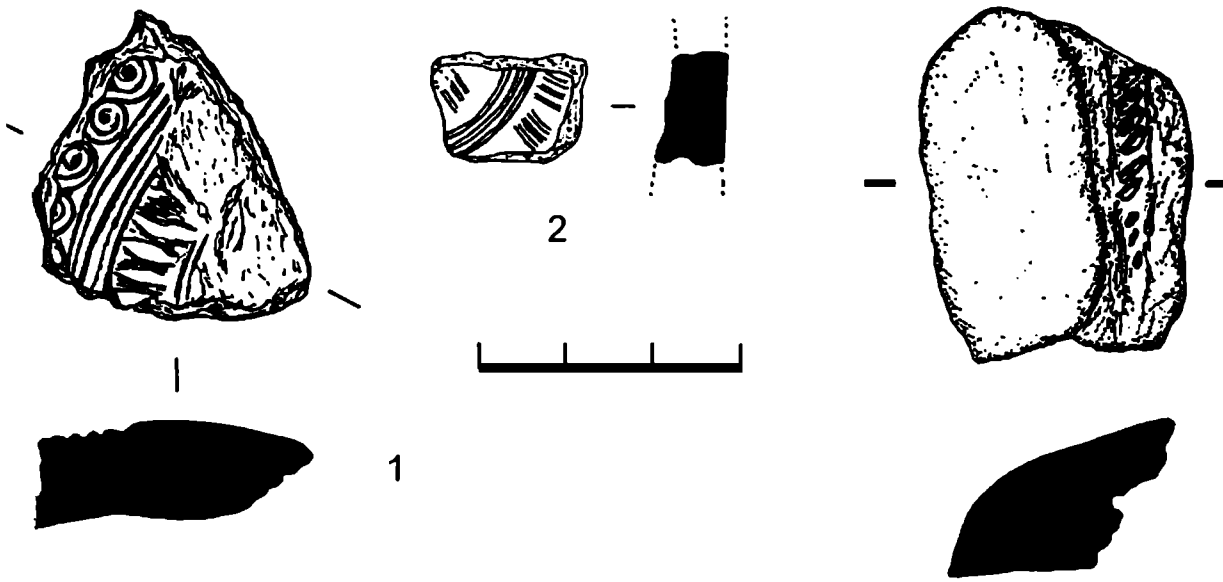


Рис. 4. Литейные формы для изготовления украшений по выплавляемой модели

тральный анализ позволяет определить качественный химический состав поверхности исследуемого объекта. Отличие заключается в глубине проникновения (у рентгено-спектрального анализа она меньше – до 5 микрон) и в пороге чувствительности (у рентгено-спектрального анализа он также меньше – 0,1 %). Анализы были проведены на базе ООО «Системы для микроскопии и анализа» на растровом электронном микроскопе Quanta 200 3D. Использовался энерго-дисперсионный спектрометр EDAX. В процессе исследования сравнивался химический состав внешней поверхности льячек и внутренней поверхности чаш. В трех случаях (рис. 2, *1, 3, 6*) анализ показал наличие на внутренней поверхности чаш олова и свинца, в одном (рис. 2, *5*) – только олова.

Фрагменты тиглей неопределенного типа. К этой группе находок следует отнести четыре обломка плавильных сосудов, от которых сохранились лишь небольшие фрагменты (рис. 3). По всей видимости, два тигля представляли собой невысокие толстостенные сосуды, диаметр которых значительно превышал высоту (рис. 3, *1;2*). У одного экземпляра он составлял около 160 мм при высоте сосуда не менее 70 мм. Этот сосуд также имел очень толстые стенки – до 20 мм. На внутренней стороне ковша прослеживаются медные окислы (рис. 3, *1*). От второго подобного сосуда сохранился фрагмент стенки и часть дна. По морфологическим признакам ростиславльские находки обнаруживают сходство с плавильными чашами, известными в материалах памятников эпохи бронзы (*Пряхин,* 1996. С. 60–74).

Оба тигля происходят из нижних горизонтов вала, состоявших из мешанного культурного слоя. Керамический комплекс этих горизонтов включал гладкостенную и сетчатую керамику, причем первая доминировала. Также следует отметить присутствие в комплексе обломков сосудов, в том числе штрихованных, с отпечатками гребенчатого штампа. Отсюда же происходила костяная рукоять с грибовидным навершием. В целом, несмотря на переотложенный характер культурного слоя, найденные в нем обломки плавильных сосудов могут относиться к достаточно раннему времени. Так, на дьяковских москворецких памятниках керамика, орнаментированная гребенчатыми отпечатками, датируется временем не позднее V в. до н. э. Этому не противоречит датировка рукояти с грибовидным навершием (*Гоняный, Кренке,* 1988. С. 54; *Кренке,* 1987. С. 75; *Смирнов,* 1974. С. 39).

Остальные фрагменты тиглей (рис. 3, *3;4*), отнесенных нами к группе плавильных сосудов неопределенных типов, представляют собой обломки верхней части ковшей. На внешней и на внутренней поверхности фрагментов заметны следы использования: тигельные шлаки, следы воздействия высоких температур, застывшие капли металла.

Один из фрагментов (рис. 3, *4*) был найден в 1999 г. в заполнении ямы 164, предназначавшейся, по всей видимости, для установки крупного столба. Фрагменты средневековой русской керамики, найденные в нижней части заполнения ямы, позволяют датировать ее не ранее XIII–XIV вв. Индивидуальные находки из ямы (обломок чернолощеного пряслица, керамический шарик, обломок грузика дьякова типа и обломок железного гарпуна) относятся к более раннему времени – дьяковской эпохе и раннему средневековью.

Еще один фрагмент тигля (рис. 3, *3*) происходит из верхнего горизонта слоя 2, заполнение ко-

торого представляло собой сильно перемешанные остатки построек.

Технологическую информацию о тиглях неопределенной формы в полном объеме удалось выявить только по фрагментам двух изделий (рис. 3, *1;2*). Остальные два фрагмента венчиков чаш тиглей были сильно преобразованы под воздействием высоких температур (табл. 4).

Фрагмент плавильной чаши (рис. 3, *1*) был изготовлен из глинистого сырья, существенно отличавшегося от того, которое использовалось для остальных ранних тиглей. Оно представляло собой слабоожелезненную и слабозапесоченную (единичные песчинки размером менее 0,1 мм) глину, которая при 800°С обжиге в муфельной печи окрасилась в светло-кремовый цвет. Другой фрагмент плавильного сосуда (рис. 3, *2*) изготовлен из ожелезненного сильнозапесоченного глинистого сырья. В нем преобладала естественная примесь пылевидного песка (менее 0,1 мм), а также содержалось значительное количество песчинок размером около 1,0 мм.

Два фрагмента венчиков чаш тиглей (рис. 3, *3;4*) сильно остеклованы, поэтому информация об использованном сырье для них недоступна.

Вид искусственной примеси определен для всех четырех образцов: так же как и в ранних ложковидных тиглях без втулки, в этом качестве выступала растительная примесь в виде отходов молотьбы. Во фрагменте плавильной чаши и дна тигля она была представлена только отпечатками округлых чешуй (предположительно, проса) размером не более 2,5–3,0 мм. Округлые дуговидные отпечатки преобладали и во фрагментах венчиков тиглей. Наибольшая концентрация растительной примеси зафиксирована в формовочной массе плавильной чаши, где она составила примерно 2:1. В остальных изделиях ее пропорция меньше.

Фрагмент плавильной чаши примечателен сохранившимися на нем следами плавки, имевшей вид остеклованной внутренней поверхности черного цвета и капель меди внутри. При этом внешняя поверхность чаши не несет следов остекловывания и имеет светло-коричневую окраску. Можно предполагать, что подобные следы свидетельствуют о применении особого способа плавки, исследованного, например, на материалах Мосоловского поселения срубного времени (*Саврасов*, 1996. С. 147–148).

Литейные формы для изготовления украшений по выплавляемой модели. На Ростиславле были найдены три фрагмента глиняных литейных формочек для отливки украшений по выплавляемой модели (рис. 4; кат. № 9–10). В двух случаях это могли быть ажурные бляшки или подвески умбоновидной формы, орнамент которых состоял из чередующихся спиралей, соединенных перпендикулярными перемычками. На одном экземпляре сохранились волюты, идущие, вероятно, по краю украшения. При изготовлении форм использовались сборные модели. Их части были изготовлены из отрезков провощеных одинарных нитей толщиной около миллиметра.

Третий фрагмент представлял собой край литейной формы (рис. 4, *3*). Назначение украшения, отливавшегося в ней, определить невозможно. Судя по сохранившемуся отпечатку, при изготовлении восковой модели украшения была использована двойная перевитая нить толщиной около 1,5 мм. Литейная форма имела плоское дно и закругленный верх, что свидетельствует о том, что ее формовка проходила на плоской подставке.

Все формочки были найдены в нижнем слое городища (слой 2). Обломки двух формочек (рис. 4, *1–2*) были связаны с заполнением одной из построек слоя. Нельзя также исключать того, что формочки могли попасть в заполнение постройки из верхнего горизонта слоя 2. Керамический материал, найденный в заполнении постройки (фрагменты сетчатых и гладкостенных сосудов баночных и слабопрофилированных форм), и некоторые индивидуальные находки (черешковый одношипный костяной наконечник стрелы) указывают на достаточно раннюю дату. Ниже постройки были расчищены остатки сооружения, из которого происходит железный наконечник стрелы типа «ласточкин хвост», датирующийся IV–III вв. до н. э. Таким образом, комплекс постройки, где были найдены обломки литейных форм, предварительно может быть продатирован пределами: последней трети I тыс. до н. э., что не противоречит датировкам подобных находок с других памятников.

Наиболее близкие аналогии ростиславльским формочкам происходят с Мутенковского городища, находящегося приблизительно в 30 км от Ростиславля. Найденный там комплекс литейных форм датируется по аналогиям IV–III вв. до н. э. – концом I тыс. до н. э. В москворецком бассейне близкие украшения известны на городище Настасьино, где они датируются II в. до н.э. – I–II вв. н. э. (*Сапрыкина*, 2005. С. 207–208). В качестве возможных аналогий необходимо также упомянуть обломок формы для отливки похожего украшения с Щербинского городища (*Дубынин*, 1974. Табл. XVII, *11*) и ажурную нашивную бляшку, чрезвычайно близкую по стилю украшению с ростиславльской формочки, найденную на Кунцевском городище (МИГМ. ОФ 24677/248).

Все три формы снаружи имеют светло-коричневую и интенсивно черную окраску внутри. Подобные цветовые различия, скорее всего,

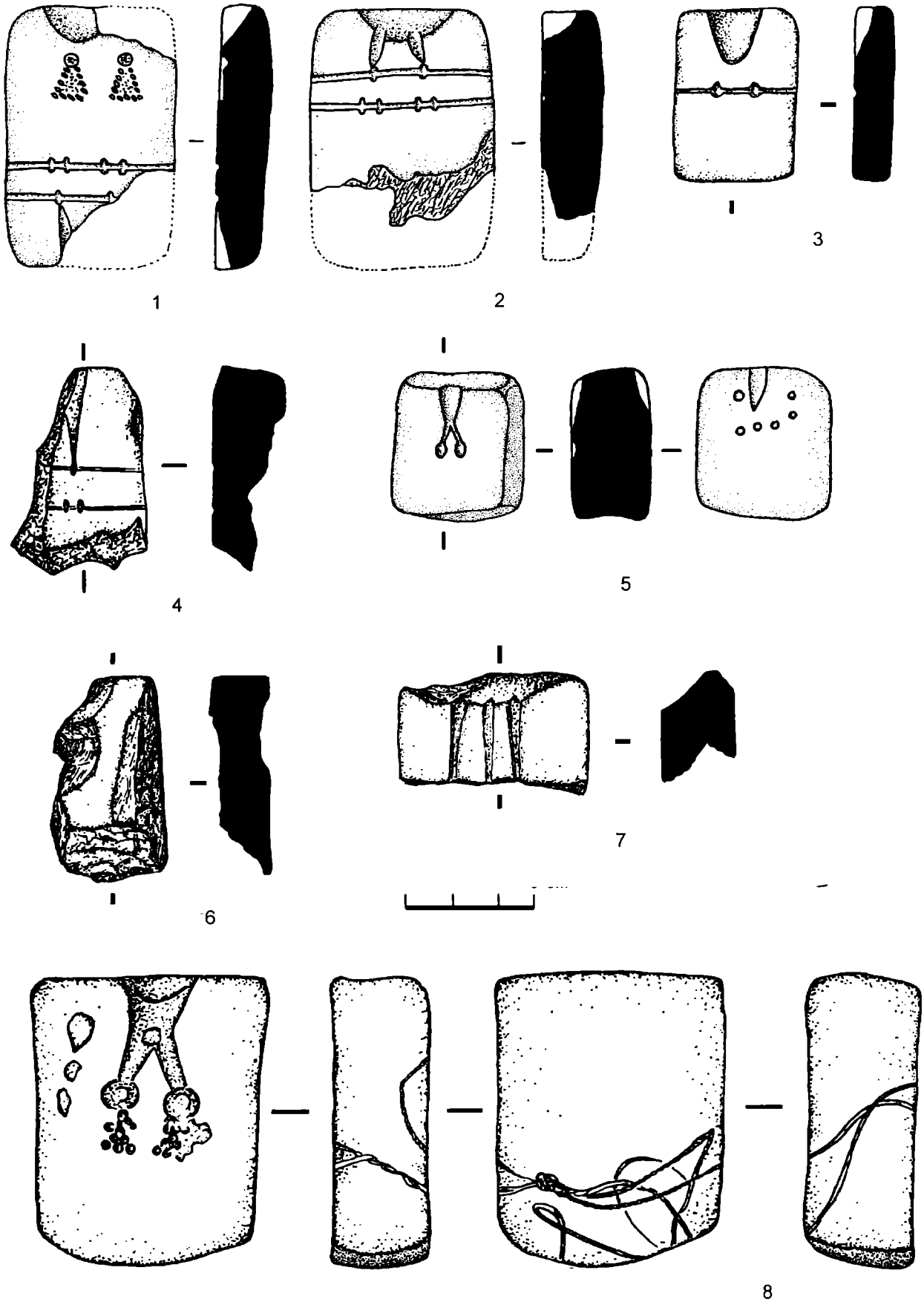


Рис. 5. Составные литейные формы

объясняются тем, что внутри закрытой цельной формы во время температурного воздействия создавалась восстановительная среда, а снаружи – окислительная.

Сырьем для изготовления двух форм (рис. 4, *2;3*) послужило ожелезненное сильнозапесоченное глинистое сырье (табл. 5), причем оно различалось по составу разных размерных фракций песка.

В первом случае максимальный размер песчинок не превышал 0,3 мм и преобладал пылевидный песок (менее 0,1 мм), а во втором состав песчаной примеси был более грубым – при преобладании пылевидного песка фиксировалось много песчинок размером около миллиметра.

Третья литейная форма (рис. 4, *1*) изготовлена из двух видов глин, образующих два слоя. Внутренний слой (с отпечатком изображения) состоит из сильнозапесоченной ожелезненной глины без искусственных примесей, сходной с той, из которой изготовлена одна из двух описанных выше форм (рис. 4, *2*). Внешний слой – слабоожелезненная глина (приобрела светло-кремовую окраску при обжиге в муфеле) средней запесоченности с искусственной примесью растительной органики в высокой концентрации. Внутренний слой (1–3 мм) гораздо тоньше внешнего (5–8 мм), причем двухслойность никак не связана с цветовыми различиями излома. Технологический прием изготовления литейных форм, при котором использовались два слоя формовочной массы разного состава, отмечен в литературе (*Bayley*, 1992. P. 7). В начале восковая модель покрывалась тонким слоем глины без искусственной примеси органики для получения отпечатка с ровной поверхностью, без каверн от выгоревших частиц, которые могли повлиять на качество поверхности отливки. Только потом накладывался второй слой формовочной массы с высоким содержанием растительной примеси.

В современном ювелирном производстве технология двойных смесей применяется в условиях единичного производства, в тех случаях, когда применение единой смеси дает значительный брак. Сначала модель покрывается слоем облицовочной смеси толщиной 15—20 мм, после чего сверху наносится слой наполнительной смеси (*Магницкий, Пирайнен,* 1996. С. 91).

Искусственная примесь растительной органики, зафиксированная в формовочной массе всех трех форм, была интерпретирована как отходы молотьбы. Зафиксированы отпечатки мелких, часто дуговидных частиц с гладкой поверхностью, концентрация которых весьма высока. На внутренней поверхности одного из обломков видны каверны от выгоревшей органики. Получение максимально подробной информации было затруднено опасением повредить небольшие по размерам изделия в процессе откалывания частей для изучения. Очевидно лишь, что отходы молотьбы подвергались специальному просеиванию. В формовочной массе литейных форм практически отсутствовали грубые частицы. Максимальный размер частиц составлял 0,5–0,7 мм, преобладающий – 0,3 мм и менее.

Присутствие растительной примеси в формовочных массах литейных форм делало их пористыми. Можно предположить, что дополнительное просеивание органической примеси уменьшало размеры пор, что, в свою очередь, способствовало получению изделия с качественной поверхностью.

Составные литейные формы. Восемь литейных форм, найденных на Ростиславле, представляют собой створки небольших составных глиняных формочек или их обломки (рис. 5). Судя по сохранившимся негативам, они предназначались для отливки мелких изделий – подвесок и нашивных бляшек. Как правило, на памятниках Восточной Европы второй половины I тыс. н. э. встречаются каменные формы подобного типа. Принято считать, что они применялись для изготовления мелких изделий из свинцово-оловянных сплавов (*Щеглова,* 2002. С. 134–135). В то же время, в лесной зоне известны находки составных глиняных формочек, которые, зачастую, предназначались для отливки тех же украшений, что и каменные. Они известны на позднедьяковских памятниках бассейна Москвы-реки (городища Дьяково, Луковня, Успенское), в Верхневолжье (Подол III) и в бассейне Оки (Огубское городище) (*Кренке, Тавлинцева,* 2002. С. 102. Рис. 6–7; *Фурасьев,* 1996. С. 51. Рис. 11, *9*; *Никольская,* 1959. С. 104. Рис. 36, *5–6*). Не исключено, что подобная традиция существовала и на Ростиславльском городище.

Необходимо отметить, что в ряде случаев литейные формы можно рассматривать не только как свидетельство существования ювелирного производства на том или ином памятнике, но и как полноценный источник информации о ювелирных изделиях, отливавшихся местными мастерами. К сожалению, с этой точки зрения Ростиславльские формочки предоставляют нам мало информации. Как будет показано в дальнейшем, из восьми формочек, найденных на памятнике, только две несут изображения, пригодные для дальнейшего анализа. На остальных образцах сохранились либо негативы для отливки петель крепления нашивных бляшек (рис. 5, *3–5*), либо отдельные фрагменты литниковых систем (рис. 5; *7*).

Одна из формочек предназначалась для отливки четырех мелких нашивных трапециевидных

Таблица 4. Технологические особенности тиглей неопределенного типа

Шифр	Исходное сырье		Искусственные примеси			Рецепт форм. массы
	Ожелезн.	Естеств. примеси. Наименование (максим. размер, мм). Степень запесоченности	Минеральные (дресва)		Органич. (отходы молотьбы)	
			разм., мм	концентр.		
Кат. № 13; рис. 3, *1*	слабоожелезнен.	Песок (<0,1 мм). Слабая	-	-	2:1	Г + О
Кат. № 14; рис. 3, *2*	ожелезн.	Песок (1,2 мм). Сильная	-	-	1:1	Г + О
Кат. № 7; рис. 3, *3*	нет данных	нет данных	-	-	1:1	Г + О
Кат. № 2; рис. 3, *4*	нет данных	нет данных	-	-	1:1	Г + О

Таблица 5. Технологические особенности форм для отливки украшений по выплавляемой модели.

Шифр	Исходное сырье		Искусственные примеси			Рецепт форм. массы
	Ожелезн.	Естеств. примеси. Наименование (макс. размер, мм). Степень запесоченности	Минеральные (дресва)		Органич.	
			разм., мм	концентр.		
Кат. № 10; рис. 4, *1*	1) ожелезн. 2) слабо ожелезн.	1) Песок (< 0,3). Сильная. 2) Песок (< 0,2). Средняя	- -	- -	1) - 2) отходы молотьбы	1) Г 2) Г + О
Кат. № 9; рис. 4, 2	ожелезн.	Песок (< 0,3). Сильная.	-	-	Отходы молотьбы	Г + О
Кат. № 11; рис. 4, 3	ожелезн.	Песок (1,0). Сильная. Известняк ед. (0,3)	-	-	отходы молотьбы 1:1	Г + О

бляшек. Эта находка представляет особую ценность, так как в данном случае сохранились практически целиком обе створки формы (рис. 5, *1;2*). Они были найдены на расстоянии около 2 м друг от друга, на площади одного квадрата. Створки имеют одинаковые размеры и хорошо совмещаются друг с другом. Глинистое сырье и формовочные массы, из которых были изготовлены обе половинки формы, также аналогичны. В качестве сырья выступила сильнозапесоченная глина с высоким содержанием пылевидного песка (менее 0,1 мм), а формовочная масса была составлена по рецепту «глина + раствор» органического происхождения (подробности см. ниже). Степень сохранности формы позволяет надежно реконструировать тип изделий, отливавшихся в ней. Они представляли собой трапециевидные бляшки с круглой головкой и рубчиками по периметру. На тыльной стороне бляшки имели три петельки крепления: одна располагалась с внутренней стороны головки и две – по краям основания трапеции.

Литейная форма имеет следующие особенности:

– Литниковые каналы, соединявшие чашу с негативами, присутствуют только на створке с негативами петель крепления.

– Каналы для стержневых вставок размещались только на створках с негативами петель крепления.

– Верхние негативы петель крепления не соединены с нижними дополнительными каналами.

– Негативы на створках совмещались особым образом: на каждой створке с одного края были расположены негативы бляшек, а с другого – негативы петель крепления, которые совмещались с негативами бляшек на второй створке, в свою очередь, несшей негативы петель крепления для первой пары бляшек (рис. 5, *1–2*).

Возможно, для отливки аналогичных украшений использовалась еще одна глиняная форма, от

Таблица 6. Технологические особенности составных литейных форм.

Шифр	Исходное сырье		Искусственные примеси			Рецепт форм. массы
	Ожелезн.	Естеств. примеси. Наименование (макс. размер, мм). Степень запесоченности	Минеральные (дресва)		Органич.	
			разм., мм	концентр.		
Кат. № 3; рис. 5, *2*	ожелезн.	Песок (0,5). Сильная	-	-	раствор?	Г + О?
Кат. № 2; рис. 5, *1*	ожелезн.	Песок (0,). Сильная	-	-	раствор?	Г + О?
Кат. № 5; рис. 5, *4*	слабо ожелезн.	Песок (0,5). Средняя	0,80	Известняк 1:3	раствор?	Г + Д + О?
Кат. № 4; рис. 5, *8*	слабо ожелезн.	Песок (0,5). Слабая	3,50 3,75	Известняк 1:4 Шамот 1:5	раствор?	Г + Д + Ш + О?
Кат. № 1; рис. 5, *5*	ожелезн.	Песок (0,5). Сильная	-	-	раствор?	Г + О?
Кат. № 7; рис. 5, *6*	ожелезн.	Песок (0,5). Слабая Известняк (1,0), высокая концентр.	-	-	раствор?	Г + О?
Кат. № 6; рис. 5, *7*	ожелезн.	Песок (0,3). Сильная	-	-	раствор?	Г + О?
Кат. № 8; рис. 5, *3*	ожелезн.	Песок (0,7). Сильная		Дресва гранитно-гнейсовая, ед.	раствор?	Г + Д? + О?

которой сохранился только небольшой фрагмент створки с негативами крепежных элементов (рис. 5, *4*). Конструкция формы аналогична описанной выше. Тем не менее, при анализе ее формовочной массы выяснились существенные отличия как в выборе сырья, так и в рецептуре формовочной массы (табл. 6). В данном случае для изготовления формы была выбрана слабоожелезненная среднезапесоченная глина, а в формовочной массе, наряду с органическими, были отмечены минеральные примеси (глина + дресва + раствор органического происхождения). В качестве дресвы использовалась примесь мелкого известняка высокой концентрации (1:3 – 1:2). Частицы остроугольные, имеют стабильный размер от 0,1 до 0,8 мм, что дает возможность предполагать наличие сортировки примеси, ее просеивания. Если допустить, что описанные выше формы использовались для производства одних и тех же украшений, то следует признать, что изготавливали их разные мастера, пользовавшиеся как разными источниками сырья, так и разной рецептурой.

Что касается самих украшений, то они хорошо известны в синхронных археологических материалах второй половины I тыс. н. э. На сегодняшний день на территории Восточной Европы учтено больше десяти памятников, на которых были найдены трапециевидные нашивные бляшки и подвески разных типов. В основном они представлены в виде изображений на формах, но известны и их отливки, изготовленные из свинцово-оловянных сплавов (например, Великие Будки, Старая Ладога). География распространения украшений этого типа обширна: Побужье, Поднестровье, верховья Западной Двины, Днепра, Верхней Волги, Северо-Западный регион (*Щеглова,* 2002. С. 139–140. Рис. 2).

В настоящий момент Ростиславль является крайней восточной точкой изготовления подобных украшений. Подвески не находят аналогий в местных москворецко-окских древностях и, таким образом, могут считаться заимствованными. Полными аналогиями изображениям на нашей формочке следует рассматривать украшения, негативы которых представлены на формочках из Камно и Изборска (*Щеглова,* 2002. С. 139. Рис. 2, *23–24*). Помимо этого, близкие изображения встречаются на памятниках, сосредоточенных на водоразделе Верхнего Днепра, Западной Двины, Верхней Волги и Оки. Некоторые памятники (Осечен, Никодимово) относятся к третьей четверти I тыс. н.э. Мож-

но предположить, что традиция изготовления подобных украшений могла попасть в бассейн Средней Оки именно из этого региона.

Одну из наиболее интересных находок представляет собой формочка, найденная в 2002 г. и предназначавшаяся для отливки двух украшений, по всей видимости, подвесок, щитки которых были составлены из шариков ложной зерни (рис. 5, *8*). Ложная зернь встречается на целом ряде позднедьяковских украшений I тыс. н.э., отлитых по восковой модели. Застежки, украшенные ложной зернью, известны и в рязано-окских могильниках на Средней Оке (Шатрищенский, Кораблино, Дубровический), однако там использование подобного декоративного элемента связывается с москворецкими дьяковскими традициями (*Белоцерковская,* 1998. С. 44, 47–48).

На внешних гранях формы сохранились отпечатки двойной перевитой нити, завязанной узлом. Характер отпечатка свидетельствует о том, что створка могла быть привязана к чему-то до полного ее высушивания.

Среди остальных формочек определенный интерес представляет форма, найденная в 1998 г. (рис. 5, *5*). Возможно, эта находка была неудачной заготовкой, не доведенной до конца, или пробным изделием. На эту мысль наводит наличие негативов на обеих гранях формы, не свойственных глиняным формам, а также характер самих изображений. Находка представляет собой половинку составной глиняной формы, сохранившейся полностью, ее размеры – 27–30 х 33 (h) х 19 мм. На ней размещена литниковая чаша диаметром 6–7 мм, от которой отходят два канала длиной 4–5 мм, соединяющие ее с двумя негативами для отливки петель крепления. Канал для вставного стержня, с помощью которого в ушках получалось отверстие, отсутствует. На противоположной грани формы расположен небольшой узкий литничек и беспорядочно разбросанные круглые лунки, никак с ним не связанные.

Исследование технологических особенностей составных литейных форм городища Ростиславль показало существование различий в особенностях отбора сырья и составления формовочных масс для их изготовления (табл. 6).

Глинистое сырье отличается по степени ожелезненности (ожелезненное и слабоожелезненное), по степени запесоченности (сильно-, средне- и слабозапесоченное, причем первое преобладало), по составу естественных минеральных примесей. Так, для изготовления одной формы (рис. 5, *6*) использовано глинистое сырье с обильной примесью известняка, естественное происхождение которого подтверждается преобладанием мельчайших частиц известняка размером 0,1–0,2 мм и менее.

Разнообразны и рецепты формовочных масс составных форм. Это «глина + органика» (?),«глина + дресва + органика» (?),«глина + дресва + шамот + органика» (?). В качестве искусственной органической примеси можно допустить использование раствора органического происхождения. Вместе с тем, наличие органики везде стоит под вопросом, так как концентрация мельчайших травянистых частиц (размер не более 0,5 мм), оставивших свои отпечатки, была слишком незначительной, чтобы судить о ее специальном введении в формовочную массу. Наличие пор, наблюдавшихся в изломах, можно связывать со следами органического раствора только приблизительно, поскольку стенки пор, как правило, не несли никаких следов.

В качестве искусственной минеральной примеси использовались также разные компоненты – гранитно-гнейсовая дресва в виде единичных включений (рис. 5, *3*), известняковая дресва (рис. 5, *4*), известняковая дресва в сочетании с шамотом, изготовленным из ошлакованной керамики. Последний специфический рецепт был использован при создании формы для отливки подвесок с ложной зернью (рис. 5, *8*). Общая концентрация шлака и известняка составляла примерно 1:3 (часть примеси на три части глины), при этом кусочки шамота и известняка достигали крупных размеров – 3,75 и 3,5 мм соответственно, что не лучшим образом сказалось на качестве отпечатка и в дальнейшем могло повлиять на внешний вид изделий, отливавшихся в этой форме.

По сравнению с синхронными составными формами Дьякова городища, технологические особенности форм Ростиславля показывают большее разнообразие (*Лопатина,* 2002). Отмечено, что для изготовления форм с Ростиславля в основном отбиралась сильно запесоченная глина, не характерная для формочек с Дьякова городища. Не свойственно для Дьякова и добавление в формовочную массу форм искусственных минеральных примесей. Вместе с тем, наиболее распространенным рецептом формовочных масс составных литейных форм как Дьякова городища, так и Ростиславля остается «глина + раствор органического происхождения».

С точки зрения планиграфии, все находки составных литейных форм распределены по площади раскопа достаточно равномерно, без скоплений, не связаны с заполнением каких-либо сооружений. Подавляющее большинство формочек относится к верхнему слою памятника. Из слоя 1-А и относящихся к нему перекопов (отвалы грабительских

ям) происходит пять формочек. Их датировка в значительной степени затруднена как из-за степени их сохранности, так и из-за переотложенного характера самого слоя. Связь формочек с верхним горизонтом культурного слоя может служить косвенным свидетельством их относительно поздней даты. Это подтверждается находками на Дьяковом городище, где подобные формочки происходили из верхнего горизонта верхнего слоя памятника (*Кренке, Тавлинцева,* 2002. С. 92). Из пяти находок только одна была обнаружена в условиях, предполагающих некоторую хронологическую привязку. Одна из створок формы для отливки трапециевидных нашивных бляшек (рис. 5, *1*) была найдена в пределах скопления ошлакованной керамики. На соседнем участке на такой же глубине был обнаружен развал лощеного ошлакованного сосуда. На Ростиславльском городище подобные находки маркируют слой сильного пожара, который случился, по-видимому, в финальный период существования поселения. На сегодняшний день датировка этого события нуждается в уточнении, однако отдельные находки позволяют предположить, что это могло произойти в середине I тыс. н.э. (*Медведь,* 2007. С. 56). Тот факт, что вторая створка этой формочки была найдена в непосредственной близости от первой, свидетельствует в пользу ее положения *in situ*. Тем не менее, полной уверенности в том, что формочка для отливки трапециевидных бляшек синхронна горизонту пожара, у нас нет. К группе находок, связанных с верхними горизонтами памятника, можно также отнести обломок формочки для отливки трапециевидных подвесок (?) (рис. 5, *4*). Она была найдена в слое 1-Б практически на соприкосновении с горизонтом А.

Одна из формочек, на которой сохранились негативы петель крепления (рис. 5, *3*), происходит из слоя 1-В, что предполагает ее достаточно раннюю датировку – в пределах первых веков н. э. В связи с этим следует отметить, что традиция изготовления мелких нашивных свинцово-оловянных украшений издавна существовала в бассейне средней Оки у населения культуры рязано-окских могильников. Наиболее ранние сохранившиеся образцы подобных украшений происходят из погребения 42 Кошибеевского могильника, которое может быть датировано III в. н.э. (*Тавлинцева,* 2000.С. 114). На Окско-Донском водоразделе (городище Щепилово) находка глиняной формочки этого типа связана с третьим хронологическим горизонтом мощинской культуры, который датируется второй половиной IV в. (*Воронцов*, 2008. Рис. 2, III, *6*).

Из всех находок этого типа только одна формочка была найдена в верхней части слоя 2 (рис.5, *5*), что указывает на ее достаточно раннее время. Тот факт, что большинство формочек этого типа было найдено в вышележащих слоях, позволяет предположить, что форма из слоя 2 могла попасть туда вследствие перекопа. Однако ее перемещение в слое могло быть незначительным. В пользу ранней датировки говорит находка литейной формы этого типа в слое 1-В.

Таким образом, в результате исследования тиглей и литейных форм городища Ростиславль было выделено две группы изделий, связанных с производством украшений из цветных металлов.

Первую группу составляют тигли и литейные формы, использовавшиеся для производства украшений из сплавов на основе меди. Это ложковидные тигли с массивной рукоятью без втулки и обломки литейных форм для изготовления ажурных украшений по выплавляемой модели. Сходные традиции отбора исходного сырья (преимущественно сильнозапесоченная глина) и составления формовочной массы («глина + отходы молотьбы») свидетельствует о существовании во второй половине I тыс. до н.э. устойчивой традиции изготовления керамических изделий, связанных с бронзолитейным производством. Вместе с тем, стандартная технология производства этих предметов могла быть следствием необходимости строгого соблюдения определенных технологических условий, требуемых для успешного проведения сложного процесса плавки и литья бронзы.

Данные стратиграфии Ростиславльского городища, а также аналогии, прослеженные на памятниках раннедьяковского времени бассейнов Оки и Москвы-реки, позволяют датировать группу этих изделий второй половиной I тыс. до н. э.

К этой же группе можно отнести два предмета, чьи морфологические признаки указывают на то, что они могут быть обломками плавильных чаш. По технологии изготовления эти предметы близки к тиглям и литейным формам первой группы. Стратиграфия и планиграфия этих находок свидетельствует о том, что они, скорее всего, датируются более ранним временем.

Вторая группа представлена находками, предположительно связанными с производством изделий из свинцово-оловянных сплавов. Она включает ложковидные тигли с втульчатой ручкой и составные глиняные формы для отливки мелких украшений. Археологические данные говорят о том, что подобные изделия бытовали в течение длительного периода времени. Появившись, скорее всего, в первых веках н.э., они продолжали использоваться вплоть до прекращения существования раннесредневекового поселения на Ростиславле.

Ассортимент украшений, производившихся на

Ростиславле в I тыс. н. э., включал, наряду с украшениями, изготовленными в местных москворецко-окских традициях, заимствованные образцы. Есть основания полагать, что эти заимствования произошли на финальном этапе существования памятника.

По технологическим характеристикам формы с Ростиславля имеют определенное сходство с формочками Дьякова городища, где самым распространенным рецептом составления формовочной массы было добавление органической примеси (вероятно, раствора) в пластичную слабо запесоченную, часто неожелезненную глину. В тоже время на Ростиславле наблюдается большее разнообразие видов формовочной массы и использованного глинистого сырья. Отличительной особенностью Ростиславльских изделий является использование примеси дробленого известняка в качестве искусственно введенной минеральной добавки. Все это говорит об иных традициях отбора исходного сырья и подготовки формовочной массы.

Ростиславльские литейные формы и тигли находят многочисленные аналогии среди древностей с памятников Оки и Москва-реки, что свидетельствуют о том, что во второй половине I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. местное ювелирное производство развивалось в рамках традиций, общих для памятников москворецко-окского бассейна.

Приложение 1. Тигли

1. Тигель ложковидной формы с небольшим сливом на краю ковша (рис. 2, *3*). Найден в 1998 г. (раскоп V, участок А, № по п/о 129; МИГМ, ОФ 31695/479). Длина – 55 мм, высота – 20 мм. Диаметр ковша – 33 мм, толщина стенок – 4,5 мм, объем – около 5 мл. Нижняя часть тигля плоская, немного подрезанная, дно ковша плавно переходит в рукоять, длина которой составляет 21 мм. Сечение рукояти круглое, диаметр – 14 мм. При переходе верхней части ковша в рукоять заметен небольшой уступ, внутри рукояти имеется втулка длиной 20 мм и диаметром около 6 мм. На внутренней поверхности чаши заметены небольшие пятна нагара (черного цвета, блестящие, с пузырьками внутри). Эти пятна очень похожи на нагар на стенках обычных сосудов.

2. Обломок тигля (рис. 3, *4*). Найден в 1999 г. (раскоп V, участок Б, № по п/о 72). Размер 48х32 мм. Толщина – 14–15 мм. С внешней и внутренней стороны прослеживаются следы соприкосновения с расплавленным металлом и следы воздействия высоких температур: тигельные шлаки красноватого цвета и капли бронзы. На поверхности фрагмента явные следы плавки металла (бронзы?) в виде «шапки» остеклованной массы местами малинового оттенка с пузырьками внутри. Внутри массы наблюдаются капли бронзы (?) зеленого цвета.

3. Обломок тигля ложковидной формы (рис. 2, *2*). Найден в 2000 г. (раскоп V, участок В, № по п/о 144; МИГМ, ОФ 32945/272). Часть ковша и ручки утрачены. Длина сохранившегося фрагмента – 52 мм, высота ковша – 28 мм. Диаметр ковша – 35 мм, толщина стенок – 11–13 мм, объем – около 5 мл. Нижняя часть ковша закруглена, ручка короткая, около 16 мм, сечение круглое. В нижней части рукояти сохранилась часть втулки длиной 19 мм и диаметром 3,5–4 мм. Визуальный осмотр внутренней поверхности чаши не выявляет следов использования.

4.Тигель ложковидной формы с небольшим сливом на краю ковша (рис. 2, *6*). Найден в 2002 г. (раскоп V, участок Д, № по п/о 218; МИГМ, ОФ 32946/351). Длина – 60 мм, высота – 21 мм. Диаметр ковша – 34,5 мм, толщина стенок – 4–6 мм, объем – около 6 мл. На краю ковша небольшой скол. Нижняя часть ковша плоская. Ручка массивная, круглая в сечении, в нижней части немного приплюснутая. Длина рукояти 30 мм. Внутри ручки имеется втулка диаметром 10 мм. Длина втулки 28 мм. Со следами использования можно связывать полосу беловатого цвета на внутренней поверхности чаши, маркирующую ее наполнение каким-то веществом.

5. Тигель ложковидной формы с небольшим сливом на краю ковша (рис. 2, *4*). Найден в 2002 г. (раскоп V, участок Д, № по п/о 220; МИГМ, ОФ 32946/352). Половина ковша утрачена. Длина сохранившегося фрагмента – 37 мм, высота ковша – 17 мм. Диаметр – около 30 мм, толщина стенок – 4–5 мм, объем – около 5 мл. Дно ковша плоское, при переходе в ручку образует небольшой уступ, верхняя часть ковша плавно переходит в ручку, внутри ручки имеется втулка диаметром 6 мм и длиной 20 мм. Сечение рукояти круглое, диаметр – 13,5 мм. Длина рукояти – 16 мм. Следов использования не наблюдается.

6. Тигель ложковидной формы с небольшим сливом на краю ковша (рис. 2, *5*). Найден в 2004 г. (раскоп V, участок Ж, № по п/о 163; МИГМ, ОФ 32947/503). Длина ковша – 61 мм, высота – 27 мм. Диаметр ковша – 28–29 мм, толщина стенок – 4–6 мм, объем – 5 мл. Нижняя часть тигля плоская, немного подрезанная, дно ковша плавно переходит в ручку, при переходе верхней части ковша к ручке отмечен резкий уступ. Длина рукояти – 29 мм, сечение круглое, чуть приплюснутое с боков. Внутри ручки имеется втулка диаметром 10 мм и длиной 25 мм. Прослеживаются трещины внутри чаши и снаружи по всей поверхности изделия. Окраска фрагмента тигля приобрела серый цвет после обжига в муфельной печи при температуре 800°. На внутренней поверхности чаши видны ярко-красные пятна, местами в виде ровной поло-

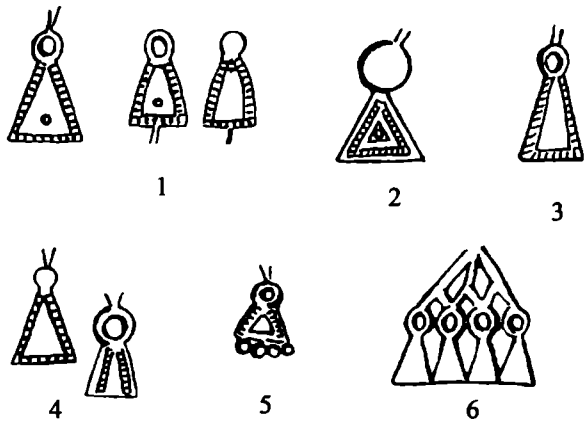


Рис. 6. Трапециевидные бляшки на литейных формах с памятников второй половины I тыс. н. э. (по О.А. Щегловой)

сы, маркирующие уровень наполнения чаши каким-то веществом.

7. Обломок тигля (рис. 3, *3*). Найден в 2004 г. (раскоп V, участок Ж, № по п/о 220; МИГМ, ОФ 32947/504). Размер 48,5х36 мм. Толщина – 12 мм. С внешней стороны прослеживаются следы небольшого остекловывания, на внутренней стороне видны тигельные шлаки и капли бронзы, на краю ковша – окислы красноватого цвета.

8. Обломок тигля ложковидной формы (рис. 1, *3*). Найден в 2005 г. (раскоп IV, участок В, № по п/о 187; МИГМ, ОФ 32948/196). Сохранилась большая часть ручки и часть ковша. Длина фрагмента – 62 мм, высота ковша – 31 мм. Толщина стенок ковша – 9–11 мм. Нижняя часть тигля плоская, дно ковша плавно переходит в рукоять, сечение рукояти трапециевидное, втулка отсутствует. Сбоку на рукояти видны небольшие следы остекловывания.

9. Обломок тигля ложковидной формы (рис. 1, *4*). Найден в 2005 г. (раскоп IV, участок В, № по п/о 189; МИГМ, ОФ 32948/197). Сохранился небольшой фрагмент ковша и примыкающая к нему часть рукояти. Длина фрагмента – 32 мм, высота – 28,5 мм. Толщина стенок ковша – 5-6 мм. Нижняя часть тигля плоская, дно ковша плавно переходит в рукоять, сечение рукояти – в виде вытянутой трапеции, втулка отсутствует.

10. Обломок тигля ложковидной формы с втулкой (рис. 2, *1*). Найден в 2005 г. (раскоп V, участок Ж). Часть ковша утрачена. Длина сохранившегося фрагмента – 45 мм, высота ковша – 22,5 мм. Толщина стенок ковша – 7–8 мм, в придонной части – около 15 мм. Дно ковша закруглено, переход в рукоять плавный, внутри ручки имеется втулка диаметром 6 мм и длиной 25,5 мм. Длина рукояти 17–18 мм, сечение круглое, диаметр – 19 мм. Судя по невыразительным пятнам на внутренней поверхности чаши, структура которых не ясна, скорее всего, был в употреблении.

11. Обломок тигля (рис. 1, *2*). Найден в 2006 г. (раскоп IV, участок В, № по п/о 183; МИГМ, ОФ 32948/475). Сохранился фрагмент ковша, высота которого – 49 мм, толщина стенок – 7—11 мм. Дно ковша плоское, диаметр дна – около50—55 мм. На внешней поверхности и с внутренней части ковша у венчика наблюдаются следы остекловывания.

12. Тигель ложковидной формы (рис. 1, *1*). Найден в 2006 г. (раскоп IV, участок В, № по п/о 184; МИГМ, ОФ 32948/474). Сохранилась часть ковша и большая часть рукояти. Сечение трапециевидное. Край ручки утрачен. На верхней части рукояти прослеживаются два пальцевых вдавления. Высота ковша – около 49 мм. Толщина стенок ковша – 9 мм. Нижняя часть тигля плоская, дно ковша плавно переходит в рукоять. Диаметр дна – около 65 мм. Длина сохранившегося фрагмента – 125 мм.

13. Обломок тигля (плавильной чаши?) (рис. 3, *1*). Найден в 2006 г. (раскоп V, участок И, № по п/о 233; МИГМ, ОФ 32948/476). Сохранился обломок ковша, толщина стенок тигля – около 20 мм, диаметр ковша – около 160 мм. На внутренней поверхности ковша – следы остекловывания и медные окислы.

14. Обломок тигля (плавильной чаши?) (рис. 3, *2*). Найден в 2006 г. (раскоп V, участок И, № по п/о 248). Сохранился обломок ковша (восстанавливается полный профиль). Высота тигля – около 45 мм. Диаметр ковша – около 120 мм. Толщина стенок – около 15—16 мм. Дно плоское.

Приложение 2. Литейные формы

1. Створка глиняной формы (рис. 5, *5*) размером 29х33х19 мм. Найдена в 1998 г. (раскоп V, участок А, № по п/о 131; МИГМ, ОФ 31695/456). На одной из граней изделия расположена литниковая чаша, от которой отходят два канала, соединяющие ее с двумя негативами для отливки петель крепления. На противоположной грани формы находятся небольшой литник и несколько произвольно расположенных полусферических углублений.

2. Створка глиняной формы для отливки мелких нашивных трапециевидных бляшек (рис. 5, *1*) размером 38х57х12 мм. Найдена в 2000 г. (раскоп V, участок В, № по п/о 88; МИГМ, ОФ 32945/259). Углы створки отколоты. Форма имела две отдельные литниковые системы, выведенные на противоположные края. Одна из них предназначалась для отливки двух трапециевидных бляшек с круглой головкой и рубчиками по периметру. От второй литниковой системы сохранились часть литниковой чаши, шесть негативов петель крепления, расположенных в два ряда и предназначавшихся для от-

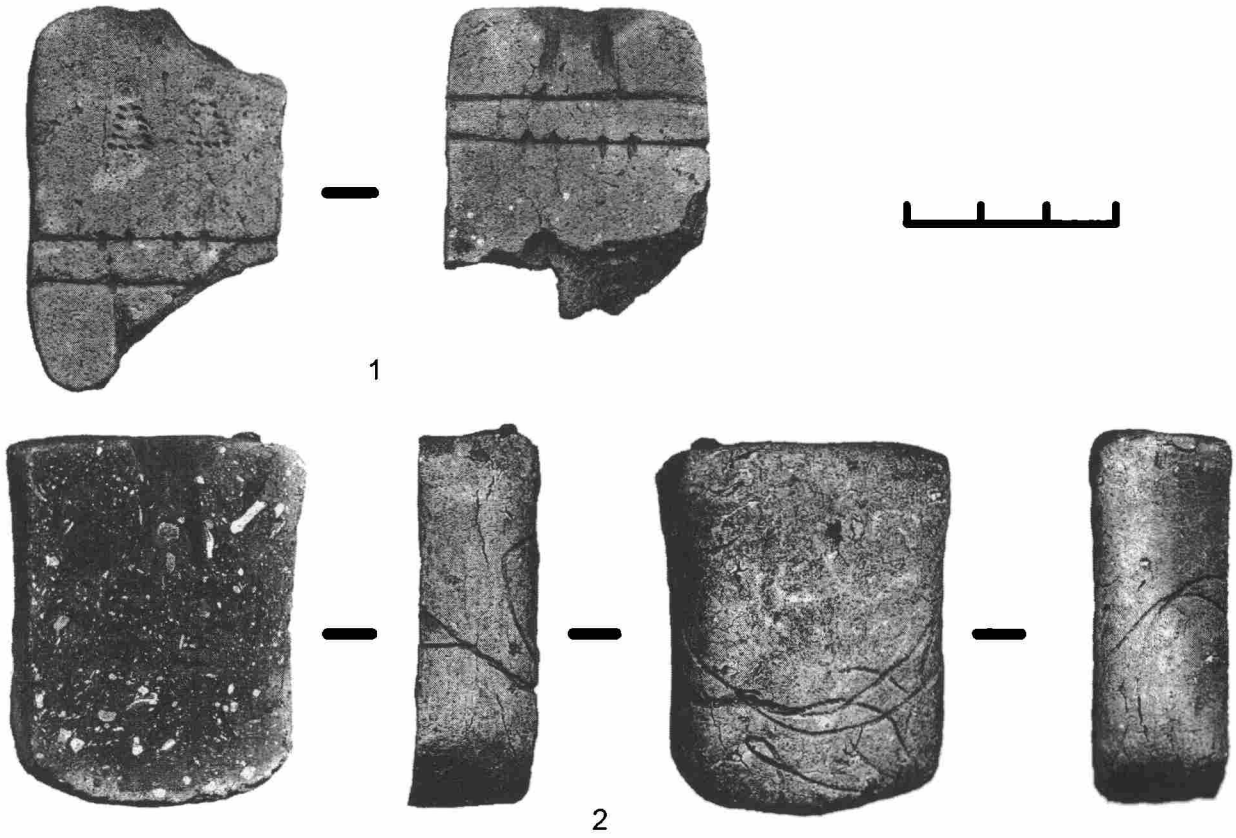


Рис. 7. Литейные формы из верхнего слоя Ростиславльского городища

ливки двух нашивных бляшек, один литниковый канал, подведенный к верхним негативам петель крепления и два канала для стержневых вставок. По всей видимости, данная литниковая система служила для отливки еще двух трапециевидных бляшек, аналогичных описанным выше.

3. Створка глиняной формы для отливки мелких нашивных украшений (рис. 5, *2*) размером 40x42x13 мм. Найдена в 2000 г. (раскоп V, участок В, № по п/о 89; МИГМ, ОФ 32945/260). Треть створки утрачена, на оставшейся части сохранились литниковая чаша, два литниковых канала, шесть негативов петель крепления, предназначавшихся для отливки двух бляшек, и два канала для стержневых вставок. У края скола прослеживается еле заметный кусочек негатива – рубчики. Как и в предыдущем случае, эта створка имела еще одну литниковую систему, выведенную на противоположный край формы. По всей видимости, створка составляла единое целое с предыдущей формой (кат. № 2).

4. Створка глиняной формы для отливки подвесок (?), украшенных ложной зернью (рис. 5, *8*), размером 43x57x20 мм. Найдена в 2002 г. (раскоп V, участок Д, № по п/о 233; МИГМ, ОФ 32946/350). Форма предназначалась для отливки двух подвесок с головками в виде колечек, к которым примыкали небольшие треугольные лопасти, составленные из шариков ложной зерни. На трех внешних гранях формы отпечатались следы веревки, концы которой были связаны в узелок.

5. Створка глиняной формы для отливки мелких нашивных украшений (рис. 5, *4*) размером 24x35x13 мм. Найдена в 2003 г. (раскоп V, участок Е, № по п/о 191; МИГМ, ОФ 32947/223). Утрачено больше половины изделия. Сохранились часть литниковой чаши с отходящим от нее каналом, два канала для стержневых вставок и три негатива для отливки петель крепления. Конструкция формы аналогична двум образцам, найденным в 2000 г. (см. кат. № 2, 3).

6. Створка глиняной литейной формы (рис. 5, *7*) размером 42x26x16 мм. Найдена в отвале грабительской ямы в 2004 г. (раскоп V, участок З, № по п/о 281; МИГМ, ОФ 32947/506). Большая часть створки утрачена. Сохранились фрагмент литниковой чаши и края отходящих от нее трех литниковых каналов.

7. Створка глиняной литейной формы (рис. 5, *6*) размером 25x44x12 мм. Найдена в отвале грабительской ямы в 2004 г. (раскоп V, участок З, № по п/о 282; МИГМ, ОФ 32947/507). Большая часть формы утрачена. Сохранилась часть литниковой чаши.

8. Створка глиняной литейной формы (рис. 5, *3*) размером 28x40x8 мм. Найдена в 2004 г. (рас-

коп V, участок Ж, № по п/о 174; МИГМ, ОФ 32947/505). На одной из граней створки расположена литниковая чаша, два негатива для отливки петель крепления и пропущенный через них канал для стержневой вставки. Литниковая чаша с негативами не соединена.

9. Обломок глиняной формы для отливки украшения по выплавляемой модели (рис. 4, *2*) размером 20х16 мм. Толщина – 6 мм. Найдена в 2004 г. (раскоп V, участок Ж, № по п/о 212; МИГМ, ОФ 32947/508). На внутренней поверхности формы сохранился отпечаток спирали, от которой отходили перпендикулярные перемычки. Модель для отливки украшения была сборной. Ее детали изготавливались из отрезков провощеной одинарной нити толщиной около миллиметра.

10. Обломок глиняной формы для отливки украшения по выплавляемой модели (рис. 4, *1*) размером 39х31 мм. Толщина 10—11 мм. Найдена в 2005 г. (раскоп V, участок Ж, № по п/о 234; МИГМ, ОФ 32948/195). На внутренней поверхности обломка сохранился отпечаток части ажурного украшения: две спирали, соединенные перпендикулярными перемычками, и волюты, пущенные по внешнему краю спирали большего диаметра. Выплавляемая модель была собрана из отрезков провощеной одинарной нити толщиной около миллиметра.

11. Обломок глиняной формы для отливки украшения по выплавляемой модели (рис. 4, *3*) размером 35х30 мм. Толщина 14 мм. Найден в 2007 г. (раскоп V, участок И, № по п/о 359). Сохранился край формы с отпечатком двойной перевитой нити толщиной около 1,5 мм.

Литература

Белоцерковская И.В., 1998. Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара.

Векслер А.Г., 1978. Позднедьяковские находки на Жуковском селище под Москвой // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Воронцов А.М., 2008. Хронология памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела // Тр. II (XVIII) Всерос. Археолог. съезда в Суздале. Т. II.

Гоняный М.И., Кренке Н.А., 1988. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры // СА. № 3.

Городцов В.А., 1901. Русская доисторическая керамика.

Дубынин А.Ф., 1970. Троицкое городище // МИА. № 156. М.

Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище / / Дьяковская культура. М.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., 1999. Тигли Гнездовского поселения // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.

Коваль В.Ю., 2001. Ростиславльское городище раннего железного века // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь.

Кренке Н.А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Дис. ... канд. ист. наук // Архив МИГМ. НВФ 15916/10.

Кренке Н.А., Румянцева О. С., 2008. Бусы Дьякова городища // РА. № 2.

Кренке Н.А., Тавлинцева Е.Ю., 2002. Литейные формы с Дьякова городища // РА. № 4.

Лебедева Е.Ю., 2005. Культурные растения Ростиславля: археоботанические материалы из дьяковского городища и древнерусского города // Археология и естественнонаучные методы. М.

Лопатина О.А., 2002. Технологическая характеристика глиняных литейных форм Дьякова городища // СА. № 4.

Магницкий О.Н., Пирайнен В.Ю., 1996. Художественное литье. СПб.

Медведь А.Н., 2007. Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль // АП. Вып. 3. М.

Мельниковская, 1965. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке.

Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н.э. // МИА. № 72. М.

Пряхин А.Д., 1996. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло древней Руси. М.

Саврасов А.С., 1996. Экспериментальное изучение технологии металлообрабатывающего производства // Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж.

Сапрыкина И.А., 2004 Производственный ювелирный комплекс дьяковской культуры на городище Настасьино // Археология Подмосковья. М.

Сапрыкина И.А., 2005. Литейные формы из раскопок Мутенковского городища // II Городцовские чтения. Тр. ГИМ. Вып. 145. М.

Сапрыкина И.А., 2006. Ювелирные украшения Дьяковской культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура. М.

Станкевич Я.В., 1960. К истории населения

Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н.э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тыс. н. э. М.; Л.

Сыроватко А.С., 2000. К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки // РА. № 4.

Тавлинцева Е.Ю., 2000. К вопросу о металлическом бисере в рязано-окских могильниках (по материалам Шокшинского могильника) // Тр. ГИМ. Вып. 122. М.

Фурасьев А.Г., 1996. Литейные формы из поселения Подол III в Тверской области // Синицына Г.В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб.

Шмидт Е.А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства.

Щеглова О.А., 2002. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на северо-западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.

Энговатова А.В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // Археология Подмосковья. М.

Bayley J., 1992. Metalworking Ceramics // Medieval Ceramics. 16. L.

Ye.Yu. Tavlintseva, O.A. Lopatina

Crucibles and moulds discovered at Rostislavl fortified settlement

Summary

Analysis of the crucibles and moulds discovered at the fortified settlement of Rostislavl allowed to identify two groups of items related to manufacturing non-ferrous metal castings. The first group comprises crucibles and moulds used for items made from copper alloys. These include spoon-shaped heavy-handled crucibles without sockets and fragments of moulds for lost-wax casting dated to the second half of the first millennium BC. Similar traditions for selecting the initial raw materials and for creating the clay paste (clay + milling waste) show that in the second half of the first millennium BC there was a stable tradition of producing pottery items connected with bronze foundries.

The second group is represented by finds tentatively related to the manufacturing of tin-lead alloy items. It comprises spoon-shaped crucibles with socket handles and two-piece clay moulds for casting small items. Those could have appeared in the first centuries AD and existed up to the end of the Early Medieval settlement at Rostislavl.

The crucibles and moulds from Rostislavl have numerous analogies among Oka and Moskva river antiquities, which shows that in the second half of the first millennium BC – the first half of the first millennium AD local jewellery was evolving within the framework of the traditions common for the Moskva-Oka basin.

Список сокращений

АЕ – Археографический Ежегодник
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли
АКР – Археологическая карта России
АМГ – Акты Московского государства
АН УССР – Академия Наук УССР
АО – Археологические открытия
АП — Археология Подмосковья
АСГЭ – Археологический сборник государственного Эрмитажа
АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в.
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
ВМУ – Вестник Московского университета
ВСМЗ — Объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГВИПМЗ – Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»
ГИЛМЗ – Государственный историко-литературный музей-заповедник им. А.С. Пушкина
ГИМ – Государственный исторический музей
ГРМ – Государственный Русский музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ЗРАО – Записки Русского археологического общества, СПб.
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия археологической комиссии
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИОЛЕАЭ – Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
КБМ – Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей
КГОКМ – Калужский государственный областной краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛО ИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАО – Московское археологическое общество
МАР – Материалы по археологии России
МАЭ – Московская археологическая экспедиция
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МГН – Московские городские наблюдения
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МИГМ – Музей истории города Москвы
МИРМ – Музей истории и реконструкции города Москвы
МИХМ – Муромский историко-художественный музей
МК – Московская керамика: новые данные по хронологии
МНО – Московское нумизматическое общество
НА – Научный архив
НА ІА НАНУ – Научный архив Института археологии НАНУ
НАНУ – Национальная Академии Наук Украины
НАЭ – Новгородская археологическая экспедиция
НВФ – Научно-вспомогательный фонд.
НГМЗ – Новгородский государственный музей-заповедник
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

НИЖ – Наука и жизнь
НПЛ – Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов
НС – Нумизматический сборник
НЭ – Нумизматика и этнография
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ
ОПИ ИА РАН – Отдел полевых исследований ИА РАН
ПАЭ – Подмосковная археологическая экспедиция ИА РАН
ПВЛ – Повесть временных лет
ПКМГ – Писцовые книги Московского государства
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПЭ – Подмосковная экспедиция ИА РАН
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РГБ – Российская государственная библиотека им. В.И. Ленина
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РИБ – Русский исторический сборник
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГГД – Собрание государственных грамот и договоров
СГИАПМЗ – Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник
СГЭ – Сборник государственного Эрмитажа
СИРИО – Сборник Императорского Русского исторического общества
СПГИХМЗ – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
СЭ – Советская энциклопедия
ТА – Татарская археология. Казань.
ТАС – Тверской археологический сборник
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея
ТМИГМ – Труды музея истории города Москвы
УГИАХМ – Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей
УГК ОИПИК – Управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры

Сведения об авторах

Бадеев Денис Юрьевич – Институт археологии РАН, г. Москва

Богомолов Виталий Владимирович – Центр по охране и использованию памятников истории и культуры Тульской области, г. Тула

Векслер Александр Григорьевич – Москомнаследие, г. Москва

Вишневский Владимир Игоревич – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад Московской обл.

Волков Иван Владимирович – Государственный Исторический музей, г. Москва

Высоцкий Александр Леонидович – Институт археологии РАН, г. Москва

Галкин Юрий Сергеевич – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Гольева Александра Амуриевна – Институт географии РАН, г. Москва

Гоняный Михаил Иванович – Государственный Исторический музей, г. Москва

Гравес Ирина Вадимовна – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Грибов Николай Николаевич – Нижегородский государственный университет

Гусаков Михаил Георгиевич – Институт археологии РАН, г. Москва

Ершов Иван Николаевич – Институт археологии РАН, г. Москва

Заидов Олег Ниязбегович – Центр по охране и использованию памятников истории и культуры Тульской области, г. Тула

Зайцева Ирина Евгеньевна – Институт археологии РАН, г. Москва

Захарова Елена Павловна – Институт археологии РАН, г. Москва

Коваль Владимир Юрьевич – Институт археологии РАН, г. Москва

Кренке Николай Александрович – Институт археологии РАН, г. Москва

Кутасов Павел Александрович – Музей истории Москвы, г. Москва

Лихтер Юлия Абрамовна – Москомнаследие, г. Москва

Лопатина Ольга Анатольевна – Институт археологии РАН, г. Москва

Медведь Александр Николаевич – Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Модестов Федор Эдуардович – Управление охраны памятников Смоленской области, г. Смоленск

Низовцев Вячеслав Алексеевич – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Осипов Дмитрий Олегович – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

Панченко Константин Иванович – Институт археологии РАН, г. Москва

Патрик Галина Константиновна – Институт археологии РАН, г. Москва

Персов Николай Евгеньевич – Тверской государственный объединенный музей

Сарачева Татьяна Григорьевна – Государственный Исторический музей, г. Москва

Смирнов Алексей Николаевич – Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина в с. Большие Вяземы, Одинцовский р-н Московской обл.

Солдатенкова Варвара Викторовна – Тверской государственный объединенный музей

Столярова Екатерина Карленовна – Российский государственный Гуманитарный университет, г. Москва

Сыроватко Александр Сергеевич – Археологическая служба города г. Коломны, Московская обл.

Сыроватко Наталья Алексеевна – Институт археологии РАН, г. Москва

Тавлинцева Екатерина Юрьевна – Музей истории Москвы, г. Москва

Хижняков Олег Игоревич – Институт археологии РАН, г. Москва

Чернов Сергей Заремович – Институт археологии РАН, г. Москва

Шебанин Геннадий Алексеевич – Центр по охране и использованию памятников истории и культуры Тульской области, г. Тула

Шеков Александр Владимирович – Тульский государственный университет

Шполянский Сергей Владимирович – Государственный Исторический музей, г. Москва

Щербаков Виталий Владимирович – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад Московской обл.

Энговатова Ася Викторовна – Институт археологии РАН, г. Москва